

Курт Фон Типпельскирх

История Второй мировой войны

Аннотация

Книга является одним из первых капитальных трудов по истории Второй мировой войны, в котором описываются события на всех театрах военных действий и на всех фронтах в период 1939-1945 гг. Основное внимание автор уделяет войне Германии с СССР, подробно разбирая важнейшие операции советских и германских войск. Дается также оценка деятельности видных государственных и военных руководителей противоборствующих сторон.

Как «История...» Лиддел Гарта – нечто вроде официальной британской версии истории Второй мировой войны, а американский взгляд на Вторую мировую мы находим у Ширера, так и «История...» Типпельскирха может считаться немецкой версией. Естественно, что все «национальные версии» не могут быть по определению объективными. Тем не менее труд Типпельскирха хорош и капитален. Наша версия истории – три конъюнктурные серии многотомников – насколько многословна, настолько же аморфна. Так что, российская «История Второй мировой войны» ждёт своего автора.

Кстати, сам Типпельскирх пишет: «в период подготовки к войне с Россией до начала 1941 г. я занимал пост обер-квартирмейстера IV (разведка) в генеральном штабе сухопутных сил. Я отвечал за оценку состояния противника и поддерживал, естественно, тесный контакт с ведущими военными руководителями».

Так что именно он и отвечает за недооценку военного потенциала Советского Союза и за то, что начальник Генштаба Гальдер познакомился с Т-34 и КВ уже в ходе войны с Россией, etc, etc, etc.

Курт фон Типпельскирх

История Второй мировой войны

{1} Так обозначены ссылки на примечания. Примечания в конце текста книги.

Генерал Типпельскирх и его книга

По истории Второй мировой войны опубликовано большое количество исследований. Но особый интерес вызывают книги, написанные наиболее видными генералами и офицерами вермахта. И это не просто любопытство к тому, как пишут о войне проигравшие. Германская военная мысль всегда привлекала к себе большое внимание. Теоретики военного дела Фридрих II, Клаузевиц, Мольтке, Шлифен, Людендорф, Гудериан, Гальдер, Манштейн и другие оказали влияние на развитие военной теории и практики во всем мире. Наиболее известные работы германских и других специалистов по военной истории позволяют российскому читателю ознакомиться с зарубежной военной наукой и существующими концепциями истории Второй мировой войны.

К сожалению, в нашей стране мало издавалось иностранной военной литературы, доступной широкому читателю. А ведь сразу после войны появились исследования, авторами которых стали крупные военачальники армии Третьего рейха. Некоторые из этих трудов все же были переведены и изданы незначительными тиражами в СССР, но затем подвергнуты острой критике, часто идеологизированной, но во многом обоснованной и справедливой, поскольку в них искажалась историческая правда.

Следует заметить, что в меньшей мере критике подверглась «История Второй мировой

войны», написанная в 1951 году Куртом фон Типпельскирхом. Генерал пехоты (звание генерала пехоты в армии третьего рейха соответствовало званию генерал-полковника советских вооруженных сил – Прим. ред.) в отставке Курт фон Типпельскирх (1891 – 1957) принадлежал к числу кадровых германских военных. Он поступил в кайзеровскую армию в 1910 году, затем в 1919 году перешел в рейхсвер. Начав в 1928 году службу в разведке в чине майора, через десять лет К. Типпельскирх был произведен в генералы и к началу Второй мировой войны был уже начальником разведывательного управления (обер-квартирмейстер IV) генерального штаба сухопутных сил. Он отвечал за оценку состояния противника и поддерживал тесный контакт с ведущими военными руководителями Германии. Успехи германской армии в Европе принесли К. Типпельскирху звание генерал-лейтенанта и Железный крест.

В январе 1942 года К. Типпельскирх был назначен на Восточный фронт командиром 30-й пехотной дивизии. Такое смещение с руководящей должности в генеральном штабе авторы некоторых публикаций о К. Типпельскирхе связывают с поражением немецких войск под Москвой и другими неудачами в кампании 1941 года. Стали очевидны просчеты германских генералов в оценке сил и возможностей Красной Армии. Однако дальнейшая успешная карьера К. Типпельскирха – назначение в сентябре 1942 года советником при командовании 8-й итальянской армии на Дону и присвоение ему в том же году звания генерала пехоты – позволяет сомневаться в его опале и предполагать, что возможно назначение К. Типпельскирха командиром дивизии было необходимой ступенью для продвижения по службе. Уже в декабре 1943 года он назначается командиром 12-го армейского корпуса в группе армий «Центр» на Восточном фронте, затем командующим 4-й армией. Летом 1944 года К. Типпельскирх покидает Восточный фронт и некоторое время командует 1-й армией в Лотарингии, затем 14-й – в Италии, 21-й – в Мекленбурге, а с апреля 1945 года – группой армий «Висла».

Книга К. Типпельскирха «История второй мировой войны» написана на основании личного опыта и материалов, предоставленных ему рядом бывших генералов и офицеров армии третьего рейха. Автор также использовал многочисленные зарубежные источники. Все это позволило дать подробное и последовательное хронологическое описание важнейших этапов борьбы. В книге рассматриваются все проблемы Второй мировой войны, связанные с военным руководством, вооружением, войной в воздухе и на море, материально-техническим обеспечением, дается также описание важнеших операций в Европе, Африке, Азии, на Тихом океане и Средиземном море.

Очень интересна оценка К. Типпельскирха вооруженных сил Германии, ее союзников и противников. Так, характеризуя немецкие сухопутные войска накануне войны, он указывает, что они были лучше организованы, вооружены и обучены, чем сухопутные войска других стран. К. Типпельскирх замечает: сухопутная армия Германии извлекла из Первой мировой войны совершенно иные уроки, нежели ее бывшие противники. Она придавала большое значение подвижным действиям, для осуществления которых должны были служить самолет и танк.

Говоря о Красной Армии, К. Типпельскирх сообщает, что русские принципы ведения войны теоретически соответствовали германским. Но все зависело от того, как командование и войска использовали эти принципы на практике. «Отборные командные кадры русских пали жертвой широкой политической чистки в 1937 г. – пишет автор. – Русско-финская война вскрыла недостаточную тактическую подготовку среднего и младшего командного звена». Немцы полагали, что они значительно превосходили русских качеством командного состава.

Вопреки выводам многих современных авторов публикаций о том, что СССР готовился к нападению на Германию, бывший начальник разведуправления генерального штаба германских сухопутных сил утверждает: «То, что Советский Союз в скором будущем будет сам стремиться к вооруженному конфликту с Германией, представлялось в высшей степени невероятным по политическим и военным соображениям; однако вполне обоснованным могло быть опасение, что впоследствии, при более благоприятных условиях Советский Союз может стать весьма неудобным и даже опасным соседом. Пока же у Советского Союза не было причин отказываться от политики, которая до сих пор позволяла ему почти без применения силы добиваться замечательных успехов».

В главе «Предыстория и начало войны» К. Типпельскирх значительное внимание уделяет

советско-германскому пакту 1939 года. Автор пишет, что если Франция и Англия нуждались в то время в активной помощи со стороны СССР, то для Гитлера было достаточно, «если Советский Союз останется нейтральным. Он мог даже предложить Советскому Союзу за такую позицию существенное вознаграждение: предоставить ему часть Польши и не проявлять интереса к граничившим с Советским Союзом мелким восточно-европейским государствам. Поэтому неудивительно, что переговоры западных держав, в ходе которых в августе стали обсуждаться военные вопросы, успеха не имели, и еще до их окончания Германия и Советский Союз 23 августа подписали в Москве пакт о ненападении». Эта версия в определенной мере проливает свет на скоротечность заключения договора, о котором так много дискуссий в последние годы.

В своей книге К. Типпельскирх широко освещает военную подготовку Германии к нападению на СССР: проработка на военной игре первого этапа войны, составление подробных инструкций, создание всевозможных политических и экономических учреждений и организаций, которые должны быть развернуты на захваченной территории. Оценивая план «Барбаросса», автор замечает, что он «дышит оптимизмом, который следует объяснять впечатлением от побед над Польшей и Францией». Германские генералы считали, что «русские войска не смогут отразить внезапных ударов армии, оснащенной современной техникой и превосходящей их по качеству командного состава», а также, что «после крупных военных неудач советское государство рассыплется». Но ожидания не оправдались. «Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали – пишет К. Типпельскирх. – Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось».

Война Германии с Советским Союзом занимает в книге важное место. Описывая основные операции на Восточном фронте, К. Типпельскирх с позиции немецкого генерала называет причины неудачного похода гитлеровской армии на Советский Союз. Летом и осенью 1941 года, несмотря на все усилия, немцам не удалось сломить сопротивления советских войск и «победить Советский Союз путем быстрой военной операции». Автор, высоко оценивавший сухопутную германскую армию 1939 года, характеризует ее осенью 1941 года как «не подготовленную морально и материально к ведению войны в зимних условиях» и признает, что контрнаступление советских войск зимой 1941 – 1942 гг. поколебало фронт на значительном протяжении и едва не привело к непоправимой катастрофе немецкую армию.

К. Типпельскирх показывает, почему немецкие войска потерпели поражение под Сталинградом. Говоря об этом сражении на Волге, он вынужден признать: «Хотя в рамках войны в целом событиям в Северной Африке отводят более видное место, чем Сталинградской битве, однако катастрофа под Сталинградом сильнее потрясла немецкую армию и немецкий народ, потому что она оказалась для них более чувствительной. Там произошло нечто непостижимое, не пережитое с 1806 г. – гибель окруженной противником армии».

1943 год, утверждает К. Типпельскирх, принес окончательную потерю инициатив в войне на Востоке. Причины поражения Германии он видит прежде всего в ошибках Гитлера, из которого «льстивая» пропаганда сделала «величайшего полководца всех времен». К. Типпельскирх, характеризуя видных деятелей противоборствующих сторон во Второй мировой войне, подробно останавливается на отношениях между различными политическими и военными руководителями Германии.

Параллельно событиям на главном для Второй мировой войны советско-германском фронте автор освещает операции союзников в Северной Африке и в районе Средиземного моря. Важное место в монографии К. Типпельскирха занимает война в зоне Тихого океана и в Восточной Азии. Автор показал разгром американского флота японцами в Пирл-Харборе и другие операции воздушно-морской войны 1939 – 1945 годов. Особое внимание он уделяет анализу высадки десанта в Северной Африке, Сицилии, Южной Италии. Очень подробно автор описывает высадку в Нормандии и последующие боевые действия войск союзников в Европе.

Книга К. Типпельскирха содержит обширные сведения и разнообразный документальный материал, ряд объективных оценок противника и рассуждения по поводу важнейших военно-политических событий 1939 – 1945 годов. Все это представляет значительный интерес для изучения истории Второй мировой войны.

Полковник запаса *Н. Волковский*

доцент Санкт-Петербургского государственного университета

От автора

Когда в начале 1950 г. издательство{1} предложило мне дать описание событий Второй мировой войны на всех фронтах, понятное не только для военных специалистов, но для всякого интересующегося этими вопросами, я хорошо представлял себе все трудности, связанные с осуществлением такого замысла. Правда, на Западе уже были заслуживающие внимания книги военного и политического характера, большей частью отчеты видных руководящих лиц. Кроме того, вышли в свет работы, авторы которых использовали различные немецкие источники и показания руководителей германского государства и германских вооруженных сил. Материалы Нюрнбергского процесса содержали ценные оригиналы приказов первых лет войны и много других документов. Постепенно события Второй мировой войны начали освещаться и в немецкой военной литературе. После целого потока отчетов, опубликованных в форме очерков в многочисленных немецких иллюстрированных журналах, которые как источники можно почти исключить, появились, наконец, объективные описания отдельных периодов войны. Казалось, пришло время изложить ход военных действий на всех театрах с немецкой точки зрения. Во всяком случае, было необходимо заполнить кое-как многочисленные пробелы, имеющиеся в источниках. Прежде всего это касалось кампании в России, поскольку не было опубликованных русскими работ по этому вопросу, которыми можно было бы воспользоваться. Кроме того, некоторые события, происшедшие на других театрах военных действий, требовали отдельного освещения вследствие своего особого драматического характера.

Благодаря дружескому участию многих моих товарищей мне удалось заполнить имеющийся пробел в источниках в той мере, в какой вообще можно нести ответственность за целое описание всего хода войны. Я должен принести благодарность за предоставление мне всевозможных записей и карт, а также за различные справки о действиях бывшей сухопутной армии Германии генерал-полковнику Фитингофу, генералам фон Мантейфелю, Бранденбергеру, Фреттер-Пико, фон Грейфенбергу, Вестфалю, фон Меллентину, Энгелю, Хаузеру и Детлефсену, подполковникам Мюллер-Ланкову и Лемму, майорам Брейтхаупту, Зауэрбруху и Брокельману; о действиях военно-воздушных сил – генералам фон Зейделю и Треттнеру, полковнику Эшенауэру и подполковнику Шлихтингу; о действиях отрядов СС – обергруппенфюреру Штейнеру. Кроме того, я выражаю признательность генерал-полковнику Цейтцлеру за ценные замечания, сделанные при просмотре той части рукописи, которая охватывает период его пребывания на посту начальника Генерального штаба сухопутных сил. За советы относительно описаний действий авиации я благодарю генерала Коллера. Со стороны представителей военно-морского флота мне также была оказана поддержка, заслуживающая благодарности.

Во многом помогли мне зарубежные друзья. Я должен здесь искренне поблагодарить английского военного историка Лиддел Гарта за большой интерес к моей работе и постоянную пересылку мне своих трудов, написанных за последние годы. Я сердечно признателен также военной библиотеке в Базеле за выдачу некоторых еще не имеющихся на немецком книжном рынке книг иностранных, особенно итальянских авторов, а также господину доктору Маркусу Вердери (Базель) за его быструю помощь в приобретении швейцарских книг, вышедших частично еще во время войны, и другой иностранной литературы.

Господин профессор доктор Гакенхольц (Люнебург), который в течение нескольких лет вел журнал боевых действий группы армий «Центр», помог мне многими ценными предложениями и указаниями.

На основании изучения доступных немецких и иностранных источников и при поддержке лиц, указанных выше, я полагаю, что дал в основных чертах правильное описание событий, происходивших на огромных театрах военных действий. Тот недостаток, что в зависимости от имеющихся источников одни события излагаются более подробно, чем другие, то есть дано не совсем равномерное описание всех периодов войны, является неизбежным в силу существующего положения вещей. К тому же различный масштаб военных действий на разных

театрах приводит к тому, что иногда приходится описывать боевые действия дивизий, в то время как в целом описание должно ограничиваться по замыслу разбором операций в масштабе армии.

Хотя настоящая книга носит преимущественно описательный характер, я все же считаю нужным давать оценку отдельным деятелям – участникам великих событий, а также спорным вопросам ведения войны Германией, ее союзниками и противниками. Огромное влияние, которое оказали государственные деятели обеих сторон на ход войны, мне кажется, уже достаточно хорошо известно, так что попытка критически оценить их действия не является слишком смелой. Натянутые отношения между различными германскими политическими и военными руководителями, имевшие столь губительные последствия, волнуют умы внутри Германии и за ее пределами в такой степени, что я должен внести свою долю в выяснение событий и в оценку действующих лиц.

Наконец, читатель захочет, вероятно, узнать, что дает мне право надеяться на успешное выполнение взятой на себя задачи. Многолетняя деятельность в Генеральном штабе сухопутных сил преимущественно по изучению иностранных армий дала мне основы для оценки военно-политических явлений. Во время войны с Польшей и Францией, а также в период подготовки к войне с Россией до начала 1941 г. я занимал пост обер-квартирмейстера IV{2} в генеральном штабе сухопутных сил.

Я отвечал за оценку состояния противника и поддерживал, естественно, тесный контакт с ведущими военными руководителями. В Русской кампании я в течение года командовал 30-й пехотной дивизией, в последнее время – в демянском котле. Затем я был «немецким генералом» при итальянской 8-й армии на Дону и видел, как назревала катастрофа под Сталинградом, а также пережил поражения армий стран-союзниц Германии на Дону. В 1943 и 1944 гг. я находился в группе «Центр» на Восточном фронте, командуя вначале 12-м армейским корпусом, а летом 1944 г. во время разгрома этой группы армий – 4-й армией, до тех пор, пока не попал в авиационную катастрофу. После выздоровления некоторое время командовал армией в Лотарингии, а затем несколько месяцев – в Италии. Конец войны я встретил в Мекленбурге в должности командующего армией.

С точки зрения истории в моей книге, возможно, не все безупречно, и я прошу снисхождения у моих читателей – участников войны и очевидцев многих событий, если они найдут ошибки и недостатки в данной работе. Всякую поправку я приму с благодарностью.

За изготовление многочисленных карт и схем, прилагаемых к книге, я выражаю горячую признательность господину майору в отставке дипломированному инженеру Матерне (Люнебург).

Курт фон Типпельскирх, генерал пехоты в отставке
Люнебург. Июль 1951 г.

* * *

Ободренный теплым приемом, который встретила моя книга у читателей-специалистов, и положительной оценкой в многочисленных рецензиях, я охотно иду навстречу пожеланию издательства сделать книгу доступной широкому кругу читателей, выпустив ее более дешевым изданием. За исключением отдельных исправлений, касающихся главным образом ошибочных дат, текст остался без изменений.

Все еще непрекращающийся поток различных печатных работ о Второй мировой войне, выходящих в Германии и за границей, заставляет пока отложить переработку книги, которая нуждается только в отдельных уточнениях.

Курт фон Типпельскирх, генерал пехоты в отставке
Люнебург, июль 1954 г.

...

{1} Здесь и в дальнейшем имеется в виду боннское издательство «Атенеум». – Прим. ред.

{2} Ведал вопросами разведки. – Прим. ред.

Глава I. Предыстория и начало войны

1. Навстречу войне

Осенью 1938 г. немецкий народ, несомненно, с удовлетворением встретил мирное разрешение судетской проблемы на совещании в Мюнхене. Чемберлен, проезжавший после окончания совещания по улицам города, видел повсюду ликующих, охваченных восторгом людей. Немецкий народ не хотел войны. У него было только одно пламенное желание – жить в мире со всеми европейскими народами, но в то же время быть сильным и пользоваться уважением. Невидимому, осуществление такого желания, как это вновь подтвердил Мюнхен, обеспечивалось политикой Гитлера. Доверие к нему бесконечно возрастало, потому что он не только без всякого кровопролития устранил последствия Версальского договора, больше всего угнетавшие национальное сознание немецкого народа, но и постоянно укреплял мощь и величие германской империи. Лишь немногие сомневались в честности этой политики, и еще меньше было число тех, кто не дал себя ослепить внешними успехами и социальным подъемом и разгадал демоническую сущность Гитлера. Эта горстка людей в условиях тоталитарного режима была лишена всякой возможности открыто выражать свои мысли и опасения. То, что тогда понимали лишь немногие, сегодня знают все. Мирное объединение всех крупных и мелких групп немецкого населения, живущего по ту сторону государственных границ Германии, в единое «Великое германское государство» не было истинной целью гитлеровской политики. Слова «Великая Германия» для него означали только вывеску, искусное использование той европейской политики начала XX столетия в национальном вопросе, которая проявилась в отторжении от Германии ряда областей после первой мировой войны. Из этой политики Гитлер и черпал свои аргументы, твердо веря в то, что лишь они найдут вполне понятный отклик в сердце немецкого народа. Вместе с тем он хорошо понимал, что даже идейные вдохновители европейского порядка 1919 г. и его исполнители не были рады своему творению и единственное средство для устранения возникшей напряженности видели в незначительных исправлениях границ.

Но если государственные деятели Запада и немецкий народ расценивали решения Мюнхенского совещания как важный шаг, направленный на ослабление этой напряженности и даже ее окончательное устранение, то Гитлер еще до Мюнхена мечтал совершенно о другом. Он предпочел бы этому совещанию войну с Чехословакией, чтобы показать всему миру сокрушительную силу созданного под его руководством нового германского вермахта. По его мнению, пришло время продемонстрировать перед западными державами военную мощь Германии, чтобы заставить их бояться разногласий с Германией, которые в противном случае он считал неизбежными. При сложности характера Гитлера, его хитрости, дьявольском искусстве скрывать свои истинные мысли, внушать себе и другим идеи, в которые он сам, быть может, не верил, не легко отделить в его бесчисленных высказываниях то, в чем он был действительно убежден, от того, что он говорил, преследуя какую-нибудь определенную цель. Действительно ли он верил в неизбежный конфликт с Западом даже в том случае, если Германия будет проводить осторожную внешнюю политику и не станет ущемлять до крайности интересы других держав, или это предположение служило ему только предлогом для того, чтобы оправдать свою политику перед собой и другими? Был ли он глубоко убежден в том, что выполняет свою миссию в интересах немецкого народа или она была для него только риторической фразой, прикрывающей безграничное стремление к власти, которое рано или поздно должно было вызвать сопротивление всего мира?

Несомненно, что Гитлер уже в 1938 г. решил при первой представившейся возможности «испытать военную мощь», и с тех пор это стало целью его политики. В области внутренней политики для достижения такой цели требовалось идеологически обработать немецкий народ и убедить его, что политика Гитлера служит лишь дальнейшему исправлению Версальского договора и объединению всех немцев в единое государство; подобное убеждение необходимо было постоянно усиливать. В области внешней политики Гитлер стремился создать такую политическую обстановку, которая позволила бы ему нанести новый удар, на этот раз военного

характера, без риска вызвать ответное выступление превосходящих сил коалиции противника.

Предпринятый в марте 1939 г. захват Чехословакии, конечно, дал пищу антигерманской пропаганде и был крайне опасным с точки зрения внешней политики. Гитлер сам нарушил постоянно выдвигаемый им тезис об объединении всех немцев в одно великое государство. Но с военной точки зрения он считал уничтожение того, что осталось от чехословацкого государства, необходимой предпосылкой для осуществления своих дальнейших планов. Поскольку державы, подписавшие Мюнхенское соглашение, не выступили против этого односторонне предпринятого действия, немецкий народ увидел в нем только новое подтверждение целеустремленной политики Гитлера, которая устранила фактор напряженности в Европе. Самому Гитлеру было ясно, что о повторении этого метода по отношению к его следующему противнику, Польше, не приходилось и думать – это, безусловно, привело бы к войне. Следовательно, Польшу нужно было изолировать, по мере возможности, политически, и во всяком случае в военном отношении. Несмотря на существующий франко-польский союз и на гарантии, которые Англия дала Польше в конце марта под первым впечатлением захвата Чехословакии, Гитлер надеялся, что ему удастся ограничиться военным конфликтом с одной только Польшей. Если бы ему удалось убедить западные державы в том, что всякая военная помощь Польше придет слишком поздно, они, как считал Гитлер по опыту последних лет, могли бы все же уступить в последний момент и допустить политически искусно подготовленный военный конфликт с Польшей. Гитлер полагал, что западные державы не пойдут на развязывание затяжной мировой войны с сомнительным исходом только с целью отменить то, что произойдет в течение нескольких недель, станет уже совершившимся фактом и, по существу, больше не будет встречать их протеста.

Решающее значение для военной изоляции Польши имела позиция Советского Союза в таком конфликте. Поэтому, не сближаясь с Советским Союзом политически, Гитлер постарался переменить тон по отношению к нему. Руководители в Кремле были слишком опытными политиками, чтобы не понять, что напряженная обстановка в Европе крайне обострилась и вполне может привести к вооруженному конфликту. Русские должны были также хорошо понимать решающее значение их позиции для дальнейшего развития событий. Они решили нарушить свою прежнюю сдержанность и первые стали зондировать почву в Берлине, что позволило вскоре сделать вывод об их стремлении к политическому взаимопониманию с Германией. Если Гитлер принял эти попытки очень осторожно, то западные державы в конце марта начали переговоры с Советским Союзом. Они сознавали, что их военные гарантии Польше без военной помощи Советского Союза не имели прочной основы, и стремились поставить Гитлера перед мощной коалицией противников, силы которой превосходили бы силы Германии. В июне они отправили дипломатическую миссию в Москву, которая в лице русских встретила очень упорного участника переговоров. Русские не были склонны ставить себя в зависимость от политики западных держав и дать им втянуть себя в войну. Они понимали, что им, возможно, пришлось бы нести главную тяжесть борьбы против Германии, которую они в военном отношении оценивали очень высоко. С другой стороны, западные державы нашли у Польши, для которой русская помощь все-таки была важной, сильные сомнения в русских гарантиях. Поляки опасались, и вполне справедливо, того, что русские, если они только вступят в их страну как «союзники», никогда уже оттуда не уйдут. В то время как переговоры англо-французских представителей в Москве затягивались, а споры по поводу возникающих противоречий и трудностей их только усложняли, русские успешно вели свои переговоры с Берлином.

Гитлер вначале подозревал, что Советский Союз угрозой русско-германского соглашения хотел только укрепить свои позиции против западных держав. Лишь в конце июля Гитлер дал указание имперскому министру иностранных дел ускорить переговоры, так как это подозрение не подтвердилось и стало ясно, что русских, по-видимому, больше устраивает соглашение с Германией, чем союз с западными державами. Кроме того, у Гитлера оставалось очень мало времени, поскольку он хотел иметь ясную политическую обстановку до начала конфликта с Польшей, срок которого был им твердо установлен. Он должен был предложить русским значительно больше, чем западные державы. Последние нуждались в активной помощи со стороны Советского Союза; для Гитлера было достаточно, если Советский Союз останется

нейтральным. Он мог даже предложить Советскому Союзу за такую позицию существенное вознаграждение: предоставить ему часть Польши и не проявлять интереса к граничащим с Советским Союзом мелким восточно-европейским государствам. Поэтому было неудивительно, что переговоры западных держав с Советским Союзом, в ходе которых в августе стали обсуждаться военные вопросы, успеха не имели, и еще до их окончания Германия и Советский Союз 23 августа подписали в Москве пакт о ненападении. Сталин должен был отчетливо понимать значение этого пакта. Он означал – в случае, если Англия, как можно было ожидать, изменит Польшу, – войну в Европе, если не мировую войну. Но пока война шла мимо Советского Союза, а он не считал своим долгом становиться ей на пути. Стоя в стороне от войны, он мог, возможно, даже без применения силы разбить цепь ориентирующихся на Запад мелких государств, которую западные державы создали в 1919 г. против Советского Союза, а также мог значительно расширить свое западное предполье. Кроме того, всякий вооруженный конфликт между великими европейскими державами должен был привести к их ослаблению. Положение могло стать опасным только в том случае, если бы одна из воюющих сторон добилась быстрой победы, но этого вряд ли следовало ожидать.

Заключением московского пакта Гитлер надеялся создать предпосылки для военной и политической локализации конфликта с Польшей. Западные державы находились теперь в стесненном положении. Гитлеру удалось, не встречая препятствий со стороны западных держав, которые в 1933 – 1938 гг. еще значительно превосходили Германию, поднять военную и политическую мощь Германии до такой степени, что теперь война стала для них очень большим риском. Они упустили момент, когда еще могли держать германскую политику в приемлемых для себя границах. Несмотря на это, Англия решилась на новый акт насилия, совершенный Гитлером, ответить насилием. Гарантиям, данным Польшу в апреле, она придала 25 августа форму военного союза в надежде этим недвусмысленным актом удержать Гитлера от односторонних действий при разрешении вопроса о немецких претензиях к Польше. Когда Муссолини в тот же день сообщил о том, что Италия не в состоянии участвовать в войне, которая, по его мнению, не может ограничиться конфликтом с одной только Польшей, Гитлер отменил наступление, уже назначенное на следующее утро. Отказ Муссолини не был, конечно, главной причиной такого решения Гитлера, хотя он повлек за собой большие неудобства, так как теперь выпало средство политического нажима на западные державы. Гитлер хотел еще раз дать им время продумать свои решения, причем он надеялся, что нежелание французов вести войну окажет решающее влияние на позицию Англии. Дальнейшие переговоры с Англией и Польшей он поручил вести Риббентропу в такой форме и с такой поспешностью, чтобы они неизбежно были обречены на провал, если поляки не сделают совершенно невероятных уступок. 31 августа он констатировал провал переговоров и решил прибегнуть к открытой силе. «Теперь, когда исчерпаны все политические возможности разрешения мирным путём положения на восточной границе, которое стало невыносимым для Германии, я решил добиться этого силой», – гласил 1-й пункт директивы № 1 о ведении войны, на основании которой 1 сентября 1939 г. в 4 часа 45 мин. начались военные действия против Польши.

Несмотря на этот акт, у него по-прежнему была если не уверенность, то надежда на то, что Англия, а следовательно, и Франция, видя безнадежное положение Польши, не станут вступать в войну. Во всяком случае, созыва новой конференции Гитлер не хотел ни при каких обстоятельствах. Со свойственной ему непоколебимой решимостью он стремился к тому, чтобы удержать от вступления в войну своих западных противников. Уже из-за этой позиции Гитлера должна была провалиться попытка, сделанная Италией и положительно встреченная Францией, все же созвать конференцию. Но эта попытка не могла иметь успеха еще и потому, что Англия пресекла всякую возможность переговоров переданным 3 сентября, ультиматумом, в котором она объявила, что с 11 час. будет находиться в состоянии войны с Германией, если до этого момента не получит от нее удовлетворительные заверения в прекращении всех наступательных операций против Польши и отводе немецких войск из этой страны. Очевидцы сообщают, что когда Гитлеру перевели ультиматум английского правительства, он точно окаменел – он понял, что ошибался относительно возможной реакции англичан и действовал слишком неосторожно. Как запоздалое эхо, последовал соответствующий ультиматум французов, срок которого истекал в 17 часов.

Вторая мировая война в Европе началась.

Ни один народ, даже немецкий, не испытывал ничего похожего на то воодушевление, которое в 1914 г. охватило все народы Европы. Всего лишь двадцать лет прошло со времени первой катастрофы в Европе, и еще никто не забыл перенесенных страданий и огромных жертв. Все приняли войну как удар судьбы. Даже объявление войны западными державами не смогло поколебать в немецком народе веру в Гитлера: он был слишком сильно одурманен лживой пропагандой, чтобы быть в состоянии трезво оценивать происходящее. Немецкий солдат независимо от чина чувствовал свой долг перед отечеством и стремился выполнить его во чтобы то ни стало.

Напрашивается вопрос: не мог ли какой-нибудь государственный деятель, используя все свое влияние, предотвратить надвигающуюся катастрофу? То, что Гитлер хотел войны, хотя бы локальной, является документально подтвержденным фактом. Но он бы не добился так легко этой цели, если бы не нашел необходимых союзников и противников в лице Советского Союза» Англии и Польши. Решающее значение имела позиция Советского Союза. Когда Гитлер заручился его согласием, у него появилась уверенность в том, что он выиграет войну против западных держав. Позиция Советского Союза была также убедительнейшим аргументом, который позволил Гитлеру рассеять сомнения своих военных советников. Последние считали, что трудно предвидеть, какой размах примут военные действия, если они выйдут за рамки локального конфликта, и поэтому на такое расширение войны пойти нельзя.

Англии было известно, что в Германии имелись влиятельные силы оппозиции, однако англичане мало сделали, чтобы поддержать их своей политикой. Для этого требовалось бы в первую очередь склонить Польшу к разумному разрешению созданной Версальским договором острой проблемы Данцигского коридора и Данцига, который был отделен от германского государства. Вместо этого своими гарантиями, данными Польше в апреле 1939 г., она фактически предоставила ей карт-бланш. Английский военный историк Лиддел Гарт дал весьма интересное объяснение причин такой опрометчивой политики англичан. В вышедшей в 1944 г. работе «Почему мы не извлекаем уроков из истории?» он говорит, что события в марте 1939 г. в Англии нанесли тяжелый удар тем, кто так радовался мирному разрешению чешской проблемы в Мюнхене, и серьезно повлияли на их политические воззрения. Это особенно относится к Чемберлену. В результате эти люди стали жертвой вспыхнувшего в них возмущения и желания сражаться – «той жажды брани, – говорит Лиддел Гарт, – которая, как можно проследить на различных исторических примерах, спит в нас и становится мощной движущей силой, когда ее разбудят». Именно этим следует прежде всего объяснить политику, проводившуюся англичанами с весны 1939 г. Но как раз полякам, которые «всегда были крайне несговорчивым народом, когда дело шло о разумном урегулировании спорных вопросов путем переговоров», английское правительство, по его мнению, не должно было давать неоценимые военные гарантии, прежде чем не будет обеспечено участие в них русских. Получилось же так, что Польша положила на Англию, заранее отказалась от всякой русской помощи и отважилась на войну. Черчилль в своих мемуарах пишет примерно то же самое. Он замечает по поводу английских гарантий Польше: «Теперь; наконец, обе западные демократические страны заявили о своей готовности решительно сражаться за сохранение территориальной целостности Польши. Напрасно искать в истории что-либо похожее на это неожиданное и резкое изменение политического курса, когда на протяжении пяти или шести лет стремились к осторожному и миролюбивому разрешению конфликтов, а затем почти за одну ночь решили принять участие в надвигающейся огромной войне при самых неблагоприятных обстоятельствах».

Англичане преждевременно заняли определенную позицию и тем самым лишили себя свободы дипломатических действий. Действуя более обдуманно, они и в польском вопросе заставили бы Гитлера пойти на переговоры или, если бы это не удалось, могли бы своей политикой вызвать рост недовольства позицией Гитлера внутри Германии, что отмечалось уже во время чешского кризиса и позднее. Теперь же англичанам оставалось только осуществить свою угрозу, в которую Гитлер не верил.

Франция и Италия не намного отличались от статистов, идущих за своими более сильными и волевыми партнерами. Французы не хотели войны, можно было бы сказать, что они любой ценой старались ее избежать. Но в результате английской политики Франция

оказалась в таком положении, из которого она не видела выхода, не поставив на карту свой престиж великой державы и всякое политическое сотрудничество с Англией в дальнейшем.

На предостережения Муссолини, сделанные в начале лета, не обратили внимания: бывший его ученик Гитлер давно уже перерос своего учителя. Так возникла война, которой никто не хотел, даже Гитлер, в той форме, какую она приняла и в которой могла быть действительно заинтересована только одна держава – Советский Союз.

2. Германские вооруженные силы в 1939 г.

Сухопутные войска

Датой возникновения новой германской сухопутной армии считается 16 марта 1935 г., когда Гитлер объявил о введении всеобщей воинской повинности и определил численность армии примерно в 36 дивизий. Но фактически комплектование личного состава и техническое оснащение войск началось уже осенью 1933 г., а весной 1934 г. стало более интенсивным. Таким образом, сухопутные силы создавались в течение шести лет, то есть с 1933 по 1939 г.

Ядром сухопутных сил была сухопутная армия рейхсвера. Несмотря на ограничения Версальского договора, она отличалась исключительно высокими качествами своего личного состава, а в области обучения и специальной подготовки войск значительно превосходила своих бывших противников.

За короткое время из 7 пехотных и 3 кавалерийских дивизий, к которым с 1938 г. еще прибавились 6 австрийских бригад значительно меньшей численности, к осени 1939 г. возникли 39 пехотных, 3 горнострелковых, 5 танковых, 4 легкие и 1 кавалерийская дивизия, то есть в общей сложности 52 соединения, причем эти данные являются далеко не полными.

Многочисленные «учебные подразделения» составляли кадры создаваемых при мобилизации формирований.

Тяжелую артиллерию и танковое оружие приходилось создавать заново. Численность войск связи, инженерных и других специальных войск нужно было увеличивать в гораздо большей степени, чем количество общевойсковых соединений.

Вооружение бывшей сухопутной армии рейхсвера, даже винтовки, уже настолько устарело, что кадровые дивизии с современной точки зрения стали совершенно небооруженными.

На случай войны планировалось формирование еще 46 дивизий. Но комплектование их личным составом представляло большие трудности. Приходилось обращаться к младшим возрастам времен первой мировой войны, так как контингент 1901 – 1914 гг. рождения не проходил с 1919 г. никакой военной подготовки и теперь она только начиналась. Для оснащения этих войск было использовано ненужное кадровым частям устаревшее вооружение, а также австрийское оружие и техника расформированной чехословацкой армии, но и этого очень пестрого вооружения едва хватало.

Следовательно, сухопутные силы, вступившие в войну в 1939 г., имели значительные недостатки и, конечно, не были к ней готовы в строгом смысле этого слова.

Однако у них были и свои положительные качества, все значение которых обнаружилось полностью лишь во время войны. Немецкие сухопутные войска в целом имели лучшую организацию и были лучше вооружены и обучены, чем сухопутные войска всех их противников. Лучшая организация и вооружение явились результатом проведения исключительных мероприятий с целью создания сухопутных сил на совершенно новой основе. Кадровые дивизии уже в мирное время почти достигали численности, предусмотренной для военного времени, и были вооружены более современным и разнообразным оружием, чем армии противников. Приступив к формированию танковых и легких дивизий, немецкая армия встала на новый путь, по которому, однако, другие армии за ней или вовсе не пошли, или последовали очень нерешительно. Боевая подготовка в сухопутных войсках была построена на принципах, получивших свое развитие еще во времена рейхсвера. В соответствии с характером профессиональной армии с продолжительным сроком службы она стояла на необычайно

высоком уровне. Эти же принципы обучения войска были почти механически перенесены на значительно более многочисленную сухопутную армию с непродолжительным сроком службы. В результате был достигнут значительно более высокий уровень боевой подготовки, чем в сухопутных армиях других стран, комплектуемых на основе всеобщей воинской повинности.

Но превосходство сухопутной армии Германии объяснялось еще другой причиной: она располагала, по старой прусской традиции, таким унтер-офицерским составом, которого не имела ни одна другая сухопутная армия мира, – многочисленным, исключительно хорошо подобранным и обученным. Именно он являлся образцом применения перенятых у рейхсвера методов отбора, воспитания и обучения личного состава. Несмотря на первоначальное трехкратное увеличение и на последующие увеличения сухопутной армии, удалось сохранить очень высокие качества унтер-офицерского корпуса как основы для обучения войск. Эти качества были доказаны, кроме всего прочего, и тем, что из его рядов до войны и еще больше во время войны вышло много заслуженных офицеров.

К офицерскому корпусу, естественно, предъявлялись очень высокие требования. Но увеличение его численности вызвало значительно большие трудности, чем расширение унтер-офицерского корпуса, так как вновь возникшая авиация потребовала для себя из имеющихся 3500 кадровых офицеров сухопутной армии рейхсвера 500 офицеров. Поэтому многих восстановленных на действительной службе офицеров бывшей кайзеровской армии, а также временно служивших в полиции приходилось использовать преимущественно в качестве ротных и батальонных командиров. Корпус офицеров резерва нужно было создавать совершенно заново. Подходящими для этого кадрами были более молодые офицеры – участники первой мировой войны.

Кроме того, важное значение для успехов в первые годы второй мировой войны имело и то, что сухопутная армия Германии извлекла из первой мировой войны совершенно иные уроки, чем ее бывшие противники. Она придавала решающее значение подвижным действиям, для осуществления которых должны были служить новые боевые средства – самолет и танк. Напротив, французская армия, в период между двумя мировыми войнами оказавшая большое влияние на взгляды военных специалистов всех стран относительно характера будущей войны, жила старыми представлениями о позиционной форме вооруженной борьбы, которая господствовала на западном фронте в период 1914 – 1918 гг. По мнению французов, оборона в этой войне оказалась, как никогда, сильнее наступления. Для ее преодоления они по-прежнему предлагали применять многочисленную технику и прежде всего добиться превосходства в артиллерии. Решающее значение, которое имеет создание многочисленных подвижных соединений и их использование для оперативных прорывов во взаимодействии с соответственно оснащенными и обученными воздушными соединениями, было понято и практически осуществлено лишь немцами.

Вначале только кадровые дивизии немецкой армии превосходили будущих противников по своей организации, степени боевой подготовки и качествам командного состава. Но когда осенью 1939 г. Франция не захотела использовать явную слабость немцев на Западе для немедленного наступления, они получили возможность еще более усилить это превосходство и привить высокие качества кадровых соединений новым формированиям.

В целом сухопутные войска настолько отвечали задачам, поставленным войной, что даже для них самих это оказалось неожиданным.

Военно-морской флот

Военно-морской флот также с 1935 г. освободился от оков Версальского договора. Практически он от этого выиграл меньше, чем сухопутная армия и авиация. Однако это нельзя объяснить англо-германским морским соглашением, устанавливавшим тоннаж будущего германского флота в размере 35%, а подводных лодок – 45% (при известных условиях до 100%) от тоннажа соответственно надводных кораблей и подводных лодок стран Британской империи. Причина сравнительно медленного развития флота заключалась в том, что проводимое из политических и военных соображений крайне спешное создание и расширение двух других составных частей вооруженных сил, армии и авиации, к которому с лета 1938 г. еще

прибавилось строительство линии Зигфрида, поглощало огромную массу сил и средств и требовало больших усилий промышленности. Поэтому для военно-морского флота оставалась лишь скромная строительная программа и он мог использовать только признанную Англией квоту строительства подводных лодок.

Гитлер намечал закончить создание германского военно-морского флота к 1944 или 1945 г. К этому сроку военно-морской флот должен был стать настолько сильным, чтобы, «располагая достаточным количеством мощных боевых кораблей с большим радиусом действия, успешно вести борьбу на жизненно важных морских коммуникациях Англии в Атлантике».

Но когда задолго до этого срока в 1939 г. началась война против Англии, строительство военно-морского флота находилось еще только в своей первоначальной стадии.

На 1 сентября 1939 г. военно-морские силы Германии имели следующий корабельный состав: 2 *линейных корабля* («Шарнгорст» и «Гнейзенау»), 3 *броненосца* («карманных» линкора) водоизмещением 10 тыс. т каждый («Дейчланд», позднее переименованный в «Лютцов», а также «Адмирал Шеер» и «Адмирал граф Шпее»), 2 *тяжелых крейсера* («Хиппер» и «Блюхер»), 6 легких крейсеров, 22 эскадренных миноносца, 20 миноносцев, 32 тральщика, 35 подводных лодок прибрежного действия водоизмещением 250 т каждая, 22 океанские подводные лодки водоизмещением по 500 и 700 т, 17 торпедных катеров.

Кроме того, находились в постройке и могли быть закончены во время войны: 2 *линейных корабля* («Бисмарк» и «Тирпиц»), 1 *тяжелый крейсер* («Принц Евгений»).

Подводный флот увеличивался ежемесячно на 2-3 единицы.

О дальнейшем выполнении программы кораблестроения, которая предусматривала строительство большого количества крупных кораблей, не приходилось и думать. Пришлось прекратить также и постройку двух авианосцев. Военно-морской флот вынужден был ограничиться достройкой почти законченных кораблей и сделать упор на строительство подводных лодок. Для борьбы против Англии германский флот в противоположность 1914 г. был совершенно недостаточно подготовлен. Частично это компенсировалось тем, что в морских операциях могла принимать участие и авиация, а надводные корабли имели значительно большие радиусы действия, чем в первую мировую войну. В общем задачи, которые были возложены на военно-морской флот в Балтийском море, – действия против Польши и обеспечение жизненно важных перевозок руды из Северной Швеции, – он вполне мог выполнить.

Военно-воздушные силы

Если сухопутная армия и военно-морской флот могли еще как-то расти и развиваться, то у авиации не было и этих скромных возможностей. Версальский договор запретил использование самолетов для военных целей. Молодые военно-воздушные силы, созданные в первую мировую войну, были в 1920 г. расформированы. Но армия и флот понимали, что даже самые слабые вооруженные силы не могли обойтись без этого современного боевого средства, хотя бы его задачи ограничивались одной разведкой. Они были также убеждены в том, что военные ограничения, предписанные Версальским договором, долго не могут соблюдаться и рано или поздно должны быть отменены. Поэтому армия и флот стремились при обучении войск и теоретической разработке принципов ведения боя отвести авиации подобающее место, а также создать практические предпосылки для ее развития.

В офицерский корпус армии было включено небольшое количество офицеров, служивших во время войны в военной авиации. Вначале их деятельность не выходила за рамки обсуждения некоторых теоретических вопросов и изучения развития авиации в зарубежных странах. Прежде всего было важно не отстать от других стран в подготовке летных кадров. Согласно Парижскому авиационному соглашению 1926 г. бывшие державы-противники разрешали германским сухопутным войскам и военно-морскому флоту обучать ежегодно 36 спортивных летчиков. Благодаря своеобразной системе увольнения в запас после краткой подготовки могло быть обучено небольшое число пилотов, которые дополнительно проходили боевую подготовку за границей. В начале тридцатых годов положения Версальского договора уже

настолько изжили себя, что можно было приступить к обучению летных кадров и в немецких школах пилотов гражданской авиации. Однако боевая подготовка здесь все еще не велась; немецкие летчики могли проходить ее только за границей, да и то в неполном объеме. Все-таки к 1933 г. удалось подготовить примерно 2500 летчиков из состава сухопутной армии и военно-морского флота.

Значительно труднее было решить проблему строительства пригодных для войны самолетов. Согласно Парижскому соглашению от 1926 г. на германскую авиационную промышленность еще налагались ограничения, которые делали невозможным строительство боевых самолетов в Германии. Некоторые немецкие самолетостроительные фирмы создали «дочерние» предприятия за границей, так что построенные там машины могли использоваться для обучения немецких летчиков и испытываться ими. В самой Германии строились только учебные и тренировочные самолеты, имевшие немаловажное военное значение как самолеты-разведчики.

С целью обучить наземные войска взаимодействию с авиацией и практически познакомить летчиков-наблюдателей с ведением разведки было создано несколько эскадрилий таких самолетов. В 1933 г. германская авиационная промышленность, уже успевшая накопить опыт за границей, была нацелена на производство современных военных самолетов, которых в Германии было еще очень мало.

Зародышем зенитной артиллерии явились несколько батарей сухопутной армии, которые первоначально были оснащены совершенно устаревшей материальной частью, оставшейся от первой мировой войны, а также новыми системами.

Когда Гитлер пришел к власти, Геринг сразу взял под свой контроль все предприятия, которые можно было использовать для развития самолетостроения, и объединил их в имперский комиссариат, на основе которого осенью 1933 г. было создано министерство авиации. Строительство большого числа аэродромов и бурное развитие авиационной промышленности, а также ускоренное обучение летно-подъемного и наземного состава военно-воздушных сил послужили предпосылкой для создания авиационных частей, которые вначале в противоположность армии и флоту совершенно отсутствовали. Для укомплектования военной авиации личным составом армия и флот выделили свои кадры бывших летчиков – участников первой мировой войны и подготовленных в течение ряда лет пилотов и наблюдателей. На действительную службу в авиацию возвратилось много бывших офицеров, имеющих и не имеющих летного опыта. Должна была оказать помощь также полиция, подчиненная Герингу. В добровольцах, горевших желанием служить в авиации, не было недостатка; из них формировались новые части. Осенью 1934 г. удалось сформировать первые подразделения, преимущественно разведывательные эскадрильи.

1 марта 1935 г., незадолго до объявления об аннулировании военных ограничений Версальского договора, была снята маскировка с германского военно-воздушного флота, организацию которого к тому времени в общих чертах уже закончили. Теперь приступили к его быстрому развитию, ассигновав для этой цели огромные средства.

В сравнении с военно-воздушными силами других государств у немецкой авиации было то большое преимущество, что она не имела устаревших типов боевых самолетов, которые обычно в целях экономии заменяются новой материальной частью очень медленно. В результате она постепенно добилась, после неизбежных «детских болезней» и ряда переходных типов машин, решающего качественного превосходства над своими соседями. Германская авиационная промышленность выпустила несколько очень удачных типов самолетов, как, например, бомбардировщики Хе-111 и До-17, истребитель Ме-109, непревзойденный пикирующий бомбардировщик Ю-87 и тяжелый двухмоторный Ме-110. Менее удачным оказался тяжелый пикирующий бомбардировщик Ю-88, который не оправдал возлагавшиеся на него после начала войны надежды как на средство борьбы с английским флотом. Позднее, во время битвы над Англией, он также не смог выполнить свою задачу. В конструкцию этого самолета постоянно нужно было вносить серьезные изменения. Авиационная промышленность Германии за период с 1934 по 1939 г. увеличила производство с 900 до 6 тыс. самолетов в год.

Самолетостроительная программа, которую рассчитывали окончить к 1942 г., предусматривала производство 1 тыс. одноместных истребителей, 1 тыс. бомбардировщиков и

1 тыс. пикирующих бомбардировщиков, разведывательных самолетов и тяжелых двухмоторных истребителей, а также постройку необходимых транспортных и учебных самолетов. В 1939 г., когда началась война, эта программа была еще очень далека от выполнения. Немецкая авиация имела 2500 самолетов, в том числе 1 тыс. бомбардировщиков, которые были объединены в 5 авиадивизий и 1 парашютно-десантную дивизию. В качественном отношении немецкие самолеты были лучше польских и французских и почти такие же, как английские, так как английская авиация начала оснащаться новой материальной частью сравнительно поздно. В количественном отношении военно-воздушный флот Германии был, если считать только современные самолеты, сильнее, чем военно-воздушные силы всех трех стран противника вместе взятых.

Однако вследствие такого слишком поспешного создания немецкая авиация имела еще больше недостатков, чем сухопутная армия. Беспреданно создавали новые формирования, а только что созданные делили на несколько частей. Стремление увеличить количество частей посредством использования всех имеющихся самолетов и обученного личного состава привело к опасному несоответствию между общим количеством личного состава и техники авиационных частей, непосредственно ведущих боевые действия, и частей резерва. Немецкая авиация доказала, что, несмотря на это, она все же превосходила в первой кампании своих противников. Однако ожидать от военно-воздушных сил быстрого решения исхода войны против Англии было также мало оснований, как и от военно-морского флота. К войне против Англии немецкая авиация не была подготовлена. В северо-западном районе Германии не было достаточно широкой сети аэродромов, не говоря уже о том, что военно-воздушный флот имел недостаточную численность для проведения решающих операций против Англии, а при тогдашнем состоянии самолетостроения еще не было технических предпосылок для выполнения такой задачи. Лондон являлся самой отдаленной точкой района операций немецкой авиации; ни один самолет не мог долететь из Германии по круглому пути через Северное море до основных промышленных районов и портов на западном побережье Англии.

Все теоретические споры в Европе о роли и задаче авиации в будущей войне – будет ли ей принадлежать главенствующее значение и должна ли она будет в длительной войне между сильными противниками искать решение исхода войны на фронте или в борьбе с промышленностью врага – стали беспредметными в 1939 г., когда Гитлер начал военные действия. Он потребовал молниеносного поражения Польши на поле боя. Это требование было выполнимо только в том случае, если авиация наряду с уничтожением военно-воздушных сил противника стала бы действовать в теснейшем оперативном и тактическом взаимодействии с сухопутными войсками.

Попытка ведения воздушной войны против Франции зимой 1939/40 г. не была предпринята из политических соображений. Со своими планами разрушения экономики противника немецкой авиации пришлось расстаться. Когда же весной 1940 г. началось наступление, эта проблема потеряла свою остроту ввиду быстрой победы на фронте. Для оперативного и тактического использования во взаимодействии с сухопутной армией немецкая авиация полностью отвечала требованиям в отношении материальной части, боевой подготовки личного состава и командных кадров и стала важнейшим фактором всех побед вплоть до войны на Балканах в 1941 г. Менее успешным было ее взаимодействие с военно-морским флотом, который вследствие своей относительной слабости особенно нуждался в сильной поддержке авиации. Оба эти вида вооруженных сил, к сожалению, не действовали в должном контакте. Не последнюю, если не главную, роль играл здесь своевольный характер Геринга, который был против бескорыстного оказания военно-морскому флоту эффективной поддержки, так необходимой последнему для выполнения своих задач. Геринг возражал также против того, чтобы при проведении совместных морских операций флоту придавалось принадлежащее ему по праву решающее значение.

3. Противники Германии в 1939 г.

Польша

Население Польши, вновь возникшей после первой мировой войны, составляло в 1939 г. 35 млн. человек, из которых около 10 млн., согласно переписи 1931 г., «говорили не на польском языке». Польша представляла собой нечто большее, чем малое государство, однако ни в военном, ни в промышленном отношении она еще не достигла такого уровня, чтобы могла вести войну с великой державой.

Армия Польши, выросшей на территории ряда бывших областей трех великих держав – Германии, Австро-Венгрии и России, – не имела собственной военной традиции и основы для органического роста. Ее тактические взгляды находились под сильным влиянием французской военной мысли, но были приукрашены собственными идеями, порожденными польским темпераментом. Численность польской армии мирного времени была довольно значительной: 30 пехотных дивизий, 1 кавалерийская дивизия и 11 отдельных кавалерийских бригад. Вооружение, количественно вполне достаточное, состояло в основном из устаревших образцов времен первой мировой войны. Моторизация еще только начинала развиваться. Танковые войска имели всего 9 рот легких танков и 29 рот легких бронев автомобилей. В шести смешанных авиационных полках насчитывалось максимум 1 тыс. самолетов, из которых не более 400 машин отвечали современным требованиям. Не лучше обстояло дело с зенитной артиллерией, в которой ощущался большой недостаток.

Немногочисленный флот Польши (4 эскадренных миноносца, 2 миноносца, 6 тральщиков, 2 канонерские лодки и 5 подводных лодок) играл лишь скромную роль на Балтийском море, во всяком случае, он вряд ли мог нарушить, а тем более сорвать морские перевозки между Восточной Пруссией и Германией. Практически его вообще не следовало брать в расчет.

Когда летом 1939 г. международное положение Польши стало резко ухудшаться, Польша приступила к скрытой постепенной мобилизации. Официально она была объявлена только в конце августа. Несмотря на это, в предыдущие месяцы уже были сформированы все предусмотренные резервные части (полки, отдельные батальоны и артиллерийские дивизионы), но их пока причислили к кадровым соединениям. Было предусмотрено объединение резервных частей в 10 дивизий, но из желания сохранить в тайне все эти приготовления оно не было осуществлено до 1 сентября 1939 г. Когда же началась война, быстрое наступление немецких армий помешало проведению намеченного мероприятия.

Основные экономические районы, расположенные в западной части страны, могли быть защищены только в том случае, если бы удалось остановить наступление противника на самой границе. Для этого потребовалось бы сооружение мощных укреплений. Так как протяженность государственных границ Польши с одной лишь Германией составляла 1900 км (из них 600 км с Восточной Пруссией), причем опасности подверглась также южная граница, с тех пор как Словакия находилась под военным контролем Германии, то не могло быть и речи о постройке укреплений по типу французской линии Мажино или германской линии Зигфрида. Польша вынуждена была ограничиться несколькими незаконченными линиями укреплений на окраине особенно угрожаемого промышленного района в восточной части Верхней Силезии и в других местах границы. Устаревшие крепости бывших воеводств – Торн (Торунь), Познань, Грауденц (Грудзёндз), Модлин, Перемышль и многие другие – были в основном оставлены в своем прежнем состоянии.

В общем, было непонятно, на чем основывалась надежда поляков хотя бы временно сдержать наступление войск великой державы, – разве только на том, что основные силы этой великой державы были скованы в других местах и она могла бросить против Польши лишь часть своих вооруженных сил. В этой надежде, по-видимому, и пребывали поляки, к тому же значительно переоценивая возможности своей собственной армии. Только так следует объяснять «гордое и надменное отношение Польши к дерзости немцев», о котором говорит Черчилль в своих мемуарах.

Франция

Численность, боеспособность и наступательный дух французских вооруженных сил, с которыми пришлось бы столкнуться в случае войны, играли в планах Гитлера решающую роль.

Если французские вооруженные силы были достаточно мощными и намеревались сразу перенести войну на территорию противника, то Германия должна была или оставить на западе такое количество войск, что не приходилось рассчитывать на быстрый успех в Польше, или пойти на слишком большой риск на западе. Франция осенью 1939 г. мобилизовала 57 пехотных, 5 кавалерийских, 1 танковую и 45 резервных дивизий, из которых часть была оставлена пока в Северной Африке и около 20 дивизий – на Альпийском фронте против Италии. Однако даже за вычетом этих последних соединений – а их использование в ходе войны не исключалось – французская армия оставалась достаточно многочисленной, чтобы превосходящими силами нанести удар на западе еще до окончания военных действий в Польше.

Но сухопутная армия Франции имела недостатки в отношении организации, системы комплектования, боевой техники и морального духа войск, что существенно снижало ее действительную ценность.

Вооружение французской армии отвечало современным требованиям по количеству, но не по качеству. Многие виды оружия остались еще от первой мировой войны. Артиллерия была оснащена главным образом 75-мм пушкой довольно удачной конструкции. Однако германская сухопутная армия получила на вооружение 105-мм гаубицу, которая по дальности и мощности снаряда значительно превосходила французскую систему. Напротив, французская тяжелая артиллерия и артиллерия большой мощности была очень многочисленной, и, несмотря на свои отчасти устаревшие образцы, она могла бы по огневой мощи оказаться сильнее соответствующей немецкой артиллерии.

Свои танковые части, насчитывавшие сравнительно большое количество танков, французы, следуя опыту мировой войны, считали преимущественно средством сопровождения пехоты. Они очень нерешительно создавали крупные танковые формирования постоянного состава для ведения самостоятельных действий. Моторизованные дивизии обязаны своим возникновением скорее намерению иметь высокоподвижные резервы, чем соображению использовать их совместно с танковыми дивизиями для широких оперативных прорывов.

Хотя население Франции было охвачено всеобщей воинской повинностью, однако контингента резервистов, из которых должны были формироваться в случае войны многочисленные резервные соединения, не проходили, по существу, основательной боевой подготовки. До середины двадцатых годов призыв на службу военнослужаших запаса вообще не производился. Позднее их стали временно призывать для прохождения сборов, однако последние были слишком короткими, а количество призываемых резервистов явно недостаточным. В результате резервные соединения имели весьма невысокую боеспособность; как показал 1940 г., они не могли успешно действовать даже в обороне. Как раз в той области, в какой Франция, казалось, имеет большое преимущество перед Германией, за пятнадцать лет не подготовившей никаких резервов, положение было отнюдь не таким благоприятным для французов, как это можно было предполагать. Дополнительным обучением более многочисленных контингентов Германия к 1939 г. заметно ликвидировала свое отставание. Затем зимой 1939/40 г. она не только догнала французов, но и превзошла их как по количеству, так и по качеству войск, подготовив хорошо обученные формирования.

Но еще более серьезными, чем недостатки в организации и техническом оснащении французской армии, были трудности психологического порядка – наследие первой мировой войны. Франция потеряла почти 1,3 млн. убитыми и вторично не хотела идти на такие огромные жертвы. Поэтому в новой войне она решила вести только оборонительные действия до тех пор, пока с помощью союзников не станет возможным поражение противника без тяжелых людских потерь. Эта основная идея французской военной политики, идея оборонительного ведения войны, нашла свое практическое воплощение в строительстве линии Мажино. Еще в начале двадцатых годов тогдашний военный министр Мажино предложил план постройки гигантской линии укреплений, которая, начинаясь от Рейна в районе Базеля, должна была прикрыть всю французскую границу с Германией до Люксембурга и сделать невозможным всякое нападение на Францию непосредственно с германской территории. Строительство укреплений началось лишь в 1929 г. и с затратой огромных средств было закончено в течение тридцатых годов. Линия Мажино имела для Франции чрезвычайно отрицательное значение в материальном и психологическом. отношениях. Вместо того чтобы

использоваться для модернизации армии, огромные средства шли на строительство укреплений. Для укомплектования последних личным составом были созданы специальные крепостные части, организация и обучение которых проводились на чисто оборонительной основе. Эти войска стали лучшими частями французской армии, однако для ведения наступательных действий они не годились. Подобный оборонительный и даже пассивный взгляд глубоко укоренился в народе и армии. Людей успокаивала мысль, что теперь они защищены от всякого вторжения, и у них уже не было склонности использовать вооруженные силы для выполнения союзнических обязательств, вытекавших из традиционной политики Франции как великой державы.

Наряду с этой сухопутной армией, обладавшей большой численностью, но не ориентированной на ведение наступательных действий, имелась устаревшая авиация. Франция, которая когда-то шла впереди других стран в развитии авиации и еще в 1934 г. имела крупнейшие в Европе военно-воздушные силы, к 1939 г. по численности самолетного парка оказалась на четвертом месте после Германии, Англии и даже Италии. Уже в середине 1934 г. германская авиационная промышленность превзошла французскую; последняя, со своей стороны, к 1936 г. еще больше сократила производство. К началу войны Франция имела только 1500 самолетов, то есть почти в два раза меньше, чем Германия, к тому же немецкие самолеты были более современными.

Гибельное для Франции «народное правительство» Блюма в результате введения 40-часовой недели еще больше уменьшило и без того недостаточную мощность военной промышленности.

В общем, Франция, которая еще в 1934 г. была сильнейшей страной европейского континента, теперь имела на суше лишь небольшое численное превосходство перед Германией, связанной войной на два фронта, а в воздухе значительно ей уступала.

После первой мировой войны наиболее планомерно, хотя и в недостаточных для ведения войны с Германией масштабах, проводилось усиление французского флота на Средиземном море. Он насчитывал 8 линкоров, 2 линейных крейсера, 1 авианосец, 18 крейсеров, 32 легких крейсера, 28 эскадренных миноносцев и 72 подводные лодки. Кроме того, в постройке находилось 3 линкора, 1 авианосец, 3 крейсера, 24 эскадренных миноносца и 13 подводных лодок.

Гитлер, может быть, и не понимал в полной мере недостатки французских вооруженных сил чисто военного, а тем более психологического порядка, однако он принимал их в расчет и был уверен, что они сыграют свою роль.

Англия

На протяжении многих веков одно из основных положений английской политики заключалось в том, чтобы противопоставлять всякой европейской державе, которая грозит завоевать господство на европейском континенте, мощную коалицию государств. Сама Англия обеспечивала этой коалиции свободу действий на море, а в военных действиях на континенте принимала участие лишь сравнительно небольшими экспедиционными силами.

В первую мировую войну она уже не могла придерживаться этого принципа. Только благодаря крупным сухопутным силам удалось вместе с французской армией, значительно ослабленной в результате потерь, которые она понесла в 1914 г., удержать Западный фронт до 1918 г. Чтобы добиться победы, потребовалась большая помощь американцев {1}.

Поражение Германии привело к такой обстановке, которая, как говорилось в одном решении кабинета, «давала основание предполагать, что Англия в течение ближайших десяти лет не может быть вовлечена ни в какую большую войну, и поэтому экспедиционный корпус не потребуется».

Англия вернулась к своей старой политике и выступила за всеобщее ограничение вооружений. Она неуклонно проводила эту политику до тридцатых годов, причем не последнюю роль здесь играло желание как можно больше ограничить Германию в ее стремлении к равенству вооружений. Продолжая последовательно придерживаться подобного курса, Англия пассивно относилась к первым мероприятиям Германии в области

восстановления вооруженных сил. Она видела в них естественную реакцию на провал переговоров по разоружению в Женеве. Чтобы защитить себя от соперничества на море, она заключила морское соглашение с Германией и тем самым официально одобрила, несмотря на свои серьезные опасения и идя на риск вызвать недовольство французов, ограниченные морские вооружения Германии.

Положение показалось Англии тревожным только тогда, когда стало заметным бурное строительство германских военно-воздушных сил. В 1935 г. английская военная авиация занимала пятое место в мире. Англия имела ровно в два раза меньше самолетов, чем Франция. Но так как численность немецкой авиации составляла лишь две трети численности английского самолетного парка, то Англия считала достаточным увеличить свои военно-воздушные силы в два раза в течение пяти лет.

Именно в это время появляются истребители «Спитфайр» и «Харрикейн», блестяще оправдавшие себя в воздушной битве над Англией осенью 1940 г.

Но уже в 1936 г. Германия догнала Англию по численности самолетного парка военно-воздушного флота. Так как она продолжала вооружаться с неослабевающей быстротой и имела еще два года для подготовки к войне, Англии требовалось огромное напряжение сил, чтобы догнать или перегнать Германию в строительстве военно-воздушных сил. Однако этому помешали осложнения внутривнутриполитического порядка. Английская зенитная артиллерия также росла очень медленно.

Уступчивость Англии в Мюнхене в какой-то степени объяснялась и недостаточно сильной авиацией. Но единственного года, который еще оставался до начала войны, было явно мало, чтобы наверстать упущенное.

В организации английской сухопутной армии не произошло никаких существенных изменений со времени демобилизации, последовавшей после первой мировой войны. Англия снова вернулась к традиционной небольшой профессиональной армии. Значительная часть этой армии использовалась в качестве гарнизонов в Индии и во многих военных опорных пунктах империи. Так как оснащение современных дивизий требовало довольно больших затрат, то Англия располагала только четырьмя дивизиями, которые могли немедленно принять участие в военных действиях на континенте, в то время как в 1914 г. во Францию было отправлено шесть английских дивизий. Бронетанковых дивизий английские сухопутные войска в начале войны не имели.

27 апреля 1939 г., несмотря на большие сомнения в целесообразности такого шага, была введена всеобщая воинская повинность. Это не отразилось непосредственно на численности английской сухопутной армии военного времени, но сократило сроки формирования новых соединений при мобилизации. В данном случае это было только символическим жестом по отношению к Франции и Польше. На Гитлера это могло оказать скорее вызывающее, чем отпугивающее действие.

Когда Англия 3 сентября 1939 г. вступила в войну, она располагала такой армией, которая могла выделить только четыре дивизии для участия в военных действиях на европейском континенте. Английские военно-воздушные силы имели хорошую материальную часть, но количественно были слишком слабыми, чтобы оказать решающее влияние на ход событий, а кроме того, учитывая необходимость обороны самой Англии, могли быть использованы на континенте лишь в весьма ограниченной степени.

Количество батарей зенитной артиллерии было настолько ничтожным, что позволяло оборонять лишь самые ценные сооружения. Даже база морского флота Скапа-Флоу не была достаточно защищена от воздушных налетов противника. В области радиолокации Англия далеко опередила Германию. Англичане уже создали такие приборы, с помощью которых можно было обнаружить самолеты, летящие на высоте 3000 м и на расстоянии от 80 до 150 км от радиолокатора. Это имело очень большое значение для обороны объектов, расположенных вблизи побережья.

Военно-морской флот Англии имел следующий корабельный состав:

- 12 линкоров, 49 легких крейсеров,
- 3 линейных крейсера, 184 эскадренных миноносца,
- 7 авианосцев, 42 тральщика,

15 тяжелых крейсеров, 58 подводных лодок.

Этот флот с его мощной организацией, дающей возможность в случае мобилизации использовать всевозможные вспомогательные суда, отвечал всем предъявляемым к нему требованиям.

Германия не имела океанского флота. Германские линейные крейсера и «карманные» линкоры лишь в редких случаях могли появляться на океанах и препятствовать действиям английских военных кораблей.

В 1935 г. Германия признала также установленные международные ограничения в ведении подводной войны. Однако оставалось сомнительным, чтобы она твердо придерживалась этих ограничений в будущем в случае, если создастся затруднительное положение. Как бы то ни было, меры борьбы с подводными лодками разрабатывались и совершенствовались на основании опыта первой мировой войны. Особое значение приобрел так называемый «асдик» – прибор, посылавший под водой звуковую волну, отражаемую всяким металлическим телом, которое она встречала на своем пути. Пользуясь этим прибором, охотники за подводными лодками могли более точно определять местонахождение погруженной подводной лодки, что увеличивало вероятность ее поражения глубинными бомбами.

Верная своему отрицательному отношению к непроизводительным высоким расходам на вооружение в мирное время, Англия, как это часто бывало в ее истории, надеялась в ходе войны наверстать то, что она упустила сделать для ее предотвращения.

Глава II. Расширение сферы власти Германии в Европе

1. Польская кампания

План германского командования и стратегическое развёртывание германских вооружённых сил

3 апреля 1939 г. верховное командование германских вооруженных сил (ОКВ) издало директиву «О единой подготовке вооруженных сил к войне», содержащую следующие основные положения:

«Задача вооруженных сил Германии заключается в том, чтобы уничтожить польские вооруженные силы. Для этого необходимо стремиться и готовиться к внезапному нападению. О проведении скрытой или открытой общей мобилизации будет дан приказ только в день наступления, по возможности в самый последний момент...

Планирование военных приготовлений должно проводиться с таким расчетом, чтобы осуществление операции было возможно в любое время начиная с 1 сентября 1939 г.». (см. карту 1 на стр. 34){2}

На основании этой директивы было подготовлено и осуществлено стратегическое развертывание германских вооруженных сил против Польши.

В географическом и военном отношении имелись все предпосылки для быстрой победы над Польшей. Восточная Пруссия и другие области Рейха окружали большую часть Польши с севера и запада. Распад Чехословакии расширил район стратегического развертывания германских вооруженных сил, позволив использовать для этой цели Словакию. С западной границы Германии можно было снять крупные силы, а начертание восточной границы использовать для наступления по сходящимся направлениям достаточно большого количества войск, превосходивших противника в вооружении и оснащении. В этом случае Польша не могла бы рассчитывать на благоприятный исход войны, если бы она стала вести борьбу только своими собственными силами. Быстрый успех немцев мог оказаться сомнительным лишь при условии, что окружить польскую армию не удастся и она своевременно отойдет, укрывшись за Наревом и Вислой. Но полякам с их образом мышления такое отступление казалось

невероятным. Тщательно замаскированное стратегическое развертывание немецких войск и внезапный прорыв крупных и подвижных соединений в самом начале войны помешали осуществить отход в последний момент.

В результате ряда мероприятий, которые проводились в июле и внешне могли показаться летними маневрами, удалось перебросить в намеченные районы сосредоточения или стратегического развертывания большое количество кадровых войск, укомплектованных по штатам военного времени, не объявляя при этом мобилизации. Таким образом, кадровые дивизии были передислоцированы из Германии на учебные плацы в Восточную Пруссию якобы для «учебных целей», а также под тем предлогом, что они должны были принять участие в праздновании 25-летней годовщины битвы под Танненбергом. Кроме того, развернутые до штатного состава военного времени соединения провели «окопные работы» на польско-германской границе; танковые, легкие и моторизованные дивизии были стянуты в центральную часть Германии для «осенних маневров». Незадолго до 25 августа дивизии, предназначенные для наступления против Польши и не участвовавшие в этих маневрах, были полностью отмобилизованы и переброшены в районы стратегического развертывания. 25 августа германская сухопутная армия была готова к наступлению.

Группа армий «Юг» под командованием генерал-полковника фон Рундштедта включала 14-ю, 10-ю и 8-ю армии и должна была, сконцентрировав крупные силы в полосе 10-й армии, наступать из района Силезии в общем направлении на Варшаву, разгромить стоящие против нее польские войска и по возможности раньше и как можно более крупными силами форсировать Вислу по обе стороны Варшавы с тем, чтобы во взаимодействии с группой армий «Север» уничтожить польские силы, которые к тому времени еще останутся в Западной Польше. Для этого 14-я армия (под командованием генерал-полковника Листа), наступавшая на южном крыле группы армий, должна была сначала рассеять польские части, находившиеся в восточной части Верхней Силезии, а затем, не останавливаясь, развивать успех в направлении на Краков и, кроме того, подвижными силами по возможности скорее захватить переправы через Дунаец. Удар 14-й армии поддерживался особой группировкой, наступавшей с территории Словакии через горы Бескиды.

Главный удар в направлении на Варшаву наносила 10-я армия под командованием генерал-полковника фон Рейхенау, располагавшая большим количеством танковых и моторизованных соединений.

8-я армия генерал-полковника Бласковица должна была как можно быстрее продвигаться на Лодзь с задачей обеспечить левый фланг стремительно наступающей 10-й армии от возможных действий поляков.

В группу армий «Север» под командованием генерал-полковника фон Бока входили 4-я и 3-я армии. Перед ней была поставлена задача совместными ударами из Померании и Восточной Пруссии установить связь между Восточной Пруссией и Германией. Впоследствии она должна была согласованными действиями всех сил разгромить противника, обороняющегося в районе севернее Вислы, и затем во взаимодействии с группой армий «Юг» уничтожить польские части, которые еще останутся в западной части Польши. Из излучины рек Одера и Варты наступали лишь небольшие силы, чтобы ввести противника в заблуждение и сковать его войска.

Для осуществления этой цели 4-я армия генерал-полковника фон Клюге наносила удар из Восточной Померании и при содействии частей 3-й армии, наступающей из Восточной Пруссии, захватывала восточный берег Вислы в районе Кульм (Хелмно) и ниже. Затем, не теряя времени, она должна была продолжать наступление из района восточнее Вислы через реку Дрвенца в юго-восточном направлении.

Задача 3-й армии генерал-полковника фон Кюхлера заключалась в том, чтобы частью сил помочь 4-й армии форсировать Вислу, основными же силами, сосредоточенными вокруг Нейденбурга{3}, нанести удар по войскам противника, расположенным севернее реки Нарев, разгромить их и, переправившись через реку, развивать наступление на Варшаву и Седлец (Седльце). Планировалось, что переправа через Вислу у Диршау (Тчев) будет захвачена в результате внезапного нападения. На границах Восточной Пруссии с Польшей и Литвой германское командование предполагало оставить только самые минимальные силы.

Для наступления против Польши были развернуты 44 дивизии, в основном кадровые, в

том числе все танковые и моторизованные дивизии. Кроме того, с 1 сентября должны были отмотилизовать еще 10 дивизии, которые, однако, в военных действиях участия не принимали. Германские военно-воздушные силы сосредоточили против Польши около 2 тыс. современных самолетов. Они были объединены в 1-й воздушный флот под командованием генерала авиации Кессельринга, поддерживавший северную группу армий, и в 4-й воздушный флот генерала авиации Лёра, который поддерживал южную группу армий. Немецкая авиация должна была прежде всего уничтожить технику и аэродромы польских военно-воздушных сил. После этого ее задачей являлось помешать мобилизации польской армии, налетами на железные дороги сорвать сосредоточение польских войск в Западной Галиции и западнее Вислы, особенно перед 10-й армией, и, наконец, выделить части для непосредственной поддержки наступающих соединений сухопутных войск.

На немецкий военно-морской флот была возложена задача уничтожить или парализовать польский флот, перерезать морские пути, ведущие к польским базам, в частности в Гдыню, нарушить морскую торговлю Польши с нейтральными странами. Наряду с этим он охранял коммуникации между Германией и Восточной Пруссией, а также обеспечивал морское сообщение со Швецией и Прибалтийскими странами.

Не могло подлежать сомнению, что осуществление такого плана должно было привести к быстрой победе над польскими вооруженными силами.

План польского командования и стратегическое развертывание польских вооруженных сил

Польский главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы поставил перед собой неразрешимую с военной точки зрения задачу. Он хотел удержать всю территорию Польши, а против Восточной Пруссии предпринять даже наступательные действия. Если бы он решил действовать совершенно иначе, то есть вести только оборонительные действия, используя водные преграды – реки Нарев, Вислу и Сан, – и предотвратить всякую попытку ударами из Восточной Пруссии, Силезии и Словакии окружить польские войска, то тогда по крайней мере имелась бы возможность вынудить противника вести позиционную войну. Польская армия смогла бы продержаться до тех пор, пока натиск западных держав не заставил бы германское командование снять значительные силы с востока и перебросить их на запад. Конечно, такой план означал бы добровольное оставление противнику индустриального района Верхней Восточной Силезии, большинства заводов вооружения и боеприпасов в Западной Польше и лодзинского текстильного района. Большое значение имела заблаговременная организация обороны за названными выше водными рубежами. Если бы она оказалась неподготовленной хотя бы с точки зрения тылового обеспечения, то вскоре всякое снабжение обороняющихся войск прекратилось бы. Но ничего подобного не произошло. Предусмотренное стратегическое развертывание, которое, однако, еще не было закончено к 1 сентября, скорее может быть объяснено следующими намерениями польского командования.

Далекую южную границу Польши должна была оборонять Карпатская армия{4}, состоявшая главным образом из резервных соединений, расположенных уступом между Тарнувом и Львовом. По плану эта армия заканчивала развертывание к 6 сентября. Далее, в районе между Ченстоховом и Неймарктом создавалась группировка (армия «Краков» в составе шести дивизий, одной кавалерийской бригады и одной моторизованной бригады), которая должна была оборонять Верхнюю Силезию и во взаимодействии с группировкой в районе Велюнь (армия «Лодзь» в составе четырех дивизий и двух кавалерийских бригад) воспрепятствовать продвижению германских частей на Варшаву. Позади этих сил в районе Томашув-Мазовецки, Кельце была предусмотрена еще одна группировка (армия «Пруссия» в составе шести дивизий и одной кавалерийской бригады).

Крупные силы (армия «Познань» – четыре дивизии и две кавалерийские бригады) были расположены в районе Познани, с тем чтобы нанести удар с фланга по немецким войскам, наступающим из Померании или Силезии.

На границе с Восточной Пруссией одна небольшая группировка (две дивизии, две кавалерийские бригады) развертывалась в районе Сувалки, другая, более крупная (армия

«Модлин» в составе четырех дивизий и двух кавалерийских бригад) – вдоль южной окраины Восточной Пруссии и третья (армия «Помереллен» – шесть дивизий) – в Польском коридоре. Такое распределение сил указывает на замысел предпринять наступление по сходящимся направлениям против немецких войск в Восточной Пруссии. Между тем возможности польской группировки, расположенной в «коридоре», были весьма ограниченными, так как она могла быть быстро скована немецкими войсками, занимавшими исходные позиции в северо-восточной части Померании.

Небольшие резервы (в общей сложности три дивизии и одна кавалерийская бригада) находились у Вислы в районе Варшавы и Люблина.

Такое распыление армии, которая хотела все прикрыть и нигде не была сильной, не могло привести к успеху в войне против превосходящего, целеустремленно наступающего противника. Если вообще стоит говорить о какой-то стратегической ценности этого плана, его следует объяснить только совершенно явной недооценкой сил и возможностей противника. К тому же поляки жили еще отжившими представлениями о способах и формах ведения войны. Они полагали, что по примеру прошлых войн лишь после окончания стратегического развертывания и следующего за ним соприкосновения подвижных частей постепенно развернутся пограничные бои, в ходе которых должны возникнуть необходимые решения и изменения оперативных планов. Однако германское командование не собиралось начинать войну в такой устаревшей форме.

Прорыв приграничной обороны польской армии

Немецкие войска, начавшие наступление 1 сентября в 4 часа 45 мин., и стартовавшие одновременно авиационные соединения в течение нескольких дней выполнили поставленные перед ними задачи. Немецкие военно-воздушные силы в первый же день наступления уничтожили слабую польскую авиацию на ее аэродромах, создав тем самым условия для стремительного продвижения сухопутных войск. После этого немецкая авиация могла быть использована для достижения других намеченных целей. Большой ее заслугой было то, что она сделала невозможным организованное завершение мобилизации польских вооруженных сил и крупные оперативные переброски сил по железной дороге, а также серьезно нарушила управление и связь противника, так что польское командование оказалось с самого начала, почти бессильным что-либо сделать.

Так же планомерно развивалось наступление немецких армий. К 7 сентября им удалось либо прорвать приграничную оборону противника и уничтожить польские войска прикрытия, либо вынудить их к беспорядочному отступлению с большими потерями.

14-я армия группы армий «Юг» захватила Верхнесилезский промышленный район, обойдя находящиеся там польские укрепления. Частью сил она наступала через горы Бескиды на Тарнув и, уничтожая или преследуя находящиеся перед ней силы противника, вышла с запада к реке Дунаец.

10-я армия своими многочисленными подвижными соединениями, среди которых было несколько танковых дивизий, вклинилась в расположение противника в районе восточнее Оппельн. Уже 2 сентября ее передовые части достигли реки Варта севернее Ченстохова, а затем соединения этой армии устремились на Варшаву и Радом. 7 сентября 10-я армия на широком фронте переправилась через реку Пилица в среднем течении, а ее передовые отряды стояли уже в 60 км юго-западнее Варшавы, между Томашув-Мазовецки и Лодзью.

8-я армия в соответствии со своей задачей обеспечения фланга от сосредоточенных в районе Познани сил противника наступала за 10-й армией, имея построение глубоким уступом влево, и к 7 сентября достигла приблизительно рубежа Ласк, севернее Калиш.

Группе армий «Север» потребовалось всего лишь несколько дней, чтобы установить связь между Восточной Пруссией и Германией. После боев в Тухольской пустоши против упорно оборонявшихся двух польских дивизий и одной кавалерийской бригады, в результате которых было захвачено 100 орудий и взято в плен 16 тыс. человек, 4-я армия 4 сентября вышла к Висле в районе Кульма (Хелмно). Части 3-й армии, наступающие из Восточной Пруссии, 4 сентября после успешных боев на реке Оса ворвались в северный форт крепости Грауденц (Грудзёндз).

На следующий день крепость пала. Таким образом, обе немецкие армии соединились, отрезав пути отхода польских войск в «коридоре».

После этого, 4-я армия переправилась через Вислу у Кульма и стала быстро продвигаться к реке Дрвенца, к которой она вышла на широком фронте 7 сентября. Войска правого фланга этой армии достигли района северо-западнее Тори (Торунь).

3-я армия в ходе наступления сначала встретила сильное сопротивление противника в районе севернее Млава, которое она смогла сломить только после перегруппировки своих сил. Но затем и эта армия стала стремительно продвигаться вперед и к 7 сентября достигла реки Нарев по обе стороны Пултуска. Поляки всюду сражались с большим ожесточением. Но при всей их храбрости на поле боя они были не в состоянии исправить безнадежного положения армии. Кавалерийские атаки против немецких танков не могли эффективно восполнить недостаточную противотанковую оборону, как бы успешны ни были во многих местах ночные нападения на сильно растянутые немецкие соединения.

Таким образом, польские дивизии, прикрывавшие границу, были повсюду раздроблены, рассеяны, отрезаны или преследовались немецкими войсками, что привело к образованию скоплений отступающих войск и вследствие этого к созданию мелких и крупных котлов.

Когда польское правительство поняло, что приближается конец, оно 6 сентября бежало из Варшавы в Люблин. Оттуда оно выехало 9 сентября в Кременец, а 13 сентября в Залещики – город у самой румынской границы. 16 сентября польское правительство перешло границу. Народ и армия, которая в то время еще вела последние ожесточенные бои, были брошены на произвол судьбы.

Уничтожение польской армии

Сразу же после удачного прорыва приграничной обороны польских войск последовали дальнейшие операции немецкой армии. Они привели к окружению и уничтожению почти всех еще державшихся западнее Вислы сил противника. Затем восточнее Вислы 14-я и 3-я армии предприняли новую операцию. Глубокими ударами с юга и с севера они стремились окружить все польские соединения, находящиеся восточнее Вислы или отходящие в этот район.

На юге 14-я армия первоначально продолжала наносить удар в восточном направлении. Ее действия облегчались тем, что 5 сентября в войну вступила Словакия и одна словацкая дивизия перешла границу у Дукельского перевала. На реке Сан соединения 14-й армии встретили сильную оборону, которую они прорвали севернее Санок, а затем 11 сентября форсировали реку. Перемышль был окружен и обойден с двух сторон. Небольшой немецкий передовой отряд 12 сентября достиг района между Грудеком и Львовом. В течение нескольких дней он вел очень тяжелые бои, пока, наконец, к нему на помощь не подошли крупные силы.

Соединения, наступавшие на левом фланге 14-й армии, после захвата Кракова продвигались по обе стороны верхнего течения Вислы и затем переправились на восточный берег в районе Сандомира. После этого была осуществлена переправа через нижнее течение реки Сан. Продолжая движение на восток, эти соединения столкнулись с крупной группировкой противника в районе Рава-Русская, Томашув. Это были остатки польских армий под командованием генерала Пистора, отошедшие сюда с южной границы. Они были остановлены и при содействии других частей армии, подошедших с юга, к 16 сентября окружены и уничтожены.

10-я армия, переправившись через реку Варта, разделилась и образовала как бы два ударных клина. Соединения южного, правого клина направлялись через реку Пилица и, обходя гору Лысица с запада и востока, продвигались на Радом. Здесь был создан первый крупный котел за все время кампании. После нескольких дней боев, в ходе которых 13 сентября войска противника были окружены, остатки пяти польских дивизий, насчитывавшие 65 тыс. человек и 145 орудий, попали в руки победителей.

Последние сразу же после завершения боев продолжали наступление в восточном направлении и переправились через Вислу 15 сентября между устьями рек Сан и Вепш. Продвигаясь дальше через Люблин, они соединились с частями 14-й армии (которые после своей победы под Рава-Русская повернули на север), достигли реки Буг в районе Влодава и 16

сентября установили там связь с передовыми частями 3-й армии, подтягивающимися с севера через Брест. Внешнее кольцо окружения было сомкнуто.

Соединения левого ударного клина 10-й армии между тем продолжали продвигаться к Варшаве. Уже 11 сентября одно танковое соединение, ушедшее далеко вперед, стояло перед самой Варшавой, однако все его атаки были отбиты.

В эти дни создалось критическое положение на северном фланге 8-й армии, которое временно отразилось и на 10-й армии. Требовалась вся гибкость и осмотрительность германского командования, чтобы без лишних потерь исправить это положение и разгромить противостоящие польские соединения. Ядром последних были четыре дивизии и две кавалерийские бригады армии «Познань», которые до сих пор не были использованы ни для нанесения удара по 4-й немецкой армии в северном направлении, ни для действий против фланга наступающих на Варшаву немецких войск. Когда поляки почувствовали, что их обходят с тыла, они решили отойти на Варшаву. При этом польские дивизии встретили сильно растянутую 30-ю немецкую дивизию, которая обеспечивала северный фланг 8-й армии, наступавшей через Лодзь. Польские войска повернули на юг и на широком фронте атаковали немецкую дивизию. Другие польские силы, которые в результате предыдущих боев на севере и на юге были оттеснены в район западнее Варшавы, соединились с познаньской группировкой и усилили ее. Не только 8-я армия вынуждена была повернуть на север для отражения этих ударов, наносимых с исключительной смелостью и безрассудством очутившихся в безнадежном положении людей, но даже части 10-й армии получили приказ прекратить движение на Варшаву, чтобы атаковать силы противника с востока и впоследствии отрезать им пути отхода на Варшаву. Соединения 4-й армии, которые наступали севернее польской группировки вдоль Вислы на юго-восток, повернули на юг и, переправившись у Плоцка через Вислу, окружили, сперва частично, польские войска с севера. Прежде чем это произошло, 8-й армии с 9 по 11 сентября пришлось вести тяжелые оборонительные бои с польскими войсками, без конца предпринимавшими попытки пробиться на юг. Но кольцо окружения постепенно сужалось. 16 сентября поляки совершили последнюю отчаянную попытку прорыва у Лович, затем их силы были сломлены. Оттесненные в район между реками Висла и Бзура, 19 сентября остатки девятнадцати польских дивизий и трех кавалерийских бригад во главе с командующим генералом Бортновским, всего около 170 тыс. человек, сложили оружие. Последняя группировка противника на западном берегу Вислы была ликвидирована.

Пока исправлялось критическое положение, в котором единственный раз за всю кампанию очутились немецкие войска, соединения 4-й армии, оставшиеся севернее Вислы, продолжали наступление на юг и окружили с севера и запада крепость Модлин (во время первой мировой войны – Новогеоргиевск). 3-я армия, действовавшая на направлении главного удара группы армий «Север», наступала уже восточнее Вислы. Она продвигалась вслед за танковым корпусом Гудериана, который после прорыва польской обороны в Тухельской пустоши был немедленно переброшен через Восточную Пруссию и введен в бой левее 3-й армии для параллельного преследования отходящих польских войск. 9 сентября эта армия переправилась через реку Нарев в районе Ломжа и затем неудержимо устремилась на юг. 11 сентября она переправилась через реку Буг в районе Вышкува и восточнее. Затем 3-я армия, глубоко обойдя Варшаву с востока, повернула через Седльце на запад, чтобы окружить столицу и перерезать пути отхода вдоль Вислы. Между тем подвижные соединения Гудериана продвигались на юго-восток. Один немецкий передовой отряд прорвал 14 сентября линию фортов Бреста и пробился к цитадели. Однако только после подхода более крупных сил сопротивление гарнизона было сломлено к 17 сентября. В этот день другие части корпуса, продолжавшие наступать в южном направлении в обход Брест-Литовска, достигли Влодавы и установили там связь с передовыми частями 10-й армии.

13 сентября в руки немецких войск перешла небольшая крепость Осовец на северо-востоке Польши. В тот же день одна из польских дивизий, отрезанная от остальных польских сил, вынуждена была сложить оружие в районе Острув-Мазовецки.

Теперь оставалось только окружить Варшаву с запада, но после окончания битвы под Кутно это не представляло трудностей.

19 сентября польская кампания фактически закончилась. Варшава, несмотря на

неоднократные предложения немцев прекратить бессмысленную борьбу, держалась до 28 сентября, хотя была сильно разрушена артиллерийским огнем и бомбардировками.

21 сентября по предложению немцев во время согласованного местного перемирия из города были эвакуированы представители дипломатических миссий и 1200 иностранцев. 30 сентября капитулировала крепость Модлин, а 2 октября последнее сопротивление поляков было сломлено: небольшой военный порт Хель сдался после упорного боя, в котором особенно отличилась немецкая морская пехота.

В войне, длившейся 18 дней, польская армия была совершенно уничтожена. 694 тыс. человек попали в плен к немцам, 217 тыс. человек – к русским. Остальные, возможно около 100 тыс. человек, спаслись бегством через границы Литвы, Венгрии и Румынии. Количество убитых поляков, вероятно, никогда не будет точно установлено.

Германские вооруженные силы успешно закончили свою первую «молниеносную войну». Новые тактические и оперативные принципы оправдали себя на практике, во всяком случае против противника, уступающего не только в технике, но и в тактике и искусстве управления войсками, против противника, который своими безответственными в оперативном отношении действиями в значительной степени ускорил быструю победу немецких войск.

Все это должно было способствовать тому, чтобы война развивалась точно по заранее намеченному плану. Великий прусский стратег Мольтке когда-то писал: «Ни один оперативный план не остается неизменным после столкновения войск с главными силами противника. Только профан может надеяться в ходе войны последовательно и до конца проводить заранее сложившуюся, тщательно продуманную во всех деталях идею».

Действительно, были люди, которые уподоблялись такому профану. И все же германское командование нарушило вечные истины своего великого учителя. Оно понимало, что теория Мольтке предполагает наличие двух приблизительно равных по силам противников, которые имеют одинаковые принципы управления войсками и которые после первого столкновения армий еще сохраняют свободу оперативного маневра – то есть Мольтке имел в виду нормальный случай ведения войны. В польской же войне ни одной из этих двух предпосылок не было. Поляки значительно уступали немцам в силах и средствах, их принципы управления войсками, если оно вообще осуществлялось, давно устарели, свобода оперативного маневра была ими потеряна с первого дня. Поэтому германское командование не видело в этом примере обязательного рецепта для победы, действительного и на будущее. Тот факт, что подобный метод оправдал себя также в 1940 г. объяснялся как тем, что французы не сделали из польской войны должных выводов, так и приблизительно аналогичной разницей в силах и средствах. Тогда настоящие профаны объявили Гитлера «величайшим полководцем всех времен». Но в России не существовало уже таких условий, какие были во время Польской и Западной кампаний: немецкие армии не могли в ходе концентрического наступления окружить и уничтожить противника, глубина района операций не определялась ни сухопутными границами, ни морскими берегами, немцам не удалось добиться решающего перевеса в первых же операциях. Наоборот, немецкие войска затерялись на огромном пространстве и встретили упорного противника. Это была опять «нормальная» война, а, следовательно, теория Мольтке вновь стала действительной. Гитлер видел только внешнюю сторону Польской кампании и был окрылен достигнутым успехом. Для германского военного командования победа также не была неожиданностью. Победой были довольны, но в то же время сознавали ее весьма относительную ценность и давали ей холодную, трезвую оценку. Германское командование не упустило из виду и значение небольших потерь. Небольшие потери являются, конечно, признаком хорошей боевой подготовки и умелого командования, но они также свидетельствуют о том, что было лишь немного ожесточенных боев, являющихся истинным критерием для оценки боеспособности войск.

Немецкий народ потерял 10 572 человека убитыми, 30 322 ранеными, 3409 пропавшими без вести. Он воспринял эти сравнительно небольшие цифры потерь с большим облегчением, но не смог их правильно истолковать. Пропаганда искусно использовала их для того, чтобы еще больше укрепить доверие народа к его руководителям и психологически настроить его на продолжение войны.

Четвертый раздел Польши

Когда уже не приходилось сомневаться в успешном для Германии исходе войны с Польшей, Советский Союз решил, что пришло самое подходящее время, чтобы извлечь первую пользу из договора, заключенного с Германией одновременно с пактом о ненападении. 17 сентября русские войска перешли польско-русскую границу на всем ее протяжении. Правительство Советского Союза следующим образом обосновало свои действия: «Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договора, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная самой себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих, создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, Советское правительство не может больше нейтрально относиться к этим фактам».

Русские соединения, отмобилизованные в начале сентября, не встречали организованного сопротивления. В тех местах, где с характерным для поляков фанатизмом вспыхнула борьба, как, например, восточнее Белостока и Бреста, а также в районах Ковеля и Львова, который так и не был взят немцами, сопротивление было вскоре сломлено. При этом последние остатки польской армии попали в плен частично к немцам, частично к русским. К 21 сентября в руки русских попало 217 тыс. поляков; среди них находились и офицеры, значительная часть которых вскоре после этого погибла в Катыни{5}.

В ходе военных действий немецкие войска, естественно, продвинулись значительно восточнее согласованной в Москве демаркационной линии, проходившей за реками Нарев, Висла и Сан. Тогда Советский Союз потребовал скорейшего очищения положенной ему территории. В районе северо-западнее Львова, где немецкая 14-я армия еще вела боевые действия, в период с 21 по 26 сентября даже создалось критическое положение, когда остатки польских дивизий и кавалерийских бригад, которые пробивались от границы Восточной Пруссии до этого района, пытались прорвать фронт двух немецких армейских корпусов, чтобы проложить себе путь в Венгрию. После ожесточенных боев оставшиеся в живых 4 тыс. человек предпочли немецкий плен русскому.

Свое формальное завершение оккупация Польши нашла в русско-германском договоре о дружбе и границе, который был заключен 28 сентября снова в Москве. Со стороны Германии его подписал министр иностранных дел. Это соглашение устанавливало сферы интересов обеих держав и означало для Германии отказ от всякого влияния в Финляндии, Латвии, Эстонии, Литве и Бесарабии. Советский Союз готовился предпринять дальнейшие шаги для распространения своей власти на новые области. Демаркационную линию, установленную в Москве в августе месяце с учетом преобладания польского населения в районах между Вислой и Бугом, отодвинули обратно к Бугу. Область, расположенная восточнее этой реки, была передана Советскому Союзу.

Гитлер использовал победу Германии для перенесения германско-польской границы, вызывавшей сильные опасения. Он не ограничился старой границей германской империи 1914 г., а передвинул восточно-прусскую границу вплотную к воротам Варшавы и включил район до города Лодзь, переименованного в Литцманштадт, в Вартскую область, занимавшую территорию старой Познанщины. Это проникновение далеко вглубь страны и присоединение исконно польских земель было не только внешнеполитическим бременем. Оно привело также к осуществлению «расовой политики» и переселению, классификации на различные категории проживавших в Польше немцев и всем вытекающим отсюда обоюдоострым явлениям, которые отразились и на вооруженных силах. Впоследствии в немецкой армии была категория таких солдат, чьи ближайшие родственники еще считались «политически подозрительными» и «в расовом отношении неполноценными».

Маленькое остаточное польское государство было объявлено генерал-губернаторством, столицей его стал Краков. Всякая самостоятельная жизнь Польши прекратилась. Действие «расовой политики» было здесь еще злее, чем в новых германских областях. Угнетение всего польского, а также начавшееся уже тогда преследование евреев вызвали вскоре сильные противоречия между военными служебными инстанциями и политическими и полицейскими

исполнительными органами. Оставленный в Польше в качестве командующего войсками генерал-полковник Бласковиц в докладной записке выразил резкий протест против этих действий. По требованию Гитлера он был смещен со своего поста.

Германия и Советский Союз стали теперь соседями. Вначале каждое из двух государств проводило свою собственную политику, направленную на то, чтобы не ущемлять интересов партнера, если они вообще непосредственно затрагивались. В глазах всего мира политическое сотрудничество этих двух держав, по-видимому, стало еще более тесным, так как после заключения договора о дружбе и границе они опубликовали совместное заявление о том, что «ликвидация настоящей войны между Германией, с одной стороны, и Англией и Францией, с другой стороны, отвечала бы интересам всех народов».

В меморандуме английскому военному кабинету от 25 сентября Черчилль дал следующую оценку обстановки: «Русские теперь граничат непосредственно с Германией, и оголение Восточного фронта для Германии совершенно невозможно. Там должна быть оставлена большая немецкая армия. Насколько мне известно, генерал Гамелен оценивает ее численность минимум в двадцать дивизий. Но их может быть и двадцать пять или еще больше. Поэтому Восточный фронт существует, по крайней мере, потенциально».

В этом склонны усматривать своего рода целенаправленный оптимизм, который уже заранее ставит преграду всякой, быть может, зарождающейся в военном кабинете мысли положить конец войне. В действительности же с востока очень скоро были сняты все боеспособные войска, не считая незначительные оккупационные войска, состоявшие из контингентов старых возрастов, и полицейские части. С военной точки зрения - Восточный фронт уже не существовал; война теперь велась только на одном фронте.

Гитлер решил возможно скорее использовать создавшееся положение, которого с нетерпением ждали уже десятки лет, без всяких шансов на его осуществление, и, оставив небольшие войска прикрытия на востоке, направить всю мощь германских вооруженных сил против Запада.

2. Позиционная война на Западе

Относительно западных стран в «Директиве № 1 о ведении войны» говорилось следующее:

«Ответственность за развязывание войны следует целиком возложить на англичан и французов. На незначительные нарушения границ нужно вначале ответить действиями чисто местного порядка.

Обещанный нами Голландии, Бельгии, Люксембургу и Швейцарии нейтралитет должен строго соблюдаться.

Если Англия и Франция начнут военные действия против Германии, то задача действующих на Западе вооруженных сил будет заключаться в том, чтобы путем сохранения сил обеспечить предпосылки для победоносного завершения операций против Польши. В соответствии с этой задачей необходимо, насколько возможно, уничтожить вооруженные силы противника и его экономический потенциал. Начинать наступление только по моему приказу.

Сухопутные силы удерживают Западный вал и готовятся к предотвращению его обхода с севера в случае, если западные державы нарушат нейтралитет Бельгии и Голландии».

Протяженность фронта от Базеля до германско-люксембургской границы составляла 400 км, а оттуда до Рейна северо-западнее Везеля – еще 250 км. (см. карту 2)

Для выполнения своей задачи группа армий «Запад» под командованием генерал-полковника Риттер фон Лееб, действовавшая на этом сильно растянутом фронте, имела в распоряжении 8 кадровых и 25 резервных и ландверных дивизий. Последние еще нужно было отмотилизовать, и их нельзя было считать полностью боеспособными ни с точки зрения технического оснащения, ни с точки зрения боевой подготовки. Танковых соединений группа армий «Запад» не имела. Западный вал (линия Зигфрида), который значительно уступал в мощности линии Мажино и частично еще строился, не являлся непреодолимым препятствием для противника, решившегося на наступление, и не мог компенсировать недостаточное количество используемых сил. Последние были развернуты на следующих рубежах: 7-я армия

(командующий генерал артиллерии Долльман) вдоль Рейна от Базеля до Карлсруэ, 1-я армия (командующий генерал-полковник фон Витцлебен) – от Рейна до люксембургской границы, заняв Западный вал. Небольшая оперативная группа «А» под командованием генерал-полковника барона фон Гаммерштейна охраняла границы с нейтральными государствами до города Везель.

Черчилль совершенно правильно пишет в своих мемуарах: «Несмотря на огромный рост мощи Германии после Мюнхенского соглашения, германское верховное командование, пока Польша не была побеждена, было очень озабочено положением на Западе. Только деспотическая власть Гитлера, его сила воли и престиж, которым он был обязан своей уверенности в правильности принятого политического решения, побудили или заставили генералов пойти на риск, представлявшийся им неоправданным».

Когда 3 сентября Франция объявила войну, она собиралась оборонять только границу с Германией. Войска заняли линию Мажино, за ней расположили небольшую «армию прикрытия». Но мобилизация всей сухопутной армии еще только начиналась. Для ее осуществления и для стратегического развертывания всех отмобилизованных войск был назначен трехнедельный срок. Сокращение этого срока было, по мнению французов, мало вероятным. Зато они считали целесообразным предпринять наступление до окончания стратегического развертывания, как только будут собраны достаточные силы.

Первые две дивизии английского экспедиционного корпуса могли прибыть на континент лишь в первой неделе октября, еще две – во второй половине октября. На другие английские дивизии пока не приходилось рассчитывать. Для французов это также служило основанием не начинать наступательных действий, всю тяжесть которых они должны были нести одни. Немаловажным, может быть, даже главным фактором, удерживавшим французов от наступательных действий, было, наконец, то, что они боялись сильного превосходства немцев в воздухе, и уже по этой причине хотели избежать всякого активного ведения войны.

Таким образом, поляки были оставлены на произвол судьбы, и произошло как раз то, на что рассчитывал Гитлер. Французы ограничились несколькими атаками местного значения в предполье Западного вала. Поскольку последний не везде следовал изгибам границы и был проведен как можно более прямо, а немецким войскам было приказано вести осторожные действия, то французы сумели сравнительно легко занять два выступающих вперед участка – участок «Варндт» юго-западнее Саарбрюккена и выступ границы между Саарбрюккеном и Пфальцским лесом. Наступление на этом последнем участке, предпринятое 13 сентября, временно вызвало у немцев боязнь прорыва французских войск в направлении на Цвейбрюккен и заставило срочно стянуть резервы к угрожаемому участку.

Когда после окончания войны с Польшей стала заметной переброска немецких соединений, высвободившихся на Востоке, французы начиная с 3 октября стали очищать большую часть занятой ими пограничной зоны. Они не хотели ставить под удар выдвинутые вперед силы и отошли к государственной границе, а частично и за нее. Немцы последовали за ними и были немало удивлены плохо подготовленными в инженерном отношении полевыми позициями.

В сводке германского верховного командования от 18 октября были объявлены общие потери немцев на Западном фронте: 196 человек убитыми, 356 ранеными и 144 пропавшими без вести. За этот же период было взято в плен 689 французов. Кроме того, было потеряно 11 самолетов.

Эта цифра показывает, насколько ограниченными в то время были действия авиации обеих сторон, не выходявшие за рамки разведывательных полетов. Французы требовали от англичан прекратить воздушные налеты на Германию, так как они боялись ответных налетов на свои незащищенные промышленные предприятия.

В то время как французы хотели сохранить это промежуточное состояние между войной и миром, у Гитлера Созревали новые планы. Под впечатлением быстрого успеха в Польше он решил как можно скорее начать наступление на Западе. В конце сентября он сообщил об этом решении главнокомандующим сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами. Генерал-полковник фон Браухич был совершенно не согласен с таким поворотом событий. Он, как и другие руководители сухопутной армии, испытывал сильное разочарование: планы

Гитлера, заверявшего, что удастся ограничиться войной только с Польшей, не оправдались. Решение Гитлера казалось ему тем более нецелесообразным, что военные действия, которые на Западе почти совсем не велись, теперь активизировались немцами, хотя не были исчерпаны последние возможности прийти к соглашению с Западом. Еще больше Браухича беспокоило то, что наступление на Западе можно было предпринять, только нарушив торжественно гарантированный Германией нейтралитет Бельгии, а также, вероятно, и Голландии. Германию снова ждала ненависть за нарушение нейтралитета, так губельно сказавшаяся на ее судьбе в первую мировую войну. Но совершенно независимо от этого ни он, ни его начальник генерального штаба не верили в необходимость наступления. Нежелание Франции вести войну уже проявилось достаточно открыто, и не было никаких признаков, указывающих на возможность изменения такой позиции в будущем. Наоборот, многое говорило за то, что еще больше усилится стремление Франции положить конец войне, ставшей, по ее мнению, бесцельной. Наряду с этими принципиальными политическими соображениями у генерал-полковника фон Браухича были и серьезные опасения чисто военного характера. Он не был убежден в том, что германская сухопутная армия является достаточно сильной и боеспособной, чтобы добиться решающей победы на Западе. Поскольку ему казалось, что бесполезно убеждать Гитлера, выдвигая политические аргументы, он решил со всей прямотой изложить ему свои сомнения только как военный специалист. Если они подействуют, то будет выиграно время и в политическом отношении. Опасения Браухича в основном сводились к следующему. Танковые соединения, получившие большую нагрузку в Польше, сильно нуждались в переформировании. Легкие дивизии нужно было преобразовать в танковые дивизии. Многочисленные резервные дивизии и дивизии ландвера не были полностью пригодными к ведению оборонительных действий, не говоря уже о невозможности использовать их для наступления. Они настоятельно нуждались в дальнейшем обучении и модернизации своего вооружения. Представлялось сомнительным, сможет ли военная промышленность покрыть огромный спрос на боеприпасы, который возникнет при ведении крупной войны, продолжающейся несколько месяцев. Браухич не побоялся также указать на недостаточный наступательный дух, который выявился в Польше, по крайней мере, у некоторых не вполне подготовленных дивизий. Эти слова попали в самое чувствительное место. Гитлер чувствовал себя так, как будто его лично оскорбили: ведь эта критика представляла нападки на успехи национал-социалистского воспитания, за которое он чувствовал себя ответственным и в положительных результатах которого он был убежден. Разногласия привели к серьезному раздору между Гитлером и Браухичем, и это осталось уже навсегда. Давно существовавшая между ними скрытая неприязнь теперь стала открытой и впоследствии обострила противоречия делового характера в области руководства операциями.

В своих военных решениях Гитлер не терпел возражений, особенно после того, как его предложение о мире от 6 октября не нашло отклика у западных держав. Его замыслы были наиболее отчетливо выражены в директиве от 9 октября 1939 г., в которой говорилось:

1. Если в ближайшее время станет известно, что Англия и Франция не хотят прекратить войну, то я приму решение вскоре начать активные и наступательные действия.

2. Длительное выжидание приводит не к устранению нейтралитета Бельгии и, может быть, Голландии, а все больше усиливает военную мощь наших врагов, подрывает веру нейтральных стран в конечную победу Германии и не способствует тому, чтобы привлечь на нашу сторону Италию в качестве военного союзника.

3. Поэтому для дальнейшего ведения военных действий приказываю:

а) на северном фланге Западного фронта подготовить наступление через территорию Люксембурга, Бельгии и Голландии. Наступление должно быть предпринято как можно большими силами и как можно скорее;

б) цель этой операции – уничтожить по возможности более крупные соединения французской армии и союзников, стоящих на ее стороне, и одновременно захватить как можно больше территории Голландии, Бельгии и Северной Франции, чтобы создать плацдарм для успешного ведения воздушной и морской войны против Англии и расширить предполье жизненно важной Рурской области.

Несмотря на свои опасения, главнокомандующий сухопутными войсками поручил

генеральному штабу разработать «директиву Гельб о стратегическом развертывании», которую он подписал 29 октября.

В своем первом варианте этот план не был претворен в жизнь. В нем говорилось, что направление главного удара немецких войск проходит по обе стороны Льежа, то есть значительно севернее, чем это было в операции, действительно проведенной в мае 1940 г.

Директива заканчивалась распоряжением группам армий «Б» и «А» сосредоточить свои войска таким образом, чтобы они за шесть ночных переходов могли занять исходные позиции для наступления.

Главкомандующий сухопутными силами последовал приказу Гитлера, но не оставил мысли помешать его осуществлению. Он нашел полнейшее понимание и поддержку лиц, с которыми он ближе всего сталкивался по службе, а также у занимавших высокие посты генералов сухопутных войск. Все они считали, что количество и качество имеющихся сил не позволяли надеяться на решающий успех. Не говоря уже о всех других опасениях, остановленное противником наступление должно было привести к губительной позиционной войне.

Несомненно, что Гитлер не прислушался к голосу военных, хотя желательнее для него наступление осенью не было проведено. 7 ноября он приказал «после доклада о состоянии погоды и транспорта», чтобы начало наступления было отложено на три дня. Это была первая из двенадцати последующих отсрочек дня «Д» (дня Начала операции) за период с 9 ноября 1939 г. по 20 января 1940 г. Наконец, наступившая суровая зима 1939/40 г. заставила окончательно отложить наступление до весны 1940 г. Внешне главной причиной всех отсрочек оставалось «состояние погоды». Во всяком случае, длительный период хорошей погоды имел исключительно важное значение для действий авиации как решающего фактора успеха. Постоянные отсрочки наступления действовали на войска и главное командование сухопутных сил почти как война нервов. Настоятельно необходимая боевая подготовка была крайне затруднена. Учебные программы, рассчитанные на длительный период обучения, стали бессмысленными, так как каждый день приходилось ожидать начала войны. Переброски в учебные лагеря для проведения стрельб должны были производиться с учетом возможности своевременного сбора в районах исходных позиций. Штабы и войска все время находились в нервном напряжении. И все же для обучения и сколоченности соединений, в противоположность французской армии, в ту зиму было сделано исключительно много. Независимо от того, были ли согласны высшие военные руководители в это время, как и впоследствии, с решениями Гитлера или не одобряли его решений, их чувство ответственности перед войсками оставалось всегда одинаковым. «Саботаж» военных планов они никогда бы не могли совместить со своей совестью. Подобного рода слухи относятся к области фантазии или, главным образом в более поздние годы, являются злонамеренным вымыслом.

Гитлер знал, насколько сильным – и не только у верхушки сухопутной армии – был внутренний протест против его замыслов. Это можно было понять уже из необычного для военного приказа политического обоснования директивы от 9 октября. 23 октября 1939 г. он обратился с большой речью к видным генералам сухопутной армии и авиации, а также к адмиралам. Против них как военных специалистов он, конечно, ничего не мог возразить. Он сделал им даже комплимент, сказав, «что нынешнее командование много лучше, чем в 1914 г.» Наконец, используя примеры из далекой истории, он попытался идеологически привлечь их на свою сторону. Гитлер дал понять, что конфликт с Западом рано или поздно должен все равно произойти, если Германия хочет завоевать необходимое жизненное пространство. Всякий другой путь означает, по его мнению, смерть нации. Если воздерживаться от насилия по отношению к внешнему миру, то неизбежно придется ограничить рождаемость. Это – величайшая трусость. Принципиально он создал вооруженные силы не для того, чтобы не воевать. «Решение воевать было во мне всегда».

Но и международная обстановка, по его мнению, заставляет действовать. Никто не знает, как долго просуществует пакт с Советским Союзом, обеспечивающий прикрытие с тыла. Усиление лагеря противников Америкой сейчас еще не имеет существенного значения. Но время работает на противников, и они никогда не заключат мира, если соотношение сил станет менее благоприятным для Германии. Несомненно, Англия и Франция предприняли бы

наступление, если бы они были достаточно подготовлены, и затем оказали бы нажим на Бельгию и Голландию, чтобы вынудить последних запросить у них помощи. Тогда Рурская область, эта ахиллесова пята Германии, окажется в величайшей опасности.

Удар на Западе будет означать, по его словам, не отдельный эпизод, а завершение войны в целом. В боеспособности германских вооруженных сил он глубоко убежден. Он был очень сильно оскорблен, когда услышал, что германская армия никуда не годится. «Я не выношу, когда говорят, что в германских вооруженных силах не все благополучно». Во всяком случае, командование должно показывать пример фанатической решительности.

Во всех своих выступлениях он всегда выдвигал себя на первый план: «Как последний фактор я должен, при всей моей скромности, назвать свою собственную незаменимую персону. Я убежден в силе своего ума и в своей решимости. Войны всегда оканчиваются только уничтожением противника. Думать иначе непростительно». Форма, в которой он взял на себя смелость решить судьбу немецкого народа, была просто дерзкой. «Я поднял немецкий народ на большую высоту, хотя нас сейчас во всем мире ненавидят. Это достижение я ставлю на карту. Я должен выбирать между победой и уничтожением. Я выбираю победу. Мое решение неизменно. Я предприму наступление на Францию и Англию в самом скором времени и в наиболее благоприятный момент».

Гитлер еще никогда не высказывался так открыто. Каждому слушающему его должно было стать ясно, что только победа или поражение ожидает немецкий народ, возглавляемый таким фанатиком. Конечно, число тех, кто давал себя ослепить и увлечь, было незначительно. Дальновидных людей, трезво смотрящих на вещи, он не мог убедить. Неверие в решающий успех немедленного наступления на западе, о котором прежде всего шла речь, вообще было невозможно рассеять. Верно также и то, что военные, занимавшие ответственные посты, имели правильное представление о положении дел. Успехи, достигнутые весной 1940 г., не доказывают обратного, потому что решающие факторы, которые сделали их тогда возможными, отсутствовали осенью 1939 г. Здесь опять неизбежно возникает вопрос, мог ли кто-нибудь, совершив акт насилия, изменить этим судьбу. Главнокомандующего сухопутными силами в ту зиму постоянно терзали мучительные сомнения, должен ли он действовать. Но позже, когда эти сомнения были преодолены, остался открытым практически более сложный вопрос о том, могло ли быть осуществлено устранение Гитлера и каким образом это можно было сделать. Всякий контакт с врагами, так же как и саботаж планов Гитлера, главнокомандующим заранее исключался. Покушение не входило в его расчеты по соображениям морального порядка. На что же, в таком случае, надо было направить главные усилия? Конечно, немецкий народ внутренне не был готов к длительной мировой войне с сомнительным исходом, воспоминания о 1914 г. пугали его и заставляли бояться предполагаемого нарушения Германией нейтралитета ряда стран. Но вера в «фюрера» в широких массах народа была слишком глубока, партийный аппарат крепко держал в своих руках народ, опутанный сетями пропаганды. Станет ли повиноваться армия? Как поведет себя авиация, флот, как вообще практически осуществить государственный переворот? Исторический анализ, может быть, покажет, что в тот момент имелась одна из последних, пожалуй, самая последняя возможность изменить ход истории. Будут также утверждать, что выход всегда находился там, где его искали достаточно настойчиво. Но следует и отдать должное невероятной душевной борьбе, которую нельзя себе даже представить, а также почти непреодолимым трудностям практического осуществления.

Растущая мощь армий западных стран, а также сомнения в том, позволит ли оперативный план от 29 октября достигнуть чего-нибудь еще, кроме более или менее крупного первоначального успеха, привели в последующие месяцы к пересмотру плана совместно всеми высшими командными инстанциями и штабами групп армий. Пересмотр касался главным образом решающего вопроса: как добиться уничтожения всех сил противника, находящихся севернее Соммы? Этого, по-видимому, нельзя было осуществить, если главный удар нанести через Бельгию по обе стороны Льежа. Если бы не удалось, как в Польше, прорвать оборону противника первым же ударом и в Бельгии произошло бы простое отеснение сил, то возникла бы опасность организованного отхода противника или даже позиционной войны. Ударная сила войск могла оказаться достаточной, чтобы выйти к Ла-Маншу, что имело исключительную

важность для последующего ведения войны против Англии. Однако не позднее чем у укрепленной франко-бельгийской границы наступление, предположительно, должно будет остановиться.

Значительно более эффективной обещала стать операция, в ходе которой наступающие войска уже с самого начала охватывали все силы противника, расположенные на территории Бельгии и Северной Франции, и создавали как можно скорее угрозу с тыла. Еще в начале ноября был запланирован удар группы моторизованных соединений. Предусматривалось, что этот удар будет представлять собою нечто большее, чем отвлекающую операцию и, «используя безлесную полосу по обе стороны Арлона и Флоранвиля, должен быть нанесен в направлении на Седан с задачей внезапно захватить западный берег реки Маас в районе Седана и юго-восточнее и этим самым создать благоприятные предпосылки для дальнейшего развития операций». Такой удар служил намеком на необходимость коренной переделки предыдущего оперативного плана. На последней особенно настаивал – и даже доложил об этом Гитлеру – генерал фон Манштейн, бывший тогда начальником штаба группы армий «А». Идея об изменении плана еще только обсуждалась, когда 10 января 1940 г. один офицер германской авиации вылетел в качестве курьера с важными документами из Мюнстера в Кельн вопреки категорическому приказу пользоваться в таких случаях только железной дорогой. Самолет сбился с курса и совершил посадку на территории Бельгии. Прежде чем пассажирам удалось уничтожить документы, они были окружены бельгийцами и взяты в плен. Теперь немцы должны были учитывать, что план наступления войск правого крыла немецких армий стал известен противнику.

Это происшествие послужило последним толчком к тому, чтобы отказаться от прежнего оперативного плана и разработать новый, который вначале казался почти неосуществимым. Он сводился к смелому замыслу предпринять наступление тремя танковыми группами, вначале на фронте только 60 км между Мальмеди и Люксембургом, через трудно проходимые лесистые Арденны с их многочисленными глубокими долинами, тянущимися с севера на юг. Затем немецкие войска должны были неожиданно для противника, по всей вероятности занимавшего подготовленную оборону, форсировать реку Маас между Динаном и Седаном. Полагали, что, если даже этот удар будет успешно осуществлен – а это зависело от многих случайностей, – решающий успех будет возможен только в том случае, если одновременно крупные англо-французские силы, стоящие на юго-западной границе Бельгии, выступят против немецких армий, наступающих на Голландию и Бельгию, и будут скованы последними прежде, чем противник поймет смертельную опасность, которую представляет для него удар на Маасе южнее Намюра. Нельзя было также упускать из виду, какие крупные резервы французы смогут ввести в центре приблизительно в районе Ретель, чтобы создать угрозу южному флангу наступающих немецких войск, переправившихся на левый берег реки Маас. «Внезапный удар на Седан – это такая операция, в которой можно самому потерпеть поражение», – так отозвался Иодль в феврале о новом плане.

Однако, несмотря на все возникавшие сомнения для достижения оперативной внезапности, нельзя было придумать ничего лучше этой смелой операции. Поэтому о ее подготовке был отдан приказ.

Положение на фронте оставалось спокойным. Продолжались поиски разведчиков, имевшие задачей захват пленных, командование пополняло свои Сведения о составе и расположении войск противника и о моральном состоянии французских войск. Англичане до середины октября четырьмя дивизиями (два армейских корпуса) заняли позиции на бельгийско-французской границе между Мольд и Байёль, то есть вдали от фронта. В этом районе проходил почти сплошной противотанковый ров, прикрываемый фланкирующим огнем дотов, расположенных на 1000 м одни от другого. Эта позиция, которая сооружалась как продолжение линии Мажино на случай прорыва немецких войск через Бельгию, зимой 1939/40 г. была закончена. Начиная с ноября на Саарский фронт каждые три недели прибывал один полк, а в начале мая туда была переброшена целая дивизия.

В декабре во Франции была сформирована пятая дивизия из ранее прибывших частей, а в первые месяцы 1940 г. из Англии прибыли еще пять дивизий, так что британский экспедиционный корпус вырос до 10 дивизий. В тылу английских войск было создано почти 50

аэродромов с цементными взлетно-посадочными полосами. Многочисленные дороги соединяли английские позиции с портом снабжения Нантом.

Если англичане и немцы зимой развернули широкую подготовку к предстоящим действиям, то французская армия этим совершенно не занималась. Собственное наступление командование планировало предпринять не раньше осени 1941 г. В наступление противника не особенно верили. Войска вообще не нацеливались на ведение войны. Широко распространенное меткое выражение «*drole de guerre*» – «странная война» – было характерным для отношения французов к войне и к родине. Черчилль, который с момента возникновения войны входил в состав английского военного кабинета как морской министр и с самого начала боролся за возможно более активное ведение военных действий, был очень озабочен событиями во Франции, так изменившейся с 1918 г. 19 сентября он писал премьер-министру Чемберлену: «Я так сильно настаиваю на доведении английской армии до 50-55 дивизий потому, что сомневаюсь, чтобы французы согласились с таким распределением нагрузки, которое возлагало бы на нас ведение войны на море и в воздухе, а на них – всю тяжесть потерь в войне на суше. Я считаю уместным сообщить французам о нашем намерении. Но вопрос о том, достигнем ли мы этой цели на 24-м, 30-м или 40-м месяце, должен оставаться открытым».

Естественно, во французском и английском генеральных штабах предавались мыслям, как следует встретить возможное наступление немцев. Было совершенно ясно, что оно могло иметь успех только при использовании бельгийской и, очевидно, голландской территории. Военные переговоры с Бельгией были затруднены тем, что эта страна, которая после первой мировой войны тесно примкнула в военном отношении к западным державам, в 1936 г. снова вернулась к своей традиционной политике нейтралитета. К тому же бельгийское правительство еще 23 июня 1939 г. заявило о своем нежелании вести какие бы то ни было переговоры с западными державами по линии генерального штаба. Хотя бельгийцы строили оборону на удержании прежде всего германско-бельгийской границы, однако они упорно не хотели пустить в свою страну войска западных держав до фактического нарушения нейтралитета Германией. Они, как и голландцы, все еще надеялись на то, что войне можно положить конец, прежде чем она станет реальностью. С этой целью оба правительства 7 ноября 1939 г. сделали воюющим странам предложение о посредничестве, «чтобы облегчить возможные переговоры». В своем ответе западные державы подчеркивали, что их целью является восстановление Польши и Чехословакии, в то время как Германия обещала «тщательное рассмотрение» ноты.

По вопросу о том, какие действия следует предпринять в случае наступления немецких войск через Бельгию и Голландию, между Англией и Францией возникли длительные разногласия, которые начались сразу же после окончания войны с Польшей. Их исход должен был иметь очень большое значение для успеха немецкой операции. Англичане вначале считали, что очень неосторожно продвигать левое крыло союзников до рубежа Живе, Намюр, Антверпен, если бельгийцы не допустят занятия этого рубежа до начала немецкого наступления. Поэтому они думали, что гораздо лучше остановить немцев на заранее подготовленных позициях у франко-бельгийской границы. Но французы не были удовлетворены таким решением. 17 ноября 1939 г. заседавший в Париже союзный верховный военный совет принял следующее решение: «Ввиду необходимости задержать германские вооруженные силы на рубеже, находящемся как можно дальше к востоку, важно направить все силы на то, чтобы в случае нападения немцев на Бельгию удержать линию Маас, Антверпен». Это решение приводило к тому, что четыре армии левого крыла: 9-я и 1-я французские армии, английский экспедиционный корпус и 7-я французская армия, в случае немецкого наступления на Бельгию должны были немедленно вступить в Бельгию и Голландию. В результате подвижные резервы союзников располагались и фактически использовались только на западном крыле. Сторонником этого плана был прежде всего генерал Гамелен, главнокомандующий французскими вооруженными силами, в то время как генерал Жорж, командующий французскими армиями на северо-востоке, предпочитал расположить крупные подвижные силы в качестве резервов за центром фронта.

Содержание немецких документов, захваченных в январе 1940 г. в Бельгии, по-видимому, еще больше утвердило западные державы в их решении. Когда в апреле 1940 г. стало ясно, что немецкие войска готовятся к наступлению, французский военный кабинет еще раз принял

решение о вступлении войск в Бельгию. Французы придерживались той точки зрения, что без 20 бельгийских дивизий нельзя обойтись и что рубеж Маас, Антверпен обладает наименьшей протяженностью. Указанное мероприятие, по их мнению, было наиболее быстрым способом ликвидировать превосходство немецких войск и добиться позиционной войны, в которой французы видели спасение своей страны. На заседании союзного верховного военного совета было решено оказывать сильный нажим на бельгийское правительство в том направлении, чтобы оно своевременно потребовало вступления союзных армий. Германское командование знало о сосредоточении крупных сил союзников на франко-бельгийской границе. Теперь важно было только то, чтобы союзники в решающий момент оказали немцам самую настоящую услугу, введя свои лучшие силы в наименее выгодном в оперативном отношении месте.

Прежде чем все это произошло, Германия всеми имеющимися у нее силами начала войну на море против Англии. Тем временем и в других частях Европы уже велись военные действия.

3. Морская и воздушная война против Англии зимой 1939/40 г.

В свое время Гитлер надеялся, что с Англией войны не будет, однако теперь пришлось примириться с иной действительностью. Правда, островное государство в самом ближайшем будущем не могло быть опасным на суше, в частности, оно было не в состоянии выполнить обязательства, данные легкомысленно Польше. К тому же английская авиация была недостаточно сильна, чтобы создать сразу серьезную угрозу. Морская блокада, которую, конечно, могла сразу начать Англия, была бы более обременительной, но, безусловно, ей не удалось бы изолировать Германию в такой степени, как это было в последние годы первой мировой войны.

Советский Союз был не только нейтральным, но обязался отправлять большое количество сырья и продовольствия в обмен на промышленные товары. Италия объявила себя невоюющим государством и этой формулой, выражающей больше, чем нейтралитет, проявила свою особую доброжелательность. Юго-Восточная Европа не принимала участия в войне. Она поставляла много сельскохозяйственных продуктов и сырья. Таким образом, значительная часть европейского рынка была открытой. Только положение с горючим с самого начала вызвало серьезные опасения. Моторизация армии, авиация и переход флота на жидкое топливо требовали, как и вся экономика страны, миллионов тонн горючего. В самой Германии нефти добывалось сравнительно немного; кроме этого, можно было рассчитывать только на румынскую нефть и небольшие запасы горючего сланца в Эстонии. К крупным нефтеносным районам мирового значения можно было добраться только по морю, а на море господствовал английский флот. В целом объявление войны Англией на первых порах не означало смертельной опасности. Однако это не могло служить основанием для успокоения в будущем. Раз Англия твердо решила вести войну до победного конца с напряжением всех своих сил и в надежде на поддержку со стороны Соединенных Штатов, то она должна быть побеждена, если Германия хочет прийти к миру. Для такой войны Германия не была подготовлена. Это явствовало из директивы военно-морскому флоту о ведении войны против Англии.

Она состояла из краткой фразы: «Военно-морской флот ведет борьбу с торговым флотом противника, главным образом с английским».

Из 57 немецких подводных лодок более половины были слишком малы, чтобы действовать в Атлантике. Подводные лодки, которые вели боевые действия, надо было периодически сменять, часть требовалась для обучения команд для новых подводных лодок, некоторые лодки нуждались в ремонте, так что после введения большого количества подводных лодок в самом начале войны в первые месяцы в среднем действовали только шесть-семь лодок.

Иногда для борьбы с торговым флотом противника можно было использовать «карманный» линкор. Предпринять что-либо большее германские военно-морские силы были пока не в состоянии.

Авиация во всяком случае оказала немалую помощь в борьбе с английским торговым флотом, чего не было в первую мировую войну. Самолеты могли атаковать торговые суда противника, а при благоприятных условиях – и военные корабли, минировать входы во

вражеские порты и совершать налеты на сами порты. Поэтому в директиве № 1 в отношении германской авиации говорилось следующее:

«Военно-воздушные силы имеют своей задачей в первую очередь воспрепятствовать действиям французской и английской авиации против германских сухопутных сил и жизненного пространства Германии.

В войне против Англии военно-воздушные силы должны быть использованы для нарушения снабжения Англии по морю, разрушения ее военно-промышленных объектов, уничтожения отправленных во Францию транспортов с войсками. Необходимо использовать благоприятные возможности для нанесения эффективных ударов по скоплениям английских кораблей, в особенности линкоров и авианосцев.

Налеты на Англию должны подготавливаться с таким расчетом, чтобы при любых обстоятельствах был исключен неполный успех, как следствие использования ограниченных сил».

Конечно, все эти задачи могли быть выполнены лишь частично. К тому же большое количество немецкой авиации было вначале занято в Польше.

В надежде еще отвлечь Францию от союза с Англией Гитлер ограничил действия военно-морского флота по уничтожению английских кораблей перед французскими портами, что причиняло много неудобств французам. Атаки на Францию с воздуха должны были вообще прекратиться.

Несмотря на ограничения, установленные в отношении подводной войны, и потенциальную слабость подводных сил, германский военно-морской флот начал войну против Англии со свойственным ему энтузиазмом. Первые успехи были весьма многообещающими. К 23 сентября 1939 г. общий тоннаж потопленных английских судов достиг 232 тыс. брутто-регистрационных тонн (*брт*). но это объяснялось главным образом временно сложившейся благоприятной обстановкой. Первая волна подводных лодок, начавших боевые действия, была необычайно велика. Они встретили большой поток судов, возвращавшихся в начале войны в свои страны, Англию и Францию; торговые суда противника не были вооружены, и оборона их была недостаточно хорошо организована.

Вскоре англичане неожиданно начали принимать контрмеры. В конце октября германское военно-морское командование в докладной записке отмечало, что результаты борьбы с торговым флотом противника, проводимой подводными лодками и надводными кораблями, хотя и следует признать удовлетворительными в военном отношении, но при данной форме ведения этой борьбы они являются совершенно недостаточными и не могут оказать решающего влияния на исход войны.

«Поток судов, осуществляющих ввоз в Англию, которым удалось избежать захвата или уничтожения, – говорится далее в докладной записке, – следует еще рассматривать в настоящее время как совершенно достаточный для удовлетворения военно-экономических нужд Англии». Это была трезвая оценка, и звучала она совершенно иначе, чем радиосообщения, сопровождаемые пением воинственной песни «Идем на Англию», как бы они ни свидетельствовали о подъеме и наступательном духе храбрых немецких моряков. Причины недостаточно интенсивного уничтожения английских торговых судов было определить нетрудно: они заключались в том, что было слишком мало подводных лодок и рейдеров, подводные лодки вследствие ограничения их действий международными соглашениями использовались далеко не полностью. Для уничтожения торговых судов противника и разрушения портов ввоза авиация применялась в очень ограниченных масштабах. К этому следовало прибавить организованно проведенные оборонительные мероприятия англичан. Они перешли к системе охранения транспортных судов крейсерами, эсминцами и самолетами, меняли пути конвоев, проводя их в стороне от обычных морских коммуникаций, вооружили большинство своих торговых судов, так что подводные лодки вынуждены были применять против них торпеды. За всеми прибрежными водами велось наблюдение с воздуха, для борьбы с подводными лодками использовались самолеты, отчасти во взаимодействии с эсминцами и траулерами. Против немецких рейдеров в Атлантике действовало большое количество крейсеров в северной и южной части Атлантического океана.

Германский штаб руководства войной на море сделал из всего этого вывод, что

«продолжительных и очевидно решающих действий против Англии следует ожидать только после осуществления новой широкой программы строительства подводных лодок и, следовательно, сосредоточения на этом усилий всей военной промышленности, а также после большого увеличения военно-воздушных сил, необходимых для ведения войны против Англии».

Пока же не приходилось ожидать от немецкой авиации каких-либо действий решающего значения. Строительство необходимого количества дальних бомбардировщиков Ю-88, которые могли бы действовать над западной частью Британских островов и в Атлантике, предполагалось закончить только весной 1940 г. Штаб руководства войной на море был настроен более скептически и считал, что выполнить программу строительства этих бомбардировщиков раньше осени 1940 г. не удастся. О том, что конструкция самолета типа Ю-88 окажется неудачной, в то время еще не было известно.

Чтобы при имеющихся силах можно было, по крайней мере, использовать все возможности, германский военно-морской флот, указывая на то, что англичане нарушили основные пункты Лондонского соглашения от 1930 г. о действиях торговых судов в военное время, настаивал на усилении подводной войны, то есть на отмене некоторых ограничений, касающихся в особенности потопления без предупреждения торговых судов противника и нейтральных стран. При этом главнокомандующий военно-морскими силами не хотел сразу объявлять запрещенную «неограниченную подводную войну», а начал постепенно ослаблять ограничения, что больше соответствовало практической необходимости. Был проведен ряд мероприятий, которые, в частности, должны были заставить суда нейтральных стран отказаться от захода в английские порты.

Помимо всех этих мер, которые если и могли дать результаты, то только через длительное время, штаб руководства войной на море надеялся, что удастся нанести большие потери противнику при помощи нового боевого средства – магнитной мины. О ее применении был дан приказ после того, как в начале октября выяснилось, что на изменение позиции Англии не приходилось рассчитывать. Постановка этих мин, взрыв которых вызывался воздействием магнитного поля корпуса корабля, даже не соприкасающегося непосредственно с миной, а проходящего близко над ней, производилась самолетами и кораблями. Зимой 1939/40 г. мины были поставлены у восточных берегов Англии немецкими эсминцами, вспомогательными судами и самолетами. Их внезапное появление означало вначале для Англии очень серьезную опасность. Потери судов от мин, поставленных у входов в порты, сразу резко увеличились. Это внушало большие опасения, тем более, что суда подрывались даже там, где, как полагали, мины были только что уничтожены. Магнитизация средств подводной войны не была новостью для англичан, но то, что ее применили к тяжелым донным минам, явилось для них неожиданностью. Англичанам было трудно принять соответствующие контрмеры, пока они не знали устройства мины. Последняя обладала одним недостатком: она могла действовать только на сравнительно небольших глубинах. Поэтому вскоре в руки англичан попали две немецкие магнитные мины. Однажды заметили, как немецкий самолет ставил мины на мелководье недалеко от берега. Применяя максимальные меры предосторожности, удалось обезвредить выловленные мины и узнать их конструкцию. Теперь, чтобы ограничить потери от этих мин до терпимых размеров, требовалось только время и, конечно, большая затрата материальных средств и рабочей силы. Англичане работали со всей настойчивостью, которую они всегда проявляют, когда чувствуют себя в смертельной опасности. Они изобрели методы траления новых мин и совершенствовали их. Сначала суда размагничивали, пропуская ток через кабель, идущий вокруг корпуса корабля, а с течением времени пришли к более простым методам. К концу года опасность, по-видимому, была в основном преодолена. Это средство борьбы можно было бы эффективно использовать гораздо дольше, если бы оно не было применено в тот момент, когда имеющиеся запасы, возможности изготовления и размеры производства этого оружия были еще ограничены.

Другим средством борьбы с английским торговым флотом была поддержка надводными кораблями действий подводных лодок против судов противника. Наряду с нападениями на английские морские коммуникации в Северном море, связывающие Англию с Норвегией, такие рейдеры отправлялись и в далекие океаны. Еще в конце августа, прежде чем началась

английская блокада и охрана районов севернее Англии, два броненосца «Дейчланд» и «Граф Шпее» вышли в Атлантику. В качестве рейдеров оба эти корабля, которых за границей называли «карманными» линкорами, были наиболее подходящими и представляли большую опасность для слабо охраняемых конвоев и отдельных судов. Англичанам с целью борьбы против немецких «карманных» линкоров оставалось только сформировать несколько поисково-ударных групп, для чего были привлечены все английские авианосцы, несколько линкоров, линейных и тяжелых крейсеров. Каждая из этих групп должна была быть достаточно сильной, чтобы задержать и уничтожить немецкий «карманный» линкор. Это мероприятие требовало большого напряжения сил от английского военно-морского флота, который, кроме того, должен был теперь выделять линкоры и крейсера в качестве дополнительного охранения при проводке конвоев в северной части Атлантического океана.

Все эти оборонительные мероприятия противника были вызваны только тем, что немецкие военные корабли начали действовать на морских коммуникациях мирового значения. Задача германского флота заключалась в том, чтобы нарушать нормальное судоходство и уничтожать торговые суда противника всеми возможными средствами, однако вступать в бой с силами противника, даже если они окажутся слабее, только в том случае, когда это будет способствовать выполнению главной задачи. Немецкие военные корабли должны были часто менять свое местонахождение в районе действий, при случае даже выбирать отдаленные участки, короче говоря – всячески усиливать неуверенность противника и его опасения за свои конвои.

«Дейчланд», который крейсировал в северной части Атлантического океана, в особенно опасном районе, добросовестно придерживался этих указаний. Поэтому он ограничивался почти исключительно тем, что беспокоил противника и сковывал его силы. Этот корабль потопил только два торговых судна и в начале ноября 1939 г. возвратился в Германию. После его возвращения Гитлер потребовал, чтобы корабль был переименован в «Лютцов»: он боялся, что потопление «Дейчланда» может оказать неблагоприятное психологическое воздействие.

Совершенно иначе проходило плавание «карманного» линкора «Граф Шпее». 30 сентября близ порта Ресифи у восточной оконечности Бразилии он потопил английский пароход. Английское адмиралтейство встревожилось. К середине октября были сформированы и распределены в южной части Атлантического океана многочисленные поисково-ударные группы с задачей воспрепятствовать действиям немецкого корабля. Однако «Граф Шпее» продолжал выполнять свою задачу очень искусно. Иногда он находил себе жертву, затем опять исчезал надолго в бесконечных просторах океана. 15 ноября он потопил небольшой английский танкер у острова Мадагаскар – теперь он находился уже в Индийском океане. Однако командиру казалось, что будет целесообразно существенно изменить район действий. Обогнув мыс Доброй Надежды, он снова пошел в Южную Атлантику. Немецкий корабль действовал уже в течение нескольких месяцев, а англичане все еще не знали, с кем они имели дело: они искали «Адмирала Шеера».

Когда «Граф Шпее» возвратился в южную часть Тихого океана, английская поисково-ударная группа в составе двух тяжелых и двух легких крейсеров несла охранение в районе Ла-Плата и Рио-де-Жанейро, полагая, что броненосец рано или поздно здесь появится. 13 декабря тяжелый крейсер «Эксетер» и легкие крейсера «Аякс» и «Ахиллес» находились перед устьем реки Ла-Плата, когда рано утром заметили «Графа Шпее». Английский крейсер «Эксетер» имел 210-мм орудия, два легких крейсера – только 150-мм, тогда как у «Графа Шпее» были 280-мм орудия.

План командира английского соединения сводился к тому, чтобы открыть огонь по немецкому кораблю с большой дистанции и с разных направлений с целью не дать ему возможности вести ответный сосредоточенный огонь. Английские корабли начали быстро приближаться к своему противнику. Последний вначале подумал, что против него находятся только легкий крейсер и два эскадренных миноносца и полным ходом пошел им навстречу. Это заблуждение стало роковым для немецкого корабля. Он мог бы, используя большую дальноточность и мощь огня своей артиллерии, держать три вражеских корабля на значительном расстоянии и потом уйти от них, не получив крупных повреждений. Немецкий корабль быстро оказался в радиусе действия артиллерии сначала крейсера «Эксетер», а затем и

обоих легких крейсеров. «Граф Шпее» так тяжело повредил «Эксетер», что последний временно потерял способность маневрировать. Одна башня и все приборы управления кораблем в боевой рубке вышли из строя. Продолжать бой тяжело поврежденный английский корабль уже не мог. Но и «Граф Шпее» получил сильные повреждения. Его командир решил зайти для ремонта в порт, считая, что без этого корабль не может продолжать выполнение своей задачи. Поэтому он зашел в устье Ла-Платы и надеялся произвести ремонт в уругвайском порту Монтевидео, чтобы затем опять выйти в море. Оба английских крейсера остановились перед портом и стали ожидать появления немецкого корабля. Крейсер «Эксетер» был совершенно не способен вести боевые действия. Его место занял равноценный корабль «Кумберленд», который с максимальной быстротой совершил переход от Фолклендских островов до Монтевидео и в ночь на 14 декабря подошел к Ла-Плате. Уругвайское правительство под английским нажимом не разрешило «Графу Шпее» ремонтировать повреждения, которые ограничивали его мореходные качества. Этим судьба немецкого корабля была решена. Его уход из Монтевидео представлялся невозможным. В случае интернирования в дружественном Англии Уругвае «Граф Шпее» мог попасть в руки англичан. Поэтому командир немецкого корабля, связавшись предварительно с Берлином, решил затопить корабль вне гавани на реке Ла-Плата. Сам он покончил жизнь самоубийством. Этим он хотел показать, что в сравнении с желанием сохранить свою команду от бесполезной смерти забота о собственной жизни не была для него важной. Броненосец за три месяца своего плавания потопил девять судов общим тоннажем 50 тыс. *брт*.

Появление немецких рейдеров в Атлантическом океане, может быть, не могло существенно нарушить торговлю Англии и ведущуюся в интересах Англии торговлю нейтральных стран. Несмотря на это, англичане успокоились и вздохнули с облегчением, когда узнали, что после уже известного им возвращения «Дейчланда» и гибели «Графа Шпее» Атлантический океан стал опять свободным от надводных кораблей противника.

Кроме всего прочего, это означало, что престиж Англии как морской державы не был поколеблен. За несколько недель до гибели «Графа Шпее» англичан сильно встревожили смелые действия командира подводной лодки И-47 капитан-лейтенанта Прина. Ему удалось в ночь с 14 на 15 октября проникнуть на внутренний рейд Скапа-Флоу и потопить стоявший там на якоре линкор «Ройял Ок» водоизмещением 30 тыс. *т*. Этот подвиг был совершен благодаря тщательному планированию боевого похода со стороны командующего подводными силами и ценным разведывательным данным, полученным аэрофотосъемкой. Они позволили обнаружить узкий проход через многочисленные заграждения у входа в базу. Несколькими днями позже на эту военно-морскую базу предприняли налет немецкие самолеты. Они уже не нашли здесь флота и бомбили только совершенно разбитый блокшив. Два нападения, предпринятые одно за другим, показали англичанам, насколько уязвима была база, в которой находились их ценнейшие корабли. Флот был временно распределен по другим гаваням, пока оборонительные сооружения Скапа-Флоу основательно укреплялись против атак с моря и с воздуха.

Значительных потерь крупных кораблей англичане не несли ни от немецких подводных лодок, ни от воздушных налетов, ни от мин. Кроме линкора «Ройял Ок», самой тяжелой потери, 17 сентября немецкой подводной лодкой был потоплен авианосец «Корейджиес» в Бристольском заливе. 21 ноября в заливе Ферт-оф-Форт наскочил на мину новый крейсер «Белфаст», 4 декабря такая же участь постигла линкор «Нельсон» при входе в залив Лох-Ю. Однако оба эти корабля удалось привести в порт и устранить повреждения. Потери мелких кораблей не превышали допустимых пределов, хотя, безусловно, они затрудняли действия английского флота, осуществлявшего блокаду Германии и, кроме того, вынужденного выделять крупные силы для охранения транспортов. Предусмотренные в директиве эффективные воздушные налеты на скопления судов противника нигде не предпринимались. Английская зенитная артиллерия и авиация были достаточно сильными, чтобы удерживать германские военно-воздушные силы от рискованных налетов, при которых ожидаемые потери ни в какой степени не оправдывались возможными результатами. Вообще в первую зиму войны германская авиация не играла большой роли в борьбе с английским торговым флотом главным образом потому, что радиус действия истребителей был недостаточным и они не могли сопровождать бомбардировщиков до цели.

Германский торговый флот исчез с океанов. Часть судов сумела своевременно вернуться в немецкие порты. Но 323 судна общим тоннажем 750 тыс. *брт* вынуждены были укрыться в нейтральных портах, откуда часть их позднее ушла, прорвав блокаду. 41 судно общим тоннажем 225 тыс. *брт* было затоплено командой или попало в руки противника. Одно из самых крупных немецких торговых судов «Европа» находилось как раз в Бремерхафене. «Бре-мену», стоявшему в Нью-Йорке, после полного приключений перехода, который он совершил до Мурманска через Северный Ледовитый океан, удалось в середине декабря прийти в немецкий порт. Судно «Колумбус», пытавшееся таким же путем добраться до Германии, было замечено канадским эсминцем у побережья Северной Америки северо-восточнее Виргинии. Прежде чем оно было захвачено, его потопил сам капитан.

В общем, первые шесть месяцев морской и воздушной войны против Англии и Франции, а также борьбы с торговыми судами нейтральных стран, заходившими в английские и французские порты, характеризуются большим количеством потопленных судов. По немецким данным, тогда было потоплено 496 судов общим тоннажем 1,8 млн. *брт*. Кроме того, 354 нейтральных судна общим тоннажем 607 811 *брт* были приведены в немецкие порты для определения того, должны ли они быть захвачены с точки зрения призового права. Союзники утверждали, что нетто-тоннаж английского торгового флота, то есть разница между тоннажами потопленных и вновь построенных судов, составляла только 200 тыс. *брт*. Однако англичане не понимали того, что главного наступления против их морских коммуникаций следовало ожидать лишь в 1940 г., когда полностью развернулось строительство немецких подводных лодок.

4. Действия Советского Союза в Прибалтике

Русско-финская война 1939-1940 гг.

Еще не высохли подписи под германо-советским договором о границах и дружбе от 28 сентября 1939 г., как русские в тот же день заключили с Эстонией, по-видимому, заранее подготовленный «пакт о взаимной помощи», предусматривавший оказание взаимной помощи в случае нападения со стороны третьей державы. Такие же «договоры» были подписаны 5 октября с Латвией и 11 октября с Литвой. Общим в этих договорах было то, что Советский Союз обязался поставлять оружие и боеприпасы Прибалтийским государствам и что обе стороны обещали не заключать договоров, направленных против другого партнера. Суверенитет договаривающихся сторон ни в коем случае не должен был нарушаться.

Однако Эстония должна была предоставить Советскому Союзу право на размещение гарнизонов и сооружение военно-морских баз на островах Эзель (Сарема) и Даго (Хиума), а также в Балтийском порту (Палдиски) и, кроме того, передать в распоряжение русской авиации несколько аэродромов.

В Латвии предусматривалось создание русских авиационных и военно-морских баз в портах Либава (Лиепая) и Виндава (Вентспилс). Латвия должна была также разрешить установку русских береговых батарей для обороны Рижского залива.

Наконец, Литва должна была смириться с размещением гарнизонов Красной Армии и организацией русских аэродромов на своей территории. После того как Советский Союз в сентябре 1939 г. присоединил к себе восточную часть Польши, которую он требовал еще в 1920 г., теперь и прибалтийские провинции старой царской России фактически опять вошли в сферу влияния русских. Одновременно русские ликвидировали [67 – Схема 1] всякую угрозу со стороны южной части Финского залива для военно-морской базы Кронштадт.

Теперь Советский Союз хотел поступить с Финляндией так же, как он поступил с тремя прибалтийскими странами. Здесь русские не в первый и не в последний раз в долгой истории взаимоотношений между этими пародами встретили упорное сопротивление. 5 октября они предложили финнам послать в Москву представителя для переговоров, в цели которых, учитывая недавние события с Прибалтийскими государствами, не могло быть сомнений. На переговорах русские потребовали сдачу им в аренду порта Ханко в северо-западной части

Финского залива, некоторые острова, расположенные перед южным побережьем Финляндии, а также предложили отодвинуть проходящую у самого Ленинграда финскую границу на Карельском перешейке и передать Советскому Союзу западную часть полуострова Рыбачий на побережье Северного Ледовитого океана. В качестве компенсации они предложили крупный, но не представляющий ценности участок территории на русско-финской восточной границе. Финны, чтобы показать свою добрую волю, были готовы к некоторым уступкам, которыми русские, однако, не удовлетворились. Особенно они настаивали на своем требовании в отношении Ханко, на которое финны не согласились. Хотя Молотов в конце октября в одной из своих речей предупреждал финнов о тяжелых последствиях, которые повлечет за собой отклонение русских требований, они оставались непреклонными. После без успешных попыток прийти к соглашению переговоры 13 ноября закончились не приведя ни к каким результатам. Советский Союз, несомненно, остался не доволен таким исходом. Финляндия начала мобилизацию и усилила свои войска на Карельском перешейке.

Здесь 26 ноября произошел один из тех «инцидентов», которыми так богат последний период истории. Было заявлено, что финны якобы вели через границу артиллерийский огонь. Предложение финнов о совместном расследовании было отвергнуто Советским Союзом. Через день он заявил о расторжении пакта о ненападении с Финляндией. 29 ноября русские констатировали новые «нападения финских войск» на свою территорию, порвали дипломатические отношения и 30 ноября начали давно запланированную войну.

Так, независимо от войны между Германией и западными державами, но отчасти благодаря ей, возник новый очаг войны на севере Европы.

Обоснование русскими своего наступления было составлено в знакомых ставших широко распространенными выражениях. Русское радио сообщило что Советский Союз после «неоднократных провокаций» со стороны Финляндии начал военные действия. Уже 30 ноября были совершены воздушные налет на столицу Финляндии Хельсинки и ее аэродром, а также на Ханко и Лахти Русские военные корабли в ряде мест обстреляли южное побережье Финляндии. Казалось, что положение финнов в военном отношении безнадежно, что русский колосс, вне всякого сомнения, сокрушит их в течение нескольких недель.

Вооруженные силы крупной державы с ее 180-миллионным населением противостояли маленькому государству с населением всего 3,5 млн. человек» Никто, кроме самих финнов, не думал, что пройдет более трех месяцев, прежде чем русские достигнут своей цели. Вначале русское командование начал наступление с четырех направлений, используя сравнительно небольшие силы из своих неисчерпаемых резервов.

Наиболее сильная 7-я армия (шесть-восемь стрелковых дивизий, крупны танковые соединения и тяжелая артиллерия) наступала на линию Маннергейма – глубоко эшелонированную, хорошо оборудованную в инженерном отношении систему долговременных оборонительных сооружений и укреплений полевого типа на Карельском перешейке.

Чтобы поддержать наступление 7-й армии и позднее нанести удар во фланг и в тыл линии Маннергейма, менее крупная 8-я армия была развернута севернее Ладожского озера.

Приблизительно в середине восточной границы протяженностью около 1600 км, там, где находится наиболее узкая часть Финляндии, заключения между восточной границей и Ботническим заливом, должна была нанести удар 9-я армия, чтобы продвинуться через Кемиярви и Суомуссалми на Торнио и Оулу у Ботнического залива и разрезать территорию Финляндии на две части.

Наконец, 14-я армия, сосредоточенная на Крайнем Севере, имела задачу захватить западную часть полуострова Рыбачий, занять Печенгу (Петсамо) и продвигаться на юго-запад.

Финны правильно определили эти уязвимые места на своей границе и соответственно расположили свои слабые силы. Из армии мирного времени, насчитывавшей 33 тыс. человек и имевшей три дивизии, и из шюцкора, организации милиционного типа численностью 100 тыс. человек, они создали вооруженные силы в составе десяти дивизий и семи смешанных бригад общей численностью около 300 тыс. человек. Из современного вооружения финны имели не более 150 самолетов, несколько танков и зенитных батарей.

Во главе вооруженных сил Финляндии стоял маршал Маннергейм. Он прослужил много лет в царской армии, но в 1918 г. возглавлял освободительную борьбу против большевиков и

считался освободителем финнов от русского гнета.

Свои основные силы финны расположили перед линией Маннергейма, проходящей в 30 км от границы. Эти силы, как и войска, выдвинутые в район севернее Ладожского озера для обеспечения фланга, находились под командованием генерала Эквиста.

Другие, значительно меньшие силы располагались в районах Кухмо и Салла против 9-й русской армии, а также на севере близ Петсамо. [70 – Схема 2]

Оснащение, вооружение и тактика финской армии были приспособлены к ведению боевых действий в условиях суровой зимы на местности с многочисленными озерами и большими лесными массивами. Сила обороны финнов заключалась в умелом использовании мощных естественных препятствий. Этим объясняются удивительные успехи, достигнутые финской армией в первые месяцы войны, несмотря на численное превосходство противника.

Фронтальное наступление, предпринятое русскими на Карельском перешейке сначала слишком слабыми силами, было остановлено еще в предполье линии Маннергейма искусными действиями упорно оборонявшихся финнов. Прошел весь декабрь, а русские, несмотря на непрерывные атаки, не могли добиться существенных успехов. Они завязли в предполье финских укреплений.

Но и на протянувшейся на сотни километров восточной границе русским нигде не удалось добиться решающих успехов. Они пришли к заключению, что требуются значительно большие силы, чем предполагалось вначале, чтобы победить противника – маленького, но воюющего чрезвычайно искусно и ожесточенно.

В январе 1940 г. усиление русскими своих войск еще не отразилось на ходе боев, наоборот, почти всюду русские потерпели неожиданные неудачи. Успехи первого месяца войны сильно воодушевили финнов, их тактика полностью оправдалась, они вели активную оборону все более храбро, нанося русским значительные потери. В то время как на линии Маннергейма борьба приобрела ярко выраженный позиционный характер, финнам удалось уничтожить одну за другой две русские дивизии, которые в начале января попытались продвинуться на Суомуссалми. Они дали русским, которые в ледяную стужу двумя длинными колоннами двигались через леса с глубоким снежным покровом, вначале несколько углубиться, затем обошли их с флангов лыжными частями, отрезали пути отхода и совершенно уничтожили раздробленные на отдельные группы и лишенные всякого снабжения войска. Вооружение и снаряжение обеих дивизий досталось финнам в качестве трофеев. В районе севернее Ладожского озера финские войска даже перешли в наступление. Им удалось отбросить противника до 40 км обратно к государственной границе и этим самым ликвидировать угрозу линии Маннергейма с севера. Правда, на Крайнем Севере был потерян город Печенга, но финны и здесь могли еще держаться. В январе русские предприняли несколько очень интенсивных воздушных налетов, особенно на Хельсинки, чтобы сломить волю финнов к сопротивлению.

Таким образом, финны могли бы испытывать глубокое удовлетворение от результатов этого второго месяца войны, если бы их не угнетали заботы о будущем. В то время как у русских имелись неисчерпаемые резервы и могло быть только вопросом времени, когда они, наконец, введут превосходящие силы, людские ресурсы финнов были очень ограниченными, к тому же их войска постепенно все больше таяли и были крайне переутомлены боями. Тщетно финны искали помощи извне. Пожалуй, симпатии всех европейских народов были на стороне храброго маленького народа. Но Германия была связана пактом с Советским Союзом, а западные державы пока не хотели вмешиваться, так как они опасались вызвать этим еще большее сближение Советского Союза с Гитлером. Когда же они приняли другое решение, было уже слишком поздно. Около двух батальонов шведских добровольцев, действовавших у Петсамо, – вот все войска, которые получила Финляндия от иностранных государств. Помощь военной техникой была значительно большей. Англия, Франция и Швеция в течение войны прислали вместе 500 самолетов, 100 зенитных и 75 противотанковых пушек, большое количество боеприпасов и много других военных материалов. Но какой бы необходимой ни была такая поддержка, иссякающие людские резервы не могли быть компенсированы даже еще большим количеством техники.

В начале февраля стало заметно сказываться превосходство русских. Русские

по-прежнему хотели прорвать фронтальным ударом линию Маннергейма и с этой целью увеличили численность 7-й армии в три раза. 1 февраля 7-я армия предприняла первую попытку осуществить прорыв, начав наступление после мощной артиллерийской подготовки. Используя большое количество танков, русские непрерывными атаками в течение двух дней пытались прорвать финскую оборону. Но все атаки разбивались о непоколебимую стойкость финнов. Наконец 5 и 7 февраля русским удалось в нескольких местах вклиниться в расположение финских войск. 11 февраля они развернули наступление по всему фронту и добились новых успехов. Мощь финской обороны была сломлена. Чтобы предотвратить прорыв, 13 февраля финны начали отводить войска правого фланга линии Маннергейма в район восточнее Выборга. Вследствие этого устойчивость обороны финских войск, правый фланг которой упирался в сильно укрепленный полуостров Бьёркё, на юге была нарушена.

Попытка русских прорвать оборону на левом фланге севернее Ладожского озера не удалась. С наступавшей здесь дивизией между 20 и 23 февраля произошло то же самое, что и с двумя дивизиями, которые в предыдущем месяце были уничтожены в районе Суомуссалми. Она была отрезана, раздроблена на отдельные группы и уничтожена финнами. Слишком поздно присланную ей на помощь русскую танковую бригаду 1 марта постигла та же участь. Это были выдающиеся успехи, которые, однако, не могли оказать решающего влияния на положение финских войск на главном направлении. Русские, располагая там подавляющим превосходством в силах, продолжали наступление. Они искусно использовали замерзшее море южнее Выборга, обошли город, окружили его и начали продвигаться вдоль побережья на запад. Война грозила стать маневренной; целью русских был захват столицы Финляндии, и финны, исчерпавшие все свои резервы, уже не могли противопоставить своему противнику достаточное количество войск. Потери убитыми, ранеными и пропавшими без вести составляли 20 процентов общей численности армии (300 тыс. человек). Избежать дальнейших жертв в этой войне, ставшей для финнов безнадежной, было невозможно.

7 марта Маннергейм выступил в финском военном совете за то, чтобы начать с русскими официальные переговоры, для которых Москва уже зондировала почву. Может быть, признаки поддержки финнов Англией и Францией явились главным фактором, побудившим Советский Союз изменить свою позицию, причем русские не столько боялись военной помощи финнам, сколько утверждения западных держав в Северной Европе. После того как 8 марта в Москву отправилась финская делегация и русские 11 марта овладели городом Выборг, 13 марта военные действия прекратились.

Подписанный в тот же день договор о мире требовал от Финляндии очень больших жертв, но сохранил ее самостоятельность и позволил этой стране избежать судьбы ее южных соседей.

Твердую волю финского народа не могло не признать даже правительство в Кремле. Правда, его претензии далеко превышали требования, выставленные в октябре 1939 г. Советский Союз получил весь Карельский перешеек, включая город Выборг. Дуга финской границы, выгибавшаяся севернее Ладожского озера на восток, была срезана по ее хорде, узкая центральная часть Финляндии еще больше сузилась в результате перемещения границы на запад. Весь полуостров Рыбачий отошел к русским. Финны должны были отдать Ханко на тридцать лет в аренду Советскому Союзу, который имел право создать там военно-морскую базу. Финляндия могла иметь в водах Северного Ледовитого океана в районе Печенги только небольшие корабли береговой охраны. Это были очень тяжелые условия, но зато Финляндия оставалась суверенным государством, Престиж русских в военном отношении сильно поколебался, хотя с самого начала было ясно, что финнам не избежать поражения. Спрашивалось: почему удалось достигнуть успеха только после трехмесячных кровопролитных боев? Конечно, наступление было начато слишком слабыми силами. Но русские в течение всей войны проявили такую тактическую неповоротливость и такое плохое командование, несли такие огромные потери во время борьбы за линию Маннергейма, что во всем мире сложилось неблагоприятное мнение относительно боеспособности Красной Армии. Несомненно, впоследствии это оказало значительное влияние и на решения Гитлера. И все же слишком мало учитывали недостаточно искусное командование, не обращали внимания на то, как упорно сражались советские части, стойко державшиеся даже в безнадежном положении и бывшие довольно сильным противником в обороне.

Действия Советского Союза в области политики, наоборот, не могли вызывать никаких кривотолков как до начала конфликта, так и во время войны, Они раз и навсегда показали всему миру, чего он должен ожидать там, где Советский Союз может действовать по собственному усмотрению.

Когда 3 декабря Финляндия обратилась к еще существовавшей тогда Лиге Наций с просьбой о защите и оказании поддержки. Лига Наций призвала Москву прекратить военные действия и принять посредников. Москва отвергла это предложение, заявив, что Советский Союз вовсе не ведет никакой войны с Финляндией, а живет в мирных отношениях с «Финляндской демократической республикой, с которой он 2 декабря 1939 г. заключил договор о взаимопомощи и дружбе». Это созданное в Териоки правительство просило Советский Союз 1 декабря о помощи для «совместного устранения опасного очага войны, который в Финляндии создан ее бывшими правителями», поэтому бывшие правители не имеют больше права обращаться в Лигу Наций. Лига Наций не поддавалась этой софистике и 15 декабря после длительных совещаний постановила, что Советский Союз своими действиями сам исключил себя из состава этого международного органа и поэтому не является больше его членом. Одновременно Лига Наций обратилась к каждому своему члену с настоятельным призывом оказать Финляндии такую помощь в людях и технике, какую только может оказать каждое государство. Вместо необходимой вооруженной помощи, предусмотренной в таких случаях уставом Лиги Наций, была предпринята слабая мера – обращение к членам Лиги Наций. Крупные державы, несмотря на сильное возмущение малых государств, не допустили совместных действий против Советского Союза, потому что это не входило в их политические расчеты. Когда война в Финляндии неожиданно приняла затяжной характер, Англия и Франция изменили свою точку зрения. Они решили оказать Финляндии помощь, чтобы таким окольным путем утвердиться в Северной Скандинавии и воспрепятствовать германскому импорту шведской руды; но они опоздали со своим решением.

5. Оккупация Норвегии и Дании

Скандинавским вопросом в Англии и Германии занялись вскоре после начала войны, причем это не было связано с русско-финским конфликтом. Обе державы не сомневались, что территория Норвегии имела особо решающее значение для того, чтобы перерезать жизненно важные для противника морские коммуникации. В Англии, которая решила вести войну до уничтожения господства Гитлера, Черчилль в сентябре 1939 г. выразил следующую точку зрения: Скандинавию необходимо освободить только от угрозы германского вторжения, чтобы она тем самым совершенно автоматически вошла в британскую систему, если бы даже у нее не было желания принимать активное участие в войне. Гарантия нейтралитета Норвегии ему казалась несовместимой с английскими интересами уже потому, что немецкие торговые суда, несмотря на превосходящие силы английского флота, могли беспрепятственно использовать нейтральные воды для транспортирования руды из Нарвика. Черчилль и английское адмиралтейство неустанно настаивали на минировании прибрежных вод Норвегии. Меморандум от 16 декабря 1939 г. развивал эти положения и наряду с минированием ставил вопрос об оккупации Нарвика и Бергена. «Никакое формальное нарушение международного права, если мы при этом не совершаем бесчеловечных актов, не может лишить нас симпатии нейтральных стран», – говорится в меморандуме. «От имени Лиги Наций мы имеем право – и это даже наш долг – временно лишить силы как раз те законы, которым мы хотим придать особое значение и соблюдение которых хотим обеспечить. Малые нации не должны нам связывать руки, если мы боремся за их права и свободу». Не в первый раз Англия от имени человечества нарушила священные принципы международного права, мешавшие ей вести войну.

Наступление русских дало в руки Черчилля новый аргумент для решительных действий в Северной Скандинавии. Он приветствовал, по его собственным словам, повеявший теперь свежий бриз как средство использовать стратегическое преимущество, которое получит Англия, лишив Германию возможности ввозить жизненно важную для последней шведскую руду. Британский кабинет пока не поддавался влиянию своего экспансивного морского

министра. Все же он поручил главнокомандующим армией, флотом и авиацией составить планы оказания поддержки Финляндии, а также разработать операции против возможного вторжения немцев в Южную Норвегию.

Между тем в Англии и Франции усиливалось стремление воспользоваться русско-финским конфликтом как предлогом для высадки десанта в Северной Норвегии. 15 января 1940 г. французский главнокомандующий генерал Гамелен указал своему премьер-министру на то, как важно было бы создать новый театр военных действий в Скандинавии. Он предлагал высадить войска союзников в Печенге и захватить порты и аэродромы на западном побережье Норвегии. В случае необходимости можно было развернуть более широкие боевые действия вплоть до захвата шведских рудников Елливаре. 27 января союзный верховный военный совет в Париже принял решение сформировать для помощи Финляндии две английские дивизии и одно французское соединение, которые из политических соображений должны были носить название добровольческих. Английский премьер-министр считал высадку десанта в Петсамо нежелательной, а высадку в Нарвике, наоборот, очень целесообразной, особенно для того, чтобы создать угрозу рудникам в Елливаре. Но когда, разработав планы и закончив организационные приготовления, уже хотели приступить к действию, война в Финляндии закончилась – раньше, чем ожидалось. Однако незадолго перед этим, в середине февраля, англичане создали инцидент с немецким пароходом «Альтмарк», чтобы иметь удобный случай проверить, в какой мере можно нарушить нейтралитет Норвегии, встречая с ее стороны лишь платоническое сопротивление. Пароход «Альтмарк» неоднократно снабжал топливом «Графа Шпее» в южной части Атлантического океана и имел на борту около 300 британских моряков с захваченных или потопленных судов. В начале февраля ему удалось прорвать английскую блокаду в районе между Исландией и Фарерскими островами. Теперь, возвращаясь в Германию, он появился в норвежских прибрежных водах. Англичане считали, что будет нарушением нейтралитета, если английские моряки будут доставлены в Германию таким путем, и поручили флотилии эсминцев захватить – даже в нейтральных водах – пароход «Альтмарк». Немецкий пароход нашел убежище в маленьком норвежском фиорде между Ставангером и Кристиансанном. Два английских эсминца последовали за ним и, несмотря на сопротивление двух норвежских канонерских лодок, проникли в фиорд. Затем они взяли немецкое судно на абордаж, освободили пленных, которые, к их удивлению, чувствовали себя превосходно, и взяли в плен часть немецкой команды; остальным немецким морякам удалось укрыться на берегу. Мнения относительно того, кто действительно нарушил нейтралитет, были противоречивы. Очевидно, воюющие стороны были склонны истолковывать инцидент так, как отвечало их интересам. Это неизбежно вело к тому, что отныне каждая сторона стала ожидать от противника всяких незаконных действий и делала отсюда вывод о необходимости предупредить такие действия. Неоднократно выражавшееся англичанами мнение, что, когда ведется война с Гитлером, всякий нейтралитет теряет моральное право на свое существование, должно было значительно облегчить Гитлеру обоснование нарушенного им нейтралитета.

Черчилль продолжал упорно добиваться своей цели. Ему удалось получить согласие Чемберлена, который считал необходимым «предпринять теперь какие-нибудь активные действия», и Рейно, нового французского премьер-министра. 28 марта на заседании союзного верховного совета в Лондоне было решено 5 апреля произвести минирование норвежских прибрежных вод и в ожидании реакции Германии погрузить на корабли английскую бригаду и французские войска, чтобы захватить Нарвик и по железной дороге продвигаться к шведской границе. Другая группа должна была высадиться в Ставангере, Бергене и Тронхейме, чтобы помешать противнику использовать эти опорные пункты. Вследствие непосредственно не связанных с норвежским предприятием разногласий с французами английский кабинет отложил минирование на 8 апреля.

Минирование произвели в назначенный день между 4 час. 30 мин. и 5 час. в трех местах, но только в 5 час. 30 мин. было сообщено об этом нотой норвежскому правительству. В указанной ноте английское и французское правительства упрекали германское правительство в том, что оно своим характером ведения войны на море и в воздухе явно нарушает права нейтральных стран, чтобы этим нанести удар союзным державам, и одновременно настаивает

на строжайшем соблюдении нейтралитета во всех тех случаях, когда ему это выгодно. Поэтому союзные правительства пришли к убеждению, что при этих условиях даже незаконные средства становятся законными. Они не могут больше терпеть такого положения, когда Германия получает средства для продолжения войны и когда преимущества, которые дает рейху торговля с Норвегией, наносят союзникам ущерб.

Тем временем германское верховное командование осуществило операцию против Норвегии и Дании под названием «Везер-юбунг». Она уже давно была разработана с учетом всех «за» и «против» и затем тщательно подготовлена.

10 октября 1939 г. главнокомандующий военно-морскими силами генерал-адмирал Редер впервые указал Гитлеру на значение Норвегии в войне на море против Англии. Оккупация норвежских баз Англией, говорил он, представляет серьезную опасность для Германии. Она означала бы овладение входами в Балтийское море, угрозу с фланга действиям германского флота на Северном море и германской авиации, совершающей налеты на Англию, а также дала бы Англии возможность оказывать сильное давление на Швецию. Оккупация этих баз Германией, наоборот, открыла бы ворота в северную часть Атлантического океана и сделала бы невозможным постановку английских минных заграждений, которые в 1917-1918 г. так сильно мешали действиям подводных лодок {6}. В докладной записке, представленной в это же время адмиралом Деницем, отмечалось, как благоприятно отразилось бы на действиях подводных лодок в Атлантике сокращение расстояний от их баз до районов боевых действий в результате захвата подходящего порта на западном побережье Норвегии, например, Тронхейма. Редер, в свою очередь, выступал за захват Нарвика.

«Таким образом, – пишет Черчилль в своих мемуарах, – оба морских штаба на основании стратегических соображений пришли к одинаковым решениям».

У Редера сложилось впечатление, что Гитлер сразу понял значение Норвегии и теперь займется этим вопросом.

Однако более актуальное значение этот вопрос приобрел только в декабре. Потому ли, что Гитлер в октябре твердо решил как можно скорее перейти в наступление на Западе, для которого ему тогда срочно потребовались бы все силы; или потому, что он в те время еще боялся всякого расширения войны, не представлявшегося ему действительно необходимым; или, наконец, по той причине, что он хотел теоретически разработать и основательно проверить возможность практического осуществления этой операции, – но в Германии пока не спешили. Это время использовалось для того, чтобы в штабе оперативного руководства вооруженными силами закончить разработку подготавливаемой операции. Вопрос о Норвегии был снова поднят лишь во время визита Квислинга, который еще до войны находился в контакте с Розенбергом и в декабре прибыл в Берлин. Квислинг убеждал Розенберга «что-нибудь предпринять, чтобы соединить судьбу Норвегии с судьбой Великой Германии», просил денег для подпольного движения, с помощью которого он хотел свергнуть существующее норвежское правительство; он утверждал, что связан с влиятельными норвежскими офицерами, и заверял, что после того, как возглавит правительство, будет призывать Германию защищать Норвегию, чтобы опередить англичан. Редер, который также познакомился с Квислингом, считал, что некоторые его сообщения заслуживают внимания, и посоветовал Гитлеру принять Квислинга. 14 декабря состоялась беседа Квислинга с Гитлером. Гитлер подчеркнул, что с политической точки зрения для него было бы наиболее желательной совершенно нейтральная позиция Норвегии, как и всей Скандинавии. Он не намеревался расширять театры военных действий, чтобы втянуть в войну и другие страны. Если же противник будет готовиться к расширению войны с целью еще больше изолировать германское государство и создать для него еще большую угрозу, он, Гитлер, естественно, будет вынужден предпринять оборонительные меры. Такие высказывания Гитлера следует оценивать с максимальной осторожностью. Он всегда стремился маскировать свои истинные намерения и сообщать своему собеседнику только то, что ему казалось необходимым для достижения определенного, хорошо продуманного впечатления. При подготовке Норвежской операции он считал особенно важным соблюдение во всем строжайшей секретности. Поэтому лучше всего было высказываться весьма неопределенно. Возможно, в то время он хотел быть только готовым ко всяким случайностям и не стремился брать на себя инициативу. Как бы то ни было, в день переговоров с Квислингом, 14 декабря, был дан приказ о

подготовке к операции. Месяц спустя Кейтель по поручению Гитлера отдал еще один приказ, содержащий следующие основные положения:

«Фюрер и верховный главнокомандующий вооруженными силами желает, чтобы разработка плана проводилась дальше под его личным и непосредственным руководством и в теснейшей связи с общим планом войны.

Из этих соображений фюрер поручил мне принять руководство дальнейшими подготовительными работами.

Для этого при верховном командовании вооруженных сил создается рабочий штаб, который одновременно представляет собой ядро будущего штаба по руководству операцией.

Вся дальнейшая разработка проводится под кодовым наименованием «Везер-юбунг».

Этот приказ имел большое принципиальное значение, далеко выходящее за рамки запланированной операции и связанное с разногласиями, начало которых относилось еще к тому времени, когда Бломберг был военным министром, а барон фон Фрич – главнокомандующим сухопутной армией. Учитывая исключительно важную роль, которую, по их мнению, призвана сыграть сухопутная армия в любой будущей войне, как Фрич, так и его преемник Браухич и начальник генерального штаба Бек, а позднее Гальдер надеялись, что сухопутная армия окажет решающее влияние на ход войны. Они полагали, что верховное командование вооруженных сил (ОКВ) должно представлять собой как можно более узкий круг лиц, осуществляющих руководство операциями. ОКВ как орган военного министра, сначала Бломберга, а позднее Гитлера, должно было только в общих чертах разрабатывать планы стратегического развертывания и будущих операций. Поэтому боролись решительно против всякого расширения верховного командования вооруженных сил, намеренно расширяли генеральный штаб сухопутных сил как оперативный и организационный орган по мере роста сухопутной армии и стремились не допустить появления в сухопутных силах каких-либо органов управления войсками по линии ОКВ.

Действительная нехватка офицеров генерального штаба была желательным аргументом против подобных планов верховного командования вооруженных сил. Конечно, против такого мнения в век войн в трех измерениях можно было привести веские возражения. Но командование сухопутной армией имело в виду ограниченную оборонительную войну на континенте, и не случайно мнения, выраженные его представителями, исходили из того, чтобы не дать военным советникам Гитлера целиком попасть в руки таких людей, как Бломберг, от которых можно было ожидать опасных уступок по отношению к планам Гитлера. Практически спор тогда затих. Верховное командование вооруженных сил осталось небольшим, главным образом координирующим оперативным органом, который ограничивался тем, что замыслы Гитлера формулировал в директивах и перепроверял, отвечают ли оперативные планы армии, флота и авиации основной мысли директив.

Во время Польской кампании Браухич командовал без существенного вмешательства Гитлера; почти то же самое можно было сказать до сих пор и относительно руководства войной на Западе, с той только разницей, что Гитлер принял более активное участие в подготовительных мероприятиях. Теперь приказ, касающийся Норвегии, опять возбудил старый спор, и он был решен в пользу верховного командования вооруженных сил. Следствием этого стало опасное дублирование высших органов управления. В дальнейшем возникли так называемые театры военных действий верховного командования вооруженных сил, где главное командование сухопутных сил (ОКХ) было совершенно отстранено даже от руководства операциями на суше, и театры военных действий главного командования сухопутных сил, на которых руководство такими операциями сохранялось за главнокомандующим сухопутными силами. Правда, общее руководство осуществлял Гитлер, особенно после того, как в декабре 1941 г. после отставки Браухича он занял пост главнокомандующего сухопутными силами. Однако неясность в организации высших органов управления фактически еще продолжала существовать, вызвала бесконечные разногласия и передалась даже нижестоящим инстанциям. В связи с приказом от 27 января 1940 г. главное командование сухопутных сил с большим беспокойством следило за дальнейшим развитием событий: оно видело, что играет все более скромную роль в общем руководстве войной, ограничено своими театрами военных действий как исполнительный орган и должно выделять из состава сухопутных сил войска для

других театров, а это все больше противоречило его понятиям экономии сил и их сосредоточения на решающем направлении и в решающем месте. Каким бы естественным этот приказ ни казался теоретически, практически он был решающим шагом к беспрепятственному «полководчеству» Гитлера.

Новый рабочий штаб собрался 5 февраля. К 1 марта его подготовительные мероприятия приняли такой размах, что стало возможным издание специальной директивы. Тем временем произошел инцидент с кораблем «Альтмарк», усиливший в Гитлере подозрение относительно возможности новых нарушений норвежского нейтралитета со стороны Англии. Пункт 1-й директивы очень хорошо резюмирует стратегические соображения немцев и англичан

«Развитие событий в Скандинавии требует осуществить все приготовления к тому, чтобы частью вооруженных сил оккупировать Данию и Норвегию. Это должно воспрепятствовать англичанам утвердиться в Скандинавии и на Балтийском море, обеспечить нашу базу руды в Швеции и расширить для военно-морского флота и авиации исходные позиции против Англии».

Эта директива выражает также надежду придать этому предприятию характер мирной оккупации. Соответствующие меры будут приняты в начале операции, и если это потребует, им будет придана необходимая сила посредством демонстрации мощи германских военно-морских и военно-воздушных сил. Несмотря на это, возникающее сопротивление должно быть сломлено с применением всех средств вооруженной борьбы.

Руководство этой операцией было поручено генералу пехоты фон Фалькенхорсту, который как командующий «группой 21» был подчинен в оперативном отношении непосредственно Гитлеру.

Директива содержала следующие основные положения относительно подготовки к намеченным действиям:

«Переход границы в Дании и высадка десанта в Норвегии должны происходить одновременно. Операция должна готовиться как можно скорее и как можно большими силами. В случае если противник завладеет инициативой в Норвегии, должны быть немедленно предприняты контрмеры. Наибольшую важность имеет то, чтобы наши мероприятия были неожиданными для северных государств и для западных противников. Это следует учитывать при всех подготовительных мероприятиях, особенно при подготовке судов для транспортировки войск, инструктировании и погрузке. Если приготовления к погрузке уже не могут быть сохранены в тайне, командирам и войскам следует указать ложные места назначения. Войскам могут быть указаны истинные цели только после выхода кораблей в море».

О самом проведении операции в директиве говорилось следующее:

«В Дании важно быстро захватить материковую часть и остров Зеландию и овладеть подходами к Балтийскому морю. В Норвегии необходимо действиями флота и авиации внезапно захватить важнейшие участки побережья».

Поскольку подготовительные мероприятия в этом направлении проводились уже в течение нескольких месяцев, необходимые распоряжения были сделаны в короткий срок. 7 марта Гитлер одобрил окончательный план операции. До этого он еще некоторое время не мог решить, является ли эта операция вообще правильной в политическом и необходимой в военном отношении. а также нельзя ли ее предпринять после предполагаемого наступления на Западе. Это было невозможно, так как начиналась весна. Редер еще несколькими неделями раньше указывал на то, что необходимо начать операцию как можно скорее: 7 апреля наступит новолуние, а после 15 апреля ночи станут слишком короткими. При дальнейшей отсрочке оперативные возможности флота окажутся очень ограниченными. Эти соображения наряду с новыми сообщениями о намерениях англичан и французов имели решающее значение.

С точки зрения моряков высадка и, в случае ее успеха, закрепление десантов в многочисленных пунктах западного побережья Норвегии вплоть до самого Нарвика, да еще на виду у многократно превосходящих сил английского флота, были невероятно дерзким предприятием. Непременным условием являлось использование всех без исключения боевых кораблей. Тем более необходимо было проводить операцию при максимально благоприятных условиях. Несмотря на это, моряки справедливо спрашивали, сколько из участвующих в

операции кораблей будет потеряно.

При проведении этой операции было важно следующее: силы, переброшенные по морю неожиданно для противника, должны были иметь достаточно большую численность, чтобы преодолеть сопротивление норвежских войск и сдерживать атаки англичан до тех пор, пока в захваченные порты по суше или по воздуху не будут подброшены подкрепления. Дело в том, что морским путем через Скагеррак можно было пользоваться только до тех пор, пока вблизи не было английского флота. Кроме того, было важно впоследствии захватить все крупные порты на западном побережье Норвегии, тем самым затруднив англичанам высадку десанта в будущем.

Движение транспортов, которые должны были доставлять тяжелую боевую технику и первые грузы для снабжения войск, организовывалось точно по намеченному графику. Суда должны были выходить из портов погрузки небольшими группами с такой разницей во времени, чтобы высадка десанта, несмотря на различные расстояния до портов, расположенных между Осло и Нарвиком, произошла везде одновременно, то есть чтобы везде немецкие войска могли использовать момент внезапности.

Но наибольший шанс на успех заключался в том, что Англия при ее подавляющем превосходстве на море считала осуществление операции такого масштаба невозможным для Германии. Насколько благоприятно оценивали тогда в Англии создавшуюся обстановку, свидетельствует весьма оптимистическая речь Чемберлена, произнесенная им 4 апреля. Обращаясь к членам консервативной партии, он иронически отмечал, что Гитлер вследствие своей бездеятельности за последние полгода упустил возможность осуществить новый аншлюсе. Однако несколько дней спустя английскому премьер-министру было уже не до насмешек.

В соответствии с разработанным графиком еще за несколько дней до 9 апреля – даты операции «Везер-юбунг», которая должна была начаться ровно в 5 часов, – транспорты с артиллерией и другими тяжелыми грузами, замаскировавшись под торговые суда, вышли из портов, держа курс на Нарвик. За ними, за один или за два дня до начала [83 – Схема 3] операции и каждый раз с наступлением темноты, была отправлена основная масса транспортов, с интервалами в зависимости от расстояния до портов выгрузки. Таким же образом действовал» корабли военно-морского флота, которые имели на борту войска, предназначенные для высадки, и одновременно должны были обеспечивать и поддерживать действия десантников.

7 и 8 апреля были днями наивысшего напряжения. Удастся ли добиться внезапности? Немцы даже не догадывались, что собирались предпринять англичане 8 апреля в норвежских водах. К какому бы решению они пришли, если бы знали, что, учитывая возможную реакцию немцев на запланированную постановку мин в норвежских водах, весь английский флот стоял в английских военных гаванях под парами и в полной боевой готовности?

При том тщательном наблюдении, которое вели англичане перед своей операцией, было неудивительно, что одна английская подводная лодка еще вечером 7 апреля сообщила о замеченной ею в проливе Скагеррак немецкой эскадры, в составе которой находился один тяжелый крейсер; эскадра держала курс на мыс Линнеснес на южном побережье Норвегии. Это были корабли, шедшие в Нарвик, которые слишком рано вышли в море. Немедленно была объявлена боевая тревога на всех кораблях английского флота. В 20 час. 30 мин. флот метрополии (три старых линкора, два крейсера и десять эскадренных миноносцев) покинул Скапа-Флоу, а несколько позже 2-я эскадра крейсеров вышла из порта Розайт. 1-й эскадре крейсеров было приказано выгрузить уже находившиеся на борту войска и как можно скорее следовать за другими соединениями. Не было никакой возможности получить истинную картину того, что замыслили немцы. Англичане предполагали, что немцы лишь неожиданно сумели предпринять энергичные контрмеры против еще не начавшегося минирования и что, возможно, придется выдержать бой с немецкими линейными кораблями. Дальше этого англичане в своих предположениях не шли. Именно поэтому уже погруженные войска были опять выгружены. И все же Лондон мог бы иметь основания для подозрений. 3 апреля в Лондоне были получены сообщения о большом скоплении немецких войск в порту Росток, а вскоре после этого из Стокгольма сообщили, что, по сведениям шведского посла в Берлине, в Штеттине и Свинемюнде сосредоточены войсковые транспорты общим тоннажем 200 тыс. *t*.

Затем 8 апреля стало известно о том, что накануне ночью у побережья Норвегии был потоплен транспорт с войсками. Многим из находившихся на борту удалось добраться до берега; они были в военной форме и сообщили, что направлялись в Норвегию, чтобы помочь норвежцам защитить свою страну от нападения Англии и Франции. Даже это известие, которое в самой Норвегии привело к мобилизации, не заставило Лондон принять никаких новых контрмер. Там хотели сначала дождаться результатов столкновений на море и, очевидно, были полностью поглощены мыслями о своих собственных действиях, которые начались в то же утро. 8 апреля была довольно значительная облачность. Авианосцев в распоряжении не имелось. Таким образом, за день удалось получить лишь очень скудные разведывательные данные. Английский эскадренный миноносец, который, сбившись с курса, оторвался от своего соединения, занятого постановкой мин, сообщал в 8 час. о том, что в районе севернее Тронхейма он натолкнулся на эскадренный миноносец противника, а позднее – на превосходящие силы противника; в 9 час. 45 мин. связь с ним прекратилась. Как было впоследствии выяснено, в условиях плохой видимости он вдруг увидел прямо перед собой германский тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» и, поскольку ему не оставалось другого выхода, таранил его и затонул. Все другие немецкие военные корабли и транспорты, устремившиеся к местам высадки десантов, нигде не встретили английских военных кораблей. Так прошло два критических дня.

Рано утром 9 апреля германские послы в Осло и Копенгагене вручили правительствам Норвегии и Дании одинаковые по содержанию ноты, в которых вооруженное выступление Германии было обосновано вынужденной необходимостью защитить обе нейтральные страны от якобы предстоящего в самое ближайшее время нападения англичан и французов и предупредить замышляемое ими распространение войны на территорию Скандинавии. Целью германского правительства, говорилось в ноте, является мирная оккупация обеих стран. Всякое сопротивление, однако, будет беспощадно подавлено и приведет лишь к напрасному кровопролитию. Протест, немедленно выраженный англо-французской стороной против германского обвинения, кажется довольно странным теперь, когда стало ясно, что западные державы, если бы они не перенесли начало своих действий с 5 на 8 апреля, оккупировали бы Норвегию раньше немцев. Но если во время войны такие мероприятия были возможны, то остается непонятным, как могли обе западные державы на Нюрнбергском процессе обвинять руководителей Германии в планировании и проведении агрессии против Норвегии и заставить своих членов трибунала включить это обвинение в приговор.

Дания подчинилась требованию Германии почти без сопротивления. Предназначенные для оккупации силы – одна ландверная и одна полицейская дивизии – перешли датско-германскую границу и быстро достигли линии Фредерисия, Эсбьерг, Миддельфарт, Ньюборг на острове Фюн. Воздушно-десантные войска заняли аэродром Ольборг, который имел исключительно важное значение для последующих действий немецкой авиации в Норвегии. Корсёр на западном побережье Зеландии был оккупирован силами, переброшенными по морю. Таким образом, важнейшие входы в Балтийское море – проливы Малый и Большой Бельт – оказались в руках немцев. На железнодорожном пароме из Варнемюнде в Гессер (южное побережье острова Фальстер) был переправлен бронепоезд, который сразу прошел до Вордингборга. Другие силы, доставленные морским путем, овладели Копенгагеном. Три небольших транспорта с войсками под охраной нескольких самолетов подошли к Копенгагену и ошвартовались у набережной. Прибывшие на них два батальона немецких войск быстро разоружили слабый гарнизон датской столицы.

С оккупацией Дании была ликвидирована всякая опасность для коммуникаций находящихся в Норвегии немецких войск, если, конечно, эти коммуникации не проходили через Северное море. Именно по этой причине и было необходимо оккупировать Данию.

Что же касается норвежского правительства, то оно хотя вначале и оказывало сопротивление, однако не относилось совершенно отрицательно к намерениям немцев занять страну. Только после того как Гитлер, оккупировав Осло, стал упорно настаивать на назначении премьер-министром Квислинга, о котором в Норвегии существовали самые спорные мнения, переговоры, вначале развивавшиеся успешно, потерпели крах. Шесть небольших по численности норвежских дивизий, к тому же рассредоточенных по всей стране, имели мало шансов на то, чтобы отразить внезапные атаки немецких десантов. Однако они все

же надеялись продержаться до тех пор, пока в полной мере не проявится превосходство господствующих на море западных держав.

В течение всего дня 9 апреля английский флот стремился выяснить обстановку и вступить в бой с немцами. На Крайнем Севере погода снова благоприятствовала немцам. Яростные порывы ветра поднимали огромные волны, снежный буран резко ограничивал видимость, сильная качка снижала скорость хода. Ранним утром линкор «Ринаун» заметил корабли «Шарнгорст» и «Гнейзенау», но оба они тут же исчезли за плотной пеленой снега и тумана. Англичане даже не надеялись, что смогут выполнить приказ атаковать силы немецкого флота у Бергена, так как искать фиорд было опасно: корабли могли подорваться на минах или подвергнуться налетам авиации противника. Действительно, немецкая авиация атаковала английские корабли в открытом море, потопила один эскадренный миноносец, повредила линкор «Родней» и два крейсера. Только одной английской подводной лодке удалось потопить близ Кристиансанна легкий немецкий крейсер «Карлсруэ». Кроме того, легкий крейсер «Кенигсберг» был потоплен в Бергене английскими самолетами.

Итак, англичанам нигде не удалось воспрепятствовать действиям немцев.

Самое сильное сопротивление немцы встретили в районе Осло. Когда крейсер «Блюхер» рано утром шел по Осло-Фиорду, имеющему длину 110 км, он был обстрелян норвежскими береговыми батареями и затонул. Командир «Блюхера» и находившийся на нем командир дивизии оставались на корабле до последнего момента и подобно большинству членов команды и солдат, которые транспортировались на «Блюхере», вплавь добрались до берега. С введением в бой авиации и воздушно-десантных войск завязались ожесточенные бои за береговые укрепления, которые удалось захватить только к исходу дня. Между тем в результате смелой и внезапной атаки воздушно-десантных войск, высаженных на аэродроме Форнебу, был захвачен город Осло. Чтобы овладеть укреплениями в Кристиансанне, пришлось высадить десант силою до одного батальона.

В общем, день 9 апреля принес полный успех. При поддержке и под прикрытием крупных сил авиации, а также 7 крейсеров, 14 эскадренных миноносцев и других судов в Осло, Кристиансанне, Ставангере, Бергене, Тронхейме и Нарвике было высажено в общей сложности до 10 тыс. человек, составлявших первый эшелон трех дивизий. Единственный пригодный аэродром на западном побережье – Сола, близ Ставангера – тоже находился в руках немцев. Он должен был играть важную роль в боях, которые предстояло теперь вести с англичанами.

Масштаб и смелость этого предприятия были для англичан весьма неожиданными. Может быть, только решительные действия англичан могли бы еще изменить положение, если бы им удалось быстро определить и немедленно использовать слабые стороны немецкого плана оккупации Норвегии. Если бы англичане сумели выбить немцев из Тронхейма, это имело бы решающее значение. В таком случае немецкие войска не смогли бы долго держаться и в Нарвике. Подобные действия западных держав, возможно, еще позволили бы им добиться своей главной цели, которую преследовала планируемая на 8 апреля операция: помешать немцам использовать порты западного побережья Норвегии для перевозки руды. Однако в результате всех нерешительных и замедленных действий последние возможности, которыми еще располагали западные державы для достижения своей цели, были, по-видимому, упущены.

Французы вначале совсем не были обеспокоены событиями в Норвегии. Они тешили себя надеждой, что на севере может возникнуть более крупный театр военных действий, который постепенно будет требовать все больших сил обеих сторон, так что активизации боевых действий на франко-германском фронте или совсем не будет, или она начнется не так скоро. Поэтому они были готовы принять участие в действиях на новом театре в такой степени, которая определялась количеством сил, отведенных немцами с франко-германского фронта.

Такие соображения так же мало соответствовали стремительному характеру ведения военных действий Германией, как и приказ, отданный 9 апреля начальникам главных штабов всех видов английских вооруженных сил: немедленно подготовить десантную операцию для захвата у немцев портов Бергена и Тронхейма, которая должна была начаться после выяснения обстановки. Англичане хотели выделить для этой операции одиннадцать батальонов, из которых два должны были отправить еще вечером 9 апреля, а остальные – через три-четыре дня или даже позднее. Французы обещали выделить дивизию альпийских стрелков, которая, как

предполагалось, будет готова к погрузке на суда через два-три дня.

Но самым выгодным местом для нанесения удара англичане считали Нарвик. Здесь немецкие силы были изолированы, и энергичные действия могли привести к быстрому успеху. Если бы сверх этого удалось пробиться к шведской границе, то можно было бы пренебречь нейтралитетом Швеции и проникнуть до железорудного района Елливаре. Черчилль ухватился за эту мысль со свойственным ему темпераментом. Однако обстановка была еще неясной. Сколько немецких военных кораблей скрывалось в длинном и разветвленном фиорде, в восточной части которого находился Нарвик? Какие силы уже высажены? Этого англичане не знали. Норвежские лодчане говорили о шести кораблях, более крупных, чем те пять английских эскадренных миноносцев, которые 10 апреля получили приказ войти в фиорд. Последние встретили там пять немецких эскадренных миноносцев, из которых два они потопили, а три вывели из строя. Затем сбоку, где начиналась одна из ветвей фиорда, внезапно появились еще пять немецких эскадренных миноносцев. Они, в свою очередь, уничтожили два английских корабля, а двум другим причинили настолько тяжелые повреждения, что те не смогли продолжать бой и ушли в открытое море вместе с единственным неповрежденным эскадренным миноносцем. Черчилль, однако, не унимался. Он направил к берегам Норвегии новые силы. 12 апреля, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия, с прибывшего туда авианосца «Фьюриес» стартовали пикирующие бомбардировщики, однако их действия были неэффективными. На следующий день под прикрытием самолетов вместе с девятью эскадренными миноносцами в фиорд вошел старый, но модернизированный, вооруженный 380-мм орудиями линкор «Уорспайт». Эти корабли атаковали уцелевшие немецкие эскадренные миноносцы и потопили их. Планировалась высадка десанта, однако из боязни встретить сопротивление превосходящих сил немцев и подвергнуться ударам их авиации высадку не осуществили, хотя на «Уорспайте» сложилось мнение, что достаточно будет сравнительно небольших сил, чтобы разбить немцев. Положение последних действительно было весьма затруднительным. Генерал Дитль высадился лишь с одним полком, который был доставлен на эсминцах без тяжелого оружия и артиллерии. Транспорты, на борту которых находилась эта техника, были потоплены англичанами, не достигнув места своего назначения. Для усиления войск была переброшена по воздуху всего лишь одна батарея горной артиллерии. Команды потопленных эсминцев представляли собой желательное пополнение, но только для пехоты. В то самое время, когда англичане стали думать о внезапном нападении на Нарвик, в ставке Гитлера были получены сообщения о прибытии в Харстад, расположенный перед самым Нарвиком, на Лофотенских островах, крупных английских сил. Но немцы еще не знали, что, кроме этого, одна английская бригада уже находилась на пути в Норвегию. Гитлер был встревожен и уже хотел, не веря в сколько-нибудь удачный исход операции, дать генералу Дитлю приказ пробиваться на юг. Большого труда стоило Йодлю отговорить его от осуществления этой «безрассудной идеи».

К счастью, в это же самое время сомнения возникли и у англичан. В течение нескольких дней они не могли прийти ни к какому решению. Лондон предостерегал от чрезмерно поспешных действий и требовал от всех сил, сосредоточенных перед Нарвиком, самой тщательной подготовки десантной операции. Вскоре после этого английская бригада была выгружена в Харстаде. Командующий морскими силами в районе Нарвика адмирал лорд Корк тщетно пытался убедить генерала, командовавшего сухопутными войсками, высадить десант, обещая ему полнейшую поддержку флота. Генерал указал на наличие у противника большого количества пулеметов и заявил, что высадка с кораблей хотя и возможна, так как противник пока не предпринимает никаких действий, однако не на виду у немецких войск. 17 апреля Лондон оказал сильный нажим на обоих командующих. Генерал продолжал упорствовать и выставил еще один довод: прежде чем думать о высадке и о ведении боев на берегу, необходимо переждать распутицу.

Гитлер в этот день опять потерял спокойствие. Он намеревался или приказать соединению, находящемуся в Нарвике, отойти на юг, или эвакуировать его из Нарвика на самолетах. Йодль объяснил ему, что отход на юг невозможен, а переброска соединения по воздуху может производиться лишь очень небольшими группами, принесет большие потери в самолетах и будет большим моральным ударом для генерала Дитля. Лондон терял терпение по

значительно большим причинам. 20 апреля лорд Корк принял командование всеми английскими силами, то есть также и сухопутными войсками. Он предпринял разведывательный полет над районом Нарвика – и его охватили сомнения. Трудности ведения боевых действий в условиях почти полного бездорожья при глубине снежного покрова 1,5 м были гораздо большими, чем он это себе представлял. К этому прибавлялось и то, что ни одно из соединений, предназначенных для действий в Норвегии, не было оснащено для ведения боев на местности с глубоким снежным покровом, не говоря уже о том, что войска не обладали достаточной боевой выучкой. Колебания англичан были на руку немцам: они в это время энергично занимались подготовкой к обороне.

Так же медленно, как и на севере, велась англичанами и подготовка к захвату Тронхейма, который было решено осуществить 9 апреля. Прошла почти целая неделя, прежде чем стало ясно, как нужно действовать. Вначале казалось, что пройдет предложение Черчилля высадить морской десант в районе Тронхейма. Однако при тщательном анализе операции представители армии и флота высказали такие глубокие сомнения в возможности преодолеть узкий фиорд длиной 40 км, да еще учитывая превосходство противника в воздухе, что этот план, к горькому разочарованию Черчилля, 18 апреля был отменен. Решили предпринять наступление на суше с целью окружить Тронхейм ударами с севера и с юга. Силы, которые должны были выполнить эту задачу, высадились еще 14 апреля в Намсусе, в 160 км севернее Тронхейма, и 13 апреля в районе Ондальснаса, в 250 км к югу от порта. 17 апреля английский корабль «Саффолк» безуспешно пытался вывести из строя особенно мешавший англичанам аэродром Сола близ СТАвангера. На обратном пути его в течение семи часов непрерывно атаковали немецкие самолеты, и «Саффолк» с поврежденной кормовой частью с большим трудом достиг спасительной гавани Скапа-Флоу.

Каким бы многообещающим ни казался теоретически план овладения Тронхеймом путем его охвата с севера и с юга, на практике его было очень трудно осуществить. Те два маленьких порта, которые, к счастью, оказались еще не занятыми, имели очень незначительные возможности для разгрузки. Войска были сформированы наспех и, не говоря уже о танках, почти не имели артиллерии. Они должны были ограничиваться лишь самыми примитивными транспортными средствами, так как выгрузка мощных моторизованных средств передвижения не предполагалась.

Здесь англичанам впервые стало ясно, как мало значит в век авиации господство на море без одновременного господства в воздухе. В портах можно было производить выгрузку только ночью. Боевые корабли и специально прибывшие вспомогательные суда, вооруженные зенитными пушками, тщетно старались в течение дня отбить воздушные налеты на порты. Английских самолетов, базирующихся на авианосцы, было гораздо меньше, чем немецких; к тому же последние угрожали и самим авианосцам. Единственный пригодный аэродром находился в руках немцев. Попытка устроить посадочную площадку для нескольких истребителей на замерзшем море южнее Ондальснаса полностью провалилась, так как все находившиеся на ней самолеты были немедленно уничтожены.

Вскоре после этого слабость в воздухе отразилась и на действиях сухопутных войск.

С тактической точки зрения казалось сравнительно просто использовать высадившиеся в Намсусе войска для наступления в южном направлении. Правда, из-за непроходимого скалистого берега они должны были идти обходным путем, но зато их флангу не угрожали немецкие войска. Значительно в более трудном положении находились войска в районе Ондальснаса: наступая на Тронхейм через Домбос, они должны были учитывать наличие немецких войск в своем тылу, а кроме того, и угрозу с фланга. Дело в том, что сразу после захвата норвежской столицы и разоружения норвежских дивизий, формировавшихся в районе Осло, 196-я немецкая дивизия, усиленная моторизованными разведывательными подразделениями и небольшими танковыми частями, начала продвижение вдоль шоссе и железной дорог на Тронхейм, чтобы установить сообщение с портом по суше. Немецкие войска, усиленные впоследствии горными стрелками, должны были преодолевать сопротивление норвежцев и прокладывать себе путь через узкие долины. Во многих местах противник устроил большие завалы из деревьев, разрушил мосты. Но они все же продвигались вперед достаточно быстро, чтобы создать угрозу с фланга наступающим через Домбос на

Тронхейм английским войскам. Последним не оставалось ничего другого, как прийти на помощь отступавшим из Домбоса норвежцам. Высаженная раньше других английских частей 148-я пехотная бригада была брошена без артиллерии и тяжелого оружия на Лиллехаммер. 23 апреля она понесла очень большие потери в боях против немцев, которые имели превосходство в технике и применяли более умелую тактику, и вместе с норвежцами в полном беспорядке откатилась назад на северо-запад. Тогда командующий английскими войсками вынужден был направить на выручку разбитым войскам 15-ю пехотную бригаду, для того чтобы замедлить продвижение немцев.

Однако Гитлер и в этом случае оказался едва ли не самым лучшим союзником англичан. Он боялся, что силам, наступавшим из Осло, не удастся своевременно достигнуть Тронхейма. Разрушенные мосты, как казалось нетерпеливому Гитлеру, восстанавливались слишком медленно, хотя сами войска даже по оценке их противников обладали высоким наступательным духом и проявляли невиданную храбрость и находчивость. Он требовал, чтобы в этом районе больше ни одно моторизованное соединение не вводилось в бой. Лишь после того как 23 апреля у пленного командира 148-й английской пехотной бригады были захвачены важные документы, значение которых далеко выходило за рамки чисто местных событий, настроение в ставке немецкого командования стало опять «оптимистическим».

Еще 22 апреля на заседании союзного верховного военного совета занимались обсуждением фантастических планов, считали очень успокоительным тот факт, что уже 13 тыс. человек высадились в Намсусе и Ондальснесе. Была запланирована высадка еще нескольких французских дивизий и одной танковой бригады, а также одной английской территориальной дивизии, и еще раз решили захватить Тронхейм и Нарвик. Однако дальнейший ход событий безжалостно перечеркнул эти запоздалые планы.

Правда, англичане продвинулись от Намсуса к Тронхейму на 80 км. Но затем они были охвачены с фланга немецкими войсками, многократно усиленными с воздуха и давно создавшими вокруг Тронхейма большой плацдарм, и были вынуждены повернуть обратно. Измотанные, полузамерзшие и разочарованные, они возвратились в Намсус, где тем временем высадился французский полк альпийских стрелков. Но это подкрепление не внесло никаких изменений в общую обстановку. Превосходство немецкой авиации в воздухе сделало невозможным всякое длительное пребывание союзных войск в Намсусе, так как не было никаких шансов ликвидировать это превосходство. 28 апреля был отдан приказ об эвакуации Намсуса, и к вечеру 2 мая войска оставили порт. Немецкая авиация потопила один английский и один французский корабль из числа эскадренных миноносцев, обеспечивавших погрузку на суда.

Не лучше было и положение англичан в районе Ондальснеса. Они также вынуждены были эвакуироваться, потому что значительно уступали противнику в технике, не имели опыта ведения боевых действий в труднопроходимой горной местности, не располагали никакой авиационной поддержкой. Кроме того, немецкие войска, которые начали продвижение из Тронхейма, угрожали зайти им в тыл и отрезать пути отхода. В ночь с 30 апреля на 1 мая английские войска, в том числе и жалкие остатки 148-й бригады, погрузились на суда в Ондальснесе. В это же время было сломлено и последнее сопротивление норвежских войск в районе Тронхейма.

Итак, попытка западных держав оказать быструю помощь норвежцам и закрепиться в Центральной Норвегии не удалась. Теперь англичане со свойственным им упорством стремились осуществить еще одно предприятие – захват Нарвика. «Если нам не удастся захватить Нарвик, – заявил Черчилль 20 апреля, – то это будет означать большую катастрофу, так как Германия тогда будет иметь в своих руках железорудные месторождения». Шансы на успех в Нарвике казались благоприятными. Английский флот господствовал на море, необходимые сухопутные силы могли быть подброшены в любом количестве. И в воздухе положение для англичан было намного лучше. Немцы в Нарвике вынуждены были рассчитывать только на имевшиеся у них силы. Подкрепления можно было подбросить лишь по воздуху, да и то очень незначительные. Снабжение воздушным путем было ограничено. Временами недостающую артиллерию приходилось заменять авиацией. Правда, сразу после эвакуации Намсуса из Тронхейма на север был направлен один армейский корпус в составе

одной горной и одной пехотной дивизий. Но прошло несколько недель, прежде чем корпус, продвижение которого тормозили сопротивление норвежцев и беспокоящие действия английских десантов, преодолел по плохим дорогам 650 км. Несмотря на все усилия и страстное желание оказать помощь товарищам, находившимся в трудном положении, он не смог изменить их судьбу.

К 12 мая силы западных держав перед Нарвиком сильно возросли. Надоевшая всем весенняя распутица тоже окончилась, и условия для передвижения по суше стали более благоприятными. Поэтому союзники решили нанести немецким войскам сокрушительный удар. Они имели в распоряжении английскую бригаду, три батальона французских альпийских стрелков, два батальона иностранного легиона, четыре польских батальона и норвежские войска численностью 3500 человек. Бьерквик, расположенный севернее Нарвика в боковом фиорде, был взят одновременным ударом сухопутных войск с севера и морского десанта с юга. У северной оконечности фиорда Ромбак немцы отошли на восток и одновременно отбили попытки противника высадить десант в районе Нарвика. В следующие дни союзники усилили свой натиск севернее фиорда Ромбак. Английские военные корабли продвинулись до восточной оконечности фиорда и обстреляли Хуннален.

Тем временем произошла уже давно назревавшая катастрофа западных держав в Бельгии и Северной Франции, которая сказалась и на событиях в Нарвике. Нельзя было расплывать силы, посылая большее количество войск для проведения операции на таком удаленном театре, как норвежский, нельзя было выделить достаточно крупные силы флота для поддержки и материально-технического обеспечения подобной операции, учитывая, что смертельная опасность угрожала самому существованию английского экспедиционного корпуса во Франции. Поэтому 24 мая высший союзный совет решил сконцентрировать все силы на французском театре военных действий и отказаться от действий в районе Нарвика. Предполагалось только захватить порт Нарвик и немедленно его разрушить, после чего союзные войска должны были оставить захваченный район. Немецкие войска, которые отчаянно сопротивлялись превосходящим силам противника, даже не подозревали, как быстро придет конец их бедственному положению. 28 мая Нарвик пришлось сдать союзникам, в первые дни июня они еще сильно потеснили немецкие войска у железной дороги восточнее Хуннален. Им казалось, что скоро сопротивление немецких войск будет окончательно сломлено.

Чтобы облегчить положение своих войск, германское командование решило направить к Нарвику свои линкоры «Шарнгорст» и «Гнейзенау». 4 июня оба корабля покинули Киль и сразу же натолкнулись на транспорты союзников. День 8 июня был для них очень успешным. Во второй половине дня им удалось потопить вспомогательный крейсер тоннажем 19 840 *брт* и большой танкер грузоместимостью 5666 *брт*. В 16 час. они встретили гораздо более важную цель – авианосец «Глориес» водоизмещением 22 500 *т*, шедший в сопровождении двух эскадренных миноносцев. Напрасно английские самолеты-торпедоносцы пытались подняться с палубы авианосца. Прежде чем они смогли это сделать, немецкие корабли открыли огонь и пламя сразу же охватило носовую часть авианосца. Безуспешными оказались и попытки обоих эсминцев под прикрытием дымовой завесы вывести пострадавший авианосец из зоны воздействия более мощной артиллерии немецких линкоров. Тяжело поврежденный «Глориес» затонул в 17 час. 40 мин. Эскадренные миноносцы постигла такая же участь, однако затонувший последним эсминец «Акоста» еще успел торпедировать линкор «Шарнгорст», причинив ему тяжелое повреждение. Оба немецких линкора вынуждены были прекратить так успешно начатый поход и вошли в порт Тронхейм.

В тот же день была закончена эвакуация района Нарвика. 24 тыс. англичан, французов и поляков были погружены на суда и четырьмя конвоями возвращались в Англию и Францию. С этой же целью на борт английского крейсера в Тромсё поднялись король Норвегии и члены его правительства.

Вся Норвегия была в руках немцев. О том, как могло это произойти, Черчилль делает следующие откровенные признания: «Превосходство немцев в планировании, командовании и энергичности было очевидным. Они неуклонно осуществляли свой план операции. Они умели мастерски использовать все возможности, которые давало им применение крупных сил

авиации. К тому же превосходство немецкого солдата, особенно в мелких стычках, было очевидным. В Нарвике пестрый по составу наспех сформированный отряд в 6 тыс. человек на протяжении шести недель держал под угрозой союзные войска, насчитывавшие более 20 тыс. человек. В этой Норвежской операции действия наших лучших войск, шотландской и ирландской гвардии, были парализованы энергичными, находчивыми и хорошо обученными молодыми солдатами Гитлера». Решающее значение для победы немцев в Норвегии имело господство в воздухе. Значение последнего англичане почувствовали лишь в ходе операции. Потребовалось еще много горьких уроков, пока, наконец, это поняли англичане, а позднее – американцы и сделали из этого практические выводы. Но впоследствии хорошо организованное взаимодействие обоих видов вооруженных сил обеспечило им то превосходство, благодаря которому они могли идти от победы к победе.

Глава III. Победа немецких войск на Западе

1. Растущее напряжение во Франции

В то время как Гитлер упорно стремился довести до победного конца войну на суше против Англии и Франции, во Франции все еще существовало недовольство, которое охватило страну после возникновения войны и постоянно усиливалось.

Русско-финская война лишь временно отвлекла внимание общественности от проблемы, как вести дальше войну с Германией. Недовольство безрадостным состоянием «равновесия» на фронте нашло свое выражение в смещении в конце марта премьер-министра Даладье. Его упрекали в том, что он якобы способствовал созданию такой обстановки. Его преемник Рейно обещал энергично взяться за управление государством, добиться, наконец, подъема в производстве вооружения и по-настоящему вести войну. Несмотря на это, отчасти из-за плохих личных отношений с рядом депутатов, Рейно при обсуждении его правительственной программы получил большинство с перевесом всего в один голос.

Многие тайно предостерегали от «энергичного ведения войны, которое якобы угрожает привести страну к гибели. Говорили, что англичане в военном отношении к этому еще далеко не готовы. С Муссолини при желании можно договориться. С Польшей раз и навсегда покончено. Затишье в военных действиях на Западе должно продолжаться, тогда шансы на мир будут не так уж плохи.

Хотя во французском генеральном штабе и учитывали, что немецкие войска могут в любое время начать наступление, однако многочисленные слухи и противоречивые сообщения заставляли сомневаться в том, что сосредоточение немецких войск является серьезным военным мероприятием, а не только средством политического давления. Казалось почти невероятным, чтобы немцы отважились на столь сомнительное предприятие, каким, по мнению французов, должно было явиться решающее наступление на Западе.

Во Франции, стране, где политические слухи так быстро распространяются, противоречия внутри руководящих кругов не остались скрытыми от общественности и, естественно, не способствовали созданию у французов боевого настроения.

За границей также наблюдали за ходом событий во Франции. Эти впечатления и предыдущие успехи немцев в Польше и Норвегии, помешать которым западные державы оказались явно не в состоянии, конечно, немало содействовали тому, что в новой схватке было так быстро сломлено сопротивление Голландии и Бельгии.

2. Планы и силы сторон

Западные державы не сумели обнаружить постепенно происходившего изменения немецкого оперативного плана. Этому в одинаковой степени способствовали как строгие меры обеспечения секретности, принятые немецким командованием, и систематически распространявшиеся всеми путями слухи в лагере противника о сохранении сильной

группировки сил на северном крыле немецких войск, так и тот факт, что союзники были далеки от мысли о возможности проведения такой, казалось бы, абсурдной операции, которую планировали немцы.

Союзники сохранили прежнее стратегическое развертывание, при котором силы распределялись почти равномерно по всей границе, но основная масса моторизованных соединений находилась на западном фланге. Нежелание снова оставить на произвол судьбы два государства, которые станут искать защиты у западных держав, беспокойство за то, что слабые армии этих государств будут уничтожены поодиночке, одна за другой, наконец стремление французов и англичан перехватить удар немецких войск по возможности дальше на восток, вдали от побережья и французской границы – все это обладало непреодолимой притягательной силой и оказывало решающее влияние на планы союзников. 10 мая французская армия имела на северо-восточном фронте: 31 пехотную дивизию, из которых 7 были моторизованными, 20 резервных дивизий первой очереди, 16 резервных дивизий второй очереди, 5 кавалерийских дивизий и 4 отдельные кавалерийские бригады, 3 танковые дивизии, 3 легкие механизированные дивизии, войска, составлявшие гарнизоны укрепленных районов, численностью 13 дивизий, 1 польскую дивизию.

Из двенадцати английских дивизий во Франции девять располагались вдоль бельгийской границы, одна действовала на Саарском фронте для получения боевого опыта, две дивизии, еще не полностью оснащенные и обученные, находились во французских учебных лагерях и не могли считаться боеспособными.

Против Италии на альпийском фронте стояли четыре пехотные и три крепостные дивизии.

В Северной Африке находились еще семь пехотных и одна кавалерийская дивизия. Эти соединения, хотя и частично, еще можно было использовать, тогда как дальнейшее ослабление сил, оставленных против Италии, казалось уже недопустимым.

Французско-английские силы были объединены в две группы армий. 2-я группа армий (командующий генерал Претала) имела чисто оборонительную задачу: удерживать линию Мажино. Она состояла из 8-й армии (три кадровые пехотные дивизии и четыре резервные дивизии), 5-й армии (пять кадровых пехотных дивизий, три резервные дивизии первой очереди и одна – второй очереди) и 3-й армии (две кадровые дивизии, одна резервная дивизия первой очереди, одна резервная дивизия второй очереди и две с половиной кавалерийские бригады). Кроме того, гарнизон линии Мажино составляли войска силою тринадцать дивизий.

1-я группа армий (командующий генерал Бийот) в случае наступления немецких войск через Бельгию и Голландию должна была, кроме 2-й армии, немедленно выступить в северо-восточном направлении и овладеть рубежом Маас, Диль. 2-я армия (две кадровые пехотные дивизии, одна резервная дивизия первой очереди, две резервные дивизии второй очереди, две с половиной кавалерийские дивизии) должна была оборонять продолжение линии Мажино между городами Лонгюйон и Седан и выдвинуть крупные силы кавалерии через Южную Бельгию к Люксембургу. Примыкающая к ней 9-я армия (одна кадровая пехотная дивизия, две резервные дивизии первой очереди, две резервные дивизии второй очереди и две с половиной кавалерийские дивизии) имела задачу одновременно с наступлением кавалерии через реку Маас выйти к этой реке и оборонять ее на участке между Седаном и укрепленным районом Намюр. Располагавшаяся левее 1-я армия (три кадровые дивизии, одна резервная дивизия первой очереди, две легкие механизированные дивизии) должна была, продвигаясь севернее реки Самбра, оборонять район между Намюром и Вавром на реке Лис. Примыкавший к этой армии английский экспедиционный корпус под командованием лорда Горта выходил девятью дивизиями к реке Диль на участке Вавр, Лувен. Находившаяся западнее остальных 7-я армия (одна кадровая пехотная дивизия, две моторизованные пехотные дивизии, две резервные дивизии первой очереди, одна легкая механизированная дивизия, одна резервная дивизия второй очереди) имела задачу форсировать реку Шельда близ Антверпена и, выйдя вперед своими подвижными соединениями, овладеть рубежом Тилбург, Бреда, чтобы обеспечить соединение с голландской армией.

Резервы главного командования численностью до четырнадцати дивизий находились за центральным участком фронта в районе Шалон-на-Марне, Сен-Кантен.

Союзное командование рассчитывало, что передовые части левого крыла 1-й группы

армий достигнут линии Маас, Антверпен в первый же день, а основные силы – в течение трех дней и что бельгийская армия сможет до этого времени задержать немецкие войска на рубеже, проходящем как можно дальше к востоку.

Французское командование уделяло много внимания состоянию и боевой подготовке сухопутной армии. Из трех танковых дивизий две были сформированы лишь недавно и еще не имели боевого опыта. В численном отношении и по своим тактическим возможностям они, конечно, далеко уступали немецким танковым дивизиям, отличавшимся исключительно высокими боевыми качествами. Десять североафриканских дивизий, состоявших преимущественно из цветных, и семь колониальных дивизий, которые так хорошо действовали в первую мировую войну, на этот раз показали свою непригодность во время позиционной борьбы на Западе. Противотанковая и противовоздушная оборона была лишь незначительно улучшена за истекшие месяцы. Зенитные подразделения пехотных соединений все еще были на конной тяге. Зенитная артиллерия среднего калибра больше чем на половину состояла из пушек времен первой мировой войны. Военно-воздушные силы имели на северо-восточном фронте только 420 истребителей.

О моральном состоянии сухопутных войск, может быть несколько резко, но в общем правильно, говорится в докладной записке генерального штаба, составленной после разгрома французской армии:

«До 10 мая боевой дух войск был удовлетворительным, хотя и недостаточно высоким. Не хватало зажигающего воодушевления и решительности. Чувство готовности к выполнению своего долга любой ценой не проявлялось даже в лучших частях с желательной ясностью и твердостью...

Эта армия с большими материальными и духовными недостатками противостояла противнику, который был достаточно оснащен танками и противотанковым оружием, прикрывался и поддерживался мощной авиацией и имел твердую волю к победе».

Решение левым крылом сделать широкий заход и войти в Бельгию было принято не в последнюю очередь из соображения использовать армии Бельгии и Голландии в общей системе обороны. Внушительная численность этих двух армий, особенно бельгийской, все же не могла компенсировать имевшихся у них недостатков.

Бельгийская армия состояла из восемнадцати пехотных, двух кавалерийских дивизий и двух арденнских егерских дивизий самокатчиков. Двенадцать пехотных дивизий, с точки зрения французов, были вооружены достаточно хорошо, остальные шесть могли оцениваться лишь как слабо оснащенные второочередные резервные дивизии. Сухопутная армия не была подготовлена к ведению маневренной войны. Танков не было, войска располагали только броневыми автомобилями.

План бельгийского командования предусматривал, что участок южнее реки Маас, Льеж должны оборонять арденнские егерские и кавалерийские дивизии. На участке Льеж, Антверпен располагались двенадцать дивизий, используя канал Альберта, который благодаря своему глубокому ложу-выемке, крутым откосам и отсутствию изгибов был прекрасным и легко простреливаемым противотанковым препятствием. Две дивизии были выдвинуты для обороны предполья на восток и северо-восток, к голландской границе. Остальные четыре дивизии уже занимали оборонительные позиции, предусмотренные для бельгийской армии на реке Диль между Лувеноми Антверпеном. Решительная оборона Льежа и канала Альберта не планировалась. Однако полагали, что германское наступление можно будет задержать на два-четыре дня, то есть достаточно долго, чтобы обеспечить французам и англичанам занятие линии Маас, Диль.

Голландия ясно понимала, что у нее недостаточно сил для обороны своей границы и, кроме того, она не может рассчитывать на своевременную и достаточную помощь союзников. Ее лишь удовлетворительно оснащенные восемь дивизий, одна легкая дивизия, три смешанные бригады и несколько пограничных батальонов не могли обеспечить надежную оборону 400-километровой границы, простирающейся от Маастрихта до Северного моря. Поэтому на границе расположили только слабые силы, даже без артиллерии. На южном участке между городами Маастрихт и Неймеген были подготовлены к подрыву многочисленные железнодорожные и шоссейные мосты через Маас, канал Юлианы и Ваал, имевшие решающее

значение для противника.

Предусматривалось удержание лишь определенного района, носившего название «крепость Голландия». С востока его прикрывала укрепленная линия Греббе, которая примыкала на севере к каналу Эйссел, а с юга – оборонительные сооружения от реки Ваал до Роттердама. Перед линией Греббе голландцы ввели еще позицию Эйссел, занятую слабыми силами. В районе южнее реки Маас предполагалось временно задержать противника на линии Пел.

Командование голландскими вооруженными силами рассчитывало длительное время удерживать «крепость Голландию», оборонительная мощь которой могла быть еще больше усилена затоплением отдельных участков местности. Для ее обороны выделялись основные силы сухопутной армии. Два армейских корпуса заняли и оборудовали линию Греббе, третий армейский корпус пока был расположен южнее реки Маас близ Хертогенбос. Однако в случае наступления крупных сил противника с востока он должен был использоваться не для усиления войск, обороняющих линию Пел, а, так же как и находящаяся в районе Эйндрховена легкая дивизия, своевременно выдвинуться за реку Ваал к оборонять «крепость» с юга.

1-й армейский корпус, расположенный между Роттердамом и Лейденом, был в резерве и обеспечивал охрану аэродромов, находившихся в этом районе.

Для проведения операции германское командование имело в своем распоряжении за вычетом соединений оккупационных войск в Польше и Дании, также расположенных в Норвегии пяти дивизий, 136 дивизий: 43 кадровые пехотные дивизии (в том числе пять моторизованных), 10 танковых дивизий, 1 кавалерийскую дивизию, 82 соединения численностью до дивизии, сформированные после 1 сентября 1939 г. сухопутной армией и войсками СС.

Из них только семнадцать дивизий были использованы для обороны линии Зигфрида, 47 дивизий главное командование сухопутных войск держало в резерве. Таким образом, первоначально в наступлении участвовали 72 дивизии.

Расположение немецких войск хорошо показывало замысел операции, коренным образом измененный по сравнению с осенним вариантом.

Группа армий «Б» (командующий – генерал-полковник фон Бок) должна была только сковать силы противника. Входящие в ее состав 18-я и 6-я армии имели задачу вторгнуться в Голландию и Бельгию, быстро прорвать пограничные укрепления, захватить «крепость Голландию» и помешать наступлению как англо-французской армии, которая предположительно могла войти в Бельгию левым крылом, так и бельгийской армии.

18-я армия (девять пехотных, одна танковая, одна кавалерийская дивизия; командующий – генерал-полковник фон Кюхлер) – северное крыло группы армий «Б» – должна была небольшими силами действовать против северо-восточных провинций Голландии, а основными силами прорвать позицию Эйссел и линию Пел по обе стороны нижнего Рейна и реки Маас с целью атаковать затем «крепость Голландию» с востока и юга. Чтобы быстро вывести из строя голландскую армию, было необходимо во что бы то ни стало помешать ей организовать планомерную оборону на восточных и южных рубежах, прикрывающих «крепость», которые могли быть легко усилены при помощи затоплений. Для этой цели были выделены 22-я пехотная дивизия под командованием генерала графа Шпонека, обученная и оснащенная как воздушно-посадочная дивизия, и 7-я авиадесантная дивизия генерала Штудента.

Воздушно-десантные войска должны были высадиться внутри «крепости Голландии» между Лейденом и Роттердамом, чтобы сковать в этом районе силы противника, а парашютисты, сброшенные южнее Роттердама, – захватить большой железнодорожный и шоссеый мост через реку Маас близ Мурдейка и удерживать его до подхода выдвинутого вперед подвижного соединения. Поскольку для успеха первого удара 18-й армии в районе южнее Ваала решающее значение имел захват как можно большего количества неповрежденных мостов через реку Маас севернее Маастрихта, для этой цели были тщательно подготовлены специальные мероприятия.

Южнее 18-й армии, через узкий коридор между Рудмондом и Льежем, должна была продвигаться 6-я армия (командующий – генерал-полковник фон Рейхенау) в составе

четырнадцать пехотных и двух танковых дивизий, При этом нужно было преодолеть такие препятствия, как река Маас и хорошо обороняемый канал Альберта. Канал в своей южной части, которую требовалось форсировать в первую очередь, был защищен с фланга мощным фортом Эбен-Эмаэль, поэтому планировался немедленный захват этого форта воздушно-десантными войсками. В случае прорыва 16-й армией фронта между Маастрихтом и Льежем ей открывался путь на Брюссель. Тогда танковый корпус Гёппнера (3-я и 4-я танковые дивизии) должен был быстро выдвинуться вперед, чтобы в районе севернее рек Маас и Самбра заранее выйти навстречу флангу противника, который, как предполагалось, начнет продвигаться в Бельгию. Крепость Льеж должна быть блокирована только с севера, так, чтобы она не могла создать угрозу для флангов продвигающейся на запад армии. Успешное выполнение своей задачи 6-й армией – энергичными действиями сковать силы бельгийцев и союзников, спешно стягивающихся к ним для оказания поддержки, – имело решающее значение для успеха всей операции. От быстроты этих действий зависело, как скоро выходящие вперед армии противника потеряют свободу действий.

По этой же причине было особенно важно, чтобы сопротивление бельгийских войск на реке Маас было быстро сломлено.

На группу армий «А» (командующий – генерал-полковник фон Рундштедт) возлагалась по новому плану решающая задача. Наступавшая справа 4-я армия генерал-полковника фон Клюге в составе двенадцати пехотных и двух танковых дивизий должна была прежде всего прорвать приграничную оборону бельгийцев и затем, прикрывая наступающие южнее войска со стороны Льежа, как можно скорее выйти к реке Маас, правым флангом у Динана, левым – в районе Живе. За 4-й армией располагался танковый корпус генерала танковых войск Гота в составе 5-й и 7-й танковых дивизий. Сразу же после прорыва бельгийской приграничной обороны он должен был переправиться через Маас в полосе наступления 4-й армии.

Аналогичное взаимодействие предусматривалось между 12-й армией генерал-полковника Листа (одиннадцать пехотных дивизий) и стоявшей за ней танковой группой генерала кавалерии фон Клейста, в которую входили два танковых корпуса (пять танковых дивизий) и один армейский корпус (пять моторизованных дивизий). Ожидалось, что этим войскам придется преодолевать наиболее труднопроходимые участки местности, зато вначале им было сравнительно легко продвигаться через необороняемый Люксембург. Предполагали, что сопротивление на бельгийско-люксембургской границе будет также сломлено без особого труда. Однако в дальнейшем следовало считаться с возможностью того, что в Южной Бельгии придется вести бои с быстро брошенными навстречу французскими силами.

Их нужно было атаковать с хода и отбросить. После всего этого войска должны были форсировать реку Маас между Живе и Седаном. Уже во время этого наступления через Люксембург и Южную Бельгию, а особенно после удачного форсирования Мааса и продвижения танковых соединений в общем западном направлении глубоко во фланг и тыл союзных сил в Бельгии левое крыло немецких войск все больше и больше отрывалось от основной массы сил и, естественно, вызывало ответные удары, успех которых мог провалить всю операцию. Поэтому было необходимо организовать надежное обеспечение левого крыла, начиная от реки Мозель. По мере продвижения танкового клина на запад прикрытие наступающих войск с юга осуществлялось сначала у люксембургской и бельгийской южной границы с целью воспрепятствовать контратакам противника со стороны линии Мажино, а впоследствии – на противоположном берегу Мааса.

Эту задачу на первом этапе наступления выполняла 16-я армия генерала пехоты Буша в составе пятнадцати пехотных дивизий. Она должна была пройти через южную часть Люксембурга и затем развернуть свои соединения фронтом на юг. Западнее Мааса левый фланг ударного клина вначале обеспечивали моторизованные дивизии, действовавшие совместно с танковыми корпусами. Их как можно скорее должны были сменить наступавшие за ними пехотные дивизии 12-й армии и дивизии резерва главного командования, чтобы эти моторизованные дивизии могли продвинуться вперед и снова приступить к выполнению своей задачи по обеспечению фланга. По ту сторону Мааса прикрытие, воздаваемое на реке Эна фронтом на юг, планировалось продлить к западу до Соммы и таким образом остановить возможные контрудары французов как можно дальше к югу и на хорошо обороняемых водных

рубежах.

Чтобы обеспечить беспрепятственное продвижение, а позднее снабжение подвижных соединений в полосе 4-й и 12-й армий, требовалось провести совершенно особые мероприятия, которые и были осуществлены с исключительной тщательностью и предусмотрительностью. Только при условии хорошо организованного сообщения через труднопроходимые Арденны с их слабо развитой дорожной сетью можно было избежать нежелательных пробок на дорогах во время движения бесконечных колонн моторизованных соединений и при подвозе для них предметов снабжения. Так возникли «автострады» – заранее намеченные дороги сквозного сообщения, которые использовались лишь в определенное время или предназначались исключительно для моторизованных соединений и их снабжения. После преодоления трудной горной местности и реки Маас эти соединения могли использовать густую и отлично содержавшуюся французскую дорожную сеть – идеальные условия для их быстрого продвижения.

1-я армия генерал-полковника фон Витцлебена, действовавшая против линии Мажино в составе группы армий «Ц» (командующий – генерал-полковник Риттер фон Лееб), и стоявшая на Рейне 7-я армия генерала артиллерии Долльмана должны были активными разведывательными действиями и имитацией приготовлений к наступлению сковать на этих участках фронта как можно более крупные силы противника.

На авиацию, как и в Польской кампании, возлагалась задача прежде всего уничтожить вражеские авиационные соединения на аэродромах или в воздушном бою, ударами по коммуникациям противника затруднить оперативные передвижения его войск и оказывать поддержку своим сухопутным войскам, ведущим бои на основных операционных направлениях. Для этого в полосе наступления группы армий «А» действовал 3-й воздушный флот под командованием генерал-полковника Шперрле, в полосе группы армий «Б» – 2-й воздушный флот генерал-полковника Кессельринга.

Продуманный во всех деталях и тщательно подготовленный план германского командования опять, как и в Польской кампании и в Норвежской операции, предвосхищал ход событий, далеко выходя за рамки «первой встречи с главными силами противника». Он строился на чрезвычайно смелых действиях, успех которых зависел от многих случайностей. Гарантией успеха было состояние и моральный дух немецких войск. С осени 1939 г. их численность и техническая оснащенность значительно возросли. Боевая подготовка и вооружение всех соединений, особенно сформированных с началом или вскоре после начала войны, стали намного лучше. Моральный дух за истекшее полугодие тоже заметно повысился. Войска питали доверие к командованию и были уверены в своих высоких боевых качествах. Их гнала на новую войну не жажда завоеваний, скорее они ожидали от ее победоносного завершения быстрого наступления желанного мира. Высшее германское командование, несмотря на многие разногласия с Гитлером, возникавшие зимой 1939/40 г., считало своим долгом отдать все свои знания и личный опыт. Оно делало все возможное для того, чтобы тщательной подготовкой предстоящих операций и основательной боевой подготовкой войск создать все предпосылки для успешного выполнения плана, в котором оно, как и французский генеральный штаб, усматривало огромный риск. Германское командование помнило о не доведенных до конца операциях 1914 г. и возникшей вследствие этого многолетней позиционной войне и с величайшим напряжением ожидало начала кампании.

3. Успех стратегической внезапности

В конце апреля Гитлер со свойственным ему нетерпением начал настаивать на начале наступления. Он опасался нежелательных инцидентов и даже измены, в результате которой враг мог узнать о сохранявшемся в глубокой тайне изменении направления главного удара. Если бы тактической внезапности достичь не удалось, то все планируемые Гитлером особые действия, во многом зависящие от ее достижения – захват отдельных объектов, имеющих важное значение для успеха прорыва, – тоже были бы поставлены под угрозу. 27 апреля он решил начать наступление в период между 1 и 7 мая. Окончательное решение зависело от благоприятной летней погоды в день наступления и в последующие дни. В приказе уже была

поставлена дата дня наступления – 8 мая, как вдруг 7 мая сообщили, что ожидается неустойчивая погода. Пришлось еще раз перенести срок наступления. 8 мая пришли тревожные вести из Голландии о запрещении отпусков, эвакуации населения, завершении мобилизационных мероприятий и о появлении шпионов на западной границе. Гитлер уже сожалел о том, что постоянно уступал требованиям военно-воздушных сил, перенося день наступления. Он еще раз и очень неохотно уступил 9 мая, но заявил, что после 10 мая больше не будет ждать ни при каких обстоятельствах. 9 мая было принято окончательное решение: начать наступление 10 мая в 5 час. 35 мин.

Оба нейтральные государства, Бельгия и Голландия, были поставлены перед свершившимся фактом: лишь после того, как немецкие войска перешли границу, им было в одинаковых по содержанию нотах, между прочим, поставлено в упрек то, что они с самого начала войны якобы все более открыто и широко нарушали нейтралитет. Указывалось, что оба государства расширяли свои укрепления только против Германии и соответственно группировали свои вооруженные силы так, что они были совершенно не в состоянии воспрепятствовать нарушению нейтралитета другой стороной. Генеральные штабы Бельгии и Голландии якобы тесно взаимодействовали с генеральными штабами западных держав. Голландия почти ежедневно разрешала английским самолетам, направляющимся в Германию, пролетать над своей территорией. В нотах также говорилось, что в Бельгии и Голландии идет широкая подготовка к наступлению через их территорию английских и французских войск, и в этой связи отмечалась широкая разведывательная деятельность офицеров западных держав в обоих государствах. Правительство Германии не хочет бездейственно ожидать наступления Англии и Франции и не может допустить перенесения военных действий через Бельгию и Голландию на территорию Германии. Поэтому оно дало приказ германским войскам обеспечить нейтралитет обеих стран. В заключение нота призывала оба государства позаботиться о том, чтобы германским войскам, которые пришли в страну не как враги, не было оказано сопротивления. В противном случае за неизбежное кровопролитие несут ответственность правительства обеих стран.

Как и следовало ожидать, оба правительства отвергли предъявленные им вымышленные обвинения и просили западные государства о помощи. в 6 час. 45 мин. 1-я французская группа армий и английский экспедиционный Корпус получили приказ осуществить план «Д». Это означало, что союзные войска должны были левым крылом войти в Бельгию, а два подвижных французских соединения – выдвинуться в район Тилбург, Бреда, чтобы установить связь с голландцами.

Неудачи в Норвегии вызвали отставку английского премьер-министра Чемберлена. Он подвергся сильным нападкам в палате общин и при голосовании получил такой незначительный перевес, который был равноценен вотуму недоверия. Черчилль стал преемником Чемберлена и душой стратегии, которая хотя и привела к победе в войне с Гитлером и ввергла германский народ в глубочайшую пропасть, но в конечном счете еще меньше стабилизировала международное положение, чем это удалось сделать после первой мировой войны. Теперь эти два человека, обладающие непреклонной волей и в то же время охваченные глубочайшей ненавистью, противостояли друг другу: на одной стороне – демон, жаждущий власти и уничтожения, на другой – типичнейший представитель воинственно настроенной английской нации. Упрямо преследуя поставленную перед собой цель, Черчилль в своих действиях тоже далеко не ограничивался стремлением достичь только этой цели и впоследствии уже был не в состоянии влиять на события по своему усмотрению или настоять на своем при решении спорных вопросов с союзниками, которые к тому времени стали гораздо сильнее.

Однако и новое английское правительство оказалось беспомощным перед лицом развернувшихся военных событий во Франции. Словно лавина обрушились немецкие войска на союзные армии, технически и морально не подготовленные к такому способу ведения войны.

10 мая в 5 час. 30 мин. немецкие армии в соответствии с приказом начали наступление на фронте от Северного моря до линии Мажино.

В Голландии 18-я армия захватила лишь слабо обороняемые северо-восточные провинции и достигла восточного берега канала Эйссел севернее позиции Эйссел. В результате

стремительного наступления удалось захватить неповрежденными некоторые из мостов, подготовленных к взрыву, в районе Неймегена и южнее. Позиция Эйссел и линия Пел были прорваны и сданы обороняющимися в первый же день наступления. Голландские 2-й армейский корпус и легкая дивизия, занимавшие позиции за линией Пел, отошли за реку Ваал.

Гораздо лучше обороняемая линия Греббе была, однако, уже 12 мая прорвана в нескольких местах и на следующий день при поддержке пикирующих бомбардировщиков окончательно захвачена. Два голландских корпуса отошли за новый водный рубеж.

Однако самыми роковыми для голландской армии были бои, разыгравшиеся внутри «крепости Голландии». Хотя высадка воздушных десантов из состава 22-й пехотной дивизии в районе между Роттердамом и Лейденом не везде прошла успешно, а в некоторых местах даже потерпела полную неудачу и привела к тяжелым потерям, все же десанты сковали силы 1-го голландского армейского корпуса. В общей неразберихе и из опасения высадки новых десантов для обороны были стянуты даже части гарнизона линии Греббе. Немецким парашютистам, выброшенным в районе Роттердама и Дордрехта, удалось не только отбить все атаки противника, но даже продвинуться южнее Дордрехта. Они установили связь с имевшим исключительно важное значение для дальнейших боевых действий воздушным десантом у моста близ Мурдейка. Высадившиеся там парашютисты сумели воспрепятствовать взрыву моста и до подхода 9-й немецкой танковой дивизии отбивали все атаки, в которых принимала участие и отведенная за реку Маас легкая дивизия, 9-я танковая дивизия выступила сразу после взятия линии Пел и быстро продвигалась вперед, не встречая никакого сопротивления, поскольку 1-й голландский армейский корпус был отведен за реку Ваал. Вечером 12 мая ее передовые подразделения прибыли в Мурдейк, а на следующий день 9-я танковая дивизия, переправившись по мосту, разгромила голландскую легкую дивизию, которая почти целиком попала в плен. Вторжение в «крепость Голландию» было успешно осуществлено.

Хотя части 7-й французской армии и прибыли уже 11 мая в город Бреда, однако французы отклонили просьбу голландцев атаковать немецкие войска, захватившие мост у Мурдейка. Они хотели сначала дождаться подхода подкреплений. Между тем к Мурдейку подошла 9-я немецкая танковая дивизия и обеспечила немецких парашютистов от атак противника со стороны Бреды. 14 мая голландское командование, учитывая бесполезность дальнейшего сопротивления и угрозу воздушных налетов немецкой авиации на Роттердам и Утрехт, решило начать переговоры о капитуляции. Уже в тот же день в 21 час. 30 мин. огонь был прекращен. Однако, несмотря на капитуляцию, из-за плохой работы связи уже нельзя было ничего сделать, чтобы предотвратить воздушный налет на Роттердам. В результате город сильно пострадал, среди населения было много жертв.

В течение пяти дней первый противник был выведен из войны и целая армия высвобождена для действий в другом месте.

6-я армия, наступавшая южнее 18-й армии, стремительным и мощным продвижением должна была создать у противника впечатление, что она действует на направлении главного удара немецких войск. С этой задачей она полностью справилась. Первый прорыв, в ходе которого требовалось преодолеть реку Маас и расположенную за ней южную часть канала Альберта, удался удивительно легко. Правда, голландцы сумели своевременно взорвать важный мост в районе Маастрихта, но несколько не менее важных мостов через канал Альберта были захвачены внезапными атаками парашютистов. Тщательно подготовленный захват форта Эбен-Эмаэль воздушным десантом увенчался полным успехом. Обороняющиеся были буквально ошеломлены, когда 78 специально отобранных и подготовленных пилотов в 5 час. 32 мин. бесшумно посадили свои планеры на форт. Лишь несколько пулеметчиков успели открыть огонь. Подрывными зарядами были немедленно уничтожены наблюдательный пункт, выходы из казематов и оружейные стволы, выступавшие из бронекорпусов, а боевой дух гарнизона был сломлен угрозой подорвать заряды, спущенные в вентиляционные колодцы. Таким образом, этот мощный форт, построенный лишь в 1935 г., не мог уже оказать никакой помощи войскам, обороняющим канал Альберта. Защитники форта окончательно прекратили сопротивление только во второй половине следующего дня. Отважные десантники потеряли убитыми всего пять человек.

В первый же день наступления вечером 6-я армия на широком фронте форсировала реку

Маас и канал Альберта. В тот же вечер бельгийцы отвели все войска, занимавшие укрепления перед Льежем, за Маас, кроме одной дивизии, которую направили в Лувен. Во второй половине следующего дня они находились уже между Льежем и Хасселтом, отступая по всему фронту к реке Диль.

Танковый корпус Гёппнера, минуя Льеж, вышел в район севернее Намюра и 13 мая под Жамблу натолкнулся на две французские легкие механизированные дивизии, которые после упорных танковых боев 14 мая были отброшены к оборонительным позициям на реке Диль. Тем временем 6-я армия переправилась через Маас, продвигаясь правым флангом на Мехельн, центром на Брюссель, а левым флангом – на Нивель. 14 мая передовые части 6-й армии подошли к реке Диль и установили соприкосновение с частями вышедших вперед английских и французских армий.

Теперь было ясно, что войска левого крыла союзников осуществили ожидавшееся захождение. Против них нужно было ввести такие силы, которые могли бы их сковать. После того как голландцы сложили оружие, высвободилась 18-я армия, которую можно было подтянуть к правому флангу 6-й армии. Поэтому немецкое командование решило снять танковый корпус, действовавший в полосе 6-й армии, и использовать его в полосе группы армий «А», где решался исход войны.

Наступление этой группы армий вполне оправдало все возлагавшиеся на нее надежды, 4-я армия и танковый корпус Гота прорвали позиции бельгийской кавалерии и арденнских егерей сначала на границе, затем на реке Урт, и уже рано утром 13 мая головные подразделения выдвинувшихся далеко вперед танковых соединений достигли Мааса севернее Динана. Бельгийцы поспешно отступили за Маас, в район между Намюром и Льежем. В то же утро танковые дивизии, натолкнувшись на совершенно ошеломленных французов, создали плацдарм на другом берегу Мааса и успешно отразили контратаки противника. На следующий день танкам в ряде мест удалось продвинуться на левом берегу до 15 км. Теперь река прочно находилась в руках немцев.

С таким же успехом проходило наступление и 12-й армии. Наступавший в авангарде танковый корпус Гудериана уничтожил заграждения, которые соорудили люксембуржцы на своей границе, а вечером в первый же день наступления прорвал приграничную оборону бельгийских войск. Другой более мощный оборонительный рубеж между Либрамоном и Нёшато немецкие войска преодолели 11 мая; пытавшаяся контратаковать французская кавалерия была повсюду отброшена. В то время как танковый корпус, наступавший на Монтерме, быстро продвигался, в полосе танкового корпуса Гудериана, несмотря на все принятые меры по регулированию движения, образовались большие пробки на плохих узких горных дорогах. К тому же противник разрушил эти дороги во многих местах и устроил многочисленные заграждения. Но и эта трудность в конце концов была преодолена, войска переправились через глубокую реку Семуа, и вечером 12 мая передовые части трех танковых дивизий вышли к Маасу и захватили город Седан, расположенный на восточном берегу реки. В ходе наступления подвижные соединения сильно растянулись. Их арьергарды со следующими за ними моторизованными дивизиями были еще у Рейна, тогда как авангардные части достигли уже Мааса. Учитывая заранее подготовленную оборону противника, было нелегко в такой обстановке принять решение на следующий же день форсировать реки без предварительной тщательной разведки, подтягивания и подготовки всех сил и без поддержки мощной артиллерии. И все же нельзя было терять время. Несколько сотен самолетов должны были дополнить пока еще незначительную артиллерийскую поддержку. Ровно в 16 час. с началом наступления совершили налет первые эскадрильи и одновременно штурмовые группы начали переправляться через реку на надувных лодках и моторных катерах. К вечеру береговые укрепления линии Мажино были прорваны и по обе стороны Седана созданы два небольших плацдарма, которые в течение ночи непрерывно укреплялись и были значительно расширены. Под мощным прикрытием зенитной артиллерии, которая блестяще отражала все атаки английской и французской авиации, нанося ей большие потери, на следующий день был наведен понтонный мост, а к вечеру три танковые дивизии уже находились на западном берегу Мааса и немедленно начали продвижение в западном и южном направлениях.

13 мая танковому корпусу генерала Рейнгардта, наступавшему несколько севернее,

удалось форсировать реку Маас близ Монтерме. 14 мая семь танковых дивизий переправились через Маас. У Динана, Монтерме и Седана пять моторизованных дивизий находились на подходе, а еще две танковые дивизии, взятые у 6-й армии, должны были прибыть через несколько дней в район за 4-й армией. Момент внезапности удалось полностью использовать, все трудности местности и технического осуществления операции были успешно преодолены.

На стокилометровом фронте между Седаном и Намюром располагались почти исключительно французские резервные дивизии первой и второй очереди. Они, естественно, были не в состоянии отразить натиск немецких войск. Противотанкового оружия эти дивизии почти не имели, поскольку не нашли его на линии Мажино в районе Седана. Против ударов с воздуха они были беспомощны. 15 мая 9-я армия, находившаяся в районе между Седаном и Намюром, была полностью разбита и откатилась на запад. Соединения 2-й армии, которые располагались южнее Седана, контратаками пытались остановить прорыв немецких войск. Когда 15 мая французское верховное командование осознало всю глубину опасности, нависшей в результате прорыва немецкими войсками обороны на Маасе не только над местными силами, но и над армиями, действовавшими в Бельгии, оно сделало все возможное, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу. Оно еще надеялось, что хотя бы северный фланг 9-й армии сможет удержаться. Тогда, может быть, где-нибудь между реками Маас и Уаза удастся остановить наиболее опасное продвижение противника по обе стороны Седана и восстановить фронт между 2-й и 9-й армиями. Но все эти попытки потерпели неудачу из-за стремительного темпа наступления немецких подвижных соединений и следовавших за ними вплотную пехотных дивизий 4-й и 12-й армий, которые расширили фронт прорыва и обеспечили фланги.

В районе Бомона у самой франко-бельгийской границы французские танки безуспешно пытались преградить путь танковым дивизиям корпуса Гота, прорвавшимся в районе Динана. Приказ, данный располагавшейся севернее участка прорыва 1-й французской армии, – ввести все свои моторизованные соединения южнее реки Самбра для удара по северному флангу прорвавшихся немецких войск, выполнить было нельзя, потому что эти соединения были или уже разбиты, или вели бои против немецкой 6-й армии.

Попытка 2-й французской армии прорваться с юга в район плацдарма, созданного у Седана, разбилась об упорную оборону 10-й танковой дивизии, введенной Гудерианом для защиты своего южного фланга.

В этой критической обстановке главнокомандующий французской армией генерал Гамелен вспомнил об одном приказе, который отдал маршал Жоффра в сентябре 1914 г. накануне битвы под Марной. Гамелен, тогда еще молодой офицер генерального штаба, лично присутствовал при этом в главной квартире Жоффра. Теперь Гамелен обращался к своим солдатам с такими же зажигательными словами, которые в свое время предшествовали «чуду на Марне»:

«Отечество в опасности! Войска, которые не могут продвигаться вперед, должны скорее погибнуть на том месте, где они стоят, чем уступить хоть одну пядь французской земли, оборона которой им вверена. В этот час, как и во все исторические для родины моменты, наш девиз – победить или умереть. Мы должны победить!»

Однако этот приказ не достиг своей цели. Гамелен дал его в обстановке, которая не имела ничего общего с 1914 г., когда волевой командующий не дал противнику возможности разорвать фронт своих армий при отходе и затем бросил их в наступление.

Французское правительство лишило Гамелена доверия, сместило 18 мая с занимаемого им поста и назначило генерала Вейгана его преемником. Это имя снова вызвало во всей Франции волну надежды. Вейган, испытанный помощник Фоша во время первой мировой войны, человек, который в 1920 г. своим гением спас Варшаву, должен был взять теперь в свои сильные руки судьбу Франции.

Когда 19 мая Вейган прибыл во Францию из далекой Сирии, немецкие войска продолжали беспрепятственно расширять прорыв. Проходя по 50 км и более в сутки, немецкие подвижные соединения стремительно продвигались на запад.

К вечеру 18 мая они вышли в район южнее Мобежа, захватили Ле-Като и Сен-Кантен и обеспечили свой южный фланг севернее Лаон. Здесь 16 мая навстречу им выступила сформированная генералом де Голлем ударная группа, ядро которой составляла недавно

созданная танковая дивизия. Это соединение тщетно пыталось потеснить южный фланг немецкого клина. После трехдневных безуспешных боев французская танковая дивизия была рассеяна действиями наземных войск и пикирующими бомбардировщиками и отброшена через Лаон на юг. Предусмотренная в плане германского командования оборона фронтом на юг быстро создавалась вдоль реки Эна. 4-я армия вслед за устремившимися вперед танковыми дивизиями также неудержимо продвигалась южнее реки Самбра. Она отрезала Мобёж с юга и своим левым флангом наступала в направлении на Аррас.

20 мая Гамелен передал командование союзными вооруженными силами своему преемнику Вейгану. Еще за день до этого он отдал приказ, представляющий собой последнюю попытку предотвратить угрозу окружения армий в Бельгии. Исходя из того, что широкая брешь уже не могла быть закрыта фронтальным контрударом, он приказал перейти к наступательным действиям с севера и с юга, чтобы таким путем добиться восстановления разорванного фронта, 1-я группа армий, действовавшая в Бельгии, уже начала проводить мероприятия по осуществлению этого плана. Армии, вначале выдвинувшиеся до рубежа Намюр, Антверпен, 16 мая под сильным натиском немецких армий отступили вместе с бельгийцами за реку Дандр, а 19 мая – за реку Шельда. Одновременно англичане начали снимать с фронта войска, чтобы создать на юге оборонительную позицию, которая первоначально тянулась от Денена до Арраса. Отсюда можно было предпринять запланированный Гамеленом удар на юг. Против немецких войск, прикрывавших наступление танковых корпусов на юге, французы создали из резервов крепостных частей укрепленных районов 6-ю армию. Она примыкала к 2-й французской армии, занимая позиции вдоль канала Уаза – Эна, и постепенно растянулась до района южнее Лаона. Левее предполагалось расположить новую 7-ю армию, которая должна была организовать оборону по Сомме до Ла-Манша. Обе армии объединились в новую, 3-ю группу армий. Эти армии по плану наносили удар в северном направлении. Расстояние от Перонна до Арраса, куда подходили английские войска, составляло всего 40 км. Если бы до 22 мая удалось как в районе Арраса, так и у Соммы собрать достаточные силы и начать общее наступление с севера и юга, то эти силы могли бы еще соединиться и остановить прорвавшиеся немецкие войска.

Генерал Вейган принял план своего предшественника и доложил его на совещании в Париже, на котором присутствовал Черчилль. Вейган потребовал неограниченной поддержки со стороны английской авиации, которая имела решающее значение для достижения успеха, и предложил хотя бы временно отказаться от воздушных налетов на Гамбург и Рурскую область, поскольку это не оказывает непосредственного влияния на ход военных действий. Черчилль принципиально согласился с Вейганом, но обратил внимание на то, что английские истребители, базирующиеся на аэродромы в Англии, могут находиться над районом боевых действий не более 20 мин. Предложение о переброске английских истребительных частей во Францию он отклонил.

Осуществление французских замыслов, однако, не пошло дальше слабых попыток. Дивизии, предназначенные для формирования новой 7-й армии, прибывавшие частично из Северной Африки, частично с линии Мажино, сильно запаздывали, так как с 17 мая авиация противника стала наносить мощные удары по железным дорогам. Таким образом, создание немецкого оборонительного рубежа, обращенного фронтом на юг, осуществлялось быстрее, чем сосредоточение новой французской армии, так что немцам даже удалось захватить несколько плацдармов на реке Сомма, которые сыграли большую роль в ходе последующей «битвы за Францию».

Французская 7-я армия, несмотря на все настояния французского главнокомандующего начать наступление хотя бы частью сил, совершенно не старалась предпринять активных действий. Об организации же какого-то крупного наступления вообще не могло быть и речи. Активные действия войск генерала де Голля в районе Лаона представляли собой единственную попытку выступить с юга навстречу прорвавшимся немецким войскам.

Гораздо более энергичными были направленные на восстановление связи с югом действия 1-й группы армий, которой грозило окружение, и особенно действия английских войск. Командующий группой армий генерал Бийот и главнокомандующий английскими войсками лорд Горт Договорились высвободить по две дивизии, с которыми они 21 мая во второй

половине дня хотели нанести контрудар по обе стороны Арраса. Однако в действительности англичане к середине этого [112 – Схема 4] дня предприняли контратаку южнее Арраса только одним пехотным полком, усиленным двумя танковыми батальонами. Эти действия развертывались успешно, и в полосе 4-й немецкой армии создалось довольно затруднительное положение. Вначале оно расценивалось как очень серьезное, но уже к вечеру в результате массированного использования пикирующих бомбардировщиков и истребителей, а также применения зенитной

артиллерии для поражения наземных целей критическое положение было ликвидировано. Наступательные действия французов, которые должны были вестись наряду с действиями англичан, не были осуществлены, так как французские дивизии не успели занять исходные позиции. На следующий день англичанам в районе Арраса удалось удержать свои позиции лишь с большим трудом, французы же так и не перешли в наступление. Таким образом, план Гамелена – Вейгана закончил свое существование прежде, чем его начали по-настоящему осуществлять.

Начиная с 17 мая английский главнокомандующий со все возрастающим опасением следил за развитием событий во Франции. В этот день он впервые намекнул на возможность эвакуировать свои войска из Франции морским путем, а на следующий день высказал эту мысль со всей ясностью. В то время английское правительство еще упорно указывало ему путь на юг. Но и тогда оно уже рассчитывало на то, что, по крайней мере, отдельные части английских экспедиционных сил могут оказаться оттесненными к морю, и приказало на этот случай начать необходимые приготовления в Англии. Между тем у главнокомандующего английскими войсками во Франции не только усиливались опасения относительно хода боевых действий, но и уменьшалось доверие к своим французским и бельгийским коллегам. Он подписал план союзного верховного военного совета от 22 мая с оговоркой, что в связи с сократившимся подвозом нельзя рассчитывать на повторные попытки прорвать кольцо окружения ударом с севера; при этом он намекнул, что освобождение окруженных войск должно прийти с юга.

Тем временем командование французской армии само поняло, что его план уже не может быть осуществлен. Поэтому 1-й группе армии было приказано удержать как можно больший плацдарм в районе Дюнкерк, Кале.

Немецкие соединения, почти не понесшие никаких потерь в коротком бою под Аррасом, продолжали развивать удар на запад и северо-запад. 20 мая они достигли Амьена и Абвиля, на следующий день они захватили Сен-Поль и Монтрей. Северо-западнее Абвиля первое немецкое подразделение – батальон 2-й танковой дивизии – вышло к морю. В то время как войска второго эшелона обеспечивали прикрытие на Сомме вплоть до ее устья против 10-й французской армии, которая, как предполагали, сосредоточивалась за этим рубежом, танковые соединения повернули на север и северо-восток, чтобы, продвигаясь левым флангом вдоль Ла-Манша, прорвать с юго-запада создаваемое противником предмостное укрепление. 23 мая были окружены города Булонь и Кале, на следующий день танковые дивизии Гудериана и Рейнгардта стояли перед рекой Аа между городами Сент-Омер и Гравлин. Головные танковые части произвели разведку до Бетюна и Ланса, где английские войска и 1-я французская армия, находившиеся еще на большом расстоянии от побережья, двигались навстречу наступающей 4-й немецкой армии.

Англичане и французы развили лихорадочную деятельность, стремясь создать оборону у канала Ла-Бассе и на противоположном берегу реки Аа. В этой обстановке танковые дивизии, наступавшие вдоль побережья Ла-Манша, 24 мая получили непонятный для них приказ Гитлера: остановиться на достигнутом рубеже и отвести назад части, продвинувшиеся на Азбрук. Дальнейшее продвижение разрешалось только частям, выполнявшим задачи по разведке и охранению. Этот приказ, который привел к спасению основных сил английского экспедиционного корпуса и части окруженных вместе с ним французских войск, стал с тех пор предметом самых оживленных споров. Несомненно то, что приказ первоначально исходил от Гитлера и что Гитлер был поддержан Кейтелем и Йодлем. Хорошо известно, что против этого приказа резко, но безуспешно выступал главнокомандующий сухопутными силами. Гитлер говорил, что танковые войска понесут тяжелые потери на труднопроходимой, перерезанной

многочисленными реками местности, которая была ему знакома еще по первой мировой войне, что они, учитывая второй этап кампании – уничтожение французской армии – сильно нуждаются в отдыхе и пополнении. Эти доводы, по-видимому, произвели некоторое впечатление на командование группы армий «А», которую Гитлер посетил до отдачи своего приказа, так что со стороны этого командования не было никаких возражений. Вполне возможно также и то, что Геринг хотел, чтобы задача по уничтожению англичан была возложена на его авиацию, и сумел своими обещаниями заверить Гитлера в успехе. Хотя главнокомандующий сухопутными силами продолжал всячески настаивать на продолжении наступления танковыми дивизиями, они в течение трех дней оставались на месте.

Немцы должны были только наблюдать, как англичане и французы создавали оборону и производили погрузку на суда. 26 мая танковым дивизиям было разрешено вновь начать активные боевые действия, однако вслед за тем пришел приказ сменить все танковые дивизии прибывшими моторизованными дивизиями и отвести их для выполнения других задач. Самый благоприятный момент прошел, и возможность окружить английский экспедиционный корпус была упущена. Конечно, англичане оборонялись бы с исключительным упорством и немецкие соединения понесли бы значительные потери, однако не такие большие, чтобы существенно затруднить продолжение войны против Франции {7}.

После 25 мая перед окруженными союзными войсками стояла только одна задача: обеспечить и осуществить эвакуацию. Несмотря на то что наступление немецких танковых соединений было приостановлено, положение союзников оставалось еще весьма тяжелым, потому что обе армии немецкой группы армий «Б» в ходе тяжелых боев к 25 мая форсировали реку Шельда и теперь вели наступление на реку Лис. Связующим звеном между 6-й армией на Шельде и танковыми корпусами между Бетюном и морем служила 4-я армия. Вместе со своими танковыми корпусами Гёппнера и Гота она преследовала остатки разбитой 9-й французской армии и введенные для ее поддержки соединения, окружила и уничтожила в районе юго-западнее Мобежа сильную французскую группировку, овладела с тыла самой крепостью и затем зажала в тиски силы противника, выдвинувшиеся далеко вперед восточнее и южнее Лилля.

25 мая немецкие войска предприняли наступление на реке Лис у Менена и вбили глубокий клин между бельгийцами и англичанами. В тот же день французы вывели еще находившиеся в Бельгии войска, чтобы использовать их для поддержки своих сил на юге. Предоставленные самим себе бельгийцы в следующие два дня в результате охватывающих ударов немецких войск были оттеснены еще дальше к побережью. 27 мая измотанные, в полном беспорядке отступавшие соединения оказались в совершенно безнадежном положении: они были прижаты к морю и занимали район всего 50 км шириной и 30 км глубиной, который к тому же был весь забит беженцами. Бельгийский король, оставшийся при своей армии в то время, как его правительство выехало в Лондон, понимал, что его армия не может избежать уничтожения. Для ее спасения через Остенде и Зеебрюгге ничего не было подготовлено. Король не хотел терять армию, но вместе с тем он считал, что долг монарха не позволяет ему последовать за своим правительством. Поэтому он решился остаться с армией и предложить капитуляцию. 27 мая в 17.00 парламентар пересек линию фронта, в 23.00 был подписан акт о капитуляции, а в 4 часа утра следующего дня был прекращен огонь.

Выход Бельгии из войны отразился на положении английских и французских войск не так уж тяжело, как это могло показаться вначале. Еще до капитуляции бельгийцев они приняли надлежащие меры для защиты своего восточного фронта и заняли рубеж Ипр, Диксмюд, Ньивпорт.

После капитуляции бельгийской армии окруженные английские и французские дивизии занимали узкий, примыкавший к морю район, ширина которого на побережье составляла 50 км.

Этот район, постепенно сужаясь, тянулся в юго-восточном направлении на 80 км и кончался за Лиллем. Французам было очень трудно освободиться от мысли прорваться на юг, поэтому они так долго оставались в районе Лилля, подвергая себя и англичан большой опасности. После того как пять английских дивизий в ночь с 27 на 28 мая первыми оставили район южнее реки Лис, немецкие войска предприняли утром следующего дня наступление с северо-востока и юго-запада и преградили пути отхода основным силам двух французских

армейских корпусов. Они были окружены и 31 мая сложили оружие. В ночь с 28 на 29 мая английские войска и расположенные по обе стороны прибрежного участка французские арьергардные части отошли большим скачком на узкий плацдарм.

В дни Дюнкерка англичане убедительно доказали, на что они способны, если им угрожает смертельная опасность. Подготовка к эвакуации войск началась заблаговременно. 20 мая стали предусмотрительно собирать необходимые суда. 26 мая вечером был дан приказ на проведение операции «Динамо» – эвакуацию экспедиционного корпуса. В то время англичане надеялись иметь в своем распоряжении только два дня и рассчитывали на спасение 45 тыс. человек. Когда уже не было смысла скрывать безнадежное положение во Фландрии, обратились за помощью к населению, чтобы получить для эвакуации войск всякое сколько-нибудь пригодное судно. Этот призыв был встречен с исключительным воодушевлением. К побережью Фландрии двинулся странный флот, подобного которому еще не знала история. Эскадренные миноносцы и торговые суда направились в порт Дюнкерк и начиная с 27 мая перевезли около 240 тыс. человек. Целый флот моторных катеров, баркасов, парусных судов, спасательных лодок, пассажирских пароходов с Темзы, лихтеров и яхт, напоминавший огромный рой ос, все время держался неподалеку от побережья. Самые мелкие суда подходили к берегу, погружали людей и доставляли их на многочисленные военные корабли, начиная от торпедных катеров и кончая эскадренными миноносцами, на которых они добирались до спасительного побережья Англии. Целые колонны загнанных в воду автомашин использовались для посадки на суда.

Около 100 тыс. человек спаслись от плена благодаря такой импровизированной переброске через пролив. В общей сложности в спасательной операции приняло участие 861 судно различных типов и классов. Более четверти этого количества затонуло. Английский военно-морской флот потерял девять эскадренных миноносцев, 23 корабля были тяжело повреждены.

В течение всего этого времени над районом погрузки шли ожесточенные воздушные бои. Теперь стало ясно, что англичане были правы, когда упорно отказывались использовать свои истребительные соединения для поддержки слабой французской армии, судьбу которой они все равно не смогли бы изменить. Хотя немецкая авиация ввела все имевшиеся в ее распоряжении силы, ей удавалось приостанавливать отправку английских войск с континента лишь в последний период эвакуации, да и то только в дневное время. Английские легчики-истребители показали высокое мастерство, а их самолеты – хорошие боевые качества.

29 мая англичане и французы занимали небольшой плацдарм в районе Дюнкерка и Де-Панне, который в последующие дни все больше уменьшался.

В ночь с 3 на 4 июня последние английские арьергардные части покинули европейский материк, чтобы вновь вступить на него через четыре года почти в этот же день. Среди спасенных 338 226 солдат находилось 90 тыс. французов. Все оснащение девяти английских дивизий пришлось бросить. Но самое главное заключалось в том, что обученные кадровые войска были сохранены.

К этому казавшемуся невероятным результату привели не только неудовлетворительные действия немецкой авиации и запрещение немецкого командования использовать танковые дивизии. Англичане тоже внесли сюда свой вклад. Все подготовительные мероприятия были проведены заблаговременно. Английские войска сохраняли исключительную дисциплину. Команды спасательных судов всех классов и типов бесстрашно продолжали эвакуацию войск даже во время самых интенсивных налетов авиации. Поражающее действие немецких бомб значительно снижалось из-за рыхлого морского песка. Английская авиация прилагала все усилия, чтобы непрерывными активными действиями, которые нередко прерывались только для заправки горючим, сковать силы немецкой авиации и воспрепятствовать ее разрушительной работе. Наконец, англичанам помогло и само море. Его поверхность все время оставалась зеркально-гладкой, и это дало возможность использовать самые мелкие и непригодные к плаванию в открытом море суда.

Англичане по праву гордились тем, что они совершили

4. Битва за Францию

В результате сокрушительных ударов в Бельгии и Северной Франции перестали существовать, кроме бельгийской армии, 30 французских и 9 английских дивизий. Французы потеряли свыше половины своих кадровых дивизий и большинство подвижных соединений. Часть дивизий, оборонявшихся между Лонгюйоном и устьем Соммы, понесли тяжелые потери.

После катастрофы осталась 61 дивизия. Эти силы удалось увеличить до 66 дивизии за счет переброски во Францию нескольких североафриканских дивизий, ослабления Альпийского фронта и новых формирований. Они должны были оборонять линию Мажино и 360-километровый фронт, протянувшийся до самого моря; в том, что немецкие войска начнут вскоре наступление, французы были совершенно уверены.

На линии Мажино оставили 17 дивизий, главным образом крепостных, 22 дивизии выделили для создания резервов армий и главного командования. Таким образом, только 27 дивизий непосредственно вели боевые действия, так что каждая дивизия оборонялась на фронте от 12 до 14 км...

Оборону линии Мажино по-прежнему осуществляла 2-я группа армий. На остальной части фронта действовали две группы армий. В 4-ю группу армий входили 2-я армия и вновь прибывшая 4-я армия, а в расположенную слева 3-ю группу армий – 6-я, 7-я и 10-я армии.

На левом фланге 10-й армии находились последние оставшиеся во Франции английские соединения, одна французская пехотная дивизия и основные силы единственной вновь сформированной французской танковой дивизии.

Только перед фронтом 2-й армии не было никаких частей противника. Но опасность заключалась в том, что противник создал плацдармы на Сомме в районе Перонна, Амьена и Абвиля, которые ликвидировать уже не удалось.

Оборонительные позиции усиленно укреплялись. Глубоко эшелонированная оборона должна была остановить вклинившиеся танки противника или, по крайней мере, дать возможность отсечь от танков следующую за ними пехоту. Рассчитывали, что если только будут удержаны позиции в тылу, расположенные преимущественно в районе населенных пунктов и лесов, то удастся отрезать прорвавшиеся танковые соединения и парализовать их ударную силу. С целью борьбы с танкобоязнью и для поднятия морального духа войск издавалось много различных инструкций и памяток.

Но главнокомандующий французской армией генерал Вейган уже в самом начале этой отчаянной борьбы в глубине души понимал ее неизбежный исход. 25 мая на одном из заседаний кабинета он впервые заявил, что сопротивление, которое еще в состоянии оказывать французская армия, может служить только одной цели: спасти честь армии и добиться почетных условий капитуляции. 29 мая он выразил свои мысли еще яснее в письме правительству, указав, что дальнейший ход военных действий может в любой момент поставить армию перед необходимостью сложить оружие.

Превосходство немецких войск было действительно подавляющим. Понесенные потери в людях и технике уже не имели никакого значения. Танковые соединения могли быть пополнены личным составом и материальной частью. Моральный подъем, вызванный у немецкого солдата победой, был таким высоким, что его трудно было переоценить. Немецкой авиации, которая почти полностью сохранила свою боевую мощь, французы могли противопоставить лишь 400 истребителей, качественно уступавших немецким, и 70 бомбардировщиков. Во Франции ежедневно производилось всего 12 самолетов, да из Соединенных Штатов прибывало примерно 5 самолетов в день. Это были незначительные цифры, которые даже приближенно не могли покрыть ежедневных потерь.

Поэтому искусство немецкого командования заключалось в том, чтобы как можно скорее подготовить новую операцию, не дав французам времени для сооружения мощного оборонительного рубежа. Поскольку большая часть немецких соединений, находившихся в районе Дюнкерка, требовалась для участия в новом наступлении, то эти дивизии, стоявшие фронтом на север, запад и юг, нужно было спешно отвести и со всеми их тыловыми службами направить в район, где предполагалось нанести удар. Приготовления к этой трудной в оперативном отношении задаче начались уже 20 мая, когда наметилось окружение северных армий противника.

В этот день главное командование сухопутных войск получило задачу подготовить

операцию, предусматривавшую на первом этапе прорыв между проливом Ла-Манш и рекой Уаза к нижнему течению реки Сена, а на втором, который должен был начаться несколькими днями позже, – решительное наступление по обе стороны от Реймса и дальше на восток до города Ретель. Только после успешного проведения этих двух ударов следовало осуществить третий и последний этап операции: штурм линии Мажино и форсирование Рейна.

Перегруппировка на правом крыле немецких войск была проведена с максимальной быстротой. Фронт между морем и рекой Уазой заняла группа армий «Б» в составе 4-й и 6-й армий. За тремя плацдармами по одному танковому корпусу у Абвиля, Амьена и Перонна заняли исходные позиции танковые соединения.

Танковые корпуса, начинавшие наступление с амьенского и пероннского плацдармов, были объединены в танковую группу под командованием генерал-полковника фон Клейста.

В группу армий «А» входили четыре армии. Вдоль реки Эна располагались 2-я и 9-я армии, которые во время предыдущих действий выполняли задачу обеспечения фланга наступающих войск с юга. К ним примыкали 12-я и 16-я армии. В тылу 12-й армии севернее города Ретель была создана танковая группа в составе четырех танковых и двух моторизованных пехотных дивизий под командованием генерала Гудериана.

Уже 5 июня, на следующий день после того, как смолкли последние выстрелы в Дюнкерке, группа армий «Б» начала наступление по всему фронту. Первые удары по французским позициям между морем и рекой Уаза сначала увенчались полным успехом только в одном месте. Наступая с плацдарма в районе Абвиля, танковый корпус Гота глубоко вклинился в боевые порядки противника и угрожал прорвать в центре фронт 10-й французской 6 армии. Танковые корпуса, наступавшие с плацдармов в районах Амьена, и Перонна, встретили упорное сопротивление. Теперь, когда впервые за все время войны французское командование получило возможность вести оборонительные действия на заранее подготовленных позициях, оно временно проявило свое былое мастерство. Войска твердо выполняли все приказы командования, и немецким танкам не удалось здесь вклиниться в расположение французов. Существенную помощь последним оказал налет французской авиации на танковый корпус, сосредоточенный на пероннском плацдарме, однако ввиду недостаточного количества сил повторить налет не удалось. Тем не менее, когда 6 июня танковый корпус Гота продвинулся еще дальше и его успех был немедленно использован 4-й армией для расширения проделанных брешей, а на других участках фронта немецкие войска еще больше углубились в расположение противника, французское командование решило оставить оборонительный рубеж на реке Сомма, по которой проходил передний край, чтобы сохранить связь между армиями. Французские войска еще держались на многих участках, но командование считало, что оно не располагает необходимыми резервами, чтобы контратаками локализовать вклинения немецких войск и добиться решающего исхода. Оно решило вести сдерживающие бои между реками Соммой и Эной с целью замедлить немецкое наступление, а затем остановить его на тыловом оборонительном рубеже. Для этого представлялось удобным нижнее течение Сены и позиция, прикрывавшая Париж, которая начиналась у Сены севернее Парижа и шла широкой дугой сначала вдоль Уазы, а затем поворачивала назад на юго-восток к реке Марна.

В последующие два дня обе немецкие армии усилили свой натиск. Опаснее всего для планов французского командования складывалась обстановка в полосе обороны 10-й французской армии. 8 июня танковый корпус Гота находился в районе Руана перед самой Сенной. Один французский корпус и две английские дивизии, оборонявшиеся в районе Абвиля, были оттеснены к побережью. Часть английских войск отошла к Гавру и погрузилась там на суда. Основные же силы англичан вместе с французским корпусом были окружены у побережья в районе Сен-Валери. 4-я немецкая армия оказывала сильное давление на восточный фланг 10-й французской армии. Она сумела оттеснить его на юго-восток, не дав отойти к Сене, и затем отбросила к соседней 7-й французской армии. В то время как последняя вела упорные бои, два немецких корпуса под командованием генерал-полковника фон Клейста продвигались на юг. Крупные силы 6-й немецкой армии наступали по обоим берегам реки Уаза на Компьен, а ее левый фланг вышел к реке Эне в районе Суассона. Потери французов приняли угрожающие размеры.

Теперь настал момент нанести главный удар группой армий «А». Используя сильную

танковую группу Гудериана, она должна была не только прорвать фронт противника в районе Лонгьюона, но в ходе дальнейшего наступления на юг расстроить всю систему обороны французских сил.

Наступление, начатое соединениями 12-й армии, 9 июня после ожесточенных боев привело к созданию в первый же день плацдарма в районе западнее Ретель, с которого на следующее утро начали наступление две танковые дивизии группы Гудериана. Несколько контратак во фланг наступающим войскам, предпринятых французскими резервами (в том числе и вновь сформированной танковой дивизией) с востока, смогли 10 и 11 июня лишь временно задержать немецкое наступление, 2-я и 9-я армии, наступавшие западнее 12-й армии, несмотря на ожесточенное сопротивление противника, также прорвали оборону французов на Эне. В то время как эти три армии быстро продвигались на юг, немецкое командование решило подтянуть танковую группу генерал-полковника фон Клейста из района Компьена, Нуайона и бросить ее в наступление западнее Реймса в южном направлении. Это делалось для того, чтобы почти все немецкие подвижные соединения приняли участие в продвижении к реке Марна по обе стороны Реймса и смогли завершить оперативный прорыв французской обороны.

Уже 11 июня передовые отряды быстро переброшенной танковой группы Клейста достигли реки Марна в районе Шато-Тьерри. Реймс, расположенный восточнее этого пункта, также был занят, а танковая группа генерала Гудериана продвигалась по направлению к Шалону-на-Марне. В тот же день 7-я французская армия была отброшена назад на оборонительную позицию, прикрывавшую Париж. Немецкое командование на случай, если придется вести упорные бои перед Парижем или вокруг него, предусмотрительно ввело между 4-й и 6-й армиями новую 18-ю армию. К этому моменту 4-я немецкая армия уже создала два плацдарма на левом берегу Сены юго-восточнее Руана.

Теперь сложилась обстановка, которой давно опасался генерал Вейган. Какая была польза от того, что прикрывавшая Париж позиция еще находилась в руках французов, если дальше к западу была форсирована Сена, а на востоке было уже невозможно задержать мощный танковый клин, стремительно продвигавшийся по обе стороны Реймса? Французское командование в последние дни бросило в бой все свои резервы и теперь осталось с пустыми руками. Французские войска целый день вели бои, а ночью отходили на новые позиции, так продолжалось уже несколько суток; войска были крайне измотаны. Из имевшихся в начале сражения 66 дивизий 20-25 можно было считать полностью разбитыми. В некоторых из них еще оставалось по два-три батальона, в то время как другие состояли, по существу, уже только из артиллерийского полка со слабым пехотным прикрытием. Количество истребительной авиации сократилось до 170-180 самолетов.

Все это Вейган изложил английскому премьер-министру Черчиллю, когда последний 11 июня посетил французское правительство, переехавшее накануне из Парижа в район близ Орлеана. Черчилль тщетно пытался напомнить о событиях 1918 г., когда немцы точно так же прорвали англо-французский фронт, все-таки в последний момент благодаря энергичным действиям военных политических руководителей их наступление было остановлено. Маршал Петен холодно возразил ему, что он тогда поспешил на помощь находившимся в стесненном положении англичанам сначала с двадцатью, а затем с сорока дивизиями, а теперь англичане могут в лучшем случае выделить десятую часть этих сил. К тому же в то время не было танковых дивизий, которые теперь развивают прорыв, проходя по 40-50 км в сутки.

Высказанная Черчиллем мысль о том, что, распустив армию, можно было бы развязать партизанскую войну и этим самым выиграть несколько месяцев, так же как и его обещание прислать на помощь в будущем полугодии многочисленные английские дивизии и предложение создать и удерживать хотя бы в Бретани крупный плацдарм, были слишком утопическими, чтобы усилить волю к сопротивлению у находившихся в отчаянном положении французов. Этот фанатичный англичанин не смог заронить ни одной искры в души смирившихся со своей судьбой руководителей французского государства, которые к тому же лучше знали свой народ, и зажечь их на дальнейшую борьбу. Для общего настроения был весьма характерным следующий факт: когда в тот же день, 11 июня, на одном из аэродромов южной Франции английские бомбардировщики хотели стартовать для налета на итальянские аэродромы, население устроило на взлетных дорожках баррикады. Это объяснялось тем, что 10 июня

Италия также объявила войну Франции. Французы не хотели больше воздушных налетов, которые могли привести только к ответным действиям и разрушению их страны.

Когда Черчилль на следующее утро вылетел обратно, он чувствовал, что Францию уже нельзя заставить продолжать войну. Все его усилия были теперь направлены только на то, чтобы французский флот не попал в руки немцев. Кроме того, он присматривался, не найдется ли среди людей, окружавших премьер-министра Рейно, хотя бы одного человека, которого можно было бы привлечь на сторону Англии. Вновь назначенный заместитель военного министра генерал де Голль произвел на него весьма благоприятное впечатление, и в дальнейшем он не выпускал его из поля зрения.

Для продолжения войны Вейган должен был принять несколько срочных решений; одно из них касалось Парижа. Не ожидая переговоров с Черчиллем, он объявил Париж открытым городом. Ни линия старых фортов, ни сам город не должны были обороняться. Все мосты должны были остаться невредимыми, а французские войска – отведены, минуя столицу. Но следовало подумать еще и о другом. Под натиском немецких войск французы отступали с такой быстротой, что не могло быть и речи об организованном отходе армии с рубежа на рубеж. Во многих местах оборонительные рубежи были уже прорваны, и теперь не оставалось никакой надежды снова создать сплошной фронт. 12 июня Вейган констатировал, что «французский фронт трещит по всем швам и битва за Францию проиграна». Трех группам армий были даны направления, по которым они, по возможности не распыляя силы, должны были отводить свои войска на линию Кан, Тур, Средняя Луара, Дижон. 2-й группе армий, оборонявшейся на правом крыле, было дано указание сделать все приготовления, чтобы своевременно принять участие в отходе, то есть оставить линию Мажино и Рейнский фронт.

Как и ожидал Вейган, французская оборона рушилась все больше. Утром 14 июня немецкие войска вступили в Париж. К этому времени немецкие армии переправились в нескольких местах через Сену, в том числе и в непосредственной близости от западной части Парижа. Восточнее французской столицы река Марна вверх по течению до Шалона уже несколько дней находилась в руках немецких войск. Танковая группа Клейста, продвигавшаяся западнее Реймса, вырвалась далеко вперед и достигла Сены северо-западнее Труа; Гудериан со своими танковыми соединениями находился приблизительно на той же широте в 60 км юго-восточнее Шалона-на-Марне, близ Витри-ле-Франсуа, в то время как левый фланг его танковой группы, продвигавшийся вдоль западного края возвышенности Аргонн, должен был еще отражать контратаки французов с фланга.

В ходе преследования немецкие армии выполняли очень широкие задачи. Группа армии «Б» должна была отбросить противника, отступающего по обе стороны Парижа, через реку Луара на юг и частью сил продвигаться на полуостров Котантен и в Бретань до Бреста. В центре танковая группа Клейста наступала на Лион. Оттуда подвижные соединения должны были продвигаться вниз по долине реки Рона и, выйдя в район между рекой Изер и Женевским озером, повернуть на восток, чтобы облегчить итальянцам наступление через Альпы. Гудериан совместно с 12-й и 16-й армиями предпринял обходной маневр в восточном направлении с целью обойти с тыла и уничтожить французские армии, которые еще стояли у Рейна на линии Мажино.

Выполняя эти задачи, немецкие армии к 17 июня достигли Луары в районе Труа и уже переправились через нее у Орлеана. Танки стояли под Дижоном и у францужско-швейцарской границы в районе Понтарлье и Бельфора. Намечался широкий заход влево с расчетом создать угрозу с фланга и тыла французским силам, расположенным к востоку от линии швейцарская граница, Верден. Тем временем 1-я немецкая армия вклинилась в линию Мажино между Сент-Авольдом и Саарбрюккеном, а 7-я армия форсировала Рейн в его верхнем течении и начала продвигаться в направлении на Кольмар. В этой обстановке французское правительство решило 17 июня через посредство Испании просить Германию о перемирии.

Этому решению предшествовала длительная ожесточенная борьба. Вейган уже с начала месяца был убежден, что другого выхода не будет и придется рано или поздно принять подобное решение, чтобы положить конец ставшей бесполезной войне и сохранить Францию от дальнейших разрушений и потерь. К катастрофе на фронте прибавились бедствия сотен тысяч людей, которые, пешком или используя все средства передвижения, бежали из районов боев,

заполнили всю Южную Францию и еще больше увеличили хаос в тылу отступавших французских войск. Премьер-министр Рейно видел страдания своего народа. Но он находился, с одной стороны, под давлением военных советников и частично своего кабинета, а с другой стороны, ежедневно получал множество телеграмм от Черчилля, и потому его раздирали внутренние сомнения. Перед ним стоял самый главный политический вопрос: не должна ли Франция порвать свою связь с Англией и имеет ли она на это моральное право? Он обратился также к президенту Соединенных Штатов, чтобы получить от него помощь и одновременно найти аргументы против защитников перемирия. Рузвельт, несмотря на то, что и Черчилль включился в этот политический разговор и изложил президенту всю необходимость помочь Франции, не обещал ничего положительного. Он был связан в своих действиях конгрессом, а конгресс относился к интервенции отрицательно.

15 июня вечером Вейган вновь потребовал перемирия. Весь следующий день прошел в бесполезных дебатах. Черчилль еще раз пытался помочь французскому премьер-министру, находившемуся в затруднительном положении, в его борьбе за продолжение войны. Он предлагал объединить Францию и Англию в одно общее государство со всеми вытекающими отсюда последствиями – общим правительством, общим гражданством и парламентом. Англия приняла бы на себя все материальные тяготы войны, которые возникнут у Франции в результате продолжения войны. Если французы не пойдут на это предложение и потребуют от англичан освободить их от обязательства не заключать сепаратного мира, то они должны будут передать Англии свой флот.

Рейно сразу ухватился за спасительное средство объединения государств и доложил об этом совету министров. Но его предложение было почти единогласно отвергнуто. Французские министры не хотели ни объединения, ни передачи флота. Все они, за небольшим исключением, чувствовали себя обманутыми и преданными англичанами. Что скрывалось за этим неожиданным и ломающим все прежние национальные рамки предложением? Не хотят ли англичане таким путем закрепить во французских колониях? Не будет ли Франция принесена в жертву проигранному делу? Во время горячих споров раздавались голоса: «Лучше стать нацистской провинцией, чем британским доминионом, – тогда, по крайней мере, можно будет знать, что тебя ожидает!» Вот как низко пал престиж Англии, как мало верили в ее будущее! И не только во Франции. В кругах американского конгресса положение Англии также рассматривали как безнадежное и поэтому всякую помощь считали бесполезной. Еще меньше французы были склонны обсуждать требование о передаче Англии французского флота. Как можно было бы заключить перемирие с Германией, если бы это требование было выполнено?

Потерпевший фиаско Рейно, к тому же не желавший соглашаться с требованием о перемирии, подал в отставку. В ночь на 17 июня маршал Петен создал новое правительство, первое решение которого было направлено на заключение перемирия. Только один человек сразу же порвал с новым правительством – генерал де Голль. С 14 по 16 июня он находился в Лондоне, чтобы там по заданию еще правительства Рейно подготовить корабли, на которых предполагалось перебросить из Франции в Северную Африку крупные силы для продолжения войны. Во время этого визита он находился в постоянном контакте с Черчиллем и с радостью приветствовал предложение об объединении двух государств. Когда 17 июня в Бордо он понял, что не в состоянии бороться против царивших там настроений, а, быть может, даже опасаясь ареста, он тайно покинул свою родину на английском самолете. Уже в тот же вечер де Голль направил французскому народу свое первое послание, в котором призывал к продолжению войны и к вступлению в франко-английский союз.

Когда 18 июня Гитлеру была передана просьба о перемирии, ему стало ясно, что нужно пойти навстречу французам. Еще 20 мая, чувствуя себя победителем, он заявил в узком кругу близких ему лиц, что мирный договор потребует только возвращения германскому народу захваченной 400 лет тому назад территории и прочих ценностей. Теперь он действовал с большей осмотрительностью. Вначале он встретился в Мюнхене с Муссолини, чтобы призвать его к осторожным действиям. Предложение Муссолини потребовать выдачи французского флота он отверг на том основании, что тогда флот перейдет к англичанам. Гитлер не хотел также ничего слышать об участии в переговорах итальянцев. Ему казалось нецелесообразным, если не неудобным вести переговоры с Францией совместно с итальянцами, которые только в

последний момент вступили в войну.

После принятия этих мер предосторожности против возможных помех со стороны итальянцев французской комиссии по перемирию было назначено прибыть 20 июня в 17 час. в Тур, где уже было установлено временное перемирие на фронте шириной 20 км. Французы прибыли лишь поздно ночью, задержанные хаосом, царившим в их тылу, и были направлены дальше в Париж. На своем пути они встречали длинные колонны двигавшихся к фронту свежих немецких дивизии и могли воочию убедиться, какими неиссякаемыми были немецкие резервы даже на этой стадии кампании.

Характер переговоров, местом для которых был избран Компьен, определялся следующими двумя моментами: с одной стороны, немцы хотели получить удовлетворение за переговоры, которые велись с ними в ноябре 1918 г., но добиться этого в намеренно выдержанной и достойной форме; с другой стороны – поставить условия, которые диктовались только необходимостью продолжения войны против Англии. Обе эти мысли были выражены в преамбуле к условиям о перемирии, которая была зачитана генерал-полковником Кейтелем в присутствии Гитлера и политических и военных руководителей германского государства.

«Если для принятия этих условий был назначен Компьенский лес, – говорилось в ней, – то это было сделано для того, чтобы этим актом восстановить справедливость и навсегда изгладить из памяти воспоминание, которое в истории Франции не было славной страницей, а немецким народом воспринималось как глубочайший позор всех времен. Франция была побеждена и разгромлена после героического сопротивления в ходе целого ряда кровопролитных боев. Поэтому Германия не намеревается придать условиям перемирия или переговорам о нем оскорбительный для такого храброго противника характер. Целью германских требований является, во-первых, воспрепятствовать возобновлению военных действий, во-вторых, обеспечить Германии безопасность в связи с навязанным ей продолжением войны против Англии и, в-третьих, создать предпосылки для построения нового мира, основным содержанием которого будет исправление несправедливости, совершенной при помощи силы по отношению к Германской империи».

Во врученных после этого условиях от Франции требовали прекратить военные действия как в самой метрополии, так и в колониях и заморских территориях. Для обеспечения интересов Германии была создана оккупированная зона, которая охватывала около двух третей страны и оставляла французам только ее юго-восточную часть. В метрополии было разрешено иметь небольшую сухопутную армию, вроде той, которая в свое время разрешалась Германии Версальским договором. Все выходящее за эти рамки вооружение и всевозможные военные материалы подлежали передаче Германии. Весь флот, в котором французское правительство не нуждалось для защиты своих интересов в колониях, необходимо было интернировать. Германское правительство торжественно заявило, что оно не намеревается использовать интернированный флот в войне для своих целей и не будет предъявлять на него никаких претензий при заключении мира. Французское правительство обязывалось не использовать оставшиеся в его распоряжении вооруженные силы для враждебных действий против Германии, не разрешать военнослужащим выезжать за пределы страны, а также препятствовать вывозу каких-либо военных материалов за границу. Все немецкие военнопленные и интернированные гражданские лица подлежали немедленному освобождению, а лица немецкого происхождения, проживавшие во Франции и французских владениях, должны были быть выданы по первому требованию. Для наблюдения за выполнением условий перемирия создавалась специальная комиссия; в ней французы могли выражать свои пожелания и через нее получали распоряжения со стороны Германии. Это соглашение должно было вступить в силу только после заключения соответствующего соглашения с Италией.

Принципиальных возражений против этих положений почти не было. Лишь некоторые пункты вызвали бурный протест французов. Они сочли неприемлемым требование о передаче самолетов, которое не меньше задевало честь летчиков, чем моряков – требование о передаче флота, если бы от него не отказались. Французы требовали для самолетов интернирования, на что немцы дали свое согласие. Потеря столицы была также тяжелым ударом для французов, но их обнадежили, что в будущем французское правительство, возможно, сможет вернуться в Париж. Требование о выдаче немцев-эмигрантов французы восприняли как недопустимое

нарушение обычного международного права убежища для политических эмигрантов, но в этом пункте Гитлер остался непреклонным.

Старый маршал в Бордо считал, что такие условия перемирия не накладывают пятна на честь французских вооруженных сил, и одобрил их. Да и что еще оставалось делать после того, как уже пошли по этому пути?

Во время переговоров в Компьене немецкие армии не прекращали боевых действий. Удары в юго-западном и южном направлениях обеспечили им захват всего Атлантического побережья Франции от Шербура до военного порта Брест и далее до Бордо. Был занят также Лион. Действовавшие там немецкие войска продвигались дальше на юг и юго-восток, чтобы помочь итальянцам преодолеть Альпы.

Трагическая судьба постигла защитников линии Мажино. Они были вынуждены очистить крепостные сооружения прежде, чем те подверглись серьезным атакам. Отданный 12 июня приказ об отводе вызвал всеобщее замешательство. В офицерском корпусе поднялся сильный протест, но приказ не был отменен. 14 июня основные силы оборонявшихся на линии Мажино французских армий начали отступление. Только в самих оборонительных сооружениях были оставлены гарнизоны, чтобы как можно дольше задержать противника.

Решение об отступлении пришло слишком поздно, чтобы спасти от уничтожения 3-ю группу армий в составе 2-й, 3-й, 5-й и 8-й армий. Все они в ожесточенных боях делали вначале отчаянные попытки отразить все усиливающийся натиск с запада, чтобы организованно отвести свои соединения и затем пробиться на юго-запад. Прорывы немецких войск восточнее реки Саар через линию укреплений, на которой мужественно оборонялись французские гарнизоны, и натиск 7-й немецкой армии у Вогезов сковали северный и восточный фронты отступавших французских армий. Усиливалась неразбериха в перепутавшихся друг с другом соединениях, снабжение прекратилось, контрудар в южном направлении, который должен был закончиться прорывом, не был предпринят. Танковые дивизии Гудериана продвинулись севернее Бельфора, блокировали все перевалы на западных склонах Вогезов до района западнее Страсбурга и продолжали наступление по обе стороны от Эпиналя через реку Мозель. Известие о том, что французское правительство предложило заключить перемирие, парализовало стремление французской армии продолжать, по ее мнению, бесполезное сопротивление. Окруженные в нескольких местах остатки восьми совершенно дезорганизованных армейских корпусов общей численностью 500 тыс. человек капитулировали 22 июня в треугольнике Нанси, Бельфор, Донон. Одновременно 12 тыс. французов и 16 тыс. поляков, которые были отрезаны восточнее Бельфора, перешли в районе Сент-Юрсанн швейцарскую границу и были интернированы.

На других участках фронта с 18 июня серьезных боев не было. Солдаты обеих сторон были убеждены в бесперспективности дальнейшего кровопролития. Там, где французы добровольно складывали оружие, их брали в плен; если они еще не хотели сдаваться, то войска отходили на некоторое расстояние друг от друга, как на маневрах, и затем полагались на будущее, которое уже не вызывало сомнений.

Между тем французская комиссия по перемирию 23 июня вылетела из Парижа в Рим. Итальянцы не предъявили никаких неприемлемых условий. Их войска оставались на достигнутых рубежах, проходивших почти по самой государственной границе. Во французских районах, примыкавших к итальянской границе, и у ливийско-туниССкой границы были созданы демилитаризованные зоны. Французские порты Тулон, Аяччо на острове Корсика, Бизерта в Тунисе и Оран в Алжире подлежали демилитаризации на все время войны с Англией. Но было обещано, что итальянская комиссия по перемирию признает особое значение сил, необходимых для сохранения порядка во французской Северной Африке и Сирии. В последующих переговорах французам удалось отстоять для Северной Африки значительные вооруженные силы. В остальном итальянский вариант соглашения о перемирии почти полностью повторял положения германского варианта.

24 июня были подписаны условия перемирия, и 25 июня в 0 час. 35 мин. оно вступило в силу на всех фронтах. Германские вооруженные силы по праву гордились этой кампанией, которая не имела себе равных в истории. Немецкий народ смотрел в будущее, полный радужных надежд: война казалась оконченной. Какими бы горькими ни были утраты в немецких семьях, их следовало признать вполне терпимыми, учитывая грандиозность

достигнутого успеха. 27 074 человека были убиты, 18 384 пропали без вести (из них лишь часть погибла), 111 043 человека были ранены.

Командование и войска с первых же дней стремились по возможности облегчить французскому населению бремя оккупации. Французы, миллионы которых бежали от внушавших им ужас немцев, с удивлением замечали, какими дисциплинированными и в то же время обходительными были немецкие солдаты в чужой стране. В основной массе они чувствовали облегчение оттого, что победа Германии так быстро положила конец войне и избавила Францию от тяжелых потерь и жертв, подобных понесенным ею во время первой мировой войны. Характерно, что возникшее в те времена оскорбительное слово «бош» теперь больше не употреблялось, а скорее во многих случаях заменялось обращением «мсье немецкий солдат»{8}. Чтобы быстро и беспрепятственно вернуть французское население к прежнему месту жительства, немцы создали организацию, которая, располагая широкой сетью пересылочных и заправочных пунктов, за несколько недель устранила возникший хаос. Кое-что было неожиданным: по распоряжению Гитлера севернее Соммы создали зону, куда не допускались беженцы французы. Цель такого распоряжения пока хранилась в глубокой тайне. У Гитлера были на этот счет свои собственные замыслы, которых он никому не открывал: он хотел создать «Великую Фландрию», простирающуюся до самой Соммы. Поэтому вся Северная Франция с Бельгией были объединены в «военное губернаторство Бельгии и Северной Франции». Имелся, конечно, и план предусмотреть в будущем мирном договоре создание «Великой Бургундии» с городами Нанси и Бельфор и передачу Германии горнорудного бассейна в районе Брие. Все это были плохие предзнаменования для свободной объединенной Европы, которую Гитлер предполагал создать и за которую он, по его словам, боролся. Подобно тому, как на Востоке расовая политика и преследование евреев наносили престижу Германии огромный ущерб, в высшей степени опасный в политическом и непоправимый в моральном отношении, на Западе было в самом зародыше подорвано согласие с французами, для которого, как впоследствии утверждали французы, при умеренной политике имелись широкие возможности.

Глава IV. Война в состоянии равновесия

1. Робкое начало

После победы во Франции Гитлер считал свою цель достигнутой. Казалось, теперь имелось доказательство того, что германские вооруженные силы являются непобедимыми. Если бы и англичане разделяли это убеждение, то война была бы выиграна. Как и после Польской кампании, Гитлер еще раз сделал попытку начать переговоры с Англией. «В этот час, – сказал он в своей речи в рейхстаге 19 июля, – я чувствую себя обязанным перед своей совестью обратиться с призывом к благоразумию Англии. Я не вижу причины, которая заставляла бы продолжать эту войну». Одновременно германская пропаганда неутомимо заявляла в официальных сообщениях в прессе и по радио о том, что англичане проиграли войну и что теперь им только нужно это понять и сделать все необходимые выводы.

Вскоре это мнение проникло и в широкие круги американской общественности. Черчилль со всей свойственной ему энергией старался воспрепятствовать тому, чтобы этот психоз охватил и английский народ. Предложение Гитлера он не удостоил даже личным ответом. По его поручению английский министр иностранных дел лорд Галифакс объявил по радио, что Англия будет искать решения силой оружия. Он же, Черчилль, не хочет считать войну, на которую решилась Англия, проигранной и поэтому не намерен преждевременно ее прекращать. А положение Англии казалось очень серьезным, на первый взгляд прямо-таки безнадежным. Она была изгнана с европейского континента, оставив там все вооружение и оснащение своей армии. Единственный союзник Англии на материке был разгромлен и потерял к ней доверие. Италия выступила на стороне Германии. На новых союзников Англия не могла рассчитывать: она им ничего не могла предложить. В то же время Германия угрожала высадить войска на

Британских островах, успешная оборона которых представлялась весьма сомнительной.

Если бы высадка удалась, англичане могли бы противопоставить высадившимся войскам лишь недостаточно оснащенные соединения. Морская блокада Германии, которая с самого начала не приобрела такого значения, как в первую мировую войну, ввиду широкой сферы власти Германии и открытых южной и восточной границ почти полностью потеряла свое значение. Имелась даже угроза того, что наступит обратное положение. 17 августа германское правительство объявило блокаду Британских островов и обратилось ко всем нейтральным странам с требованием держать свои торговые суда вдали от установленной зоны заграждения. Не немцы, а англичане вынуждены были прилагать все силы, чтобы обеспечить снабжение своей страны необходимыми товарами и сырьем. Исходные позиции Германии для ведения морской и воздушной войны против английского торгового судоходства в результате захвата Норвегии и западного побережья европейского континента до испанской границы оказались в опасной близости от самой Англии. На Средиземном море уже не было французского флота, итальянский флот выступил на стороне противника. Путь через Средиземное море к Суэцкому каналу и к Среднему Востоку был совершенно закрыт для торгового судоходства. Насколько им могли пользоваться военные корабли, пока еще нельзя было установить. Державы оси, располагая значительно превосходящими сухопутными и военно-воздушными силами, были в состоянии осуществить всякую операцию, какую они сочли бы необходимой.

Нечего было и думать о победе англичан, пока обстановка существенно не изменится. Ближайшей целью могло быть только предотвращение поражения. Оно стало бы неизбежным, если бы было сорвано снабжение островов или если бы они попали в руки противника; оно было бы вряд ли предотвращено, если бы Англия потеряла свои позиции на Среднем Востоке.

После того как стало ясно, что на изменение позиции англичан не приходится рассчитывать, Германии не оставалось ничего другого, как стремиться к этим целям. Чем скорее были бы начаты все необходимые для этого мероприятия и чем энергичнее они проводились бы в жизнь, тем больше было бы шансов добиться не только временных успехов в самом ближайшем будущем, но и вообще решающего исхода войны. Всякая передышка означала бы для Англии в ее тяжелом положении огромный выигрыш. Напротив, блеф и пропаганда были оружием, с которым нельзя было подступиться к руководимым Черчиллем англичанам. С этой точки зрения неиспользованное время, прошедшее до того момента, пока не выяснилась непреклонность Англии, было невосполнимой потерей. Это упущение следует объяснить тем, что руководители Германии питали большие надежды договориться с Англией.

Когда этот расчет не оправдался, Гитлер впервые оказался в положении, из которого, как он сам чувствовал, ему не выпутаться. До сих пор в мирное время он одерживал свои победы, используя блеф и уступчивость своих политических противников, а во время войны имел дело с противниками, которые уступали в материальном и моральном отношении или даже были буквально парализованы страхом перед мощью Германии. Англию нельзя было победить ни путем молниеносной войны, ни посредством применения стратегической внезапности. К «войне нервов» она была хотя и не совсем нечувствительной, но благодаря своему энергичному премьер-министру в значительной степени стала невосприимчивой. Если она такую войну выдержит, то ей будет обеспечена растущая поддержка Соединенных Штатов. А за всем этим, по твердому убеждению Гитлера, настороженно следил Советский Союз. Поэтому Гитлер не бросил все силы против Англии – мысль о скрытом противнике на востоке с самого начала удерживала его от этого. Вместо того чтобы немедленно воспользоваться серьезной слабостью англичан и объединить силы держав оси для теснейшего сотрудничества в борьбе против одного общего противника, Гитлер позволил войне против Англии принять статичный и неопределенный характер, затем нанес несколько тяжелых ударов, но не смог решиться на осуществление широких стратегических замыслов против своего ожесточенного противника. К последним меньше всего относилась высадка в Англии. Ее успех, даже в глазах самого Гитлера, был в высшей степени сомнительным. Более осуществимым был план захвата всего бассейна Средиземного моря от Гибралтара до Суэцкого канала, а также Среднего Востока при продолжении одновременно с этим беспощадной блокады Британских островов. Нужно было сосредоточить все усилия на достижении обеих этих целей.

Такая стратегия требовала теснейшего сотрудничества с итальянцами, Хорошо

продуманного распределения обязанностей и, в случае необходимости, совместных действий при трезвой оценке возможностей своего итальянского союзника.

Ничего этого не было с самого начала. В течение всей войны так и не было осуществлено планомерное совместное германско-итальянское руководство военными действиями, основанное на безграничном взаимном доверии. Сначала Гитлер не считал его необходимым. Он не желал его принципиально, хотя бы уже потому, что при охватившей его прямо-таки болезненной подозрительности не хотел делиться с другими своими планами и замыслами. К тому же властолюбивая натура Гитлера не допускала возможности какого-либо чужого влияния на его планы. Муссолини, в свою очередь, полагал, что сможет вести войну и без помощи Германии, и ревниво стремился к своей самостоятельности. Только поражения Италии, и то в условиях, которые неизбежно должны были привести к ущемлению крайне болезненного самолюбия итальянцев, заставили немцев и итальянцев совместно выступить на полях сражений, чтобы оказать сопротивление растущей мощи англичан.

Гитлер считал итальянские вооруженные силы достаточно сильными и способными добиться успеха на театрах военных действий, намеченных для Италии. К тому же потребовались бы довольно деликатные переговоры с целью убедить дуче, прежде чем это будет доказано действительностью, в том, что его вооруженные силы неспособны выполнить те задачи, которые он на них, разумеется, возлагал. Итальянское военное командование, конечно, было менее глухим к тактичным немецким предложениям, так как им была хорошо известна их собственная военная слабость. Но оба диктатора были пленниками своего престижа и своей идеологии и в каком-то странном ослеплении считали их прочной гарантией победы. Таким образом, Гитлер не обращал внимания ни на какие предупреждения о слабости итальянцев. Последняя явно проявилась не только в конце войны с Францией, когда итальянцам не удалось добиться даже скромных успехов на Альпийском фронте. Еще до войны, весной 1939 г., германский генеральный штаб составил обстоятельный документ о «пределах возможностей итальянской империи в войне», в которой в неприкрашенном виде были изложены слабости итальянцев. Гитлер, которому был представлен этот документ, приказал немедленно изъять его из всех штабов, считая недопустимым подрывать доверие к партнеру по оси и будущему военному союзнику. Даже высокие требования Муссолини на поставку оружия и других военных материалов, с выполнением которых он связывал осенью 1939 г. свое немедленное вступление в войну, не вызвали у Гитлера никакого скептицизма. Может быть, он рассматривал эти требования на оружие только как уловку итальянцев, не желавших принимать определенного политического решения.

В действительности же вооружение и оснащение итальянских вооруженных сил в 1940 г. было совершенно недостаточным и во многих отношениях устаревшим. Из 59 дивизий двухполкового состава, имевшихся на самом полуострове, а также в Сардинии и Сицилии, по итальянским данным, из-за отсутствия вооружения и оснащения только двадцать дивизий были доведены до 70% штатного состава военного времени, а двадцать других – до 50%. Для полной отмобилизации не хватало всего, армия не могла даже обуть всех резервистов. Хотя еще война в Абиссинии показала все огромное значение военных запасов, они не были созданы в достаточных размерах, так как формирования, действовавшие в Испании с 1936 по 1939 г., были оснащены и снабжались целиком за счет армии.

Танковые части состояли в основном из трехтонных усовершенствованных английских танкеток Карден-Ллойд периода первой мировой войны; эта машина была вооружена двумя пулеметами и имела лишь противопульное бронирование. Итальянцы располагали всего сотней 11-тонных танков с броней, защищавшей от поражения 20-мм снарядами. Точно так же не хватало противотанкового и зенитного оружия, моторизация находилась еще в зачаточной стадии. Техническое оснащение итальянской армии тормозилось слишком незначительной мощностью военной промышленности и нехваткой средств. Моторизованных или танковых дивизий, которые могли бы выдержать сравнение с соответствующими немецкими соединениями, не было. Три дивизии имели организацию, позволявшую перебрасывать их на автомашинах, однако своими автотранспортными средствами не располагали. Две дивизии были полностью моторизованы, три дивизии можно было с указанной выше оговоркой назвать танковыми. Основная масса молодых офицеров состояла из поверхностно обученных офицеров

запаса, дополнявших слишком незначительное количество кадровых офицеров. Одновременно с этим они в какой-то мере заменяли собой и унтер-офицеров, поскольку унтер-офицерский корпус был крайне немногочисленным и к тому же использовался исключительно для выполнения внутренних административно-хозяйственных функций. Количество пехоты в пехотной дивизии, имевшей только два полка, было доведено до нормы благодаря включению в состав дивизий частей фашистской милиции. Боевая подготовка этих частей и их командный состав были значительно хуже, чем в армейских частях. В общем, в отношении командования, вооружения и боевой подготовки итальянская армия уступала всем своим противникам.

Хотя военно-воздушные силы и насчитывали 3700 самолетов, но большинство из них представляло собой устаревшие типы. Итальянские летчики имели довольно высокий боевой дух и были готовы к боевым действиям. Но характерным для авиации еще с времен Бальбо {9} было стремление к импонирующим спортивным рекордам и недостаточно хорошая боевая подготовка.

Военно-морской флот, по-видимому, находился в лучшем состоянии, чем остальные виды вооруженных сил, и мог выполнить стоявшие перед ним задачи. 8 линейных кораблей, 20 крейсеров, 53 эскадренных миноносца, 68 миноносцев и 111 подводных лодок теоретически представляли собой такие силы, которые при большой занятости английского флота на других морях должны были без труда добиться господства на Средиземном море и удержать его. Но и военно-морской флот имел серьезные недостатки. Его боевая подготовка так же мало отвечала современным требованиям, как и боевая подготовка армии и авиации. Итальянский флот особенно пренебрегал обучением ведению боевых действий в ночных условиях и поэтому избегал ночного боя в противоположность немецкому и английскому флотам. Сильная централизация управления, типичная для всех составных частей вооруженных сил, душила самостоятельность среднего и низшего командования. При сравнении своего флота с английским у итальянцев появлялось чувство собственной слабости, которое до некоторой степени сковывало их действия, хотя и не находило подтверждения в численном соотношении флотов. Отсутствие авианосцев затрудняло действия флота. Правда, в узком Средиземном море их вполне могла заменить морская авиация, базирующаяся на береговые аэродромы, но для взаимодействия флота с авиацией в этом решающем районе было сделано очень мало.

С подводными лодками в прозрачных водах Средиземного моря было легко бороться, к тому же они обладали очень незначительной скоростью погружения. Серьезным препятствием для операций флота и авиации была хроническая нехватка горючего, которую удавалось ликвидировать лишь временно, да и то не полностью, благодаря помощи Германии и которая становилась все чувствительнее по мере того, как война все больше затягивалась.

В противоположность вооруженным силам Германии, равным по качествам своего командования, боевой выучке и техническому оснащению по меньшей мере любому противнику, итальянские вооруженные силы представляли собой во всех отношениях несовершенный инструмент, который до сих пор использовался только для политического блефа.

Таким образом, получилось, что там, где Англия больше всего сомневалась в успешном продолжении войны, то есть на Средиземном море, сначала вообще ничего не произошло, и итальянское командование на несколько месяцев потеряло здесь инициативу, сумев выйти из такого положения лишь с помощью Германии, да и то частично. Только дальнейший ход событий привел немецкие войска на этот театр военных действий, имевший в войне с Англией решающее значение.

2. Вопрос о высадке немецких войск на Британских островах

Немцы вели теперь войну против Англии без той ясной целеустремленности, которая была им свойственна до сих пор, о чем свидетельствует вводный пункт директивы № 16 от 16 июля 1940 г. В этом пункте был сформулирован приказ начать подготовку высадки десанта в Англии под кодовым наименованием «Зеелёве» («Морской лев»). Он гласил:

«Так как Англия, несмотря на свое безнадежное военное положение, не проявила до сих пор никаких признаков готовности к ведению переговоров, я решил подготовить и, если

понадобится, осуществить десантную операцию против Англии. Целью этой операции является устранить британскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если это потребуется, оккупировать ее полностью».

В этой директиве слышится не только прежняя надежда на уступчивость Англии; в ней появляется и новое, до сих пор не свойственное заявлениям Гитлера, – оговорки. Все же могло показаться, что, если не будет иного выхода, необходим захват Британских островов, чтобы добиться окончания войны. Однако докладная записка, которую Йодль составил еще 30 июня 1940 г., позволяет предположить, что в основу директивы были положены уже давно возникшие, но не высказанные соображения. Йодль в своей докладной записке выступил за высадку десанта только для того, «чтобы нанести Англии, парализованной в военно-экономическом отношении и вряд ли способной к борьбе в воздухе, смертельный удар, если он еще потребуется». «Несмотря на это, – добавил он, – высадка должна быть подготовлена во всех деталях». Таким образом, не высадка десанта должна была поставить Англию на колени; ей надлежало стать лишь заключительным этапом поражения, достигнутого другими средствами.

Последующее развитие проблемы высадки дает основание с некоторой уверенностью предполагать, что Гитлер разделял мысли, выраженные в докладной записке. Правда, он не хотел подвергать крупные сухопутные силы опасности понести огромные потери и потерпеть тяжелое поражение при попытке осуществить высадку на территорию еще способной сражаться Англии.

Приготовления должны были закончить к 15 августа. Однако успешное проведение операции зависело от следующих условий, лишь выполнение которых, как явствует из директивы, делало высадку возможной:

- необходимо настолько подорвать боеспособность английской авиации, чтобы она не смогла создать серьезной угрозы для переправы немецких войск через Ла-Манш;
- должны быть созданы свободные от мин фарватеры;

Па-де-Кале с обеих сторон, а также западный вход в пролив Ла-Манш приблизительно на линии остров Олдерни, Портленд должны быть прикрыты плотными минными заграждениями.

Сухопутная армия и военно-морской флот, которым были неизвестны внутренние сомнения Гитлера, приступили с обычной тщательностью к подготовке высадки. Однако начавшиеся немедленно подготовительные работы вскоре выявили трудности, связанные с самой техникой проведения этой операции, не говоря уже о тактических предпосылках – уничтожении английской авиации и изоляции английского флота. Германские вооруженные силы не имели накопленного опыта в проведении «амфибийных» операций. Они не были ориентированы на такой способ ведения войны и не были готовы к нему в данном конкретном случае. Одно лишь обеспечение необходимого тоннажа судов для переброски войск представляло собой проблему. Первые высадки планировалось осуществить вне портов на открытом берегу. Для этого требовались десантные суда, которые обладали бы достаточно хорошими мореходными качествами и были бы оборудованы для выгрузки моторизованных транспортных средств и особенно танков. Такого десантного флота не имелось, его следовало создать, используя все, что подходило для этой цели. В бельгийских и французских портах нашлось гораздо меньше судов, чем ожидали. Поэтому решили использовать также рейнские баржи, которые были пригодны для морских перевозок только при силе ветра не больше трех баллов. Очень скоро было также установлено, что для военно-морских сил даже при самых благоприятных условиях было технически неосуществимо запереть все входы в указанный выше морской район и обеспечить его охрану. Поэтому в более позднем варианте этот район был уменьшен вдвое и ограничен на востоке линией Кале, Дувр, а на западе – линией Гавр, Портсмут. Для осуществления высадки в намеченном районе на побережье Бельгии и Северной Франции были сосредоточены две армии из группы армий «А» фельдмаршала фон Рундштедта, которые должны были первыми начать переправу. В состав первого эшелона входили тринадцать дивизий. За ними должны были последовать еще двенадцать дивизий. Соединения, выделенные для участия в первой высадке, предварительно прошли основательную специальную подготовку.

Военно-морскому флоту, проделавшему большую работу, удалось собрать 168

транспортных судов общим водоизмещением 700 тыс. т, 1910 барж, 419 буксиров и 1600 моторных катеров, которые были распределены по всем немецким, голландским, бельгийским и французским исходным портам и, по возможности, оборудованы особым образом.

Сухопутная армия считала себя способной осуществить высадку при условии достаточного прикрытия с воздуха и обеспечения района высадки с флангов военно-морскими силами. Предполагалось, что трудности, с которыми придется встретиться, даже если удастся первая высадка, будут, конечно, немалые. Они заключались не только в ожидаемом ожесточенном сопротивлении противника на суше, но, может быть, в гораздо большей степени в том единственно возможном медленном темпе, в котором приходилось осуществлять высадку и снабжение десанта. Оставалось неясным, удастся ли обеспечить снабжение высадившихся войск в течение длительного времени? Удастся ли воспрепятствовать действиям английского флота в такой степени, чтобы плавучий мост через Ла-Манш смог просуществовать несколько недель?

Но все эти соображения оставались чисто теоретическими до тех пор, пока не будет выполнена первая предпосылка – подавление английской авиации. И это нужно было сделать в самое ближайшее время, ибо с каждой новой отсрочкой росли бы оборонительные возможности противника на суше, которые после катастрофы во Франции резко уменьшились. Временные границы операции были очень узкими: с наступлением осенних штормов уже нельзя было переправляться через Ла-Манш на импровизированных средствах.

Все эти технические трудности, говорившие против высадки, были известны Гитлеру если не с самого начала, то, во всяком случае, вскоре после того, как приступили к ее подготовке, и укрепляли его в решении не ввергать сухопутную армию в опасную авантюру. Поэтому он распорядился продолжать начавшиеся уже приготовления только в духе докладной записки Йодля как необходимую предпосылку для переправы через Ла-Манш даже в случае почти полного отсутствия сопротивления со стороны противника. Кроме того, угроза вторжения была для Гитлера желательным средством ведения психологической войны, от которой он ожидал сильного воздействия на настроения англичан. Наконец, такая угроза сковывала крупные силы противника на островах и с военной точки зрения уже по одному этому полностью себя оправдала бы, если навязанное англичанам распыление сил было бы эффективно использовано на других театрах военных действий.

Во всяком случае, чтобы продолжать путь, который должен был привести к поражению Англии, необходимо было завоевать господство в воздушном пространстве над Британскими островами.

3. Битва над Англией

Это положение неизбежно вело к «битве над Англией». Она была начата 1 августа согласно директиве № 17, содержавшей следующие основные положения:

«Чтобы создать предпосылки для окончательного поражения Англии, я намерен продолжать воздушную и морскую войну против Англии более энергично, чем это было до сих пор. Немецкая авиация со всеми имеющимися в ее распоряжении силами должна как можно скорее уничтожить английскую авиацию. Удары должны быть направлены в первую очередь против авиационных частей, их аэродромов и баз снабжения, а также против военной промышленности, включая промышленность, выпускающую зенитное вооружение.

После достижения превосходства в воздухе в отношении времени и места необходимо продолжать воздушную войну против портов и особенно против складов продовольствия внутри страны».

В заключение директива несколько сужала задачи авиации, указывая, что «военно-воздушные силы должны быть готовы к участию в операции „Морской лев“. Несмотря на такое ограничение, директива все-таки ставила перед авиацией более широкие цели, чем этого требовала подготовка к операции „Морской лев“, то есть к битве за Англию. Дело в том, что в основу директивы была положена докладная записка Йодля от 30 июня, согласно которой немецкая авиация должна была сыграть решающую роль в войне против Англии.

Удары с воздуха предполагалось начать с 5 августа, точное время назначало по своему усмотрению командование военно-воздушных сил. Немецкая авиация должна была уничтожить

противника в новой молниеносной войне, на этот раз ограничивавшейся только воздушными операциями. Геринг, которому не давало покоя его честолюбивое желание добиться поражения Англии силами одной авиации, был убежден в том, что ему удастся в короткий срок заставить англичан начать переговоры. Задача, поставленная в директиве № 17, вполне соответствовала его желаниям.

Немецкая авиация численно превосходила английскую приблизительно в два раза, за исключением истребителей, для которых соотношение было не таким благоприятным, а личный состав германских военно-воздушных сил хорошо отдохнул после напряженных боев во время битвы за Францию.

Для наступления имелись в распоряжении следующие силы, объединенные во 2-й воздушный флот (командующий – фельдмаршал Кессельринг) и 3-й воздушный флот (командующий – фельдмаршал Шперрле): 14 эскадр бомбардировщиков, 9 эскадр одномоторных истребителей, 2 эскадры тяжелых двухмоторных истребителей. Это составляло примерно 1100 бомбардировщиков, 900 одномоторных истребителей, 120 тяжелых двухмоторных истребителей, то есть, включая пикирующие бомбардировщики, в общей сложности 2200 самолетов с опытным и хорошо обученным личным составом.

Для ведения боевых действий против Англии немецкие авиационные соединения находились в весьма благоприятном положении. В результате завоевания Голландии, Бельгии и Франции их базы приблизились к Англии и широтой дугой тесно охватили ее юго-восточную часть, что сильно увеличило глубину ударов немецкой авиации. Стали возможными концентрические действия а благодаря небольшим расстояниям до целей наступления можно было совершать по нескольку вылетов в день. Кроме того, широкое рассредоточение немецкой авиации в исходном районе затрудняло действия противника против ее аэродромов.

План действия германских военно-воздушных сил, согласно директиве сводился к следующему: сначала, уничтожая истребители противника в воздушных боях и на земле, разрушая их аэродромы, вытеснить их, по крайней мере, из Южной Англии, а затем соединениями бомбардировщиков, которым после уничтожения истребителей противника уже не потребуется прикрытия, нанести удары по всем важнейшим объектам и добиться экономического краха страны. При этом с самого начала следовало совершать налеты на предприятия авиационной промышленности.

Это не было внезапным нападением, позволившим польскую авиацию сразу же уничтожить, а французскую в значительной части вывести из строя. Для такого нападения не было необходимых предпосылок: англичане ожидали его и были гораздо сильнее, особенно в истребителях, и боеспособнее, чем прежние противники. Успех зависел оттого, у кого окажется больше выдержки.

Английская авиация вела бои так же упорно, как и искусно. Несмотря на свою первоначальную численную слабость, она имела больше преимуществ, чем, может быть, это предполагали ее противники. Поэтому наступление германских военно-воздушных сил не приняло ожидаемого быстрого развития.

Разрушение сети аэродромного базирования авиации противника, требовало использования бомбардировщиков, которые должны были сопровождаться и охраняться истребителями. Во время этой первой фазы боев полностью проявились преимущества оборонявшихся, не говоря уже о том, что германские военно-воздушные силы до войны вообще не проводили учений по прикрытию истребителями крупных соединений бомбардировщиков. Широкое использование радиолокационных установок и густая сеть отлично работающей Службы ВНОС давали англичанам возможность своевременно обнаружить приближение немецких самолетов. Вследствие этого английские истребители могли создать сильные заслоны на определенных направлениях и сохранять их в течение продолжительного времени, так как бои развертывались над их собственной территорией поблизости от аэродромов, на которые они могли легко вернуться для заправки горючим. Кроме того, они имели большую свободу действий в воздушном бою, чем немецкие истребители сопровождения, вынужденные держаться на высоте 5-6 тыс. м. К этому прибавлялись технические недостатки бомбардировщика Ю-88, которые требовали более сложной системы прикрытия истребителями. Если дело доходило до боя, то англичане часто оказывались в более

благоприятной позиции для атаки и могли дольше обходиться без дополнительной заправки горючим, чем их противники.

Если самолет был сбит, англичане теряли только машину, немцы же – и машину и экипаж. Наконец, немецкая авиация не могла полностью воспользоваться своим численным превосходством. Радиус действия и продолжительность полета немецких истребителей были недостаточными, чтобы сопровождать бомбардировщики до цели и обратно. Истребители вынуждены были периодически сменяться, причем они не должны были также упускать из виду защиту своих аэродромов. По всем этим причинам и под влиянием необычной для этого времени года неблагоприятной погоды первые недели авиационного наступления не принесли ожидаемых успехов.

Попытка немецких истребителей втянуть английские истребители в единоборство, отвлекая этим противника от своих бомбардировщиков и облегчая свою задачу, провалилась, потому что англичане разгадали такой прозрачный маневр. Вооружение немецких истребителей бомбами с целью все-таки вызвать на себя атаки англичан ухудшало боевые качества немецких самолетов и становилось препятствием в воздушном бою. Немецкие двухмоторные истребители, которые в первую очередь имели задачи сопровождения и прикрытия, несли по этой причине настолько большие потери, что их стало невозможно восполнять.

Первый крупный воздушный налет должны были предпринять утром 13 августа оба воздушных флота, однако его пришлось отменить, так как внезапно над всем юго-западным побережьем Англии поднялся туман, а затем облака затянули все небо. 15 августа оба воздушных флота снова сделали попытку совершить массированный налет на английские аэродромы и важные военные объекты в Лондоне, но опять встретили сплошную облачность. Так как сбрасывание бомб вслепую было запрещено «приказом фюрера», то почти все бомбардировщики возвратились со своим грузом обратно, не выполнив поставленной задачи. Погода в районе Британских островов была такой неустойчивой, что не представлялось никакой возможности дать долгосрочные прогнозы, необходимые для ведения непрерывных многодневных боевых действий. Поэтому военно-воздушным силам пришлось отказаться от одновременных совместных действий обоих воздушных флотов и перейти к выполнению отдельных задач каждым воздушным флотом самостоятельно, в зависимости от условий погоды. В целом 2-й воздушный флот действовал над восточным побережьем Англии и районом вокруг Лондона. Над всей остальной территорией Англии действовал 3-й воздушный флот. Кроме того, он должен был также совершать налеты на Лондон.

Вскоре появились упоминавшиеся уже выше трудности и разочарования. Потери стали так велики, что 3-й воздушный флот уже в конце августа перешел исключительно к ночным налетам. Геринг вначале очень возмущился этим самоуправством, но вынужден был смириться перед неопровержимыми фактами и дать задним числом свое согласие на переход к ночным налетам. Это решение имело важное, можно сказать, даже решающее значение. Оно исходило из того, что первая и важнейшая цель – уничтожить истребители противника в воздушном бою и вывести из строя аэродромы – не была достигнута. Немецкая авиация была вынуждена перенести центр тяжести своих действий на другие объекты. Кроме того, ночным атакам еще противоречил приказ Гитлера, который требовал только прицельного бомбометания, почти невозможного в условиях ночных налетов. Этот приказ был отменен 4 сентября, после того как англичане стали совершать постоянные налеты на многочисленные промышленные города Германии, в том числе и на Берлин, вызывая большие жертвы среди гражданского населения. Таким образом, это были терроризирующие налеты, которых немцы до сих пор избегали. Как возмездие за них, но также и в надежде путем подобных налетов устрашающего характера быстрее достигнуть цели было приказано проводить постоянные налеты на Лондон, 3-й воздушный флот с самого начала перенес эти действия на ночное время, а 2-й воздушный флот вплоть до середины сентября предпринимал их днем. Тяжелые потери, понесенные 15 сентября, заставили и его коренным образом изменить время налетов.

Хотя ночные действия английских истребителей оказались удивительно эффективными и англичане, сконцентрировав зенитные части вокруг столицы, сумели обеспечить в какой-то степени ее противовоздушную оборону, все же ночные налеты причинили серьезный материальный ущерб и привели к большим жертвам среди населения. Временами лондонцев

охватывал страх; им казалось, что город ожидает медленно, но верно приближающаяся гибель. Непрерывные сигналы воздушной тревоги мешали всякой организованной деятельности, пребывание целыми ночами в убежищах (3-й воздушный флот начиная с ночи с 7 на 8 сентября непрерывно совершал налеты на Лондон.

В течение 65 ночей губительно отражалось на психическом состоянии и работоспособности людей. Бомбы замедленного действия сильно нарушали работу железнодорожного и городского транспорта. Постоянные разрушения не давали возможности полностью обеспечить город оконным стеклом. С середины октября немецкая авиация стала все чаще применять зажигательные бомбы. Если до этого времени лондонское население во время воздушных налетов отсиживалось в более или менее надежных убежищах, то теперь ему приходилось вести борьбу с пожарами.

Но все это не привело к желанной цели сломить волю англичан к сопротивлению. Произошло обратное. Чем суровее были испытания, тем тверже становились люди. Хотя Лондон не испытал даже сотой доли того, что пережил позднее Берлин и многие другие города Германии, результат был один и тот же: устрашающие налеты не достигали своей цели.

Когда немецкое командование пришло в ноябре к этому убеждению, оно дало изменить форму ведения воздушной войны.

На этот раз было приказано систематически наносить удары по предприятиям авиационной промышленности. 14 ноября 500 бомбардировщиков совершили налет на Ковентри. Городу был нанесен огромный ущерб; насчитывалось 100 убитых и еще больше раненых. Немецкие самолеты осуществили бомбардировку в соответствии с планом и не понесли никаких потерь, но моторостроительные заводы остались почти невредимыми. Подобным интенсивным налетам неоднократно подвергался также и город Бирмингем. Но все-таки и эта форма ведения воздушной войны не дала решающих результатов, и в декабре центр тяжести воздушных налетов был перенесен на порты.

Битва над Англией приняла совершенно другой оборот, чем это ожидалось. Она поглотила значительную часть лучших сил немецкой авиации. Поредевшие авиационные соединения хотя и могли быть опять доведены до прежней численности, но в результате потери большого количества испытанных летчиков и постоянного перенапряжения впоследствии своих сил уже не сумели достичь былой мощи.

Между тем подготовка к высадке в Англии продолжалась, но поскольку ее осуществление зависело от завоевания абсолютного господства в воздухе над Англией, не оставалось ничего другого, кроме как постоянно откладывать начало операции. Намеченный вначале срок, 15 августа, не мог бы быть выдержан уже из-за незавершенных еще подготовительных мероприятий. Тогда начало операции перенесли сперва на 15, а затем на 21 сентября. Несколько позже последовала отсрочка на неопределенное время, потом осуществление операции отложили до весны. За все время приготовлений Гитлер проявлял поразительно мало интереса к технической стороне дела обширных работ, что совершенно противоречило его прежней привычке. У него пропал всякий интерес к операции, когда борьба за господство в воздухе над Англией неожиданно приняла совершенно другой оборот. Отсрочки операции, следовавшие после 15 сентября, уже нельзя было принимать всерьез. Высадка в Англии оставалась только угрозой и заставила англичан вплоть до 1941 г. держать в боевой готовности крупные силы всех видов вооруженных сил для обороны острова. Но и эта угроза имела в военном отношении действительно большое значение. Осенью и в самом начале зимы англичане должны были тщательно взвешивать, какую часть своих немногочисленных вновь сформированных соединений и пока еще недостаточного количества самой современной боевой техники, особенно танков, они могли бы направить на другие театры военных действий, а также сколько самолетов они были бы в состоянии для них выделить, не ставя при этом под угрозу оборону острова. Очень мешало им и то, что крупные силы флота были фактически скованы в районе Британских островов, в то время как ощущалась острая потребность в военных кораблях для охранения караванов и защиты морских коммуникаций. Поэтому угроза высадки дала державам оси большие стратегические преимущества, причем немецкая армия имела достаточное количество войск, чтобы, наряду с подготовкой высадки, предпринять активные действия и в других местах. Во всяком случае, эти стратегические преимущества

оставались совершенно неиспользованными.

Налеты немецкой авиации на Англию продолжались и в 1941 г., но в интересах сохранения боевой мощи авиации для выполнения других задач, которые все больше выдвигались на первый план, велись уже менее крупными силами.

Несмотря на это, действия немецкой авиации значительно затрудняли снабжение Англии по морю, особенно когда в марте центр их тяжести был перенесен на порты западного побережья Англии и на пути подхода к ним. В апреле и в начале мая в результате воздушных налетов, повторявшихся часто несколько ночей подряд, были сильно повреждены важнейшие порты, вследствие чего их пропускная способность резко снизилась. Особенно тяжелые повреждения были причинены портовым сооружениям. Только в налетах на Лондон участвовало: 20 марта – 310 самолетов, 17 и 20 апреля – 542 самолета, 11 мая – 380 самолетов. Наиболее успешным был последний налет. Разрушение водопровода и отлив на Темзе привели к тому, что многие пожары было невозможно потушить. Пять доков и многочисленные заводы и фабрики серьезно пострадали. Даже палата общин оказалась жертвой огня. Этим налетом закончились планомерные активные действия немецкой авиации против Англии. Их последовательное продолжение в сочетании с битвой в Атлантике, которая в то время только начиналась, могло бы вырасти в смертельную опасность для снабжения Англии и поставить под угрозу вообще возможность Англии вести войну, так как операции подводных лодок с лета 1940 г. велись при более благоприятных условиях и давали все большие результаты.

4. Растущая напряженность на Востоке

У Германии было немало оснований с некоторым недоверием относиться к политике Советского Союза. Во время войны с Францией русские предприняли дальнейшие шаги для расширения сферы своей власти. В июне 1940 г. они бросили упрек трем прибалтийским государствам в том, что последние тайными военными соглашениями, которые могли быть направлены только против Советского Союза, грубо нарушали договоры от осени 1939 г. Русские ультимативно требовали от трех государств создания новых правительств, которые сумели бы честно выполнить условия пактов о взаимопомощи, заключенных с Советским Союзом. Далее, они требовали предоставления себе в Литве, Латвии и Эстонии новых стратегически важных опорных пунктов. 20 июля парламенты, избранные в каждой из этих стран на основании единого списка «союза трудового народа», решили подать заявления о принятии их стран в качестве советских республик в Союз Советских Социалистических Республик{10}. Прибалтийские провинции принадлежали когда-то царской империи и были в немалой степени обязаны Германии своим превращением в цветущие страны, неразрывно связанные с западной культурой. Эти страны, которые в период между двумя мировыми войнами получили возможность вести самостоятельную жизнь маленьких государств, теперь возвратились в лоно новой России. Первый процесс разрушения их национальной самобытности был прерван войной на востоке в 1941 г., но после 1945 г. он продолжался в еще более сильной форме.

Между тем Советский Союз предъявил свои претензии к Румынии. 26 июня он потребовал возврата Бессарабии, которая после первой мировой войны отошла к Румынии, и, кроме того, передачу ему Северной Буковины. Если Румыния хотела избежать войны, которую она была совершенно не в состоянии вести – еще меньше, чем Финляндия 6 месяцев тому назад, – то ей не оставалось ничего другого, как только уступить силе. На основании «мирного соглашения» части Красной Армии утром 28 июня перешли границы обеих провинций. Румынам было предоставлено четыре дня для очищения указанных выше областей.

Гитлер был крайне недоволен этим изменением границ, потому что Советский Союз оказался теперь в угрожающей близости от нефтяных районов Румынии, эксплуатация которых была для Германии незаменимой предпосылкой для успешного ведения войны. Поэтому он твердо решил создать прочную преграду, препятствующую всякому стремлению Советского Союза расширяться еще дальше на юго-восток.

Для этого необходима была договоренность Германии с Румынией, чему мешали, однако, некоторые довольно серьезные осложнения. Румыния жила в напряженных отношениях с

Венгрией и Болгарией, которые еще после окончания первой мировой войны имели притязания на ее территорию. Румынии как стране-победительнице удалось сорвать тогда крупный куш. Теперь румынам, только что отдавшим свои области Советскому Союзу, было трудно искать союза с державами оси, которые, конечно, благосклонно относились к венгерским и болгарским претензиям. Но у Румынии не было иного выхода. Целостность ее территории была гарантирована в апреле 1939 г. Англией и Францией. Однако, когда Советский Союз в июне 1940 г. захватил обе румынские провинции, Франция просто не могла, а Англия не хотела или была не в состоянии выполнять данные Румынии гарантии. Таким образом, если русские стали бы стремиться к дальнейшим захватам, чего Румыния опасалась, она не могла бы рассчитывать на помощь участников этого договора. Конфликты на новой румыно-русской границе, которые в августе 1940 г. приняли форму вооруженных столкновений и привели к обмену резкими дипломатическими нотами, показали, каким неустойчивым оставалось положение. К тому времени Румыния уже вышла 13 июля из состава Лиги Наций и доверила свою защиту державам оси. Последние попытались вначале добиться полюбовного соглашения между Венгрией и Румынией. После тщетных переговоров, которые велись в течение нескольких недель, этот план потерпел неудачу из-за непомерных притязаний Венгрии, требовавшей почти всю Трансильванию, где, кроме 1,5 млн. венгров, жило еще около 3,5 млн. румын и 500 тыс. немцев. Конец бесконечному спору был положен решением Венского арбитража 30 августа 1940 г., по которому Венгрия получила Северную Трансильванию. По договору с Болгарией Румыния 15 сентября 1940 г. отдала Болгарии южную часть Добруджи. В течение нескольких месяцев она уступила своим трем соседям третью часть своей территории и своего населения. Недовольство в стране было велико и искало жертву. Жертва нашлась в лице короля Кароля II и его министров. Правительство было вынуждено уйти в отставку, Кароль II потерял трон и 7 сентября покинул страну. Королем стал его сын Михай. Но одновременно с этим под руководством генерала Антонеску, опиравшегося на «железную гвардию» – организацию фашистского типа, возникло новое тоталитарное государство, безоговорочно вставшее на сторону держав оси.

Гитлер пошел еще дальше. Он заключил с новым правительством соглашение, согласно которому немецкие войска были переброшены в Румынию для реорганизации румынской армии и охраны нефтяных районов. Румыния видела в этом соглашении наилучшую защиту от дальнейших незаконных действий со стороны русских. Для Гитлера же оно значило больше. С тех пор как в июле он в первый раз подумал о возможности войны против Советского Союза, Румыния стала для него плацдармом для наступления на восток.

Высказывание Молотова, который в большой речи о внешней политике 2 августа заявил о том, что Советский Союз не может удовлетвориться достигнутыми до сих пор успехами, усилило подозрения Гитлера и укрепило его решение. Имея за спиной такого опасного соседа, он считал невозможным вступить в решающую схватку с Англией. Ему казалось, что будет гораздо лучше самому выбрать момент начала войны с «бесчувственными вымогателями» на Востоке, быстро использовать ударную силу германских вооруженных сил и навязать русским свою волю. Он считал, что для подготовки таких планов у него еще имеется достаточно много времени. Англия, оставшаяся единственным противником Германии на западе, не представляла пока никакой опасности, а Соединенные Штаты, по мнению Гитлера, смогут оказывать Англии существенную помощь лишь примерно через два года. А до того времени можно было свободно ликвидировать угрозу с тыла на востоке. Гитлер несколько не сомневался, что ему и здесь придется вести только «молниеносную войну». Осуществление «плана Барбаросса», война против Советского Союза – вот что стало лейтмотивом его политики. Однако итальянский союзник вопреки ожиданиям Гитлера значительно помешал проведению этой политики.

5. Ведение Италией войны на Средиземном море и в Восточной Африке

Весьма показательно, что, начиная с момента вступления Италии в войну, использование итальянских вооруженных сил никогда не проводилось Муссолини на основе своевременного ориентирования военных инстанций и надлежащих тщательных приготовлений и не соответствовало ограниченной мощи вооруженных сил. Муссолини, по его собственным

словам, вверх 10 июня 1940 г. Италию в войну потому, что «ему было нужно несколько тысяч убитых, чтобы он мог как участник войны сесть за стол мирной конференции». Он заверял озабоченного начальника генерального штаба вооруженных сил, что «в сентябре все кончится». Мысль о том, как следует вести войну, если, вопреки ожиданиям, Англия не будет сразу побеждена Германией и не проявит уступчивость, не беспокоила ни Муссолини, ни его военных советников; первого по той причине, что он вообще не собирался вести никакой войны, а последних потому, что они были убеждены в недостаточной подготовке Италии к войне и, следовательно, считали для Италии невозможным принять в ней участие. После того как эти советники, выполняя свой долг, еще до объявления войны Франции и Англии указали Муссолини на абсолютную непригодность его военной машины, они успокоили себя надеждой, что прогноз Муссолини оправдается (см. карту 3 на стр. 150).

С политической точки зрения было понятно, почему Италия вначале воздерживалась от войны с Англией. Своим объявлением войны она стремилась не к развязыванию военных действий против Англии, а к участию в дележе французского наследства. Когда же выяснилось, что англичане далеки от подобной сдержанности, когда они, наоборот, немедленно предприняли наступательные действия на море и в воздухе и, более того, резко отвергли предложение Гитлера о мире от 19 июля, стало ясно, что теперь нужно будет вести войну с Англией не на жизнь, а на смерть. Таким образом, представлялось необходимым быстро использовать временную слабость Англии и захватить благоприятные [150 – Карта 3] исходные позиции в Северной и Восточной Африке для успеха будущей решительной борьбы. Целенаправленное руководство военными действиями при имеющихся в распоряжении силах, несмотря на все их слабости, имело бы многообещающие перспективы. В Ливии под командованием маршала Бальбо находились четыре дивизии резерва главного командования, две дивизии фашистской милиции и две туземные дивизии, всего около 250 тыс. человек. В Итальянской Восточной Африке, которая наряду со старыми колониями Эритреей и Сомали включала завоеванную в 1936 г. Абиссинию, было 350 тыс. человек под командованием герцога Аоста. Если бы удалось захватить остров Мальту, английскую воздушную и военно-морскую базу в центральной части Средиземного моря, в то время имевшую очень слабый гарнизон, и если бы в результате стремительного, немедленно предпринятого наступления итальянские войска сумели занять Египет и продвинуться к Суэцкому каналу, то не только все Средиземное море очутилось бы в итальянских руках, но была бы также установлена связь с Восточной Африкой, которая в противном случае, будучи отрезанной от метрополии, рано или поздно должна была стать жертвой английского господства на море. Большое значение имел, наконец, и захват Адена, который охранял южный вход в Красное море напротив Итальянского Сомали. Овладение этой базой позволило бы перерезать путь к Средиземному морю также и с юга.

Англичане хорошо понимали слабость своей позиции в этом районе. Они опасались наступления итальянцев на свои опорные пункты на Ближнем Востоке, особенно если его поддержит Германия, даже больше вторжения на Британские острова. На обширной территории от Палестины до Кении англичане имели летом 1940 г. только 100 тыс. человек, из которых 36 тыс. находились в Египте и 27 тыс. – в Палестине. К тому же силы, стоящие в Палестине, были им скованы, потому что еще не смолкли отзвуки арабских восстаний 1939 г. К невооруженные евреи нуждались в защите от арабов. Для использования Восточной Африке имелось 9 тыс. человек в Судане, 5500 – в Кении, 1470 – в Британском Сомали и 2500 – в Адене. Количество военно-воздушных сил, которым противостояла вся итальянская авиация, было очень небольшим и не могло быть значительно увеличено до тех пор, пока существовала угроза немецкого вторжения на Британские острова и шла воздушная битва над Англией. Итальянский военно-морской флот численно значительно превосходил английскую эскадру в Александрии, усиленную в мае до 4 линейных кораблей, 9 крейсеров, 26 эскадренных миноносцев, 12 подводных лодок и 1 авианосца. Дальнейшее усиление английского флота должно было идти за счет борьбы с немецкими надводными кораблями и подводными лодками и поэтому было возможно лишь в очень ограниченных размерах. Кроме того, угроза вторжения также сковывала большую часть флота. Конвои могли следовать в Средиземном море только под защитой очень сильного охранения. Если бы итальянцы решились полностью использовать свое превосходство на суше, на море и в воздухе, опираясь при случае на поддержку немецких

танковых соединений, и если бы они имели хорошо продуманные планы соответствующих операций, то были бы большие шансы вырвать всю Северо-Восточную Африку из-под власти англичан.

Но ни сознание того, что обстановка требовала быстрых, энергичных действий, ни очевидная слабость противника не могли побудить итальянцев начать активные действия. Муссолини обладал слишком элементарными военными знаниями, чтобы заниматься далекой для него областью стратегического руководства, и питал надежды, которые нельзя было не признать весьма шаткими, на то, что сильно переоцениваемые им итальянские вооруженные силы, воодушевленные фашистскими идеями, все-таки сумеют выполнить свою задачу. У представителей же высшего командования не было достаточной уверенности в себе, чтобы настаивать на ведении всеми силами решительных действий против англичан. О помощи немцев на Средиземном море по уже изложенным причинам не могло быть и речи.

Таким образом, итальянцы оказались предоставленными самим себе.

Так как англичане с момента объявления им войны Италией были очень активны на море, несмотря на численное превосходство противника, они вскоре поняли, что итальянский флот явно избегает вступать в бой. Уже 11 июня у южного побережья Италии показалась англо-французская эскадра, которая прошла даже до Адриатического моря, не встретив вражеских кораблей. 9 июля английская Александрийская эскадра провела до Мальты два конвоя и вошла в соприкосновение со значительно более крупными итальянскими морскими силами, поддержанными многочисленной авиацией. Но как только с дистанции 28 км удалось попасть в итальянский линкор, итальянцы немедленно прекратили бой, хотя они находились в более выгодном положении благодаря близости своих баз. Атаки итальянских самолетов успеха не имели. При более мелких столкновениях итальянские корабли также всегда стремились как можно скорее прервать бой. Они довольствовались тем, что при помощи воздушной разведки устанавливали отсутствие противника и использовали такую благоприятную возможность для проводки транспортов в Ливию. Это было для них довольно легко сделать, тем более, что Мальта тогда еще очень слабо оборонялась англичанами и ввиду итальянского превосходства в воздухе не могла использоваться как опорный пункт флота на Средиземном море.

На ливийско-египетской границе в течение нескольких недель происходили только мелкие пограничные стычки, инициатива в которых, несмотря на численное превосходство противника, большей частью принадлежала англичанам. Они умели искусными мероприятиями ввести противника в заблуждение и скрыть свою истинную слабость. 30 июня генерал-губернатор Ливии маршал Бальбо был по ошибке сбит над Тобруком итальянской зенитной артиллерией. Итальянцы, чтобы скрыть этот тяжелый несчастный случай, сообщили о том, что маршал якобы погиб в воздушном бою с англичанами. Его преемником стал маршал Грациани, получивший известность еще в двадцатые годы за борьбу с сенуситами^{11} и позднее при завоевании Абиссинии. В этих боях ему не приходилось иметь дела с равным – не говоря уже о превосходящем его в военном отношении – противником, но на основании своих прежних успехов он считался лучшим солдатом Италии. Может быть, как раз потому, что он был лучшим солдатом, он не строил иллюзии относительно боеспособности вверенных ему вооруженных сил.

Было очень мало сделано для того, чтобы лучше оснастить итальянские дивизии, и, по существу, ничего, чтобы увеличить их маневренность. Три дивизии, которые могли быть погружены на грузовики, так же как и две единственные моторизованные дивизии и две танковые дивизии, оставались в Италии, несмотря на то, что их можно было бы использовать в Европе хотя бы для обеспечения особых интересов Италии.

Англичане хорошо использовали предоставленное им время. Несмотря на заботы, связанные с планируемым Германией вторжением, они усилили свои вооруженные силы в Египте танками и современными истребителями. Подкрепления прибыли и на Мальту, где для обороны каждых 25 км побережья имелся только один батальон. В конце августа англичане при поддержке гибралтарской эскадры привели в Александрию второй большой авианосец «Илластриес», один линкор и два крейсера ПВО и этой смелой и успешно проведенной операцией существенно усилили активную и пассивную оборону Александрии.

Грациани решительно отказывался начать наступление на Египет. Когда он в сентябре

потребовал еще один месяц отсрочки, Муссолини пришлось отдать категорический приказ, чтобы заставить Грациани начать наступление 13 сентября. В наступление перешли шесть пехотных дивизий и восемь танковых батальонов с целью отбросить слабую английскую пограничную охрану, состоящую из трех батальонов, трех батарей, одного танкового батальона и двух эскадронов броневых автомобилей. По английским описаниям, это наступление итальянцев походило скорее на прохождение войск на параде, чем на боевые действия. Был занят Эс-Саллум, и англичане организованно отошли; итальянцы достигли Сиди-Баррани, но затем, к большому удивлению своих противников, прекратили наступление.

До середины октября положение нисколько не изменилось. Англичане как раз получили первые крупные подкрепления – одну танковую дивизию из Англии и одну пехотную дивизию из Индии – и намеревались закончить подготовку к наступлению, когда вспыхнула итало-греческая война и заставила их временно отложить осуществление своего плана. Еще было не известно, какой оборот примут события в Греции, обратившейся к Англии с просьбой о помощи.

Тем более необходимым казалось английскому адмиралу в Александрии существенно ослабить итальянский флот, который постоянно уклонялся от борьбы с англичанами, но когда-нибудь мог доставить большие неприятности, став серьезной помехой вызванному войной в Греции усиленному движению конвоев. Поскольку, несмотря на все вызовы, английскому флоту не удалось встретиться с итальянским в морском сражении, английский адмирал решил нанести ему удар с воздуха. Воздушная разведка показала, что крупные силы итальянского флота с некоторого времени находились в порту Таранто. После этого авианосец «Илластриес», прикрываемый эскадрой крейсеров и несколькими эскадренными миноносцами, был направлен на Мальту. Когда воздушная разведка во второй половине дня 11 ноября подтвердила нахождение шести линейных кораблей и трех тяжелых крейсеров в порту Таранто, соединение английского флота вышло с острова Мальта и в 20 час. было в 180 морских милях от Таранто. Самолеты могли стартовать. В результате нескольких налетов, совершенных между 20 час. 40 мин. и 23 час. 00 мин., вооруженные торпедами пикирующие бомбардировщики, несмотря на многочисленные аэростаты заграждения и плотный огонь зенитной артиллерии, нанесли сокрушительный удар по флоту противника в порту, освещенном сначала осветительными бомбами, а затем пожарами, вспыхнувшими на торговых судах и портовых сооружениях. Из шести линейных кораблей три были так тяжело повреждены, что один получил сильный крен, другой, имея дифферент на корму, затонул, третий наскочил на мель. Два крейсера также получили серьезные повреждения. Из участвовавших в налетах на Таранто двадцати самолетов было потеряно только два.

Теперь англичане могли с уверенностью предполагать, что итальянский флот после этих тяжелых потерь будет еще более осторожным, чем прежде. Конвои, которые в последующие месяцы спокойно проходили из Гибралтара через Средиземное море, подтвердили правильность этого предположения. Итальянцы так и не смогли оправиться после тяжелого удара, полученного 11 ноября.

Еще до того, как Грациани в сентябре начал свое непродолжительное наступление в Северной Африке, итальянцы добились некоторых успехов в Восточной Африке, которые, однако, имели бы значение только в рамках общего решительного ведения войны против Англии. Их усилия были направлены на расположенное у входа в Красное море Британское Сомали, которое после завоевания Абиссинии было со всех сторон окружено итальянской территорией. Гарнизон этой колонии, едва насчитывающий 1500 человек, естественно, не мог воспрепятствовать захвату ее итальянцами. Когда последние 7 августа начали наступление с запада, англичане отступили и держались лишь до тех пор, пока из страны не были вывезены морским путем все важные запасы. 20 августа итальянцы оккупировали столицу Британского Сомали Берберу, одновременно являвшуюся важнейшим портом колонии.

Затем, не встречая сильного сопротивления, они улучшили конфигурацию западной границы Итальянского Сомали, отрезав вдававшийся в его территорию выступ британской колонии Кения.

В Судане, в котором господствовали англичане и который на востоке граничил с Эритреей и Абиссинией, итальянцы в начале июля захватили два пограничных населенных

пункта.

Активная деятельность итальянских летчиков в Восточной Африке беспокоила англичан, но не оказывала решающего влияния на их морские перевозки. Важнейший морской путь через Красное море в Александрию итальянцы не могли перерезать: для этого требовалось бы прежде всего предпринять наступление на Аден.

До тех пор пока Гитлер рассчитывал на возможность победы в воздухе над Англией, его мало интересовало пассивное ведение войны его союзником. Только когда стало ясно, что выиграть битву за Англию не удалось, его интерес к средиземноморскому району снова повысился.

6. Политические утопии держав Оси и порочная стратегия

Одновременно с разрозненными и потому малообещающими попытками добиться сговорчивости своего противника путем воздушной битвы над Англией, ведением подводной войны, угрозой вторжения и мало эффективных действий итальянцев в Северной и Восточной Африке державы оси по инициативе Германии развернули и оживленную политическую деятельность.

27 сентября Германия, Италия и Япония, еще веря в то, что война скоро кончится, заключили в Берлине пакт, согласно которому весь мир был заранее поделен между этими тремя державами. Германия и Италия брали на себя создание нового порядка в Европе, зато они признавали и обязались уважать ведущую роль Японии в образовании Великой Азии. Кроме того, участники пакта взяли на себя обязательства поддерживать друг друга всеми политическими, экономическими и военными средствами в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению державы, которая к тому времени не была вовлечена в войну в Европе или в китайско-японский конфликт.

О том, что должно было произойти с остальным миром, можно было прочесть между строк. Границы американского мира были определены самой географией, и мандат, выданный Японии на право создания нового порядка в Восточной Азии, должен был вынудить американцев оставить свои намерения выйти за пределы этих границ и распространиться на Восточную Азию. Советскому Союзу в Азии оставалось достаточно пространства, чтобы он мог расширить свою территорию, которая по соглашению между договаривающимися странами могла простираться до Персии и Индии. Британская империя должна была распасться в результате войны – африканские колонии и без того принадлежали к великому европейскому пространству.

Это был честолюбивый план, для осуществления которого требовалось, по меньшей мере, уничтожение Британской империи, терпение Соединенных Штатов и одобрение Советского Союза.

Для держав оси гораздо важнее было бы не ставить себе столь широких политических целей, а использовать уже имеющиеся в восточной части Средиземного моря предпосылки для активного ведения войны и создать такую же благоприятную обстановку в западной части этого района. Для решения подобной задачи требовалось выяснить отношения с Францией и Испанией. Что касается Франции, то это было нелегко. Перемирие рассматривалось в этой стране только как предвестник мира, заключение которого ожидалось в недалеком будущем. Оно предоставило Франции полный суверенитет в вопросах управления заморскими владениями, но одновременно возлагало на нее обязательство оборонять свои колонии и протектораты против всякого посягательства извне. Это полностью соответствовало французским интересам и во многом способствовало тому, что французское правительство приняло условия перемирия; это удовлетворяло также и интересам Германии, поскольку Германия не имела территориальных притязаний на Северную Африку, но зато не учитывало желаний и надежд Италии или, по меньшей мере, отсрочило их рассмотрение. Именно итальянцы претендовали на весьма значительную часть той территории Северной Африки, которую Франция должна была и имела право оборонять против всяких посягательств. Естественно, что при расчете необходимых для этого сил возникли разногласия между Германией и Италией. Итальянцы, исходя из своих территориальных интересов, помышляли о

том, чтобы как можно больше ослабить позиции французов в Северной Африке, в то время как Германия, после того как война приняла широкий размах, была более склонна к обеспечению действий в Северо-Западной Африке, чем к удовлетворению итальянских интересов. При этом приходилось, во всяком случае, Мириться с опасностью использования при известных обстоятельствах обоюдоострого оружия. Надежность французских соединений в Северной Африке зависела от позиции, которую занимали там высшие военные чины, а на эту позицию, в свою очередь, сильно влияла политика, проводимая по отношению Франции. Англичане же в результате ряда довольно сомнительных мероприятий лишь еще больше сблизили с Гитлером французов, которые и без того считали английскую политику виновницей своего тяжелого положения.

Англичан не покидало беспокойство о том, что французский флот, лишь незначительная часть которого находилась в их руках, несмотря на заверения, желанные при заключении перемирия, рано или поздно может быть использован Германией и Италией. Подобное увеличение сил своих противников на море они считали недопустимым. В июле 1940 г. у англичан было только четырнадцать линкоров и линейных крейсеров против десяти таких же германо-итальянских и французских кораблей. Из этих десяти судов шесть были самой новейшей постройки, так что с ними могли сравниться только три английских корабля. Со вступлением в строй «Бисмарка» и «Тирпица» положение англичан стало еще более неблагоприятным, потому что с этими кораблями не могли соперничать даже одновременно с ними построенные английские корабли. Конечно, у англичан еще оставалось одно преимущество: английские корабли, независимо от численного соотношения сил, имели значительное превосходство над теоретически возможным объединением линейных кораблей трех различных наций, состав которого был бы очень разнородным. Но живучесть английских кораблей была невелика, а нагрузка в связи с выполнением самых разнообразных задач – значительно больше, чем у их противников. Если учесть еще выход из строя кораблей, даже временного характера, которого никогда нельзя предвидеть, то становится понятным, что господство на море, а следовательно, и само существование нации, могло быть поставлено под угрозу. Этой серьезной опасности англичане хотели избежать при любых обстоятельствах. Поэтому они решили, поскольку у них не было возможности завладеть французскими кораблями, всеми средствами обезвредить их, то есть в случае необходимости попросту потопить. В то время как было сравнительно несложно захватить или нейтрализовать корабли, зашедшие в июне в Портсмут, Плимут и Александрию, обстановка в Мерс-эль-Кебире – в бухте Орана на побережье Северной Африки – была значительно сложнее. Там находились ценнейшие корабли французского флота, в том числе линкоры «Бретань» и «Прованс», а также два линейных крейсера «Дюнкерк» и «Страсбург», подлежащие разоружению в соответствии с соглашением о перемирии.

3 июля перед портом показалась крупная английская эскадра, пришедшая из Гибралтара. Английский адмирал предъявил французам ультиматум, в котором предлагал им или объединиться с английским флотом, или затопить свои корабли, или, наконец, немедленно увести их к островку Мартинике, вблизи северного побережья Южной Америки, где они и будут интернированы. Французы отклонили все три предложения, из которых даже третье, как явное нарушение договора о перемирии, должно было вызвать тяжелые последствия. Еще до того, как англичане получили ответ, они, чтобы воспрепятствовать уходу французских кораблей, заминировали выход из гавани, а после отказа французов выполнить условия ультиматума открыли огонь по своим прежним союзникам. «Бретань» затонула почти со всей командой. Однотипный с ней корабль «Прованс» был превращен в плавающую груды исковерканного металла. «Дюнкерк» получил тяжелые повреждения и выбросился на мель. «Страсбургу» удалось покинуть порт и в сопровождении трех эскадренных миноносцев достигнуть Тулона. 5 июля английские самолеты вновь атаковали корабли в Мерс-эль-Кебире и нанесли им наряду с тяжелыми повреждениями большие потери в людях. В общей сложности французский флот потерял убитыми 1400 человек.

Для французской общественности такой бесчеловечный поступок прежних союзников был тяжелым ударом. В широких кругах французов уже господствовало мнение, что они принесли себя в жертву Англии и были брошены ею на произвол судьбы. Нападение,

воспринятое как удар в спину, казалось, переполнило чашу терпения. Правительство говорило о гнусных действиях англичан и в качестве ответной меры отдало распоряжение произвести бомбардировку английской эскадры в Гибралтаре двумя эскадрильями французских морских самолетов.

Англичане не ограничились этой отдельной операцией, которую еще можно было бы оправдать, если стать на их точку зрения. Они поручили бежавшему в Лондон генералу де Голлю вести разнузданную пропаганду против вишистского правительства. В ежедневных радиопередачах он призывал французских солдат к дезертирству, восстанавливал народ против нового правительства и его главы Петена, который в то время пользовался всеобщим уважением как человек, вторично спасший французский народ. Ввиду безудержного потока клеветы со стороны де Голля французское правительство считало себя вправе заочно присудить к смерти изменившего ему в последние дни войны генерала. Но это не смутило де Голля. Он принял английское предложение о том, чтобы французские сухопутные и военно-морские силы, находившиеся в Англии и перешедшие на его сторону, приняли участие в нападении английских кораблей на Дакар, столицу Французской Западной Африки. 24 сентября англо-французская эскадра подошла к Дакару. Снова был предъявлен и отвергнут ультиматум, на этот раз о сдаче города, и снова был открыт огонь, но только из французских же пушек по французам. Возмущение во Франции было еще больше, чем во время инцидента в Мерс-эль-Кебуре. Англичане привели в свое оправдание весьма сомнительные доводы, заявив, что Германия и Италия якобы пытались укрепиться в Дакаре и что основная масса населения Дакара высказалась против правительства Виши. Когда Дакар оказал неожиданно сильное сопротивление, французский генерал понял большой вред, который принесет его делу дальнейшее применение оружия. В тот же вечер он отвел свои корабли и войска назад на том основании, что не хочет принимать участия в борьбе французов против французов. Англичане продолжали вести боевые действия, хотя попытка и на следующий день высадить десант также окончилась неудачей. Лишь убедившись в том, что серьезно поколебавшая их престиж операция была начата исходя из неправильных предпосылок, англичане прекратили боевые действия.

Если бы Германия проводила разумную и умеренную политику, она могла бы извлечь для себя из этих событий огромную пользу. В 1940 г. французы устали от традиционной английской политики равновесия сил, посредством которой островное государство на протяжении веков натравляло европейские страны друг на друга. В двух войнах немцы как нация показали свою силу и убедили французов в том, что их политика по отношению к Германии нуждается в пересмотре. Под впечатлением этого перемещения сил многие французы были готовы смириться с наличием сильной Германии в сердце Европы, если Франция при этом обретет свои права. Учитывая такое настроение, которое еще больше усилилось в результате событий в Северной и Западной Африке и разнузданной пропаганды де Голля, открытое и честное соглашение между Германией и Францией имело бы большие шансы на то, чтобы завоевать даже вначале противившиеся сближению с Германией французские общественные круги или, по крайней мере, исключить их политическое влияние. Конечно, было рискованно доверять разбитому противнику, но вряд ли это было большим риском, чем постоянно давать ему чувствовать его поражение, угрожать и вызывать в нем внутреннее сопротивление. Во всяком случае, такая политика примирения означала, что Гитлер не только должен был бы отказаться от своих планов в отношении территории Франции, ограничившись разумным, основанным на языковой границе разрешением вопроса об Эльзас-Лотарингии; она означала также и то, что он не смог бы предпринять попыток привлечь на свою сторону Франко за счет французских владений в Северной Африке. В конечном счете эта политика должна была заставить итальянцев значительно уменьшить свои требования на французскую территорию в Европе и Северной Африке со всеми вытекающими отсюда последствиями для отношений между Гитлером и Муссолини. Все это было во власти Гитлера, но подобное решение вопроса представлялось ему невыносимым. Никакого другого решения быть не могло, если он хотел привлечь Францию на свою сторону. Однако еще осенью 1940 г. Гитлер отверг его уже потому, что считал себя и державы оси слишком сильными, чтобы вообще допускать подобные мысли. Вместо этого он пытался запугать угрозами маршала Петена во время встречи с ним в

Монтуаре 24 октября. Он требовал от французов, чтобы они отвоевали попавшие в руки де Голля французские колонии в Центральной Африке, Другими словами, чтобы они активно вступили в войну. Он оставался глухим к наиболее актуальным для Франции вопросам об окончательном определении ее судьбы и о возвращении двух миллионов военнопленных. Гитлер считал политически разумным ожидать от французов в качестве предварительного условия проявления доброй воли – он мог бы потом вознаградить их за это и признать их усилия недостаточными. Франция оставалась для него предметом обмена, которым он хотел воспользоваться в войне и владения которой он хотел выторговать при заключении мира. По заявлению германского министра иностранных дел, сделанного им Муссолини 20 сентября 1940 г., Гитлер решил «никогда больше не позволять Франции играть роль в европейской политике». Нечестность и двойственность германской политики не могла долго оставаться скрытой от французов. Поэтому возмутительные действия англичан были скоро забыты, и когда западные союзные державы двумя годами позже высадили десант в Северной Африке, они встретили лишь очень слабое сопротивление.

24 октября Гитлер прибыл в Монтуар для переговоров с Петеном. Он приехал из Андай, городка на францужско-испанской границе, где он перед этим встретился с Франко. Там нужно было согласовать последние детали, определявшие вступление Испании в войну. Франко в сентябре, когда он послал в Берлин своего министра иностранных дел Серрано Суньера, потребовал очень высокую плату: Гибралтар, Французское Марокко и колонизированную испанцами часть Алжира, то есть в основном ту часть французских владений в Северной Африке, на которую Италия не претендовала. Кроме того, Испания требовала вооружения и экономической помощи. Однако вопреки всем ожиданиям Гитлера, с испанцами договориться не удалось. Правда, был назначен день нападения на Гибралтар – 10 января 1941 г., но испанцы ставили осуществление этого нападения в зависимость от ряда политических, военных и экономических вопросов, которых при переговорах уладить не удалось. Так что Гитлер отнюдь не был удовлетворен своей встречей с испанским диктатором.

Несмотря на это, военные приготовления к нападению на Гибралтар продолжались. Не подлежит почти никакому сомнению, что тщательно продуманное и подготовленное немцами нападение привело бы к успеху. Но оно не было осуществлено, и не последнюю роль в этом сыграло следующее обстоятельство. Вскоре после бесплодных переговоров в Андай и Монтуаре Муссолини развязал вооруженный конфликт с Грецией, предварительно не согласовав его с Гитлером. Этому событию было суждено оказать довольно неблагоприятное влияние на положение в районе Средиземного моря. Дух неискренности и взаимного недоверия, которым, несмотря на показную тесную связь, были проникнуты отношения обоих диктаторов, привел к этой итальянской аванюре.

7. Итальянская авантюра в Греции

Поскольку Муссолини, по-видимому, считал себя не в силах самостоятельно предпринять решительные действия против Англии, он искал летом 1940 г. такого противника, в борьбе с которым итальянские вооруженные силы могли бы проявить свою мощь. Он видел, что занимает подчиненное положение по отношению к своему более удачливому в военном отношении партнеру по оси, и не хотел с этим долго мириться. В июле Муссолини без обстоятельного политического обоснования приказал итальянскому главному штабу сухопутных войск разработать план операции против Югославии и произвести у ее границы стратегическое развертывание основной массы сухопутной армии. Во второй половине сентября 37 дивизий – две армии в первом эшелоне и одна во втором в качестве резерва – были развернуты на некотором удалении от югославской границы. Всех командиров ознакомили с их задачами. Это было единственное планомерно подготовленное и проведенное стратегическое развертывание, которое осуществила Италия за все время войны. В конце сентября опять без убедительного обоснования и так же внезапно стратегическое развертывание было прекращено и было приказано уволить из армии 600 тыс. человек, то есть провести почти полную демобилизацию, включавшую и возврат владельцам реквизированных для нужд армии автомашин, лошадей и мулов. К середине октября демобилизация была наполовину закончена.

Тем более удивлены были начальник генерального штаба вооруженных сил и начальник главного штаба сухопутных войск, когда их 14 октября вызвали к Муссолини, который объявил им, что существует политическая необходимость оккупировать Грецию. На обращенный к ним вопрос о том, какое количество войск и сколько времени потребуется для занятия исходных позиций в Албании, они ответили, что при условии участия Болгарии в этой войне, кроме восьми дивизий, стоящих в Албании, потребуется еще двенадцать дивизий, и что для их переброски, включая необходимые корпусные и армейские части, а также части службы тыла, будет нужно три месяца. Этот срок казался вполне обоснованным ввиду очень небольшой мощности албанских портов и крайне неблагоприятного положения с транспортным сообщением в Албании, почти не имеющей железных дорог. Муссолини, видимо, был удовлетворен этой справкой. Удивление обоих генералов усилилось, когда Муссолини на следующий день вновь вызвал их и некоторых видных государственных деятелей в палатцу Венеция и объявил, что он решил занять Ионические острова, в частности остров Корфу у входа в Адриатическое море и затем захватить Салоники, чтобы укрепить позиции Италии на Средиземном море и сохранить итальянское влияние в Греции. Когда начальник генерального штаба вооруженных сил маршал Бадольо спросил, проинформирована ли о предполагаемой операции Германия, по отношению к которой как к союзнику все же имеются обязательства, Муссолини резко ответил: «А нас проинформировали об операции в Норвегии? Нас спросили перед тем, как начали наступление на Западе? Действовали так, как будто мы и не существуем. Теперь я плачу той же монетой». Мнение своих военных советников, изложенное ими еще накануне, он считал, видимо, не заслуживающим внимания. Дело в том, что Муссолини получил от министра иностранных дел Чиано, который рассматривал Албанию, управляемую его министерством, как свою вотчину и был главным инициатором нападения на Грецию, успокоительные вести о предположительной реакции греков. Чиано сообщал, что ему удалось за крупные суммы денег привлечь к защите интересов Италии ряд видных деятелей, часть из которых даже входит в состав правительства. По его словам, в Греции только немногочисленная группа людей, представляющая собой состоятельную верхушку, склоняется на сторону Англии; основная же масса населения является политически нейтральной и скорее отрицательно относится к режиму Метаксаса. Кроме того, есть свои люди в греческой армии в Эпире, которая не будет воевать, а албанские части и партизаны в ходе наступления итальянской армии поднимут восстание среди родственного им населения Эпира.

В конце совещания был назначен день наступления. Первоначально его планировали начать 26 октября, но позднее, ввиду неблагоприятной погоды, отложили на 28 октября. Гитлеру, который в это время находился на пути в Монтуар и Андай, Муссолини написал письмо, в котором, однако, лишь очень неопределенными намеками говорил о греческих провокациях, которых он якобы больше не может допустить. Гитлер поспешил 28 октября во Флоренцию, где Муссолини поставил его перед совершившимся фактом. Гитлер делал веселую мину при плохой игре. Меньше чем за месяц до этого Муссолини уверял германского министра иностранных дел, что в настоящий момент главной своей задачей он считает войну против Англии, поэтому не будет предпринимать никаких действий против Югославии и Греции, а лишь намеревается осуществить захват Египта.

Рано утром 28 октября итальянский посол в Афинах вручил представители греческого правительства ноту, которая исключала всякие переговоры. Греции не совсем безосновательно был брошен упрек в том, что ее поведение находится в противоречии с ее обязательством соблюдать нейтралитет. Английский флот якобы неоднократно использовал греческие территориальные воды, а английские самолеты получали все необходимое на греческих аэродромах. Далее в ноте указывалось, что греческие власти якобы попустительствовали деятельности английской разведки. Многочисленные протесты Италии остались без внимания. В Албании Греция инспирировала волнения и без должного уважения относилась к власти Италии в этой стране. По этим причинам Италия вынуждена требовать в качестве гарантии, необходимой для лучшего сохранения греческого нейтралитета, предоставления ей стратегических опорных пунктов, в которых должны постоянно находиться итальянские гарнизоны.

В том случае, если эти условия не будут приняты, Италия будет вынуждена осуществить

их насильственно и для этой цели с 6 час. примет военные меры. Об объеме требований итальянский посол не смог сообщить никаких подробностей. Премьер-министр Греции Метаксас тут же заявил, что, невидимому, речь идет о решенном деле, которое исключает всякую дискуссию или переговоры.

Греция констатировала, что она находится в состоянии войны с Италией и на основании данного ей Англией 13 апреля 1939 г. обещания обратилась к ней с просьбой о помощи. Новый конфликт был для Англии не очень желателен. Битва над Англией была в самом разгаре, Англия как раз собиралась довести свои силы в Египте до численности, необходимой для ведения наступательных действий и еще только восстанавливала свою армию в метрополии. Но, с другой стороны, если бы Греция смогла устоять, были бы получены новые выгодные опорные пункты для ведения морской и воздушной войны против Италии. Новая война, возможно, приведет даже к созданию «второго фронта» в Европе, который с самого начала был важной целью английской стратегии. Поэтому Англия помогала всеми, хотя пока и скромными, силами на море и в воздухе. Кроме того, она перебросила на остров Крит сухопутные войска и авиацию, чем облегчила положение Греции и одновременно оборону своего очень отдаленного острова Мальта.

Муссолини охотно поверил заверениям министра иностранных дел Чиано и благоприятной оценке военной обстановки, сделанной главнокомандующим вооруженными силами в Албании генералом Висконти Праста. Поэтому наступление было предпринято очень недостаточными силами, и как только греки, вопреки ожиданиям, начали оказывать серьезное сопротивление, стало ясно, что действия итальянцев обречены на неудачу.

В Албании находилось восемь дивизий, усиленных фашистской милицией, в том числе одна горная дивизия и одна танковая, оснащенная трехтонными танками. Из них одна дивизия была оставлена для охраны границы с Югославией, от которой не ожидали вмешательства в конфликт. Две дивизии должны были вести демонстративное наступление в направлении на Салоники до Флорины, чтобы сковать греческие силы и повлечь за собой вступление Болгарии в войну. Остальные пять дивизий, усиленные албанскими частями и партизанами, получили задачу «освободить от иностранного господства» албанское население в Северном Эпире, а затем оккупировать весь Эпир. После этого еще три дивизии должны были высадиться в Амвракийском заливе и начать наступление на Афины.

Ни одного из политических последствий наступления, ожидавшихся итальянским министром иностранных дел, не произошло. Греция в соответствии с настроением народа приняла вызов и вскоре добилась преимущества благодаря наличию у нее более благоприятных условий для сосредоточения и развертывания войск, чем у ее противника.

Наступление обеих итальянских дивизий на Флорину через несколько дней было остановлено, причем итальянским войскам не удалось достигнуть никаких существенных успехов. Не прошла и неделя, как итальянцы вынуждены были отойти обратно за свою границу под натиском превосходящих сил противника. Положение итальянских войск стало вскоре критическим, потому что греки, расширяя фронт наступления, 21 ноября захватили у итальянцев хребет Моровуи важный узел дорог Корчу. Чтобы избежать окружения, итальянцы вынуждены были отступить еще дальше на северо-восток.

Пять дивизий, начавших наступление с южной границы Албании с задачей захватить Эпир, встретили лишь слабые заслоны пограничной охраны, которые быстро отступили. Однако вскоре после перехода границы наступавшие вместе с итальянцами албанские части и партизаны отказались воевать. Они устраивали мятежи, диверсии или переходили к грекам, так что остатки их пришлось отвести за границу и разоружить. О предсказанном Чиано лишь показном сопротивлении греческой армии не могло быть и речи. В долине реки Вийоса, перед Яниной и на реке Каламас сопротивление греков усилилось. Вскоре под натиском греческих войск, перешедших в наступление, итальянцы и на этом участке фронта вынуждены были отойти на исходные позиции.

Кампания, начавшаяся в результате неправильной политической и военной оценки обстановки, закончилась через четыре недели полным провалом. Итальянская армия попала в Албании в затруднительное положение, так как, несмотря на все срочные меры, принятые итальянским генеральным штабом, было невозможно увеличивать количество войск на фронте

с такой же быстротой, как это делал противник. Наряду с трудностями новой мобилизации, к которой по внутривойсковым мотивам нельзя было привлечь только что уволенных резервистов, причина такого положения объяснялась очень ограниченными возможностями портов Влоры и Дурреса, особенно в отношении выгрузки транспортных средств и тяжелой боевой техники. К этому следует прибавить и то, что Италия вначале имела недостаточное количество судов, оборудованных для перевозки животных. Таким образом, в итальянских портах скапливалась артиллерия, машины, лошади и мулы, в то время как в Албании высаживались преимущественно пехотные части без всякого транспорта для подвоза, с небольшим количеством артиллерии и других боевых средств. Необходимость заставляла спешно направлять их прямо на фронт для заполнения брешей, что вызывало смешение частей и соединений и приводило к страшной путанице. Итальянское командование в Албании постоянно испытывало затруднения. Можно только благодарить ангельское терпение и нетребовательность итальянского солдата, который в негостеприимной горной стране, в снегах и льдах, не имея достаточно средств для оборудования мест расположения, без налаженного снабжения и с ограниченными боевыми средствами вынес тяжелые физические испытания и оказал сопротивление натиску противника. Правда, греческая армия тоже была вооружена относительно слабым и устаревшим оружием, что несколько уравнивало шансы воюющих сторон. В противном случае итальянцам не удалось бы избежать катастрофы. Но все же греки всегда имели такое превосходство, которое позволяло им держать инициативу в своих руках и теснить итальянские войска все дальше на север.

8. Военно-политические итоги

Гитлер не смог воспрепятствовать итальянской аванюре в Греции, и ее плачевный исход серьезно подорвал престиж держав оси. Поскольку воздушная битва над Англией проходила безуспешно, а итальянцы стояли в Египте в бездействии, стратегическое положение держав оси было очень незавидным, когда 12 ноября в Берлин с ответным визитом прибыл Молотов. В свете последующих событий представляется неясным, ожидал ли Гитлер от этого визита укрепления русско-германских отношений или же переговоры с Молотовым были ему нужны скорее для того, чтобы усилить его внутреннее убеждение в необходимости искать в 1941 г. конфликта с Советским Союзом. Даже неожиданная уступчивость Советского Союза создала у Гитлера впечатление, что он имеет дело с партнером, отступившим перед германской мощью.

Но если целью германской политики действительно было «добиться согласования интересов и отвлечь русских на восток», как Гитлер через несколько дней после визита охарактеризовал цель этой встречи, то она принесла малоутешительные результаты. Молотов оказался крайне упорным и трудным партнером для переговоров, который не скрывал своего скептического отношения к надеждам Германии на победу. Участие Советского Союза в пакте трех держав Молотов считал принципиально возможным. Но для русских значительно важнее, чем эти планы распределения мира, было прийти к соглашению с Германией относительно конкретных и непосредственных целей советской внешней политики. Молотов заявил, что Советский Союз имеет претензии к Финляндии, которые не были удовлетворены мирным договором, заключенным в марте 1940 г. С Болгарией русские стремились иметь выгодные для себя отношения, подобно недавно установленным между Германией и Румынией, то есть хотели отправить военную миссию в Софию и заключить пакт о взаимной помощи. С Турцией Советский Союз желал без вмешательства третьей страны достигнуть соглашения в вопросе о Дарданеллах, разрешение которого, по мнению русских, должно было заключаться в создании сухопутных и авиационных баз в морских проливах. Наконец, Молотов проявил живой интерес к Греции, Румынии и Югославии и дал понять, что Советский Союз считает отнюдь не желательным длительное утверждение Германии на Балканах. Ему возразили, что в связи с расширением войны Германия невольно вошла в этот район, в котором она в мирное время будет иметь только экономические интересы. Планы русских в отношении Финляндии Гитлер отклонил как недопустимые, так как их осуществление могло бы вызвать вмешательство западных держав, а он стремился избегать всяких конфликтов в районе Балтийского моря. Предоставление русских гарантий Болгарии должно будет зависеть от ее согласия, о котором

ему ничего не известно.

Двухдневные переговоры не закончились открытым разладом, но и не принесли положительных результатов. 26 ноября русские обычным дипломатическим путем направили ноту, в которой ссылались на берлинские переговоры и уточняли высказывания Молотова относительно Болгарии, Финляндии и Дарданелл. В Берлине не торопились с рассмотрением этой ноты, и она так и осталась без ответа. Очевидно, визит Молотова только усилил в Гитлере убеждение в том, что русские будут переходить от одного требования к другому и не склонны дать себя «отвлечь на восток».

Малоутешительный, по мнению Гитлера, а может быть, даже и поучительный исход берлинских переговоров, а также безнадежный застой, если не регресс, в разворачивании войны побудили Гитлера 20 ноября обратиться с большим письмом к своему партнеру в Риме. Хотя он как всегда скрыл самую существенную часть своих планов, все же при всей высокопарности выражений в этом письме рисуется мрачная картина многочисленных неразрешенных и запутанных проблем, перед которыми стоял Гитлер.

Он указал вначале на очень тяжелые психологические и военные последствия неудачи держав оси в Греции. Болгария уже не склонна присоединиться к пакту трех держав. Очень трудно также прийти к соглашению с Россией и направить ее стремление расширяться на восток. Молотов во время своего визита в Берлин проявил большой интерес к Балканам. О влиянии на Югославию он, Гитлер, еще не имеет ясного представления. Но даже во Франции, несомненно, усиливаются позиции тех, кто призывает не становиться на сторону немцев и уверяет, что в этой войне последнее слово еще не сказано. Особенно важно, чтобы не было недружелюбного отношения со стороны таких государств, как Югославия и Турция, которое может привести к нежелательному расширению войны.

Гитлер понимал обстановку совершенно правильно: если миф о непобедимости держав оси находился под угрозой, то престиж Англии намного возрос. Но это объяснялось не только итальянской авантюрой, а в не меньшей степени и тем, что воздушная битва над Англией не дала ожидаемых результатов и вторжение не было предпринято.

Затем Гитлер писал о военных последствиях конфликта с Грецией. С захватом ряда опорных пунктов Англия сможет приблизиться на 500 км к нефтяному району Плоешти, который до сих пор был недостижимым для английских бомбардировщиков. Эффективной защиты от воздушных налетов не имеется; разрушение нефтеперерабатывающих заводов принесло бы непоправимый ущерб. Уничтожение британских авиационных баз по опыту воздушной войны исключалось – таким образом, сам Гитлер косвенно признавал неудачу воздушной битвы над Англией. Далее он писал, что Англия создала новые авиационные базы на островах близ порта Салоники и во Фракии и может теперь серьезно угрожать всему побережью Южной Италии.

Вывод Гитлера гласил: «Эго положение с военной точки зрения является угрожающим, с экономической же точки зрения, поскольку дело касается нефтяных районов Румынии, прямо-таки тревожным».

Исходя из этой оценки обстановки он делал вывод о необходимости ряда срочных политических и военных мероприятий. Из политических проблем он придавал теперь, после того как несколько месяцев было потеряно, наибольшее значение проблеме Испании: «Испанию необходимо немедленно склонить к вступлению в войну». Для этого Гитлер установил срок – шесть недель; дата выступления Испании – 10 января 1941 г. – была намечена еще в Андае. Но для него был важен не только Гибралтар. По меньшей мере одну-две дивизии следовало перебросить в Испанское Марокко, «чтобы обеспечить защиту на случай возможного отпадения Французского Марокко или областей Северной Африки от Франции». В результате такого отпадения англо-французская авиация получила бы районы базирования для действий над всей Италией, что могло бы оказаться для последней роковым. Здесь ни в чем не следовало рассчитывать на случайность. Кроме того, если вход в Средиземное море будет у Гибралтара закрыт, английские корабли будут вынуждены следовать в обход Южной Африки, а это значительно облегчит обстановку в восточной части Средиземного моря.

В дальнейшем Гитлер хотел вытеснить Россию из района Балкан, достигнуть соглашения с Турцией, чтобы ослабить ее нажим на Болгарию, устрашить каким-либо способом

Югославию, так как без усмирения этой страны невозможна никакая операция на Балканах, получить от Венгрии согласие на пропуск через ее территорию крупных немецких соединений в Румынию.

В случае, если Англия попытается значительно усилить свои войска во Фракии, он, несмотря на весь риск такого предприятия, решительно выступит со всеми необходимыми силами. Но, к сожалению, до марта «всякое ведение боевых действий на Балканах является невозможным».

В военной области Гитлер в соответствии с политическими соображениями также ставил на первое место преграждение входа в Средиземное море, следовательно, вовлечение в войну Испании. Но он, по-видимому, был не очень уверен, что Испания сделает этот шаг. «Я хочу попытаться склонить Испанию к вступлению в войну» – в этих словах слышатся нотки сомнения. Гитлер все еще надеялся, что на суше, на ливийско-египетском театре военных действий, Италия может обойтись своими силами. Он питал надежду даже на то, что итальянцы смогут продвинуться до Мерса-Матрух, чтобы «пикирующие бомбардировщики окончательно изгнали британский флот из Александрии, а бомбардировщики дальнего действия сильно заминировали Суэцкий канал, сделав его практически непригодным для сообщения».

Главная тяжесть борьбы в восточной части Средиземного моря ложилась на авиацию обеих держав. Посредством планомерного сосредоточения крупных сил она должна была вытеснить Англию из Средиземного моря. Вопрос о Средиземном море следовало разрешить еще этой зимой, потому что не позднее начала мая он, Гитлер, должен получить обратно свои войска. В письме не указывалось, по каким соображениям был намечен этот срок.

В начале марта в Румынии, говорилось далее, начнется сосредоточение немецких сил, достаточных для того, чтобы «при всех обстоятельствах обеспечить полный успех»; оно будет продолжаться до тех пор, пока и в Албании не будут сконцентрированы необходимые силы. Заканчивая изложение своей военной программы, Гитлер затронул вопрос о Египте. Он отметил, не обосновав подробно свою точку зрения, что этот вопрос пока может оставаться совершенно открытым, так как он после тщательного анализа пришел к выводу о невозможности вообще предпринять наступление на дельту Нила до осени следующего года. Только он один знал, почему надо было к маю отозвать немецкие войска, почему нельзя было начинать наступление против Египта до будущей осени – он готовился к осуществлению «плана Барбароссы». Но со всем фанатизмом он хотел помочь в кратчайший срок преодолеть кризис и после кажущегося неуспеха добиться окончательного поражения противника.

Гитлер хорошо понимал, как далека стала в последние месяцы победа над Англией, которую он считал окончательной; он отдавал себе отчет в том, что он и его союзник переживали серьезный кризис. Однако предлагаемые им энергичные контрмеры в решающих пунктах, казалось, били мимо цели. Испания, еще в августе под впечатлением огромной победы Германии перешедшая от состояния нейтралитета к состоянию невоюющей страны и этим политическим актом недвусмысленно показавшая свою готовность выступить за державы оси, стала вдруг трезво смотреть на вещи. Средиземное море запереть не удалось. Таким же роковым было и то обстоятельство, что Гитлер все еще сильно переоценивал военную мощь Италии, так что его план борьбы против англичан в восточной части Средиземного моря строился на неверных предпосылках. Горькое разочарование ожидало его в самом ближайшем будущем и в Северной Африке.

Несогласованным германо-итальянским действиям и планам англичане противопоставили более целеустремленные и планомерные действия. Черчилль хорошо использовал предоставленное ему время для усиления вооруженных сил Англии.

Хладнокровно и трезво оценивая обстановку, он в июне 1940 г. понял, что даже общественное мнение в Соединенных Штатах очень скептически относится к возможности Англии избежать поражения. «Что действительно важно, – писал он 26 июня английскому послу в Вашингтоне, – так это то, захватит ли Гитлер Англию в течение трех месяцев или нет». Он выразил уверенность в том, что вторжение будет отражено и английская авиация выполнит свою задачу. У Англии пока не было союзника, и Черчилль видел, что только вера в силу и способность Англии к сопротивлению, которую надлежит возродить, может положить конец этому состоянию. Он немедленно начал принимать меры. Черчилль стремился сам связаться со

Сталиным, и поводом для этого послужило назначение нового посла в Москве, Стаффорда Криппса, через которого он передал личное письмо Сталину. Он надеется, писал Черчилль в письме, что, несмотря на разницу в мировоззрениях и на то, что с августа 1939 г. Россия решила присоединиться к другой стороне, отношения между двумя державами в международной сфере будут развиваться с учетом взаимных интересов и с пользой для обеих сторон.

Англия решила не склониться перед немецким игом и освободить от него Европу. Советский Союз должен, ввиду угрозы германского господства в Европе, сам решить, как ему действовать, чтобы обеспечить свои интересы.

Англия в любое время готова обсуждать проблемы, возникшие в связи с попыткой Германии завоевать и поглотить Европу.

Черчилль встретил самую горячую поддержку у президента Рузвельта и его ближайших сотрудников, которые, в отличие от широких кругов общественности и конгресса, не потеряли веру в Англию и сделали все, чтобы помочь ей материально и дипломатически в рамках государственных законов и с учетом того, чтобы не повредить себе на предстоявших в ноябре 1940 г. президентских выборах.

В дипломатическом отношении для Англии было особенно ценно, чтобы Соединенные Штаты поддерживали отношения с Францией, и немедленно использовали их, если нажим Германии на Виши сделает это необходимым. Обещания материальной поддержки для снабжения Северной Африки или отказ в ней были действенным рычагом в руках американского правительства, позволяющим направлять политику Виши в желательном направлении. Кроме того, Соединенные Штаты оказали немедленную помощь Англии и военными материалами. Уже 11 июня было закуплено 500 тыс. винтовок, 80 тыс. пулеметов и 900 орудий, которые поступали из американских арсеналов, но, чтобы не нарушать законов страны, закупились якобы частным образом.

Увеличение численности флота все время было основной заботой Англии. Задачи флота в связи со сложившимся в июне стратегическим положением на море настолько возросли, что особенно недостаточным стало количество эсминцев, имевших решающее значение для борьбы с подводными лодками. Черчилль был вынужден трижды обращаться к президенту – 15 мая, 15 июня и в конце июля, – пока ему удалось добиться согласия на приобретение 50 – 60 старых американских эскадренных миноносцев. Крайне нежелательная для англичан по дипломатическим и психологическим мотивам сдача в аренду на 99 лет баз на английских островах у северной и центральной части восточного побережья Америки – таких, как Ньюфаундленд, Бермудские острова, Багамские острова, острова Ямайка и Тринидад – была неизбежной, чтобы сделать для американцев приемлемой эту сделку. Кроме того, американцы потребовали заверения в том, что весь английский флот никогда не попадет в руки немцев – так низко в то время пали акции Англии по ту сторону океана. В сентябре 1940 г. 50 американских эскадренных миноносцев были переданы британскому флоту. Одна из актуальнейших проблем англичан если и не была разрешена полностью, то, по крайней мере, стала не такой острой.

Теперь в течение многих лет перед Англией должна была стоять другая проблема, которая приобретала решающее значение: оплата военных материалов, предоставленных Соединенными Штатами. Когда в 1939 г. началась война, в Соединенных Штатах существовал закон о нейтралитете, запрещающий всякую отправку военных материалов воюющей стране. Только в результате трехмесячной упорной борьбы президента этот закон был аннулирован. Вместо него появилась система «кэш-энд-кэрри»{12}, которая разрешала каждой воюющей стране закупать в Соединенных Штатах военные материалы, если она платила наличными и сама эти материалы транспортировала. Хотя эта система, учитывая блокаду Германии, практически благоприятствовала западным державам, все же она и для них представляла некоторые неудобства. Они должны были пользоваться лишь своими собственными судами и могли приобрести только то, за что были в состоянии немедленно уплатить. Англичане, очень осторожные в торговых делах, до начала войны с Францией тщательно оберегали свои фонды в иностранной валюте и соответственно ограничивали свои заказы. Только когда война во Франции приняла угрожающий оборот, они отступили от этой практики и стали увеличивать свои заказы, не взирая на финансовые соображения. При системе «кэш-энд-кэрри» было ясно, что наступит момент, когда их долларové резервы иссякнут. Лишь до ноября было заказано 11

тыс. самолетов, за которыми должны были последовать еще 12 тыс. К этому времени англичане выплатили 4,5 млрд. долларов. Их фонды были исчерпаны, а кредиты за границей израсходованы. Назрела необходимость найти иное разрешение проблемы вооружения. 8 декабря Черчилль обратился к незадолго до того переизбранному президенту с большим посланием, в котором подробно описал положение Англии, правильно рассчитывая, что теперь Рузвельт может действовать значительно смелее. Одновременно он развернул перед ним свои будущие планы. Это послание было очень похоже на письмо Гитлера к Муссолини, написанное несколькими днями раньше. Сравнение обоих документов показывает, насколько Черчилль, которого Гитлер так поносил, превосходил своего противника осмотрительностью и ясностью цели, столь необходимым государственным деятелю.

В начале письма английский премьер-министр с удовлетворением отмечал, что повторное избрание Рузвельта на пост президента подтвердило, насколько тесно связаны между собой безопасность обоих государств и их цивилизация. Но Англия должна пока продолжать войну в одиночестве, так как Соединенные Штаты только через два года будут способны бросить на чашу весов всю свою мощь. Гитлер значительно превосходит Англию по вооружению и еще больше – Соединенные Штаты. Правда, Англия может сейчас успешно вести борьбу с Германией флотом и авиацией, но огромной, не связанной ни на каких других театрах военных действий германской сухопутной армии она ничего не может противопоставить. Англия намеревается в 1941 г. сформировать армию из 50 – 60 дивизий, и уже теперь могла бы выступить против державы оси на второстепенных театрах военных действий. Она сделает также все, что будет в ее силах, чтобы воспрепятствовать распространению войны на Африку и Восточную Азию. К счастью, в настоящее время ликвидирована опасность того, что Англия будет уничтожена быстрым, сокрушительным ударом.

Но такая же смертельная опасность таится в постоянном и все ускоряющемся сокращении тоннажа торгового флота. Воздушные налеты, несмотря на все связанные с ними потери и жертвы, еще можно перенести: он надеется также на то, что скоро удастся расплатиться с врагом. Но если снабжение Англии оружием, сырьем и продовольствием будет нарушено, если не хватит кораблей, чтобы всюду встретить противника достаточными силами, то катастрофа сможет произойти прежде, чем Соединенные Штаты будут готовы выступить. В 1941 г. на морях решится исход войны. Потери судов уже сейчас почти так же высоки, как в самый тяжелый год первой мировой войны. Ввоз на 10 процентов меньше необходимого минимума и его дальнейшее сокращение может привести к роковым последствиям. Ввоз в Англию в настоящее время осуществляется только с севера, но и этот последний путь подвергается все усиливающимся атакам подводных лодок и бомбардировщиков дальнего действия. Постройка немецких кораблей «Бисмарк» и «Тирпиц» приближается к концу. Это рейдеры, каждый из которых превосходит любой английский линкор, поэтому они будут сковывать значительные силы английского флота. Еще существует опасность того, что часть французского флота может попасть в руки Гитлера.

Япония своим продвижением в Индо-Китае угрожает Сингапuru, где у англичан в настоящее время явно недостаточные силы.

Англия хочет использовать 1941 год, чтобы путем колоссального увеличения производства заложить основы будущей победы. Для этого крайне желательна помощь Соединенных Штатов. Решающее значение имеет сокращение потерь торгового флота. Лучше всего было бы, если бы американцы сами доставляли военные материалы через океан и обеспечивали охранение транспортов силами своего военно-морского флота. Он, Черчилль, не верит в то, что Гитлер использует такое поведение Америки для объявления войны и повторит ошибку кайзеровской Германии. В случае, если президент сочтет это решение невозможным, он просит передать ему или предоставить на время большое количество военных кораблей, особенно эскадренных миноносцев; он просит также и о том, чтобы английским военно-морским и военно-воздушным силам была оказана некоторая поддержка в охране районов Атлантики в радиусе действия американских вооруженных сил. Крайне необходимой является американская помощь и для постоянного восполнения потопленных судов. Ежегодная производственная мощность английских судоверфей составляет 1,25 млн. от, в то время как лишь за период с мая по декабрь тоннаж потерянных судов достиг 2 млн. *t*. Без

дополнительного увеличения производственной мощности верфей до 3 млн. *t* Англия обойтись не может.

Производство самолетов в Англии также является недостаточно высоким для получения необходимого перевеса над Германией. Поэтому он просит о предоставлении ежемесячно 2 тыс. самолетов, в том числе как можно больше тяжелых бомбардировщиков, чтобы можно было потрясти основы военной мощи Германии.

На потребную для формирования 50 дивизий военную технику, поскольку сама Англия выпустить такого количества не может, уже сделан заказ; на 1942 г. он просит о предоставлении вооружения и оснащения еще для 10 дивизий. Президент должен подумать и о том, что угнетенные народы Европы будут тоже просить оружия, как только власть диктаторов начнет колебаться.

В заключение премьер-министр остановился на главнейшем вопросе финансирования английских заказов, которые уже тогда многократно превышали платежеспособность Англии. Англия, несмотря на все жертвы, не может приобрести больше того, что она в состоянии оплатить. Он, писал Черчилль, уверен, что американский народ проявит полное понимание этого обстоятельства и что президент найдет выход из положения.

Чистосердечное обращение, составленное для большего эффекта не без некоторых преувеличений, встретило сочувственное отношение. Правда, Англия еще должна была выдержать платежный кризис, продолжавшийся несколько месяцев, а также – что для нее было особенно болезненным – перевезти в Соединенные Штаты из Южной Африки накопленный там большой запас золота. Но затем благодаря принятию закона о ленд-лизе, по которому все американские поставки брались «в долг» или «арендовались», март 1941 г. принес не только желанное облегчение, но и помощь Соединенных Штатов, которые вплотную приблизились к активному участию в войне.

С самого начала войны Черчилль стремился вести энергичные действия против Германии. События в Дюнкерке, поражение Франции и, как следствие этого, ухудшившееся положение на море, угроза вторжения и воздушная битва над Англией вынудили его к обороне. Несмотря на это, все его помыслы были проникнуты одним желанием – вести всюду, где только можно, наступательные действия. Имелись возможности начать в скором времени активные действия на море и в воздухе прежде всего против Италии. Но и на суше, у египетско-ливийской границы, численность английских войск настолько увеличилась, что они уже в конце октября считали себя способными вести наступление на пассивно стоящих против них итальянцев. Ввиду нападения Италии на Грецию наступление в Ливии пришлось временно отложить. Но когда выяснилось, что греки на суше могут одни вести борьбу с итальянцами и нуждаются только в поддержке авиации, и когда в Египет прибыли новые пополнения, запланированное наступление на армию Грациани было осуществлено.

9. Борьба за итальянские колонии

Ливия зимой 1940/41 г.

После своего сентябрьского наступления шесть дивизий Грациани были расположены широкой дугой, выгибавшейся на юго-восток; один конец дуги упирался в море близ Сиди-Баррани, другой находился у Бир-Софафи. (Карта 3, стр.150)

В этом районе шириной примерно 70 км итальянцы не оборудовали ни одной позиции или хотя бы цепи опорных пунктов. Они располагались в нескольких больших лагерях, очень удаленных друг от друга и потому не имевших между собой никакой тактической связи.

Между самым южным лагерем в районе Бир-Софафи и ближайшим к нему лагерем в районе Нибейва находился необороняемый район протяженностью 30 км. Другие лагеря, разделенные друг от друга еще большими расстояниями, были в Восточном и Западном Туммаре, в Мактиле и Сиди-Баррани. Англичане узнали о таком весьма неудачном с точки зрения обороны расположении итальянских войск и разработали план наступления. Если бы удалось подвижными соединениями внезапно прорваться между Нибейвой и Бир-Софафи, то затем, обеспечив свой фланг от контратак со стороны Бир-Софафи, должно было бы повернуть на север и нанести удар с тыла по итальянским войскам, расположенным севернее участка

прорыва. Этот дерзкий, но обещавший максимальный успех план был, однако, технически трудно осуществимым. Противники находились на расстоянии почти 100 км друг от друга, что отчасти может служить объяснением такого неосторожного построения итальянских войск. Англичане должны были вывести двумя ночными переходами силы, предназначенные для прорыва, на исходные позиции. Днем эти войска отдыхали в пустыне, лишенной всяких укрытий, и если бы их обнаружила воздушная разведка противника, то тактическая внезапность была бы потеряна.

Англичане располагали для наступления следующими силами: 7-й танковой дивизией, 4-й индийской пехотной дивизией, одним усиленным полком, одним полком пехотных танков. Особенно грозную силу представляли собой 275 новых танков, против которых были бессильны слабые итальянские танки и средства противотанковой обороны итальянских войск. Соединения, предназначенные для прорыва в районе между Нибейвой и Бир-Софафи – 7-я танковая дивизия и индийская дивизия, – совершили свой первый марш-бросок 46 км в ночь с 7 на 8 декабря. Днем 8 декабря они отдохнули, оставшись незамеченными, и на следующую ночь достигли исходных позиций для наступления. Утром 9 декабря английские войска начали прорыв.

Одновременно с этим английский флот обстрелял Мактилу, Сиди-Баррани, проходящее вдоль морского берега шоссе, а английская авиация совершила Меты на аэродромы противника, чтобы уничтожить итальянские самолеты на земле. Уже 9 декабря принесло полный успех англичанам, действовавшим против совершенно ошеломленных итальянцев, 7-я танковая дивизия после Вершения прорыва выделила части для обеспечения фланга со стороны Бир-Софафи и в 7 час. атаковала лагерь Нибейва, в котором находилось 3 тыс. итальянцев. После непродолжительного сопротивления, быстро сломленной превосходящими английскими танковыми силами, лагерь был взят. Командир английской дивизии, приведя в порядок свои части, в 13 час. 30 мин появился перед Западным Туммаром и взял штурмом и этот лагерь. Затем он направился к Восточному Туммару, которым к исходу дня почти полностью овладел. В то время как проводились эти атаки, в прорыв была введена индийская дивизия. Прикрываемая в своем наступлении частями танковой дивизии, она вышла в тыл итальянских лагерей и достигла на севере прибрежного шоссе между Сиди-Баррани и Букбуком.

10 декабря осуществлялось уничтожение отчасти окруженных, отчасти отрезанных от своих путей отхода итальянских войск. Сиди-Баррани бы, атакован с востока и запада и вечером был взят. Части танковой дивизии повернули на юг, чтобы воспрепятствовать отходу итальянцев, находившихся в лагере Бир-Софафи, другие части преследовали те итальянские войска которым в общем замешательстве удалось уйти из окружения. Основные сил четырех дивизий были уничтожены. Свыше 38 тыс. пленных, 400 орудий и около 50 танков попали в руки победителей, которые со своей стороны потеряли только 133 человека убитыми, 387 ранеными и 8 пропавшими без вести.

Используя свою победу, англичане продвигались на запад с целью захватить Бардию и Тобрук и иметь возможность использовать для дальнейшей продвижения прибрежное шоссе. В обоих городах стояли крупные итальянские гарнизоны. Между тем итальянцы оправались от испуга. Они хорошо укрепили Бардию и Тобрук, соорудили бетонированные огневые точки, противотанковые рвы, установили проволочные заграждения. Англичане должны были перейти к настоящей осаде, которая требовала участия большинство их соединений.

Разгром итальянских войск в Египте был для Гитлера полной неожиданностью. Еще в ноябре он считал положение итальянцев настолько благоприятным, что рассчитывал на их наступление в недалеком будущем. Планировалось, что как только итальянцы захватят Мерса-Матрух, в нем примет участие сначала немецкая авиация. Кроме того, часть вооруженных сил г директиве от 12 ноября должна была находиться в готовности начать боевые действия на том или ином участке североафриканского театра. Сухопутной армии надлежало выделить для этой цели одну танковую дивизию и оснастить ее всем необходимым для использования в тропических условиях.

Немецкие торговые суда, находившиеся в итальянских портах, следовало подготовить для перевозки большого количества войск в Ливию.

Германские военно-воздушные силы должны были нанести удар по Александрии и

заминировать Суэцкий канал, чтобы по нему не могли проходить английские суда. Если бы все эти мероприятия были осуществлены лишь несколькими месяцами раньше во взаимодействии с итальянцами, то события в Северной Африке приняли бы совсем иной оборот. Однако неожиданное поражение в декабре коренным образом изменило обстановку. Помощь Германии, запланированная для развития успешного наступления, служила теперь лишь средством предотвращения катастрофы.

Поскольку приготовления к использованию сухопутных немецких войск еще не были закончены, а итальянцы, со своей стороны, все еще хотели из соображений престижа обойтись без помощи немецких войск, поддержка пока могла быть осуществлена только авиацией, 10-й немецкий авиационный корпус был срочно переброшен в Сицилию и сразу принес заметное облегчение. Это почувствовала в первую очередь британская эскадра в Александрии, которая до сих пор беспрепятственно оказывала с моря существенную поддержку продвижению английских войск, действовавших недалеко от побережья, а также помогала их снабжению. Захваченные англичанами порт и остров Мальта были заминированы поставленными немецкой авиацией магнитными и акустическими минами. Самолеты атаковали на бреющем полете английские военные корабли и суда, осуществлявшие снабжение войск вдоль побережья. Проводку конвоев через Средиземное море пришлось прекратить после того, как при последней попытке авианосец «Илластриес» был тяжело поврежден, а крейсер «Саутгэмптон» потоплен. Суэцкий канал был так сильно заминирован, что судоходство по нему до конца марта было прекращено и смогло возобновиться лишь после того, как канал был протрален прибывшими из Южной Африки минными тральщиками.

Но действия немецких авиационных соединений приобрели этот широкий размах только через несколько месяцев, и, естественно, одна авиация не могла вывести итальянцев из критического положения. Другая директива германским вооруженным силам от 11 января 1941 г. считала «помощь Германии на Средиземном море, где Англия ввела против союзников превосходящие силы, необходимой из стратегических, политических и психологических соображений». Сухопутные войска получили приказ сформировать «заградительное соединение», которое должно было оказать итальянским союзникам действительную помощь, прежде всего при отражении атак английских танковых соединений. Его переброска в Северную Африку планировалась на конец февраля, в связи с тем, что перед этим туда должны были прибыть еще одна итальянская танковая и одна моторизованная дивизии.

19 и 20 января Гитлер и Муссолини вели переговоры, в которых приняли участие их военные советники. Итальянцы все еще надеялись на то, что Тобрук окажет более длительное сопротивление, чем павшая 5 января Бардия, и что малочисленная пехотная дивизия вместе с бригадой, усиленной танками, сможет восточнее Дерны активными действиями остановить продвижение англичан. Итальянцы полагали, что таким образом им удастся удержать западную Киренаику до тех пор, пока из Италии не придет пополнение. Но Муссолини на этот раз уже не возражал против отправки немецких сухопутных войск, хотя еще в ноябре прошлого года он сам дал указание начальнику генерального штаба итальянских вооруженных сил ни при каких обстоятельствах не принимать предложения немцев об отправке в Африку их танковых дивизий. Характерно, что тогда он заявил: «Если только немцы у нас утвердятся, мы от них никогда не отделаемся».

Вскоре оказалось, что итальянцы, как этого и опасались немцы, слишком заблуждались в оценке своего положения и теперь крайне нуждаются в немецкой помощи. 22 января гарнизон Тобрука сложил оружие. В Бардии и Тобруке англичане взяли в плен 75 тыс. человек, захватили 700 орудий и 207 танков. Упорное сопротивление в Тобруке задержало англичан дольше, чем они того ожидали. Теперь у них было достаточно сил, чтобы начать решительные действия с целью завоевания Киренайки. Слабые итальянские силы восточнее Дерны и близ Эль-Мекили не могли помешать англичанам осуществить свои замыслы. Итальянцы даже не пытались вести, как это первоначально планировалось, активные действия против продвигающихся вперед англичан. Командующий английскими войсками воздержался от фронтального наступления на итальянскую дивизию, оборонявшую сильную позицию восточнее Дерны, и решил двинуться в обход через Эль-Мекили. Находившиеся там итальянцы отступили, и англичане, развивая успех, вышли к Бенгази. Ним самым все итальянские силы,

которые еще оставались к западу от Бенгази, были отрезаны. Когда они сделали попытку пробиться к Бенгази, англичане атаковали их на прибрежном шоссе и вынудили капитулировать. Было захвачено 20 тыс. пленных, 120 танков и 210 орудий.

С 9 декабря 1940 г. по 7 февраля 1941 г. англичане почти полностью уничтожили восемь итальянских дивизий, взяли в плен 130 тыс. человек, захватили 470 танков и свыше 1300 орудий. Их собственные потери составили 500 человек убитыми, 1373 ранеными и 55 пропавшими без вести. Достигнуть больших успехов помешало только то, что по политическим соображениям Черчилль считал крайне необходимой переброску британских сухопутных войск в район Юго-Восточной Европы. Поскольку англичане на Среднем Востоке не имели больше сил, армия в Ливии была ослаблена и ей было приказано перейти к обороне.

Этого сравнительно благоприятного оборота событий еще нельзя было предвидеть, когда Гитлер в начале февраля был вынужден вновь подумать о том, что еще можно сделать для поддержки итальянцев. 3 февраля во время совещания с главнокомандующими видами вооруженных сил, которое главным образом касалось подготовки войны против России, он выразил мнение, что хотя с военной точки зрения потерю Северной Африки и можно перенести, но такая потеря непременно окажет сильное моральное воздействие на итальянцев. Он считал даже возможным выход Италии из союза ввиду угрозы того, что после захвата Северной Африки Англия начнет бомбардировки итальянских городов. В таком положении могли помочь только решительные меры. Поэтому на совещании было определено следующее. Немецкая авиация, используя тяжелые бомбардировщики, должна будет нанести удар по английским войскам в Киренаике, а также нарушить английские морские перевозки, наряду с этим она будет вести борьбу с английским флотом и стремиться подавить сопротивление защитников Мальты. Итальянские истребители должны быть отданы в распоряжение немцев. Итальянцам предложили, чтобы все перебрасываемые в Ливию немецкие подвижные соединения и действующие там итальянские подвижные соединения находились под общим немецким командованием, планировалось, что немецкое «заградительное соединение», выгрузка которого в итальянских портах была намечена на 22 февраля, будет усилено танками, вслед за ними будет как можно скорее направлена одна танковая дивизия и затем немедленно создан штаб корпуса для руководства боевыми действиями.

Было симптоматично то, что эти решения во время совещания по вопросу войны с Россией принимались как-то между прочим. Северная Африка оставалась для Гитлера мешающим второстепенным театром военных действий, которому он хотя и придавал большое психологическое значение, но не считал его решающим с военной точки зрения. Об этом свидетельствовало также его обоснование необходимости оказать итальянцам помощь. Намечаемая теперь помощь была достаточной, чтобы не только стабилизировать положение в Северной Африке, учитывая ослабление англичан, но даже добиться его изменения в свою пользу.

Поскольку одновременно предстояло использовать немецкие войска и для восстановления положения на Балканах – втором очаге войны, возникшем в связи с провалом наступления итальянцев, – положение на Средиземном море складывалось для последних не так неблагоприятно, как этого опасались вначале.

Но в Восточной Африке, где итальянцы были предоставлены самим себе и англичане обладали полным господством на море, уже теперь наступил решительный перелом.

Потеря Итальянской Восточной Африки

При энергичной помощи Индии и Южной Африки англичане в последние месяцы 1940 г. собрали достаточное количество сил для захвата отрезанных от своей метрополии итальянских колоний в Восточной Африке. Чтобы подготовить операцию и заставить итальянцев расплыть свои численно превосходящие силы, англичане всеми средствами разжигали волнения в еще не совсем умиротворенной Абиссинии.

Для захвата Эритреи они сосредоточили в Судане 5-ю индийскую дивизию. После победы над Грациани в Северной Африке и еще до того, как положение в Греции стало критическим, в Судан была переброшена и 4-я индийская дивизия. Целью наступления было захватить Массауа, единственный порт колонии на Красном море. 19 января индийские войска перешли в нескольких местах границу. Направление их главного удара проходило в центре. Вначале они

быстро продвигались вперед, но затем наступление было остановлено близ Керен, чрезвычайно сильном укрепленном пункте в горах. Почти два месяца продолжали сопротивление итальянские войска. Лишь после планомерного изматывания сил итальянцев на фронте и в результате удара во фланг, который нанесла проникшая в Северную Эритрею английская колонна, сопротивление было окончательно сломлено. 27 марта был взят Керен. 10 итальянцам удалось отойти на юг. 1 апреля пала Асмара, 6 апреля англичане достигли Массауа. После этого колония практически оказалась в их руках.

1-я южноафриканская и 11-я и 12-я африканские дивизии в конце января были готовы к наступлению на Итальянское Сомали и южную границу Абиссинии. Решающее значение имело наступление моторизованной африканской бригады вдоль побережья. 24 января англичане начали наступление и, методически продвигаясь вперед, до 18 февраля заняли район западнее реки Джуба. После этого для захвата порта Могадишо была выделена моторизованная бригада. Стремительно пройдя 120 км, она 25 февраля заняла город. Ввиду слабого сопротивления итальянцев английское командование решило немедленно повернуть войска на север и перенести военные действия в самый центр Абиссинии. Через восемь дней был взят Дагабур, отстоявший на 900 км от того места, где английские войска впервые вошли в соприкосновение с противником. 17 марта неудержимо продвигавшаяся колонна англичан захватила Джиджигу. Теперь они могли снабжаться из порта Бербера, так как их коммуникации растянулись на 2500 км. Этот порт был занят десантной частью, сформированной в Адене.

Целью англичан был теперь Харар, второй по величине город Абиссинии. Но предстояло еще преодолеть проход Марда, который является очень выгодной для обороны позицией. К своему удивлению, англичане не встретили там почти никакого сопротивления и 25 марта находились уже в Хараре. С начала наступления из Могадишо ровно за четыре недели было пройдено 1500 км. Теперь англичане непрерывно продолжали двигаться к Аддис-Абебе, столице Абиссинии, в которую вступили 4 апреля.

Уцелевшие итальянские войска отступили на север и соединились в труднодоступном горном массиве Аладжи с вытесненными из Эритреи частями.

Англичане были крайне заинтересованы в том, чтобы быстрее завершить военные действия в Абиссинии. К этому времени греки оказались в крайне затруднительном положении, а в Северной Африке появился Роммель, в связи с чем войска, действовавшие в Абиссинии, были крайне необходимы. Поэтому с точки зрения войны в целом для [181 – Схема 10] держав оси имело очень большое значение, что итальянцам, упорно сражавшимся под командованием герцога Аоста, удалось кое-как продержаться до середины мая. 18 мая они вынуждены были капитулировать. В знак признания их храбрости и рыцарского ведения войны им было оставлено личное оружие.

Успех англичан был омрачен серьезными неудачами на Балканах и в Северной Африке. Очевидно, они сразу хотели добиться слишком многого. Для итальянцев потеря их колониальной империи в Восточной Африке, к которой принадлежала и Абиссиния, завоеванная лишь несколько лет тому назад ценой тяжелых материальных жертв итальянского народа, была весьма болезненной. Лишь успехи, достигнутые итальянскими войсками на Балканах и в Северной Африке благодаря помощи Германии, несколько ослабили горечь этой потери.

Первая победа Роммеля

Командование немецким «заградительным соединением», формирование и усиление танками которого начали в начале года, было поручено генералу Роммелю. Он особенно отличился во время военных действий во Франции, столь же смело, сколь и успешно командуя 7-й танковой дивизией.

Деятельность такого выдающегося человека, как Роммель, в течение почти двух лет накладывала свой отпечаток на военные действия в Северной Африке, а сам он стал легендарной личностью в глазах не только своих друзей, но и врагов. 6 февраля Роммель был принят Гитлером и Браухичем. Кроме 5-й легкой дивизии, уже подготовленной к отправке в Ливию, ему к концу мая обещали перебросить еще 15-ю танковую дивизию. До ее прибытия он должен был препятствовать тому, чтобы итальянцы отошли с достигнутых ими позиций у залива Сидра до Триполи. 11 февраля он прибыл в Рим, где впервые встретился со своими

итальянскими начальниками, с которыми у него позже было много острых разногласий, и в тот же день вылетел в штаб немецкого 10-го авиационного корпуса. Там Роммель настоятельно потребовал немедленных действий крупными силами против английской базы снабжения в Бенгази. На следующий день он прибыл в Триполи. В этом городе он встретился с итальянским генералом Гарибальди, который принял командование итальянскими войсками вместо ушедшего в отставку маршала Грациани.

Роммель увидел, что всюду царит подавленное настроение. На фронте было затишье, но люди целиком находились под тяжелым впечатлением сокрушительных поражений в предыдущие месяцы.

Роммель решил вывести итальянцев из их летаргического состояния. Когда 14 февраля в Триполи были выгружены первые части 5-й немецкой легкой дивизии, он немедленно бросил их на фронт, сам принял командование ими и передал им свой энтузиазм. Несколько удачно выполненных немецкими частями боевых задач убедили Роммеля в том, что он имеет дело с противником, ставшим очень осторожным. Во время беседы с Роммелем главнокомандующий итальянской сухопутной армией предостерегал его не начинать наступления на Аждабадию, куда англичане между тем отошли, раньше конца мая, когда должна будет прибыть 15-я танковая дивизия. Несмотря на это предостережение, Роммель решил уже в конце марта предпринять наступление с ограниченной целью, чтобы получить благоприятную позицию в юго-восточном углу залива Сидра.

К этому времени боеспособность английской 8-й армии сильно уменьшилась. Имевшая большой боевой опыт 6-я австралийская дивизия была переброшена в Грецию и заменена еще не обстрелянной 9-й австралийской дивизией. 7-я танковая дивизия находилась в Египте, где она отдыхала и получала пополнение. Ее место заняла 2-я танковая дивизия. Она также не была полностью готова к боям, ее танки – частично это были трофейные итальянские машины – имели большие технические недостатки.

Вследствие отправки большого количества автотранспортных средств подвоза в Грецию предметы снабжения приходилось подвозить силами войскового транспорта. Это было очень тяжело, тем более, что базой снабжения служил Тобрук, от которого войска находились на расстоянии 500 км. Дело в том, что с момента прибытия в Северную Африку 10-го авиационного корпуса в воздухе господствовали немцы. Поэтому от использования Бенгази, с прикрытия которого были сняты самолеты и зенитная артиллерия и направлены в Грецию, в качестве базы снабжения пришлось отказаться.

Когда в конце марта в Северную Африку прибыла 5-я немецкая легкая дивизия, 9-я австралийская дивизия без одного полка, оставленного в Тобруке, и главные силы 2-й английской бронетанковой дивизии занимали позиции восточнее Эль-Агейлы, в непосредственной близости от города. В начале марта английский главнокомандующий генерал Уэйвелл, несмотря на отправку части сил в Грецию, еще не считал положение угрожающим. Ему было известно, что две итальянские дивизии и одно немецкое соединение, численность которого он считал равной примерно одному усиленному танковому полку, прибыли в Триполи. Этих сил, по его мнению, хватило бы самое большее на то, чтобы отеснить англичан до Аждабадии. На продвижение противника до Бенгази он не рассчитывал. Далее, он считал, что потребуются по меньшей мере два месяца для переброски двух немецких дивизий в Триполи, и что тогда возможности порта Триполи как базы снабжения будут полностью исчерпаны.

Наступление в жаркое время года казалось ему в высшей степени невероятным. Поэтому до конца лета, по мнению Уэйвелла, наступления итало-немецких войск не будет, а, возможно, его удастся оттянуть еще дальше атаками на конвои противника в Средиземном море. В конце марта Уэйвелл на основании новых сведений, а также ввиду энергичных действий немецких войск оценивал положение как уже более серьезное, но надеялся на то, что численность немецких сил сильно преувеличивается и что он, хотя и с некоторым трудом, сможет продержаться в течение нескольких месяцев, а к тому времени положение в Греции улучшится или придут новые силы в Египет.

Нельзя считать, что Уэйвелл был совсем неправ в своей оценке обстановки. Наступление с ограниченной целью, начатое Роммелем 31 марта против английских войск перед Аждабадией,

только благодаря неожиданно удачной местной обстановке и смелого продвижения, на которое английский главнокомандующий не мог рассчитывать, вылилось в крупное наступление, запланированное Роммелем лишь на конец мая.

Когда вечером 31 марта наступление привело к полному успеху, и воздушная разведка на следующее утро подтвердила отступление англичан на Аджедабию, Роммель, как он сам выразился, не мог больше устоять перед искушением использовать благоприятный случай и решил наступать на Аджедабию. Этот удар также был успешным, англичане отошли в направлении на Бенгази. Явное стремление англичан уклониться от всякого решающего боя навело Роммеля на смелую мысль захватить также всю Киренаику. Роммель не захотел считаться с выраженным в резкой форме мнением итальянского главнокомандующего, которому он подчинялся и который, ссылаясь на полученное им из Рима указание о ведении исключительно оборонительных действий, настаивал на немедленном прекращении наступления. Он теперь твердо решил преследовать отступающего противника по пятам.

Прошло несколько тревожных дней. 4 апреля порт Бенгази уже был в руках немцев, но английская танковая дивизия находилась еще где-то в районе между Завиет-Мсус и Эль-Мекили в то время, как 9-я австралийская дивизия отступала к Дерне. Чтобы уничтожить ее, Роммель направил 5-ю легкую дивизию на Мекили, а менее крупную часть сил – на Завиет-Мсус для параллельного преследования. Итальянцы должны были наступать вдоль прибрежного шоссе. Немецкие войска, еще не привыкшие ориентироваться в пустыне, нередко сбивались с нужного направления, нехватка горючего часто замедляла продвижение, песчаные бури разъединяли колонны. Но и у противника была не меньшая неразбериха. Необычное отступление, местами проходившее в очень быстром темпе, привело к тому, что управление английскими войсками оказалось нарушенным, 2-я бронетанковая дивизия, находившаяся в районе Эль-Мекили, попала в затруднительное положение с горючим. Дальнейшие неудачи усилили путаницу у противника, который всюду подвергался ударам немцев, применявших очень гибкую тактику. Когда командующий английской армией генерал Ним вместе со своим предшественником генералом О'Коннором в ночь с 5 на 6 мая хотели сменить командный пункт близ прибрежного шоссе, они были атакованы моторизованным немецким дозором. Бои продолжались еще до 8 апреля. Хотя после их завершения основным силам австралийской дивизии удалось уйти по прибрежному шоссе, все же 2-я бронетанковая дивизия и индийская бригада, спешно переброшенная из Тобрука, были остановлены в районе Эль-Мекили и после тщетных попыток прорваться уничтожены. Другим частям, еще пытавшимся отойти к Дерне, немецкие войска отрезали пути отхода.

Теперь в распоряжении англичан, кроме спешно собранных небольших сил у ливийско-египетской границы, имелись только отступившая к Тобруку австралийская дивизия и стоявшая в Египте 7-я бронетанковая дивизия. Главнокомандующий английскими войсками решил сосредоточить основную массу сил в Тобруке, хорошо укрепленном итальянцами, и, если потребуется, вести бой даже в окружении. Английские войска преграждали важное прибрежное шоссе, сковывали основные силы противника и таким образом могли лучше всего воспрепятствовать вторжению Роммеля в Египет. Снабжение английских войск в Тобруке предполагалось осуществлять по морю. 7 апреля 7-я английская бронетанковая дивизия прибыла в Тобрук, 11 апреля эта крепость была окружена Роммелем. Английская эскадра в Александрии делала отчаянные усилия, чтобы воспрепятствовать притоку новых немецких сил и подвозу горючего, боеприпасов и продовольствия в Триполи. 15 апреля английским эскадренным миноносцам удалось перехватить конвой и потопить несколько транспортов и три итальянских эскадренных миноносца. 21 апреля английский адмирал с целью облегчить положение английских войск решился даже появиться перед Триполи с тремя линкорами и одним крейсером, чтобы обстрелять порт и потопить стоявшие там суда. Благодаря нежеланию итальянского флота вступать в борьбу и тому, что внимание немецкой авиации в эти дни было обращено в первую очередь на Грецию, этот безумно храбрый план удался. Он был навязан отрицательно относившемуся к нему адмиралу Черчиллем, который даже подал мысль потопить старый линкор для заграждения входа в порт Триполи, настолько серьезным он считал положение в Северной Африке. Черчилль не мог предполагать, что германское верховное командование удовлетворится неожиданными успехами, достигнутыми смелыми

действиями Роммеля, и теперь будет радо только тому, что не надо больше посылать силы на этот театр военных действий. Оно предполагало вернуться к нему лишь «после „Барбароссы“».

Черчилль, напротив, видел главную опасность в потере «фланговой позиции в Северной Африке», которая могла опрокинуть все английские планы ведения войны на Ближнем Востоке. Давно запланированный захват острова Родоса, использовавшегося авиацией противника в качестве базы, пришлось отставить. Кроме того, германо-итальянские аэродромы теперь и на побережье Северной Африки находились уже на 1000 км восточнее своих первоначальных мест расположения.

Господство в воздухе держав оси в восточной части Средиземного моря стало невыносимым для английского флота. По мнению англичан, для продолжения войны в этом районе имелись огромные возможности. Исходя из такой оценки обстановки Черчилль требовал от всех действовавших там морских, сухопутных и воздушных сил величайшего напряжения. Черчилль полагал, что делом чести для английского флота является совместно с авиацией парализовать морское сообщение между Италией и Триполи и нарушить таким образом снабжение войск противника в Северной Африке. Тобрук должен быть не только удержан при всех обстоятельствах, но находившиеся там войска следует так усилить пехотой и танками, чтобы они могли постоянно беспокоить противника и вынудить его перейти к правильной осаде. У ливийско-египетской границы должны развернуться чрезвычайно активные бои, которые заставят противника все время быть в напряжении; в ходе этих боев даже в самых мелких стычках нужно все время стремиться сохранять инициативу в своих руках.

Эти стремления англичан и не меньшая активность Роммеля привели к ряду последовательных боев, в которых обе стороны до конца мая пытались взять инициативу в свои руки. Роммель прилагал все силы, чтобы как можно скорее овладеть Тобруком, который являлся для него весьма большой помехой. Первая попытка внезапно захватить крепость 13 и 14 апреля не удалась. Тщательно подготовленная атака 30 апреля также не имела успеха вследствие ожесточенного сопротивления австралийцев и возросшей оборонительной мощи крепости; несмотря на воздушные налеты, минирование порта и подходов к нему, в Тобрук постоянно прибывало по морю из Александрии все необходимое. Потери английских торговых судов стали, наконец, такими тяжелыми, что от использования их пришлось отказаться. Однако посыльные суда и эскадренные миноносцы попрежнему доставляли защитникам крепости все, в чем они нуждались.

На границе между Ливией и Египтом англичане 15 мая предприняли наступление и временно продвинулись до Эс-Саллума и Ридотта-Капуццо. Роммель немедленно подготовился к ответным действиям и двумя днями позже отвоевал захваченные английскими войсками опорные пункты.

Только проход Хальфайя оставался еще в руках англичан. Как единственное место для переправы танков через горную гряду, простирающуюся на 35 км с северо-запада на юго-восток, этот проход имел важное значение для овладения всем районом. Роммель не хотел оставлять в руках англичан эти ворота, чтобы они не могли предпринять новое наступление. Проведенная 27 мая контратака имела полный успех. Попытки англичан отвоевать обратно перевал не удалась.

15 июня англичане еще раз попытались тщательно подготовленной атакой захватить обратно перевал и пограничные укрепления, чтобы после этого пробиться к Тобруку и освободить окруженную крепость. Они обошли горную гряду юго-восточнее прохода Хальфайя и продвинулись в северном направлении через Ридотта-Капуццо почти до Бардии. Но уже на второй день англичанам не удалось добиться сколько-нибудь существенного продвижения, так как против них была брошена 5-я немецкая легкая дивизия и только

что прибывшая из Германии 15-я танковая дивизия. Попытки англичан фронтальным ударом овладеть проходом Хальфайя также были отражены. Роммель искусно использовал обстановку, собрал силы против западного фланга продвинувшихся на север англичан и 17 июня предпринял наступление, которое было для англичан совершенно неожиданным. Они вынуждены были поспешно отступать на юг, чтобы избежать грозившего им уничтожения. Очевидно, они недооценили гибкость немецкого командования. Даже появление на поле боя

главнокомандующего английскими войсками, который еще надеялся придать борьбе благоприятный оборот, не могло исправить положения. От дальнейшего продолжения этого наступления, на которое возлагали вначале такие большие надежды, пришлось отказаться.

В последующие месяцы положение не изменилось. Силы Роммеля по-прежнему были ограниченными. Немецкая армия была более чем связана в России, а Италия, несмотря на первоначальные обещания выделить Роммелю значительное количество войск, не могла найти в себе сил для активного ведения войны. Англичанам требовались месяцы, чтобы пополнить свои разбитые соединения в Северной Африке, Греции и на Крите и снова сосредоточить в Египте многочисленные войска.

Генерал Уэйвелл, которого в последние месяцы преследовали неудачи, был заменен генералом Окинлеком. К счастью для Роммеля, Окинлек в скором времени тоже оказался под впечатлением выдающихся успехов немецкого Африканского корпуса и не сумел понять, что снабжение было слабым местом итало-немецких войск. Поэтому он отложил свое наступление на более длительное время, чем того требовала обстановка.

10. Действия немецких войск на Балканах

По экономическим и стратегическим соображениям для Германии было важно только то, чтобы положение в Юго-Восточной Европе оставалось спокойным. Мобилизация, широко развернувшаяся в некоторых Балканских государствах уже летом 1940 г., сократила производство сельскохозяйственных продуктов, избыток которых имел большое значение для снабжения Германии. Поэтому политика ослабления напряженности в этом районе полностью отвечала истинным интересам Германии. Подобная политика целеустремленно проводилась до осени 1940 г., но затем начали возникать другие идеи. Сближение с Румынией первоначально преследовало только оборонительные цели. Германия не могла допустить, чтобы Румыния подверглась опасности, так как от ее нефти зависела победа Германии в войне. Поэтому она охотно использовала напряженные отношения между Румынией и Россией и происшедшие в связи с этим политические изменения в Румынии как повод к тому, чтобы укрепить свои военные позиции в этой стране. Агрессивные цели Гитлера все больше выдвигались на первый план. В Юго-Восточной Европе ему нужно было создать такую обстановку, которая не только не помешала бы запланированной против Советского Союза войне, но, наоборот, даже благоприятствовала бы ей, поскольку некоторые страны Юго-Восточной Европы могли бы принять в ней активное участие. Кроме того, когда война между Италией и Грецией затянулась и стало ясно, что Италия сама не в состоянии добиться победы, прибавилась еще необходимость помочь Италии закончить эту войну.

Нельзя было допускать, чтобы Англия во время войны Германии против Советского Союза укрепились в Юго-Восточной Европе и начала военные действия против Румынии в воздухе или на суше. Таким образом, в Юго-Восточной Европе складывалось очень сложное положение. В начале октября в Румынии была учреждена германская военная миссия, которой официально была поручена реорганизация румынской армии. Кроме этого, Румынии была обещана поставка танков, тягачей, противотанкового и зенитного оружия, пулеметов, истребителей и прочего вооружения. Чтобы ускорить ознакомление румынской армии с новой техникой, начиная с 11 октября в Румынию началась переброска учебных частей немецких сухопутных войск (фактически, одной танковой дивизии) и авиации. Переброска этих частей должна была осуществляться через Венгрию, крайне не желавшую военного усиления своего соседа, к которому она, несмотря на Венский арбитраж, еще имела территориальные претензии. Но у Венгрии не было иного выхода, и она вопреки своим желаниям была вынуждена подчиниться воле Германии.

Решающим шагом к подготовке наступления на Грецию, запланированного на будущую весну, была директива № 20 от 13 декабря 1940 г., носившая кодовое наименование «Марита».

В этой директиве отмечается, что определить исход боевых действий в Албании пока еще не представляется возможным. Однако ввиду угрожающего положения в Албании вдвойне важно помешать намерениям англичан создать под защитой балканского фронта авиационную базу, представляющую опасность прежде всего для Италии, а также для нефтяных районов

Румынии.

Для этого в Южной Румынии в ближайшие месяцы нужно создать и затем постепенно усиливать ударную группу, которая с наступлением хорошей погоды в марте должна начать наступление через Болгарию для захвата северного побережья Эгейского моря, а если потребуются и всей материковой части Греции.

В состав этой группы выделяются уже находящаяся в Румынии 16-я танковая дивизия и в качестве первого эшелона еще семь дивизий. Должна быть предусмотрена переброска еще примерно 24 дивизий, а также подготовка саперными частями строительства моста через Дунай.

Обеспечение операции со стороны Турции возлагалось на болгарские войска, но усиленные частями немцев. Присмет ли Болгария участие в наступлении – это пока еще так же трудно сказать, как и предвидеть позицию Югославии.

Немецкая авиация должна оказывать поддержку сухопутной армии и по возможности принимать участие в захвате английских опорных пунктов на греческих островах путем высадки воздушных десантов.

Все необходимые на Балканах мероприятия должны проводиться с максимальной осторожностью. Прохождение воинских эшелонов через Венгрию и прибытие их в Румынию должно осуществляться постепенно, и его следует объяснять как усиление имеющейся там военной миссии.

Этой директивой были заложены основы ведения войны в Греции, которая позднее должна была вылиться в войну и против Югославии.

В январе 1941 г. положение итальянцев в Греции стало настолько критическим, что Гитлер собирался перебросить туда немецкие войска силою примерно до корпуса – одну горную дивизию и танковые части. При встрече с Муссолини 19 и 20 января, на которой было решено перебросить немецкие силы в Северную Африку, итальянцы охарактеризовали свое положение как «хотя и не настолько прочное, чтобы иметь твердую уверенность в возможности удержать существующую линию обороны, несмотря на все атаки греков, но все же достаточно надежное, чтобы избежать опасности того, что албанские порты будут потеряны». Поэтому помощь в Албании не являлась настоятельно необходимой. Самолюбивый Муссолини хотел обойтись собственными силами хотя бы на этом театре, где военные действия начались по его вине.

Для запланированной немцами операции против Греции пока еще не было необходимых военных и политических условий – согласия Болгарии на стратегическое развертывание немецких войск у болгаро-греческой границы.

В ходе переговоров между командованием предназначенной для проведения операции «Марита» 12-й армии и представителями болгарского генерального штаба, происходивших в феврале месяце, выяснилось, что Болгария отказывается принимать активное участие в войне против Греции или Югославии. Однако она обязалась направить к турецкой границе шесть дивизий. Немцы обещали, что в случае турецкого наступления немецкие танковые соединения и военно-воздушные силы немедленно начнут боевые действия, чтобы отвлечь силы противника от болгарской армии, и что они находятся в боевой готовности для выполнения этой задачи. У греческой и югославской границ на тех участках, где немецкое командование не предполагало наступать, Болгария хотела ввести пограничные войска.

За тайным военным соглашением последовало открытое изменение политического курса. В отличие от Румынии, Венгрии и Словакии Болгария до того времени отказывалась присоединиться к пакту трех держав. Она боялась осложнений с Советским Союзом и с Турцией и принципиально проводила крайне осторожную политику по отношению ко всем своим соседям. С другой стороны, она принадлежала к странам, проигравшим первую мировую войну, и имела территориальные претензии к Греции, в руках которой находилась вся Фракия и удобные порты у побережья Эгейского моря.

Задолго до того, как Болгария сделала последний политический шаг, Англия развила на Балканах оживленную политическую деятельность. Гитлер был не так уже неправ, выражая в директиве от 13 декабря 1940 г. опасение, что Англия стремится создать балканский фронт. В конце января 1941 г. Черчилль обратился к президенту Турции Иненю и указал ему на

опасность, которая угрожает Турции, если Германия вступит в Болгарию, чего, по мнению Черчилля, следует с уверенностью ожидать. Болгарские аэродромы уже готовятся принять немецкие авиационные части. Поэтому он предложил турецкому президенту последовать примеру Болгарии и тоже предоставить свои аэродромы иностранным самолетам, но только английским. Тогда Турция будет иметь не только средство давления на Болгарию, чтобы заставить ее соблюдать нейтралитет, она сможет даже угрожать воздушными налетами на румынские нефтяные промыслы, в случае если Германия вступит в Болгарию. Может быть, эта угроза заставит Германию воздержаться от вмешательства в итало-греческий конфликт. Кроме того, Англия готова послать Турции 100 зенитных пушек, которые уже находятся на пути в Египет.

Турция не сомневалась в том, что английские предложения были не совсем бескорыстными. Она отказалась от предложенных ей авиационных частей по тем мотивам, что их численность является слишком небольшой и такая половинчатая мера только побудит Германию принять активные контрмеры.

Несмотря на этот отказ, Черчилль не оставил мысли создать балканский фронт, где Югославия, Греция и Турция вели бы совместные действия по единому плану. Это казалось ему единственной возможностью придать событиям на Балканах благоприятный для Англии оборот. Во всяком случае, обязательной предпосылкой для этого, как показал отказ Турции, была переброска крупных английских сухопутных сил в Грецию. По этой причине английский главнокомандующий в Каире получил в начале февраля приказ прекратить наступление в Северной Африке и держать все имеющиеся в его распоряжении силы в боевой готовности для операций в Европе. Эта задача была важнее всех других задач на Ближнем Востоке. Англичане отдавали себе отчет в том, что борьба с германскими вооруженными силами на европейском континенте означает опасную игру. Но Черчилль хорошо понимал и другое: без сильной поддержки со стороны Англии Балканские страны не будут вести активной политики. Эта цель являлась основной для Черчилля, которого никогда не оставляли воспоминания о первой мировой войне. Для ведения войны ему был нужен второй фронт, который по меньшей мере сковал бы часть пугавших его и нигде не связанных немецких сил. В надежде достигнуть второго фронта Черчилль упрямо шел по намеченному им пути, не вникая в предостережения своих военных советников.

Однако и все последующие ответы Турции были не лучше первого. Турция отвергла всякую помощь и решила защищаться только от непосредственного нападения.

Югославия в начале марта также отклонила предложение существенно изменить положение на Балканах внезапным вступлением в войну против итальянцев в Албании. Всюду считали мощь Германии слишком большой и настолько превосходящей всякую помощь, которую щедро предлагала Англия, что находили целесообразным соблюдать величайшую осторожность. Дипломатическое давление на Болгарию, оказанное Англией, Советским Союзом и Турцией, не имело никакого успеха. Но аргументы Германии оказались сильнее. 1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к пакту трех держав, 2 марта немецкие войска с согласия болгарского правительства переправились через Дунай, «чтобы выступить против английских замыслов расширения войны на Балканах и защитить болгарские интересы». Советский Союз в официальной ноте осудил действия Болгарии, не упомянув о Германии. Англия порвала с Болгарией дипломатические отношения.

Стратегическое положение Югославии в связи с вступлением немецких войск в Болгарию стало очень неблагоприятным. Теперь на севере и на востоке она была окружена Германией и государствами, принадлежащими к немецкому лагерю. Греция, граничащая с Югославией на юге, находилась в войне с Италией; кроме того, Греции угрожали немецкие войска, вступившие в Болгарию, так что и эта граница уже не являлась надежной. Политика Германии была направлена на то, чтобы втянуть Югославию в сферу своего влияния и побудить присоединиться к пакту трех держав. Однако на решения белградского правительства оказывали большое влияние внутривнутриполитические противоречия и внешнеполитическая обстановка. Решение правительства о присоединении к пакту трех держав было вынесено 20 марта весьма сомнительным большинством голосов: десять против трех при пяти воздержавшихся. Соглашение о присоединении к пакту было подписано 25 марта в Вене.

Одновременно Германия гарантировала границы Югославии и заверяла, правда, с некоторыми оговорками, что она не будет предъявлять никаких требований о переброске немецких соединений через Югославию во время войны.

Между тем в Белграде взяли верх подстрекаемые извне националистические круги, враждебно настроенные по отношению к политике держав оси. Когда югославские представители, подписавшие соглашение, возвратились из Вены, они были арестованы. В ночь с 26 на 27 марта в Белграде произошел государственный переворот, в результате которого правительство было свергнуто, а принц-регент Павел был вынужден покинуть страну. Служивший в авиации генерал Симович организовал военный путч, тщательно подготавливавшийся в течение нескольких месяцев по всей стране, создал новое правительство и посадил на трон еще несовершеннолетнего Петра II, сына убитого в октябре 1934 г. в Марселе короля Александра. В стране проходили бурные демонстрации, во время которых воспевалась политическая свобода и провозглашалась верность западным державам. Однако новое правительство было достаточно осторожным, чтобы не расторгать только что подписанное соглашение о присоединении Югославии к пакту трех держав. Все же относительно тайных симпатий правительства не могло быть сомнения.

Надежды Черчилля возросли. Он телеграфировал президенту Турции, что теперь наступил благоприятный момент создать общий фронт против Германии. Английскому министру иностранных дел Идену, который в то время вместе с начальником имперского генерального штаба генералом Диллом находился в Афинах, он сообщил, что Югославия, Греция, Турция и Англия имеют 70 дивизий. Немцы, по словам Черчилля, в лучшем случае могли бы выставить 30 дивизий, усиление которых они ввиду недостаточного количества дорог с большой пропускной способностью смогут осуществлять лишь очень медленно. Иден должен немедленно установить контакт с Турцией, генерал Дилл – отправиться в Белград для необходимых военных переговоров. Но Турция оставалась глуха и к новым аргументам. Генерал Дилл несколько дней пробыл в Белграде и сильно разочарованный возвратился 4 апреля в Афины.

Симовича никак нельзя было назвать волевым и решительным человеком, каким его считали англичане. Новые министры не хотели провоцировать войну с Германией, мощь которой довлела над ними, как кошмар. Югославская армия не была готова к войне, и прочного военного соглашения с Югославией, несмотря на все усилия генерала Дилла, достигнуть не удавалось. Черчилль, видя нерешительность Югославии, хотел спасти хотя бы то, что еще можно было спасти, и обратился лично к Симовичу.

Он убедительно изложил ему грозящую со стороны Германии опасность, которая, по мнению Черчилля, могла быть уменьшена только немедленным превентивным наступлением Югославии на Албанию. Югославия сможет захватить богатые трофеи и занять удобное исходное положение для ведения неизбежной войны против Германии.

В то время как англичане делали эти бесплодные попытки привлечь на свою сторону Балканские государства, Гитлер решил распространить военные действия против Греции, намеченные на начало апреля, и на территорию Югославии. Эта была одна из тех молниеносных реакций, которые больше всего соответствовали его темпераменту и для осуществления которых он располагал безотказно работающей военной машиной.

Еще вечером в день белградского государственного переворота в ставке Гитлера происходило совещание с главнокомандующими сухопутными и военно-воздушными силами и их начальниками штабов. Гитлер открыл совещание весьма огорчительным для него и, как выяснилось позже, чреватых тяжелыми последствиями сообщением, что начало операции «Барбаросса» должно быть отложено на пять недель. Обсуждение сложившейся обстановки нашло свое выражение в изданной затем директиве № 25. Эта директива констатировала, что военный путч в Белграде изменил политическое положение на Балканах. Югославию, даже если она и заявит о своей лояльности, следует рассматривать как противника, и поэтому она должна быть как можно скорее разгромлена.

Концентрическими ударами из района Фиуме, Грац и из района Софии в направлении на Белград и южнее следует вторгнуться в Югославию и уничтожить югославские вооруженные силы. Кроме того, необходимо отрезать южные районы страны от остальной ее части и

захватить их как плацдарм для германо-итальянского наступления на Грецию. Нужно было стремиться также привлечь для участия в операции Венгрию и Болгарию, указав им на возможность получить обратно Банат и Македонию.

Для осуществления этой операции были даны следующие указания.

Военно-воздушные силы должны были непрерывными дневными и ночными бомбардировками разрушить югославские аэродромы и Белград, как только будут сосредоточены достаточные силы и позволит состояние погоды

Сухопутная армия по возможности одновременно с ударами авиации начинала операцию против Греции с задачей захватить район Салоник и использовать благоприятные возможности для продвижения до Олимпа. Наступление из района северо-западнее Софии должно было вестись более крупной частью сил в северо-западном направлении на Ниш, остальными силами – из района Кюстендил и южнее на Скопле. Для этой цели планировалось привлечь все имеющиеся в распоряжении войска в Болгарии и Румынии. Для охраны нефтяных районов Румынии предполагалось оставить только одну дивизию и достаточные силы противовоздушной обороны. Обеспечение болгаро-турецкой границы возлагалось на Болгарию; за болгарскими частями должна была находиться в боевой готовности немецкая танковая дивизия.

Хотя силы, предусмотренные для операции против Греции, и были готовы начать боевые действия, но для развития удара через южный выступ Югославии их следовало перегруппировать и усилить, а часть других девяти дивизий, необходимых для наступления на Югославию, следовало еще перебросить по железной дороге. Поэтому день начала операции еще не мог быть точно установлен. Главнокомандующий сухопутными силами высказал на совещании мнение, что наступление на Грецию может начаться 1 апреля, а наступление остальных сил – между 3 и 10 апреля, в зависимости от окончания их стратегического развертывания.

После того как немецкие планы были окончательно утверждены, Гитлер в письме, отправленном Муссолини вечером 27 марта, сообщил ему, что ожидает помощи со стороны Италии, и «одновременно сердечно просил» не предпринимать больше никаких операций в Албании, а всеми имеющимися силами прикрывать важнейшие проходы на югославско-албанской границе, чтобы предотвратить могущие возникнуть в течение ближайших двух-трех недель осложнения, и, наконец, как можно скорее и всеми средствами усилить итальянские войска на югославско-итальянском фронте.

Муссолини ответил на письмо Гитлера, которое было написано в подчеркнуто настойчивом тоне и точно определяло возможную угрозу со стороны Югославии, с хорошо разыгранным спокойствием. Он сообщил, что приказ о прекращении наступательных действий в Албании отдан, что оборонительные мероприятия против Югославии начались и что дано распоряжение снять с Восточных Альп семь дивизий и перебросить на восточную границу, где уже находились шесть дивизий.

Политические усилия Гитлера привели к согласию Венгрии десятью бригадами принять участие в операции начиная с 14 апреля и подчинить свои соединения немецкому командованию. Болгария же никак не могла решиться на активное участие в войне.

К 30 марта уже имелось представление о продолжительности стратегического развертывания, что позволило наметить следующие сроки проведения операции.

5 апреля. Начало наступления на Грецию, одновременно удар на Скопле и налеты авиации на югославские аэродромы и Белград.

8 апреля. Удар на Ниш.

12 апреля. Удар из района Грац.

Эти сроки были в основном выдержаны.

В тот же день главное командование сухопутных сил отдало приказ на наступление против югославских войск и издало дополнительную директиву о наступлении на Грецию. Расположение сил и их задачи соответствовали изданной 27 марта директиве № 25.

Ожидалось, что югославская армия будет вести только оборонительные действия. Рассчитывали также и на то, что ввиду национальных противоречий в стране югославы ограничатся обороной основных областей с сербским населением и будут там оказывать в горах

упорное сопротивление даже после потери своих главных коммуникаций.

12-я армия фельдмаршала Листа, наступавшая на Грецию и наносившая удары на Скопле и Белград, имела шесть корпусов, в состав которых входили три танковые дивизии, две моторизованные дивизии, восемь пехотных дивизий, три горные дивизии, полк «Великая Германия» и дивизия СС «Адольф Гитлер».

Крупные подвижные соединения, наступавшие на белградском направлении, были объединены в 1-ю танковую группу под командованием генерал-полковника фон Клейста. 2-я армия генерал-полковника фон Вейхса, развертывавшаяся у северной границы Югославии, имела один танковый корпус в составе двух танковых дивизий и одной моторизованной дивизии и три армейских корпуса, состоявших из шести пехотных и одной торной дивизии.

Черчилль оценил численность немецких войск довольно точно. Но стремительное и мощное немецкое наступление опрокинуло все его надежды относительно дальнейшего хода событий.

Уничтожение югославских вооруженных сил

5 апреля, за день до того, как немецкие войска развернули наступление, Советский Союз и Югославия заключили пакт о дружбе и ненападении, который, по-видимому, подготавливался еще прежним правительством. Этот договор гласил, что в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, другая договаривающаяся сторона обязуется сохранять дружественные отношения со своим партнером по договору.

С военной точки зрения, договор не принес никакой пользы Югославии, которой грозило уничтожение. С политической точки зрения в нем заключалось предостережение Германии и открытое неодобрение ожидаемого выступления. Впервые Советский Союз официально отмежевался от своего партнера по договору 1939 г. Такая позиция еще более утвердила Гитлера в его намерениях против Советского Союза. Для его планов против Югославии этот недружеский жест не имел ровно никакого значения.

6 апреля германское правительство объявило, что немецкие войска были вынуждены в прошлую ночь вступить в Грецию и Югославию, чтобы окончательно изгнать Англию из Европы. В нотах, направленных этим обоим государствам, был, между прочим, брошен упрек в том, что начиная с 1939 г. они совершили ряд враждебных по отношению к Германии актов. Германия, указывалось в нотах, пыталась сохранить мир на Балканах, в то время как Англия постоянно стремилась его нарушить. В Югославии якобы действовала преступная заговорщическая клика, Греция питала явные симпатии к Англии и дала последней возможность создать новый фронт в Европе. Далее в нотах говорилось, что Германия не имела намерения выступать против народов Югославии и Греции, но теперь ее терпение истощилось, и англичане, находящиеся в этих странах, должны быть оттуда изгнаны.

Италия, которая уже вела войну с Грецией, присоединилась к выступлению Германии против Югославии.

Одновременно с наступлением на Грецию начались – сначала на юге и только силами авиации – военные действия и против Югославии, которая не была к этому подготовлена. Из ее 17 пехотных и 3 кавалерийских дивизий в конце апреля лишь две трети были доведены до штатов военного времени. Официальная мобилизация была намечена на 9 апреля. Затем собирались сформировать 13 резервных дивизий. Полностью отмобилизованы были только кадровые дивизии, стоявшие на болгарской границе и входившие в состав 3-го военного округа и 5-й армии{13}, а также некоторое количество пограничных частей. Войска 3-го военного округа, 5-й и 3-й армий, которые развертывались у северной границы Албании, входили в 3-ю армейскую группу. Между Железными Воротами и рекой Драва в районе Барча предполагалось развернуть 2-ю армейскую группу, состоящую из 6-й, 1-й и 2-й армий. Далее на запад до Риека (Фиуме) развертывалась 1-я армейская группа, в которую входили 4-я и 7-я армии. Две дивизии должны были захватить итальянский порт Задар.

Замысел югославского командования сводился к тому, чтобы оборонять восточную и северную границу и во взаимодействии с греческими войсками нанести удар по итальянским армиям в Албании. Таким образом, английский нажим все же оказал свое действие.

Югославская сухопутная армия, с точки зрения немцев, была вооружена недостаточно

хорошо. Она совсем не имела танков, а из 1000 самолетов для использования на фронте были пригодны не более 300. Противотанкового и зенитного оружия было очень мало. Внутриполитические противоречия между сербами и хорватами проявились уже во время запоздалой мобилизации: 30-40 процентов призывников не явились на призывные пункты.

С военной точки зрения имелась только одна возможность для того, чтобы югославская армия могла вести боевые действия вместе с греками и англичанами: создание фронта на юге страны между греко-болгарской границей на востоке и греко-итальянским фронтом на западе. Это решение означало бы почти полное оставление страны на произвол судьбы и с психологической точки зрения было невозможным для югославских правителей. Они приняли другое решение, которое привело к уничтожению всей армии и к молниеносной победе Германии. Последняя затмила даже результаты осенней кампании на Балканах в 1915 г., достигнутые, правда, в значительно более трудных условиях.

5 апреля 12-я немецкая армия закончила перегруппировку и смогла на следующий день начать боевые действия одновременно против Греции и Югославии. Ее танковые и пехотные дивизии в трех местах перешли болгаро-югославскую границу, обороняемую войсками 3-го военного округа, и начали продвижение к реке Вардар. На южном фланге подвижные соединения, продвигаясь по долине реки Струмица, достигли района северо-западнее Дойранского озера и повернули здесь на Салоники для решающего удара по западному флангу греческой Восточномакедонской армии. Одна пехотная дивизия продвинулась по долине реки Брегалница к реке Вардар, одно из подвижных соединений достигло важного узла дорог Скопле в долине реки Вардар. В результате этих ударов в течение двух дней были рассеяны соединения 3-й югославской особой армии и обеспечена свобода оперативного маневра для соединений, действующих против Греции.

В то время как 6 апреля для срыва стратегического развертывания югославских вооруженных сил немецкая авиация начала наносить удары по путям сообщения противника и особенно по Белграду, на остальных участках фронта в первые дни проводились лишь небольшие атаки, так как 2-я немецкая армия еще не закончила свое развертывание. 8 апреля начался второй этап наступления, целью которого было уничтожение югославской армии. Кроме того, чтобы облегчить положение итальянцев в Албании, необходимо было как можно скорее установить с ними связь. Решающие бои развернулись вначале в трех различных районах: на юге – в районе Скопле, на восточной границе – северо-западнее Софии, на северо-западе – в Хорватии и Словении.

Подвижные соединения, действовавшие на юге, повернули западнее Дойранского озера на Салоники. Соединения, наступавшие по долине реки Брегалница и на Скопле, направили одну танковую дивизию также на юг, на Прилеп, и 10 апреля их передовые отряды установили связь с итальянцами у Охридского озера. Затем они продолжали продвижение в западном направлении севернее Охридского озера, чтобы облегчить положение итальянцев, которые под натиском четырех югославских дивизий постепенно отходили за реку Дрин. Другие силы, повернувшие из района Скопле и восточнее на север, встретили у Вране и в верхнем течении реки Ибар сильное сопротивление югославских войск и не смогли сломить его вплоть до окончания кампании.

Зато полным успехом увенчалось наступление 1-й танковой группы, предпринятое из района северо-западнее Софии против южного фланга 5-й югославской армии. Наступление по обе стороны железной дороги София-Ниш, проводимое при эффективной поддержке крупных сил артиллерии и авиации, развивалось очень быстро и уже в первый день привело к прорыву. Этот успех немцев так сильно повлиял на командующего 5-й югославской армией, что он решил тотчас же отвести всю свою армию за реку Морава. Но полностью выполнить это решение югославам не удалось. Утром 9 апреля немецкие танки ворвались в город Ниш и немедленно начали продвигаться дальше на север по долине реки Морава.

В течение трех последующих дней 1-я танковая группа вела исключительно смелые действия, наступая по долине реки Морава. Пройдя сквозь самую гущу войск противника, частично отходящих через реку Морава, частично находившихся еще восточнее реки, немецкие танки вечером 11 апреля подошли к Белграду с юго-востока на расстояние 80 км. Здесь они натолкнулись на южный фланг отходившей 6-й армии противника, который на следующий день

был ими смят. К исходу дня их головные части стояли уже на высотах южнее Белграда. Обе армии противника, фронт которых был прорван, были настолько ошеломлены и дезорганизованы, что у них не нашлось сил задержать продвигавшиеся вперед немецкие соединения или перерезать их коммуникации на двухсоткилометровом участке между городами Ниш и Белград. Войска второго эшелона 12-й немецкой армии повернули из района восточнее Ниш против частей 5-й югославской армии, еще остававшихся на восточном берегу реки Морава, и вскоре рассеяли их.

В то время как немецкие танки 12 апреля стояли южнее Белграда, передовые подразделения немецкой танковой дивизии из состава, 2-й армии, двигаясь с северо-запада, достигли столицы противника. Они прошли большой путь, так как 2-я армия перед началом военных действий сосредоточивалась у северо-западной границы Югославии в Штирии и Венгрии. Когда началась война, 2-я армия еще только разворачивалась. Лишь некоторые ее части перешли границу Югославии с Германией и Венгрией и, продвигаясь в южном направлении, очистили от противника выступ границы севернее реки Драва. 46-й танковый корпус, сосредоточившийся в Венгрии, смелой атакой захватил мост через Драву в районе Барч и создал плацдарм для последующего продвижения. Этих немногих атак было уже достаточно, чтобы вызвать панику в сформированных главным образом из хорватов соединениях 4-й и 7-й югославских армий. Кое-где вспыхнули мятежи хорватов, которые в немецких солдатах видели своих освободителей от сербского ига. Разложение началось в 4-й армии и быстро перебросилось на соседнюю 7-ю армию. Когда 10 апреля немецкие войска начали наступление, внутреннее разложение уже достигло широких размеров. В то время как западный фланг 2-й немецкой армии широким фронтом двигался на юг, 46-й танковый корпус двумя танковыми и одной моторизованной дивизией начал продвижение с плацдарма в районе Барч. Одна танковая дивизия в тот же день достигла Загреба, две другие дивизии 11 и 12 апреля в районе южнее реки Драва продвигались на Белград, прокладывая себе путь среди отступающих и отчасти уже разложившихся войск 2-й армейской группы. Вечером 12 апреля они достигли Белграда. Части, переправившиеся через реку на надувных лодках, первыми ворвались в столицу противника.

Югославское командование надеялось после разгрома в Хорватии и потери района Скопле, Ниш удержать в Сербии по меньшей мере один ключевой район, который на юге охватывал историческую область Косово и Метохия, на востоке был ограничен рекой Морава и Белградом, а на севере – рекой Сава. В этом районе должны были упорно обороняться сербские войска, против Албании должно было продолжаться наступление.

Многие существенные пункты этого плана уже нельзя было выполнить в связи с действиями немецких войск в последние дни. Немецкое командование после завершения операции по охвату Белграда приняло немедленно дальнейшие меры, чтобы не дать противнику возможности создать новый сплошной фронт или организованно отступить. На северо-западе у немцев не было никаких забот. Здесь 11 апреля в Загребе устали провозгласили независимую Хорватию. Они требовали немедленного роспуска всех хорватов из югославской армии, если они еще не освободили себя сами в результате мятежа или не бросили оружия. Только последние остатки 4-й и 7-й армий отступали на юго-восток за реку Уна. Для преследования их в направлении на Сараево из Загреба была направлена танковая дивизия. Войска второго эшелона теснили остатки югославской 2-й армии за реку Сава. В районе западнее Белграда 46-й танковый корпус уже вечером 13 апреля повернул на Сараево и 14 апреля нанес глубокий удар во фланг и тыл югославской 6-й армии, занимавшей позиции южнее Белграда фронтом на восток. Бои восточнее реки Морава также близились к концу. Продвигаясь от дороги Ниш – Белград на запад и юго-запад, немецкие соединения вклинивались в боевые порядки отходящей 5-й югославской армии.

Положение югославских армий стало отчаянным. Генерал Симович, возглавлявший государственный переворот 27 марта, подал 14 апреля в отставку с занимаемого им поста главнокомандующего сухопутной армией. Его преемник, генерал Калафатович, был уполномочен начать переговоры о перемирии. Он приказал 17 апреля в 9 час. 30 мин. армейским группам и армиям на всех фронтах выслать парламентариев к противнику. Этот приказ с некоторой разницей во времени был выполнен повсюду, так что организованное сопротивление прекратилось. Тем временем немецкие войска продолжали действия с целью

расколоть югославские силы. Так, немецкий танковый корпус, наступавший из Загреба и района западнее Белграда, 15 апреля достиг города Сараево и тем самым проник в самую середину района, занятого отступающими югославскими войсками. Итальянские войска, наступавшие из района Риека (Фиуме), не встречая существенного сопротивления, 17 апреля достигли города Дубровник (Рагуза), куда уже вступил один немецкий батальон. Венгерские войска, преследуя отступающую 1-ю югославскую армию, 12 апреля без боя заняли район между реками Дунай и Тисса.

17 апреля в 3 часа 25 мин. в Белграде был подписан договор о перемирии, который предусматривал безоговорочную капитуляцию югославских вооруженных сил и должен был вступить в силу 18 апреля. В результате 1500 офицеров и 224 тыс. солдат югославской армии стали военнопленными. После прекращения всех боев число их увеличилось до 344 тыс. человек. Королевство сербов, хорватов и словенцев перестало существовать.

Захват Греции

Греческий генеральный штаб уже в течение нескольких месяцев учитывал возможность того, что Германия рано или поздно придет на помощь своему итальянскому союзнику. В начале февраля 1941 г. эта угроза казалась еще не такой острой. Учитывая предыдущие успехи в Албании, начальник греческого генерального штаба генерал Папагос принял смелое решение предпринять наступление с тем, чтобы изгнать итальянцев из Албании, сбросить их в море и таким образом высвободить все свои силы для отражения угрозы со стороны Германии. Греческие войска должны были ликвидировать занимаемый итальянскими войсками выступ юго-восточнее Кельчюре охватывающими [201 – Схема 12] ударами с севера и запада и затем, развивая успех вдоль шоссе, прорваться к Влоре (Влоне). Этот план показывает, каким самонадеянным стало греческое командование в ходе войны против итальянцев.

Наиболее ожесточенные бои развернулись между 16 и 23 февраля. Грекам удалось взять штурмом командующие высоты у Тепелены, но у них оказалось недостаточно сил, чтобы завершить прорыв. Итальянцы же имели в Албании уже 21 дивизию и численно превосходили своего противника. Бои отличались крайним упорством. Так как современной техники не хватало, обе стороны прибегали к кровопролитным рукопашным схваткам. В конце февраля греки поняли, что их план провалился.

Теперь нужно было, не теряя времени, начать готовиться к обороне против ожидаемого наступления немцев. Крупная немецкая группировка в Румынии и переговоры с Софией, о которых греки знали еще до присоединения Болгарии к пакту трех держав, говорили о том, что следовало ожидать наступления немецких войск на восточную часть страны. Собственными силами греки не могли противостоять немецкому наступлению даже и в том случае, если бы они ушли из Албании и стали бы вести против итальянских войск только оборонительные действия. Все же при таком решении была бы возможна значительная экономия сил. Но начальник греческого генерального штаба, учитывая настроение народа, не мог решиться оставить территорию, захваченную у итальянцев ценой таких больших потерь, тем более, что греческие дивизии были малоподвижны. Он обратился с просьбой оказать поддержку войсками к англичанам, которые, по его мнению, должны были пойти ему навстречу.

22 февраля состоялись переговоры генерала Папагоса с английским министром иностранных дел Иденом и представителями высших военных кругов Англии об использовании британского экспедиционного корпуса в Греции. Имелись три возможных варианта организации обороны Греции.

Во-первых, можно было, используя сильно укрепленную линию Метаксаса, организовать оборону у греко-болгарской границы и стремиться соединить эти позиции с греко-итальянским фронтом на западе; во-вторых, можно было бы оставить Восточную Грецию и обороняться за рекой Струма, и, наконец, отдав порт Салоники, избрать кратчайшую линию для обороны полуострова, проходящую от нижнего течения реки Вистрица через горы Вермион к Каймакчалану. Как это часто бывает, политические соображения взяли верх над стратегическими. Греки не хотели заранее отдавать построенную с большими затратами рабочей силы и денежных средств линию Метаксаса, считавшуюся неприступной, и важные районы своей страны. Англичане правильно предвидели последующий ход событий и, следовательно, большую опасность, которая угрожала обороне всей северной границы в связи с

возможным наступлением немцев между реками Струма и Вардар. Они предоставили грекам действовать по своему усмотрению, но не продвинули свои войска, располагавшиеся западнее линии Метаксаса, до границы. Они считали свои силы слишком слабыми, чтобы удерживать такую растянутую позицию, и решили выдвинуться только до реки Вистрица.

Греки, рассчитывая на неприступность своей обороны, расположили на линии Метаксаса на участке от турецкой границы до реки Струма только три с половиной дивизии и относительно сильные части пограничных войск. Район между реками Струма и Вардар они обеспечивали двумя дивизиями, надеясь, что югославы в случае нарушения тогда еще существовавшего нейтралитета Югославии смогут остановить наступление немецких войск севернее того места, где сходились границы трех стран. Две греческие дивизии занимали позиции у гор Вермион с задачей обеспечить сосредоточение английских войск и затем перейти в распоряжение английского командования.

27 марта произошел государственный переворот в Югославии. Теперь греки были уверены в югославской помощи, а также рассчитывали на то, что Германия теперь не сможет использовать против них все первоначально намеченные силы. Поэтому четырнадцать греческих дивизий были оставлены в Албании. Во время встречи, состоявшейся 4 апреля в районе южнее Битоль (Монастир), начальник греческого генерального штаба договорился с представителями югославской армии о том, что югославы в случае наступления немецких войск преградят им путь по долине реки Струмица, чтобы обеспечить греческие позиции между реками Вардар и Струма, и что оба государства будут совместно вести наступление против итальянцев в Албании. Югославия согласилась с 12 апреля четырьмя дивизиями принять участие в наступлении с северной границы Албании и хотела также присоединиться и к наступлению греков севернее Охридского озера. Таким образом, в последний момент все же было достигнуто соглашение между обоими государствами о совместном ведении военных действий, хотя вскоре оно оказалось совершенно бесполезным.

6 апреля соединения 12-й немецкой армии при поддержке 4-го воздушного флота одновременно с нанесением уже описанного выше удара на Скопле и Салоники начали на широком фронте наступление через греко-болгарскую границу на юг. Целью наступления было быстро захватить северное побережье Эгейского моря от Салоник до турецкой границы, уничтожить находившиеся в этом районе войска противника и затем немедленно овладеть расположенными в северной части Эгейского моря островами Тасос, Самофракия и Лемнос, чтобы воспрепятствовать захвату их англичанами или турками. После того как Балканы были втянуты в войну, этот морской район был незаменимым предпольем для обороны нефтяных районов Румынии. Хорошо укрепленная линия Метаксаса, построенная на удобной для обороны местности, упорно удерживалась греками на всем своем протяжении и особенно у реки Струма. Несмотря на применение немцами большого количества пикирующих бомбардировщиков, тяжелой артиллерии и танков, греческие войска несколько дней храбро отбивали немецкие атаки. Наиболее тяжелые бои пришлось вести 5-й немецкой горной дивизии за захват Рупельского перевала, где река Струма пробивает себе дорогу к морю через горы. Далее к востоку войска, наступавшие через горы по направлению к городам Драма и Кавалла, вначале также вели бои с переменным успехом, однако 7 апреля им удалось прорваться на Ксанти, а затем продвинуться и в других местах. Одновременно, как уже было сказано выше, подвижные соединения, наступая севернее греко-болгарской границы через реку Струма в западном направлении, отбросили югославов в долине реки Струмица и повернули на юг в районе западнее Дойранского озера. Здесь как раз находилось слабое место греческой обороны. Греческие войска, занимавшие позиции между рекой Струмой и Дойранским озером, были обойдены, смяты и оттеснены к реке Струма. Англичане чувствовали себя недостаточно сильными, чтобы принять участие в этих боях^{14}. 9 апреля 2-я немецкая танковая дивизия достигла порта Салоники, тем самым отрезав пути отхода греческим дивизиям, находившимся восточнее Вардара. Еще 8 апреля они получили разрешение начать переговоры о капитуляции, которая на следующий день и была подписана в Салониках.

Теперь 12-я армия направила свои усилия против Центральномакедонской армии и английского экспедиционного корпуса. Главный удар она наносила из района Битоль (Монастир). Соединения, продвигавшиеся во время наступления на Югославию из района

Кюстендил на запад, лишь частью сил продолжали наносить удар в направлении на Охридское озеро, где они 10 апреля установили связь с итальянцами. Их главные силы, в том числе два подвижных соединения, повернули на юг, чтобы прорваться между группировкой, созданной из Централномакедонской армии и англичан, и противостоящей итальянцам Западнамакедонской армией, и таким образом создать всем этим войскам угрозу с тыла.

В районе Флорина между 10 и 12 апреля велись очень тяжелые бои против оборонявшихся здесь двух греческих дивизий, из которых кавалерийская дивизия была переброшена с итальянского фронта, и английского танкового полка. В этих ожесточенных боях греки неоднократно переходили в контратаки. 12 апреля немецкие соединения при эффективной поддержке авиации прорвали во многих местах оборону противника и, преследуя англичан, начали стремительно продвигаться на юго-восток. Одновременно они расширили прорыв в южном и юго-западном направлениях.

Охват греко-английской группировки, располагавшейся восточнее Флорины, не удался. Англичане еще 10 апреля начали отходить с позиций в низовье реки Вистрица и к 12 апреля под прикрытием греческих арьергардов, действовавших между Вистрицей и горами Вермион, заняли новые позиции, которые тянулись от горы Олимп до района Хромион в излучине Вистрицы. В это время части 12-й армии, наступавшие из района Салоник, еще только вели бои с греческими арьергардами.

Зато для войск Централномакедонской армии, находившихся западнее участка прорыва, и для действовавших против итальянцев греческих армий прорыв немецких войск оказался роковым. 11 апреля греческое командование с тяжелым сердцем решило отвести, начиная с северного фланга, свои непобежденные армии из Албании. Оно надеялось успеть своевременно осуществить этот маневр под прикрытием фланговой позиции, которая в районе Хромион примыкала к позициям англичан, а на севере доходила до озера Преспа. Этот план был сорван в результате быстрого продвижения 12-й немецкой армии. К 15 апреля одни немецкие танковые соединения продвинулись на юго-восток до Козани, другие от дороги Козани – Флорина повернули на юго-запад. Греческим войскам не удалось остановить противника на намеченном рубеже, они были оттеснены на юго-запад к району Пинда, а в отдельных местах их фронт был прорван. Отступавшие с разных сторон соединения создавали в труднопроходимом районе Северного Пинда большие пробки на дорогах. От англичан помощи уже ждать не приходилось. Они были слишком слабы и едва отбивались на своем участке.

Вскоре действия немецких войск решили судьбу армий, брошенных к Пинду и отходящих из Албании. Западнамакедонская армия, которая вначале должна была отступать на юго-восток к Фессалии, не смогла продвинуться через горы. Она повернула на юг и, поскольку уже не была связана с Централномакедонской армией, попала в район, где действовала Эпирская армия.

17 апреля соединения этих двух армий перемешались, получилась страшная неразбериха. К тому же в результате наступления немецких танков на перевал Мецовон греческим войскам грозил удар во фланг и в тыл. Командующие армиями, собравшиеся в городе Янина на совещание, решили настоятельно просить командование вооруженных сил разрешить им капитулировать, так как они не видели никакого выхода из создавшегося положения. Однако король и генерал Папагос отклонили эту просьбу. После этого старший по чину генерал решил сам предложить немцам капитуляцию шестнадцати дивизий, скопившихся в районе Янина и севернее. Капитуляция была подписана в городе Лариса 21 апреля. Но итальянцы выразили протест по поводу того, что они не приняли участия в подписании капитуляции, которую греки умышленно предложили только немцам. Документ был изменен и подписан задним числом 23 апреля в Салониках представителем итальянского командования.

С 14 апреля, когда англичане оказались отрезанными от главных сил греческой армии, война потеряла для них всякий смысл. Теперь они думали только о том, чтобы избежать уничтожения. Не считая усиленного танкового полка и частей австралийской дивизии, которые вели совместные действия в районе юго-восточнее Флорины и после прорыва немцев своевременно присоединились к западному флангу своих главных сил южнее Козани, экспедиционный корпус до сих пор не вступал в бой. 15 апреля английский командующий генерал Уилсон решил отвести свои войска дальше на юг на новую позицию, которая правым флангом в районе Фермопил примыкала к заливу Аталандис, а левым флангом в районе

Эратини – к Коринфскому заливу. На этом предмостном укреплении северо-западнее портов Аттики должен был прикрываться отход английских войск для погрузки на суда. Решение о погрузке приняли после того, как с генералом Папагосом было согласовано, что английская армия покинет Грецию, чтобы избавить страну от дальнейшего опустошения. Промежуточная позиция была намечена у реки Пеней по обе стороны от Ларисы. Для обеспечения отхода английских войск у горы Олимп были оставлены арьергарды, которые должны были сдерживать сильный натиск немецких соединений. Немецкие танки, задержанные разрушениями, произведенными англичанами, и имевшие в районе между Пиндом и Эгейским морем ограниченную свободу маневра, тщетно пытались охватить фланги отступавших англичан. Действия немецкой авиации в эти дни были затруднены очень изменчивой погодой и не смогли серьезно воспрепятствовать отступлению англичан. 20 апреля преследовавшие англичан немецкие соединения находились перед сильно укрепленной позицией Фермопилы и в районе порта Волос, откуда первые английские части были уже эвакуированы. Чтобы избежать фронтального наступления на Фермопилы, немецкие войска быстро переправились на остров Эвбея, с целью в районе Халкиды снова переправиться на полуостров и обойти англичан с тыла. Это наступление, хотя оно и воспрепятствовало запланированной погрузке англичан на острове Эвбея, было ненужным, поскольку Фермопилы, удерживаемые только английским арьергардом, 24 апреля были взяты немецкими горными стрелками. В ходе быстрого преследования немецкие подвижные соединения 27 апреля достигли Коринфского залива и в тот же день вступили в Афины. Погрузка английских войск на суда началась уже в ночь на 24 апреля. Поскольку портовые сооружения, особенно в Пирее, были сильно разрушены немецкой авиацией и к тому же немецкие самолеты вели постоянное наблюдение за всеми портами, англичанам пришлось производить погрузку на открытом побережье. Если количество эвакуируемых здесь соединений было значительно меньше, чем в Дюнкерке, то зато не было и никакого существенного прикрытия истребителями. В Греции англичане вели погрузку в трудных условиях при абсолютном господстве немецкой авиации и вынуждены были ограничиваться короткими ночными часами.

Местами погрузки вначале служили маленькие рыбацьи стоянки у восточного побережья Аттики и в Сароническом заливе, а когда Коринфский залив был блокирован парашютистами – только порт Навплион на восточном побережье и Монеувасия и Каламе на юге Пелопоннеса. После того как все оставляемое тяжелое вооружение было уничтожено или приведено в негодность, части перебрасывались по железной дороге или автотранспортом на сборные пункты, находившиеся неподалеку от мест погрузки. Эвакуация войск продолжалась подряд пять ночей. Александрийская эскадра выделила для обеспечения эвакуации все легкие силы, в том числе шесть крейсеров и девятнадцать эскадренных миноносцев. В две первые ночи удалось эвакуировать 17 тыс. человек. Дальнейшая погрузка производилась при сильнейшем натиске немецких войск. В районе Навплиона англичане понесли тяжелые потери в людях, много судов было потоплено. Один транспорт задержался слишком долго, чтобы забрать как можно больше людей, и на рассвете подвергся атаке немецких самолетов. Судно затонуло. Двух подоспевших эскадренных миноносцев, которые приняли на борт большую часть людей с транспорта, через несколько часов постигла та же участь. Под конец погрузка на суда производилась только на крайнем юге. В районе Каламе немецким передовым отрядам даже удалось захватить в плен 5 тыс. человек, которых англичане уже не успели эвакуировать. Но в общей сложности из 62 тыс. англичан погрузились на суда 50 тыс., около 12 тыс. человек погибли или попали в плен. 20 судов было потеряно.

Попытка англичан помочь союзнику снова потерпела неудачу. Потеря престижа была тем более неприятной, что вопреки мнению большинства английских генералов посылка экспедиционного корпуса в Грецию из политических соображений была назначена на февраль. В это время наступление в Северной Африке развертывалось наиболее успешно, но его пришлось прекратить. Черчилль считал, что поражение в Греции могло привести к очень серьезным последствиям. Правда, он, может быть, слишком мрачно оценивал обстановку, когда в телеграмме американскому президенту указывал на возможность потери Египта и всего Среднего Востока и на то огромное влияние, которое окажет эта потеря на позицию Испании, вишистской Франции, Турции и Японии. Если Европа, большая часть Азии и Африки в

результате войны или политического насилия будут потеряны, то война, которую тогда должны будут вести Англия, Соединенные Штаты, Канада и Австралия, станет трудной, длительной и бесперспективной. По его мнению, имеется только одно средство, чтобы устранить растущий пессимизм в Турции, на Ближнем Востоке и в Испании: Соединенные Штаты должны немедленно принять участие в войне.

На самом же деле у держав оси не было подобных далеко идущих планов; они пока пожинали плоды своей победы на материке, которая наряду с изгнанием англичан дала им в руки 218 тыс. пленных греков. Они оккупировали многочисленные острова в Ионическом и Эгейском морях и получили в связи с этим удобные опорные пункты для ведения войны на море и в воздухе против Англии. Итальянцам были оставлены острова на западном побережье Греции, в том числе остров Корфу, и несколько островов из группы Киклад, примыкающих к итальянским Южным Спорадам{15}, в то время как Германия оставила за собой острова, имеющие важное значение для господства в Эгейском море и контролирующие подходы к Дарданеллам. Кроме того, в качестве еще одной награды за победу итальянцам было предоставлено право разрешить хорватский вопрос по своему усмотрению. 12 апреля вождь хорватов Кватерник объявил по загребскому радио о том, что он принял власть в свободной и независимой Хорватии. 18 мая Италия заключила с ним государственный договор в Риме. Герцогу Сполето, племяннику короля Италии, был пожалован титул короля Хорватии. В заключенных одновременно с этим договорах было произведено изменение итальянско-хорватской границы в пользу Италии. Кроме того, Италия получила многочисленные острова и опорные пункты на побережье Далмации и гарантировала политическую независимость королевской Хорватии и ее территориальную целостность.

Поскольку и греческие острова попали в руки итальянцев, их давняя мечта – безраздельное господство в Адриатическом море, стала теперь действительностью. Новоиспеченное королевство не принесло радости Италии. «Король Хорватии» так никогда и не взшел на трон. Итальянцы не смогли укрепить свои позиции в стране, которая по традиции относилась к ним враждебно. Господство надменных итальянцев в Хорватии и в оккупированной ими части Греции наряду с ошибками немцев в последующие годы в значительной степени способствовали тому, что эта часть Балканского полуострова стала очагом волнений и беспорядков. Всю тяжесть такого положения на Балканах после выхода Италии из войны суждено было испытать на себе немецким оккупационным войскам.

Захват Крита

Чтобы преградить английскому флоту вход в Эгейское море и тем самым обеспечить морские проливы и морской путь из Греции в Румынию и Болгарию, а также чтобы захватить у англичан их воздушные базы, с которых они могли совершать налеты на нефтяной район Плоешти, Гитлер решил овладеть островом Крит. Его захват планировалось осуществить главным образом с воздуха. Это была оригинальная, совершенно не похожая на прежние формы ведения войны операция, которая с тех пор еще ни разу не повторялась. Ее можно было провести только потому, что успеху немецких войск способствовал ряд благоприятных обстоятельств. Расстояния от Крита до немецких воздушных баз, созданных на материке и островах, колебались от 120 до 240 км. и не превышали радиуса действия немецких самолетов. Расстояния же до английских воздушных баз в Египте, на Мальте и в Мерса-Матрух составляли соответственно 700, 1000 и 500 км.

Кроме того, немецкая авиация имела подавляющее превосходство в воздухе, которое еще более увеличивалось в связи с близостью баз. Налеты английской авиации на немецкие аэродромы могли совершаться только ночью и небольшими силами. Действовать днем английским бомбардировщикам было очень опасно, так как радиус действия истребителей не позволял им сопровождать бомбардировщики. Расположить крупные силы авиации на самом Крите англичане не могли, потому что у них таких сил не было. Небольшому же количеству самолетов на острове постоянно угрожали удары авиации противника. Таким образом, немцы были уверены в абсолютном господстве в воздухе над районом Крита. Когда начались налеты немецкой авиации, подготавливавшей высадку десанта, последние английские самолеты, чтобы избежать уничтожения, перебазировались в Египет. Снабжение и переброску артиллерии по морю пришлось прекратить, так как потери транспортных судов от немецкой авиации были

слишком большими.

Оборона острова вообще страдала большими недостатками. Сразу же после начала итало-греческой войны англичане в начале ноября 1940 г. заняли этот остров и сменили греческий гарнизон, который был необходим для ведения войны на материке. Правда, английские войска усилили оборону острова от атак с моря, но того, что когда-нибудь острову может угрожать нападение с воздуха, никто не предвидел. Противовоздушная оборона острова состояла только из трех легких и двух тяжелых зенитных батарей. Снабжение осуществлялось через удобный порт в заливе Суда, который одновременно представлял собой важную военно-морскую базу. Он расположен на северном побережье и связан с аэродромами Малеме, Ретимнона и Гераклиона единственной хорошей дорогой, проходящей по северному побережью. В остальной части острова были только тропы, пригодные для вьючного транспорта. Не было ни одной дороги, которая бы вела с севера на юг через горы, тянущиеся вдоль всего острова.

После эвакуации английских войск из Греции оборона Крита была поручена новозеландскому генералу Фрейбергу. Он имел в своем распоряжении 27 500 человек, главным образом эвакуированных с материка; около половины их составляли англичане, одну четверть – австралийцы и одну четверть – новозеландцы. Боеспособность находившихся на острове одиннадцати греческих батальонов, состоявших в основном из новобранцев, была весьма невелика. Все части были легко вооружены и плохо оснащены. Полевой артиллерии они совершенно не имели. Обороняющиеся располагали только довольно значительным количеством стационарных артиллерийских установок, девятью танками и примерно тридцатью бронетранспортерами. Транспортных средств не хватало, так что ведение боев с быстрой переброской войск в угрожаемые пункты было значительно затруднено. Кроме того, все передвижения по дорогам вследствие господства немецкой авиации в воздухе можно было совершать только в короткие ночные часы. Генерал Фрейберг создал четыре группы, которые расположил в Гераклионе, Ретамноне, у залива Суда и в Малеме.

Начиная с 12 мая английская воздушная разведка отмечала сосредоточение немецкой авиации на аэродромах, расположенных на материке и на островах, что свидетельствовало о подготовке немцами нападения с воздуха. Однако для отражения такого нападения, кроме правильной расстановки сил, нельзя было принять никаких энергичных мер. Даже сделанное Черчиллем 17 мая в палате общин заверение, что англичане будут удерживать остров до последнего человека, не могло повлиять на исход борьбы, хотя и способствовало тому, что немцы встретили крайне ожесточенное сопротивление.

Немецкие силы, предназначенные для захвата Крита – 7-я парашютная и 5-я горно-стрелковая дивизии – подчинялись командиру 11-го авиационного корпуса. Планировалось, что эти соединения будут сброшены на парашютах или доставлены на планерах и транспортных самолетах. Для прикрытия десанта с воздуха, подавления английского флота и поддержки на поле боя был выделен 8-й авиационный корпус в составе 280 бомбардировщиков, 150 пикирующих бомбардировщиков и 180 истребителей. Эту операцию должны были провести очень быстро и закончить еще до начала войны с Россией. Но пока парашютные войска еще были разбросаны на широком пространстве вплоть до Франции, транспортные авиационные части были заняты в Греции и не все соответствующим образом обучены для переброски парашютных войск. Наконец, нужно было еще создать сеть аэродромов в исходных районах вблизи портов.

Во время боев на самом острове парашютистов ожидали огромные трудности. У них не было специального тропического снаряжения, и войска очень страдали от сильной жары. Густая растительность облегчала противнику маскировку. Поскольку противник ожидал нападения с воздуха, он правильно расположил свои силы и его нельзя было застигнуть врасплох. Наступающие должны были сначала обходиться только своим легким оружием. Предполагалось, что они, несомненно, встретят численно превосходящего противника.

Было сделано все возможное, чтобы тщательно подготовить операцию и добиться успеха. Нападение на остров было произведено 20 мая. Поскольку силы 8-го авиационного корпуса были недостаточно велики, чтобы поддерживать высадку парашютистов одновременно во всех четырех далеко отстоящих друг от друга местах Крита, высадка была произведена двумя

волнами. Сначала в район южнее Кании и для атаки аэродрома в Малеме было направлено по одному усиленному полку парашютистов. В обоих пунктах немцы встретили ожесточенное сопротивление. В районе Малеме один батальон, сброшенный восточнее аэродрома, попал на занятые противником позиции на командующих высотах и был почти полностью уничтожен во время приземления. Парашютисты другого батальона, приземлившись западнее аэродрома, были вынуждены с пистолетами и гранатами в руках пробиваться через пулеметные позиции противника к сброшенным контейнерам с оружием. Только резервный батальон был сброшен в район, где не было противника, смог привести себя в порядок и начать наступление против высот, господствующих над аэродромом. Полк, сброшенный в районе Кания, хотя и закрепился, но не смог соединиться с полком, высадившимся в Малеме. К исходу дня аэродром, от занятия которого зависел а высадка горных стрелков и, следовательно, успех всей операции, еще оставался в руках англичан. Однако двум полкам удалось, хотя и ценой очень тяжелых потерь, закрепиться на острове.

Напротив, действия войск второй волны против аэродромов в Ретимноне и Гераклионе не имели почти никакого успеха. И здесь в точно намеченное время стартовали сначала бомбардировщики и истребители, чтобы бомбовыми ударами и атаками пикирующих бомбардировщиков загнать оборонявшие аэродромы войска противника в укрытия и прикрыть истребителями воздушное пространство над местами высадки десантов. Но транспортные самолеты с парашютистами появлялись с большим опозданием и прибывали очень небольшими группами.

На недостаточно хорошо подготовленных взлетных площадках поднявшаяся сильная пыль замедлила отправку самолетов, что, в свою очередь, привело также к нарушению последовательности высадки. Когда парашютные части, сбросив предварительно тяжелое оружие, приземлились, они натолкнулись на мощную оборону противника, который успел оправиться после воздушного налета. Сброшенная парашютная часть понесла очень тяжелые потери и не сумела захватить ни одного из двух аэродромов. Однако в обоих местах небольшие группы парашютистов упорно оборонялись. Они сковали войска противника, сделали в первую очередь невозможным использование шоссе и тем самым косвенно облегчили положение своих войск, которые вели бои в районе Малеме и Кании.

К исходу первого дня еще ничто не говорило об успехе. Пока немцы не захватили ни одного аэродрома, они не могли высадить 5-ю горно-стрелковую дивизию, которая перебрасывалась на транспортных самолетах. Возникал тревожный вопрос, смогут ли два батальона в районе Малеме, один из которых уже понес значительные потери, продержаться до утра следующего дня, когда должны были высадиться на Крите остальные части парашютной дивизии. Это зависело, главным образом, от поведения противника. К счастью, последний не сумел правильно оценить благоприятной для него обстановки. Он предпринимал лишь частные контратаки, которые стрелки были в состоянии отбить, и не вводил в бой находившуюся поблизости бригаду, по-видимому, опасаясь высадки морского десанта. Таким образом, утром следующего дня удалось выбросить истребительно-противотанковый дивизион парашютной дивизии и еще один батальон, сформированный из остатков дивизии. С помощью этих подкреплений и сильной поддержки с воздуха в течение всего дня удалось взять штурмом сильно укрепленный населенный пункт Малеме и настолько очистить от противника район аэродрома, что уже в полдень там смогли высадиться первые части горных стрелков. Это решило исход операции.

Полное господство немецкой авиации в воздухе дало возможность в последующие дни перебросить новые части горно-стрелковой дивизии, которые очистили от упорно оборонявшихся новозеландцев район вокруг аэродрома радиусом до 3,5 км.

В дополнение к атаке Крита с воздуха немецкое командование подготовило действия военно-морских сил, в результате которых на остров прежде всего должны были доставить тяжелое оружие, артиллерию и легкие зенитные пушки, поскольку их нельзя было перебросить по воздуху. Примитивный транспортный флот из многочисленных мелких судов и рыболовных катеров был переведен из порта Пирей к острову Милое, расположенному в 120 км от Крита, откуда он 22 мая должен был взять курс на Крит. Из-за неудачных действий офицера, командовавшего этим транспортным флотом, суда вышли в море так поздно, что наступившая

ночь застала их еще в пути. Вскоре эти суда, не имевшие охранения с воздуха, были атакованы английскими военными кораблями. Большая часть судов пошла ко дну вместе со своим грузом, 300 человек из состава их команд погибли. Лишь немногим удалось добраться до Крита и спастись. Но и английские корабли на следующее утро понесли большие потери от непрерывных атак немецких бомбардировщиков. Два крейсера и два эскадренных миноносца были потоплены, один линкор и два крейсера тяжело повреждены. Такие потери были для англичан слишком тяжелыми. Английские корабли были отведены обратно в Александрию и, несмотря на требование из Лондона удерживать остров любой ценой и использовать даже военные корабли для перевозки туда войск, больше не выполняли подобных задач.

Теперь немцы могли подвезти по морю вооружение и организовать снабжение войск. Силы, переброшенные на транспортных самолетах в Малеме, были вполне достаточными, чтобы перейти к планомерному захвату острова. К 27 мая немецкие войска захватили Канию и очистили от противника западную часть. Крита. На следующий день отряд, в который входили мотоциклетно-стрелковый батальон, разведывательный батальон горных стрелков, артиллерия и несколько танков, повернул на восток, чтобы срочно оказать помощь парашютистам, высадившимся в районе Ретимнона и Гераклиона. 29 мая его передовые подразделения соединились с западной группой, окруженной западнее Ретимнона, и достигли самого города. Сопrotивление противника быстро ослабевало. На следующее утро отряд, продолжавший наступление, освободил окруженную восточнее Ретимнона группу немецких парашютистов. а во второй половине дня – и окруженные подразделения в районе Гераклиона. Уже в тот же вечер отряд вышел на южное побережье острова в район Иера-петры, предварительно установив связь с итальянскими войсками, которые 28 мая высадились с острова Скарпанто на восточном побережье Крита.

Уже 26 мая генерал Фрейберг доносил, что положение на острове безнадежно. По его словам, нервы даже самых отборных солдат не могли выдержать непрерывно продолжавшихся в течение нескольких дней воздушных налетов; средств противовоздушной обороны не хватало. Потери в войсках были велики, большая часть стационарных установок береговой артиллерии была выведена из строя. После последней попытки заставить главнокомандующего английскими войсками на Ближнем Востоке продолжать оборону Черчилль отступил перед фактами. Поздним вечером 27 мая Фрейберг получил разрешение эвакуировать остров и перевести свои соединения в Египет. Еще раз корабли Александрийской эскадры с совершенно недостаточной воздушной поддержкой должны были отправиться на остров Крит. Погрузка войск началась в ночь с 28 на 29 мая на северном побережье Гераклиона. Соединение в составе трех крейсеров и шести эскадренных миноносцев потеряло при этом четыре корабля. В ту же ночь другие военные корабли смогли из 10 тыс. человек, ожидавших погрузки в Хора-Сфакион, на южном побережье Крита, за четыре часа принять на борт 7 тысяч. Когда наступил день, погрузку пришлось прекратить из-за опасности воздушных налетов. Эти корабли также понесли значительные потери. Тем не менее в ночь с 31 мая на 1 июня было эвакуировано еще 4 тыс. человек. Затем английский флот во избежание дальнейших потерь прекратил эвакуацию. Поэтому один немецкий полк горных стрелков, который 29 мая сумел совершить переход через горы, 1 июня столкнулся с значительными силами противника и взял их в плен. В общем, из английского гарнизона Крита, насчитывавшего 27 500 человек, спаслась примерно лишь половина. Потери английской эскадры были необычайно велики: 3 крейсера, 6 эскадренных миноносцев и 29 мелких кораблей и судов были потоплены. 2 линкора, 4 крейсера, 6 эскадренных миноносцев и 1 авианосец требовали серьезного ремонта.

Но очень высокими были и потери немецких войск. Если война на Балканах потребовала сравнительно небольших жертв (убитых – 1206, пропавших без вести – 548, раненых – 3901), то при захвате острова Крит было убито 2071 человек, ранено 2594 и 1888 человек пропало без вести. На Гитлера эти потери произвели такое удручающее впечатление, что он запретил подобные операции воздушно-десантных войск. Отчасти благодаря этому решению остров Мальта впоследствии не был взят.

Конечно, эта операция, как бы дорого она ни обошлась, стратегически себя оправдала. Действия английского Средиземноморского флота были еще больше стеснены, связь с островом Мальта затруднена, нефтяные районы Румынии оказались теперь вне досягаемости

английских бомбардировщиков. Крит вместе с итальянским островом Родосом образовывал удобную позицию для ведения дальнейших операций в восточной части Средиземного моря. Успех немецких войск привел бы к еще большим результатам, если бы он был дополнен захватом острова Мальта и если бы германское командование последовало призыву судьбы сосредоточить основные усилия на борьбе против Англии. Однако Гитлер непоколебимо придерживался своих планов нападения на Советский Союз, и операция на Балканах была для него лишь крайне нежелательной задержкой. Таким образом, возможности, которые давал захват Крита, остались неиспользованными, как, впрочем, и поразительные успехи, достигнутые тем временем в Ливии Роммелем.

Укрепление позиций Англии на Ближнем Востоке

Англичане в это время еще не подозревали, что Гитлер вскоре предпримет нападение на Советский Союз{16}.

Они больше всего опасались, что Германия и Италия после успехов на Балканах и в Северной Африке используют завоеванные исходные позиции, чтобы сокрушить владычество Англии на Среднем Востоке. (Карта 3, стр.150)

Им казалось, что это подтверждается событиями в Ираке, с которым у них был заключен союз: 3 апреля там произошел государственный переворот, инспирированный, по-видимому, дипломатическими представителями Италии и Германии. Хотя новое правительство и уверяло англичан в своей союзнической верности, но, судя по его прошлому, было настроено враждебно к Англии, несли не дружелюбно по отношению к державам оси, то, по крайней мере, панарабски. Когда англичане под тем предлогом, что они должны защищать свои интересы в долине Шатт-эль-Араб, высадили войска и захватили район Мосула, новое правительство обратилось к Германии с просьбой о помощи. Германия послала самолеты, часть из которых сделала, промежуточную посадку на французских подмандатных территориях – Сирии и Ливане. Слабой помощи Германии было недостаточно, чтобы сделать вооруженные силы иракского правительства, которое почти не имело опоры в народе и не находило желательной поддержки в панарабском движении, достаточно сильными для успешной борьбы против англичан. Последние оккупировали страну и опять посадили на трон бежавшего было монарха и старое правительство.

Эта борьба, затеянная в очень неподходящий момент ответственными за переворот кругами, была только коротким эпизодом, но она имела большие последствия для соседних французских подмандатных территорий. Там находился верховный комиссар, который сохранял верность новому французскому правительству и располагал значительным количеством войск. Англичане испытывали большое неудобство оттого, что в этих областях в обширном предполье Египта и Суэцкого канала у них не было совершенно никакого влияния. Поэтому они охотно использовали посадку в середине мая на французские подмандатные территории немецких самолетов, направлявшихся в Ирак, как повод для вооруженного выступления. Английский министр иностранных дел использовал этот случай для выступления в парламенте, а английские самолеты сбросили бомбы на сирийские аэродромы, что вызвало жертвы среди обслуживающего персонала. Французы видели в действиях англичан повторение инцидентов в портах Оран и Дакар и решили защищать свои права государства-мандатария. Они потребовали прекращения английских налетов на том основании, что Франция строго выполняет условия перемирия с Германией. Однако англичане полагали, что такой довод не оправдывает действия французов, и считали себя вправе воспрепятствовать силой тому, чтобы ее враги извлекли из положения Сирии военные выгоды.

8 июня английские войска перешли южную границу французских подмандатных территорий; начались четырехнедельные военные действия экспедиционного корпуса, в состав которого входили англичане, австралийцы, индийцы и «свободные французы», против французских войск, находившихся под командованием генерала Деница. Последние, насчитывавшие 45 тыс. человек, в том числе 10 – 12 тыс. европейцев, сражались блестяще. Развернулись ожесточенные бои, в ходе которых обороняющиеся часто переходили в контратаки и достойно защищали честь французской армии. Сильное превосходство англичан в воздухе решило, наконец, исход боев. 11 июля было заключено перемирие, по которому Англия получила право на управление Сирией и Ливаном.

11. Начало битвы в Атлантике (июнь 1940 – июль 1941 г.)

С самого начала войны англичане хорошо понимали, что борьба против их судоходства начнется в полной мере лишь в 1940 г., когда программа строительства подводных лодок даст первые результаты. Когда англичане делали этот прогноз, они совсем не рассчитывали на потерю Норвегии и западного побережья Франции до Бордо. Весной 1940 г. немецкий флот и авиация были заняты в операции против Норвегии и, естественно, ослабили до некоторой степени борьбу против английского судоходства. Во время боевых действий во Франции положение не изменилось, особенно в отношении активности немецкой авиации. Напротив, сосредоточение основных усилий английского флота на обеспечении эвакуации из Дюнкерка уже в июне значительно облегчило действия немецких подводных лодок, что выразилось в неуклонном росте числа потопленных судов. (Схема 1, стр. 67)

До этого момента итоги подводной войны были для Германии весьма неутешительными. Тоннаж английского торгового флота фактически не только не сократился, а, наоборот, увеличился за счет присоединения судов оккупированных Германией стран, а также благодаря закупке и строительству новых судов.

После поражения Франции по настоянию Редера, который лучше всех советников Гитлера знал слабые места Англии, еще более ожесточенная борьба против английского судоходства возобновилась в новых условиях. Положение теперь изменилось настолько, что немецкий флот и авиация имели самые благоприятные стратегические предпосылки для ведения успешной борьбы с торговым флотом противника. Решающего успеха можно было ожидать только в том случае, если бы соотношение между тоннажем потопленных судов и поступающего пополнения – будь то вновь построенные суда, конфискованные или захваченные суда противника или, наконец, суда нейтральных стран, перевозящих английские грузы, – оказалось для Англии невыносимым. Основным средством борьбы по-прежнему оставались подводные лодки, которые теперь могли действовать в более благоприятных условиях. Теперь им не нужно было совершать длинный путь из Гельголандской бухты, чтобы подойти к морским коммуникациям противника, а это приводило раньше к большому расходу горючего и сокращало их радиус действия. Немецким подводным лодкам не приходилось больше обходить с севера Британские острова, и поэтому они могли оставаться в районе боевых действий значительно дольше. Пути их подхода сократились с 1500 до 500 морских миль.

Именно эти большие преимущества, а не увеличение количества подводных лодок, являлись первое время решающей причиной растущих успехов. Ведь число находившихся в строю подводных лодок не увеличилось даже и к осени 1940 г.

В течение первых двенадцати месяцев войны в строй вступило всего 29 лодок, а было потеряно за тот же период 28. Но к благоприятному стратегическому положению на море прибавилось постоянное совершенствование тактики борьбы против конвоев, которая оттеснила на задний план проводившуюся до сих пор тактику борьбы против отдельных кораблей. Если одна подводная лодка теперь замечала конвой, она вызывала другие лодки и следила за конвоем до тех пор, пока все подводные лодки не объединялись для совместной атаки. Как только конвой оказывался в радиусе действия дальних бомбардировщиков, последние также вызывались и участвовали в атаках. Благодаря такой тактике потери конвоев стали расти так быстро, что это вызвало беспокойство англичан.

Действия подводных лодок в значительной степени дополнялись действиями надводных сил. Для них также решающее значение имело удобное расположение новых баз в Норвегии и Франции, откуда они могли достигнут открытого океана гораздо скорее и незаметнее. Если их выход из базы оставался незамеченным английской воздушной разведкой, то требовались большие усилия английского флота, чтобы их обнаружить и воспрепятствовать дальнейшим действиям. В апреле и в июне 1940 г. пять вспомогательных крейсеров покинули немецкие порты и начали действовать в Атлантическом Индийском и Тихом океанах. Они потопили до октября 1940 г. 36 судов общим тоннажем 225 тыс. *брт.* В конце октября «карманный» линкор «Адмирал Шеер» вышел в море в качестве рейдера. Шесть месяцев «Адмирал Шеер» не давал покоя английским торговым судам. Вначале он появился в Северной Атлантике, атаковал

конвой и потопил шесть судов. Затем он повернул в Южную Атлантику, оттуда направился в Тихий океан и в апреле 1941 г., обогнув с севера Шетландские острова, благополучно возвратился на родину. Всего «Адмирал Шеер» потопил и захватил 17 английских или зафрахтованных англичанами судов общим тоннажем 113 тыс. *брт*. Английский флот был уже не в состоянии наряду с защитой конвоев и выполнением других своих задач выделить еще особые силы для борьбы с «Адмиралом Шеером». Теперь положение англичан стало гораздо труднее, чем год тому назад, когда против «Графа Шпее» могли быть созданы еще многочисленные поисково-ударные группы. Два коротких боевых похода совершил из Бреста крейсер «Хиппер». Он крейсировал вначале в центральной части Атлантики, а затем 25 декабря 1940 г. встретил в районе северо-восточнее Азорских островов караван судов, охраняемый двумя английскими крейсерами. Поскольку в его задачу не входило вступать в бой, он после короткой артиллерийской дуэли уклонился от дальнейшей борьбы и, уничтожив одно судно из состава этого конвоя, возвратился в Брест. Во время следующего похода 12 февраля 1941 г. крейсер встретил восточнее Азорских островов шедших без охраны 19 неприятельских судов, из которых он 7 потопил. Остальным судам, пользуясь сильным туманом, удалось уйти.

К концу 1940 г. англичане вынуждены были констатировать, что из всех их собственных и зафрахтованных союзных и нейтральных судов было потеряно 583 судна общим тоннажем почти 2,5 млн. *брт*, то есть каждую неделю потери составляли в среднем почти 100 тыс. *брт*.

Возникшая летом 1940 г. новая обстановка в воздухе и на море имела для англичан еще и другие крайне тяжелые последствия. В связи с действиями немецкой авиации и угрозой со стороны немецких подводных лодок и: торпедных катеров фактически были парализованы все порты на южном и восточном побережье Англии, в том числе особенно мощный порт Лондон, потому что потери торговых судов достигли огромных размеров. Поскольку Ирландия как нейтральное государство не предоставляла свои порты, в распоряжение англичан, последние могли использовать только порты в Ирландском море в устьях рек Клайд и Мереёй. Поэтому, когда суда подходили с океана и огибали с севера Ирландию, они неизбежно скапливались, что существенно облегчало задачу немецким подводным лодкам и самолетам. Немногочисленным портам пришлось дать нагрузку, намного превышавшую их пропускную способность. Это привело к тому, что суда разгружать не успевали и получались пробки. К тому же мощность железных дорог была недостаточной, чтобы быстро вывозить выгруженные грузы. В октябре срок разгрузки судов в портах Ливерпуль и Бристоль увеличился в два раза. Такая недостаточно быстрая разгрузка, а также сравнительно медленное движение при системе конвоев и отчасти длинные кружные пути сильно повысили время оборота судов. Имевшийся тоннаж в полной мере не использовался. Например, ввоз горючего сократился до двух третей потребного количества. Обстановка стала такой угрожающей, что в Англии начали подумывать о том, как бы путем экономического давления заставить Ирландию открыть свои порты. Однако эту мысль пришлось отбросить: англичане опасались, что Ирландия может отвергнуть их требования и предоставить свои порты Германии в качестве баз для немецких подводных лодок.

Новая обстановка на море и в воздухе сказывалась также и на каботажном плавании судов в проливе Ла-Манш и у восточного побережья Англии. Англия крайне нуждалась в каботажных перевозках, так как перегруженный железнодорожный транспорт не справлялся с возросшим объемом перевозок угля и других громоздких грузов. Немецкая авиация и торпедные катера причиняли каботажным судам, которые теперь тоже должны были охраняться военными кораблями и самолетами, такие тяжелые потери, что им пришлось, наконец, отказаться от плавания в дневное время. От этого опять-таки увеличилось время оборота судов. С помощью мощной противовоздушной обороны удалось значительно снизить активность немецкой авиации в дневные часы, но торпедные катера по-прежнему сильно мешали каботажным перевозкам, и борьба с ними стала особенно трудной.

Какими бы большими ни были потери и трудности английского судоходства и вытекающие отсюда тяжелые последствия для экономики Англии, в конце 1940 г. они были далеко не достаточны, чтобы лишить Англию возможности продолжать войну. В лучшем случае они оставались только важным фактором в ведении войны, основные усилия в которой, чтобы в ближайшем времени добиться решающего успеха, нужно было сосредоточить прежде

всего на Англии. Редер постоянно стремился направлять действия высших немецких военных руководителей по этому пути. Он пытался в двух докладах Гитлеру 20 и 27 декабря изложить свое мнение как можно убедительнее. 20 декабря он указал на усиление позиций Англии вследствие неблагоприятно складывавшейся обстановки в восточной части Средиземного моря – это были результаты итальянской авантюры в Греции и неудачи в Северной Африке – и на важность американской помощи, потребовал максимального сосредоточения сил против Англии и высказал сомнения против плана наступления на Советский Союз до того, как будет нанесено поражение Англии. 27 декабря он был еще более настойчивым и заявил, что направление усилий всех германских вооруженных сил против Англии как главного противника является непреложным требованием момента. Для строительства подводных лодок и создания морской авиации, отметил Редер, делается слишком мало; весь военный потенциал Германии должен работать на усиление войны против Англии, то есть нужно увеличивать флот и морскую авиацию; всякий раскол сил приведет к затяжке войны и поставит под угрозу победу Германии.

Его усилия остались безуспешными, потому что к этому времени Гитлер уже решил начать поход на восток против Советского Союза, а войну с Англией завершить после окончания этого похода. Таким образом, Редер достиг только того, что и без него было давно подготовлено: усиления подводной войны в рамках существующей кораблестроительной программы, дальнейшему расширению которой, однако, помешала подготовка сухопутной авиации к войне против Советского Союза. Дополнения же этой программы планомерным развитием морской авиации вообще не последовало.

Вначале борьба против английского судоходства продолжала идти с большим успехом и явилась суровым испытанием для англичан. С началом нового года число потопленных судов вследствие увеличения количества подводных лодок и их радиуса действия резко возросло. Включая все остальные потери от надводных кораблей, авиации и мин, оно составляло, по данным Черчилля, приведенным в его мемуарах, в январе – 325 048 *брт*, в феврале – 401 768, в марте – 537 493, в апреле – в связи с боевыми действиями английского экспедиционного корпуса в Греции – даже 653 960 и в мае – 500 063 *брт*. С июня 1940 г. за год войны одни немецкие подводные лодки потопили почти 3 млн. *брт* английского, союзного и нейтрального тоннажа; к этому еще следовало прибавить свыше 1 млн. *брт* тоннажа, потопленного надводными кораблями, авиацией и минами. За этот же период среднее количество подводных лодок, непосредственно ведущих боевые действия, возросло с десяти до тридцати. Их потери составляли в среднем две подводные лодки в месяц. Среднее количество подводных лодок, вступавших в строй за тот же период, намного превышало эти потери.

Растущие цифры потопленных судов вынуждали англичан постоянно принимать все новые и новые меры, каждая из которых отрицательно влияла на использование оставшегося тоннажа. К давно введенной, значительно замедляющей движение судов системе конвоев прибавились новые обходные пути с целью избежать опасных морских районов. Размагничивание корпусов кораблей, траление мин, невозможность для торговых судов проходить через Средиземное море, затемнение и разрушение портов и портовых сооружений – все это вместе взятое настолько снизило оборот судов, что размеры неиспользованного тоннажа превысили тоннаж потерь. Количество поврежденных судов возрастало в такой степени, что доки уже не могли их принимать. Чтобы ускорить их ремонт, приходилось сокращать объем работ по строительству новых судов. Программа импорта стала сложной математической задачей: для удовлетворения острой потребности во всех предметах снабжения нужен был самый тщательный и точный расчет.

Продовольствие должно было ввозиться по возможности в виде концентратов, чтобы при минимальном весе и объеме продуктов доставить максимальное количество калорий. Производство стали было сокращено, потому что требовалось меньше тоннажа для ввоза из США готовой стали, чем для ввоза железной руды.

Однако устранить опасность атак подводных лодок и бомбардировщиков дальнего действия можно было только в том случае, если бы удалось создать по всей Атлантике от Америки до Африки мощную и сплошную сеть таких опорных пунктов, которые дали бы возможность контролировать определенные морские районы и обеспечивать охранение

караванов судов. В конце 1940 и в начале 1941 г. в океане не было еще таких пунктов, на которых эсминцы и самолеты могли бы заправляться горючим. Поэтому транспорты оставались на произвол судьбы, как только они оказывались вне радиуса действия эсминцев и самолетов, базирующихся на опорные пункты. Англичане с помощью американцев неустанно стремились изменить это положение. Они продвигались вперед шаг за шагом. Когда эта проблема была разрешена, была преодолена и опасность, которую представляли подводные лодки. В конце концов англичане пришли к решению отправлять конвои не прямо из Галифакса к западному побережью Англии, а круглым путем через Северную Атлантику. Благодаря этому стало возможно постоянно наблюдать за ними и охранять эсминцами и самолетами, для которых были созданы базы в Ньюфаундленде, Гренландии и Исландии. Такая организация создавалась постепенно под давлением обстоятельств; ее преимущества полностью проявились лишь в 1943 г. Первый шаг заключался в том, чтобы путем повышения активности обороны и технического усовершенствования ее средств вытеснить немецкие подводные лодки и самолеты из района наиболее интенсивного движения судов, подходящих с юга и запада к Британским островам, то есть из морского района севернее Ирландии. Это удалось осуществить в течение первых месяцев 1941 г. Немецкие подводные лодки вынуждены были отступить на запад и на юг. Теперь они уже не действовали перед портами ввоза, нападая на скопления судов, а должны были искать свои жертвы в широких просторах океана. Их радиус действия был для этого вполне достаточным; он составлял для подводных лодок водоизмещением 500 *m* – 10 тыс. морских миль, для подводных лодок водоизмещением 740 *m* – 15 тыс. морских миль. Новая тактика действий подводных лодок группами вновь принесла им крупные, хотя и несколько меньшие успехи. Первый важный шаг для снижения эффективности немецких подводных лодок англичанам, несомненно, удался. Однако у немцев, помимо растущего количества подводных лодок, имелись еще и другие возможности опять усилить действенность своего подводного флота. Эти возможности были найдены в повышении его боевой активности.

Надводные корабли-рейдеры в 1941 году снова появились на океанах. В феврале оба линкора «Шарнгорст» и «Гнейзенау» вышли в Атлантику под командованием адмирала Лютьенса. Они неоднократно встречали конвои, охранявшиеся превосходящими силами английского флота, от боя с которыми немецкие корабли, согласно приказу, уклонялись. Наконец 22 февраля они встретили пять судов, оставшихся от конвоя, и потопили их. В начале марта они вновь встретили сильно охраняемый конвой между Канарскими островами и островами Зеленого Мыса, но на этот раз им удалось вызвать подводные лодки, которые и потопили пять судов. После того как немецкие рейдеры 9 марта потопили греческое судно, им удалось 15 марта в центре Северной Атлантики потопить и захватить шестнадцать судов. На следующий день, прежде чем они закончили свою охоту за торговыми судами противника, им пришлось уйти от вызванного в этот район английского линкора. 18 марта они вошли в Брест. Общий тоннаж потопленных «Шарнгорстом» и «Гнейзенау» судов составил 115 622 *брт*. Их действия в океане настолько досадили англичанам, что английские самолеты стали совершать непрерывные воздушные налеты на Брест, чтобы вывести из строя оба корабля.

В мае 1941 г. командование германских военно-морских сил вновь послало крупные рейдеры в открытый океан. Адмиралу Лютьенсу, который в феврале так успешно командовал линкорами «Шарнгорстом» и «Гнейзенау», теперь поручили вести войну с торговым флотом противника. Для этого он получил в свое распоряжение крупнейший немецкий линкор «Бисмарк», только что введенный в строй, и новый тяжелый крейсер «Принц Евгений». В ночь с 21 на 22 мая оба корабля покинули один из норвежских фиордов. Их плавание с самого начала было неудачным, так как еще при переходе из Балтийского моря в Норвегию они были замечены англичанами и с тех пор английская авиация вела за ними тщательное наблюдение. 22 мая во второй половине дня английские летчики, несмотря на плохую погоду, обнаружили, что немецкие корабли покинули фиорд. Английское адмиралтейство немедленно поручило двум крейсерам, которые несли охранение в Датском проливе между Исландией и Гренландией, начать поиски опасных противников, чье появление в Атлантике могло повлечь за собой большие осложнения. Несмотря на чрезвычайно плохую погоду, оба крейсера вскоре заметили немецкие корабли в Датском проливе. Тогда английское адмиралтейство направило для их уничтожения мощные группы крупнейших кораблей. Вначале в соприкосновение с

противником вошла группа линейных крейсеров в составе линейного крейсера «Худ» и линкора «Принц Уэльский». 24 мая корабли встретились между Исландией и Гренландией. В 5 час. 30 мин. «Худ» с дистанции 22 500 м открыл огонь, на который немедленно ответил «Бисмарк». Уже первым залпом он попал в быстроходный, но легко бронированный «Худ», в результате чего на корабле вспыхнул пожар, охвативший вскоре всю его среднюю часть. Когда «Бисмарк» в 6 час. 00 мин. дал пятый залп, на английском корабле раздался мощный взрыв, к небу поднялись огромные клубы дыма, и он затонул. Из 1421 человека команды погибло 1418. Затем «Бисмарк» открыл огонь по «Принцу Уэльскому», который, имея главный калибр 351 мм, был слабее немецкого корабля с его 400-мм орудиями. Английский корабль получил серьезные повреждения и прекратил бой. Однако и «Бисмарк» не вышел из этого ожесточенного боя невредимым. Два тяжелых снаряда попали в цистерны жидкого топлива, так что корабль потерял скорость и оставлял за собой широкий нефтяной след. Поэтому адмирал Лютьенс, учитывая эти повреждения, принял правильное решение вывести «Бисмарка» из боя, который теперь продолжал только «Принц Евгений».

Удивительно то, что Лютьенс не попытался уйти в Норвегию, а продолжал движение к побережью Франции, чтобы достигнуть порта Сен-Назер. Какие мотивы побудили его избрать этот, казалось бы, гораздо более опасный путь, никогда нельзя будет узнать, так как и сам адмирал и все, кто мог бы дать этому объяснение, погибли. Оба английских крейсера все время вели наблюдение за немецкими кораблями, продолжавшими держать курс на юг. Было ясно, что английское адмиралтейство после этой серьезной неудачи примет все меры, чтобы задержать и уничтожить «Бисмарка». Линкор «Кинг Джордж V», многочисленные крейсера и эскадренные миноносцы вышли из английских гаваней; из Гибралтара был вызван «Ринаун», другие военные корабли и авианосцы до самого Галифакса были сняты с конвойной службы и направлены в район, где находились немецкие военные корабли. Поздно вечером 24 мая английские самолеты-торпедоносцы атаковали «Бисмарка» и повредили верхнюю часть боевой рубки. Несмотря на это, счастье, казалось, вдруг снова улыбнулось «Бисмарку»: на следующий день рано утром оба английских крейсера, которые вели наблюдение за немецким кораблем, потеряли его из виду, хотя они имели радиолокационные установки. Даже интенсивная воздушная разведка из-за пасмурной погоды в течение целого дня не могла снова отыскать немецкий корабль. План английского адмиралтейства – концентрическим сосредоточением всех срочно вызванных кораблей создать подавляющее превосходство против «Бисмарка» – казалось, развалится, как картонный домик. Где находится теперь «Бисмарк»? Какой курс следовало сообщить преследующим его кораблям? Некоторые из кораблей, шедших с максимальной скоростью, уже в течение нескольких дней испытывали недостаток горючего и вынуждены были уменьшить ход. Когда англичане потеряли уже всякую надежду обнаружить немецкие корабли, «Бисмарк», который между тем отпустил «Принца Евгения», 26 мая в 10 час. 30 мин. был замечен одним самолетом-разведчиком. Но даже эта новая неудача пока еще не решала судьбы немецкого корабля. Правда, его отделяли от спасительной гавани почти 700 морских миль, то есть 35 часов хода, но он занимал теперь такую выгодную позицию по отношению к преследовавшим кораблям противника, что мог быть атакован превосходящими силами только в том случае, если бы англичанам удалось в течение этого дня повредить его и снизить скорость хода. На следующее утро крупные силы немецкой авиации уже смогли бы оказать «Бисмарку» необходимую поддержку. После многих инцидентов и недоразумений англичане сумели добиться своей цели буквально в последнюю минуту. В 19 час. 15 мин. несколько самолетов-торпедоносцев, поднявшихся с авианосца «Арк Ройял», который поспешил сюда из Гибралтара, так тяжело повредили рулевое устройство «Бисмарка», что он начал двигаться по кругу и потерял способность маневрировать. Всю ночь английские эскадренные миноносцы тщетно пытались потопить немецкий корабль. Утро 27 мая застало беспомощного «Бисмарка» в 400 морских милях от Бреста. Дул свирепый норд-ост, поднимавший огромные волны. Два английских линкора открыли огонь, на который «Бисмарк» вначале еще отвечал меткими залпами. Вскоре огонь английских кораблей стал таким сильным, что одна за другой начали выходить из строя орудийные башни «Бисмарка». В средней части корабля вспыхнул пожар, затем «Бисмарк» сильно накренился на левый борт. Теперь он представлял собой охваченную пламенем и дымом грудку исковерканного металла, каким-то

чудом еще остававшуюся на плаву. Лишь несколько торпед, выпущенных с крейсера, окончательно добились его. В 10 час. 40 мин. он опрокинулся и навеки исчез в бушующих волнах. Почти 2 тыс. героически сражавшихся немецких моряков, в том числе их адмирал, нашли себе могилу в холодной морской пучине. В живых осталось только 110 человек. Снова обе стороны могли убедиться в том, что без теснейшего взаимодействия морского флота и авиации добиться господства на море было уже невозможно.

Достигнув этого успеха, англичане стали предпринимать систематические налеты на французские порты, чтобы вывести из строя находившиеся там крупные немецкие военные корабли. Все новые и новые повреждения линкоров «Шарнгорста» и «Гнейзенау», к которым по окончании крейсерства в Атлантике присоединился также и «Принц Евгений», побудили штаб руководства войной на море в феврале 1942 г. перебросить все эти три корабля через Па-де-Кале в немецкие порты, из которых все они, кроме «Гнейзенау», были впоследствии переведены в Норвегию, чтобы там действовать против конвоев, направлявшихся в Мурманск. Англичане учитывали возможность прорыва немецких кораблей из французских портов в Германию, но не ожидали, что немецкие корабли выйдут из Бреста лишь с наступлением темноты и пройдут Па-де-Кале днем. К их несчастью, на двух самолетах, патрулировавших над проливом в эту ночь, отказали радиолокационные приборы. Таким образом, англичане обнаружили немецкие корабли, сопровождаемые только легкими силами, лишь в первой половине дня 12 февраля, когда они уже миновали Булонь. Немедленно высланные бомбардировщики не смогли атаковать корабли из-за сильного прикрытия последних истребителями. В ходе непрерывных налетов английские эскадрильи потеряли 43 самолета, не причинив никаких повреждений немецким кораблям. Вызывать линкоры с их далеких баз на севере Англии было слишком поздно. Тяжелые английские батареи на побережье Па-де-Кале безуспешно обстреливали немецкие корабли, поставившие густую дымовую завесу. Таким образом, «Шарнгорст», «Гнейзенау» и «Принц Евгений» прорвались в Германию, получив лишь несколько требовавших длительного ремонта повреждений от мин.

Общественность Англии была сильно возмущена тем, что немецким кораблям удалось пройти целыми и невредимыми рядом с самой владычицей морей. Раздавались голоса, требовавшие привлечения виновных к ответственности.

Хотя прорыв немецких кораблей и удался, но при трезвом рассмотрении успех находился на стороне англичан. Они сделали невозможным пребывание немецких кораблей во французских портах и устранили постоянную угрозу их коммуникациям в Атлантике. Кроме того, вскоре после прихода в Киль линкора «Гнейзенау» английской авиации удалось причинить ему такие тяжелые повреждения, что он уже до конца войны не принимал участия в боевых действиях. Несколько позже был поврежден и «Принц Евгений»: при входе в Тронхейм он был торпедирован английской подводной лодкой и на пять месяцев вышел из строя.

Глава V. Наступление Германии на Советский Союз

1. Военные и политические приготовления

С лета 1940 г. мысль об уничтожении мощи Советского Союза стала составной частью планов Гитлера относительно дальнейшего ведения войны. Надо сказать, что эта мысль еще задолго до своего осуществления являлась определяющим фактором его стратегии. Мотивы, которые побуждали Гитлера; к тому, чтобы, отложив решительную борьбу против Англии, сначала уничтожить всякую скрытую угрозу с тыла, были самыми различными. Некоторые из них были уже упомянуты, так как стратегию немцев после разгрома Франции следует объяснять только в свете этих соображений; о других будет сказано ниже.

Противоположность мировоззрений, которая отделяла оба государства друг от друга, не уменьшилась в результате заключения ими договора в 1939 г.

Советский Союз оставался в глазах Гитлера идеологическим врагом Германии. Но Гитлер и на политической арене считал его потенциальным врагом, который, рано или поздно перейдет

к политике шантажа. Гитлер считал, что это начнется, уже в 1940 г. Чем дольше длилась война, тем больше Германия зависела от сырья, которое в значительной части мог поставить – и до сих пор действительно поставлял на основании заключенных договоров – только один Советский Союз. Если война против Англии затянется до бесконечности и, как полагал Гитлер, с 1943 г. полностью проявится военная мощь Соединенных Штатов, то Германия окончательно попадет в зависимость от Советского Союза. Такая перспектива казалась Гитлеру невыносимой. По его мнению, именно этого и желала Англия: она стремилась выдержать до того момента, когда Соединенные Штаты будут готовы к войне и Советский Союз повернется против Германии. Такой опасности Гитлер не хотел допустить. В январе 1941 г. он заявил Редеру, что Германия, если она ликвидирует угрозу на Востоке, сможет продолжать войну против Англии при вполне сносных условиях. Разгром Советского Союза, по его мнению, сильно облегчил бы положение Японии и сделал бы очень опасным для Соединенных Штатов вступление в войну против Германии. (Карта 4, стр.228)

Гитлер установил для осуществления этих планов твердые сроки. В 1941 г. Советский Союз как могучая держава должен был прекратить свое существование. Тогда, по расчетам Гитлера, у него не только не будет врага за спиной, но он получит большое количество сырья и сельскохозяйственной продукции, не ставя себя в зависимость от милости Советского Союза: пшеницу – с Украины, уголь и руду – из Донецкого бассейна, никель – с Кольского полуострова, нефть – с Кавказа и лес – из Белоруссии.

В 1942 г. в результате проведения крупных операций на территории всего Среднего Востока – и, как надеялся Гитлер, с помощью Японии – планировалось сломить мощь Англии прежде, чем Соединенные Штаты будут готовы к войне.

Для Гитлера не подлежало ни малейшему сомнению, что для разгрома Советского Союза достаточно одной кампании. Он был в этом так твердо убежден, что еще до начала военных действий против Советского Союза установил сроки операций, которые должны были начаться осенью 1941 г. «после „Барбароссы“».

Начало военных приготовлений можно проследить с лета 1940 г. В конце июля, прежде чем был дан приказ о воздушном наступлении на Англию, Йодль сообщил одному из своих ближайших сотрудников о том, что Гитлер решил готовить войну против Советского Союза. Эта война должна была начаться при всех обстоятельствах, и тогда будет лучше вести ее в рамках уже ведущейся войны; во всяком случае, необходимо к ней подготовиться. Вначале даже обсуждалась возможность начать новую войну еще предстоящей осенью. Однако при этом пришлось бы столкнуться с непреодолимыми трудностями, связанными со стратегическим сосредоточением, и такую мысль пришлось вскоре оставить.

В июле группа армий фельдмаршала фон Бока, то есть штабы 4-й, 12-й и 18-й армий и около 30 дивизий, была переведена в Познань. Конечно, это мероприятие приводило и к некоторому рассредоточению сил, сконцентрированных во Франции, и могло быть объяснено с этой точки зрения. Но в общем ходе событий это был первый шаг к стратегическому развертыванию сил против Советского Союза, которое, проходя в течение длительного времени, должно было быть проведено по возможности незаметно.

В конце июля началась конкретная подготовка к разработке оперативного плана. Генерал-лейтенант Маркс, бывший в то время начальником штаба 18-й армии, получил от генерал-полковника Гальдера задание разработать предварительный план операции против Советского Союза. Из него в последующие месяцы возник проект оперативного плана, который был проверен и получил дальнейшее развитие в ходе военных игр, состоявшихся в ноябре в генеральном штабе сухопутных сил. 5 декабря Гальдер доложил Гитлеру о результатах работы над планом. Он указал на важное значение Припятских болот, которые делили район предстоящих операций на две части, и в своем докладе отдал предпочтение северной части ввиду наличия в ней более развитой сети путей сообщения в районе между Варшавой и Москвой, что облегчало ведение крупных операций.

Известная до сих пор группировка сил противника, а также независимые от этого общие соображения позволяли предположить, что русские отойдут не дальше Днепра и Западной Двины, потому что при дальнейшем отступлении они уже не смогут обеспечить защиту своих индустриальных районов. Исходя из этого планировалось ударами танковых клиньев помешать

русским создать сплошной фронт обороны западнее указанных рек.

На основании этой оценки Гальдер доложил свои соображения о ведении операций, которые в основном были одобрены Гитлером и затем изложены в директиве № 21 от 18 декабря 1940 г. Она осталась основой для стратегического развертывания и для проведенных позднее первых операций.

Согласно этой директиве, германские вооруженные силы должны были быть готовы к тому, чтобы еще до окончания войны с Англией путем быстротечной военной операции нанести поражение Советскому Союзу («план Барбаросса»).

Для этой цели сухопутная армия должна была использовать все имевшиеся в ее распоряжении соединения, за исключением сил, необходимых для обеспечения оккупированных областей Европы от всяких неожиданностей.

Авиация, согласно этой директиве, должна была высвободить, для войны на Востоке такие силы для поддержки сухопутных войск, чтобы можно было рассчитывать на быстрое развертывание наземных операций, а также свести к минимуму разрушения восточных областей Германии вражеской авиацией.

Направление основных усилий на восток требует, говорилось далее в директиве, чтобы все районы боевых действий и военной промышленности, находящиеся в руках Германии, оставались достаточно защищенными от воздушных налетов противника и чтобы наступательные действия против Англии, в особенности против ее путей подвоза, отнюдь не ослабевали.

Главные усилия военно-морского флота во время восточного похода по-прежнему оставались направленными только против Англии.

Эти задачи армии, флоту и авиации показывают, что необходимость учитывать потребности других театров военных действий сильно ограничивала количество сил, которые могли принять участие в операциях на Востоке. Если военно-морской флот еще сохранял «во время восточного похода» направление своих основных усилий против Англии, то оставление нескольких дивизий в Норвегии, сорока дивизий на западе и в зависимости от дальнейшего развития событий в Северной Африке и на Балканах существенно снижало боевую мощь сухопутной армии. Не могло исправить положения и то обстоятельство, что зимой 1940/41 г. были сформированы сорок других пехотных дивизий и что увеличение в два раза количества танковых дивизий хотя и при сокращении количества танков в каждой дивизии наполовину, а также превращение ряда пехотных дивизий в моторизованные дивизии придавали сухопутной армии большую оперативную гибкость. То же самое относится к авиации, которая должна была оставить один воздушный флот для операций против Англии и один авиационный корпус для поддержки немецкого Африканского корпуса в Сицилии.

Предусматривалось дать приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил для наступления на Советский Союз в случае необходимости за восемь недель до начала военных действий. Приготовления, которые требовали длительного времени, должны были начаться немедленно при соблюдении тщательной оперативной маскировки и закончиться к 15 мая 1941 г. Тем самым был назначен самый ранний срок начала операции, совпадавший с концом весенней распутицы.

Главная цель заключалась в том, чтобы уничтожить основные силы русской армии, находившиеся в западной части России, посредством смелых операций с глубоким продвижением танковых клиньев и воспрепятствовать отходу боеспособных частей вглубь обширной русской территории. Затем в результате быстрого преследования немецкие войска должны были достигнуть рубежа, с которого русская авиация уже не смогла бы совершать налеты на территорию Германии. Конечной целью операций являлся выход на рубеж Волга, Архангельск, с тем чтобы последняя остающаяся у России индустриальная область на Урале могла быть в случае необходимости парализована немецкой авиацией. Здесь следует добавить, что в последующей, изданной уже после начала войны с Россией директиве от 11 июля 1941 г. количество сил, необходимых для охраны захваченного района, определялось предположительно в 60 дивизий и 1 воздушный флот, не считая войск союзных и дружественных стран.

Участие в войне Румынии и Финляндии было уже предусмотрено в директиве от декабря

1940 г.

В следующем разделе директива касалась деталей проведения операций.

Согласно директиве, направление главного удара проходило севернее Припятских болот, для чего в этом районе нужно было развернуть две группы армий.

На южную из этих двух групп армий, расположенную в центре общего фронта, возлагалась задача ударом особенно сильных танковых и моторизованных соединений из района Варшавы и севернее разбить силы противника в Белоруссии. Этим предполагалось создать предпосылку для поворота крупных сил подвижных войск на север, чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника в Прибалтике. Лишь после выполнения этой важнейшей задачи, которая должна была завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следовало проводить наступательные операции по овладению важным центром коммуникаций и оборонной промышленности – Москвой. Только внезапное и быстрое подавление сопротивления русских войск могло бы дать возможность стремиться к достижению обеих целей одновременно.

Эта формулировка показывает расхождение во взглядах на ведение операций между Гитлером и Браухичем, которое летом 1941 г. привело к серьезным разногласиям; было бы лучше, если бы оно обнаружилось своевременно.

Группа армий, предназначенная для наступления южнее Припятских болот, должна была наносить главный удар из района Люблина в общем направлении на Киев, чтобы крупными танковыми силами быстро выйти глубоко во фланг и тыл русских войск и затем отрезать их, развивая наступление вдоль Днепра на юг.

Немецко-румынской группировке на южном фланге отводилась лишь второстепенная роль. Она получила задачу оборонять румынскую территорию и в ходе наступления северного крыла своей группы армий сковать противостоящие ей силы, чтобы в случае благоприятного развития событий организовать преследование и во взаимодействии с авиацией воспрепятствовать организованному отходу противника.

Считая само собой разумеющимся, что наступление севернее и южнее Припятских болот будет успешным, директива указывала дальнейшие цели, которых следовало достигнуть «в рамках преследования», а именно: на юге – овладеть важным в военно-экономическом отношении Донецким бассейном; в центре – быстро достичь Москвы; захват этого города означал бы как с политической, так и с экономической точек зрения решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишились бы важнейшего железнодорожного узла.

Авиация должна была по возможности парализовать и исключить воздействие авиации противника, а также поддерживать операции сухопутных войск на решающих направлениях. Указывалось, что для выполнения этой задачи не следует совершать налеты на военно-промышленные объекты во время ведения операций. Такие налеты могут быть предприняты лишь после окончания маневренных операций и прежде всего на Уральскую область.

Военно-морской флот получил легкую задачу: только не допустить прорыва морских сил противника в Балтийское море. В директиве говорилось, что по достижении Ленинграда русский Балтийский флот потеряет свой последний опорный пункт и окажется в безнадежном положении.

Директива дышит оптимизмом, который следует объяснять впечатлением от побед над Польшей и Францией. Поэтому она приписывает противнику такую же пассивную роль, к которой Германия уже привыкла в двух прошедших войнах. Опять надеялись навязанной противнику молниеносной войной обойти положение Мольтке о том, что «ни один оперативный план не может оставаться неизменным после первой встречи с главными силами противника». Если оценка противника и на этот раз была правильной, командование могло с полным основанием вновь применять эту уже дважды оправдавшую себя тактику, в противном случае тяжелые разочарования и осложнения были неизбежны.

Дальнейшие приготовления шли обычным путем. 21 января главнокомандующий сухопутными силами на основании директивы № 21 издал свою директиву «О стратегическом развертывании», которая уточняла задачи отдельных групп армий и армий. Эти задачи будут

ясны из описания хода боевых действий. Югославская кампания заставила существенно изменить первоначально намеченные сроки операций. Одновременно с приказом о стратегическом развертывании сил для наступления на Югославию было приказано отложить начало операции «Барбаросса» по меньшей мере на четыре недели. Для войны против России были потеряны бесценные пять недель, которые решающим образом повлияли на ее исход. Сосредоточение огромного количества войск проводилось с величайшей осторожностью. К маю войска в районе Прибалтики были усилены лишь пехотными дивизиями, основная же масса танковых и моторизованных дивизий еще оставалась в Германии и на Западе, чтобы сосредоточение немецких войск на Востоке не могло навести противника на мысль, что против него готовится наступление. На Западе оставалось также большое количество кадровых пехотных дивизий, которые должны были создать впечатление подготовки к высадке в Англии. Такую же цель преследовали и соответствующие мероприятия в Норвегии. Было трудно скрыть последний этап стратегического сосредоточения, в ходе которого требовалось в кратчайший срок подтянуть основную массу подвижных соединений. Оно было начато 22 мая и заняло полные четыре недели. К этому времени на Востоке находилось 70 пехотных, 1 кавалерийская и 3 танковые дивизии. Часть соединений, предназначенных для участия в наступлении, еще вела бои на Балканах. В различных сообщениях, которые имели целью ввести в заблуждение разведку противника, начавшееся стратегическое развертывание на Востоке было охарактеризовано как «крупнейшее мероприятие для маскировки высадки в Англии».

К 22 июня, дню начала наступления, в районах стратегического развертывания было сосредоточено: 81 пехотная дивизия, 1 кавалерийская дивизия, 17 танковых, 15 моторизованных, 9 полицейских и охранных дивизий. В качестве резервов главного командования на подходе находились еще 22 пехотные, 2 танковые, 2 моторизованные дивизии и 1 полицейская дивизия. Таким образом, в общей сложности сухопутная армия располагала 140 полностью боеспособными соединениями, не считая охранные и полицейские дивизии.

В трех воздушных флотах, которые должны были взаимодействовать стремя группами армий, насчитывалось 1300 бомбардировщиков{17}. В соответствии с задачами групп армий «Центр», был самым крупным; в него входила половина имеющихся сил авиации. Действовавший на юге 4-й воздушный флот генерал-полковника Лёра был несколько сильнее, чем поддерживавший группу армий «Север» 1-й воздушный флот генерал-полковника Келлера.

Когда решение Гитлера разгромить Советский Союз стало твердым, потребовалось подыскать союзников. В первую очередь можно было рассчитывать на Румынию и Финляндию. Оба эти государства лишь недавно подверглись насилию со стороны Советского Союза, причем никто не оказал им помощи. Они чувствовали себя покинутыми, если не преданными. Западной Европой. Безопасность им могла обеспечить только сильная Германия, которая, по их мнению, не только может, но и хочет подавить военную мщью Советского Союза и таким образом на долгое время освободить эти страны от нависшей над ними угрозы.

Германия с величайшим вниманием следила за борьбой финнов зимой 1939/40 г., и их поразительные успехи произвели на немцев исключительно сильное впечатление. Тем не менее контакт между этими двумя государствами устанавливался очень медленно. Гитлер был убежден в том, что Финляндия не будет пассивно наблюдать за германо-русским конфликтом. Однако он пока не хотел никому открывать своих планов. Финны также стремились не обнаруживать преждевременно своих намерений. Таким образом, после осторожных попыток, принятых финнами очень холодно, лишь в конце мая 1941 г. в связи с визитом начальника финского генерального штаба генерала Гейнрихса, приглашенного немцами, состоялись переговоры с целью взаимного зондажа{18}. Они касались главным образом снабжения немецкого горно-стрелкового корпуса в Норвегии через Финляндию, а также возможного взаимодействия в случае германо-русского конфликта. Финский генерал совершенно определенно заявил, что его страна не будет воевать, если только на нее не нападут. Финляндия должна была вести себя по отношению к Советскому Союзу крайне осторожно. Она учитывала возможность повторения русскими нападения и не хотела неосторожными действиями дать в руки Советского Союза повод для этого. На основании происходивших в то время на территории Норвегии приготовлений Финляндия пришла к выводу, что война между Германией

и Советским Союзом стоит у порога. 17 июня она начала скрытую мобилизацию и разрешила немецким подводным лодкам и минным заградителям выйти в свои южные порты. Еще раньше, 13 июня, генерал Эрфурт был направлен в Финляндию в качестве представителя германских вооруженных сил при верховном командовании финской армии, чтобы после начала войны вносить немецкие предложения относительно стратегического развертывания финской армии в интересах оперативного плана немцев и принять руководство уже созданным для решения-вопроса снабжения «штабом связи „Север“». От политического союза с Германией Финляндия все время уклонялась, несмотря на многократные немецкие предложения. Она видела в немцах только „братьев по оружию“ в борьбе против общего врага.

Румыния была склонна к более тесным политическим связям, но в военном отношении нуждалась в большой помощи и подготовке к тому, чтобы сделать боеспособной свою армию, которая имела гораздо большую численность, чем финская, но была хуже обучена и слабее вооружена. Выполнению этой задачи и посвятила себя с начала октября 1940 г. германская военная миссия в Бухаресте во главе с генералом Ганзенем. Во время визита главы румынского правительства Антонеску в Берлин в декабре 1940 г. Гитлер сообщил ему о своих замыслах, и Антонеску полностью согласился с его планами. Десять румынских дивизий были подготовлены к ведению боевых действий. В мае 1941 г. состоялись переговоры о совместном ведении войны против Советского Союза. К этому времени были сделаны уже все необходимые приготовления к использованию территории Румынии для стратегического развертывания немецких войск.

После разгрома Польши Венгрия стала у Карпат граничить с Советским Союзом, однако русские пока оставили ее в покое. Зато в Будапеште еще был жив в памяти террор Бела Куна после первой мировой войны. Идеологические противоречия между обоими государствами были не меньше, чем где-либо еще, а скрытая угроза для Венгрии со стороны стремящегося расширяться Советского Союза была неоспоримой. Гитлер питал мало симпатии к маленькому придунайскому государству. Политические претензии Венгрии казались ему преувеличенными, социальную структуру этой страны он считал устаревшей. С другой стороны, он не хотел отказываться от военной помощи Венгрии. Не посвящая ее в свои политические планы, он настаивал на расширении и моторизации венгерской армии, которая освобождалась от оков Трианона{19} гораздо медленнее, чем германские вооруженные силы от оков Версальского договора. Лишь в апреле Гитлер сообщил Венгрии о своих политических замыслах. Она согласилась выделить 15 дивизий, из которых, однако, лишь незначительная часть была боеспособной.

Италия по личной инициативе Муссолини в ходе летней кампании 1941 г. предоставила в распоряжение Германии экспедиционный корпус в составе трех дивизий, который летом 1942 г., вопреки желанию высшего военного командования и опять-таки под нажимом Муссолини, был расширен до армии Муссолини в 1942 г. стал на ту точку зрения, что Италия как великая держава совершила ошибку, дав возможность маленькой Венгрии превзойти себя в отношении участия в войне против Советского Союза, и должна эту ошибку исправить.

Хорватия и Словакия также участвовали в войне. Они выставили небольшие контингента, которые, однако, не уступали русским в стойкости.

Испания до некоторой степени в знак благодарности за оказанную ей Германией помощь в гражданской войне против коммунистов выделила «голубую дивизию», которая осенью 1941 г. была введена на Волховском фронте.

После того как разразилась война против Советского Союза, Гитлер стремился придать ей характер крестового похода всей Европы против большевизма как смертельной опасности, угрожающей самому существованию Запада. Теперь он хотел получить военную помощь, оказываемую ему до сих пор Другими странами из политических соображений, также и от народов Северной и Западной Европы. Эта попытка потерпела неудачу, так как западные державы стали союзниками Советского Союза. Напрасно Гитлер взывал к этим народам: разве могли они помогать ему в борьбе против одного из партнеров такой коалиции, победа которой должна была принести им освобождение от немецкого господства или контроля? Небольшое число французов, носивших форму немецкой армии, и незначительное количество добровольцев, которые по внутреннему убеждению признали мировоззрение

национал-социализма и вступили в ряды отрядов СС, были слабым результатом попытки Гитлера получить помощь этих европейских народов – попытки, у которой отсутствовали все политические предпосылки для лучшего результата.

Германо-японские отношения в связи с предполагаемой войной против Советского Союза сложились весьма своеобразно. Формально Япония как участник пакта трех держав была обязана оказывать помощь своему немецкому партнеру, если он подвергается нападению со стороны третьей державы, до сих пор находившейся вне войны. Гитлер не имел намерения на этой почве претендовать на расторжение союза. Поэтому он не стал обсуждать этот вопрос с японским министром иностранных дел Мацуока, который в конце марта 1941 г. приехал в Берлин. Для него было гораздо важнее, чтобы японцы нападением на Сингапур сковали силы англичан на Дальнем Востоке. Чем раньше произойдет такое нападение, полагал Гитлер, тем меньше шансов, что оно повлечет за собой вступление Соединенных Штатов в войну, к которой они не были готовы.

Относительно русско-германских отношений Гитлер сделал своему гостю весьма туманные намеки. По его мнению, немцы не сомневаются в миролюбии

Советского Союза, но он будет разгромлен, если займет позицию, которую Германия воспримет как угрозу.

С этими сведениями, не содержащими ничего определенного, и с предложением Германии не вести серьезных переговоров с русскими Мацуока в начале апреля отправился в Москву. Там он, к великому удивлению немцев, заключил пакт о нейтралитете с Советским Союзом, в котором оба государства обязались в течение всей войны с третьей державой не выступать друг против друга. Оба государства до 1945 г. придерживались этого договора.

Гитлер, конечно, не был согласен с такой переменной политического курса Японии. Его бы больше устроило, чтобы русско-японские отношения оставались неопределенными. С другой стороны, он считал, что в войне против Советского Союза военная помощь Японии ему не потребуется. Если японцы перестанут беспокоиться за свой тыл, то это только будет благоприятствовать ожидаемому в ближайшем времени нападению Японии на Сингапур.

2. Красная Армия

Определить хотя бы приблизительно военную мощь Советского Союза было почти невозможно. Слишком многие факторы, из которых при нормальных условиях можно было бы составить сложную картину мобилизационных возможностей вооруженных сил и их экономических источников, были покрыты непроницаемой тайной. На протяжении двадцати лет Советский Союз, отгородившийся уже тогда железным занавесом от остального мира, жил своей особой жизнью. Он сообщал сведения о себе лишь постольку, поскольку это было в его интересах, причем они бывали часто приукрашенными, а где это казалось выгодным, положение рисовалось значительно менее благоприятным, чем оно было в действительности. Желаемый результат был достигнут: в таких решающих областях экономики, как, например, транспорт и военная промышленность, возможности русских сильно недооценивались. Техническая оснащенность армии оставалась тайной, которая не раскрывалась хотя бы частично, как в других государствах, в ясных проектах бюджета, в парламентских дебатах и в сообщениях прессы. О достигнутых успехах всякого рода ежегодно сообщалось лишь в сравнительных процентах, а не в абсолютных величинах. Такие сведения служили только целям пропаганды, практически они не имели никакой ценности, так как у них отсутствовал ключ – исходные цифровые данные.

В армии мирного времени режим секретности был таким строгим, что полки даже не имели номеров. Суровые наказания за шпионаж, полная изоляция руководящих кругов от внешнего мира и свойственная славянам от природы подозрительность по отношению к иностранцам делали совершенно недоступным круг тех, кто знал о действительном положении вещей.

Шпионаж, который в других странах велся под видом безобидной частной экономической деятельности, не находил для себя в Советском Союзе в условиях централизованного руководства экономикой никакого поля деятельности. Деловые или увеселительные поездки

были невозможны в стране со строжайшим контролем по отношению к иностранцам. Поэтому неудивительно, что оценка русских вооруженных сил представляла исключительные трудности для занимающихся этим вопросом не только в германском генеральном штабе, но и в генеральных штабах других стран. На основании разведывательных данных, которые, несмотря на строжайшую изоляцию, поступали из Советского Союза, и данных, полученных чисто эмпирическим способом, применимым для оценки численности вооруженных сил любой страны (например, существует постоянное соотношение между численностью населения и количеством соединений, которые могут быть сформированы), у германского генерального штаба создалось приблизительное представление о том, на что способен Советский Союз в случае войны. Русско-финская война дала новые отправные данные, которые, однако, в ряде случаев привали к ложным заключениям.

Численность русской армии была довольно точно оценена немцами: 150 стрелковых дивизий, 36 мотомеханизированных бригад и 32 кавалерийские дивизия, из которых в начале войны около 25 стрелковых дивизий, 7 кавалерийских дивизий и несколько мотомеханизированных бригад были связаны на других границах, в первую очередь в Восточной Азии{20}. Германское командование рассчитывало на то, что в начале войны придется столкнуться примерно с 125 стрелковыми, 25 кавалерийскими дивизиями и 30 мотомеханизированными бригадами, в том числе 5 танковыми дивизиями. Этими соединениями, конечно, далеко не исчерпывались людские резервы огромной страны, которая при ежегодном призывном контингенте примерно 1,5 млн. человек располагала по меньшей мере 12 млн. годных к военной службе молодых людей. Вопрос о том, в какой степени русская военная промышленность могла вооружить эту массу людей, оставался открытым. Уничтожение русской военной промышленности приобретало в связи с этим решающее значение.

Было известно, что вооружение стрелковых дивизий, с которыми предполагалось встретиться в первую очередь, отвечает современным требованиям; знали и то, что в отличие от немецких пехотных дивизий они имеют в своем составе танковые батальоны. У русских было, видимо, много танков – вероятно, раза в 4 – 5 больше, чем у немцев. Однако русские еще отставали в организации крупных подвижных соединений, предназначенных для решения оперативных задач.

Русская авиация справедливо считалась слабее немецкой, хотя количество ее самолетов могло быть в несколько раз больше.

Немцы полагали, что они значительно превосходят русских по качеству командного состава. Отборные командные кадры русских пали жертвой широкой политической чистки в 1937 г. Русско-финская война вскрыла недостаточную тактическую подготовку среднего и младшего командного звена. Стало известно, что русский министр обороны Тимошенко, учитывая опыт этой войны, решил улучшить одиночную подготовку бойцов, приучать командиров к большей самостоятельности, отказу от всяких шаблонов и улучшению взаимодействия родов войск. Казалось невероятным, чтобы эти недостатки, проявлявшиеся еще в первую мировую войну и отчасти вообще свойственные характеру русского народа, могли быть ликвидированы в короткий срок. Следовало предполагать, что русское высшее командование со свойственной ему обстоятельностью и усердием тщательно изучало ход войн в Польше и во Франции и сделало из этого изучения свои выводы. Из сотрудничества с русскими в 1933 г. было также известно, что русские принципы вождения войск, изложенные в уставах, теоретически соответствовали немецким взглядам. Таким образом, важно было знать, как командование и войска умели использовать эти положения на практике. В выносливости и непритязательности русского солдата не было сомнения. Однако предполагалось, что русские войска не смогут отразить внезапных ударов армии, оснащенной современной техникой и превосходящей их по качеству командного состава.

В политических кругах Германии сильно надеялись на то, что после крупных военных неудач советское государство рассыплется.

То, что Советский Союз в скором будущем будет сам стремиться к вооруженному конфликту с Германией, представлялось в высшей степени невероятным по политическим и военным соображениям; однако вполне обоснованным могло быть опасение, что впоследствии

при более благоприятных условиях Советский Союз может стать весьма неудобным и даже опасным соседом. Пока же у Советского Союза не было причин отказываться от политики, которая до сих пор позволяла ему добиваться почти без применения силы замечательных успехов. Советский Союз был занят модернизацией своих устаревших танков и самолетов и переводом значительной части своей военной промышленности на Урал. Осторожные и трезвые политики в Кремле не могли замышлять наступления на Германию, которая имела на других фронтах лишь небольшие сухопутные силы, а свою мощную авиацию могла в любое время сконцентрировать на востоке. К тому же русские в 1941 г. чувствовали, что они были слабее немцев. Конечно, от русской разведки не укрылось, что центр тяжести военной мощи Германии все больше перемещался на восток. Русское командование принимало свои контрмеры. 10 апреля Высший Военный Совет под председательством Тимошенко решил привести в боевую готовность все войсковые части на западе. 1 мая были проведены дальнейшие неотложные военные приготовления и приняты меры для защиты советской западной границы. 6 мая Сталин, который до сих пор был только генеральным секретарем коммунистической партии, хотя и самым могущественным человеком в Советском Союзе, стал преемником Молотова на посту председателя Совета Народных Комиссаров и, таким образом, официально возглавил правительство. Этот шаг означал, по крайней мере формально, усиление авторитета правительства и объединение сил. Изменения политики русских по отношению к Германии в связи с этими событиями ожидать не следовало. Напротив, Советский Союз по-прежнему стремился к тому, чтобы точно выполнять свои обязательства по торговому соглашению.

Советский Союз подготовился к вооруженному конфликту настолько это было в его силах. На стратегическую внезапность германское командование не могло рассчитывать. Самое большее, чего можно было достигнуть, – это сохранить в тайне срок наступления, чтобы тактическая внезапность облегчила вторжение на территорию противника.

3. Начало войны

22 июня в 3 часа 30 мин. немецкая армия начала роковое наступление на Востоке по всему фронту от Черного до Балтийского моря. В одном из своих обычных длинных воззваний Гитлер обратился к немецкому народу, чтобы объяснить ему и всему миру необходимость этого нового конфликта. Он широкими мазками нарисовал картину неизбежного исторического хода событий, начиная с Версальского договора, а затем обратился к русской политике прошлого года. Она, по его словам, преследовала цель в тайном сотрудничестве с Англией сковать немецкие силы на Востоке. Последняя попытка прийти к соглашению с Советским Союзом, для чего Молотов был приглашен в Берлин в ноябре 1940 г., не удалась ввиду непомерности советских требований, особенно в отношении Финляндии, Болгарии и в вопросе о Дарданеллах. Советский Союз, заявлял далее Гитлер, постоянно усиливал свои войска на восточной границе Германии, в союзе с Англией подстрекал Югославию враждебно относиться к Германии; в последние недели русские стали все более и более открыто нарушать германскую государственную границу. Поэтому он решил снова верить солдатам судьбу и будущее германской империи и народа.

Воззвание Гитлера было дополнено выступлением имперского министра иностранных дел перед представителями немецкой и иностранной печати, в котором тот указал на угрозу большевизма для всего мира. Немецкий народ, заявил в заключение министр иностранных дел, сознает, что он призван спасти всю мировую культуру от смертельной угрозы большевизма и освободить путь для истинного социального подъема.

Эти предостережения оправдались несколько лет спустя при обстоятельствах, которых нельзя было предвидеть в 1941 г. И роковым стало то, что Гитлер развязал эти события и что немецкий солдат, чем дольше затягивалась война и чем суровее она становилась, все глубже осознавал необходимость бороться за Германию и за спасение западной культуры, но при этом он был скован политической системой, которая без его ведома и участия совершала тягчайшие прегрешения против законов западной культуры. Это обстоятельство не только лишило германские вооруженные силы уважения, но и свело на нет все их поистине героические усилия

в беспримерных боях последующих лет.

Теперь сам Гитлер соединил судьбы Англии и Советского Союза, и направленный против него союз между этими государствами был неизбежен. Черчилль еще в день объявления войны поднял свой угрожающий и предостерегающий голос:

«Никто за последние 25 лет не был более ярким противником коммунизма, чем я. Я не беру обратно ни одного слова, которое я когда-либо сказал о нем. Но сегодня это уже не играет никакой роли... Мы имеем только одну цель, от которой никогда не отступим. Мы ни при каких обстоятельствах не будем вести переговоров с Гитлером и его отродьем... Если Гитлер считает, что нападение на Советскую Россию может вызвать хотя бы малейшее изменение больших целей и уменьшение усилий, которые мы прилагаем, чтобы его уничтожить, то он глубоко заблуждается...»

4. Пограничные бои

Наступление южнее Припятских болот

Группа армий «Юг» фон Рундштедта в составе трех армий и одной танковой группы, насчитывавших в общей сложности двадцать Шесть пехотных, четыре моторизованные, четыре егерские и пять танковых дивизий, наносила главный удар своим сильным левым крылом с выдвинутыми вперед подвижными силами в направлении на Киев с задачей уничтожить русские силы в Галиции и Западной Украине западнее Днепра и овладеть переправами через Днепр в районе Киева и ниже для продолжения операции по ту сторону реки. Эту группу армий поддерживал 4-й воздушный флот генерал-полковника Лёра.

У реки Прут вместе с румынскими соединениями была развернута 11-я армия генерал-полковника Риттер фон Шоберта. Вначале она имела задачу только оборонительного характера: защищать жизненно важную территорию Румынии. Лишь в ходе дальнейшего развития событий 11-я армия должна была перейти в наступление с целью воспрепятствовать организованному отходу противостоящих ей русских сил.

В ударную группировку на левом крыле входили 6-я и 17-я армии вместе с 1-й танковой группой в составе пяти танковых и четырех моторизованных дивизий. Между Перемышлем и Томашувом, в горном районе, к которому подходила новая русская граница, тянувшаяся до Самого гребня Карпат юго-западнее Черновиц, развернулась 17-я армия генерала фон Штюльпнагеля. Она должна была прорвать приграничную оборону, отбросить своим сильным левым флангом стоявшего перед ней противника на юго-восток и, используя успех 1-й танковой группы, своевременно достигнуть района Винницы и севернее. Затем 17-я армия должна была продолжать наступление на восток или юго-восток в зависимости от обстановки.

6-я армия фельдмаршала фон Рейхенау находилась севернее 17-й армии в готовности к наступлению, чтобы прорвать оборону по обе стороны Луцка. Прикрывая северное крыло группы армий против возможных ударов противника из района Припятских болот, она должна была прорываться как можно большими силами на Житомир.

Между обеими армиями была расположена 1-я танковая группа генерал-полковника фон Клейста. Он получил задачу во взаимодействии с двумя армиями прорваться через позиции русских между Рава-Русской и Ковелем, а затем через Бердичев и Житомир достигнуть Днепра в районе Киева и ниже. Германское командование надеялось, что 1-я танковая группа сможет оттуда продвигаться дальше на юго-восток, чтобы ударом в тыл противника преградить ему отход через Днепр.

Немецкой группе армий противостояли две сильные группировки противника под командованием маршала Буденного.

В Бессарабии находились одиннадцать стрелковых, одна кавалерийская, две танковые дивизии и семь мотомеханизированных бригад, которые на широком фронте прикрывали границу у реки Прут и в глубину дислоцировались до противоположного берега Днестра. В районе между Черновицами и Припятскими болотами по ту сторону границы находилась основная масса другой группировки противника силою до двадцати семи стрелковых, семнадцати кавалерийских и трех танковых дивизий и четырех мотомеханизированных бригад. За ними были развернуты еще двенадцать стрелковых и три кавалерийские дивизии, одна

танковая дивизия и три мотомеханизированные бригады, эшелонированные в глубину до реки Случь и истока Буга. Поэтому группа армий «Юг» встретила здесь мощную оборону.

17-я армия уже после первоначальных успехов у границы западнее рубежа Львов, Рава-Русская встретила сильного противника, оборонявшегося на хорошо укрепленных позициях и сразу же сумела их захватить. 6-я армия продвинулась через реку Стырь. Но там она, как и 1-я танковая группа, подверглась сначала на юге, а затем на севере интенсивным контратакам русских, в которых приняли участие подтянутые свежие танковые силы.

До 3 июля на всем фронте продолжались упорные бои. Русские отходили на восток очень медленно и часто только после ожесточенных контратак против вырвавшихся вперед немецких танковых частей. 4 июля 1-я танковая группа достигла района западнее реки Случь, в то время как обе полевые армии еще только преследовали отступавшего перед ними противника.

11-я армия, сосредоточив свои основные силы на левом фланге, лишь 2 июля начала наступление из района севернее Яссы на северо-восток, но не для того, чтобы преследовать противника по пятам, как это вначале планировалось, а чтобы постепенно отеснить ведущие упорные бои арьергардные части к Днестру в направлении на Могилев-Подольский.

Из района Карпат румыны продвигались на Черновцы, а одно венгерское соединение захватило город Коломыя и установило связь южным флангом 17-й армии.

После двенадцатидневных боёв группа армий «Юг» с 1-й танковой группой на левом крыле достигла района западнее среднего течения реки Случь. Ее армии фронтальным наступлением теснили противника, который, собрав все свои силы, бросился навстречу немцам и избежал широкого охвата. Войска группы армий продвинулись в центре до реки Збруч и верхнего течения Днестра, в то время как ее правое крыло находилось еще у реки Прут. 1-я танковая группа не смогла выйти, как ожидалось, на оперативный простор. Противник хотя и понес тяжелые потери, но ушел от замышлявшегося немцами охвата и организованно отвел свои силы за реку Случь, Западный Буг в его верхнем течении и Днестр в районе Могилева и южнее.

Прорыв на Минск

Группа армий «Центр» фельдмаршала фон Бока в составе двух армий и двух танковых групп, насчитывавших тридцать одну пехотную дивизию, семь моторизованных, одну кавалерийскую и девять танковых дивизий, была наиболее сильной из всех групп армий.

Линия границы, выгибавшаяся дугой в сторону Варшавы, создавала для немецких войск особенно благоприятные условия. Перед ними были поставлены широкие задачи. Ударами сильных группировок своих обоих крыльев эта группа армий должна была разбить противника в Белоруссии, выйти подвижными соединениями южнее и севернее Минска и как можно быстрее захватить ими Смоленск. После достижения этой цели крупные подвижные соединения должны были во взаимодействии с группой армий «Север» уничтожить силы противника, ведущие бои в Прибалтике и в районе Ленинграда.

Группе армий «Центр» противостояла приблизительно равная по силам группировка противника под командованием маршала Тимошенко. Она состояла из тридцати шести стрелковых, восьми кавалерийских, двух танковых дивизий и девяти мотомеханизированных бригад, из которых две трети были выдвинуты в пограничный район Белостока, и около трети – эшелонированы до района Минска.

Группа армий «Центр», используя начертание границы, расположила на крыльях по одной полевой армии, каждая из которых взаимодействовала с одной танковой группой.

В районе западнее и северо-западнее Бреста были развернуты 4-я армия фельдмаршала фон Клюге и 2-я танковая группа генерал-полковника Гудериана. Танковая группа при поддержке 4-й армии должна была прорвать оборону противника по обе стороны Бреста и быстрым продвижением на Слуцк и Минск во взаимодействии с 3-й танковой группой, продвигающейся на Минск с северо-запада, создать предпосылку для окружения и уничтожения сил противника, находящихся между Белостоком и Минском. После этого обе танковые группы должны были захватить район Смоленска.

Планировалось, что 4-я армия после прорыва по обе стороны Бреста будет наступать за 2-й танковой группой в направлении на Минск, чтобы, используя наступление обеих танковых групп, во взаимодействии с 9-й армией уничтожить противника в районе между Белостоком и

Минском.

Аналогичная задача была поставлена перед расположенными на левом крыле группы армий «Центр» 9-й армией генерал-полковника Штрауса и 3-й танковой группой генерал-полковника Гота.

Оба эти объединения должны были прорвать фронт противника в направлении на Гродно и затем образовать северную половину клещей для окружения неприятельских войск между Белостоком и Минском. Последующей задачей 3-й танковой группы был захват Витебска, 9-й армии – Полоцка у верхнего течения Западной Двины.

Наступление группы армий началось довольно многообещающе. Противник был застигнут врасплох и совершенно ошеломлен. На южном фланге все переправы через Буг остались неразрушенными и попали в руки немцев. В противоположность боевым действиям группы армий «Юг» дальнейшее наступление этой группы армий также проходило в полном соответствии с планом.

Обе танковые группы после успешных прорывов приграничной обороны безостановочно продвигались на восток. 24 июня 2-я танковая группа достигла района Слонима, 3-я танковая группа – района Вильнюса. За ними следовали 4-я и 9-я армии. Войска противника, находившиеся в районе Белостока, пытались отойти на восток и вырваться из постепенно образующегося котла. Наступающим танковым группам при поддержке крупных воздушных сил все же удалось задержать отход противника до тех пор, пока 29 июня в районе восточнее Белостока не была установлена связь между 4-й и 9-й армиями. Русские еще в течение двух дней предпринимали отчаянные попытки прорваться на восток и на юго-восток и разорвать суживающееся кольцо окружения. Затем их силы иссякли. Окружение было завершено, и 1 июля бои в этом районе прекратились.

Между тем обе танковые группы продвигались дальше на восток, чтобы вновь осуществить окружение тех сил русских, которые отошли на восток и избежали котла в районе Белостока. 2-я танковая группа 27 июня достигла южной окраины Минска и встретилась там с 3-й танковой группой, которая еще накануне, продвинувшись через Вильнюс, достигла северной окраины города.

Танковые группы образовали теперь новый котел, который постепенно создавался вокруг русских войск, оставшихся западнее Минска и в районе Новогрудок. Армейские корпуса 4-й и 9-й армий, наступавшие за танковыми группами, окончательно завершили с запада окружение русской группировки. К 9 июля котел был очищен. В сводке германского верховного командования от 11 июля сообщалось, что в результате первого большого двойного сражения за Белосток и Минск было взято в плен 328 898 человек, в том числе несколько крупных генералов, захвачено 3332 танка, 1809 орудий и другие многочисленные военные трофеи.

Все части обеих танковых групп, без которых можно было обойтись, были еще 3 июля объединены в 4-ю танковую армию со штабом 4-й полевой армии в качестве органа управления. Эта танковая армия немедленно начала преследование сил противника, избежавших окружения, в направлении на восток и юго-восток, чтобы достигнуть Смоленска. Армейские корпуса 4-й армии были переданы вновь введенной 2-й армии под командованием генерал-полковника барона фон Вейхса.

2-я танковая группа, наступавшая вдоль автострады Минск - Орша – Смоленск, вскоре натолкнулась на все возраставшее сопротивление противника. На флангах обеих танковых групп положение было легче, 2-я танковая группа быстро достигла Днепра в районе Рогачева. 3-я танковая группа 4 июля захватила плацдарм на восточном берегу Двины западнее Витебска. К 10 июля и на центральном участке наступления танковых групп немецкие войска, форсировав Березину и Друть, вышли к Днепру; теперь они сосредоточили свои основные силы между Могилевом и Оршей, чтобы форсировать Днепр.

Обе полевые армии после окончания боев в районе Новогрудок форсированным маршем продвигались за танковыми группами. Передовые отряды 2-й армии к 10 июля вышли к Березине, а 9-й армии – к Западной Двине в районе Полоцка и южнее.

Группа армий «Центр» выполнила все поставленные перед ней задачи, в первую очередь путем уничтожения противостоящих ей сил противника, и помешала русским создать оборону на Днепре и среднем течении Западной Двины. Энергичные действия 2-й танковой группы у

Днепра позволяли надеяться на то, что она преодолет и это большое препятствие, прежде чем русские смогут подтянуть резервы. Тогда можно будет немедленно начать наступление на Смоленск.

Наступление в Прибалтике

Группа армий «Север» (командующий фельдмаршал Риттер фон Лееб) в составе двух армий и одной танковой группы – всего двадцать пехотных, три моторизованные и три танковые дивизии, была самой слабой из трех групп армий. Предполагалось, что она уничтожит силы противника в Прибалтике и, захватив балтийские порты, а затем Ленинград и Кронштадт, лишит Балтийский флот его баз. Имелась также в виду своевременная поддержка подвижных соединений группы армий «Центр», наступающих вначале на Смоленск. Группа армий «Север» стремилась прежде всего продвинуться вперед подвижными соединениями сильного правого крыла, чтобы как можно скорее достигнуть района Опочки, воспрепятствовать отходу русских войск из Прибалтики и создать предпосылку для последующего быстрого наступления на Ленинград.

Начертание границы заставляло плотно сосредоточить войска группы армий у границы Восточной Пруссии и по обеим берегам Немана в его нижнем течении и не давало никаких возможностей для запланированного охвата непосредственно из района развертывания.

Войска противника под командованием маршала Ворошилова с самого начала имели глубоко эшелонированное расположение. Только семь дивизий стояли на границе с Восточной Пруссией. Другие двадцать четыре стрелковые, две кавалерийские, две танковые дивизии и шесть мотомеханизированных бригад располагались отдельными группами вокруг Вильнюса, Каунаса, Шауляя и далее в тыл до района Опочка, Псков. Очевидно, противник был осведомлен о большом сосредоточении немецких соединений в Восточной Пруссии. К этому следует добавить, что Прибалтийские страны рассматривались русскими только как политически ненадежное предполье, в котором они не предполагали вести решительной обороны.

В такой обстановке охват противника с юга и уничтожение его прежде, чем ему удастся отойти, можно было осуществить только при исключительно благоприятных обстоятельствах. С этой целью 16-я армия генерал-полковника Буша получила задачу развернуть наступление по обе стороны дороги Эбенроде-Каунас в направлении на Даугавпилс и севернее, а 4-я танковая группа генерал-полковника Гёппнера – наступать в том же направлении севернее нижнего течения реки Неман, 18-я армия генерал-полковника фон Кюхлера наносила главный удар вдоль дороги Тильзит-Рига на Ригу.

Когда эти армии 22 июня начали наступление, они встретили только занятые слабыми силами пограничные позиции, которые почти всюду были быстро прорваны, 4-я танковая группа переправилась на широком фронте через Дубису и быстро двинулась к Западной Двине, чтобы выйти к ней на участке Даугавпилс, Екабпилс. Наступавший на ее левом фланге корпус был на некоторое время задержан контратаками русских танков. В боях, проходивших с 24 по 26 июня в районе Кедайняй севернее Каунаса, он разгромил противника. В то же время другой танковый корпус, вырвавшись далеко вперед, уже 26 июня одной танковой и одной моторизованной дивизиями достиг Западной Двины в районе Даугавпилса и захватил плацдарм на ее правом берегу. После того как вся танковая группа подтянулась и также создала плацдармы в районах Ливани и Екабпилса, она, не заботясь о том, что у реки еще находились русские войска, 2 июля начала наступление на широком фронте.

Между тем обе армии, сломив сопротивление противника, которое в полосе 16-й армии было особенно сильным в районе Каунаса, быстро продвигались за устремившимися вперед подвижными соединениями. 29 июня 18-я армия захватила Ригу. Подтянувшись к Западной Двине и подавив последнее сопротивление противника, обе армии теперь наступали за 4-й танковой группой. Последняя, преодолев бывший пограничный район, прилегавший к Прибалтийским государствам и намеренно не оборонявшийся русскими, 9 июля достигла северной окраины Пскова, а 10 июля была южнее Опочки.

Однако уничтожение крупных сил противника, как это намечалось, до сих пор не было осуществлено. В то время как основные силы группы армий вели указанные боевые действия, фланговые соединения 18-й армии предприняли очищение от противника южного района Прибалтики. Без особого сопротивления со стороны противника 28 июня была захвачена

Лиепая (Либавя), 1 июля – Вентспилс (Виндава). На противоположном берегу Западной Двины один армейский корпус начал наступление с целью захвата Эстонии и к 10 июля достиг рубежа Тарту, Пярну.

В своем первом докладе об операциях против Советского Союза 5 декабря 1940 г. генерал-полковник Гальдер заявил, что реки Днепр и Западная Двина образуют самый последний рубеж, на котором русские должны остановиться, если они хотят защитить свои индустриальные районы. Отсюда он делал вывод, что германское командование должно стремиться к тому, чтобы ударами танковых сил воспрепятствовать созданию противником сплошного фронта обороны по западному берегу этих двух рек. Предыдущие операции в этом отношении проходили нормально. Группа армий «Север» продвинулась даже далеко за Западную Двину. Успехи, достигнутые на полях сражений, были не так велики. Правда, группа армий «Центр» одержала почти сверх ожидания большую двойную победу, но две другие группы армий только гнали противника впереди себя. Немецкие войска вышли на рубеж, проходивший от Днестра через Случь, Днепр в районе Орша до южной оконечности Чудского озера. Это было не что иное, как «линия Сталина» – не сплошная линия оборонительных сооружений, но все же цепь полевых укреплений, усиленных противотанковыми рвами и проволочными заграждениями, строительство которых было начато еще до 1941 г. и в последние недели продолжалось с лихорадочной быстротой.

Для дальнейшего использования танковых групп положение группы армий «Юг» казалось многообещающим; на группу армий «Центр» после больших успехов под Минском и Белостоком и после того, как 2-я танковая группа вышла к Днепру, можно было возлагать довольно большие надежды; на севере предпосылки для решающих, успехов были не очень благоприятными, поскольку группа армий «Север» вынуждена была обходиться собственными силами. Пока еще нельзя было сказать, будет ли возможно своевременно бросить подвижные соединения группы армий «Центр», как это планировалось, на север для поддержки действующих там немецких войск.

Немецкая авиация всюду оказывала эффективную поддержку сухопутным войскам. Ее моральное воздействие на противника было велико. Русская же авиация действовала очень осторожно. Уничтожить ее, как это удалось сделать с авиацией противника в Польше и во Франции, немецкая авиация не сумела, очевидно, ввиду большой глубины русской территории и своей занятости поддержкой сухопутных войск на поле боя.

Командование и войска оказались на высоте требований, которые предъявлял к ним необычный, значительно более трудный, чем все предыдущие, театр военных действий. Убедительным было упорство противника; поражало количество танков, участвовавших в его контратаках. Это был противник со стальной волей, который безжалостно, но и не без знания оперативного искусства бросал свои войска в бой. Для серьезных опасений не было никаких оснований, однако уже было ясно одно: здесь не могло быть и речи о том, чтобы быстрыми ударами «разрушить картонный домик». Эта кампания не будет проходить так же планомерно, как прежние.

Когда начались бои за собственно Россию, Сталин обратился к русскому народу с пламенным призывом, который являлся по существу программой действий.

«При вынужденном отходе частей Красной Армии, – говорилось в нем, – нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего... В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. Противника нужно преследовать в уничтожать на каждом шагу{21}... В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою Родину{22}».

Этот призыв – и отчасти здесь были виноваты сами немцы – нашел отклик в сердцах людей. Они откликнулись на него тем охотнее, чем дольше затягивалась война, чем больше тускнел ореол непобедимости Германии и чем больше обнаруживалась неспособность

немецкой военной администрации создать в оккупированных областях такой режим, который отличался бы от прежнего большей свободой.

Одновременно Сталин обратился за помощью к Англии и предложил немедленно открыть новые фронты во Франции и Северной Норвегии, которые должны были не только облегчить положение Красной Армии, но одновременно и устранить для Англии опасность вторжения. С упорством, на которое способны только русские, это требование постоянно выдвигалось на протяжении трех лет без учета его практического осуществления. Несколько благоприятнее для Советского Союза обстояло дело с поставкой оружия, снаряжения и стратегического сырья. В конце июля 1941 г. Черчилль обещал прислать 3 млн. пар обуви, в конце августа он предложил 445 истребителей. Все требования в отношении сырья должны были удовлетворяться. Поставки

оружия и боеприпасов, которые Соединенные Штаты обещали англичанам, Англия теперь была обязана делить с Советским Союзом. До того как американская военная промышленность начала работать на полную мощность, все это поступало в очень скромных размерах. Но с июля 1942 г. американцы обещали поставлять обеим странам вместе ежемесячно 1200 танков, а с октября 1942 г. – до 2 тыс. танков. Начиная с 1 июля 1942 г. русские в течение одного года должны были получить 3600 самолетов. Это было значительное количество боевой техники при условии, что она не придет слишком поздно.

5. Бои за «Линию Сталина»

Выход группы армий «Юг» к Днепру

После того как в начале июля группа армий «Юг» захватила Восточную Галицию и Западную Украину, она могла снова приступить к выполнению своей прежней, хотя и несколько измененной оперативной задачи, 6-я армия и 1-я танковая группа стояли у самой реки Случь, имея в тылу 17-ю армию, которая только еще подтягивалась к реке Збруч. 11-я армия и румыны находились в Буковине и в северной части Бессарабии.

Если бы теперь удалось согласно первоначальному плану быстро продвинуться левым крылом к Киеву и затем нанести удар в юго-восточном направлении, то была бы возможность отрезать и уничтожить силы противника, действующие против 17-й и 11-й армий, а также против румын, прежде чем эти силы успеют отойти за Днепр. Нужно было также выполнить дальнейшее требование директивы о стратегическом развертывании: как можно быстрее захватить переправы через Днепр в районе Киева и южнее для продолжения операций на противоположном берегу реки.

5 июля на северном крыле группы армий «Юг» начали наступление 6-я армия и 1-я танковая группа. «Линия Сталина» была прорвана в районе Новоград-Волынский и южнее, танки через несколько дней достигли Бердичева и Житомира. Казалось, танковая группа наконец-то вышла на оперативный простор; группа армий уже поставила ей задачу захватить Умань, как вдруг здесь, как это часто бывало в течение лета во многих местах Восточного фронта, прошли сильные дожди и на несколько дней сделали невозможным всякое движение по размытым дорогам. К тому же противник вел активные действия против флангов танковой группы. Прошло больше недели, пока она с помощью 6-й армии смогла продвинуться к Белой Церкви. Когда после этого танковая группа хотела повернуться на юго-восток, подошедшие войска противника нанесли сильный удар по ее левому флангу, в результате чего пришлось использовать часть сил для обороны.

Лишь когда наступавшие южнее части 6-й армии поравнялись с танковой группой, она получила возможность продолжать наступление в юго-восточном направлении.

Между тем 6 июля и 17-я армия начала наступление через Збруч, к 15 июля прорвала «линию Сталина» в районе Бар и 18 июля захватила плацдарм на реке Южный Буг у Винницы.

Правее через Могилев на Балту продвигался северный фланг 11-й армии вместе с румынской 3-й армией. Южный фланг 11-й армии и 4-я румынская армия наступали через Кишинев и Балту к Днестру.

Таким образом, теперь вся группа армий «Юг» вела наступление. Она еще могла бы выполнить свою задачу – отрезать крупные силы противника, отходящего к Днестру, если бы

танковая группа быстро продвинулась вперед между Южным Бугом и Днестром. Этот замысел русские стремились сорвать всеми силами.

При поддержке 6-й армии 1-я танковая группа наступала в направлении на Умань. Центр 6-й армии постепенно сменял части 1-й танковой группы, оставленные южнее Киева для прикрытия левого фланга, так что последняя могла наращивать силу удара. Неожиданно окруженные юго-западнее Богуслава части противника, собрав все силы, попытались пробиться на восток. Одновременно с этим русские войска снова контратаковали левый фланг танковой группы, чтобы таким образом отрезать его в результате предпринимаемых с двух сторон усилий. Однако контратаки русских удалось отбить, и наступление на юго-восток продолжалось. Когда 27 июля левый фланг 17-й армии ударил глубоко в тыл и во фланг русским, которым 1-я танковая группа помешала отойти, стали обрисовываться контуры уманского котла. Русские войска, стремившиеся отойти на юго-восток, были остановлены после параллельного преследования, осуществленного южным флангом танковой группы. 2 августа севернее Первомайска выдвинувшийся далеко вперед южный фланг 17-й армии соединился с головными частями танковой группы. Окружение было завершено. К 8 августа группировка противника в районе Первомайск, Новоархангельск, Умань была ликвидирована. Это были значительные силы 6-й и 12-й русских армий с семью корпусными штабами, пятнадцатью стрелковыми и пятью танковыми дивизиями. В сводке германского верховного командования от 8 августа сообщалось, что немцы взяли в плен 103 тыс. человек, в том числе двух командующих армиями, захватили 317 танков и 858 орудий.

Теперь вся 1-я танковая группа могла продолжить дальнейшее наступление в юго-восточном направлении. Она должна была преследовать войска, которые не удалось окружить, и отрезать как можно более крупные силы противника, отступающего перед 11-й немецкой и обеими румынскими армиями. Однако эта задача уже не могла быть выполнена. Видя, как разворачивается наступление немецких войск на Умань, русские своевременно очистили Бессарабию и отступали в районе между Южным Бугом и Днестром. Они удерживали только Одессу, окруженную 4-й румынской армией. Последняя была недостаточно сильной, чтобы внезапным нападением захватить эту крепость, энергично обороняемую и снабжаемую по морю, и Одесса держалась до 16 октября.

Несмотря на это, удар 1-й танковой группы не был напрасным. Продвигаясь тремя колоннами через Первомайск вдоль Буга, через Кировоград на крупный промышленный центр Кривой Рог и из района южнее Кременчуг на юго-восток, она разбила последние силы противника, еще остававшиеся в районе западнее Днепра, и к 20 августа захватила всю излучину Днепра от Черкасс до Херсона. Кроме того, 1-я танковая группа захватила два плацдарма на восточном берегу Днепра; один – в районе Запорожья еще 18 августа, другой, после восьмидневных упорных боев, – 25 августа у Днепропетровска. Таким образом, была создана благоприятная исходная база для будущих операций.

Перед сражением за Умань и во время его русские вели особенно ожесточенные бои против центра и северного фланга 6-й армии. В то время как 17-я армия и 1-я танковая группа еще вели борьбу с окруженными в районе Умани войсками, а центр 6-й армии начал продвигаться к Днепру в районе Киева и южнее, русские подтянули крупные свежие силы и переправились через Днепр у Черкасс и севернее. Они использовали разрыв, образовавшийся между 6-й армией и 1-й танковой группой, и стали угрожать их коммуникациям. Энергичное продвижение русских удалось остановить только в районе Богуслава. Ответные действия 6-й армии и 17-й армии, высвободившейся в районе Умани, заставили противника снова отступить за Днепр, к которому теперь вышли в районе Кременчуга и Черкасс сначала 17-я, а затем и 6-я армии. Сильный плацдарм русских в районе Киева 6-я армия ликвидировать не смогла.

После того как 24 августа закончились эти бои, Днепр до самого устья оказался в руках немцев. С начала июля, когда группа армий «Юг» начала наступление, северный фланг 6-й армии прикрывал все более выдвигавшееся вперед ее северное крыло от угроз со стороны противника, который продолжал прочно удерживать свои позиции между реками Случь и Днепр. 16 июля северный фланг 6-й армии с рубежа Житомир, Новоград-Волынский начал наступление против этих сил, но смог лишь с трудом продвинуться в район Коростеня. Лишь в конце августа, когда южное крыло группы армий «Центр» очистило от противника район

Мозыря и Гомеля, русские, которым теперь угрожала опасность с тыла, также отошли и перед северным флангом 6-й армии и отступили за Днепр.

Смоленское сражение

В результате преследования противника после сражения за Минск группа армий «Центр» углубилась далеко на восток, 2-я и 3-я танковые группы, объединенные в 4-ю танковую армию, вышли к Днепру между Рогачевым и Оршей и к Западной Двине в районе Витебска и по обе стороны Полоцка. Следуя за устремившимися вперед танковыми группами 4-й танковой армии, справа 2-я армия достигла реки Березина, слева 9-я армия – района к западу от Западной Двины.

С подходом к рубежу Днепр, Западная Двина войска группы армии «Центр» втянулись в ожесточенные бои с подошедшими резервами русских войск, стремившихся, очевидно, удержать этот рубеж. Ближайшая задача группы армий заключалась в том, чтобы разбить противостоящие ей силы противника и захватить район Смоленска. Указание на то, что после достижения этой цели придется, видимо, временно передать подвижные соединения другим группам армий, давали возможность предугадать трудности, с которыми еще предстояло встретиться в ходе дальнейшего наступления на таком огромном пространстве.

Однако это были заботы о будущем, а пока надо было во что бы то ни стало удерживать инициативу в своих руках. Наступление на Смоленск снова принесло 4-й танковой армии полный успех. При обходе Могилева 2-я танковая группа двумя мощными ударными клиньями 1) июля форсировала Днепр и своим правым флангом и центром достигла реки Сож. 16 июля ее передовые отряды ворвались с юга в Смоленск, 3-я танковая группа, которую во время прорыва обороны противника поддерживала 9-я армия, продвинулась от Витебска до Ярцева, повернула южным флангом на Смоленск, а северным флангом в районе Невеля соединилась с левым флангом 16-й армии.

После того как русские оправились от внезапности, они оказали упорное сопротивление танковым группам и начали вводить подтягивающиеся с юга, востока и северо-востока резервы против 4-й танковой армии, которая к 20 июля продвинулась до Ельни и теперь глубоко вклинилась в расположение русских войск (основание клина находилось в 200 км к западу, на Днепре). Вначале обеим танковым группам пришлось нелегко, так как давление противника непрерывно возрастало. Их положение стало постепенно облегчаться лишь после того, как начали подходить дивизии, уничтожавшие русские войска западнее окруженной группировки, и помогли Лежать кольцо окружения. Несколько недель длились бои в районе, заключенном между Днепром и рубежом, который широкой дугой тянулся от района Быхова вдоль верхнего течения реки Сож, далее севернее Рославля, через Ельню и Белый до Великих Лук. Окруженные русские соединения предполагалось уничтожить вначале в районе городов Могилев, Орша, Полоцк и Невель, затем успешным взаимодействием обеих танковых групп в районе Смоленска. Здесь 5 августа было сломлено последнее сопротивление русских войск. С 10 июля группа армий «Центр» во всех этих боях захватила 310 тыс. человек пленными, свыше 3 тыс. танков и приблизительно столько же орудий. Еще в ходе последних боев за Смоленск пришлось уничтожить крупную группировку противника, которая наступала из Рославля на северо-запад с целью, очевидно, оказать помощь окруженным в районе Смоленска войскам. Под командованием генерал-полковника Гудериана были объединены два танковых и два армейских корпуса, которые с 1 по 3 августа окружили и уничтожили эти силы в районе Рославля. К 8 августа немецкие войска взяли в плен 38 тыс. человек, захватили 250 танков и столько же орудий.

После окончания всех этих маршей и боев, продолжавшихся непрерывно в течение шести недель, танковые группы нуждались в передышке, чтобы отремонтировать и заменить вышедшую из строя и сильно пострадавшую от русских дорог и летней пыли материальную часть. Однако крайне необходимая передышка могла быть предоставлена им лишь частично. Один танковый корпус 2-й танковой группы сразу же после окончания боев за Рославль получил задачу во взаимодействии со 2-й полевой армией разбить две армии противника, которые еще оборонялись севернее и западнее Гомеля до Мозыря, образуя как бы глубокий клин между отогнутыми назад крыльями групп армий «Центр» и «Юг». Между 9 и 24 августа эти силы противника были окружены и в основном уничтожены в результате наступления

танкового корпуса из Рославля на Клинцы и одновременным с ним ударом 2-й армии с рубежа Бобруйск, Кричев в район Клинцы, Гомель; в то же время противник, удерживавший оборону в районе Мозыря, был отброшен на восток. Армии противника, состоявшие из семнадцати стрелковых, одной танковой и пяти кавалерийских дивизий, оставили в руках немцев 78 тыс. пленных, 144 танка и 700 орудий. Остальные силы отошли в юго-восточном направлении. Этот успех был уже началом следующего большого сражения за Киев, которое началось в последние дни августа.

В районе Великих Лук, где действовали войска левого крыла группы армий «Центр», еще оставались значительные силы противника. Вскоре после охватывающих ударов с запада и юга они были окружены, в результате чего была установлена более тесная связь с правым крылом группы армий «Север» в районе города Холм.

Тем временем на центральном участке в районе Ельни группа армий «Центр» перешла к обороне. Там 4-й армии были переданы подошедшие армейские корпуса, а обе танковые группы снова выведены из ее состава. До последних дней августа русские предпринимали сильные атаки против группы армий, фронт которой выгибался широкой дугой к востоку, по-видимому, все еще в надежде захватить обратно район Смоленска. После ожесточенных боев все атаки были отбиты, однако ельнинский выступ немецкие войска потеряли.

Удар на Ленинград

После того как группа армий «Север» южнее Чудского озера перешла старую русскую границу, она встретила сильное сопротивление. Правда, ее дальнейшее продвижение было облегчено тем, что финны, наступающие на Карельском перешейке на Ленинград, сковали значительные силы русских, однако наступление в северо-восточном направлении неизбежно приводило к тому, что южное крыло группы армий «Север» все больше отдалялось от группы армий «Центр», а правый фланг стал угрожающе глубоким. Танковые соединения группы армии «Центр», содействие которых предусматривалось первоначальным планом, пока еще не подошли. (Карта 4, стр.228)

Когда группа армий «Север» 13 июля начала наступление на Ленинград, наступление группы армий «Центр» на Смоленск развивалось довольно удачно, но все же прошел почти целый месяц, пока бои на Смоленском направлении закончились. Затем пришлось устранять угрозу далеко отставшему северному крылу группы армий «Центр». Таким образом, группа армия «Север» вынуждена была обходиться своими собственными силами. Вначале все шло гладко. Оба корпуса 4-й танковой группы вклинились глубоко в расположение противника после того, как они преодолели старую русскую границу и достигли района Пскова. Правый корпус 15 июля стоял в районе Сольцы юго-западнее озера Ильмень, левый корпус, продвигаясь вдоль восточной оконечности Чудского озера, достиг своими передовыми отрядами уже в тот же день нижнего течения реки Луга в районе юго-восточнее Нарвы. Но и на этот раз оказалось, что русские на редкость нечувствительны к таким клиньям. Их сопротивление настолько усилилось, что пришлось приостановить дальнейшее продвижение до подхода армейского корпуса. Правое крыло группы армий «Север» во время наступления на Ленинград обеспечивали правофланговые корпуса 16-й армии. К 10 августа они, нередко после чрезвычайно ожесточенных боев, продвинулись до города Холм. Севернее, захватив в результате многодневной упорной борьбы Старую Руссу, немецкие войска вышли к реке Ловать в месте ее впадения в озеро Ильмень. Одновременно левый фланг 16-й армии и продвигавшаяся за ним 18-я армия в районе между озером Ильмень и Чудским озером отбросили оборонявшиеся перед ними крупные силы противника в район, которого уже в середине июля достигла 4-я танковая группа. Теперь немецкие войска стояли северо-западнее озера Ильмень и у реки Луга перед упорно обороняющимся противником.

Между тем войска западного фланга 18-й армии, продвигаясь между Чудским озером и Рижским заливом, очистили от противника Латвию и Эстонию до Таллина и Балтийского Порта (Палдиски). Однако, когда 17 августа ударом с юго-востока 4-я танковая группа овладела Нарвой и уозь между Чудским озером и Финским заливом оказалась в руках немцев, основная масса русских войск уже успела отойти через Нарву на восток.

Южнее озера Ильмень 10-й армейский корпус, подошедший к реке Ловать, попал в тяжелое положение и вынужден был перейти к обороне. На его правом фланге сильная

группировка русских войск внезапно переправилась через реку Ловать и угрожала отбросить корпус к озеру Ильмень. Пришлось срочно подтянуть из района Луги части 4-й танковой группы и бросить их против левого фланга русских, который уже поворачивал на север. Танковые соединения вместе с 10-м армейским корпусом отбросили русские войска назад за реки Ловать и Пола. Танковый корпус 3-й танковой группы, Подошедший с юга, уничтожил, наконец, эту группировку противника у западных отрогов Валдайской возвышенности. Одновременно южный фланг 16-й армии продвинулся вперед до рубежа восточная оконечность озера Ильмень, район Осташкова.

Северо-западнее озера Ильмень левый фланг 16-й армии подходил к Волхову, в то время как 18-я армия продвигалась к Ленинграду с задачей ударом на Шлиссельбург отрезать Ленинград от дорог, связывающих его с Москвой и Вологдой. После этого во взаимодействии с финнами немецкие войска должны были приступить к полному окружению и захвату Ленинграда.

В ходе тяжелых боев группа армий «Север» хотя и нанесла противнику значительные потери, а частично и уничтожила его силы в боях южнее и восточнее озера Ильмень, однако решающего оперативного успеха не добились. Запланированная своевременная поддержка сильными соединениями группы армий «Центр» оказана не была.

Бои на Финском фронте

Независимо от ожидаемого вступления финнов в войну против Советского Союза выдвинувшийся к Киркенесу (Северная Норвегия) горно-стрелковый корпус генерала Дитля, который в 1940 г. защищал Нарвик, имел задачу с началом войны захватить важный в экономическом отношении район никелевых залежей Петсамо (Печенга), находившийся на финской территории, и защищать его от русских. Затем горно-стрелковый корпус должен был захватить Мурманск, единственный незамерзающий порт русских на Северном Ледовитом океане. 22 июня корпус перешел норвежско-финскую границу и занял район Печенги, не встретив сопротивления русских. Прежде чем начались боевые действия против Мурманска, произошло до некоторой степени вынужденное вступление Финляндии в войну{23}.

22 июня русские атаковали с воздуха финские военные корабли, произвели со своей базы Ханко обстрел финской территории и в нескольких местах нарушили русско-финскую границу. В это же время немецкие и финские военные корабли минировали Финский залив, а немецкая авиация бомбардировала Ханко. 25 июня русские совершили воздушные налеты на многие населенные пункты, в том числе и на столицу Финляндии Хельсинки. На следующий день финский президент Рюги в выступлении по радио объявил о состоянии войны между Финляндией и Советским Союзом. [258 – Схема 16]

В центральную часть Финляндии был переброшен армейский корпус с составе одной дивизии и нескольких частей войск СС. Ему придали несколько небольших финских частей и поставили задачу захватить Саллу и затем продвигаться на Кандалакшу, чтобы перерезать Мурманскую железную дорогу. Оба немецких корпуса подчинялись командующему армией «Норвегия» генерал-полковнику фон Фалькенгорсту, штаб которого уже был переведен в Рованиэми. Ему был также подчинен один финский армейский корпус, развертывавший одну дивизию в Суомуссалми и одну – в Кусамо, чтобы оттуда также продвигаться к Мурманской железной дороге. Основные силы финской армии были сосредоточены двумя группами на юго-востоке страны, с целью вернуть важные районы, захваченные русскими весной 1940 г., и затем, увязывая свои действия с наступлением немецкой группы армий «Север», продвигаться по обе стороны Ладожского озера.

Наступление с финской территории немецкие и финские войска начали в разное время. 29 июня на Крайнем Севере перешел в наступление горнострелковый корпус. Вначале он быстро продвигался вперед и за несколько дней прошел 30 – 40 км. Но затем в результате все возрастающего сопротивления противника и продвижения по безлюдной каменистой тундре немецкие войска выдохлись. Наступление было остановлено далеко от реки Западная Лица, к которой должен был выйти корпус Дитля. Русские высадились в тылу горно-стрелкового корпуса, и против них пришлось направить финский пехотный полк.

Англичане также пришли на помощь своему новому союзнику: самолеты, поднявшиеся с авианосца, бомбардировали Петсамо и важный для снабжения немецких войск порт Киркенес.

7 сентября корпус Дитля возобновил наступление и достиг Западной Лицы. Но до Мурманска все еще оставалось 50 км по прямой. Боевые действия приняли позиционный характер, который до конца войны так и не удалось изменить. Развернувшиеся вскоре на всех фронтах упорные бои потребовали максимального напряжения сил и не позволили достаточно усилить горно-стрелковый корпус. Кроме того, крупные силы немцев можно было бы снабжать только при значительном расширении дорожной сети в Северной Финляндии, а для этого не было ни рабочих рук, ни техники. Таким образом, Мурманск так и не был взят в течение всей войны.

Не меньшими, чем на Крайнем Севере, были трудности, которые пришлось преодолевать при наступлении на Саллу 36-му немецкому корпусу, еще не освоившемуся с этим театром военных действий. Немецкие войска, начавшие здесь наступление 1 июля, должны были продвигаться через огромный лесной массив с многочисленными озерами и болотами. Такая местность благоприятствовала обороне и заставляла часто прибегать к затруднительным и отнимающим много времени обходам, чтобы сломить сопротивление противника, потому что фронтальным ударом этого сделать было нельзя. И здесь сначала удалось сравнительно быстро захватить город Салла, превращенный русскими в мощный узел обороны. 7 июля город был атакован пехотными частями при поддержке пикирующих бомбардировщиков и взят. Затем начались трудности. Все же в ходе тяжелых боев в результате медленного, но верного продвижения и осуществления ряда охватов и обходов к концу августа немецкие войска уничтожили противостоящие силы противника и достигли старой русско-финской границы. В дальнейшем, преодолевая упорное сопротивление использующих выгодные условия местности русских войск, немцы сумели продвинуться еще на 40 км к Кандалакше. Затем наступление немецко-финских войск было окончательно остановлено, и им оставалось только перейти к позиционной борьбе. Не лучше было и положение 3-го финского армейского корпуса, наступавшего на Лоухи и Кемь. Несмотря на все его героические усилия, он не продвинулся дальше Кестеньги и Ухты.

Основные силы финских войск под командованием фельдмаршала Маннергейма наступали по обе стороны Ладожского озера. На Карельском перешейке действовали 7 пехотных дивизий, а отдельная «Карельская армия», которой командовал начальник генерального штаба, в составе пяти пехотных дивизий, двух егерских бригад и одной кавалерийской бригады, должна была продвигаться севернее Ладожского озера к Онежскому озеру с тем, чтобы впоследствии наступать между озерами к реке Свирь и с этого рубежа принять участие в общем наступлении на Ленинград.

«Карельская армия» начала наступление 10 июля по обе стороны Корпи-селькя и после ожесточенных боев 21 июля достигла своим правым флангом Салми на восточном берегу Ладожского озера, а в последующие дни – старой русско-финской границы. 26 июля ее левый фланг достиг Петрозаводска на западном берегу Онежского озера. Однако крайне желательный для немцев удар на юг для сковывания русских сил не мог быть предпринят, так как русские продолжали упорно удерживать в тылу финских войск район Суоярви, а также еще оборонялись и на правом фланге у озера Янисьярви. Только в начале сентября русские войска оставили эти позиции.

Очень ожесточенные бои вели русские и на Карельском перешейке, обороняя подступы к Ленинграду. Они держались также на северо-западном берегу Ладожского озера, несмотря на то, что Кексгольм (Кякисалми) вскоре был занят финнами и коммуникации русских войск были перерезаны. В конце августа финны захватили район, за который зимой шла такая упорная борьба, с особенно важным для них городом Выборгом.

Теперь финские войска стояли по обе стороны Ладожского озера и были готовы вести дальнейшие боевые действия. Окружение Ленинграда, к которому они стремились, и совместные действия восточнее Ладожского озера теперь зависели в значительной степени от успехов немецкой группы армий «Север». Хотя финны и достигли своей цели войны, освободив отнятые у них районы, они были готовы участвовать всеми силами в дальнейших операциях. Их закалка и стойкость, а также боевой опыт снова в полной мере проявились на деле и завоевали искреннее уважение со стороны воевавших вместе с ними немцев.

6. Первые серьезные разногласия среди высшего военного руководства

Когда в июле группы немецких армий еще успешно вели наступление и войска, хотя и с непривычным напряжением, но с чувством уверенности в своем превосходстве сражались с упорным противником, с такой необычной, прямо-таки допотопной страной и с ее коварным климатом, между Гитлером и Браухичем, а также начальником генерального штаба Гальдером возникли разногласия относительно дальнейшего ведения операций. По мере того как три группы армий приближались к своим первоначально намеченным целям, эти разногласия все более обострялись.

Наряду с важным в оперативно-тактическом отношении вопросом, отвечает ли планирование и осуществление операций на окружение в их прежней форме условиям восточного театра военных действий и поведению противника или должны быть найдены какие-то новые пути, решался и такой первостепенный вопрос, как дальнейшее развитие плана, положенного в основу ведения войны. Гитлер, который в этой кампании в значительно большей степени, чем в предыдущих, вмешивался в оперативное и тактическое руководство сухопутными войсками, был мало удовлетворен достигнутыми успехами. От танковых клиньев на основании опыта войны в Европе ожидали гораздо больших результатов. Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны все новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось. Исходя из этого Гитлер считал, что применявшаяся до сих пор тактика требует слишком много сил и приносит мало успеха. Огромные котлы, которые образовывались в результате стремительного продвижения вперед танковых соединений, неизбежно имели сильно удлинненную форму, а растянутые силы окружения были очень слабыми. До подхода армейских корпусов на подвижные соединения возлагалась задача не только удерживать внутренние фронты окружения, но и отражать все попытки деблокировать окруженные войска. В результате фронты окружения не всюду были одинаково прочными, а подвижным соединениям в течение нескольких дней или даже недель приходилось вести крайне тяжелые бои на два фронта, что пагубно отражалось на их боеспособности. Ход боев в районах Умани и Смоленска укрепил это мнение Гитлера. Поэтому он хотел, чтобы впредь не создавались большие котлы, а русские силы уничтожались небольшими группировками в тесном взаимодействии танковых групп и полевых армий.

Но гораздо важнее этих скорее тактических, чем оперативных соображений, от которых главное командование сухопутных сил в принципе не отказывалось, было то, что теперь обострилось принципиальное расхождение во взглядах Гитлера и Браухича на ведение операций после взятия Смоленска. Гитлер придерживался положений своей первоначальной директивы. Браухич и Гальдер, так же как и крупные генералы группы армий «Центр», видели главную цель операций в уничтожении русских вооруженных сил. Они считали, что самый быстрый и верный путь к этому – продолжать продвижение на Москву. При этом придется преодолевать упорнейшее сопротивление русских: Москва не только является столицей и местопребыванием правительства, но и крупнейшим железнодорожным узлом, потеря которого тяжело отразилась бы на свободе оперативного маневра.

Гитлер же хотел вначале, как это и предусматривалось в директиве, добиться решающего успеха на севере и на юге и одновременно захватить важные экономические районы, что казалось ему решающим. Захват хлеботородной Украины, нефтяных районов Кавказа и Крыма ему казался важнее или, по крайней мере, более необходимым в данное время, чем военная победа. Его требования можно было бы выполнить только в том случае, если бы группа армий «Центр» после завершения боев в районе Смоленска прекратила наступление и отдала значительную часть своих сил двум соседним группам армий.

Мысли Гитлера вызвали глубокие сомнения у работников его собственного штаба, а еще больше – у главного командования сухопутных сил. Вплоть до второй половины августа на совещаниях, в новых директивах, которые часто не могли быть осуществлены и подвергались все новым и новым изменениям, а также во взаимных докладных записках велась борьба за решение, имеющее коренное значение для исхода войны. Браухич и Гальдер упорно боролись за испытанный стратегический принцип: стремиться исключительно к уничтожению

вооруженных сил противника, а не преследовать второстепенные цели, какими бы важными они ни казались, так как после военной победы так или иначе все достанется победителю. Они выступали за то, чтобы после передышки, необходимой для отдыха и пополнения танковых частей, немедленно возобновить наступление на Москву, прежде чем противник сможет собрать новые крупные силы и создать перед Москвой глубоко эшелонированную оборону. Далее они считали, что ослабления боевой, мощи подвижных соединений, чего опасался и Гитлер, вряд ли удастся избежать, если эти соединения сначала должны будут продвинуться на сотни километров на юг и на север с целью добиться там тактических успехов, не имеющих большого значения для исхода войны. Затем эти уже ослабленные соединения вынуждены будут совершать длительные марши, чтобы снова объединить свои силы для решающего удара на Москву, без которого, по мнению Браухича и Гальдера, никак нельзя было обойтись. Наконец, сомнение вызывала потеря времени, необходимого для главной операции также и по метеорологическим причинам. Приближалась осень, поэтому в резерве совершенно не оставалось времени на случай непредвиденных задержек. Советники Гитлера в верховном командовании вооруженных сил, разделявшие это мнение руководителей главного командования сухопутных сил (ОКХ), пытались его переубедить. Но и они не имели успеха. 21 августа решение было принято. Гитлер отклонил предложение ОКХ и приказал продолжать наступление в соответствии со следующими указаниями:

Важнейшей целью, которая должна быть достигнута еще до наступления зимы, является не захват Москвы, а: на юге – захват Крыма, индустриального и угольного Донецкого бассейна и нарушение подвоза русскими нефти с Кавказа; на севере – захват Ленинграда и соединение с финнами.

Крупные русские силы, находящиеся перед северным крылом группы армий «Юг», должны быть уничтожены прежде, чем они отступят за Десну и за реку Суда.

Только при этом условии северное крыло группы армий «Юг» будет обеспечено, и группа армий сможет развернуть наступательные операции восточнее Днестра в направлении на Ростов и Харьков.

Поэтому группа армий «Центр», не беспокоясь о последующих операциях, должна ввести на южном направлении такие силы, чтобы иметь возможность уничтожить русские войска и в то же время сохранить способность отразить все атаки противника на своем центральном участке.

Быстрый захват Крыма имеет наибольшее значение для надежного снабжения Германии нефтью, которое остается под угрозой, пока в Крыму находятся крупные воздушные силы русских.

Предпосылки для успешного наступления группы армий «Центр» и разгрома противостоящих ей сил противника будут созданы лишь тогда, когда находящиеся перед группой армий «Юг» русские войска будут уничтожены, а группа армий «Север» соединится с финнами, замкнув тесное кольцо окружения вокруг Ленинграда.

Главнокомандующий сухопутными силами после того, как он исчерпал все возможности доказать правильность своих соображений, подчинился данным ему приказам. Но между ним и Гитлером лежала теперь целая пропасть, и, хотя чисто внешние противоречия и были на какое-то время преодолены, это глубокое расхождение готово было проявиться по любому серьезному поводу.

Сражение за Киев

22 августа был дан приказ об уничтожении сил противника, оборонявшихся в районе Киева. К этому времени группа армий «Юг» силами 1-й танковой группы, 11-й армии и румынских армий очистила от русских войск большой район между Южным Бугом и Днестром. К левому крылу этой группы армий примыкала 17-я армия, вышедшая к Днестру между Кременчугом и Черкассами. Здесь была также сосредоточена 1-я танковая группа. Левее 17-й армии у Днестра располагалась 6-я армия. Она занимала охватывающее положение по отношению к большому плацдарму русских в районе Киева и после успешных боев под Гомелем своим левым флангом примыкала ко 2-й армии. Последняя располагалась фронтом на юго-восток до Новозыбкова и должна была, наступая в южном направлении, сузить район, для окружения которого, согласно новой директиве, вводилась 2-я танковая группа.

Очень крупные силы русских находились в излучине Днепра, самая выступающая часть которой образовывала Киевский плацдарм, и, очевидно, предполагали удерживать, этот плацдарм любой ценой. Их решимость осуществить это намерение была только на руку немецким войскам. (Карта 4 и Схема 17).

25 августа 2-я армия и 2-я танковая группа начали наступление в южном направлении. Танковая группа должна была овладеть Конотопом, расположенным далеко в тылу противника. Для обеспечения своего открытого восточного фланга, постепенно растянувшегося до 200 км, ей пришлось выделить один танковый корпус. В боях, которые продолжались более двух недель, 2-й армии удалось продвинуться до Десны и форсировать ее. Одновременно 2-я танковая группа, непрерывно отбивая контратаки противника против своего растянутого восточного фланга, 14 сентября передовыми частями достигла района Ромны.

Теперь настал момент начать фронтальное наступление у Днепра и направить с юга 1-ю танковую группу навстречу наступающей с севера 2-й танковой группе, чтобы замкнуть кольцо окружения. С плацдарма, созданного еще раньше 17-й армией в районе Кременчуга, 1-я танковая группа вместе с 17-й армией 10 сентября внезапно начала наступление и 16 сентября в районе Лохвица соединилась с 2-й танковой группой. Осенняя распутица значительно задержала продвижение обеих танковых групп, 17-я армия для прикрытия восточного фланга наступающих войск начала своим правым флангом продвижение на Полтаву, но затем крупными силами повернула на северо-запад. В результате этого наступления, одновременного удара 6-й армии через Днепр по обе стороны Киева, который 19 сентября был обойден и взят, и дальнейшего продвижения 2-й армии с севера русские силы, находившиеся в треугольнике Киев, Черкассы, Лохвица, были сжаты со всех сторон. В это время танковые группы в ожесточенных боях отбивали попытки противника [265 – Схема 17] деблокировать свои войска с востока и, кроме того, крупными силами вклинились в окруженные русские армии и раскололи их. 4-й и 2-й воздушные флоты, действуя последовательными волнами, непрерывно поддерживали сухопутные войска. Прошло еще две недели, пока необычно крупные силы противника, сжатые в котле и расчлененные на отдельные части, были уничтожены или взяты в плен. 26 сентября сражение закончилось. В сводке германского верховного командования сообщалось о взятии в плен 665 тыс. человек, захвате 3718 орудий и 884 танков. Величина успеха говорила за то, что Гитлер был прав. Но только исход всей войны мог показать, насколько достигнутая тактическая победа оправдывала потерю времени, необходимого для продолжения операций. Если цель войны не будет достигнута, то русские хотя и проиграли это сражение, но выиграли войну.

7. Новое наступление немецких войск по всему фронту

Постоянно вмешиваясь в руководство операциями, Гитлер фактически взял на себя решение всех вопросов, связанных с их осуществлением, и снизил роль главного командования сухопутными силами до роли простого исполнительного органа. После сражения за Киев ему предстояло принять самое важное решение в кампании 1941 г. Нужно было определить, были ли силы германской сухопутной армии и имеющееся в распоряжении время достаточными для того, чтобы «победить путем быстротечной военной операции Советскую Россию», как это было намечено в «плане Барбаросса».

Если не удастся сокрушить военную мощь России еще до наступления зимы, то война против нее будет таким промахом, последствия которого невозможно предугадать. Все планы, осуществление которых намечалось «после „Барбароссы“», тем самым будут отложены на неопределенное время, основная масса немецких войск останется скованной на Востоке по меньшей мере еще один год, на горизонте встанет угроза ведения войны одновременно на нескольких театрах военных действий – как раз то, чего думали избежать наступлением на Советский Союз. Поэтому очень веские причины заставляли решиться на максимальные усилия, однако остерегаться безответственно идти ва-банк.

Конечно, германская сухопутная армия в начале октября, несмотря на чувствительные потери, была еще способна к наступлению. Ожесточенные бои последних месяцев не заставили ее усомниться в своем превосходстве. Но все еще нельзя было определить, когда же иссякнут

резервы противника. Все прежние расчеты оказались ошибочными. Цифровые данные о результатах отдельных операций на окружение, возможно, не всегда смогли бы выдержать строгую проверку, так как ошибки при подсчетах были неизбежны. Подобную проверку можно было бы, пожалуй, осуществить только в отношении людских резервов, но никак не в отношении данных об уничтоженной или захваченной технике. С другой стороны, последние части, брошенные русскими в бой, производили впечатление неполноценных и были недостаточно вооружены. Поэтому надежда на то, что новое наступление по всему фронту сломит последнее сопротивление противника, казалась вполне обоснованной.

Общая обстановка заставила Гитлера принять решение продолжать войну и добиться решающего исхода. Москва снова стала вопреки директиве от 21 августа важнейшей целью наступления. Группа армий «Центр», наступавшая на столицу, была значительно усилена. Группа армий «Север», которая между тем захватила Шлиссельбург и окружила Ленинград с юга, должна была передать группе армий «Центр» 4-ю танковую группу, большое количество самоходных орудий и тяжелой артиллерии; группа армий «Юг» – отдать 2-ю танковую группу. Все это было, конечно, необходимо, чтобы наступление на Москву могло быстро принести успех. Но будет ли достаточно сил, оставшихся у обеих групп армии, для выполнения по-прежнему стоявших перед ними задач: на юге – захватить Крым, Донбасс и отрезать Россию от кавказской нефти, а на севере – овладеть Ленинградом?

Был отдан приказ 2 октября перейти в наступление по всему фронту. В одном из своих приказов, относящихся к этому периоду, Гитлер заявлял, что теперь, наконец, созданы все условия для того, чтобы еще до начала зимы нанести противнику сокрушительный удар. Для подготовки наступления сделали все, что только можно было сделать. «Сегодня начинается последнее крупное сражение этого года».

Неудачное наступление группы армий «Юг» на Ростов

Несмотря на успехи в районе Киева, группа армий «Юг» с некоторой тревогой ожидала предстоящей операции, в ходе которой нужно было достичь таких удаленных друг от друга целей, 11-я армия и румынские войска-силы, не скованные под Одессой, – были необходимы для захвата Крыма. Может быть, представились бы новые возможности, если бы 11-я армия смогла быстро захватить Крым и, переправившись через Керченский пролив, развивать дальнейшее наступление во взаимодействии с 1-й танковой группой, продвигающейся на Ростов. Но ее северный фланг при таком глубоком наступлении находился под угрозой до тех пор, пока 17-й и 6-й армиям не удалось бы продвинуться через Северный Донец к Дону. Это опять-таки были цели, которые, видимо, значительно превышали наступательные возможности группы армий. (Карта 4, стр.228)

Новая операция началась еще до того, как 11-я армия, командование которой вместо погибшего генерал-полковника фон Шоберта принял на себя генерал фон Манштейн, закончила бои за Киев. Примерно 20 сентября эта армия начала с бериславского и херсонского плацдармов наступление на восток, отбросила оборонявшиеся перед нею русские армии в район Мелитополя и затем повернула крупными силами на юг, чтобы захватить Перекопский перешеек и овладеть подступами к Крыму. Тем временем 1-я танковая группа после окончания сражения за Киев была сосредоточена на восточном берегу Днепра и 24 сентября начала наступление в юго-восточном направлении. Вначале эта танковая группа ударом в тыл разгромила пять русских дивизий, которые препятствовали ей расширить небольшой плацдарм, созданный в районе Днепропетровска еще до сражения за Киев. Затем ударом во фланг она смяла оборону противника у Днепра до Запорожья и подошла как раз вовремя, чтобы создать опасность с тыла двум русским армиям, которые вели наступательные действия против 11-й армии. Обе немецкие армии окружили слишком поздно начавшего отход противника и в результате «сражения у Азовского моря» между 5 и 10 октября в районе Черниговки взяли в плен свыше 100 тыс. человек и захватили 212 танков и 672 орудия.

Когда переименованная в 1-ю танковую армию 1-я танковая группа начала преследование остатков разбитого противника в восточном направлении, 11-я армия уже могла приступить к захвату Крыма, используя все свои силы и средства, а также подчиненные ей румынские войска. 27 октября после упорных боев она прорвала оборону на Перекопском перешейке. К 16 ноября 11-я армия захватила весь полуостров и крупными силами окружила Севастополь.

Войска центра и северного крыла группы армий «Юг» также перешли 2 октября в наступление: 17-я армия продвигалась к реке Донец, 6-я армия – на Харьков и Курск. Вначале наступление обеих армий развивалось успешно, так как после поражения русских под Киевом их силы на этом участке фронта были очень слабыми. Южный фланг 17-й армии соединился с 1-й танковой армией и форсировал Северный Донец; 6-я армия за период с 24 октября по 2 ноября захватила Харьков, Белгород и Курск. Затем сопротивление русских, командование которыми вместо Буденного принял Тимошенко, начало усиливаться. Вскоре после этого они даже смогли перейти к сильным контратакам.

20 октября 1-я танковая армия своим северным флангом еще успела захватить город Сталине, находящийся в центре важного промышленного района, и на юге продвинулась до Таганрога. Затем ее застала распутица, почти совершенно парализовавшая снабжение войск. Танки буквально тонули на размытых дорогах и продвигались вперед не быстрее черепахи. Лишь в середине ноября 1-я танковая армия достигла района севернее Ростова. Здесь ударили морозы, земля замерзла, и немцам пришлось с большим трудом вытаскивать одну за другой застрявшие автомашины. Между тем русские выиграли время и подтянули свежие силы с Кавказа. В тот момент, когда правофланговый корпус армии начал наступление на Ростов, три русские армии перешли в контрнаступление. Они отбросили немецкие войска, прикрывавшие фланг 1-й танковой армии и растянувшиеся далеко к северу почти до реки Миус, и заставили эту армию 29 ноября отступить, а 21 ноября Ростов и отступить за реку Миус. Здесь она окончательно остановила мощное наступление русских {24}.

Дальше к северу русские прорвались на широком фронте между 1-й танковой и 17-й армиями, 17-ю армию пришлось отвести за Северный Донец, где она сумела закрыть ударом через Артемовск брешь, образовавшуюся на стыке с 1-й танковой армией, 6-я армия также была отведена за Северный Донец для обороны Харькова и в районе юго-восточнее Курска соединилась со 2-й армией, которая здесь обеспечивала фланг еще продолжавшей наступление на Москву группы армий «Центр».

Когда фельдмаршал фон Рундштедт в конце ноября потребовал эвакуации Ростова и отступления на Миусскую позицию, считая это неизбежным, пришел приказ Гитлера, запрещающий всякое отступление. Рундштедт отказался выполнять приказ Гитлера, который он считал бессмысленным, и был заменен фельдмаршалом фон Рейхенау. Однако противник все же заставил немецкие войска отойти.

Как этого и опасались, силы группы армий оказались недостаточными для захвата так далеко расположенных друг от друга целей. Хотя Крым был в руках немцев, но основные силы 11-й армии были скованы под Севастополем. Большую часть Донецкого бассейна удалось удержать, несмотря на контрнаступление русских. Но немецкие войска, наступавшие на нефтяные районы, не смогли продвинуться через Дон и потерпели тяжелое поражение. Они вели бои до полного истощения своих сил и, конечно, не были виноваты в том, что достигнуть намеченных целей не удалось.

Ленинград

Подвижные соединения группы армий «Север» в начале сентября продвинулись до Невы восточнее Ленинграда. 8 сентября они штурмом взяли Шлиссельбург и таким образом отрезали Ленинград от его юго-восточных коммуникаций. К Ленинграду подошли основные силы 18-й армии, левый фланг 16-й армии прикрывал своего левого соседа у Волхова. (Карта 4, стр.228)

В середине сентября группа армий «Север» вынуждена была отдать часть своих сил для проведения запланированного наступления на Москву, 3-я танковая группа, которая в начале сентября продвинулась с юга к Валдайской возвышенности и обеспечила продвижение южного фланга и центра 16-й армии до западных отрогов Валдайской возвышенности, была передана, как и 4-я танковая группа генерал-полковника Гёппнера, группе армий «Центр». Предполагавшееся вначале использование 3-й танковой группы на южном крыле группы армий «Север» для глубокого охвата Ленинграда не было осуществлено, если не считать поддержки одного танкового корпуса, вызванной русским контрударом на Старую Руссу.

Южное крыло группы армий «Север» оставалось на Валдайской возвышенности и юго-восточнее озера Ильмень, где русские во второй половине сентября уже предпринимали сильные контратаки, а ее центр находился севернее озера и стремился удержать район

Шлиссельбурга и сжать кольцо окружения вокруг Ленинграда. Еще 18 сентября командование этой группы армий считало, что немецким войскам удалось достигнуть решающего вклинения в оборону Ленинградского фронта, но через неделю чрезвычайно ожесточенных боев вынуждено было сообщить о том, что с оставшимися силами не может продолжать наступление на город.

Это затухание немецкого наступления было неприятной неожиданностью для «Карельского фронта» финнов, которые 4 сентября, когда немцы приближались с юга к Ленинграду и Шлиссельбургу, начали стремительное продвижение к реке Свирь и достигли ее уже через три дня в районе Лодейного поля. Они надеялись, что вскоре соединятся с немецкими войсками, продвигавшимися южнее Ладожского озера на восток. Вместо этого 26 сентября немецкое командование обратилось к финнам с настоятельной просьбой оказать в районе реки Свирь как можно более сильное давление на русские войска, чтобы облегчить положение корпуса, ведущего ожесточенные бои в районе южнее Ладожского озера. Но финская армия, северный фланг которой под Петрозаводском сам должен был сдерживать сильный натиск противника, была не в состоянии это сделать.

В начале октября ослабленная группа армий «Север», передавая часть своих сил группе армий «Центр», согласно директиве начала наступление севернее озера Ильмень. В середине октября удар в северо-восточном направлении нанесли ее корпуса, располагавшиеся юго-восточнее озера Ильмень у Валдайской возвышенности; встретив сильного противника, они после некоторых первоначальных успехов вскоре застряли у Валдайской возвышенности. Этим с самого начала был поставлен под угрозу успех наступления, в ходе которого северный фланг 16-й армии к 10 ноября, преодолевая упорное сопротивление противника, продвинулся до Тихвина. После того как наступление через Валдайскую возвышенность на северо-восток провалилось, для прикрытия юго-восточного фланга, который от Новгорода до вершины ударного клина растянулся на 150 км, уже не хватало сил. Русское контрнаступление, начавшееся в начале декабря, отбросило части 16-й армии, продвинувшиеся до Тихвина, за реку Волхов, 18-я армия подошла вплотную к Волхову и удерживала Шлиссельбург. Бои вокруг Ленинграда продолжались с исключительной ожесточенностью. Немецкие войска дошли до южных предместий города, однако ввиду упорнейшего сопротивления обороняющихся войск, усиленных фанатичными ленинградскими рабочими, ожидаемого успеха не было. Из-за нехватки сил не удалось также вытеснить с материка русские войска, состоявшие главным образом из морской пехоты, которые с целью защиты Кронштадта удерживали в районе Ораниенбаума и западнее плацдарм 50 км шириной и 25 км глубиной.

В рождественские дни на всем фронте группы армий «Север» наступило обманчивое затишье.

Для финнов провал немецкого наступления на Тихвин был еще одним тяжелым ударом. Они надеялись, что теперь у Ладожского озера произойдет объединение немецких и финских сил и как следствие этого – полное окружение Ленинграда, которое вскоре приведет к падению города и сделает излишним финский фронт на Карельском перешейке. Провал немецких замыслов, кроме всего прочего, ухудшал положение финнов еще и потому, что они в ожидании быстрой и решительной победы над Советским Союзом, к которой стремились всеми силами, мобилизовали всех способных носить оружие. Это так тяжело отразилось на экономике страны, что финское командование было вынуждено уволить из армии большое количество людей и слить ряд частей. Несмотря на это, финские войска удерживали фронт северо-западнее Ленинграда и у реки Свирь.

Переговоры о новом наступлении весной будущего года, во время которых не удалось прийти к единому мнению по вопросу о целесообразном использовании и численности войск, выставляемых обеими сторонами, могли носить до поры до времени лишь академический характер. Разочарование финского командования, которое связало судьбу своего народа с победой Германии, было, как и следовало ожидать, весьма велико.

Брянск, Вязьма, Москва

Когда никто еще не мог предвидеть неудачи немецких войск на севере и юге, группа армий «Центр» начала наступление на Москву, которое должно было решить исход войны. 2 октября три пехотные и три танковые армии были готовы к наступлению. Танковые дивизии

были значительно пополнены, их материальная часть отремонтирована. Численность личного состава пехотных соединений уже сильно сократилась, [272 – Схема 18] но артиллерией они были укомплектованы полностью. Сильная тяжелая артиллерия и многочисленные самоходные установки обеспечивали пехотным дивизиям ударную силу, обещающую большой успех.

Противник, оборонявшийся перед фронтом 4-й и 9-й армий, занимал заблаговременно укрепленные позиции, с которых он после окончания Смоленского сражения оказывал сильное давление на немецкие войска, особенно на 4-ю армию. Следовало ожидать, что он будет упорно обороняться. В этом была и своя положительная сторона: если бы трем танковым армиям удалось сразу же глубоко вклиниться в оборону противника, то в образовавшихся котлах можно было бы уничтожить значительные силы противника и таким образом одним ударом открыть дорогу на Москву.

На правом крыле 2-я танковая армия (до сих пор 2-я танковая группа) уже 30 сентября начала наступление из района Путивля на северо-восток. Ей предстоял самый дальний путь: она должна была, используя сильную поддержку с воздуха, как можно скорее достигнуть района Орла. Обеспечив свой открытый правый фланг, она к 3 октября выполнила эту задачу. К этому времени левый фланг 2-й танковой армии уже повернул на Брянск и вышел в тыл русским войскам, которые оборонялись перед 2-й полевой армией.

2 октября другие армии группы армии «Центр» при поддержке 4-го и 2-го воздушных флотов начали неожиданное для русских наступление, 2-я и 4-я армии и наступающая вместе с ними 4-я танковая армия (до сих пор 4-я танковая группа) проделали по обе стороны Рославля широкую и глубокую брешь в обороне противника и своим ударом положили начало окружению двух больших группировок: на юге в районе Брянска, на севере в районе Вязьмы. Противник, оборонявшийся на обе стороны Брянска, с запада подвергся удару 2-й полевой армии, а с востока был окружен зашедшей ему в тыл 2-й танковой армией. К 14 октября русские войска были окружены севернее и южнее Брянска. После того как некоторым русским частям в результате непрерывных попыток прорвать фронт окружения удалось это сделать в наиболее слабых местах и уйти, северный котел капитулировал 17 октября, а значительно больший южный котел – тремя днями позже.

Почти совершенно были уничтожены силы противника, оборонявшиеся перед северными армиями, 4-я танковая и 4-я полевая армии после прорыва в районе Рославля повернули на север, 9-я армия, сковав противника с фронта, окружила его с севера, в то время как 3-я танковая армия ударила ему в тыл. 7 октября головные части обеих охватывающих танковых армий встретились в тылу противника восточнее Вязьмы и замкнули кольцо окружения. К 13 октября этот котел был очищен. В сводке германского верховного командования сообщалось, что русские потеряли шестьдесят семь стрелковых, шесть кавалерийских и семь танковых дивизий – 663 тыс. пленными, 1242 танка и 5412 орудий.

Это был новый потрясающий успех. Но оправдывал ли он многообещающее заявление от 9 октября начальника имперского управления информации о том, что «исход войны решен и с Россией покончено»? Являлось ли это только пропагандой или действительно таково было убеждение верховного командования?

Группа армий, используя широкие бреши, пробитые во фронте противника, быстро продвигалась вперед и к середине октября достигла рубежа Мценск, Калуга, Бородино, Калинин, то есть прошла теперь две трети своего пути до Москвы. Столице противника, казалось, угрожала смертельная опасность. Миллион жителей покинули город, правительство переехало в Куйбышев – город на Волге, в 900 км восточнее Москвы. Только Сталин остался в Москве с небольшим правительственным аппаратом. Заводские рабочие лихорадочно строили укрепления вокруг Москвы, чтобы обеспечить оборону города на дальних подступах.

Обороной дальних подступов к Москве руководил Жуков, впоследствии один из испытаннейших полководцев Советского Союза.

Может быть, после победы под Брянском и Вязьмой ударная сила немецких армий была бы еще достаточной, если бы в середине октября сильные снегопады с дождями не помешали стремительному преследованию. Временно наступившее улучшение погоды и проводившееся всеми силами улучшение дорог еще делали возможным достижение небольших успехов: на юге 2-я танковая армия подошла вплотную к Туле, в центре были достигнуты Алексин, Можайск и

Волоколамск. Затем наступил период полной распутицы. Двигаться по дорогам стало невозможно, грязь прилипла к ногам, к копытам животных, колесам повозок и автомашин. Даже так называемые шоссе стали непроезжими. Наступление остановилось. Русские выиграли время, чтобы усовершенствовать оборону, пополнить свои войска и подтянуть резервы. Перед высшим командованием опять стоял самый важный вопрос, следует ли брать на себя ответственность и из последних сил стремиться к цели операции, находившейся уже в непосредственной близости. Из всех высших войсковых командиров только командующий группой армий «Центр» решительно высказался за продолжение наступления на Москву: он надеялся сломить последнее сопротивление русских. Главное командование сухопутных сил также не хотело отказываться от последней попытки довести операцию до успешного конца, и, таким образом, было приказано начать наступление 17 ноября в шаткой надежде сломить последнее сопротивление противника и в расчете на то, что небольшие морозы будут благоприятствовать действиям войск, 2-я танковая армия должна была окружить Москву с юга и юго-востока, 3-я и 4-я танковые армии – с севера и северо-востока, 4-я полевая армия – вести фронтальное наступление, в то время как 2-я полевая и 9-я танковая армии получили задачу обеспечивать фланги наступающих армий, первая – на юге, вторая – на севере. И действительно, вначале слабый мороз и сверкающий под яркими лучами солнца иней поднимали дух солдат, идущих, как им казалось, в последнее наступление, и благоприятствовали продвижению. Но уже в ближайшие дни погода резко изменилась, а к концу месяца ударили морозы, доходившие до тридцати и больше градусов ниже нуля. Снег и туман ограничивали поддержку со стороны ослабленной авиации: она вынуждена была направить значительную часть своих сил под командованием фельдмаршала Кессельринга в Сицилию, потому что Роммель потерпел тяжелое поражение в Северной Африке и нуждался в срочной помощи.

В первые дни декабря было приказано начать последнее наступление. 2-я танковая армия, стремившаяся из района южнее Тулы выйти к Оке на участке Рязань, Коломна, не смогла захватить Тулу и после чрезвычайно тяжелых боев застряла в районе Венева и южнее. Двум танковым армиям, наступавшим с задачей обойти Москву с севера, удалось продвинуться в районе Клина за железную дорогу, ведущую к Москве. Их южный фланг отделяли от столицы противника всего 34 км; передовые части дошли до Красной Поляны и Дмитрова и создали плацдарм на восточном берегу канала Москва – Волга. Наступавшая в центре 4-я армия несколько потеснила противника, вышла в район Голицино в 40 км к западу Москвы и готовилась прорвать оборону русских. Но со дня на день росли трудности войск, не имевших зимнего снаряжения. Обмороженных было больше, чем пострадавших от огня противника; боевой состав частей непрерывно сокращался. Моторы можно было заводить только с невероятным трудом.

4 декабря была предпринята отчаянная попытка еще раз бросить армии в наступление. После захвата небольших участков соединения 4-й армии на следующий день отошли на свои исходные позиции; 2-я танковая армия также прекратила свое наступление после того, как ей не удалось захватить Тулу, которая была у нее как бельмо на глазу.

Ни один приказ не мог уже двинуть вперед эти войска, которые ценою нечеловеческих усилий сделали все возможное и вынесли невыразимо тяжелые испытания. После того как все просьбы командующих не переутомлять войска ни к чему не привели, упрямая натура Гитлера была, наконец, сломлена, и 6 декабря был дан приказ прекратить наступление. Войска должны были удерживать захваченные позиции. Наступление на Москву провалилось, цель «победить Советский Союз путем быстротечной военной операции» не удалась. Более того, русские ввели далеко не все свои силы, чтобы остановить немецкое наступление. Теперь они видели, что пришло время самим нанести удар.

8. Контрнаступление русских зимой 1941/42 г.

Не успел Гитлер подумать о далеко идущих последствиях неудачного похода на Советский Союз, как на немецкую армию, сражавшуюся [276 – Схема 19] с большим перенапряжением всех своих сил и не подготовленную морально и материально к ведению

маневренной войны в зимних условиях, Обрушилось русское контрнаступление. Сила удара русских и размах этого контрнаступления были таковы, что поколебали фронт на значительном протяжении и едва не привели к непоправимой катастрофе. Русские войска, действовавшие против группы армий «Центр», ожидали, по-видимому, только того, что у наступающего противника иссякнут последние силы, чтобы, подведя резервы, перейти в контрнаступление. Гитлер быстро понял, что в связи с изменением положения на фронте наряду с военной проблемой возникла еще более важная психологическая проблема. Создалась угроза того, что командование и войска под влиянием русской зимы и вполне понятного разочарования в быстром исходе войны не выдержат морально и физически. Немецким войскам грозила судьба великой армии Наполеона. Многие представители высшего командования надеялись предотвратить опасность, которую они заметили уже несколько недель тому назад, только немедленным отводом армий и сокращением линии фронта.

С оперативной точки зрения эта мысль была, несомненно, правильной. Тем не менее Гитлер выступил против нее со всей энергией своего неукротимого характера. Он не мог ее принять из опасений уронить свой престиж; он боялся также – и не без оснований, – что такой большой отход вызовет упадок морально-боевого духа армии. Наконец, не было никакой гарантии, что удастся своевременно остановить отходящие войска.

Германская сухопутная армия переживала кризис, и Гитлер считал, что только он один сумеет его преодолеть. Поэтому он решил удовлетворить ходатайство об отставке главнокомандующего сухопутными силами фельдмаршала фон Браухича, физические и духовные силы которого иссякали и с которым он потерял всякий контакт в области деловых и личных отношений. 19 декабря Гитлер возглавил сухопутную армию. Последствия этого решения оказались губительными для дальнейшего ведения войны и для самой сухопутной армии. Однако в тот момент решение Гитлера было единственно возможным и обещало успех. Он привел армию к Москве, он один обладал силой внушения, необходимой, чтобы воодушевить армию. Он пользовался полным доверием войск. Поэтому его решение вызвало энтузиазм. Даже те представители высшего командования, которые критически относились к его руководству прошедшими операциями, понимали моральное значение этого решения Гитлера.

Сразу же после того, как наступление остановилось, Гитлер отдал приказ о запрещении всякого самовольного отхода. Это средство было явно примитивным. Твердое и неуклонное выполнение такого приказа означало вначале отказ от всяких активных боевых действий под Москвой, привело к неоднократному осложнению тактической и оперативной обстановки и к ничем не оправданному сохранению выступов в линии фронта. Все же мощное наступление русских разбилось зимой 1941/42 г. о стойкую оборону немецких войск. Еще в то время, когда велось немецкое наступление, русские сосредоточили ударные группировки севернее и южнее Москвы, чтобы вначале разбить выдвинутые вперед немецкие танковые армии, а затем, развивая свое наступление в южном и северном направлениях, разгромить всю немецкую группу армий «Центр».

В районе севернее Москвы русские войска, наступая по сходящимся направлениям из района Дмитрова и Красной Поляны, вклинились в расположение уставших от непрерывных боев танковых армий и к 20 декабря отбросили их с тяжелыми потерями в людях и технике за реки Руза и Лама.

Если по отношению к 4-й армии, находившейся западнее Москвы, русские ограничились фронтальными сковывающими атаками, которые она смогла отбить, отойдя лишь на сравнительно небольшое расстояние, то южнее Москвы далеко продвинувшийся клин 2-й танковой армии не мог не подвергнуться ударам с трех сторон. Своевременной эвакуацией выступа в районе Михайлов, Венев и отводом войск за реку Гжать и затем на рубеж Ефремов, Алексин 2-й танковой армии удалось с большим трудом избежать окружения и уничтожения. Но когда русские и дальше к югу начали наступление против частей 2-й армии, угрожая прорваться в направлении Орла, а со стороны Тулы оказали сильное давление на северный фланг 2-й танковой армии, обе армии вынуждены были отступить дальше на юго-запад. Благодаря хорошо налаженному взаимодействию внутри этих объединений и между ними они сумели в конце января остановить наступление русских восточнее рубежа Курск, Орел и у

верхнего течения реки Жиздра, однако 2-я танковая армия потеряла связь со своим левым соседом – 4-й армией. Кроме того, в ее глубоком тылу, там, где в начале октября бушевал огонь Брянского сражения и теперь еще находились остатки окруженных тогда соединений, возникла большая партизанская область, вскоре достигшая 170 км в ширину и 70 км в глубину. Она была первой из многочисленных партизанских областей, которое планомерно создавало и поддерживало русское командование в тылу группы армии «Центр» вплоть до 1944 г. Эти области требовали постоянной борьбы с ними. Правда, партизанским отрядам никогда не удавалось полностью сорвать снабжение немецких войск, но они причиняли большой ущерб военному имуществу, делали недоступными для немцев многие обширные районы, а также подстрекали к неповиновению и терроризировали хорошо настроенное по отношению к немцам мирное население, так что стали постоянным источником беспокойства и помех.

Между тем положение войск левого крыла группы армий «Центр», командование которой вместо заболевшего фельдмаршала фон Бока принял фельдмаршал фон Клюге, было еще труднее, чем положение 2-й полевой и 2-й танковой армий.

Крайне опасную брешь, возникшую в конце декабря между 2-й танковой армией и 4-й полевой армией, командующим которой стал генерал Хейнрици, закрыть так и не удалось. В начале января русские начали наступление из района восточнее Калуга, Белев и, расширяя эту брешь, достигли рубежа Юхнов, Сухиничи; затем они крупными силами вышли в район Дорогобужа восточнее Смоленска, перерезав железную дорогу Брянск – Вязьма. В результате энергично проведенного удара русские создали сильную угрозу выдвинутой далеко вперед 4-й полевой армии, которая по приказу Гитлера оставалась западнее Москвы и теперь медленно отходила между реками Ока и Москва. После очень напряженных боев 4-й полевой армии удалось в течение января восстановить связь с 2-й танковой армией в районе западнее Сухиничи и вместе с 4-й танковой армией, своим левым соседом, организовать оборону от Юхнова до Гжатска. Однако в тылу этой кое-как созданной обороны еще несколько месяцев держались силы противника. Они предпринимали постоянные атаки против железной дороги Смоленск – Вязьма, единственной коммуникации 4-й танковой и 9-й армий.

Обе эти армии и располагавшаяся между ними 3-я танковая армия стояли, казалось, перед катастрофой, когда русские в начале января по обе стороны верхнего течения Волги вновь начали наступление, которое они вели не только фронтально против немецкой обороны на реках Руза и Лама, но и в сочетании с широким маневром на окружение севернее Калинина, 4-я танковая армия и 9-я армия были оттеснены до рубежа Гжатск, Ржев. Одновременно превосходящие и подвижные в зимних условиях силы противника прорвали слабую оборону немецких войск западнее Калинина и разбили стоящую на правом фланге 16-й армии дивизию, которая обороняла побережье замерзшего к этому времени озера Селигер на фронте 120 км по обе стороны Осташкова.

Войска правого крыла продвинулись до города Холм, центр достиг Великих Лук, а особенно сильная группировка на левом крыле повернула частью сил сначала в район северо-западнее Ржева на юг, прорвала здесь немецкую оборону и затем атаковала с запада Ржев и Сычевку, где находился штаб 9-й армии, которой командовал генерал Модель. К тому времени, когда немецким войскам удалось задержать прорвавшегося противника и восстановить фронт западнее Ржева, другие силы русских прорвались на стыке 9-й и 16-й армий на Белый. Оттуда они зашли глубоко в тыл 9-й и 4-й танковой армий. Передовые отряды проводившего охват противника достигли района северо-западнее Вязьмы, 9-я и 4-я танковые армии были почти окружены. Снабжение их осуществлялось по железной дороге Смоленск – Вязьма – Ржев – Оленино, которой тоже с юга угрожал противник. Если бы эта железная дорога была перерезана между Смоленском и Вязьмой, то судьба обеих армий была бы решена. Но даже когда такая опасность была предотвращена, положение оставалось довольно отчаянным. Об отступлении теперь не приходилось даже и думать.

Падеж лошадей и выход из строя механического транспорта, вызванные предыдущим отступлением, нехваткой фуража и перегрузкой, настолько снизили подвижность многих соединений, что дальнейшее отступление, если бы даже Гитлер дал на это согласие, здесь и на многих других участках фронта привело бы к тяжелейшим потерям в технике и соответственно еще больше снизило бы боеспособность войск. Тогда стало бы невозможно удерживать фронт

даже после его сокращения.

Обеим армиям не оставалось ничего другого, как продолжать обороняться в большом открытом четырехугольнике, образованном железной дорогой Смоленск – Вязьма – Ржев – Оленине. В то время как натиск с востока и севера, за исключением нескольких случаев, когда немцы оказывались в трудном положении северо-западнее Ржева, был выдержан сравнительно легко, требовались нечеловеческие усилия, чтобы отражать постоянные атаки войск Калининского фронта в тылу почти отрезанных немецких армий. Командный пункт Калининского фронта располагался западнее командных пунктов немецких армий, находившихся севернее Белый. Оттуда командование фронтом осуществляло управление своими войсками и организовывало их снабжение.

Причудливо изгибавшаяся линия обращенного на север, восток, юг и запад фронта обеих немецких армий достигла, наконец, общей протяженности 600 км.

Непрерывно атакующие русские войска стремились главным образом к тому, чтобы прорвать фронт 9-й армии. Несмотря на это, ей удалось в труднейших и ожесточеннейших боях отстоять свою жизненно важную коммуникацию и постепенно оттеснить зашедшего в тыл противника от идущей углом железной дороги юго-западнее Ржева, где он во взаимодействии со своими выступавшими с фронта войсками оказывал особенно сильный натиск, стремясь заставить немецкие войска отойти на северо-запад. Последние прекратили временно свои атаки лишь тогда, когда сильные морозы и снежные бураны почти полностью истощили их силы. 21 февраля наступательная сила русских была сломлена, однако они по-прежнему удерживали район юго-восточнее Белый, где до наступления весенней распутицы были постепенно уничтожены в ходе отдельных трудных боев. Уничтожение войск Калининского фронта предполагалось осуществить во время предстоящей летней кампании.

Подобная сложная обстановка возникла и на нескольких участках фронта группы армий «Север», где наступающие русские войска также поставили перед собой широкие задачи. Прорывы между озером Ильмень и Ленинградом должны были заставить 18-ю армию отказаться от окружения Ленинграда и, кроме того, дать возможность русским обойти эту армию с юга. Наступление вдоль замерзшей реки Ловать и через юго-восточную часть озера Ильмень преследовало двойную цель. Ударом на Старую Руссу в обход озера Ильмень с юга нужно было оказать помощь группировке, которая продвинулась за Волхов севернее озера Ильмень. Одновременно силы, наступающие восточнее Старой Руссы в южном направлении, стремились установить связь с северным крылом русских армий, которые в районе Осташкова прорвались на Холм. Этот удар, наносившийся с юга и севера, должен был отрезать и уничтожить два армейских корпуса 16-й армии, расположенные между Валдайской возвышенностью и озером Ильмень. Если бы все эти замыслы удалось осуществить, то группа армий «Север» была бы разгромлена. Однако непоколебимая стойкость немецких войск и гибкость управления ими, проявленная командирами соединений, частей и подразделений, которые даже в самых трудных положениях превосходили в этом своих противников, не только не дали русским возможность полностью осуществить свой план, но в конце концов и сорвали его.

18-я армия отбила атаки превосходящих сил противника и удержала фронт от Шлиссельбурга до Волхова, который обеспечивал тыл соединений, действовавших против Ленинграда. Но севернее озера Ильмень русские продвинулись за Волхов. Контратаки, которые проводились западнее реки с севера и юга, сузили ширину прорыва русских до нескольких километров. Несмотря на это, противник, прорвавшийся западнее Волхова, захватил район радиусом 25 км и стремился непрерывными атаками расширить его во все стороны. Лишь весной удалось воспрепятствовать снабжению этой группировки через Волхов и затем уничтожить ее. Прорыв у юго-восточного берега озера Ильмень был перехвачен в западном направлении еще в районе Старой Руссы, но имел полный успех в южном направлении. Крупные силы русских, которым 16-я армия почти ничего не могла противопоставить, проложили себе путь на юг западнее долины реки Ловать и вместе с силами, продвигавшимися из района города Холм на север, 8 февраля окружили шесть дивизий 2-го и 10-го армейских корпусов, образовав демянский котел.

Около 100 тыс. человек, минимальная суточная потребность которых в продовольствии,

боеприпасах и горючем составляла примерно 200 т, теперь оказались в окружении, и их в течение нескольких месяцев пришлось снабжать только по воздуху.

Русские действовали здесь так же, как раньше против 9-й армии: они упорно стремились к тому, чтобы непрерывными атаками с введением крупных сил сжать кольцо окружения и уничтожить находившиеся в нем войска.

Несмотря на сокращение нормы продовольствия наполовину, предельную физическую нагрузку, вызванную низкой температурой, доходившей до 50° ниже нуля, и непрерывные атаки противника, которому в нескольких местах удалось прорвать растянутые до предела боевые порядки немецких войск и вести бои уже внутри котла, окруженные дивизии выдерживали натиск противника. Они отступили совсем немного. С целью освободить окруженные дивизии немецкие войска начали наступление из района юго-западнее Старой Руссы и в ходе боев, длившихся несколько недель, пробились до западной оконечности котла через упорно обороняемый противником 40-километровый коридор. 20 апреля связь с окруженными дивизиями была восстановлена.

Город Холм, также окруженный и снабжаемый по воздуху, держался в течение нескольких месяцев, пожалуй, в еще более трудном положении, являясь единственным немецким опорным пунктом между демянским котлом и Великими Луками.

Одной лишь непоколебимой стойкости немецких войск, которая в эту зиму превзошла всякие ожидания, конечно, было недостаточно, чтобы сорвать планы русских. Точно так же, как и Гитлер при нападении на Советский Союз, теперь русское командование переоценило свои силы и недоценило силу сопротивления войск противника. Смелый план уничтожить две немецкие группы армий превышал возможности ослабевших русских армий и привел к дроблению сил. Упрямое и негибкое преследование поставленных перед собой целей посредством все новых и новых ожесточенных атак в одних и тех же местах во всех отношениях существенно облегчило немецкому командованию задачу сломить натиск противника. Русские не упустили случая извлечь правильные уроки из своих относительных неудач. Уже зимой 1942/43 г. их прорывы стали более опасными и успешными.

Однако для дальнейшего ведения боевых действий исход этой зимней кампании имел гибельные последствия, которые в дальнейшем могли повлиять на провал не только Восточного фронта.

В обстановке, сложившейся ранней зимой 1941/42 г., в качестве временной меры по психологическим соображениям могли быть использованы принципы «ни шагу назад» и «удерживать любой ценой». Но мог ли быть осуществлен организованный отход, этого сейчас нельзя доказать. Возможно, только благодаря жестоким мерам Гитлера удалось предотвратить превращение оперативной неудачи в моральное поражение. Немецкий солдат после всех совершенных им героических усилий, после испытаний, выдержанных в обстановке, противоречащей всяким тактическим принципам, и после успешного отражения натиска противника, имеющего двадцатикратное превосходство в силах, проникся верой в самого себя и в превосходство своего командования, которая у него постоянно сохранялась и которой единственно можно объяснять успехи в обороне в последующие годы.

Однако командование вступило на опасный путь, когда оно из этой временной меры, обеспечившей успех только в борьбе против пока еще негибких действий русского командования и его ослабленного военного инструмента, сделало панацею от всех бед, когда на место гибкого и ответственного руководства, искусных действий с использованием пространства и попеременной сменой наступления и обороны, в чем всегда заключалась сила немецкого командования, был поставлен схематизм упрямого продвижения вперед. Под давлением Гитлера немецкое командование все больше склонялось к этому схематизму. Гитлер почти совершенно отвергал отвод войск как оперативное средство, необходимое для того, чтобы восстановить свободу действий или сэкономить силы. Мнительный и недоверчивый Гитлер оставлял право принимать всякое, даже малейшее тактическое решение только за высшей инстанцией. Город Холм стал впоследствии образцом для многих «крепостей», о которые должны были разбиваться все атаки противника. Удавшееся снабжение демянского котла воздушным путем привело к тому, что такой же эксперимент был повторен под Сталинградом в совершенно других условиях.

С тех пор как немцы под Москвой впервые потеряли инициативу, после того как были испытаны первые поражения, в их стратегии появились прямо-таки патологические черты. Это было связано с особенностями характера Гитлера, которые, конечно, не могут быть исчерпывающе изложены в нескольких кратких замечаниях, но они оказали такое решающее влияние на ход войны, что о них нельзя не говорить. Гитлер с 1933 г. не знал неудач. Мысль о том, что такое положение может когда-нибудь кончиться, что чужая воля окажется сильнее, чем его, была непостижимой и невыносимой для этого человека, который постепенно сжился с мифом о своей непогрешимости, «сомнамбулически» следовал своей интуиции и которого льстивая пропаганда (с его ведома или нет, неизвестно) подняла до «величайшего полководца всех времен». Веру в себя он должен был сохранять несмотря ни на что; только так он мог сохранить и силу внушения, необходимую, чтобы поддерживать у других веру в свое величие. Всякая добровольная уступка была для него равносильна потере власти и престижа, подчинению чужой силе, следовательно, никаких уступок не могло быть. Если еще так много людей и техники приносилось в жертву ради бесполезного сопротивления, то это вина других. Для него гораздо чувствительнее было бы собственное моральное поражение. Не будет ошибкой искать в этом болезненно эгоцентрическом настроении Гитлера ключ к пониманию его руководства операциями в последующие годы.

Неизбежным следствием подобного ведения войны было такое использование живой силы и техники, которое намного превышало их возможности. В принципе правильное положение – в решающие моменты напрягать последние силы войск – стало, однако, постоянным явлением. Это проявлялось уже во время зимнего наступления русских не только в сухопутных войсках, но также и в авиации. «Снабжение воздушным путем» стало обычным способом, который применялся не только для снабжения войск в демянском котле, Холме, а также многих временно окруженных крупных и мелких группировок, но и каждый раз, когда из-за перегрузки других транспортных средств нарушалось нормальное снабжение. Конечно, снабжение воздушным путем являлось в руках командования современным средством устранения затруднений, но резервы немецкой авиации были недостаточно велики, чтобы в полном объеме отвечать предъявленным требованиям. Транспортные самолеты выходили из строя, их скоро стало не хватать. Поэтому приходилось брать учебные самолеты, необходимые для подготовки летного состава, и зачастую привлекать для снабжения войск по воздуху бомбардировщики, которые сбрасывали грузы на парашютах, если посадка была невозможна.

Неменьшими были требования и к тактическому использованию авиации. Никогда не прекращавшиеся кризисы на фронте нередко ликвидировались только тем, что вводились в бой все силы до последнего самолета. Авиация всегда с величайшим самопожертвованием помогала оказавшимся в затруднительном положении сухопутным войскам. Но хрупкая авиация, потери которой к тому же было гораздо труднее восполнить, несравненно больше страдала от перенапряжения, чем такой прочный по своей природе инструмент, каким является сухопутная армия.

Глава VI. Борьба перерастает в мировую войну

1. Наступление японцев на Дальнем Востоке

В конце ноября 1941 г. немецкие армии стояли под Москвой и министр иностранных дел Германии не без задней мысли о возобновлении антикоминтерновского пакта безапелляционно заявил 25 ноября в Берлине о том, что русские потерпели поражение, имеющее решающее значение для исхода войны, от которого они ввиду недостатка обученных резервов и военных материалов никогда уже не смогут оправиться, и, следовательно, последний союзник Черчилля с военной точки зрения уже перестал существовать. В это самое время Япония собиралась вступить в войну. (Карта 5, стр.286)

Все необходимые приготовления она сделала уже давно и с большой тщательностью. Политические противоречия с Соединенными Штатами и с Англией настолько обострились,

что их одних уже было достаточно, чтобы прийти к решению, для которого только требовалось выбрать благоприятный момент.

Когда Япония решила начать военные действия в Восточной Азии не только против Британского содружества наций, но также и против Соединенных Штатов, она уже в течение четырех с половиной лет вела войну с чанкайшистским Китаем. Захват Китая и использование его экономических ресурсов были задуманы как первый шаг и предпосылка для расширения японского господства во всем восточноазиатском районе. Однако война не привела к достижению цели: японцы завязли в огромной стране. Лишь один большой плацдарм, охватывавший северные провинции громадного государства от Пекина до Шанхая, находился в японских руках, да и то не полностью, так как еще многие его районы были заняты партизанами. Японцы захватили также все китайские порты, так что фактически Китай был блокирован. Войска Чан Кай-ши с помощью иностранных, главным образом американских, поставок оружия, которое вследствие блокады побережья ввозилось далеким круглым путем через британскую Бирму, стали настолько сильными, что Японии не приходилось рассчитывать на быстрое покорение Китая. Дружественное Японии марионеточное [286 – Карта 5] правительство в Нанкине, бывшей столице Китая, пользовалось в стране очень слабой поддержкой.

Успехи немцев во Франции в 1940 г. отразились и на положении на Дальнем Востоке и открыли для японцев новые перспективы. Мощь Англии, по крайней мере временно, была значительно ослаблена. Летом 1940 г. Англия должна была волей-неволей выполнить требование Японии закрыть Бирманскую дорогу {25} для переброски оружия в Китай.

У бывших нидерландских колоний уже не было метрополии. Франция должна была лавировать между сильными державами, чтобы сохранить свои колонии. В августе 1940 г. она вынуждена была дать согласие на требование Японии предоставить ей три аэродрома в Индокитае, с которых Япония хотела вести борьбу против не совсем еще прекратившейся переброски оружия в Китай по Бирманской дороге. Дальнейшие переговоры привели в июле 1941 г. к франко-японскому соглашению, в котором оба правительства заявили о своей готовности к военному сотрудничеству в интересах совместной обороны Индокитая. Практически это соглашение означало, что Япония могла по своему усмотрению создавать в Индокитае сухопутные, морские и воздушные базы.

Подобное продвижение Японии на юг было скрытой угрозой английским позициям в Восточной Азии. Бирма, Малайя с очень важным портом Сингапур и Нидерландская Индия стали досягаемыми для японцев. Сиам, которому французы под нажимом Японии передали часть территории, прилегающей к индокитайской границе, следовало рассматривать как будущего союзника Японии. Следовательно, над Сингапуром нависла серьезная опасность.

Англия была не в состоянии одна защищать свои позиции в Восточной Азии. Но здесь, как и в борьбе против Германии, она снова встретила поддержку Соединенных Штатов, которые видели в экспансионистских стремлениях Японии угрозу своим интересам. Американцы приняли контрмеры. В июле 1941 г. они заморозили значительные японские активы в Соединенных Штатах и запретили вывоз нефти в Японию. Вскоре такое же решение приняли Англия и Голландия. Это был сокрушительный удар по японскому флоту: отныне он должен был обходиться лишь отечественными нефтяными ресурсами. Япония могла прекратить этот направленный против нее нажим либо отойдя из Индокитая и Китая, борьба за которые стоила ей уже огромных людских и материальных жертв, либо вступив в войну, чтобы по крайней мере завладеть нефтью Нидерландской Индии. В Вашингтоне не сомневались в том, что японцы отступят перед мощью Соединенных Штатов. По одному только производству стали Америка намного превосходила Японию: американцы производили 28 млн. *t* стали в год, а японцы – 7 млн. *t*. {26}

Действительно, последние снова попытались, правда, больше ради формы и чтобы скрыть свои истинные замыслы, прийти к соглашению с Соединенными Штатами, направив для этой цели в Вашингтон специального представителя. Но требования – прекращение торговой блокады Японии, поставка нефти Соединенными Штатами и прекращение поставок оружия в Китай – были неприемлемыми для американцев. Когда стала ясной бесперспективность этих переговоров, японцы предпочли начать войну, чем смириться с медленным, но верным

удушением своей экономики.

Длительное выжидание могло только ослабить Японию и, наоборот, усилить Соединенные Штаты, которые, по сведениям японцев, были недостаточно готовы к войне. Англия как противник в Юго-Восточной Азии почти не представляла никакой опасности, так как все ее силы на море, в воздухе и на суше – в Северной Африке – были связаны войной против Германии и Италии. Германия, по-видимому, уверенно шла к победе над Советским Союзом. Такой исход войны означал для Японии обеспечение ее тыла, и японцы считали, что это гораздо лучше всякого пакта о дружбе с Советским Союзом. Кроме того, следовало ожидать, что после победы над русскими Германия с новой силой обрушится на Англию. Следовательно, Соединенные Штаты опять-таки будут вынуждены увеличить свою помощь Англии. Казалось, что момент для вступления Японии в войну является во всех отношениях благоприятным.

План Японии сводился к тому, чтобы комбинированными операциями флота и авиации – исключительное значение которых для современного ведения морской войны она первая поняла и претворила в жизнь, построив несколько авианосцев, – на длительное время парализовать мощь Соединенных Штатов во всей юго-восточной части Тихого океана, а когда таким образом время будет выиграно, сухопутными силами овладеть Юго-Восточной Азией, включая Филиппины и Нидерландскую Индию. Тогда была бы разрешена насущная проблема нефти и каучука, а также создан трамплин для достижения дальнейших целей. В худшем случае был бы захвачен район, который в войне с Соединенными Штатами на изматывание сил мог удерживаться до тех пор, пока противник не пойдет на уступки.

В то время как японские дипломаты еще вели переговоры в Вашингтоне, были сброшены первые бомбы на Пирл-Харбор. Японское правительство 7 декабря 1941 г. сообщило о том, что Япония с 6 час. 00 мин. считает себя в состоянии войны с Соединенными Штатами [289\Америки и Англией. Оно мотивировало свой шаг тем, что в течение многих лет напрасно стремилось создать стабильность в Восточной Азии, потому что оба названные государства не отступали от своего стремления завладеть Дальним Востоком. Недавно, заявляло японское правительство, обе эти державы сделали попытку путем уничтожения японской экономики подчинить Японию своей воле.

Начало военных действий не было для Соединенных Штатов полностью непредвиденным. Американцы знали японские коды и расшифровали некоторые очень важные сообщения. Однако нападение на Пирл-Харбор было для них совершенно неожиданным. Тем большее возмущение вызвал у американской общественности этот жестокий акт. С редким единодушием обе палаты конгресса дали президенту все полномочия для отражения, как выразился Рузвельт, неспровоцированного и коварного нападения и для ведения борьбы до полной победы. Психологически японское нападение на Соединенные Штаты являлось, конечно, ошибкой, последствия которой должны были сказаться позднее. До декабря 1941 г. среди американской общественности не было единого мнения в вопросе о том, должны ли Соединенные Штаты вступить в войну. Рузвельт не был уверен, что ему удастся добиться у конгресса разрешения на объявление войны, если противник не нападет первым. Теперь все трудности были устранены. Япония для обеспечения стратегической исходной позиции решила взять на себя моральную ответственность за развязывание войны.

Черчилль в палате общин заявил о солидарности Англии с Соединенными Штатами. Он сказал, что, несмотря на усиливающиеся трудности, несколько лучших кораблей английского флота посланы на Дальний Восток.

Голландское правительство ввело в Нидерландской Индии военное положение.

11 декабря Германия и Италия объявили о состоянии войны с Соединенными Штатами, не будучи обязаны к этому положениями пакта трех держав.

8 немецкой ноте указывалось на то, что американцы от первоначальных нарушений нейтралитета перешли постепенно к открытым военным действиям против Германии и, таким образом, своим поведением вызвали войну.

Для Германии вступление Японии в войну как раз в тот момент, когда ход военных действий на востоке стал внушать весьма серьезные опасения, означало существенную психологическую поддержку. Но и для продолжения войны, по-видимому, это открывало

большие перспективы. Теперь растущая военная мощь Соединенных Штатов уже не могла использоваться для оказания помощи Англии и Советскому Союзу, а впоследствии и для вторжения в Европу. Ограниченный мировой торговый флот должен был получить еще большую нагрузку. Немцы по крайней мере выиграли время, что, возможно, позволит добиться решающего исхода в войне с Советским Союзом и обеспечить тыл прежде, чем Соединенные Штаты успеют бросить на чашу весов свои могучие вооруженные силы. Если эти расчеты все же не оправдаются, то положение держав оси в результате вступления в войну Соединенных Штатов станет в будущем угрожающим.

Черчилль не сомневался в победе, его интересовало только одно: сколько времени для этого потребуется.

Вскоре со всех сторон последовали многочисленные ноты об объявлении войны. Война приобрела всеобщий характер и стала мировой, причем по своему размаху она была гораздо шире первой мировой войны. Кроме того, она носила ясный идеологический отпечаток, который, правда, был несколько искусственным, потому что Советский Союз находился в одном лагере с защитниками демократии западного толка. Однако он очень искусно умел сглаживать это различие и преследовать собственные политические цели, которые далеко выходили за рамки общей цели войны – победы над Германией, а впоследствии и над Японией.

Целью японского нападения на Пирл-Харбор – крупнейшую военно-морскую базу американцев на Тихом океане, находящуюся в 3500 км от Сан-Франциско и в 7000 км от Филиппин, – было уничтожить ударом с воздуха американский Тихоокеанский флот. 26 ноября шесть авианосцев, имея на борту 360 самолетов, вышли в сопровождении двух линкоров, трех крейсеров и девяти эскадренных миноносцев из небольшой гавани на Курильских островах и в воскресенье 8 декабря {27} приблизились к Оаху, одному из Гавайских островов. На его южном побережье расположены военный порт Пирл-Харбор и крупный город Гонолулу, в котором находился американский гарнизон. Американские корабли беспечно стояли в гавани недалеко друг от друга, пехотинцы и летчики находились в казармах, многие офицеры проводили воскресенье в Гонолулу. В 7 час. 55 мин. был совершен первый налет на остров, бомбовые удары обрушились на корабли и аэродромы. Из 202 американских самолетов только 52 удалось подняться в воздух, остальные были уничтожены на земле. Второй воздушный налет причинил новые повреждения военным кораблям, и только третий налет удалось отразить. Из восьми линкоров пять затонули, три были серьезно повреждены. В целом американцы потеряли 19 военных кораблей. Очень тяжелыми были потери в людях: 2117 убитыми, почти 1300 ранеными и 960 пропавшими без вести. Успех воздушного налета был, возможно, даже больше, чем этого ожидали сами японцы. Однако его последствия были бы еще значительнее, если бы японцы [291 – Схема 20] своевременно подготовились к захвату и длительному удержанию этой американской базы. Все же они на некоторое время завоевали господство на Тихом океане и обеспечили свой обращенный к океану фланг. Чтобы действовать еще увереннее, японцы ударом морского десанта захватили опорные пункты американцев – острова Гуам и Уэйк. Попытка овладеть и островом Мидуэй оказалась безуспешной.

Эти удачные операции создали предпосылку для захвата крупнейшего из Филиппинских островов – острова Лусон с главным городом Филиппин Манилой. Американский гарнизон под командованием генерала Макартура, предназначенный для обороны Филиппинских островов, насчитывал 19 тыс. человек, к которым еще прибавлялись силы находившейся в стадии формирования филиппинской армии численностью 48 тыс. человек. Количество самолетов было весьма незначительным – всего 250 машин, из них только 35 современных бомбардировщиков и 107 современных истребителей. В результате налетов японской авиации, предпринятых с целью подготовить высадку морского десанта, намеченную на 10 декабря, была уничтожена половина всех американских самолетов.

После того как японцы высадили на острове десант в нескольких местах, они вскоре оттеснили значительно более слабые войска противника на полуостров Батаан. Положение американцев было безнадежным уже потому, что их снабжение нельзя было организовать ни морским, ни воздушным путем. Только подводные лодки, прорывая блокаду противника, доставляли некоторые особенно ценные предметы снабжения. Таким образом, запасы продовольствия и боеприпасов постепенно сокращались.

11 марта Макартур по приказу своего правительства покинул остров, чтобы принять командование «юго-западным районом Тихого океана» (если смотреть со стороны Америки). 9 апреля сопротивление американцев и филиппинцев на полуострове было сломлено. Только морская крепость Коррехидор, прикрывавшая подходы к Манильской бухте, еще держалась до 6 мая. Затем и она была захвачена в результате высадки морского десанта, подготовленной и поддержанной крупными силами авиации.

Если японцы хотели ликвидировать владычество англичан на Дальнем Востоке, они должны были захватить Гонконг и Сингапур. Положение Гонконга, для обороны которого имелись только два английских, два индийских и два канадских батальона, стало бы безнадежным, если бы китайцам, находившимся теперь в союзе с англичанами, не удалось ему помочь, изгнав японцев из расположенного поблизости Кантона. Такая попытка была предпринята, но окончилась неудачей. Японцы, продвигаясь из Кантона, к 17 декабря захватили полуостров Цзюлун (Коулун), который, будучи расположен севернее Гонконга, являлся британской территорией и имел единственный аэродром. Затем они пересекли узкий пролив, который отделяет Гонконг от материка. До 25 декабря англичане при поддержке добровольцев оказывали отчаянное сопротивление превосходящим силам противника. Затем они приняли сделанное им еще 18 декабря предложение о капитуляции, которое вначале отвергли.

Если эта потеря казалась тяжелой, но неизбежной, то в отношении Сингапура англичане были совершенно спокойны. Они затратили на него 60 млн. фунтов и сделали, по их мнению, сильнейшей морской крепостью в мире.

К тому же недавно туда были посланы для усиления два линкора: «Принц Уэльский» водоизмещением 35 тыс. *t*, один из самых мощных и новейших английских линкоров, и «Рипалс», который хотя и был построен в 1916 г., но имел водоизмещение 32 тыс. *t* и представлял еще довольно значительную боевую ценность.

У Сингапура было одно очень уязвимое место, и это погубило его. В то время, когда наступление на крепость с суши казалось совершенно немыслимым, Сингапур укрепляли только со стороны моря. Действительно, наступление через бездорожную, покрытую джунглями Малайю, которая от сиамской границы до Сингапура протянулась на 700 км, считалось технически неосуществимым. Но как раз на такое наступление и решились японцы. Для атаки с моря японцам пришлось бы покрыть расстояние около 4500 км от Йокогамы до Сингапура, а затем, подойдя к крепости, вступить в борьбу с английским флотом и мощной береговой артиллерией, чтобы высадить десант. Но у них не было необходимости браться за выполнение такой сложной задачи. Их крупные сухопутные и воздушные силы находились в Индокитае, превратить же Сиам в плацдарм для нападения на Сингапур не представляло никакой трудности. 7 декабря они вторглись в эту страну с востока, и в тот же день сильно охраняемый конвой в составе 35 судов пересек Сиамский залив. Высадившиеся японские войска захватили перешеек Кра, а также южные сиамские порты Сингора и Патани. На следующий день была занята столица Сиам Бангкок. Сиамское правительство для вида оказало некоторое сопротивление и 21 декабря заключило договор о союзе с Японией.

Одновременно с этим продвижением в Сиаме японцы предприняли нападение на военно-воздушные базы английской колонии Малайи, в результате которого было уничтожено на земле 80% английских самолетов. Наступая с перешейка Кра, они захватили английскую военно-воздушную базу Виктория у южной границы Бирмы. Потеря Виктории явилась для англичан тяжелым ударом. Это был единственный промежуточный аэродром между Индией и Сингапуром, необходимый для посадки перебрасываемых в Сингапур английских самолетов, и теперь они должны были доставляться туда только по морю в разобранном виде.

В тот же день 8 декабря японцы высадились и в самой северной гавани Малайи Кота-Бару. Для борьбы против этого десанта из Сингапура немедленно вышли линкоры «Принц Уэльский» и «Ринаун». Они следовали без авиационного прикрытия, воздушная разведка тоже не велась, так как аэродромы на севере уже нельзя было использовать, а авианосцев в этом районе англичане не имели. Тем не менее английскому адмиралу своевременно сообщили о появлении большого количества японских бомбардировщиков, и в ночь с 9 на 10 декабря он решил вернуться обратно. В этот момент он получил одно, как выяснилось позже, ложное сообщение о том, что в 200 км к югу от Кота-Бару в районе Куантана японцы высадили еще

один десант. Английскому адмиралу казалось, что, не подвергая опасности свои корабли, он сможет нанести там внезапный удар. Между тем японские подводные лодки обнаружили оба корабля и сообщили об их местонахождении. 10 декабря в 11 часов появились первые японские бомбардировщики, вооруженные воздушными торпедами. Шесть раз атаковали самолеты английские корабли. Наконец линкоры получили настолько тяжелые повреждения, что вскоре после полудня затонули. Сопровождавшие их эскадренные миноносцы спасли из трех тысяч моряков две тысячи. Адмирал погиб. Японцы причинили англичанам в Восточной Азии огромный материальный и моральный ущерб. Сингапур почувствовал себя обреченным: теперь он не мог обороняться даже с моря. После успехов в Пирл-Харборе уничтожение этих английских кораблей означало, что Япония завоевала неограниченное господство на море во всей Восточной Азии до Индийского океана.

Расчеты на то, что Малайя сможет надежно прикрыть Сингапур с севера, также не оправдались. К январю японцы захватили -уже две трети страны. Легко вооруженные, крайне нетребовательные, почти не нуждающиеся в регулярном снабжении, они двигались в стороне от немногочисленных больших дорог, легко обходили малоподвижных англичан, которые в силу своих высоких запросов были привязаны к большим дорогам, и вынуждали их оставлять занимаемые позиции. Несмотря на сильное сопротивление со стороны англичан, австралийцев и новозеландцев, японцы к 31 января продвинулись до южной оконечности полуострова. В этот день была взорвана дамба, соединявшая остров Сингапур с материком. Морская твердыня превратилась в осажденную сухопутную крепость; здесь-то и проявились все ее слабые стороны. Артиллерийская оборона была организована с учетом отражения атак только с моря, а все базы снабжения и аэродромы располагались в северной части острова.

В крепости находились все необходимые запасы; ее сухопутный фронт, для обороны которого имелись боеспособные войска численностью 45 тыс. человек, составлял всего 50 км, а на севере остров Сингапур был отделен от материка Джохорским проливом шириной 1-2 км. Но войска не имели боевого опыта, превосходство японской авиации производило на них тяжелое моральное впечатление. Они чувствовали себя в безвыходном положении. В ночь с 8 на 9 февраля японцы на взятых с собой и специально подготовленных десантных средствах переправились через Джохорский пролив западнее дамбы, закрепились на острове и оттеснили обороняющегося противника. Затем им удалось восстановить дамбу и перебросить на остров танки. 14 февраля японские войска овладели водохранилищами, расположенными в центре острова, и судьба крепости была решена. На следующий день Сингапур капитулировал. 70 тыс. защитников крепости, в том числе только что перебросенная из Египта дивизия, попали в плен.

Еще до того, как пал Сингапур, японцы, полностью используя благоприятную обстановку, уже начали следующую операцию по захвату британской колонии Бирмы.

Через эту страну, почти не затронутую цивилизацией, тянется несколько горных цепей, которые берут свое начало у восточных отрогов Гималайских гор и, пересекаемые несколькими глубокими речными долинами, спускаются к югу. На самом восточном из горных хребтов, образующем границу между Сиамом и Бирмой, находится Каукарейский перевал, удобный проход для вторжения в страну и ворота к ее столице Рангуну. 21 января японцы захватили этот перевал и вторглись в Бирму. Для обороны страны, которая от восточных отрогов Гималаев до устьев рек в районе Рангуна раскинулась на 1000 км и оттуда простирается еще на 700 км до города Виктория, англичане имели в своем распоряжении только две дивизии. Превосходство японцев в воздухе было подавляющим. Две китайские «армии» численностью по 7 – 8 тыс. человек каждая стояли в верховьях рек Иравади и Салуэн, в районе Мандалай.

Не встречая сильного сопротивления, японцы переправились через три реки и 7 марта заняли оставленный англичанами Рангун. После этого Бир-Ешская дорога потеряла для китайцев всякую ценность, так как раньше оружие для Китая прибывало по морю в Рангун и там перегружалось на железную дорогу, ведущую через Мандалай в Лашио, откуда уже доставлялось к месту своего назначения на грузовиках по трудной горной дороге. Но японцы не хотели останавливаться на достигнутом. Они теперь повернули на север, чтобы изгнать англичан и китайцев из всей Бирмы, на длительное время заблокировать Бирманскую дорогу и напасть на Китай с тыла. При поддержке крупных сил авиации и еще одной армии, которая ударила противнику во фланг и тыл из района Чиенгмай, японцам удалось разгромить одну

китайскую армию и отрезать ей пути отхода на северо-запад; другая армия была вместе с английскими войсками оттеснена к индийской границе. 1 мая японцы находились уже в Мандалае. Англичане и китайские войска оказались прижатыми к лесистым горам Чин, через которые вели лишь отдельные тропинки. Можно было спасти только людей; все военное имущество пришлось бросить.

Теперь победоносные армии японцев начали наступление через юго-западную китайско-бирманскую границу. Цель была очень заманчивой. В провинцию Юньнань, примыкающую к Бирме, Чан Кай-ши перебазировал многие промышленные предприятия, а также построил там новые заводы. В случае успеха японских войск китайцы, учитывая к тому же и сократившийся подвоз, попали бы в довольно опасное положение. Однако когда развернулось японское наступление на Бирму, они сумели организовать свою оборону. Правда, японцам удалось у Бирманской дороги и в верховье реки Салуэн продвинуться на китайскую территорию, но для решающих успехов у них не хватило сил. Китайцы питали свои войска всем необходимым тут же, на месте, тогда как японцы должны были снабжать и усиливать свои армии, пользуясь длинными кружными путями. Поэтому после нескольких поражений они отказались от своего замысла.

В это время главной заботой англичан были их морские пути, ведущие в Индию и Восточную Африку. Англичане настолько были слабы в Индийском океане, что уже не владели Бенгальским заливом и опасались захвата Цейлона. Цейлон был спешно укреплен, его оборона усилена современными истребителями. Действительно, в апреле в Бенгальском заливе появилась сильная японская эскадра с несколькими авианосцами. 5 апреля японские самолеты атаковали порт и аэродром Коломбо на острове Цейлон. В последующие дни японские самолеты и корабли потопили один английский авианосец, два тяжелых крейсера и торговые суда общим тоннажем 100 тыс. *брт*. В Германии уже надеялись, что японцы осуществят свой замысел, о котором они говорили в феврале, и создадут опорные пункты на островах Цейлоне и Мадагаскаре, чтобы перерезать английские морские пути в Индию, Персидский залив и Египет. Однако сами японцы не хотели забираться так далеко. Действия японского флота в этом районе прекратились. А положение англичан могло бы стать очень тяжелым, если бы немецкие войска в это время не были скованы в Советском Союзе. В мае английские войска с превентивной целью заняли порт Сан-Диего на французском острове Мадагаскар.

Но главное внимание японцев было сосредоточено на южной части Восточной Азии. Здесь они еще в декабре 1941 г. одновременно с наступлением на Малаю начали боевые действия с целью захвата Нидерландской Индии и примыкающих к ней на востоке островов, овладение которыми для них было чрезвычайно важно по стратегическим и экономическим соображениям. Они начали захват этого района 14 декабря высадкой морского десанта на британской части острова Борнео, чтобы занять нефтепромыслы. Закрепившись на Борнео, японцы с января 1942 г. стали захватывать один остров за другим. В этом им снова помогло превосходство в воздухе. Английские, голландские и австралийские бомбардировщики без достаточного прикрытия истребителями были бессильны. Правда, 23 января комбинированная атака союзных морских и воздушных сил против японского конвоя увенчалась успехом. Но эта одна атака не могла, конечно, остановить наступление японцев. Они заняли остров Целебес, высадились на острове Суматра и начали отсюда наступление на остров Ява. В конце февраля неподалеку от Явы соединение английских, американских и голландских кораблей под командованием голландского адмирала еще раз попыталось атаковать и уничтожить японский конвой, который шел под сильным охранением японских кораблей. 27 и 28 февраля произошел крупный морской бой. В этом бою японцы понесли значительные потери, но потери союзников – пять крейсеров и шесть эскадренных миноносцев – были гораздо больше. Если не считать трех американских эсминцев, погибло все соединение союзных кораблей. Приблизиться к хорошо охраняемому конвою им так и не удалось. Используя эти успехи, японцы немедленно высадились на острове Ява и через несколько дней заняли его главный город Батавию (Джакарту). Хотя последнее сопротивление голландцев было сломлено лишь в середине июня, уже в марте японцы фактически овладели островом. Захват голландских владений имел поистине неопределимое экономическое значение. Но и его военное значение также было велико: теперь все подходы к Южно-Китайскому морю от Бирмы до острова Целебес находились в

японских руках.

В результате ряда других операции японцы еще больше расширили свои позиции на океане, захватив все острова от Молуккских островов и Новой Гвинеи до архипелага Бисмарка и острова Бугенвиль, принадлежащего к группе Соломоновых островов. Теперь японцы окружили Австралию большой дугой и угрожали морскому сообщению между западным побережьем Америки (а также Гавайскими островами) и Австралией.

Американцы ни при каких обстоятельствах не могли допустить, чтобы Австралия, которая была для них незаменимым плацдармом для будущего наступления на японские позиции, попала в руки Японии. В начале октября они начали первые ответные действия. Самолеты с американских авианосцев, направленные в южную часть Тихого океана, предприняли первые бомбардировки многочисленных японских опорных пунктов на островах. Одновременно была организована постоянная охрана морского пути в Австралию. Были заняты острова Фиджи, в Новой Каледонии создали базу морской авиации, а на острове Эспириту-Санто – передовую базу флота.

Японцы твердо решили захватить Австралию. Исходным пунктом должен был служить Порт-Морсби, расположенный на юго-востоке Новой Гвинеи. Чтобы овладеть им, японцы направили через остров с севера колонну войск; высадка десанта на восточном побережье должна была ускорить его захват. Посланный для этой цели конвой, шедший под сильным охранением, был встречен 7 мая американскими военными кораблями; американцы перехватили японское радиосообщение и, расшифровав его, узнали о планах своих противников. Завязалось двухдневное сражение в Коралловом море, которое характерно тем, что велось с обеих сторон исключительно авианосцами, прикрываемыми кораблями других классов. Обе стороны понесли большие потери, которые, однако, для японцев были значительно тяжелее, чем для их противника. Японский конвой вынужден был уйти в Рабаул. Теперь японцам стало ясно, что прошло то время, когда они могли почти беспрепятственно посылать конвои на далекие расстояния для высадки десантов. Понимание этого факта заставило их временно отказаться от дальнейших действий в этом районе и перенести центр тяжести морских операций в центральную часть Тихого океана. В начале июня у атолла Мидуэй западнее Гавайских островов произошло уже более крупное морское сражение, которое опять-таки вели исключительно авианосцы.

Целью японцев было внезапным ударом захватить американские острова, расположенные в 2 тыс. км к западу от Пирл-Харбора: там находилась база подводных лодок, которые причиняли чувствительный ущерб японскому судоходству. Кроме того, в будущем эти острова могли стать очень опасными для собственно Японии. Чтобы обеспечить наступлению как можно больше шансов на успех и уничтожить корабли противника, если они выйдут им навстречу, японцы объединили все имеющиеся в их распоряжении силы – легкие силы флота, девять линкоров и четыре авианосца. Транспорты должны были доставить предназначенные для высадки сухопутные войска.

Американцы благодаря перехваченным и расшифрованным радиосообщениям имели достоверные сведения о японских планах и заранее стянули в угрожаемый район три авианосца под защитой крейсеров. Сражение длилось два дня – 3 и 4 июня. Ввиду ряда неблагоприятных обстоятельств оно приняло для японцев катастрофический оборот. Не их появление было неожиданностью для американцев, а, наоборот, сами японцы были совершенно ошеломлены неожиданным выступлением крупных сил противника. Вследствие неблагоприятных условий погоды они не смогли сразу разобраться в обстановке. Не в последнюю очередь это объяснялось и отсутствием у них радиолокационных установок, что роковым образом отразилось на исходе сражения. Американцы могли использовать свои самолеты даже там, где неблагоприятная погода не позволяла вести воздушное наблюдение. Кроме того, в решающие моменты японские истребители оказывались не в том месте, где им следовало бы быть, так что американские пикирующие бомбардировщики могли беспрепятственно атаковать японские авианосцы. На второй день сражения японцы потеряли все свои четыре авианосца. Они вынуждены были срочно прекратить бой и отказаться от дальнейшего проведения операции. Во время преследования американцы потопили еще один японский корабль – линкор. Но не это было главным. Важнее всего было то, что у японцев оставалось теперь только два авианосца,

поврежденных во время сражения в Коралловом море.

Несмотря на неудачу в Коралловом море и на тяжелое поражение, которое они потерпели в сражении у острова Мидуэй, японцы не собирались отказываться от своего общего плана – расширять дальше свое господство и создать плацдарм для наступления на Австралию. Для этого они стремились захватить остров Гуадалканал, последний крупный остров из группы Соломоновых островов, а также Порт-Морсби на юго-восточном побережье Новой Гвинеи. Уже в мае они начали сооружение аэродрома на острове Гуадалканал, имеющем длину 150 км и ширину 50 км, и, чтобы противник не смог помешать этим работам, создали на острове сильный гарнизон. Прежде чем аэродром был закончен, американцы решили окончательно положить конец продвижению японцев. Они еще не были достаточно сильными, чтобы предпринять широкие операции с целью разгрома Японии, но вполне могли добиться местного успеха. 8 августа американцы внезапно высадили при сильной поддержке флота 13 тыс. солдат морской пехоты, которые захватили аэродром. Но в западной части острова японцам удалось создать сильную оборону. Оба противника решили приложить все усилия, чтобы овладеть островом. Поэтому в последующие месяцы развернулись морские бои, главная цель которых для обеих сторон заключалась в том, чтобы снабжать и усиливать свои войска на острове и мешать противнику в проведении таких же мероприятий. Несмотря на многократные попытки и высадку новых сил, японцам не удалось вернуть аэродром и выбить американцев с острова.

Осенью положение японцев еще больше осложнилось. Подвоз предметов снабжения, который и без того производили только ночью, еще более сократился вследствие все возрастающей активности американцев, так что японцы решили послать на остров сильный конвой. Американцы, со своей стороны, хотели доставить на остров свежие подкрепления. Произошло морское сражение у острова Гуадалканал, самое крупное в этом районе за все время войны.

Оно началось в ночь с 12 на 13 ноября, когда возникла большая неразбериха, и корабли каждой из сторон неоднократно обстреливали друг друга. На американских кораблях имелись радиолокационные установки, но обслуживающий персонал еще недостаточно хорошо умел ими пользоваться, поэтому они не сыграли никакой существенной роли. Обе стороны понесли тяжелые потери, даже в крупных кораблях; два американских адмирала погибли. Американцы покинули поле боя, так что японцы смогли подвести свой конвой к острову. Но прежде чем они приступили к высадке, шесть из десяти транспортов были потоплены американскими самолетами, а с остальных четырех японцы сумели посадить лишь часть сил. Существенного влияния на положение сторон на острове эта битва не оказала. В конце ноября японцы добились еще одного большого успеха на море, когда их эскадренные миноносцы отопили четыре из пяти американских крейсеров. Тем не менее позиции американцев на острове все более усиливались, и в феврале 1943 г. японцы вынуждены были эвакуировать свои войска. Американцы оказались более сильными.

Тем временем японцев постигла неудача и при попытке захватить Порт-Морсби. После поражения во время морского сражения в Коралловом море мае 1942 г. они более трех месяцев вели себя спокойно, а затем 28 и 29 августа предприняли безуспешную попытку высадиться в бухте Милн, у юго-восточной оконечности Новой Гвинеи. Японские войска встретили мощную оборону австралийцев, которые там закрепились и эффективно поддерживались американской авиацией. После того как не удалась и эта вторая попытка подойти моря к Порт-Морсби, японцы еще раз постарались добиться этого сухопутным путем. В сентябре они начали продвижение на юг из пунктов Буна и Гона, расположенных на северо-восточном побережье Новой Гвинеи. Вскоре они встретили посланные им навстречу американские и австралийские войска. и войска смелыми действиями, во время которых они частично снабжались воздухом, принудили японцев сначала перейти к обороне, а затем и отступить. 9 декабря японцы были вынуждены очистить порт Гона, а в конце января 1943 г. покинули и порт Буна.

Ход военных действий в последние месяцы 1942 г. не оставлял больше никаких сомнений в том, что японцы прошли кульминационную точку своих успехов. Они всюду были вынуждены перейти к обороне, и теперь было только вопросом времени, когда американцы с помощью англичан и австралийцев ворвутся в широкое предполье, созданное японцами в районе Восточной Азии.

2. Наступление английских войск в Ливии зимой 1941/42 г.

После того как Роммель в мае 1941 г. предпринял безуспешную попытку овладеть Тобруком, снабжаемым англичанами с моря, но зато отразил все ливийские атаки на проход Хальфайя и против Эс-Саллума, оба противника были недостаточно сильными, чтобы захватить в свои руки инициативу. Англичанам необходимы были все имеющиеся силы для захвата Итальянской Восточной Африки и для восстановления положения на Среднем Востоке, а немецкий Африканский корпус получил только такие подкрепления, которых ему хватало для ведения совместной обороны с итальянцами, значительно усилившимися к этому времени. Даже эти силы удалось перебросить через море лишь с большим трудом и со значительными потерями. Теперь начало сказываться что немцы, исправляя в свое время положение в районе Средиземного моря, остановились на полпути из-за подготовки к наступлению на Советский Союз. (Карта 3, стр.150)

Мальта как база английских подводных лодок к воздушная база стала растущей угрозой для снабжения войск. Господство на море и в воздухе в Средиземноморском районе полностью перешло к англичанам; в августе было затоплено 35%, а в октябре даже 63% всех грузов, предназначавшихся для немецко-итальянских войск в Северной Африке. Если бы так продолжалось и дальше, то уже сейчас можно было бы рассчитать, когда будет уничтожен итальянский и немецкий торговый флот на Средиземном море. Англичане, напротив, в июле и сентябре провели через Средиземное море сильно защищенные конвои, которые хотя и подверглись интенсивным атакам итальянских самолетов-торпедоносцев, но понесли лишь незначительные потери. Эта борьба против немецко-итальянского судоходства была как бы прелюдией к наступлению, которое англичане готовили на середину ноября и от исхода которого Черчилль ожидал решающего успеха. Он был уверен, что удастся захватить всю Ливию и этим успехом побудить к участию в войне на стороне англичан находившиеся в Северной Африке французские войска под командованием генерала Вейгана. В Англии уже были подготовлены к переброске в Африку три пехотные и одна танковая дивизии. Черчилль настойчиво требовал от нового главнокомандующего британскими войсками на Ближнем Востоке генерала Окленда смелых действий и подготовки к наступлению в максимально короткий срок. Он говорил, что именно сейчас, пока германские вооруженные силы скованы в России, нанесение быстрого и сокрушительного удара приобретает решающее значение. В послании, направленном войскам от имени английского короля перед самым наступлением, говорилось о битве, которая может решающим образом изменить весь ход войны и по своему историческому значению может быть приравнена к битве под Ватерлоо.

Численность английской 8-й армии была значительно увеличена за счет индийских, новозеландских и южноафриканских формирований. В целом командующий английской армией генерал Каннингхэм, кроме гарнизона в Тобруке, состоявшего из одной дивизии и одной танковой бригады, имел в своем распоряжении три пехотные дивизии, одну танковую дивизию и две танковые бригады. Против них действовали одна легкая и две танковые дивизии немцев и шесть пехотных и одна танковая дивизии итальянцев. Англичане имели приблизительно 700 танков против 500 (включая в это число и итальянские танки, которые были гораздо хуже немецких). Кроме того, они обладали большим превосходством в воздухе.

Итало-немецкими войсками формально командовал итальянский генерал Бастико, получавший приказы непосредственно от итальянского верховного командования в Риме. Ему на равных правах подчинялись немецкий Африканский корпус Роммеля и два итальянских армейских корпуса, из которых один состоял из подвижных соединений и находился под командованием генерала Камбарры. Фактически Роммель имел решающее влияние на фронте, поскольку главнокомандующий со своим штабом находился в Триполи, на расстоянии 1500 км от ведущих боевые действия войск.

Еще 4 ноября Роммель во время посещения Рима охарактеризовал положение на хорошо укрепленном восточном участке фронта в районе Эс-Саллума и у прохода Хальфайя как вполне надежное. Но он считал крайне необходимым взятие Тобрука, чтобы высвободить все свои силы для отражения ожидаемого наступления англичан. Наступление на Тобрук планировалось

немцами на вторую половину ноября, и подготовка к нему еще не была закончена, когда англичане перешли в наступление. Их план заключался в том, чтобы обойти итаलो-немецкие войска с юга, окружить их и затем уничтожить ударами с фронта и тыла – из Тобрука. Главный удар из района Ридотта-Маддалена наносили крупные танковые силы и одна пехотная дивизия 30-го армейского корпуса. Две дивизии 13-го армейского корпуса должны были вести фронтальное наступление. Расположение итало-немецких сил было следующим. Одна немецкая и четыре итальянские дивизии блокировали Тобрук, одна итальянская дивизия и слабые немецкие силы располагались в районе Эс-Саллума и у прохода Хальфайя, оба подвижных соединения итальянцев обеспечивали фланг между Бир-Хакеймом и Бир-эль-Гоби, тогда как обе немецкие танковые дивизии находились в боевой готовности в районе юго-восточнее Тобрука.

Приготовления к внезапному удару глубоко во фланг итало-немецким войскам англичане опять, как и в прошлом году во время наступления против Грациани, сумели искусно замаскировать. Поэтому об их наступлении, начавшемся из района Ридотта-Маддалена рано утром 18 ноября, стало известно только тогда, когда британские войска уже достигли района Габр-Салех. Была достигнута полная тактическая внезапность. Уже далеко не такими искусными англичане показали себя в умении использовать достигнутую внезапность; как тактики они тоже оказались не на высоте. Английские войска разошлись по идущим в разные стороны направлениям и нигде не добились решающего успеха. Их левый фланг, продвигавшийся на Бир-эль-Гоби, был отброшен смело действовавшими итальянцами; центр достиг пункта Сиди-Резег, расположенного на господствующих высотах (в последующие дни в этом районе развернулись основные боевые действия); правый фланг англичан уже 19 ноября был атакован 21-й немецкой танковой дивизией и отступил с большими потерями в танках в юго-западном направлении. В течение двух следующих дней немецким войскам, управляемым энергичным Роммелем, удалось нанести английскому армейскому корпусу большие потери. При этом действия немецких войск отличались исключительно высокой маневренностью и гибкостью. Попытку гарнизона Тобрука прорвать кольцо окружения удалось отбить только после очень тяжелых боев. Напротив, английский 13-й армейский корпус обошел с юга итало-немецкие войска в районе проход Хальфайя, Эс-Саллум и грозил их отрезать. В этой обстановке Роммель принял очень смелое решение. Оставив лишь небольшие силы южнее Тобрука перед фронтом сильно потрепанного 30-го английского армейского корпуса, чтобы тот не смог деблокировать Тобрук, Роммель отвел все остальные войска и частично бросил их против английского 13-го армейского корпуса, а частично использовал для глубокого рейда в тыл противника с целью уничтожить его склады в районе Ридотта-Маддалена и Бир-Хабата. Это наступление было для противника настолько неожиданным, что в его тылу возникла паника, и итало-немецкие войска захватили много пленных. Командующий английской армией считал уже свою армию отрезанной и собирался начать отступление, когда в последний момент из Каира на самолете прибыл главнокомандующий генерал Окинлек, который запретил всякий отход и спас положение. Каннингхэм был сменил генералом Ритчи. Поражение англичан оказалось не таким тяжелым, как это предполагал Роммель. 30-й армейский корпус 26 ноября уже снова начал наступление, дошел до Сиди-Резега и установил связь с гарнизоном Тобрука, пытавшимся пробиться к своим войскам. Роммель вынужден был прекратить наступление на восток и северо-восток, чтобы восстановить положение в районе Тобрука. Однако он считал себя достаточно сильным и способным окружить и уничтожить силы англичан, находившиеся в районе Тобрука и юго-восточнее. Действительно, удалось создать довольно слабое кольцо окружения и ударами с трех сторон отрезать новозеландскую дивизию, находившуюся на восточном фланге, и затем уничтожить ее основные силы. Но у англичан оставалось еще достаточно войск, кроме этих окруженных и теперь сильно потрепанных соединений, чтобы после пополнения и перегруппировки занять исходные позиции для нового охвата сил Роммеля. В то время как эта перегруппировка еще проводилась, была сорвана попытка немцев освободить коммуникации немецких и итальянских соединений, окруженных в районе Эс-Саллума и Бардии. Роммель должен был теперь принять меры против угрожающего ему с юга нового охвата, который осуществлял 30-й армейский корпус. У него уже не хватало сил, чтобы обеспечить фланг своих войск от охвата и одновременно продолжать осаду Тобрука.

Поэтому он отвел силы, окружавшие Тобрук с востока, и оттянул свои подвижные соединения на юг с целью предупредить ожидаемый охват английскими войсками ударом по их незащищенному западному флангу. Однако это наступление, в котором потрепанные итальянские подвижные соединения уже не участвовали, успеха не имело.

Таким образом, Роммель, чтобы избежать уничтожения своих войск в дальнейших боях, вынужден был 7 декабря прекратить осаду Тобрука и отойти на запад. Между тем итало-немецкая группировка в районе Эс-Саллума и Бардии была полностью окружена и ее пришлось оставить на произвол судьбы. Эта группировка должна была держаться как можно дольше и помешать противнику использовать прибрежное шоссе, частично проходившее в ее районе. Здесь, где нужно было блокировать единственную хорошую дорогу и сковать крупные силы противника, такие «укрепленные пункты» имели известный смысл. Они в такой же степени стесняли действия англичан, в какой до сих пор Тобрук мешал немецкому командованию. Занимавшие их войска снабжались воздушным путем.

Все остальные соединения Роммель сначала отвел в район Эль-Газалы, который он удерживал до 16 декабря, успешно отражая все попытки англичан осуществить охват и нанося им большие потери. Но затем стал намечаться новый, более глубокий охват, и Роммель был вынужден принять решение о дальнейшем отходе к Аджедабии. Итальянское верховное командование в Риме было очень недовольно этим решением, но не могло найти никакого другого выхода, чтобы спасти войска Роммеля. Роммель не придавал никакого значения некомпетентному вмешательству, в котором принял участие и командующий итальянскими войсками в Восточной Африке, и, прикрывая фланг своих войск от возможных действий противника, особенно из района Эль-Мекили, отступил на Аджедабию. Здесь англичане еще раз попытались окружить итало-немецкие силы: они хотели сковать их фронтальным наступлением и одновременно предпринять охват открытого восточного фланга. Но этот план провалился вследствие очень искусного использования Африканского корпуса, который вынудил противника вести бой перевернутым фронтом и отеснил его к сильным немецким оборонительным позициям, где на переднем крае было много противотанковых средств. В результате англичане потеряли свыше сотни танков. После того как Роммель этим успехом заставил своих противников отказаться от преследования, он отошел на значительно более выгодную в тактическом отношении позицию у Гаср-эль-Брега на побережье залива Сидра. Оставленные на востоке войска под командованием энергичного итальянского генерала Джорджи храбро держались в Бардии до 2 января, а у прохода Хальфайя – даже до 17 января, что немало способствовало благополучному отходу основной группировки.

Потери обеих сторон были довольно значительными. Войска держав оси потеряли 13 тыс. немцев и 20 тыс. итальянцев; английские войска – 17 700 человек.

Для того чтобы существенно облегчить положение итало-немецкого торгового флота на Средиземном море и ликвидировать господство англичан в воздухе, германское верховное командование, хотя и с опозданием, все же решило перебросить крупные силы немецкой авиации в Южную Италию. Правда, было очень тяжело снять с Восточного фронта штаб 2-го воздушного флота, которым командовал фельдмаршал Кессельринг, и боевые авиационные части. Кессельринг 8 ноября прибыл в Италию, но прошло несколько недель, пока действия немецкой авиации начали оказывать заметное влияние на общую обстановку. Немецкий флот также способствовал тому, чтобы сделать положение на Средиземном море более сносным. С лета началась переброска подводных лодок в итальянские и греческие порты, так как итальянские подводные лодки, несмотря на свою многочисленность, вследствие конструктивных недостатков не могли эффективно действовать против английских кораблей. Количество немецких подводных лодок в Средиземном море было доведено до двадцати пяти, так что в среднем восемь подводных лодок всегда непосредственно вели боевые действия. Совместными усилиями авиации и флота удалось решающим образом изменить положение на море и в воздухе. Английский флот понес такие большие потери, что в конце декабря в порту Александрия находились в боевой готовности только три крейсера и несколько эскадренных миноносцев. 13 ноября немецкая подводная лодка потопила в западной части Средиземного моря английский авианосец «Арк Ройял». 25 ноября у берегов Африки был торпедирован и затонул английский линкор «Бэрхэм», который использовался для поддержки морских

десантных операций. Вполне заслуженно могли гордиться своим успехом итальянские моряки, управлявшие одноместными подводными лодками, которые 19 декабря проникли в порт Александрия и настолько сильно повредили два линкора «Куин Элизабет» и «Вэлиант», что последние вышли из строя на многие месяцы{28}. В конце декабря соединение английских кораблей, состоявшее из трех крейсеров и четырех эскадренных миноносцев, при попытке перехватить шедшие в Триполи итало-немецкие корабли наскочило на только что поставленное минное заграждение и потеряло один крейсер и один эскадренный миноносец.

Остров Мальта подвергался непрерывным атакам с воздуха. За шесть последних дней декабря он выдержал 60 воздушных налетов, а в январе 1942 г. – 263. Наконец удалось освободить Средиземное море от англичан – доказательство того, какие возможности здесь имелись у немецкого командования в прошлом году после победы в Греции. Теперь транспорты из Италии, направлявшиеся в Триполи, могли беспрепятственно пересекать Средиземное море. В удивительно короткое время боеспособность итало-немецких соединений была настолько восстановлена, что Роммель мог решиться на новое наступление. Его целью было упредить англичан и разгромить их, прежде чем они успеют сосредоточить свои силы.

Роммель очень правильно оценил положение англичан. Они также значительно пострадали во время прошедших боев. Кроме того, им снова приходилось осуществлять подвоз из далекого Египта. Англичане лишь слабыми силами вышли к укрепленному рубежу близ Гаср-эль-Брега. Основные силы 30-го армейского корпуса, который вел преследование, находились еще в районе Аждабаби. Соединения 13-го армейского корпуса были оставлены для пополнения в районе между Дерной и Эс-Саллумом, после того как они сломили сопротивление окруженных у прохода Хальфайя и в Бардии войск. Англичане хотели в спокойной обстановке, не торопясь, подготовить достаточную материальную базу и затем нанести удар в направлении Триполи.

21 января Роммель внезапным наступлением Африканского корпуса разбил эти иллюзии; немецкие соединения танковыми клиньями смяли силы противника, стоявшие в Аждабаби, пополнили свои запасы из захваченных складов и начали продвижение дальше на северо-восток. Так как итальянцы по приказу из Рима отказались принять участие в наступлении, Роммель не мог предпринять широкого охвата и вынужден был преследовать противника фронтально до порта Бенгази, которого он достиг 29 января. Две сильно потрепанные английские дивизии отошли к Дерне и дальше на восток. Это смелое наступление было остановлено лишь в районе западнее Эль-Газала 7 февраля.

В результате полностью провалились планы англичан захватить всю Ливию и решающим образом изменить военную обстановку. В ставке Гитлера с большим облегчением отметили, что критическое положение на северо-африканском театре военных действий было ликвидировано очень быстро и удачно, и снова потеряли к этому театру всякий интерес. Итальянцы по-прежнему отказывались сменять своими пехотными дивизиями немецкие подвижные соединения, действующие в первом эшелоне. Они приветствовали продвижение к Бенгази, так как оно улучшало общую обстановку, но считали, что Гаср-эль-Брега должна оставаться базой дальнейших операций.

На первый план они ставили теперь, в принципе весьма справедливо, борьбу за господство на море и в воздухе в средиземноморском районе, чтобы обеспечить надежное снабжение Ливии и избежать в будущем тяжелых потерь торгового флота. Конечно, атаки на Мальту вначале существенно облегчили положение. Но до тех пор пока этот остров находился в английских руках, он оставался угрозой, для устранения которой требовались непрерывные крупные воздушные налеты и большое количество боеприпасов. Поэтому итальянцы настаивали на том, чтобы организовать снабжение войск через Тунис. Муссолини дошел до того, что заявил Гитлеру в письме от 30 декабря следующее: в случае, если французы не разрешат добровольно использование Туниса, он силой высадит свои дивизии в Тунисе, но не допустит, чтобы они погибли на пути в Триполи. Для Гитлера эта настойчивость была весьма некстати. С тех пор как рухнула надежда на быстрое окончание войны в России, он все с большей озабоченностью посматривал на Запад. Всякое появление итальянцев в Тунисе, если бы даже оно преследовало только цель устранить трудности, связанные со снабжением войск, крайне взволновало бы французов и вряд ли встретило бы их одобрение. О применении силы,

по его мнению, в настоящее время не приходилось даже и думать. Оно разрушило бы последнюю надежду на вовлечение Франции в какой-либо форме в оборону Европы, несомненно, побудило бы силы французов в Северной Африке к вооруженному сопротивлению и дало бы западным державам долгожданный повод к тому, чтобы с участием французов создать в Северной Африке новый театр военных действий. Наконец, в отношении использования портов Туниса и Бизерты был достигнут компромисс: удалось добиться тайного согласия французов на то, чтобы хорошо замаскированные военные грузы, кроме оружия и боеприпасов, выгружались в этих портах и доставлялись в Триполи по суше. Это было вынужденное решение, которое лишь частично разрешило проблему снабжения. Тем более острой была необходимость захватить Мальту.

По мнению Кессельринга, при условии внезапного нападения захват Мальты был вполне осуществимым. Итальянцы в принципе согласились принять участие в нападении на Мальту, но у них не было ни обученных парашютистов, ни посадочных войск, так же как и необходимого количества транспортных самолетов и планеров. Когда итальянцы в середине апреля заявили, что они закончат приготовления к операции лишь к концу июля, Кессельринг указал им на то обстоятельство, что немцы не могут так долго выделять большое количество самолетов и боеприпасов для подавления Мальты. Стоящая перед ним тройная задача – захватить остров, охранять конвои и оказывать поддержку наземным войскам в Ливии – уже превышает силы его соединений. Под новым нажимом в начале апреля итальянское командование создало, наконец, особый штаб для подготовки операции. Одновременно началось обучение парашютистов под руководством немецких инструкторов.

Между тем с января продолжались крупные воздушные налеты на Мальту. Немецкая и итальянская авиация предпринимала почти непрерывные атаки. Вскоре порт и доки были настолько разрушены и потоплено так много судов, что Мальта в качестве морской базы стала непригодной. Интенсивное минирование самолетами и торпедными катерами заставило англичан отказаться от острова как опорного пункта флота на Средиземном море. Теперь там оставались только подводные лодки. Но англичане старались удержать остров хотя бы как воздушную базу. Временно приходилось доставлять горючее на подводных лодках, изредка на Мальту прибывали отдельные суда с продовольствием и боеприпасами. Когда острая нужда в боеприпасах зенитной артиллерии и общая нехватка других предметов снабжения потребовали принятия срочных мер, англичане решились в конце марта отправить на Мальту конвои из четырех судов под охраной военных кораблей. Только два судна достигли гавани, но и они были потоплены авиацией, прежде чем их успели разгрузить.

Вскоре немецкая авиация стала меньше совершать налетов на остров, англичане же все время стремились восполнить свои потери в самолетах. Так, в начале апреля с авианосцев, прибывших для этой цели в западную часть Средиземного моря, на остров прилетели 47 самолетов типа «Спитфайр». Общее количество самолетов на Мальте временно выросло до 150, но из них через несколько дней 30 машин снова вышли из строя. В начале июня прибыло еще 60 новых самолетов.

Итальянцы не были склонны ускорить наступление, хотя Кессельринг еще в апреле вторично предложил им в течение трех недель очистить остров от противника. Только их флот, который временно располагал довольно большим количеством горючего, несколько активизировал – и не без успеха – свои действия против английских конвоев. Тем временем Роммель готовился к своему следующему большому удару.

3. Немецкие войска в России снова захватывают инициативу

Когда в 1942 г. весенняя распутица заставила временно прекратить операции, перед Гитлером встал серьезный вопрос, как он должен дальше вести войну против Советского Союза. О переходе к обороне нечего было и думать – такой переход только опроверг бы все прежние громогласные заверения о том, что война против Советского Союза уже выиграна. Если бы немцы перешли к обороне, то сразу исчезли бы все перспективы выиграть войну. 1942 г. был, возможно, последним годом, когда основные силы немецкой армии могли быть использованы на одном фронте. Позднее такие факторы, как оправившаяся от поражения 1940

г. Англия и проводимое лихорадочными темпами вооружение Америки, должны были настолько сильно изменить обстановку, что из небольшого второго фронта в Северной Африке и потенциального третьего фронта во Франции, которые наряду с оккупацией Норвегии и Балкан сковали крупные германские силы, в любое время могли возникнуть настоящие фронты. (Карта 4, стр.228)

Летняя и зимняя кампании 1941 г. дали большую нагрузку немецким войскам, однако они сохранили свою наступательную мощь как в моральном, так и физическом отношениях. Но все же она была недостаточной, чтобы вести наступление на всем фронте общей протяженностью около 3 тыс. км. Только при объединении всех танковых и моторизованных соединений на одном участке фронта еще можно было бы рассчитывать на полный успех. На остальных же участках нужно было лишь стремиться к тому, чтобы восполнить потери, понесенные за год боев, и сделать войска снова полностью боеспособными и подвижными. Некоторое ослабление перегрузки, которая была вызвана необходимостью удерживать протяженный, а в связи с запланированным наступлением еще более удлинившийся фронт, было обеспечено тем, что Румыния, Италия и Венгрия стали принимать более активное участие в войне. Можно было рассчитывать примерно на тридцать пять дивизий этих стран. Правда, по своей боевой подготовке, боевому опыту и оснащению они далеко уступали немецким соединениям, и оснастить их современным оружием немецкая военная промышленность не могла. Однако использование этих соединений на нескольких менее опасных второстепенных фронтах вполне себя оправдало.

Противник показал совершенно невероятную способность к сопротивлению. Он понес тяжелые потери не только летом 1941 г., но и во время зимнего наступления, в котором приняли участие крупные массы войск. Но все это не могло сломить стойкость Красной Армии. У нее оставалось еще достаточно кадров, чтобы укомплектовать командным составом новые формирования и обеспечить их боевую подготовку. Военно-экономический потенциал страны заметно снизился. Захваченный Донецкий бассейн давал до войны две трети общей добычи угля. Русские потеряли также три четверти областей с залежами железных и марганцевых руд. Новая мощная индустриальная база по ту сторону Урала, развитие которой началось незадолго до войны, еще не могла компенсировать потерю промышленных районов. Американская помощь была еще очень слабой. Важные сельскохозяйственные области также перешли в руки немцев. Из 170 млн. населения 35 млн. было потеряно; однако все население, способное носить оружие, удалось своевременно эвакуировать. В своей массе русские, стихийно вставшие на защиту своей родины, были хотя и надежными бойцами и в значительной степени фанатичными благодаря искусной пропаганде, но не всегда достаточно стойкими в критической обстановке. Об этом свидетельствовало количество перебежчиков, которое всегда увеличивалось там, где военное положение становилось для русских неблагоприятным. Для борьбы с перебежчиками русские вскоре вынуждены были ввести немыслимую по западным понятиям систему репрессирования родственников{29}.

Исходя из такой оценки противника был разработан план нанести летом 1942 г. русской армии сокрушительный удар на юге, уничтожить там крупные силы и захватом важнейших районов настолько экономически ослабить страну, чтобы русские в течение длительного времени были лишены возможности вести активные боевые действия. Если бы Советский Союз потерял необходимую ему для ведения войны нефть на Кавказе и богатые сельскохозяйственные области Восточной Украины до нижнего течения Волги, -то американская помощь, возможно, не смогла бы возместить этих потерь. Но решающее значение такая стратегия, преследующая в первую очередь экономические цели, могла приобрести только в том случае, если бы Советский Союз использовал большое количество войск для упорной обороны и при этом потерял бы их. В противном случае было бы мало шансов удержать обширную территорию во время последующих контрударов русских армий.

Когда в такой обстановке Гитлер 15 марта 1942 г. на праздновании дня памяти героев обещал уничтожение русской армии в течение будущего лета, то это предсказание, как и многие другие, было тем более опасным, что оно определяло характер действий на будущее, усиливало тенденцию ни за что не отдавать захваченную территорию и увеличивало предстоящие беды.

Хотя группа армий «Юг», которая должна была начать запланированное наступление, в течение зимы не раз оказывалась в критическом положении, но в целом ей пришлось не так тяжело, как другим группам армий. От Таганрога на побережье Черного моря до Курска, где к ней примыкала группа армий «Центр», в конце 1941 г. был создан и удерживался сплошной фронт. К тому же в тылу группы армий «Юг» все районы, населенные украинцами, были свободны от партизан.

Тяжелая обстановка сложилась в январе в районе Харькова, который русские хотели взять в результате охватывающих ударов на севере через Белгород, на юге – через Изюм. Продвижение на севере после временных успехов русских в районе Белгорода и Волчанска удалось вскоре остановить. Белгород был занят в ходе ответного наступления, фронт в основном был удержан. Южнее Харькова русские прорвались у Северного Донца по обе стороны Изюма, образовали брешь шириной 80 км и передовыми отрядами почти достигли Днепра в районе Днепропетровска. Затем прорыв был перехвачен и локализован. Но остался выступ глубиной 100 км и шириной 80 км, для ликвидации которого пришлось ввести четыре немецких и один румынский корпус.

Другой тяжелый кризис был создан попыткой русских путем высадок десанта в Крыму заставить 11-ю армию прекратить осаду Севастополя и изгнать ее из Крыма. Эти высадки, предпринятые 29 декабря одновременно в районе Керчи и Феодосии, сразу же привели к потере Керченского полуострова. Оттянув из-под Севастополя несколько немецких и румынских дивизий, немцам удалось отбросить русских севернее Феодосии, прежде чем они смогли расширить свой плацдарм дальше на запад. Керченский полуостров остался в руках русских. Другие их силы, которые 5 января 1942 г. высадились северо-западнее Севастополя в районе Евпатории, были после трехдневных боев сброшены в море.

Керчь и Севастополь

В то время как немецкие войска, готовясь к предстоящему широкому наступлению, еще только получали пополнение и производили перегруппировку, в Крыму были предприняты два сильных удара с целью устранить угрозу южному флангу немцев и высвободить 11-ю армию.

С января русские основательно укрепили свои позиции в западной оконечности Керченского полуострова и располагали там крупными силами.

Таким образом, наступление немецких войск имело задачей прежде всего прорвать глубоко эшелонированную оборону, чтобы создать предпосылку для уничтожения противника. Главный удар наносился на правом фланге. 8 мая войска начали наступление и при сильной поддержке артиллерии и бомбардировочной авиации глубоко вклинились в оборону противника, а на следующий день прорвали ее. Затем прорвавшиеся немецкие войска повернули на север и окружили русские силы, которые еще удерживали правый фланг оборонительной позиции. Одновременно немецко-румынское подвижное соединение продвинулось дальше на восток и помешало противнику вновь организовать оборону. После того как в последующие дни, отчасти в танковых боях, было сломлено ожесточенное сопротивление остальных русских сил, 15 мая был взят город Керчь. Русские имели на полуострове семнадцать стрелковых дивизий, три стрелковые бригады, две кавалерийские дивизии и четыре танковые бригады. По-видимому, удар немецких войск упредил русское наступление. Победители взяли в плен 150 тыс. человек, захватили 1113 орудий, 255 танков и 323 самолета.

Теперь противник в Крыму оставался только в Севастополе, сильной крепости, с середины сентября окруженной немецко-румынскими войсками. Эту крепость, прикрываемую многочисленными оборонительными сооружениями долговременного и полевого типа, можно было атаковать только после интенсивнейшей авиационной и артиллерийской подготовки. Такая подготовка, для которой была сосредоточена мощная осадная артиллерия, в том числе и 650-мм мортиры, началась 3 июня вначале на северном участке, где противник предпринимал контратаки. 7 июня немецко-румынские войска перешли в наступление. Потребовались две недели для того, чтобы прорвать сильные позиции и достигнуть Северной бухты. Этим был сломлен хребет обороны, так как наступающие теперь господствовали над бухтой и портом и могли воспрепятствовать всякому снабжению Севастополя по морю. 10 июня последовало второе наступление в южной части восточного участка. К 29 июня немецкие войска вышли к

восточной оконечности Северной бухты, а также продвинулись южнее города на запад. 1 июля после сильной артиллерийской и авиационной подготовки был предпринят штурм центральной части города с востока и юга. На следующий день немецкие войска очистили от противника мыс Херсонес. Общие трофеи составляли 100 тыс. пленных, 622 орудия, 26 танков и 141 самолет. Теперь Крым полностью находился в руках немцев.

Харьков

Русские ожидали немецкого наступления в Южной России и, несомненно, заметили приготовления к нему. Так как они не хотели, чтобы у них, как прошлым году, перехватили инициативу, они решили упредить немцев. Подходящей целью наступления им представлялся Харьков, овладеть которым стремились еще зимой, тем более, что русские войска все еще занимали захваченный в январе большой выступ южнее Харькова. Кроме того, русские имели обыкновение упрямо придерживаться однажды поставленной цели – свойство, из которого немецкое командование в последующие годы могло бы извлечь большую пользу, если бы оно само не оказалось гораздо упрямее русских. Какие широкие цели ставило себе русское командование, показывает обращение Тимошенко к украинцам и его приказ, изданный после первых успехов, в котором он говорил о начале нового периода войны. Как и в январе, русские стремились захватить Харьков двусторонним охватом и развить это наступление в оперативный прорыв. 12 мая они начали наступление севернее Харькова с рубежа Белгород, Волчанск, а южнее – из северной части выступа. В районе Белгорода им удалось добиться значительного вклинения, в районе Волчанска – местного прорыва на глубину 65 км. Однако 6-й армии, части которой уже успели занять исходные позиции для наступления, вскоре удалось преодолеть кризис. Южнее Харькова русские, продвигаясь по обеим берегам реки Северный Донец, прорвали оборону немецких войск в районе Чугуева и левым крылом продвинулись до Мерефы. Но здесь после пятидневных ожесточенных боев русские были остановлены. Между тем немецкое командование, которое и на юге располагало подготовленными к наступлению крупными танковыми силами, использовало создавшееся положение, чтобы нанести русским сокрушительный удар. В районе Славянска была сосредоточена сильная ударная группа, которая, продвигаясь правым флангом вдоль Северного Донца, должна была преградить русским пути отхода за эту реку. 17 мая ударная группа начала наступление с рубежа Славянск, Александровка и сразу же глубоко вклинилась в русский фронт. Уже на следующий день ее правый фланг достиг Изюма. Русским армиям грозил удар с тыла, и Тимошенко приостановил свое наступление, чтобы спасти их от уничтожения. Но потребовались отчаянные усилия, чтобы пробиться от Лозовеньки к Северному Донцу, так как немецкий клин все дальше продвигался к Балаклею, а немецкие и румынские дивизии, располагавшиеся вокруг выступа, в свою очередь также перешли в наступление. 25 мая значительная часть двадцати стрелковых, семи кавалерийских дивизий и четырнадцати танковых бригад были окружены западнее Северного Донца. В сводке германского верховного командования сообщалось о взятии в плен 240 тыс. человек, а также об уничтожении или захвате 2026 орудий и 1249 танков. Русские, против обыкновения, с необычной откровенностью признавали свою неудачу. Указывая на огромное превосходство немцев в живой силе, артиллерии и авиации, они сообщали о потере 70 тыс. человек пленными и 5 тыс. убитыми. Однако они считали, что добились успеха, так как им удалось якобы предупредить и сорвать наступление немецких войск на Кавказ. Открытое признание поражения было первым, но не последним призывом русских к своим союзникам не заставлять их будущим летом одних выдерживать натиск немцев.

Для запланированного немецкого наступления попытка русских помешать ему была только желанным началом. Ослабление оборонительной мощи русских, которого было не так-то легко добиться, должно было существенно облегчить первые операции. Но требовались еще дополнительные приготовления, которые заняли почти целый месяц, прежде чем немецкие армии, произведя перегруппировку и пополнив все необходимое, смогли начать наступление.

Выход немецких войск к Кавказу и Волге

В конце июня на фронте от Таганрога до Курска стояло пять полностью укомплектованных и хорошо оснащенных армий, готовых разбить русские войска на юге. За ними были сосредоточены одна румынская, одна итальянская и одна венгерская армии, соединения которых частично уже были выдвинуты к линии фронта. Эти хуже оснащенные

союзные армии должны были по мере продвижения немецких армий на сотни километров вглубь страны содействовать обеспечению их флангов, чтобы немецкие войска могли сохранить свою ударную силу для действий в глубине территории противника,

Группа армий «Юг» была разделена на две части. В южную группу армий «А», которой вначале командовал фельдмаршал Лист, вошли 17-я полевая и 1-я танковая армии, в северную группу армий «Б» (ею командовал вместо погибшего к этому времени фельдмаршала фон Рейхенау вначале фельдмаршал фон Бок, а позднее генерал-полковник барон фон Вейхс) – 4-я танковая, 6-я и 2-я полевые армии.

План операции был следующим. Крупные танковые силы ударом из района Изюм (1-я танковая армия) и юго-восточнее Харькова (4-я танковая армия) должны были прорваться в район между Северным Донцом и Доном. 6-я и 2-полевые армии имели задачу начать наступление одновременно с танковыми армиями и выйти к Дону на участке Новая Калитва, Воронеж. Когда немецкие танки начнут стремительно продвигаться вперед, должна была перейти в наступление и 17-я армия, несколько дальше других армий выдвинутая на восток.

От успеха прорыва зависел выбор дальнейших целей наступления. В принципе с самого начала планировалось, что группа армий «А», сделав захождение левым крылом, выйдет к нижнему течению Дона, а группа армий «Б» на возможно более широком фронте достигнет Волги по обе стороны Сталинграда. Для Гитлера главная цель этих операций, помимо стратегических соображений, заключалась в захвате нефтяных районов Кавказа.

Захват плацдармов на восточном берегу Северного Донца в районе Изюма и Чугуева в ходе преследования русских после сражения за Харьков обеспечил танковым армиям благоприятные исходные позиции.

28 июня началось наступление. Несмотря на ожесточенное сопротивление русских на отдельных участках, оно вначале развивалось по намеченному плану. Немецкие войска прорвали фронт на всем протяжении от Изюма до Курска и стали преследовать отступающего противника, который стремился прикрыть свой отход крупными танковыми силами. 5 июля 2-я армия подошла к Воронежу и двумя днями позже после ожесточенных боев захватила плацдарм на противоположном берегу Дона. Затем ей пришлось выдержать сильные контратаки русских с фронта и северного фланга. Левое крыло наступающих немецких войск было уже остановлено ожесточенным сопротивлением русских, которые всеми силами стремились помешать продвижению немцев за Дон.

Продвигавшаяся в центре 4-я танковая армия и танковые соединения 6-й полевой армии примерно к 10 июля достигли района Кантемировка, вышли к Дону между Новой Калитвой и Острогожском и создали несколько плацдармов на восточном берегу реки. Немного позже 1-я танковая армия, продвигаясь своим южным флангом вдоль Северного Донца, захватила район Миллерово. В это время в сводке германского верховного командования сообщалось о том, что в ходе наступления, начавшегося 28 июня, в районе западнее Дона противник потерпел решительное поражение. Число пленных составляло 88 689; было захвачено или уничтожено 1007 танков и 1688 орудий. Но эти цифры были поразительно низки. Их никак нельзя было сравнить с потерями русских не только в 1941 г., но даже еще в сравнительно недавних боях под Харьковом. Это, несомненно, показывало, что в действительности в районе западнее Дона решающих успехов добиться не удалось.

Противник изменил свою тактику. В начале июля Тимошенко отдал приказ, в котором указывал, что теперь хотя и важно нанести противнику тяжелые потери, но прежде всего необходимо избежать окружения. Важнее, чем оборона каждой пяди земли, является сохранение целостности фронта. Поэтому главное не удержание любой ценой своих позиций, а постепенный и планомерный отход.

Следовательно, в этом районе русским было важнее спасти свои соединения, чем удержать территорию. Тем требованиям, которые предъявляла новая тактика к русским командирам частей и подразделений, последние отвечали лишь в ограниченной степени. Кроме того, темп продвижения наступавших в восточном и юго-восточном направлении подвижных соединений был слишком большим, чтобы русским удалось полностью оторваться от преследовавших их немецких войск и планомерно отойти. Но так как ни одного котла образовать не удалось и немецкие армейские корпуса могли вести только фронтальное

преследование, то новая тактика русских, конечно, больше способствовала сохранению их сил, чем попытка оборонять словно специально заданную для танков обширную открытую местность между реками Северный Донец и Дон.

В середине июля немецкие танковые армии стали наступать по разным направлениям. 4-я танковая армия, продвигаясь своим левым флангом вдоль Дона, вышла в большую излучину Дона западнее Сталинграда и в конце месяца ходе непрерывного преследования достигла Калача и Клетской, где противник оказал энергичное сопротивление. Чтобы сломить это сопротивление, решилось ждать подхода 6-й армии, которая форсированным маршем продвигалась по правому берегу Дона. 1-я танковая армия из района Миллерово свернула на юго-восток и к исходу месяца стояла уже у Дона между Новочеркасском и Цимлянкой.

17-я армия в начале июля начала наступление из района Сталино, 17 июля левым флангом заняла Ворошиловград, а центром и правым флангом вышла на Дону по обе стороны Ростова, имея своим левым соседом 1-ю танковую армию.

Теперь война вступила в решающую стадию. Ширина фронта прорыва между Таганрогом и Курском достигала 500 км, почти на такое же расстояние продвинулись немецкие войска от Изюма до Калача. Введенные в этом районе силы противника были хотя и не уничтожены, но все же значительно ослаблены. Русские сводки приняли мрачный тон. С неудовольствием, граничащим раздражением, в них отмечалось, что русские и этим летом должны нести на себе всю тяжесть борьбы, причем со стороны западных держав не предпринимается никаких решительных действий изменить это положение. Московское радио энергично требовало открытия «второго фронта», советские послы Вашингтоне и Лондоне сделали дипломатические представления, преследовавшие ту же цель. Сталин приказал Тимошенко прекратить всякий отход; вопрос теперь ставился только так – победить или умереть.

Действия немецких войск, казалось, еще раз увенчались блестящим успехом. Но при ближайшем рассмотрении этот блеск меркнул. Русские армии были, может быть, деморализованы, но не разгромлены. Количество пленных и трофеев существенно не увеличилось. Обе группы армий двигались вперед по расходящимся направлениям. Правда, Волга находилась совсем близко, но бои в районе Калача и Клетской уже говорили о том, что русские собираются здесь упорно сопротивляться дальнейшему фронтальному наступлению немцев. До первых нефтяных районов Кавказа нужно было еще пройти огромные расстояния, хотя немецкие войска вышли на широком фронте к Дону в его нижнем течении и форсировали эту реку в нескольких местах. Расстояние до Майкопа составляло 350 км, до Грозного – даже 750 км. Раньше чем достигнуть Баку, Тбилиси и Батуми, требовалось преодолеть Кавказ, горный массив, который по протяженности равняется Альпам, а по высоте даже превосходит их.

Хватит ли сил у немцев и их союзников, чтобы обеспечить 600-километровый фланг от Воронежа до Сталинграда, дойти до Сталинграда и Волги, а также повести наступление на юго-восток, в ходе которого войска должны были пройти самое меньшее от 350 до 750 км в глубину при ширине фронта наступления от Туапсе до Моздока, равной 600 км? Гитлер, несмотря на все возражения, не отступал от этой цели. Словно зачарованный, смотрел он на нефтяные районы, без которых он якобы не мог продолжать войну. Роковое наступление началось. Слишком переоценивая свои собственные силы и неизвестно почему недооценивая своего упорного противника, Гитлер бросил обе группы армий в наступление по расходящимся направлениям; их фронт, в момент наибольшего продвижения проходивший от Воронежа через Сталинград, Элисту, Моздок, Эльбрус до Туапсе, имел протяженность почти 2 тыс. км.

Первым следствием решения Гитлера явилось то, что войска, наступавшие на Кавказ, были усилены. По мере того как 6-я армия подходила к большой излучине Дона западнее Сталинграда, части 4-й танковой армии постепенно перебрасывались на юг. Для форсирования Дона они все равно не требовались. Позднее снабжение было сорвано, так что они совсем оказались не нужными.

Слабые русские силы, оборонявшиеся у нижнего течения Дона, не могли отразить натиск 17-й полевой и 1-й танковой армий. 23 июля был взят Ростов, но уже раньше восточнее Ростова Дон был форсирован на широком фронте. Только левофланговые части 1-й танковой армии были несколько дольше задержаны на Дону в районе Цимлянской. Здесь русские, невидимому,

боялись поворота немцев вдоль железной дороги Котельниково – Сталинград. Немецкие войска действительно повернули на восток, но только для того, чтобы вместе с другими соединениями, которые позднее продвинулись до Элисты, обеспечивать глубокий левый фланг и тыл 1-й танковой армии.

Немецкие войска неудержимо рвались к Кавказу. В последние дни июля была осуществлена переправа через Маныч, 6 августа подвижные соединения, почти не встречавшие сопротивления, вышли к железной дороге Ейск-Баку на участке от Ейска до Армавира. Вскоре после этого немецкие передовые отряды достигли Кубани. 8 августа был захвачен район Майкопа – первый, самый маленький и основательно разрушенный русскими нефтяной район. Одновременно два танковых корпуса севернее среднего течения Кубани повернули на юго-восток, чтобы продвигаться к более важной цели – району Грозного. Однако еще во время этого продвижения возникли первые трудности со снабжением войск, которые затем стали хроническими и постепенно превратились в настоящее бедствие. Иногда острая нехватка горючего даже вынуждала доставлять его по воздуху. Коммуникации настолько удлинились, что автоколонны, подвозившие горючее, сами расходовали в пути большую часть своего груза. Иногда дело доходило до парадокса: для транспортировки горючего использовались караваны верблюдов. Когда наступавшие на Грозный подвижные соединения 9 августа достигли Пятигорска, им пришлось несколько недель ожидать там горючего, а тем временем русские стягивали новые силы и усиливали свою авиацию. В конце августа наступление возобновилось, однако дальше взятого 25 августа Моздока немецким войскам продвинуться не удалось.

Затруднения с подвозом помешали внезапно захватить кавказские перевалы, прежде чем русские сумели усилить их оборону. Только на Эльбрусе немецкие горные стрелки подняли 21 августа немецкий флаг, но это значительное достижение альпинизма не имело ни тактического, ни тем более стратегического значения.

На западном участке группа армий «А» тоже не смогла продвинуться дальше района Майкопа. В напряженных боях, длившихся несколько недель, горные стрелки пытались через труднопроходимые северо-западные отроги Кавказа прорваться на Туапсе, но были задержаны на перевалах. В течение сентября на Кавказском фронте впервые стала заметно сказываться усиливающаяся напряженность обстановки в районе Сталинграда. Еще в конце июля 1-я танковая армия была усилена частями 4-й танковой армии за счет северной группы армий «Б», а теперь она должна была отдать обратно большую часть своей зенитной артиллерии, несколько моторизованных дивизий и все авиационные части.

Вспомогательный удар, которому, однако, суждено было приобрести большое значение для последующего развития операций, был проведен в начале сентября на западном фланге 17-й армии. Выступ Северного Кавказа, находящийся западнее Керченского полуострова, – полуостров Тамань был очищен от противника в результате наступления, предпринятого одновременно с востока и через Керченский пролив с запада.

Впоследствии этот район сыграл важную роль как кубанский плацдарм. Соединения, вышедшие к побережью, продвинулись затем дальше на юго-восток и 10 сентября достигли Новороссийска. Здесь горы, круто обрывающиеся у самого моря, положили конец дальнейшему продвижению. Тактическое взаимодействие с горными стрелками, которые наступали через горы на Туапсе, несмотря на все усилия, не было достигнуто.

Общая обстановка на Кавказском фронте больше не менялась до тех пор, пока катастрофа под Сталинградом в ноябре 1942 г. не сделала ее в высшей степени опасной.

Наступление на Сталинград

В конце июля 6-я армия достигла главными силами большой излучины Дона в районе между Калачем и Клетской. Несколько дивизий она вынуждена была оставить у Дона для прикрытия своего левого фланга, так как армии союзников еще не подтянулись. Подвижные соединения 4-й танковой армии повернули на юг.

Теперь 6-я армия вместе с оставшимися дивизиями 4-й танковой армии на узком фронте подошла к позициям русских, которые уже прекратили отход. Дальнейшее развертывание наступления было затруднено, так как левое крыло, которое по первоначальному плану должно было продвигаться через Воронеж на Саратов, застряло у Дона. Ударная сила немецких войск была недостаточной для того, чтобы наступать к Волге широким фронтом по обоим берегам

Дона. Левый фланг 6-й армии на Дону был стеснен и находился под постоянной угрозой. И все же имелось простое средство расширить фронт наступления если не а север, то хотя бы на юг. 23 июля немецкие войска, наступавшие на Кавказ, достигли левым крылом Дона в районе Цимлянкой. Эти соединения после переправы через реку еще могли бы повернуть на восток и смять русскую оборону в районе между Доном и Волгой.

Не вызывает почти никакого сомнения, что Сталинград в начале августа можно было взять внезапным ударом с юга. Но находившиеся поблизости дивизии, которые могли бы это сделать, должны были продолжать свой путь на Кавказ. Силы же, повернувшие на Котельниково, были слишком слабыми.

Таким образом, 6-я армия и ослабленная 4-я танковая армия должны были вести фронтальное наступление против непрерывно усиливавшейся обороны противника на Дону. 21 августа удалось захватить плацдарм в районе северо-восточнее Калача, с которого немецкие войска узким клином продвинулись к Сталинграду. 25 августа была достигнута западная окраина города.

Постепенно высвобождались другие дивизии 6-й армии, обеспечивавшие раньше фланг на Дону. В течение августа 8-я итальянская армия в составе шести пехотных и одной кавалерийской дивизии подошла к Дону и сменила немецкие войска на фронте между западным флангом 6-й армии и Новой Калитвой. Итальянцы примыкали ко 2-й венгерской армии, располагавшейся выше по течению Дона до 2-й немецкой полевой армии. Вскоре русские стали оказывать сильное давление на итальянские и венгерские войска. Кое-где им даже удалось вклиниться на значительную глубину в румыно-венгерскую оборону, и хотя эти вклинения были локализованы большей частью с помощью немецких резервов, они показали, каким непрочным был удерживаемый союзными войсками фронт.

Сталинград, несмотря на неблагоприятную тактическую обстановку, которая требовала фронтального наступления, был окружен 6-й армией с запада и севера благодаря неумолимому упорству наступавших войск и интенсивной поддержке авиации. Перед этим 6-я армия в тяжелых боях сумела настолько расширить на север клин, который она в конце августа продвинула через Дон, что ее левый фланг стал свободным. Позиция, примыкавшая в районе Дубовки к Волге, а в районе Качалинской к Дону, сделала невозможной всякую помощь городу с севера, но подвергалась постоянным атакам русских и поэтому требовала большого расхода сил. Так как одновременно 4-я танковая армия вместе с румынскими частями продвигалась на Сталинград с юго-запада, то и на юге удалось близко подойти к городу, растянувшемуся на 40 км вдоль левого берега Волги.

Затем в начале октября началась не поддающаяся никакому описанию битва за город. Она продолжалась два месяца. Сталинград постепенно превращался в груды развалин, и в этом море руин немецкие пехотинцы и саперы, поддерживаемые танками, самоходными установками, огнеметами, артиллерией и пикирующими бомбардировщиками, с гранатами и ножами в руках прокладывали себе путь от дома к дому, от подвала к подвалу и от развалины к развалине. Огромные военные заводы превратились в крепости. Но чем больше становилось развалин, тем больше укрытий находили обороняющиеся. Всякий раз, когда немецкие пикирующие бомбардировщики или артиллерия разрушали два наведенных понтонных моста через Волгу, упорным русским, трудившимся с усердием муравьев, удавалось их восстанавливать. На восточном берегу они расположили очень сильную артиллерию, которая облегчила довольно тяжелое положение защитников города. Неоднократные приказы Сталина и Тимошенко побуждали обороняющихся к фанатическому сопротивлению.

Эта битва стала действительно символом борьбы двух враждебных миров. Немецкие войска напрягали свои последние силы, считая, что для достижения решающего исхода войны они должны любой ценой выполнить поставленную перед ними задачу. Фанатическое стремление Гитлера во что бы то ни стало захватить у своего противника в Москве этот город, носивший его имя, брала верх над всякими трезвыми соображениями о том, стоило ли вообще вести такую битву ради преимуществ, которые мог принести в военном или политическом отношении захват этого города. В это время у Гитлера, конечно, были глубокие сомнения относительно правильности своих стратегических планов. Поэтому он все сильнее старался убедить себя и других в удачном и планомерном ходе операций за два года войны, а также в

будущих успехах. Его выступление 30 сентября в Спортпаласте по случаю начала кампании зимней помощи армии содержало очень опасные мысли, сулившие большие бедствия немецкому народу.

При всех обстоятельствах удерживать то, что следовало удерживать, атаковать обязательно там, где атака необходима при всех обстоятельствах, – вот, по его словам, очень простой план действий на этот год. Уже удалось захватить у противника последние большие хлеботорные области, остатки коксующегося угля и приблизиться к его нефтяным районам, по крайней мере отрезать их от остальной части России. Утверждение Гитлера, что остается взять Сталинград, чтобы перерезать последнюю и крупнейшую транспортную артерию противника – Волгу, было неубедительным – ведь немецкие войска стояли уже у самой Волги. А его заверение в том, что нас никто не сдвинет с этого места, было вообще непростительным легкомыслием, которым демагог связал руки государственному деятелю и полководцу и которое неизбежно должно было привести к тяжелейшему конфликту, если бы произошло обратное. Действительно, Гитлер в своем экстазе пришел к дилемме и нашел бессмысленный и гибельный выход в удержании любой ценой захваченных позиций.

В середине октября было предпринято крупное наступление с целью захватить город. Так как, по мнению Гитлера, для этого было достаточно одной гигантской ударной группы, то для усиления наступающих войск было переброшено по воздуху из Германии и из резервов, стоявших позади союзных войск для поддержки и обеспечения фронта на Дону, пять саперных батальонов. Начавшийся 17 октября штурм города действительно принес значительные успехи. В северной части наступавшие прорвались к Волге. Уже на другой день после начала наступления Москва сообщила о том, что положение в Сталинграде значительно ухудшилось. Натиск немцев, которые после интенсивных воздушных налетов и выхода к Волге почти парализовали сообщение через реку, продолжался около двух месяцев. Брошенные в бой свежие силы противника были уничтожены. В руках русских оставалась лишь незначительная часть города. Но и немецкие войска тоже были ослаблены: они понесли тяжелые потери, численность некоторых частей и подразделений снизилась до четверти штатной численности. Далеко не достаточные пополнения не отвечали суровым боевым требованиям. А какую пользу могло принести теперь овладение городом, если его захват в рамках общей обстановки потерял интерес, а его удержание стало опасным?

Это все больше беспокоило генеральный штаб германских сухопутных сил, возглавляемый еще Гальдером, и командование группы армий «Б», ответственное за положение на этом участке фронта. Их беспокойство возрастало по мере того, как становилось ясным, что эта крупная операция развивается неблагоприятно и уничтожить войска противника не удастся. Какое значение имел бы захват всех нефтяных районов Кавказа и Волги, которую стремились представить как важнейшую коммуникацию русских, – хотя к тому времени они уже создали восточнее Волги другие коммуникации, о которых тогда еще ничего не было известно, – если бы все эти завоевания не удалось отстоять? В этом отношении оценка возможностей противника, произведенная в германском генеральном штабе со всей тщательностью и, как вскоре выяснилось, вполне правильная, внушала серьезные опасения. На эти соображения и наблюдения и опирался генерал-полковник Гальдер в своих докладах. Наконец, со своими постоянными сомнениями и предостережениями он стал для Гитлера таким же невыносимым, каким был десять месяцев тому назад главнокомандующий сухопутными силами, и 24 сентября Гитлер сместил его с поста начальника генерального штаба.

Его преемник генерал Цейтцлер был значительно моложе; кроме того, он пользовался репутацией исключительно волевого человека. Если Гальдер по своему возрасту и продолжительности службы принадлежал еще к верхушке старейших генералов и, естественно, имел большой авторитет, чем командующие группами армий, то у Цейтцлера не было этих предпосылок, облегчающих выполнение его служебных обязанностей. Цейтцлер должен был сначала завоевать авторитет своей деятельностью, что ему вскоре и удалось. Надо сказать, что Гитлер совершенно не был заинтересован в самостоятельном руководителе генерального штаба. Он хотел иметь на этом посту такого человека, которому бы он мог доверять и который бы всегда полностью соглашался с его мыслями. Но Цейтцлер не хотел снизойти до роли простого исполнителя, а с присущим ему темпераментом резко и решительно отстаивал свои

взгляды и поэтому вскоре вступил в тяжелую борьбу с Гитлером. Он занял свой пост в надежде, что, пользуясь доверием Гитлера, он сможет скорее оказать на него влияние, чем его впавший в немилость предшественник. Но и ему не удалось избежать конфликта между солдатом, который, будучи приучен трезво оценивать обстановку, должен был призывать и предостерегать, и «фюрером», который не мог простить, когда генералы не верили в его непогрешимый гений. Если генералы, занимавшие руководящие посты, при серьезных разногласиях по оперативным или стратегическим вопросам указывали на ответственность перед историей и перед немецким народом с целью своим возражением отвлечь тяжелое несчастье, Гитлер такой довод не признавал. Всю ответственность он брал только на себя одного. Если Цейтцлер не хотел пасть жертвой бесконечных конфликтов со своей совестью, он должен был, несмотря на все вытекающие лично для него из такого шага последствия, сложить с себя полномочия. Это и произошло летом 1944 года.

Беспокоящие действия русских войск на других фронтах летом 1942 г.

Опасения военных руководителей осенью 1942 г. были вполне оправданными. Поведение русских на огромном фронте от Ленинграда до Воронежа ясно показывало, что их силы отнюдь не были полностью скованы в оборонительной битве под Сталинградом и на Кавказе, не говоря уже о том, что они не были исчерпаны. Поскольку Гитлер прошлой весной не хотел допустить сокращения линии фронта для экономии сил, ее начертание предоставляло русским ряд благоприятных исходных позиций для наступательных действий, которые сковывали большое количество немецких войск и заставляли их расходовать много сил. Немецкие войска должны были удерживать значительно больше того, что «при всех обстоятельствах нужно было удерживать». (Карта 4, стр. 228)

Кроме того, учитывая еще интересы финнов, нельзя было ослаблять тесное кольцо окружения вокруг Ленинграда, хотя русские и доказали, что они даже без железнодорожного сообщения могут снабжать отрезанный город. Требовалось также удерживать фронт на Волхове, так как он обеспечивал фланг наступающих на Ленинград войск, хотя котел на западном берегу Волхова еще не был очищен. Напротив, район Демянска и глубокий выступ в районе Ржева вызывали ненужные атаки русских войск.

Демянский плацдарм, который только благодаря созданной в апреле горловине имел довольно непрочную связь с главными силами и должен был снабжаться по-прежнему преимущественно воздушным путем, требовал для своей обороны по меньшей мере на шесть дивизий больше, чем потребовалось бы после отвода войск за реку Ловать. Положение под Ржевом было лишь временно облегчено успешными зимними боями. Несколько армий Калининского фронта все еще занимали охватывающее положение по отношению к немецким войскам. Выступ севернее Орла также не мог не вызвать в этом районе русского наступления.

Таким образом, исходные позиции русских определялись самой линией фронта немецких войск. Они находились в районе Ленинграда, у Волхова, юго-восточнее озера Ильмень, в районе Ржева и севернее Орла. Кроме того, русские, чтобы облегчить положение своих войск на юге, оказывали постоянное давление на позиции немцев в районе Воронежа и севернее.

Летом и осенью 1942 г. в этих районах шли тяжелые бои, которые потребовали большого напряжения сил немецких дивизий, не позволили осуществить переброску войск в интересах наступающих армий, а в район Воронежа даже заставили немецкое командование спешно перебросить из-под Сталинграда одну дивизию.

Южнее Ленинграда русским ударами Ленинградского фронта с запада и Волховского фронта с востока удалось временно оттеснить немцев от Шлиссельбурга и установить сухопутную связь с городом, однако в начале октября немецкие войска сумели восстановить утраченное положение.

В течение лета в ходе длительных боев было сжато кольцо окружения вокруг русских войск западнее Волхова. При этом русский генерал Власов попал в плен к немцам. Впоследствии он возглавил крупные добровольческие части, сформированные из советских военнопленных. Эти части возникли первоначально для того, чтобы включением «добровольцев» в тыловые службы высвободить немецких солдат для использования на фронте. Постепенно при дивизиях, армейских корпусах и армиях были сформированы целые подразделения численностью до батальона. К 1943 г. эта организация приобрела большие

размеры. Как правило, эти «добровольческие» подразделения на фронте не использовались, однако в партизанских областях они приносили большую пользу. Их моральный дух и, следовательно, надежность колебались в зависимости от обстановки на фронте. Пока им казалось, что немцы сильнее русских, на них можно было положиться. Но когда в 1943 г. немецкие войска начали терпеть повсюду крупные поражения, которые привели к большим отступлениям, использование этих «добровольцев» на Востоке стало невозможным. Только тогда немецкая пропаганда в связи с изменившейся военной обстановкой и нехваткой людских резервов заговорила о «русском человеке», которого нужно было завоевать на свою сторону. Однако было уже слишком поздно, чтобы воодушевить людей Востока и мобилизовать их на борьбу за интересы Германии. Таким образом, «власовская армия», несмотря на ее большую численность, была мертворожденным плодом. «Добровольческие» части, созданные на Востоке, были затем объединены в дивизии и помогали вести борьбу с партизанами на других театрах военных действий. Освободительной армией они уже не могли стать, и их относительная надежность объяснялась в первую очередь, конечно, тем соображением, что им в этой организации было значительно лучше, чем в лагерях военнопленных. При первом серьезном испытании, как, например, при попытке использовать их на Западном фронте, они сразу же отказывались действовать, потому что внутренне их уже ничто не связывало с Германией.

Юго–восточнее озера Ильмень, то есть на демянском плацдарме, велись тяжелые кровопролитные бои. В августе, когда русские еще раз попытались ликвидировать плацдарм, бои достигли наивысшего напряжения, но закончились успехом испытанных немецких дивизий, отразивших все атаки русских.

9–я армия по-прежнему занимала выступ, доходивший до самого Ржева. Все же несколько «армий» численностью минимум десять дивизий и четыре кавалерийские дивизии еще находились в тылу немецких войск и снабжались через коридор в районе Белый, 9-я армия вынуждена была снять с фронта крупные силы, чтобы сначала закрыть этот коридор, а затем окружить по частям и ликвидировать стоящие у нее в тылу силы противника. Этот план удался. В конце июля были уничтожены 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус, а также не успевшие отойти через Белый части 22-й и 41-й армий. Чтобы облегчить положение соединений, ведущих бои в тылу 9-й армии, русские предпринимали почти непрерывные фронтальные атаки против 9-й армии, особенно в районе Ржева. В начале августа сложилась очень тяжелая обстановка: русские едва не прорвали фронт. Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем и для контрудара. Тактический успех был на стороне немцев. Но русские, сковав такое большое количество немецких войск, принесли этим большую пользу своему главному фронту. Они по-прежнему не давали покоя 9-й армии. Сковыванию сил служили также и их часто повторяющиеся атаки на выступ фронта в районе севернее Орла.

В тылу немецких армий русские планомерно вели партизанскую войну. Особенно беспокоящие очаги партизанского движения находились юго-восточнее Смоленска и по обе стороны Вязьмы. Для борьбы с ними в мае пришлось даже снять с фронта два армейских корпуса в составе нескольких пехотных и одной танковой дивизии. Русский генерал Белов имел в одном лишь районе Ельни 20 тыс. человек, которые постоянно угрожали коммуникациям 4-й армии. Это были остатки рассеянных во время сражения под Вязьмой частей, местные жители и переброшенная через линию фронта воздушно-десантная бригада. Основную массу этих сил удалось окружить и уничтожить, сам Белов ушел на юг и продолжал там бесчинствовать, постоянно меняя районы своей деятельности. Хотя в результате дальнейших операций удалось постепенно сузить большие партизанские области, находившиеся непосредственно за линией фронта, но все же приходилось все время для борьбы с партизанами снимать с фронта боевые части. Ввиду таких действий немцев русские осенью 1942 г. изменили свою тактику, перенесли партизанскую борьбу глубже в тыл. Таким образом, они отказались от тактики непосредственного взаимодействия между фронтом и партизанами. Теперь немецкие войска были спокойны за свой непосредственный тыл. Но тем тяжелее стало бороться с партизанским движением в далеких тыловых районах. Вследствие безрассудной немецкой

политики в оккупированных областях это движение распространилось по всей Прибалтике, Белоруссии и Польше и, наконец, даже охватило Украину, где население вначале было положительно настроено по отношению к немцам.

4. Продвижение Роммеля к Эль-Аламейну

С тех пор как Роммель в середине февраля 1942 г. продвинулся до района Эль-Газалы, он постоянно настаивал перед итальянским верховным командованием на том, чтобы сосредоточить на оборонительном рубеже у Эль-Газалы все имеющиеся силы, то есть, помимо немецких войск, также и итальянские пехотные дивизии. По мнению Роммеля, это дало бы возможность отвести в тыл танковые соединения, а кроме того, можно было бы всегда начать новое наступление, если обстановка сложится благоприятно. Но его основной план заключался в том, чтобы нанести удар англичанам, прежде чем они смогут значительно усилиться. По имеющимся у него сведениям, численность английских сил росла по меньшей мере в такой же степени, как и немецких. Поэтому следовало спешить, если он, надеясь на свое превосходство как полководца и лучшую боевую подготовку немецких соединений, хотел добиться успеха в маневренной войне. Итальянцы по-прежнему стояли на той точке зрения, что вначале должна быть взята Мальта, но тут же заявляли, что к этой операции они будут готовы только в начале июля. Они считали, что для захвата Мальты потребуется многочисленная авиация, которая даже частично не должна быть связана наземными операциями. Отсюда они делали вывод, что новое наступление в Ливии до осени невозможно. (Карта 3, стр. 150)

Когда просьба Роммеля о переводе пехотных дивизий на оборонительный рубеж у Эль-Газалы была отклонена и в конце марта, он самовольно выдвинул туда 21-й итальянский армейский корпус. Этот поступок Роммеля вызвал недовольство итальянцев, указавших ему на свои прямо противоположные приказы. Германское верховное командование одобрило наступление с ограниченной целью. Во время визита, который нанес Муссолини со своими военными советниками 30 апреля в Оберзальцберге Гитлеру, последний предложил наметить наступление в Ливии на конец мая, а захват Мальты, для осуществления которого он обещал техническую поддержку, – на середину июня. Итальянцы не возражали против таких сроков. Начальник генерального штаба итальянских вооруженных сил маршал Каваллеро 5 мая сам отправился в Ливию и заявил о своей согласии с предложением Роммеля уничтожить силы противника перед Тобруком, захватить Тобрук и продвигаться на Эс-Саллум и Бардию при том условии, что это не отразится на проведении операции по захвату Мальты и не возникнет двойной фронт в случае, если Тобрук не будет взят первым ударом. Наступление должно было закончиться не позднее 20 июня. Затем все авиационные соединения следовало перебросить в Сицилию для подготовки наступления на Мальту.

Роммель правильно оценил положение англичан, 8-я английская армия в конце 1941 г. отправила одну дивизию на Дальний Восток, которая, к своему несчастью, прибыла в Сингапур как раз вовремя, чтобы попасть в плен к японцам. Основные силы одной индийской дивизии повернули обратно, прежде чем они достигли Египта. Вот к чему привел решительный перелом, вызванный японским наступлением на Дальнем Востоке. Между тем англичане опять пополнили и усилили свои войска в Северной Африке.

Хотя в количественном отношении они уступали войскам держав оси, если считать также слабые итальянские пехотные дивизии, но зато были полностью моторизованными и по танкам превосходили итало-немецкие силы в полтора, а по артиллерии – почти в два раза.

Для английского правительства было очень важно, чтобы Окинлек как можно скорее перешел в наступление. Требовалось не только облегчить положение Мальты; Северная Африка была также единственным «вторым фронтом», которым хотели ответить на постоянные обращения Сталина. Черчилль призывал английское командование на Ближнем Востоке начать наступление в середине мая, а когда оно категорически отказалось – не позже начала июня.

Таким образом, кто-то из двух командующих должен был решиться первым начать наступление.

Англичане имели три пехотные, две бронетанковые дивизии и несколько усиленных бригад. Эти силы располагались на переднем крае и в тылу защищенной минными полями

оборонительной позиции, тянувшейся на 60 км от Эль-Газалы, где она примыкала к морю, до Бир-Хакейма. Приблизительно половина английских войск обороняла крупные опорные пункты, сильно укрепленные и обеспеченные продовольствием на длительное время. Эти опорные пункты, созданные вдоль всей оборонительной позиции, должны были удерживаться даже в случае их окружения; предполагалось, что они сумеют сковать такое количество войск противника, что его продвижение в глубину будет сорвано из-за нехватки сил. В тылу располагались глубоко эшелонированные резервы. Одна новозеландская дивизия находилась в Тобруке в качестве гарнизона этой крепости.

Итало-немецкая армия, подчиненная теперь Роммелю, состояла из четырех итальянских пехотных дивизий, одного подвижного итальянского корпуса в составе танковой и моторизованной дивизий, а также немецкого Африканского корпуса, в который входили две танковые и одна легкая пехотная дивизии. Замысел Роммеля сводился к тому, чтобы 26 мая предпринять ложное фронтальное наступление на позицию Эль-Газалы с целью заставить англичан подтянуть к фронту как можно больше танковых соединений, а в ночь с 26 на 27 мая, отведя свои подвижные соединения дальше к югу, занять исходные позиции западнее Бир-Хакейма, нанести внезапный удар на северо-восток в тыл англичанам и разгромить разобщенные бронетанковые соединения противника. Хотя этот план и был в конце концов успешно осуществлен благодаря гибкой тактике и несгибаемой воле Роммеля, но для этого немецким войскам пришлось выдержать четырнадцатидневные бои и неоднократно ликвидировать создававшиеся опасные положения.

Внезапное нападение удалось, так как английская воздушная разведка своевременно не сумела вскрыть намерения немцев. Прежде чем командующий английской армией узнал что-либо о наступлении своего противника, подвижные соединения последнего, располагавшие в общей сложности 10 тыс. автомашин, уже находились северо-восточнее Бир-Хакейма. Удар немецкого и итальянского корпусов вначале казался вполне успешным. Две английские бригады были отброшены, командир 7-й бронетанковой дивизии был взят в плен вместе со своим штабом, головные танковые части достигли района Акромы, Дуды и Сиди-Резега. Немецкие войска, продвигавшиеся дальше к западу, почти достигли побережья. Но когда все, казалось, пошло как нельзя лучше, отовсюду вдруг стали приходить печальные вести. Немецкие соединения не могли больше сдерживать усиливающийся натиск англичан, немецкие танки несли большие потери от неожиданно появившихся американских танков «Грант». Намерение уничтожить английские танковые соединения непосредственно за позицией Эль-Газалы осуществить не удалось. Третья часть собственных танков была потеряна. Особенно много неприятностей доставил опорный пункт Бир-Хакейм, упорно оборонявшийся войсками «Свободной Франции» под командованием генерала Кенига. Наряду с англичанами, которые контратаковали из глубины, французы сильно препятствовали движению автоколонн подвоза, следовавших вокруг южного фланга оборонительной позиции. Снабжение Африканского корпуса, вышедшего в тыл противника, почти прекратилось. Однако Роммель не считал сражение проигранным. Его надежда на то, что командующий английской армией уступает ему в гибкости тактики и не сможет быстро объединить свои соединения в единый кулак, до сих пор оправдывалась. Полагаясь на свое искусство вождения войск и на превосходство немецких соединений в бою, он надеялся довести борьбу до успешного конца. При этом решающее значение имело изменение основного пути подвоза: путь вокруг Бир-Хакейма был слишком длинным и ненадежным. Роммель решил со своими подвижными соединениями остаться в тылу противника и, обеспечив свой фланг с востока, совместным ударом с фронта и тыла разгромить оборону противника у Бир-Хакейма. Между тем итальянцам удалось проделать проход в минных заграждениях противника, но английский опорный пункт не давал им возможности продвинуться вперед. Тогда Роммель атаковал его с востока. В то время как немецкие пикирующие бомбардировщики бомбили этот опорный пункт, англичане тщетно старались собрать всю свою авиацию и остановить наступление немцев. 1 июля опорный пункт с 3 тыс. пленными был в руках немцев. Одновременно он стал немецким плацдармом, который примыкал к английскому минному полю перед проделанным проходом. Однако прежде чем возобновить атаки в северном направлении, нужно было еще захватить южный фланг английской позиции, особенно удерживаемый французами

Бир-Хакейм. После упорного и исключительно искусного сопротивления уцелевшие французские войска, когда их боеприпасы кончились и им угрожало уничтожение, оставили 10 июня Бир-Хакейм и пробились на восток. Попытки англичан помочь французам привели к двухдневным танковым боям (5 – 6 июня) северо-восточнее Бир-Хакейма, в которых было уничтожено большое количество английских танков и взято в плен 4 тыс. англичан. Командующий английской армией, опасаясь наступления итальянцев, не рискнул перебросить в район боев две дивизии, действовавшие на северном участке фронта.

Теперь, наконец, были налицо все условия для продолжения наступления. 12 июня немецкие танковые соединения продвинулись на север и южнее Акромы после двухдневных боев разгромили ударную группу противника в составе двух бронетанковых дивизий{31}. Теперь обеим английским дивизиям, которые еще находились на северном фланге оборонительной позиции, угрожала опасность быть отрезанными.

14 июня они получили приказ отступить на восток. Одной дивизии удалось пробиться с большими потерями, пути отхода другой оказались отрезанными. Тогда она быстро повернула обратно, прорвала позиции стоявших у нее в тылу итальянцев, сделала за линией фронта большую петлю, обогнув с юга Бир-Хакейм, и после 300-километрового марша через пустыню прибыла в Египет.

Теперь английское командование должно было решить, что же делать с Тобруком. Однажды англичане уже удерживали его в течение нескольких месяцев, но на этот раз английский флот не надеялся обеспечить снабжение города в случае осады. С другой стороны, если бы Тобрук – символ всеобщего сопротивления в Северной Африке – попал в руки противника без боя, это оказало бы тяжелое моральное воздействие на общественное мнение во всей Британией империи. К тому же в Тобруке находились одна сильная дивизия и несколько небольших частей. На некоторое время они были обеспечены необходимыми запасами. Укрепления крепости, построенной итальянцами с применением современных средств и с исключительным искусством, были очень сильными. Большие минные поля и многочисленные противотанковые рвы прикрывали хорошо замаскированные оборонительные позиции.

После некоторого колебания англичане решили оборонять крепость. 10-17 июня им удавалось сдерживать немецкие войска, стремившиеся окружить Тобрук с юга, но затем части охранения, которым грозил охват, вынуждены были отступить на восток. Роммель решил внезапным ударом немедленно захватить крепость. Чтобы ввести англичан в заблуждение относительно своих замыслов, он направил основные силы сначала для преследования отходящих в восточном направлении английских войска, приказав только крупным итальянским силам продвигаться на запад, а в ночь с 19 на 20 июня неожиданно повернул наступавшие на восток соединения для атаки Тобрука с юго-востока. Утром немецкие пикирующие бомбардировщики проделали проходы в минных полях, кольцом окружавших Тобрук, и непрерывными атаками загнали обороняющихся в укрытия. Интенсивные налеты бомбардировочной авиации внесли сильную неразбериху в не совсем еще хорошо организованную оборону. Комендант крепости вынужден был переходить из одного разбитого укрытия в другое, связь не работала, всякое централизованное управление прекратилось. Немецкие танковые и моторизованные соединения продвигались через проходы, проделанные пикирующими бомбардировщиками и расчищенные саперами. К середине дня немецкие войска уже глубоко вклинились в оборону противника. На следующее утро двадцатипяти тысячный гарнизон Тобрука капитулировал.

Через два дня основные силы Роммеля вышли к ливийско-египетской границе, которую за несколько дней до этого уже перешла 90-я легкая пехотная дивизия. Роммель настаивал на том, чтобы с предельным напряжением сил продолжать преследование разбитой армии противника. Однако итальянское верховное командование скептически относилось к этому плану. Намеченный Роммелем срок окончания операции истек три дня тому назад. С момента начала наступления главной задачей авиации являлась поддержка действий сухопутных войска, и подавленная была Мальта, которую англичане постоянно снабжали по воздуху, снова обрела силу. Это было нежелательным результатом наступления. Потери итальянского торгового флота опять начали вызывать беспокойство. Муссолини настойчиво советовал Гитлеру считать Мальту первой, решающей целью и оставить все другие планы. Но Гитлер был упоен успехом.

Сообщения о богатых трофеях в Тобруке – они, как выяснилось позже, состояли из продовольственных запасов, а не из горючего, в котором так остро нуждались войска, – казалось, позволяли сделать вывод, что теперь снабжение войск будет значительно облегчено. В полном надежд на победу ответном послании Гитлер говорил о неповторимом стечении благоприятных обстоятельств и заклинал Муссолини не отворачиваться, когда ему улыбается фортуна. Захват Египта, сообщал он, имеет исключительно важное значение и избавит Италию от всех забот в будущем. Конечно, нужно было не строить радужные планы, а реально помочь итальянцам и африканской армии. Но две танковые дивизии, подготовленные для применения в тропических условиях, были переброшены в Россию для участия в предстоящем наступлении на юге, военно-воздушные силы в районе Средиземного моря также не были усилены. Ливия и теперь еще оставалась для Гитлера, несмотря на то, что он придавал захвату Египта исключительно важное значение, второстепенным театром военных действий.

Итальянское верховное командование очень неохотно уступило настояниям Гитлера. Кессельринг, со своей стороны, тоже не разделял безграничного оптимизма Гитлера, но считал, что можно вести преследование до Эль-Аламейна. Вновь произведенный фельдмаршал Роммель оставался главной фигурой после Гитлера и не обращал внимания на трудности, связанные с подвозом. Он надеялся, что о нем не забудут, когда будут достигнуты большие успехи. Теперь его первой целью, как он заявил 26 июня в беседе с итальянцами, является Эль-Аламейн, второй – река Нил, чтобы затем или захватить Александрию, или продвинуться до Каира. Противник, по его мнению, может использовать только такие силы, которыми он в настоящий момент располагает, а их явно недостаточно для того, чтобы удерживать Нил на восьмидесятикилометровом участке. Но когда англичане отступят к Суэцкому каналу, они столкнутся с серьезными трудностями снабжения войск. Если сегодня удастся прорвать позицию противника в районе Мерса-Матрух, заверял Роммель, то он 30 июня будет в Александрии или в Каире.

Это были такие перспективы, которые, несомненно, должны были воодушевить и итальянцев. Они оставили свой проект захвата Мальты, стали думать о том, какую позицию должны занять по отношению к Египту, и начали подготовку к переводу ставки итальянского главнокомандующего в Северной Африке в Египет. В Италии готовились средства для наведения переправ через Нил.

Действительно, англичане сдали Мерса-Матрух 28 июня, после того как город был полностью окружен итало-немецкими войсками. Победители взяли 5 тыс. пленных. Вновь прибывшая английская дивизия не смогла остановить преследования. Правда, 30 июня Роммель не стоял перед Каиром или Александрией, но стоял перед британскими оборонительными позициями у Эль-Аламейна, в 70 км от самого западного рукава дельты Нила и в 100 км от Каира. В результате немедленно начатого наступления немецкие войска глубоко вклинились в оборону противника, но прорвать ее не сумели. Через три дня англичане почувствовали, что натиск наступающих начал ослабевать. В немецких танковых дивизиях осталось по 50 машин вместо положенных 370, у итальянцев – лишь немногим больше. Наступление, предпринятое еще раз 10 июля, было сорвано контратакой англичан, которые разбили действовавшую на побережье итальянскую дивизию. Итальянские войска были обескровлены еще больше, чем немецкие. Когда англичане поняли тяжесть своего поражения в районе между Эль-Газалой и Тобруком, то немедленно отправили в Египет подкрепления. В середине июля они были достаточно сильными, чтобы начать интенсивные контратаки. 15 июля английские войска в ряде мест глубоко вклинились в расположение итальянцев и разбили несколько батальонов. Даже немецкая танковая дивизия не сумела полностью восстановить утраченное положение, так что на этом участке потребовался отвод войск. Итальянцы неоднократно оказывались в очень затруднительном положении и несли тяжелые потери. Немецким танкам приходилось все время предпринимать контратаки, чтобы воспрепятствовать прорыву фронта английскими войсками. Наконец 27 июля наступательная сила англичан тоже иссякла и фронт стабилизировался.

Итальянское верховное командование решило в самое ближайшее время крепить позиции у Эль-Аламейна и подготовить наступление с выходом к дельте Нила. Нельзя было терять ни минуты, чтобы противник не перехватил инициативы. Итальянцы стремились использовать

даже немецкую авиацию для пополнения запасов и переброски подкреплений. Потери судов оставались значительными, так как английские бомбардировщики дальнего действия и подводные лодки вели интенсивные действия. Правда, часть перевозок в Северную Африку шла теперь из Греции в Тобрук, что несколько облегчило снабжение войск. Но в целом вопрос материального обеспечения немецких войск по-прежнему стоял очень остро, так как итальянцы, несмотря на многократные возражения, прежде всего пополняли запасы своих соединений и не обращали должного внимания на нужды немцев.

От захвата Мальты итальянский генеральный штаб отказался в начале июля. Чтобы снизить воздействие этой базы на итальянское судоходство, велась борьба с конвоями, которые англичане периодически направляли через западную часть Средиземного моря для снабжения Мальты. Так как в июне слишком слабо охраняемый конвой понес значительные потери, то следующий караван судов, посланный в августе, охранялся особенно сильно. Его сопровождали два линкора, четыре авианосца, семь крейсеров и двадцать пять эскадренных миноносцев. С такими силами итальянский флот бороться не мог. Лишь западнее Сицилии перед англичанами появилось несколько крейсеров эскадренных миноносцев, но и они быстро ушли, потеряв один крейсер. Атаки немецких подводных лодок, торпедных катеров и самолетов, продолжавшиеся несколько ночей, были гораздо успешнее. Севернее Алжира немецкая подводная лодка 11 августа потопила авианосец «Игл». В одну из последующих ночей торпедные катера причинили большие потери кораблям охранения, потопив два крейсера и один эскадренный миноносец. В целом был потоплен двадцать один транспорт, и только пять судов, в том числе один поврежденный танкер, достигли острова Мальта. Несколько военных кораблей, получив тяжелые повреждения, вынуждены были вернуться в Гибралтар.

Итальянский генеральный штаб вновь задался целью захватить Тунис приказал вести подготовку к этой операции на том основании, что армия Египте должна быть обеспечена с тыла.

Между тем Роммель пришел к убеждению, что соотношение сил становится все более благоприятным для англичан. Поэтому он решил в конце августа начать новое наступление, чтобы все же захватить Александрию и Каир. Проведение этой операции, не говоря уже о соотношении сил, представляло трудности также и в тактическом отношении.

Впервые Роммель стоял перед позицией, которая не только примыкала одним флангом к морю, но была надежно прикрыта и с другого, южного фланга: он упирался в находящуюся в 60 км от побережья впадину Каттара, которую автомашины преодолеть не могли. Таким образом, охват открытого южного фланга полностью исключался из тактических возможностей обеих сторон. Только удачный фронтальный прорыв мог впоследствии привести к охвату. Так как всегда стремились отеснить противника туда, где ему было бы больше некуда отходить, в данном случае к морю, то решение прорвать оборону противника на южном фланге являлось самым правильным. Следовало ожидать, что англичане рассуждали точно так же и произвели соответствующую перегруппировку. Так оно и было в действительности. Прибывший 13 августа новый командующий 8-й английской армией генерал Монтгомери занял сравнительно крупными силами – тремя дивизиями – только южную часть позиции, однако левый фланг британских войск был ослаблен. Такое расположение должно было побудить Роммеля нанести ожидаемый удар, против которого Монтгомери крайне предусмотрительно принял соответствующие меры. На южном участке фронта были созданы очень большие минные поля, хорошо прикрытые огнем. За центром британских войск находилась отсечная позиция Алам-эль-Хальфа, которая господствовала над окружающей местностью и представляла собой мощный узел противотанковой обороны. Сильные резервы стояли в боевой готовности непосредственно за линией фронта и в тылу.

Роммелю были неизвестны плотность и глубина английских минных полей на южном участке. Разведка была введена в заблуждение тем, что позиции здесь занимал относительно немногочисленный противник. Роммель надеялся в лунную ночь внезапным ударом быстро прорвать оборону, развить прорыв в глубину и, обеспечив прикрытие со стороны отсечной позиции Алам-эль-Хальфа, обойти ее, чтобы атаковать английские резервы с тыла и отрезать им пути отхода.

Положение с горючим по-прежнему вызывало много опасений. Но итальянцы обещали

подбросить в конце августа достаточное количество горючего и даже держали наготове резервные суда для замены потопленных. Кроме того, Кессельринг считал, что в случае необходимости он сможет ежедневно доставлять Роммелю воздушным путем 500 *t* горючего.

Так как полнолуние было обязательным условием для успешного продвижения через минные поля, Роммель не без внутренних колебаний решился на последний смелый шаг – дать приказ на наступление в ночь с 30 на 31 августа. Наступавшие встретили на своем пути гораздо более мощные минные поля, чем они ожидали. Разминирование пришлось вести под сильным огнем упорно оборонявшегося противника, и это задержало продвижение войск. Англичане сумели своевременно оповестить свою авиацию, которая уже перед рассветом вступила в бой, используя осветительные бомбы. Тактическая внезапность не удалась. Монтгомери сумел ввести свои резервы для обороны. Вместо внезапного удара в тыл противника получилась фронтальная атака против хорошо обеспеченного глубокого фланга противника. В надежде, что превосходство немецких войск на поле боя, как всегда, даст себя знать, Роммель все же решил продолжать начатую операцию. Но первый же день боев принес лишь небольшие местные успехи, достигнутые дорогой ценой. Особенно опасной была отсечная позиция Алам-эль-Хальфа, занятая крупными силами. Серьезные опасения внушали трудности с подвозом: проходы, сделанные в минных полях, все время преграждались англичанами, да и обещанное горючее не прибыло, так как танкер был потоплен. На следующий день превосходство английской авиации стало очень сильно сказываться на темпе продвижения немецких войск. Немецкие истребители не могли успешно бороться с английскими самолетами, и почти беззащитные наземные войска подвергались постоянным бомбовым ударам противника. Англичане полностью использовали артиллерию, которая вела интенсивнейший огонь, но в то же время, избегали ввязываться в крупные танковые бои. Чувствовалось методическое и осторожное руководство нового британского командующего. К исходу дня итаलो-немецкие войска были почти остановлены. Горючего имелось ровно столько, сколько нужно для подвоза лишь самого необходимого. Роммель был вынужден перейти к обороне, но его войска уже не могли удерживать захваченных позиций. Вечером 3 сентября он решился на отступление, которое из-за постоянного недостатка горючего проходило очень медленно и под непрерывным воздействием английской авиации. К счастью для Роммеля, Монтгомери, видимо, не до конца понял отчаянное положение своего противника, потому что он решил тщательно подготовленным наступлением с севера на юг смять итало-немецкие соединения и отрезать им пути отхода. Роммелю удалось избежать удара англичан, и 6 сентября он достиг района, расположенного за английскими минными полями. Наряду с потерями в людях, составлявшими 3 тыс. человек, при отходе ввиду нехватки горючего в руки противника попало большое количество вооружения и особенно много автомашин, что очень сильно отразилось на последующих боевых действиях немецких и итальянских войск.

Эти потери объяснялись только плохим подвозом горючего. Из обещанных 5 тыс. *t* горючего половина была потоплена, четвертая часть находилась еще итальянских портах. Начальник генерального [339 – Схема 29] штаба итальянских вооруженных сил маршал Каваллеро был сам убежден в том, что итальянская авиация, ответственная за охранение танкера, допустила преступную беспечность, не прикрыв его как следует с воздуха. Два других танкера, отправленных после потопления первого, также погибли.

Кессельринг смог выполнить свое обещание относительно доставки горючего по воздуху лишь в очень незначительной степени. Превосходство английской авиации заставило транспортные самолеты совершать посадку на отдаленных аэродромах, так что горючее в значительной части расходовалось еще во время его доставки войскам. Но даже при более нормальном снабжении горючим Роммель не добился бы желаемого успеха на поле боя, после того как ему не удалось использовать момент внезапности. Превосходство англичан в воздухе уже невозможно было преодолеть. Произошел перелом, который исключительно тяжело отразился на всех последующих операциях немецких войск в Африке и в Европе. Сознывая это, Роммель стремился перейти к обороне, по крайней мере до тех пор, пока будет восстановлено сносное соотношение сил в воздухе, хотя этого вряд ли следовало ожидать.

Теперь он сам использовал все преимущества удобной позиции, которую невозможно было обойти, и организовал глубоко эшелонированную оборону. Роммель рассчитывал пятью

итальянскими и двумя немецкими пехотными дивизиями, занимавшими главную полосу обороны, отразить наступление даже крупных сил противника и затем разбить их, введя подвижные резервы.

Большие заботы по-прежнему причиняло материально-техническое обеспечение. Потребности войск, нуждавшихся в пополнении личным составом боевой техникой, особенно немецких соединений, совершенно не удовлетворялись. Подвоз продовольствия и боеприпасов был явно недостаточным. Когда Роммель в середине сентября получил крайне необходимый ему для отдыха отпуск и имел возможность лично встретиться как с Муссолини, так и с Гитлером, он доложил им, что без хорошо налаженного материально-технического попечения нельзя рассчитывать на удержание позиции у Эль-Аламейна. Относительно Муссолини у Роммеля сложилось впечатление, что тот не понимает серьезности обстановки; Гитлер же дал ему успокаивающие обещания об отправке достаточного количества особенно эффективного оружия. Однако вследствие возросших потребностей действовавших в России войск боевой техники в Африку было отправлено очень мало.

Англичане в середине сентября высадили морской десант с целью разрушить порт Тобрука, но гарнизону и зенитным частям удалось отбить атаку десанта с большими для него потерями. Англичане могли теперь в спокойной обстановке планомерно готовить наступление. Они знали, что им не придется больше одним нести всю тяжесть боев в Северной Африке и что к началу их наступления уже будут другие силы, которые чрезвычайно осложнят борьбу немецких и уцелевших итальянских войск в районе Средиземного моря.

5. Кульминационная точка битвы в Атлантике

В директиве № 21 от 28 декабря 1940 г. о войне с Россией германскому военно-морскому флоту приказывалось основные усилия по-прежнему направлять против Англии. Для выполнения такой задачи он был настолько хорошо подготовлен, насколько это позволяли производственные возможности немецкой военной промышленности, вынужденной удовлетворять также огромные требования сухопутной армии и авиации. Количество и радиус действия подводных лодок^{32} были увеличены; в первый же год войны количество вступающих в строй подводных лодок сравнялось с числом потерянных, а впоследствии стало даже значительно его превосходить. В мае 1941 г. постоянно вели боевые действия тридцать подводных лодок. Введение групповой тактики использования подводных лодок дало хорошие результаты и оказалось весьма успешным.

Но и противник всеми средствами совершенствовал свою оборону. Англичане использовали в составе своих конвоев торговые суда, имевшие на борту истребитель. Истребители с таких судов могли отгонять немецкие самолеты-разведчики, которые обнаруживали конвои и вызывали свои подводные лодки, а также выслеживать немецкие подводные лодки в открытом море. Еще более радикальным было включение в конвой осенью 1941 г. первого вспомогательного авианосца, переоборудованного из торгового судна. Этот авианосец имел взлетную палубу длиной 120 м и нес шесть самолетов. (Схема 1, стр. 67)

Радиус действия самолетов английской авиации постоянно увеличивался. Осенью 1941 г. он достиг 1200 км. Эти самолеты поднимались уже не только из Северной Ирландии, но также и с воздушных баз, сооруженных в Исландии, и усиливали разведку и прикрытие конвоев с воздуха. На кораблях и самолетах устанавливалось радиолокационное оборудование, так что борьба против подводных лодок могла вестись даже ночью и в условиях плохой видимости. В июле сделанные конвои впервые шли с охранением через всю Атлантику до Галифакса и до Сьерра-Леоне на побережье Западной Африки.

Кроме того, помощь со стороны Америки непрерывно усиливалась. В июле англичане получили разрешение ремонтировать свои поврежденные суда на американских судовых верфях. Помимо выигрыша во времени, который получали англичане от того, что суда, поврежденные поблизости от американского побережья, уже не требовалось буксировать через весь океан, это означало заметное облегчение для английских доков – ведь они и так были перегружены до предела и не могли нормально работать из-за постоянных налетов немецкой авиации. В сентябре американские военные корабли даже стали некоторое время следовать за выходящими

из американских портов конвоями, не выпуская их из виду, то есть фактически начали охранять их. Во время таких действий, равносильных открытому нарушению нейтралитета, 4 сентября был атакован один американский эскадренный миноносец. Этот инцидент побудил американский парламент изменить существовавший до того времени закон о нейтралитете в том смысле, что в будущем американским торговым судам разрешалось заходить в районы боевых действий вокруг Англии. Это решение имело далеко идущие последствия. Если раньше поток оружия и товаров доставляли через океан только английские и зафрахтованные англичанами нейтральные суда, то теперь в распоряжении Англии находилась большая часть американского торгового флота общим тоннажем 12 млн. *брт*.

Борьба между конвоями и подводными лодками, атакующими «волчьими стаями», становилась все сложнее. Об этом очень наглядно говорит рейс одного конвоя, продолжавшийся почти четырнадцать дней; он является только одним из многих примеров немецких атак, которые нередко оканчивались значительно большим успехом. 14 декабря 1941 г. английский конвой вышел из Гибралтара к Британским островам. Он охранялся самолетами до тех пор, пока это позволял их радиус действия. 16 декабря англичане заметили шесть немецких подводных лодок, которые вначале не атаковали. На следующий день одному из английских эскадренных миноносцев удалось уничтожить немецкую подводную лодку, в то время как другая немецкая подводная лодка потопила английский эсминец, но затем сама погибла. 18 декабря над конвоем показались немецкие самолеты типа «Фокке-Вульф», поднявшиеся с аэродромов во Франции, но были вскоре отогнаны самолетами с одного из новых вспомогательных авианосцев, шедших в конвое. 21 декабря появилась еще одна группа немецких подводных лодок. Они потопили вспомогательный авианосец и два торговых судна. Между тем конвой уже настолько приблизился к Британским островам, что ему оттуда могла оказать помощь авиация, базирующаяся на береговые аэродромы. Английские самолеты повредили одну подводную лодку, остальные лодки скрылись. Конвой сделал крюк, чтобы избавиться от немецких подводных лодок, и 27 декабря вошел в английский порт, не понеся больше потерь. Взаимодействие флота и авиации при отражении атак противника вблизи Британских островов уже было хорошо налажено.

Об улучшении обороны свидетельствовало также и уменьшение потерь судов. В июне 1941 г., согласно немецким данным, тоннаж потопленных судов составлял 417 тыс. *брт*. Затем потери значительно снизились, что в последние месяцы 1941 г. можно было отчасти объяснить и наступлением холодного времени года. В декабре они составляли, по немецким данным, только 250 тыс. *брт*.

В этот момент вступление Соединенных Штатов в войну коренным образом изменило обстановку. Англо-саксонское торговое судоходство вступило в свой сильнейший, но последний кризис, который оно преодолело лишь в ожесточенной борьбе с обеих сторон, продолжавшейся до середины 1943 года. Соединенные Штаты до декабря 1941 г. мало что сделали для охраны своего торгового судоходства; впрочем, они вообще мало сделали, чтобы подготовить страну к войне. Система обеспечения конвоев, не считая участия в английской системе конвоирования, не создавалась, торговые суда не были вооружены.

Германский военно-морской флот располагал теперь 260 подводными лодками. Ежемесячно могли вступать в строй 20 лодок, 500-тонные подводные лодки при их автономности плавания могли действовать у американского побережья три недели, 740-тонные подводные лодки могли примерно столько же находиться в Карибском море. Штаб руководства войной на море немедленно перенес центр тяжести операций немецких подводных лодок в американские воды и достиг там таких успехов, которые вызвали у противников серьезное беспокойство.

Американская экономика в значительной степени зависела от ввоза нефти, которую доставляли танкеры из Мексиканского залива. Другие танкеры, которые включались в конвои, идущие в Англию, шли из Венесуэлы в Галифакс. Важное сырье для производства алюминия, в том числе бокситы, ввозилось из Южной Америки. Все это были желанные цели для немецких подводных лодок. Их главной задачей было потопить как можно большее количество судов артиллерийским огнем, чтобы сэкономить ценные торпеды. Январь 1942 г. уже принес успехи: было потоплено много судов общим тоннажем 320 тыс. *брт*, в том числе шестнадцать

танкеров. В феврале и в марте было потоплено по 500 тыс. *брт*. В марте цифры потопления снизились только потому, что количество перевозок было сильно сокращено до принятия эффективных оборонительных мер.

Немецкие подводные лодки теперь действовали главным образом у устья реки Миссисипи и в районе между Кубой и Никарагуа. В мае и июне, по английским данным, было потоплено соответственно свыше 600 тыс. и 700 тыс. *брт*, а по немецким данным, свыше 900 тыс. и 886 тыс. *брт*. До мая у берегов Америки была потоплена только одна немецкая подводная лодка. В июле американцы, наконец, создали эффективную систему обороны, использование подводных лодок в мелких прибрежных водах и вблизи многочисленных аэродромов стало сопровождаться слишком большими потерями. Поэтому немецкое военно-морское командование решило отвести большинство подводных лодок из американских вод и использовать их для борьбы против конвоев в Атлантике.

Грузооборот конвоев, курсировавших между западными портами Англии и Соединенными Штатами и Южной Америкой, а также направлявшихся в сторону Гибралтара и приходящих оттуда, составлял в общей сложности 2,5 млн. *брт* месяц. Для сравнения следует привести и цифры потерь: подводные лодки за истекшие шесть месяцев потопили более 3 млн. *брт*, в том числе тоннаж потопленных танкеров равнялся 1 млн. *брт*. Если бы немецкий подводный флот и в дальнейшем имел такие же успехи, положение для западных держав могло стать серьезным, несмотря на то, что в 1942 г. они рассчитывали ввести в строй много новых судов общим тоннажем 7 млн. *брт* в последующие годы даже увеличить эту цифру. Дело в том, что потребность в транспортных перевозках тоже росла, особенно с того момента, когда вооруженные силы Соединенных Штатов начали боевые действия на суше и в воздухе. Уже в то время потери среди опытных моряков были весьма ощутимыми. Битва в Атлантике вступила в решающую фазу.

Западные державы еще более усиливали и умножали свои средства обороны. Опорные пункты в Исландии и Ньюфаундленде вступили в действие. Но все еще оставался пояс шириной около 500 морских миль в центре Северной Атлантики, где нельзя было обеспечить охранение конвоев авиацией, а радиального средства для борьбы с подводными лодками найти не удавалось.

Подводные лодки, действуя «волчьими стаями», по возможности при поддержке авиации, днем и ночью неустанно выслеживали и атаковали конвои противника численностью обычно до тридцати, а иногда и до шестидесяти судов и топили до половины всего состава конвоя. За период с августа по ноябрь, по данным англичан, потери составляли свыше 2 млн. *брт*, а по немецким данным – 600 тыс. – 1 млн. *брт* в месяц. Но и потери подводных лодок в значительно лучше обороняемом районе Атлантики также возросли. Во втором полугодии 1942 г. они увеличились втрое по сравнению с первым полугодием – были потоплены 64 подводные лодки. В этом росте потерь немецких подводных лодок западные державы видели хорошее предзнаменование.

В ноябре главной заботой англичан и американцев было благополучно доставить из Америки и Англии транспорты с войсками и различными грузами к побережью Северо-Западной Африки. Для этого требовалось, чтобы ни один крупный немецкий военный корабль не проник из норвежских портов Атлантику и чтобы Бискайский залив был очищен от подводных лодок противника и охранялся авиацией с целью воспретить противнику ведение воздушной разведки. Широкие меры предосторожности привели к тому, что транспортные флоты смогли незамеченными достигнуть африканского побережья. Лишь после успешной высадки десанта начались налеты немецкой авиации из Италии на район высадки, а атаки подводных лодок – на транспорты снабжения. Но, с другой стороны, защита крупных транспортных флотов привела к ослаблению нормальной конвойной службы, так что потери торговых судов в ноябре величились до 700 тыс. *брт* – по немецким данным, это были самые высокие потери за все время войны.

В декабре потери торгового флота западных держав, по их данным, составляли 323 тыс. *брт*, а по немецким данным – 447 800 *брт*. В январе 1943 г. в Атлантике господствовали особенно свирепые зимние штормы, так что потери снизились до 200 тыс. *брт*. В феврале они опять увеличились до 323 тыс. *брт*, а по немецким данным – до 576 800 *брт*. Март был

последним месяцем, в котором потери опять угрожающе возросли. Конвои в борьбе с подводными лодками, которая иногда длилась по целым дням, несли очень тяжелые потери; к 20 марта последние уже составили 500 тыс. *брт.* Этот месяц грозил стать рекордным, однако, по английским данным, в последние дни декабря было потоплено только 100 тыс. *брт.* Немцы сообщали о потере 926 тыс. *брт.*, англичане – 627 тыс. *брт.* Это была кульминационная точка. Немцам больше уже никогда не удавалось достигнуть таких успехов.

Союзники изобретали и вводили в бой все новые и новые боевые средства. Их самолеты были оснащены прожекторами, при помощи которых они могли ночью обнаруживать немецкие подводные лодки. Количество вспомогательных авианосцев непрерывно росло. Постоянные воздушные налеты на немецкие базы подводных лодок на французском побережье тоже дали свои результаты. Все эти и многие другие средства обороны привели к тому, что число вновь вступающих в строй подводных лодок уже не превышало количества лодок, потопленных противником. Главной причиной успеха западных держав было введение новых радиолокационных установок. Если работа применявшихся до сих пор радиолокаторов могла быть обнаружена установленным на подводной лодке приемником, так что подводная лодка часто успевала погрузиться и ускользнуть, прежде чем ее находили самолеты противника, то теперь приемники внезапно перестали принимать импульсы вражеских радиолокаторов. Самолеты противника неожиданно появлялись над подводными лодками в любую погоду и в любое время суток и атаковали их; во время ночных атак они использовали и прожекторы. Долгое время для немецких командиров и инженеров оставалось загадкой, каким образом англичане добиваются такого успеха. В конце концов удалось установить, что приемник подводной лодки посылал волны, которые воспринимались новой радиолокационной установкой противника. Это открытие поставило немецких подводников в почти безвыходное положение. Кроме того, противник увеличил радиус действия самолетов, базирующихся на аэродромы в Исландии и Ньюфаундленде, а также стал включать в состав конвоев небольшие вспомогательные авианосцы, число которых значительно возросло! Такие меры позволили ему закрыть «брешь» в Северной Атлантике и обеспечить все конвои прикрытием с воздуха. Чтобы оказать хоть какое-то сопротивление самолетам противника, немецкие подводные лодки уже не пытались погружаться, а вели с ними борьбу зенитным оружием. Немцы стали посылать на помощь своим подводникам бомбардировочную авиацию дальнего действия. Самолеты западных держав, правда, понесли значительные потери, но в конечном счете эти храбрые действия немецких моряков ничего не изменили.

Английский капитан 1 ранга Джон Кресуэлл, из книги которого «История войны на море в 1939-1945 гг.» взяты приведенные выше факты, заканчивает свое описание решающей битвы в Атлантике следующими лестными для немецких подводников словами: «Без сомнения, германский подводный флот понес тяжелые потери, но не дрогнул. Теперь положение стало настолько неблагоприятным, что ему пришлось временно уйти. Но затем он опять появился и вынес до конца бремя тяжелых потерь, хотя его надежды на конечный успех можно было поддерживать лишь весьма слабыми обещаниями... Команды подводных лодок проявили такое мужество, которое затмило достижения их предшественников в 1917 – 1918 гг...Против менее решительного противника победа была бы достигнута значительно быстрее и с меньшими жертвами».

Глава VII. Перелом

Перелом

Еще в августе 1942 г. англичане полагали, что войска Гитлера могут преодолеть Кавказ и повести большое наступление на Средний Восток. Они считали немцев и итальянцев способными продвинуться в Африке своими танками через Нил и Суэцкий канал в Палестину, вторгнуться в Сирию с Додеканеса и Крита, а на Восточном фронте – выйти через Кавказ в Иран. Опасение англичан существенно усиливалось настойчивыми требованиями Москвы об

открытии второго фронта. Русские, несомненно, представляли события на русско-германском фронте в слишком мрачном свете, исходя при этом не из действительно отчаянного положения, а из стремления облегчить Красной Армии ведение войны.

Гитлер считал, что в августе он нанес русским сокрушительные удары. Под впечатлением быстрых успехов в июле он по-прежнему преследовал двойную цель – захват Сталинграда и Кавказа. В конце августа в ставке Гитлера можно было слышать о том, что победа над Советским Союзом для него стала второстепенным делом, которому он уже почти не уделяет внимания, и что сейчас его больше всего интересуют широкие планы захвата Среднего Востока. Однако до поздней осени ни одно из обязательных условий для осуществления этих планов не было создано.

Роммель не только прочно застрял перед английской позицией в районе Эль-Аламейна, которую он в начале сентября тщетно пытался прорвать, но и наблюдал с растущим опасением постоянное усиление противника.

Немецкие войска, продвигавшиеся к русским нефтяным районам, были остановлены у северных склонов Кавказа; наступление в районе Сталинграда также захлебнулось.

Подводная война хотя и велась еще весьма активно, но ежемесячные потери немецких подводных лодок увеличивались в таком размере, что в этой области, особенно важной для борьбы с Америкой, имелись серьезные опасения за будущее.

Людской потенциал более мелких союзников, к которым в этом смысле следовало причислить и Италию, не мог быть полностью использован, потому что германская военная промышленность была не в состоянии снабжать даже собственные вооруженные силы максимальным количеством современной боевой техники.

На Дальнем Востоке наступление японцев, очевидно, достигло своего кульминационного пункта, если не прошло его.

За год, истекший с момента вступления Соединенных Штатов в войну, немецкие войска на всех театрах военных действий, правда, захватили огромные области, но нигде не добились решающего успеха. Три года германские вооруженные силы вели наступление. Германия захватила обширную территорию, которая от Нордкапа до Эль-Аламейна раскинулась на 4500 км, а от Бреста на побережье Атлантического океана до Сталинграда на Волге – на 3600 км, но как раз это и привело к опасной раздробленности сил. Насколько были перенапряжены силы, показывают три события, которые произошли в ноябре 1942 г. и коренным образом изменили положение держав оси в Европе и Северной Африке.

3 ноября 8-я английская армия завершила прорыв в районе Эль-Аламейна; 8 ноября американские и английские войска высадились в Марокко и Алжире; 19 ноября русские армии прорвали германо-румынский фронт северо-западнее и южнее Сталинграда.

Момент был упущен – одержать решительную победу над Советским Союзом до того, как Соединенные Штаты смогут принять участие в военных действиях в Европе, не удалось. Теперь на сцену выступили американцы.

1. Сталинград

Гибель 6-й армии

Хотя в рамках войны в целом событиям в Северной Африке отводят более видное место, чем Сталинградской битве, однако катастрофа под Сталинградом сильнее потрясла немецкую армию и немецкий народ, потому что она оказалась для них более чувствительной. Там произошло нечто непостижимое, не пережитое с 1806 г.,^{33} – гибель окруженной противником армии.

Сталин со злобной радостью следил за наступлением немецких войск на Сталинград и Кавказ. Он расходовал свои резервы очень экономно и только тогда, когда было действительно необходимо помочь обороняющимся в их крайне тяжелом положении. Вновь сформированные, а также отдохнувшие и пополненные дивизии пока не вводились в бой: они предназначались для того, чтобы как карающим мечом Немезиды разрубить слишком растянутый фронт немецких армий и их союзников и одним ударом внести коренной перелом в положение на юге. Сталин смог оснастить свои новые армии гораздо лучше, чем оснащались до того времени

русские войска. Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазированная туда военная промышленность работала теперь на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов. Американская помощь Советскому Союзу по ленд-лизу также значительно увеличилась. До октября 1942 г. американцы прислали 85 тыс. грузовых автомашин, что заметно повысило оперативную подвижность соединений, предназначенных для наступления. Поставки самолетов и танков непрерывно возрастали, а огромное количество обуви и обмундирования помогло преодолеть особенно узкое место русского производства.

Русские хотели быть полностью уверенными в том, что крупные силы немцев скованы войсками западных держав; а кроме того, они были убеждены, что зима, как в прошлом году, даст русскому солдату определенные преимущества. Поэтому они медлили с наступлением, ожидая, пока определится успех наступления 8-й английской армии в Египте и десантной операции в Северной Африке. Когда это произошло, русские войска перешли в наступление.

Направления ударов русских определялись самим начертанием линии фронта: левый фланг немецкой группировки тянулся почти на 300 км от Сталинграда до излучины Дона в районе Новой Калитвы, а короткий правый фланг, где располагались особенно слабые силы, начинался у Сталинграда и терялся в Калмыцкой степи. В ходе первого этапа наступления, на котором вводилась лишь часть сил, находящихся в боевой готовности, русские войска должны были выполнить следующую узкую, но важную задачу: освободить Сталинград и окружить 6-ю армию. Цели последующих этапов были гораздо шире.

Фронт на Дону от позиций 6-й армии между Волгой и Доном до района южнее Воронежа удерживали армии трех союзников. Справа располагалась 3-я румынская армия; ни ей, ни немецким соединениям, стоявшим летом на Дону, не удалось ликвидировать мощный плацдарм русских южнее Кременской. Западнее Вешенской к румынам примыкала 8-я итальянская армия в составе шести пехотных, одной моторизованной дивизий и трех дивизий альпийских горных стрелков. Ее альпийский корпус находился в излучине Дона в районе Новой Калитвы. Северо-восточнее Россоши начинался правый фланг 2-й венгерской армии, имевшей десять дивизий.

Командование группы армий «Б», которому подчинялись эти армии, уже давно не сомневалось в том, что войска союзников Германии могут еще как-то удерживать 400-километровый фронт, пока русские ограничиваются отдельными атаками, но что перед крупным наступлением русских им не устоять. Оно неоднократно и настойчиво высказывало это опасение. Дивизии союзников были оснащены слабее немецких, особенно им не доставало противотанкового оружия. Их артиллерия не имела современных тяжелых систем, как немецкая или русская, а недостаточное количество средств связи и плохая подготовка не позволяли им осуществлять внезапное массирование огня, при помощи которого немецкая артиллерия часто останавливала крупные атаки русских еще на исходных позициях или до подхода к переднему краю. Кроме того, массированный артиллерийский огонь не раз помогал немецкой пехоте выходить победительницей в трудных многодневных боях с превосходящими силами противника. Румыны, итальянцы и венгры вели бой главным образом живой силой, и в борьбе против русских их людские ресурсы быстро таяли. Они нередко воевали самоотверженно, но ввиду недостатка в технике, небольшого боевого опыта и невысокой боевой выучки уступали в тактике русским, которые умели щадить собственные силы. В большинстве случаев в первый же день наступления противника резервы иссякали, потому что русским всегда удавалось сразу вклиниться в оборону, и командование, оставшись с пустыми руками, уже не могло влиять на дальнейший ход борьбы. Немногочисленные немецкие резервы, располагавшиеся позади румынских, итальянских и венгерских войск, были большей частью оттянуты к Сталинграду. Одна лишь ненадежность этого фронта союзников, после того как цели немецкого наступления, по-видимому, уже не могли быть достигнуты, должна была бы привести к сокращению линии фронта и отказу от Кавказа и Волги. Поскольку такое решение было неприемлемым для Гитлера, единственной, хотя и слабой мерой оставалось значительное усиление обороны союзников немецкими противотанковыми частями и 88-мм зенитными пушками (они использовались для стрельбы по наземным целям); но я это не могло спасти колеблющийся фронт.

Генерал Василевский предпринял удары по сходящимся направлениям с запада и юга с целью окружить 6-ю армию. 19 ноября русские войска под командованием Рокоссовского (три танковых и два кавалерийских корпуса, за которыми стояли в боевой готовности двадцать одна стрелковая дивизия) внезапно начали наступление с плацдарма в районе Кременской и сразу же прорвали оборону румынских войск на фронте 30 км. Танковый корпус, занимавший исходные позиции за 3-й румынской армией, бросился навстречу прорвавшимся русским, но он был недостаточно сильным, чтобы коренным образом изменить положение. Особенно энергичный и осмотрительный командир корпуса стал козлом отпущения; он был отстранен от должности якобы за недостаточную решительность, привлечен к судебной ответственности и во время предварительного следствия несколько месяцев находился под арестом в недостойных условиях.

Взаимодействуя с наступающими через Дон русскими войсками, два танковых корпуса и девять стрелковых дивизий под командованием генерала Еременко тоже перешли в наступление и прорвали оборону 4-й румынской армии южнее Сталинграда. Хотя русские предприняли удар и севернее Сталинграда между Волгой и Доном силами двадцати стрелковых дивизий, шести танковых и двух моторизованных бригад, 6-я армия, которой угрожало окружение, бросила сразу все свои резервы против внутренних крыльев русских, прорвавших фронт ее соседей. Однако все было бесполезно. 22 ноября клещи сомкнулись, и 6-я армия полностью оказалась в окружении.

Несмотря на полученный 20 ноября приказ, который заставлял эту армию удерживать Сталинград и ожидать помощи извне, она сделала все приготовления для прорыва кольца окружения в юго-западном направлении. Ни Паулюс, ни его командиры корпусов не верили в своевременную помощь. Прорыв предполагалось предпринять 25 ноября после перегруппировки, необходимой для сосредоточения крупных сил на юго-западе. В ночь с 23 на 24 ноября Паулюс послал Гитлеру срочную радиограмму, в которой требовал разрешения на прорыв, указывая, что 6-я армия слишком слаба и не в состоянии долго удерживать фронт, увеличившийся в результате окружения более чем в два раза; кроме того, за последние два дня она понесла очень тяжелые потери. Начальник генерального штаба сухопутных сил также с самого начала был убежден в том, что общая обстановка не позволяет деблокировать окруженную армию, и неоднократно настойчиво требовал разрешения на прорыв.

Гитлер вначале колебался. Аргументы Цейтцлера произвели на него впечатление. Между тем он приказал дать ему сведения о потребностях армии в случае снабжения ее по воздуху. Армия требовала 750 т в день, эксперты военно-воздушных сил утверждали, что авиация сможет доставить только половину этого количества, если фронт будет держаться вплотную к Сталинграду. Геринг поступил по меньшей мере довольно легкомысленно, когда на последнем совещании утром 24 ноября пообещал обеспечить доставку 500 т грузов ежедневно. После этого для Гитлера вопрос был решен, несмотря на резкие возражения Цейтцлера, который сильно сомневался в реальности обещания Геринга, 6-й армии было приказано оставаться на месте, и Гитлер заверил, что «он сделает все, чтобы соответствующим образом обеспечить ее снабжение и своевременно освободить из окружения».

Этот приказ еще можно было бы оправдать, если бы общая обстановка давала уверенность в том, что в течение определенного времени удастся собрать необходимые для контрнаступления силы. Способность 6-й армии к маневру была весьма ограниченной, большая часть ее конского состава осталась на отдаленных зимних пастбищах. Прорыв фронта окружения, удерживаемого значительно превосходящими силами противника, почти не скованными действиями против соседних разбитых армий, должен был привести к очень тяжелым потерям в людях и технике, но если не было уверенности в своевременном освобождении из окружения, – а ее действительно не было, так как командование не располагало в данное время никакими значительными резервами, – то единственным выходом из создавшегося отчаянного положения мог быть только немедленный прорыв. Каждый упущенный день, даже каждый час означал непоправимую потерю. В надежде на то, что обещанное снабжение с воздуха будет достаточным и что армия вскоре будет деблокирована, Паулюс подчинился приказу, хотя командиры корпусов резко настаивали на немедленном прорыве даже без согласия Гитлера.

Когда стало намечаться окружение, то для обороны армии с тыла на юг и запад были брошены все части и подразделения тыловых служб; впоследствии командование армии произвело перегруппировку внутри котла и заменило их боевыми частями. После того как кольцо вокруг армии замкнулось, окруженные войска оказались в районе, который с востока на запад имел 40 км, а с севера на юг – 20 км. Он был довольно большим и мог обеспечить достаточную свободу маневра в обороне, а также позволял беспрепятственно пользоваться расположенным в центре котла аэродромом Питомник,

Когда русские узнали, что 6-я армия не собирается отходить от Сталинграда, они сделали все для того, чтобы как можно скорее и больше расширить бреши юго-западнее и южнее Сталинграда и не допустить создания нового фронта вблизи окруженной армии. Но все-таки удалось стянуть слабые резервы, использовать личный состав тыловых служб и объединить разрозненные части под руководством особенно энергичных офицеров. Эти и ряд других мер позволили создать в излучине Дона между устьем реки Чир и районом Вешенской, то есть в основном вдоль реки Чир, непрочную оборону, которая, однако, дала возможность задержать до тех пор беспрепятственно продвигавшегося противника. Севернее устья Чира немецкие войска сумели даже удержать небольшой плацдарм на восточном берегу Дона. В то время как на реке Чир русских удалось остановить сравнительно близко от Сталинграда, восточнее Дона они уже продвинулись в южном направлении больше чем на 100 км. И все же окруженные войска можно было освободить только ударом с юга восточнее Дона, потому что иначе пришлось бы форсировать Дон, а это являлось почти неосуществимой задачей. Подготовка такого наступления и одновременно командование войсками, расположенными от Элисты до правого фланга итальянской армии на Дону, была возложена 27 ноября на фельдмаршала фон Манштейна. Подчиненные ему силы были объединены

в группу армий «Дон». На юге находилось очень слабое прикрытие из остатков 4-й румынской армии и нескольких наспех созданных немецких боевых групп, занимавших позиции от района севернее Элисты до района севернее Котельниково. С Кавказа подходили первые подкрепления для войск Манштейна. Противник в районе восточнее Дона казался не очень сильным, его основные силы стояли перед южным участком фронта окруженной под Сталинградом группировки. Оборона на реке Чир была пока еще слабой, но все же остановила наступление русских. Из сил, прибывших с Кавказа, из-под Воронежа и Орла, Манштейн собрал в районе Котельниково ударную группировку под командованием генерала Гота. Эта группировка, в которую входили четыре танковые, одна пехотная и три авиаполевые дивизии, начала 10 декабря с нетерпением ожидаемое 6-й армией наступление по обе стороны железной дороги Сальск – Сталинград. Тем временем стало ясно, что авиация даже приблизительно не может удовлетворить минимальную суточную потребность окруженных войск в различных видах снабжения, составлявшую около 500 т. Так как самолетов Ю-52 не хватало, пришлось посылать бомбардировщики Хе-111, которые доставляли только 1,2 т полезного груза и могли использоваться лишь в том случае, если они срочно не требовались для ведения боевых действий. В среднем авиация в сутки доставляла не более 100 т грузов, что покрывало потребности 6-й армии всего на одну пятую часть. Такое положение, хотя дневную норму выдачи хлеба и пришлось урезать до 200 г, еще можно было терпеть, пока у окруженных войск были собственные запасы продовольствия, и что еще важнее, пока поддерживалась надежда на спасение. С быстротой молнии всю 6-ю армию облетела весть о наступлении группировки Гота и вызвала всеобщий подъем. Проводились все приготовления к удару с целью прорвать изнутри кольцо окружения русских, когда освободители приблизятся к нему на 30 км.

Ударная группировка Гота вначале наступала довольно удачно. Горя желанием во что бы то ни стало освободить из окружения товарищей, она пробивалась к ним с таким упорством и ожесточением, что 21 декабря ее передовые части приблизились на 50 км к внешнему фронту окружения. 6-я армия уже была готова выступить навстречу войскам Гота. Но затем новое русское наступление положило конец продвижению котельниковской группировки. Командование группы армий «Дон» и Цейтцлер снова стали настаивать перед Гитлером на прорыве 6-й армии. Дело дошло до серьезного разногласия между Гитлером и Цейтцлером, однако Гитлер все-таки не отдал нужного приказа. Генерал-полковник Паулюс не решался дать приказ на прорыв вопреки директиве Гитлера, предписывающей «оставаться на месте». Он

сомневался вообще в возможности разорвать кольцо окружения и спасти значительную часть армии, потому что расстояние, которое следовало преодолеть, было довольно большим. Поскольку Паулюс не имел сведений об общей обстановке, он не знал того, что теперь ему предоставлялась последняя возможность сохранить хотя бы какую-то часть армии от гибели. По своей натуре он не мог нарушить приказа, и в этом его поддерживал также начальник штаба. Как выяснилось позже, если бы в тот момент проявили должную решительность, основная масса армии, без всякого сомнения, еще могла бы быть спасена – войска сделали бы невозможное, несмотря на ослабленное физическое состояние людей. И русские командиры оказались бы беспомощными, как никогда, перед такой внезапной атакой готовых на все и энергично руководимых немецких солдат. В доказательство можно привести тот факт, что буквально через несколько недель, в середине зимы, 4 тыс. немцев и 12 тыс. увлеченных ими итальянцев вышли из окружения в районе севернее Миллерово. Войска двигались за самоходными установками, прокладывая путь в глубоком снегу; за одну ночь они преодолели 20 км, которые отделяли их от главных сил, и потеряли всего 10% личного состава. Крупные силы

авиации с наступлением дня подавили войска противника, удерживавшие внешний фронт окружения, и особенно русскую артиллерию; этого оказалось достаточно, чтобы прорывавшаяся колонна могла преодолеть последнюю, самую трудную часть пути.

Если командующий 6-й армией не знал общей обстановки, то для высшего командования она была совершенно ясна. Еще во время немецкого наступления с целью деблокировать окруженные под Сталинградом войска русские предприняли сильные контратаки против восточного фланга группировки Гота, отражение которых сильно ослабило ударную силу этой группировки. Однако решающей причиной, которая заставила прекратить дальнейшее продвижение, был новый удар русских 16 декабря на Дону и предпринятое одновременно с ним наступление на слабые позиции у реки Чир. Наступавшие через Дон русские войска всей силой своего удара обрушились на 8-ю итальянскую армию, которую постигла та же участь, что и румын тремя неделями раньше. Через два дня весь фронт итальянской армии, который удерживали семь итальянских и одна немецкая дивизия, был прорван до самой Новой Калитвы. Началось безостановочное отступление. Русские танки в нескольких местах вклинились в оборону 8-й армии, так что централизованное управление войсками было потеряно. Резервы были израсходованы в первый же день. Создать импровизированную оборону на новом рубеже, используя для этой цели весь состав тыловых служб, чтобы задержать отставшие и рассеянные противником части, которые отходили в южном направлении, итальянцы при их взглядах и боевых качествах войск и командного состава не могли. Если в отдельных местах окруженные итальянские части под влиянием немцев нередко оказывали ожесточенное сопротивление и впоследствии даже пробивались к своим главным силам, то во многих других местах войска теряли всякую выдержку и бежали в панике. Вскоре во фронте зияла брешь шириной 100 км, которая оказала решающее влияние и на положение группы армий «Дон».

Против этой группы армий русские также предприняли наступление крупными силами, но не смогли разорвать ее фронт. В общем, они хотели двумя одновременными ударами достигнуть широкой цели, которая заключалась не только в том, чтобы воспрепятствовать освобождению 6-й армии из окружения. Прорыв фронта 8-й итальянской армии имел целью захват Донецкого бассейна, а в результате наступления против группы армий «Дон» русские должны были дойти до Ростова и отрезать немецкие армии на Кавказе. Чтобы поддержать находившиеся в очень тяжелом положении войска на реке Чир и отразить натиск с востока, Манштейну не оставалось ничего другого, как прекратить наступление группы Гота и использовать высвобожденные таким образом силы для усиления угрожаемых флангов. Но даже с помощью этих сил и вновь подтянутых соединений, которые первоначально планировалось использовать для усиления группы Гота, нельзя было остановить русское наступление, развернувшееся на 400-километровом фронте от Котельниково до Новой Калитвы. Все же при отступлении удалось опять создать сплошной, хотя и непрочный фронт, который в конце декабря имел следующее начертание. На юге 4-я танковая армия генерал-полковника Гота между реками Маныч и Сал сдерживала наступление трех русских механизированных корпусов. Три русские армии достигли реки Цимля, на которой оборонялась

вновь сформированная оперативная группа Холлидта. От истока Цимли линия фронта резко поворачивала на запад; здесь немецкие войска испытывали сильное давление со стороны русской гвардейской армии в составе четырех танковых и одного стрелкового корпуса. Дальше к западу располагалась еще одна оперативная группа под командованием генерала Фреттер-Пико, образованная группой армий «Б» путем мобилизации всех людских ресурсов, включая личный состав тыловых служб. Она обороняла Донецкий бассейн, удерживая на левом берегу Северного Донца широкий плацдарм. Восточнее Старобельска усиленная 19-я немецкая танковая дивизия смелыми маневренными действиями постепенно остановила продвижение русских и закрыла брешь, образовавшуюся в результате разгрома итальянцев. Между этой дивизией и излучиной Дона находились несколько наспех сколоченных соединений и две немецкие дивизии, выделенные 2-й полевой армией. Они установили непосредственную связь с итальянским альпийским корпусом, в полосе которого русские еще не наступали, и прикрыли его правый фланг.

В то время как в первой половине января на фронте между Северным Донцом и Доном в районе Новой Калитвы наступило относительное затишье, русские, чтобы достигнуть своих целей на юге, продолжали свой натиск на оперативную группу Фреттер-Пико и группу армий «Дон» даже в январе с неослабевающей силой. Войска Холлидта и Фреттер-Пико к 18 января были оттеснены за Северный Донец от места его впадения в Дон до района севернее Ворошиловграда. 4-я танковая армия, несмотря на очень сильные атаки русских южнее Дона, смогла остановить наступающих к востоку от Ростова. Теперь немецкие войска находились не ближе 200 км от Сталинграда.

В связи с этими успехами русских войск положение 6-й армии стало безнадежным. О прорыве кольца окружения, как и об освобождении извне, не приходилось и думать. Командование обещало деблокировать окруженную группировку только будущей весной. И без того недостаточное снабжение воздушным путем еще более сократилось, несмотря на самоотверженную работу летчиков. Если перед декабрьским наступлением немецкие самолеты с ближних аэродромов могли совершать при благоприятной погоде до трех полетов в день, то ввиду увеличения расстояний почти вдвое это стало невозможным. Истребители также не могли теперь сопровождать транспортные самолеты на протяжении всего пути. Русские стянули многочисленную зенитную артиллерию, чтобы сорвать снабжение 6-й армии по воздуху.

Уже в декабре было потеряно 246 самолетов. 200-300 самолетов – количество, необходимое для удовлетворительного снабжения войск под Сталинградом, – превосходили возможности немецкой авиации, тем более, что в это же время много транспортных самолетов требовалось и для фронта в Тунисе. С точки зрения войны в целом снабжение 6-й армии являлось невыносимым бременем – высшее командование давно уже с холодным бессердечием поставило крест на 6-й армии и лишь давало ей пустые обещания и уверения, невыполнимость которых для прозорливых людей была совершенно ясной, призывая окруженные войска храбро держаться.

Вплоть до января форма котла не изменилась, так как русские удовлетворились окружением армии. Тем не менее положение окруженных войск вследствие всевозможных лишений становилось все ужаснее. Люди физически все больше слабели от постоянного недоедания, гибли от болезней и жестоких морозов. Часовых в траншеях приходилось сменять через каждые полчаса. Количество раненых и умерших от тяжелых обморожений возрастало в такой степени, что транспортные самолеты не успевали их вывозить. Размещение раненых и уход за ними стали неразрешимой проблемой в дивизионных медицинских пунктах и в госпиталях ввиду отсутствия отапливаемых помещений. Но надежда в конце концов все-таки вырваться из окружения и непоколебимая вера в высшее командование поддерживали войска. Мысль, что можно оставить на произвол судьбы целую армию, казалась невероятной. Когда 10 января русские, используя мощную артиллерию, начали сжимать кольцо окружения с запада, немецкие войска, действовавшие на других участках, были твердо убеждены в том, что они слышат гром орудий приближающихся освободителей.

8 января русские передали командующему 6-й армии предложение «о почетной капитуляции», которое тот отклонил. После этого они приступили к уничтожению окруженной

группировки, стремясь прежде всего захватить аэродром Питомник, чтобы парализовать снабжение воздушным путем. 14 января аэродром был в руках русских. Если до сих пор снабжение, хотя и осуществлявшееся неравномерно и в недостаточных размерах, а также эвакуация раненых еще означали связь с внешним миром, то теперь пропала последняя надежда, которую еще многие питали, может быть даже вопреки всякому здравому смыслу. Продолжительность дальнейшего сопротивления определялась лишь размерами запасов продовольствия и боеприпасов. Через несколько дней все должно было кончиться.

Истинный героизм, проявленный за последние две недели изнуренными, испытанными горькое разочарование немецкими солдатами-идеалистами, движимыми верностью своему долгу, самоотверженностью и чувством товарищества не поддается никакому описанию; отдельные случаи, когда в силу вполне понятной человеческой слабости люди не выдерживали, нисколько не умаляет этого великого подвига. Тем более отвратительным должно было казаться уже тогда всем осведомленным о настоящем положении дел стремление немецкой пропаганды использовать героическую стойкость 6-й армии для воодушевления немецкого народа, а непростительную ошибку высшего командования представить как разумную и неизбежную жертву.

В последние дни января остатки армии, которые еще вели упорные бои и в отдельных местах даже переходили в контратаки, были оттеснены в небольшой район разрушенного города и, наконец, расчленены на отдельные группы. 30 января Паулюс, который всего несколько дней тому назад был произведен в фельдмаршалы, подписал акт о капитуляции. Капитулировали шесть пехотных (44-я, 71-я, 76-я, 79-я, 94-я и 100-я егерская дивизии), три моторизованные (3-я, 29-я, 60-я), три танковые дивизии (14-я, 16-я и 24-я), 9-я зенитная артиллерийская дивизия, 1-я кавалерийская и 20-я пехотная румынские дивизии, наконец, хорватский полк, которые в день окружения насчитывали в общей сложности 265 тыс. человек. Из них 90 тыс. попали в плен, 34 тыс. раненых было вывезено на самолетах, лишь немногие покинули котел по служебным причинам. Свыше 100 тыс. человек погибли в бою или пали жертвой невыносимых лишений. Многие в отчаянии сами покончили с собой, другие искали и обрели смерть на поле сражения с оружием в руках. Сколько из 90 тыс. пленных стали жертвами мести русских или умерли вследствие того, что русские не могли обеспечить их продовольствием, остается неизвестным.

2. Русское наступление от Кавказа до Воронежа

Еще до падения Сталинграда русские начали третий удар на Дону, который одновременно с ударом на Северном Донце и с наступлением, продолжавшимся с середины декабря против немецких армий на Кавказе, должен был привести к крупной битве на уничтожение всех немецких и союзных армий, находившихся между Воронежем и Кавказом.

Гитлер, несмотря на постоянный нажим со стороны Цейтцлера, не решился своевременно отвести войска с Кавказа, чтобы и здесь не признать провал операций 1942 г. К этому следует прибавить, что противник начал активные действия на Кавказском фронте лишь в декабре. После второго русского прорыва на Дону немцы были вынуждены отступить с реки Чир на Северный Донец и только с большим трудом сумели удержать низовье Дона между Северным Донцом и Азовским морем, чтобы по этому коридору могли отойти обе кавказские армии. К этому времени фронт группы армий «А» фельдмаршала фон Клейста в составе 17-й полевой и 1-й танковой армий проходил далеко выступающей вперед дугой через Новороссийск южнее Майкопа, Нальчика до Моздока. Левое крыло группы армий находилось почти на расстоянии 60 км по прямой от Ростова, к которому тем временем русские войска приблизились на 70 км. Если бы 4-й танковой армии не удалось остановить продвижение русских восточнее Ростова, то все пути отхода группы армий «А» были бы отрезаны. Только в этой обстановке Цейтцлер убедил Гитлера отдать приказ об отходе с Кавказа. И лишь благодаря гибким действиям немецкого командования и высоким боевым качествам войск удалось вывести обе армии из намечавшегося окружения. В то время как они в начале января оторвались от противника, части 1-й танковой армии своевременно были выдвинуты вперед, чтобы усилить оборону 4-й

танковой армии южнее Маныча и дать возможность отходящим войскам переправиться через Дон по обе стороны Ростова. Они прибыли как раз вовремя, чтобы сначала оказать поддержку находившейся в затруднительном положении армейской группе Холлидта, а затем вместе с 4-й танковой армией, также отведенной за Дон, сыграть решающую роль при отражении попытки русских войск прорваться к Днепру. Дивизии 17-й армии отходили по обоим берегам Кубани на кубанский плацдарм, который впоследствии держался несколько месяцев и снабжался из Крыма через Керченский пролив.

Пока осуществлялся этот трудный отход, русские 14 января начали третье наступление на Дону и Северном Донце. Новый удар обрушился на группы Холлидта и Фреттер-Пико, только что отступившие за Северный Донец, на непрочную оборону между Северным Донцом и Доном, которую удерживали формально еще подчинившиеся 8-й итальянской армии немецкие войска, на итальянский альпийский корпус, дальше к западу – на 2-ю венгерскую армию силою до десяти [360 – Схема 32] дивизий и, наконец, на немецкую 2-ю армию, расположенную севернее остальных армий, подчиненных группе армий «Б». За истекшие месяцы, чтобы восстанавливать положение на прорванных участках фронта и на новых рубежах, создавать оборону, начиная от самого Сталинграда, эта группа армий израсходовала много дивизий и большую часть предназначенных для ее усиления резервов главного командования, особенно частей противотанковой обороны, и теперь для удержания такого протяженного фронта была очень слабой.

За венгерской армией располагался немецкий армейский корпус в составе двух дивизий с задачей не допустить прорыва русскими обороны венгерских войск.

Русское наступление, начавшееся 14 января, сразу привело к прорыву фронта итальянской армии южнее Новой Калитвы и венгерской армии по обе стороны Коротояк. В полосе итальянского альпийского корпуса русские не наступали.

Прорыв обороны венгерской армии русские немедленно использовали для того, чтобы продвинуться в западном направлении и одновременно, двигаясь с юга вдоль Дона, смять венгерские дивизии, находившиеся севернее участка прорыва. Венгерские войска дрогнули и под натиском русских в панике бежали на запад и на север. Немецкий корпус, занявший исходные позиции за фронтом, не мог уже ничего сделать, но все же в общем хаосе создал прочное ядро, которое сумело частично ослабить направленный на запад удар русских.

В крайне опасном положении оказалась 2-я немецкая армия в связи с заходом русских на север и северо-запад. 20 января войска противника, наступавшие вдоль Дона на север, подошли к левофланговой венгерской дивизии. Эта дивизия вместе с немецкими частями, которые 2-я армия бросила для защиты своего угрожаемого южного фланга в район юго-западнее Воронежа, оказала, наконец, сильное сопротивление, так что здесь после введения других немецких сил была создана довольно прочная оборона, которую войска удерживали целую неделю. Но главную опасность для 2-й армии представляло русское наступление, развивавшееся гораздо дальше к западу. Русские безостановочно продвигались там вперед с целью охвата и, очевидно, хотели захватить Горшечное, узел дорог в 80 км западнее Воронежа. Одновременно можно было догадаться, что русские готовили удар из района Ливны, Елец в направлении на Касторное против северного фланга 2-й армии.

Уже через несколько дней после прорыва фронта 2-й венгерской армии не могло быть сомнения в том, что этот фронт окончательно рухнул, и поскольку русские прорвали также фронт итальянской 8-й армии, то образовалась широкая брешь, которую нечем было закрыть, 2-я немецкая армия имела совершенно открытый глубокий южный фланг, а ее северный фланг в любой момент мог быть атакован превосходящими силами противника. Она могла обеспечить свои фланги и избежать окружения лишь в случае немедленного отхода. Несмотря на такую опасность, угрожавшую 2-й армии уже 21 января, ей только 23 января разрешили оставить сильно укрепленный воронежский плацдарм, который был обеспечен продовольствием на несколько месяцев и, как предполагалось, должен был удерживаться тремя дивизиями. Две дивизии, высвободившиеся в связи с сокращением фронта, не могли прибыть своевременно, и, кроме того, их все равно было недостаточно, чтобы предотвратить окружение 2-й армии. Эти запоздалые и недостаточные мероприятия, правда, не по вине командования армии или группы армий, не могли остановить стремительного хода событий. В то время как войска еще

организованно отходили с воронежского плацдарма, а находившиеся там запасы с огромным трудом перебрасывались для погрузки на станции западнее Воронежа, кольцо окружения вокруг 2-й армии готово было замкнуться. 26 января русские танки были в Горшечном. В тот же день русские предприняли ожидавшееся наступление из района Ливны, Елец, прорвали оборону на северном фланге 2-й армии, а на следующий день их танки уже вышли в район Касторное. Обе дороги для отхода армии были перерезаны, два армейских корпуса в составе пяти дивизий оказались в окружении. Их мог спасти только прорыв. Часть войск ушла через Касторное, основная масса направилась на Горшечное. В середине дня 30 января восточнее Горшечное в результате образцово спланированного и проведенного наступления немецким войскам, в первую очередь снятым с воронежского плацдарма соединениям, при поддержке сильной артиллерии большой мощности и минометных батарей удалось прорвать кольцо окружения. Бесконечная колонна немецких войск, в которой двигались и несколько 88-мм зенитных пушек, отбивавших атаки русских танков, к 4 февраля пробилась до Старого Оскола, находившегося на расстоянии всего 30 км, и там соединилась с храбро оборонявшейся 26-й пехотной дивизией. Значительная часть 2-й армии была спасена; противнику достались лишь подорванные орудия и испорченное тяжелое оружие. Здесь, как и во многих подобных случаях, немецкие войска показали, что они даже в отчаянных положениях сохраняют выдержку и обладают поистине нечеловеческой выносливостью.

Судьба итальянского альпийского корпуса и его правого соседа – 24-го немецкого танкового корпуса, была аналогична судьбе 2-й армии. 17 января русские войска, прорвавшиеся севернее и южнее этих корпусов, встретились в районе северо-западнее города Россось. Несмотря на неоднократные настойчивые просьбы, Гитлер запретил своевременный отход альпийского корпуса. Командующий армией генерал Гарибольди подчинился непонятному для него приказу. Лишь 18 января корпусу было разрешено начать отход. Вместе с остатками 24-го танкового корпуса, который понес очень тяжелые потери в оборонительном бою южнее Новой Калитвы и также был окружен, альпийский корпус, снабжаемый воздушным путем, пробивался к главным силам немецких войск; он достиг их 31 января в районе Валуйки с большими потерями и совершенно изнуренный.

Тем временем в результате начавшегося 14 января наступления русских войск во фронте немецких и союзных армий образовалась брешь шириной 350 км. Потери 2-й немецкой армии были очень большими, на 2-ю венгерскую армию вообще не приходилось больше рассчитывать. Введенный в ее полосу немецкий армейский корпус отошел с боями на реку Оскол. Остатки альпийского корпуса и 24-го танкового корпуса также не могли больше вести боевые действия. Из района по обе стороны Старобельска две немецкие танковые дивизии и одна пехотная дивизия с открытым северным флангом пробивались назад к Купянску, ведя бои с превосходящими силами противника, который сильно теснил их фронтально, а также постоянно угрожал обойти открытый фланг. Непосредственная связь с группой армий «Дон», чье левое крыло находилось за Северным Донцом в районе Лисичанска, готова была порваться. Этим немецким соединениям, усиленным в ближайшие недели лишь немногими частично потрепанными и находившимися на пополнении соединениями, удалось упорным сопротивлением, которым они всегда добивались местного успеха против наступающих русских, и на этот раз настолько замедлить наступление, что к концу месяца русские войска достигли только рубежа Лисичанск, Сватово и дальше вверх по Осколу до Тима.

Немецкие войска на фронте от впадения Северного Донца в Дон до Ворошиловграда отразили удар русских, но теперь над их левым флангом нависала угроза, так как противник наступал на Изюм.

В начале февраля в группировке немецких войск на юге произошли изменения организационного характера. Штабы группы армий «Б» и итальянской 8-й армии были ликвидированы. Вместо итальянской армии появилась оперативная группа Кемпфа (впоследствии 8-я немецкая армия); в нее вошли немецкие соединения, которые до того времени подчинялись командованию итальянской армии. Группа армий «Дон» была переименована в группу армий «Юг» и включала в себя все соединения, действовавшие от Ростова до южного фланга 2-й армии. Командование 2-й армией, подчиненной группе армий «Центр», принял генерал Вейс. Твердое командование на южном участке общего фронта было

тем более необходимым, что стягиваемые соединения, в которых испытывалась такая острая нужда, прибывали очень медленно, а ударная сила русского наступления отнюдь не была ослаблена.

В начале февраля русские форсировали реку Оскол и поставили своим армиям новые задачи. Дальнейшее продвижение на запад должно было привести к захвату Харькова и воспрепятствовать созданию немцами нового мощного оборонительного рубежа на Украине. Планировалось, что под прикрытием этого удара, который будет нанесен на широком фронте и приведет к глубокому продвижению на запад, крупные силы начнут наступление в юго-западном направлении, чтобы освободить Донбасс и Сталине и уничтожить находившиеся в этом районе немецкие армии. Русским едва не удалось осуществить этот опасный план.

Удар, предпринятый на запад, привел к глубокому прорыву фронта все еще крайне слабой 2-й армии. 9 февраля русские достигли Белгорода и затем продвинулись на 150 км дальше к Лебедину. Здесь уже нельзя было остановить наступления русских, но все же удалось его несколько замедлить, 2-я армия создала постепенно оборону на рубеже, который начинался южнее города Сумы, затем шел до района западнее Курска и примыкал к позициям 2-й танковой армии. Вследствие этой угрозы их северному флангу и из-за нехватки сил русские приостановили наступление в районе Лебедина. Под Харьковом сопротивление немецких войск продолжалось несколько дольше. 16 февраля оперативная группа Кемпфа вынуждена была оставить город, после того как ее северный фланг был обойден с направления Белгорода, центр оттеснен крупными силами, а южный фланг отброшен на Мереху в результате прорыва русских. Между тем оперативной группе Кемпфа были подброшены с запада довольно большие подкрепления в район западнее Мерехи и Краснограда, так что теперь она могла задержать русское наступление. Напротив, между этой оперативной группой и находившимся у Изюма левым флангом 1-й танковой армии, сформированной из соединений оперативной группы Фреттер-Пико, постепенно была создана широкая брешь и закрыть ее было нечем. Как раз такого положения и добивались русские. Они сразу же его использовали, чтобы повернуть через Лозовую и Барвенково на юг и затем беспрепятственно продвигаться через Павлоград почти до Днепропетровска и Запорожья, где находился штаб группы армий «Юг». Это была кульминационная точка успехов русских; как вскоре выяснилось, они взяли на себя слишком трудную задачу, желая добиться сразу двух целей.

Благодаря новым соединениям, подброшенным оперативной группе Кемпфа, а также большой перегруппировке на южном крыле фельдмаршал фон Манштейн смог к 22 февраля собрать достаточное количество сил и начать с двух сторон наступление на глубоко вклинившиеся русские войска. Но прежде на южном крыле группы армий пришлось провести значительное сокращение фронта. После того как дивизии 1-й и 4-й танковых армий, стянутые с Кавказа и Маньча, в первой половине февраля переправились через Дон по обе стороны Ростова, излучина Дона между Ростовом и Ворошиловградом была оставлена и войска были отведены на заранее подготовленный рубеж у реки Миус, оставшийся еще от прошлого года и доходивший на правом фланге до Таганрога. Примыкавшая к ним на севере вновь сформированная 1-я танковая дивизия не могла удерживать Северный Донец между Лисичанском и Изюмом и отошла к югу; теперь ее левый фланг оказался западнее Славянска. Когда между этим левым флангом и Павлоградом немецкие войска нанесли контрудар, в позициях войск русского юго-западного фронта была проделана огромная брешь шириной 200 км. Для осуществления контрудара из состава войск, отступавших на Миус, были взяты пять танковых дивизий. Они составили ударную группу, которая прибыла в район северо-западнее Сталине в распоряжение командующего 4-й танковой армией. 22 февраля немецкие танки начали наступление на север. Одновременно несколько дивизий, сосредоточенных в районе Днепропетровска, наступали в восточном направлении. Хотя и не удалось отрезать русские войска, продвинувшиеся до Запорожья, которые поспешно отошли на север, все же была быстро захвачена большая территория. Через несколько дней немецкие войска вышли к Северному Донцу в районе Барвенково, захватили Лозовую, установили непосредственную связь с оперативной группой Кемпфа и предотвратили обход, угрожавший оборонительному рубежу на реке Миус. Преследуя русские войска, немецкие танковые дивизии продвинулись дальше на север вместе с наступающей с запада оперативной группой Кемпфа, окружили к 6

марта южнее Харькова сильную русскую группировку в составе нескольких танковых соединений и одного кавалерийского корпуса и создали этим успехом предпосылки для дальнейшего продвижения на Харьков. Одновременно и внутренние фланги оперативной группы Кемпфа и 2-й армии начали наступление против русских сил, продвинувшихся до Лебедина; последние спаслись от уничтожения только немедленным отходом. Под этим натиском немецких войск русские на всем фронте отступили за Северный Донец. 13 мая был снова занят Грайворон, 15 марта – Харьков.

1-й танковой армии также удалось отбросить русских за Северный Донец на участке между Лисичанском и Славянском. Фронт немцев был снова сомкнут и от Таганрога до Белгорода теперь не имел никаких выступов.

Вновь сформированная 6-я армия, одна из четырех армий группы армий «Юг», находилась на правом крыле и удерживала участок фронта Северного Донца, то есть в основном оборонительный рубеж на реке Миус. Далее к северу располагались 1-я и 4-я танковые армии, а также оперативная группа Кемпфа. Она прочно примыкала к соседней 2-й полевой армии группы армий «Центр». Это была приблизительно та же линия, с которой 9 месяцев назад началось крупное наступление на Кавказ и Волгу. Результат наступления оказался потрясающим: одна немецкая и три союзные армии были уничтожены, три другие немецкие армии понесли тяжелые потери. По меньшей мере пятидесяти немецких и союзных дивизий больше не существовало. Остальные потери составляли в общей сложности примерно еще двадцать пять дивизий. Было потеряно большое количество техники – танков, самоходных орудий, легкой и тяжелой артиллерии и тяжелого пехотного оружия. Потери в технике были, конечно, значительно больше, чем у противника. Потери в личном составе следовало считать очень тяжелыми, тем более, что противник, если он даже и понес серьезные потери, все же располагал значительно большими людскими резервами. Престиж Германии в глазах ее союзников сильно пошатнулся. Поскольку одновременно и в Северной Африке было нанесено непоправимое поражение, надежда на общую победу рухнула. Моральный дух русских высоко поднялся.

В результате действий по снабжению окруженных под Сталинградом войск и нескольких более мелких котлов немецкая авиация была сильно ослаблена. В связи с широкими операциями и крайне дорогим подвозом воздушным путем запасы горючего резко уменьшились. В дальнейшем приходилось сразу же и очень экономно расходовать то, что производилось: производство горючего было таким недостаточным, что оказало парализующее влияние на все последующие операции.

С другой стороны, исход боев за Харьков показал, на что еще способны немецкие войска в руках энергичного и искусного полководца, действующего по здоровым оперативным и тактическим принципам.

3. Боевые действия зимой 1942/43 г. на северном и центральном участках фронта

Чтобы сковать силы немцев на всех фронтах, воспрепятствовать переброске крупных подкреплений на угрожаемые участки и улучшить свои позиции там, где начертание линии фронта благоприятствовало развертыванию будущих операции, русские с началом зимы продолжили или возобновили свои атаки в существовавших уже несколько месяцев очагах боев. (Карта 4, стр. 228)

Свои основные усилия они сосредоточили между Ржевом и Великими Луками, где после летних боев немецкие войска имели очень непрочный фронт. Ржевский выступ, глубоко вдававшийся в расположение русских войск, представлял особенно благоприятные возможности для охвата немецких войск и глубокого продвижения на запад.

В середине октября немецкая воздушная разведка обнаружила, что в районе между городами Торопец и Калинин сосредоточиваются крупные силы русских. Интенсивные налеты немецкой авиации значительно замедлили это сосредоточение, однако полностью сорвать его не смогли. В конце ноября русские начали на широком фронте наступление, которое велось из района Торопец в западном и южном направлениях. В районе севернее Белый в результате

контрудара немецкие войска локализовали и ликвидировали несколько глубоких вклинений русских. Но фронт по обе стороны Великих Лук был прорван, а сама старая русская крепость, превращенная в мощный узел сопротивления, была окружена. Прорвавшиеся русские войска удалось задержать лишь в 12 км западнее Великих Лук, которые постигла та же участь, что и Сталинград. Гитлер снова запретил своевременный выход из окружения семитысячного гарнизона, сформированного из самых разнородных частей и тыловых подразделений. Эти войска снабжались с воздуха и оказывали ожесточенное сопротивление русским, отбивая все их атаки. Немецкое командование призывало окруженный гарнизон держаться, обещало скорое освобождение. 29 декабря началось наступление с целью деблокировать Великие Луки. С величайшим трудом и ценою огромных потерь две немецкие дивизии сумели вбить клин глубиной 10 км и шириной 3 км в оборону русских прикрывающих сил. 12 января их головные части, совершенно истощенные и обескровленные, остановились, не дойдя всего 3 км до западной окраины города. Между тем русские уже захватили большую часть окруженного района. Лишь небольшая боевая группа еще удерживалась в цитадели на западном берегу реки Ловать, а другая, более крупная боевая группа была очень сильно сжата в восточной части Великих Лук. Снабжение воздушным путем могло осуществляться только сбрасыванием контейнеров. В ночь с 15 на 16 января 100 человек из состава группы, окруженной в цитадели, пробившись к своим войскам. 200 человек раненых, неспособных передвигаться, им с тяжелым сердцем пришлось оставить. Из окружения вышли также еще около 80 человек, потерявших свои части. Восточная группа, которая находилась в окружении почти два месяца и держалась до последнего патрона, претерпевая исключительно тяжелые физические и моральные лишения, но преисполненная надежды на освобождение, в конце концов тоже была вынуждена сложить оружие.

Тем временем русские продолжали атаки против северного фланга 9-й армии, а с начала декабря стали оказывать сильное давление и с востока, между Ржевом и Гжатском. К концу февраля они, правда, добились некоторого успеха, но нигде не достигли поставленной цели.

Провалились также и их попытки в течение всей зимы полностью изолировать и уничтожить демянский котел, который был соединен узким коридором с действовавшими южнее Старой Руссы немецкими войсками. Испытанные дивизии 2-го армейского корпуса сумели в упорных боях отстоять свои позиции.

Более успешными были атаки русских под Ленинградом, где немецкие войска все еще находились в районе Шлиссельбурга у Ладожского озера и затрудняли снабжение отрезанного города. Население, составлявшее когда-то 2 млн., после эвакуации сократилось до 700 тыс. человек. Несмотря на невероятные трудности, они с фанатическим рвением обеспечивали работу жизненно важных гражданских и военных предприятий. 12 января русские южнее Ладожского озера на узком фронте нанесли мощный удар, которого немецкие войска не смогли выдержать. Наступая одновременно с запада, через Неву, и с востока, русские войска 18 января заняли Шлиссельбург, создали коридор шириной 10 км и таким образом восстановили связь с Ленинградом по суше. Попытки расширить прорыв дальше на юг успеха не имели, так же как и все атаки южнее Ленинграда и у Волхова.

Последней целью наступления русских был орловский выступ. Кроме глубокого выступа севернее Орла, образовавшегося еще зимой 1941/42 г., русские получили теперь, после разгрома 2-й армии и потери Курска, большой курский выступ. Но и против этого протяженного фронта в районе Орла, выступающего далеко на восток, русские добились лишь местных успехов, которые не были развиты и не оказали существенного влияния на общую обстановку.

Огромная растянутость южного фронта и непрерывные, очень опасные атаки русских против войск групп армий «Центр» и «Север» до предела напрягли силы немецких войск. Прежде всего должен был помочь Западный фронт. Но и там после отправки дивизий в Тунис находилось лишь самое минимальное количество соединений. Уже в начале февраля можно было предвидеть, что главное командование сухопутных сил в течение ближайшего времени израсходует на Востоке свои последние резервы, и, если не будут приняты энергичные меры, оно окажется совершенно беспомощным в случае более или менее серьезного положения на фронте. Поэтому Цейтцлер приложил все старания, чтобы добиться от Гитлера, до сих пор с

каким-то болезненным упрямством запрещавшего всякое добровольное оставление захваченной территории, согласия на два крупных сокращения фронта, которые сразу ослабляли напряженную обстановку. Если бы немецкие войска ушли с демянского плацдарма, то это означало бы, что не нужно больше удерживать 200 км фронта. Отвод войск с ржевско-вяземского плацдарма на рубеж Спас-Деменск, Белый также сокращал общую протяженность линии фронта на 200 км. Таким образом высвобождалось около десяти дивизий. Приказ о планомерном очищении обоих плацдармов был дан в начале февраля отчасти под впечатлением событий в Сталинграде и тяжелой обстановки в районе Харькова. Эвакуация была тщательно подготовлена своевременным и планомерным вывозом всех складов и учреждений тыла, а также строительством укреплений на новых оборонительных рубежах.

21 февраля начался отход немецких войск с демянского плацдарма. Это была исключительно тяжелая операция, так как все дивизии находились в непосредственном соприкосновении с противником и должны были под его непрерывным воздействием быстро преодолеть узкий коридор восточнее реки Ловать. Эта операция прошла успешно, и в начале марта 16-я армия уже занимала новый, сильный оборонительный рубеж от Холма до Старой Руссы. Здесь она сумела отбить попытки противника прорваться крупными силами по обе стороны Старой Руссы и нанесла ему большие потери в людях.

Отход в районе между Спас-Деменском и Ржевом был не очень трудным, его также удалось провести планомерно. Половина войск 4-й армии и почти вся 9-я армия должны были отойти назад на новый рубеж Спас-Деменск, Белый, Невель. Они начали отход 26 февраля в районе Ржева и проводили его постепенно по этапам. Отступающие дивизии удерживали промежуточные рубежи по одному-два дня и всюду диктовали русским темп продвижения. Если последние преследовали слишком энергично или пытались прорваться, то их атаки отбивали, при этом они обычно несли большие потери. Перед крупными силами русских войска своевременно отходили на новый рубеж. 16 марта отход на всем фронте был закончен. Когда русские очень поздно разгадали замысел немцев, они спешно стянули несколько танковых соединений с целью воспрепятствовать закреплению немцев на новом рубеже севернее Спас-Деменска. Русское наступление последовало как раз в тот момент, когда отход был завершен и высвобожденные дивизии можно было немедленно использовать для усиления обороны. Поэтому русским удалось добиться лишь кое-где временных вклинений, затем они отступили, понеся тяжелые потери.

Хотя немецкие войска и отошли, они показали, что ни в чем не уступают русским. Выявилось их бесспорное превосходство в тактике, короткая операция по отходу была проведена очень быстро и организованно. Теперь войска могли спокойно ожидать летних боев.

Когда наступила весенняя распутица, группы армий «Центр» и «Север» стояли на хорошо укрепленном, сплошном и сокращенном фронте. Командование опять располагало резервами. Для дальнейшего ведения войны важнее всего было то, чтобы они разумно использовались и чтобы примененная, наконец, под давлением обстоятельств всеми тремя группами армий эластичная оборона, которая экономила собственные силы и вынуждала противника предпринимать кровопролитные атаки, применялась и в будущем.

Ценой неслыханных, большей частью ненужных жертв и спешного стягивания последних резервов, казалось, был ликвидирован тяжелый кризис, возникший на востоке вследствие постановки слишком широких оперативных целей. Но за вновь созданным с таким трудом фронтом возник кризис доверия, который уже невозможно было устранить. Массы народа и воюющие войска он затронул меньше. И тех и других глубоко потрясли ужасные события в Сталинграде, но искусной пропаганде удалось представить поражение как величайший подвиг и использовать его для воодушевления людей. В этом стремлении ей помогла конференция в Касабланке, где в начале января 1943 г. встретились Рузвельт и Черчилль. Там Рузвельт произнес роковые слова о «безоговорочной капитуляции», встреченные Черчиллем без особого энтузиазма, хотя и без возражений. Для немецкой пропаганды это было своего рода лозунгом для того, чтобы призвать немцев к железной стойкости – ведь только так они могли избежать уготованной им печальной участи. Противники Германии вскоре поняли, каким обоюдоострым является оружие, которым они пользовались. Все попытки как-то иначе истолковать или сделать менее резкой выраженную формулировку разбивались о непреклонную волю Рузвельта.

Беспокойство, возникшее в руководящих кругах германской сухопутной армии вследствие быстрого ухудшения обстановки на фронте за последние полгода, было еще больше усилено жестоким стремлением к уничтожению со стороны союзников и немецкой контрпропагандой. Если противник не был склонен видеть разницу между Гитлером и немецким народом, то не помогло бы и освобождение от Гитлера. Оставалось только одно: вместе с ним победить или погибнуть. Всякий протест против диктатора грозил привести к осложнениям, которые неизбежно должны были повредить общему делу. Но, с другой стороны, военное руководство Гитлера осенью и зимой 1942/43 г. внушало справедливые опасения относительно исхода будущих операций.

Если и в дальнейшем продолжать так же расходовать силы сухопутной армии, как и до сих пор, то в будущем году она не сможет противостоять русским даже в обороне. Это серьезно беспокоило не только высшее командование действовавших на востоке войск. Беспокойство охватило также многих из тех, кто по роду своей деятельности знал общий ход событий и мог оценить потери в живой силе и технике, понесенные в результате катастроф на фронте. Именно в это время среди молодых офицеров центрального аппарата и высших штабов появились ростки того отчаяния, которое 20 июля 1944 г. привело к взрыву. В той части войск, которую катастрофа непосредственно не коснулась, в основном таких настроений не было; зато широкие круги высшего командного состава переживали сильнейший кризис доверия. Соображений о том, как его устранить, было много, и теоретическая сторона дела не вызывала сомнений. Гитлер должен был отказаться от своей «полководческой» роли и передать руководство военными действиями, по крайней мере на Восточном фронте, в руки военного человека; в противном случае, какой бы чудовищной эта мысль ни казалась привыкшим к повиновению военным, его следовало заставить сделать это. О добровольном отказе Гитлера от руководства не приходилось и думать: он изменил бы этим самому себе. Насильственное разрешение хотя и было довольно трудным, могло быть осуществимо только в том случае, если бы во главе сухопутной армии стоял незаурядный человек, который из чувства долга перед народом и историей потребовал бы отхода Гитлера от руководства операциями, а если нужно, веря в надежную опору в армии, осуществил бы его насильственно. Надо до конца понять проблему, которая почти бесспорно выходила за чисто военные рамки и выливалась в государственный кризис, чтобы осознать все трудности ее осуществления, если вообще не прийти к мысли о ее неразрешимости. Ведь уже первая предпосылка для претворения в жизнь такого плана – военный руководитель, стоящий во главе сухопутной армии, – отсутствовала: Гитлер сам был главнокомандующим со времени ухода Браухича в декабре 1941 г. Поэтому потребовался бы заговор видных военных деятелей, фельдмаршалов, чтобы заменить недостающего руководителя сухопутной армии и совместными действиями осуществить то, что, несмотря на воинскую дисциплину, подобало бы сделать в случае крайней необходимости ему одному. Он стал бы тогда или удачливым революционером, или провалившимся государственным преступником. Несмотря на это осложнение, попытка побудить к заговору видных руководителей сухопутной армии была сделана. Она провалилась, так как некоторые из них не могли преодолеть в себе нерешительность против того, что – пусть это объясняют, как хотят, – с точки зрения буквы закона было мятежом и государственной изменой. Другие считали, что все это тяжело отразится на и без того серьезном положении на фронте, и очень низко оценивали шансы на удачу. Если учесть, что войска тогда в подавляющем большинстве слепо верили в Гитлера, что многочисленные эсэсовские соединения были его верными слугами, что следовало рассчитывать на положительное отношение к Гитлеру со стороны авиации и военно-морского флота, то станет понятно, как приходилось опасаться непредвиденных внутренних раздоров в обстановке войны. Может быть, непосредственно после катастрофы под Сталинградом и под ее свежим впечатлением зажигающий подвиг захватил бы колеблющихся, сделал бессильными протестующих, и немедленно начавшееся разъяснение убедило бы большинство людей в необходимости акта насилия. Все же следует представить себе все мучительные колебания против такого акта и отнестись к ним с уважением. Во всяком случае, оглядываясь назад, вряд ли можно закрыть глаза на тот факт, что военным руководителям тогда предоставлялась последняя возможность в сложившемся тяжелом положении добиться такого политического разрешения, к которому так или иначе неизбежно привел бы общий ход

событий. В будущем вследствие подорванного доверия к высшему командованию должны были постоянно возникать конфликты морального и военного порядка. Вне всякого сомнения, каждый считал своим долгом оказать вверенным войскам в их тяжелой борьбе всяческую помощь и поддержку и оградить их от всяких сомнений, которые он тщательно скрывал и выражал только в самом узком кругу. Многие упорно стремились в случае необходимости под собственную ответственность спасти от бессмысленных жертв свои соединения и требовать от них самопожертвования только тогда и там, где этого требовала общая обстановка. В результате целый ряд видных военных деятелей был смещен со своих постов. Гитлер, возможно, чувствовал скрытое недоверие со стороны широких кругов высшего военного командования. Он стремился устранить его тем, что оставлял на высоких постах только таких людей, от выдающихся военных способностей которых, по его мнению, нельзя было отказаться; впрочем, невзирая на общий срок службы и на нормальное продвижение, он все чаще назначал на руководящие посты тех, кому оказывал личное доверие, полагая, что они сохранили в него веру.

На подборе кадров также отрицательно сказалось отсутствие подходящего энергичного главнокомандующего сухопутной армией, который бы заботился об однородности офицерского корпуса и тщательно изучал характер и возможности лиц, назначаемых на крупные командные посты. Начальник управления личного состава не мог этого сделать, так как он целиком и полностью зависел от Гитлера.

Многие высшие командиры оставались на своих постах, хотя уже потеряли всякую веру в Гитлера. Они постоянно подавляли свои сомнения, потому что не могли стоять в стороне от войны, в которой решалась судьба народа; кроме того, они не хотели бросать на произвол судьбы своих подчиненных и войска, которые, как они знали, им верили. Сохранением командования они надеялись спасти войска от бессмысленных жертв и этим самым содействовать военному успеху. Наконец, принимая во внимание многочисленность высшего командования и взгляды Гитлера относительно подбора кадров, было бы даже удивительно, если бы соглашательские соображения и честолубие не удерживали многих на их постах.

Тем не менее ряды старых военных деятелей редели, а постоянная смена лиц на высших военных постах стала принимать какие-то совершенно странные и чудовищные формы.

4. Потеря Северной Африки

Прорыв обороны немецких войск у Эль-Аламейна

После того как Роммель в начале сентября 1942 г. тщетно пытался прорвать оборону англичан в районе Эль-Аламейна и выйти к Нилу, немецкие и итальянские войска не получили Достаточных пополнений; больше того, соотношение сил начало постепенно изменяться в пользу англичан. Мальта срывала всякий подвоз в Африку. Теперь итальянское командование сожалело о том, что отказалось от захвата этой английской базы. Немецкая авиация уже не могла вывести ее из строя. Итало-немецкие потери торговых судов и боевых кораблей резко возросли. Хотя предпринятое 10 октября воздушное наступление на Мальту и принесло некоторое облегчение, но через две недели его пришлось прекратить, так как потери в самолетах стали слишком большими. (Карта 3, стр. 150)

В начале октября генерал Александер, английский главнокомандующий на Ближнем Востоке, решил в конце месяца бросить в наступление 8-ю армию Монтгомери. Для подготовки этого наступления 9 октября начались постоянные воздушные налеты на итальянские порты Неаполь и Савону, чтобы парализовать снабжение войск в Африке, и на итало-немецкие аэродромы в Сицилии и Северной Африке для планомерного уничтожения военно-воздушных сил. Коммуникации африканской армии протяженностью 1800 км также подвергались систематическим атакам. Все эти налеты регулярно проводились в течение более двух недель и были настолько эффективными, что английские самолеты незадолго до начала наступления могли уже совершенно беспрепятственно летать через позиции противника. Генерал Штумме, который заменял Роммеля во время его отпуска, согласно его приказу, эшелонировал четыре немецкие и восемь итальянских дивизий следующим образом.

Оборонительные позиции занимали пять итальянских дивизий, отчасти смешанные с

немецкими частями 164-й пехотной дивизии и парашютной бригады Рамке. В качестве резерва – чтобы можно было быстро локализовать вклинение противника, прежде чем он сумеет добиться решающего прорыва на фронте не особенно стойких итальянцев, – непосредственно за пехотными дивизиями располагались на юге одна немецкая и одна итальянская танковые дивизии, на севере – две немецкие и две итальянские танковые и две моторизованные дивизии. Немецкие соединения уже так и не смогли восполнить потери, понесенные в начале сентября.

Между тем 8-я английская армия увеличилась до семи пехотных, трех бронетанковых дивизий и семи отдельных танковых полков{34}. Англичане имели 1100 танков, в том числе 400 тяжелых американских машин типа «Грант» против 500 немецких и итальянских танков. Таким образом, у них было более чем двойное количественное превосходство, не говоря уже о качественном. Превосходство в воздухе было, несомненно, на английской стороне и граничило с абсолютным господством. Монтгомери основную массу своих войск – два армейских корпуса – расположил на оборонительных позициях, а за северным флангом привел в боевую готовность крупные танковые силы. Посредством крайне искусной маскировки и различных мероприятий с целью ввести противника в заблуждение, например таких, как использование макетов танков и сооружение ложного нефтепровода на юге, ему удалось дезориентировать противника не только относительно направления своего главного удара, но даже и относительно всей подготовки к наступлению.

23 октября в 23 часа после мощной двадцатиминутной артиллерийской подготовки, в которой приняли участие свыше тысячи орудий, войска Монтгомери перешли в наступление на северном участке фронта. Одновременно на южном участке, чтобы ввести противника в заблуждение и сковать расположенные там немецкие и итальянские резервы, было предпринято ложное наступление. Замысел быстро прорвать северную часть позиции и, проделав проходы в минных полях, ввести в прорыв танковые соединения, несмотря на использование огромного количества техники, с самого начала потерпел неудачу. Обороняющиеся сумели остановить продвижение англичан в глубине главной полосы обороны. Вечером 25 октября прибыл Роммель, которому пришлось прервать свой отпуск, и снова принял командование армией вместо своего заместителя, погибшего в первый же день наступления. Контратаками резервов, находившихся за северным флангом, а также стянутых с юга, удалось в течение нескольких дней настолько ограничить глубокое вклинение англичан, что Монтгомери был вынужден отвести в тыл свои танковые соединения, чтобы привести их в порядок и перегруппировать. Английские пехотные дивизии понесли большие потери, триста танков было выведено из строя. Но положение немецких и итальянских войск было гораздо хуже. Расходуя огромное количество боеприпасов, непрерывно атакуя с воздуха, располагая танками, обладающими более мощным вооружением и большим запасом хода, чем немецкие танки, англичане нанесли противнику потрясающие потери. Итальянские пехотные дивизии отчасти не отвечали требованиям ведения войны с большим количеством техники. Немецкие запасы бензина подходили к концу. Слабые силы авиации самоотверженно пытались вместе с итальянцами воспрепятствовать действиям английских войск, но были отогнаны превосходящими силами английской авиации и мощным заградительным огнем зенитной артиллерии. Роммель после этого относительного успеха в обороне понял, что при его больших потерях и огромном превосходстве противника он не сможет удержать своих позиций. Если войска своевременно не отвести, то прорыв полностью моторизованных частей противника будет вопросом лишь нескольких дней. Роммель не скрыл от итальянского командования эту оценку создавшегося положения. 30 октября удалось еще раз предотвратить прорыв австралийской дивизии, которая продвинулась от участка вклинения на север до побережья. Затем англичане в ночь с 1 на 2 ноября начали решающее наступление. Чтобы избежать уничтожения целой армии и иметь возможность спасти прежде всего немоторизованные итальянские пехотные дивизии, Роммель должен был немедленно отвести свои войска. 2 ноября он начал отступление, сообщив в Рим и в ставку Гитлера о том, что оно стало неизбежным. Муссолини ответил, что он должен удержать позицию любой ценой. Гитлер, как всегда, когда не хватало резервов, пытался воздействовать высокопарными словами. Весь немецкий народ, убеждал он Роммеля, преисполнен глубочайшей веры в его командование и в храбрость немецких и итальянских войск. Необходимо бросить в бой все до последнего солдата. Даже превосходящие силы

противника будут в конце концов измотаны и обескровлены; важно только держаться с железной стойкостью. У его войск только один выход: победа или смерть. Роммель, который всегда считал себя прежде всего солдатом, подчинился приказу и прекратил начавшееся отступление.

Приказ Гитлера воодушевил войска на последнее отчаянное сопротивление, которое оттянуло прорыв еще на два дня. Затем англичане разгромили на центральном участке фронта самоотверженно сражавшийся итальянский моторизованный корпус и создали брешь шириной 20 км. Так как, согласно приказу, в бой были введены все силы и средства до последнего солдата, то не было резервов, чтобы закрыть зияющую брешь. Англичане в основном уже разгромили итальянские пехотные дивизии и вклинились в трех местах даже в оборону немецкого Африканского корпуса. Ликвидировать эти вклинения немцы уже были не в состоянии. Тогда Роммель решил под свою ответственность дать приказ об отходе и сообщил о том, что он отдал приказ отойти к Фуке, однако не знает, возможно ли там снова организовать оборону.

Из-за несвоевременной реакции высшего руководства теперь наступило то, чего так опасались итальянцы со времени первого отступления зимой 1941/42 г. и чего они хотели во что бы то ни стало избежать. Малоподвижные итальянские пехотные дивизии, которых никогда нельзя было обеспечить необходимыми транспортными средствами, оказались беспомощными перед преследующими их полностью моторизованными соединениями противника. Моторизованные немецкие дивизии и остатки почти совершенно разгромленных итальянских моторизованных дивизий в результате этого сражения были настолько ослаблены, что даже медленный отход от рубежа к рубежу с учетом темпа движения пехотных дивизий стал неосуществимым. Оборонительную позицию у Фуки уже нельзя было удерживать. Противник навязал свой темп.

Между Роммелем, который хотел спасти как можно больше подвижных сил, и итальянским верховным командованием возникли неизбежные крупные разногласия; итальянцы дошли до упрека в том, что Роммель нервничает, оставляет быстрее, чем это необходимо, одну позицию за другой и не обращает должного внимания на итальянские интересы. Противоречия еще более обострились, когда итальянские офицеры увидели, что немецкие тыловые службы вместо того, чтобы предоставить автомашины в распоряжение итальянцев, перевозят на своих и итальянских автомашинах такие вещи, без которых вполне можно обойтись на фронте.

Большая часть итальянцев и значительная часть немецких немоторизованных соединений уже погибли в результате боев под Эль-Аламейном или были потеряны в первые дни отступления. Зато попытка англичан параллельным преследованием бронетанковыми войсками преградить подвижным германо-итальянским силам отступление на позицию у Мерса-Матрух потерпела неудачу вследствие упорного сопротивления немецких охраняющих частей. Внезапно начавшийся дождь также помешал передвижению англичан вне дорог. После того как 8 ноября позицию у Мерса-Матрух пришлось оставить ввиду угрозы охвата с юга, итальянцы потребовали, чтобы удерживались сильные позиции в районе Эс-Саллума и прохода Хальфайя. По мнению Роммеля, при существующем неблагоприятном соотношении сил об этом не могло быть и речи. Вряд ли было возможно также захватить Тобрук и помешать англичанам хотя бы на короткое время пользоваться портом и прибрежным шоссе. Это поглотило бы все силы армии и открыло англичанам путь на Триполи. Положение заставляло предпринять быстрый отход, так как уже 11 ноября показались первые английские дозоры в районе Эль-Мекили – верный признак того, что противник стремился снова выйти на рубеж Эль-Мекили, Завиет-Мсус, чтобы отрезать все силы, отступающие к Бенгази. В ночь с 12 на 13 ноября англичане заняли Тобрук.

По мнению итальянского верховного командования, которое уже энергичнее включилось в руководство операциями и для выполнения своих распоряжений подчинило Роммеля командующему войсками в Ливии маршалу Бастико, ближайшей позицией теперь являлся оборонительный рубеж у Гаср-эль-Брега. Итальянцы его тщательно укрепляли и подтягивали туда войска. Они делали также все возможное, чтобы подбросить армии подкрепления и пополнить запасы; правда, они были не в силах устранить хроническую нехватку горючего,

которая часто даже сказывалась на действиях танков. Надо отметить, что в результате действий вражеской авиации большое количество боеприпасов, горючего и продовольствия было потеряно еще в море или при подвозе автотранспортом. Кроме того, западные державы к этому времени высадили свои войска в Марокко и в Алжире, так что подкрепления и все необходимое шло теперь прежде всего в Тунис. Кессельринг и итальянское верховное командование были убеждены в том, что противник, который до Бенгази прошел путь 850 км, обеспечивая с большим трудом свое снабжение, неизбежно должен был потерять наступательную мощь. Поэтому они требовали, чтобы позиция у Гаср-эль-Брега энергично оборонялась. Это требование решительной обороны вызвало резкое возражение Роммеля. Он также считал, что на подходящих позициях следует по-прежнему готовиться к задержанию противника, но полагал, что решительная оборона в Триполитании невозможна, так как англичане могли обойти все эти позиции. Поэтому всякое слишком долгое их удерживание связано с потерей армии или, по меньшей мере, с потерей ее немоторизованных частей, как это случилось под Эль-Аламейном. Такое же мнение он выразил во время беседы с Гитлером, чем вызвал бурю возмущения. Уже из одних только политических соображений должен удерживаться большой плацдарм в Африке, поэтому отступление с позиции Гаср-эль-Брега исключено. Данные тогда Роммелю обещания своевременно подбросить ему подкрепления и снабдить войска всем необходимым впоследствии так и не были выполнены. Было невозможно обеспечить достаточное снабжение морским путем одновременно Туниса и Триполитании. События ближайших же недель оправдали господствовавший в Риме оптимизм лишь постольку, поскольку Монтгомери продвигался вперед очень медленно, причем это не затрагивало принципиального мнения Роммеля о возможностях дальнейшего ведения военных действий. 20 ноября англичане вступили в Бенгази, пройдя за четырнадцать дней 850 км. Их армия была сильно растянута, а для ее снабжения они вынуждены были обходиться лишь одним прибрежным шоссе. Теперь им нужно было сначала подтянуть свои войска, а также развернуть по крайней мере отдельные части и организовать их снабжение.

Монтгомери, всегда действовавший планомерно и методично, также не хотел неосторожными действиями подставлять свои войска под удар все еще опасного противника. Без сильной поддержки авиации, переброска и снабжение которой требовали напряженной работы транспортных частей, он считал преследование невозможным. Поэтому перед позицией Гаср-эль-Брега была снова сделана остановка на несколько недель. Снабжение через Триполи несколько увеличило силу сопротивления армии Роммеля. Монтгомери выдвинул вперед только три дивизии: трудности с подвозом не позволяли пока использовать большие силы. Он решил двумя дивизиями наступать фронтально, а одной танковой дивизией предпринять глубокий обход. 11 декабря английская авиация приступила к бомбардировке позиций итало-немецких войск; наступление наземных войск предполагалось начать 14 декабря. Роммель своевременно разгадал приготовления англичан к наступлению и уже в ночь с 6 на 7 декабря начал отводить малоподвижные итальянские пехотные дивизии на позиции у Буэрат-эль-Хсуна в юго-западном углу залива Сидра. Когда англичане в ночь с 11 на 12 декабря стали бомбить позиции у Гаср-эль-Брега, Роммель приказал и моторизованным частям отойти, так что удар английской авиации пришелся по пустому месту. В последующие дни все же сказался начатый войсками противника обход этой позиции в сочетании с фронтальными атаками. Завязались ожесточенные бои, и немецкие арьергардные части избежали окружения только благодаря удачно проведенной контратаке.

Опять наступила длительная пауза, прежде чем английская армия развернулась перед позицией у Буэрат-эль-Хсуна и подготовила ее обход; снова Роммель получил из Рима приказ удерживать эту последнюю позицию перед Триполи до последней возможности. Только когда он поставил ультимативное требование, что в таком случае итальянскому верховному командованию придется смириться с уничтожением итальянских пехотных дивизий, в начале января был получен приказ об отходе. 18 января англичане начали наступление, и немецкие арьергарды своевременно отступили. После совсем короткой задержки на позиции, которая находилась в 100 км восточнее Триполи и была немедленно обойдена англичанами, Роммель бросил столицу итальянской колонии на произвол судьбы. 23 января она была занята англичанами. Англичане говорят, что перед самым Триполи их запасы пришли к концу, так что

они вынуждены были или немедленно использовать порт Триполи или отступить. Так как вход в порт преграждал только один потопленный корабль, то через пять дней после захвата в него уже могли заходить мелкие суда, так что англичане теперь были свободны от всяких забот.

С потерей Триполи итальянцы лишились последней части своей колониальной империи в Северной и Восточной Африке, которую они с большой любовью и ценой тяжелых материальных жертв создавали в течение полувека. Это был серьезный удар для итальянского народа, три года лелеявшего надежды получить Ниццу, Корсику и Тунис. Сомнения в целесообразности войны росли, потому что теперь она уже стучалась в ворота родины.

Англичане могли гордиться своей победой. Целых два года в ожесточенной и упорной борьбе они удерживали свои позиции на Средиземном море, и хотя временно и потеряли господство на море и в воздухе, но не отступили. Теперь они, наконец, сами перешли в наступление и в самом ближайшем времени должны были начать в Тунисе совместные действия с американскими войсками Эйзенхауэра. Несмотря на все старания Роммеля, пробил последний час немецкого Африканского корпуса.

Высадка десанта в Марокко и Алжире

Прошел почти год с момента вступления Соединенных Штатов в войну, пока американские вооруженные силы смогли принять участие в операциях в районе Средиземного моря. Путь к этой цели был долгим и трудным. Когда в декабре 1941 г. японцы нанесли мощный и неожиданный удар, американцы уже начали мобилизацию людских резервов и техники, но были еще очень далеки от того, чтобы иметь возможность бросить в бой многочисленные и хорошо оснащенные и обученные соединения. Небольшое количество имевшихся в их распоряжении войск требовалось немедленно использовать на Дальнем Востоке, чтобы помешать безграничному расширению Японии. Главное заключалось в том, чтобы не дать Японии приблизиться к Австралии и Индии. (Карта 3, стр. 150)

Несмотря на неотложные заботы о настоящем, думали и об общем плане ведения войны. Чтобы получить ясность в этом вопросе, Черчилль с 22 по 26 декабря 1941 г. вел переговоры в Вашингтоне. Конференция, на которой участвовали также его военные советник и, привела к двум решающим результатам.

Для координации совместных военных усилий был создан штаб, который имел свою резиденцию в Вашингтоне. В этот орган входили постоянные представители главных штабов всех трех видов английских вооруженных сил; во главе стоял начальник американского генерального штаба Маршалл. С самого начала стремились максимально уменьшить трения, связанные с ведением коалиционной войны, слишком хорошо знакомые обоим партнерам по первой мировой войне. Несомненно, в военном отношении этого удалось достигнуть почти полностью {35}.

Главной целью войны было поражение обеих европейских держав оси. Против Японии американцы хотели бросить ровно столько сил, сколько требовалось для того, чтобы сначала задержать продвижение японских войск, а позднее захватить выгодные исходные позиции с целью добиться окончательного поражения Японии.

Причины такого решения были ясны. Вооруженные силы трех союзников, к которым относился и Советский Союз, могли совместно действовать только против Германии и Италии. Если бы Соединенные Штаты сосредоточили главные усилия на борьбе с Японией, это означало бы не только раскол сил, но и опасность того, что предоставленные самим себе Англия и Советский Союз тем временем потерпят поражение в Европе.

Но было легче принять решение, чем быстро его осуществить. Тоннаж торгового флота был крайне ограничен. Для снабжения Британских островов ежегодно требовалось 20-25 млн. *брт.* Русским нужно было все в большей степени посылать через Северный Ледовитый океан и Иран оружие, автомашины и снаряжение. В Австралии было необходимо создать базу для обороны и для последующего наступления на Японию. Потребовались годы, пока войска стали достаточно сильными, чтобы осуществить вторжение в Европу. В феврале 1942 г. нехватка тоннажа стала настолько велика, что предложение отправить в Египет американскую бронетанковую дивизию не осуществили уже по одной той причине, что эти войска не на чем было перебросить. Борьба немецких подводных лодок и надводных кораблей на морских коммуникациях в Атлантике достигла в то время кульминационной точки. Каждый месяц гибло

большое количество судов, в том числе особенно нужные танкеры. Временами из-за действий подводных лодок прекращалось сообщение между портами Северной и Южной Америки.

Мысль о строительстве специальных десантных судов – необходимых вспомогательных средств для высадки десанта – возникла лишь в феврале 1942 г.

Весной 1942 г. американцам теоретически уже была ясна форма запланированного вторжения в Европу. Они с самого начала стремились к высадке во Франции. Британские острова могли служить достаточно широким плацдармом для сосредоточения войск и последующего полного развертывания вооруженных сил обоих союзников. Туда вел кратчайший путь от восточного побережья Америки, там имелась густая сеть хорошо укрепленных и мощных портов, необходимых для выгрузки прибывающего из-за океана огромного количества живой силы и техники. Далее, поскольку каждый конвой, идущий в Англию, должен был охраняться воздушными и морскими силами, эта организация обороны одновременно могла принести пользу и военным транспортам американцев. В случае наступления на Германию из Северной Африки, которому вначале также придавалось серьезное значение, американцы лишались большей части этих преимуществ; кроме того, в ходе наступления требовалось преодолеть Альпы.

Многие с глубоким сомнением относились к плану высадки во Франции и задавали вопрос, возможно ли будет вообще высадить десант во Франции, учитывая немецкие оборонительные сооружения на французском побережье, многочисленные и сильные базы подводных лодок и немецкой авиации, тем более, что немцы имели в своем распоряжении для укрепления побережья несколько лет? Не было недостатка в людях, которые считали такое предприятие безумием, равносильным самоубийству. Однако военные руководители в американском генеральном штабе во главе с их начальником, генералом Маршаллом, стояли твердо на той точке зрения, что если создать подавляющее превосходство в воздухе, устранить угрозу со стороны немецких подводных лодок, использовать сильный флот обеих морских держав и провести тщательную техническую подготовку, то такая операция будет иметь все шансы на успех. В апреле 1942 г. англичанам был предложен план, который они в основном одобрили, несмотря на многие опасения военного и политического характера, появлявшиеся у них в дальнейшем довольно часто. Но все это пока оставалось только планом и, как вскоре выяснилось, не могло быть осуществлено до весны 1944 г.

Между тем наступил июнь 1942 г. и положение русских, казалось, стало в высшей степени опасным. Их настойчивые требования об открытии второго фронта усиливались изо дня в день и встретили живой отклик в англо-саксонской прессе, которая не могла понять, почему военное командование оставалось совершенно бездейственным. В это время генерал Эйзенхауэр, который до сих пор был начальником оперативного управления американского генерального штаба, стал верховным главнокомандующим американскими вооруженными силами в Европе. Когда он прибыл в Лондон, в Северной Ирландии находилась одна пехотная и одна танковая американские дивизии, а также небольшие авиационные подразделения. Обучение обоих соединений еще не было закончено, так что о вторжении в Европу в скором времени не приходилось и думать. Однако Рузвельт считал, что если американцы в 1942 г. не предпримут никаких решительных действий, то это тяжело отразится как на положении на русском фронте, так и на мировом общественном мнении. Поэтому он дал указание начальнику генерального штаба при любых обстоятельствах еще в 1942 г. начать наземные операции в районе Европы. Имелись три возможности: усилить английскую армию в Египте, высадить десант в Северо-Западной Африке и создать плацдарм во Франции. Египет был исключен, так как переброска войск и грузов вокруг Южной Африки потребовала бы слишком много времени и транспортных судов. Высадка десанта во Франции представлялась американскому командованию очень заманчивой операцией. Американцы оставались верными своему первоначальному плану и не давали сбить себя политическими соображениями на неверный путь. Однако проверка осуществимости высадки для создания плацдарма в Бретани или на полуострове Котантен привела к выводу, что риск был слишком большим. Небольшой радиус действия еще не позволял истребителям, базирующимся на английские аэродромы, поддерживать десантную операцию в Северной Франции. Таким образом, оставалась только высадка десанта в Северной Африке, которая 25 июля и была одобрена Рузвельтом.

Ее осуществление было связано с немалыми трудностями и сомнениями. Все предыдущие расчеты и выводы касались высадки на ограниченном участке побережья Франции; его можно было достигнуть одним коротким прыжком через пролив. Эта же операция была связана с длительным переходом через океан, в глубинах которого таились вражеские подводные лодки, и должна была проводиться на обширной территории, где прежде велись лишь небольшие колониальные войны. На первом этапе поддержка с воздуха, поскольку не имелось достаточного количества авианосцев, должна была осуществляться главным образом с Гибралтара, на аэродроме которого с испанской территории можно было сосчитать все самолеты. Для десанта были подготовлены только несколько дивизий. Поэтому сначала ставились очень ограниченные задачи: воспретить державам оси использование Французской Северной Африки в качестве базы подводных лодок и авиации (впрочем, весьма сомнительный предлог для захвата), облегчить положение Мальты и в случае благоприятной обстановки быстро захватить побережье Северной Африки во взаимодействии с 8-й английской армией, которая еще стояла у Эль-Аламейна. Радиус действия самолетов, базирующихся на Гибралтар, ограничивал выбор районов первых высадок. Бизерта и Тунис исключались, так как английский флот опасался слишком тяжелых потерь от авиации противника; из восточных портов можно было говорить об Ороне и Алжире. Представлялось целесообразным высадить десант в Касабланке, чтобы немедленно оказать сильный нажим на Испанию и на марокканские племена и во всяком случае закрепиться в Африке. В общем, полной уверенности в успехе десантной операции на Средиземном море не было. Полагали, что немцы могут предпринять решительные действия против Гибралтара, и даже считали возможным при известных обстоятельствах преграждение Гибралтарского пролива. Самым ранним сроком этой операции, для которой требовалось собрать большой транспортный флот, занятый выполнением различных задач, была поздняя осень.

Поведение 200-тысячной французской армии в Северной Африке и все еще значительных морских сил в североафриканских портах приобретало решающее значение. Ни здесь, ни во Франции не были забыты Оран, Дакар и Сирия. Поэтому операция была подготовлена так, как будто бы дело шло о высадке исключительно американских войск. Англичане по возможности должны были предпринять высадку лишь тогда, когда выяснится позиция французов. Однако совершенно обойтись без содействия английского флота было нельзя. Поэтому, чтобы лишний раз не задеть самолюбия правительства Петена, де Голль не был привлечен к этим планам и даже не был посвящен в них. Напротив, американец Мэрфи, который с 1940 г. находился в Северной Африке в качестве дипломатического представителя США, установил связь с некоторыми видными французскими генералами и представил важные данные относительно численности, морального духа и предположительного сопротивления французских вооруженных сил в Северной Африке. Очень надежным для Виши был французский генеральный резидент в Марокко генерал Ноге. На основании переговоров со своими доверенными лицами – французами – Мэрфи предложил сразу же после высадки десанта направить генерала Жиро, бежавшего из немецкого плена и находившегося на неоккупированной территории Франции, в Северную Африку, так как считалось, что он пользуется среди французских войск очень большим влиянием.

В одном из своих отчетов Маршаллу Эйзенхауэр писал, что французские вооруженные силы в Африке, располагающие 500 самолетами и 14 слабыми, скудно оснащенными, но зато хорошо обученными дивизиями с опытным командным составом, вполне могут воспрепятствовать высадке, если только они не будут политически разложены и не станут оказывать лишь видимость сопротивления. Позиция Испании его беспокоила меньше, хотя, конечно, немцы могли своевременно разгадать угрожающую им опасность и вступить в страну. Чтобы этого не случилось, английская разведка с успехом распространяла слухи о том, что англичане в ближайшем будущем предполагают отправить конвой из Гибралтара на Мальту и для этой цели сосредоточили крупные силы авиации в Гибралтаре. Представляется весьма сомнительной готовность Франко в то время открыть немецким войскам свои границы, не говоря уже о том, что положение на Восточном фронте становилось все более напряженным и у немцев почти не было войск и авиации для предупредительных мероприятий. Ведь Роммель еще в сентябре тщетно просил прислать подкрепления для усиления немецко-итальянских

позиций в восточной части Средиземного моря и для действий против Мальты.

9 сентября было решено назначить высадку в Северной Африке на 8 ноября. Когда Эйзенхауэр 5 ноября прибыл на свой временный командный пункт в Гибралтаре, флот, состоявший из 110 транспортов и свыше 200 военных кораблей, уже несколько дней находился в пути из портов Соединенных Штатов и Англии. 28 транспортов, на борту которых находились 37 тыс. превосходно оснащенных американцев, отплыли 23 и 24 октября из Чесапикского залива на восточном побережье Соединенных Штатов, суда с 49 тыс. американцев и 23 тыс. англичан 27 октября вышли из устья реки Клайд в Шотландии. На гибралтарском аэродроме было сосредоточено столько истребителей и бомбардировщиков, сколько он смог принять. Можно ли скрыть от противника такие огромные силы и удастся ли благополучно доставить большое количество судов через океан? И как будут держать себя французы?

Для американского главнокомандующего, руководившего пока еще единственной в своем роде операцией, которая по своему размаху, если не по смелости, оставила далеко позади высадку немецких войск в Норвегии, это были дни, полные напряженного ожидания. Сообщения о погоде были неблагоприятными, что могло особенно тяжело отразиться на высадке десанта в Касабланке со стороны открытого океана.

Утром 8 ноября далеко не отлично работавшая радиосвязь принесла первые сообщения о высадке десанта. По обе стороны Алжира, где высаживались части двух американских дивизий, французские войска почти не оказывали сопротивления. В 8 часов аэродром, быстрый захват которого имел решающее значение, находился в руках американцев. Но когда два английских эскадренных миноносца попытались проникнуть в порт, обороняемый французским флотом, по ним открыли огонь. Один эсминец затонул. Батареи на восточном берегу бухты обстреливали каждое приближающееся судно англичан, и их пришлось подавить огнем с крейсера. Временно выгрузка в порту была невозможна. Из Орана, где высаживались одна американская дивизия и части бронетанковой дивизии, пришли сообщения о сопротивлении с суши, но особенно со стороны действовавших там частей французского военно-морского флота. Два американских десантных катера были уничтожены. Из Касабланки сообщений пока не поступало.

Было еще не ясно, как закончится операция. Прежде всего следовало поколебать моральный дух французов. Официальное заявление американцев о том, что они якобы вынуждены предупредить германо-итальянское вторжение в Северную Африку, так как в случае его удачи создастся непосредственная угроза Америке вследствие сравнительно небольшого расстояния между Западной Африкой и американским континентом, было шито белыми нитками. Аргумент, что теперь создан эффективный второй фронт для поддержки героически борющихся союзников в России, также звучал не слишком убедительно для французов, которые, за немногим исключением, твердо держались за Петена, видели в наступлении еще один акт насилия, опасались за свой авторитет в Северной Африке и не испытывали никакого энтузиазма от того, что им представлялась возможность снова оказаться втянутыми в войну. Поэтому они вопреки всем ожиданиям американцев не перешли с развевающимися знаменами на сторону западных держав. Жиро, прилетевший из Гибралтара в Алжир, встретил холодный прием.

Дальнейшее осложнение (хотя в конечном счете оно привело даже к улучшению отношений между американцами и французами) возникло оттого, что адмирал Дарлан, главнокомандующий французскими вооруженными силами и заместитель Петена, находился уже в течение нескольких дней в Алжире по личным делам. Когда накануне высадки один из посвященных в тайну французских генералов проинформировал его о предстоящей операции, Дарлан немедленно передал Петену предложение не оказывать сопротивления десанту, а на следующее утро, поскольку никакого ответа он не получил, приказал прекратить бой. Этот приказ Дарлана частично оказал свое влияние на действия французских частей в Алжире и Ороне, которые и без того находились под командованием сочувственно относившихся к союзникам и посвященных в тайну высадки генералов. Но моряки и войска в Марокко продолжали сопротивление.

Пока американцы, несмотря на принадлежность Дарлана к правительству Виши, вели с ним переговоры о том, чтобы с его помощью окончательно сломить сопротивление французов, бои в некоторых местах продолжались. В порту Алжир обороняемые моряками форты

оказывали сопротивление до вечера 8 ноября, в районе Орана бои прекратились лишь 10 ноября. С наибольшим ожесточением французы оборонялись перед Касабланкой. Американские самолеты были сбиты французскими истребителями, современный линкор «Жан Барт» вел бои до тех пор, пока не был потоплен американскими бомбардировщиками. Высадка десанта, предпринятая в стороне от Касабланки, в трех местах прошла успешно, но в двух местах также встретила упорное сопротивление.

Резкие контрприказы Петена, которые, правда, давались им больше для сохранения своего лица перед Германией, опять вселили колебания в Дарлана, и лишь 13 ноября было достигнуто окончательное соглашение с американцами. Дарлан, указав на то, что немцы вторглись в неоккупированную часть Франции и что поэтому Петен уже не является хозяином своих решений, дал от его имени приказ прекратить всякое сопротивление. Теперь офицеры и чиновники в Северной Африке, до этого отрицательно настроенные по отношению к союзникам, почувствовали себя свободными от присяги в верности правительству Петена. По соглашению с американцами Дарлан стал главой французской администрации, Жиро – главнокомандующим всеми французскими вооруженными силами в Северной Африке.

Пока продолжались переговоры с французами и бои в Марокко, были уже приняты необходимые меры, чтобы как можно скорее начать продвижение в восточном направлении. Англичане, высадившиеся в Алжире, стояли в 700 км от Бизерты и от Туниса. Нужно было спешить изо всех сил, если они хотели взять эти порты раньше, чем там высадятся войска держав оси; последние, конечно, сделают все, чтобы их удержать. На широкую десантную операцию западные державы не могли решиться, потому что они боялись посылать конвой, считая авиацию противника в Сицилии и Южной Италии еще слишком сильной. Оставалось только одно: всеми силами, какие только имелись в распоряжении, как можно скорее и дальше продвигаться по суше и по морю вдоль побережья в надежде достичь Бизерты и Туниса прежде, чем они будут захвачены противником. Необходимо было использовать также воздушные десанты, 1-я английская армия имела для выполнения этой задачи одну дивизию и парашютные войска. Она немедленно отправила по морю небольшие части, которые вместе с воздушным десантом 11 ноября захватили Бужи, на следующий день Бон и находящиеся в этом районе аэродромы. Из-за недостаточного количества моторизованных транспортных средств и незначительной пропускной способности идущего вдоль побережья шоссе Алжир-Тунис нельзя было немедленно начать наступление крупными силами. Все же брошенные вперед войска и парашютные части до 25 ноября заняли район, который на юге простирался до Фондука, а на севере включал населенные пункты Меджез-эль-Баб и Табарка.

В связи с этим в руки союзников попало еще несколько французских аэродромов. Когда головные части англичан 28 ноября продвинулись до Джедейды и Матёра, они встретили превосходящие силы противника, который их немедленно атаковал и после ожесточенных боев отбросил на запад.

Для держав оси высадка войск западных держав во Французской Северной Африке была неожиданностью. Правда, они с некоторого времени считались с возможностью подобной операции англичан и американцев. Они знали, что американцы уже отправили крупные сухопутные и воздушные силы в Англию, и следовало ожидать, что западные державы не дадут бездействовать этим силам. Но о месте готовящейся высадки они не могли получить точных данных. Из многочисленных источников поступали сведения о самых разнообразных планах и различных датах. Судя по этим данным, западные державы могли высадиться как в Северной Норвегии, так и в Ливии, Сардинии, Корсике, Сицилии и, наконец, даже в Итальянской или Французской Северной Африке. Слухи, несомненно, сознательно и очень искусно [386 – Схема 33] распространявшиеся западными державами, еще более усиливали неуверенность. Наиболее вероятной все же казалась высадка в итальянской части Средиземного моря, будь то в Африке, где высадившийся десант мог взаимодействовать с наступавшими войсками Монтгомери, или на одном из расположенных перед Италией островов. На эту возможность и были рассчитаны оборонительные мероприятия на море. Немецкая авиация и без того базировалась в этом районе.

Первое донесение, непосредственно указывавшее на предстоящую высадку, было получено от одного самолета-разведчика: 6 ноября он обнаружил, что количество идущих к

Гибралтару судов непрерывно растет. У итальянцев сразу же возникло подозрение, что предполагается высадка десанта в Северной Африке. В отношении поведения французов они не питали никаких иллюзий. Их первой мыслью было захватить Корсику, в случае если французы присоединятся к другой стороне – для высадки десанта в Тунисе они считали себя слишком слабыми. Наоборот, Гитлер и Геринг, введенные в заблуждение широкими мероприятиями западных держав по оперативной маскировке, были убеждены в том, что транспорты с войсками шли в порты Дерна или Триполи, а может быть, даже на Сардинию или Корсику. Кессельринг, находившийся в Риме, был скорее склонен к мнению итальянцев и выразил его в телефонном разговоре Герингу, который все-таки исключал всякую возможность высадки в Северной Африке. Он приказал атаковать конвой всеми имеющимися силами, как только тот окажется в радиусе действия немецких и итальянских самолетов, и ожидал, что решающий успех окажет очень благоприятное воздействие и изгладит неприятное впечатление от Эль-Аламейна. Кессельринг в пламенном обращении к летчикам должен был указать на исторический час и призвать их к крайнему самопожертвованию. Германским военно-воздушным силам нужно было выдающимися действиями возродить свою былую славу.

Когда 8 ноября пришли первые сообщения о высадке десанта в Африке, такой оборот событий совершенно всех ошеломил. Все еще питали надежду на то, что французы отобьют нападение. Дарлан, невидимому для своей маскировки, затребовал помощи из Алжира. Сообщалось, что французский флот в Тулоне готов к выходу в море. В этих обстоятельствах Гитлер и Муссолини были даже готовы заключить союз с Францией. Однако в ближайшие дни все надежды лопнули. В перехваченном воззвании Жиро говорилось о намерении немцев и итальянцев захватить Французскую Северную Африку; Жиро призвал французские войска перейти на сторону высадившихся американцев, оказать ему доверие и под его командованием завоевать для Франции победу. Следовало рассчитывать на то, что сопротивление, о котором сообщали из отдельных мест, например из Касабланки, будет сломлено в короткий срок. Уже не было никакого сомнения в том, что высадка десанта в Алжире и Орне прошла успешно. Виши хотя и протестовало, но довольно сдержанно и даже, ссылаясь на итальянские притязания на Тунис, выразило опасения относительно использования итальянских войск в этом районе.

Второй фронт был открыт{36}. Нужно было быстро действовать. 10 ноября Гитлер приказал перебросить немецкие войска по морю и по воздуху в Тунис, чтобы создать там плацдарм. Принимая во внимание позицию французов, участие итальянцев считали пока неподходящим. Но они не дали себя исключить и, кроме того, решили захватить Корсику. Уже в тот же день воздушным путем прибыли в Тунис первые немецкие соединения, а двумя днями позже – первый немецко-итальянский конвой. Местный французский гарнизон занял выжидательную позицию. Войска отошли на запад, важный порт Бизерта в начале декабря после немецкого ультиматума был сдан французским комендантом без боя. В течение ноября соединения, командование которыми 15 ноября принял генерал Неринг, настолько усилились, что растянулись на юг до Габеса и Сфакса и к началу декабря отбросили англичан на Меджез-эль-Баб и Табарка. По боевому опыту и выучке немецкие войска значительно превосходили своих американских, английских и французских противников, так что теперь им удалось на несколько месяцев сковать их активной обороной на рубеже Гафса, Фаид, Фондук, Табарка. Немецко-итальянские соединения, объединенные в 5-ю танковую армию, принял 8 декабря генерал-полковник фон Арним. Постепенно она выросла до двух немецких танковых, одной гренадерской моторизованной и двух пехотных дивизий, к которым еще прибавились три итальянские пехотные дивизии.

1–я английская армия, испытывавшая затруднения с подвозом, тщетно пыталась своими собственными, американскими и французскими силами сохранить инициативу. Непрерывные смелые и искусные удары немецких войск и действия еще достаточно сильной немецко-итальянской авиации причиняли западным союзникам настолько серьезные потери, что у английского главнокомандующего даже возникла мысль отойти от противника. Эйзенхауэр энергично выступил против всякого добровольного оставления захваченной территории и даже назначил на 24 декабря наступление, от которого, однако, пришлось отказаться, так как после дождей почва была размыта, что почти совершенно исключало всякое движение вне дорог. Войска западных держав не достигли своей цели и вынуждены были

перейти к обороне.

Ввиду все еще очень плохого положения со снабжением американские корпус очень медленно продвигался вперед и был введен на южном участке фронта между городами Гафса и Фондук. Французские соединения, сформированные из частей, находившихся в Северной Африке, располагались на центральном участке. Они лишь с трудом могли выдерживать частые немецкие атаки и несли тяжелые потери. Неоднократные тяжелые кризисы на фронте устранялись только благодаря срочной помощи англичан и американцев.

Последние бои в Тунисе

Когда наступил конец января и 8-я английская армия захватила Триполи, операции армий Монтгомери и Эйзенхауэра стали проводиться в тесном взаимодействии. Генерал Александер, бывший до сих пор главнокомандующим английскими вооруженными силами на Ближнем Востоке, принял командование всеми сухопутными соединениями союзников, находившимися в Северной Африке. Ему подчинялась теперь 8-я английская армия, которая уже собиралась перейти ливийско-туниССкую границу, и 1-я английская армия в Тунисе.

У итало-немецких войск не было такой простой и удобной организации командования. С тех пор как Роммель перестал одерживать победы, он потерял авторитет и не мог в решающие моменты настоять на своем перед формально существовавшим итальянским верховным командованием. Последнему подчинялись обе армии, действовавшие в Тунисе. Поскольку в них основную ударную силу представляли все-таки немецкие соединения, немецкое влияние, источником которого в Риме являлся Кессельринг, а в Восточной Пруссии – Гитлер и германское верховное командование, было, естественно, велико. И в Риме, и в «волчьем окопе»^{37} считали, что нужно удерживать Тунис как плацдарм для будущего контрнаступления. Практическое осуществление этого плана, если оно вообще было возможно, существенно затруднялось наличием двух не подчиненных друг другу командующих немецкими армиями в Северной Африке, а также советами, приказами и вмешательством из Рима и из «волчьего окопа».

Армия Роммеля, усиленная тремя новыми итальянскими пехотными дивизиями и до некоторой степени пополнившая свои собственные испытанные дивизии, нашла, наконец, возможность снова остановить преследующие ее войска Монтгомери на линии Марет. Последняя представляла собой сильную, но уже несколько лет не укреплявшуюся и потому несколько заброшенную позицию. Французы создали ее до войны для защиты своей южной туниССкой границы. Она имела длину только 35 км, на северо-востоке надежно примыкала к морю, а на юго-западе – к горам Ксур высотой до 800 м, непроходимым для колесных машин. Перед фронтом высохшее русло реки Вади Зигзау с эскарпированными берегами являлось хорошим противотанковым препятствием, прикрытым огнем бетонированных огневых точек. Чтобы обойти эту позицию, надо совершить глубокий заход через пустыню. Пока не подтянулась армия Монтгомери и, возможно, еще не начала обход, линии Марет никакая опасность с юга не угрожала. Напротив, коммуникации итало-немецкой армии проходили через слабо обороняемый район восточнее позиций американских войск к Тунису, находящемуся на расстоянии 400 км от линии Марет, и могли быть легко перерезаны, как только южный фланг 1-й английской армии почувствует себя достаточно сильным, чтобы перейти в наступление. По этой причине, но главным образом для того, чтобы нанести противнику на севере тяжелый, по возможности сокрушительный удар, прежде чем Монтгомери может стать опасным, Роммель предпринял наступление против правофлангового американского корпуса 1-й английской армии. Для этого наступления были привлечены испытанная 21-я танковая дивизия, которая сначала января находилась в Тунисе, и высадившаяся в порту Тунис 10-я танковая дивизия. Нанося главный удар в районе Фаид и ведя отвлекающее наступление в районе Фондук, которое американцы вначале приняли за главный удар, немецкие войска 14 февраля в районе Фаид прорвали американскую оборону. Немецкие танки глубоко вклинились в расположение американцев и во взаимодействии с наступавшими через Гафсу другими частями Африканского корпуса разгромили американскую бронетанковую дивизию. Развивая достигнутый успех, Роммель прорвался через Кассеринский перевал, чтобы повернуть на север и смять 1-ю английскую армию ударом с юга. Его первоначальный план зайти глубоко в тыл противнику не был одобрен в Риме. Но даже в несколько ослабленной форме этот удар вызвал большое

замешательство во вражеском лагере. Генерал Александер вынужден был лично вмешаться, чтобы остановить не имевшие еще боевого опыта дивизии союзников. Постепенно он смог бросить навстречу наступающим немцам такие большие силы, что через десять дней Роммель принужден был отказаться от дальнейшей борьбы и отвести свои войска за Кассеринский перевал. Американский корпус понес тяжелые потери: 192 человека убитыми, 1024 ранеными и 2450 пленными. Американское командование не могло не признать, что их соединения далеко уступают испытанному в боях противнику.

Но и немцы не могли быть довольны результатами боев. Теперь, наконец, в Тунисе был создан ясный порядок подчиненности, отсутствие которого наряду с вмешательством из Рима следовало считать причиной неудовлетворительного исхода последних боевых действий. 23 февраля была создана группа армий «Африка», во главе которой стал Роммель. Командование итало-немецкой группировкой на линии Марет принял вместо него итальянский маршал Мессе, очень энергичный командир, отличившийся еще в 1941 – 1942 гг. в России.

Угроза коммуникациям этой 1-й итальянской армии была временно устранена продвижением к Кассерину. Но всей группе армий угрожала опасность до тех пор, пока не удастся нанести сокрушительного удара по одной из двух армий противника. Поскольку попытка на севере не удалась, Роммель решил разгромить 8-ю английскую армию. Монтгомери потратил много времени, чтобы перебросить крупные силы своей армии через ливийско-тунисскую границу к линии Марет. Организация материального обеспечения войск все еще не отвечала его высоким требованиям. Кроме того, без абсолютного господства в воздухе он не хотел начинать наступления, а для этого нужно было восстановить разрушенные войсками оси аэродромы Западной Триполитании. В ходе предшествующих боевых действий английская армия потеряла более чем две трети своих танков, достаточное же пополнение не могло прибыть раньше середины марта. Поэтому Монтгомери решил предпринять наступление на линию Марет, которую он считал довольно сильной, лишь в конце марта.

Однако во второй половине февраля на южном фланге 1-й английской армии произошли события, заставившие его ускорить выдвижение главных сил своей армии на линию Марет. 20 февраля положение войск южного фланга 1-й английской армии стало настолько угрожающим, что Монтгомери получил приказ немедленно начать наступление на линию Марет, чтобы сковать силы противника. В результате этого наступления немецкие войска, оборонявшиеся еще перед линией Марет, были отброшены на этот рубеж.

Энергия, с которой действовал Роммель, и положение его войск позволяли заключить, что следующий удар будет нанесен по 8-й армии. Поэтому Монтгомери со всей поспешностью подтянул еще две дивизии, в том числе одну танковую, и теперь, имея 400 танков, был достаточно силен, чтобы выдержать наступление противника. 6 марта войска Роммеля нанесли удар во фланг английским войскам. Первоначально наступление развивалось успешно, но потом встретило такую сильную противотанковую оборону, что было остановлено и затем в тот же день совершенно прекращено. После этой неудачи у Роммеля уже не было сомнения в том, что если армии в Тунисе не будут своевременно эвакуированы, войскам не избежать уничтожения или плена. Исходя из этих соображений, Роммель решил лично добиться от Гитлера приказа на оставление плацдарма. Однако Гитлер такого приказа не дал и даже не разрешил Роммелю возвратиться в Африку, где он хотел разделить участь любимой армии. Вместо этого ему посоветовали восстановить свое здоровье, чтобы во время планируемой операции против Касабланки он смог опять взять на себя командование в Африке. Очевидно, Гитлер совсем не понимал того, что дни итало-немецких войск в Тунисе были уже сочтены.

Прошло еще две недели, пока английская 8-я армия собрала все свои силы. Затем Монтгомери перешел в наступление. Одновременно американцы должны были в районе севернее Шотт-эль-Феджедж прорвать слабую оборону немцев в направлении Гафса, Сфакс. 8-я армия хотела сковать силы противника с фронта, чтобы глубоким обходом на Габес отрезать им пути к отступлению. После первых боев на северном фланге линии Марет 16 марта, когда немцы успешно контратаковали вклинившихся было англичан, последние в ночь с 19 на 20 марта начали фронтальное наступление. С большим трудом их ударные части преодолели широкое и глубокое русло Вади Зигзау – мощное противотанковое препятствие. 20 и 21 марта они расширили вклинение при поддержке авиации, но им не удалось доставить через

противотанковое препятствие танки или противотанковую артиллерию. 22 марта немцы предприняли сильную контратаку, которой благоприятствовала дождливая погода, исключившая вмешательство английской авиации, и добились полного успеха. Положение было почти полностью восстановлено. Между тем новозеландская дивизия, начавшая обход, встретила на отсечной позиции между Джебель-Табага и Джебель-Мелаб такое сильное сопротивление, что вынуждена была прекратить продвижение. Тогда Монтгомери решил ввести еще одну танковую дивизию против отсечной позиции и атаками сковывать противника на линии Марет до тех пор, пока не будет прорвана отсечная позиция, войска выйдут к Габесу и отрежут пути отхода обороняющимся. Эта опасность была своевременно разгадана командующим 1-й итальянской армией маршалом Мессе. Он снял с фронта одну немецкую дивизию и танковые части и усилил ими отсечную позицию. 26 марта английская бронетанковая дивизия после трудного марша через пустыню подошла к отсечной позиции. Во второй половине того же дня началось наступление, которое в последующую ночь закончилось прорывом англичан и поставило 1-го итальянскую армию в безвыходное положение. С линии Марет были сняты еще части, войска на прорванной отсечной позиции отчаянно сопротивлялись, стремясь остановить дальнейшее продвижение англичан на Габес, так что последним пришлось приостановить наступление. На следующую ночь линия Марет была оставлена. С тяжелыми потерями в людях и технике армии удалось отступить за следующий рубеж у Вади Акарит севернее Габеса. Между тем севернее Шотт-эль-Феджедж слабые немецкие силы в крайне ожесточенных четырехдневных боях сумели отбить атаки, предпринятые сильно превосходящими американскими соединениями, и спасти тыл 1-й итальянской армии от смертельной опасности.

У новой позиции в районе Вади Акарит было два больших преимущества: она имела только 30 км по фронту и оба ее фланга были надежно обеспечены. При большой протяженности озера Шотт-эль-Феджедж на западном фланге можно было не опасаться обхода. Монтгомери совершенно правильно считал, что армия еще могла оказать на этой позиции очень сильное сопротивление. Поэтому английские войска начали штурм только после основательной подготовки.

Ночью 6 апреля, в 4 часа, они перешли в наступление. Обороняющиеся были в первый момент ошеломлены, но быстро оправались, и вскоре завязались ожесточенные бои, которые шли с переменным успехом. В полдень Монтгомери решил использовать для прорыва танки, но прорыв не удался, 1-я итальянская армия, в свою очередь, не могла уже думать об успешном продолжении сопротивления на этом рубеже. Силы немецких соединений слабели, а число добровольно сдававшихся в плен итальянцев непрерывно росло.

Кроме того, решающее воздействие оказало наступление американского корпуса, предпринятое с рубежа Гафса, Фондук на восток одновременно с наступлением Монтгомери на позиции Вади Акарит. В районе Фондук атака американцев была легко отбита, но в районе Гафса они продвинулись так далеко, что позицию Вади Акарит стало невозможно удерживать, и ее пришлось спешно оставить. 7 апреля головные части англичан и американцев встретились перед отходящими соединениями 1-й итальянской армии. Но действия американцев при атаках прохода Фондук и Гафсы опять были такими неудачными, что генерал Александер предложил отвести американцев в тыл и основательно их подучить. Произошел весьма досадный раздор среди союзников, который был усилен еще тем, что отрицательные отзывы немецких пленных о невысоких боевых качествах американцев, очевидно, охотно распространялись англичанами.

В судьбе группы армий «Африка» этот небольшой раздор среди союзников, конечно, ничего не мог изменить. Между тем их положение со снабжением заметно улучшилось, так что они теперь могли полностью использовать свое превосходство в живой силе и технике. Из Соединенных Штатов срочно было переброшено 5400 грузовых автомашин. Пропускная способность прибрежной автодороги увеличилась с 900 до 3000 т в сутки. Все порты северного побережья Африки, кроме Бизерты, могли использоваться для снабжения. Напротив, снабжение группы армий «Африка» почти прекратилось ввиду сильного превосходства авиации западных держав.

После потери позиции у Вади Акарит 1-я итальянская армия отошла в обширный открытый район, в котором она уже не могла держаться. Только спешное отступление еще

могло привести к ее объединению с 5-й танковой армией. 13 апреля южнее линии Пон-дю-Фахс. Анфидавилль передовые части 1-й итальянской армии подошли к частям 5-й танковой армии. Теперь итало-немецкие войска занимали плацдарм, который имел с севера на юг 130 км, а с запада на восток – 60 км. Северное крыло пришлось впоследствии отвести вплотную к Бизерте, когда 1-я английская армия 3 мая продвинулась до Матёра. На плацдарме, который прикрывала цепь гор, окружающая город Тунис, семь немецких и пять итальянских дивизий, сильно изнуренные предыдущими боями и непрерывными отходами, оставшиеся без всяких запасов и воздушной поддержки, начали борьбу за последний опорный пункт держав оси на африканском континенте. Против них действовали двадцать четыре полностью укомплектованные дивизии западных держав, обеспеченные всем необходимым. Авиация союзников имела подавляющее превосходство в воздухе. Несмотря на это общее превосходство, английский главнокомандующий счел необходимым произвести широкую перегруппировку своих сил, прежде чем он начал последнее наступление.

Полагая, что немецкая группа армий ожидает главный удар с юга, где располагалась закаленная в боях 8-я английская армия, Александер решил нанести главный удар в центре. Там он сосредоточил две английские бронетанковые и две пехотные дивизии. Американский корпус перебросили на левый фланг, где ему было бы нетрудно коротким ударом захватить Бизерту. Остальные части 8-й английской армии и французы должны были непрерывными атаками с юга сковать стоящие против них силы противника. 4 мая эта длительная перегруппировка была закончена. На следующий день на рассвете была проведена самая мощная за все время боевых действий в Африке авиационная подготовка. Немецкая оборона на направлении главного удара была подавлена.

Затем в 3 час. 30 мин. на очень узком фронте и при сильной поддержке массированной артиллерии начали наступление две английские дивизии. К середине дня они прорвали главную полосу обороны немецких войск. В прорыв были введены две бронетанковые дивизии, которые к вечеру достигли Туниса. Плацдарм был разрезан на две части. В то время как оборонявшимся в его северной части войскам отступать было некуда, находившиеся в южной части соединения попытались отойти на полуостров Бон в тщетной надежде найти на побережье суда и хотя бы частично спастись. Немецкие войска в районе Пон-дю-Фахс, Анфидавилль отбили все атаки противника.

7 мая американцы ворвались в Бизерту. На следующий день одна английская бронетанковая дивизия прорвала позиции немецких арьергардов в западной части полуострова Бон. Тщетно пытались спастись оттесненные сюда немцы и итальянцы.

Прошло еще четыре дня, пока было сломлено последнее сопротивление армий, расчлененных на отдельные группы. 12 мая бои прекратились. Было взято в плен свыше 250 тыс. человек, из них половину составляли немцы. Опять две армии со всей боевой техникой стали жертвой стратегии, которая не хотела признавать отхода в сочетании с активными действиями, предпочитала вести бесперспективную борьбу до полной сдачи безнадежных позиций и стремилась добиться выигрыша во времени даже там, где время не приносило никакой выгоды и только требовало огромных жертв.

Немецкий Африканский корпус и его английский противник в течение более двух лет по-рыцарски вели борьбу на африканском театре военных действий, что выгодно отличало этот театр от других в отношении борьбы как на фронте, так и в тылу. Когда авиация западных союзников в последние дни боев совершала непрерывные налеты на порт Тунис, это благородное ведение боев нашло еще последнее подтверждение. После радиограммы генерал-полковника фон Арнима авиация противника немедленно прекратила атаки против транспорта, имевшего на борту 600 пленных, и против немецко-итальянского госпитального судна. В благодарность за спасенных таким образом солдат союзников генерал Александер после окончания боев по желанию генерал-полковника фон Арнима отпустил на родину такое же количество немецких раненых на госпитальном судне.

Совершенно иным было отношение Эйзенхауэра к побежденному противнику. Ему было чуждо всякое уважение противника как человека и как солдата; для Эйзенхауэра немец являлся только олицетворением «злого заговора», я он не желал иметь с ним ничего общего. Он отказал в приеме немецкому командующему, заметив, что немецкими генералами интересуется только

его разведка.

Глава VIII. Борьба за подступы к Германии и Японии

1. Захват Сицилии

На конференции в Касабланке в январе 1943 г. было решено после захвата Северной Африки предпринять высадку в Сицилии. Принятию этого решения предшествовали резкие споры. Военные советники Рузвельта упорно настаивали на том, чтобы главный удар в Европе нанести по возможности скорее путем высадки во Франции. В любой другой операции они усматривали нежелательное отклонение от основной цели и сковывание сил, противоречившее их планам. Черчилль, напротив, утверждал, что раньше всего необходимо сделать безопасным морское сообщение через Средиземное море. Для этого, по его мнению, необходимо было сначала овладеть островами Пантеллерией и Сицилией. Соображения политического порядка, которых не могли не учитывать и сами американцы, также склоняли чашу весов в пользу данной операции. Было известно, что среди итальянского народа и его влиятельных кругов растет нежелание продолжать войну, и поэтому предполагалось, что захват Сицилии и угроза континентальной части страны дадут последний толчок низвержению Муссолини. Кроме того, осуществление решающей высадки во Франции по серьезным причинам технического характера раньше весны 1944 г. не представлялось возможным. Отказ же от продолжения войны в районе Средиземного моря дал бы странам оси передышку, и открытие второго фронта, которому русские придавали огромное значение, затянулось бы почти на целый год. А требовать, чтобы они еще в течение долгих месяцев одни несли бремя войны, было нельзя. Не последнюю роль в планах Черчилля играла и такая мысль (хотя он сам говорил о ней лишь намеками): вообще отказаться от вторжения во Францию и завершить войну путем нанесения новых ударов в Южной и Юго-Восточной Европе. Традиции английской средиземноморской логики и верное чутье подсказывали ему, что русских нужно держать по возможности дальше от Юго-Восточной Европы. Он, вероятно, рассчитывал, что высадка в Сицилии неизбежно выльется в ряд последующих операций в районе Юго-Восточной Европы.

С военной точки зрения высадка в Сицилии, если рассматривать ее в общем плане, была компромиссным решением, обусловленным соображениями политического характера. Операция по захвату континентальной части Италии, которую впоследствии все-таки провели, оказалась бы подготовленной гораздо больше, если бы союзники решились захватить Сардинию и Корсику. Эти острова явились бы в высшей степени удобными базами, с которых союзники смогли бы эффективно поддерживать военно-морскими и военно-воздушными силами высадку своих десантов на западном побережье Средней и Северной Италии. Немецкие и, возможно, итальянские войска пришлось бы распылить на широком пространстве, чтобы иметь возможность защищать довольно протяженное побережье; тем самым союзникам был бы облегчен захват полуострова юга, который в противном случае потребовал бы большой затраты времени и сил. Такое решение, однако, не было принято, так как высадка на острова Сардинию и Корсику могла быть поддержана лишь с авианосцев и, следовательно, по мнению союзников, недостаточно эффективно; главным же образом, пожалуй, потому, что расхождение в точках зрения американцев и англичан было гораздо глубже, чем это следует из их собственных признаний.

С момента окончания боев в Тунисе 12 мая до высадки союзников в Сицилии 10 июля прошло целых два месяца. Такой необычайно продолжительный срок может быть объяснен лишь чрезмерной осторожностью союзников. Дело в том, что быстрое, без достаточной подготовки нападение представлялось невозможным, так как обороноспособность острова оценивалась весьма высоко. Без предварительного полного подавления вражеской авиации союзники опасались больших потерь, прежде всего во флоте. Но даже в случае успешной высадки, если она не будет проведена на широком фронте и крупными силами, операция могла закончиться неудачно, хотя на острове находились всего две немецкие дивизии, а итальянцы

лишь в отдельных случаях были способны оказать упорное сопротивление.

Итак, нападение относительно небольшими силами снималось с повестки дня. Для крупной же десантной операции требовалась техническая подготовка, связанная с большой потерей времени. Разработка плана операции началась в феврале, однако его согласование встретило ряд трудностей и сильно затянулось. Очень предусмотрительный, если не сказать слишком осторожный Монтгомери в апреле категорически отклонил первоначальный план Эйзенхауэра высадиться одной английской армией в юго-восточной части Сицилии, а одной американской армией – на северо-западной оконечности этого острова. Монтгомери хотел иметь локтевую связь с американцами. В результате было решено предпринять высадку в юго-восточной части.

Затруднения чисто технического порядка, связанные с переброской по морю двух армий в составе первоначально семи дивизий и танковых [398 – Схема 34] частей, были также весьма значительными. Понадобилось большое количество транспортов для переброски войск. Одна только разработка планов погрузки представляла собой довольно сложную и трудоемкую работу, так как в Сицилии в гораздо большей степени, чем в Северной Африке, нужно было учитывать необходимость строгого порядка высадки снабженных всем необходимым войск, поскольку здесь приходилось иметь дело с подготовленным к обороне противником. Недоставало также и опыта проведения высадки на открытом побережье. Число транспортных средств было все еще ограничено. Пока не закончились бои в районе Туниса, оставалось неясным, какие части и соединения могли быть использованы без основательного пополнения. Весьма необходимой для осуществления этой новой задачи представлялась и основательная специальная подготовка войск. Чтобы наверняка располагать достаточно боеспособными частями, кроме дивизий в Тунисе, были подготовлены части в Соединенных Штатах, Англии и Египте, которые впоследствии были переброшены в Сицилию морским путем.

Союзники создали простую и удобную организацию командования. Главкомандующим всеми сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами стал генерал Эйзенхауэр. Его заместителем был английский генерал Александер, который возглавил сухопутные силы, состоявшие из 8-й английской армии под командованием Монтгомери и 7-й американской армии под командованием Паттона. Во главе объединенных военно-морских сил стал английский адмирал Каннингхэм, авиацией союзников командовал английский генерал Теддер – ярый сторонник жестокой, разрушительной воздушной войны.

План союзников предусматривал высадку 8-й английской армии 10 июля в районе между Сиракузами и южно-восточной оконечностью Сицилии. В первом эшелоне находились четыре дивизии. Воздушно-десантные части должны были накануне овладеть аэродромом в Сиракузах, а также захватить мост южнее Сиракуз, чтобы использовать его для продвижения высадившихся войск. Три пехотные дивизии и одно танковое соединение 7-й американской армии высаживались в заливе Джела у населенных пунктов Джела и Ликата. В этом районе воздушно-десантные войска должны были захватить аэродром севернее Джелы. Решающее значение придавалось скорейшему захвату всех имеющихся в Южной Сицилии аэродромов, с тем чтобы полностью парализовать авиацию противника и иметь возможность своевременно воздействовать своей авиацией на районы Мессины и Реджо-ди-Калабрия. После того как обе армии соединятся в районе Рагузы и будет создан общий плацдарм, союзники намеревались, продвигаясь по обе стороны Этны, как можно скорее осуществить захват восточной части острова. Справедливо считали, что гористый характер острова очень сильно затруднит быстрое продвижение войск, потому что моторизованные соединения вынуждены будут передвигаться только по немногочисленным узким и извилистым горным дорогам. Для осуществления и поддержки высадки союзники сосредоточили 280 военных кораблей, 320 торговых судов, 900 крупных и 1225 мелких десантных судов. 3680 истребителей и бомбардировщиков должны были прикрыть район высадки с воздуха и поддерживать проведение операции.

В качестве особого мероприятия, которое должно было предшествовать началу основной операции, предусматривался захват острова Пантеллерии. Этот небольшой скалистый остров, запирающий Сицилийский пролив, был превращен в удобный для обороны опорный пункт. Пантеллерия – вулканического происхождения; она поднимается на 850 м над уровнем моря и вследствие обрывистого скалистого побережья очень неудобна для высадки десантов. Гарнизон

острова насчитывал 12 тыс. человек и состоял в основном из частей итальянской милиции. В это число входило также несколько сот немцев, использовавшихся преимущественно для обслуживания зенитной артиллерии. Союзное командование сочло необходимым начиная с 30 мая подвергнуть этот казавшийся неприступным остров почти непрерывным воздушным налетам, в ходе которых было сброшено в общей сложности свыше 6 тыс. *m* бомб. 7 июня итальянский комендант отклонил требование сдать остров, но когда четыре дня спустя к острову подошло соединение кораблей в составе 5 крейсеров и 3 эскадренных миноносцев, над ним был поднят белый флаг. Сдачу острова объяснили нехваткой воды, хотя позже выяснилось, что гарнизон располагал ею в достаточном количестве. Из 45 береговых батарей лишь две вышли из строя в результате непрерывных налетов; потери гарнизона, укрывавшегося в расщелинах скал, были минимальными.

Поведение итальянцев на Пантеллерии показывало союзникам, на какое слабое сопротивление они могли рассчитывать и на Сицилии, пока не столкнулись бы с немецкими частями. Тем не менее они строго придерживались своего плана, заключавшегося в самой тщательной подготовке десантной операции посредством воздушных налетов, начавшихся 18 мая и продолжавшихся 52 дня вплоть до момента высадки. Объектами налетов являлись прежде всего аэродромы и самолеты на них, а также порты континентальной части страны, через которые могло осуществляться снабжение острова, то есть Неаполь, Ливорно и Специя. Одновременно этими налетами союзники со всей наглядностью демонстрировали итальянцам, каким разрушениям подвергнется их страна, если они попытаются продолжать борьбу.

Обороной острова руководил командующий 6-й итальянской армией генерал Гуццони. Он располагал четырьмя дивизиями этой армии, из которых лишь одна была моторизованной, и шестью дивизиями береговой обороны. Кроме того, в его распоряжение были переданы две немецкие дивизии – 15-я гренадерская моторизованная дивизия и дивизия «Герман Геринг». Итальянские дивизии береговой обороны обороняли очень протяженные участки побережья, более чем по 100 км каждый. Эти дивизии были «стационарными» и имели на вооружении лишь легкое оружие. Их способность к сопротивлению была чрезвычайно низка, а слабые проволочные заграждения 1С несколько лотов, конечно, не могли существенно ее повысить. Береговая артиллерия располагалась на значительном удалении от берега, чтобы не подвергаться воздействию флота противника. Несколько лучшей оценки заслуживали три итальянские пехотные дивизии. Самой же боеспособной была единственная моторизованная дивизия «Ливорно». Дивизия «Герман Геринг» имела в своем составе лишь два пехотных батальона, но зато была очень хорошо оснащена тяжелым оружием, 15-я гренадерская моторизованная дивизия не располагала достаточным количеством Собственных автотранспортных средств и при передвижении нуждалась в транспорте для подвоза. Мощная зенитная артиллерия прикрывала Мессинский пролив. Ее подвижные части могли использоваться как для целей ПВО, так и в наземных боях. Германское командование при штабе этой итальянской армии представлял немецкий генерал, не располагавший, однако, командными полномочиями: итальянцы не согласились, чтобы командование на острове было немецким.

В конце дня 9 июля в воздух поднялись 400 транспортных самолетов И 170 планеров с задачей доставить воздушно-десантные войска в районы намеченных целей. Однако действия этих войск имели лишь ограниченный успех. Недостаточная натренированность, а также сильный шторм, временно поставивший под вопрос даже намеченную на следующее утро высадку, привели к тому, что планеры в ряде случаев были отцеплены от буксировавших их самолетов слишком рано и упали в море, а парашютные десанты приземлились на значительном удалении от намеченных объектов и оказались разбросанными на обширном пространстве. На острове было не совсем спокойно; в общем, эти мероприятия существенно не облегчили высадку.

Впрочем, в этом и не было необходимости. На следующий день под мощным огнем с кораблей и непрерывными ударами авиации итальянские береговые части стали оставлять свои позиции; они бежали вглубь острова или сдавались высаживавшимся войскам союзников. Напрасно Муссолини всего за несколько недель до этого в речи, произнесенной в Большом фашистском совете, апеллировал к воле народа к сопротивлению и требовал от армии атаковать

войска противника в момент высадки или, в случае их продвижения вглубь острова, ввести в бой резервы и уничтожить врага до последнего человека. Дивизии 7-й американской армии лишь кое-где натолкнулись на незначительное сопротивление, а 8-я английская армия высадилась почти беспрепятственно. Несколько аэродромов, выведенных из строя союзной авиацией, были быстро обеспечены временными взлетно-посадочными полосами при помощи доставленных вместе с войсками технических средств.

Вблизи районов высадки американцев находилась в готовности к обороне лишь одна дивизия «Герман Геринг», имевшая в своем составе очень мало пехоты. С трудом пройдя своими «Тиграми» по узким улицам нескольких деревень, она совместно с итальянской мотодивизией утром 11 июля атаковала высадившихся в районе Джелы американцев и в отдельных пунктах даже вынудила их вернуться на суда. Затем она повернула на восток, чтобы нанести удар по противнику, продвигавшемуся в направлении аэродрома Комизо, однако добиться здесь успеха ей не удалось. Тем не менее она достигла многого. Сбросить в море противника, высадившегося на фронте свыше 150 км, разумеется, было ей не под силу. Но быстрое появление немецких частей послужило предостережением для противника, вынудив его к осторожным действиям, и в этом смысле цель была достигнута полностью.

После того как командующему 6-й итальянской армией стало известно, что союзники ограничились высадкой лишь в юго-восточной части острова, он сконцентрировал рассредоточенные по острову резервы в угрожаемом районе. Находившаяся в северо-западной части острова 15-я гренадерская моторизованная дивизия получила задачу выйти в район Каникатти, Кальтаниссетта и воспрепятствовать продвижению американцев из Ликаты в северном направлении. Ее упорное сопротивление в значительной мере способствовало тому, что американцам не удалось продвинуться в северном направлении, имевшем решающее значение для всей обороны острова. Приходится удивляться, что американцы не предприняли ни одной серьезной попытки осуществить своими дивизиями в тактическом взаимодействии с 8-й английской армией наступление в восточной части острова. В течение трех последующих недель они широкими охватывающими маневрами осуществляли захват всей западной части острова и ликвидировали рассредоточенные там итальянские части береговой обороны. В решающих боях с немецкими частями до конца июля, то есть до выхода в район Никозии и Сан-Стефано, они не участвовали совершенно.

В эти же недели 8-й английской армии пришлось выдержать тяжелое, кровопролитное сражение против постепенно возросших вдвое сил немцев и нескольких пока еще только оборонявшихся итальянских соединений. В первые три дня Монтгомери ограничился укреплением и расширением плацдарма. На восточном побережье он занял Сиракузы и затем западнее, в районе Рагузы, установил предусмотренную планом непосредственную связь с американской армией. Так как для переброски транспортных средств в район боевых действий понадобилось несколько дней, английской пехоте пришлось осуществлять все передвижения под палящим июльским солнцем пешком, и вскоре войска сильно устали.

Если силы немецко-итальянских войск были и недостаточны для организации серьезного контрудара, то они все-таки хорошо использовали представившуюся им паузу, чтобы создать предпосылки для последующей успешной обороны. Прежде всего немецко-итальянское командование намеревалось воспретить противнику использовать те немногочисленные дороги, которые имелись на острове. На правый фланг 15-й гренадерской моторизованной дивизии, оборонявшейся в районе Кальтаниссетты, были переброшены две итальянские дивизии, которые до этого оказали довольно эффективную помощь в задержке продвижения американцев. Дивизия «Герман Геринг» была сосредоточена в районе Кальтаджироне, Виццини. Попытка закрыть разрыв между этими немецкими дивизиями двумя другими итальянскими дивизиями успеха не имела, так как последние оказались совершенно небоеспособными. Вскоре после высадки началось массовое дезертирство из итальянских частей. Солдаты, набранные для пополнения этих частей главным образом в Сицилии, просто уходили домой. Из итальянцев же родом из континентальной части страны образовался поток беженцев, хлынувший в направлении Мессины, где эта стихийная масса, часто силой, захватывала транспортные средства для переправы через пролив.

Вплоть до 13 июля со стороны англичан все еще не отмечалось сколько-нибудь

серьезного давления, и 15-й гренадерской моторизованной дивизии удавалось отражать все атаки американцев восточнее Кальтаниссетты. К тому же в район между немецкими дивизиями был выброшен полк 1-й немецкой парашютной дивизии. Все это привело к тому, что положение обороняющихся несколько улучшилось. Правда, парашютисты частично были выброшены гораздо южнее и оказались на территории, занятой противником, но им удалось пробиться к своим войскам. В конце концов они вместе с другим полком своей дивизии составили крайне необходимое для дивизии «Герман Геринг» подкрепление в живой силе.

Командование 8-й английской армии рассчитывало после завершения высадки и сосредоточения своих сил быстро продвинуться в северном направлении. Оно намеревалось одним армейским корпусом наступать восточнее Этны вдоль побережья, а второй армейский корпус бросить западнее Этны через Леонфорте, с тем чтобы обоими корпусами как можно скорее выйти к Мессине. Однако уже южнее реки Диттайно в районе Лентини и Виццини англичане встретили сильную немецкую оборону. Осуществление прорыва на Катанию командование армии пыталось облегчить высадкой воздушного десанта в ночь с 13 на 14 июля в районе моста через реку Симето южнее Катаньи. На этот раз десант был выброшен удачно, хотя решающего значения не имел, так как высадившиеся английские парашютисты были зажаты на небольшом клочке земли и лишь с трудом могли держаться. Целую неделю 13-й английский корпус безуспешно пытался сначала одной, затем двумя дивизиями осуществить прорыв на Катанию через реку Симето в нижнем ее течении. 21 июля командование армии вынуждено было принять решение перейти на восточном фланге к обороне. Тем временем немецкие войска получили новое желанное подкрепление – 29-ю гренадерскую моторизованную дивизию. Прибыл также штаб 14-го танкового корпуса во главе с генералом Хубе, формально подчинившийся командованию 6-й итальянской армии, а практически возглавивший руководство всеми боевыми действиями. Фронт постепенно стабилизировался на рубеже Сан-Стефано, Никозия, Леонфорте, Алжира, Катанья. 29-я гренадерская моторизованная дивизия заняла оборону на северном фланге, центр обороняла 15-я гренадерская моторизованная дивизия, район Катании – дивизия «Герман Геринг». В оборону было вкраплено несколько итальянских частей. Вторая полоса обороны, проходившая от Сан-Фрателло через Троину на Ачиреале, была заблаговременно подготовлена, насколько этому позволяли имевшиеся силы. Гористая местность существенно облегчала организацию обороны даже без тщательного укрепления позиций.

В этом и пришлось убедиться 30-му английскому корпусу, который наступал в обход Этны с Запада. Главный удар этот корпус наносил в районе Алжира, Леонфорте, где он в течение 20 и 21 июля безуспешно пытался отеснить немецкие войска, чтобы затем охватить их с запада. Монтгомери, прежде чем приступить к решающим действиям, вынужден был перебросить еще одну дивизию из Туниса и дожидаться подхода американцев. Однако атаки местного характера, предпринимавшиеся 30-м армейским корпусом, переросли в тяжелые бои за немецкие позиции на юго-западном склоне Этны. В ожесточенных боях англичанам постепенно удалось, используя огромное превосходство в технике и непрерывное воздействие авиации, отеснить немецкие войска на вторую полосу обороны, проходившую здесь в районе Адрано.

Лишь после того как 7-я американская армия, не встречая почти никакого сопротивления, вышла к Никозии и Сан-Стефано, давление обеих армий стало настолько серьезным, что опасавшееся окружения немецкое командование вынуждено было подумать об отходе. Американцы предприняли на побережье ряд маневров, заключавшихся в том, что они с помощью флота всякий раз высаживались в тылу немецких позиций; благодаря этому им удавалось сравнительно быстро продвигаться вперед. Натиск союзников на западных склонах Этны также усилился. 6 августа американцы захватили Троину, Однако войска, наступавшие на внутренних флангах обеих союзных армий, лишь 13 августа соединились в Рандаццо на северном склоне вулкана. Тем временем Катания давно уже пала, но продвинуться вдоль побережья дальше Ачиреале англичанам не удалось. Когда важный путь отхода немецких войск – прибрежное шоссе – оказался под угрозой наступавшего с запада противника, немцы отошли в район Таормины, которая, в свою очередь, была оставлена 14 августа. Таким образом, теперь весь массив Этны оказался в руках противника.

Чтобы избежать такого же финала, как в Тунисе, и спасти как можно больше сил и средств для последующих боев, командование немецкого танкового корпуса осуществило искусный отход, в ходе которого умело и последовательно разрушались все идущие вдоль побережья прекрасно оборудованные дороги; благодаря этому немецким войскам постоянно удавалось отрываться от преследовавшего их противника и в Мессине переправлять свои силы на континент. 17 августа американцы вступили в Мессину. Тем временем все четыре немецкие дивизии почти со всей техникой переправились через пролив. В ходе 38-дневного сражения они, невзирая на огромное превосходство противника в воздухе и его полное господство на море, а также несмотря на последовавшее вскоре прекращение всякой помощи с итальянской стороны, смогли задержать две вражеские армии до тех пор, пока в Италии не было собрано достаточного количества немецких войск, чтобы помешать высадке союзников на Апеннинский полуостров. Этот выигрыш времени был тем более важным, что внутривосточная обстановка в Италии к тому моменту коренным образом изменилась.

2. Низвержение Муссолини и переход Италии на сторону Союзников

Итальянский народ устал от войны. В течение трех лет его солдаты сражались с противником, к которому они никогда прежде не испытывали никакой вражды. Действия диктатора, бросившего свою армию против разгромленной Франции, привели к тому, что совершенно неподготовленная ни морально, ни экономически страна оказалась втянутой во вторую мировую войну. Итальянские войска лишь терпели поражения и несли потери. Не прошло и года с начала войны, как были потеряны колонии в Центральной Африке. Авантюра в Греции благополучно завершилась лишь благодаря помощи немцев. Власть на Балканах не радовала Италию, ибо она опиралась на силу итальянского оружия, к тому же было очень трудно управлять враждебно настроенными славянами и греками. Далекая Россия уже поглотила одну армию в составе десяти дивизий. Северную Африку не удалось удержать даже с помощью немцев. Большая часть торгового флота лежала на дне Средиземного моря. С начала июля враг находился в Сицилии, и становилось очевидным, что немецкие союзники, несмотря на все их заверения, были не в состоянии предотвратить вторжение англосаксов в «европейскую крепость». Приходилось опасаться, что могучий противник в недалеком будущем сможет высадиться на Апеннинском полуострове. Еще с осени 1942 г. английская авиация стала совершать систематические налеты на предприятия итальянской тяжелой промышленности в треугольнике Генуя, Турин, Милан, осуществляя их почти безнаказанно: недостаток зенитной артиллерии и истребителей не позволял итальянцам организовать сильную противовоздушную оборону.

Порты Южной Италии превратились в развалины, железнодорожная сеть была разрушена почти непрерывными налетами. 16 июля Рузвельт и Черчилль в совместном послании призвали итальянский народ в интересах сохранения его достоинства и благополучия использовать момент и решить, будут ли его сыны умирать за Муссолини и Гитлера или же жить на благо Италии и цивилизации. Вряд ли, однако, была необходимость в таком призыве, чтобы убедить итальянцев в проигрыше войны. И если война все-таки продолжалась, то это лишь означало, что полуостров приносился в жертву в качестве предполья Германии.

Так думали не только близко стоявшие к королевскому дому консервативные круги и выжидавшая пока обессиленная либеральная и социалистическая оппозиция. Эта идея нашла распространение даже среди многочисленных и некогда ближайших сподвижников Муссолини. Итальянцы – слишком политически активная нация, чтобы в подобной обстановке не искать политического выхода. Выход же можно было найти только в свержении диктатора.

В достижении этой цели объединились как противники, так и бывшие приверженцы дуче, одни в надежде ценою такой жертвы самим удержаться у власти и спасти фашизм, другие – в стремлении свергнуть диктатора с помощью бывших его сторонников и затем захватить власть в свои руки. Это был ловко сплетенный заговор классических итальянских интриг, жертвой которых в конце концов и пал некогда всемогущий глава государства. Внешний повод нашли 24 июля на одном из заседаний Большого фашистского совета, созвать который дуче был принужден. После исключительно бурных дебатов большинство совета, несмотря на

возражения Муссолини, добилось принятия резолюции, в которой, наряду с апелляцией к священному долгу всех итальянцев любой ценой отстаивать единство, независимость и свободу отечества, главе государства предлагалось просить короля в интересах страны взять на себя фактическое командование всеми вооруженными силами, а тем самым и право принятия окончательных решений, предоставленное ему конституцией и заслуженное всей славной историей династии. Это был совершенно ясный вотум недоверия Муссолини, почти равносильный его смещению. Теперь у короля был конституционный повод избавиться от ставшего ему неудобным советника. Когда на следующее утро Муссолини прибыл на доклад к монарху и подверг сомнению законность решения совета, король без обиняков заявил ему, что ожидает его заявления об отставке и намерен тотчас же ее принять. Муссолини был свергнут. Когда он покидал королевский дворец, его личная охрана под незначительным предлогом уже была удалена. Санитарная машина доставила его в казарму верных королю карабинеров.

Вместе с Муссолини без всякого сопротивления пала и партия. Маршал Бадольо, смещенный в 1940 г. после неудач в Албании с поста начальника генерального штаба итальянской армии, взял власть в свои руки, возглавив уже подготовленный кабинет из числа неskomпрометированных деятелей дофашистского периода. Перед ними была лишь одна цель: как можно быстрее вывести Италию из войны. Следовало – и в этом заключалась очень большая трудность – избежать превращения Италии в театр военных действий или по крайней мере добиться, чтобы к тому моменту, когда правительство окончательно откроет свои карты, обстановка для немецких войск сложилась бы настолько неблагоприятно, что военные действия были бы быстро перенесены за пределы страны. О таком нейтралитете, какой был объявлен Францией в 1940 г., нечего было и думать. Западные державы не могли отказаться от мысли превратить Италию в базу для действий своей авиации против Германии, а немцы не могли не стремиться удерживать Италию в качестве своего предполья. Вооруженное выступление против нынешнего союзника также представлялось неосуществимым. Тридцать восемь итальянских дивизий находились за пределами страны – в Южной Франции, на Корсике, в Балканских странах и на Додеканесе, и лишь восемнадцать плохо оснащенных и мало подвижных пехотных дивизий и некоторое число «стационарных» соединений береговой обороны были на самом полуострове. Сосредоточение дивизий, расположенных тремя группами в долине По, в районе Рима и в Южной Италии, представляло исключительные трудности вследствие все возраставшего разрушения железнодорожной сети, а других транспортных средств почти не было. Большая часть автомашин погибла в Северной Африке. Сразу же после свержения Муссолини немцы под предлогом предотвращения возможных высадок противника в Северной Италии и обороны перевалов в Альпах от воздушных десантов перебросили в Северную Италию из Южной Германии и Франции несколько дивизий; они даже не согласовали предварительно, как это делалось раньше, такой переброски с итальянским правительством. Совладать с этой силой итальянцы чувствовали себя не в состоянии. Они старались не вызывать у немцев какого-либо недовольства и подозрения и надеялись в ближайшие недели изменить обстановку к лучшему. Только с этой тайной мыслью король и правительство решились официально заявить, что Италия в силу своих традиций сдержит слово и будет продолжать войну дальше. Тем временем стали предприниматься первые попытки установить контакт с противоположной стороной. Чиновник ведомства иностранных дел направился в Лиссабон, чтобы через английского посла в Лиссабоне заверить западные державы, что Италия заявила о своем намерении продолжать войну лишь с целью избежать насильственных актов со стороны Германии. Итальянское правительство, сообщил он, по тем же соображениям лишь для вида приняло немецкое предложение о проведении военных переговоров, в действительности же оно намеревается 12 августа направить военную миссию в Лиссабон для заключения перемирия.

Немецко-итальянская конференция, о которой было сообщено английскому послу, действительно состоялась 6 августа в Треviso близ Венеции и проходила в атмосфере необычайно сильного взаимного недоверия. В ней участвовали с немецкой стороны Риббентроп и Кейтель, с итальянской – новый министр иностранных дел Гуарилья и сыгравший решающую роль в смещении Муссолини начальник генерального штаба итальянской армии Амброзио. Итальянцы формально придерживались союзнических обязательств и указывали на необходимость получить в интересах продолжения войны значительное количество немецкого

вооружения и других военных материалов. Немцы не хотели помогать своим союзникам военными материалами, но и не были готовы освободить Италию от ее договорных обязательств. Столь же мало внимания они обратили и на слишком прозрачную просьбу Амброзио (хотя он и обосновывал ее необходимостью усилить оборону страны) перебросить в Италию с оккупированных территорий как можно больше находившихся там итальянских дивизий. Вторая встреча, состоявшаяся 15 августа и носившая чисто военный характер, формально была посвящена вопросам обороны Южной Италии. В действительности же речь шла о немецких силах, которые тем временем выросли до девяти дивизий и были объединены в группу армий «Б» под командованием Роммеля, а также об отводе итальянских дивизий из Южной Франции и с Балкан, на который Гитлер соглашался только при том условии, что эти дивизии «не будут расположены вблизи имперских границ». Немцы твердо решили оборонять по крайней мере Северную Италию до Апеннин. Итальянцы отчаянно искали возможность ослабить немецкую группировку в Северной Италии или по крайней мере противопоставить ей свои превосходящие силы.

Между тем в Лиссабоне начались тайные военные переговоры с западными державами о заключении перемирия и последующем военном сотрудничестве. 28 августа глава итальянской миссии вернулся в Рим с результатами переговоров. Условия содержали положения, разбиравшие все надежды итальянцев на то, что им удастся избежать превращения своей страны в театр военных действий. Италия должна была предоставить в распоряжение союзников Корсику, Сардинию и всю территорию континентальной части страны для создания баз, а также сосредоточить флот и авиацию в определенных местах для передачи союзникам. Кроме того, союзники требовали, чтобы им был обеспечен доступ во все порты и на все аэродромы независимо от того, эвакуированы они уже немцами или нет, причем эти порты и аэродромы должны были охраняться итальянскими войсками до тех пор, пока войска западных держав не займут их. Это означало немедленное начало военных действий против немцев, то есть именно то, чего итальянцы хотели избежать. Поэтому они всеми средствами стали добиваться, чтобы перемирие было заключено лишь после того, как союзники крупными силами высадятся в Италии. Они считали, что смогут выступить против своего нынешнего союзника только при условии получения в решающих пунктах немедленной поддержки со стороны западных держав. В ответ они получили лишь весьма неопределенные заверения. Союзники говорили о шести дивизиях, которые якобы высадятся Вблизи Рима, о девяти других дивизиях, высадка которых на западном побережье также предусматривалась, и, кроме того, о намерении высадить на аэродромах вблизи Рима в день провозглашения перемирия одну посадочно-десантную дивизию. Более точные сведения получить от союзников не удалось, так как последние, естественно, не хотели раскрывать своих военных планов. Итальянцы попытались уточнить сроки высадок, предостерегая в то же время от высадки воздушного десанта в районе Рима, так как порученную им задачу по прикрытию этого десанта они были в состоянии взять на себя лишь после Целого ряда перегруппировок, которые они могли закончить самое раннее К 12 сентября. Со стороны союзников возражения итальянцев расценивались, как преувеличение трудностей, если не проявление нечестной тактики затягивания: им надоели бесконечные проволочки. Эйзенхауэр потребовал немедленного подписания соглашения о перемирии, пообещав, однако, что оно будет опубликовано лишь в момент высадки крупных сил на полуостров. Итальянцы уступили и 3 сентября подписали Перемирие. Однако они продолжали добиваться отсрочки обнародования этого документа, не переставая надеяться, что им удастся изменить обстановку в Италии в более благоприятную сторону и с помощью союзников быстро подавить сопротивление немецких войск. Но остановить союзников уже было нельзя. В их руках был документ, подписанный таким итальянским правительством, которое того и гляди в последний момент могло по какой-либо причине пасть. Невзирая ни на какие новые возражения и опасения итальянцев, они 9 сентября высадились в бухте Салерно, объявив накануне вечером по радио, что Италия запросила перемирия, на которое союзники согласились. Итальянскому правительству не оставалось ничего другого, как в тот же вечер заявить по радио, что оно, сознавая невозможность продолжения неравной борьбы, а также с целью избавить свой народ от новых тяжелых испытаний, действительно предприняло шаг, о котором сообщили союзники. Итальянским

вооруженным силам было отдано распоряжение немедленно Прекратить военные действия против союзников, однако «отражать любое нападение независимо от того, с какой стороны оно последует». Это должно было послужить приказом всем находящимся на территории Страны итальянским войскам сопротивляться попыткам немцев их разоружить.

Немцы отдавали себе отчет в том, что после устранения Муссолини Италия недолго продержится на их стороне, и предприняли все возможное, чтобы подготовиться к разрыву со своим партнером. Оставалось лишь неясным, Когда и в какой форме произойдет этот разрыв и какую роль сыграют в нем десанты союзников. Поэтому немцы отклонили все итальянские предложения о переброске в Южную Италию крупных немецких сил для отражения попыток противника высадить десант, даже не считаясь с тем, что имевшиеся там незначительные немецкие силы могут погибнуть. Опасность гибели всей немецкой армии в Южной Италии в случае, если Италия неожиданно перейдет на сторону противника и вместе с ним отрежет немецким войскам пути отступления, представлялась слишком серьезной. В действительности так и собирались поступить итальянцы, если бы заключение перемирия и дальше оставалось в секрете. Окажись основная часть немецких войск действительно на юге, итальянцы могли бы с серьезным основанием рассчитывать на то, что им все-таки удастся избежать военных действий на собственной территории. Поэтому немецкие дивизии под командованием фельдмаршала Роммеля были оставлены в Северной Италии и частично выдвинуты до Апеннин, которые надлежало удерживать в любых условиях. Кроме того, были заняты все перевалы в Альпах, ведущие во Францию, Германию и Югославию. Попытка занять двумя немецкими дивизиями Специю под предлогом организовать особо надежную оборону от десанта противника, а в действительности с намерением в удобный момент захватить итальянский военно-морской флот успеха не имела. Итальянцы еще раньше ввели в эту военно-морскую базу свои крупные силы, заявив, что они считают для себя вопросом престижа самостоятельно оборонять этот важный порт. В такой обстановке партнеры часто даже не утруждали себя поисками объяснений каждого своего шага. На запрос Кессельринга, какова задача крупных сил, подтянутых итальянцами в район Рима, те отвечали со свойственным им едким сарказмом: задачи те же, что и у сосредоточенных вокруг Рима немецких дивизий.

Итальянский транспорт и связь все больше наводнялись немецким персоналом, помимо этого, создавалась своя система связи. Все дислоцированные во Франции, Италии и Югославии немецкие войска получили точные указания: как только Италия выйдет из войны, немедленно по условному сигналу разоружить и интернировать все находящиеся в районе их дислокации итальянские войска.

Итальянцам нетрудно было разгадать эти замыслы, гораздо труднее было эффективно помешать их осуществлению. Они были слишком слабы для того, чтобы упредить немцев. Поэтому им приходилось остерегаться, чтобы своими слишком прозрачными мероприятиями не вызвать их выступления. Одобренный, наконец, немецкой стороной отвод итальянских дивизий из Франции и Югославии, и без того носивший при существовавшем на железнодорожном транспорте положении затяжной характер, еще больше затягивался в результате введенных немцами строгих ограничений, касающихся предоставления железнодорожных вагонов и угля для паровозов. Когда итальянцы протестовали против различных мероприятий, проводившихся немцами в Италии, последние неизменно мотивировали свои действия необходимостью принять срочные меры, чтобы отразить грядущее вторжение противника. Итальянцы двумя секретными приказами предупредили в августе свои войска о действиях немцев и в свою очередь стали готовить ряд контрмер. Все пункты дислокации штабов и войсковых частей должны были тщательно охраняться, не имевшие средств передвижения части намечалось в интересах усиления обороны располагать рядом. В случае конфликта нужно было нанести удары по наиболее уязвимым местам немцев; разрушить или уничтожить линии связи, автопарки, склады боеприпасов, самолеты. Для нападения на колонны немецких войск предполагалось создать высокоподвижные отряды.

Возникшее в результате такого взаимного недоверия напряжение привело в ряде случаев, особенно сразу после 25 июля, к перегибам со стороны немцев, что было, однако, быстро приостановлено, а с итальянской стороны – к диверсионным актам и местами к пассивному–сопротивлению. Было ясно, что немцы оставались хозяевами положения. Кроме того,

сообщение союзников о заключении перемирия явилось неожиданностью для итальянского командования и поставило его в тупик. Войска не получили никаких указаний, если не считать неопределенного намека, сделанного по радио. Напротив, немцы тотчас же подали условленный сигнал «Вариант Ось» и добились полного успеха. В кратчайший срок все итальянские войска, находившиеся в контролируемой немцами зоне, были нейтрализованы. Лишь кое-где было оказано слабое сопротивление. Но в районе Рима, где итальянцы сконцентрировали крупные силы, оно продолжалось два дня. Двум немецким дивизиям пришлось прорывать позиции итальянских войск, широким кольцом окруживших Рим. Их сдерживали до тех пор, пока король и его семья вместе с правительством Бадольо не оставили город, чтобы, спасаясь от немцев, достичь побережья Адриатики и оттуда по морю бежать в Бриндизи. После этого итальянские войска оставили Вечный город, который они не хотели подвергать разрушению, и сосредоточились в районе Тиволи. Предъявленный Кессельрингом коменданту Рима ультиматум о сдаче города и капитуляции всех расположенных вокруг него в радиусе 50 км итальянских войск положил конец вспыхнувшим было в некоторых местах боям.

В целом итальянским войскам война надоела настолько, что они, как правило, безропотно подчинялись даже намного уступавшим им численно этим частям. Это был потрясающий финал трехлетней совместной борьбы, непонятный для участвовавших в этих мероприятиях немецких войск, которые могли не совершить акт самообороны, горький и постыдный для их давних союзников. Итальянская армия не заслуживала такого печального финала. В России и Северной Африке, в Греции и, наконец, в Сицилии она сделала все, что могла. Разве она была виновата, что ее, недостаточно умело водимую, слабо обученную и, как правило, плохо оснащенную, неразумно посылали против врагов, которым она была не в состоянии противостоять? Непонимание обоими диктаторами действительных возможностей итальянской армии привело к такому концу, какого более рассудительные деятели опасались с самого начала.

Гитлер чувствовал себя навеки связанным с Муссолини. Он хотел, вероятно, использовать также все еще привлекавшую народ силу дуче, чтобы создать Италии более благоприятные условия для продолжения войны. Во всяком случае, он не успокоился до тех пор, пока не узнал, где новое правительство держало Муссолини, и не принял мер к освобождению своего пленного соратника. 12 сентября в результате авантюрной, стоившей больших жертв высадки немецких парашютистов в районе массива Гран-Сассо-д'Италия в Абруццах Муссолини был освобожден. 18 сентября он объявил о создании государства фашистско-республиканского типа. Его влияние все еще было достаточно велико, чтобы в удерживаемой немецкими войсками части страны завоевать авторитет, существенно облегчивший борьбу за полуостров вплоть до 1945 г.

Ход событий привел Бадольо к горькому выводу, что его план вывести Италию из войны потерпел фиаско. Союзники обещали смягчить жесткие условия перемирия лишь в той мере, в какой Италия будет вносить свой вклад в дело победы над Германией. Поэтому Бадольо обратился 2 сентября к народу с призывом развернуть борьбу против немцев. Он заявил, что целью этой борьбы должно являться изгнание немцев из страны и нанесение им, пока они не будут изгнаны, всяческого ущерба. 13 октября итальянское правительство, «ввиду неоднократных и все более учащающихся враждебных актов, предпринимаемых со стороны германских вооруженных сил против итальянцев» объявило о состоянии войны с Германией. Западные державы и Советский Союз заявили о своем согласии «с активным сотрудничеством итальянской нации в качестве воюющей державы в борьбе против Германии».

3. Высадка в Южной Италии

Немедленная нейтрализация итальянской армии в случае выхода Италии из союза являлась лишь одной стороной трудной проблемы, перед которой оказалось немецкое командование после свержения Муссолини. Гораздо сложнее был вопрос, каким образом продолжать дальше войну в Италии. Избавить Италию от превращения ее в театр военных действий Гитлер считал невозможным. Он не хотел и не мог отказаться ни от северных

промышленных районов Италии, ни от сельскохозяйственной продукции этой плодородной страны. Еще меньше Гитлер мог допустить, чтобы авиабазы западных держав передвинулись на многие сотни километров к северу. Политические и военные последствия ухода из Италии в смысле его влияния на Францию и Юго-Восточную Европу были бы очень тяжелыми. При любой попытке предугадать все возможные перипетии борьбы неизбежно приходилось считаться с целой «массой различных факторов, не поддающихся заблаговременному учету. Когда и где союзники предпримут высадку? Будут ли итальянцы к этому моменту еще хотя бы формальными союзниками? Удается ли в противном случае разоружить их без помех или же это прикует к себе на длительное время крупные немецкие силы? Удается ли сохранить связь с расположенными в Южной Италии немецкими дивизиями и обеспечить их снабжение? Хотя немецкие представители в Риме, особенно посол и военный атташе, основываясь на неоднократных заверениях короля, кронпринца, маршала Бадольо и итальянского верховного командования, склонялись к той точке зрения, что Италия будет продолжать войну, возможность этого при более серьезном анализе исключалась. Гитлер из перехваченных радиogramм уже в середине августа знал, что Бадольо поддерживает контакт с врагом. Он твердо, решил как можно дальше к югу вести борьбу с попытками противника высадить десант и отклонил предложение Роммеля заранее отойти до Апеннин, оставив в южных районах по возможности меньше сил. В принципе Гитлер согласился с мнением главнокомандующего немецкими войсками на юге фельдмаршала Кессельринга создать первый рубеж, на котором следовало оказать решительное сопротивление, южнее Рима, не направляя, однако, на юг полуострова по уже ранее упомянутым соображениям слишком крупных сил до выяснения обстановки.

О количестве десантов противника и месте их высадки можно было лишь догадываться. Наряду с предположением, что противник форсирует Мессинский пролив и высадится в Калабрии, что было бы «простейшим решением», на всем западном побережье Южной Италии, отличающемся обрывистыми, труднодоступными берегами, во внимание могла быть принята лишь бухта Салерно, ровный и широкий берег которой был как будто специально создан для высадки. Десант мог высадиться также в районах Неаполя и Рима. Наконец, нельзя было совершенно исключать южное и восточное побережье с их отлогими берегами и хорошими портами Таранто, Бриндизи и Бари, хотя расстояние до них от пунктов погрузки было больше, а поддержка в этих районах десанта с воздуха – труднее. Западнее Бари находилась Фоджа, которая благодаря расположенному там самому крупному аэродрому в Южной Италии наверняка представляла для союзников в высшей степени заманчивую цель.

Успешно действовавшие в Сицилии немецкие дивизии обеспечили командованию неожиданно крупный выигрыш времени, что позволило разработать и осуществить в спокойной обстановке все необходимые мероприятия. Взвесив все факторы, немецкое командование отдало распоряжение оборудовать под руководством фельдмаршала Роммеля в районе Апеннин и на прилегающих участках побережья позиции для решительной обороны. Переправленные из Сицилии в Южную Италию, а также переброшенные туда с севера дивизии были объединены – сначала в тайне от итальянцев – во вновь созданную 10-ю армию под командованием генерал-полковника фон Фитингофа, который формально подчинялся командующему 7-й итальянской армии генералу Азиеро, отвечавшему за оборону Южной Италии, 10-я армия получила задачу не допустить продвижения войск противника из Южной Италии на север с целью выиграть время для организации обороны в Центральной Италии, однако своевременно и по возможности без потерь отойти в район южнее Рима. 22 августа Фитингоф принял командование этой армией. Вскоре он, согласно приказу, вступил в контакт с командующим 7-й итальянской армией, который имел в своем распоряжении лишь несколько дивизий береговой обороны, ничем не отличавшихся от тех, которые действовали в Сицилии, и несколько береговых батарей, но был, по всей видимости, настроен на ведение честной совместной борьбы. До 8 сентября даже высшим итальянским офицерам фактически ничего не было известно о планах Бадольо. Благодаря наличию трех новых и четырех вернувшихся из Сицилии дивизий, которым удалось вывезти оттуда большую часть техники и свои значительные запасы всего необходимого, положение немецких войск на суше выглядело более или менее благоприятно. С учетом возможностей высадки противника армия была разделена на

две части, 14-й танковый корпус был переброшен в район Гаэта, Неаполь, Салерно с задачей быть в готовности к отражению десантов противника в районе Неаполя, а в случае необходимости – и западнее Рима. Обе прибывшие из Сицилии дивизии этого корпуса – 15-я гренадерская моторизованная дивизия и дивизия «Герман Геринг» – и части 1-й парашютной дивизии были пополнены и имели возможность отдохнуть после тяжелых боев в Тунисе и Сицилии. В районе Салерно находилась вновь прибывшая 16-я танковая дивизия. Также вновь прибывший 76-й танковый корпус вместе с вернувшейся из Сицилии 29-й гренадерской моторизованной дивизией заняли оборону на побережье Калабрии в районе Реджо-ди-Калабрия. За этим корпусом в самом узком месте полуострова, в районе Катандзаро, располагалась вновь прибывшая 26-я танковая дивизия. Основные силы 1-й парашютной дивизии были сосредоточены в портах Таранто, Бриндизи и Бари с задачей по крайней мере замедлить здесь высадку противника. Если бы в нужный момент удалось объединить все эти рассредоточенные силы, войска могли бы спокойно ожидать развития событий.

Несмотря на настоятельные требования Эйзенхауэра, прошло опять несколько недель, прежде чем обе выделенные для первой высадки армии были готовы к участию в операции. Действительно, пришлось преодолеть целый ряд трудностей. Разрушенные дороги в северо-восточной части Сицилии задерживали подтягивание английской армии. По-прежнему ощущалась нехватка десантных средств, распределение которых поэтому нужно было хорошо продумать. Возможности выбора пунктов высадки были ограничены. Необходимость учитывать радиус действия истребительной авиации, а также недостаток десантных средств, допускавший проведение лишь одной операции, связанной с преодолением значительных расстояний, предопределили решение, которое немцы считали наиболее вероятным.

8-я английская армия получила задачу захватить в Калабрии плацдарм, который обеспечил бы беспрепятственное передвижение флота в Мессинском проливе, а затем продвижением на север сковать по возможности более крупные силы противника и отвлечь их от основного района высадки в Салерно. Высадку же в Салерно должна была осуществить 5-я американская армия, которой для усиления придавался 10-й английский армейский корпус в составе двух дивизий.

Эйзенхауэр, рассчитывавший уже 23 августа перебросить 8-ю армию на полуостров, натолкнулся на сопротивление со стороны Монтгомери. Последнему было выделено столь мало десантных средств, что он первым рейсом мог перебросить через Мессинский пролив всего-навсего четыре батальона. Это казалось ему слишком недостаточным, и переправа 8-й армии была отложена до 3 сентября. Монтгомери выделил для высадки 13-й армейский корпус в составе двух дивизий. Высадка должна была обеспечиваться всей артиллерией 30-го армейского корпуса, 80 орудиями крупных калибров и 48 орудиями американской тяжелой артиллерии, а также крупными силами авиации. Предварительно предпринятые с целью разведки действия показали, что на сопротивление со стороны итальянцев можно не рассчитывать; те же подразделения, которые натолкнулись на немецкую оборону, назад не вернулись. Было установлено, что за уже знакомой по боевым действиям в Сицилии 29-й гренадерской моторизованной дивизией располагается еще одна вновь прибывшая немецкая танковая дивизия.

В течение 2 сентября немецко-итальянской береговой обороной отмечалось сосредоточение противником значительного количества десантных средств у восточного побережья Сицилии. Так как задача 10-й армии заключалась лишь в том, чтобы замедлить продвижение противника, а вследствие неуверенности в отношении итальянских дивизий береговой обороны попытка не допустить высадку казалась безнадежной, 29-я гренадерская моторизованная дивизия получила приказ отойти от побережья и вести в Калабрии лишь сдерживающие действия. Когда утром 3 сентября войска первого эшелона английской армии под прикрытием огромного количества артиллерии и при самой интенсивной поддержке с воздуха высадились севернее Реджо-ди-Калабрия, они не встретили никакого противника. С итальянской стороны не было сделано ни одного выстрела. Высадка осуществлялась без каких-либо помех. Лишь на следующий день английская армия вошла в соприкосновение с упомянутой немецкой дивизией, которая вела сдерживающие бои, и, постепенно отходя, присоединилась южнее Катандзаро к 26-й танковой дивизии. Некоторую растерянность в ряды

немецких частей, отступавших по западному побережью, внесла 8 сентября высадка в их тылу в районе Баньяры усиленного английского полка. Однако своевременной контратакой танков 16-й танковой дивизии образовавшийся здесь плацдарм противника удалось сузить настолько, что немецкие части, вначале отрезанные, получили выход из окружения, потеряв при этом всего несколько машин. 10 сентября англичане, продвигаясь вслед за организованно отходившими немецкими арьергардами, вышли на рубеж Катандзаро, Никастро. Здесь они вынуждены были остановиться, хотя перед их фронтом противника почти не было, и ждать подвоза предметов снабжения, которые в результате многочисленных разрушений на дорогах, а также вследствие недостатка переправочных средств застряли в районе переправы.

На этом участке фронта 10-й армии пока что не грозила серьезная опасность, но ее положение с точки зрения общей обстановки было критическим. Вечером 8 сентября стало известно о выпадении Италии из союза с Германией. И в следующее утро противник высадился в двух новых пунктах. В районе Таранто с английских кораблей была высажена воздушно-десантная дивизия. Итальянский флот накануне покинул этот порт, решив, что будет лучше, если его интернируют. Высадившимся войскам здесь противостояли лишь части 1-й немецкой парашютной дивизии, которым из-за враждебного отношения к ним итальянцев пришлось обороняться за пределами порта. Тем не менее англичане продвигались с такой осторожностью, что их в течение всей следующей недели удавалось удерживать в районе Джинозы и южнее Бари. Поэтому они пока не оказывали никакого влияния на бои 10-й немецкой армии против высадившейся 9 сентября 5-й американской армии.

Высадка этой армии стала очевидной накануне, 8 сентября, когда в Тирренском море было замечено большое количество судов противника, державших курс на север. В условиях такой неопределенности вечером 8 сентября был подан условный сигнал «Вариант Ось», который означал разоружение итальянцев. Положение 10-й армии было отнюдь нелегким. Предоставленная сама себе, при отсутствии надежной связи с главным командованием немецких войск на Юге и со своими частями она должна была не только отразить предстоящую высадку противника, но и справиться с находившейся вокруг нее итальянской армией. К счастью, от этой второй заботы 10-я армия вскоре избавилась: итальянские части распались сами собой. Итальянские солдаты самодемобилизовались, штабы, включая даже штаб глубоко оскорбленного в своих солдатских чувствах командующего итальянской армией, перестали существовать. Средства транспорта и запасы горючего итальянских частей были взяты немецкими войсками.

Тем временем курс кораблей противника со все большей очевидностью доказывал его намерение высадить десант на западном побережье, и в той части побережья, оборона которой была возложена на 10-ю армию, осуществление высадки можно было предполагать на участке между Римом и Салерно, возможно, даже в нескольких пунктах одновременно. Оборонявшемуся на юге 76-му танковому корпусу было приказано немедленно совершить марш на северо-запад, оставив против английской армии лишь арьергард с саперными частями. Осторожное продвижение здесь противника и сильные разрушения позволяли надеяться, что в течение некоторого времени его удастся удержать незначительными силами вдали от основных районов боевых действий. Задачи дивизиям 14-го танкового корпуса можно было поставить лишь после выявления пункта или пунктов, где предпринята высадка.

Когда войска противника на следующий день в 4 часа 30 мин. утра начали выгрузку с кораблей и на десантных катерах приблизились в районе Салерно к берегу на фронте шириной 30 км, они вначале натолкнулись лишь на 16-ю танковую дивизию, которая, занимая оборону правым флангом у Салерно, левым – у реки Селе, хотя и успела подготовить систему опорных пунктов, по недостатку времени не смогла завершить работы по минированию и сооружению проволочных заграждений в районе своих позиций. Местность была весьма удобной для обороны. Юго-восточнее Салерно находится Салернская низменность шириной 30 и глубиной 12 км, окруженная отвесно поднимающимися горами. Неблагоприятным для проведения контратак могло быть то, что их пришлось бы предпринимать на виду у сосредоточенного в заливе флота противника; кроме того, горный характер местности в тылу очень затруднял подтягивание сил и их маневр. Исходным рубежом для контратак на юге могла служить долина реки Селе.

Высадку противника, предпринятую, как обычно, под прикрытием крупных сил авиации и массированного огня действовавших совершенно беспрепятственно кораблей, рассредоточенные на большом пространстве немецкие дивизии предотвратить не могли. Войска противника на всем фронте высадки достигли берега и, энергично продвигаясь, стали угрожать открытым флангам немецких дивизий. Севернее Салерно передовые части подтянутой из района Неаполя дивизии «Герман Геринг», своевременно перехватили удар противника, но южнее реки Селе американцам удалось закрепиться в гористой местности. Так как в течение дня высадка в других пунктах не последовала, командующий 10-й армией подтянул сюда также и 15-ю гренадерскую моторизованную дивизию. Теперь все упиралось в своевременное прибытие выделенных для использования на этом участке фронта дивизий с тем, чтобы успеть организовать контрудар, пока противник основательно не закрепился на плацдарме.

Первые подкрепления прибыли уже 10 сентября, однако их оказалось достаточно лишь для усиления обороны 16-й танковой дивизии и проведения нескольких контратак местного характера. Большое огорчение принесла весть о том, что две направленные с юга дивизии вследствие нехватки горючего запаздывают по меньшей мере на 24 часа. Прошло еще два дня, но по-прежнему не представлялось возможным захватить инициативу в свои руки. Противника удалось оттеснить лишь с господствующих высот южнее долины Селе силами передовых частей подтягивавшейся тем временем 29-й гренадерской моторизованной дивизии.

К 13 сентября, после того как прибыла и почти вся 26-я танковая дивизия, были собраны, наконец, достаточные силы, чтобы предпринять во второй половине дня контрудар с шансами на успех. Для осуществления его были сосредоточены почти в полном составе две танковые и одна гренадерская моторизованная дивизии; левый фланг этой группировки упирался в долину реки Селе. Войска начали наступление на расположенную севернее реки часть плацдарма и захватили противника врасплох. Были разгромлены две американские дивизии, захвачено большое число пленных. Остатки этих дивизий откатились к берегу. Плацдарм оказался расколотым как раз посередине, и находившийся уже на берегу командующий американской армией предпочел вернуться на корабль, чтобы иметь возможность лучше руководить действиями на расколотом плацдарме. На следующий день немецкие войска получили приказ продолжать наступление в западном направлении с целью ликвидации северной части плацдарма; со своей стороны, американцы предприняли все возможное, чтобы предотвратить поражение. Было решено бросить против вклинившихся немецких войск всю авиацию до последнего самолета, кораблям была поставлена задача принять самое деятельное участие в обороне. Когда на следующее утро немецкие части перешли в наступление, они были встречены таким мощным артиллерийским огнем с кораблей и такими сокрушительными ударами с воздуха, что им удалось добиться лишь очень ограниченных успехов. Несмотря на это, 10-я армия не отказалась от продолжения борьбы. Монтгомери был все еще в Калабрии – далеко от нового района боевых действий, а тем временем с юга прибыли последние подразделения 26-й танковой дивизии и из Рима – полк 3-й гренадерской моторизованной дивизии. Командование армии приняло решение произвести перегруппировку, чтобы 16 сентября еще раз попытаться одновременными ударами с севера и юга ликвидировать плацдарм. 15 сентября противник особой активности на земле не проявлял, зато вся немецкая оборона в течение дня подвергалась непрерывным, исключительной силы ударам с воздуха и огневым налетам с кораблей. Действия вражеской авиации настолько помешали подготовке к новому контрнаступлению, что его удалось начать не рано утром, как намечалось, а лишь в 9 часов. Оно потерпело неудачу, хотя кое-где вначале удалось добиться незначительных успехов. К середине дня стало очевидным, что не было больше никаких шансов ликвидировать плацдарм.

Со стороны английской армии непосредственная опасность пока не грозила. Усилиями арьергардов, а также с помощью широкого пояса заграждений ее удалось задержать так долго, что ее головная дивизия лишь 15 сентября вышла в Лагонегро, в то время как другая дивизия все еще топталась у Кастровиллари. Однако через несколько дней эта армия должна была все же подойти. Поэтому представлялось целесообразным своевременно перегруппировать 10-ю армию с таким расчетом, чтобы она смогла сдерживать дальнейшее продвижение противника. В результате эта армия, продолжая удерживать участок побережья севернее Салерно, отошла на

новый рубеж и заняла оборону фронтом на юго-восток.

Если ей и не удалось добиться решающего успеха под Салерно, тем не менее она в исключительно трудных условиях, почти без какой-либо поддержки с воздуха, под мощным воздействием флота противника, который вел огонь совершенно беспрепятственно, добилась заметного успеха в обороне. После того как противник, по всей видимости, ввел все имевшиеся в его распоряжении силы, оказалось, что борьбу за полуостров можно было продолжать значительно южнее, чем предполагалось, пусть сначала не путем решительной обороны, а сдерживающими действиями с целью существенно затормозить его продвижение.

Западные державы ожидали от выхода Италии из войны на стороне противника гораздо более серьезных преимуществ. Если самые смелые надежды на то, что немецкие войска в силу необходимости вести борьбу на два фронта – против наступающих западных союзников и итальянцев у себя в тылу – быстро оставят Южную Италию, казались все-таки преувеличенными, то во всяком случае предполагалось, что союзные армии сразу же получат возможность свободно продвигаться на север. Ничего подобного не случилось. Итальянская армия тихо и незаметно сошла со сцены. Немцы же спокойно, избавившись от забот о своем ненадежном союзнике, продолжали борьбу дальше. В результате союзники оказались перед нежелательным с военной точки зрения фактом создания нового, поглощающего много сил второстепенного театра военных действий, на котором они, правда, не собирались добиваться исхода войны, но и отказаться от которого тоже не могли. Поэтому было принято решение продолжать войну в Италии минимальными силами, лишь бы сохранить второй фронт, а центр всех усилий в дальнейшем перенести на подготовку вторжения во Францию.

С точки зрения создавшейся обстановки Гитлер был, пожалуй, прав, считая отпадение Италии потерей, хотя бы лишь постольку, поскольку итальянская армия полностью утратила свою боеспособность. Однако она, без сомнения, могла бы и дальше вносить свой вклад в дело ведения войны, если бы ее использовали не столь варварски. Именно такое использование привело ее к гибели гораздо быстрее, чем намного более мощную немецкую военную машину. Несмотря на все старания выставить общую обстановку в розовом свете, нельзя было пройти мимо того факта, что противник все-таки вступил на европейскую землю и что для сдерживания его понадобилось сначала семь, а в дальнейшем потребуются гораздо больше самых полноценных дивизий. И это в то время, когда на Восточном фронте напряжение достигло предела.

4. Окончательная потеря инициативы немецкими войсками на Востоке

Последнее немецкое наступление на Востоке

Весенней распутице, приостановившей в конце марта 1943 года боевые действия на Восточном фронте, предшествовали девять месяцев ожесточенной борьбы. Хотя русские бросили все свои силы, им не удалось помешать созданию на юге новой прочной немецкой обороны. Добровольно оставляя выступы на центральном и северном участках общего фронта, немецкое командование упреждало русских, стремившихся срезать эти выступы. Русские армии, которые все еще одни несли основную тяжесть борьбы, срочно нуждались в отдыхе и пополнении. Немецкие армии также имели значительные потери, тем не менее они, как это показало контрнаступление южнее Харькова, были вполне способны наносить быстрые и эффективные контрудары. В силу этого русское командование сочло необходимым произвести основательную перегруппировку своих сил, отказавшись на какое-то время от дальнейших наступательных операций.

Немцам нечего было и думать о таком решающем наступлении, какое они предпринимали в предыдущих летних кампаниях. Это не представлялось возможным как из-за тяжелых потерь прошедшего года, так и в силу растущей мощи Красной Армии. Русские войска не только оснащались отечественной техникой, которую производила сильно выросшая военная промышленность, но и снабжались американскими военными материалами. Истекший год в равной степени отчетливо показал как возросшую гибкость русского командования в решении оперативных задач, так и по-прежнему значительное тактическое превосходство немецких войск на поле боя. Если на решающий успех наступления на Востоке нельзя было

рассчитывать, то напрашивалось решение придать войне оборонительный характер. Немецкая оборона проходила в глубине вражеской территории, и в ее тылу имелось достаточно пространства, чтобы там, где это было выгодно, в упорных оборонительных сражениях, а на других участках (особенно, если грозил прорыв русских войск) эластичным отходом и последующими внезапными контрударами ослаблять наступательную мощь русских и изматывать их. Меньше всего можно было теперь позволить себе то, что имело место в прошлом году, когда в результате упрямства, обусловленного политическими или чисто военными соображениями, [422 – Схема 36] противнику предоставлялась возможность уничтожать целые армии. Немецкая армия приобрела такой боевой опыт, чувствовала себя, несмотря на все понесенные до сих пор потери, так хорошо подготовленной и настолько сознавала свое превосходство над противником, что вполне была на высоте задач, вытекавших из стратегии борьбы на истощение противника путем оперативного маневрирования. Период распутицы, сокращение линии фронта и следовавшие затем периоды затишья были для немецких дивизии очень кстати. «Сталинградский шок», и раньше ощущавшийся лишь в войсках наиболее сильно пораженного им южного участка фронта, был в конце концов преодолен и там. Многочисленные соединения, в том числе все танковые и немало пехотных дивизий, были отведены в тыл и обучались почти как в мирное время. Более того, даже находившиеся на фронте дивизии благодаря великодушным мероприятиям командования имели возможность отводить свои подразделения и даже целые части на отдых и обучать их ведению боя во взаимодействии с другими родами войск.

Гитлер все-таки не мог согласиться с тем, чтобы так просто уступить противнику инициативу; наоборот, он попытался еще раз навязать ему свою волю. К этому времени линия фронта от Ленинграда до района западнее Ростова проходила довольно прямо, поэтому для наступления был избран выступ, вдававшийся западнее Курска в расположение немецких войск почти на 200 км по фронту и 120 км в глубину. План немецкого командования заключался в следующем: нанеся удары с севера из района южнее Орла и с юга из района Белгорода, сомкнуть оба ударных клина восточнее Курска, окружить расположенные на Курском выступе крупные силы русских и уничтожить их. Наступление готовилось в расчете на то, что решающий успех с незначительными собственными потерями позволит улучшить соотношение сил и что благодаря одержанной победе удастся сохранить инициативу. За счет значительного оголения соседних участков фронта и использования почти всех только что созданных оперативных резервов Восточного фронта численность 9-й армии, оборонявшейся южнее Орла, была доведена до пяти танковых и восьми пехотных дивизий, а находившейся в районе Белгорода 4-й танковой армии – до восьми танковых и семи пехотных дивизий. Гитлер все время переносил сроки этого давно подготовленного наступления, несмотря на мнение военных руководителей, что следует либо начать его в ближайшее же время, либо вообще отказаться от его проведения. Дело в том, что Гитлеру хотелось применить в этой операции большое количество танков «Пантера», которые незадолго перед тем были пущены в серийное производство и на которые он возлагал особенно большие надежды. Возможно, что определенную роль здесь сыграла и напряженная внутривнутриполитическая обстановка в Италии, поскольку свержение Муссолини могло привести к непредвиденным военным последствиям.

События прошедшего года все-таки, по-видимому, в какой-то мере отразились на оперативных взглядах Гитлера. В одной из речей, произнесенной им незадолго до начала наступления перед лицами высшего командного состава, на которых возлагалось проведение операции, он заявил о своем твердом решении перейти к стратегической обороне. Германия, сказал он, должна отныне изматывать силы своих врагов в оборонительных сражениях, чтобы продержаться дольше, чем они; предстоящее наступление имеет целью не захват значительной территории, а лишь выпрямление дуги, необходимое в интересах экономии сил. Расположенные на Курской дуге русские армии должны быть, по его словам, уничтожены, – нужно заставить русских израсходовать все свои резервы в боях на истощение и тем самым ослабить их наступательную мощь к предстоящей зиме. Основная мысль этих рассуждений вполне совпадала с точкой зрения военного руководства, тем более, что идея изматывания войск противника практически уже осуществлялась. Позиционная же оборона, весьма скоро вновь ставшая лейтмотивом Гитлера, не удовлетворяла требованиям идеи изматывания, так как

изнуряла свои силы больше, чем силы противника. Вообще говоря, Гитлер не мог освободиться от своего старого стремления постоянно преуменьшать силу русских. Так, он бесцеремонно отвергал результаты обработки разведанных в генеральном штабе сухопутных войск, считая, что они преувеличивают силы противника и без всякого основания сгущают краски.

Подготовка немцев к наступлению против Курского выступа не осталась для русских незамеченной. Сверх обычного своего правила – не теряя времени тщательно оборудовать каждый рубеж – они создали здесь особенно глубоко эшелонированную, насыщенную проволочными и противотанковыми заграждениями оборону, наиболее прочную в южной и северной частях Курской дуги и усиленную большим количеством противотанковых средств. На угрожаемых направлениях были сосредоточены крупные резервы.

Наступление, предпринятое 5 июля обеими немецкими армиями одновременно с севера и юга, несмотря на использование всех сил и мощную поддержку с воздуха, не принесло желаемого результата, 9-я армия, наступавшая на фронте 90 км, после первоначальных успехов уже в первые дни наступления была остановлена, сумев вклиниться в оборону противника лишь на 12 км.

Более успешным был удар 4-й танковой армии, но и он не принес решающего успеха, 4-й танковой армии удалось вбить в оборону противника клин глубиной до 35 км. Тем не менее, когда 9-я армия 12 июля вынуждена была Приостановить наступление, расстояние между клиньями составляло все еще свыше 100 км. Русское командование располагало столь мощными резервами, что смогло не только предпринять крупные контрудары, но и приступить к осуществлению далеко выходящих за пределы Курского выступа операций, в результате которых оно захватило стратегическую инициативу на Восточном фронте в свои руки и больше уже не упустило ее до самого конца войны. Уже через несколько дней стало ясно, что немецкие войска, понесшие невосполнимые потери, не сумели добиться поставленной перед ними цели.

Первый удар русских был нанесен на Орловской дуге, которая, как и Курская дуга, представляла собой значительный по размерам выступ, но направленный в противоположную сторону, на восток. Русские еще до начала немецкого наступления на Курской дуге сосредоточили здесь несколько армий, насчитывавших в общей сложности около пятидесяти дивизий и крупные танковые соединения. Цель, которую русские преследовали своим наступлением, заключалась в том, чтобы прорвать оборону 2-й танковой армии на ее левом фланге северо-восточнее Брянска, выйти к железной дороге Орел-Брянск и окружить, а затем уничтожить находившиеся в районе Орла немецкие дивизии.

11 июля {38}, в самый разгар сражения южнее Орла, русская группировка в составе 11 стрелковых дивизий и 3 танковых корпусов перешла в наступление в районе севернее Орла, а примерно такие же силы нанесли удар с востока. Немецкие войска на этих участках были ослаблены – командование отобрало у них крупные силы для организации наступления – и не могли устоять перед мощным натиском противника. Прорывы на обоих участках фронта вынудили генерал-полковника Моделя, на которого было возложено общее командование 9-й и 2-й танковой армиями, на второй день русского наступления изъять несколько танковых и гренадерских моторизованных дивизий из группировки, наступавшей в южном направлении, и в последующие дни отойти там на исходные позиции. К 21 июля наступавшие с севера войска Брянского фронта, расширившие прорыв почти до 50 км по фронту, продвинулись примерно на столько же в глубину и приблизились к железной дороге, снабжавшей весь Орловский выступ. Крупные силы немецкой авиации непрерывными налетами сдерживали русских до тех пор, пока командование не подтянуло достаточного количества войск, чтобы остановить прорвавшегося противника. Наступавшие с востока русские войска подошли вплотную к Орлу. Вводом дополнительно изъятых из состава ударной группировки дивизий удалось приостановить продвижение русских в направлении железной дороги и не допустить развития прорыва в сторону флангов. Тем не менее удерживать разорванный на нескольких участках Орловский выступ не представлялось возможным. Под давлением многократно превосходящих сил русских армий, численность которых к кульминационной точке сражения возросла до восьмидесяти двух стрелковых дивизий, четырнадцати танковых корпусов, двенадцати артиллерийских дивизий и большого числа отдельных танковых частей, обе оборонявшие Орловский выступ немецкие армии были отведены на выровненную линию обороны

непосредственно восточнее Брянска. Начавшийся 31 июля отход прошел без осложнений, несмотря на мощный натиск русских войск. Благодаря сокращению линии фронта и переходу к обороне были высвобождены восемь пехотных, три гренадерские моторизованные, шесть танковых дивизий, которые были переданы главным образом другим армиям группы «Центр». Все они понесли тяжелые потери. Одни из них сначала участвовали в наступлении 5 июля, а затем вели бои против прорвавшихся на фронте 2-й танковой армии русских войск; другие первыми приняли на себя удар русских и оказались сильно потрепанными. Правда, намечалось отвести эти дивизии в тыл для отдыха и пополнения, но пока что их приходилось перебрасывать на другие участки фронта, находившиеся под угрозой новых ударов противника. Особенно сильно ослабленной была 4-я армия, у которой командование взяло большое количество войск для организации наступления на Курск. Вынужденная в результате этого непомерно растянуть боевые порядки своих немногочисленных соединений, она была не в состоянии сдержать собственными силами русское наступление.

Последующие удары русских на фронте группы «Центр» наносились по одной и той же схеме, примененной ими еще зимой 1942/43 г. Как только удавалось прорвать или нарушить оборону на одном участке, они переносили свои основные усилия на соседний участок, пытаясь таким образом последовательно взломать немецкую оборону на значительном фронте. Когда они считали, что им удалось достаточно ослабить ряд участков, предпринималось наступление на широком фронте с целью добиться оперативного прорыва. Применяя эту схему, они в августе перенесли основные усилия с 9-й армии (и объединившейся с нею 2-й танковой армии) на соседнюю 4-ю армию и 6 августа нанесли удар по ее правому флангу. Целью этого удара был прорыв на Рославль и выход в тыл 9-й армии. В последующие дни русские перешли в наступление и дальше к северу, до Ельни, а затем до района западнее Белого. Завязались тяжелые бои. Не раз фронт отходившей 4-й армии и оттягивавшейся в силу этого 9-й армии был на грани прорыва, однако русским так и не удалось осуществить намеченных прорывов ни на Смоленск, ни на Рославль. Более значительный отход понадобился группе армий «Центр» лишь в середине сентября, когда русские развернули наступательные операции также против 2-й армии и всей группы армий «Юг» и добились успехов, поколебавших весь фронт от Смоленска до Крыма.

Русское наступление до Днепра

Наступление 4-й танковой армии на южном участке Курской дуги вначале, несмотря на ожесточенное сопротивление русских, казалось [427 – Схема 37] многообещающим. Однако, когда 12 июля 9-я армия южнее Орла вынуждена была приостановить свое наступление и несколькими днями позже отойти на исходные позиции, наступление и на юге потеряло смысл и привело бы лишь к новым напрасным потерям. Поэтому оно продолжалось здесь лишь в той мере, в какой это представлялось необходимым на отдельных участках по тактическим соображениям и, наконец, 15 июля было повсеместно прекращено. После этого русские, угрожая обоим флангам вклинившихся немецких войск, вынудили 4-ю танковую армию оставить захваченный район, и к 23 июля она была отеснена на исходные позиции. Добившись этого успеха, русские стали действовать здесь иначе по сравнению с действиями против группы армий «Центр». Они отказались от немедленного нанесения контрудара, решив предварительно произвести перегруппировку. А тем временем, по-видимому, с целью сковать силы немцев войска Южного и Юго-Западного фронтов на нескольких участках между Изюмом и Таганрогом предприняли 17 июля наступательные действия местного характера против правого фланга 8-й полевой армии, а также против 1-й танковой и 6-й полевой армий, объединенных к тому времени в группу армий «А». На Северном Донце по обе стороны Изюма и западнее Ворошиловграда эти атаки были отражены. На реке Миус в районе Куйбышево русским удалось глубоко вклиниться в оборону 6-й армии. Так как вклинение приняло угрожающий характер, командованию группы армий пришлось бросить на выручку 6-й армии крупные резервы. 30 июля силами трех пехотных, четырех танковых и одной гренадерской моторизованной дивизии 6-я армия нанесла контрудар, завершившийся весьма успешно. В ходе ожесточенных трехдневных боев удалось вернуть захваченный русскими район шириной 20 и глубиной 10 км, и 2 августа 6-я армия вышла на свои прежние позиции на реке Миус. Русские, помимо тяжелых потерь убитыми и ранеными, потеряли почти 18 тыс. пленными и большое

количество техники. Тем не менее, используя крупные силы, они сковали немецкие резервы на участке, который не считали самым решающим.

План русского наступления на юге сводился к тому, чтобы, прорвав немецкую оборону в южной части Курского выступа и западнее Белгорода в общем направлении на Харьков, а затем перейдя в наступление и на соседних участках фронта, взломать оборону обеих южных групп армий вплоть до Таганрога и завершить начатое еще в ходе февральских боев освобождение Донбасса.

Немецкие армии, участвовавшие в боевых действиях на Восточном фронте, в ходе отражения русских ударов накопили за последние два года богатый боевой опыт. Исход боев за Куйбышево вновь показал, с каким поразительным успехом можно отражать русские атаки при условии более или менее сносного соотношения сил. Поскольку русские наступательные операции проводились по стандартной схеме, то и действия в тактическом масштабе осуществлялись по определенному шаблону. Накануне наступления на ряде участков, зачастую находившихся в стороне от намеченных для прорыва, подразделениями силой до батальона обычно проводилась разведка боем, которой русские преследовали цель, во-первых, ввести в заблуждение относительно своих замыслов, а, во-вторых, вызвать огонь немецкой артиллерии и тяжелого оружия и тем самым окончательно уточнить их расположение. Первый день наступления обычно начинался многочасовой, исключительной интенсивности артиллерийской подготовкой с применением крупных сил артиллерии, а также реактивных установок и минометов, огонь которых умело использовался для поражения немецкой пехоты. Мощная авиация стремилась подавить немецкую артиллерию. Под прикрытием авиации крупные массы пехоты в сопровождении танков начинали атаку. Лишь после того как удавалось глубоко вклиниться в систему немецкой обороны, для завершения прорыва вводились танковые соединения, а зачастую и кавалерийские корпуса.

Развернувшиеся в то время непрерывные бои на Востоке дают немало примеров того, как немецкому командованию, чаще всего в масштабе армии, удавалось отражать попытки русских осуществить прорыв благодаря более умелому управлению со стороны командиров всех степеней, вплоть до командиров взводов и отделений, а также благодаря упорству и маневренности немецких войск. Предпосылки для такого рода успехов было нетрудно создавать всякий раз, когда соотношение сил бывало не слишком неблагоприятным. Негустая сеть русских железных и шоссейных дорог могла легко контролироваться авиацией, благодаря чему немецкое командование могло своевременно узнавать о перебросках русских войск. Тщательная работа радиоразведки, следившей за радиосвязью противника, неизменно давала точную картину организации его связи командования. Кроме того, интенсивная деятельность войсковой разведки обеспечивала получение данных тактического характера, которые зачастую существенно дополнялись сведениями перебежчиков, переходивших на сторону немцев непосредственно перед наступлением противника. Замечательно работавшие дивизионы АИР обычно точно определяли численность и расположение русской артиллерии во время неизбежной пристрелки, несмотря на все искусные маневры русских. Разведка боем являлась верным признаком того, что на другой день последует ожидаемое наступление противника. Одновременно это служило сигналом для нашей артиллерии и расчетов тяжелого пехотного оружия занимать подготовленные позиции, а для пехоты – покинуть первую траншею и отходить во вторую, дабы снизить эффективность артиллерийской подготовки противника.

Исход начинавшегося таким образом оборонительного сражения определялся тем, было ли достаточно сил для предотвращения прорыва русских в первые несколько дней. Прорыва удавалось не допустить, если в глубине обороны за участком фронта, над которым нависала смертельная угроза, заблаговременно сосредоточивались необходимые резервы. Другие же резервы, вводимые для отсекаания клиньев противника и для контрударов, могли быть подтянуты с соседних участков в масштабе сначала армейского корпуса, а затем армии и группы армий. Если же русские все-таки имели успех, то это означало, что ожесточение, с которым русское командование, не считаясь с потерями в живой силе, продолжало преследовать поставленную цель, придавало им действиям характер боев на истощение. В ходе таких боев обороняющиеся немецкие войска оказывались в состоянии относительно небольшими силами наносить русским исключительно тяжелые потери, нередко в 20 раз

превышавшие потери обороняющихся. В подобных условиях в конце концов появлялась возможность путем завершающего внезапного контрудара сразу вернуть потерянные перед тем позиции. Успешно проведенные такого рода оборонительные сражения, как правило, стоили русским огромных жертв и в значительной мере предопределяли продолжительность борьбы, ставшей столь неравной. Тем не менее одними этими действиями нельзя было предотвратить гибельного конца, ибо негибкое руководство становившегося все более упрямым Гитлера губило в оперативном масштабе все с трудом достигнутые тактические успехи войск. Гитлер настаивал на решающей обороне даже там, где для успешного проведения ее не было решительно никаких предпосылок.

Если русское превосходство в силах на первом этапе сражения оказывалось слишком подавляющим, а достаточное количество резервов своевременно не могло быть подтянуто, то, как следствие, в обороне появлялись бреши, которые были особенно губительны, если на соседних неатакованных ветках фронта обороняющиеся войска упорно цеплялись за удерживаемые рубежи. В этих случаях дело доходило до окружений дивизий, корпусов и даже армий. При благоприятных обстоятельствах окруженной группировке удавалось пробиться к своим войскам, но все равно это было сопряжено с тяжелыми потерями и оставлением противнику огромного количества боевой техники и снаряжения. Описанная выше картина повторялась неоднократно, когда русские армии 3 августа развернули крупное наступление против группы армий «Юг». Наступление началось с удара войск Воронежского фронта в районе Харьков, Белгород. В результате этого удара, нанесенного в районе Белгорода на фронте 70 км, немецкая оборона была прорвана и наступающие быстро продвинулись в направлении железной дороги Сумы – Харьков. Лишь здесь они были задержаны войсками 8-й полевой и 4-й танковой армий, что привело к значительному замедлению темпов наступления в последующие недели. В тот момент, когда наступление Воронежского фронта шло уже полным ходом, войска Степного фронта перешли в наступление на Харьков с востока. Армии этого фронта 14 августа вышли к восточным окраинам города, в четвертый раз уже переходившего из рук в руки. 22 августа 8-й армии пришлось его оставить. Русские попытались с хода прорваться к Полтаве вдоль железной дороги, но натолкнулись на стойкую немецкую оборону юго-западнее Харькова. В конце августа 8-й армии и примыкавшей к ней севера 4-й танковой армии удалось если и не совсем остановить русское наступление, то, во всяком случае, значительно замедлить его. Однако обе армии, особенно 4-я танковая, были уже настолько обескровлены, что немецкое командование с большой озабоченностью ожидало предстоящих неизбежных испытаний. К концу августа фронт группы армий «Юг» был пока еще сплошным и проходил довольно прямо от изгиба Северного Донца южнее Харькова до района Лебедина. В тылу 8-й армии находились на пополнении несколько танковых дивизий.

Обе же армии оборонявшейся южнее группы армий «Д», напротив, не имели никаких резервов, кроме одной гренадерской моторизованной дивизии; к тому же большинство своих танковых дивизий они либо передали другим армиям, либо потеряли, когда русские 16 августа развернули наступательные операции в районе Изюма против стабилизировавшейся там немецкой обороны по Северному Донцу, а несколькими днями позже – и на фронте 6-й армии на реке Миус. На Северном Донце русским вначале удалось добиться лишь местных успехов, зато на Миусе они глубоко вклинились в немецкую оборону в районе Куйбышево, то есть там же, где и в предыдущем месяце. Под ударом намного превосходящих русских сил фронт на Миусе был прорван, и 29 августа русские овладели Таганрогом. Тем временем в районе Изюма в полосе 1-й танковой армии продолжалось наступление Юго-Западного фронта, преследовавшее цель во взаимодействии с Южным фронтом овладеть Донбассом. После того как прорыв русских в районе Изюма в конце концов удался, в результате чего 8-ю армию пришлось оттянуть назад, крупнейшие центры Донецкого промышленного района один за другим быстро оказались в руках русских. 8 сентября русские вступили в Сталине, 6-я полевая и 1-я танковая армии были настолько ослаблены, что им приходилось все быстрее отходить к нижнему Днепру. 25 сентября русские армии Южного фронта вышли к Мелитополлю и к Днепру в районе между Запорожьем и Днепропетровском. Обе немецкие армии рассчитывали получить за широкой водной преградой передышку и привести в порядок свои войска.

Однако даже эти успехи русских, отбросивших в течение двух месяцев немецкие войска

на 200 км к западу и причинивших немецким армиям такие тяжелые потери, были намного превзойдены новым наступлением, предпринятым в конце августа армиями Степного, Воронежского и Центрального фронтов против 8-й полевой и 4-й танковой армий, входивших в группу армий «Юг», а также против примыкавшей к ним с севера 2-й армии из состава группы армий «Центр». Особенно быстро это наступление развивалось в западном направлении между Полтавой и Рьльском. Главный удар был нанесен по войскам 4-й танковой армии и левому флангу 8-й армии. Оборона 4-й танковой армии оказалась прорванной не только на тактическую, но и на оперативную глубину, в результате чего эта армия в начале сентября даже при отступлении не смогла восстановить целостности своего фронта. После того как она к 12 сентября была отброшена до Прилук и Конотопа и противник двумя днями позже вышел к Нежину, командующий армией получил приказ отвести разрозненные остатки армии за Днепр. В сводке германского верховного командования от 16 сентября, правда, утверждалось, что русским, несмотря на их большое численное превосходство, не удалось прорвать оборону и добиться успехов оперативного масштаба, тем не менее пришлось все-таки признать, что проводится крупное сокращение линии фронта, что позволит создать новые резервы. К 27 сентября 8-я полевая и соседняя с ней 1-я танковая армии отошли за Днепр, заняв оборону на его правом берегу от Кременчуга до района южнее Киева, 4-ю танковую армию, еще раз приостановившую на короткое время на Десне продвижение русских, также удалось переправить через Днепр севернее и южнее Киева и организовать за Днестром неглубокую, но сплошную оборону. Однако связь с правым крылом группы армий «Центр» у слияния Днестра и Припяти была потеряна.

Надо сказать, что одновременно со прорывом немецкой обороны между Полтавой и Рьльском войска Центрального фронта нанесли удар и по правому флангу 2-й полевой армии. Кроме того, у русских не было недостатка в силах, чтобы оказывать мощное давление также и на 9-ю и 4-ю армии с задачей сковать силы этих армий и помешать переброске соединений для поддержки группы армий «Юг». Через несколько дней на правом фланге 2-й армии в результате разгрома ее правого соседа создалось угрожающее положение, ликвидировать которое 2-я армия своими силами не могла. Командование армии считало, что нужно срочно принять радикальные меры. Такая точка зрения совпадала с мнением командования группы армий «Центр», которое в своих донесениях главному командованию сухопутных сил указывало на перенапряжение войск, делавшее отход на запад настоятельно необходимым. Эти ходатайства, хотя и являвшиеся результатом все более неблагоприятно складывавшейся обстановки, были с одобрением встречены начальником генерального штаба сухопутных сил, поскольку, наталкиваясь всякий раз на непреодолимое упрямство Гитлера, он мог теперь подкреплять свои доводы внушительными данными из донесений командования группы армий. Гитлера, однако, невозможно было убедить в превосходстве русских, в которое он все еще не верил, и именно этим следует объяснить тот факт, что он со всей серьезностью намеревался вновь применить средство зимней кампании 1941/42 г., то есть просто запретить какой бы то ни было отход. Не искусство полководца, а глупое упрямство должно было спасти безнадежное положение. Командование группы армий «Центр» на запрос Цейтцлера немедленно ответило, что сейчас войска перенапряжены в гораздо большей степени, чем зимой 1941/42 г., что потери в командном составе чрезвычайно серьезно подрывают способность войск к сопротивлению и что тяжелые бои отразились на их моральном состоянии, в то время как управление войсками, вооружение и оснащение противника, напротив, улучшились. Поэтому, говорилось в ответе командования группы армий, приказ держаться во что бы то ни стало ничего не изменит. Действительно, Гитлер должен был сознавать, что таким примитивным приказом невозможно было исправить положение, при котором противник благодаря своему превосходству мог произвольно менять направление своих ударов или наращивать их силу по своему усмотрению. Обстановка требовала, наконец, быстрых и решительных действий с немецкой стороны. Тем не менее Гитлера, пока противник его к этому не принуждал, невозможно было склонить к своевременному выпрямлению далеко выступавших вперед участков фронта, поглощавших много сил и постоянно грозивших прорывами и охватами. Именно такая все возрастающая угроза создавалась для группы армий «Центр» в сентябре. Особое беспокойство командования группы армий вызывала обстановка на ее южном крыле. Оборона 2-й армии в результате

русских ударов казалась прорванной в нескольких местах, и армия, испытывая сильное давление противника на правом фланге, вынуждена была отойти за Десну. Собственных сил в армии было ровно столько, чтобы кое-как удерживать свой фронт, поэтому обеспечить связь с 4-й танковой армией посредством наступательных действий ей, несмотря на неоднократные попытки, не удалось. Под сильнейшим напором противника армия к концу месяца отошла за Днепр и Сож. В районе Гомеля ей пока что удавалось удерживать предместное укрепление на левом берегу реки Сож, однако созданная русскими южнее Гомеля брешь оставалась открытой.

Примыкавшая ко 2-й армии с севера 9-я армия частично под давлением фронта, а главным образом в силу необходимости увязывать свои действия с отходом 2-й армии вынуждена была своим правым флангом отойти за Десну, хотя в центре она еще продолжала удерживать Брянск, а на левом фланге – район восточнее Рославля. По мере того как положение 2-й армии все больше обострялось, возрастала угроза правому крылу группы армий «Центр», в то же время критическая обстановка на фронте группы армий «Юг» требовала передачи туда нескольких дивизий. Тем временем войска русского Западного фронта нанесли с рубежа Дорогобуж, Ельня удар и по левому крылу группы армий «Центр» с целью осуществить прорыв на Смоленск. Теперь стало ясно, что выступающий далеко на восток участок фронта, на котором оборонялась 9-я армия, удерживать больше невозможно.

Командование группы, предвидя такой ход событий, заблаговременно выбрало новый оборонительный рубеж и приступило к его оборудованию. Этот рубеж проходил перед Днепром и прикрывал последнюю крупную железнодорожную и автомобильную магистраль перед Припятскими болотами. Если бы русским удалось взять под свой контроль шоссе и железнодорожную линию Гомель – Могилев – Орша, то оборона восточнее Припятских болот вряд ли была бы осуществимой. Отдавая в середине сентября приказ на отход на новый рубеж, проходивший по реке Сож и далее через Ленино на Рудню, командование группы рассчитывало, что ему удастся растянуть этот отход по крайней мере на 5 недель. События, однако, заставили осуществить его гораздо быстрее. Критическая обстановка на правом крыле, нуждавшемся в постоянной поддержке, равно как и исключительно сильное давление, которое оказывал русский Западный фронт на войска 4-й армии на смоленском направлении, требовали непрерывного сокращения линии фронта. С величайшим трудом удалось помешать русским прорваться на Смоленск. Но уже 24 сентября Смоленск и Рославль, с которыми были связаны многообещающие успехи лета 1941 г., пришлось все-таки оставить. Натиск противника все возрастал. Без сомнения, он обнаружил подготовку новых оборонительных позиций и стремился не дать немецким войскам возможности остановиться и стабилизировать фронт. Южнее Смоленска, который опять-таки по приказу Гитлера пришлось удерживать слишком долго, замысел противника, по-видимому, имел успех. Прорыв русского кавалерийского корпуса на Ленино предотвратить не удалось. Обстановка стала еще более критической, когда русские предприняли прорыв и на фронте 3-й танковой армии, передавшей за последние месяцы несколько дивизий на другие участки фронта и вынужденной растянуть оборонительные полосы каждой из оставшихся дивизий до 40 км по фронту. После нескольких исключительно тяжелых дней переброской сил с центрального участка фронта группы армий удалось преодолеть и этот кризис. Тем временем ударом из глубины, осуществленным силами наскоро созданных частей и войск охраны тыла, прорвавшийся кавалерийский корпус противника был остановлен в районе Ленино. К 1 октября группа армий благополучно отошла на новый рубеж, и фельдмаршал фон Клюге приказал «отныне покончить с отходом». Он все же не скрывал, что обстановка на фронте, лишенном каких бы то ни было резервов, продолжала оставаться чрезвычайно неустойчивой и давала повод для серьезного беспокойства. Особенно это было заметно на правом крыле: там 2-я армия начиная с 27 сентября безуспешно пыталась подтянуть достаточное количество сил с целью ударом в южном направлении восстановить связь с группой армий «Юг» между Припятью и Днепром, где тем временем сосредоточивались все более крупные силы русских. Негустая и поэтому до предела перегруженная железнодорожная сеть, пропускная способность которой, и без того незначительная в районе Припятских болот, еще больше снижалась в результате ожесточенной деятельности партизан, вряд ли могла обеспечить подвоз всего необходимого для этой армии. Переброска выделенных сил осуществлялась черепашими темпами, что до предела напрягало

нервы командования и вынуждало его все время переносить сроки намеченного наступления, хотя проведение последнего с каждым днем становилось все более затруднительным.

Группу армий «Север» летнее наступление русских не затронуло. Ее 16-я армия удерживала оборону на прежнем рубеже, проходившем западнее Великих Лук через Холм до Старой Руссы у озера Ильмень. Столь же мало изменилось и положение 18-й армии. Ей продолжал доставлять много неудобств плацдарм русских на реке Волхов шириной 35 км и глубиной 10 км, который в прошлом году из-за нехватки сил ликвидировать не удалось. Блокада Ленинграда продолжалась. Предпринятая русскими в конце июля – начале августа попытка двумя армиями прорвать немецкий фронт южнее Ладожского озера между Ленинградом и рекой Волхов после двухнедельных боев разбилась о стойкую немецкую оборону. Выступ, который в дальнейшем мог быть использован для охвата Ленинградского фронта, сохранился. С тех пор противник вел себя здесь спокойно.

На крайнем юге Восточного фронта к началу летнего наступления русских 17-я армия все еще занимала кубанский плацдарм, упираясь своими флангами в Новороссийск и Темрюк. В Крыму румынские и словацкие части, возглавлявшиеся командующим 3-й румынской армией, совместно с немецкими войсками охраны тыла прикрывали довольно протяженное побережье от возможных в любой момент попыток противника высадить десант. Общее руководство всеми сосредоточенными на кубанском плацдарме и в Крыму силами осуществлялось командующим группой армий «А».

1 сентября русский Северо-Кавказский фронт начал наступление на кубанский плацдарм, которое приняло угрожающий характер, после того как части русской морской пехоты 11 сентября высадились в тылу немецких войск в Новороссийске. Вначале энергичными контратаками удалось уничтожить часть десанта, но уже в ближайшие дни не было никакой возможности помешать усилению противника на захваченном плацдарме, вследствие чего он 11 сентября после ожесточенных уличных боев овладел Новороссийском. Там русские продвинулись вдоль побережья до Анапы, которую и заняли 22 сентября. Одновременно они потеснили оборонявшиеся на кубанском плацдарме немецкие войска с фронта и форсировали в районе Темрюка реку Кубань. Только теперь, наконец, была разрешена и начата эвакуация через Керченский пролив этого давно уже потерявшего свое значение плацдарма. Под прикрытием стойко оборонявшихся арьергардов, хотя и со значительными потерями, понесенными в результате непрерывных налетов русской авиации, эвакуация была завершена к 9 октября.

Неудавшееся немецкое наступление в июле и развернувшиеся затем многомесячные бои на всем тысячекилометровом фронте от Смоленска до Черного моря были сопряжены с тяжелыми потерями для немецких войск. Примерно из 110 дивизий, сражавшихся в составе трех групп армий, свыше одной трети было настолько ослаблено, что они обозначались на картах просто дивизионными группами. Это означало, что численность каждой из дивизий уменьшилась до нескольких неполных батальонов. Лишь по отношению к некоторым из дивизий можно было ограничиться пополнением, многие же были либо вообще расформированы, либо по две дивизии сведены в корпусные группы, каждая из которых по численности фактически равнялась дивизии и именовалась так лишь ради введения противника в заблуждение. Другие дивизии также понесли тяжелые потери, и вряд ли хоть одна из них имела более половины штатного состава. Правда, численность боевых подразделений пехотных частей благодаря постоянной чистке тыловых служб удавалось в какой-то мере поддерживать на достаточно сносном уровне, однако степень подготовленности этого пополнения была, естественно, далеко не одинаковой.

Но еще более тяжелыми были потери танковых дивизий. Из восемнадцати танковых дивизий тринадцать обозначались как танковые дивизионные группы. Они потеряли бо льшую часть своих танков, да и по количеству живой силы были чрезвычайно ослаблены. Тем не менее все они постепенно вновь пополнились. Оперативных резервов в распоряжении главного командования сухопутных войск к концу сентября вообще не было. Имевшиеся в составе 9-й армии потрепанные танковые дивизии были сосредоточены на правом крыле группы армий «Центр» с целью обеспечить стык с группой армий «Юг». Другими танковыми соединениями, которыми можно было бы бороться с прорывами русских, группы армий «Центр» и «Север» не

располагали.

Этим ослабленным группам армий противостояло свыше 400 русских дивизий, большое число кавалерийских корпусов и значительно больше 100 танковых полков, сведенных частично в танковые корпуса, частично в отдельные танковые бригады. Вдобавок, все эти огромные силы русских опирались на поддержку многочисленной артиллерии РКК и все возраставшей в количественном отношении авиации.

Битва за Днепр между Мелитополем и Киевом

Превосходство русских в живой силе и технике за последние три месяца не только не было ликвидировано, но даже вряд ли заметно уменьшилось, поскольку его источник был, в сущности, почти неиссякаем. Это превосходство вынуждало немецкое командование [437 – Схема 38] добровольно оставить выступающую от Киева на восток излучину Днепра и постепенно отойти на выпрямленный рубеж Николаев, Киев, на южном участке которого в качестве преграды можно было использовать реку Буг. Одновременно с общим отходом нетрудно было бы эвакуировать и Крым, значение которого как прикрытия южного крыла немецких войск в случае ухода с Днепра утрачивалось. Благодаря этому уход из Крыма оказался бы связанным с гораздо меньшими трудностями и потерями, чем это имело место позже при эвакуации морским путем. Сверх того, было бы высвобождено восемь дивизий. Такой добровольный отход на выпрямленный рубеж по крайней мере на одну треть сократил бы протяженность немецкого фронта, составлявшую по Днепру от Киева до Мелитополя 600 км, что, в свою очередь, позволило бы, наконец, выделить крупные резервы для командования, которому приходилось всякий раз оголять одни участки фронта, чтобы иметь возможность закрывать бреши на других.

Гитлера, однако, невозможно было склонить к такому экономящему силы и целесообразному в оперативном отношении плану. Разумеется, выдвигая требование оборонять Днепр, он руководствовался не менее важными соображениями политического и экономического характера. В результате событий под Сталинградом и полного провала летних операций 1943 г. военному престижу Германии был нанесен первый серьезный удар. Италия полностью выпала из коалиции, а Венгрия уже не могла посылать свои войска на Восточный фронт. Лишь несколько венгерских дивизий еще участвовали в борьбе с партизанами в тылу 2-й армии. Румынская помощь ограничивалась восемью дивизиями, использовавшимися для обороны побережья в Крыму и на Азовском море. Фактически, если не считать финнов, оборонявших собственную страну, и нескольких слабых иностранных формирований СС, Германия теперь вынуждена была вести войну на Востоке в одиночку. Фронт стремительно приближался к Балканам. Приходилось опасаться, что если события и дальше будут развиваться с такой же быстротой, Румыния, Болгария и Венгрия, несмотря на свой страх перед большевизмом, станут ненадежными союзниками. Пример Италии был в этом смысле весьма показательным. Будущие поражения немецких войск не могли также не оказать влияния и на позицию Турции.

Столь же серьезные опасения вызывали экономические проблемы. Украина давала значительное количество сельскохозяйственной продукции, от которой в высшей степени нелегко было бы отказаться. Сталелитейная промышленность одну треть всей потребности в марганцевой руде покрывала за счет Криворожского бассейна. А сокращение производства стали после тяжелых потерь в технике, понесенных за последний год, должно было весьма неблагоприятно отразиться на производстве вооружения. И, наконец, в случае потери Крыма и дальнейшего отхода на запад русские угрожающе близко подошли бы к нефтяному району Плоешти, поставлявшему около половины необходимого для нужд войны горючего. Но, несмотря на всю свою важность, аргументы эти оказались бы убедительными лишь в том случае, если бы действительно имелись перспективы более или менее надежно задержать русское наступление на рубеже Днепра. Поскольку это не представлялось возможным, то все последствия, которых опасались в случае добровольного отхода с большой излучины Днепра, все равно рано или поздно дали бы себя знать, и тогда уж наверняка при условиях, с военной точки зрения гораздо менее благоприятных. Гитлер не хотел смириться с этой необходимостью. Цепляясь со все возрастающим упрямством за стратегию «удержания любой ценой», он тем самым действовал только на руку русским.

Предпосылки для продолжения русского наступления были налицо. Прорыв у Азовского моря отрезал бы Крым, продвижение через Днепр на Кривой Рог в сочетании со вспомогательным ударом на Запорожье могло бы привести к окружению 1-й танковой армии в излучине Днепра, а наступление на рубеже Гомель, Киев до предела растянуло бы силы немецких армий и в конце концов разорвало их фронт.

Обе оборонявшие южную часть Восточного фронта группы армий, полностью понимая реальность этих угроз, использовали для соответствующей перегруппировки кратковременную паузу, которую русские вынуждены были предоставить в связи со своей подготовкой к форсированию Днепра. Первая попытка русских в конце сентября с хода захватить плацдармы на правом берегу Днепра удалась лишь в одном пункте – у изгиба реки южнее Яготина, но и там немецкие войска при поддержке танков сумели вскоре уменьшить русский плацдарм до размеров узкой прибрежной полосы.

7 октября в русской сводке было сообщено, что после паузы, вызванной необходимостью подтягивания новых сил, русские армии возобновили наступление по всему фронту от Витебска до Таманского полуострова. Чтобы и внешне подчеркнуть достигнутые перед этим успехи и вызвать в русских войсках новый наступательный порыв, существовавшие до сих пор фронты были переименованы. На юге отныне находились 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Украинские фронты, в центре – 1-й, 2-й и 3-й Белорусские фронты и против группы армий «Север» – 1-й и 2-й Прибалтийские и Волховский фронты.

Русские армии сосредоточили основные усилия на четырех ожидавшихся немецким командованием направлениях: в районе Киева, юго-западнее Яго-тина, восточнее Запорожья, где все еще существовал крупный немецкий плацдарм на левом берегу Днепра, и в районе Мелитополя у Азовского моря. Несмотря на подавляющее превосходство русских, не знающим усталости войскам сначала удалось не допустить оперативного прорыва противника. 6-я армия до 23 октября продолжала вести тяжелые бои за Мелитополь, завершившиеся прорывом русских войск 4-го Украинского фронта. За неделю они захватили обширный район, позволивший им частью сил выйти к Перекопскому перешейку и перерезать сухопутные коммуникации немецкой группировки в Крыму. Севернее продвижение русских армий между Крымом и нижним течением Днепра было задержано лишь у самого Днепра. Исключительно важное значение имело то, что немецкие войска, которые удерживали большой плацдарм в районе Никополя, отразили все попытки русских нанести там удар через Днепр в северном направлении и прикрывали далеко выдвинутый вперед фланг 1-й танковой армии.

Когда русские 1 ноября вышли к Перекопскому перешейку, они высадили десант на восточном побережье Крыма в районе Керчи. После тяжелых боев десанту удалось закрепиться и удержать захваченный плацдарм. Однако как Перекопский перешеек, так и узкий Керченский полуостров, несмотря на все удары русских, успешно оборонялись 17-й армией. Лишь в апреле 1944 г. Крым был эвакуирован.

Запорожский плацдарм, несмотря на удар 3-го Украинского фронта, удерживался 1-й танковой армией до 14 октября. Положение этой армии стало угрожающим после того, как русским 17 октября удалось на широком фронте форсировать Днепр юго-восточнее Кременчуга, захватить там плацдарм в 45 км по фронту и около 20 км в глубину и через день прорваться к железнодорожному узлу Пятихатке, расположенной в 50 км от Днепра. За этим прорывом 24 октября последовал новый – в районе Днепропетровска. К 10 ноября русские взломали оборону на Днепровском оборонительном рубеже между Кременчугом и Днепропетровском на фронте 150 км и группировкой в составе 61 стрелковой дивизии, 37 танковых бригад и 14 мотострелковых бригад вбили глубокий клин между немецкими 1-й танковой и 8-й армиями, выйдя далеко за Ингулец севернее Кривого Рога. Танковым дивизиям 1-й танковой армии удалось помешать глубокому охвату армии с севера, тем не менее она вынуждена была отойти на рубеж Никополь, северо-восточное Кривого Рога. Примыкавшая к ней с севера 8-я армия оттянула свой правый фланг назад, что дало ей возможность прикрыть стык со своим южным соседом юго-восточнее Кировограда. Наступавшие против этой армии войска 2-го Украинского фронта сумели захватить небольшой плацдарм южнее Черкасс. Русские пытались также расширить созданный ими ранее плацдарм южнее Яготина. В остальном их действия преследовали лишь цель сковать немецкие силы, так что 8-я армия даже

могла в течение некоторого времени удерживать свою оборону на Днепре.

Зато исключительно серьезным стало положение 4-й танковой армии. Тяжелые бои, завязавшиеся 7 октября с началом крупного русского наступления на Киев, эта армия в течение всего октября вела довольно успешно, не давая противнику возможности выйти за пределы местных успехов. Русские постепенно захватили плацдармы по обе стороны Киева, которые к концу месяца были ими значительно расширены, особенно севернее города. Когда 3 ноября крупная группировка в составе 30 стрелковых дивизий, 24 танковых бригад и 10 мотострелковых бригад начала из этого района наступление, 4-я танковая армия была совершенно обескровлена. До 6 ноября она еще продолжала удерживать Киев, но затем вынуждена была оставить обойденный с обеих сторон город. Немецкий фронт был разорван, и уже на следующий день противник продвинулся к важному железнодорожному узлу Фастову, расположенному в 60 км юго-западнее Киева. Западнее Киева русские войска, развивавшие наступление на Коростень, Житомир и Бердичев, также преследовали далеко идущие цели и хотели добиться, наконец, широкого прорыва центра немецкого фронта. 11 ноября русские вышли к Радомышлю, расположенному в 90 км западнее Киева, а двумя днями позже они были уже в 130 км от Киева, в районе Житомира.

Так как южнее Гомеля в полосе соседней 2-й армии 1-й Белорусский фронт к тому времени тоже достиг значительных успехов, на стыке групп армий «Юг» и «Центр» возникла угроза крупного по масштабам прорыва с самыми грозными последствиями. Только контрнаступлением против левого крыла прорвавшихся русских войск, результатом которого должен был явиться захват Киева, еще можно было остановить противника. Сосредоточив все имевшиеся на этом участке фронта танковые дивизии и подтянув войска с севера и из Франции, группа армий «Юг» создала в районе южнее Фастов, Житомир крупную ударную группировку, подчинявшуюся командующему 4-й танковой армией. Это позволило почти на два месяца приостановить русское наступление и вернуть инициативу на этом участке фронта немецким войскам. Немецкое контрнаступление началось 11 ноября и сразу же приняло столь угрожающий характер для войск 1-го Украинского фронта, что русским пришлось ввести все свои силы и вместе с тем приостановить продвижение в западном направлении. 20 ноября Житомир снова был в руках немецких войск. Тем временем сопротивление русских постепенно возрастало, вследствие чего немецкое наступление теряло свою силу. Русские настолько укрепили свое левое крыло, что это дало им возможность возобновить наступление на запад. Смелый бросок группы армий «Юг» потерял весь свой эффект. Командованию группы пришлось перенести направление главного удара в район Житомир, Коростень, чтобы нейтрализовать новый русский удар. Такая внезапная перегруппировка немецких войск дала, во всяком случае, тот положительный результат, что русские армии были отброшены до Радомышля.

Когда русскому командованию в начале ноября стало известно, что в результате изъятия сил, выделенных для сколачивания ударной группировки, 8-я армия оказалась значительно ослабленной, войска 2-го Украинского фронта предприняли против этой армии наступление. Кроме того, возобновили свои атаки и русские войска северо-восточнее Кривого Рога. 20 ноября русские перешли в наступление в районе Черкасс, 24 ноября им удалось осуществить глубокий прорыв южнее Кременчуга. В последующие дни они расширили вбитые клинья на каждом из этих направлений. Тем не менее войскам 8-й армии и ее южного соседа, 1-й танковой армии, упорной обороной и контратаками местного характера пока что удавалось помешать русским осуществить решающие прорывы.

Декабрь также не внес существенных изменений в обстановку на фронте этих армий. Он был насыщен упорными боями, в ходе которых русские, используя крупные силы, стремились из района южнее Кременчуга осуществить прорыв на Кировоград. Развивая наступление в западном направлении, они вышли к Чигирину. В районе Черкасс они расширили свои плацдармы, сам город был эвакуирован немецкими войсками в середине месяца; на крайнем юге 20 декабря после ожесточенных боев 6-й армии пришлось оставить плацдарм в районе Херсона. В непрерывных боях 1-я танковая и 8-я армии шаг за шагом отеснялись назад, тем не менее Кривой Рог и Кировоград к концу месяца все еще оставались в руках немецких войск. Русские плацдармы в районе Черкасс и южнее Яготина были расширены, хотя и не приобрели

еще оперативного значения, благодаря чему стык с 4-й танковой армией, оборонявшейся фронтом на север, пока оставался в безопасности.

Для наступления этой немецкой армии на Киев сил уже не хватало. Лишь фронтальным нажимом из района восточнее Житомира, Коростень она смогла отбросить противника на ряде участков к востоку.

В общем, результаты боев последних трех месяцев казались удовлетворительными, хотя в начале октября их исход и вызывал опасения. Оборонительный рубеж по Днепру, за исключением небольшого участка северо-западнее Черкасс, был оставлен, но ценою последнего напряжения сил, а также благодаря умелому командованию обе группы армий все-таки приостановили прорыв русских на наиболее опасных направлениях. Тем не менее эти успехи были куплены слишком дорогой ценой. Силы немецких войск вновь оказались полностью истощенными, и их перенапряжение грозило привести в случае нового наступления русских к тяжелым последствиям.

Борьба за крупный плацдарм группы армий «Центр» на Днепре

К началу октября группа армий «Центр» удерживала крупный плацдарм на левом берегу Днепра, который она должна была оборонять со всей решительностью. Ее фронт начинался севернее стыка с группой армий «Юг» у слияния Днепра и Припяти, шел по западному берегу рек Сож и Проня, восточнее Орши пересекал автостраду Москва – Минск, прикрывал железнодорожный и шоссейный узел Витебск и восточнее Невеля примыкал к 16-й армии, входившей в состав группы армий «Север».

В течение последних трех месяцев боевые действия на этом участке характеризовались почти непрерывными ударами войск 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов. Цель этих ударов, направления которых часто менялись, заключалась в том, чтобы глубоко охватить крылья группы армий «Центр» и прорывами с фронта взломать ее оборону. Наступлением на флангах русские стремились заставить немецкие войска расплыть свои силы, наступление в направлении Могилева и Орши велось с целью перерезать исключительно важные коммуникации, проходившие параллельно линии фронта группы армий «Центр» и являвшиеся основными путями ее снабжения. Наряду с этим противника, очевидно, было намерение сковать находившиеся здесь немецкие силы и не допустить переброски части их на юг, где осуществлялись решающие операции русских войск.

Действиям русских наряду с их значительным численным превосходством благоприятствовало и то, что осень лишь в конце сентября сопровождалась непродолжительной распутицей, погода же в октябре и ноябре в отличие от прошлых лет не влияла на проведение операций.

Группе армий «Центр» пришлось вести неравную борьбу почти исключительно собственными силами. Ее высокие потери в людях были восполнены далеко не полностью; новые силы, за исключением одной танковой дивизии, прибывшей из Италии и в конце декабря в течение непродолжительного времени использовавшейся на правом крыле, не могли быть ей выделены: все они направлялись в группу армий «Юг». Несмотря на это, боеспособность дивизий группы армий «Центр», отошедших в октябре на новый рубеж и в большинстве своем сильно потрепанных благодаря использованию периодов, кратковременной передышки и маневрированию между спокойными и опасными участками, удалось значительно повысить. Взаимодействовавший с группой армий «Центр» воздушный флот генерал-полковника Риттер фон Грейма располагал тремя истребительными, пятью бомбардировочными авиагруппами и тремя авиагруппами пикирующих бомбардировщиков, то есть при полной укомплектованности, которой, впрочем, никогда не было, более чем 300 машинами. Эти немногочисленные, хотя исключительно маневренные авиачасти, непрерывно ведя бои в условиях, когда обстановка нередко требовала применения их в течение одного дня на целом ряде напряженнейших участков растянутого фронта, всякий раз приносили находившимся в критическом положении наземным войскам желанное облегчение.

Русские начали наступление, захватившее вскоре большую часть фронта, против правого крыла группы армий «Центр». Здесь они предприняли прорыв через Днепр и Сож с тем, чтобы, выйдя вначале к Речице, затем обойти с запада Гомель. После нескольких дней ожесточеннейших боев 2-й армии удалось еще раз предотвратить этот прорыв. Однако

противник все-таки захватил крупные плацдармы на западном берегу Днепра и закрепился между Днепром и Сожем южнее Гомеля. В начале ноября, когда оборонявшаяся южнее 4-я танковая армия была вынуждена отойти от Днепра к Коростеню, положение 2-й армии стало угрожающим. В течение нескольких дней 2-я армия должна была прикрывать образовавшийся открытый южный фланг протяженностью 120 км. Тем не менее ей было приказано удерживать также и район старого стыка с 4-й танковой армией у Чернобыля. 10 ноября русские предприняли крупное наступление южнее Гомеля и, продвигаясь по обеим берегам Днепра, на ряде участков глубоко вклинились в немецкую оборону.

После отчаянной двухдневной борьбы командование армии вынуждено было доложить, что людские ресурсы армии находятся на грани полного истощения, что заслон южнее Гомеля прорван и армия не располагает силами, с помощью которых можно было бы остановить прорвавшиеся русские войска и закрыть образовавшиеся бреши. Хотя в последующие дни русские почти беспрепятственно продвигались западнее Днепра в направлении Речицы, а южнее Гомеля их продвижение сдерживалось лишь незначительными силами, Гитлер запретил эвакуацию Гомеля, ссылаясь на то, что потеря этого города вызовет еще более нежелательную реакцию мирового общественного мнения, чем сдача в сентябре Смоленска. Противник, продвигавшийся западнее Днепра, устремился еще дальше на запад и грозил теперь захватить северо-восточнее Мозыря железнодорожный узел Калинковичи, через который осуществлялось снабжение 2-й армии. Ее правый фланг, хотя и отрезанный от левого глубоко вбитым русским клином, пока все еще находился в междуречье Припяти и Днепра. Связь с отброшенной к Коростеню 4-й танковой армией была давно потеряна. Противник был уже на подступах к Овручу. В итоге войскам правого фланга 2-й армии пришлось с боями прокладывать себе путь в северозападном направлении с тем, чтобы юго-восточнее Мозыря вновь соединиться с главными силами армии, которая в центре была отброшена к железной дороге Речица-Мозырь. 17 ноября пала Речица, и левый фланг 2-й армии в районе Гомеля был отрезан. Войска этого фланга пришлось переподчинить 9-й армии. Командующему группой армий «Центр» и начальнику генерального штаба сухопутных войск, несмотря на все их усилия, так и не удалось добиться согласия Гитлера на эвакуацию выгнанных теперь далеко на восток и поглощавшего много сил выступов в районе Гомеля, где немецкие войска к тому же подвергались опасности окружения. Лишь после того как противник, продвигаясь вдоль Березины, 23 ноября перерезал железнодорожную линию Мозырь-Жлобин и обнаружилось полное отсутствие сил, необходимых для того, чтобы прикрыть прерванный между Гомелем и районом южнее Жлобина глубокий открытый фланг 9-й армии и восстановить связь с оттянутой на запад 2-й армией, была – увы, слишком поздно – разрешена эвакуация Гомеля, который русские и заняли 26 ноября. Тем временем исключительно критическая обстановка сложилась также на левом фланге 9-й армии, где противник в районе Пропойска внезапно вклинился на двадцатикилометровом фронте в немецкую оборону и продвинулся на 10 км. Русские бросили часть своих сил в северо-западном направлении, на Могилев, а часть – на юго-запад, в направлении на Рогачев, с явным намерением ударом на Могилев охватить правый фланг 4-й армии, а ударом в направлении на Рогачев отрезать 9-ю армию от Днепра. В многодневных, крайне напряженных боях наступление на Могилев удалось задержать, а затем окончательно остановить на рубеже Чаусы, Быхов. Удар в направлении на Рогачев 9-я армия сдерживала до тех пор, пока не были осуществлены эвакуация Гомелевского выступа и отвод войск за Днепр на участке между Жлобном, Рогачевом. После того как в середине декабря это выпрямление линии фронта было завершено, армия, наконец, смогла высвободить достаточное количество сил, чтобы, используя прибывшую из Италии танковую дивизию, ударом с плацдарма на реке Березина южнее Бобруйска в направлении на Мозырь закрыть брешь на стыке со 2-й армией. Таким путем к концу года после ряда исключительно критических недель, в течение которых войска напрягали буквально последние силы, удалось организовать сносную оборону. Со своей стороны, командование не оставило без внимания непрерывные настойчивые просьбы всех инстанций о том, чтобы восполнить понесенные войсками потери.

Так как правый фланг 2-й армии теперь находился примерно в 30 км южнее Мозыря, на стыке с группой армий «Юг» оставалась открытой брешь шириной 100 км, вызывавшая тем большие опасения, что к тому времени наступила глубокая зима и район Припятских болот

перестал быть непроходимым, особенно для русских.

На центральном участке фронта группы армий «Центр» противник с начала октября лишь от случая к случаю предпринимал сковывающие, удары, которые, как правило, удавалось отражать, благодаря чему немецкие войска удержали свои позиции между Чаусами и Ленино. Зато по обе стороны автострады на участке Смоленск – Орша русские четырежды – в конце октября, начале ноября, конце ноября и начале декабря – начинали крупное наступление, безуспешно пытаясь опрокинуть левый фланг 4-й армии и прорваться к Орше. Все эти наступательные операции, длившиеся до семи дней каждая осуществлявшиеся многократно превосходящими силами с применением огромного количества артиллерии, успеха не имели, 4-я армия, напрягая все свои силы, всякий раз останавливала противника, и хотя при этом немецкие войска несколько отходили назад, но наносили наступающим тяжелые потери. Войска 3-го Белорусского фронта выходили из каждого такого сражения настолько потрепанными, что лишь после основательного отдыха и восполнения понесенных крупных потерь были в состоянии предпринимать очередную безуспешную попытку. После четвертой попытки русские вынуждены были отказаться от намерения прорвать немецкую оборону на этом участке фронта. Испытанные дивизии 4-й армии, которыми умело и энергично командовал генерал-полковник Хейдрици, вынесли из этих боев чувство полного превосходства над своим противником.

Гораздо хуже сложилась в начале октября обстановка для оборонявшейся севернее 3-й танковой армии генерал-полковника Рейнгардта. Войска 1-го Прибалтийского фронта внезапным ударом прорвали 6 октября восточнее Невеля левый фланг этой армии и правый фланг соседней 16-й армии из состава группы армий «Север». Русским удалось отразить все попытки немцев закрыть образовавшуюся брешь, вследствие чего смежные фланги обеих немецких армий пришлось отвести назад.

Противник ввел в прорыв крупные силы, расширив его во всех направлениях. Эта брешь превратилась в кровоточащую рану на стыке обеих групп армий. В южном направлении русские продвинулись до района Городка и Дретуни, и поэтому 3-й танковой армии пришлось не только отражать натиск противника с востока, но и постепенно создавать оборону фронтом на север, а впоследствии и на запад. Стык с 16-й армией обеспечивали слабые охранные и полицейские части. Гитлер упрямо отклонял все предложения командования обеих армий о том, чтобы оттянуть охваченные противником фланги назад и укрепить высвободившимися таким образом силами участок фронта перед выступом, который образовался в результате наступления русских. Он все еще продолжал упорствовать в требовании отрезать вклинившегося противника ударами с севера и юга в общем направлении на Невель. Однако войска обеих групп армий были настолько скованы на остальных участках, что, несмотря на неоднократные попытки, им ни разу не удавалось сконцентрировать достаточно сил одновременно севернее и южнее Невеля. Атаки же, предпринимавшиеся недостаточными силами, терпели неудачи. К счастью, русские, очевидно, тоже были довольно сильно связаны на остальных фронтах, так как до поры до времени не стремились предпринимать дальнейшего наступления из района Невеля, чтобы добиться оперативных успехов, довольствуясь постепенным оттеснением слабого немецкого прикрытия севернее рубежа Городок, Полоцк все дальше на юг с целью создать угрозу жизненно важной коммуникации 3-й танковой армии – шоссе Витебск – Полоцк. Когда давление в районе Полоцка стало слишком сильным, командование группы армий для обеспечения западного фланга 3-й танковой армии, над которым нависли русские войска, ввело в бой единственное оставшееся резервное соединение – танковую дивизию численностью в 500 человек и 20 танков, благодаря чему местами удалось несколько ослабить нажим противника. Тем не менее охваченный левый фланг 3-й танковой армии все еще оставался районе южнее Невеля. Просьба разрешить отход ввиду необходимости создать резервы вновь была отклонена, так как Гитлер по-прежнему упорно настаивал на наступлении на Невель. По его мнению, 3-й танковой армии надлежало удерживать свои позиции до последнего человека и создать тем самым предпосылки для уничтожения противника, которое должно было быть осуществлено все время откладывавшимся наступлением группы армии «Север». Вследствие этого войска левого фланга 3-й танковой армии продолжали оставаться в безнадежном положении, видя, как

противник без каких-либо помех готовится к их уничтожению, и напрасно надеясь на наступление группы армий «Север»: у нее не было для этого сил. 13 декабря русские одновременно с трех направлений – востока, севера и северо-запада – перешли в наступление против 3-й танковой армии. Через два дня левофланговая дивизия армии была отрезана и получила приказ пробиваться к своим войскам. Эта дивизия, насчитывавшая 4750 человек, в том числе 1000 раненых, прорвала кольцо окружения, бросив, однако, все тяжелое оружие, артиллерийскую технику семи артдивизионов и все транспортные средства. Без всякой на то необходимости оставалась она на своих позициях и, не принеся, никакой пользы, попала в окружение. В результате от дивизии остались жалкие остатки, совершенно небоеспособные. Это был еще один пример в бесконечной цепи жертв и потерь, явившихся следствием гитлеровских приказов «держаться во что бы то ни стало». Теперь русские продвигались на Витебск и к ведущей к нему с запада шоссею дороге. Части 3-й танковой армии в этом районе были оттеснены, хотя вокруг Витебска им удалось удержать плацдарм на северном берегу Западной Двины и не допустить прорыва русских.

На фронте группы армий «Север» русские после неудавшейся в августе попытки прорвать немецкую оборону юго-восточнее Ленинграда ограничивались действиями местного характера. Лишь на правом фланге 16-й армии в результате прорыва русских в районе Невеля возникла потенциальная угроза. Она, правда, вызывала большие опасения, тем более что русские здесь находились всего в 120 км от Даугавпилса и их крупный прорыв в этом направлении мог бы оказаться очень серьезным для всего фронта группы армий «Север».

5. Япония в борьбе за свои внешние форпосты

К лету 1943 г. силы американцев на Тихом океане выросли настолько, что они оказались в состоянии захватить инициативу на этом театре военных действий в свои руки. Жизненно важный для японской обороны район наряду с островами собственно Японии охватывал Филиппины и Нидерландскую Индию. Фланги его были хорошо прикрыты. На западе и юго-западе японцы находились в Бирме, Малайе и Сиаме, на севере – на Курильских островах. Помимо того, что пути подхода к мощному юго-западному бастиону японцев в Бирме и Малайе были для американцев слишком протяженными, наступление здесь пришлось бы вести в труднопроходимой гористой местности. Возможности для наступления с севера, пока Советский Союз не находился в состоянии войны с Японией, были слишком ограниченными. Эти факторы географического порядка и предопределили решение американцев изгнать японцев из огромного предполья, которое те создали в начале войны на юге и юго-востоке вокруг своего стратегического жизненного пространства. Оборона этого предполья на юго-востоке опиралась на Новую Гвинею и архипелаг Бисмарка с крупной военно-морской и военно-воздушной базой Рабаул на острове Новая Британия, а в направлении на Пирл-Харбор – на многочисленные более мелкие военно-морские и военно-воздушные базы на островах Гилберта и Маршалловых островах, одновременно прикрывавшие подступы к Марианским островам и далее к Филиппинам. Основной базой японского флота являлся один из Каролинских островов – Трук. (Карта 5, стр. 286)

При том решающем значении, которое приобретали военно-воздушные силы в сочетании с военно-морским флотом для проведения в сущности любой десантной операции с последующими наземными боями, американцы усматривали свою задачу в том, чтобы тщательно подготовленными скачками последовательно, одну за другой захватывать японские авиабазы, оборонявшиеся, как правило, более или менее крупными сухопутными силами. Хотя число американских авианосцев на этом театре неуклонно возрастало, одних авианосцев было недостаточно для надежной поддержки крупных десантных операций с воздуха. Ощущалась серьезная потребность в сильных соединениях истребительной авиации, которые могли бы базироваться на сухопутные аэродромы. Следовательно, любая более или менее крупная операция могла проходить лишь в пределах радиуса действия сухопутной истребительной авиации.

Для подготовки операций против Новой Гвинеи и Рабаула необходимо было захватить два больших острова из группы Соломоновых островов – Нью-Джорджию и Бугенвиль. В июне

1943 г. была завершена подготовка к высадке десанта на Нью-Джорджию, и 1 июля американцы высадились на ее южном побережье. Бои за остров приобрели такой же характер, как и в предыдущем году за Гуадалканал. Японцы, сохранившие в своих руках аэродром, стремились удержать остров, снабжая его в ночное время, американцы же пытались сорвать снабжение острова и переброску японских подкреплений. Некоторое время преимущество было на стороне японцев. Хотя американский флот в этом районе, насчитывавший 3 новых линкора и 4 корабля такого же класса более ранней постройки, 3 тяжелых и 9 легких крейсеров, а также около 30 эскадренных миноносцев, численно и превосходил японцев, тем не менее он переживал детскую болезнь роста, лишь постепенно наращивая соответствующую его численности мощь. Решающий перелом был достигнут только после того, как американцам 5 августа удалось захватить и затем вскоре использовать аэродром на острове Нью-Джорджия. Сопротивление японцев начало ослабевать. В результате захвата двух более мелких островов между Нью-Джорджией и Бугенвилем, где имелись японские аэродромы, Нью-Джорджия оказалась изолированной. В октябре японцы сдали остров.

Теперь необходимо было захватить еще Бугенвиль и вытеснить японцев восточной части Новой Гвинеи, чтобы благодаря этому получить возможность окружить Рабаул и сделать невозможным его использование в качестве военно-морской и военно-воздушной базы. Еще в разгар боев за Нью-Джорджию американцы начали наступление на восточную часть Новой Гвинеи. Боевые действия здесь носили иной характер, так как японцы имели на острове 50 тыс. человек, которые осуществляли оборону всего довольно протяженного побережья. Кроме того, они располагали здесь многочисленной авиацией. В течение нескольких предшествовавших месяцев американцы сформировали, подготовили и снабдили необходимыми десантными средствами крупные силы. В начале сентября они высадились в заливе Юон и захватили порт Лаэ; севернее Лаэ американцы, однако, натолкнулись на упорное сопротивление противника, которое им удалось сломить лишь в начале февраля после трехмесячных упорных боев и новых высадок.

Быстрее был осуществлен захват Бугенвиля. Десант, высаженный 1 ноября в бухте королевы Августы в центре западного побережья острова, удался, а немедленно предпринятые соединениями японского флота ответные действия с целью недопустить новых высадок успеха не имели.

Эта высадка побудила командующего японским флотом на Тихом океане принять решение, повлекшее вскоре за собой тяжелые последствия. До сих пор японские военно-морские силы состояли из двух флотов, один из которых базировался на Рабаул, в то время как другой контролировал среднюю часть Тихого океана, базируясь на Трук. Японский адмирал считал оборону Бугенвиля для прикрытия Рабаула столь важной, что принял решение сконцентрировать оба флота в Рабауле, намереваясь таким путем приостановить продвижение противника в этом районе. Американцы этого только и ждали. Узнав о сосредоточении обоих флотов в Рабауле, они 5 ноября базировавшимся на авианосцы крупными силами бомбардировочной авиации нанесли внезапный удар, причинив японскому флоту тяжелые потери и повредив несколько крейсеров настолько серьезно, что для ремонта их пришлось частично отвести на военно-морскую базу Трук, а частично переправить в Японию. К 11 ноября, когда был осуществлен повторный удар по Рабаулу, японских кораблей здесь уже не было, зато на этот раз вновь были нанесены тяжелые потери японской морской авиации. Потери, понесенные ею в результате обоих ударов, оказались такими большими, что в дальнейшем из-за недостаточной поддержки с воздуха использование флота в течение длительного времени не представлялось возможным. Достигнутыми успехами американцы создали благоприятные предпосылки не только для завершающего удара по Рабаулу, но и для осуществления намеченных операций против островов Гилберта и Маршалловых. В районе Соломоновых островов они добились абсолютного господства на море.

Теперь основные свои усилия они направили на захват северного побережья Новой Гвинеи. Операция требовала основательной, связанной с большой затратой времени подготовки с целью вывести из строя японские аэродромы в южной части острова Новая Британия. Эти мероприятия, на осуществление которых понадобилось несколько месяцев, ввиду производимой всякий раз высадки десанта, одновременно содействовали более тесному

окружению Рабаула. По завершении их американцы в конце февраля приступили к захвату островов Адмиралтейства, высадив десант на главном из них – острове Манус. Очищение этого архипелага от противника, продолжавшееся до апреля, имело двойное значение, так как не только исключало последнюю угрозу японцев с фланга намеченным действиям на северном побережье Новой Гвинеи, но и сделало японскую морскую базу Трук досягаемой для американской бомбардировочной авиации. Наконец-то ничто не мешало наступлению на Новой Гвинее, которое американский главнокомандующий генерал Макартур намеревался теперь провести не в медленном темпе, продвигаясь «от пальмы к пальме», как это имело место до сих пор, а в виде крупных и решительных десантных операций.

Объединенные в 18-ю армию японские сухопутные войска на острове были сосредоточены главным образом в районе Вевака и частично выдвинуты в восточном направлении. Именно в этом районе японцы ожидали очередного американского наступления. Макартур, однако, принял другое решение: смелым 600-километровым скачком высадиться намного западнее Вевака, в районе залива Гумбольдта. Избранный для этой цели район находился, правда, вне радиуса действия своей истребительной авиации, базировавшейся на сухопутные аэродромы. Однако в случае удачной высадки и быстрого овладения несколькими аэродромами вблизи бухты Гумбольдта истребительная авиация могла туда перебазироваться. А до того времени нужно было довольствоваться авианосной авиацией. Для высадки были подготовлены две хорошо обученные дивизии 6-й американской армии, насчитывавшие в общей сложности 70 тыс. человек, и достаточное количество современных десантных средств. Эти войска были посажены на суда в восточной части Новой Гвинеи и по далекому круглому пути вокруг острова под прикрытием крупных соединений кораблей и авианосцев доставлены к месту высадки. Внезапность была полной. 22 апреля первый эшелон десантных войск численностью в 25 тыс. человек уже находился на берегу, а через несколько дней были захвачены все аэродромы, и около 50 тыс. японцев, сосредоточенных гораздо восточнее, оказались отрезанными от основных своих сил. Предпринятое ими с востока наступление успеха не имело. Обеспечив себя с востока авиацией, которая перебазировалась на захваченные аэродромы, американцы немедленно развернули наступление в западном направлении; японские силы, оставшиеся у них в тылу, постепенно сами собой таяли, хотя остатки их и продержались на Новой Гвинее до окончания военных действий. Последующими высадками были захвачены некоторые из островов у северо-западного побережья Новой Гвинеи, что дало американцам новые авиабазы. К концу июля северное побережье острова и подступы к нему прочно удерживались американцами, благодаря чему были созданы предпосылки для захвата Молуккских и Филиппинских островов. Овладение этими опорными пунктами было сопряжено с целым рядом тяжелых боев и не обошлось без осложнений. Из Сингапура вернулся оправившийся от потерь и оснащенный авианосцами японский флот и, базирясь на Южные Филиппины, стал предпринимать попытки оказать помощь подвергшимся американскому нападению японским опорным пунктам и доставить туда подкрепления. Разумеется, решающей роли в борьбе с превосходящими американскими силами он теперь уже играть не мог. Кроме того, ему вскоре пришлось оказывать противодействие американцам в проведении другой операции – захвата Марианских островов, – к которой они приступили, овладев центральным звеном предполья Японии – островами Гилберта и Маршалловыми.

Борьба за овладение упомянутым центральным звеном японского предполья завязалась, в сущности, еще почти за полгода до этого. Вскоре после тяжелого поражения японского флота в районе Рабаула в ноябре 1943 г. американцы начали свои тщательно подготовленные и осуществлявшиеся крупными силами операции против островов Гилберта и Маршалловых. В их распоряжении к тому времени имелось 4 тяжелых и 5 легких авианосцев. Так как каждый тяжелый авианосец мог взять на борт 97, а каждый легкий – 40-60 самолетов, то в общей сложности на борту всех этих кораблей находилось около 650 истребителей, бомбардировщиков и торпедоносцев. Сначала было предпринято вторжение на острова Гилберта, которые находились в радиусе действия сухопутной авиации, базировавшейся на острова Эллис. Японцы обороняли эти важные в стратегическом отношении острова в ряде пунктов довольно крупными силами. Поэтому американцы отказались от тактики внезапных высадок и сочли необходимым предварительно ослабить сопротивление и подавить объекты

предстоящего нападения, подвергнув их многодневным, а порою и многонедельным воздушным бомбардировкам. 21 ноября они начали действия по овладению атоллами Макин и Тарава. Захват Макина, оборонявшегося слабыми силами, прошел удачно, на Тарава же находилось свыше 3500 японцев, которые, укрывшись в бомбоубежищах, перенесли воздушные налеты без сколько-нибудь существенных потерь, а затем оказали очень упорное сопротивление, вынудившее американцев бросить на подавление его 15-тысячные силы, которые лишь после продолжительных кровопролитных боев смогли одолеть японский гарнизон. К захвату Маршалловых островов американцы приступили лишь в феврале 1944 г. после длительных и тщательных приготовлений. Связанную с подготовкой потерю времени они восполнили намного более широкими масштабами операции, что обеспечило быстрый захват разбросанного архипелага одним ударом. Численность предназначенных для высадки сил они довели 50 тыс. человек, оснастив их большим числом десантных средств, в том числе танками-амфибиями и бронированными десантными судами. Для прикрытия авианосцев были привлечены 8 линкоров, 6 – 8 тяжелых крейсеров и 30 – 40 эскадренных миноносцев, японцы располагали значительно меньшими силами. На захваченные к тому времени острова Гилберта было переброшено большое количество авиации.

План американцев заключался в том, чтобы быстро овладеть западными островами разбросанного архипелага и изолировать их от восточных островов. Тщательная подготовка и применение опыта, приобретенного в предшествовавших операциях, вполне себя оправдали. Высадка на острова Кваджелейн и Рой, японский гарнизон которых насчитывал 8,5 тыс. человек, прошла удачно, и к 5 февраля оба острова были полностью захвачены. Восточные острова в результате предпринятого охватывающего маневра оказались отрезанными и потеряли свое значение. На одном из захваченных островов американцы незамедлительно создали хорошо оснащенную военно-морскую базу, избавившую их флот от необходимости базироваться на Пирл-Харбор, находившийся теперь на весьма значительном удалении от района боевых действий.

Вскоре после этих высадок американцы 17 февраля приступили к овладению последним, самым западным из Маршалловых островов – атоллом Энвенток, после чего японская военно-морская база Трук должна была оказаться в радиусе досягаемости американской сухопутной авиации. Одновременно авианосная авиация предприняла мощный налет на Трук, не давший, однако, должных результатов, так как японцы за несколько дней до этого отвели базировавшийся на Трук флот в район островов Палау. Тем не менее американской авиации по крайней мере удалось при незначительных собственных потерях нанести тяжелый урон японским авиачастям, остававшимся в Труке. Американский флот немедленно использовал благоприятную обстановку для проведения разведывательного поиска в районе Марианских островов. Произведенная аэрофотосъемка этих недосягаемых до сих пор островов дала важные сведения для организации последующего наступления. Тем временем американцами после непродолжительной борьбы был захвачен Энвенток. В результате этих действий японское предполье оказалось в руках американцев, а это означало захват трамплина для наступления на Марианские острова, принадлежавшие уже к внутреннему поясу японской обороны. Чтобы полностью себя обезопасить и исключить возможность каких-либо контрдействий со стороны японского флота, американцы 30 марта атаковали острова Палау соединением быстроходных авианосцев. Здесь они увидели картину, аналогичную той, с которой им, пришлось столкнуться незадолго перед этим при наступлении на базу Трук. Японцы успели отвести свои корабли и с этих островов, в результате чего от удара американской авиации серьезно пострадала лишь авиабаза да несколько транспортных судов получили повреждения.

При наступлении на Марианские острова американцам приходилось считаться с тем обстоятельством, что японцы на сей раз наверняка используют все имеющиеся в их распоряжении морские силы, другими словами, попытаются поставить все на карту, лишь бы удержать эту решающую во многих отношениях позицию. Потеря последней означала бы, что их воздушные коммуникации, которые шли от Японских островов через Иводзиму, Марианские острова, острова Палау и Молуккские, перехвачены в самом центре. Кроме того, с утратой Марианских островов не только Филиппины, но и острова собственно Японии оказались бы в пределах досягаемости американской бомбардировочной авиации. Следовательно, у японцев

были все основания противопоставить следующему американскому удару всю свою морскую мощь. Так как для них пока еще было неясно, будет ли ближайший удар американцев направлен против Марианских островов, или же Макаптур, занятый в то время захватом северного побережья Новой Гвинеи, сразу нанесет решающий удар через Молуккские острова по Филиппинам, они, чтобы быть во всеоружии при любом из этих вариантов, сосредоточили свой флот в южной части Филиппин.

Американцы приступили к овладению Марианскими островами еще более крупными силами, чем до сих пор. Кроме эскадры авианосцев, состав которой был доведен до 7 тяжелых и 8 легких авианосцев, а конвоирование осуществлялось самыми современными и быстроходными кораблями флота, они для прикрытия транспортов с войсками сосредоточили значительное число более старых кораблей. Последние имели задачу осуществлять артподготовку и поддерживать десантные операции на суше, в то время как авианосцы должны были прикрывать высадку с моря и воздуха. Эти основательные приготовления были необходимы еще и потому, что в данном случае предстояло иметь дело с настоящими островами, а не с всего-навсего небольшими атоллами, не превышавшими размеров аэродрома, как это имело место при захвате Маршалловых островов и островов Гилберта. Можно было ожидать, что крупные японские гарнизоны Марианских островов теперь, когда наступил решающий момент, по японскому обыкновению будут держаться буквально до последнего человека. Поэтому численность десанта была доведена до шести дивизий, прежде чем он в начале июня был погружен на корабли в районе Маршалловых островов. Длительная с 11 по 15 июня подготовка операции состояла из ряда этапов. Вначале для ослабления японской истребительной авиации были предприняты воздушные налеты на четыре основных острова архипелага – Сайпан, Тиниан, Рота и Гуам. После этого были блокированы имевшиеся здесь аэродромы с тем, чтобы через них на острова не могли перебрасываться подкрепления. Последующие удары, непосредственно перед самой высадкой, были направлены по оборонительным сооружениям островов Сайпан и Гуам, которые предполагалось захватить первыми. Одновременно были предприняты атаки против расположенных на флангах японской обороны авиабаз, опираясь на которые японцы могли наносить ответные удары с воздуха. Это были: на севере остров Иводзима, расположенный на полпути между Марианскими островами и Японией, а на юге – острова Палау и остров Яп. Лишь после завершения всех этих приготовлений на остров Сайпан под прикрытием флота и авиации был высажен 15 июня десант численностью в 25 тыс. человек, натолкнувшийся, как и следовало ожидать, на исключительно упорное сопротивление японцев. После трехдневных боев высадившимся американским войскам удалось, однако, захватить аэродром, который в течение последующих двух дней был восстановлен.

В разгар этих боев, когда исход их был еще неясен, командующий японским флотом решил бросить все свои силы на разгром американского десанта. Состоявшую из 6 линкоров, 9 авианосцев, 13 крейсеров и 30 эскадренных миноносцев эскадру он направил с Филиппин кратчайшим путем на восток в надежде своими сосредоточенными силами нанести удар по силам прикрытия в районе высадки. Американский адмирал, которому приходилось считаться с возможностью японских ударов с нескольких направлений, слишком поздно обнаружил, что японцы вопреки своему обыкновению свели все военно-морские силы в одну эскадру. А так как свою основную задачу он усматривал в обеспечении высадки, то не решился выйти наперерез японской эскадре, опасаясь, что бои на суше, успех которых к тому времени еще не определился, могли принять неблагоприятный для американцев оборот в результате возможного появления еще каких-нибудь не обнаруженных пока военно-морских соединений противника. Поэтому сражение завязалось лишь 19 июня у самых Марианских островов. Еще до начала его японцев постигла неудача: в результате атак американских подводных лодок они потеряли два крупнейших авианосца. Во время первого же налета японские самолеты были обнаружены дислокационными установками и отражены истребителями, уничтожившими большую часть атаковавших самолетов. Кроме того, американцы немедленно вывели из строя ближайшие аэродромы на Гуаме с целью не допустить перебазирования на них самолетов потопленных авианосцев. Лишь единичным японским самолетам удалось прорваться к району высадки. Успех этого заполненного непрерывными воздушными боями дня был, несомненно,

на стороне американцев, которые из 300 брошенных в бой истребителей потеряли только 17, в то время как японские потери составили около 400 машин из 545 введенных в бой; в результате на японских авианосцах осталось лишь 60 самолетов. Замыслы японцев провалились. В ночь с 19 на 20 июня японские корабли незаметно оторвались от противника и ушли. Лишь к концу следующего дня они были вновь обнаружены американской авиацией, потопившей один линкор и серьезно повредившей другой. До решающего морского сражения, несмотря на превосходство американцев, дело не дошло. Неудовлетворительный в этом отношении исход сражения можно во многом отнести за счет осторожности американского морского командования, усматривавшего свою основную задачу в прикрытии высадки. Во всяком случае, главная цель – обеспечение боевых действий на суше – была достигнута. Последние продолжались еще в течение нескольких недель после захвата аэродрома. В ходе этих боев почти 23-тысячный японский гарнизон потерял свыше 21 тыс. человек. Американские потери также соответствовали напряженности боев, составив почти 15 тыс. человек.

На Гуам американцы высадились 21 июля, предварительно подвергнув остров двухнедельным, исключительно интенсивным воздушным налетам. Тем не менее им понадобилось 10 дней, чтобы сломить организованное сопротивление японцев, остатки которых держались еще в течение нескольких недель. Аналогично протекал и предпринятый между 24 июля и 8 августа захват острова Тиниан.

Теперь американцы довольно близко подошли к Филиппинам с востока. Но прежде чем приступить к их захвату, Макартуру необходимо было предварительно занять на юге Молуккские острова. Одновременно с боями за Марианские острова он завершил захват северного побережья Новой Гвинеи и к концу сентября был готов к новому прыжку, нацеленному теперь на самый северный из группы Молуккских островов – остров Моротай. Макартур вновь вернулся к тактике, весьма успешно примененной им на Новой Гвинее. В то время как японцы ожидали нападения на гораздо более крупный, расположенный южнее Моротая основной остров архипелага – Хальмахеру (Джай-лоло), который они обороняли 30-тысячным гарнизоном, американцы 15 сентября высадились на Моротае, гарнизон которого насчитывал всего несколько сот человек. Располагая серьезным превосходством на море и в воздухе, они приняли все меры, чтобы сорвать снабжение крупного гарнизона Хальмахеры. Эвакуировать свои войска по морю японцы были не в состоянии. После того как американцам, опираясь на Марианские острова, удалось захватить и острова Палау, в их руках оказались все исходные позиции для борьбы за Филиппины.

6. Первые бои между Неаполем и Римом

После того как 10-й армии, действовавшей в Южной Италии, в середине сентября 1943 г. не удалось ликвидировать американский плацдарм в районе Салерно, она вынуждена была в соответствии со своей общей задачей организованно отойти. Необходимая для этого перегруппировка была произведена без помех со стороны противника. Командующий армией назначил 14-му танковому корпусу для сдерживания наступавшей крупными силами на узком фронте 5-й американской армии узкую полосу, прикрывавшую главным образом подходы к Неаполю, в то время как 76-й танковый корпус получил задачу удерживать на широком фронте 8-ю английскую армию, подход которой ожидался в ближайшее время, 1-я парашютная дивизия должна была по-прежнему держать в напряжении высадившихся в районе Таранто англичан и, сдерживая их натиск, постепенно отходить на рубеж, обороняемый войсками 10-й армии. (Карта 3, стр. 150 и схема 35, стр. 416)

Прошло еще несколько дней, прежде чем армии противника вышли к новому оборонительному рубежу 10-й армии. Американцы также вынуждены были предварительно перегруппироваться и привести в порядок свои части, участвовавшие в сражении под Салерно. 8-я английская армия по-прежнему испытывала затруднения с подвозом, вызванные тем, что большая часть имевшихся морских транспортных средств находилась в распоряжении американской армии. Помимо всего прочего, союзники сильно переоценили воздействие сообщения о капитуляции Италии, уверовав в возможность почти беспрепятственного продвижения в южной части страны.

Все это позволило 10-й армии осуществить необходимые мероприятия, не испытывая особенно сильного нажима со стороны противника. Пока оставался в силе следующий план: ведя сдерживающие бои, отходить на подготавливаемый на Апеннинах оборонительный рубеж и лишь на время задержаться на одном из первых промежуточных рубежей по рекам Вольтурно и Форторе или на реке Биферно. Были также определены и последующие рубежи. Командование армии надеялось, что темпы продвижения противника удастся замедлять настолько, что оборону по рекам Вольтурно и Форторе можно будет удержать до 15 октября. На занимаемом рубеже оно рассчитывало обороняться до тех пор, пока из Неаполя не будут вывезены сосредоточенные там значительные запасы снабжения и не будет разрушен порт.

Американцы хотя и оказывали давление на новую немецкую оборону, однако воздерживались от решающего наступления до подхода англичан. Наконец 28 сентября войска левого фланга английской армии вышли к Мельфи. Еще за несколько дней до этого 1-я парашютная дивизия вынуждена была под все усиливавшимся нажимом противника оставить район Альтамуры. 22 и 23 сентября крупные силы противника высадились у Бари, в результате чего этой немецкой дивизии во избежание окружения пришлось отступить за реку Офанто, примкнув левым флангом к побережью. Нажим со стороны англичан, преодолевших, наконец, затруднения с подвозом и знавших о немногочисленности противостоявших им сил, все усиливался и в конце концов привел к оттеснению немецких парашютистов за реку Форторе. Этот отход одновременно повлек за собой оставление крупного аэродрома в Фодже, захват которого являлся одной из основных целей наступления противника в Южной Италии. Теперь союзники получили возможность осуществить давно задуманный план: подвергнуть ударам своих бомбардировщиков в сопровождении истребителей нефтепромыслы в районе Плоешти, находившиеся до сих пор вне их досягаемости. Учитывая быстрое продвижение противника в центре и на левом крыле немецких войск, командование 10-й армии отвело 29-ю гренадерскую моторизованную дивизию в район Беневенто с тем, чтобы одновременно обеспечить взаимосвязь последней с частями парашютной дивизии. Тем временем был завершено планомерно осуществлявшийся вывоз из Неаполя армейских запасов различного рода. Противник, перебросив в район высадки 5-й американской армии еще одну дивизию, перешел в наступление по всему фронту. Наступило время отхода на первый промежуточный рубеж. На западном участке после непродолжительных боев по обе стороны Везувия немецкие войска 1 октября оставили Неаполь, вскоре занятый противником. 5 октября американцы вышли к реке Вольтурно. 8-я английская армия также неожиданно быстро продвинулась на центральном участке фронта, в результате чего завязались упорные бои между реками Вольтурно и Форторе, куда для отражения удара англичан своевременно прибыла 29-я гренадерская моторизованная дивизия.

Довольно тяжелая обстановка возникла на восточном участке фронта. Слишком растянутые позиции ослабленной парашютной дивизии на реке Форторе 1 октября были прорваны. Сама дивизия отошла за реку Биферно, однако в результате неожиданной высадки английских отрядов «коммандос» в районе Термоли оказалась обойденной с тыла. Лишь ударом 16-й танковой дивизии, переброшенной через горы с правого фланга армии форсированным 150-километровым маршем (при этом много танков вышло из строя), удалось выручить части парашютистов, попавшие в отчаянное положение. Хотя после многодневных боев с высадившимися в тылу десантами противника, численность которых непрерывно возрастала, левый фланг армии пришлось отвести, но зато угроза прорыва была устранена. Тот факт, что немецких сил оказалось достаточно для предотвращения прорыва, объяснялся не в последнюю очередь исключительной осторожностью командования английской армии: даже в такой обстановке оно использовало в первом эшелоне всего четыре дивизии.

Прошло уже четыре недели со времени высадки союзников, и обстановка теперь складывалась для немецких войск гораздо благоприятнее, чем они могли рассчитывать с самого начала. По существу, беспрепятственная нейтрализация итальянцев после их выпадения из союза, выгодная для обороны местность и ее умелое использование 10-й армией и, наконец, то обстоятельство, что превосходство противника оказалось гораздо меньшим, чем ожидалось, так как он действовал исключительно осторожно, – все эти факторы привели к принципиальному изменению немецкого плана ведения дальнейшей борьбы в Италии. Немецкое командование

отказалось от первоначального намерения вести сдерживающие бои вплоть до Апеннин. Напротив, теперь намечалось, что 10-я армия должна будет обороняться на заблаговременно подготовленном рубеже до тех пор, пока противник не вынудит ее отойти на следующий подготовленный рубеж. Такого рода действиями предполагалось значительно отсрочить приближение воздушной угрозы к границам Южной Германии. В этом случае Италия могла быть лучше использована с военной точки зрения, а новое республиканско-фашистское правительство в гораздо большей степени оправдывало свое существование, распространяя свою власть на большую часть страны.

Одновременно с изменением плана ведения войны в Италии были установлены четкие отношения в системе командования. До отпадения Италии немецкие войска формально подчинялись итальянскому верховному командованию. Кессельринг возглавлял имевшиеся здесь немецкие военно-воздушные силы и лишь благодаря своим личным качествам, а также постоянному использованию авиации совместно с сухопутными войсками и все усиливавшейся летаргии итальянского командования оказывал растущее влияние на общее руководство боевыми действиями немецко-итальянских войск в этом районе. После выхода Италии из войны общее руководство автоматически перешло в его руки, хотя Гитлер, упрекавший Кессельринга в уступчивости по отношению к итальянцам, рассматривал это лишь как временное решение: с отходом на Апеннинский оборонительный рубеж руководство боевыми действиями в Италии должен был взять на себя Роммель. Однако Кессельринг, в противоположность Роммелю с самого начала стремившийся к обороне южнее Рима, считая ее вполне возможной, оказался прав, и поэтому было вполне естественно, что он остался во главе группировки немецких войск в Италии. Через несколько недель после выделения самостоятельной группы армий «Б», которую возглавил Роммель, он был назначен главнокомандующим немецкими войсками на Юго-Западе и одновременно командующим группой армий «Ц»{39}.

Но Гитлер все еще не был уверен, что 10-й армии удастся длительное время обороняться на занимаемом рубеже. Он опасался также новых высадок союзников в Северной Италии. Немцы не замечали, что противник не предпринимал высадок в районах, находившихся за пределами радиуса действия его истребительной авиации. Кроме того, немецкому командованию не могло быть известно, что у союзников еще не было единого мнения о целях итальянской кампании и о численности сил, которые здесь следовало использовать. Вследствие этого группа армий Роммеля после разоружения итальянцев в Северной Италии и прояснения обстановки была оставлена севернее Апеннин и получила задачу подготовиться к удержанию Северной Италии и взять на себя оборону западного и восточного побережья на значительную глубину. После перемещения штаба группы армий «Б» во Францию эта задача была возложена на 14-ю армию.

В то время как 10-я армия вела бои в Южной Италии, на севере силами и дивизий проводилась основательная подготовка нового оборонительного рубежа. На побережье Тирренского моря было намечено подготовить береговую линию обороны от Приморских Альп через Геную, Ливорно до Пьомбино. Мощные узлы обороны предполагалось создать вокруг Генуи, у Специи, по обе стороны устья реки Арно и в районе Ливорно. Противотанковые заграждения и доты сооружались организацией Годта{40}, полевые укрепления – выделенными для обороны побережья частями. Апеннинский оборонительный рубеж, который должен был явиться последней, решающей преградой на пути наступления противника, примыкал южнее Специи к Лигурийскому морю и проходил по гребню Апеннин до Пезаро на побережье Адриатики. Сооружение его было начато в августе, однако в планировке была допущена серьезная ошибка, которая не могла впоследствии не сказаться. Вся оборонительная полоса была оборудована на передних скатах гор, в результате чего оборона могла быть легко обнаружена и подавлена противником; это также чрезвычайно усложняло и без того трудное в горных условиях маневрирование резервами и снабжение обороняющихся войск.

Чтобы обеспечить левый фланг Апеннинского рубежа, было подготовлено для обороны и Адриатическое побережье, особенно на участке между Пезаро и устьем реки По. Далее линия прибрежных укреплений с основными узлами обороны в районах Триеста, Полы и Фиуме тянулась до самой югославской границы. Кроме собственных дивизий, 14-я армия к тому

времени уже могла использовать подразделения новой, находившейся в стадии формирования армии Муссолини, вкрапывая отдельные итальянские батальоны и батареи в немецкие части.

14-я армия еще в течение нескольких месяцев оставалась в Северной Италии, передав, однако, несколько дивизии 10-й армии, которой предстояло в ближайшее время вести в одиночку тяжелые бои.

Были проведены также мероприятия по обеспечению в любом случае быстрого сосредоточения сил в пунктах возможных высадок противника. Этими мероприятиями объясняется, в частности, и тот факт, что, когда противник в январе 1944 г. предпринял высадку в районе Неттунии, у образовавшегося плацдарма поразительно быстро оказалось значительно большее количество немецких войск.

Кессельринг по-прежнему был убежден, что путем решительной обороны все-таки удастся задержать противника южнее Рима на длительное время. Поэтому уже в конце сентября он отдал распоряжение о подготовке оборонительных позиций на рубеже Гарильяно, Миньяно, верхнее течение реки Вольтурно, горный массив Майелла, река Сангро. Работы осуществлялись силами немецких строительных батальонов под руководством специально созданного штаба. Итальянское фашистское правительство передало в распоряжение этого штаба итальянские строительные подразделения, сыгравшие вместе с завербованным немцами местным населением немаловажную роль в подготовке этого рубежа.

Основные работы велись на наиболее вероятных направлениях ударов танковых и моторизованных частей противника. Их приходилось опасаться не только на побережье Адриатики, но главным образом на южном участке фронта, где дороги Виа Аппиа и Виа Казилина открывали путь к Риму. Решающее значение приобретал горный проход между господствующими высотами вблизи Миньяно. В случае его потери предполагалось еще раз остановить противника на мощной оборонительной позиции, прикрываемой с фронта рекой Рапидо, а с флангов – горами по обе стороны Кассино.

Наряду с этими приготовлениями необходимо было усилить 10-ю армию, чтобы она смогла выполнить свою новую задачу – решительно оборонять намеченный рубеж. С этой целью из состава 14-й армии на основные участки новой оборонительной позиции были переброшены первоначально три дивизии, принявшие также участие в ее оборудовании.

К середине октября 10-я армия оборонялась на реке Вольтурно севернее Неаполя, а на восточном побережье удерживала позиции за рекой Биферно, которые она намеревалась оборонять по возможности дольше, чтобы выиграть время для сооружения нового оборонительного рубежа. Командование армии намеревалось отойти на этот рубеж не раньше 1 ноября, считая свое намерение вполне реальным. На южном участке американцы, как и предполагалось, стали оказывать давление вдоль Виа Казилина в направлении Миньяно. Наступавшая крупными силами 5-я американская армия вынуждала 14-й танковый корпус постепенно отходить назад. Ведя ожесточенные арьергардные бои, корпус к началу ноября отошел на подготовленный новый рубеж. 5 ноября американская армия, состав которой тем временем увеличился до пяти американских и трех английских дивизий, подошла к реке Гарильяно и к господствующим над Миньяно высотам.

Английская армия, действовавшая на Адриатическом побережье, предоставила 76-му танковому корпусу более длительную передышку. К середине октября Монтгомери подготовил свои силы к планомерному наступлению с рубежа Термоли, Кампобассо, не надеясь больше на возможность сломить неуклонно крепнущее немецкое сопротивление отдельными разрозненными действиями. Сильные затяжные ливни осложняли задачу английских войск. В то же время немецкие арьергарды вели боевые действия весьма умело. Они использовали для обороны труднодоступные горные деревни, которые затем при отходе уничтожались. В результате преследовавшим их англичанам [негде было укрываться от разбушевавшейся стихии. Короткие контратаки местного характера непрерывно задерживали продвижение противника, заставляя последнего бросать в бой крупные силы. Гористая местность также сильно затрудняла действия английских дивизий. Лишь 8 ноября наступавший по более равнинной местности правофланговый корпус вышел к реке Сангро, левый же его сосед значительно отстал.

Ход кампании продолжал вызывать в рядах обеих союзных армий довольно сильное

разочарование. Когда они в середине октября вышли на рубеж реки Вольтурно, им в качестве ближайшей цели, которую нужно было достигнуть еще до начала зимы, была поставлена задача выйти к важной пересекающей полуостров коммуникации Пескара – Авеццано – Рим. И вот уже наступил ноябрь, а они еще находились перед очередной, очень сильной позицией, оборудованной на труднодоступной местности и, без сомнения, оборонявшейся более крупными силами, чем все предыдущие. Английские войска, по собственному признанию их командующего, серьезно устали; кроме того, давали себя знать значительные потери, понесенные армией со времени высадки, особенно не хватало пехотных офицеров.

К моменту отхода на новый оборонительный рубеж 10-я армия располагала семью дивизиями, три из которых на узком западном участке фронта сдерживали американцев, а четыре другие на более широком восточном участке вели боевые действия против англичан. Командование немецкими войсками на Юго-Западе держало две танковые дивизии в резерве, так как ему постоянно приходилось считаться с возможностью высадок противника в тылу, особенно на Западном побережье. Соотношение сил внешне казалось не так уж неблагоприятным. 5-я американская армия состояла из семи пехотных и одной бронетанковой дивизий, 8-я английская армия – из четырех пехотных и одной бронетанковой дивизий. Однако дивизии противника насчитывали по девять батальонов, а немецкие – всего по шесть, американские и английские батальоны были полностью укомплектованы, немецкие же здесь, как и в России, хронически страдали от нехватки пополнения. Понесенные потери почти никогда не восполнялись своевременно, и в результате батальоны численностью в 300 – 400 человек уже в течение ряда лет являлись большой редкостью. Только в живой силе противник имел по меньшей мере трехкратное превосходство; по количеству же артиллерии и боеприпасов оно было еще более ощутимым, а в воздухе, по существу, граничило с абсолютным господством. Воздушная разведка немецкой стороны была почти невыполнимой. Передвижения на переднем крае и в тылу в дневное время представлялись возможными лишь при особо неблагоприятной для действий авиации погоде. Переброску резервов и подвоз приходилось осуществлять в ночное время.

Предпринятые в начале ноября обеими союзными армиями наступательные действия лишь преследовали цель не допустить стабилизации фронта и связанной с этим позиционной войны. Американцы считали для себя важным овладеть горным проходом у Миньяно. В боях, длившихся с 6 по 12 ноября, южнее горного прохода их первая попытка была отбита, севернее же американцам удалось захватить несколько господствующих высот. Все прочие попытки выбить 14-й танковый корпус с занимаемых позиций не вышли за рамки местных успехов. Только в начале декабря командование 5-й армии решилось возобновить атаки намного более крупными силами. После многодневной, исключительно интенсивной артиллерийской и авиационной подготовки американцы в результате трехдневных ожесточенных боев захватили у 15-й гренадерской моторизованной дивизии господствующую высоту Монте-Камино, расположенную юго-западнее горного прохода. Одновременно были предприняты сильные атаки на северный участок немецкой обороны, но американцам понадобилось две недели, чтобы оттеснить обороняющуюся там 29-ю гренадерскую моторизованную дивизию на промежуточный рубеж, проходивший южнее позиций немецких войск у Кассино.

На центральном участке фронта впервые появилась сформированная в Марокко и прекрасно оснащенная французская дивизия, нанеся серьезные потери противостоявшей ей 5-й горно-стрелковой дивизии. Однако бои на центральном и северном участках обороны 14-го танкового корпуса все еще велись перед оборонительным рубежом, подготовленным за рекой Рапидо.

Прежде чем перейти в конце ноября в наступление, англичане заняли исходное положение обычным для них методом: они нанесли несколько ударов по немецким позициям, по условиям местности отнесенным далеко за реку Сангро, и захватили ряд плацдармов. Но так как река Сангро после многодневных ливней вышла из берегов, намеченное на 20 ноября наступление пришлось вновь отложить на неделю. Лишь 27 ноября после предварительной, длившейся несколько дней обработки немецких позиций с воздуха и интенсивнейшим огнем артиллерии английская армия смогла, наконец, перейти в наступление, нанося главный удар вдоль побережья. В ходе трехдневных боев англичане отбросили обороняющуюся здесь на очень

широком фронте немецкую дивизию, на некоторых участках прорвали ее оборону. К этому времени сюда подошли одна пехотная дивизия, высвободившаяся после эвакуации Сардинии, и одна танковая дивизия 14-го танкового корпуса. Они прибыли хотя и не в полном составе, но зато как раз вовремя для того, чтобы не допустить оперативного прорыва англичан, успеть подготовить к 8 декабря новый оборонительный рубеж за рекой Моро и восстановить сплошной фронт в южном направлении. Англичане еще не отказались от намерения достигнуть рубежа Пескара, Кьети с целью перерезать там дорогу на Авеццано, к чему они стремились уже в течение нескольких месяцев. Предпринятые для этого атаки вдоль побережья были, однако, отражены у реки Моро, а юго-западнее привел лишь к успехам местного характера. В конце декабря английская армия вообще прекратила наступательные действия. Командовавший ею Монтгомери вместе с генералом Эйзенхауэром, возглавлявшим до сих пор союзные войска на Средиземноморском театре, был отозван в Лондон, где обоим генералам была поручена новая задача – заняться подготовкой вторжения во Францию. Эйзенхауэр знал своего английского коллегу по совместной девятимесячной боевой деятельности. Он не испытывал особого восторга по поводу этой кандидатуры на пост командующего англо-американскими сухопутными войсками во время Нормандской операции, считая это лишь «приемлемым решением». К наиболее выдающимся качествам Монтгомери он относил умение увлечь за собой солдат, а также тактическое мастерство при проведении планомерного наступления. В умении сосредоточивать все силы артиллерии, танков, авиации и пехоты для овладения позициями противника ему, по мнению Эйзенхауэра, не было равных. Наверняка лишь благодаря такой методичности своего командующего 8-я английская армия не потерпела ни одного поражения на всем пути от Эль-Аламейна до реки Сангро, однако из-за нее же кое-где и шансы на победу были упущены, и захват ряда рубежей доставался лишь ценою тяжелой борьбы, хотя при более быстрых и решительных действиях для этого понадобилось бы гораздо меньше усилий.

Новые назначения обоих генералов явились результатом переговоров, проведенных накануне Тегеранской конференции Рузвельтом и Черчиллем в Каире в конце ноября при участии генерала Маршалла в качестве председателя объединенного комитета начальников штабов союзников. Черчилль все еще питал надежду на то, что путем достижения быстрых успехов в Италии, которые могли бы быть распространены, пожалуй, и на более широкий район Средиземноморского бассейна, ему удастся добиться отказа союзников от вторжения во Францию. В его аргументах по-прежнему немаловажную роль, хотя открыто он это никогда не подчеркивал, играли опасения слишком глубокого проникновения Советского Союза в район Юго-Восточной Европы, в то время как все силы западных держав были бы прикованы к Франции, да еще, чего доброго, застряли бы там. Американцы же по-прежнему упорно настаивали на своем плане вторжения, отклоняя любое использование сил на Средиземноморском театре, которое могло отразиться на намеченных сроках вторжения во Францию. Тем более они не согласны были добиваться быстрого захвата Италии за счет усиления используемых здесь армий и поэтому лишь с большой неохотой одобрили требование англичан осуществить по крайней мере уже запланированную к тому времени высадку в тылу 10-й армии в районе Неттунии. Американцы считали, что теперь важно лишь сковать расположенные на полуострове немецкие войска и организовать действия своей авиации, базирующейся на аэродром в Фодже. Чтобы перебросить все необходимое для его оборудования, им понадобился тоннаж не менее 300 тыс. *брт*.

7. Тегеранская конференция и военная обстановка в конце 1943 г.

Переговоры в Каире в ноябре 1943 г. между Рузвельтом и Черчиллем одновременно явились подготовкой к Тегеранской конференции с участием Сталина, проходившей с 28 ноября по 3 декабря. Благоприятный ход событий на всех театрах военных действий, которым был ознаменован 1943 г., предвещал скорое победоносное окончание войны и побуждал заняться наряду с обсуждением вопросов совместного ведения войны также изучением проблем послевоенного устройства Европы. Хотя уже в то время некоторые высказывали «серьезное сомнение в целесообразности формулы безоговорочной капитуляции, а переговоры с Италией

впервые вскрыли на практике спорный характер этой политики, Рузвельт продолжал непоколебимо ее придерживаться. Со стороны Черчилля такой курс, возможно, из каких-то более веских соображений не встречал противодействия, Сталин же его одобрял. Эта политика была подтверждена и развита еще раньше, на конференции министров иностранных дел, созванной также в порядке подготовки к встрече глав трех государств и состоявшейся в Москве 19 – 30 октября. Уже здесь были провозглашены требования выдачи военных преступников, совершивших преступления во всех оккупированных противником странах, а также принципы оккупации и полного разоружения Германии. Поэтому главы трех государств должны были лишь вновь подтвердить, что „никакая сила в мире не помешает им уничтожить немецкие армии на суше, немецкие подводные лодки на море и немецкие военные заводы с воздуха“. Когда эта цель будет достигнута, они, по их заявлению, смогут уверенно смотреть в будущее, так как весь мир будет в состоянии строить свободную жизнь без тирании и в соответствии со своими желаниями и своей совестью. Они заявили, что покидают Тегеран „действительными друзьями по духу и цели“.

И все-таки у западных государственных деятелей было достаточно оснований не столь доверчиво полагаться на общность духа и, в широком смысле, цели со своим великим союзником из Кремля. Ибо уже тогда русские не оставляли никакого сомнения в том, что они намереваются преобразовать по своему усмотрению, по крайней мере, Восточную Европу. В центре Восточного фронта они приближались к прежней русско-польской границе 1939 г. Поэтому впервые остро встал вопрос о проведении в жизнь принципов Атлантической хартии, одобренной 1 февраля 1943 г. в заявлении об учреждении ООН и Советским Союзом{41}.

В ней было определено, что никакие территориальные изменения не могут предприниматься без свободно выраженного желания заинтересованных народов. Однако Советский Союз бесцеремонно отверг этот принцип хартии, ответив на запрос польского эмигрантского правительства в Лондоне, за которым он к тому же и не признавал никаких прав на полномочное представление интересов польского народа, что настаивает на признании линии Керзона в качестве новой русско-польской границы, то есть, другими словами, не намерен возвратить Польше отторгнутые осенью 1939 г. белорусские и украинские области. В качестве компенсации за это к Польше должны были перейти области, «отнятые у нее Германией и являющиеся исконно польскими землями». Западные державы тщетно пытались сгладить польско-русский конфликт, хотя и не возражали против попыток русских односторонне решить спорный территориальный вопрос, в результате чего судьба восточногерманских земель была predeterminedена еще в январе 1944 г.

Перед лицом таких целей своих противников немецкой пропаганде действительно нетрудно было представить немецкому народу в самых мрачных красках последствия неблагоприятного исхода войны и призвать его сопротивляться до последнего. Даже страшные разрушения, производившиеся вражескими бомбами в крупных немецких городах, становились стимулом еще более упорного сопротивления, ибо, спрашивала немецкая пропаганда, кто же другой должен будет восстанавливать эти превращенные в развалины города, как не сама победившая Германия?

Каким путем можно было добиться победы – это, по крайней мере для трезво мыслящих людей, оставалось неясным. Во всех оккупированных странах сопротивление возрастало по мере того, как все явственней ощущалось ослабление немецкой мощи. И для подавления его требовались все более крупные военные силы, хотя людских ресурсов не хватало даже для восполнения потерь на фронте. Только в юго-восточной части Европы, где в Греции численность националистических и коммунистических войск возросла до 25 тысяч человек, и в Югославии, где Тито, используя поддержку английской и русской военных миссий, возглавлял настоящую, почти четвертьмиллионную армию, приходилось держать, включая 55-тысячный гарнизон Крита и Родоса, войска общей численностью 612 тыс. человек. Кроме того, необходимо было прикрывать Норвегию от возможных высадок английских десантов, а на крайнем Севере оборонять область Петсамо от ударов русских. Для этих целей, а также для поддержания внутреннего порядка в Норвегии находилось 380 тыс. человек. Усиливалась внутренняя оппозиция в Дании, Голландии и Бельгии; во Франции окрепло движение маки, хорошо организованное с помощью англичан. Во всех этих странах союзники без разбора

поддерживали любое сопротивление, носило ли оно националистический или коммунистический характер. Такая политика подпольной борьбы, получившая широкое распространение и в Италии, в немалой степени содействовала усилению внутреннего беспокойства, которое после войны не без участия со стороны Советского Союза охватило западноевропейские государства, особенно Францию и Италию. Эта политика придала войне новые формы, все более отдалявшиеся от норм существующего международного права и именно поэтому вынуждавшие немцев принять жестокие контрмеры. На Западе для борьбы с маки, главным образом для отражения ожидавшегося вторжения, приходилось держать полтора миллиона солдат. Контролирование слишком огромной оккупированной территории от Нордкапа до островов Додеканеса поглощало, если считать и использовавшиеся в Италии дивизии, свыше трех миллионов солдат; силы, остававшиеся для борьбы против Советского Союза, были гораздо меньше.

В Финляндии, Венгрии и Румынии, которым из-за их участия в войне на Востоке приходилось опасаться самых худших для себя последствий в случае дальнейших успехов русских, тем не менее все явственней чувствовалось нежелание служить ставшему непрочным делу. Там все больше склонялись к мысли путем своевременного установления, по примеру Италии, контакта с противником спасти хоть то, что еще можно было спасти.

Немецкое командование наряду с усилением подводной войны с помощью новых средств борьбы и применением «чудодейственного оружия» – самолетов-снарядов – рассчитывало, что в случае высадки союзников во Франции немецким войскам удастся нанести им решающее поражение, обеспечить этой победой свой тыл и в результате высвободить достаточное количество сил, чтобы остановить продвижение русских на Востоке. У немцев была еще смутная надежда и на то, что внутренне непрочный союз Запада с Востоком развалится, если немецкое сопротивление будет достаточно продолжительным. Такие расчеты, однако, не имели под собой почти никакой почвы, тем более, что германское правительство давно перестало быть для Запада сговорчивым партнером. Над всеми еще неизвестными американской стороне источниками грядущих опасностей, вытекавшими из коалиции с Советским Союзом, доминировало одно неуклонное стремление: разгромить Германию и окончательно устранить ее с мировой арены как великую державу.

Дальновидные люди в лагере союзников уже в то время отчетливо сознавали вытекавшую из этих целей войны опасность для послевоенной обстановки во всем мире. Английский историк Лиддел Гарт в написанной им в октябре 1943 г. секретной докладной записке указывал, что в Европе имеется лишь одна страна, способная вместе с западноевропейскими государствами оказать сопротивление послевоенным устремлениям русских, – это страна, «которую собираемся разгромить». Всякая дружба с Советским Союзом, как бы желательна она в принципе ни была, должна, по мнению Лиддел Гарта, кончаться для англичан там, где дело идет о сохранении единственного барьера, достаточно мощного, чтобы сдерживать поток. Наступательная мощь Германии сломлена и сможет возродиться лишь в случае, если со стороны союзников будут допущены грубые ошибки. Однако Германия вполне еще способна к длительной обороне, стимулируемой требованием безоговорочной капитуляции. В сущности, продолжал Лиддел Гарт, это лишь ирония судьбы, что оборонительная мощь, которую англичане стремятся сломить, так как она громадной преградой стоит на их «пути к победе», одновременно является самой мощной опорой западноевропейского здания. Такого рода факт, естественно, возмущает всех кому милитаризм неприятен, и вызывает подозрение у тех, кто связывает понятие милитаризма в первую очередь с германской армией. Однако все другие государства Западной Европы в военном отношении настолько обессилены, что уничтожение германской армии неизбежно должно будет привести к подавляющему превосходству Красной Армии. Английская политика, писал далее Лиддел Гарт, уже в течение ряда десятилетий плетется в хвосте событий и вынуждена дорогой ценой оплачивать свое отставание. Поэтому было бы разумно выйти за рамки ближайшей военной цели, в сущности уже достигнутой, и позаботиться о том, чтобы длительный путь к последующей цели был расчищен от опасностей, уже довольно отчетливо вырисовывающихся на горизонте. Однако к словам Лиддел Гарта никто не прислушался.

8. Кассино и Неттуния

Когда 5-я американская армия 4 января 1944 г. перешла в новое наступление, дивизии 10-й немецкой армии все еще оборонялись на промежуточном рубеже севернее реки Гарильяно перед основной позицией на реке Рапидо и лишь с упорными боями, а временами и с тяжелыми потерями отходили на этот новый рубеж.

Здесь 14-й танковый корпус располагал четырьмя дивизиями, частично понесшими ощутимые потери в боях за предполье. Им противостояла сосредоточенная в руках командующего 5-й американской армией группировка, состоявшая из трех английских, двух американских и двух французских дивизий, поддерживаемых многократно превосходящими силами артиллерии, крупными бронетанковыми соединениями и полностью господствовавшей в воздухе авиацией.

Вопреки предположениям командования 10-й армии, ожидавшего, что главный удар будет наноситься в долине реки Лири и в районе высот вокруг Кассино, наступление противника, начавшееся в ночь с 17 на 18 января и сочетавшееся с высадками небольших десантов в тылу немецких войск, было предпринято вдоль реки Гарильяно. Значительно превосходящий в силах противник, наступая против оборонявшейся здесь на очень широком фронте немецкой дивизии, быстро добился таких успехов, что возникла угроза прорыва его в долине реки Лири, который мог повлечь за собой самые серьезные последствия для всей обороны. По настоятельной просьбе 14-й армии командующий группой армий передал в ее распоряжение весь свой резерв – две гренадерские моторизованные дивизии – для организации контрудара. Обе дивизии 20 января добились незначительных, а на следующий день более крупных успехов, благодаря чему появились шансы вновь отбросить английские дивизии за реку Гарильяно. Однако в ночь с 21 на 22 января союзники совершенно неожиданно для немецкого командования высадились у Неттунии, что, по мнению Черчилля, должно было создать перелом во всей итальянской кампании. Следовательно, наступление в долине реки Гарильяно преследовало лишь цель сковать немецкие резервы, и замысел этот полностью удался. Немецкий контрудар в полосе 10-й армии был немедленно приостановлен. Армия получила приказ, не считаясь ни с каким оголением своей обороны, передать поголовно все имеющиеся силы для использования их в районе новой высадки. Да и сама 10-я армия была кровно заинтересована в оказании такой помощи всеми имеющимися средствами, ибо положение ее, в случае если бы высадившемуся теперь в ее тылу противнику удалось добиться решающего успеха, стало бы катастрофическим. Поэтому она выделила один только что прибывший в ее распоряжение корпусной штаб в качестве штаба по руководству операцией, сняла на адриатическом участке фронта одну танковую дивизию, части одной пехотной дивизии и два усиленных артиллерией пехотных полка и спешно передала их 14-й армии, державшей оборону в районе Неттунии. Когда же в ее распоряжение прибыл еще один корпусной штаб, штаб испытанного 76-го танкового корпуса был также передан 14-й армии.

Здесь очень быстро сложилась чрезвычайно напряженная обстановка. С начала января целый ряд признаков вызывал у командования немецкими войсками на Юго-Западе подозрение, что противник готовит новую высадку в тылу немецких войск на побережье Тирренского моря. В районе Неаполя было отмечено сосредоточение судов противника общим тоннажем примерно 400 тыс. *брт*. Напрашивалось предположение, что командование противника намеревается с помощью глубокого обходного маневра избежать необходимости прорывать позиции немецких войск фронтальным ударом. О месте ожидаемой атаки командование армии могло лишь догадываться. Противник с одинаковым успехом мог высадиться либо непосредственно за линией фронта, либо вблизи Рима, к юго-западу от него, либо еще дальше к северу. Сильные удары с воздуха, нанесенные 21 и 22 января по немецким коммуникациям между Римом и оборонительным рубежом на реке Гарильяно, могли бы служить подтверждением этих замыслов противника, если бы не предпринятое им одновременно против южного фланга 10-й армии крупное наступление, с которым немецкое командование связывало интенсивные действия авиации противника. В то же время господство противника в воздухе исключало всякую возможность проведения воздушной разведки в направлении Неаполя.

В результате 6-му американскому армейскому корпусу удалось в 2 часа утра 22 января

совершенно неожиданно высадиться в районе Анцио, Неттуния. С трудом сохранявшиеся в течение предыдущих недель в резерве две дивизии, которые предназначались для отражения внезапных высадок противника, были по настоянию 10-й армии незадолго перед этим брошены на южный фланг обороны, и теперь, кроме двух батальонов и нескольких стационарных береговых батарей, немецкое командование не имело никаких сил, которые можно было бы использовать против высадившегося противника. Последнему в таких условиях, чтобы добиться решающего успеха, способного поставить под угрозу всю оборону 10-й армии, нужно было лишь действовать смело и решительно. Вместо этого противник начал планомерно укреплять захваченный плацдарм, на котором в последующие дни осуществлялась высадка 55-тысячного корпуса. Полученная благодаря этому передышка была использована немецким командованием для того, чтобы сначала наспех созданными маршевыми частями, быстрое сосредоточение которых в наиболее угрожаемых пунктах было продумано во всех подробностях и осуществлялось по условному сигналу, а затем срочно переброшенными из состава 10-й армии частями кое-как создать оборону вокруг плацдарма противника. Кроме того, в течение 10 дней были переброшены две дивизии из Северной Италии и по одной из Франции и с Балкан; несмотря на полное господство противника в воздухе, эти соединения прибыли одно за другим точно в намеченные сроки. Не использовав первых дней высадки, противник тем самым упустил серьезный шанс на развертывание операции. 25 января 14-я армия под командованием генерал-полковника фон Макензена приняла на себя задачу борьбы с высадившимся здесь противником. Уже в эти дни последовал ряд частных немецких контратак в районе плацдарма, представлявшего полукруг радиусом 20 км с центром в Неттунии.

Лишь 30 января противник, накопив на плацдарме до четырех дивизий, решил предпринять крупное наступление. В районе Чистерна-ди-Рома он продвинулся мало, зато ему удалось пробиться через Априллу до Камполеоне, проделав опасную брешь в немецкой обороне. К 10 февраля она была, однако, ликвидирована немецкими войсками, ибо именно здесь, у этой бреши, намечался и с начала февраля готовился крупный немецкий контрудар.

Оба противника были заинтересованы в том, чтобы как можно скорее покончить с состоянием неопределенности: соображения как военного, так и политического порядка вынуждали к решительным действиям. Союзники, предпринявшие высадку в надежде вновь продолжить широкое наступление в Италии, не могли теперь останавливаться на полпути. Для Черчилля, стремившегося добиться исхода всей войны операциями в Южной Европе, первостепенное значение имело то, чтобы его политические цели подкреплялись военными успехами в Италии. Гитлеру не терпелось нанести, наконец, союзникам при высадке их в Европе решающее поражение, которое могло бы привести к большим политическим последствиям и заставило бы противника отказаться от последующих высадок, особенно во Франции. Та сторона, которой удалось бы раньше сосредоточить крупные силы, по всей вероятности, добилась бы успеха. Немцы вполне могли это сделать. Затруднение могло вызвать лишь то обстоятельство, что при проведении даже такой территориально ограниченной операции господство союзников в воздухе не могло быть сломлено немецкой авиацией. Зато численность 14-й армии была значительно увеличена. К середине февраля армия располагала тремя пехотными, одной парашютной, двумя танковыми и двумя гренадерскими моторизованными дивизиями, а также четырьмя дивизионами самоходных установок, несколькими батальонами танков «Тигр» и «Пантера» и артиллерией, количественно не уступавшей противнику, если, разумеется, не считать его корабельной артиллерии. Как и всегда в аналогичных случаях, Гитлер и ОКВ не ограничились передачей в распоряжение местного командования необходимых сил и средств с предоставлением последнему права самостоятельно использовать эти силы и средства на основе знания обстановки и местных условий, а, напротив, снова занялись мелочной опекой и стали вмешиваться во все решения командования немецкими войсками в Италии. Следует отметить, что выбор направления главного удара был весьма ограничен территориально: удар во фланг вдоль побережья исключался из-за сильного воздействия корабельной артиллерии противника. Поэтому Гитлер принял решение нанести удар там, где дорога к морю была самой короткой – из района Априллы на Анцио. Командование армии предпочитало предпринять наступление несколько левее, что, вероятно, было бы для противника более неожиданным, а именно, из района

Чистерна-ди-Рома, однако оно не смогло настоять на своем замысле. Ему пришлось, правда лишь после самых энергичных и неоднократных возражений, примириться с требованием Гитлера бросить в наступление всего на трехкилометровом фронте три дивизии, за которыми в случае удачного прорыва должен был последовать ввод трех других, находившихся в полной боевой готовности, соединений. Массирование столь крупных сил на таком ограниченном пространстве без достаточного прикрытия с воздуха внушало командованию армии самые явные опасения. Кроме того, командование все время торопили с началом наступления, у Гитлера не хватало терпения дать возможность спокойно и тщательно осуществить необходимую подготовку. Из-за такого постоянного нажима сверху целый ряд важных деталей остался непродуманным.

В 6 час. 30 мин. утра 16 февраля три дивизии после предварительной артиллерийской подготовки перешли в наступление, нанося главный удар вдоль дороги Априлла – Анцио. Из района Чистерна-ди-Рома было предпринято сковывающее наступление, замысел которого вскоре был распознан противником. На направлении главного удара наступающие встретили упорное сопротивление, так как подготовка операции, несмотря на все предпринимавшиеся попытки маскировки и ввода противника в заблуждение, не ускользнула от внимания. Расчет на то, что подмерзшая земля позволит танкам и самоходным установкам передвигаться вне дорог, не оправдался; они остались привязанными к дорогам и могли быть легко остановлены. Пехоте приходилось нести на себе всю тяжесть борьбы и, помимо ударов противника с воздуха, испытывать на себе мощь его наземного огня, превосходившего по интенсивности огонь немецких войск по меньшей мере в десять раз. Слабая немецкая авиация делала все, что могла. Ее удары по порту, а также по кораблям и артиллерии противника не приносили, однако, заметного облегчения. Столь же непосильной была для нее задача одолеть воздушного противника над полем боя. Первый день наступления не принес ожидаемых успехов. Были захвачены лишь самые передовые позиции обороны противника; заставить же последнего ввести в бой свои резервы пока еще не удалось. Неожиданно успешное сковывающее наступление не было оценено должным образом. На следующий день, правда, удалось вбить глубокий клин в оборону американцев, но это было сопряжено с тяжелыми потерями для обеих сторон. На третий день немецкое командование предприняло последнюю попытку осуществить прорыв двумя еще оставшимися в резерве дивизиями. В первой половине дня продвижение немецких войск развивалось успешно, благодаря чему вбитый накануне клин удалось значительно углубить, но затем сопротивление противника резко возросло, и местами он даже стал переходить в контратаки. Под впечатлением исключительно тяжелых потерь, понесенных в ходе трехдневных боев и ставших под угрозу даже удержание захваченных позиций, командование армии приостановило наступление, ограничившись расширением и укреплением флангов вбитого клина. Оно не подозревало, что командование противника, бросившее в бой свои последние резервы и считавшее, что его оборона вот-вот рухнет, подумывало уже об эвакуации плацдарма, когда прекращение немецкого наступления сразу избавило его от всех забот.

Гитлер не успокоился на этом и потребовал повторения наступления, которое теперь можно было вести лишь в районе Чистерна-ди-Рома. 14-я армия стремилась ускорить перегруппировку, не привлекая при этом внимания противника. Однако накопление боеприпасов при сложившемся тяжелом положении с подвозом потребовало продолжительного времени, что позволило начать наступление лишь 29 февраля. В наступление были брошены четыре дивизии, на этот раз на значительно более широком фронте. Приготовления немецкой стороны вновь не остались незамеченными противником. К тому же наступила оттепель, превратившая район боевых действий в море грязи. В этих условиях нельзя было применить не только танки – с трудом могли передвигаться даже люди. Невозможность использования авиации из-за неблагоприятной погоды противник восполнил наземным огнем, интенсивность которого трудно себе представить. Незначительные первоначальные успехи, достигнутые в первый день немецкого наступления, были на следующий день сведены на нет контратаками противника.

Теперь попытку ликвидировать плацдарм противника приходилось признать окончательно провалившейся. Армия перешла к обороне, стремясь оборудовать глубоко

эшелонированную систему позиций и подготовиться к наступлению противника, которое рано или поздно неизбежно должно было последовать в направлении Рима или долины между Альбанскими горами и горами Лепини.

После того как 10-я армия направила все, что могла, для борьбы с десантом противника в районе Неттунии, у нее осталось ровно столько сил, чтобы иметь возможность без потери значительных участков территории вести оборонительные бои против 5-й американской армии, наступавшей теперь в нескольких пунктах. Решающее значение имело при этом то обстоятельство, что на северном участке фронта англичане с декабря приостановили свои атаки. Контратаки, которые 14-й армии удалось предпринять выделенными в ее распоряжение силами еще до высадки в Неттунии, по крайней мере ослабили напряженную обстановку на южном участке. Попытки американцев пробиться одной дивизией по долине реки Лири, где позиции, особенно хорошо оборудованные в инженерном отношении, обороняла надежная немецкая дивизия, провалились; при этом американцы понесли тяжелые потери, потери же немецких войск были незначительными. Более существенными для противника и опасными для обороны рубежа по реке Рапидо оказались успехи, которых добился французский корпус, действовавший в районе высот Каиро, так как последние прикрывали район Кассино с фланга. Без подтягивания подкреплений оборона здесь грозила рухнуть. В то же время необходимые подкрепления можно было получить лишь за счет дальнейшего ослабления обороны у Адриатического побережья. Пока это представлялось возможным, так как английская армия также передала несколько дивизий американцам, где командование противника теперь всеми средствами пыталось добиться перелома, предпринимая наступление в оперативном взаимодействии с войсками, высаженными на плацдарме у Неттунии. Полной безопасности для адриатического участка фронта это временное перенесение противником направления своего главного удара, естественно, не давало, ибо оно в любой момент могло быть также внезапно изменено. Полностью моторизованные дивизии противника были более подвижны, чем немецкие; обладая превосходством в воздухе, он мог без помех и зачастую даже незаметно предпринимать переброски крупных сил, в то время как любой маневр с немецкой стороны был возможен лишь ночью, следовательно, был связан со значительными затратами времени; передвигавшиеся в дневное время войска даже на привалах в узких горных долинах авиация противника обнаруживала и бомбила. Наконец, воздушные налеты на искусственные сооружения и теснины вообще сильно затрудняли немецкому командованию маневр живой силой. Поэтому немцы не могли своевременно реагировать на внезапные переносы ударов противника. Командование противника, однако, не воспользовалось этим своим преимуществом, упорствуя в попытках добиться прорыва именно на южном участке фронта.

В начале февраля американская армия попыталась овладеть ключевыми позициями на высотах Монте-Каиро севернее города Кассино. Однако перешедший здесь в наступление американский корпус понес настолько тяжелые потери, что вынужден был 12 февраля приостановить свои атаки, и его пришлось сменить переброшенным с Адриатического побережья канадским корпусом. Свои неудачи американцы пытались объяснить тем, что немцы превратили Кассинский монастырь в свой наблюдательный пункт, что, однако, не соответствовало действительности. Фельдмаршал Кессельринг еще в ходе первоначального оборудования позиций запретил всякое использование монастыря для целей обороны и вход туда немецких солдат. Приказание Кессельринга строго соблюдалось, у монастыря даже был выставлен специальный пост. Уникальные культурные ценности монастыря были с помощью немцев вывезены и переданы в надежные руки представителей Ватикана. В горах, возвышавшихся над долинами рек Рапидо и Лири, не было недостатка в удобных наблюдательных пунктах, так что использовать для этой цели монастырь не было никакой необходимости. Противник, очевидно, не понимая такой простой истины, приступил к разрушению этого сооружения. 15 февраля 299 самолетов сбросили 453 т бомб. Обороняющимся этот акт насилия пошел лишь на пользу: они могли теперь, отбросив всякое сомнение, включить разгромленный монастырь в свою систему обороны и превратить его в неприступную крепость, мощь которой возрастала еще и благодаря тому, что прочные своды подвальных помещений выдерживали любую бомбардировку и являлись идеальным укрытием от артиллерийского огня и воздушных налетов.

После того как мнимый наблюдательный пункт был ликвидирован и в ночь с 17 на 18 февраля, предвзятое новое наступление, была предпринята пятичасовая артподготовка, во время которой выпускалось по 10 тыс. снарядов в час, новозеландская пехота начала штурм расположенного впереди монастыря города Кассино. Однако, несмотря на огромное количество боеприпасов, израсходованных на подготовку наступления, последнее успеха не имело. Новозеландцам удалось добиться лишь небольшого вклинения, а через день они вынуждены были свое наступление прекратить.

После этих атак, предпринимавшихся, очевидно, все еще недостаточными силами, на фронте 10-й армии наступила длительная пауза, использованная немцами для совершенствования позиций. Кроме того, армия смогла произвести замену потрепанных в сражении под Неттунией дивизий более свежими. В середине марта американское командование решило предпринять новое наступление с целью овладеть, наконец, злополучным городом Кассино и лежащими за ним высотами. 15 марта американцы, используя огромное количество авиации и артиллерии, попытались подавить немецкую оборону. Однако результаты применения этой тактики их в высшей степени разочаровали. Моральный дух немецких войск оказался на высоте этого самого тяжелого по сравнению со всеми предыдущими испытаниями; потери благодаря укрытию в горных пещерах и массивных строениях были невелики, а хаотическое нагромождение развалин и огромные воронки от бомб привели к тому, что мощная артиллерийская и авиационная подготовка скорее замедлила наступление противника, чем содействовала его успеху. Когда новозеландская пехота при поддержке танков перешла в атаку, ее встретил интенсивный огонь из развалин города и с близлежащих высот. Одновременно она оказалась под воздействием огня немецкой артиллерии, который прекрасно корректировался с многочисленных наблюдательных пунктов, оборудованных на окрестных высотах. Танки едва могли передвигаться по ставшей труднопроходимой местности. Так сама себе создала преграды техника.

В проходивших с переменным успехом восьмидневных боях новозеландцы безуспешно пытались захватить этот главный опорный пункт немецкой обороны. Лишь кое-где они смогли добиться местных успехов, да и то в большинстве случаев к концу сражения отошли на исходные позиции. У оборонявшейся здесь немецкой 1-й парашютной дивизии были все основания гордиться достигнутым в таких труднейших условиях успехом.

После этой неудачи американская армия прекратила бесплодные попытки захватить господствующие высоты в районе Кассино. Командование противника стало выжидать лучшей погоды, которая позволила бы ему беспрепятственно использовать авиацию, и приступило к пополнению своих потрепанных дивизий.

9. Сражения на Востоке зимой 1943/44 г.

К концу декабря войска группы армий «Юг», прекратившие свои контрудары южнее Киева и в районе Житомира, оборонялись на извилистом, осложненном плацдармами противника и исключительно неустойчивом фронте. Противнику, пожалуй, контрудары немецких войск были только на руку, потому что они предпринимались лишь в силу необходимости временно предотвратить глубокие прорывы русских. И созданное в результате таких контрударов на какое-то время облегчение совершенно не использовалось для выпрямления линии фронта. В то время как русские для пополнения измотанных дивизий и формирования новых соединений, необходимых для предстоящих наступательных операций, располагали богатейшими резервами живой силы и техники, контрудары поглощали силы немецких войск, и восстановить их в полной мере было невозможно. Вследствие неизменного требования Гитлера удерживать по возможности более обширные районы Украины, а также его запрета эвакуировать в интересах экономии сил выступы немецкой обороны, против которых русские не предпринимали активных действий, группа армий «Юг» вынуждена была держать свое очень сильно растянутое южное крыло выдвинутым далеко вперед, а это, несомненно, таило в себе серьезную опасность. Можно было с уверенностью ожидать, что противник использует столь благоприятную для него, прямо-таки соблазнительную возможность охвата этого крыла и постарается взломать удерживавшуюся лишь ценою крайнего напряжения всех

сил немецкую оборону на этом выступе. (Карта 6, стр. 477)

Так оно и случилось. В рождественские дни 1943 г. первым перешел в наступление западнее Киева против 4-й танковой армии 1-й Украинский фронт под командованием Ватутина. Цель этого удара состояла в том, чтобы сделать еще более глубоким северный фланг группы армий и тем самым вынудить немцев еще больше растянуть свои силы. В ходе многодневных боев русские армии пробили в немецкой обороне у Радомышля и южнее брешь шириной 80 и глубиной 40 км, взяли Радомышль и Брусилон и развили успех в южном направлении. Прорыв был таким удачным, а боеспособность 4-й танковой армии (у которой после окончания ее декабрьского наступления взяли приданные танковые дивизии, направив их в тыл для пополнения) оказалась настолько ослабленной, что эта армия стала неудержимо откатываться назад. За потерей Радомышля и Брусилова очень скоро последовала сдача Коростышева, а 1 января 1944 г. русские вновь вступили в оставленный ими 20 ноября Житомир. Затем русские перешли в наступление и севернее, до самого Коростеня, продолжая, в то же время неудержимо продвигаться на запад. 3 января наступавшие русские войска достигли города Новоград-Волынский, а западнее Коростеня вышли в район Олевска и приблизились к старой польской границе, которую и перешли на следующий день. Устраняя всякую угрозу с фланга, войска левого крыла русских повернули крупными силами на юг и отбросили там удерживавших непрочную оборону немцев за линию Бердичев, Белая Церковь. Развивая наступление в западном и северо-западном направлениях, русские 12 января взяли город Сарны, а в центре, южнее Новоград-Волынского, продолжали теснить немецкие войска в направлении Шепетовки. Войска южного крыла 1-го Украинского фронта 16 января вышли в район восточнее Винницы и к Погребищенскому. Когда в результате развития ими этого удара в направлении на Умань возникла угроза, что центр и южное крыло группы армий «Юг» могут оказаться отрезанными с запада и вся их оборона опрокинутой, командование ввело резервы и во второй половине января продвижение русских было остановлено. Решительным контрударом войска Ватутина были отброшены назад к Погребищенскому и Жашкову.

Однако удар русских в западном направлении, приведший их 5 февраля к Луцку и Ровно, остановить было невозможно. После этих успехов, в результате которых между группами армий «Юг» и «Центр» был вбит клин глубиной почти в 300 км и примерно такой же ширины, 1-й Украинский фронт приостановил здесь свое продвижение. Его войска слишком растянулись, и теперь командование 1-м Украинским фронтом решило сосредоточить основные усилия на южном направлении, намереваясь во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом нанести сокрушительный удар по 8-й немецкой армии, оборона которой на некоторых участках все еще доходила до Днестра.

Несмотря на исключительно серьезную угрозу, нависшую над глубоко растянутым северным флангом 8-й армии, последняя вынуждена была удерживать свои позиции по Днестру севернее и южнее Черкасс, чтобы поддерживать связь с еще не отошедшей из района Никополя 1-й танковой армией. В течение всего января русские войска 2-го и 3-го Украинских фронтов оказывали сильное давление на обе немецкие армии, особенно заметное в районах Кировограда и Кривого Рога. 9 января был сдан Кировоград. В этом районе русские, несмотря на ожесточеннейшее сопротивление, продолжали наращивать свои удары, в результате чего все отчетливее стала вырисовываться грозившая 8-й армии опасность охвата не только с севера, но теперь и с юго-востока. К концу января попытки русских добиться прорыва, предпринимавшиеся с севера из района Белой Церкви и лишь с огромным трудом отражавшиеся частями 8-й армии, со всей очевидностью вскрыли замыслы русского командования. Это был последний момент, когда 8-ю армию путем быстрого отвода в юго-западном направлении можно еще было спасти от неизбежной катастрофы. Гитлер отказался от такой возможности, так как это повлекло бы за собой также отход 1-й танковой армии и потерю рудников Кривого Рога. 28 января клинья русских войск, наступавших с севера и востока, сомкнулись в районе Звенигородки, и таким образом в результате противоречившего всякому здравому смыслу упрямства Гитлера, который неизменно приказывал «не оттягивать войска с неатакованных участков фронта, дабы лишить противника свободы действий», два немецких корпуса оказались в котле. Как и всегда в подобных случаях, окруженные дивизии приходилось снабжать по воздуху, спешно перебросив сюда транспортные самолеты Ю-52;

многие из этих самолетов из-за недостаточного прикрытия истребителями легко сбивались русской истребительной авиацией. За счет оголения других участков фронта были, хотя и с большим трудом, выделены танковые дивизии, по четыре от 8-й полевой и 1-й танковой армий, которые получили задачу концентрическими ударами уничтожить прорвавшиеся силы противника и освободить окруженные войска. Назначенное на 3 февраля наступление неожиданно натолкнулось на серьезные трудности. Слишком рано наступающая на юге России распутица затянула сосредоточение необходимых сил. Кроме того, осложнения на других участках вынудили бросить туда часть предназначавшихся для контрудара дивизий. Выделенные для нанесения удара с юга дивизии 1-й танковой армии основными силами смогли перейти в наступление только 4 февраля, а удар с северо-запада силами 8-й армии последовал лишь 11 февраля. Эти контрудары оказались разрозненными и, несмотря на ряд первоначальных успехов, цели не достигли. Тем временем кольцо вокруг окруженных корпусов сжималось все теснее; русская бомбардировочная авиация непрерывно наносила по ним мощные удары, и, наконец, окруженная группировка оказалась настолько сжатой вокруг Корсунь-Шевченковского, что потеряла последние аэродромы, через которые осуществлялось ее снабжение. Когда к 15 февраля наступательная сила деблокирующих войск истощилась, окруженные корпуса получили приказ пробиваться в южном направлении, куда навстречу им должен был наступать танковый корпус 1-й танковой армии. Блестяще подготовленный прорыв в ночь с 16 на 17 февраля не привел однако, к соединению с наступавшим навстречу корпусом, так как продвижение последнего, и без того медленное из-за плохого состояния грунта, было остановлено противником. После этого окруженным корпусам пришлось, бросив все тяжелое оружие, артиллерию и большое количество снаряжения, последним отчаянным броском пробиваться к своим войскам. Из окружения вышли лишь 30 тыс. человек. В конечном итоге эти бои вновь принесли тяжелые потери в живой силе и технике, что еще больше осложнило обстановку на слишком растянутых немецких фронтах. Такое использование войск резко противоречило принципу экономии сил, который в условиях обороны мог проводиться лишь с одной целью: путем гибкого управления войсками и своевременного оставления критических участков фронта непрерывно накапливать резервы, сосредоточивать их затем на решающих направлениях и наносить наступающему противнику максимальные потери.

Тяжелым поражением, не на много уступавшим по своим масштабам катастрофе 8-й армии, ознаменовалось начало февраля и на южном фланге 1-й танковой армии, когда удерживаемый немецкими войсками выступ в районе Никополь подвергся ударам русских войск с севера и с юга. Марганцевые рудники в районе города Марганец, восточнее Никополь, оборона которых являлась основной причиной удержания тактически невыгодного выступа, и сам Никополь, включая также атакованный с юга плацдарм на левом берегу Днепра, 8 февраля были потеряны. Одновременно русские прорвались на Апо-столово и угрожали зажатым в районе Никополь немецким дивизиям с тыла. Последним лишь ценою очень тяжелых потерь удалось отступить в район южнее Кривого Рога. Войска 3-го Украинского фронта после этого перенесли свои основные усилия в район Кривого Рога, который 22 февраля после упорных боев оказался в их руках.

Пока здесь шли непрерывные бои, в центре и на северном участке южного фронта наступила кратковременная передышка, так как русские перегруппировывались для нанесения решающего удара по обеим группам немецких армий. Обстановка оставалась для русских исключительно благоприятной. Гитлер потребовал, чтобы обе группы армий продолжали удерживать выступавшую здесь далеко на восток немецкую оборону. Лишь оборонявшаяся на правом крыле 6-я армия под сильным нажимом противника вынуждена была отойти из района Никополь за реку Ингулец. Однако это было мало ощутимое сокращение линии фронта, который тянулся на 600 км между Днепром и Бугом до Шепетовки, и в результате сильного нажима, оказанного русскими в предыдущие месяцы на северном участке, еще больше удлинился. Кроме того, фронт обороны войск левого крыла группы армий «Юг» был повернут теперь почти на север. За Шепетовкой сплошного фронта уже не было. Район до Припятских болот по недостатку сил прикрывался пока лишь восточнее Броды, у Дубно, Луцка и восточнее Ковеля.

Русские хорошо постигли стратегию Гитлера и поэтому вряд ли опасались, что немецкое

командование добровольно отведет далеко выдвинутое вперед южное крыло, лишив их тем самым возможности его уничтожить. Необходимость в радикальном сокращении фронта ощущалась еще больше, чем в предыдущие месяцы: нужно было, наконец, сделать так, чтобы фронт немецкой обороны проходил не с востока на запад, что было чревато очень тяжелыми последствиями, а с севера на юг. Но Гитлер оставался глухим ко всем доводам и, словно одержимый, устремлял свой взор на нефтяной район Плоешти, который он рассчитывал надежно прикрыть, продолжая удерживать Крым и сохраняя южное крыло своих армий выдвинутым вперед. Не последнюю роль играли здесь и соображения престижа, которому, по его мнению, в случае дальнейшего отступления в Юго-Восточную Европу был бы нанесен новый удар. Результатом таких планов Гитлера, откровенно игнорировавшего всякие оперативные соображения, явилось тяжелое поражение обеих групп армий. С того времени, когда немецкие армии шли тернистым путем от Волги и Кавказа, отступая к Днепру, это было их самое крупное поражение. Даже такие искусные полководцы, как Манштейн и Клейст, не смогли спасти немецкие войска.

Следовательно, русские правильно предполагали, что немецкое командование будет ожидать их наступления в условиях столь неблагоприятного для него начертания линии фронта. Замысел наступления русских был ясен. В случае охвата и разгрома западного крыла группы армий «Юг» войсками 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова удар, нанесенный в южном направлении, не только выводил русских глубоко во фланг и тыл немецкой обороны, но одновременно опрокидывал сразу все оборонительные позиции вдоль почти параллельных водных рубежей Буга, Днестра и Прута, которые могли использоваться немцами в ходе дальнейшего наступления. В результате выхода русских в районы Проскурова или Тернополя оказалась бы перерезанной последняя перед Карпатами железная дорога из Одессы на Львов, и все дальнейшее снабжение обеих немецких групп армий пришлось бы осуществлять круглым путем через Румынию. Наконец, в самом благоприятном для них случае русские могли даже глубоко продвинуться через Черновицы в Молдавию, преградив тем самым центру и южному крылу своего противника единственный еще оставшийся ему доступным путь отхода между Дунаем и Восточными Карпатами. Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов должны были одновременно сильными ударами сковать немецкие группы армий с фронта и затем разгромить их.

После завершения перегруппировки и занятия исходного положения русские в начале марта перешли в наступление. Войска 1-го Украинского фронта, командование которым незадолго перед этим вместо тяжело раненного Ватутина принял маршал Жуков, 4 марта нанесли удар в районе Шепетовки, пробив в ходе двухдневных боев глубокие бреши в обороне 4-й танковой армии, и вскоре, развивая прорыв, продвинулись на 50 км. 6 марта русские заняли Шумское и Острополь. Навстречу русским войскам, вначале подобно лавине стремительно продвигавшимся в южном направлении севернее Подволочиска, были брошены три немецкие танковые дивизии с целью перехватить удар противника севернее железной дороги. Однако им удалось лишь замедлить продвижение русских, и через несколько дней противник вышел к железной дороге между Тернополем и Проскуровым. Здесь сопротивление немецких войск возросло. Жуков вначале удовольствовался достигнутым успехом и перенес центр своих усилий далее на восток с намерением вступить в непосредственное взаимодействие с 2-м Украинским фронтом Конева, начавшим 6 марта наступление из района Звенигородки в направлении Гайсина и Умани. Конев нанес удар по войскам 8-й армии, еще не успевшим оправиться после понесенных под Черкассами тяжелых потерь, и добился прорыва немецкой обороны. Контрудар, предпринятый во фланг русским из района Гайсина в восточном направлении силами нескольких танковых дивизий и одной дивизии СС, привел лишь к местным успехам. Немецкие дивизии продвинулись до района Умани, однако русские вовремя отошли и подтянули крупные силы к обоим флангам прорвавшейся немецкой ударной группировки. В результате во избежание окружения ее пришлось отвести назад. 10 марта была оставлена Умань.

Конев не давал больше ослабленной 8-й армии никакой передышки. 13 марта его армии продвинулись до Гайворона, вышли к Южному Бугу, через который тотчас же переправились передовые отряды. Прежде чем 8-я армия смогла подготовить оборону на правом берегу

Южного Буга, русские 15 марта форсировали его в районе Гайворона на фронте 100 км, создав себе несколько плацдармов глубиной от 20 до 30 км. На следующий день они уже вышли к ведущей на Одессу железной дороге в районе Вапнярки, а на северо-западе достигли Жмеринки. В результате этого удара, а также начатого одновременно с ним наступления войск левого крыла 1-го Украинского фронта над немецким выступом в районе Винницы нависла серьезная угроза, и 20 марта его пришлось оставить.

Прежде чем возобновить наступательные действия на правом крыле, Жуков силами войск второго эшелона предпринял несколько сильных атак в северо-западном направлении, в результате чего русские продвинулись до Кременца, Дубно и Ковеля, обеспечив свой глубокий фланг. Решающим, однако, по-прежнему оставалось южное направление. Здесь, после того как была поколеблена вся немецкая оборона от Шепетовки до Звенигородки и уже был форсирован Южный Буг, открывались исключительно широкие перспективы добиться во взаимодействии с Коневым выхода к Днестру, что и удалось осуществить. Уже 17 марта в ходе боев за Винницу передовые части наступающих русских войск вышли к Днестру северо-западнее Ямполья. 20 марта смежные крылья обоих русских фронтов овладели городом Могилев-Подольский и Сороками и форсировали реку, преодолев таким образом вторую водную преграду, на которой немецкие войска могли бы остановить противника.

Немецкое командование всеми средствами пыталось задержать русских и помешать им изолировать друг от друга обе группы армий. Пока оттесненная на юг 8-я армия всеми собственными и выделенными в ее распоряжение силами оказывала сопротивление переправившимся через Днестр русским, под руководством командующего 1-й танковой армии создавалась новая ударная группировка, которая должна была остановить дальнейшее продвижение русских на запад.

Тем временем Жуков новыми крупными силами возобновил наступление в районе между Тернополем и Проскуровом, уже в течение нескольких недель являвшемся ареной упорных боев. Это привело к новому тяжелому кризису на наиболее уязвимом участке группы армий «Юг». Начавшие 21 марта наступление русские войска на третий день прорвали немецкую оборону. Очень сильно растянутой 4-й танковой армии пришлось оставить часть сил в Тернополе, который надлежало удерживать в качестве «крепости», и поэтому она практически уже не могла задержать наступающего на юг и юго-запад противника. В итоге эта армия оказалась отброшенной далеко на запад, и лишь войска ее северного крыла продолжали удерживать оборону, проходившую из района Тернополя через Броды, Луцк до Ковеля. Подтягивавшаяся 1-я танковая армия прибыла слишком поздно, чтобы успеть закрыть зиявшую в немецкой обороне брешь между городами Могилев-Подольский и Тернополь, и сама оказалась охваченной с обоих флангов и затем окруженной в районе Каменец-Подольск, Скала-Подольская. Продвигаясь мимо окруженной 1-й танковой армии, русские к концу месяца достигли Бучача и Днестра в районе Залещиков и, продвинувшись оттуда через Коломыю до Делятина, а также до Черновиц, вышли южнее Черновиц к восточным отрогам Карпат, 1-я танковая армия, снабжалась по воздуху и лишь в апреле во взаимодействии со вновь подтянутыми силами, нанеся удар с запада, смогла выйти из окружения. Однако все это время она сковывала крупные силы противника, в результате чего удар Жукова в южном направлении в значительной мере потерял свою силу.

8-й армии лишь на время удалось задержать силы русских, которые непрерывно просачивались со своих плацдармов между городом Могилев-Подольский и Сороками. 29 марта войска 2-го Украинского фронта вышли к Днестру севернее и южнее Рыбницы, и положение оборонявшихся на Днестре немецких войск стало катастрофическим. Теперь русские на широком фронте вторглись в Бессарабию, достигнув левым крылом города Яссы.

В то время как в течение марта в итоге этих наступательных действий русских войск была разгромлена группа армий «Юг», группа армий «А», также ведя очень тяжелые бои и нередко попадая в критическое положение, в результате атак 3-го Украинского фронта и давления на ее северное крыло оказалась отброшенной от реки Ингулец за реку Тилигул. После захвата Кривого Рога в ходе зимнего наступления еще в конце февраля, русские вели в этом районе непрерывные ожесточенные бои. Для 3-го Украинского фронта важно было, оказывая сильное давление на немецкую оборону между реками Ингул и Ингулец, ударом с севера разгромить

находившиеся в этом междуречье немецкие силы, отрезав, помимо того, южное крыло немецких войск в районе Николаев, Херсон. И в этом случае Гитлера невозможно было склонить к своевременной эвакуации последнего бастиона в низовье Днепра, который все равно уже ничем не мог помочь отрезанному Крыму, 1-я танковая и 6-я полевая армии в результате русского наступления вскоре оказались в исключительно тяжелом положении. Части 1-й танковой армии под натиском противника, нанесшего удар из района западнее Кривого Рога в направлении Нового Буга и одновременно начавшего фронтальное наступление севернее Херсона, оказались отброшенными за Нижний Ингулец. Между реками Ингулец и Ингул завязались исключительно кровопролитные бои, выйти из которых немецким дивизиям удалось в середине марта лишь ценою прорыва за Ингул. Оборонявшиеся в районах Херсона и Николаева дивизии 6-й немецкой армии очутились на своеобразном полуострове, образуемом глубокими бухтами, в которые впадают Днепр и Буг. Их отход, который должен был осуществляться через Николаев, в результате русских прорывов и воздействия противника с южного берега Днепра и Кинбурнской косы оказался чрезвычайно трудным и сопровождался большими потерями. 13 марта был оставлен Херсон. Кольцо вокруг Николаева сжималось все теснее, однако город оказался в руках русских лишь в самом конце марта.

Когда в середине марта южное крыло войск Конева уже успело продвинуться у Гайворона за Буг, а центр 3-го Украинского фронта юго-западнее Нового Буга форсировал Ингул, немецкие дивизии все еще продолжали обороняться в районах Новоукраинки и Новоархангельска, образуя далеко выдвинутый за Буг выступ. Теперь их необходимо было в спешном порядке оттянуть за Буг, который они 20 марта под сильным нажимом противника перешли в районе пока еще удерживавшихся немецкими войсками плацдармов у Первомайска и Вознесенска.

К концу марта 6-я армия, которой тем временем пришлось взять на себя также оборону и участка фронта переброшенной в другой район 1-й танковой армии, отошла за реку Тилигул, где укрепилась на новом оборонительном рубеже, примыкая левым флангом к 8-й армии западнее Ананьева у железной дороги Одесса – Львов. Снятые с этого фронта дивизии были переданы 8-й армии, оборонявшейся между Днестром, и Прутом, с целью усилить ее все еще очень слабую оборону и приостановить наступление русских в междуречье и в районе Ясс.

Постоянное вмешательство Гитлера в действия командования обеих групп армий и его непрерывные возражения против своевременного отвода немецких войск с безнадёжных участков, чрезвычайно затруднявшие руководство боевыми действиями и приводившие всякий раз к бессмысленным жертвам, привели к исключительному обострению отношений между ним и командующими группами армий – фельдмаршалами фон Манштейном и фон Клейстом. Их признали виновниками поражений немецких войск в марте и заменили фельдмаршалом Моделем и генерал-полковником Шёрнером, от которых Гитлер ожидал, что они будут действовать со всей решительностью и в соответствии с его указаниями. Одновременно обе группы армий были переименованы в группы армий «Северная Украина» и «Южная Украина». Географически новые наименования, по крайней мере в отношении южной группы армий, уже не соответствовали действительности. Кроме того, Гитлер издал директиву, смысл которой сводился к следующему. Наступление русских на юге прошло свою кульминационную точку, их силы измотаны и распылены. Поэтому наступил момент окончательно остановить продвижение противника. С этой целью он, Гитлер, принял целый ряд самых различных мер. Отныне, наряду с сохранением Крыма, необходимо во что бы то ни стало удержать, а в ряде пунктов вернуть себе рубеж, проходящий по Днестру до района восточнее Кишинева, Яссы, далее по восточным отрогам Карпат между Тыргу-Нямц и Коломыей и затем поворачивающий на север на Тернополь, Броды, Ковель.

Согласно директиве южное крыло немецких войск оттягивалось назад, на северном же крыле, напротив, должны были предприниматься атаки. Отход за Днестр и обусловленное этим оставление Одессы совпали с мощными русскими ударами, в результате которых оказалась прорванной немецкая оборона на реке Тилигул и намеченный отход сильно осложнился. На Днестре немецкие войска в соответствии с приказом остановились. 9 апреля последние немецкие части оставили организованно эвакуированную Одессу, основательно разрушив все важные в военном отношении сооружения. Город в течение двух лет оккупации,

осуществлявшейся главным образом румынами, превратился в цитадель партизанского движения. Оставляя осенью 1941 г. Одессу, русские создали в городе надежное, преисполненное величайшего фанатизма партизанское ядро. Партизаны обосновались в катакомбах, разветвленная сеть которых общей длиной около 100 км не имеет себе равных в Европе. Это была настоящая подземная крепость с расположенными под землей штабами, укрытиями, тыловыми учреждениями всех видов вплоть до собственной пекарни и типографии, в которой печатались листовки. Оружие покупали у немецких солдат. Партизаны совершали ночные нападения на отдельных солдат и плохо охраняемые военные объекты, а также терроризировали сотрудничавшую с оккупационными властями часть населения. Кроме того, велась активная разведывательная работа. Бунтовщики, годами жившие под землей без света и солнца, в своем славянском фанатизме добровольно обрекали себя на тяжелые физические страдания от туберкулеза и потери зрения. Когда русские войска 10 апреля вступили в сильно пострадавший со времени осады 1941 г. и на 75% разрушенный город, свыше половины из общего числа 10 тыс. партизан, вышедших им навстречу из катакомб, были оснащены оружием немецкого или румынского производства.

В начале апреля группа армий «Северная Украина» после освобождения окруженной 1-й танковой армии и подтягивания новых сил предприняла по приказу Гитлера наступление с целью выйти на рубеж Коломыя, Тернополь. Прорвавшихся до Яблоницкого перевала русских удалось отбросить за рубеж Коломыя, Вучач, но освободить окруженный несколько недель тому назад Тернополь немецкие войска оказались не в состоянии. 15 апреля он был взят русскими войсками после ожесточенных уличных боев, которые вел гарнизон города, до последнего момента надевавшийся на освобождение. Севернее Тернополя 4-я танковая армия создала новую оборону до самого Ковеля и, наконец, вновь установила непосредственную связь с группой армий «Центр».

После всего случившегося приказ Гитлера удерживать Крым, находившийся теперь в 300 км от немецкого фронта, для которого полуостров уже потерял всякое значение, был попросту непонятен. В то время когда немецкие войска стояли еще под Мелитополем, Крым был, пожалуй, необходим в качестве прикрытия с фланга, и удержание его, пока он органически сливался с южным крылом немецких войск, имело еще смысл, дабы не допустить использования этого полуострова противником в качестве военно-морской и военно-воздушной базы. Теперь же, после того как немецкие войска откатились за Днестр, значение Крыма могло состоять в лучшем случае лишь в том, чтобы сковывать силы противника. Однако поскольку полуостров из-за узости перешейка мог быть легко блокирован незначительными силами русских и не представлял никакой угрозы для их левого крыла, постольку от самого противника зависело, в какой степени находившаяся в Крыму 17-я армия сможет сковать его силы. Но все дело было в том, что Крым являлся для Гитлера лишь одним из тех уже существовавших или планируемых форпостов, которые Гитлер, к ужасу немецкого командования на Востоке, приказал удерживать во что бы то ни стало и которые вели к распылению столь необходимых на фронте сил.

По вопросу своевременной эвакуации Крыма между Гитлером и соответствующими командными инстанциями велась такая же ожесточенная и затяжная борьба, как перед этим из-за эвакуации Сталинграда, а позже армий, отрезанных в Курляндии. Уже в октябре 1943 г., когда еще имелась связь по суше, начальник генерального штаба, командование группы армий и 17-й армии единодушно отстаивали точку зрения о необходимости подготовить и осуществить эвакуацию полуострова, по возможности, по суше, чтобы впоследствии дело не дошло до катастрофы. Острая, но по-прежнему безрезультатная борьба по вопросу об отводе войск из Крыма продолжалась и после того, как он оказался отрезанным с суши.

На самом полуострове положение 17-й армии не изменилось с тех пор, как она в ноябре отразила попытки 4-го Украинского фронта осуществить прорыв на Перекопском перешейке и нанести удар с узкого керченского плацдарма. Русские лишь время от времени предпринимали сковывающие атаки, и только в апреле русское командование решилось выбить немецко-румынскую армию из Крыма. В состав 17-й армии, помимо частей береговой обороны, входили четыре немецкие и шесть румынских дивизий. Как ни просто казалось оборонять перешеек на севере и Керченский полуостров на востоке, безопасность всего Крыма, побережье

которого имело общую протяженность около 700 км, двумя этими заслонами не обеспечивалась. Большая часть румынских войск использовалась для охраны побережья, в то время как слабые немецкие силы обороняли сухопутные подступы к полуострову.

8 апреля армии 4-го Украинского фронта перешли в наступление одновременно с керченского плацдарма и на севере полуострова. Судьба немецкой армии была решена уже в первые дни, когда русским неожиданно удалось преодолеть восточнее Перекопского перешейка залив Азовского моря Сиваш сего многочисленными островами и проложенной по дамбе железной дорогой. Прорвавшиеся здесь русские войска частью сил устремились дальше на юг, а частью повернули на запад с целью захватить Перекопский перешеек с тыла. Немецкая оборона была недостаточно сильной, чтобы отразить этот двойной удар. После захвата противником подступов к полуострову у командования 17-й армии не было больше никакой возможности образовать имевшимися силами оборону на новом рубеже в глубине Крыма, так как полуостров за Перекопом сразу резко расширяется. Полагаться на румын было нельзя: они не понимали, почему должны оборонять Крым, когда противник уже глубоко вторгся в Молдавию. У Керчи наступавшие русские войска сдерживались в течение двух дней. Эластично отступая, можно было задержаться также на перешейке северо-восточнее Феодосии и удерживать его в течение длительного времени. Однако теперь это не имело смысла, так как противник после прорыва на севере мог нанести удар по оборонявшимся возле Керчи немецким дивизиям с тыла. Армии пришлось в спешном порядке отступать, дабы избежать расчленения и уничтожения по частям. Отход на Севастополь, который пришлось осуществлять под сильнейшим нажимом противника, был предпринят с севера через Евпаторию и Симферополь, на юге – по обе стороны Крымских гор. Немецкие и, в еще большей степени, румынские войска несли тяжелые потери: одна румынская кавалерийская дивизия целиком была взята в плен. Мощная крепость Севастополь, современные укрепления которой за время немецкой оккупации были усилены еще больше, приняла под свою защиту 17-ю армию и задержала преследовавшего эту армию противника. В ходе боев за Севастополь, начавшихся 15 апреля и не прекращавшихся в течение трех недель, русские при поддержке многочисленной авиации и все возрастающей артиллерии постепенно отгеснили упорно сопротивлявшиеся немецкие дивизии до линии старых фортов, безуспешно пытаясь пробиться к знаменитому еще со времен Крымской войны Малахову кургану, который господствовал над портом и городом. Пока шли эти бои, под непрерывными ударами русской авиации и кораблей Черноморского флота началась эвакуация из города тыловых подразделений и скопившихся материальных запасов. Основные силы 17-й армии были оставлены для обороны крепости, чтобы удерживать ее как можно дольше. 7 мая русские провели мощную артиллерийскую и авиационную подготовку, а ночью начали штурм города. Лишь к вечеру второго дня они сломали последнее ожесточенное сопротивление оборонявшихся немецких войск и овладели городом и портом. Остатки трех немецких дивизий и большое число разрозненных групп немецких и румынских солдат бежали к Херсонесскому мысу, подступы к которому они обороняли с отчаянностью обреченных, ни на минуту не переставая надеяться, что за ними будут присланы суда. Однако их стойкость оказалась бесполезной. 10 мая они получили ошеломляющее известие, что обещанная погрузка на корабли задерживается на 24 часа. Но и на следующий день напрасно искали они на горизонте спасительные суда. Зажатые на узком клочке земли, подавленные непрерывными воздушными налетами и измотанные атаками намного превосходящих сил противника, немецкие войска, потерявшие всякую надежду избавиться от этого ада, не выдержали. Переговоры с противником о сдаче положили конец ставшему бессмысленным ожиданию помощи. Русские, в своих сводках обычно не соблюдавшие никаких границ правдоподобности, на сей раз, пожалуй, были правы, определив потери 17-й армии убитыми и пленными цифрой в 100 тыс. человек и сообщив об огромном количестве захваченного военного снаряжения.

Тяжелое поражение в марте немецких войск на юге, в результате которого Красная Армия глубоко проникла на территорию Румынии, а также вышла к восточной границе Венгрии, не могло не вызвать в обеих придунайских странах самого серьезного беспокойства. В Румынии в то время правил диктатор Антонеску, неразрывно связавший свою судьбу с Гитлером и по его собственной инициативе поддержавший в 1941 г. нападение Германии на Советский Союз. Антонеску был, однако, в достаточной мере военным человеком, чтобы видеть слабости

военного руководства Гитлера, и не боялся открыто о них заявлять. Но и эти откровенные и неприятные предостережения не приводили ни к каким переменам. Возбуждение же в Румынии сначала бродило внутри и только несколько месяцев спустя прорвалось наружу подобно взрыву.

Напротив, Венгрия по своей политической структуре и реакции на происходившие события походила скорее на Финляндию. Как и в Финляндии, здесь еще существовало правительство, соответствовавшее представлениям о демократии и чувствовавшее себя правомочным проводить самостоятельную внешнюю политику. Во всяком случае, в первые годы войны эта страна охотно пользовалась политическими преимуществами и территориальными приобретениями, вытекавшими из ее дружбы с Германией, но весьма неохотно подчинялась политике и военному руководству Гитлера. Так, понадобился серьезный нажим, чтобы заставить Венгрию в 1942 г., сверх выделенных ею в предыдущем году контингентов, послать на Восточный фронт еще одну полноценную армию. Притом впечатление было таково, что венгры выделили для этой армии не самые боеспособные части, ибо, вопреки возлагавшимся на них надеждам, эти венгерские войска еще быстрее рассылались под русскими ударами в январе 1943 г., чем итальянцы и румыны. Венгрию, вероятно не без оснований подозревали в стремлении оставлять в стране войска получше, и не в последнюю очередь по тем соображениям, чтобы защитить свои интересы в случае возможного столкновения с Румынией, со времени разгрома на Дону лишь несколько венгерских дивизии использовалось на центральном участке Восточного фронта для борьбы с партизанами. Венгерское правительство неоднократно просило о возвращении их в Венгрию, но всякий раз Гитлер это требование отклонял, подозревая, что венгры настаивали на отводе своих дивизий меньше всего для организации обороны своей страны, а, очевидно, из желания отстраниться от участия в войне против русских. Предположение казалось тем более справедливым, что имелись весьма явные признаки возобновления Венгрией, пожалуй, никогда окончательно и не порывавшихся связей с западными державами. Для немецкого военного руководства, которое не могло не видеть быстрого падения своего авторитета среди младших партнеров, обстановка в Венгрии представлялась настолько критической, что Гитлер решил оказать на венгерское правительство открытое давление и занять своими вооруженными силами важные в стратегическом и полицейском отношениях пункты в этой стране. Венгерский глава государства регент Хорти был приглашен на 18 марта в Зальцбург для ведения переговоров с Гитлером. В ходе переговоров Гитлер бросил Хорти и сопровождавшим его политическим и военным деятелям серьезный упрек в том, что позиция Венгрии становится все более ненадежной, и сообщил им, что отдал приказ о военной оккупации Венгрии, которая в данный момент уже осуществляется. Требование Гитлера, чтобы Хорти «в интересах совместной борьбы против большевизма» одобрил в совместном заявлении оккупацию своей страны, венгерский регент с возмущением отклонил. Длившиеся несколько дней переговоры протекали в весьма неприятной обстановке, так как Гитлер потребовал от венгров резкой перемены курса и во внутренней политике, проводившейся, по его мнению, слишком вяло. Наконец, Хорти под сильным нажимом дал согласие на образование нового правительства во главе со Стояи, являвшимся в то время венгерским посланником в Берлине. Это правительство 23 марта без одобрения Хорти опубликовало составленную в духе требований Гитлера декларацию об укреплении немецко-венгерской дружбы и о тесной связи судеб обеих стран. Таким образом, Венгрия внешне была «унифицирована».

Зимнее наступление против группы армий «Север»

В течение более двух лет обе армии группы «Север» располагались на сильно укрепленном рубеже, проходившем от Ленинграда по реке Волхов через озеро Ильмень, Старую Руссу, Холм до Невеля. 18-я армия в январе 1943 г., потеряв Шлиссельбург, вынуждена была отказаться от тесного охвата Ленинграда с юго-востока, 16-я армия в феврале 1943 г. добровольно эвакуировала удерживавшийся ею в течение года демянский плацдарм, заняв оборону на сильно укрепленных позициях восточнее Старой Руссы.

Однако эта казавшаяся прочной оборона группы армий имела целый ряд уязвимых мест. Немецкое командование никогда не располагало здесь силами, достаточными для ликвидации русского плацдарма в районе Ораниенбаума, которому оказывали огневую поддержку форты

Кронштадта и превращенные в плавучие батареи русские военные корабли. После захвата Шлиссельбурга русские создали выступ в немецкой обороне восточнее Тосно и Любани, постоянно угрожавший правому флангу окружавших Ленинград немецких войск. Ему соответствовал немецкий выступ севернее Чудово, который не разрешалось эвакуировать, хотя оборона его требовала целых четырех дивизий. На реке Волхов после боев, протекавших с переменным успехом, русским удалось, наконец, закрепиться на плацдарме шириной 30 км. Таким образом, владея ораниенбаумским и волховским плацдармами, а также выступом юго-восточнее Ленинграда, они имели в своем распоряжении три исходных района, исключительно благоприятных для организации наступления на фронте 18-й армии.

Четыре закаленные в боях дивизии 16-й армии занимали оборону южнее озера Ильмень в районе Старой Руссы, которая после эвакуации Демянска не раз являлась объектом русских атак. В огромном же бездорожном лесисто-болотистом районе, простирающемся от района севернее Холма до Великих Лук, ни разу, если не считать боев за [491 – Схема 41] Холм зимою 1941/42 г., не велись боевые действия, и поэтому он оборонялся лишь слабыми силами.

Относительно спокойная обстановка на фронте группы армий «Север» и сильное давление противника на фронтах других немецких групп армий заставили снять со спокойного северного участка общего фронта тринадцать дивизий. Когда в конце декабря войска 1-го Прибалтийского фронта попытались прорвать оборону 3-й танковой армии в районе Витебска, 16-я армия вынуждена была для усиления 3-й танковой армии высвободить еще две дивизии, что привело к еще большему ослаблению обороны на фронте группы армий «Север». Танковых или моторизованных дивизий в ее распоряжении не было уже очень давно.

Сможет ли при таких тяжелых условиях группа армий выдержать серьезные удары русских – это зависело от количества сил, которое они в состоянии были использовать на этом фронте. Ленинградский фронт, занимавший исходные позиции на ораниенбаумском плацдарме и под Ленинградом, равно как и Волховский фронт, были усилены настолько, что это позволило русским 14 января 1944 г. одновременно с двух направлений – с севера и востока – перейти в наступление с ближайшей задачей освободить Ленинград от блокады и уничтожить находившиеся вокруг него немецкие дивизии.

Предпринятое с востока при интенсивнейшей поддержке танков и штурмовой авиации наступление на участке Мга, Любань в сочетании с ударами с ораниенбаумского плацдарма, а также с фронтальными скользящими атаками непосредственно под Ленинградом привело 19 января после пятидневных исключительно ожесточенных боев с намного превосходящими русскими силами к прорыву укрепленных позиций немецких войск. Одержанная победа была отмечена в Москве торжественным салютом из 224 орудий. У немецкого командования она вызвала опасение, что «события на фронте группы армий „Север“ могут привести к далеко идущим последствиям». На следующий день русские войска, наступавшие с ораниенбаумского плацдарма, соединились с дивизиями, продвигавшимися южнее Ленинграда из Пулкова. В то время как здесь еще несколько дней продолжалась упорнейшая борьба, юго-восточнее Ленинграда русское наступление в западном направлении стремительно развивалось. В результате противнику удалось, отеснив немецкие войска с мгинского выступа, продвинуться в районе Тосно за железную дорогу Ленинград – Москва. В ходе упорных боев немецким войскам пришлось отойти на рубеж Любань, Гатчина. Под сильным натиском противника в направлении на Любань немецкие части, опять по приказу сверху остановившиеся севернее Чудово, попали в исключительно критическое положение и лишь ценою тяжелых потерь вновь соединились с остальными откатывавшимися назад войсками 18-й армии. Годами накапливавшаяся у Ленинграда осадная техника в основной своей массе также не могла быть спасена и попала в руки русских.

18 января, то есть через несколько дней после начала русского наступления на северном участке фронта 18-й армии, войска Волховского фронта перешли в наступление с широкого плацдарма севернее Новгорода с целью нанести удар во фланг 18-й армии. Предотвратить этот прорыв было невозможно, и он привел к отходу всей группы армий. Уже на следующий день пришлось оставить Новгород, так как русские, используя накопленный ими опыт, пересекли по льду Ильменское озеро в северной его части и создали угрозу городу с тыла. Русские войска быстро развивали успех в северо-западном, западном и юго-западном направлениях.

Продвижение в северо-западном направлении было настолько стремительным, что немецкие войска, все еще находившиеся в районе Чудово, вновь оказались в опасности и лишь ценою тяжелых потерь им удалось избежать окружения.

Гитлер, как всегда, искал причину поражения в действиях местного командования, а не в своих собственных и 1 февраля заменил фельдмаршала фон Кюхлера генерал-полковником Моделем.

К этому времени немецкие войска пришлось отвести за реку Луга, на которой они, используя неожиданную оттепель, могли на длительное время задержать замедлившееся продвижение русских. Вскоре, однако, на левом фланге 18-й армии стала вырисовываться новая опасность. Нарастив удар наступавших из района Ленинграда войск, русское командование постоянно усиливало западное крыло, которое вследствие этого далеко продвинулось в юго-западном направлении. 30 января русские овладели уже Кингисеппом. Наступавшие в западном направлении войска направляли теперь свои главные усилия, с одной стороны, на участок между финским заливом и Чудским озером, а с другой – дальше на юго-запад. В то время как узкий укрепленный перешеек между заливом и озером давал некоторую гарантию, что предпринятое здесь русское наступление удастся отразить – и оно действительно, несмотря на созданный ими крупный плацдарм на реке Нарва, было приостановлено южнее Нарвы, – в юго-западном направлении удары русских были нанесены во фланг немецким войскам, все еще занимавшим позиции вдоль реки Луга. Армии Волховского фронта также оказывали усиленное давление в западном и юго-западном направлениях. Последствия этого мощного наступления были одинаково опасны как для восточного фланга обороны на реке Луга, так и для северного фланга 16-й армии, находившегося южнее озера Ильмень у Старой Руссы. С помощью созданной на стыке 16-й и 18-й армий оперативной группы, возглавлявшейся генералом Фриснером и подчинявшейся непосредственно командованию группы армий, прорыв русских в районе Шимска и северо-западнее удалось предотвратить, а в результате молниеносной ночной перегруппировки – отрезать войска противника, местами прорвавшиеся до дороги Луга – Псков. Хотя грозившая здесь 18-й армии опасность на время была устранена, тем не менее сил армии было недостаточно, чтобы, перейдя к решительной обороне, удержать весь район вплоть до Чудского озера. К тому же нельзя было не учитывать, что русские настойчиво продвигались вдоль восточного побережья Чудского озера. К середине февраля группа армий очутилась в большой опасности, устранить которую собственными усилиями она не могла: 18-я армия в районе между озером Ильмень и Чудским озером оказалась охваченной с обоих флангов, а в результате прорыва в районе Шимска на юг русские вышли в тыл войскам северного фланга 16-й армии. Если бы они достигли района Дно, коммуникации 16-й армии оказались бы перерезанными. Над ослабленным южным флангом 16-й армии также нависла угроза охвата, явившаяся следствием начатого еще в январе из района Великих Лук наступления 1-го Прибалтийского фронта, которое, в свою очередь, развивалось русскими с уже имевшегося выступа через Ново-Сокольники в северо-западном направлении. Если бы и здесь дело дошло до оперативного прорыва, то группа армий вряд ли была бы в состоянии своевременно отойти через Псков.

Так как вследствие еще гораздо более серьезных осложнений на южном участке общего фронта не было никакой возможности выделить в распоряжение группы армий «Север» хоть какое-нибудь количество сил, то ей оставалось лишь предпринять широкий отступательный маневр, который и был начат 18 февраля из района Старой Руссы, с августа 1941 г. являвшегося ареной упорной борьбы. 21 февраля был оставлен Холм. 18-я армия на центральном участке отвела свои войска от Луги, отразив при этом атаки русских вдоль Чудского озера в направлении Пскова и отойдя своим правым флангом вместе с отступившей из района озера Ильмень 16-й армией. Русские сильно теснили войска 18-й армии и северного фланга 16-й армии, 24 февраля они вышли в район Дно, а двумя днями позже – к Порхову, однако рассечь группу армий «Север» на отдельные части им не удалось. К началу марта немецкие войска, продолжая удерживать узость севернее Чудского озера, организовали оборону на новом рубеже, на юге примыкавшем юго-западнее Невеля к позициям 3-й танковой армии группы армий «Центр» и проходившем далее на север в основном по реке Великая через Опочку, Остров на Псков. Если цель русского командования заключалась в том, чтобы проведенной

операцией уничтожить группу армий «Север», то благодаря упорному сопротивлению испытанных немецких дивизий этот замысел осуществить не удалось. Обе армии могли занимать новую оборону в надежде, что на сокращенном фронте они успешно смогут противостоять предстоящему натиску противника. Их решимость еще больше возрастала оттого, что фронт теперь уже угрожающе близко придвинулся к восточно-германским областям, где формировалось большинство дивизий группы армий «Север».

Успехи русских оставались достаточно большими, если даже им и не удалось разгромить группу армий «Север». Они не только освободили Ленинград от двухлетней блокады, но и отбросили немецкие войска к границам прибалтийских государств. Кроме того, достигнутые ими на этом фронте успехи привели также к решающим политическим последствиям: вслед за Италией теперь и у Финляндии появились сомнения в конечной победе Германии, и она стала искать контакта с противником.

Попытка Финляндии выйти из войны

Обстановка на совместном немецко-финском фронте от Карельского перешейка до Ледовитого океана не давала повода для особого беспокойства. С зимы 1941/42 г. активных действий на этом фронте почти не велось. Лишь весной 1942 г. русские предприняли сильные атаки сначала против финской обороны по реке Свирь, затем на центральном участке западнее Лоухи и, наконец, в начале мая западнее Мурманска против немецкой обороны по реке Лица. Все эти атаки после нескольких осложнений местного характера были отбиты. (Схема 16, стр. 258)

Командование обоими немецкими армейскими корпусами в январе 1942 г. принял генерал Дитль. Созданный вначале штаб армии «Лапландия» в июле был реорганизован в штаб 20-й немецкой горной армии. Одновременно в Финляндию был переброшен еще один немецкий корпус, а именно 18-й горнострелковый корпус в составе двух горно-стрелковых дивизий, сменивший финнов на участке западнее Лоухи. Каждый из трех немецких корпусов, занимавших оборону на направлениях Лоухи, Кандалакша и Мурманск, имел в своем составе по две дивизии. За исключением двух пехотных дивизий, находившихся на центральном участке фронта, все остальные были горно-стрелковыми дивизиями. Между средним и северным корпусами оставался широкий неприкрытый район, через который русские засылали партизан. Всем трем корпусам приходилось обеспечивать фронт протяженностью в 650 км. Дальше 600-километровое побережье от реки Западная Лица до Гаммерфеста оборонялось еще одной, седьмой по счету, дивизией. Два южных корпуса снабжались через порт Кеми в Ботническом заливе и по примыкавшей к Кеми сети дорог, обладавшей, правда, невысокой пропускной способностью. В то же время снабжение 19-го горно-стрелкового корпуса, занимавшего оборону по реке Лица, могло осуществляться лишь морским путем.

После провала похода против Советского Союза в 1941 г. немецким и финским командованием часто обсуждались планы возобновления наступления на совместном фронте с целью перерезать Мурманскую железную дорогу. Однако фельдмаршал Маннергейм в качестве непременного условия участия финских войск в таком наступлении выставил требование предварительного захвата Ленинграда. Лишь после этого он мог, по его мнению, снять крупные силы с обоих решающих для Финляндии фронтов – на Карельском перешейке и на реке Свирь. Немецких же сил в центре и на северном участке финского фронта было недостаточно, чтобы предпринять желательное наступление без участия финнов. Так как выставленное финнами предварительное условие оказалось неосуществимым, наступление против Мурманской железной дороги не состоялось. Правда, немецкое главное командование сухопутных сил осенью 1942 г. имело серьезное намерение захватить Ленинград. Операцией должен был руководить фельдмаршал фон Манштейн со штабом 11-й армии. Уже подтягивалась тяжелая осадная артиллерия, когда катастрофа на южном фронте в результате русского прорыва под Сталинградом резко оборвала осуществление такого рода планов. С тех пор общая обстановка на Восточном фронте ни разу не позволяла ставить аналогичные цели.

В течение всего 1943 г. обстановка на финском фронте оставалась неизменно спокойной. Осенью здесь имело место даже курьезное для условий Восточного фронта положение, когда немецко-финские силы, насчитывавшие в общей сложности 550 тыс. человек, вдвое превосходили противостоящие силы противника. Наряду с 350 тыс. финнов, на этом

второстепенном фронте было сосредоточено 200 тыс. немецких войск, представлявших все виды вооруженных сил, что было явно ненормальным, если рассматривать это с точки зрения общей обстановки на Восточном фронте. Немецкие дивизии были полностью укомплектованы, прекрасно вооружены и оснащены. В тылу за мурманским рубежом были сосредоточены девятимесячные запасы всего необходимого. Это был типичный богато оснащенный второстепенный театр военных действий верховного командования вооруженных сил.

Даже в первые месяцы 1944 г. русские вели себя здесь очень сдержанно. Такая спокойная обстановка в масштабе данного фронта не могла, однако, скрыть от финских политиков того факта, что звезда Германии клонилась к закату. Еще в августе 1943 г., возможно под впечатлением событий в Италии, ведущие общественные деятели Финляндии обратились к президенту с предложением взвесить возможности заключения сепаратного мира с Советским Союзом. Финляндия не была связана идеологическими узами с третьим рейхом, она твердо сохраняла формы западной демократии и в 1941 г. встала на сторону Германии лишь потому, что видела в этом возможность устранить несправедливость, причиненную ей Советским Союзом зимой 1939/40 г. После того как обстановка ухудшилась и на важном для Финляндии Ленинградском фронте, окольным путем через Стокгольм был установлен контакт с Советским Союзом. 29 февраля русские сообщили свои требования, включавшие, между прочим, разрыв с Германией, интернирование или изгнание немецких войск к концу апреля, восстановление границ 1940 г. и выплату репараций на сумму 600 млн. долларов. Финляндское правительство наряду с невозможностью выплатить такую репарационную сумму, непосильную для экономики Финляндии и означавшую поэтому закабаление страны на неопределенный срок, видело основные трудности также в требовании силой изгнать немцев с территории страны и из всех ее портов или интернировать их. Ведь если это условие, пусть даже не по вине Финляндии, оказалось бы невыполненным, то стране грозила опасность превратиться, подобно Италии, в арену борьбы могучих противников. Посланная в конце марта в Москву делегация безуспешно пыталась добиться смягчения русских требований. Поэтому финляндский парламент 12 апреля на закрытом заседании одобрил позицию правительства, отвергнувшего русские требования, так как они, «несмотря на стремление парламента к миру, не могут явиться основой для мероприятий, имеющих целью достижение мира». 19 апреля правительство Финляндии сообщило это решение Советскому Союзу. Главнокомандующий вооруженными силами Финляндии фельдмаршал Маннергейм обратился к народу и армии с торжественным призывом продолжать войну. С целеустремленностью, упорством и трезвой деловитостью, являющимися главными чертами этого стойкого народа, он продолжал идти своим путем, не будучи, однако, теперь внутренне связанным со своим прежним «собратом по оружию».

Оборонительные бои группы армий «Центр» до весны 1944 г.

С тех пор как группе армий «Центр» поздней осенью удалось задержать преследовавшие ее русские войска и приостановить их наступление на Днестре и в Заднепровье, усилия русских в центре Восточного фронта были направлены на овладение исходными рубежами, представлявшимися им важными для достижения последующих оперативных целей, на сковывание немецких сил и сверх того там, где немецкая оборона была не особенно прочной, – на осуществление прорывов оперативного масштаба. Добиваясь своих целей, русские наталкивались на сопротивление с немецкой стороны, свидетельствовавшее о твердом намерении удерживать более или менее стабилизировавшийся с осени фронт и отражать с максимальными для противника потерями все его попытки добиться прорыва. (Карта 4, стр. 228 и схема 38, стр. 437)

События на фронте соседей вынуждали командование группы армий с возрастающей озабоченностью взирать на свои крылья. Протяженность ложного крыла в глубину возросла до 350 км, и его удержание требовало такого количества войск, что все больше подтачивало силы группы армий «Центр». В то же время испытываемое также на всех остальных участках общего фронта давление противника не давало возможности верховному командованию выделить в распоряжение группы армий «Центр» дополнительные силы, необходимые для прикрытия ее все удлинявшегося фронта, протяженность которого постепенно возросла с 750 до 1100 км. Она должна была не только обходиться своими 46 дивизиями, укомплектованными в среднем только на 50%, но, кроме того, выделять еще часть сил соседям. Катастрофические потери в

людях лишь с трудом покрывались прибывавшим пополнением; понесенные в боях, особенно на юге, тяжелые потери и износ боевой техники немецкая промышленность восполнить в достаточной мере уже не могла. Частые переносы направлений ударов, применявшиеся русскими с целью взламывания немецкой обороны, столь же часто вызывали с немецкой стороны срочные переброски скудных резервов – обычно лишь одной-двух дивизий, как правило, снимавшихся с тех участков фронта, которым в данный момент грозила наименьшая опасность или на которых отмечалось ослабление сил противника в результате его неудачных наступательных действий.

В первые месяцы нового года незатухающим очагом боев был район Витебска. После того как русские в декабре вышли к дороге Полоцк – Витебск и приблизились к шоссе Псков – Киев и проходившей западнее него железной дороге, они предприняли две последовательные операции с целью овладеть Витебском путем охвата его с двух сторон. Первая операция с небольшими перерывами, которые были необходимы русским для замены потрепанных дивизий свежими, длилась с 3 по 18 января. Единственным успехом этих наступательных действий, как всегда проводившихся при самой интенсивной поддержке артиллерии и не щадя крупных масс живой силы, явилось то, что русские перерезали шоссе Псков – Киев южнее Витебска. На отдельных участках они вышли здесь также к реке Лучеса и даже продвинулись за железную дорогу Орша – Витебск.

Вторая операция проходила с 3 по 17 февраля. На этот раз немецким войскам пришлось до предела напрягать все свои силы, чтобы удержать оборону северо-западнее и юго-восточнее города, где она неоднократно находилась на грани прорыва. Хотя при этом немцы понесли тяжелые потери, однако им удалось не допустить решающих прорывов противника, бросившего в наступление пятьдесят три стрелковые дивизии, десять танковых бригад и три артиллерийские дивизии. Но силы немногочисленных немецких дивизий, державших оборону по широкой 70-километровой дуге вокруг Витебска, были истощены. Командование армии срочно запросило разрешения отойти на «пригородный рубеж» протяженностью лишь в 30 км. Разрешение было дано, но с условием, что Витебск как «последний крупный русский город по психологическим соображениям должен быть удержан любой ценой». До весны бои за Витебск велись лишь спорадически, ни по продолжительности, ни по напряженности не достигая былого размаха.

У автострады Москва-Минск в районе Орши русские после неоднократных неудач больше не предпринимали крупных наступательных действий, а в направлении Могилева лишь однажды, между 25 и 31 марта, безуспешно попытались массированным ударом при поддержке крупных сил авиации прорвать спрямленную линию немецкой обороны между Проней и Днепром. Зато в течение января – февраля они штурмовали позиции 9-й армии с целью выйти к Бобруйску.

Атаки здесь начались 8 января из района южнее Березины, а затем и еще южнее, на фронте 2-й армии, занимавшей особенно невыгодные позиции севернее и южнее Мозыря. Связь с группой армий «Юг», нарушенная в начале ноября в результате неудач 4-й танковой армии, с тех пор так и не была восстановлена. Закрывать образовавшуюся здесь брешь, вновь создав тем самым сплошной фронт, главное командование сухопутных сил считало задачей невыполнимой; по его мнению, необходимо было довольствоваться обеспечением бреши подвижными частями. Использовать для этой цели несколько венгерских дивизий, находившихся в районе Припятских болот, не представлялось возможным, так как венгерскому правительству было обещано, что эти дивизии из-за слабой их оснащенности будут использованы не на фронте, а лишь для борьбы с партизанами. При первом же появлении русских войск венгры отходили на запад, оказавшись в начале января уже за рубежом Сарны, Лунинец: на их участке давали себя знать отголоски русского наступления на фронте группы армий «Юг».

Свои атаки против смежных флангов 2-й и 9-й армий южнее Березины русские сочетали с броском кавалерийского корпуса на Мозырь и Петриков. Если бы этому корпусу удалось перерезать неудобно расположенные коммуникации 2-й армии, шедшие из Мозыря на Пинск, снабжение армии было бы сорвано, ибо связи со Жлобином уже не было, а ведущая из Бобруйска в юго-западном направлении железная дорога находилась в руках крупных

партизанских отрядов. К 11 января русские добились между Мозырем и Березиной такого значительного вклинения, что 2-я армия оказалась глубоко обойденной с севера. Одновременно русская кавалерия теснила немецкие войска в направлении Петрикова. Гитлер вначале категорически запретил отход попавшей в тиски 2-й армии. Однако 13 и 14 января она все-таки вынуждена была под напором противника в исключительно тяжелых условиях отступить, и лишь поэтому ей в самый последний момент удалось избежать окружения. Русские же, когда их надежды на успех не оправдались, в дополнение ко всему перенесли центр тяжести своих ударов на 9-ю армию в районе непосредственно южнее Березины. До конца месяца обеим немецким армиям благодаря неоднократным отступательным маневрам удавалось сохранять временами прерывавшуюся между ними связь. Севернее Березины русские вплоть до 10 февраля также предпринимали атаки, не принешие им, однако, решающего успеха.

Затем после десятидневной паузы они попытались взять в клещи Бобруйск, возобновив свои атаки против южного фланга 9-й армии и одновременно нанеся удар с востока по ее северному флангу. Этим наступлением они одновременно рассчитывали добиться окружения большей части основных сил 9-й армии, располагавшихся между Днепром и Березиной. 19 февраля русские войска перешли в наступление по обе стороны Березины, а двумя днями позже форсировали Днепр севернее Рогачева, с первой же попытки добившись здесь неожиданно глубокого вклинения, которое они немедленно стали расширять в северо-западном, западном и южном направлениях. Спешная эвакуация рогачевского плацдарма спасла находившиеся там части 9-й армии от уничтожения и позволила командованию армии высвободить достаточное количество сил для восстановления нарушенной связи с 4-й армией по нижнему течению реки Друть. В результате отхода вдоль Березины до района Паричей и подготовки нового оборонительного рубежа южнее Рогачева, примыкавшего еще к Днепру, а западнее Друти соприкасавшегося с линией обороны 4-й армии, удар русских был отражен. В течение марта главной заботой командования группы армий «Центр» стал сильно растянутый фланг 2-й армии. Непрерывное подтягивание русских сил по дороге Киев – Коростень – Сарны, начавшееся наступление против 4-й танковой армии вплоть до района Ковеля, становившееся все более заметным давление русских на север между реками Горынь и Стоход вызывали опасения, что русские будут продвигаться на Брест. На пути же к нему единственной преградой являлся окруженный еще в середине марта Ковель, для освобождения которого командованию группы армий «Центр» пришлось снять одну дивизию со своего центрального участка.

За счет значительного оголения ранее занимаемых позиций, а также, с помощью двух дивизий, снятых командованием группы армий с других участков фронта, 2-я армия постепенно создала оборону на широком фронте от Петрикова до шоссе Брест-Ковель включительно. Основные усилия ее были направлены теперь главным образом на удержание обороны на западном фланге, прежде всего с целью прикрыть Брест, а также для того, чтобы ударом; двух танковых дивизий с северо-запада содействовать освобождению Ковеля, так как предпринятое 4-й танковой армией наступление с запада не смогло прорвать кольца русских войск. Одновременно должна была быть, наконец, восстановлена нарушенная еще 12 ноября 1943 г. связь с группой армий «Юг», что и удалось осуществить 25 марта западнее Ковеля – в 400 км к западу от того района севернее Киева, где она была нарушена. С целью сосредоточить руководство наступательными действиями по освобождению Ковеля в одних руках, разграничительная линия между обеими группами армий была перенесена в район южнее Ковеля. Между 27 марта и 5 апреля танковые дивизии и пехотные части пробивались с тяжелыми боями к окруженному гарнизону, испытывавшему сильное давление русских. Немецким войскам пришлось действовать в исключительно трудных условиях. Начиналась весенняя распутица, лесисто-болотистая местность в бассейне реки Припять стала еще более непроходимой; к тому же мосты через многочисленные реки и речушки были разрушены, а ограниченный обзор вызывал необходимость каждый раз бросать в бой крупные силы пехоты. Еще за два дня до удара этой группировки десанту на «Пантерах» удалось с запада прорваться к городу, однако вслед за ним русское кольцо окружения вновь замкнулось. И все же то, что не удалось у Великих Лук, у Тернополя и в других местах, было, наконец, достигнуто здесь, правда, ценою исключительного напряжения деблокирующих сил. Главным же образом успех оказался возможным потому, что у русских не было намерения продвигаться далеко за пределы

окруженного города. Удержание важного железнодорожного узла было в этом случае, пожалуй, оправданным. Связанная же с этим опасность заключалась в том, что Гитлер со все возрастающим упрямством придерживался принципа обороны «крепостей», приказав укрепить ценою огромных затрат средств и рабочей силы также многие другие города. Для обороны этих «крепостей» отступавшим немецким войскам приходилось выделять довольно крупные силы, нехватка которых остро ощущалась впоследствии. К тому же «крепости» в конце концов занимались русскими, а оборонявшие их войска попадали в плен или уничтожались. К несчастью, Гитлер обрел ярого сторонника такой тактики в лице командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Буша. Последний, отвергая все сомнения командующих его армиями и особенно опасения, настойчиво высказывавшиеся командующим 3-й танковой армией генерал-полковником Рейнгардтом, утверждал, будто бы окруженные «крепости» прикуют к себе такие крупные силы противника, что отсутствие на остальных участках фронта частей, окруженных в крепости, не будет сильно сказываться на действиях немецких войск. Последовавшее затем крупное летнее наступление русских со всей убедительностью показало, насколько правы были Рейнгард и все разделявшие его точку зрения.

Немецкое командование вначале планировало после освобождения Ковеля продолжать операции и во взаимодействии с 4-й танковой армией оттеснить противника севернее и южнее Ковеля дальше на восток с целью сократить фланги обеих групп армий и установить между ними более прочную связь. Этому плану, однако, не суждено было осуществиться, так как группа армий «Северная Украина» не имела необходимых сил. Силами же одной 2-й армии выполнить такую задачу, естественно, было невозможно.

Протяженность фронта группы армий «Центр» возросла теперь до 1100 км, для обороны же его командование располагало лишь 44 дивизиями. 6-й воздушный флот как только мог облегчал трудное положение наземных войск, непрерывными самоотверженными действиями поддерживая их на наиболее критических участках фронта. Кроме того, круглосуточно ведя воздушную разведку, немецкая авиация помогала своевременно обнаружить подготовку противника к наступлению и давала возможность провести соответствующие перегруппировки для его отражения. Но и 6-й воздушный флот вынужден был передать значительную часть своих сил на другие фронты, оставшись в конечном итоге лишь в составе двух штурмовых авиагрупп, одной авиагруппы для борьбы с танками и трех истребительных авиагрупп.

Наступившая вскоре оттепель, вследствие которой район Припятских болот стал совершенно непроходимым, а Днепр вышел из берегов и разлился на многие километры, приостановила все боевые действия. Учитывая затруднительное положение на южном крыле своих войск, командование группы армий с законной тревогой смотрело навстречу приближающемуся лету. Веря, однако, в боеспособность закаленных в боях дивизий, оно считало, что сможет противостоять даже сильным ударам противника. Такая переоценка собственных сил представляла тем большую опасность, что русские с осени 1944 года рассматривали фронт группы армий «Центр» как второстепенный, на котором они, правда, стремились частными, хотя и очень сильными атаками сковывать и уничтожать немецкие силы, но никогда не наносили мощных ударов одновременно на нескольких направлениях.

10. Захват Рима и борьба за Апеннины

Прорыв на Рим

После того как высадка союзников у Неттунии в январе 1944 г. и последовавшие затем бои против немецкой группы армий «Юго-Запад» не создали к марту перелома на итальянском фронте, 15-я группа армий союзников под командованием генерала Александера временно приостановила наступление. Ее ближайшей целью оставался Рим. Захват итальянской столицы с момента высадки союзников в Италии в сентябре 1943 года уже столько раз представлялся реальной, осязаемой целью, что в конце концов это должно было осуществиться. Учитывая также перспективу предстоящего вторжения во Францию, союзникам представлялось целесообразным, организовав новое наступление в Италии, сковать противостоящие здесь немецкие силы и по возможности дополнительно оттянуть некоторое количество немецких войск на этот театр военных действий. Начало нового наступления было намечено на май

(Схема 40, стр. 469).

Положение немецкой группы армий «Юго-Запад» в результате создания противником плацдарма в районе Неттунии значительно осложнилось. Теперь немецкому командованию приходилось считаться с возможностью одновременного наступления противника с плацдарма и на фронте 10-й армии. И хотя немецкому командованию удалось вновь выделить три подвижные дивизии в резерв, а в тылу находилась еще дивизия «Герман Геринг», предназначавшаяся, правда, для переброски во Францию, тем не менее этих резервов было явно недостаточно для отражения ожидаемого удара противника с двух направлений. Выделение резервов всякий раз влекло за собой ослабление и без того слишком растянутых боевых порядков, при которых резерв дивизии фактически не превышал батальона. Поэтому было сомнительно, что немецкие армии, ведя решительную оборону, смогут устоять под натиском грозившего с начала апреля наступления противника. Однако Гитлер навязал, а Кессельринг поддержал план такой обороны, хотя командующие обеих армий высказались против него, указав на неблагоприятные для немцев расположение и соотношение сил. Поражение представлялось им неминуемым, тем более, что, судя по общей военной обстановке, на получение новых сил нечего было и рассчитывать. Поэтому крайне важно было экономить имевшиеся силы.

Командование группы армий, возможно, также не осталось бы глухим к этим возражениям, если бы ему было известно, что противник, наконец, извлек урок из многочисленных разочарований и неудач, которые ему до сих пор приносила война в Италии. Генерал Александер решил покончить с практиковавшимся до сих пор распылением сил по всей ширине полуострова и образовать мощную группировку на своем южном крыле, 5-я американская армия в составе одного американского армейского корпуса и выросшего к тому времени до четырех дивизий французского экспедиционного корпуса была сосредоточена на очень узком участке фронта по нижнему течению реки Гарильяно. Справа к ней примыкал один корпус 8-й английской армии, который должен был наступать по долине реки Лири и у высот Кассино, а рядом с ним занял исходное положение польский корпус, получивший задачу продвигаться севернее Кассино. Еще один корпус 8-й армии в составе трех дивизий находился в резерве.

В течение нескольких недель перед началом наступления авиация союзников систематическими налетами разрушала шоссе и железные дороги в тылу немецких войск.

Сосредоточение войск и занятие исходного положения обе армии союзников сумели и на этот раз настолько искусно замаскировать, что немецкая оборона оказалась полностью застигнутой врасплох, когда вечером 11 мая на нее обрушился настоящий шквал огня, который серьезно осложнил снабжение даже в ночное время и полностью вывел из строя всю проводную связь. После этой исключительно интенсивной, хотя и продолжавшейся всего 40 мин. артиллерийской подготовки дивизии противника начали наступление против 10-й армии. Нанесенный намного превосходившими силами удар французов по массиву Петрелла, где оборонялась всего одна немецкая дивизия, ознаменовался вскоре серьезным успехом. Оборонявшаяся южнее немецкая дивизия не сумела отразить атаки американцев. Оба корпуса противника были прекрасно оснащены для действий в горах и уже поэтому намного превосходили оборонявшиеся против них немецкие дивизии. В результате целого ряда осуществленных противником охватывающих маневров и прорывов обе немецкие дивизии были разбиты и отброшены в район Фонди, где на подготовленной отсечной позиции они были усилены подтянутыми туда резервами. Командование группы армий «Юго-Запад» продолжало придерживаться своего плана вести решительную оборону и любой ценой не допустить соединения левого фланга 5-й американской армии с войсками неттунского плацдарма. С этой целью оно к 18 мая бросило в бой две из трех резервных дивизий, благодаря чему временно удалось образовать оборону на новом рубеже от Террачины, в результате контрудара вновь захваченной у противника, до района слияния рек Лири и Сакко и приостановить продвижение противника. Однако его давление продолжало оставаться здесь очень сильным. Последовательно осуществляя свой план, командование немецкой группы армий ввело в действие и третью резервную дивизию, когда нависла угроза прорыва английского корпуса в долине реки Лири. Под натиском этого корпуса 16 мая были оставлены монастырь и высоты

Кассино, где грозил глубокий охват с фланга. Так как польскому корпусу прорваться севернее Кассино не удалось, обстановка на этом участке фронта оставалась сносной. Американцы же и французы тем временем с исключительным упорством продолжали развивать наступление в горах Лепини превосходящими силами в северо-западном направлении, выйдя благодаря этому не только глубоко во фланг 10-й армии, но одновременно и в тыл 14-й армии, державшей оборону вокруг плацдарма. К тому же приходилось считаться с тем, что американцы в любой день могут начать наступление и из района плацдарма, а все резервы были израсходованы. Американцы, по-видимому, сознательно применили здесь такую же тактику, как и при высадке в январе, когда они вначале предприняли наступательные действия на фронте 10-й армии с целью сковать здесь возможно более крупные немецкие резервы.

Командование 14-й армии с самого начала наступления противника с растущей озабоченностью следило за развитием событий на фронте соседней армии. В конечном итоге ему пришлось для усиления обороны 10-й армии передать туда еще одну наиболее боеспособную свою дивизию. Теперь 14-й армии с пятью ослабленными дивизиями предстояло отразить удар, который мог быть предпринят пятью, по крайней мере вдвое превосходящими по численности дивизиями противника, к тому же имевшего подавляющее превосходство в технике. Ранним утром 23 мая противник после мощной артподготовки и при поддержке с воздуха перешел в наступление из района плацдарма. Удар наносился незначительными силами в направлении Априллы, расположенной у подножья Альбанских гор, основными же силами – из района Чистерна-ди-Рома по долине между горами Лепини и Альбанскими с явным намерением прорваться в направлении Виа Казилины и овладеть Вальмонтоне. Четыре дивизии противника вклинились в немецкую оборону северо-западнее Чистерна-ди-Рома. Оборонявшиеся, намного уступавшие противнику по численности, уже в первый день его наступления потеряли половину своих войск и большую часть противотанковых средств. На следующий день противник развивал достигнутый успех, и 25 мая в Террачине была установлена связь между 5-й американской армией и войсками, наступавшими из района плацдарма.

Французский корпус также стал продвигаться с восточных склонов гор Лепини в северо-восточном направлении, то есть к рекам Лири и Сакко, в то время как 8-я английская армия наступала крупными силами по долине реки Лири. 10-я армия вовремя отошла за реку Мельфа и избежала тем самым охвата с юга центра своих войск. Гораздо серьезней сложилась обстановка не только для 10-й армии, но и для всей немецкой группы армий, когда противнику 25 мая почти удалось осуществить прорыв на фронте 14-й армии между Веллетри и Чистерна-ди-Рома в направлении Вальмонтоне. В этот решающий момент американское командование допустило, однако, тяжелую по своим последствиям ошибку. Вместо того чтобы устремиться в долину, в которой оставались лишь разрозненные остатки разбитых немецких дивизий, американцы стали расширять вбитый клин, чувствуя себя к тому же достаточно сильными, чтобы одновременно начать наступление на Рим западнее Альбанских гор. Прежде чем был завершён прорыв, в долине появились передовые части дивизии «Герман Геринг», окончательно оставленной теперь германским верховным командованием в распоряжении группы армий «Юго-Запад». Благодаря этому пополнению в силах войска 14-й армии смогли, порой даже переходя в контратаки, до 30 мая задержать противника, не допустив решающего прорыва на Вальмонтоне. Наступление западнее Альбанских гор было приостановлено оборонявшимися здесь немецкими силами ценою лишь незначительных территориальных потерь. Только после сосредоточения четырех дивизий в долине между массивом Лепини и Альбанскими горами противнику в ночь с 30 на 31 мая удалось прорваться на Вальмонте, который и пал 1 июня. Обеспечив свой фланг с севера, американцы основными силами повернули на Рим. Оборонявшиеся по обе стороны Виа Казилина и в Альбанских горах остатки 14-й армии были отброшены на северо-запад. В результате этого натиска, который нечем было больше сдерживать, оборона 14-й армии западнее Альбанских гор также оказалась под угрозой. Поэтому командование армии приказало оборонявшимся здесь частям выйти в ночь с 3 на 4 июня из соприкосновения с противником, отойти за реку Тибр и оставить Рим. Восточнее Рима аррьергарды держались еще до второй половины следующего дня, облегчая переправу через Тибр. Немецкое командование сознательно уклонилось от борьбы за Вечный город, не

разрушив даже мосты через Тибр, хотя все его усилия согласовать с противной стороной вопрос о нейтральности города оказались тщетными – союзники даже обратились по радио к населению Рима с призывом принять активное участие в изгнании немцев. К счастью, Рим притягивал к себе все наступавшие по обе стороны Альбанских гор силы 5-й американской армии, пожалуй, больше, чем откатывавшаяся немецкая 14-я армия. Дело в том, что 10-я армия в результате быстрого отхода 14-й армии после прорыва у Вальмонте и возникшего вследствие этого разрыва между флангами обеих армий оказалась в исключительно опасном положении. Она не смогла использовать время, выигранное благодаря успешному сопротивлению 14-й армии южнее Вальмонте в период с 25 по 31 мая, для своевременного присоединения своего смятого западного фланга к восточному флангу 14-й армии, так как командование групп армий, надеясь, что вводом в бой дивизии «Герман Геринг» удастся преодолеть кризис на фронте 14-й армии, не дало 10-й армии разрешения на отход.

К тому моменту, когда 14-я армия вынуждена была оставить Вальмонте и отойти за реку Тибр, 10-я армия еще оставалась выдвинутой далеко вперед в районе Сабинских гор, причем ее главные силы были сосредоточены у слияния рек Лири и Сакко. Обороняясь первоначально фронтом на восток, она вынуждена была оттянуть свой правый фланг, повернув его фронтом на юг и юго-запад и, наконец, создать оборону по скатам Сабинских гор. В случае еще более глубокого охвата, а тем более обхода этого фланга невозможно было предвидеть, как 10-я армия могла бы восстановить связь с 14-й армией, не говоря уже о том, что ей могли отрезать пути отхода. Эту угрозу нужно было срочно ликвидировать, а пока обеспечить растянутый фланг. Для отхода из междуречья Сакко и Лири можно было использовать лишь две проходившие по западным склонам Сабинских гор узкие горные дороги, так как основная дорога на Рим была уже в руках противника. Командование армии немедленно выслало в северо-западном направлении крупные моторизованные части, которые должны были прикрыть фланг армии сначала у Тиволи, затем у реки Тибр северо-восточнее Рима и восстановить связь с восточным флангом 14-й армии. Осуществить такой марш, равно как и отход всей армии, который должен был также вскоре последовать, было нелегко. Учитывая воздействие авиации противника, передвигаться по узким, очень извилистым дорогам и горным деревням с их тесными, кривыми улочками можно было лишь в ночное время. На таких участках непрерывно образовывались пробки, создавалась страшная путаница. Ремонтно-восстановительным отрядам приходилось вести неустанную работу по восстановлению разрушенных авиацией противника дорог. Часто к рассвету войска все еще тянулись по дорогам и противник мог бы нанести им мощные удары с воздуха, если бы утренний туман не расстился спасительным покровом над горными долинами. Пока брошенные на прикрытие фланга части совершали свой трудный марш, оборонявшиеся по склонам Сабинских гор остальные силы армии отражали атаки наседавшего противника, постепенно переходя к арьергардным боям. Когда 4 июля был оставлен Рим, арьергарды все еще оборонялись на склонах Сабинских гор и в районе верхнего течения реки Лири. К тому времени растянутый фланг армии кое-как был обеспечен в районах Субиако и Тиволи. Войскам же центра и левого фланга армии непосредственная опасность не грозила. Под незначительным давлением противника они по нескольким крупным дорогам отошли на север.

Западный фланг находился под угрозой до тех пор, пока не была восстановлена непосредственная связь с 14-й армией. Последней удалось отходом за Тибр спасти лишь остатки своих пяти дивизий, общая численность которых вряд ли равнялась одной полной дивизии. И против этих жалких остатков действовали вся 5-я американская армия и левый фланг 8-й английской армии – в общей сложности девять пехотных и три бронетанковые дивизии. Однако союзники не только не повернули немедленно своим восточным крылом против все еще выдвинутой далеко на юг и только теперь оттягивавшейся 10-й армии, но и не начали решительно преследовать 14-ю армию. Правда, генерал Александер приказал войскам организовать преследование, считая это особо важной задачей, однако приказ остался невыполненным из-за шаблонных действий командиров частей и подразделений звеньев, 5-я американская армия сначала захватила 5 июня плацдарм на правом берегу реки Тибр вокруг Рима, а затем на следующий день планомерно перешла с этого плацдарма в наступление. То же самое произошло на левом фланге англичан. Из двенадцати имевшихся дивизий в наступлении

участвовало шесть, пять были выделены в резерв и одна оставлена в Риме в качестве гарнизона. Арьергарды 14-й армии с боями отходили в район озера Браччано. Лишь на восточном фланге немецких войск возникло опасное положение, когда английский корпус продвинулся до Чивита-Кастеллана. К удивлению 14-й армии, этот успех противником использован не был, и обстановка разрядилась.

Непосредственной связи 14-й армия с 10-й армией не имела. Командование же последней было серьезно озабочено тем, что противник лишь частью сил будет преследовать 14-ю армию, а основными силами нанесет удар по растянутому правому флангу 10-й армии. Еще 4 июня оно срочно выслало части в Риетии Терни с целью блокировать ведущие туда дороги. Им пришлось принять на себя удар англичан, который был отражен, так как последние вели наступление лишь по дорогам. Благодаря этим мерам непосредственная угроза миновала, однако, пока 14-я армия оставалась небоеспособной, она могла возникнуть в любой момент где-нибудь севернее. Тем временем этой армии направлялись подкрепления. А пути уже находились три дивизии, выделенные из стратегических резервов германского верховного командования. В их числе была дивизия, сформированная из советских военнопленных – тюрков, но в боевых действиях она себя не оправдала и могла быть использована лишь для борьбы с партизанами. Значительное число солдат из состава этой дивизии перебежало на сторону противника. Вновь созданная авиаполевая дивизия также страдала от организационных неполадок и слабой подготовленности личного состава, что не могло быть восполнено храбрыми действиями и приводило к тяжелым потерям. Гораздо большую ценность для 14-й армии представляли три моторизованные дивизии, которые 10-я армия, учитывая также свои интересы, согласилась ей передать. Прошло все же несколько дней, прежде чем эти войска смогли добраться по трудным горным дорогам. Однако 14-я армия продержалась и эти тяжелые дни и 14 июня вновь состояла из семи дивизий, правда, различного качества. В районе Орвието была восстановлена, наконец, непосредственная связь с 10-й армией. Командующего 14-й армией генерал – полковника фон Макензена сменил генерал Лемельзен.

Едва только наметилось это легкое ослабление напряженности на итальянском фронте, как Гитлер снова потребовал прекратить отступление и перейти к решительной обороне. Группа армий получила указание занять оборону по возможности на рубеже Орбетелло, Сполето, Чивитанова и лишь в самом крайнем случае отходить в центре до Тразименского озера. К тому времени, когда поступил такой приказ, на указанном в нем в качестве первого рубеже частично уже находился противник. Считая, что уже достигнуто соотношение сил, которое позволяло покончить с отступлением, высшие инстанции по существу полностью игнорировали реальную обстановку. Это очень скоро дало себя знать на фронте 14-й армии, на западный фланг которой противник оказывал особенно сильное давление. 20 июня обе немецкие армии вышли на указанный ОКБ рубеж, который, однако, мог быть удержан лишь временно. Нажим противника на войска западного фланга 14-й армии усилился настолько, что они стали неудержимо откатываться назад. Постоянные призывы к более упорному сопротивлению были напрасны и привели лишь к тому, что, когда на широте острова Эльба была предпринята попытка остановиться, противник с хода прорвал слабую немецкую оборону, и его продвижение только чудом сумели приостановить на реке Чечина. Все приказы из Берлина перейти, наконец, к позиционной обороне оставались неосуществимыми до тех пор, пока не удалось бы улучшить соотношение сил или выбором более благоприятной и прочной позиции повысить стойкость немецкой обороны.

Борьба за Северные Апеннины

После событий конца июня самое худшее для группы армий «Юго-Запад» осталось, во всяком случае, позади, и она постепенно вновь обретала твердую почву под ногами. Это объяснялось не только сосредоточением всех ее сил, осуществлявшимся, правда, медленно, но в равной мере и значительными изменениями в группировке противника. Через 10 дней после овладения Римом командующий войсками союзников на Ближнем Востоке генерал Уилсон, в ведении которого находился и итальянский театр военных действий, получил приказ главного штаба союзников^{42} в Вашингтоне с требованием добиться от генерала Александра выделения из состава группировки союзных войск в Италии французского и американского корпусов, которые предполагалось использовать в августе для высадки во Франции. Уилсон

выразил несогласие с таким решением, предложив, со своей стороны, план, предусматривавший высадку на полуострове Истрии (на северном побережье Адриатического моря) отводимых из Италии дивизий, а также других сил с намерением продвигаться через Любляну и Венгерскую низменность. Уилсон считал, что такого рода операцией удастся весьма эффективно поддержать Западный фронт, так как немцы, по его мнению, для отражения этого удара, направленного в сердце Европы, вынуждены будут перебросить сюда крупные силы с Запада. Благодаря такой операции можно было, как он полагал, значительно быстрее завершить войну в Европе. Возможно, что в данном случае Уилсон являлся лишь рупором Черчилля, уже неоднократно облакавшего свои политические устремления, по-видимому не встречавшие одобрения со стороны Рузвельта, в оболочку военных планов. Американцы по-прежнему твердо стояли на точке зрения сосредоточения решающих сил во Франции, подчеркивая при этом, что они срочно нуждаются в дополнительных портах во Франции, чтобы иметь возможность использовать в Европе все свои силы. Приказ из Вашингтона был выполнен. Взамен отданных корпусов Александер получил несколько других соединений, обладавших меньшим боевым опытом, в том числе бразильский армейский корпус, греческие и вновь созданные итальянские части, а также еврейскую бригаду. Но даже и после этого его превосходство оставалось достаточно серьезным, чтобы иметь возможность и впредь навязывать немецкой стороне свою волю.

В течение двух последующих месяцев немецкая группа армий отходила на Апеннинский оборонительный рубеж, оборудование которого велось уже длительное время. Здесь она должна была окончательно остановить продвижение противника. Напряженные бои велись в течение всего июля на подступах к реке Арно. Самый сильный натиск противник по-прежнему оказывал на западный фланг 14-й армии. Последняя, однако, к этому времени вышла на более благоприятную для обороны местность, где противник мог продвигаться лишь по нескольким ведущим с юга на север дорогам, на которых войска 14-й армии создали сильные заслоны. Только к началу второй половины июля 5-я американская армия преодолела эту местность и стала более быстрыми темпами продвигаться к реке Арно. 18 июля было оставлено Ливорно, а к 23 июля американцы вышли к реке Арно на широком фронте от устья до района западнее Флоренции. Здесь они, однако, остановились. Значительно более упорное сопротивление было оказано противнику войсками восточного фланга 14-й армии и 10-й армией южнее среднего течения Арно. Этому способствовал также целый ряд перегруппировок в англо-американской группе армий в связи с отводом предназначенных для высадки во Франции соединений. Немецкие войска постепенно отходили с рубежа Поджибонси, Ареццо на север, продолжая, однако, удерживать широкой дугой огибавшие Флоренцию позиции, за которые велись тяжелые бои. Лишь ценою больших усилий противнику удавалось медленно продвигаться вперед. 4 августа арьергарды 14-й армии взорвали мосты через Арно, и только 10 августа американцам удалось создать небольшой плацдарм на северном берегу реки.

Центр 10-й армии тем временем организованно отошел между верховьями Арно и Тибра к южным склонам Апеннин. У Адриатического побережья натиск противника усилился. Наступавшие здесь англичане были в середине июня сменены польским корпусом. Поляки, используя значительное превосходство в танках, энергично теснили немецкие части, оборонявшиеся в этой благоприятной для использования танков местности. До середины июля одна немецкая дивизия все еще держалась южнее и юго-западнее Анконы. К 10 августа, оказавшись в довольно критическом положении, которое удалось выправить лишь в результате переброски сюда еще одной дивизии, она оттянулась за реку Чезано, где продвижение поляков было приостановлено.

В ходе этого отступления 10-й армии стали довольно ощутительными действия партизанских отрядов, использовавших преобладавшую здесь гористую местность с ее многочисленными укрытиями. Союзники поддерживали итальянских партизан и регулярно снабжали их оружием. Разрушая мосты, устраивая заслоны на дорогах, совершая налеты на транспортные колонны и пуская под откос эшелоны с воинскими грузами и войсками, они сеяли беспокойство в тылу, и немецкому командованию местами приходилось даже снимать части с фронта, чтобы покончить с такого рода бесчинствами. Однако действительно решающего влияния на ход боевых действий партизанам не удалось оказать ни здесь, ни позже

в Северной Италии. Их действия встречали лишь слабый отклик среди населения: люди вообще жаждали покоя, хотели по возможности остаться в стороне от войны и в большинстве своем были настроены даже благожелательно к немецким войскам. Союзники в лице партизан обрели поистине обоюдоострое оружие, так как разбудили идеи, от которых итальянский народ гораздо больше пострадал после войны, чем немецкая армия во время ее. Немцы вынуждены были перейти здесь, равно как и на других фронтах, к действиям, глубоко им претившим. Под этим углом зрения и следовало рассматривать строгие меры, к которым иногда приходилось прибегать ввиду того, что противник отказался от традиционных форм ведения войны{43}.

И вот союзники на всем фронте подошли к Северным Аппенинам, где проходил оборонительный рубеж, называвшийся немцами «Зеленой линией», а союзниками – «Готской линией». Рубеж тем временем продолжал дооборудоваться тыловыми подразделениями и организацией Годта, а непосредственно перед занятием его отступавшими войсками также и специально выделенными боевыми подразделениями. Наиболее значительные оборонительные работы были проведены на прибрежных участках – южнее Каррары у Лигурийского побережья и за рекой Фолья на Адриатическом побережье. Все горные проходы прикрывались мощными опорными пунктами. Однако промежутки между ними из-за большой протяженности и нехватки сил и средств были подготовлены в инженерном отношении очень слабо.

Можно было ожидать, что союзники изменят направление своего главного удара. Западнее рубежа Пистойя, Модена Аппенины круто опускаются к самому Лигурийскому морю, оставляя лишь узкую прибрежную полосу, по которой проходит семидесятикилометровое шоссе из Пизы на Специю. Так же легко запереть и долину реки Серкьо, идущую уже в горах параллельно побережью. Ее ответвления, ведущие в северо-восточном направлении, упираются в хребет, который имеет лишь несколько горных проходов с крутыми подъемами и спусками. Поэтому возможность прорыва противника в западной части Северных Аппенин представлялась менее всего вероятной. Перерезанная многочисленными горными дорогами средняя часть Северных Аппенин не так высока. Здесь уже возможность прорыва противника в направлении Болоньи была вполне реальной. Подобная же угроза существовала и на Адриатическом побережье, где отлого спускавшиеся северо-восточные склоны Северных Аппенин давали противнику достаточно простора для проведения наступления. Противника могла привлекать здесь и перспектива пробить брешь в долину реки По, что привело бы к крушению всей аппенинской обороны. Препятствием для наступления в этом районе могли оказаться лишь многочисленные реки, впадающие в Адриатическое море, которые все без исключения пришлось бы форсировать, что, естественно, могло значительно замедлить продвижение. Таким образом, было очень трудно сказать, какое направление выберет противник.

Поэтому немецкой группе армий приходилось учитывать обе возможности и, кроме того, считаться с угрозой высадок крупных сил противника в своем тылу, как в Генуэзском заливе, так и на Адриатическом побережье. Вследствие этого весьма важное значение приобретала оборона побережья. Частично она осуществлялась возросшими к тому времени силами фашистской республики, но наряду с этим требовала также и большого количества немецких войск. Тем не менее при большой протяженности обороняемых участков она сводилась в основном лишь к наблюдению за побережьем и к сосредоточению несколько больших сил в особо угрожаемых пунктах – таких, например, как Специя и Генуя на западе и важные порты на Адриатике.

Генерал Александер вначале рассчитывал, что после захвата Рима ему удастся, не задерживаясь у Аппенин, с хода отбросить обе немецкие армии к Альпам. Но и после провала этого плана союзники продолжали стремиться завершить борьбу в Италии до начала зимы. Они полагали, что лучше всего достигнут этой цели, если смогут осуществить прорыв как на Адриатическом побережье, так и в горах в направлении на Болонью. Они перегруппировали свои войска и провели необходимые приготовления, оттеснив предварительно 14-ю армию в горы. Перед фронтом последней 5-я американская армия к концу августа остановилась у реки Арно. Эта передышка была для 14-й армии как нельзя более кстати, так как армия могла за это время привести в порядок и пополнить свои потрепанные дивизии. Однако ее вновь ослабили, забрав три наиболее боеспособные дивизии, из которых одну после высадки противника

недалеко от Марселя перебросили в Приморские Альпы, другую направили во Францию, а третью передали 10-й армии. 25 августа войска 5-й американской армии предприняли ряд атак из района Флоренции, казавшихся поначалу малоопасными и завершившихся лишь образованием крупного плацдарма на северном берегу реки Арно. Однако во избежание напрасных потерь 14-й армии было разрешено начиная с 30 августа отходить на оборудованный Апеннинский рубеж. Американцы ограничивались продвижением вслед за отходившими частями 14-й армии. Как немцы и предполагали, они не имели намерения добиваться прорыва на этом участке, в результате чего боевые действия приняли здесь позиционный характер, причем обе стороны использовали наименее боеспособные дивизии. Лишь временами один из противников предпринимал действия местного характера.

К концу августа была завершена перегруппировка сил и на других участках фронта. Предпринятые после этого наступательные действия в направлении Болоньи и на побережье Адриатики подвергли обе немецкие армии в последующие месяцы исключительно тяжелым испытаниям, обусловленным не только все ухудшавшимся соотношением сил на земле, но и тем фактом, что в немецком тылу вплоть до Альп безраздельно господствовала авиация противника, регулярные и беспрепятственные действия которой прерывались лишь в случаях нелетной погоды. Вскоре воздушными налетами противника были уничтожены все мосты через реку По, причем восстанавливать их было бесполезно, так как они тотчас же снова разрушались. Снабжение приходилось осуществлять в ночное время исключительно при помощи паромных переправ. Дорога через Бреннерский перевал в результате воздушных налетов часто оказывалась в том или другом пункте разрушенной. Восстановление ее хотя и представляло собой сизифов труд для используемых здесь ремонтно-восстановительных бригад, тем не менее было насущной необходимостью, ибо в противном случае снабжение всей группы армий оказалось бы парализованным. Какое бы то ни было передвижение по неприкрытым с воздуха, зачастую совершенно прямым дорогам Паданской равнины, равно как и по хорошо видимым с воздуха горным дорогам в дневное время было невозможно или по крайней мере связано с бесконечными задержками, зачастую с потерями в транспорте, а иногда и с людскими жертвами. Дополнительным серьезным затруднением для ведения боевых действий явилось все большее истощение запасов вооружения, боеприпасов и прежде всего горючего.

Несмотря на все эти трудности и неизменные требования Гитлера удерживать выступления в обороне, не имевшие никакого тактического значения и лишь поглощавшие силы, немецкой группе армий осенью 1944 года удалось свести на нет все попытки обеих армий противника добиться решающего успеха, который они усматривали в осуществлении прорывов на Болонью и вдоль Адриатического побережья.

В конце августа 8-я английская армия начала наступление на широком фронте вдоль Адриатического побережья. В этом наступлении наряду с польским корпусом участвовали один канадский и один английский корпуса. Этими силами 8-я армия атаковала войска восточного фланга 10-й армии, вынудив их отойти на заранее подготовленные позиции на реке Фолья. Но и этот рубеж 10-я армия из-за недостатка сил удержать не смогла. Оборудованная ценою большой затраты сил «Зеленая линия» оказалась здесь менее прочной, чем предполагалась. Непрерывно перебрасывая подкрепления с центрального участка фронта, командование группы армий постепенно увеличило численность войск на восточном фланге 10-й армии до шести дивизий, что позволило остановить наступающего противника еще южнее Римини и реки Мареккья. Тем не менее английская армия теперь стояла уже у самого входа в Паданскую равнину.

10 сентября в полосе наступления 5-й американской армии последовал нанесенный английским и американским корпусами удар по смежным флангам обеих немецких армий, располагавшихся к тому времени по скатам гор севернее города Пистойя и за верхним течением реки Сиеве. Положение тем более осложнилось, что командование группы армий, стремясь предотвратить прорыв на восточном побережье, сильно оголило центральный участок, на котором теперь противник начал наступление. Мощный, непрерывно наращиваемый из глубины удар англичан и американцев завершился 17 сентября прорывом немецкой обороны на стыке обеих армий, благодаря чему наступающие войска союзников к 21 сентября

продвинулись до Фиренцуолы. Чтобы не допустить окончательного прорыва противника на Болонью, немецкому командованию пришлось снять крупные силы с Адриатического побережья, несмотря на продолжавшееся там наступление англичан, 14-я армия также вынуждена была снимать с неатакованных участков своей обороны силы, которые, однако, прибывали в угрожаемый район очень медленно, так как вынуждены были совершать в горах значительные обходы. К началу октября вбитый и значительно расширенный 5-й американской армией клин приблизился к Болонье на расстояние 25 км. Натиск американцев, особенно на восточном фланге 14-й армии, все больше усиливался. Генерал Александер уже обратился по радио к болонским борцам Сопротивления, возвестив им, что час освобождения пробил, и призывал их повсеместно нападать на немцев в одиночку и группами, содействуя таким образом освобождению города. Единственным результатом этого преждевременного призыва явился ряд жестких репрессивных мер в непокорном городе, которые не обошлись без излишних крайностей (? – Прим. ред.). Наступавшие войска противника натолкнулись на стойкую немецкую оборону еще в 8 – 15 км от Болоньи – на склонах последних гор перед городом. Предпринимавший в течение двух дней непрерывные атаки 2-й американский армейский корпус благодаря активному участию в обороне вовремя введенной в бой испытанной 1-й парашютной дивизии получил такой сокрушительный отпор, что 27 октября вынужден был почти у самой цели отказаться от дальнейших попыток осуществить прорыв.

Однако атаки, возобновленные войсками 8-й английской армии на Адриатическом побережье одновременно с начавшимся 10 сентября наступлением на Болонью, по своей интенсивности превзошли все пережитое до сих пор немецкими войсками. На какое-то время они привели к тому, что немецкая оборона на целом ряде участков оказалась прорванной и лишь разрозненные группы обороняющихся оказывали ожесточенное сопротивление, цепляясь за удобные естественные рубежи. Наконец, оставив Римини, за рекой Мареккья удалось организовать более или менее сносную оборону. Ливни, парализовавшие действия авиации противника, привели к некоторому ослаблению его давления. Кроме того, противник понес тяжелые потери в живой силе и танках. Тем не менее, чтобы не допустить нового прорыва, восточному флангу 10-й армии приходилось вести только сдерживающие бои. Действовавший здесь 76-й танковый корпус оказывал на каждой из рек, протекавших параллельно линии фронта, более или менее длительное сопротивление и отрывался от противника всякий раз, когда тот грозил вновь прорвать немецкую оборону. 20 октября пришлось оставить позиции на реке Савио по обе стороны Чезены, а в начале ноября корпус был уже за рекой Рабби и нижним течением Ронко. 9 ноября он сдал Форли. В этом городе, где в свое время жил Муссолини и где число его сторонников было все еще велико, впервые имели место враждебные акты со стороны жителей по отношению к союзникам, которые даже были вынуждены оставить в городе крупный гарнизон. 76-й танковый корпус отошел к реке Монтоне. Попытка 8-й английской армии силами пяти дивизий при поддержке особенно мощной артиллерии и крупных сил авиации осуществить прорыв вдоль Виа Эмилия на Фаэнцу потерпела неудачу. В ходе пятидневных боев, длившихся с 21 по 25 ноября, три немецкие дивизии отбили все атаки противника. Английские дивизии оказались настолько обескровленными, что им понадобилась передышка. Для немецкой обороны теперь возникла новая трудность. Так как Адриатическое побережье идет дальше в северном направлении, а горная цепь – в северо-западном, то с каждым шагом отступающих немецких войск на север протяженность их линии обороны возрастала. Этим не замедлила воспользоваться 8-я английская армия, предпринявшая теперь попытку добиться прорыва не только вдоль Виа Эмилия, но и в направлении на Равенну. Решающий прорыв временно удалось предотвратить лишь вводом последних, с трудом собранных резервов – пулеметных батальонов, дивизионов самоходных установок и противотанковой артиллерии. Английская армия в течение декабря продолжала продвижение, поочередно нанося удары в районе Виа Эмилия и вдоль Адриатического побережья. На побережье обстановка стала критической южнее озера Валли-ди-Комаккьо в январе 1945 г., когда в результате внезапного удара противник вышел к озеру, отрезав восточный фланг немецких войск от моря. Равнинный, пересекаемый в северной части железнодорожной линией район озера являлся ненадежным прикрытием немецкой обороны с фланга, и поэтому для обеспечения северного крыла немецких войск приходилось снимать силы, которых и без того

было мало, с других участков фронта.

В рождественские дни 14-я армия силами одной немецкой и одной итальянской дивизий предприняла в долине реки Серкьо контрудар с ограниченной целью – добиться ослабления нажима противника на 10-ю армию. Однако последствия этого контрудара оказались в высшей степени неожиданными. Он был нанесен так внезапно, что фронт совершенно ошеломленной американской негритянской дивизии был прорван на участке шириной несколько километров и вражеская артиллерия лишь благодаря спешной смене огневых позиций избежала уничтожения. Командование противника стало уже опасаться прорыва немецких войск на Лукку и бросило все имевшиеся силы авиации на отражение немецко-итальянского удара, который только для этого и предпринимался. Неожиданной, однако, оказалась не только обеспокоенность командования противника, но и вызванная этим контрударом реакция ОКВ. Там были несогласны с этим контрударом, так как он был нанесен на особенно уязвимом для противника участке, где якобы предстоящей весной в рамках операций против западного крыла противника намечалось контрнаступление с целью захвата Флоренции. Таким иллюзиям предавались в ОКВ еще в конце 1944 г.

Январь 1945 г. ознаменовался необычайно суровыми для Италии морозами. Не только Апеннины, но и Паданская равнина покрылась толстым слоем снега. Англо-американское командование приостановило свои наступательные действия, результатами которых оно осталось недовольно, ибо, несмотря на все напряжение сил и понесенные тяжелые потери, англо-американским войскам не удалось добиться столь желанного для них завершения кампании в Италии. Разумеется, с точки зрения войны в целом это уже не имело никакого значения, так как ее исход как на Востоке, так и на Западе тем временем уже был окончательно и бесповоротно предрешен.

11. Провал планов подводной войны

После того как весной 1943 г. подводная война в Северной Атлантике в результате тщательного прикрытия этого района с воздуха и применения новых английских радиолокационных установок потерпела полную неудачу, оставалось еще несколько важных морских районов, не контролируемых авиацией союзников. Это были прежде всего район южнее Азорских островов, а также районы вблизи берегов Бразилии, Гвианы и Западной Африки. Туда и перенесли свои боевые действия немецкие подводные лодки. С тех пор как союзники высадились в Северной Африке, а затем в Италии, особенно много неприятностей стал доставлять им район южнее Азорских островов. По настоянию союзников португальское правительство согласилось 12 октября 1943 г. дать им разрешение на сооружение военно-морских баз на Азорских островах. С завершением в начале ноября работ по сооружению этих баз еще один крупный морской район оказался под контролем авиации союзников. Теперь конвои могли в случае неблагоприятной погоды в Северной Атлантике брать курс южнее, используя при этом прикрытия с воздуха. Ни усилиями действовавших с исключительным самопожертвованием немецких подводников, ни попыткой добиться успеха путем перенесения боевых действий подводных лодок в самые отдаленные морские районы невозможно было ничего изменить. Тоннаж торгового флота противников непрерывно возрастал, с избытком удовлетворяя их потребности, несмотря на довольно высокие потери и в последующие месяцы – все еще около 300 тыс. брт. Все это свидетельствовало, что противолодочная защита окончательно взяла верх (Схема 1, стр. 67).

Даже два изобретения, на которые Гитлер и немецкое морское командование возлагали большие надежды, не дали возможности добиться решающего успеха на море, который, казалось, один мог привести к изоляции мощной военно-производственной базы США от европейского театра военных действий. Одним из изобретений была акустическая торпеда. Существенное преимущество ее заключалось в том, что она, будучи выпущенной по кораблю противника, шла на шум его работающего винта, следовательно, сама искала свою цель. Новое средство предназначалось в первую очередь для борьбы с боевыми кораблями, прикрывавшими конвои и мешавшими подводным лодкам атаковать торговые суда. Недостаток же новой торпеды состоял в том, что она не реагировала на шумы кораблей, шедших либо очень

медленно, либо со скоростью более 12 узлов. Лишь через некоторое время удалось повысить ее «слышимость», после чего торпеда стала реагировать на скорости до 18 узлов. Применение ее, начатое в сентябре 1943 года, дало известный эффект, свойственный всякому новому оружию. Тем не менее самолет по-прежнему оставался опасным противником подводных лодок, а против акустической торпеды англичане изобрели довольно простое, но действенное контрсредство, заключавшееся в том, что к корме кораблей на тросе прикреплялся специальный аппарат, создававший дополнительные шумы и мешавший нормальной работе акустического механизма торпеды.

Другим важнейшим изобретением явился «шнорхель», применение которого началось летом 1944 г. Назначение этого приспособления, представлявшего собой воздухозаборную трубу, заключалось в пополнении запасов свежего воздуха подводной лодки. Благодаря «шнорхелю» на лодке, находившейся даже в погруженном состоянии, могли работать дизельмоторы, в то время как до сих пор ей приходилось в этом случае пользоваться лишь электродвигателями, аккумуляторы которых сравнительно быстро разряжались; для зарядки же последних, осуществлявшейся с помощью дизельмоторов, лодка вынуждена была в течение длительного времени находиться на поверхности.

Теперь подводные лодки вообще избавлялись от необходимости подниматься на поверхность и могли, наконец, избежать смертельной угрозы с воздуха. Связанный с этим недостаток состоял в том, что подводные лодки в погруженном состоянии не могли развивать достаточно высокой скорости и их возможности разведки и наблюдения еще больше сужались, в результате чего они при нападениях на конвои противника оказывались намного менее маневренными, чем прежде, да и вообще не могли состязаться в скорости с конвоями противника. По этой причине подводные лодки стали использоваться преимущественно на подступах к портам западного побережья Великобритании, где движение судов противника отличалось особенной интенсивностью и где немецкие подводные лодки могли действовать из засады. Английская оборона оказалась перед новой проблемой, которую ей предстояло решить. Так как главная опасность грозила теперь на подступах к портам, то здесь и сосредоточивались средства противолодочной защиты. Однако понадобилось несколько месяцев напряженной работы, чтобы подготовить соответствующие мероприятия, которые можно было бы противопоставить новой немецкой тактике, в результате чего английским конвоям приходилось преодолевать значительные трудности. Труднее всего было обнаружить с самолетов лежавшие среди прибрежных рифов в засаде немецкие подлодки. Засекать их помогал прибор, особенно хорошо регистрирующий производимые лодками шумы. После потери летом 1944 г. портов в Бискайском заливе и на побережье Ла-Манша применение немецких подводных лодок значительно затруднилось. С осени 1944 г. немецкому подводному флоту пришлось базироваться на норвежский порт Берген, и эффективность его из-за малой скорости подводного хода лодок и отдаленности новой базы от основных районов их боевых действий сильно снизилась. Кроме того, англичанам благодаря хорошей воздушной разведке удалось уничтожить несколько подводных лодок во время их следования из Бергена в район Шетландских островов. Таким образом, большие надежды, возлагавшиеся в Германии именно на это новое изобретение не оправдались.

Новые, более быстроходные типы подводных лодок со скоростью подводного хода порядка 10 – 16 узлов поступали на вооружение лишь в незначительном количестве. Работы над более совершенным типом лодки со скоростью подводного хода 25 узлов до самого конца войны не пошли дальше опытной стадии. Однако подводная война, которая прошла свою кульминационную точку летом 1943 г., не стала решающей угрозой для противника даже под энергичным руководством Дёница, сменившего в конце января 1943 г. Редера и перенесшего основные усилия немецкого флота исключительно на подводную войну. Ничто не могло устранить влияния решающих факторов. Подводный флот не мог помешать непрерывному увеличению тоннажа противника, так же как и не мог защищаться от господствовавшей в воздухе вражеской авиации. Борьба подводного флота свидетельствовала лишь о несгибаемой воле моряков – подводников.

Из 1160 лодок, действовавших в течение 6 лет войны, 651 была уничтожена противником, 98 были затоплены командой, когда закончилась война. 33 тыс. немецких подводников нашли

смерть в морских глубинах. Ни в одном из других видов вооруженных сил немцы не боролись неизменно лицом к лицу со смертью с большей самоотверженностью, чем в подводном флоте.

Глава IX. Вторжение на Европейский континент в 1944 г.

1. Приготовления западных держав

После вступления в войну американцы приняли принципиальное решение добиться сначала разгрома Германии, отсрочив решающую борьбу против Японии до тех пор, пока не будет достигнута победа в Европе. Англичане были полностью согласны с такой последовательностью, хотя у них, особенно у Черчилля, имелись серьезные сомнения относительно целесообразности плана американцев уничтожить германские вооруженные силы, высадившись во Франции. Черчилль считал высадку во Франции в высшей степени сомнительной и в любом случае связанной с очень большими потерями операцией, неудача которой могла привести к непредвиденным последствиям. Англичане еще больше укрепились в своем мнении после предпринятой в августе 1942 г. попытки высадить десант в районе Дьеппа. У них тогда, конечно, не было намерения создать на европейском континенте постоянный плацдарм. Высадка скорее должна была вызвать беспокойство германского командования и в какой-то мере сковать немецкие силы во Франции в тот момент, когда в результате продвижения немецких войск на Кавказе и на Дону русский фронт оказался в исключительно тяжелом положении. Сталин настойчивее, чем когда-либо, торопил западные державы с открытием настоящего второго фронта, да и англичанам необходимо было косвенно облегчить действия своих войск под Эль-Аламейном. Кроме того, англичане хотели в ходе проведения такой операции испытать свои новые десантные средства и вообще приобрести опыт в технике проведения высадки. (Карта 7, стр. 521 и схема 7, стр. 139)

Высадка началась ранним утром 19 августа 1942 г. в районе небольшого портового города Дьеппа, расположенного в 80 км северо-восточнее устья Сены. В ней приняло участие сформированное из канадских, американских, деголлевских и английских войск соединение силой до дивизии. Поддержанные крупными силами авиации и соединением кораблей десантные части высадились в четырех пунктах побережья, однако местная береговая оборона все время держала их под угрозой, так что вводить в бой значительные резервы союзники не рискнули. К 16 час. десант был сброшен в море. Противник потерял 28 танков и 1500 человек пленными, несколько его военных кораблей были потоплены береговой артиллерией, и 83 самолета уничтожены в воздушных боях. Быстрая и эффективная реакция немцев произвела на англичан сильное впечатление. Немецкой пропагандой достигнутый успех был, несомненно, переоценен; западным же державам исход высадки показал, какое огромное напряжение понадобится для обеспечения полного успеха вторжения. С тех пор по настоянию американцев над его подготовкой велась неустанная работа. Чтобы успешно осуществить вторжение, требовалось создать множество самых различных предпосылок. Прежде всего необходимо было располагать соответствующими сухопутными силами. Далее, для того чтобы развернуть с захваченного плацдарма решающие операции и не допустить их превращения где-нибудь в глубине Франции в позиционную борьбу, количество войск и особенно техники должно было намного превосходить те силы, которые Германия могла использовать во Франции. Но как Соединенные Штаты, так и страны Британского Содружества Наций в 1942 г. еще только создавали крупные сухопутные армии; к тому же Англии приходилось значительную часть вновь создаваемых ею сил использовать в Северной Африке для обороны Египта. Обстановка на тихоокеанском театре военных действий также требовала значительных сил для изгнания Японии из ее грозных форпостов. Развитие событий в России и насущная необходимость очистить, наконец, в интересах сокращения потерь торгового флота Средиземное море от противника заставили их предпринять поздней осенью 1942 г. высадку в Северной Африке. Сокращение протяженности морского пути в Индию благодаря следованию судов через Средиземное море и Суэцкий канал облегчило разрешение проблемы тоннажа, хотя полностью

ее и не устранило. Пока потери от действий немецких подводных лодок не были снижены до приемлемого уровня, союзники, помимо судов, необходимых для осуществления жизненно важных перевозок, имели недостаточное количество транспортных средств для переброски крупных американских сил и их разнообразного снаряжения на Британские острова. Для одной действовавшей дивизии западных союзников при ее очень сильном вооружении, высоких потребностях материального обеспечения и средних нормах расходования боеприпасов средний ежедневный подвоз составлял 600-700 тонн – огромная цифра, если учесть, что, например, зимой 1941/42 г. в демянском котле, правда, в условиях строжайшей экономии и при значительно меньшей численности войск, все шесть немецких дивизий месяцами получали лишь 200 тонн различных предметов снабжения в день.

К началу 1943 г. уже можно было предвидеть примерные сроки вторжения. Когда в январе Черчилль и Рузвельт встретились в Касабланке, уже не вызывало сомнений, что через несколько месяцев боевые действия в Северной Африке закончатся. Но оказалось, что это несколько не ускоряло намеченной операции, так как погода в Атлантике позволяла осуществить высадку лишь в летнюю половину года. А к вторжению летом 1943 года западные державы по изложенным причинам были еще не вполне готовы. Оставалось лишь перенести начало операции на весну 1944 г., а пока что, продолжая борьбу в районе Средиземного моря, сковывать там немецкие силы. Было, однако, принято решение о создании объединенного штаба, который должен был проводить значительную по объему предварительную работу, связанную с подготовкой к вторжению. В качестве косвенной подготовки, а также с целью общего ослабления германского военно-экономического потенциала с середины 1943 г. была усилена воздушная война против Германии, в которой наряду с постоянно возрастающими силами английской авиации приняла участие и переброшенная в Англию американская 8-я воздушная армия. В декабре 1943 Г. Черчилль и Рузвельт встретились в Каире для подготовки к переговорам со Сталиным в Тегеране. Во время этой встречи было решено назначить американского генерала Эйзенхауэра главнокомандующим всеми предназначавшимися для вторжения сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами, а английского генерала Монтгомери – командующим сухопутными силами. Эйзенхауэр предпочел бы иметь на этой должности генерала Александера, которого он считал самым выдающимся стратегом Англии и исключительно симпатичным человеком. Таким в отличие от большинства своих коллег показал себя Александер и по отношению к немцам. В Тегеране Сталин был уведомлен о решении западных союзников высадиться в мае 1944 г. во Франции. Он пообещал поддержать примерно в это же время операцию западных держав крупным наступлением на Востоке.

Когда Эйзенхауэр и Монтгомери приступили в январе 1944 г. к выполнению своих новых функций, разработка плана вторжения продвинулась уже далеко; был даже определен район высадки. Так как высадка могла производиться только под прикрытием истребительной авиации, базировавшейся на английские аэродромы, район ее был ограничен участком побережья между Шербуром и Флиссингеном. Немцы считали наиболее вероятным, что высадка будет предпринята на побережье Ла-Манша, во всяком случае севернее устья реки Соммы, поскольку там путь через пролив был самым коротким, а дорога оттуда к Рурскому бассейну, экономическому сердцу Германии, – самой прямой. Кроме того, поддержка авиации могла быть здесь доведена до максимума. В расчете на то, что высадка последует именно в данном районе, он был укреплен сильнее всего. Это не осталось незамеченным западными державами, которые сделали вывод, что высадка на этом участке побережья неизбежно будет связана с огромными потерями. Поэтому союзники, несмотря на все благоприятные предпосылки для проведения последующих решающих операций и ряд других технических преимуществ, отказались от этого самого выгодного с оперативной точки зрения решения. Их выбор пал на северное побережье Нормандии, где немецкое командование, очевидно, менее всего ожидало высадки и поэтому обороняло этот район слабее остальных. Кроме того, там находился порт Шербур. Другие порты на полуострова Бретань вплоть до Нанта предполагалось быстро захватить в ходе самой операции. Хотя союзники располагали новыми десантными средствами, позволявшими производить высадку вне портов, в течение длительного времени все равно невозможно было обойтись без одного, а затем и нескольких крупных портов, чтобы обеспечить снабжение свыше 80 дивизий, которые постепенно должны

были перебрасываться на континент.

Согласившись с выбором района высадки, Эйзенхауэр и Монтгомери выступили, однако, против намеченного состава первого эшелона. Предложенным планом предусматривалась высадка вначале трех дивизий на участке побережья между Гранкап-ле-Бен и Курсэль. Это был максимум того, что можно было переправить наличными десантными средствами и, с учетом непрерывной переброски новых частей, имевшимися в распоряжении судами. Оба генерала, однако, полагали, что немедленное закрепление на плацдарме и его быстрое расширение будут обеспечены лишь в том случае, если союзники смогут быстрее противника перебросить силы к этому новому району боевых действий. Правда, они рассчитывали, используя свое господство в воздухе, значительно затормозить переброску немецких войск. Однако это был не вполне надежный фактор, так как при этом не учитывались силы, которые немцы могли случайно или сознательно удерживать вблизи районов высадки. Поэтому генералы потребовали высадить сразу не три, а пять дивизий и включить в район высадки восточное побережье полуострова Котантена, а также участок побережья восточнее Курсэль вплоть до устья реки Орн. Предполагалось, что такое расширение района высадки не даст немцам возможности создать прочную оборону у основания Котантена на рубеже Карантан, Ла-Э-дю-Пюи и тем самым оттянуть захват Шербурга на неопределенный срок. Новый план можно было выполнить лишь при условии постройки дополнительного количества десантных судов, что вызывало необходимость перенести срок вторжения с начала мая на июнь месяц. Объединенный комитет начальников штабов союзников в Вашингтоне согласился с возражениями генералов, к тому же ряд других соображений также склонял чашу весов в пользу перенесения операции на более поздний срок. Политическое руководство уступило требованиям военных.

Командование союзников стремилось прежде всего не допустить, чтобы боевые действия высадившихся на континенте войск приняли позиционный характер. Эйзенхауэр считал, что самый верный путь избежать этого – высадиться одновременно в Нормандии и в Южной Франции на побережье Средиземного моря. Этот план оказался, однако, неосуществимым, так как для двух одновременных десантных операций не хватало транспортных и десантных средств. Поэтому высадка на юге была отложена до августа, и для проведения ее союзникам пришлось снять в июле 1944 г. полноценные дивизии с итальянского фронта.

Проблема портов грозила стать почти неразрешимой. Предпринимавшиеся до сих пор высадки в Северной Африке, Сицилии и Южной Италии показали, что без портов высадка и снабжение крупных соединений неосуществимы. Там высадку первоначально также приходилось производить большей частью вне портов, однако затем, как правило, они в течение нескольких дней захватывались, и начиналась их эксплуатация. Помимо всего прочего, союзникам до сих пор приходилось в ходе своих высадок сталкиваться лишь с ограниченными силами противника, численность которых к тому же не могла быть быстро и произвольно увеличена. Совершенно иными были условия высадки во Франции, здесь порты были настолько сильно укреплены, что овладеть ими с моря не представлялось возможным. Необходимо было также быть готовым к тому, что противник быстро подтянет резервы и добьется превосходства над войсками десанта, которые высадутся на необорудованном берегу и не будут снабжаться через порты. Задача осложнялась еще и тем, что в Атлантике даже летом свирепствуют сильные штормы. Штормы могут сделать невозможной какую бы то ни было выгрузку на берег, что практически лишает высадившиеся войска всякого подвоза. Из всех этих затруднений был своевременно найден поистине гениальный выход, показавшийся сначала настолько необычным, что над ним все смеялись. Затем, однако, он произвел впечатление колумбова яйца, явившись в высшей степени неприятным сюрпризом для немецкой обороны. Казавшееся столь утопичным решение заключалось в сооружении искусственных портов в районах высадки. Было разработано и подготовлено два вида портов, которым союзники дали условное обозначение «Гузбери» («Крыжовник») и «Малбери» («Тутовая ягода»). «Гузбери» представлял собой затопленные вплотную друг возле друга суда, которые, подобно молу защищали огражденный ими прибрежный участок моря от ветра, создавая спокойную воду, что позволяло разгружать небольшие корабли и десантные суда даже при среднем волнении на море. «Малбери» был настоящим портом, секции которого изготовлялись в Англии и доставлялись через пролив. Основу этого порта составляли крупные железобетонные кессоны,

также затоплявшиеся вплотную друг к другу. На них монтировались все необходимые для разгрузки судов приспособления. Для обеих предназначавшихся для высадки армий было подготовлено по одному порту такого типа, кроме того, для каждого из пяти пунктов высадки предусматривался один «Гузбери». Этих сооружений было достаточно, чтобы обеспечить высадку и снабжение всех перебрасывавшихся в первую очередь сил, пока не будет захвачен первый порт. Предполагалось, что вскоре падет Шербур.

Другим технически совершенным сооружением явилась прокладка летом 1944 г. бензопровода из Англии во Францию по дну пролива, благодаря чему простейшим образом была решена проблема удовлетворения большой потребности в горючем, которую испытывали полностью моторизованные армии союзников.

Образцово, учитывая трудности, постоянно присущие всякой коалиции, была организована и система командования. Генералу Эйзенхауэру как союзному главнокомандующему безо всяких ограничений подчинялись все выделенные для высадки и последующих операций сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы. Лишь за стратегические ВВС ему вначале пришлось вести борьбу главным образом с англичанами, выдвигавшими возражение, что стратегические ВВС как до, так и во время высадки и после нее выполняют задачи, которые далеко выходят за рамки требований данного района боевых действий и не должны отодвигаться на второй план. Пожалуй, в этих аргументах в известной мере чувствовался и ведомственный партикуляризм. Эйзенхауэр на эти доводы возражал, что высадка и ее подготовка являются операцией решающего значения, отодвигающей все прочие соображения далеко на второй план, и что эта операция должна поддерживаться всеми имеющимися силами по его усмотрению и согласно его планам. Обосновав свое требование тем, что «командующий в решающие моменты не может действовать методом просьб и переговоров», он поставил вопрос перед соответствующими правительственными инстанциями и добился своего.

Таблица 1. Количество переброшенных на континент дивизий

Бронетанковых	Пехотных	Горнострелковых	Воздушно-десантных	Общее количество
---------------	----------	-----------------	--------------------	------------------

Американских	15	43	1	3	62
--------------	----	----	---	---	----

Английских и канадских	7*	9	–	1	17
------------------------	----	---	---	---	----

Французских	3	3	1	–	7
-------------	---	---	---	---	---

Итого	25	55	2	4	86
-------	----	----	---	---	----

*В том числе одна польская танковая дивизия

Для боевых действий в Нормандии предусматривалось использовать первоначально тридцать шесть дивизий, находившихся в Англии. В это число не входили десять дивизий, предназначенных для высадки в Южной Франции. Остальные 40 дивизий находились в полной боевой готовности в США. Их переброска зависела лишь от того, насколько быстро удастся овладеть достаточным количеством портов, способных обеспечить их выгрузку и снабжение. При этом приходилось учитывать, что парализованный самими же союзниками французский железнодорожный транспорт не мог быть использован; следовательно, все перевозки пришлось бы в течение длительного времени производить только по шоссейным дорогам, а для этого был необходим огромный парк автотранспортных судов.

Фактически к решающему моменту наступления западных держав на Германию на континент было переброшено 86 дивизий, большей частью американских.

Разработанный Монтгомери новый план высадки предусматривал высадку в пяти пунктах. В районе залива Гран-Ве у Карантана должны были высадиться в двух пунктах части американской 1-й армии, а восточнее нее, на побережье вплоть до реки Орн – 2-я английская армия в трех пунктах. Захваченные таким образом плацдармы предполагалось как можно быстрее соединить в один общий крупный плацдарм. От каждой из пяти дивизий в первом эшелоне могли быть выделены в каждом пункте от одного до двух полков. Особые меры предосторожности были предусмотрены для высадки на восточном побережье полуострова Котантен. На полуострове непосредственно за линией побережья масса болот, которые можно преодолеть только по нескольким легко блокируемым дамбам. Для того чтобы получить возможность использовать эти дамбы, предполагалось высадить одну воздушно-десантную

дивизию в тылу береговой обороны. Другую воздушно-десантную дивизию хотели выбросить в районе северо-западнее Карантана. Задача ее заключалась в том, чтобы обеспечить южный фланг высадившихся на побережье Котантена частей и, по возможности, закрепиться на рубеже Лессе, Карантан, изолировав Котантен от остальной части Нормандии. Высадка третьей английской воздушно-десантной дивизии предусматривалась в районе восточнее реки Орн с целью захватить переправы через эту реку. Монтгомери считал также важным своевременное продвижение в направлении Кана, так как в этом районе имелись аэродромы, которые должна была как можно скорее использовать взаимодействовавшая с наземными войсками авиация. Высадка всех трех воздушно-десантных дивизий должна была последовать в ночь перед самой операцией.

Чтобы по возможности быстрее обеспечить связь между всеми пятью первоначально разрозненными плацдармами, планировались действия отрядов «коммандос» и «рейнджерс».

Согласно поставленной перед Монтгомери задаче, цель высадки заключалась в захвате района, необходимого для сосредоточения и развертывания сил для дальнейших наступательных операций. Нужен был достаточно крупный плацдарм, чтобы сосредоточить на нем 26 – 30 дивизий и, кроме того, доставлять из Соединенных Штатов и других районов подкрепления для этих сил в количестве 3 – 5 дивизий ежемесячно.

Предназначавшиеся для участия в операции войска и необходимые транспортные суда были подготовлены в портах погрузки с таким расчетом, чтобы при организованном ходе высадки к концу первого дня в Нормандии и на полуострове Котантен уже находилось 8 дивизий (включая три вышеупомянутые воздушно-десантные дивизии) и 14 танковых полков, через 6 дней – 13 дивизий и еще 10 танковых полков, а на двадцатый день – примерно 24 первоначально предусмотренные дивизии. Правда, этот план мог быть выполнен лишь при условии, если высаживаемые войска будут ограничены самыми необходимыми наземными транспортными средствами, то есть практически на первых порах после высадки будут лишены возможности вести маневренные боевые действия.

По мере расширения района высадки вслед за высадившимися армиями на континент должны были быть переброшены на американском участке высадки 3-я американская армия и на английском участке высадки – 2-я канадская армия, после чего обе американские армии предполагалось объединить в 12-ю группу армий под командованием генерала Брэдли, а обе британские армии – в 21-ю группу армий под командованием Монтгомери. Одновременно Эйзенхауэр должен был принять от Монтгомери общее командование сухопутными войсками.

Чрезвычайно сложной проблемой являлось определение времени начала операции, ибо решение этого вопроса было неизбежно сопряжено с целым рядом предпосылок, от которых нельзя было отворачиваться в интересах успешного осуществления намеченного плана. Чтобы преодолеть пролив незаметно для противника, а также во избежание потерь среди транспортных судов от действий вражеского флота, авиации, а при приближении к берегу – и от береговых батарей противника, высадку следовало предпринимать в ночное время. Высадку воздушно-десантных дивизий, которая должна была предшествовать высадке морского десанта, нужно было проводить в ясную лунную ночь, во второй ее половине. Устранение сильных немецких заграждений у берега лучше всего было вести при отливе. В то же время отлив в заключительной его фазе был нежелательным, так как войскам пришлось бы очень рано покидать десантные суда и слишком долго находиться под огнем противника, прежде чем они смогли бы подойти к его береговым укреплениям. Далее, был необходим и прилив, ибо в противном случае десантные суда невозможно было бы снять с мели. Такие условия отлива и прилива должны были иметь место примерно минут через 40 после рассвета, с тем чтобы флот и авиация уже в первые утренние часы могли поражать прицельным огнем опорные пункты и батареи противника. Все эти предпосылки из-за ежедневного смещения времени прилива и отлива могли быть увязаны друг с другом лишь при условии, что высадка будет предпринята 4, 6 или 7 июня. Кроме того, нельзя было начинать высадку на всех участках одновременно, так как прилив происходит везде в разные часы. Если же в эти три дня условия погоды оказались бы слишком неблагоприятными, то пришлось бы, даже отказавшись от выжидания светлой лунной ночи, необходимой для высадки воздушного десанта, отложить операцию на 14 дней, а с учетом требований воздушно-десантных дивизий – на целых четыре недели.

Пока операция проходила эти подготовительные стадии, перед стратегическими ВВС была поставлена задача еще больше ослабить способность немецких войск к обороне. Это осуществлялось как посредством методического разрушения предприятий по производству горючего, так и путем воздушного наступления, предпринятого за два месяца до начала вторжения. Цель воздушного наступления заключалась в том, чтобы дезорганизовать работу французского и бельгийского железнодорожного транспорта, разрушить мосты в Северной Франции и вывести из строя все аэродромы противника в радиусе 200 км вокруг намеченного района высадки. К началу вторжения все ведущие из Парижа железные дороги были парализованы, 13 железнодорожных и шоссейных мостов через Сену ниже Парижа и 5 через Луару ниже Орлеана разрушены. Тем самым район высадки был изолирован от остальной части Франции.

Для введения противника в заблуждение относительно намеченного района высадки железнодорожные линии севернее Сены вплоть до Антверпена систематически подвергались одинаково интенсивным ударам. Аналогичный маневр был предпринят и при проводившемся накануне высадки подавлении с воздуха немецких береговых укреплений.

Опасения, что удары авиации по французской железнодорожной и шоссейной сети могли привести к тяжелым жертвам среди французского мирного населения, что представлялось союзникам нежелательным хотя бы по соображениям человечности, – которую, впрочем, они не захотели проявить по отношению к немецкому гражданскому населению, – а главным же образом по весьма веским причинам политического характера, устранялись благодаря тому, что о предстоящих налетах союзники предварительно сообщали по радио, и французское население могло своевременно укрыться в безопасные места. Располагая абсолютным превосходством в воздухе, союзники могли позволить себе столь необычный способ действий.

Много беспокойства западным державам доставляли приготовления немцев к применению нового секретного оружия. Союзники стремились разрушить воздушными налетами все районы, в которых, по их данным, можно было предположить наличие сооружений по производству и применению такого оружия. Но и после этого они не избавились от опасения, что применение нового оружия незадолго перед началом вторжения приведет к серьезному замешательству и потерям среди союзных войск в насыщенных ими южно-английских портах и пунктах сосредоточения.

К началу вторжения в распоряжении союзников имелось 5049 истребителей, 1467 тяжелых бомбардировщиков, 1645 средних и легких бомбардировщиков, включая самолеты-торпедоносцы, 2316 транспортных самолетов и 2591 планер. В то же время на французских аэродромах было сосредоточено лишь 500 немецких самолетов, из которых всего 90 бомбардировщиков и 70 истребителей находились в полной боевой готовности.

Предстоящее весной 1944 г. вторжение скрыть было невозможно. Тем больше усилий прилагалось к тому, чтобы сохранить в тайне время и место высадки и ввести немцев в заблуждение относительно района вторжения. Стремление союзников скрыть свои действия зашло так далеко, что аккредитованные в Лондоне дипломатические представители даже не могли посылать курьеров в свои страны, а в прибрежные районы, где находились готовые к вторжению войска, был закрыт доступ для гражданского населения. В самой армии вторжения ввели почтовую цензуру и все дивизии перед погрузкой находились в обнесенных колючей проволокой пунктах сосредоточения.

С целью обмана противника распространялись ложные сведения, а в юго-восточных портах Англии было сосредоточено огромное количество транспортных судов и даже макетов судов. Части, погрузка которых на суда должна была происходить позже, по возможности демонстративно перебрасывались в район Фолкстона и Дувра. Два последних мероприятия не были отменены даже после того, как была осуществлена высадка в Нормандии, и, безусловно, в немалой степени способствовали тому, что немецкое командование еще в течение длительного времени после начала сражения в Нормандии опасалось другой высадки в районе пролива. Наконец, дезинформации противника содействовало также изготовление большого числа чучел парашютистов, которые были сброшены в ночь накануне вторжения над неатакуемыми районами.

12 портов, откуда должна была осуществляться переброска войск вторжения через

пролив, дабы разгрузить район Дувра были намечены на южном побережье от устья Темзы до района Плимута.

Такая, с немецкой точки зрения поистине невероятно тщательная подготовка операции, ее масштабы и обеспечение объяснялись в значительной мере уровнем боевой выучки предназначавшихся для вторжения войск. Наряду с несколькими обладавшими боевым опытом дивизиями, например 7-й английской бронетанковой дивизией, участвовавшей в североафриканской и итальянской кампаниях, армию вторжения составляли главным образом новые формирования, которым предстояло теперь столкнуться с закаленными немецкими дивизиями. Тщательное обучение, тренировка по высадке десантов, неустанное инспектирование вышестоящими командирами, тактические занятия по карте, прикомандирование ко вновь созданным подразделениям персонала опытных инструкторов – все это, пожалуй, способно было повысить уровень подготовленности новых формирований. Однако, несмотря на все превосходство в технике, еще нельзя было сказать, как они будут вести себя в бою.

Наряду с поддержкой безраздельно господствующей в воздухе авиации и соединений боевых кораблей продвижение наступающей пехоты должно было обеспечиваться самыми разнообразными техническими боевыми и вспомогательными средствами для высадки и удара по оборонительным позициям в прибрежной полосе. Были возведены оборонительные сооружения, аналогичные тем, которые предполагали встретить при высадке, и применительно к ним изготовлены саперные танки, мостовые танки для преодоления противотанковых рвов, танки для прокладки матов в болотистой местности, танки, при помощи которых другие машины могли преодолевать прибрежные эскарпы, танки для разминирования минных полей и танки-амфибии. Для проделывания проходов в прибрежных заграждениях были подготовлены специальные саперные подразделения.

Огромная предварительная организационная работа осталась позади. Теперь лишь нужно было, чтобы погода благосклонно отнеслась к подготовленной операции.

2. Немецкая оборона

Четыре года пробыли немцы во Франции, прежде чем англичане, поддержанные и ведомые своим могучим заокеанским союзником, решились вновь вступить на французскую землю. Немного друзей оставили они здесь, погружаясь на корабли в Дюнкерке, однако за прошедшие с тех пор годы внутри Франции и за ее пределами произошло немало событий.

Миф о непобедимости Германии рассеялся так же, как и – пусть невольное – уважение к форме германского государства и его системе управления, в которых немало французов усматривало имеющий будущее синтез национализма и социализма и у которых Петен и его советники даже позаимствовали существенные элементы для своих политических преобразований во Франции. Носитель германской государственности, как и некоторые его исполнительные органы, слишком далеко – иногда даже доходя до преступления – выходили за рамки того, что было необходимо в интересах продолжения войны и что поэтому сносилось французами. Высокопарные слова и политические жесты не подкреплялись соответствующими действиями. Почти из 2 млн. французских военнопленных лишь 700 тыс. были отпущены на родину. Экономическое положение все больше ухудшалось и только благодаря американской помощи удавалось поддерживать едва сносный прожиточный минимум. После того как страна оправилась от первоначального шока, в ней воспрянул дух независимости и национальной гордости. Правительство на неоккупированной территории страны почти ничем не могло помочь народу. То, чего ему удавалось добиться для облегчения бремени оккупации, всегда оказывалось слишком недостаточным. Доверия к Гитлеру выработаться не могло, так как обе стороны исходили из различных предпосылок, Гитлер требовал если и не активного содействия, то во всяком случае идейного сотрудничества, правительство же и народ Франции стремились остаться вне войны. Если с Англией правительство Виши разъединяли некоторые противоречия и скрытая неприязнь, то в Соединенных Штатах оно видело истинного друга и помощника в преодолении трудностей, продолжая поэтому поддерживать дипломатические отношения с США вплоть до их вступления в войну. Да и позже связь между обеими

правительствами не прерывалась. В армии, особенно в частях, дислоцировавшихся в Северной Африке, вполне естественно находили благоприятную почву националистические настроения. Французские генералы в Северной Африке с самого начала встали на путь двурушничества.

Всего этого было еще очень мало, чтобы враждебно настроить страну, но оказалось достаточно, чтобы вызвать у Гитлера растущее недовольство французским правительством, готовое прорваться наружу при малейшем поводе. Повод нашелся, когда западные державы, высадившись в начале ноября 1942 г. в Северо-Западной Африке, натолкнулись лишь на относительно слабое сопротивление. Гитлер вначале ограничился немедленной оккупацией оставшейся до тех пор не занятой части страны, причем в этих действиях на Средиземноморском побережье и Корсике участвовали также итальянцы. Свое решение он обосновывал тем, что, по имеющимся якобы у него достоверным данным, ближайшей целью западных держав является высадка на Корсике и на побережье Средиземного моря. Тем не менее он, по его словам, приветствовал бы возможность отражения этого наступления бок о бок с французскими солдатами. На это, однако, вряд ли можно было серьезно рассчитывать. Когда после высадки в Северо-Западной Африке выяснилось, что крупные французские генералы и адмиралы поддерживают связь с американцами и что это же имеет место и в армии метрополии, Гитлер принял решение о роспуске вооруженных сил, которые французам разрешалось иметь во Франции по условиям перемирия, и попытался захватить находившийся в Тулонском порту французский флот. Хотя незадолго до попытки немцев американцы настоятельно советовали перевести флот в порты, занятые союзниками, этого сделано не было, и теперь французы сами потопили свои корабли. Даже самые вежливые послания Гитлера Петену, в которых последний изображался жертвой предательства своих подчиненных и в которых ему не только разрешалось, но даже вменялось в обязанность создать новую надежную армию, не могли скрыть плохо замаскированного обострения немецко-французских отношений. Правда, Гитлеру в лице Лавала, отстраненного за полтора года до этого от государственных дел и вновь взявшего на себя при Петене функции главы правительства, удалось найти деятеля, продолжавшего свою прежнюю политику сотрудничества с Германией как во внешнеполитических вопросах, так, по мере возможности, и в вопросах внутренней политики. Насильственные дискриминационные действия с немецкой стороны по отношению к Франции, а также очевидный поворот во всей военной обстановке явились мощным стимулом для Движения сопротивления, вызванного к жизни коммунистическими, деголлевскими и военными кругами и игравшего до тех пор лишь подчиненную роль. В эфире непрерывно звучали голоса из противоположного лагеря, призывавшие французов внести свой вклад в предстоящее освобождение страны. Весьма ловким английским агентам удалось добиться сплоченных действий политически разобщенных групп Движения сопротивления. Проведенные гиммлеровской службой безопасности неизбежные контрмеры по борьбе с угрозавшим оккупации движением далеко вышли за пределы поставленной цели и лишь сильнее обострили противоречия. Насильственная отправка на работу за пределы страны и наказания сделали больше, чем требовалось. К началу вторжения в стране, особенно на юге, существовала широко разветвленная сеть Движения сопротивления, которое, парализуя работу транспорта в тылу немецких войск, являлось эффективным, изнурявшим немецкие силы дополнением к воздушным налетам противника. Правда, оно в определенной степени уравновешивалось антипатией большей части французского населения к возможности повторного превращения страны, вышедшей в 1940 г. из войны с относительно небольшими материальными и людскими потерями, в театр военных действий.

За истекшие четыре года была проделана значительная работа по подготовке к отражению высадки противника. Однако эти приготовления, как и все, что Гитлер, с тех пор как в 1940 г. война вскружила ему голову, вынужден был предпринимать или считал необходимым предпринимать, страдали несоответствием между его стремлениями к успехам и к поднятию своего престижа, с одной стороны, и имевшимися в наличии силами и средствами – с другой. Так как, кроме слабых восточноевропейских союзников и малонадежных итальянцев да еще нескольких увлеченных фанатиков из Северной и Западной Европы, никто не изъявлял готовности участвовать в предпринимавшихся Гитлером преобразованиях Европы и ее обороне, то вся тяжесть обороны на Западе вплоть до Нордкапа; не говоря уже о русском и итальянском

фронтах, ложилась почти целиком на плечи немецкой армии. Столь разрекламированный Атлантический вал был больше продуктом хвастливой геббельсовской пропаганды, чем действительно неприступным укреплением. Его опорные пункты создавались постепенно и изолированно друг от друга. Вначале в силу настоятельной необходимости были укреплены порты, с тем чтобы обеспечить их от внезапного нападения противника и одновременно прикрыть имевшиеся там крупные сооружения для приема подводных лодок. Затем решено было более сильно укрепить те участки побережья, на которых в первую очередь можно было ожидать высадки противника. Таковыми считались полоса побережья вдоль Па-де-Кале напротив Англии и район вокруг устья Сены. Столь часто демонстрировавшийся в еженедельных обозрениях шедевр такого укрепления – мыс Гри-Не между Кале и Булонью с четырьмя батареями пушек калибра от 280 до 406 мм – являлся единственным в своем роде и самым мощным на всем побережье. Он был превзойден лишь немецкими укреплениями на принадлежавших Англии островах Гернси и Джерси в проливе Ла-Манш. Укреплять последние имело смысл только в том случае, если бы эти острова должны были стать крупными военно-воздушными и военно-морскими базами. Но ни того, ни другого не было. Для борьбы с силами вторжения эти острова, имевшие 11 батарей орудий большой мощности и занятые целой дивизией, усиленной одним танковым полком, не играли ни малейшей роли. По окончании войны их гарнизон был снят англичанами. Оборудование этих островов и наводнение их крупными силами являлось не чем иным, как проявлением мании величия Гитлера по отношению к ненавистному врагу по ту сторону пролива.

Между портами и береговыми батареями с 1940 г. началось строительство сплошного оборонительного рубежа вдоль побережья, осуществлявшееся силами дивизий, оставленных во Франции, Бельгии и Голландии в качестве оккупационных войск, караульная служба и боевая подготовка оставляли, однако, мало времени для инженерных работ на почти стокилометровых участках побережья, отводившихся для обороны каждой из этих дивизий. Кроме того, частая смена дивизий, перебрасывавшихся на другие театры военных действий и сменявшихся потрепанными дивизиями, естественно, не могла способствовать быстрому строительству укреплений. Вряд ли приходилось удивляться, что эти соединения, которые прежде всего следовало пополнить и обучить и которые рассматривали свое пребывание во Франции как временную передышку, вкладывали далеко не все свои силы в строительство обороны. Поэтому работы продвигались очень медленно. Лишь когда в 1943 г. серьезно встал вопрос о намерениях противника осуществить вторжение и были созданы «стационарные» дивизии^{44}, которым назначались постоянные участки побережья, положение несколько улучшилось. Деятельность войск в этом направлении очень слабо сочеталась с деятельностью организации Тодта, возводившей бетонированные сооружения по непосредственному указанию имперского министра вооружения и боеприпасов. Наряду с сухопутными поисками, сооружение и обслуживание многочисленных береговых батарей, особенно в портах, производили часта ВМС, которые, однако, претендовали на право полного использования их при отражении атак противника.

В ноябре 1943 г. на фельдмаршала Роммеля была возложена задача навести порядок в возникшей неразберихе и ускорить оборонительные работы. Роммель должен был проверить и объединить в одно целое все береговые укрепления от Дании до Бискайского залива. Вынесенное им из предпринятого инспектирования впечатление было в высшей степени неудовлетворительным. Он увидел, что создавалась совершенно не эшелонированная в глубину оборона, перед фронтом которой было слишком мало заграждений. Строительство укреплений находилось в самой различной стадии, большинство укрытий не могло выдержать попадания бомбы. Власть Роммеля по отношению к органам, осуществлявшим строительство укреплений, определялась тем, что он являлся лишь «инспектирующим лицом», а не командующим, ответственным за организацию обороны. Свои усилия он вскоре сосредоточил на наиболее уязвимом районе – участке побережья Па-де-Кале, менее всего удаленном от Англии.

Во избежание вполне естественных трений, вытекавших как из двойственного положения Роммеля, так и из его точки зрения, которая во многих отношениях не совпадала с проводившейся здесь до сих пор линией, а также с целью возложить на него всю полноту ответственности за подготовку обороны, Роммеля через некоторое время назначили

командующим сосредоточенной здесь группы армий «Б». Одновременно он руководил теперь обороной побережья от Голландии до устья Луары.

Опираясь на свой богатый опыт борьбы с англичанами, исключительно практичный Роммель со свойственной ему кипучей энергией взялся за выполнение новой задачи. Недостатки проделанной до сих пор работы он усматривал в еще поправимой общей структуре обороны, при которой очень недооценивались отдельные участки, а также в том, что центр тяжести обороны слишком недостаточно сосредоточивался на обороне самого побережья. По его наблюдениям и опыту, полученным в Сицилии, Салерно и Неттунии, успех высадки предрешался в первые дни, если не часы. Поэтому необходимо было всеми средствами создавать затруднения противнику именно при выходе его на берег. Этой цели должны были служить предпринятое в значительных масштабах подводное минирование и созданные непосредственно на побережье проволочные заграждения с минными полями. В тылу расширяемого прибрежного оборонительного рубежа создавались оборонительные сооружения для борьбы с воздушными десантами противника; на местности, особенно благоприятной для высадки таких десантов, вбивались колья. Если за предыдущие три года было установлено всего 2 млн. мин, то за несколько месяцев деятельности Роммеля число их было утроено. Но и это количество было лишь частью того, что ему представлялось необходимым минимумом. Тем не менее мины даже в таком количестве сыграли при высадке значительную роль. Особенно интенсивно стали проводиться оборонительные работы на побережье Нормандии, которое до сих пор было совершенно заброшенным участком, так как, по мнению представителей ВМС, прибрежные рифы делали высадку противника здесь весьма маловероятной, если вообще не исключали ее возможность. Противник по фотоснимкам, полученным с помощью воздушной разведки, с возросшим беспокойством следил за ходом работ именно на этом участке.

Все эти мероприятия могли, пожалуй, затруднить и замедлить высадку; не допустить же ее, учитывая все еще недостаточную готовность укреплений, слишком большую протяженность обороняемых дивизиями участков побережья в отсутствие поддержки с воздуха, они были не в состоянии. Следовательно, решающее значение приобретало наличие подвижных резервов, которые немедленно могли бы сбросить противника в море, прежде чем тот успеет высадить на берег значительные силы. С подобной задачей могли справиться только танковые дивизии. Этот план Роммеля натолкнулся, однако, на принципиальные возражения со стороны главнокомандующего немецкими войсками на Западе и некоторых его органов, которые считали, что в случае высадки противника заставить его отступить путем использования расположенных вблизи побережья танковых дивизий не удастся, и видели в рассредоточении танковых дивизий лишь распыление сил. Кое-кто даже предполагал сознательно допустить высадку крупных сил противника и затем разгромить их в ходе маневренной борьбы, в которой превосходство будет, по предположениям авторов такого плана, на стороне немецких войск. К тому же невозможно было получить ясного представления о том, в каком или в каких пунктах противник все-таки предпримет высадку, поэтому мнения резко разошлись. Главнокомандующий был весьма склонен думать, что основная десантная операция противника по уже упомянутым причинам последует в районе Па-де-Кале. Принимались во внимание также устье Сены и район Антверпена. Возможность высадки на побережье Нормандии, несмотря на определенное отрицательное мнение моряков, оставалась спорной. Гитлер и Роммель не верили в техническую неосуществимость высадки в Нормандии и не считали ее с оперативной точки зрения невозможной – Гитлер, однако, с оговоркой, к которой присоединился также и главнокомандующий немецкими войсками на Западе, что высадка в Нормандии или на полуострове Котантен явится лишь отвлекающим маневром, за которым последует основная десантная операция в другом пункте, возможно, в районе Па-де-Кале. В этих условиях представлялось целесообразным по крайней мере часть немногочисленных подвижных соединений до поры до времени держать в оперативном резерве.

Роммель не отвергал категорически таких рассуждений, но выдвигал против них два довольно веских аргумента. Он по-прежнему был твердо убежден, что любой контрудар, не предпринятый немедленно пусть даже вначале недостаточными силами, обязательно запоздает и не достигнет противника на кратковременной стадии его слабости. Опыт, приобретенный в борьбе с западными противниками, подсказывал Роммелю, что подтягивание находящихся

глубоко в тылу оперативных резервов при полном господстве противника в воздухе неизбежно будет сопряжено с непредвиденными задержками. По тем же соображениям решающее контрнаступление в ходе маневренной борьбы в глубине континента представлялось ему утопичной надеждой. Он не побоялся высказать точку зрения, что если не удастся сбросить противника с континента в течение первых 48 час., то, учитывая нагрузку, которую несет на своих плечах армия на всех фронтах, а также потери флота и авиации, это будет означать проигрыш всей войны. Во всех этих рассуждениях, за исключением возможности проигрыша войны, Гитлер склонялся к плану Роммеля хотя бы уже потому, что тот настаивал на непременном удержании побережья в любом случае. С другой стороны, он, как всегда, стремился сохранить за собой как можно более сильное влияние на тактическое руководство и не хотел отказаться от собственных резервов. В результате спор завершился компромиссным решением. Из имевшихся на участке группы армий «Б» шести танковых дивизий в распоряжение Роммеля были выделены три, а остальные три, сведенные в танковый корпус, были оставлены в районе южнее Парижа.

В принципе – и в этом была вся трагедия – немцы обязаны были считаться с возможностью высадок противника повсюду, на всем западном побережье от Антверпена до Бискайского залива, равно как и на французском участке Средиземноморского побережья, что вынуждало расплывать слабые немецкие силы на фронте протяженностью свыше 2000 км. Так как, по мнению немецкого командования, наиболее опасным являлся участок севернее Сены вплоть до Антверпена, то здесь и была сконцентрирована большая часть немецких сил.

Немецкое командование имело всего лишь 59 дивизий, в том числе 32 «стационарные» и авиаполевые дивизии, 17 обычных пехотных и 10 танковых дивизии

Оборонявшие побережье войска входили в группу армий «Б» и располагались следующим образом:

– в Голландии – один корпус в составе двух «стационарных» и одной авиаполевой дивизии;

– от устья Шельды до устья Сены – 15-я армия под командованием генерал-полковника фон Зальмута в составе четырех корпусов, насчитывавших в общей сложности четырнадцать пехотных и «стационарных» дивизий, а также три авиаполевые дивизии (восемь «стационарных» дивизий находились в первом эшелоне);

– от устья Сены до устья Луары – 7-я армия под командованием генерал-полковника Долльмана в составе трех корпусов, насчитывавших в общей сложности восемь обычных пехотных и «стационарных» дивизий, из которых на побережье располагались шесть «стационарных» дивизий{45}.

Выделенные ему три танковые дивизии Роммель расположил по одной на северном крыле, в центре и на южном крыле своей группы армий. Одна из этих дивизий располагалась в районе юго-восточнее Кана. Кроме того, он тщетно пытался добиться выделения ему еще одной танковой дивизии, которую он намеревался сосредоточить в районе Карантана.

В группу армий «Г», возглавлявшуюся генерал-полковником Бласковицем, входили:

1–я армия под командованием генерала фон дер Шевалери, оборонявшая побережье от устья Луары до Пиренеев, и располагавшаяся на южном побережье Франции 19-я армия под командованием генерала фон Зоденштерна.

Вся группа армий «Г» состояла из двадцати одной пехотной и «стационарной» дивизий.

Флот почти ничем не мог помочь войскам, потому что в Атлантике располагал всего лишь незначительными легкими силами. Из сорока подводных лодок, которые должны были выйти в море, как только станет известно о начале операции противника, были использованы только шесть. Предусмотренное минирование морских районов также не было осуществлено.

На слабость авиации уже указывалось выше. 1000 реактивных истребителей, которые Гитлер обещал выделить, дабы успокоить Роммеля, озабоченного катастрофическим соотношением сил в воздухе, так и не прибыли. Крупный зенитный корпус был рассредоточен по всему фронту группы армии.

Простой и стройной организации командования в лагере союзников противостояли неразбериха, а порою и взаимный антагонизм, господствовавшие в немецких командных инстанциях. Главнокомандующему немецкими войсками из Западе были подчинены лишь

сухопутные войска. Военно-морские и военно-воздушные силы подчинялись по своей линии и возглавлялись, в конечном счете, своими главнокомандующими Дёницем и Герингом. Поскольку командующие сосредоточенными во Франции военно-морскими и военно-воздушными силами неохотно шли навстречу просьбам и пожеланиям главнокомандующего немецкими войсками на Западе, то последнему оставалось лишь действовать через верховное командование, которое также не в состоянии было воздействовать должным образом на самоуправствующих командующих. Но проволочки, вызывавшиеся таким положением, были еще наименьшим злом. Главнокомандующий немецкими войсками на Западе не мог оказывать никакого влияния и на политическую обработку французского населения. Здесь его полномочия не шли ни в какое сравнение с соответствующими правами Эйзенхауэра, потребовавшего и добившегося предоставления ему полной власти для выполнения поставленной перед ним задачи.

3. Высадка в Нормандии

Ранним утром 4 июня Эйзенхауэр должен был решить, предпримет ли он высадку утром следующего дня – первого из трех намеченных для этой цели дней. Все зависело от погоды. Сводка была весьма неблагоприятной: ожидалась низкая облачность, сильный ветер и значительное волнение на море. Низкая облачность почти исключила бы предусмотренную авиационную подготовку и поддержку операции с воздуха. Сильный ветер и волнение чрезвычайно затруднили бы выгрузку и выход на берег десантных войск и серьезно осложнили бы действия корабельной артиллерии, особенно мелких кораблей и специально построенных плавучих батарей. Эйзенхауэр принял решение отложить высадку на один день. А на следующее утро разыгралась буря, сопровождавшаяся сильным ливнем, и вышедшим уже в море судам пришлось спешно искать укрытия в ближайших портах. Несмотря на это, предстояло принять решение относительно следующего дня. Практически это был уже последний возможный срок, когда операция могла осуществляться при участии крупных военно-морских соединений, так как последние вышли в море из североанглийских баз еще 3 июня и имевшегося у них запаса топлива могло хватить лишь до 6 июня включительно. Прогноз погоды, ко всеобщему облегчению, был значительно лучше, но только на ближайшие 36 часов. Затем должно было вновь наступить периодическое ухудшение погоды: продолжительность этих периодов не поддавалась определению, и вследствие этого могла оказаться под угрозой высадка последующих эшелонов. Поставленный перед дилеммой – решиться на операцию, несмотря на эти осложняющие факторы, или же отложить ее на целых четыре недели, – Эйзенхауэр решил отдать приказ о проведении высадки на следующий день. Тем самым было положено начало крупнейшей, отлично подготовленной и во всех подробностях согласованной по времени операции.

Свыше 6 тыс. боевых кораблей, транспортных и десантных судов вышли из английских портов. Пока они, пользуясь темнотой, приближались к французскому берегу, парашютно-десантные части трех специально выделенных воздушно-десантных дивизий поднялись в воздух и вскоре после полуночи высадились (выбросились) в намеченных пунктах. Для немцев это был безошибочный, хотя и не первый тревожный сигнал. Еще накануне в рядах французского Движения сопротивления было отмечено заметное оживление. В полосе 15-й армии радиоразведкой был перехвачен подозрительный пароль, который мог быть истолкован как намек на предстоящее именно здесь вторжение. Командование армии немедленно подало сигнал «Готовность № 2» и сообщило о своих наблюдениях соседям. Однако этот признак был скорее ложным, чем показательным; он лишь отвлекал внимание, что по-видимому и преследовалось противником. Первые поступившие в штаб группы армий «Б» донесения о высадке воздушных десантов противника в районе Кана и на полуострове Котантен отличались неопределенностью, а их значение оценивалось весьма осторожно. Воздушные десанты из отрядов «коммандос», забрасываемые для усиления Движения сопротивления или для снабжения его оружием, не представляли ничего необычного. Тем не менее командующий 7-й армии получил приказ привести свои войска в боевую готовность. В течение последующих часов количество донесений о воздушных десантах возросло, а когда было доложено об

интенсивных бомбардировках и приближении с моря большого количества самолетов, не оставалось больше никакого сомнения в том, что предпринимается операция крупного масштаба. Пока еще не представлялось возможности определить район высадки, ибо противник с целью маскировки наносил бомбовые удары и по 15-й армии. Лишь когда действительно началась высадка и о ней поступили точные донесения, можно было определить замыслы противника. Находившаяся в распоряжении командующего группой армий «Б» 21-я танковая дивизия, которая к этому времени была сосредоточена в районе юго-восточнее Кана, получила приказ подготовиться к маршу.

Пока в вышестоящих немецких штабах, вплоть до ставки фюрера, с понятным беспокойством воспринимались и изучались все поступающие донесения, первые высадившиеся парашютно-десантные части противника между 1 час. 30 мин. и 2 час. 00 мин. уже вступили в бой. Высадившиеся на сравнительно небольшом участке английские войска закрепились восточнее реки Орн, захватив переправы через эту реку. Кроме того, для прикрытия своего восточного фланга они взорвали мосты через реку Див. В ряде пунктов им приходилось преодолевать упорное сопротивление немецких войск или отражать контратаки последних. В эти бои были втянуты передовые части 21-й танковой дивизии.

Обе менее подготовленные американские воздушно-десантные дивизии высадились на участке шириной 40 и глубиной 25 км, простиравшемся от района севернее Сент-Мер-Эглиза до района севернее Карантана. При этом было потеряно значительное количество вооружения и снаряжения, войска оказались разбросанными на большом пространстве. Тем не менее они в течение дня смогли выполнить обе поставленные перед ними задачи – удержать дамбы через район болот восточнее Сент-Мер-Эглиза для обеспечения наступления своих войск с моря и прикрыть южный фланг района высадки со стороны Карантана.

С наступлением рассвета авиация и корабли засыпали северное побережье Нормандии от реки Орн до залива Гран-Ве и далее градом авиабомб и снарядов. Они подавляли немецкие батареи, разрушали оборонительные сооружения, сметали проволочные заграждения, уничтожали минные поля и повреждали линии связи. Под прикрытием этого адского огня к берегу подошли десантные суда. Штормовой силы норд-вест поднял уровень прилива выше, чем предполагалось, волны стали захлестывать заграждения у берега. Разбушевавшееся море швыряло, как скорлупки, мелкие десантные суда. Немало их было выброшено на рифы или опрокинуто. Лишь в двух пунктах высадки удалось спустить на воду танки-амфибии, при поддержке которых пехота должна была выходить на сушу. Заграждения, поставленные у самого берега, в условиях шторма невозможно было полностью устранить, поэтому они причинили значительные потери. Изнуренные морской болезнью американские, канадские и английские пехотинцы с трудом выбирались на берег. Но огромной интенсивности огневая подготовка не осталась безрезультатной. И восемь полков, полностью укомплектованных по штату военного времени и сосредоточенных в пяти пунктах высадки, перешли в наступление против в полтора раза более слабых, растянутых по всему побережью Нормандии немецких дивизий, из которых только часть могла вступить в бой в районах непосредственно атакованных пунктов.

Американцы в своих районах высадки в течение всего дня не вышли за пределы захваченных узких плацдармов. Особенно тяжело пришлось двум полкам, наступавшим в районе Вьервиля: они натолкнулись здесь на 352-ю дивизию, как раз сосредоточенную в этом районе для проведения маневров и поэтому оказавшуюся в полной готовности к отражению противника. Наступавшие американцы понесли тяжелые потери, и временами даже казалось, что они не смогут удержаться.

Значительно удачнее протекали предпринятые у Арроманша, Курселя и Лиона-сюр-Мер высадки двух английских и канадской дивизий. Но и они не выполнили задачи дня, то есть не вышли ни к Байе, ни к горной дороге между Байе и Каном, ни к самому Кану, ни к устью реки Орн. Англичанам оказывала упорнейшее сопротивление 716-я дивизия, хотя вскоре ее оборона распалась на отдельные разрозненные, не связанные друг с другом узлы сопротивления. Ее положение несколько облегчила 21-я танковая дивизия.

Вскоре командованию группы армий «Б» стало ясно, что на сей раз дело идет о серьезной операции. К вечеру 21-я танковая дивизия получила приказ выйти из боя с

воздушно-десантными частями противника и нанести удар из Кана в северо-западном направлении. Английские танки местами сумели ее задержать, хотя немцам все таки удалось продвинуться до Лиона-сюр-Мер. Однако затем эта дивизия, к большому облегчению для англичан, отошла назад, ее командир решил, что в результате новой высадки планерных частей противника над дивизией нависла угроза с тыла.

С самого раннего утра командование немецкими войсками на Западе и группа армий «Б» вели безуспешные переговоры с ОКВ о немедленном выделении в их распоряжение учебной танковой дивизии, располагавшейся южнее Парижа, и 12-й танковой дивизии СС. Только в 16 час, обе дивизии вместе со штабом 1-го танкового корпуса СС были переданы в их распоряжение. Но использовать эти дивизии можно было теперь не раньше, чем на следующее утро.

Во второй половине дня фельдмаршал Роммель вернулся из поездки в Германию. У него было намерение посетить Гитлера и изложить ему свои сомнения относительно общей военной обстановки, а заодно и вытекавшие отсюда политические соображения, которые сводились к необходимости окончить войну до полного разрушения Германии. Вторжение помешало Роммелю осуществить это намерение. Прибыв на фронт, он отдал единственно возможные распоряжения относительно действий на следующий день. Ярость охватила его при мысли о том, что по крайней мере одна из двух обещанных танковых дивизий уже несколько недель могла бы находиться в районе между Каном и Фалезом, если бы его неоднократные запросы были приняты во внимание.

Эйзенхауэр и Монтгомери могли быть довольны результатами дня. Самое главное было достигнуто, высадка удалась. Оба американских плацдарма были хотя еще невелики и изолированы, но зато удерживались прочно. Англичане и канадцы захватили совместный плацдарм глубиной до 10 и шириной 30 км, в котором, правда, все еще оставались отдельные очаги сопротивления, особенно один крупный в районе Дувра{46}. Перебросив на континент пять дивизий по морю и три по воздуху, союзники, несомненно, располагали численным превосходством в районе высадки. Задача авиации теперь заключалась в том, чтобы любыми средствами задержать подход немецких резервов. Благодаря ее действиям и непрерывно прибывавшим свежим войскам соотношение сил становилось все более благоприятным для союзников. Главной заботой продолжала оставаться, погода, ибо неблагоприятные ее условия могли исключить применение авиации и замедлить темпы высадки новых сил. А прогноз предсказывал новое ухудшение погоды.

Задачи следующего дня были ясны. 1-я американская армия должна была стремиться расширить и объединить свои плацдармы, а также нанести удар в направлении Шербурга и отрезать полуостров Котантен по линии Карантан, Лессе. 2-й английской армии необходимо было очистить весь захваченный накануне плацдарм от остатков противника и расширить его прежде всего в направлении Кана, с тем чтобы выйти из неблагоприятной для применения танков местности и захватить удобные для тактической авиации аэродромы. С оперативной точки зрения Монтгомери справедливо считал, что любое расширение его плацдарма в восточном направлении будет расцениваться немцами как представляющее особую опасность и потому привлечет туда немецкие резервы, в то время как для него на этом этапе решающее значение имело оказание помощи наступавшей на Шербург 1-й американской армии. Рассуждая таким образом, Монтгомери правильно угадывал ход мыслей своего противника. В ставке фюрера все заботы сводились к тому, чтобы предотвратить прорыв на Париж, о котором методично действовавшее командование союзников вначале вовсе и не думало. Именно по этой причине немецкое командование ожидало более крупной высадки севернее Сены и все происшедшее до сих пор рассматривало лишь как отвлекающие действия. Этого предвзятого мнения немецкое высшее командование твердо придерживалось и в последующие дни и даже недели. Приказы германского верховного командования совершенно не учитывали действительное положение дел; так, например, 6 июня было категорически приказано ликвидировать плацдармы противника «самое позднее сегодня к ночи». Еще более безрадостным с точки зрения отношения к людям было то, что Гитлер тотчас же заговорил о неспособности командования и войск и потребовал сменить ряд командиров, хотя Роммель и пытался их защитить.

4. Создание и закрепление общего плацдарма

Понадобилось еще несколько дней серьезного напряжения, прежде чем 1-я американская армия расширила и соединила оба свои плацдарма. Высадившиеся восточнее залива Гран-Ве части попали под интенсивный огонь немецкой артиллерии. Необходимо было также привести в порядок обе воздушно-десантные дивизии, сильно дезорганизованные в ходе высадки в районе Сент-Мер-Эглиза. Благодаря подтягиванию подкреплений численность оборонявшихся здесь немецких войск в последующие дни была доведена до трех пехотных и одной танковой дивизии, что позволило оказать противнику упорное сопротивление, особенно с целью не допустить соединения обоих американских плацдармов в районе Изиньи. Тем не менее хорошо поддержанным с моря и воздуха американцам к 10 июня все-таки удалось установить связь между обоими плацдармами, а в последующие дни сделать ее более прочной. Но, пожалуй, еще более важным для них было расширение плацдарма в западном и северном направлениях, чтобы по возможности скорее отрезать полуостров Котантен с юга и перейти в наступление на Шербур. В ходе упорных боев к 12 июня немецкие войска были оттеснены на линию восточнее Монтебура, выходящую к побережью, на западе выступавшую за шоссе Монтебур – Карантан и южнее Изиньи примыкавшую к плацдарму 5-го американского армейского корпуса. На этом довольно крупном общем плацдарме теперь находились два американских армейских корпуса, насчитывавших в общей сложности пять пехотных и одну танковую дивизии, а также несколько отдельных танковых полков. Пока что он был окружен кольцом немецких дивизий, хотя и гораздо более слабых. Но как долго они смогут сдерживать напор противника в западном направлении, оставалось неясным.

В восточной части своего плацдарма американцы уже 7 июня через Порт-ан-Бессен установили связь с английским плацдармом и в последующие дни продвинулись вперед, используя успех английского 30-го армейского корпуса, хорошо знакомого немцам по боям в Ливии. Наступавшие здесь английские дивизии 7 июня ворвались в Байё и к 12 июня пробились до района севернее Комона, добившись самого значительного на всем нормандском фронте вклинения на глубину 80 км.

Бои в районе между Комоном и Каном с самого начала были наиболее ожесточенными, а продвижение самим незначительным. Такое положение объяснялось тем, что на этот участок были брошены все имевшиеся немецкие танковые дивизии первоначально с целью ликвидировать плацдарм ударом с юго-востока. Поэтому давление англичан с севера и северо-запада в направлении Кана натолкнулось на сильное немецкое сопротивление. Временами немецким дивизиям даже удавалось перехватывать инициативу, однако добиться поставленной цели они не смогли. Намеченный на 7 июня контрудар, который предполагалось осуществить сосредоточенными усилиями находившихся уже в районе боевых действий 21-й танковой дивизии и подтягивавшихся в течение ночи 12-й танковой дивизии СС и учебной танковой дивизии, распался на ряд частных контратак. В нормальных условиях нетрудно было бы своевременно подтянуть и выдвинуть на исходное положение как 12-ю танковую дивизию СС, находившуюся в районе Эвре, то есть примерно в 100 км от района боевых действий, так и учебную танковую дивизию, которой предстояло покрыть от Шартра, где она была сосредоточена, до района нанесения намечавшегося контрудара около 200 км. В данном же случае это удалось лишь в отношении 12-й танковой дивизии СС. Однако в исходном районе у Кана она подверглась сильной бомбардировке и фактически осталась на своих исходных позициях. Учебная танковая дивизия после выделения ее в качестве подкрепления для борьбы с высадившимся противником во второй половине дня 6 июня по приказу командующего 7-й армией немедленно выступила из Шартра, но уже на марше была атакована с воздуха. В течение ночи она из-за разрушенных дорог и мостов смогла выйти лишь к Фалезу. При попытке в спешном порядке выдвинуться оттуда в район боевых действий она подверглась таким сильным ударам с воздуха, что всякое дальнейшее продвижение в этот день оказалось невозможным. В итоге обе дивизии смогли в течение дня лишь приостановить продвижение противника севернее и северо-западнее Кана. В силу необходимости произвести соответствующую перегруппировку и тщательно выбрать и занять исходное положение новое

наступление удалось предпринять лишь через день. Но и на этот раз из-за подавляющего превосходства противника в воздухе и продолжающегося расширения плацдарма оно не вышло за рамки частных успехов местного характера. С другой стороны, оборонявшиеся теперь на широком фронте севернее и юго-западнее Кана немецкие танковые дивизии отразили все попытки англичан выйти на оперативный простор южнее и юго-восточнее этого города. В местном масштабе это означало успех, который, однако, был сопряжен со сковыванием танковых дивизий на данном участке фронта и с изматыванием их в ходе оборонительных боев.

Поэтому немецкое командование вплоть до главного командования немецкими войсками на Западе стремилось по возможности скорее вновь вывести их в резерв. Однако ни ему, ни командованию группы армий «Б», направлявшему запросы непосредственно в ОКВ, не удалось склонить Гитлера к выделению достаточных сил за счет ослабления неатакованных участков побережья. Командованию группы армий «Б» было категорически запрещено изымать без разрешения ОКВ из состава 15-й армии какие бы то ни было силы для использования их в районе боевых действий. Гитлер все еще не мог избавиться от опасения, что основной удар противника последует все-таки на другом участке побережья. Поэтому он отклонил все просьбы ослабить оборону побережья Ла-Манша, перебросить дивизии 15-й армии через Сену, оставить Бретань, удерживать которую в течение длительного времени все равно было бы невозможно, и перевести находившиеся там силы на полуостров Котантен, где каждый день грозило лопнуть кольцо немецких войск вокруг американского плацдарма. Когда же просьбы стали повторяться, Гитлер раз и навсегда запретил обращаться к нему по этому вопросу. Приказ, запрещавший снимать войска с полуострова Бретань, был отдан (это впоследствии бывало не раз, в том числе и на Востоке) под влиянием главнокомандующего военно-морскими силами, стремившегося сохранить базу подводных лодок в Бресте, хотя подводная война играла лишь второстепенную роль, а потеря Шербурга грозила значительно более серьезными осложнениями, чем оставление пока неатакованного Бреста.

Пятнадцати полноценным дивизиям союзников и их безраздельно господствовавшей авиации к 12 июня противостояло девять немецких дивизий, частично понесших в предыдущие дни очень тяжелые потери. Задача 7-й армии по-прежнему заключалась в том, чтобы не допустить какого бы то ни было расширения плацдарма противника и преградить последнему путь на Шербур. В приказах германского верховного командования явственно сквозило желание Гитлера добиться, чтобы войска ни при каких условиях не смели отходить на новый оборонительный рубеж и чтобы каждый солдат сражался с врагом до последней капли крови, не отступая ни шагу назад. Это имело смысл лишь в том случае, если бы одновременно подтягиванием крупных сил создавались предпосылки для продолжения борьбы с противником, уже успевшим к этому времени перебросить на континент 326 тыс. человек, 5400 самолетов и 104 тыс. тонн боевой техники и снаряжения, совершить за шесть первых дней 35 тыс. самолетовылетов и без каких-либо помех с моря или воздуха перебрасывавшим в район боевых действий все новые и новые силы.

1-я американская армия под командованием Брэдли направила все свои усилия против действующих на полуострове Котантен немецких войск, намереваясь прежде всего разорвать их оборону в центре и затем продвинуться к западному побережью полуострова. 14 июня американцы прорвали позиции измотанных и сильно поредевших немецких войск в направлении Сен-Совера, который 16 июня был взят. А еще через день американцы вышли к западному побережью Котантена. Прорыв был завершен. Оборонявшиеся здесь четыре немецкие дивизии по личному указанию Гитлера должны были как можно дольше удерживать противника в пределах плацдарма и затем с боями отходить на Шербур. Первую часть задачи они выполняли до тех пор, пока их силы полностью не истощились, после чего вторая часть оказалась им не по плечу. Для командования группы армий «Б» это было очевидно. Поэтому оно неоднократно, хотя и безуспешно, добивалось, чтобы этим дивизиям было разрешено, не ожидая прорыва противника, повернуть на юг, дабы с их помощью изолировать полуостров. Никаких других сил для этого в распоряжении командования не было. Кроме того, оно знало, что Шербур, неприступный с моря, совершенно не был укреплен со стороны суши. Поэтому отходившие на север дивизии могли в лучшем случае лишь оттянуть на несколько дней падение этой морской крепости, после чего они все равно были бы пленены противником, лишь

подтвердив тем самым бесполезность своего отступления на север. Когда наметился прорыв в районе Сен-Совера, Роммель под свою ответственность приказал всем частям, с которыми еще имелась связь, отходить или пробиваться на юг. Благодаря этому распоряжению часть сил удалось спасти.

Продвижение исключительно подвижных американских войск в северном направлении осуществлялось с поразительной быстротой. Между Монтебуром и побережьем они почти не встречали сопротивления: немногочисленные немецкие силы были опрокинуты. Монтебур пал. В течение 20 и 21 июня американцы подошли к Шербуру и на следующий день после мощной авиационной подготовки начали с юга наступление на крепость. Здесь они натолкнулись на отчаянное сопротивление. Лишь окружив крепость со всех сторон и подготовив решающий штурм сосредоточенным огнем корабельных орудий и тяжелой артиллерии, а также действиями авиации, они 25 июня ворвались в старые, возведенные несколько столетий тому назад для борьбы с англичанами форты и в город. На следующий день, военный и военно-морской коменданты сообщили о своем согласии сложить оружие. Однако отдельные очаги сопротивления, изолированные от своих войск, продолжали держаться с ожесточенным упорством. Часть гарнизона отошла на северо-западную оконечность полуострова в надежде, что, может быть, оттуда удастся каким-нибудь способом вырваться на свободу. 1 июля и они вынуждены были капитулировать. Незначительный выигрыш времени, достигнутый ценою потери отступивших на Шербур дивизий, не имел уже никакого значения, тем более, что все портовые сооружения Шербура были основательно разрушены, причалы выведены из строя и весь район гавани наводнен минами самых различных видов, часть которых находилась на грунте и могла быть обезврежена лишь с помощью водолазов. Тяжелые грузы нельзя было выгружать в порту до конца августа. Вызванная этими разрушениями задержка противника, не стоя ни капли крови, позволила выиграть два месяца времени. Своевременный отвод войск в районе Сен-Совера ускорил бы падение Шербура максимум на десять дней, но зато для последующих боев была бы сохранена значительная часть сил этих четырех дивизий. Шербур явился образцом характерной для Гитлера бессмысленной траты сил.

Направив свои основные усилия на овладение Шербуром, 1-я американская армия в южном направлении ограничилась лишь прикрытием наступающих на Шербур войск, оперев свой левый фланг в море южнее Барневиля и организовав оборону на рубеже Барневиль, Карантан. Попытки расширить в районе Карантана вдоль реки Вир все еще узкую полосу, связывавшую силы американцев на полуострове Котантен с крупным плацдармом англичан, натолкнулись на сопротивление и контратаки 17-й немецкой танковой дивизии СС, переброшенной сюда из района южнее Луары с задачей вернуть Карантан. Поэтому развить свой успех западнее реки Вир американцы не смогли, да и восточнее этой реки им удалось лишь незначительно продвинуться в направлении Сен-Ло и овладеть Комоном.

Столь же медленно развивались события до 18 июня и на западном участке английского плацдарма, так как основное внимание Монтомгери было приковано не к нему, а к Кану. Длительный нажим с севера и северо-запада в сочетании с предпринятым с рубежа Виллер-Бокаж, Тийи-сюр-Сель прорывом в юго-восточном направлении должен был привести к ликвидации этого выступа в немецкой обороне. Осуществлявшие намеченный прорыв 7-я бронетанковая и 50-я пехотная дивизии натолкнулись 12 июня в районе Виллер-Бокаж на переброшенную из Амьена 2-ю немецкую танковую дивизию, которая внезапной контратакой выбила 7-ю английскую бронетанковую дивизию из только что захваченной ею деревни. В районе Тийи-сюр-Сель англичане также вынуждены были перейти к обороне, а в некоторых местах значительно отступить. Им пришлось подтянуть новые силы и произвести перегруппировку, прежде чем 19 июня, наконец, удалось овладеть злополучной деревней Тийи-сюр-Сель. Все попытки приблизиться к Кану с севера и расширить плацдарм на восточном берегу реки Орн также разбились о стойкое сопротивление немецких дивизий.

Вследствие господства противника в воздухе это оборонительное сражение приходилось вести в невероятно тяжелых условиях. Особенно трудно было подтягивать к району боевых действий новые силы. Все переброски войск приходилось проводить в короткие июльские ночи, из-за недостатка горючего танки и другие гусеничные машины перебрасывались по железным дорогам круглым путем, в результате чего скорость их продвижения к фронту не

превышала 50 км в сутки. В радиусе 150 – 200 км вокруг зоны боевых действий железнодорожное сообщение вообще было невыносимо. Подтягивавшиеся из более удаленных пунктов пехотные дивизии двигались черепашими темпами. Все графики и планы срывались.

Посаженные за неимением других транспортных средств на велосипеды пехотные подразделения прибывали в пункты назначения без тяжелого оружия, артиллерии и возимых запасов. Лишь ценою напряжения всех сил и благодаря исключительной самоотверженности командования и войск удавалось с большим трудом кое-как поддерживать неустойчивое равновесие на фронте.

Однако Гитлера невозможно было убедить в этом, что наглядно проявилось во время его встречи с фельдмаршалами Рундштедтом и Роммелем, состоявшейся 17 июня вблизи Суассона после того, как он, уступая настояниям Рундштедта и Роммеля, изъявил, наконец, желание встретиться с обоими фельдмаршалами. Находясь в плену давно уже ставшего патологическим самообмана, он продолжал искать причину провалов лишь в неспособности командиров всех степеней в войсках, чтобы избежать необходимости признать собственные промахи и не потерять веру в себя и в свою звезду. Роммель с возмущением отверг поклеп на войска, несшие на своих плечах тяжесть нечеловеческого напряжения борьбы. Однако, кроме этого отстаивания чести и достоинства своих солдат, для него, так же как и для Рундштедта, важно было создать более или менее прочную оперативную основу для дальнейшего ведения борьбы.

Всякий, кто не потерял еще способности трезвого суждения, не мог не прийти к выводу, что столь неравная борьба рано или поздно приведет к краху немецкой обороны. План противника, исключавший всякий риск и строившийся, в конечном счете, на непреодолимом превосходстве собственных сил, был совершенно ясен. После захвата Шербура, падение которого в день совещания Гитлера с фельдмаршалами – когда, кстати, был осуществлен и прорыв в районе Сен-Совера – считалось вопросом ближайшего времени, американцы, несомненно, все свои усилия должны были направить на юг и вместе с англичанами добиваться прорыва с целью выхода на оперативный простор. В ходе совещания еще раз было выдвинуто требование немедленной эвакуации полуострова Котантен и спрямления линии фронта в районе Кана, и снова оно было отвергнуто. Столь же бесполезно было и убеждать Гитлера в том, что нечего больше ждать крупной высадки противника на фронте 15-й армии и что поэтому силы этой армии должны быть, наконец, использованы для борьбы с уже вторгшимся противником. В его сознании не укладывалось, что в случае оперативного прорыва противника обстановка для немецких войск станет катастрофической, если своевременно не будут спущены необходимые директивы и не будут приняты меры по выбору, оборудованию и занятию войсками оборонительных позиций в тылу. На все предостережения и просьбы фельдмаршалов он отвечал бесконечными, никогда не выполнявшимися обещаниями перебросить во Францию достаточное количество сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил, использовать огромное количество реактивных истребителей, а также ссылками на решающее значение самолетов-снарядов для исхода всей войны. Когда Роммель после этого в заключительной беседе в самом узком кругу высказал все свои сомнения относительно общей военной и политической обстановки, которые он намеревался изложить еще 5 июня во время прерванной поездки в ставку, и не побоялся при этом выдвинуть настоятельное требование прекратить войну, Гитлер раздраженно ответил, что Роммелю следовало бы беспокоиться только о своем участке фронта. Данное Гитлером обещание выслушать 19 июня некоторых фронтовых командиров также осталось невыполненным, так как вскоре после окончания встречи в Суассоне недалеко от бомбоубежища, которое занимал Гитлер, упало несколько сбившихся с курса самолетов-снарядов, и он поспешил возвратиться в свою ставку.

Наконец, в ночь с 12 на 13 июня впервые было применено якобы накопленное уже в большом количестве «чудодейственное оружие», шумом вокруг которого лживая пропаганда все еще пыталась отвлекать народ и армию от непрерывно ухудшавшейся обстановки на фронтах. Это был Фау-1, приводившийся в движение реактивным двигателем беспилотный снаряд, выполненный в форме самолета длиной около 8 м с размахом крыла 5 м. Новое оружие обладало радиусом действия 250 км и скоростью порядка 650 км/час. Заряд взрывчатого вещества был равен примерно 1000 кг. Наведение самолета-снаряда на цель производилось на земле перед стартом, поэтому в полете он был уже неуправляем. Так как

рассеивание могло достигать 16 – 18 км, то снаряд можно было применять лишь для поражения значительных по площади объектов. Понадобилось ровно два года для того, чтобы перейти от испытаний к серийному производству и применению этого оружия. Затрату такого количества времени нельзя было объяснить лишь обеспечением «чудодейственному» оружию простора, необходимого для развития всякого нового оружия. Это произошло скорее из-за интенсивных налетов авиации противника на заводы, где производились самолеты-снаряды. Строительство стартовых площадок в Северной Франции с декабря 1943 г. также все время прерывалось из-за систематических налетов вражеской авиации, пока эти площадки не начали маскировать так, что противнику было трудно их обнаружить.

Использованием Фау-1 Гитлер преследовал все ту же цель, которой ему не удалось добиться осенью 1940 г. в ходе воздушной битвы над Англией, а именно: путем устрашающих ударов с воздуха по Лондону склонить Англию к заключению мира. Но и новое оружие не принесло желаемого эффекта, а лишь вызвало ожесточеннейшие ответные воздушные налеты англичан на мирные города Германии; ведь перевес теперь явно был на стороне англичан. Использование самолетов-снарядов в военных целях, если об этом вообще можно было говорить применительно к данному оружию, при обилии боевой техники у противника практически не имело никакого значения.

Иначе развернулись бы события, если бы новое оружие было применено несколькими месяцами раньше против наводненных тогда американскими и английскими войсками районов Южной Англии, а также против портов Портсмута и Саутгемптона, сыгравших важнейшую роль в проведении операции. Эйзенхауэр в своей книге «Крестовый поход в Европе» высказывает убеждение, что высадка в Нормандии оказалась бы невозможной, если бы немцы в течение шести месяцев могли непрерывно обстреливать самолетами-снарядами указанные объекты.

Как и следовало ожидать, моральное и материальное воздействие нового оружия на Лондон и его население было вначале весьма значительным. Много испытавшие за последние годы лондонцы с большим облегчением отмечали постепенное ослабление деятельности немецкой авиации. Затем, когда произошло вторжение, всякая угроза воздушных налетов противника, казалось, миновала. Поэтому появление нового и грозного оружия, которое почти непрерывно применяли немцы, принесло разочарование и страх перед будущим. Из Лондона и находившихся в пределах досягаемости нового оружия районов Южной Англии пришлось эвакуировать часть мирного населения. Однако у англичан оказалось в наличии достаточно средств, чтобы без ущерба для ведения боевых действий на фронте организовать эффективную противовоздушную оборону. Так как скорость полета самолета-снаряда составляла около 650 км/час, он мог быть сбит истребителями и зенитной артиллерией или же перехвачен аэростатами заграждения на подступах к Лондону. Уже в первую неделю применения этих средств ПВО число сбитых самолетов-снарядов составляло 30%, а через два с половиной месяца своевременно уничтожалось 70% появлявшихся над Англией Фау-1. Наряду с организацией ПВО предпринимались воздушные налеты на предполагаемые районы производства нового оружия и его стартовые площадки. Налеты, правда, не увенчались полным успехом, хотя в ходе их было сброшено 100 тыс. т бомб и потеряно 450 самолетов. Во всяком случае, сочетанием средств ПВО и воздушных налетов размеры угрозы к началу сентября удалось настолько ограничить, что население могло вернуться в Лондон и эвакуированные районы Южной Англии. Гораздо более страшным было действие Фау-2, применение которого началось 8 сентября. Новый снаряд имел ракетный двигатель и развивал такую скорость, что самолеты не могли уничтожить его в воздухе. Действие Фау-2 было очень сильным, потому что он поражал цель под большим углом падения. Падая на открытую местность, он проникал глубоко в грунт и оставлял огромные воронки. Исхода войны, однако, это оружие не могло предрешить хотя бы уже потому, что производилось в слишком малом количестве.

Последние самолеты-снаряды были выпущены 27 марта 1945 г. Затем наступавшие западные союзники настолько продвинулись вперед, что радиус действия самолетов-снарядов оказался недостаточным для нанесения ударов по Англии. За время применения новым оружием было разрушено 24 тыс. и серьезно повреждено 60 тыс. зданий.

Действия союзников на плацдармах протекали не столь быстро и гладко, как

предусматривалось их планом. Виновато в этом было не только неожиданно упорное и, несмотря на все превосходство англосаксов, эффективное сопротивление с немецкой стороны, но и капризы погоды, которая, как и опасались союзники, продолжала оставаться довольно неустойчивой и замедляла намеченные темпы выгрузки. Положение стало по-настоящему тревожным, когда 19 июня в Ла-Манше разразился шторм, не прекращавшийся в течение нескольких дней. Связь с Англией по морю была прервана на четыре дня. Оборудованный в американской зоне высадки порт типа «Малбери» был настолько поврежден, что восстановить его не представлялось возможным. Большое число крупных кораблей и десантных судов пошло ко дну. Одна американская дивизия, которую шторм застал в море, не могла выгрузиться в течение четырех дней. Когда, наконец, войска высадились, они были совершенно измучены многодневной морской болезнью. Нехватка боеприпасов вынуждала артиллерию строжайше экономить снаряды. Уже подготовленные в районе высадки аэродромы невозможно было использовать из-за коротких взлетно-посадочных полос.

Этот кризис мог бы явиться для немецкого командования единственной, неповторимой возможностью коренным образом изменить обстановку на плацдарме, если бы в его распоряжении имелось достаточное количество сил. Однако войск едва хватало лишь для того, чтобы удерживать оборону. Из Венгрии перебрасывался один танковый корпус СС в составе 9-й и 10-й танковых дивизий СС, находившийся там на переформировании после боев на Восточном фронте. Переброска его, однако, серьезно затягивалась вследствие сильных разрушений на французских железных дорогах. Командование группы армии «Б» надеялось, что силами этого корпуса и нескольких уже действовавших на этом фронте танковых дивизий, которые предполагалось теперь заменить пехотными дивизиями, удастся нанести сильный удар во фланг и тыл англичанам на подступах к Кану. Подготовка этого удара была возложена на командующего танковой группой «Запад» генерала Гейра фон Швеппенбурга, которому с этой целью было передано командование войсками, действовавшими между Сенной и Дромом. Однако большую часть оборонявшихся здесь танковых дивизий сменить не удалось, так как в противном случае немецкая оборона стала бы слишком слабой. В результате намеченный удар мог быть нанесен в основном лишь вновь прибывшим корпусом с его двумя дивизиями. Но прежде чем это случилось, войска Монтгомери, преодолев вызванные неблагоприятной погодой затруднения, перешли в наступление. 1-я английская армия была пополнена одним корпусом в составе нескольких пехотных и бронетанковых дивизий, благодаря чему Монтгомери рассчитывал добиться, наконец, своей цели, нанеся удар крупными силами на широком фронте. План его заключался в том, чтобы правофланговым 30-м армейским корпусом через Виллер-Бокаж прорваться на Оне-сюр-Одон. Используя этот удар для обеспечения своего фланга, вновь прибывший 8-й армейский корпус своими двумя пехотными и двумя бронетанковыми дивизиями, а также двумя отдельными танковыми полками должен был форсировать сначала реку Одон, а затем реку Орн, охватить Кан с юга. После того как наметится успех этих корпусов, с севера должен был начать наступление 1-й армейский корпус.

Перейдя 25 июня в наступление, 30-й армейский корпус уже на следующий день после первоначальных успехов натолкнулся на сильную немецкую оборону и остановился. Развернувший затем наступление 8-й армейский корпус также не смог преодолеть удобную для обороны пересеченную местность, усиленную большими минными полями. Правда, англичанам удалось все-таки выйти к реке Одон и временно закрепиться на высотах в междуречье Одона и Орна. Но тут последовала сильная контратака, предпринятая 2-м танковым корпусом СС из района Виллер-Бокаж на обе стороны реки Одон. Пополненные и оснащенные большим количеством тяжелых танков и самоходных установок немецкие танковые дивизии потеснили англичан на север и захватили высоты восточнее реки Орн. Огонь тяжелой корабельной артиллерии, а также превосходство противника в воздухе не позволили добиться в ходе этой контратаки, осуществлявшейся к тому же недостаточными силами, решающего успеха, хотя она и разбила на длительное время все надежды Монтгомери овладеть Каном.

К началу июля союзники перебросили на континент миллионную армию и огромное количество снаряжения, 1-я американская армия насчитывала теперь тринадцать дивизий, сведенных в четыре армейских корпуса. Не слабее была и англо-канадская армия, состоявшая из двенадцати дивизий, сведенных в пять армейских корпусов. После выполнении задачи по

овладению Шербуром высвободившиеся там американские дивизии начали наступление на юг, и теперь вся американская армия оказывала давление на немецкую 7-ю армию в юго-западной части полуострова Котантен и далее к востоку до Комона. Громадное превосходство обеих союзных армий в живой силе и технике, казалось, само толкало на немедленное осуществление прорыва. Однако Эйзенхауэр и Монтгомери считали обстановку еще недостаточно благоприятной. Плацдарм по-прежнему был слишком тесным, мешая свободному развертыванию накопленных на нем сил. Его расширение представлялось тем более настоятельно необходимым, что фронт все еще проходил по местности, не позволявшей свободно маневрировать войсками, 1-я американская армия завязла в районе, изобиловавшем болотами и многочисленными насыпями с живой изгородью. Оборудованные на этих метровой высоты земляных насыпях укрытия позволили обороняющемуся удобно цепляться за местность, так как эти высокие валы одновременно служили и противотанковым препятствием. Поэтому американская армия хотела вначале выйти из этой неблагоприятной местности с целью обеспечить себе выгодные исходные позиции и возможность развертывания крупных сил. Для этого ей необходимо было продвинуться до рубежа Сен-Ло, Перье, Лессе.

3 июля она приступила к выполнению этой задачи. Завязались исключительно тяжелые, кровопролитные бои, лишь две недели спустя увенчавшиеся для американцев успехом. Немецкие дивизии оборонялись на хорошо оборудованных позициях, которые они упорно удерживали и оставляли лишь под натиском многократно превосходящих сил противника. Западный фланг американцев вышел к Лессе. За Сен-Ло завязались упорнейшие бои, вынудившие немецкое командование бросить все свои резервы, включая и две танковые дивизии. В ночь с 18 на 19 июля американцы ворвались в Сен-Ло. В этих боях погиб командир немецкого 84-го армейского корпуса генерал Маркс, который, потеряв ногу в результате полученного на Востоке тяжелого ранения, продолжал службу и с самого начала вторжения с неистощимой энергией руководил немецкой обороной первоначально на всем фронте, а впоследствии на западном его участке.

С захватом Сен-Ло поставленную перед 1-й американской армией задачу можно было считать выполненной, после чего американцы развернули основательную подготовку к прорыву.

Монтгомери также считал необходимым расширить и углубить плацдарм и на востоке, в районе Кана. Он намеревался выдвинуть свой восточный фланг до реки Див, овладеть Каном, пробиться оттуда к неукрепленным высотам вокруг Бургебюса и, как только это будет возможно, выйти к горе Мон-Пенсон, которая, возвышаясь на 359 м, господствует над обширным прилегающим районом. Кроме того, Монтгомери рассчитывал, что, оказывая непрерывное давление из восточной части плацдарма, он заставит противника постоянно опасаться прорыва англичан в направлении Нижней Сены и Парижа и вынудит его держать в этом районе крупные силы. Этой цели он своими атаками, несомненно, добился, хотя задачи по овладению намеченными рубежами были выполнены не полностью.

Для того чтобы обеспечить захват Кана, Монтгомери, учтя опыт предыдущих неудач, настоял на использовании крупных сил стратегической авиации. Вечером 7 июля 460 тяжелых бомбардировщиков с целью отсечь немецкие войска от их тылов и уничтожить резервы в течение 40 мин. сбросили 2500 т бомб на район глубиной 3,5 км и шириной свыше 1 км, расположенный в 5 км за линией фронта немецких войск. Ранним утром следующего дня три дивизии перешли в концентрическое наступление на Кан, которое хотя и завершилось два дня спустя захватом города, но не оправдало возлагавшихся на него надежд и не создало решающего перелома. Авиация в сущности перестаралась – район наступления оказался настолько разрушенным и изрытым таким количеством воронок, что это создало невероятные затруднения для продвижения своих же наступавших войск. Так как немецкие войска тщательно избегали подвергавшихся угрозе воздушного нападения населенных пунктов, то и в Кане войск почти не было. Зато здесь погибло от бомбардировки 2 тыс. французов.

Оказывая в течение последующей недели непрерывное давление на воем фронте, противник стремился держать немцев в постоянном напряжении и не давать им возможности снимать с отдельных участков силы. Одновременно он хотел подготовить два крупных наступления, которые предполагалось провести между 18 и 21 июля с целью расширить,

наконец, плацдарм между Орном и Дивом и овладеть высотами в районе Бургбюса. Начавшемуся 18 июля наступлению из района Кана в юго-восточном направлении предшествовала еще более мощная авиационная подготовка, чем наступлению на Кан. В ней участвовало 1700 тяжелых бомбардировщиков и 400 средних бомбардировщиков, сбросивших между 5 час. 45 мин. и 7 час. 45 мин. 12 тыс. бомб. Однако, учитывая опыт предыдущей массивной бомбардировки, на этот раз авиация применяла лишь бомбы среднего калибра со взрывателями мгновенного действия, в то время как бомбами крупного калибра, частично со взрывателями замедленного действия, предполагалось отсечь район наступления с флангов и тыла. Тем временем и немецкие войска сумели приспособиться к новой тактике противника: оборона была очень глубоко эшелонирована, обеспечена большим количеством противотанковых средств, особенно 88мм зенитными пушками, с тем чтобы иметь возможности отражать прорвавшиеся в глубину танки противника. Значительно продвинувшиеся вперед в самом начале наступления английские танковые дивизии натолкнулись на эту активную сочетавшуюся с контратаками оборону и потеряли свыше 150 танков. В этих успешных контратаках участвовали части пяти немецких танковых дивизий. 20 июля бои на высотах у Бургбюса окончились. Между тем противник продвинулся в восточном направлении и вышел к реке Див в районе Троарна.

Медленное продвижение обеих союзных армий в течение июля не оправдывало тех больших надежд, которые выражались в английской и американской печати после успешного осуществления высадки. В результате этого в кругах общественности стали усиливаться нетерпение и критическое отношение к военному руководству. Высказывались опасения, что войска не продвинутся дальше захваченного плацдарма, борьба примет позиционный характер и затянется на неопределенный срок. Военному руководству приходилось молча сносить эту критику, дабы избежать нежелательного посвящения разведки противника в свои планы.

Гораздо серьезней и оправданней была обеспокоенность ответственных за ведение боевых действий на Западе немецких фельдмаршалов. Уже в июне поступавшее пополнение в живой силе и технике не в состоянии было хоть в какой-то мере покрыть людские потери и потребность в вооружении. Прибывавшим на этот фронт немногочисленным немецким резервам противостоял гораздо более интенсивный, непрерывный приток новых сил на стороне противника. По-прежнему противник имел полное господство в воздухе. Не оставалось ни малейшего сомнения, что до предела натянутая струна рано или поздно должна была лопнуть. С тех пор как на Востоке русские 22 июня начали новое наступление против группы армии «Центр», которое через несколько дней привело к полному разгрому этого фронта и для приостановления которого необходимо было собрать все возможные силы, меньше чем когда-либо приходилось рассчитывать на переброску достаточных подкреплений в Нормандию. Рундштедт и Роммель еще раз настойчиво потребовали встречи с Гитлером, которая состоялась 29 июня в Оберзальцбурге. Безуспешно пытались они убедить Гитлера в том, что общая обстановка со всей настоятельностью требует прекращения войны. Гитлер уклонился от всякого делового обсуждения этого вопроса, ограничившись ссылками на решающую роль «чудодейственного оружия», и пустился в ошибочные исторические параллели. Единственным результатом встречи оказались перестановки в высшем командовании. 1 июля Рундштедта сменил фельдмаршал фон Клюге, а генерал Гейр фон Швеппенбург, командовавший танковой группой «Запад» на восточном участке обороны, был заменен генералом Эбербахом. Одновременно танковую группу «Запад» переименовали в 5-ю танковую армию. За несколько дней до этого, 29 июня, на своем командном пункте умер от паралича сердца командующий 7-й армией генерал-полковник Долльман. На его место был назначен обергруппенфюрер СС Хауссер, один из бывших генералов 100-тысячной армии^{47}, по своим качествам вполне соответствовавший новой должности.

Бесконечная смена командующих группами армий и армиями давно уже стала манией. Да и каким образом могли вновь назначаемые командующие, как бы они ни были деятельны и, по справедливому или ошибочному мнению Гитлера, слепо преданы ему, спасти положение, если Германия все больше и больше слабела, в то время как мощь ее врагов на всех театрах военных действий непрестанно росла? Теперь уже никакая сила в мире не могла предотвратить приближающейся катастрофы. Фельдмаршал фон Клюге в течение двух лет с большим успехом

возглавлял группу армий «Центр» на Восточном фронте и накопил богатый опыт ведения оборонительной борьбы. Быть может, на основе представлений, полученных в ставке фюрера, он был убежден, что благодаря своей осмотрительности и энергии ему удастся справиться и с новой задачей. Однако уже очень скоро ему пришлось признать, что здесь положение все-таки существенно отличалось от того, с которым ему приводилось иметь дело еще полгода назад на Востоке, и что неравенство в силах и средствах исключало всякую возможность стабилизировать на длительное время фронт в Нормандии. Но прежде всего он вынужден был признать, что командование и войска сделали все, что только было в человеческих силах. Таким образом и ему оставалось лишь пассивно продолжать неравную борьбу.

Роммель был оставлен на посту командующего группой армий «Б», Преемником Рундштедта Гитлер его не назначил из-за неоднократных довольно резких стычек, имевших место в предыдущем месяце. Он не верил больше Роммелю, но, с другой стороны, не хотел лишиться этого энергичного, пользовавшегося авторитетом в войсках командующего. Роммель действительно в течение нескольких месяцев носился с планами переворота, так как он пришел к окончательному убеждению, что продолжение войны под руководством Гитлера неизбежно приведет к напрасному и колоссальному по своим масштабам разрушению Германии. Такая точка зрения, естественно, не мешала ему требовать от себя и вверенных ему войск величайшей самоотверженности в борьбе; ибо чем больше ухудшалась военная обстановка, тем меньше шансов оставалось на заключение сносного для Германии перемирия с врагами даже при условии устранения Гитлера. Но он не успел сделать окончательный вывод из этих соображений. 17 июля при возвращении из поездки на фронт его автомашина во второй половине дня была атакована самолетами противника, и он получил несколько ранений, в том числе пролом черепа и тяжелое сотрясение мозга. Так благодаря этому вмешательству судьбы Роммелю не пришлось участвовать в событии, которое не имело прецедента в немецкой военной истории и в котором ему предполагалось отвести важную роль – в покушении на Гитлера 20 июля 1944 г.

5. 20 июля и его последствия

Недовольство принципами военного руководства Гитлера, возникшее еще со времени сталинградской катастрофы у той части офицерского корпуса армии, которая достаточно глубоко разбиралась в происходящих событиях, больше уже не проходило. Оно продолжало находить для себя пищу в непрерывном ухудшении обстановки на фронтах и во все учащавшихся случаях гибели частей и соединений без какой бы то ни было пользы в тактическом или оперативном отношении. Высшие военные руководители, за самым незначительным исключением преданных фюреру душой и телом генералов, были убеждены в настоятельной необходимости лишить Гитлера решающего влияния на руководство военными операциями или по крайней мере приставить к нему военного специалиста в должности начальника генерального штаба, который нес бы полную ответственность за все фронты и положил бы также конец ставшей невыносимой двойственности руководства в лице германского верховного командования (ОКБ) и главного командования сухопутных сил (ОКХ). Все попытки заставить Гитлера добровольно отойти от руководства операциями неизбежно разбивались о его тираническую волю и непоколебимую веру в непогрешимость своей интуиции. Следовательно, оставался лишь путь насилия. Высшие военные руководители – а только они и могли привести в исполнение такой план – чувствовали себя неспособными на подобный шаг. И не потому, что акт насилия против главы государства, с которым они были связаны присягой, противоречил их внутренним убеждениям, а потому, что они сознавали невозможность осуществления этого плана приемлемыми для них путями, боялись взять на себя ответственность перед народом и историей или же, наконец, просто были охвачены отчаянием. Поэтому, пожалуй, ни один из них не решился бы одобрить, а тем более поддержать насильственное устранение Гитлера посредством покушения на него. Наряду с вескими соображениями морального порядка известную роль при этом играла боязнь предстать перед историей с клеймом предателя и героем новой, производящей сильное впечатление и впоследствии трудно опровержимой легенды об ударе кинжалом в спину. Даже Роммель,

который был убежден в необходимости положить конец гибельному руководству Гитлера и потерявшей смысл войне, отклонил убийство Гитлера, стремясь лишь к смещению и аресту его с последующим осуждением соответствующими органами немецкого народа. В то же время только молниеносное и окончательное устранение Гитлера освобождало офицерский корпус от принятой им присяги и, по мнению всех задумывавшихся над последствиями простого смещения, являлось решающим условием недопущения перед лицом врага хаоса в самой армии и в пароде. Поэтому какие-то другие силы должны были взять на себя выполнение назревшей задачи. Эти силы обнаружились вне рядов высших фронтовых командиров, в среде более импульсивного младшего поколения. Еще в марте 1943 г. первый офицер штаба группы армий «Центр» полковник фон Тресков, все еще находившийся под впечатлением сталинградской катастрофы, предпринял попытку уничтожить Гитлера, положив в его самолет бомбу. Покушение не удалось из-за неисправности взрывателя замедленного действия.

Стремление к такому избавительному акту, давно уже охватившее стоявшие вне армии круги, не ослабевало. В невоенной среде из представителей бывших дипломатов, крупных чиновников, молодежи и бывших политических деятелей самых различных оттенков составила оппозиция, которая, не ограничиваясь требованием отстранения Гитлера от военных дел, решительно отвергала позорное для немецкого народа, построенное на терроре и осуществлявшееся во имя и по указке Гитлера самыми недостойными средствами господство внутри Германии и за ее пределами. В лице бывшего начальника генерального штаба генерал-полковника Бека и бывшего обер-бургомистра Лейпцига и имперского комиссара по вопросам цен Гёрделера оппозиция нашла довольно слабое и не вполне однородное главное звено, связавшее цепь заговорщиков. Однако они неизбежно должны были прибегнуть к помощи военных, так как только военные располагали средствами к устранению Гитлера и могли, кроме того, осуществить необходимую подготовку к захвату власти в государстве.

Ведущую силу в армии составляли тесно связанный с Бекком в течение многих лет командующий немецкими войсками во Франции генерал фон Штюльпнагель, а в Берлине – начальник штаба при главнокомандующем армией резерва полковник граф Штауфенберг и начальник управления общих дел ОКВ генерал Ольбрихт, которые использовали для подготовки к захвату власти значительное число более молодых офицеров генерального штаба, занимавших высокие посты в армии. В планах Штюльпнагеля решающую роль играл Роммель: ему, как одному из популярнейших генералов, после смерти Гитлера предполагалось передать командование сухопутной армией. Роммель не имел намерения отказываться от намечавшейся для него роли, однако свое согласие он оговорил двумя условиями: во-первых, что он вначале ультимативно потребует от Гитлера прекращения войны, и, во-вторых, что в случае, если подобный шаг окажется безуспешным, последует не физическое уничтожение Гитлера, а лишь его насильственное смещение. Полученное 17 июля ранение избавило Роммеля от угрызения совести, во власти которых он оказался бы после покушения, задуманного уже много недель тому назад. Теперь он все равно не смог бы предотвратить его даже самыми энергичными протестами.

По мнению заговорщиков, надо было действовать как можно скорее, чтобы покушение наряду с устранением Гитлера могло еще принести осязаемую политическую пользу. Всякое дальнейшее выжидание сделало бы военное положение столь неблагоприятным, что и без того слабая надежда успеть поставить западные державы перед выбором согласиться на заключение сносного для Германии мира или продолжать тяжелую, кровопролитную борьбу до победного конца была бы окончательно потеряна. Относительно того, что должно было произойти после удавшегося покушения, мнение было более или менее единым. Предполагалось, что если дело не дойдет до общего перемирия, то Германии, несмотря на требование безоговорочной капитуляции, путем отвода немецких войск из запятых ими областей на Западе удастся склонить союзные державы к прекращению боевых действий на Западном фронте и воздушных налетов на Германию, и благодаря этому окажется возможным удерживать Восточный фронт по ту сторону имперской границы. Нейтрализация всех лиц, преданных Гитлеру, в государственном аппарате и в партии была подготовлена в той степени, в какой это позволяло соблюдение конспирации.

Осуществление покушения было возложено на Штауфенберга, который, используя свое

присутствие на ежедневных совещаниях в ставке Гитлера в Восточной Пруссии, оставил 20 июля в приемной портфель с бомбой замедленного действия. План сорвался в последний момент, так как совещание на сей раз состоялось не как обычно в бетонированном бомбоубежище, а из-за сильной жары в легком деревянном здании, что значительно ослабило силу взрыва. В полной уверенности, что цель достигнута, Штауфенберг подал сигнал к принятию предусмотренных планом дальнейших шагов по захвату власти, которые тотчас последовали в Берлине, Париже и некоторых других местах. Но так как вскоре обнаружилось, что покушение потерпело неудачу, эти меры, лишь частично к тому времени осуществленные, в тот же день были отменены. Тем не менее они сразу вскрыли весь размах заговора. Несколько человек, активно участвовавших в подготовке и осуществлении покушения, в том числе Ольбрихт и Штауфенберг, в ночь на 21 июля были расстреляны в Берлине по приговору военно-полевого суда. Генерал-полковник Бек покончил жизнь самоубийством. Другие покинули Берлин, чтобы либо возвратиться домой, либо скрыться. Большинство народа и армии осудило тогда покушение на Гитлера как измену. Бессовестная пропаганда постаралась не допустить, чтобы те внушенные глубочайшим чувством внутренней ответственности и настоящей любовью к отечеству мотивы, которые побудили заговорщиков и их соучастников пойти на такой шаг, стали известны общественности и по крайней мере по достоинству были бы оценены ею, если не поняты и одобрены. Тоталитарный режим и необузданная жажда мести Гитлера привели к суду, который как при вынесении приговора и отвратительном и садистском приведении его в исполнение, так и в последовавших затем репрессиях в отношении родственников осужденных далеко выходил за рамки даже тех государственных правомочий, которыми обладали, как им казалось, тогдашние правители Германии.

В отсрочке уготованного ему конца Гитлер усматривал знак судьбы и больше чем когда-либо укрепился в решении либо довести войну до победы, либо вместе с собой увлечь в пропасть и немецкий народ. Основную причину неудач последних лет он видел во все еще недостаточно высоком национал-социалистском, фанатическом духе армии и особенно в отрицательном отношении генерального штаба к его военному руководству, что нашло свое очевидное выражение в наличии в генштабе большого числа заговорщиков и лиц, знавших о подготовке покушения. Без генерального штаба как органа управления он при всей своей ненависти к нему обойтись не мог, но в армии, по его мнению, необходимо было насадить новый дух. Важным средством для достижения этого явилось назначение главнокомандующим армией резерва Гимmlера, который создал наряду с увеличением числа эсэсовских частей так называемые дивизии «фольксгренадир» («народно-гренадерские») и подчинил их своей юрисдикции в обход руководства сухопутной армии.

Эта косвенная диффамация сухопутной армии была столь же необоснованна, как и неумна. Она была необоснованна, так как войска вплоть до их высших командиров с исключительной стойкостью и самопожертвованием выполняли свои долг в борьбе с врагом. Для действующей армии события 20 июля прошли почти бесследно. Войска были слишком заняты своими тяжелыми солдатскими обязанностями и поглощены каждодневными нуждами и заботами, чтобы долго заниматься событием, ставшем в их сознании почти эпизодом. Создание дивизий типа «фольксгренадир» было неумно, потому что было унижительным для существовавших дивизии сухопутной армии и ставило их в невыгодное положение. Кроме того, это вбивало клин в единство и сплоченность армии и еще дольше увеличивало организационную неразбериху, возникшую в результате увеличения количества частей СС и создания авиаполевых и парашютных дивизий для использования в наземных боях. То, что эта неразбериха в военном отношении не выходила за пределы допустимого, было заслугой фронтовых командиров всех степеней, сплоченных узами товарищества и ставивших свой патриотический долг выше личных настроений.

Катастрофическое положение на всех фронтах и огромные потери, понесенные в ходе боев последних месяцев на Востоке и Западе, в гораздо большей степени, чем события 20 июля и их подоплека, грозили выжать из немецкого народа все остававшиеся еще в нем силы, если борьбе вообще было суждено затянуться на неопределенный срок. 20 июля послужило, однако, удобным поводом потребовать от народа таких усилий. Геббельсовская пропаганда начала кричать о том, что «судьба в этот трагический час взяла фюрера под свою благосклонную

защиту, так как хотела сохранить его для великого будущего». Озабоченность неблагоприятной военной обстановкой Геббельс старался рассеять сообщениями о крупных хорошо вооруженных резервах, которые якобы направляются на фронт, о формировании и обучении многочисленных новых дивизий и о применении снарядов Фау-1, которое, по его словам, является лишь прелюдией к использованию новых видов самого различного, совершенно неожиданного для противника оружия. Как можно было не верить Геббельсу, когда он заявлял, что ему было бы стыдно говорить такие вещи, если бы факты не подтверждали его слова? Эта пропаганда ознаменовала начало тотальных военных усилий немецкого народа под руководством Геббельса. Путем глубокого вмешательства в экономическую и культурную жизнь нации была приостановлена всякая деятельность, не служившая непосредственно целям войны. Если мероприятия такого рода действительно могли иметь решающее значение для победы, то гитлеровский режим совершил преступление перед немецким народом, не предприняв этих мер гораздо раньше. Фактически летом 1944 г. войну уже нельзя было выиграть, ее можно было лишь затянуть. И вот немецкий народ, в массе своей слепо доверяя своему фюреру, вышел на последнюю тернистую дорогу и еще в течение девяти месяцев приносил невообразимые материальные и людские жертвы, пока лишенный последних промышленных центров и изгнанный из обширных районов своей родины, не потерял всякую способность к сопротивлению.

6. Авранш и Фалез

Около 20 июля три армии союзников были готовы к решающему прыжку со своего плацдарма. Их сухопутные силы выросли примерно до 30 пехотных и 13 танковых дивизий. Этим непрерывно пополнявшимся соединениям, для поддержки которых могла использоваться практически абсолютно господствовавшая в воздухе авиация, с немецкой стороны противостояло около 20 пехотных и танковых дивизий, насчитывавших максимум 50% штатной численности и не располагавших к тому же сколько-нибудь значительной авиационной поддержкой.

Поэтому можно было с полной уверенностью сказать, что подготавливавшийся союзниками и ожидавшийся немецким командованием прорыв англо-американских армий с полуострова Котантен окажется удачным. Все попытки внушить Гитлеру эту очевидную мысль и убедить его, что потом будет слишком поздно искать выхода, разбивались о его упрямство. Гитлер не хотел признаваться ни себе самому, ни другим в том, что оказался с тупике, из которого для него не были никакого выхода. Решение выделить, наконец, дивизии 15-й армии для использования их в Нормандии слишком запоздало. Дивизии подтягивались слишком медленно для того, чтобы оказать хоть сколько-нибудь заметное влияние на развитие событий, и лишь увеличивали масштабы неизбежной катастрофы.

План Монтгомери, еще возглавлявшего в то время все сухопутные силы союзников состоял в том, чтобы центром 1-й американской армии осуществить прорыв на участке между Перье и Сен-Ло, быстрым продвижением подвижных частей в направлении Кутанса отрезать западное крыло немецкой обороны и по завершении прорыва перейти к широким операциям, вначале с целью захватить порты Бретани, крайне необходимые для переброски на континент новых американских дивизий.

Левый фланг 1-й американской армии и обе английские армии должны были вести скоординированные действия; войска 2-й английской армии должны были предпринимать эти атаки из района южнее Кана в направлении на Фалез.

Из-за неблагоприятной погоды, исключившей возможность использовать авиацию, первоначально намеченное на 20 июля наступление пришлось отложить на пять дней. Утром 25 июля самолеты противника провели авиационную подготовку, сбросив на этот раз 4700 т бомб на район глубиной 8 и шириной 1,5 км. Используя этот мощный бомбовый удар, три американские дивизии в 11 час. перешли на узком фронте в наступление. Две другие танковые и одна пехотная дивизии находились в готовности развить прорыв и через пробитую брешь нанести удар на Кутанс. Несмотря на мощнейший удар с воздуха, оборона в полосе наступления американцев не была полностью подавлена; в частности, противник натолкнулся

на сильное сопротивление на обоих флангах, не захваченных бомбардировкой. В конце концов численное превосходство американцев все-таки сыграло свою роль. К исходу второго дня наступления они вступили в Лессе и Перье, а передовыми бронетанковыми частями подошли к самому Кутансу. Этот удар представлял особую опасность, так как он действительно грозил отрезать западное крыло немецкой обороны. Попытка немцев спасти положение сильными контратаками двух танковых дивизий с востока не увенчалась успехом. Обе эти дивизии, как и все немецкое западное крыло, были опрокинуты мощной волной американского наступления. Только ценой тяжелых потерь западное крыло немецких войск избежало полного окружения. В результате успешного прорыва американцев немецкая оборона западнее Сен-Ло оказалась настолько смятой, что ее невозможно было восстановить. Противник немедленно использовал эту благоприятную обстановку. Два армейских корпуса в составе восьми пехотных и четырех бронетанковых дивизий предприняли стремительное наступление по обе стороны Кутанса в южном направлении. 31 июля Гранвиль и Авранш оказались в руках американцев, сопротивление немцев, вплоть до отдельных разрозненных групп, отчаянно отбивавшихся от наседавшего противника, было сломлено, и прорыв завершен. После этого Эйзенхауэр решил, что наступил подходящий момент ввести в действие находившуюся в боевой готовности за двумя наступавшими корпусами 3-ю армию в составе трех корпусов под командованием весьма энергичного генерала Паттона. Два вновь введенных корпуса с целью прикрыть левый фланг союзников повернули на восток, Паттон принял командование обоими выдвинутыми вперед корпусами и еще одним корпусом и получил приказ овладеть Бретанью, а такте продвинуться на юг и юго-восток с целью охватить немецкие войска с юга. Одновременно с вводом в действие 3-й армии генерал Брэдли, возглавлявший до тех пор 1-ю армию, принял командование 12-й американской группой армий, в которую вошли обе американские армии.

Гитлер мог бы еще и теперь, хотя обстановка сильно осложнилась, сделать положение сносным, если бы пошел навстречу настояниям фельдмаршала фон Клюге. Поскольку попытка не дать противнику возможность начать наступление с плацдарма провалилась, речь теперь могла идти лишь о том, чтобы избавить обе армии от грозившего им окружения, эвакуировать Бретань ради спасения оборонявшихся там дивизий и незамедлительно оставить всю Юго-Западную и Южную Францию. Тогда еще, возможно, и удалось бы задержать продвижение противника на Сене или юго-восточнее ее. Но Гитлер отдал прямо противоположный приказ, согласно которому Бретань или по крайней мере ее порты следовало удерживать, группа армий «Г» должна была оставаться в Юго-Западной Франции и на французском побережье Средиземного моря, а пробитую противником брешь в районе Авранша надлежало закрыть контрударом. С этой целью приказывалось снять с фронта без всякой компенсации все танковые дивизии и, создав из них ударную группировку во главе с командующим 5-й танковой армией, сосредоточить ее в районе Мартена с задачей ударом на Авранш отрезать прорвавшуюся 3-ю американскую армию от ее тылов. В приказе особо подчеркивалось, что противник ни при каких обстоятельствах не должен был выйти на оперативный простор. Однако из-за непрерывных налетов авиации союзников к 6 августа удалось сконцентрировать в назначенном районе лишь четыре из шести предусмотренных танковых дивизий.

Тем временем обстановка как в районе Авранша, так и на остальных участках фронта значительно обострилась. Один из корпусов армии Паттона, наступавший в юго-западном и южном направлениях, вторгся в пределы Бретани и продвинулся до Фужера. Два левофланговых корпуса повернули на восток и вышли на рубеж Ландиви, Мортен. Благодаря такому повороту прорыв был развит в глубину до 30 км.

Войска союзников между Сен-Ло и Каном также пришли в движение. Правда, намеченный Монтгомери на 25 июля удар в направлении на Фалез принес разочарование, так как после первоначальных успехов войска были остановлены контратаками немецких танковых дивизий. У Монтгомери сложилось впечатление, что восточное крыло немецких войск продолжает оставаться очень устойчивым. Поскольку, однако, события на западном крыле, где наступали американцы, развивались благоприятно, он решил перенести главные усилия английских войск в район Комона с намерением совместно с наступавшим из района Сен-Ло левым флангом американцев опрокинуть немецкую оборону и на этом участке. Но к прорыву

эти бои, начавшиеся 31 июля, не привели. Правда, наступление американцев из района Сен-Ло сразу же начало быстро развиваться и было приостановлено лишь у ожесточенно оборонявшегося немецкими войсками Вира. Здесь 7-я немецкая армия прикрывала северный фланг немецкой ударной группировки, которая сосредоточивалась в районе Мортена. Англичане же, перейдя в наступление в районе Комона, натолкнулись на стойкую оборону немцев и надолго задержались. В ожесточенных, зачастую проходивших с переменным успехом боях они прокладывали себе дорогу на юг и 4 августа вышли в район Васси, однако овладеть горой Мон-Пенсон им не удалось. Но и с немецкой стороны потребовались огромные усилия: в эти бои пришлось бросить две танковые дивизии СС, первоначально предназначенные для удара на Авранш. На востоке англичане вплотную подошли к Тюри-Аркуру и Бретвиллю. Пока восточнее Мортена с величайшими трудностями сосредоточивалась немецкая ударная группировка, над обеими немецкими армиями все явственней вырисовывалась серьезная угроза, вытекавшая из их ставшего теперь опасным расположения. С совершенно открытым южным флангом и необеспеченным тылом они оборонялись на рубеже Мортен, Вир, Мон-Пенсон, Бретвиль. Большинство танковых дивизий – опора обороны – были сняты с фронта. Ничто не могло теперь помешать командованию 3-й американской армии бросить в восточном направлении новые силы в обход немецкого южного крыла и в случае неуспеха немецкого контрудара на Мортен повернуть их затем на север. Действительно, в этом случае решающие дни оказались бы безвозвратно потерянными и ударная группировка – наиболее полноценная сила группы армий – наверняка подверглась бы тяжелым ударам. Уже тогда действия немецкого командования стали загадкой для противника, у которого сложилось впечатление, что немецкие войска поистине добровольно отдавали себя на уничтожение. Столь же трудно было командованию союзников понять, как можно сосредоточивать танковые дивизии на узком участке без достаточного прикрытие с воздуха.

Тем не менее приказ на наступление продолжал оставаться в силе. Его сроки были перенесены не только из-за трудностей сколачивания группировки, но и по специальному распоряжению Гитлера, «чтобы пропустить более крупные американские силы через Авранш и затем добиться соответственно более крупного успеха». Танковая группировка была увеличена еще на одну, пятую по счету танковую дивизию. Войска левого фланга 7-й армии, усиленные двумя пехотными дивизиями из состава 15-й армии, получили задачу предпринять скользящие действия. Так как начало прорыва было перенесено на ночь с 6 на 7 августа, чтобы по крайней мере первый удар можно было осуществить без помех со стороны авиации противника, и так как этот удар наносился лишь по одной американской дивизии, немецкой группировке удалось осуществить прорыв и захватить Мортен. 2-я танковая дивизия вклинилась в боевые порядки противника на 10 км. Однако с рассветом на наступавшие немецкие дивизии со всех сторон ринулись бомбардировщики противника и засыпали их бомбами и реактивными снарядами. 300 немецких истребителей безуспешно пытались облегчить участь своей танковой группировки: они либо уничтожались еще при взлете, либо же превосходящими силами истребительной авиации противника вообще не подпускались к полю боя. Понимая решающее значение своего успеха, немецкие танкисты и пехотинцы упорно дрались за него в течение всего дня и местами ставили противника в исключительно критическое положение. К концу этого дня кровопролитных боев сохранилось лишь одно вклинение западнее Мортена. Гитлер, не считаясь ни с чем, отдал приказ продолжать наступление на следующее утро.

Когда же и эта попытка провалилась и вклинившиеся танковые дивизии пришлось отвести на исходные позиции, на 11 августа было назначено новое наступление, которое надлежало подготовить со всей тщательностью. Но ему уже не суждено было состояться. Приказы Гитлера слишком долго игнорировали стремительное развитие событий на всем фронте, и теперь уже нельзя было не видеть огромной опасности, грозившей немецким войскам с юга.

Форсировав 1 августа при довольно слабом сопротивлении немцев реку Селюн, передовой корпус 3-й армии Паттона немедленно устремился на юг с целью отрезать Бретань и одновременно овладеть портами этого полуострова. Оставленные в Бретани немецкие войска – главные силы трех пехотных и одной парашютно-десантной дивизий – имели задачу замедлить продвижение противника и затем оборонять порты до последнего человека. Для задержки

подвижных войск противника немецким соединениям явно не хватало ни сил, ни транспортных средств. Поэтому они использовались главным образом для обороны портов Бреста, Сен-Наэра, Сен-Мало и Лориана, а также для борьбы с местными группами Движения сопротивления. Продвигавшаяся на юг американская танковая дивизия без особого труда 6 августа вышла к морю южнее Ренна, завершив тем самым изоляцию полуострова. Одновременно передовые части другой танковой дивизии подошли к Бресту. Следовавшие за этими танковыми соединениями три пехотные дивизии, на которых возлагалась задача окружения и захвата портов, натолкнулись на стойкую немецкую оборону, оказавшуюся особенно упорной у Бреста, в результате чего этот крайне необходимый для союзников порт был взят ими только 19 сентября.

Поскольку все же общая обстановка складывалась для союзников гораздо благоприятнее, чем предполагалось, и в борьбе с немецкой группой армий намечался крупный успех, командование 3-й американской армии, прикрыв свои войска с юга, направило основные усилия на восток. К 15-му армейскому корпусу, вышедшему к Лавалию и Майенну, несмотря на немецкий контрудар под Мортеном, временно внесший все-таки некоторую обеспокоенность в ряды союзников, были подтянуты два новых армейских корпуса. Первоначально замысел союзного командования заключался, вероятно, в том, чтобы отрезать немцам пути отхода, организовав параллельное преследование через Ле-Ман. Но так как немцы до 10 августа продолжали свои атаки у Мортена и, очевидно, не собирались принимать меры, чтобы избежать окружения. Эйзенхауэр принял решение немедленно использовать эту исключительно выгодную ситуацию. Паттон, выйдя к Ле-Ману, повернул на север и нанес удар в направлении иа Алансон. Брошенная туда немецкая танковая дивизия временно отразила этот удар, однако затем вынуждена была отойти под все возрастающим нажимом противника, 12 августа передовые бронетанковые части американцев появились у Аржантана, а западнее их, у Экуше – передовые подразделения французской бронетанковой дивизии. За ними вплотную следовали три американские пехотные дивизии. Если бы теперь англичанам удалось ударом с севера своевременно сломить упорное сопротивление немцев в междуречье Орна и Дива, прежде чем главные силы немецких армий, все еще ведущих боевые действия в районе между Орном и Виром, успели бы оттянуться на восток, план Эйзенхауэра, несомненно, увенчался бы успехом.

По существу все мероприятия Гитлера только помогали противнику. Фельдмаршал фон Клюге, возглавлявший со времени ранения Роммеля одновременно командование немецкими войсками на Западе и группу армий «Б», пожалуй, уже за много дней до этого видел приближавшуюся опасность. После провала немецких атак в районе Мортена, по его мнению, отпадала последняя причина, вынуждавшая обе немецкие армии удерживать ставшие для них опасными позиции. Он повторил свой запрос относительно немедленного отвода этих армий за Сену и одновременного оттягивания дивизий группы армий «Г» из Юго-Западной и Южной Франции с тем, чтобы силами этих дивизий вместе с отступавшей севернее группой армий «Б» создать новую оборону, которая южным крылом упиралась бы в швейцарскую границу. Так как этот посланный на имя Гитлера запрос в течение нескольких дней оставался без ответа, Клюге под личную ответственность приказал 5-й танковой армии начать отход сначала к Орну и в последующем за реку Тук, а 7-й армии прикрывать отход с юга на рубеже Донфрон, Алансон. Взбешенному Гитлеру пришлось утвердить этот приказ. Однако осуществление предусмотренного приказом Клюге отступательного маневра еще во многом зависело и от действий противника.

Последний к моменту принятия этого решения продвинулся своими передовыми танковыми частями уже значительно севернее Алансона и к тому же не бездействовал и на северном и западном участках фронта.

Правда, намерение Монтгомери быстро прорваться к Фалезу и соединиться там с наступавшими на Аржантан американцами не осуществилось. В гористом районе Бретвиля немецкие дивизии, учитывая решающее значение этого участка фронта, создали глубоко эшелонированную систему обороны, усиленную врытыми в землю поврежденными танками и самоходными установками, а также созданным в глубине противотанковым заслоном из 88-мм зенитных пушек, в результате чего осуществлявшие здесь прорыв танковые соединения противника были поставлены перед исключительно трудной задачей. Кроме того, сюда были

переброшены две пехотные дивизии из состава 15-й армии. Вклинившиеся на этом участке в ночь с 7 на 8 августа канадцы после первоначальных успехов завязли в глубине этой мощной обороны. Западнее 2-я английская армия, продвигаясь по долине реки Орн, овладела, наконец, горой Мон-Пенсон и вышла к Кондессюр-Нуаро. 1-я американская армия взяла Вир и также охватила южный фланг 7-й армии, которой, однако, удалось организовать новую оборону на рубеже Барантон – Донфрон.

Такова была обстановка, когда Гитлер 15 августа отклонил поступившую накануне новую просьбу Клюге разрешить, наконец, обоим армиям отступить, чтобы уйти из готового замкнуться кольца окружения. Тогда Клюге, взяв на себя всю полноту ответственности, сам отдал приказ об отходе. Однако прежде чем этот приказ был выполнен, фельдмаршал Клюге был заменен фельдмаршалом Моделем под тем предлогом, что ему якобы необходим был отдых после напряжения предыдущих недель.

Как выяснилось, Клюге был осведомлен о подготовке к 20 июля, хотя непосредственного участия в этом не принимал. После своего отстранения он не без основания полагал, что над ним будет учинен суд и, чтобы избежать бесчестья, по пути в Германию покончил с собой. В направленном Гитлеру письме он еще раз изложил свою точку зрения относительно причин неудачи наступления на Авранш, в провале которого Гитлер его обвинял, и в заключение заклинал его, в случае если новое оружие и обещанные реактивные истребители не принесут успеха, окончить войну и избавить немецкий народ, уже перенесший столько невероятный страданий, от новых ужасов.

Как и Клюге, его преемник Модель также прибыл на Западный фронт с предвзятым мнением, что решительными мерами ему удастся восстановить положение. Но и он скоро убедился в том, что в ставке фюрера не хотят понять всей безнадежности ведения борьбы наличными недостаточными силами. Он потребовал 30 дивизий и 200 тыс. человек пополнения. При общем положении дел это было, разумеется, утопическое требование, единственный смысл которого мог заключаться лишь в том, чтобы еще раз подтвердить правильность многократно делавшихся ОКБ представлений относительно очень серьезной обстановки на Западе. Модель также не видел выхода из кризиса, в котором находились обе армии. Его приказ почти окруженным в районе Фалеза войскам держаться как можно дольше, отменявший распоряжение его предшественника, практически вряд ли имел какое-либо значение, так как давление противника очень быстро само заставило немецкие войска направить все усилия на удержание пока еще открытого прохода на восток, чтобы выйти из полуокруженного района. Поэтому танковые дивизии были расположены на флангах узкого коридора между Фалезом и Аржантаном с целью удержать этот проход и не допустить полной изоляции находившихся в полукольце немецких войск. Тем временем немецкие пехотные дивизии, арьергарды которых еще 15 августа вели бои на рубеже, проходившем дугой от Донфрона через Теншбре, Конде-сюр-Нуаро до района северо-западнее Фалеза, прикрывали отход. После кое-как удавшегося отвода их за реку Орн котел сузился еще больше, что привело к ужасной неразберихе среди находившихся там частей и почти дезорганизовало централизованное управление войсками. Авиация противника в течение многих дней беспощадными ударами с воздуха усиливала и без того растущий хаос среди транспортных колонн и отступавших частей. Предчувствие полного поражения парализовало волю измученных войск к сопротивлению. Все больше росло число попыток любой ценой избежать плена или гибели, пока, наконец, они не вылились в беспорядочное бегство в направлении узкого коридора между Аржантаном и Фалезом.

Канадские войска, понеся самые тяжелые, по данным штаба Эйзенхауэра, потери с момента начала вторжения, к 17 августа проложили себе путь на Фалез. Нажим американцев на Аржантан все еще удавалось сдерживать. Не прекращая фронтальных атак, американцы основные свои усилия направили теперь на то, чтобы широким охватывающим маневром отрезать наполовину окруженную немецкую группировку с востока. Здесь они, однако, натолкнулись на эшелонированные в глубине немецкие силы, перебросенные с фронта 15-й армии и вместе с танковыми частями отчаянно оборонявшиеся у Шамбуа. Когда же 19 августа канадцы в долине верхнего течения реки Див и восточнее предприняли новое наступление и к вечеру продвинулись до Шамбуа, тесное кольцо вокруг беспорядочно перемешавшихся

остатков обеих немецких армий замкнулось. На следующий день части трех немецких танковых дивизий еще раз попытались ударом из района Трэн, Шамбуа выручить своих окруженных товарищей. Прорыва кольца окружения извне, который позволил бы освободить значительные силы, добиться, правда, не удалось. Однако согласовав с действиями деблокирующей группировки свои попытки вырваться из окружения, отдельные группы и отбившиеся от своих частей солдаты сумели пробиться через непрочное кольцо окружения. 45 тыс. человек – остатки восьми пехотных и нескольких танковых дивизий – остались в котле. Гораздо серьезней были потери в вооружении и другой военной технике, что особенно отразилось на боеспособности вышедших из котла войск.

Еще до завершения боев за Фалез Эйзенхауэр принял меры, необходимые для дальнейшего развертывания операций. Теперь, когда немецкое командование израсходовало в бесполезной попытке предотвратить наступление противника с плацдарма все пригодные для маневренной борьбы дивизии, Эйзенхауэр получил свободу действий в выборе направлений и целей своих дальнейших операций. Когда стало намечаться окружение немецких войск в районе Аржантан, Фалез, 3-я американская армия получила задачу продвинуться своими тремя корпусами соответственно к Орлеану, Шартру и Дрё. Шартр и Дрё были захвачены 16 августа, Орлеан – на следующий день. Этому наступлению немецкое командование практически ничего не могло противопоставить, так как Гитлер продолжал упорно придерживаться плана оборонять Юго-Западную и Южную Францию. Только командование 1-й армии, располагавшейся по Атлантическому побережью между Луарой и Пиренеями, получило 1 августа приказ организовать оборону между флангом 7-й армии и Орлеаном. Здесь командование армии нашло лишь состоявшие из тыловых подразделений местные гарнизоны. Правда, ему было обещано выделить две дивизии 15-й армии и несколько учебных подразделений СС. Продвижение американского корпуса временно приостановилось на рубеже Орлеан, Дре, но не столько в результате сопротивления этих сил, которые не смогли бы, конечно, оборонять рубеж длиной свыше 100 км даже в случае их своевременного прибытия к месту назначения, сколько вследствие трудностей подвоза. Транспорт уже не обеспечивал нормального подвоза от портов выгрузки в Нормандии к ушедшим далеко вперед войскам. В то же время разгрузочная способность уцелевшего искусственного порта и все еще не полностью восстановленного Шербурга была недостаточной, чтобы наряду с удовлетворением огромного спроса четырех союзных армий на предметы снабжения всех видов и особенно на боеприпасы можно было увеличивать количество автотранспортных средств подвоза со скоростью, соответствовавшей темпам продвижения войск. Вследствие этого временами приходилось прибегать к снабжению по воздуху. Наконец, 3-я американская армия достигла своей главной цели, заключавшийся в том, чтобы отрезать пути отхода на восток ещё отступавшим из котла немецким войскам. 17 августа Паттон получил приказ повернуть своим северным флангом от Дрё на север. Теперь важнейшее значение для союзников приобретали захват переправ через Сену в нижнем ее течении и преграждение путей отхода оттягивавшимся за Сену войскам 7-й полевой и 5-й танковой немецких армий. 19 августа передовые части Паттона вышли к Сене в районе Манта и создали плацдарм на правом берегу. Разведка, высланная в направлении Парижа, доложила, что весь район до французской столицы свободен от противника. Паттон подтянул через Дрё еще один корпус, намереваясь пробиться вдоль левого берега Сены на северо-запад.

Для устранения этой угрозы командование группы армий «Б» дополнительно перебросило через Сену три дивизии из состава 15-й армии, которые должны были прикрыть в районе Эврё фланг отходивших за Сену немецких армий. Но они, понеся тяжелые потери, вскоре были отброшены 3-й американской армией к Эльбёфу и лишь здесь совместно с частями танковых дивизий оказали отчаянное сопротивление. Отход вышедших из котла частей обеих немецких армий в гораздо большей степени осложнялся непрерывными налетами авиации противника, чем действиями его сухопутных войск.

Монтгомери пришлось вначале привести в порядок скопившиеся вокруг котла части канадской и английской армий и только потом приступить к развертыванию наступательных действий на этом новом направлении. Кроме того, севернее котла, на реке Див, оставались еще три немецкие дивизии, которые почти не были атакованы; северный фланг их обороны

упирался в море. Эти дивизии, организованно отошедшие за реку Тук, обеспечивали аррьергардам отступавших армий надежное прикрытие по крайней мере на их северном крыле. Здесь, на реке Тук, от устья до Лизье и далее до Орбека, противнику было оказано упорное сопротивление, длившееся в районе Лизье несколько дней, вплоть до 24 августа. Это позволило по крайней мере на время задержать наседавшие армии английской группы армий и облегчить дивизиям, отступавшим через узкий район между Руаном и бухтой Сены, отход за Сену. Далее на юго-восток другие аррьергарды до 22 августа удерживали Легль. Наступавшая здесь в направлении Лувье 2-я английская армия столкнулась с продвигавшимися вдоль Сены в северо-западном направлении частями 3-й американской армии, что привело к многократному перекрещиванию направления движения колонн обеих армий. По-видимому, Монтгомери предпочел выдерживать полосы наступления своих соединений, вместо того чтобы не мешать дальнейшему продвижению американцев, которое могло бы оказаться роковым для отходивших немецких войск. Но для этого командованию союзников не хватало гибкости. Все эти обстоятельства привели в конечном итоге к тому, что к Сене удалось отойти немалому количеству частей из состава обеих немецких армий. Гораздо сложнее оказалась переправа через реку. На Сене, с тех пор как перед началом вторжения воздушными налетами были разрушены все шоссейные и железнодорожные мосты, существовала хорошо организованная система паромных переправ, использовавшихся для обеспечения подвоза. Поэтому недостатка в переправочных средствах не было. Однако у многочисленных переправ в районе Руана скапливалось множество отступавших колонн, служивших исключительно удобной мишенью для авиации противника, которая непрерывно засыпала бомбами огромные скопления войск, а также все обнаруживаемые ею паромы, суда и лодки. Вследствие этого переправу приходилось вести почти исключительно в ночное время. В течение же дня переправочные средства хорошо маскировались и укрывались вблизи реки. Эта переправа под прикрытием стойко державшихся аррьергардов продолжалась вплоть до 28 августа. Отдельные группы на южном берегу реки сопротивлялись до самого конца месяца. Немецкой авиации благодаря самоотверженным действиям летчиков также удавалось хотя бы на время смягчать удары авиации противника по переправам.

Первоначальный план Моделя оборонять северный берег Сены оказался неосуществимым. Не говоря уже о том, что отошедшие за Сену войска обеих армий были слишком слабы для выполнения подобной задачи, а 15-я армия располагала лишь шестью дивизиями, Сена в ее верхнем течении давно уже была форсирована 12-й американской группой армий. Остановка Паттона на рубеже Орлеан, Шартр была непродолжительной. Кроме того, постепенно высвободились использовавшиеся против окруженных немецких войск в районе Фалеза дивизии 1-й американской армии, что позволило бросить их в наступление между 3-й армией и англичанами. Теперь обе американские армии получили задачу достигнуть рубежа Шартр, Орлеан, Труа, Реймс, Амьен, то есть выйти в район, где они могли встретить с немецкой стороны лишь sporadическое сопротивление. 22 августа корпуса Паттона перешли в наступление и стали продвигаться через Монтаржи и реку Йонна у Санса в направлении на Труа, а также через Сену в районе Фонтенбло и Мелёна на Реймс. 1-я американская армия имела задачу по возможности обойти и окружить Париж, с тем чтобы избавить город от боев и разрушений. Весьма скоро, однако, обнаружилось, что такая предосторожность была излишней. Гитлер, правда, приказал оборонять Париж до последнего человека и взорвать все мосты через Сену, не считаясь с неизбежным при этом разрушением памятников архитектуры, но сил, достаточных для обороны этого города с миллионным населением, в распоряжении коменданта генерала фон Хольтица не было. Из персонала оккупационных властей и тыловых служб удалось наскрести 10 тыс. человек. Их, однако, было бы недостаточно даже для поддержания авторитета немецкой власти внутри города перед лицом хорошо организованных сил французского Движения сопротивления. Следовательно, оборона города вылилась бы в уличные бои с бессмысленными человеческими жертвами. Немецкий комендант решил вступить в контакт с представителями Движения сопротивления, становившегося по мере приближения фронта все активнее и грозившего спровоцировать бои в городе, и заключить своего рода «перемирие» до занятия города союзными войсками. Это своеобразное «перемирие» лишь в отдельных местах нарушалось слишком нетерпеливыми участниками

Движения сопротивления, на что незамедлительно следовал энергичный отпор с немецкой стороны. От взрыва мостов через Сену комендант отказался, благодаря чему были спасены располагавшиеся вблизи мостов замечательные архитектурные памятники города. Что же касается интересов немецкой армии, то они нисколько не пострадали, ибо американцы перешли Сену задолго до этого в других местах. В таком переходном состоянии Париж оставался до 25 августа, когда в него вступила одна из французских танковых дивизий.

7. Высадка в Южной Франции

К тому времени, когда разгром группы армии «Б» нашел свое очевидное символическое выражение в потере французской столицы, обстановка в Южной Франции также коренным образом изменилась. На 15 августа Эйзенхауэр назначил давно уже намеченную и подготовленную высадку на побережье Южной Франции. Ему удалось настоять на этом плане, несмотря на упорные возражения со стороны Черчилля, который, пустив в ход все свое красноречие, стремился склонить Эйзенхауэра к использованию подготовленных для этой операции сил в другом районе. Черчилль вынашивал план высадки этой новой армии в Италии, дабы поскорее завершить итальянскую кампанию и вторгнуться затем на Балканский полуостров. Он рассчитывал, что благодаря этому удастся вызвать всеобщий революционный подъем в Юго-Восточной Европе, который приведет к быстрому завершению войны и позволит западным державам раньше русских вступить в Вену и Будапешт. Разумеется, эти политические соображения не высказывались вслух, однако Эйзенхауэр хорошо знал о них, тем более, что их придерживались также руководящие военные круги англичан. Эйзенхауэр неуклонно преследовал свою цель «пробиться вглубь Германии и уничтожить немецкую военную мощь». Непременной предпосылкой к достижению этой цели являлось, по его убеждению, использование всех сил на Западе, захват в интересах снабжения союзных войск на европейском континенте крупнейшего порта Марселя, а также очищение Южной Франции от противника, дабы исключить всякую угрозу с фланга для обеих действовавших на севере армейских групп союзников. Наконец, еще одно обстоятельство склоняло его к такому решению: по соображениям психологического порядка, немаловажно было дать возможность четырем французским дивизиям, входившим в состав этой новой армии, участвовать в освобождении своей страны, а не использовать их на отдаленном театре военных действий. С военной точки зрения против таких аргументов нечего было возразить. Однако американцы не поняли, что к этому времени, когда война для Германии со всей очевидностью уже была проиграна, на передний план должны были выступить не военные соображения и «безоговорочная капитуляция», а мотивы политического характера. Ответственность за это возлагалась в первую очередь на Рузвельта. А он видел в Советском Союзе не только военного союзника, но и надежного политического партнера на длительное время, и разубедить его в этом Черчилль либо не мог, либо не хотел. Поэтому принятое решение осталось в силе.

Для высадки на побережье Южной Франции была подготовлена и погружена на суда в Неаполе и Ороне 7-я американская армия в составе шести американских и четырех французских дивизий. Выделенные для обеспечения операции военно-воздушные силы действовали с острова Корсика и девяти авианосцев, сопровождавших суда союзников. Предпринимавшиеся еще с конца апреля удары авиации по шоссе и железным дорогам Южной Франции с целью постоянно держать противника под угрозой предстоящей высадки приняли в течение последних пяти дней перед началом операции еще более интенсивный характер, особенно налеты на дорожную сеть в долине Нижней Роны. Деятельному французскому Движению сопротивления, насчитывавшему в своих рядах к 1 августа 24 тыс. вооруженных бойцов, было доставлено оружие еще для 53 тыс. человек.

Численность 19-й немецкой армии в результате выделения части сил для нужд фронта в Нормандии уменьшилась до семи дивизий, большей частью «стационарных». Танковыми дивизиями она не располагала, к тому же много усилий приходилось тратить на борьбу с движением маки. Основными узлами обороны являлись Марсель и Тулон; остальное побережье прикрывалось очень слабыми силами. Сосредоточение главных усилий авиации противника на долине Роны и портах, казалось, подтверждало правильность территориального распределения

сил 19-й армии. Тем неожиданнее оказалась для немецкого командования высадка противника на участке побережья, находящемся гораздо восточнее. В ночь с 14 на 15 августа в районе юго-западнее Фрежюса, в 100 км от Марсея, были сброшены американские парашютисты с задачей сковать немецкие резервы. С наступлением дня они были усилены посадочно-десантными войсками. Вслед за этим на 40-километровом участке между устьем реки Аржанс и Йерскими островами к побережью подошла крупная эскадра противника и вместе с авиацией в 7 час. 30 мин. начала обработку района высадки, открыв ураганный огонь по немецким береговым укреплениям и оборонительным позициям. В 8 час. последовала высадка в пяти пунктах. Слабые немецкие войска, понесшие к тому же тяжелые потери в результате предшествовавшего обстрела, нигде не смогли оказать сколько-нибудь значительного сопротивления. При этом также обнаружилось, что американцы извлекли уроки из своих предыдущих десантных операций. Они отказались от принципа наступления с планомерно подготовленного плацдарма. Напротив, теперь все высадившиеся войска получили приказ, не теряя времени, продвигаться как можно дальше вперед. Этому можно было помешать, создав, как это принято при отражении десанта, сплошной оборонительный пояс вокруг плацдарма. Но 19-я немецкая армия, вероятно, не в состоянии была бы сдержать своими слабыми силами высадившегося противника даже в том случае, если бы 7-я американская армия действовала по старому принципу методичной подготовки наступления. Стремительное продвижение американцев в любом случае означало выигрыш времени. Оно затрудняло принятие мер со стороны 19-й армии, которой приходилось думать лишь о спасении возможно большей части сил немецких дивизий.

В течение 16 августа была полностью завершена высадка трех американских дивизий. Используя пробитую в береговой обороне брешь, они немедленно стали продвигаться вперед. Задача американцев сводилась к тому, чтобы по возможности быстрее овладеть Марселем и Тулоном, продвинуться в долину Нижней Роны и, организовав параллельное преследование через Гренобль с последующим поворотом на Монтелимар и Валанс, отрезать пути отхода отступавшим по долине Роны на север немецким войскам.

После удачного завершения союзниками высадки в Южной Франции даже Гитлер вынужден был признать, что ни 19-я армия, ни он не располагают достаточным количеством сил для навязывания противнику борьбы за плацдармы. 17 августа он под впечатлением катастрофы на фронте группы армий «Б» – увы, слишком поздно! – приказал отвести последние три дивизии с Атлантического побережья на рубеж Орлеан, Монпелье, а на следующий день было отдано распоряжение об отходе всей группы армий «Г», насчитывавшей к тому времени около десяти, большей частью «стационарных», дивизий, до Верхней Марны, Соны и швейцарской границы. Для обороны укрепленных пунктов и крепостей надлежало оставить гарнизоны на Атлантическом побережье у устья Жиронды и в Ла-Рошели, а на юге – в Марселе и Тулоне.

7-я американская армия, обеспечив свой фланг со стороны Каина, продвинулась на запад и окружила французскими частями вначале 20 августа Тулон, а затем через день и Марсель. Ее дивизии правым флангом частично устремились вдоль Дюранса в западном направлении, а частью сил повернули у изгиба этой реки на север. В результате последнего удара противник, почти не встретив сопротивления с немецкой стороны, 23 августа вышел к Греноблю. Теперь быстрым поворотом на запад наступавшие здесь американцы могли отрезать немецким частям последние пути отхода. Однако немецкое командование проявило достаточно оперативности, чтобы своевременно избежать нависшей угрозы: ему удалось образовать заслон на дорогах, ведущих на Монтелимар и Валанс. Кроме того, американцы при столь высоких темпах своего продвижения стали испытывать нехватку горючего, которое пришлось доставлять им по воздуху. Наконец, они распылили свои силы, направив часть их на Бриансон; последний они хотя и захватили во взаимодействии с отрядами французского Движения сопротивления, но в результате контрудара немецких сил, переброшенных через итало-французскую границу, в конце месяца вынуждены были вновь оставить.

Тем временем продвигавшиеся по долине Дюранса и южнее американские дивизии 27 августа вышли к Авиньону и Арлю в долине Нижней [575 – Схема 43] Роны, обогнав во многих пунктах отступавшие пешком немецкие части, что позволило им захватить 24 тыс. пленных.

Достигнув долины Роны, они повернули на север, преодолели 28 августа сопротивление немецких арьергардов у Монтелимара и через день вышли к Балансу. Тулон и Марсель, отрезанные с суши, смогли продержаться лишь неделю и 28 августа, после того как было сломлено последнее сопротивление отдельных опорных пунктов, оказались в руках союзников. В районе Ривьеры менее крупные силы американцев продвинулись до франко-итальянской границы. Натолкнувшись здесь на энергичную немецкую оборону, они приостановили свое продвижение, в результате чего в Западных Альпах между морем и швейцарской границей образовался новый фронт, оставшийся здесь до самого конца войны.

Преодолев сопротивление немцев у Баланса, американцы через три дня, 3 сентября, вышли к Лиону, откуда они стали продвигаться на более широком фронте. Левее 7-й американской армии действовала 1-я французская армия под командованием генерала де Латтр-де-Тассиньи, Войска правого фланга американской армии 8 сентября достигли Безансона. Французы, продвинувшись через Днжон, 11 сентября в 25 км западнее Дижона соединились с одной из танковых дивизий восточного фланга 3-й американской армии. Тем временем наступавшие в Северной и Центральной Франции четыре армии союзников с конца августа начали безостановочное преследование немецких войск,

8. Преследование до имперской границы

Какой бы заманчивой ни казалась перспектива развернуть преследование по всему фронту и всеми имевшимися силами, все же Эйзенхауэр принял такое решение лишь после длительного взвешивания всех факторов и детального обсуждения этого вопроса с Монтгомери и Брэдли. Опыт, накопленный за время ведения операций, показывал, что органы тыла были не в состоянии обеспечить огромные потребности действовавших во Франции армий, особенно в горючем, для столь большого числа полностью моторизованных соединений. Уже неоднократно приходилось прибегать к снабжению войск воздушным путем. Для выгрузки всего необходимого для обеих групп армий союзники все еще располагали лишь одним искусственным портом на побережье Нормандии и пока еще не полностью восстановленным Шербуром. С удлинением коммуникаций положение с подвозом должно было значительно обостриться. За Рейном, как отмечалось, обеспечить снабжение не представлялось возможным до тех пор, пока не будет увеличено число доступных портов и по крайней мере частично не будет восстановлена совершенно разрушенная французская железнодорожная сеть. Идею преследования немецких армий частью сил, дабы не дать им возможности остановиться, Эйзенхауэр отклонил. Несмотря на понесенные поражения, немецкие войска дрались хорошо, если не считать отдельных мест, где от них хотели слишком многого, и можно было предполагать, что имперскую границу они будут оборонять с величайшей самоотверженностью. О мощи Западного вала (линии Зигфрида) у командования союзных армий было намного преувеличенное представление. Союзники не знали, что все его оснащение было использовано для оборудования Атлантического вала, и, когда немецкие войска вышли к нему в ходе своего отступления, он никак не мог служить сколько-нибудь надежным укреплением. Зато союзники правильно предполагали, что хотя Германия и находилась в безвыходном положении, ее военная мощь, несмотря на поражения на Востоке и на Западе, окончательно еще не сломлена. Поэтому Эйзенхауэр считал, что частью сил решающего успеха достигнуть не удастся. С его точки зрения, подобная попытка могла бы даже привести к серьезному поражению. По тем же соображениям он отклонил план Монтгомери бросить за Нижний Рейн лишь 21-ю английскую группу армий, оставив все американские войска в резерве.

Следовательно, столь длительное удержание отдельных портов все-таки сыграло свою роль. Это в первую очередь относилось к Бресту, на захват которого Эйзенхауэр рассчитывал гораздо раньше. Тем не менее оставлять в большом количестве портов гарнизоны, слишком слабые для оказания длительного сопротивления, означало все-таки бессмысленную трату сил. В подобных случаях, как показал Шербур, такую же пользу немцам приносило и основательное разрушение портов.

Деятельность флота и авиации, самоотверженно мешавших своими слабыми силами

регулярному снабжению противника с самого начала вторжения, также была небезуспешной. Немецкие бомбардировщики вплоть до конца августа неустанно сбрасывали в районе портов выгрузки противника «гидродинамические» мины, обезвреживание которых по техническим причинам было сопряжено с чрезвычайно большими трудностями. Одноместные торпеды, управляемые по радио катера с грузом взрывчатки и торпедные катера совершали ночные налеты на стоянки транспортных судов противника. После падения Шербура эти средства борьбы были перебазированы в Брест и Гавр, откуда продолжали свою неутомимую борьбу. Труднее всего приходилось подводным лодкам, так как союзники накопили богатейший опыт борьбы с ними.

В то время как Монтгомери продолжал придерживаться своей оптимистической точки зрения, сформулированной им еще 22 августа в одном из приказов в виде смелого прогноза: «конец войны близок; добьемся его в рекордно короткий срок». Эйзенхауэр отдал группам армий приказ преследовать противника до Рейна, на рубеже которого следовало остановиться с целью подтягивания тылов, используя при этом благоприятные возможности для создания плацдармов, но не продвигаясь дальше на восток до взятия Антверпена.

С 1 сентября Эйзенхауэр лично возглавил руководство наземными операциями, до тех пор находившееся в руках Монтгомери. Предложение Монтгомери оставить все по-прежнему он отклонил, ибо считал, что поставленная задача потребует от английской группы армий серьезных усилий, да и операции давно уже вышли за пределы ограниченного плацдарма, обуславливавшего необходимость централизованного руководства ими. Кроме того, Эйзенхауэр, вероятно, не хотел ни в чем зависеть от своенравного Монтгомери, оперативные взгляды которого, как показала совместная работа, существенно отличались от его взглядов и, как вскоре должно было обнаружиться, несмотря на формальную солидарность в вопросах дальнейшего ведения операций, должны были разойтись еще больше.

Осуществляя предусмотренное приказом наступление, обе американские группы армий наталкивались лишь на незначительное сопротивление, 6-я группа армий после выхода ее 7-й армии к Безансону и 1-й французской армии к Дижону продолжала продвижение в северо-восточном направлении и завязала у Бельфора бои с войсками 19-й немецкой армии, усиленной подтянутыми сюда подкреплениями. В результате этих боев 19-й армии удалось удержать на подступах к крепости обширное предполье, 3-я американская армия, выступив в конце августа из Труа и Фонтенбло на Сене, также встречала на своем пути лишь sporadическое сопротивление на отдельных переправах, организованное командованием 1-й немецкой армии путем использования поспешно собранных разрозненных частей. Американцы форсировали Марну на участке между Сен-Дизье и Эперне и, повернув затем на восток, переправились через Маас на широком фронте между Тулем и Верденом. Попытка форсировать с хода и Мозель удалась в районе Туля. 15 сентября был взят Нанси, и созданный здесь плацдарм был объединен с другим, захваченным выше по течению Мозеля у Понт-а-Муссона.

После этого преследование союзными войсками постепенно приводящей себя в порядок 1-й немецкой армии, вследствие усиления ее сопротивления и ввиду трудностей подвоза, приостановилось. Попытка форсировать Мозель в районе Меца и Тионвиля потерпела неудачу. Западнее Меца сведенные в боевое подразделение курсанты военной школы Меца с присущим молодости порывом и духом самопожертвования, действуя совместно с другими наспех сколоченными частями, приостановили наступление американцев, не рассчитывавших на такое неожиданно упорное сопротивление, и удержали линию фортов старой крепости западнее Мозеля. Севернее и южнее Тионвиля американцы были остановлены у реки.

Так как 6-я американская группа армий выдвинулась к Бельфору и Дижону, а южный фланг 3-й американской армии достиг Нанси, между продвигавшимися союзными армиями оставалось широкое пространство. В этом районе, ведя бои с отрядами Движения сопротивления, отходили немецкие силы, состоявшие из остатков располагавшейся на юго-западном побережье 1-й армии. В начале сентября они еще находились на плато Лангр, благодаря чему к 10 сентября еще продолжал существовать «выступ», проходивший здесь от Шарма через плато Лангр и Везуль на Бельфор. Такая обстановка вызвала в ОКВ оптимистическое предположение относительно возможности сосредоточить западнее Мозеля у Эпиналя армию в составе нескольких танковых дивизий и усиленных танковых бригад и

предпринять оттуда контрудар против южного фланга продвигавшейся на Мец 3-й американской армии, с этой целью в начале сентября из состава группы армий «Б» была выделена 5-я танковая армия, во главе которой был поставлен генерал фон Мантейфель. Однако прежде чем в намеченный район успело прибыть значительное число предназначавшихся для этого наступления частей, северный фланг немецкого «выступа», располагавшийся западнее Мозеля между Шармом и Нешато, в результате удара войск правого фланга 3-й американской армии с тяжелыми потерями был отброшен за Мозель. Часть сил 5-й танковой армии пришлось преждевременно ввести в бой, и они также понесли тяжелые потери. Так как противник тем временем овладел Нанси и продвинулся в направлении Люневиля, между 1-й и 19-й армией, северный фланг которой находился южнее Шарма, открылась опасная брешь, куда грозили вторгнуться смежные крылья обеих групп армий противника, соединившихся к тому времени северо-восточнее плато Лангр. Поставленная перед 5-й танковой армией наступательная задача, не имея под собой решительно никакой реальной почвы, превратилась в гораздо более соответствовавшую конкретным условиям оборонительную задачу – по возможности дальше к западу закрыть образовавшуюся между 1-й и 19-й армиями брешь. Этого удалось добиться в результате двухнедельных упорных боев, к исходу которых в начале октября на участке севернее и южнее Люневиля был создан сплошной оборонительный рубеж. Вплоть до 15 октября немецким войскам, ведущим упорные бои, удавалось в общем удерживать этот рубеж, после чего штаб 5-й танковой армии 18 октября был снят с этого участка фронта, так как уже вырисовывался план наступления в Арденнах, а ее соединения были примерно поровну распределены между соседними армиями.

Рядом с 3-й американской армией, достигшей к середине сентября Мозеля, наступала 1-я американская армия, которая со своих плацдармов на Сене у Мелёна и Манта, то есть южнее и севернее Парижа, а несколькими днями позже и из самой французской столицы начала продвижение в северо-восточном направлении. В то время как фланговым корпусам этой армии удалось быстро продвинуться за Суассон и Амьен, наступавший в центре корпус натолкнулся у Компьена на сильное сопротивление, оказанное отступавшими здесь тремя немецкими дивизиями 15-й армии. По первоначальному замыслу они должны были удерживать промежуточный рубеж перед Соммой и Уазой, однако события сделали выполнение этой задачи бессмысленным. Сильно теснимая с юга и обойденная с обоих флангов немецкая группировка была разгромлена в районе между Компьеном и Мопсом. После завершения боев по ее уничтожению, в ходе которых 1-я армия захватила 23 тыс. пленных, продвигавшийся в центре 15-й армейский корпус повернул на восток, преодолел 6 сентября у Седана и севернее реку Маас, пересек Люксембург и 11 сентября вышел к германской границе западнее Трира, где дальнейшее продвижение его приостановилось в результате сопротивления немецких войск на Мозеле и на укреплениях Западного вала вдоль реки Сюр. Тем временем два других корпуса с целью обеспечить с фланга продвижение английской группы армий продолжали наступление в северо-восточном направлении и, гоня перед собой состоявшую лишь из разгромленных остатков 7-ю немецкую армию, повернули по обе стороны Монса к Маасу. Правый корпус взял Намюр и, продолжая в дальнейшем продвижение вдоль Мааса, 6 сентября вышел к Льежу, имея намерение внезапным ударом захватить также и лежащий близко от границы первый немецкий город Ахен. Здесь, однако, американцы натолкнулись на немецкую оборону, усиленную большими минными полями, многочисленными заграждениями на дорогах и противотанковыми орудиями. Попытки американцев захватить город посредством охватывающего маневра привели лишь к временному овладению Штольбергом и Эшвейлером, которые, однако, были вновь отбиты контратаками немецких войск. Южнее Ахена американская армия через Эйпен и Мальмеди также вышла к государственной границе Германии. Самый северный корпус ее продвинулся южнее Брюсселя до Маастрихта, где и остановился 11 сентября.

В приказе на наступление с целью выйти к Рейну Эйзенхауэр указал на решающее значение порта Антверпена для последующих операций союзных войск. Наряду с овладением городом и портом для обеспечения судоходного пути необходимо было захватить мощные немецкие укрепления в устье Шельды. Можно было ожидать, что Монтгомери предпочтет все другие задачи достижению этой цели.

В отличие от американских армий, натолкнувшихся в начале своего продвижения лишь на остатки 19-й немецкой армии на юге и почти не встречавших сопротивления в центре, Монтгомери пришлось иметь дело с силами, остававшимися еще в распоряжении группы армий «Б». В их число наряду с остатками 5-й танковой армии входило несколько полноценных дивизий 15-й армии, командование которой 31 августа принял на себя генерал фон Цанген. Монтгомери рассчитывал смять или же, оттеснив их к устью Шельды западнее Антверпена, окружить эти дивизии. Сначала такая задача казалась вполне реальной.

Когда обстановка на Нижней Сене стала безнадежной, группа армий «Б» по приказу Гитлера предприняла последнюю попытку удержать Сомму, к которой высшее командование в своем воображении присоединяло новый оборонительный рубеж. Последний должен был пересечь всю Франции, пройти через Суассон, Шалон, по Верхней Марне, через плато Лангр и Безансон к швейцарской границе. Намерение создать такую оборону при своевременном его осуществлении, пожалуй, могло бы еще удалиться. Теперь же, кроме остатков группы армии «Б», для достижения подобной цели не было ни оборудованного рубежа, ни сил для его обороны. Да и группа армий «Б» не в состоянии была создать оборону на указанном ей участке намечаемого рубежа. Только 15-й армии силами, снятыми с прибрежного участка фронта у пролива, удалось подготовиться к обороне на Сомме между Абвилем и Амьеном и принять отходившие с Сены части 7-й армии. Силы же, предназначенные для использования восточнее Амьена, под натиском энергично наседавших англичан не могли уже больше остановиться.

Англичане начали преследование за Сеной 30 августа. Однако прежде чем продвижение 2-й английской армии, форсировавшей реку по соседству с 1-й американской армией, стало безостановочным, ей пришлось преодолеть у Вернона и Лез-Андели серьезное сопротивление немецких арьергардов. Продвигавшийся западнее в районе Руана корпус канадцев также взял Руан лишь после упорных боев. После этого преследование немецких войск 2-й английской армией стало неудержимым. Англичане гнали перед собой малочисленные остатки 7-й армии, взяли в плен командующего этой армией на его командном пункте юго-восточнее Амьена и 3 сентября вступили передовыми танковыми частями в Брюссель, а на следующий день – в Антверпен. Эти потрясающие успехи произвели на Монтгомери столь сильное впечатление, что он обратился к Эйзенхауэру с просьбой обеспечить ему только подвоз достаточного количества снаряжения, и тогда он, Монтгомери, сможет с хода пройти до самого Берлина и таким образом завершить войну. Эйзенхауэр оценивал обстановку гораздо скептически. Ему по-прежнему представлялся гораздо более существенным быстрый ввод в действие порта Антверпена, чем безостановочное продвижение за Рейн, которое могло осуществляться лишь относительно слабыми силами, а в отношении снабжения парализовало бы весь остальной фронт. Тем не менее он под влиянием Монтгомери временно отказался от очищения от противника районов на западе и вокруг Антверпена в пользу операции, которая с помощью крупных воздушно-десантных соединений должна была обеспечить выход союзников за Нижний Рейн.

В то время как правый фланг англичан продвинулся до Брюсселя и готовился теперь к броску за Рейн, на фронте 15-й немецкой армии, находившейся 1 сентября еще на Сомме, возникла очень своеобразная ситуация, которая неминуемо должна была привести к какому-нибудь неожиданному исходу. Рядом с продвигавшимся на Антверпен правофланговым корпусом 2-й английской армии левофланговый корпус этой же армии форсировал Сомму западнее Амьена, натолкнулся затем западнее Лилля и в районе Сен-Поля на сильную немецкую оборону и, преодолев ее, продолжал свое продвижение через Гент на Антверпен, не проявляя особого беспокойства по поводу того, что далеко сзади на левом фланге остались немецкие силы, так как считалось, что эти силы в достаточной мере скованы продвигавшимися западнее канадцами.

15-я армия с шестью своими дивизиями, к которым присоединились еще остатки пяти действовавших в Нормандии дивизий, оказалась фактически отрезанной в результате этого продвижения англичан. Вынужденная 1 сентября отойти с Соммы в северном направлении, эта армия, оставив гарнизоны для обороны портов Булони, Кале и Дюнкерка, стала отступать на Антверпен. Ее преследовал один корпус канадской армии, другой же корпус этой армии использовался для осады Гавра и очищения района между Сеной и Соммой. Когда выяснилось, что путь через Антверпен отрезан, командование 15-й армии решило прорваться на восток

через Брюссель, что, однако, не было разрешено под тем предлогом, что противник в районе между Антверпеном и Брюсселем усилился. Вместо этого армия получила приказ создать крупное предместное укрепление для обеспечения оборонительных сооружений южнее устья Шельды, под прикрытием этого предместного укрепления преодолеть Западную Шельду, занять острова Валхерен и Зейд-Бевеланд и как можно скорее подтянуть крупные силы в район северо-западнее Антверпена и к каналу Альберта. 15-я немецкая армия смогла выполнить эту задачу лишь благодаря тому, что английская группа армий, полностью поглощенная своими приготовлениями к прорыву в северо-восточном направлении и упоенная достигнутыми поразительными успехами, вначале ограничивалась действиями непосредственно близ Антверпена и по каналу Альберта, не проявляя активности в северо-западном направлении, и преследовала 15-ю армию лишь слабыми силами. Под прикрытием обороны, проходившей вначале по каналу между Гентом и Брюгге и перенесенной затем на более ограниченное предместное укрепление вокруг береговых батарей Брескенса, не использовавшиеся южнее устья Шельды войска 15-й армии с помощью сосредоточенных здесь судов, лодок, паромов и плотов, несмотря на интенсивные воздушные налеты противника, были переброшены через Западную Шельду на остров Валхерен. Затем командование армии немедленно направило все прибывшие сюда части по узкому перешейку, соединяющему Зейд-Бевеланд с континентом, на восток с целью усилить немецкую оборону на фронте северо-западнее Антверпена и вдоль канала Альберта. Благодаря этому вход в порт Антверпена по Западной Шельде между островом Валхерен и Брескенсом прочно оставался в немецких руках и, кроме того, был создан оборонительный рубеж по каналу Альберта.

9. Арнем

Когда в конце августа немецкий фронт во Франции рухнул, началась поспешная эвакуация страны немецкими войсками. В паническом беспорядке, без какой бы то ни было дисциплины к Рейну и за Рейн лился неудержимый поток ставших излишними военных и гражданских учреждений. Их бегство не только являло потрясающую картину разгрома, оно отталкивающее действовало на соотечественников, видевших, с какой жадностью беглецы тащили с собою всевозможные запасы, особенно алкогольные напитки. Поток этот остановился только у мостов через Рейн.

Упрочение фронта настоятельно требовало твердой руки. Пока боевые действия на Западе были ограничены районом Нормандии, сосредоточение функций главнокомандующего войсками на Западе и командующего группой армий «Б» в лице фельдмаршала Моделя могло считаться приемлемым. Но уже высадка в Южной Франции привела к появлению нового, самостоятельного фронта, и назревавшая на обоих фронтах катастрофа не устранялась; наоборот, положение осложнялось запаздывавшими, не учитывавшими реальной обстановки и содержащими лишь пожелания приказами Гитлера. 5 сентября оба штаба были опять разделены и фельдмаршал Рундштедт вновь назначен главнокомандующим немецкими войсками на Западе. Перед ним была поставлена задача приостановить продвижение противника как можно дальше к Западу, удержать всю Голландию и из района Меца возобновить наступление в направлении Реймса. Последнее, разумеется, нельзя было принимать всерьез. Попытки же задержать противника западнее германской границы и у самой границы сверх ожидания оказались весьма успешными – не в последнюю очередь, правда, из-за того, что остановка на границе входила в расчеты противника, но в немалой степени и благодаря упорному сопротивлению немецких войск на отдельных решающих направлениях.

Новым испытанием для пока еще создававшегося фронта явилось нацеленное на Нижний Рейн наступление англичан. Наряду с 15-й армией для задержки стремительно продвигавшейся 2-й английской армии в начале сентября под командованием генерал-полковника Штудента было создано ядро новой армии, получившей наименование 1-й парашютно-десантной армии. Она получила задачу оборонять канал Альберта между Антверпеном и Маастрихтом. На новом, примерно стокилометровом участке фронта новый штаб нашел вначале лишь две слабые дивизии, располагавшие небольшим количеством тяжелого оружия и артиллерии. Туда же были стянуты несколько истребительно противотанковых частей и присланные из Голландии и

Бельгии подразделения, сформированные из личного состава тыловых служб. Наибольшую ценность представляли 20 зенитных батарей, изъятых из ПВО собственно Германии. К середине месяца ожидалось также прибытие вновь созданной парашютной дивизии. Кроме того, было обещано выделить новые подкрепления за счет 15-й армии, из состава которой уже была изъята одна из дивизий, использовавшихся на канале Альберта.

Выйдя 3 сентября головными танковыми частями к Брюсселю и Антверпену, 1-я английская армия и последующие дни продолжала продвижение к каналу Альберта. Здесь она впервые встретила организованное сопротивление. Тем не менее после непродолжительных боев ей удалось форсировать этот канал и продвинуться вплоть до канала Маас – Шельда. Нашупав слабые места в немецкой обороне, армия к 13 сентября создала в районе Нерпелта и Гела несколько небольших плацдармов. Первоначальный план в ходе преследования без задержки выйти на линию Эйндховен, Тюрнхаут и оттуда повернуть на Рейн северо-западнее Везеля не удался. Трудности подвоза побудили Монтгомери в энергичной форме обратиться 7 и 9 сентября за помощью к Эйзенхауэру, который пообещал обеспечить английской армии дополнительное снабжение по воздуху. Монтгомери по-прежнему стремился продвинуться за Рейн. Его план заключался в том, чтобы с помощью посадочно-десантных и парашютных частей внезапно захватить мосты через реки Маас, Ваал и Нижний Рейн и связать их узким коридором. Используя захваченные таким образом мосты, ударная группировка в составе одной танковой и двух пехотных дивизий должна была нанести молниеносный удар в северном направлении, повернуть севернее Арнема в сторону реки Эйссел, форсировать ее между Арнемом и Зволле на широком фронте и продвинуться до района Хамм, Оснабрюк с тем, чтобы отсюда обойти с севера Рурскую область. Этот коридор между Нерпелтом и Арнемом, длина которого должна была составлять ни много, ни мало 85 км, предстояло расширить в обе стороны атаками двух армейских корпусов с рубежа канала Маас – Шельда. Части канадской армии должны были войти в прорыв вслед за английскими дивизиями.

В случае успеха этой построенной на внезапности и быстроте операции в руках англичан мгновенно должны были оказаться целыми и невредимыми пять мостов: через канал Вильгемины у Сона, через канал Зейд-Виллем у Вегела, через Маас у Граве, через Ваал у Неймегена и через Нижний Рейн у Арнема. Для захвата и удержания этих пяти мостов предусматривалось высадить три воздушно-десантные дивизии. Они высаживались четырьмя группами. Войска первой группы должны были подняться в воздух 17 сентября с английских аэродромов; три последующие группы, включавшие в себя большую часть тяжелого вооружения и артиллерии, предполагалось высадить в течение трех следующих дней. Осуществить высадку воздушного десанта более быстрыми темпами не представлялось возможным из-за нехватки пригодных для этой цели самолетов. Одновременно с этой высадкой с плацдарма у Нерпелта должна была начать наступление одна танковая дивизия. Кроме того, предусматривалось усилить активность на флангах с целью расширения фронта наступления союзных войск. Успех операции зависел не только от того, как будут сопротивляться немецкие войска, – это было определить весьма трудно, хотя и предполагали, что их боеспособность невысока, – но главным образом от благоприятной погоды.

17 сентября в 13 час. в намеченных районах началась высадка парашютистов и планерных частей. Вслед за этим занявшая исходное положение бронетанковая дивизия после мощной артиллерийской подготовки и при поддержке большого числа потребителей-бомбардировщиков в 14 час. 30 мин. начала наступление с плацдарма у Нерпелта. Результаты дня ни в коей мере не оправдали больших надежд английского главнокомандующего, хотя и не исключили окончательно возможности успешного продолжения операции. Высадившаяся между Эйндховеном и Вегелом американская 101-я воздушно-десантная дивизия захватила мост у Вегела в полной исправности, однако мост у Сона немецкие войска успели взорвать. Американская 82-я воздушно-десантная дивизия также сумела овладеть мостом через Маас у Граве раньше, чем он взлетел на воздух, но подойти к сильно укрепленному мосту у Неймегена она не смогла. Высадившаяся северо-западнее Арнема 1-я английская воздушно-десантная дивизия только частью сил оказалась в районе моста через Рейн у Арнема. Задуманное молниеносное наступление бронетанковой дивизии с плацдарма на берегу канала Маас – Шельда сразу же натолкнулось на сильную оборону. К исходу дня

наступавшие вклинились в оборону немецких войск всего лишь на 9 км. Предусмотренную планом связь не удалось наладить даже с самой южной из высадившейся воздушно-десантных дивизий.

Появление огромной воздушной армады над районами высадки вызвало у немцев гораздо меньшую тревогу, чем можно было предполагать. Ежедневные налеты крупных сил авиации противника на Германию стали уже обычным явлением. На высадку же воздушного десанта столь далеко от линии фронта никто не рассчитывал. Поэтому-то мосты у Граве и Вегела и попали в руки противника, хотя они, так же как и все другие, были подготовлены к взрыву. Английская дивизия высадилась даже неподалеку от располагавшегося западнее Арнема командного пункта фельдмаршала Моделя, и последний едва не попал в плен. Вблизи командного пункта генерал-полковника Штудента западнее Вегела в руки немцев попал английский приказ, содержащий план всей операции противника, что позволило обоим командующим немедленно предпринять наиболее целесообразные меры. Последние были направлены в первую очередь на то, чтобы удерживать ещё не захваченные противником мосты у Арнема и Неймегена и замедлить его продвижение. Кроме того, немецкое командование считало возможным не допустить расширения противником плацдарма на канале Маас – Шельда и на последующем этапе борьбы отрезать прорвавшегося здесь противника от его тылов. В дополнение к дивизиям, занимавшим оборону по каналу Маас – Шельда, с запада по железной дороге прибыла одна дивизия 15-й армии, которая выгружалась северо-западнее Сона. В районе восточнее Неймегена и Арнема находились на переформировании крупные остатки нескольких танковых дивизий из состава 5-й танковой армии, оказавшие выброшенным там англичанам и американцам неожиданно сильное сопротивление. Кроме того, планировалась переброска некоторых сил из Германии. Следовательно, немецкое командование располагало в этом удаленном от фронта районе гораздо более крупными силами, чем предполагали англичане. А быстро реагировать на удары, наносимые по их тыловым районам, немецкие войска давно привыкли на основе опыта боевых действий в России и Франции.

Последующие дни ознаменовались рядом ожесточенных боев, которые с немецкой стороны удавалось вести с возрастающей планомерностью и в ряде случаев даже переходить в контратаки.

18 сентября английская бронетанковая дивизия, овладев Эйндховеном, который упорно обороняли немецкие войска, установила связь с американской 101-й воздушно-десантной дивизией, благодаря чему оказалось возможным доставить необходимые материалы для восстановления моста у Сона. Подойти к мосту у Неймегена американской 82-й дивизии не удалось; ей с самого начала пришлось направить все усилия на отражение немецких контратак из района Рейхсвальда. Для англичан в районе Арнема также создалось не очень-то приятное положение. Дивизия оказалась раздробленной на три части и была оттеснена от моста. Новые десанты в районах действий всех трех дивизий натолкнулись на сильную оборону. Расширение фронта наступления по каналу Маас – Шельда протекало мучительно медленно.

Итог, который Монтгомери пришлось подвести вечером 18 сентября, был неутешительным. Внезапности удалось достичь далеко не в полной мере. Немецкое сопротивление оказалось гораздо серьезнее, чем это предполагалось. Поэтому о молниеносном броске через Рейн теперь не могло быть и речи.

Следующий день принес новое разочарование. Погода резко изменилась, и высадившимся дивизиям невозможно было доставить подкрепления. Из-за тумана большая часть предметов снаряжения оказалась сброшенной над расположением немецких войск. Атакующим не хватало поддержки авиации, а немцы могли принимать контрмеры без помех с воздуха. В общем, к исходу дня английской бронетанковой дивизии после восстановления моста у Сона удалось лишь пробиться до района высадки американской 83-й воздушно-десантной дивизии южнее Неймегена. Находившаяся у Арнема 1-я английская воздушно-десантная дивизия в результате усилившегося давления немецких войск испытывала большие трудности. Становилось очевидным, что весь грандиозный план провалился. Вместо того чтобы продолжать его осуществление, приходилось заботиться о судьбе 1-й дивизии у Арнема.

20 сентября погода еще больше ухудшилась. Весь этот день велись бои за Неймеген, павший в конечном итоге в результате обхода его с запада. Мост в полной исправности попал в

руки противника, немцы рассчитывали его удержать и использовать для своих целей, поэтому он в решающий момент не был своевременно взорван.

Последующие дни характеризовались, с одной стороны, непрерывными попытками немецких войск сузить коридор противника у Вегела с целью отрезать находившиеся между Арнемом и Вегелом четыре вражеские дивизии, а с другой – отчаянными усилиями англичан пробиться до самой дальней на своих дивизий, высадившейся у Арнема. Дважды за время с вечера 22 до утра 24 сентября, также в течение всего дня 26 сентября действовавшим с запада частям 59-й немецкой дивизии и контратаковавшей с востока 107-й танковой бригаде удавалось временно перерезать проходившую здесь коммуникацию противника. Позже, однако, оба английских корпуса, наступавшие западнее и восточнее Нерпелта с целью расширения прорыва, продвинулись в северо– западном и северо-восточном направлениях настолько, что над контратаковавшими немецкими войсками нависла угроза охвата с юга, в результате чего контратаки пришлось прекратить. 27 сентября крупные силы немецкой авиации предприняли безуспешный налет на мост у Неймегена. Усилия англичан соединиться со своей высаженной у Арнема 1-й воздушно-десантной дивизией лишь после упорных боев юго-западнее Арнема увенчались временным успехом; вечером 24 сентября войска встретились на узком участке Рейна, находившемся под непрерывным немецким огнем. В конце концов Монтгомери пришлось принять решение об отводе остатков дивизии, зажатых на узком участке западнее Арнема, назад за Рейн, что и было предпринято в ночь с 25 на 26 сентября. Благодаря этому было спасено 24 тыс. человек. В тяжелых боях дивизия потеряла 7 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

2-я английская армия сумела, однако, удержаться на южном берегу Нижнего Рейна западнее Арнема и соединить этот выступ с районом Тюрнхаут и каналом Юлианы западнее Рурмонда. Оборону на рубеже Антверпен, западнее Арнема заняли части 15-й армии, дальше на восток -1-й парашютно-десантной армии. Немецкие войска были слишком слабы, чтобы ликвидировать этот удерживавшийся крупными силами англичан выступ.

После непрерывных неудач последних месяцев исход этих боев был особенно ободряющим для немецких войск. Они сорвали далеко идущие замыслы противника и разбили все надежды Монтгомери. Провал операции явился для союзников тяжелым ударом, тем более что ради нее совершенно напрасно была отодвинута на второй план задача очищения от немецких войск устья Шельды. Слабым утешением для англичан могло служить лишь сознание того, что проведенное наступление позволило по крайней мере занять выгодные исходные позиции для последующих операций и сковать на широком фронты крупные немецкие силы.

Глава X. Крушение немецкого фронта на Востоке летом 1944 г.

Крушение немецкого фронта на Востоке летом 1944 г.

После завершившегося захватом Крыма весеннего наступления русских войск немецкая армия на Востоке, хотя и еще более ослабленная, продолжала удерживать сплошной фронт. Подступы к Нижнему Дунаю, а одновременно и к Балканскому полуострову прикрывались 6-й и 8-й армиями группы армий «Южная Украина» с вкрапленными в них румынскими частями. Немецкая оборона проходила здесь по нижнему течению Днестра и далее через Яссы до Карпат. Долины в Восточных Карпатах удерживались румынскими и венгерскими дивизиями, усиленными небольшим количеством немецких войск. К ним в районе Коломыя примыкала группа армий «Северная Украина», своими 1-й и 4-й танковыми армиями прикрывавшая район Галиции от северо-восточных склонов Карпат до района севернее Ковеля. Здесь начинался фронт группы армий «Центр», который проходил южнее Пинска вдоль Припяти по дуге, выступавшей более чем на 300 км на восток и удерживавшейся 2-й армией.

Юго– восточнее Бобруйска по обе стороны Березины оборонялась 9-я армия. В междуречье Березины и Днепра она примыкала к 4-й армии, пока еще оборонявшейся на большом, достигавшем Прони плацдарме от Быхова до района северо-восточнее Орши. Рядом с

4-й армией занимала оборону 3-я танковая армия, удерживавшая район южнее и севернее Витебска. Оттянутый назад левый фланг этой армии довольно непрочно соединился с 16-й армией группы армий «Север», так как между обеими упомянутыми армиями русские вбили опасный клин в направлении Даугавпилса. Если не считать этого изгиба на южном крыле, фронт группы армий «Север», оборонявшийся 16-й и 18-й армиями, шел дальше на север почти по прямой. Чудское озеро длиной 130 км обеспечивало значительную экономию сил на этом участке. Непосредственно подчинявшаяся группе армий «Север» оперативная группа «Нарва» удерживала перешеек между Чудским озером и Финским заливом. В ее распоряжении имелось несколько тяжелых батарей из числа спасенной под Ленинградом осадной артиллерии.

Передышка, продолжавшаяся и после периода весенней распутицы, была крайне необходима, особенно для дивизий южного участка фронта. Танковые дивизии повсеместно отводились в тыл и пополнялись. Но пехотные дивизии, за весьма незначительными исключениями, на всех участках фронта сражались почти непрерывно в течение целых трех лет. Основательного отдыха они никогда не имели. А если и случалось, что на их участках наступало затишье, они почти всегда вынуждены были рассредоточиваться, чтобы высвободить силы для других нужд, и уж во всяком случае никогда не избавлялись от бесконечных работ по оборудованию оборонительных рубежей и от несения караульной службы в ночное время. Им тоже присылалось пополнение, слишком, однако, недостаточное для восполнения потерь. Полностью укомплектованных пехотных дивизий уже давно не существовало. И все же, несмотря на невозможность потерь на фронте, в тылу продолжалось формирование новых дивизии. Это был чистейший самообман, так как в эти новые соединения частично включался личный состав старых дивизий, возвращавшийся из госпиталей в строй. Такой метод комплектования новых единиц, естественно, вызывал раздражение у всех фронтовых командиров. Особенно сильно и вопреки самым жизненным потребностям армии увеличивалось число дивизий СС.

Эти новые формирования обременяли уже существовавшие дивизии не только тем, что поглощали временно выходящую из строя и необходимую для них живую силу. Потери в технике также восполнялись лишь частично, ибо вооружение шло в первую очередь на оснащение вновь создаваемых дивизий. Немецкая военная промышленность была не в состоянии удовлетворить непрерывно возрастающий из-за огромных потерь спрос на боевую технику; к тому же и объем ее производства также не мог быть увеличен. В итоге испытывалась ощутимая нехватка автотранспортных средств и пулеметов. Боеприпасов, как правило, едва хватало, а для тяжелых минометов и автоматов – двух основных средств борьбы пехоты – подвоз боеприпасов даже при условии их величайшей экономии в периоды затишья не удовлетворял самой минимальной потребности.

В целом же войска Восточного фронта представляли собою еще достаточно боеспособный инструмент в руках командования. Правда, теперь они вряд ли смогли бы вынести какое-либо перенапряжение, а катастрофы могли привести к губительным последствиям. В таких условиях решающее значение приобретала возможность наносить противнику большие потери, обходясь имевшимися слабыми силами. Других способов преодолеть русское превосходство не было. На переброску сил с Запада, которая раньше в решающие моменты всегда спасала положение, рассчитывать теперь не приходилось, так как там в любой момент могло начаться вторжение.

Но с этими немаловажными соображениями Гитлер упорно не хотел считаться, и поэтому в середине мая войскам Восточного фронта было вменено в обязанность «при любых обстоятельствах оборонять и удерживать занимаемые ими рубежи».

К этому времени не было еще никаких данных, которые позволили бы предугадать направление или направления, несомненно, готовившегося летнего наступления русских. Так как авиация и радиоразведка обычно безошибочно отмечали крупные переброски русских сил, можно было думать, что наступление с их стороны непосредственно пока не грозило. До сих пор лишь в одном случае были зафиксированы длившиеся в течение нескольких недель интенсивные железнодорожные перевозки в тылу противника в направлении района Луцк, Ковель, Сарны, за которыми, однако, не последовало сосредоточения вновь прибывших сил вблизи фронта. Временами приходилось руководствоваться лишь догадками. В генеральном штабе сухопутных сил считались с возможностью повторения наступления на Ковель, полагая,

что противник основные усилия сосредоточит севернее Карпат на фронте группы армий «Северная Украина», с целью отбросить последнюю к Карпатам. Группам армий «Центр» и «Север» предсказывали «спокойное лето». Кроме того, особую озабоченность Гитлера вызывал нефтяной район Плоешти. Относительно того, что первый удар противника последует севернее или южнее Карпат – скорее всего севернее, – мнение было единодушным. Помимо этого, немецкое командование справедливо предполагало, что русские не начнут наступления до тех пор, пока на Западе не появится сильный второй фронт, который наверняка лишит немцев возможности перебрасывать силы с Запада на Восток.

1. Русское наступление на Карельском перешейке

Вероятно для того, чтобы использовать психологическое воздействие последовавшей 6 июня высадки союзников во Франции и заполнить время, остававшееся до начала наступления против немецких войск, русский Карельский фронт неожиданно для финнов перешел в наступление северо-западнее Ленинграда. Здесь финская армия после отхода немецкой группы армий «Север» на рубеж Нарва, Чудское озеро продолжала еще оставаться вблизи Ленинграда. Финны удерживали оборону на реке Свирь между Ладожским и Онежским озерами. (Схема 16, стр. 258)

Предприняв 9 июня свои обычные предварительные вылазки {48}, русские на следующий день при интенсивнейшей поддержке артиллерии [593 – Схема 46] и авиации сделали попытку осуществить прорыв в центре Карельского перешейка на оборонявшемся четырьмя финскими дивизиями участке шириной около 60 км. В течение пяти дней дравшимся как всегда с исключительным упорством финнам благодаря использованию значительных резервов удавалось предотвращать русский прорыв. Но затем они все же вынуждены были уступить давлению превосходящих русских сил и, ведя сдерживающие бои, отойти на рубеж, проходивший непосредственно западнее Выборга и по реке Вуоксе. Выборг из-за неблагоприятного его расположения не мог быть включен в новую оборону. Одновременно с целью создания резервов финны начали отвод к старой государственной границе своих войск с реки Свирь, а в связи с этим и из района севернее Онежского озера.

Поняв размах русского наступления, финны сразу же настоятельно запросили отмены запрета на поставку им немецкого оружия и боеприпасов, наложенного Гитлером со времени их весенних переговоров с Советским Союзом, а также оказания поддержки авиацией. И то и другое было обещано. Когда вскоре финский фронт пришлось отвести до линии Выборга, к тому же без гарантии задержки противника и на этом рубеже, они 19 июня обратились с просьбой перебросить на их фронт шесть немецких дивизий. Это неприемлемое для германского командования требование, выдвинутое, возможно, лишь по соображениям политического характера, Гитлер отклонил, пообещав, однако, дальнейшую помощь самоходными орудиями и авиацией, ибо он никак не хотел допустить, чтобы еще одно дружественное Германии государство вышло из войны. Руководствуясь этими соображениями, он, кроме того, послал в Хельсинки Риббентропа, прибывшего туда 22 июня. Риббентроп должен был потребовать от Финляндии изъявления солидарности с Германией и в случае несогласия отказать ей в какой бы то ни было помощи оружием. Хотя руководящие политические деятели Финляндии были склонны согласиться с русскими требованиями лишь в самом крайнем случае, рассчитывая, что с немецкой помощью им удастся еще продержаться, выдвинутое Германией требование бесспорно связать с нею судьбу Финляндии, нуждавшееся в одобрении финляндским парламентом, при позиции последнего являлось невыполнимым. После многодневных переговоров, резко обострившихся из-за нетерпимости Риббентропа, президент Рюти изъявил готовность заверить Гитлера в личном послании, не требовавшем одобрения парламента, что Финляндия не выйдет из войны без согласия Германии. После этого с немецкой стороны были обещаны дальнейшие поставки вооружения.

Еще раз удалось избежать грозившего разрыва, хотя финны молчаливо оставили за собой право не продолжать войну в безнадежном положении, так как она, ведя к высоким потерям, могла создать угрозу самому существованию народа. Их выжидание оказалось недолгим, тем более что благодаря использованию переброшенных с других фронтов резервов им удалось

удержать свой новый рубеж до тех пор, пока 18 июля внезапно не прекратилось наступление русских. Последние не смогли здесь добиться своей цели ограниченными силами и теперь для них гораздо важнее было использовать все свои силы против немецкого фронта, на котором они тем временем развернули наступательные операции гигантских масштабов.

2. Крах немецкой группы армий «Центр»

На фронте группы армий «Центр» намерения противника стали выясняться примерно к 10 июня. Именно здесь, где немецкое командование меньше всего ожидало наступления, стали появляться, очевидно, признаки крупных приготовлений русских. Радиоразведка сообщала о новых армиях; авиация отмечала усиление железнодорожных перевозок и интенсивное движение на шоссежных дорогах. Как всегда отлично работавшие дивизионы АИР установили, что на ряде участков фронта немецкой группы армий начали пристрелку крупные силы переброшенной сюда русской артиллерии. Пленные сообщали о появлении в тылу противника «ударных частей». На так называемых «оборонительных участках», удерживавшихся до сих пор менее боеспособными частями, отмечалась смена последних сильными соединениями. Прошло еще несколько дней, и для командования группы армий «Центр» стало совершенно очевидным, что противник разворачивает на этом фронте крупные силы. Кроме того, стали отчетливо вырисовываться направления предстоящих ударов на Бобруйск, Могилев, Оршу и Витебск. Полученная в результате сопоставления самых разнообразных наблюдений картина приготовлений противника была настолько определенной и ясной, что для предположения о возможности имитаций и ввода в заблуждение совершенно не оставалось места. 14 июня у начальника генерального штаба сухопутных сил состоялось совещание с участием всех начальников штабов групп армий и армий. В то время как начальники штабов групп армий «Север» и обеих южных групп единодушно сообщали о том, что на их фронте нет никаких признаков подготовки ожидавшегося в скором времени наступления русских, начальники штабов армий группы «Центр» столь же единодушно указывали на уже почти завершенное развертывание крупных русских сил перед фронтом их армий. Однако в генеральном штабе сухопутных сил у Гитлера настолько глубоко укоренилось – чему в немалой степени содействовала категорическая точка зрения Моделя, возглавлявшего фронт в Галиции, – предвзятое мнение о наибольшей вероятности русского наступления на фронте группы армий «Северная Украина», что отказаться от него они уже не могли. Разумеется, развертывание русских сил перед фронтом группы армий «Центр» нельзя было отрицать, однако ему в оценке русских планов приписывалась лишь подчиненная роль. Поэтому предполагалось, что группа армий «Центр» такого рода наступление, которое будет предпринято, по всей вероятности лишь с целью сковывания ее войск, сможет отразить собственными силами. Доминирующей оставалась точка зрения, предполагавшая нанесение русскими основного удара на фронте группы армий «Северная Украина». Вследствие этого там была сосредоточена большая часть танковых дивизий и все были уверены, что именно там, наконец, вновь удастся противопоставить «удар удару». На просьбу группы армий «Центр» выделить ей по крайней мере более крупные резервы было заявлено, что общая обстановка на Восточном фронте не допускает иной группировки сил.

Фактически группа армий «Центр» после передачи 4-й танковой армии в районе Ковеля одного корпуса, в котором еще со времени деблокады этого города находилась большая часть ее танков и значительное количество войск, располагала для обороны своего 1100-километрового фронта лишь 38 дивизиями, из которых использовались 34. Только три пехотные дивизии, в том числе одна почти не боеспособная, и одна танковая дивизия находились в резерве. Так как противник, по всей вероятности, намеревался атаковать одновременно все армии группы, за исключением, пожалуй, 2-й армии, командование группы не могло рассчитывать, как это имело место предыдущей зимой, на то, что путем быстрой переброски дивизий с неатакованных участков фронта удастся организовать надежную оборону в угрожаемых пунктах. В течение ряда месяцев командующие армиями безуспешно ходатайствовали перед командованием группы, а последние – перед Гитлером о разрешении произвести сокращение линии фронта. По Днепру, обрывистый западный берег которого на

значительном расстоянии был танконедоступным, 4-я армия с осени 1943 г. оборудовала между Быховом и Оршей оборонительный рубеж. Кроме того, на протяжении ряда месяцев вопреки воле Гитлера и с молчаливого согласия командования группы велось оборудование еще одного рубежа вдоль Березины. Эвакуация сохранявшегося плацдарма на Днестре сделала бы значительную часть фронта армии почти неприступной и привела бы одновременно к немалой экономии сил. Еще более действенным явилось бы хорошо подготовленное, предпринятое непосредственно перед началом русского наступления отведение войск на рубеж Бобруйск, Полоцк, благодаря чему был бы создан прямой, значительно укороченный фронт, а развертывание сил противника сразу было бы лишено всякого эффекта.

Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Буш не смог отстоять свою точку зрения перед Гитлером. Предпринятая им еще в конце мая попытка указать на несоответствие между протяженностью линии фронта и численностью войск и добиться изменения задачи группы армий, обязывавшей удерживать и оборонять занимаемый рубеж, встретила резкое противодействие. Гитлер цинично спросил Буша, не принадлежит ли он к числу тех генералов, что постоянно оглядываются назад. После этого Буш покорился воле Гитлера и приступил к выполнению приказа последнего бросить все силы на оборудование передовых рубежей. Не желая, по-видимому, нарваться на новые неприятности, Буш не возобновлял больше попыток добиться другого решения, пока к середине июня не стали вполне определенными масштабы приготовлений противника на фронте этой группы армий. Вероятно, все-таки командование не предполагало, что противник предпримет здесь наступление большими силами и с такими широкими целями, как это выяснилось несколькими днями позже, и поэтому собственные шансы на оборону были явно переоценены. Последняя неопределенность относительно сроков начала наступления рассеялась 20 июня, когда партизанами были предприняты крупные диверсии на железных дорогах Пинск-Лунинец, Борисов-Орша и Молодечно-Полоцк, то есть как раз на коммуникациях группы армий «Центр».

Между 21 и 23 июня четыре русских фронта начали наступление по обе стороны Витебска, на Оршу и Могилев, а также севернее и южнее Бобруйска с целью сокрушить оборону группы армий «Центр». Русский метод ведения наступления со времени последних наступательных операций стал еще более совершенным. Правда, разведка боем накануне наступления сохранилась, но собственно наступлению теперь предшествовал гораздо более интенсивный по сравнению с предыдущими операциями многочасовой огонь артиллерии на уничтожение, сочетавшийся со столь же необычным по своим масштабам использованием крупных сил авиации. Вероятно, с целью достигнуть предельной мощи ударов с воздуха они наносились с интервалом в один день по каждой из трех немецких армий, оборонявшихся на решающих направлениях русского наступления. Перешедшие в наступление после окончания артиллерийской и авиационной подготовки пехотные соединения поддерживались и прикрывались исключительно эффективными действиями авиации. Это было сделано для того, чтобы нейтрализовать немецкую артиллерию, которой раньше нередко удавалось срывать наступление русских войск. Из-за незначительного количества немецких самолетов – 6-й воздушный флот располагал лишь 40 исправными истребителями – превосходство русских в воздухе было теперь таким же, как и у их западных союзников, хотя по абсолютной численности русскую авиацию нельзя было даже приблизительно сравнить с авиацией союзников. После завершения пехотой прорыва в него немедленно вводились крупные танковые силы.

Уже в первые дни русского наступления на многих участках возникла критическая обстановка, а резервов было мало. Эффективные действия в наступлении, исключавшие возможность оказания какой-либо действенной помощи, позволили русским молниеносно добиться таких крупных успехов, что исправить положение было уже нельзя.

21 июня войска 1-го Прибалтийского фронта под командованием Баграмяна и 3-го Белорусского фронта под командованием Черняховского глубоко вклинились в оборону 3-й танковой армии северо-западнее и юго-восточнее Витебска. Особенно неприятным было наступление северо-западнее Витебска, так как оно в отличие от ударов на остальном фронте явилось полной неожиданностью, поразив особенно слабо защищенный участок фронта на решающем в оперативном отношении направлении. К вечеру следующего дня эти глубокие

клинья превратились в прорывы. Не спас положения и ввод одной немецкой дивизии, находившейся в резерве за западным флангом 3-й танковой армии. Командование группы армий «Центр» вынуждено было признать, что 3-я танковая армия не в состоянии восстановить положение собственными силами, что само оно оказалось без резервов и что противник после завершения прорыва получил свободу маневра. Оборонявшийся в районе Витебска корпус оказался почти окруженным. Направленное Гитлеру ходатайство о немедленном оставлении «крепости», дабы спасти оборонявшиеся здесь дивизии для последующей борьбы, было резко отвергнуто «по политическим соображениям»; под ними подразумевалась угроза выпадения из коалиции Финляндии. При этом Гитлер приводил в пример Ковель, который, несмотря на огромное превосходство противника, держался в свое время в течение многих недель, пока не был деблокирован. Трудно сказать, что в этом ответе было более поразительным – утопичность ли идеи повлиять на позицию Финляндии столь незначительным в общем масштабе событием, или же полное игнорирование принципиального различия в обстоятельствах окружения Ковеля и Витебска. В плену этого непостижимого упрямства находилось высшее военное руководство и в последующие решающие дни. Тем самым поражение, которое при своевременно принятых мерах можно было еще как-то ослабить, превратилось в катастрофу, хотя и уступавшую по своему драматизму сталинградской, но превзошедшую ее по масштабам и последствиям.

В то время как в течение 23 июня осуществлялся прорыв у Витебска, войска южного крыла 3-го Белорусского фронта перешли в наступление против северного фланга 4-й армии восточнее Орши, а войска 2-го Белорусского фронта под командованием Захарова – против центра 4-й армии в направлении на Могилев. Здесь, особенно на могилевском направлении, русским также удалось вбить глубокие клинья, грозившие уже на следующий день принять характер прорывов. В район намечавшейся брешки восточнее Могилева был брошен резерв 4-й армии – находившаяся на пополнении дивизия, пригодная лишь для обороны. Просьбу командующего армии разрешить отход на так называемую прикрывающую позицию по Днепру командование группы армии 24 июня отклонило с категорическим указанием, что оставшиеся неатакованными участки ни при каких обстоятельствах не должны добровольно оставаться. Это был тот самый день, когда командование группы констатировало, что на фронте 3-й танковой армии противник осуществил прорыв и вышел на оперативный простор.

В этот же день войска 1-го Белорусского фронта под командованием Рокоссовского также начали наступление против 9-й армии из района северо-западнее Рогачева и вдоль Березины в направлении Бобруйска. События развивались здесь примерно так же, как и на фронте обеих соседних армий. В течение первого дня были вбиты глубокие и широкие клинья. На следующий день наметилось окружение корпусов, занимавших оборону в районе Бобруйска. Недостаточно быстрое использование 20-й танковой дивизии – единственного резерва армии, – которое, однако, даже будучи теоретически правильным, не смогло бы изменить судьбу 9-й армии, привело к смещению командующего армии генерала Йордана, замененного генералом фон Форманом.

В обороне 3-й танковой армии к 24 июня зияла 40-километровая брешь южнее Витебска. Смежные фланги русских армий, прорвавшихся по обе стороны города, сомкнулись. Командование армии еще раз запросило разрешения оставить город. Нетрудно было представить, какими роковыми последствиями грозила попытка, невзирая на пробитые в обороне брешки, удерживать «крепости» с поглощавшими много сил гарнизонами, и все же Гитлер приказал, чтобы одна дивизия была оставлена в Витебске, а две остальные пробивались к своим войскам. Однако события на фронте 3-й танковой армии развивались настолько стремительно, что все три дивизии были отрезаны противником и уничтожены.

К вечеру 24 июня в штабе группы армий не оставалось уже никаких сомнений относительно масштабов наступления противника и грозившей армиям опасности. Командование группы еще раз потребовало изменения поставленной перед ним невыполнимой задачи, все еще предусматривавшей решительную оборону рубежа, который войска занимали к началу наступления русских. Гитлер вновь отклонил это требование, одобрив лишь незначительное сокращение линии фронта восточнее Днепра, не решавшее, основной проблемы – устранения угрозы глубоким флангам 4-й и 9-й армий. 25 июня обострилось положение 9-й армии в районе Бобруйска. Связь с 4-й армией северо-западнее Рогачева оказалась прерванной.

Здесь противник продвинулся далеко на запад и стал угрожать шоссе на дороге Могилев – Бобруйск и одновременно смежным флангам обеих армий. Центр 4-й армии оказался прорванным в направлении Могилева, над ее левым флангом нависла угроза окружения, так как севернее войска 3-го Белорусского фронта, осуществив прорыв юго-восточнее Витебска, продвигались крупными силами вдоль минской автомагистрали. Генерал фон Типпельскирх, принявший командование 4-й армией, вместо ушедшего в отпуск генерал-полковника Хейнрици, взял на себя ответственность в ночь с 25 на 26 июня отвести армию к Днепру. Но и это решение оказалось слишком запоздалым. Оборона на южном фланге 3-й танковой армии была прорвана, центр армии окружен у Витебска. Северо-западнее Витебска сильно потрепанный армейский корпус пытался поддержать связь с соседней 16-й армией, правый фланг которой располагался у Полоцка.

События 26 июня еще глубже вскрыли размеры катастрофы, грозившей 9-й и 4-й армиям. Удар 1-го Белорусского фронта западнее Бобруйска грозил перерезать идущие в западном направлении коммуникации 9-й армии и в сочетании с неудержимым прорывом на ее северном фланге привести к окружению этой армии, 4-я армия пока имела возможность беспрепятственно отойти своим южным флангом за Днепр. Противник рвался к Могилеву, между Могилевом и Оршей он переправился через Днепр одновременно с отступавшими частями армии; Орша была окружена с трех сторон, лишь в юго-западном направлении оставался пока свободным проход, к которому был оттеснен левый фланг армии. Коммуникации армии, проходившие через Могилев, Оршу, Борисов, оказались перехваченными, так как противник ударом с севера перерезал минскую автомагистраль на участке Орша – Борисов. Остатки разбитой 3-й танковой армии пытались задержать продвижение противника юго-восточнее Полоцка у Западной Двины. Между смежными флангами 4-й полевой и 3-й танковой армий была пробита 90-километровая брешь, в которую вошли подвижные соединения русских по обе стороны Сенно.

В этой отчаянной обстановке, когда каждый солдат должен был быть на учете, чтобы попытаться позже восстановить разорванный фронт, Гитлер, несмотря на все возражения, еще раз приказал удерживать Бобруйск, Могилев и Оршу в качестве «крепостей», оставив в каждом из них по одной дивизии. Два дня спустя, когда Орша уже пала, а оба других города были обойдены и отрезаны крупными силами противника, приказ был отменен. Но *было* уже поздно. В районе Бобруйска, который следовало удерживать как «основу вновь создаваемого на Березине фронта», завершилось окружение главных сил 9-й армии, 4-я армия успела отвести половину сил за Днепр. Здесь, однако, она очутилась в огромном, простиравшемся почти до Минска, лесисто-болотистом районе. Он контролировался крупными партизанскими отрядами и ни разу за все три года не очищался от них, а тем более не оккупировался немецкими войсками. Все переправы и дороги в этом труднодоступном районе, покрытом почти первобытными лесами, были разрушены. Так как противник, продвигаясь крупными силами в юго-западном направлении, уже перерезал автомагистраль на участке Орша – Борисов, то единственным путем отхода и снабжения для 4-й армии оставалась грунтовая дорога Могилев-Березино – Минск, на которой постепенно скапливались все тыловые службы и обозы, а также все большее количество войск.

29 июня главные силы 9-й армии были окружены в районе Бобруйска, 4-я армия пробивалась по лесистой местности к Березине, остатки 3-й танковой армии были опрокинуты у Лепеля и потеряли непосредственную связь с 16-й армией, продолжавшей обороняться в районе Полоцка.

Генеральный штаб сухопутных сил понял всю глубину опасности и признал, что значение происходящих событий далеко выходит за рамки группы армий «Центр» и вызывает необходимость принятия кардинальных решений в масштабе всего Восточного фронта. Имелось лишь одно такое решение: отвести все еще обороняющуюся на рубеже Полоцк, Псков, Чудское озеро, Нарва группу армий «Север» на рубеж Даугавпилс, Рига, каким бы серьезным политическим соображениям это ни противоречило. За такой крупной водной преградой, как Западная Двина в нижнем ее течении, группа армий «Север» могла обойтись половиною своих сил, высвободив сразу целую армию. Только такая радикальная мера позволила бы подпереть северное крыло группы армий «Центр», в то время как ее центр мог получить силы из состава

группы армий «Северная Украина». В результате того, что Гитлер и в этом случае остался глухим к голосу благоразумия, началась новая трагедия в истории немецкой армии на Востоке: борьба между Гитлером и всеми руководящими армейскими инстанциями за своевременный отвод группы армий «Север». Не проходило дня, чтобы такое требование не выдвигалось перед Гитлером во все более настойчивой форме. Несмотря на все эти настояния, группу армий «Север», переименованную впоследствии в группу армий «Курляндия», не удалось избавить от ее трагической участи. В результате ей пришлось вести героическую, но малополезную, обособленную борьбу вдали от тех районов, где разворачивались решающие события, не имея никакой возможности принять участие в обороне рейха. Одним из наиболее ярких сторонников отвода группы армий «Север» за Западную Двину был фельдмаршал Модель, который, продолжая возглавлять группу армий «Северная Украина», 28 июня сменил фельдмаршала Буша на посту командующего группой армий «Центр».

Модель проявил немало энергии, чтобы восстановить положение на вновь принятом фронте. Это была длительная и трудная работа, несколько облегчавшаяся для него лишь тем, что он, не теряя времени на запросы и ходатайства, мог дополнительно перебрасывать танковые дивизии с участков фронта, находившихся пока в его компетенции. Пехотных дивизий, кроме уже перебрасывавшихся, группа армий «Северная Украина» выделить больше не могла. Поэтому то для Моделя и было так важно добиться положительного решения в вопросе отвода группы армий «Север». Помощь дивизиями, которые должны были прибыть из Дании и Норвегии, не соответствовала насущной потребности в дополнительных силах.

Послужить основой для создания нового фронта могли лишь неатакованная 2-я армия на юге (из-за прорыва обороны 9-й армии ей пришлось только отвести свои выступавший фланг) и 16-я армия на севере, в районе Полоцка. Весь фронт между этими армиями, имевший протяженность свыше 300 км, был прорван.

Из трех прибывших в первую очередь танковых дивизий две были брошены в район Слуцка с задачей совместно со следовавшими за ними двумя пехотными дивизиями очистить от противника и удержать этот район и, кроме того, помочь вырваться из окружения корпусам 9-й армии, пытавшимся пробиться северо-западнее Бобруйска в западном направлении. На участок между смежными флангами 4-й полевой и 3-й танковой армий 28 июня прибыла 5-я танковая дивизия, не допустившая перехода противника через Березину в районе Борисова. Однако уже в последующие дни стала вырисовываться новая опасность для группы армий «Центр», рассеявшая все надежды на создание новой обороны на рубеже Слуцк, Минск, Полоцк. Русские располагали достаточными силами и пространством для оперативного маневра и могли наряду с намеченным окружением и уничтожением 9-й и 4-й армий поставить себе более широкие цели. Их намерение, со всей очевидностью, заключалось в том, чтобы выйти от Слуцка на Барановичи и через Лепель на Молодечно, не допустив тем самым образования новой немецкой обороны севернее и южнее Минска. На устранение этой новой угрозы теперь и были направлены основные усилия командования группы армий «Центр». Положение можно было поправить, лишь введя в глубине обороняемого района имевшиеся в резерве слабые силы и прибывшие подкрепления, что, однако, означало вынужденное оставление на произвол судьбы обеих окруженных в центре армий, которые должны были, следовательно, полагаться только на собственные силы. Окруженные части 9-й армии пробивались слишком медленно. Командование 4-й армии, собрав вес, что можно, попыталось удержать у Березино, а также севернее и южнее города переправы через Березину и обеспечить их с флангов. Три ее корпуса по-прежнему находились восточнее реки, с трудом отбиваясь от энергично наседавшего с фронта и флангов противника, от партизан и преодолевая непроходимые болота, исключавшие всякое свободное продвижение. Бесконечный поток тяжелой артиллерийской техники, зенитных батарей и всевозможных машин с огромными усилиями передвигался по давно уже выбитой, но единственно возможной для отступления дороге, пересекавшей у Березино реку Березину. Непрерывные налеты авиации противника причиняли тяжелые потери (в частности, погибли два командира корпусов и один командир дивизии), а также вызывали бесконечные заторы среди отступавших колонн. Русские штурмовики то и дело разрушали мост у Березино, после чего на восточном берегу всякий раз образовывались огромные скопления машин, пока не знавшие усталости саперы, презирая смерть, ликвидировали повреждения. Лишь в редких

случаях и на непродолжительное время немногочисленным немецким истребителям удавалось очищать небо от авиации противника. В эти дни в 6-м воздушном флоте ощущалась такая нехватка горючего, что командование не могло полностью использовать даже имевшиеся слабые силы. Точно так же недостаток горючего не позволял перебросить на автомашинах хотя бы одну пехотную дивизию с фронта группы армий «Северная Украина».

В начале июля участь 9-й и 4-й армий была решена. В то время как по крайней мере части сил 9-й армии (в общей сложности около 15 тыс. человек) без тяжелого оружия и артиллерии удалось соединиться с высланной навстречу в район северо-восточнее Слуцка танковой дивизией, слабые силы, которыми командование 4-й армии надеялось прикрыть отход своих корпусов к Березине, все больше отходили под ударами противника с флангов. Западнее Березины противник нанес удары на север из района Бобруйска и на юг через Борисов, удержание которого после отвода 5-й танковой дивизии оказалось невозможным. Чтобы не потерять последние остатки войск и не открыть окончательно дорогу на Минск, 4-й армии пришлось уйти с Березины.

Тем временем русские продолжали углублять свои клинья в направлении Слуцка и Молодечно. Южный клин 2 июля вышел к железной дороге Минск – Барановичи у Столбцов, северный приближался к Молодечно и Сморгони. На следующий день русские прорвали оставшиеся еще перед ними слабые заслоны на дорогах, ведущих из Борисова и Березино на Минск, и ворвались в город, который как «крепость» был хорошо обеспечен всем необходимым, однако из-за отсутствия сколько-нибудь достаточных сил действительно не мог дальше удерживаться.

Если в обороне смысл разумного ведения борьбы состоит в сохранении собственных сил и нанесении по возможности большего урона противнику с целью пусть даже ценою территориальных потерь добиться постепенного выравнивания сил, то результат длившегося теперь уже 10 дней сражения был потрясающим. Около 25 дивизий были уничтожены или окружены. Лишь немногие соединения, оборонявшиеся на южном фланге 2-й армии, оставались еще полноценными, избежавшие же уничтожения остатки практически полностью утратили свою боеспособность. Теперь следовало из постепенно выделявшихся соседями соединений, некоторого числа вновь сформированных пехотных полков, не сведенных еще в дивизии, из развернутого в гренадерскую моторизованную бригаду батальона «Фюрербеглейт», дивизий по охране тыла, полицейских подразделений и частей Восточно-прусского корпусного военного округа создать новый фронт, который смог бы остановить приближавшиеся русские армии как можно дальше от восточно-прусской границы. 4 июля командование группы армий «Центр» доложило, что группе на 350-километровом фронте прорыва противостоят 126 стрелковых дивизий, 17 мотобригад, 6 кавалерийских дивизий и 45 танковых соединений силой до бригады каждое и что группа могла противопоставить этой группировке всего 8 соединений численностью до дивизии каждое.

Продвижение подвижных соединений противника на центральном участке в последующие дни встретило естественное препятствие – Налибокский лес. Этот обширный лесисто-болотистый район, образуемый многочисленными притоками Верхнего Немана, затормозил продвижение противника между Минском и Лидой на фронте 60 км. Западная окраина этого лесного района была прикрыта импровизированным соединением.

Южнее Налибокского леса танковые дивизии 1-го Белорусского фронта наступали на Барановичи, а 3-й Белорусский фронт прокладывал себе путь вдоль северной окраины этого лесного массива через проход у Молодечно с целью пробиться на Вильнюс, охватить северный фланг 4-й армии и расширить брешь между нею и 3-й танковой армией. Последняя севернее озера Нарочь была оттеснена еще дальше на запад. В то же время войска 1-го Прибалтийского фронта пытались охватить южный фланг 16-й армии, получившей лишь 4 июля разрешение оставить район Полоцка с оговоркой, однако, не отходить до самого Даугавпилса. Командующий группой армий «Север» генерал-полковник Линдемман, неоднократно добивавшийся в последние дни своевременного разрешения на отвод своего южного крыла и не выполнивший приказа о нанесении явно недостаточными силами контрудара по преследовавшим 3-ю танковую армию русским войскам, был заменен генералом Фриснером.

Группа армии «Центр», испытывая непрерывно усиливавшийся натиск противника, не

смогла выполнить даже своей ближайшей задачи – удержать Барановичи и подготовить новый оборонительный рубеж, который проходил бы от этого города через Налибокский лес до озера Нарочь. За моторизованными соединениями противника теперь наступали его общевойсковые армии. Они были задержаны отчаянным сопротивлением главных сил 9-й и 4-й армий, которое, следовательно, было не напрасным. Предпринимались попытки помочь окруженным немецким войскам, снабжая их по воздуху. 5 июля была принята последняя радиограмма из района восточнее Минска. Это был, следовательно, самый западный район, куда смогли пробиться окруженные войска. Однако немецкий фронт откатывался теперь на запад гораздо быстрее, чем они продвигались. Поэтому им пришлось прекратить безнадежную борьбу и сдаться в плен войскам 2-го Белорусского фронта. Многие в одиночку или небольшими группами в течение всего августа, преодолевая невероятные трудности, пробивались к своим войскам, когда те уже давно откатились к восточно-прусской границе.

Русские армии с неослабевающей энергией стремились в самом зародыше ликвидировать все попытки немецких войск создать новый фронт, вбивая мощные клинья в направлении Барановичей, Вильнюса и южнее Даугавпилса. Командование группы армий «Центр» пыталось отразить русские удары в направлении Барановичей и Вильнюса, непрерывно контратакуя танковыми дивизиями прорвавшиеся части противника и отходя остальными силами с непрочных оборонительных рубежей лишь постепенно, шаг за шагом, в расчете на то, что прибытие новых сил позволит приостановить наступление противника. Немецкие войска на различных участках почти ежедневно оказывались в критическом положении, 2-й и 4-й армиям в ходе этих сдерживающих боев кое-как удавалось поддерживать между собою непрочную связь. С рубежа Лунинец, Барановичи, восточнее Лиды они к 12 июля были отброшены на рубеж Пинск, Слоним, восточнее Гродно, Алитус. Уже отчетливо вырисовывались намерения русских прорваться на Белосток и Брест.

Положение остатков 3-й танковой армии продолжало оставаться крайне неопределенным. На ее южном фланге войска 3-го Белорусского фронта продвигались на Вильнюс, который по приказу Гитлера из-за его «огромного оперативного значения» должен был удерживаться «до последней капли крови». В городе было оставлено семь пехотных батальонов и несколько батарей – силы, которых лишился так нуждавшийся в них фронт и которые были тем не менее недостаточно крупны, чтобы удержать эту «крепость» дольше нескольких дней. 7 июля они были окружены, а 12 июля после неоднократных напоминаний Моделя о бессмысленности гибели этого гарнизона им было разрешено пробиваться к немецким боевым группам, сдерживавшим продвижение русских в направлении Каунаса. Связь с группой армий «Север» по-прежнему отсутствовала, так как контрудар, нанесенный из района Даугавпилса вдоль железной дороги в направлении на Вильнюс, не достиг своей цели. Все серьезней становилась угроза, что сухопутные коммуникации группы армий «Север» окажутся перерезанными. Модель вновь попытался склонить Гитлера к «большому решению» – отводу группы армий «Север» на Западную Двину. Однако к чисто политическим соображениям (воздействие на Финляндию), до сих пор предопределявшим отказ Гитлера, теперь прибавились возражения военно-морского командования: в случае ухода немецких войск с берегов Финского залива оно лишалось возможности преградить русскому флоту путь в Балтийское море и в силу этого обеспечить связь с финскими портами, через которые частично снабжались немецкие войска в Финляндии, и со Швецией. С точки зрения военно-морского командования это, несомненно, были веские причины. Однако столь же обоснованным могло быть и предположение, что события, вызывавшие опасения морского командования, при общем положении дел в не столь отдаленном будущем все-таки произойдут. Тогда уже дело не ограничится потерей позиций на море; придется, кроме того, столкнуться с фактом потери еще двух армий, располагавших наиболее боеспособными и опытными дивизиями и крайне необходимыми для обороны Восточного фронта, гигантскими шагами приближавшегося к границам Германии. Вместо того чтобы пойти навстречу настоятельным просьбам командования обеих групп армий, Гитлер приказал создать из подвижных сил, прибывших в распоряжение 4-й и 3-й танковой армий, ударную группировку, которая должна была ударом с юга восстановить связь с группой армий «Север». Приказ фактически игнорировал действительное положение дел, ибо, если вообще нужно было остановить русских, то с помощью прибывших дивизий следовало бы вначале

создать более или менее устойчивую сплошную оборону фронтом на восток. 13 июля командование группы армий «Центр» констатировало, что даже при организованном прибытии к 21 июля всех обещанных дивизий 16 немецким дивизиям будут противостоять 160 русских дивизий.

Хотя подкрепления для 4-й и 3-й танковой армий прибывали медленно, обеим армиям удалось приостановить почти еще незамедлившееся продвижение русских примерно на рубеже Гродно, Каунас, Укмерге. Прорыв противника через Неман, в результате которого русские подошли к Августову, казался вначале весьма угрожающим, но затем был остановлен контратаками во фланг, предпринятыми несколькими танковыми дивизиями 4-й армии. Последовавший затем контрудар отбросил русские войска назад к Неману.

3. Русское наступление от Карпат до Чудского озера

Еще до того как бои между Гродно и Каунасом привели к некоторой разрядке, временно устранив угрозу русского прорыва в Восточную Пруссию, русские перешли в наступление также и против соседних групп армий «Север» и «Северная Украина». Русскому командованию, конечно, было известно, что обе эти группы в результате передачи части сил группе армий «Центр» были значительно ослаблены, и потому оно решило, что наступило время подвергнуть ударам весь Восточный фронт от Карпат до Чудского озера.

13 июля 2-й Прибалтийский фронт нанес удар по 16-й армии в направлении Резекне. На следующий день на фронте 18-й армии южнее Острова перешли в наступление войска 3-го Прибалтийского фронта. Обе армии отразили попытки русских осуществить прорыв и, оказывая стойкое сопротивление, постепенно отошли к 20 июля на рубеж Даугавпилс западнее Пскова.

Одновременно 1-й Прибалтийский фронт, получивший новые силы с румынского фронта, стал продвигаться южнее Даугавпилса на запад и 21 июля вышел к Паневежису, расположенному в 150 км западнее Даугавпилса. В случае дальнейшего продвижения русских в этом направлении не только группа армий «Север» могла оказаться отрезанной, но и северное крыло группы армий «Центр», находившееся еще в районе Укмерге, оказалось бы смятым и сверх того появилась бы угроза удара на Клайпеду и Тильзит. Связь между обеими группами армий уже была нарушена. Предвидя такое развитие событий, командующий группой армий «Север» генерал Фриснер 17 июля потребовал от Гитлера предоставления ему права самостоятельного принятия решений, касавшихся вверенной ему группы. Он намеревался отвести все свои войска вплоть до Нарвы на Западную Двину между Даугавпилсом и Ригой, с тем чтобы высвободившимися в результате этого силами добиваться восстановления связи со своим южным соседом. Это «большое решение», за принятие которого в течение многих недель велась борьба с Гитлером, неизбежно напрашивалось само собой. Однако единственным результатом этих ходатайств Фриснера явилось то, что он и командующий группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Шёрнер, решительность которого больше импонировала Гитлеру, поменялись местами. Новому командующему надлежало вести борьбу на прежних позициях до тех пор, пока не придет помощь с юга. Гитлер еще раз приказал создать мощную танковую группу в районе севернее Каунаса из соединений 4-й полевой и 3-й танковой армий и вновь перебрасывавшихся сюда сил. Командующие обеих армий справедливо указывали на то, что их кое-как восстановленная оборона без танковых дивизий не в состоянии противостоять русским ударам. На деле изъятие танковых дивизий откладывалось со дня на день, с недели на неделю, так как постоянно возникали все новые и новые кризисы, с которыми без танков бороться было невозможно. Группа армий «Север» по-прежнему должна была удерживать фронт по Нарве и в районе Чудского озера. Войска ее южного крыла, примыкающего к Западной Двине, отходили под нажимом противника в северо-западном направлении и после падения Даугавпилса (27 июля) были оттеснены к 11 августа на рубеж Екабпилс, Гулбене, Печоры, Чудское озеро.

Южнее Западной Двины русские, используя слабость оборонявшихся здесь немецких войск, уже в конце июля нанесли глубокий удар в северо-западном и западном направлениях. 29 июля они через Бауску и Елгаву (Митаву) вышли к Рижскому заливу у Тукума, отрезав

группе армий «Север» пути отхода в Восточную Пруссию. На оставшемся крупном плацдарме южнее Западной Двины группе армий удалось прикрыть Ригу и свой тыл. В западном направлении передовые отряды русских вышли в район Куршеная, западнее Шауляя.

Тяжелые осложнения, сделавшие невозможным изъятие танковых дивизий из состава армий группы «Центр», начались еще в конце июля, когда русские возобновили свои атаки против 3-й танковой армии и северного фланга 4-й армии с целью прорваться севернее нижнего течения Немана на Тильзит, а южнее Каунаса выйти к границе с Восточной Пруссией. После того как 31 июля был оставлен Каунас, 3-я танковая армия в ходе многодневных исключительно напряженных боев была отброшена севернее Немана за реку Дубиса, испытывая после прорыва русских на Шауляй постоянную тревогу за свой северный фланг, который ей приходилось прикрывать вплоть до района севернее Таураге. Лишь 10 августа русские отказались от дальнейших попыток разгромить северный фланг этой армии и выйти к Тильзиту, и фронт стабилизировался южнее Расейня.

Наступая южнее Каунаса, русские войска продвинулись до Марьямполье и Сувалок. 1 августа передовые танковые части русских уже почти вышли к восточно-прусской границе в районе Вилкавишкиса. Понадобилось бросить в бой крупные немецкие резервы, в том числе несколько подвижных дивизий предназначавшихся для восстановления связи с группой армий «Север» чтобы остановить русских непосредственно у самой восточно-прусской границы. Лишь после того как примерно к 10 августа и здесь наступила разрядка приготовления к танковому удару в северном направлении были выдвинуты наконец, на первый план.

Против группы армий «Северная Украина» русские перешли в наступление 14 июля. Войска 1-го и 4-го Украинских фронтов стремились выйти к Висле в среднем ее течении, форсировать реку Сан и отбросить 1-ю танковую армию к Карпатам. Наступление началось прорывом в районе Броды, и через два дня армии Конева уже вышли, к Верхнему Бугу севернее Львова. Затем правое крыло 1-го Украинского фронта прорвало оборону 4-й танковой армии у Ковеля, в результате чего Модель, по-прежнему совмещавший командование группами армий «Центр» и «Северная Украина», принял решение отвести обе армии за Буг, дабы не допустить русского прорыва на стыке между ними. Но и на Буге задержаться не удалось. 22 июля русские были уже у Хелма, расположенного на западном берегу реки. В тот же день 1-я танковая армия была отброшена до восточных окраин Львова, в то время как ее южный фланг все еще находился восточнее Станислава на левом берегу Днестра.

В последующие дни замысел русских пробиться к Висле и Сану и отбросить 1-ю танковую армию к Карпатам стал очевидным. Положение этой армии осложнялось тем, что она имела задачу по возможности дольше удерживать рубеж Станислав, Львов, в то время как ее северный фланг оттеснялся энергично продвигавшимися русскими к Сану. К концу месяца русские вышли к Сану у Перемышля, Ярослава и западнее Тарногруда. Лишь 27 июля центр 1-й танковой армии отошел от Львова к Самбору, южный же фланг все еще продолжал удерживаться восточнее, в районе Стрия, что вызывалось необходимостью прикрытия проходов через Карпаты, ибо потеря этих проходов открыла бы русским путь в Закарпатскую Украину и в Венгрию.

Еще 23 июля новый начальник генерального штаба сухопутных сил генерал-полковник Гудериан потребовал неуклонного удержания рубежа Сана и Вислы. Дальнейшее отступление надлежало прекратить, так как «иначе можно постепенно откатиться до Одера и Эльбы». Тем не менее с Сана к концу июля пришлось отойти, ибо русские 3 августа уже были в Жешуве. 6 августа они приступили к преодолению следующей водной преграды – реки Вислока, а также Вислы у Сандомира.

Наряду с этим глубоким вклиниванием в Галицию русское наступление с самого начала было нацелено на Среднюю Вислу и Варшаву. После форсирования Буга в районе Хелма армии 1-го Украинского фронта продолжали продвижение к Люблину и 24 июля овладели этим городом, оттеснив 4-ю танковую армию к Краснику и к Висле у Пулав. Используя это прикрытие с фланга, 1-й Белорусский фронт после форсирования Буга севернее и южнее Влодавы повернул на северо-запад и север с целью охватить южное крыло группы армий «Центр» и одновременно выйти к Варшаве. Последовавшее затем стремительное продвижение привело русских 24 июля к городам Бяла-Подляска и Лукув; центр русских войск приблизился

к Седльце.

Для отражения этих исключительно опасных ударов Модель собрал все силы, какие только можно было использовать. Он поручил штабу 9-й армии, который с середины июля был снят с фронта, совместно с 4-й танковой армией обеспечить удержание Вислы между Пулавами и Варшавой. В польской столице, в которой уже назревало восстание, и на Висле к тому времени располагались лишь слабые части по охране тыла. 9-й армии были обещаны две пехотные и две танковые дивизии, основные силы которых должны были использоваться на создававшемся юго-восточнее Варшавы предместном укреплении. 2-я армия, чей правый фланг находился все еще южнее Бреста, должна была выделить силы для прикрытия района Седльце. Так как войска 1-го Белорусского фронта северо-западнее Бреста уже вышли к Бугу, а в отдельных местах даже форсировали его, то далеко выдвинутому на восток Бресту в случае дальнейшего продвижения русских с юга грозило окружение. Хотя командование группы армий «Центр» еще раньше заявляло, что удержание Бреста из-за общей нехватки сил означало бы лишь их невосполнимую утрату, Гитлер вновь уступил лишь после того, как крепость была окружена. Гарнизону пришлось в течение 28-29 июля с тяжелыми потерями пробиваться на северо-запад. Несмотря на это совершенно ненужное осложнение, группе армий удалось подготовить новый рубеж для южного фланга 2-й армии, проходивший от Седльце до Бяла-Подляска, и настолько своевременно перебросить силы в район юго-восточнее Варшавы, что удар русских между Вислой и Бугом был отражен. 27 июля войска левого крыла 1-го Белорусского фронта натолкнулись в районе Гарволина на выдвинутые вперед немецкие силы. Вплоть до района Седльце и дальше развернулись упорные бои, в ходе которых русским временно удалось продвинуться между западным флангом 2-й армии и варшавским предместным укреплением и сжать последнее со всех сторон. Но и этот кризис был ликвидирован в результате немецких контратак, приведших 3 августа к окружению и уничтожению прорвавшегося танкового корпуса русских. Значительное облегчение принесла авиация, совершившая в течение 28 июля 560 самолето-вылетов. Однако хроническая нехватка горючего делала подобную помощь возможной лишь в виде редких исключений.

Когда армии Рокоссовского, казалось, неудержимо продвигались к польской столице, польское подпольное движение сочло, что час восстания пробил. Не обошлось, конечно, и без подстрекательства со стороны англичан. Ведь призывать к восстанию население столиц, освобождение которых приближалось, стало со времени освобождения Рима и позднее Парижа их обычаем. Восстание вспыхнуло 1 августа, когда сила русского удара уже иссякла и русские отказались от намерения овладеть польской столицей с ходу. Вследствие этого польские повстанцы оказались предоставленными самим себе. Вначале их успехи были ошеломляющими: большинство немецких военных и гражданских учреждений, находившихся в этом крупном городе, были отрезаны от внешнего мира; вокзалы заняты повстанцами, располагавшими минометами, 20-мм зенитными пушками и противотанковыми средствами; магистрали города блокированы. Лишь мосты через Вислу удалось удержать. Если бы русские продолжали атаковать предместное укрепление, положение немецких войск в городе стало бы безнадежным. Теперь же в самой Варшаве и вокруг нее могли быть сосредоточены силы, достаточные для того, чтобы по крайней мере оказать помощь немецким учреждениям, вернуть себе вокзалы и не допустить перехода всей власти в городе в руки восставших.

Понадобилась, однако, жестокая и упорная борьба, затянувшаяся до октября, прежде чем гарнизон полностью подавил восстание. Для быстрого и основательного наведения порядка в городе гарнизону не хватало сил. Неделями невозможно было использовать ни одной городской магистрали. Лишь постепенно удавалось оттеснить восставших в отдельные районы города, где они, однако, продолжали сопротивляться со всем фанатизмом, присущим только полякам. Планомерными действиями крупных полицейских и эсэсовских частей, которые пришлось усилить самоходными установками, очищался один квартал за другим. В начале сентября немецкое командование предложило восставшим начать переговоры о сдаче на довольно выгодных для них условиях. Руководивший восстанием польский генерал Бур-Комаровский отклонил это предложение, так как он, вероятно, знал о предстоявшем вскоре новом наступлении русских на Варшаву и об участии в нем польских частей. В результате наступления предместное укрепление немцев на восточном берегу Вислы к 18 сентября было

ликвидировано. Предместье Варшавы – Прагу пришлось эвакуировать, мосты через реку были взорваны. В тот же день над городом появились 120 четырехмоторных американских бомбардировщиков, сбросивших снаряжение, боеприпасы и продовольствие для поляков, энтузиазм которых, однако, уменьшился после того, как обнаружилось, что большая часть этих грузов попала в руки немцев и что, кроме того, сбито значительное число самолетов. Восставшие окончательно пали духом, когда немецкой 9-й армии в последующие дни удалось в самом начале отбить предпринятые освободителями на широком фронте попытки преодолеть реку. Немецкая оборона на Висле окрепла, и в городе были продолжены мероприятия по очищению его от повстанцев. После двухмесячной борьбы поляки сдались.

После того как удар на Варшаву в начале августа не достиг цели, русские перенесли свои атаки южнее. Здесь они еще в ходе преследования 4-й танковой армии создали два небольших плацдарма, один из которых – северный – находился непосредственно южнее устья реки Пилицы восточнее Варки на фронте вновь созданной 9-й армии, другой – в 80 км южнее у Пулав. За эти плацдармы в течение всего августа велись очень тяжелые, проходившие с переменным успехом бои. Из-за многочисленных трудностей, которые испытывали немецкие войска на всем Восточном фронте, неоднократно лишь в последний момент удавалось сосредоточивать достаточные силы у непрерывно расширявшихся плацдармов, сужать их контратаками и не допускать осуществления с них оперативного прорыва на Радом. Если здесь русским не удалось добиться успеха оперативного масштаба, то это объясняется, с одной стороны, несомненно, упорством оборонявшихся войск и весьма эффективной, хотя и эпизодической поддержкой 6-го воздушного флота, а, с другой стороны, также и тем обстоятельством, что свои основные усилия русские сосредоточили на других участках фронта.

В августе противостоящие группе армий «Центр» русские войска сосредоточили свои главные усилия восточнее Вислы против левого фланга 9-й армии и против 2-й армии. Здесь 1-й и 2-й Белорусские фронты стремились продвинуться между Вислой и Наревом к Восточной Пруссии. Когда обнаружили приготовления русских к этому наступлению, обе немецкие армии с целью экономии сил несколькими скачками отошли к 10 августа на рубеж северо-восточнее Варшавы, Венгров, Замбрув, Нарев до Осовца и Августовского канала. В середине месяца начались атаки войск 1-го Белорусского фронта в междуречье Буга и Вислы. Они представляли большую опасность, тем более что к этому времени из армий группы «Центр» были изъяты почти все танковые дивизии для использования их отчасти против плацдармов противника на Висле, а главным образом для нанесения удара на северном крыле с целью восстановления связи с группой армий «Север». К 18 августа 1-й Белорусский фронт, бросив в наступление 60 – 70 стрелковых дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов и 3 кавалерийских корпуса, при поддержке очень крупных сил авиации вынудил смежные фланги 9-й и 2-й армий отойти за Буг. В междуречье Буга и Вислы 9-я армия сохранила связь с Варшавой. После этих успехов войск 1-го Белорусского фронта 22 августа перешел в наступление и 2-й Белорусский фронт. Оба фронта предприняли попытку осуществить прорыв между Вислой и Наревом. В итоге боев, длившихся до 31 августа, в немецкую оборону, особенно в полосе 2-й армии, были вбиты многочисленные глубокие клинья, вынудившие армию к постепенному отходу вплоть до среднего течения Нарева, но не приведшие, однако, к намеченному русскими прорыву. После непродолжительной паузы оба эти фронта 3 сентября возобновили наступление и отбросили немецкие армии за Нарев. 9-й армии, правда, удалось удержать Модлин на Висле, однако русские образовали широкий и глубокий плацдарм у Пултуска. 2-я армия также не смогла помешать противнику создать несколько мелких плацдармов. 16 сентября, после того как русские ввели между Ломжей и Варшавой девять армий, насчитывавших в общей сложности 71 стрелковую дивизию, 5 танковых и несколько механизированных корпусов и 1 – 2 кавалерийских корпуса, эти бои закончились.

Высшее немецкое командование сознательно пошло на эту почти непосильную для обеих армий нагрузку, так как оно по-прежнему твердо намеревалось восстановить ударом с юга связь с группой армий «Север» и оставить ее на выдвинутых вперед позициях. Для осуществления контрудара были подготовлены два танковых корпуса в составе пяти танковых и одной гренадерской моторизованной дивизий. Он начался 16 августа – в тот самый день, когда фельдмаршал Модель был назначен главнокомандующим немецкими войсками на Западе

и его сменил генерал-полковник Рейнгардт, до тех пор командовавший 3-й танковой армией. Теперь командование этой армией, наступавшей в северном направлении, принял генерал Раус.

Так как 1-й Прибалтийский фронт после прорыва на Елгаву и Шауляй бросил свои основные силы против 16-й армии, оборонявшейся южнее Западной Двины, внезапно предпринятый с рубежа Кельме, Тельшяй немецкий контрудар вначале натолкнулся лишь на слабое сопротивление. Действовавшие здесь немецкие войска повернули на северо-восток и к исходу второго дня вышли в районы западнее Шауляя и южнее Жагаре. Одна из боевых групп продвинулась даже до Ауце в 30 км юго-западнее Елгавы. Под первым впечатлением этих успехов танковым корпусам были поставлены новые широкие задачи. Обладавший безудержной фантазией Гитлер и темпераментный Гудериан видели корпуса уже на рубеже Кедайняй, Паневежис, Биржай, откуда предполагалось нанести удар по глубокому флангу противника и увлечь 3-ю армию в наступление на Каунас. Два следующих дня ознаменовались весьма незначительным продвижением, но события 20 августа вновь возродили все надежды. В этот день был взят Жагаре, а северная боевая группа вышла к Тукуму, откуда при поддержке тяжелого крейсера «Принц Евгений» пробилась к южному побережью Рижского залива и восстановила связь с группой армий «Север». Казалось, сама судьба благоприятствовала принятию «большого решения». И если бы оно было принято, то это наступление, связанное со столь большим риском для остальных фронтов группы армий, принесло бы неоценимую пользу. Гудериан тотчас же вновь поднял вопрос об отводе группы армий «Север», однако натолкнулся на самые резкие возражения со стороны Гитлера, вновь заявившего, что по политическим причинам, равно как и по соображениям морской стратегии такое решение неприемлемо. Больше того, Гитлер, по приказу которого еще до начала контрудара в распоряжение командующего группой армий «Север» была переброшена по воздуху пехотная дивизия, несколько дней спустя потребовал, чтобы через пробитую у Тукума брешь группе армий «Север» немедленно была подброшена еще одна танковая дивизия. Он предпочел бы скорее согласиться на новое окружение группы армий «Север», чем отказаться от усиления последней танками. А угроза окружения в последующие дни становилась действительно все отчетливее. Немецкое наступление у Шауляя захлебнулось, снова пришлось оставить Жагаре и лишь у Ауце усиленная к тому времени боевая группа пока еще продвигалась в направлении Елгавы. 28 августа наступление обоих танковых корпусов было остановлено. Однако русские располагали на этом участке недостаточно крупными силами, чтобы немедленно ответить на немецкий прорыв наступательными действиями. Их 1-й Прибалтийский фронт должен был удерживать район Шауляя и Елгавы, пресекать попытки возможного в любой момент прорыва 16-й армии с предмостного укрепления южнее Западной Двины и, наконец, наступательными действиями севернее Немана сковывать еще повернутый фронтом на восток фланг 3-й танковой армии.

Самый сильный нажим на группу армий «Север» русские оказывали в течение августа на ее восточном фланге. Нарвский перешеек, несмотря на то, что сам город 31 июля перешел в руки русских, по-прежнему удерживался немецкой оперативной группой, хотя связь с 18-й армией по юго-западному берегу Псковского озера в результате предпринятого 2-м Прибалтийским фронтом в середине августа удара была прервана. Русские наступали здесь через Печоры на Выру, который и был ими взят 14 августа. Несколькими днями позже они форсировали узкий рукав, соединяющий Псковское и Чудское озера, и, сочетая этот удар с охватом с юга, стали угрожать Тарту с востока и юга. Здесь их сил также оказалось недостаточно для того, чтобы сломить упорное немецкое сопротивление, усилившееся благодаря переброске сюда подкреплений, и разорвать немецкий фронт. Лишь к концу месяца Тарту пал, после чего на этом направлении наступило затишье.

Следующий удар по группе армий «Север» русские нанесли в августе севернее Западной Двины в направлении Риги. Немецкая оборона проходила здесь почти вдоль всей железной дороги Екабпилс-Гулбене. В течение нескольких недель русские атаковали в центре этого участка в районе Мадоны. Но и здесь они оказались не в состоянии сломить сопротивление немецких войск и вынуждены были приостановить свои атаки. С начала сентября противник приступил к прорыву подготовленной обороны южнее Риги. Для ослабления нажима русских войск на обороняющуюся здесь 16-ю армию немецкая танковая группа возобновила контратаки

западнее Елгавы, оказавшиеся весьма успешными. 20 сентября Гитлер возложил руководство боевыми действиями в районе между Неманом и Ригой полностью на командование группы армий «Север», передав в его распоряжение и 3-ю танковую армию. Это было весьма спорное решение, так как внимание группы армий «Север» было рассредоточено по всему району Прибалтики вплоть до Нарвы и заинтересованность ее в 3-й танковой армии вряд ли могла выйти за рамки сохранения узкого коридора севернее Елгавы, в то время как усилия 3-й танковой армии были направлены на оборону восточно-прусской границы севернее и южнее Немана. Непрочный северный участок обороны 3-й танковой армии, доходивший до района западнее Елгавы, мог удерживаться лишь до тех пор, пока противник считал нужным с этим мириться. Но в случае новой русской попытки осуществить прорыв коридор неизбежно был бы ликвидирован, а вместе с ним – и последняя возможность использовать группу армий «Север» для обороны уже охваченной с востока и юга Восточной Пруссии. Предполагалось, что такой удар русских не заставит себя долго ждать, тем более что в начале месяца вышла из войны Финляндия и у русских теперь высвобождалась большая часть использовавшихся там армий.

4. Выход Финляндии из войны

Политическое соглашение, достигнутое в конце июня между президентом Финляндии и Риббентропом, и прекращение русскими в середине июля своего наступления на Карельском перешейке привели лишь к кратковременной внутривойсковой разрядке в Финляндии. Когда число катастрофических неудач немецких войск на Восточном фронте резко возросло, а поставки оружия в связи с собственными затруднениями немцев начали все более и более сокращаться, в стране снова стали быстро одерживать верх те политические течения, представители которых настаивали на выходе Финляндии из войны. Даже сам фельдмаршал Маннергейм был глубоко убежден в необходимости покончить с войной. 1 августа президент Рюти ушел в отставку, в результате чего финны, по их мнению, освободились от обещания, данного Гитлеру и касающегося якобы только самого Рюти, и вновь обрели свободу действий на внешнеполитической арене. Маннергейм стал президентом, и переговоры с Советским Союзом были возобновлены.

В полном достоинства послании новый президент 2 сентября сообщил Гитлеру, что Финляндия не может дальше продолжать борьбу, поскольку она рискует новыми жертвами поставить под угрозу само существование своего народа. Поэтому он, президент, считает своим долгом вывести свой народ из состояния войны, даже если его объяснения и не встретят признания и одобрения со стороны Гитлера. Маннергейм нашел теплые слова признательности по адресу немецкой армии, которая, как он писал, пребывала в Финляндии лишь в качестве помощника и собрата по оружию, а не орудия насилия. Он также высказал убеждение, что поведение немецких войск в этой чужой для них стране войдет в историю Финляндии как, пожалуй, единственный в таких условиях пример корректных и сердечных отношений.

После того как финляндский сейм 113 голосами против 46 принял условия, на которых Советский Союз соглашался на выход Финляндии из войны, перемирие 4 сентября вступило в силу. Финляндия должна была вновь признать границу 1940 г. и уступить Советскому Союзу область Петсамо (Печенги), в течение двух месяцев демобилизовать армию, порвать отношения с Германией и взять на себя обязательство разоружить и передать Советскому Союзу в качестве военнопленных все немецкие войска, которые после 15 сентября будут еще оставаться на финляндской территории.

Столь спешный вывод немецких войск из Финляндии технически был неосуществим, если, конечно, немцы не бросят все на произвол судьбы. Семь немецких дивизий располагались на фронте от Белого моря до полуострова Рыбачьего. Их более сильное южное крыло в течение столь короткого срока не могло быть переброшено ни через Рованиэми и Кусамо к портам Оулу, Кеми и Торнио на севере Ботнического залива, ни через всю область Лаппи к норвежской границе. В известной мере это, правда, объяснялось тем, что Гитлер, не желая уходить из Северной Финляндии, сознательно затягивал эвакуацию. Считаться с финнами, ставшими в его глазах изменниками, он не находил нужным, даже если бы немецкие интересы от этого совершенно не пострадали. Он приказал по-прежнему удерживать оборону по реке Западная

Лица на Крайнем Севере и организовать постепенный отход на северо-запад остальных двух корпусов, которые должны были предварительно создать фланговое прикрытие фронтом на юг. Кроме того, он распорядился осуществить внезапное нападение на остров Сур-Сари в Финском заливе, с тем чтобы в дальнейшем использовать этот остров в качестве военно-морской базы. В ночь с 14 на 15 сентября на острове был высажен десант. Однако финны, вынужденные в силу условий перемирия оказать сопротивление, не допустили высадку второго эшелона и при поддержке русской авиации сбросили в море уже высадившиеся немецкие части. Этим и другими недружелюбными актами финны, пытавшиеся до сих пор по возможности не осложнять положение немецких войск, были глубоко оскорблены. В добавление ко всему 15 сентября вступало в силу принятое ими условие интернировать и передать русским все остававшиеся на их территории немецкие части. Осуществить это условие они практически были не в состоянии, тем не менее они должны были, по крайней мере, попытаться, дабы не стать нарушителями условий перемирия и избежать опасности превращения своей страны в поле битвы между немцами и русскими. Следствием этого явилось не только усиление напряженности в отношениях со штабом немецкой армии в Рованиеми, возглавлявшимся с июня после смерти Дитля генерал-полковником Рендуличем, но вскоре и открытый вооруженный конфликт между двумя бывшими собратьями по оружию.

Лишь после создания флангового прикрытия в Центральной Финляндии самый южный из немецких корпусов – 18-й горно-стрелковый корпус – начал в середине сентября отход, к которому затем присоединился и 36-й армейский корпус. Последний, однако, при отходе через Салла подвергся сильному нажиму со стороны русских и оказался в довольно критическом положении: одна из его дивизий попала в окружение и лишь с большим трудом снова соединилась с главными силами. В начале октября финны высадились в портах Ботнического залива, одновременно перейдя на широком фронте в наступление против немецкого флангового прикрытия с целью отрезать немецкие войска.

Гитлер продолжал упорствовать в своем стремлении удержать Северную Финляндию. Несмотря на заявление министра Шпеера о том, что германская промышленность может обойтись без петсаамского никеля, он потребовал от 20-й горной армии создать оборону, включив в нее реку Западная Лица, озеро Инари и северо-западную оконечность Финляндии. Мощный удар, нанесенный русскими путем охватывающего маневра с юга по считавшейся непроходимой местности, опрокинул оборону на Западной Лице и расколол 19-й горно-стрелковый корпус на две части. В результате этого удара русские так далеко продвинулись в юго-западном направлении, что нависла угроза и над путями отхода оборонявшегося в центре корпуса. Грозившее 19-му корпусу уничтожение вынудило Гитлера дать, наконец, разрешение на отвод всех трех корпусов. На севере русские продвинулись только до Петсамо, на центральном участке они остановились западнее Салла. С юга продолжалось наступление финнов, неоднократно, особенно у Рованиеми, приводившее к напряженным боям с ними. Естественное в таких случаях уничтожение искусственных сооружений, предпринимавшееся немецкими войсками для прикрытия отхода, а также начавшаяся политическая травля привели к усилению антинемецких настроений в финских войсках и к довольно печальному концу боевого содружества.

Давление со стороны финских войск стало ослабевать лишь после того, как в начале ноября началась демобилизация финской армии. Из накопленных на Крайнем Севере запасов продовольствия и огромного количества военного имущества всех трех видов германских вооруженных сил лишь частица могла быть вывезена через северные порты. Отход осложнялся трудностями полярной ночи и зимы, к счастью, наступившей на этот раз необычно поздно. Частью сил армия продолжала удерживать северо-западную оконечность Финляндии вплоть до 1945 г. 19-й горно-стрелковый корпус отошел на Нарвик. Остальные дивизии после длительных маршей по Северной Норвегии были переброшены по железной дороге в Осло, а оттуда в Данию и впоследствии принимали участие в заключительных сражениях на немецкой земле.

5. Морская и воздушная война на Крайнем Севере

Одновременно с боевыми действиями на финляндской территории приостановилась,

правда, лишь частично в связи с выходом Финляндии из войны, борьба, которую в течение ряда лет – вначале весьма успешно – вели во взаимодействии с авиацией германские военно-морские силы на Крайнем Севере.

С июня 1941 г. действовавшие под Мурманском соединения немецкой горной армии приходилось снабжать морским путем. Кроме того, все возрастало число конвоев с военными материалами, направлявшихся западными державами в русские порты Мурманск и Архангельск. Наконец, Гитлер никогда не мог отделаться от беспокойства относительно возможности высадки англичан в Северной Норвегии с целью воспреещения вывоза руды из Швеции. Все это были достаточно веские причины для использования в данном районе крупных немецких морских и воздушных сил.

Хотя подвоз для горно-стрелкового корпуса, действовавшего на мурманском участке фронта, осложнялся в значительной мере деятельностью флота и авиации русских и англичан и был сопряжен с серьезными потерями, тем не менее потребности сухопутных войск неизменно удовлетворялись.

Гораздо большее значение по сравнению с проблемой подвоза приобретала борьба с конвоями, доставлявшими военные материалы в Советский Союз. Западные державы осуществляли снабжение Советского Союза военными материалами тремя путями: через порты Северного Ледовитого океана, Иран и Владивосток. Направлявшиеся через Владивосток транспорты были вне досягаемости для немецких атак, на поставки через Иран можно было влиять лишь косвенно, в рамках общей подводной войны. Тем важнее было обеспечить уничтожение к тому же и наиболее многочисленных конвоев, направлявшихся в русские северные порты. Борьба на этих коммуникациях наряду с материальным ущербом, причинявшимся противнику, приносила существенную выгоду в стратегическом отношении, так как при этом сковывались крупные силы английского флота, которые союзникам постоянно приходилось выделять для прикрытия конвоев.

В 1941 г. германское командование не придавало серьезного значения переброске военных материалов в русские порты. Гитлер тогда еще был убежден в быстром завершении русской кампании. Так, из семи конвоев, прибывших за период с августа по декабрь 1941 г. в русские порты и насчитывавших в среднем по девять кораблей каждый, было потоплено всего одно судно. Лишь после провала наступления на Москву, когда война против Советского Союза пошла по совершенно новому и неожиданному руслу, началась планомерная борьба с конвоями противника легкими силами флота, подводными лодками и авиацией. Эффективность ее была тем выше, чем продолжительнее были дни и короче спасительные для конвоев ночи, пока, наконец, в летние месяцы конвои вообще лишились всякой возможности укрываться от наблюдения противника.

Первый крупный успех был достигнут в начале мая, когда совместными усилиями подводных лодок и авиации, атаковавших один из конвоев, было потоплено несколько транспортов общим тоннажем 37 тыс. брт и два английских крейсера «Эдинбург» и «Тринидад». Еще более тяжелый удар был нанесен по другому крупному конвою, из состава которого между 25 и 29 мая было уничтожено в общей сложности 114 тыс. брт. Вдобавок авиация ударами по портовым сооружениям Мурманска и по Мурманской железной дороге нанесла серьезный ущерб грузам, доставленным в русские порты.

Следующий крупный конвой в составе 35 судов, отправленный англичанами в начале июля из Исландии и встретившийся в пути с возвращавшимся из русских портов караваном разгруженных судов, в течение нескольких дней также подвергся исключительно успешным атакам с немецкой стороны. Для прикрытия этих караванов англичане, которые обнаружили прибытие крупных немецких надводных кораблей в норвежские порты, направили в район Шпицбергена большое соединение кораблей: один английский и один американский линкоры, один авианосец, семь крейсеров и большое число эскадренных миноносцев. Немецкое военно-морское командование тем временем действительно сосредоточило в Норвегии свой Североморский флот, состоявший из линкора «Тирпиц», крейсера «Хиппер» и «карманных» линкоров «Шеер» и «Лютцов»; впоследствии он был еще усилен линкором «Принц Евгений» и большим количеством эскадренных миноносцев.

4 июля последовали первые удары немецких подводных лодок и самолетов по

направлявшимся на восток судам, до отказа груженным оружием и другими военными материалами. Когда английский адмирал в тот же вечер получил донесение о приближении немецкой эскадры, английские корабли к этому времени уже несколько дней находились в море. Английское адмиралтейство в условиях опасной близости крупных сил немецкой авиации не решилось использовать линейные корабли для прикрытия конвоя и для борьбы с немецкими кораблями, у которых запасы топлива вследствие меньшего удаления от их баз были значительно больше, чем у англичан. Слишком велика была опасность понести серьезные потери. Поскольку в этом районе продолжали действовать «Тирпиц» и оба немецких «карманных» линкора, неудача в данном случае могла бы поставить под вопрос все английское морское господство в Атлантике, которое в результате потерь на других театрах было к этому времени весьма непрочным. Поэтому английский адмирал отдал конвою приказ рассредоточиться, так как при сложившейся обстановке одиночные, находящиеся на значительном удалении друг от друга суда имели больше шансов на спасение. В результате транспортные суда оказались предоставленными самим себе. Это было время, когда солнце на Крайнем Севере почти не заходит. В течение трех дней немецкие подводные лодки и авиация уничтожали этот крупный конвой. Из 35 судов 22 пошли ко дну вообще без какого бы то ни было вмешательства немецких надводных кораблей. После таких серьезных неудач англичане в течение последующих месяцев воздерживались от посылки конвоев и Советский Союз. Однако положение русских в течение этих месяцев, когда немецкие армии на Востоке продвигались к Сталинграду и выходили к Кавказу, представлялось настолько серьезным, что к сентябрю по военным и политическим соображениям уже невозможно было откладывать посылку новых военных грузов. Вновь - были снаряжены два конвоя, причем с таким расчетом, чтобы они в Северном Ледовитом океане встретились для обеспечения более эффективного прикрытия их от ударов противника. Между 10 и 18 сентября они неоднократно были атакованы немецкими подводными лодками и самолетами, которые потопили 17 транспортов, один эсминец и один тральщик, хотя сами, по английским данным, потеряли при этом 42 самолета и две подводные лодки. В следующие месяцы англичане посылали лишь одиночные суда, так как им и американцам нужны были транспорты для десантной операции в Северной Африке. Из 13 направлявшихся в русские порты судов лишь 3 смогли прибыть к месту назначения. Успехи этого лета явились кульминационной точкой борьбы с судоходством противника в этом районе.

Значительные потери в самолетах с немецкой стороны ясно указывали на изменение обстановки в воздухе, которое объяснялось гораздо более эффективным прикрытием истребителями с авианосцев противника и серьезным усилением средств противовоздушной обороны на самих кораблях. Помимо этого, в результате высадки западных союзников в Северной Африке перед немецкой авиацией встала новая трудная задача. Из всех районов, в том числе и с Крайнего Севера, все соединения, без которых хоть в какой-то мере можно было обойтись, перебрасывались в Сицилию для помощи в создании и обороне нового фронта в Тунисе. После этого борьба на Крайнем Севере легла почти исключительно на плечи немецкого флота, лишенного столь необходимой в современной войне на море достаточной поддержки с воздуха.

С удлинением полярных ночей англичане в широких масштабах возобновили посылку конвоев через Северный Ледовитый океан. 31 декабря 1942 г., когда немецкие корабли «Хиппер» и «Лютцов» в сопровождении шести эсминцев натолкнулись на конвой, прикрывавшийся вначале шестью английскими эсминцами, дело дошло до морского сражения. При тусклом свете этого еще более мрачного из-за разыгравшегося снежного бурана зимнего дня завязалась борьба с английскими эсминцами, из которых один затонул, а еще один получил тяжелые повреждения. Вскоре после полуночи появились два тяжелых английских крейсера, с которыми немецкие корабли ввязались лишь в кратковременную схватку, и, потеряв один эсминец, вышли из боя. Неудовлетворительный исход сражения, которое немецкие корабли не выиграли, имея, по мнению Гитлера, перед собою более слабые силы противника, привел к бурному объяснению между Гитлером и Редером. Последний оправдывал действия командующего немецкой эскадрой. Это, вероятно, послужило последним толчком и предлогом к смещению Редера.

С февраля по ноябрь 1943 г. движение конвоев вновь приостановилось. Англичане

посылали лишь отдельные суда. Хотя число немецких подводных лодок в этом году по сравнению с предыдущим значительно возросло, они при собственных потерях, составивших 12 лодок, смогли потопить из 191 судна противника всего три. Причина этого заключалась в серьезном совершенствовании способов противолодочной борьбы.

Применение немецкого надводного флота тем временем в результате мероприятий противника и своих собственных значительно сократилось. Англичане направляли все свои усилия на то, чтобы вывести из строя «Тирпиц», находившийся в Альта-фьорде севернее Тромсё, так как этот крупный корабль при соответствующем прикрытии с воздуха мог легко наносить удары даже по хорошо прикрытым конвоям и причинять им огромный урон; кроме того, одним своим присутствием он постоянно сковывал крупные силы английского флота. 22 сентября 1943 г. смелой атакой английской двухместной подводной лодки корабль удалось повредить и вывести из строя на полгода. Эффективное взаимодействие немецкого флота и авиации прекратилось с осени 1942 г., так как авиация была обременена слишком большим кругом задач, а до планомерного строительства морской авиации, к которой должны были бы относиться столь необходимые в современной войне авианосцы, дело никогда не доходило. Флот со времени смещения Редера в январе 1943 г. все основные усилия перенес исключительно на подводную войну, успех которой Гитлер и преемник Редера Дёниц хотели обеспечить любой ценою, вплоть до разоружения значительной части надводного флота. Крупные корабли в течение 1943 г. были почти полностью выведены из северных вод и использовались впоследствии лишь в качестве учебных судов для подводного флота.

На Крайнем Севере оставался лишь «Шарнгорст». Он погиб 26 декабря 1943 г. во время нападения на вражеский конвой, охранявшийся тремя крейсерами и многочисленными эсминцами, которым удалось не допустить приближения его к конвою и войти с ним в соприкосновение, когда он попытался уйти. Не смог он ускользнуть и от атак подошедших позже английского линкора «Дьюк оф Йорк» и крейсера «Ямайка». Вражеский линкор нанес ему сильные повреждения, а после прямого попадания выпущенной с «Ямайки» торпеды «Шарнгорст» затонул.

Так как «Тирпиц», будучи поврежденным, по-прежнему не выходил из фьорда, а все другие линейные корабли находились в немецких портах, в норвежских водах не оставалось ни одного боеспособного корабля такого класса, в силу чего англичане могли в дальнейшем обеспечивать свои конвои лишь от атак с воздуха и от подводных лодок. Но «Тирпица» они все-таки не оставили в покое. Когда в середине марта 1944 г. стало известно, что его ремонт закончен, английские самолеты 3 апреля успешно атаковали этот мощный корабль. Затем такие удары были еще трижды повторены в течение июля и августа. 12 ноября специально сконструированными сверхтяжелыми бомбами «Тирпиц» был потоплен. Судьба «Тирпица» сложилась еще более неудачно, чем его близнеца «Бисмарка». Лишь несколько раз был он использован и ни разу не смог серьезно померяться с противником своей огромной силой.

С уничтожением «Тирпица» англичане устранили последнюю преграду для использования своих крупных кораблей на других театрах военных действий, главным образом в Восточной Азии.

Движение конвоев не было сколько-нибудь заметно нарушено контрмерами с немецкой стороны ни зимой 1943/44 г., ни в последнюю зиму войны. С августа 1944 по апрель 1945 г. более 250 судов достигли русских портов и только два из них были потоплены.

6. Катастрофа немецкой группы армий «Южная Украина» и выход Румынии из войны

После того как русские в результате стремительного прорыва на Львов вышли к реке Вислока, их наступление в Галиции приостановилось. Как и южнее Варшавы, в этом районе их усилия также были направлены в первую очередь на захват плацдармов на левом берегу Вислы, 4-я танковая армия в течение всего августа испытывала серьезные затруднения в районах Баранува и Сандомира, где русским удалось форсировать Вислу еще в ходе преследования. Несмотря на ожесточенное сопротивление и подтягивание дополнительных сил, 4-я танковая армия не смогла помешать планомерному расширению русских плацдармов, завершившемуся

затем соединением их в один общий крупный плацдарм.

В предгорьях Карпат переброшенные из Крыма войска 4-го Украинского фронта оказывали давление в направлении горных перевалов. При исключительно серьезных трудностях, которые испытывали немецкие войска в связи с нехваткой горючего, весьма ощутительной была утрата Дрогобычско-Бориславского нефтяного района, оказавшегося 8 августа в руках русских. В середине месяца ощущался заметный нажим со стороны русских в верхнем течении реки Вислока. В целом, однако, северные склоны Карпат от района южнее Стрыя до Ясло по-прежнему оставались в руках немецких войск.

Зато решающими успехами, оказавшими влияние на обстановку в районе всего Балканского полуострова, ознаменовалось начавшееся 20 августа наступление русских против группы армий «Южная Украина».

Для обороны Румынии и жизненно важного нефтяного района Плоешти немецкой группе армий в составе двух немецких и двух румынских армий пришлось после окончания русского весеннего наступления закрепляться на трудно обороняемом рубеже. Входившая в состав группы армий румынская группа армий Димитреску формально включала в себя 6-ю немецкую и 3-ю румынскую армии и насчитывала в общей сложности двенадцать немецких пехотных и одну танковую дивизию, а также четыре румынские пехотные и одну кавалерийскую дивизии. Они располагались по Днестру от его устья до района северо-западнее Кишинева. Затем линия обороны резко поворачивала на запад, примыкая восточнее Прута у Корнешты к правому флангу 8-й армии. Однако группа армий Димитреску удерживала не весь западный берег широкого Днестра. В ходе весеннего наступления русские захватили плацдармы у Тирасполя и Григориополя и сумели отразить все попытки немецких войск ликвидировать эти плацдармы. С тех пор как осенью 1942 г. было приостановлено немецкое наступление на Дону, русские всякий раз с подлинным мастерством овладевали на всех водных рубежах такими плацдармами в качестве трамплинов для последующих наступательных операции и никогда не боялись удерживать их в любых условиях, не жалея сил на отражение немецких контратак. Если, следовательно, оборона Днестра и без того уже осложнялась плацдармами противника и не могла быть успешной без крупных резервов, то дополнительная угроза для оборонявшей Днестр 6-й армии существовала на ее северном фланге. Примыкавшая к ней у Корнешты оборона 8-й армии, насчитывавшей вместе с подчиненной ей румынской 4-й армией восемь немецких и одиннадцать румынских дивизий, а также четыре румынские горно-стрелковые бригады, проходила, пересекая простирающиеся в меридиональном направлении долины Молдавии, через Яссы в западном направлении и упиралась севернее Романа левым флангом в восточные склоны Карпат, которые оборонял один немецкий корпус.

С весны немецкая группа армий была значительно ослаблена. Пять из шести своих танковых дивизий ей пришлось передать группе армий «Северная Украина», откуда эти дивизии были взяты для ликвидации прорыва на фронте группы армий «Центр» и, наконец, частично оказались даже в Курляндии. Но, кроме этого, для усиления других фронтов из ее состава были изъяты четыре пехотные дивизии.

На боеспособность примерно двадцати использовавшихся здесь румынских дивизий, которые в большинстве своем были вкраплены в немецкую оборону, особых надежд возлагать не приходилось. Слишком большое превосходство русских и длинная цепь поражений, отбросивших их или их соотечественников с Дона и кубанского плацдарма через Крым назад в Румынию, подействовала на них так сильно, что теперь румынские войска не могла воодушевить даже идея защиты родины и сознание необходимости выполнить свой долг. Также мало привлекал большинство солдат и лозунг борьбы против большевизма. Тоталитарный режим, державшийся в стране лишь благодаря победам немецких войск и вытекавшим отсюда территориальным приобретениям, потерял всякую популярность.

Даже не располагая конкретными фактами, которые проливали бы свет на действительное положение вещей, германское высшее военное руководство должно было бы все-таки оценить обстановку в стране как совершенно аналогичную положению в Италии весной 1943 г. Вновь противник был у порога, а частично уже и на территории страны, лишь с большой неохотой терпевшей диктатуру, и не было никаких оснований надеяться, что реакция у румын будет иной, чем у итальянцев. В добавление ко всему общее положение Германии за истекший год

значительно ухудшилось, что окончательно рассеяло веру в возможность немецкой победы. Но в 1943 г. германское командование еще располагало достаточными силами, чтобы иметь наготове резервы для подобных случаев. Теперь же, когда немецкие войска повсюду отступали, нельзя было высвободить ни одного соединения. Тем охотнее верил Гитлер заверениям Антонеску, ссылавшегося – прозрачно намекая на события 20 июля – на надежность своих генералов, и успокаивающим донесениям недалководного немецкого посла в Бухаресте, который, полностью подтверждая вытекавшую из самого положения вещей личную союзническую верность Антонеску, верил также в политическую устойчивость режима в стране. Еще более поразительным было то, что и немецкая военная миссия в Бухаресте, находившаяся в стране уже почти четыре года, не замечала нарастания опасности изнутри. Напротив, новый командующий группой армий «Южная Украина» генерал-полковник Фриснер вскоре после вступления в должность предупредил 6 августа Берлин о критическом положении дел в румынских частях на фронте и о настроениях в тылу, предусмотрительно потребовав, чтобы ему были переподчинены многочисленные, рассредоточенные по территории Румынии формирования вооруженных сил, полиции и прочих германских органов для организации централизованной обороны в тылу. Но это предостережение было отвергнуто Гитлером, указавшим, что Фриснеру следует устремлять свой взор вперед, а не назад.

При такой позиции ставки не было ничего удивительного и в отклонении запроса командования группы армий относительно перенесения немецкой обороны еще до начала русского наступления на рубеж устье Дуная, Браила, Галац, Фокшаны, восточное предгорье Карпат; командование группы армий полагало, что занимаемую оборону, учитывая ненадежность румынских войск, собственными силами удержать не удастся.

Русскому командованию нетрудно было опрокинуть этот оборонявшийся недостаточными силами, непрочный в своей основе и имевший невыгодное с оперативной точки зрения начертание немецко-румынский фронт. Оно решило осуществить наступление по сходящимся направлениям, использовав для этой цели войска двух фронтов в составе 7 танковых корпусов и 90 стрелковых дивизий, 3-й Украинский фронт Толбухина получил задачу ударом с обоих плацдармов прорвать оборону 6-й армии, а затем во взаимодействии с 2-м Украинским фронтом Малиновского, который должен был наносить удар с севера через Яссы, окружить находившиеся в районе Кишинева немецко-румынские соединения.

20 августа войска обоих фронтов при поддержке крупных сил авиации после сильнейшей, длившейся 2,5 часа артиллерийской подготовки перешли в наступление. В течение трех дней немецким дивизиям удавалось сдерживать натиск противника, затем немногочисленные резервы были израсходованы и фронт у Ясс и на Днестре был прорван. Почти повсеместно, где наступавшие русские войска наталкивались на румынские части, последние немедленно прекращали борьбу. 22 августа были оставлены Яссы. Крупные танковые и механизированные силы 2-го Украинского фронта неудержимо продвигались по обоим берегам Прута на юг. Когда они 25 августа вышли на рубеж Васлуй, Хуши, а наступавшие с востока войска 3-го Украинского фронта продвинулись через Тирасполь до Леово на реке Прут, немецкие дивизии, которые не смогли достаточно быстро выйти из района Тирасполь, Кишинев и района Ясс, оказались окруженными.

Тем временем правительство Антонеску 24 августа было свергнуто в результате государственного переворота, последовавшего после того, как король Михай в произнесенной накануне по радио речи открыл румынскому народу, что Румыния приняла выдвинутые ее бывшими врагами условия перемирия. В заключение своей речи король призвал румынский народ «бороться с врагами нации», пообещав в то же время немецким войскам, что против них ничего не будет предпринято, пока они будут находиться на румынской земле. Лишь совершенный по приказу Гитлера воздушный налет на Бухарест дал румынам основание повернуть оружие против немцев. Фронт смешался, все превратилось в хаос. Повсюду, где оборону держали румынские войска, фронт открывался, и русские могли свободно продвигаться даже на не атакованных ими до тех пор участках фронта. Как огромные морские волны катились войска противника и захлестывали со всех сторон немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось, тылы были отрезаны. Спешное создание промежуточных рубежей и прочие аналогичные меры,

обеспечивавшие до сих пор даже при самых катастрофических осложнениях предпосылки для продолжения борьбы, оказались на сей раз возможными лишь в отдельных пунктах. Расчлененные на отдельные боевые группы немецкие войска вынуждены были пробиваться на запад, ведя ожесточенную борьбу за каждый участок реки между вбитыми клиньями противника. Части 8-й армии отошли к Карпатам; гораздо меньшим силам 6-й армии удалось пробиться через Серет между Браилой и Фокшанами. Вокруг нескольких немецких дивизий кольцо русских войск сузилось настолько, что им пришлось капитулировать.

Государственный переворот в румынской столице был уже давно подготовлен с ведома короля. Еще в марте доверенные люди короля Михая установили через Каир связь с западными державами. С Советским Союзом внутрирумынская оппозиция поддерживала контакт при посредничестве жившего в эмиграции бывшего чехословацкого президента Бенеша. 2 апреля Молотов в речи по радио заверил румын, что Советский Союз, кроме возвращения Бессарабии, не имеет никаких территориальных претензий к Румынии и не намерен ничего изменять в ее социальной структуре. Все эти дипломатические события немцами не были поняты или достаточно правильно оценены. Немецкий посол и военная миссия были застигнуты переворотом врасплох и задержаны в Бухаресте. Предпринятая тотчас же после переворота попытка овладеть стратегически важными пунктами страны и особенно наступление, поддержанное ударом с воздуха по аэродрому Бэняса под Бухарестом, потерпели неудачу в результате сопротивления румын. Удалось отстоять лишь Плоештинский нефтяной район, использовав для отражения румынских атак имевшуюся там зенитную артиллерию и части аэродромного обслуживания.

24 августа немецкое радио объявило, что в Румынии организовано движение против короля и что группа, возглавившая это движение, обратилась к народу и армии с призывом продолжать борьбу против большевизма. Конечно, эта идея в действительности и не мыслилась всерьез, учитывая разочарование и усталость от войны румынского народа; она лишь преследовала цель ослабить впечатление, произведенное на немецкий народ потерей еще одного союзника. Фактически Румыния, следуя примеру Италии, с развевающимися знаменами перешла в противоположный воюющий лагерь. Новое правительство немедленно объявило Германии войну, даже не попытавшись привлечь народ на свою сторону перспективой быстрого окончания военных действий на территории страны и надеждами на возврат областей, отошедших в 1940 г. к Венгрии. Уже на следующий день Болгария также порвала с Германией. Активно она в войне никогда не участвовала, однако предоставляла свою территорию в распоряжение немецких войск, участвовала в дележе греческой и югославской территорий и содействовала борьбе с югославскими партизанами во вновь приобретенных областях. Теперь она вывела находившиеся в этих районах войска и попросила правительства Соединенных Штатов и Великобритании обнародовать условия перемирия. По адресу Москвы, с которой она никогда не находилась в состоянии войны, она по-прежнему заявляла о своем неуклонном нейтралитете. Однако это был с ее стороны довольно наивный шаг – попытаться примкнуть к западным державам и надеяться, что Советский Союз остановится у границы нейтральной Болгарии. Русские обладали неограниченной реальной властью в Юго-Восточной Европе и намеревались использовать ее в полной мере.

Тем временем русские продолжали свое победоносное наступление. Завершив в Молдавии ликвидацию окруженных немецких войск, они через Роман и Бакэу устремились к Карпатам, повернув, однако, главными силами затем на юг и юго-запад. Севернее Дуная войска 2-го Украинского фронта Малиновского продвигались через район Фокшаны, Галац в направлении Бухареста и Плоешти. 30 августа Плоештинский нефтяной район, упорно оборонявшийся от русских и румын наземными частями ВВС и оттянувшимися сюда разрозненными частями сухопутных войск, был потерян для Германии. С экономической точки зрения это был для нее самый тяжелый удар: теперь немцы могли рассчитывать, если не считать незначительных немецких и венгерских природных запасов нефти, только на собственное производство горючего синтетическим путем. Последнее же сильно осложнялось непрерывными налетами авиации западных держав и даже при максимальном напряжении не в состоянии было хотя бы приблизительно покрыть ощущавшуюся потребность в горючем. В тот же день русские войска вступили в Бухарест со стороны Плоешти и с востока. Армии

Толбухина при содействии Черноморского флота очистили дельту Дуная, вторглись в Добруджу и 30 августа захватили Констанцу.

Занятие Румынии и Болгарии не представляло большой трудности. В то время как вступившие в Добруджу русские армии, продвигаясь на юг, взяли Варну и оттуда по железной дороге направили две дивизии на Софию, 2-й Украинский фронт частью сил 8 сентября перешел у Джурджу через Дунай. 5 сентября русские формально объявили Болгарии войну, чтобы иметь предлог для вступления на ее территорию. Хотя болгарское правительство 7 сентября сообщило, что в стране нет больше немецких войск и что не успевшие уйти остатки их интернированы, а 8 сентября даже объявило Германии войну, это ему не помогло.

Наступавшие в центре армии Малиновского пересекли Валахию, вышли 6 сентября передовыми частями к Дунаю у Турну-Северина и протянули руку помощи партизанам Тито. Другая часть сил фронта с юга вторглась в Трансильванию, где сразу же натолкнулась на неожиданно сильное немецкое сопротивление на вновь созданном оборонительном рубеже группы армий «Юг».

Советский Союз добился своей политической цели, заключавшейся в том, чтобы раньше западных держав утвердиться на Балканском полуострове, где он мог теперь провести политические преобразования, а также открыл ворота для продвижения в районы Юго-Восточной Европы.

7. Окружение Курляндской группировки. Вторжение в Восточную Пруссию

В то время как на юге русские армии стремительно продвигались по Болгарии и Румынии и готовились нанести удар по Германии с юга, на севере возобновилось русское наступление против группы армий «Север».

Ленинградский фронт под командованием Говорова, действовавший в районе Нарвы, получил подкрепления с финского фронта и, прорвав 15 сентября немецкую оборону, стал продвигаться своим северным крылом вдоль Финского залива. 21 сентября русские взяли Таллин, а два дня спустя – Палдиски. Тем самым пали последние немецкие военно-морские базы на побережье Финского залива. Русский Балтийский флот, уничтожив минные заграждения, перенес свои действия на просторы Балтики. Другая часть сил Ленинградского фронта повернула на юго-запад и 24 сентября вышла к Пярну на восточном побережье Рижского залива. Погрузка немецких войск на суда осуществлялась здесь под интенсивными ударами русской авиации, в результате которых было уничтожено несколько транспортов. Между ударными группировками, продвигавшимися на Палдиски и Пярну, действовала еще одна в направлении на Хаапсалу. Эта группировка после захвата Хаапсалу приступила к овладению островами Хиума (Даго), Муху (Моон) и Сарема (Эзель), которые через несколько дней оказались в руках русских. Лишь на полуострове Сырве на южной оконечности острова Сарема (Эзель) немецкие войска упорно оборонялись до 23 ноября.

Южнее крыло войск Говорова вышло 24 сентября к Валмиере и установило здесь связь с 3-м Прибалтийским фронтом Масленникова, который вместе с обоими другими Прибалтийскими фронтами, действовавшими южнее, перешел 15 сентября в наступление на Ригу. Войска 3-го Прибалтийского фронта, продвигаясь южнее Тарту вдоль железной дороги Псков – Рига, отбросили обороняющуюся здесь 18-ю армию через Валгу на юго-запад, 2-й и 1-й Прибалтийские фронты наступали на Ригу по обе стороны Западной Двины, причем 1-й Прибалтийский фронт одновременно должен был ликвидировать выступавший до Бауски немецкий плацдарм южнее Риги и прорвать примыкавшие к нему позиции войск 3-й танковой армии с целью вновь перерезать восстановленную в августе связь по суше с Восточной Пруссией, 16-й немецкой армии удалось задержать наступление до тех пор, пока [630 – Схема 49] основные силы 18-й армии не были отведены через Ригу на юго-запад. Узкий коридор у Тукума также сохранился в руках немцев. Русские не располагали здесь достаточными силами, чтобы завершить окружение группы армий «Север» в районе Риги. Столь же безуспешными оказались и их попытки атаковать Ригу с севера и востока, предпринятые в конце сентября при поддержке проникших в Рижский залив кораблей Балтийского флота.

В начале октября русские перешли в новое наступление на Ригу, одновременно пытаясь

осуществить прорыв к побережью Балтийского моря. Нанесенный на широком фронте удар с участием войск действовавшего южнее 3-го Белорусского фронта увенчался успехом. 10 октября левый фланг армии, наступавшей на фронте от Таураге до Клайпеды (Мемеля), вышло к границе Восточной Пруссии. Северной Клайпеды русские достигли небольшого порта на Балтийском побережье – Паланги. В результате группа армий «Север» оказалась окончательно отрезанной. Другой удар русских, нанесенный из района Елгавы на Кулдигу, был отражен в самом начале. Рига после ожесточенных уличных боев примерно к середине месяца оказалась в руках русских.

Гитлер снова был засыпан со всех сторон просьбами дать группе армий «Север» приказ пробиваться в Восточную Пруссию. После предпринятой Гудерианом 9 октября безуспешной попытки склонить Гитлера к такому шагу в ставку прибыл начальник штаба группы армий «Север» с аналогичной просьбой, но и он не смог добиться принятия назревшего решения. Гитлер заявил, что он рассчитывает на скорое изменение обстановки, после чего курляндская группировка будет необходима ему для нанесения русским удара во фланг. В результате группа армий осталась на большом плацдарме, куда она была оттеснена русскими. Справа этот плацдарм примыкал к Балтийскому морю примерно в 30 км южнее Лиепай (Либавы), слева – к Рижскому заливу севернее Тукума, выступая в центре до района восточнее Мажейкя. Двадцать шесть испытанных в боях на Востоке дивизий, в том числе две танковые дивизии, и крупные силы артиллерии оставались в этом районе, который они удерживали с неиссякаемой энергией до самого конца. Лишь 10 из них были вывезены по морю в первые месяцы 1945 г. для обороны рейха. Несмотря на все поступающие и постоянно повторявшиеся контрпредложения, Гитлер настоял на своем, рассчитывая, что подобным образом удастся сковать больше русских сил.

Какими соображениями руководствовался он, выражая 16 октября надежду на скорый перелом в обстановке, остается непостижимым. Была ли это всего-навсего безответственная попытка отделаться от предостережений своих озабоченных генералов, или же он действительно считал себя достаточно сильным в Восточной Пруссии, чтобы, отразив русские удары, предпринять собственное наступление? Едва лишь он успел объявить свой непонятный прогноз, как русские и с востока начали наступление на Восточную Пруссию, преследуя цель осуществить прорыв на Кенигсберг. Вскоре в наступление перешли все их войска вплоть до района Августова. Боевые действия были перенесены на территорию Восточной Пруссии. С начала октября немецкой авиацией отмечались крупные сосредоточения войск противника в районе южнее и юго-западнее Каунаса. Новые артиллерийские позиции, жесткий контроль за радиосвязью и перебежчики – все это были безошибочные признаки подготавливаемого на широком фронте наступления. 16 октября началось наступление 3-го Белорусского фронта, развернувшееся вскоре на 140-километровом фронте. Предпринятое из района Ширвиндта продвижение противника севернее железной дороги Эйткау-Инстербург удалось приостановить лишь у Шлоссберга. Вдоль шоссе Вилкавишкис-Эбенроде русские нанесли на узком фронте особенно массивный удар с применением крупных танковых сил и большого количества штурмовой авиации и добились глубокого вклинения в целом ряде пунктов. Приостановить наступление противника на этом направлении удалось лишь несколько западнее Эбенроде. В последующие дни русские распространили фронт своего наступления до района Августова. По обе стороны пустоши Роминтер Гейде немецкая оборона оказалась прорванной. К 22 октября русские, развивая прорыв, вышли к Неммерсдорфу на реке Ангерапп и создали угрозу охвата Гумбиннена с юга и юго-запада. В центре они овладели Гольдапом. На юге их наступление удалось приостановить лишь после потери Филипува, Сувалок и Августова.

Подтянув свои резервы, 4-я армия под командованием генерала Хоссбаха сумела в последний момент лишить русских возможности выйти на оперативный простор севернее Роминтер Гейде. Контратаками против флангов вбитого клина к 27 октября была уничтожена значительная часть прорвавшихся до реки Ангерапп сил противника и закрыта образовавшаяся здесь брешь. 5 ноября после соответствующей перегруппировки 4-я армия контрударом вернула также Гольдап.

Между Неманом и Августовом русские бросили в наступление пять армий, имевших в общей сложности около 40 стрелковых дивизий и большое число танковых соединений. Они оставили на поле боя около 1000 уничтоженных танков и свыше 300 орудий.

Русскому командованию на примере этого в конечном счете неудавшегося наступления пришлось убедиться в том, что ему будет не легко овладеть восточным бастионом рейха. Поэтому оно пока отложило осуществление своих планов с расчетом развернуть впоследствии более широкие операции.

8. Наступление русских войск в Венгрии

После разгрома группы армий «Южная Украина» русские считали своей первой задачей обеспечить безусловное осуществление своих политических целей в Румынии и Болгарии. Это представлялось им настолько важным, что они решили использовать для выполнения этой задачи большую часть своих сил, временно отодвинув проведение дальнейших военных операций на второй план.

Лишь часть сил 2-го Украинского фронта следовала за откатывавшимися остатками 6-й и 8-й армий. Кроме того, румыны получили приказ незамедлительно выставить собственную армию для «освобождения Трансильвании».

Немецкая группа армий с огромной энергией приступила к выполнению задачи по обороне Трансильвании вплоть до Восточных Карпат. Из состава 8-й армии избежали полного разгрома примерно пять дивизий и отдельные части других соединений – это были преимущественно войска, находившиеся западнее района яского прорыва. Они заняли горные перевалы в Восточных Карпатах, примыкая к 1-й венгерской армии, которая южным флангом оборонялась у перевала Борго и в свою очередь примыкала на севере к 1-й немецкой танковой армии. Оборона 8-й армии проходила в основном по гребню Восточных Карпат, где она прикрывала перевалы Тульгес, Гимеш и Ойтуз от атак противника из долин Бистрицы и Тротуша. Южнее перевала Ойтуз линия фронта поворачивала на запад, проходя в дальнейшем примерно вдоль границы, установленной в 1940 г. по решению Венского арбитража. Вплоть до района северо-восточнее Брашова была организована не очень прочная, но удерживаемая почти всюду немецкими соединениями оборона.

Гораздо хуже сложилась обстановка для 6-й армии, которой удалось отвести с Днестра лишь незначительную часть своих сил. Большинство обозов и тыловых служб вместе с частями аэродромного обслуживания ВВС в условиях резко усилившейся враждебности румынского населения пробились от Серета до реки Бузэу. Затем они вместе с защитниками Плоешти бесконечной колонной стали отходить по долине Бузэу, а частично через перевал Предял на север. Выделенные из состава колонны подразделения, отбившиеся от своих частей, удерживали южные склоны гор по обе стороны дороги, по которой осуществлялся отход. Так продолжалось до тех пор, пока колонна с огромным трудом не преодолела извилистую горную дорогу в долине Бузэу. Из этих жалких остатков севернее и северо-западнее Брашова под командованием энергичных офицеров были созданы новые боевые группы. Они заняли оборону вдоль проходящей здесь венгеро-румынской границы и составили ядро новой 6-й армии. Когда русские, заняв 5 сентября Брашов, попытались продвинуться дальше на север, эти войска оказали им успешное сопротивление. Еще дальше к северо-западу венгры, объединив несколько почти необученных запасных дивизий во 2-ю армию, сосредоточили последнюю в районе Клуж, Орадя. Между смежными флангами 6-й немецкой и 2-й венгерской армий остался неприкрытый участок, на котором в начале сентября нанесла удар созданная в районе Брашов, Сибиу румынская армия. За нею подтягивались крупные силы русских, имевшие задачу осуществить через южнокарпатские перевалы вторжение в Трансильванию.

Немецкое командование, несмотря на то что в его распоряжении имелось лишь небольшое количество немецких и венгерских войск, приняло следующее решение: удерживая Восточные Карпаты, предпринять наступление на юг с целью отбросить румын в горы и захватить перевалы, прежде чем по ним пройдут крупные силы русских. Особой надежды на успех этого дерзкого плана не было. Во всяком случае, можно было, однако, рассчитывать на сковывание крупных русских сил и на выигрыш времени, необходимого для подготовки обороны совершенно неприкрытой к тому времени Средне-Дунайской низменности. Наступление, предпринятое 5 сентября с рубежа Клуж, Тыргу-Муреш преимущественно венгерскими дивизиями быстро отбросило ошеломленных и не отличавшихся высокой боеспособностью

румын назад к реке Муреш. Обнаружив грозившую им опасность, русские в спешном порядке ввели в бой уже переброшенные через хребет силы и, не ограничившись переброской через горы первоначально предусмотренных армии, подтянули сюда также находившийся уже у Железных Ворот на Дунае корпус, который предназначался для продвижения в северо-западном направлении. Такая реакция со стороны русских означала, что достигнуто все, чего можно было добиться слабыми немецко-венгерскими силами, и что прежде всего на время отдалена угроза вторжения в Средне-Дунайскую низменность.

Русские тем временем подготовились к наступлению. К середине сентября они довели численность сил, использовавшихся ими против, по существу, вновь создаваемой немецкой группы армий, до трех полевых и одной танковой армий, имевших 25 стрелковых дивизий и 4 подвижных корпуса. С помощью этих сил они намеревались уничтожить, взяв в клещи, немецко-венгерские войска, удерживавшие далеко выступающую здесь в юго-восточном направлении оборону. Основные силы Малиновский бросил в район южнее Клужа, остальные войска должны были прорывать немецкую оборону в Восточных Карпатах. Под напором этих крупных сил удержать растянутый фронт немецко-венгерские войска, конечно, не могли. Особенно нуждался в усилении слабый западный фланг 6-й немецкой армии. Поэтому юго-восточный Секлерский выступ был эвакуирован и оборона перенесена за верхнее течение реки Муреш. Пока осуществлялся этот маневр, в районе Клужа удалось предотвратить прорыв русских с помощью сил, прибывших сюда в самый последний момент. Бои в этом районе продолжались до конца месяца. Восточные Карпаты также удалось удержать. После этого русские отказались от попытки уничтожить силы немецкой группы армий, получившей тем временем более подходящее наименование «Юг». Они удовлетворились захватом более обширного района на своем правом крыле и приступили к подготовке новой крупной операции.

Теперь на юге они хотели захватить Югославию, а на севере выйти в Средне-Дунайскую низменность и овладеть Будапештом. При этом русские рассчитывали, что теперь удастся отколоть от Германии ее последнего восточноевропейского партнера – Венгрию, уже проявлявшую признаки готовности к примирению.

Еще в ходе боев у Клужа Малиновский повернул в долине Муреша и южнее частью сил на запад и вышел ими 19 сентября к Тимишоаре, а на следующий день – к Араду. До конца месяца эти войска, численность которых непрерывно возрастала, продвинулись на север вплоть до района восточнее Дьюлы и Салонты. Кроме того, из района Клужа к Орадя были переброшены танковые соединения.

Этим изготавливающимся для крупных операций силам противника вначале противостояли лишь венгерские части, сведенные в 3-ю армию. Возложенная на них задача не допустить выхода противника из горной местности в долину Тиссы была им явно не по плечу. Высшее германское командование, вероятно, знало о приготовлениях русских, однако оно не располагало войсками, которыми можно было бы усилить венгров. Вместо этого оно намеревалось создавшейся танковой группой нанести фланговый удар из района Орадя и западнее с намерением отрезать противника, наступавшего с рубежа Тимишоара, Арад, Дьюла от горных перевалов. Проведение контрудара было возложено на 6-ю армию. Командование группы армий «Юг» должно было перебросить в этот район также крупные силы из состава 8-й армии. Так как запрос командования группы армий относительно отвода далеко выступавшего фронта 8-й немецкой и 1-й венгерской армий был все-таки отклонен, ему не оставалось ничего другого, кроме снятия значительных сил с рубежа Орадя, Клуж и включения их в создаваемую танковую группу. Едва только первая из прибывших танковых дивизий, которая должна была нанести удар с целью сужения района сосредоточения русских войск юго-западнее Орадя, успела перейти в наступление и в ходе успешных боев продвинуться до района Салонты, как 5 октября началось давно ожидавшееся русское наступление, 3-я венгерская армия сразу же была опрокинута. Через несколько дней русские у Сентеша, Сегеда и западнее Бекерета вышли к Тиссе и в двух последних пунктах с хода форсировали ее. Одновременно южное крыло армий Малиновского продвигалось через Панчево на Белград.

В это же время Толбухин форсировал у Свилайнаца Мораву и стал наступать на Белград с юга. 15 октября югославская столица была окружена, а тремя днями позже перешла в руки русских. Пока войска Толбухина форсировали Мораву еще южнее, чтобы совместно с

югославскими партизанами отрезать пути отхода немецким войскам, находившимся в Греции, южное крыло войск Малиновского очистило от немецких войск район Нови-Сада и Сомбора, оттеснив их на придунайские предмостные позиции между Сомбором и Байей. Здесь проявилась одна из несуразностей организации немецкого высшего военного командования: группа армий «Юго-Восток» фельдмаршала фон Вейхса действовала на «театре военных действий ОКВ», а у Байи начинался Восточный фронт, подчинявшийся ОКХ.

Гораздо меньшими, чем у Белграда и на фронте 3-й венгерской армии, были успехи центра и правого крыла 2-го Украинского фронта, наносивших удар с рубежа Салонта, Дьюла, Арад через Тиссу в северо-западном направлении. В районе Орадя, Сольнок, Дебрецен вскоре, после начала русского наступления оказалось столько немецких войск, что русские вынуждены были повернуть основными силами на север, дабы устранить эту серьезную угрозу с фланга. В особенно благоприятной для применения танков обширной и равнинной местности между 7 и 15 октября то и дело вспыхивали танковые бои крупных масштабов, в ходе которых устремившиеся вперед русские танковые и кавалерийские соединения были окружены южнее Дебрецена и только ценой тяжелых потерь последующие эшелоны спасли их от полного уничтожения. Но и потери немцев были весьма большими. Город Орадя пришлось оставить; оборонявшаяся там только что пополненная пехотная дивизия была почти полностью уничтожена. Однако, несмотря на эти потери, 6-я армия добилась в обороне значительных успехов. Крупнее предмостное укрепление у Сольнока преградило русским путь на Будапешт. Кроме того, противник вынужден был отказаться от первоначального своего намерения осуществить прорыв через Тиссу. Прорыв на север ему также не удался. Это имело тем большее значение, что 8-я немецкая и 1-я венгерская армии продолжали планомерный отход на запад.

Выход русских в Средне-Дунайскую низменность, превративший и собственно венгерскую территорию в арену борьбы, явился последним толчком, который побудил уже давно заколебавшегося в своей союзнической верности венгерского регента Хорти обратиться к противнику: Хорти питал надежду на то, что таким путем ему удастся избавить свою страну от ужасов войны. Будапештское радио объявило 15 октября, что регент обратился к державам-противникам с предложением заключить перемирие. Хорти обосновывал свой шаг тем, что Германия не выполнила своих союзнических обязательств и прежде всего не обеспечила в достаточных размерах обещанную венграм помощь для обороны их страны; кроме того, она в течение целого ряда месяцев самым непопозволенным образом вмешивалась во внутренние дела Венгрии. Хорти заявил, что он не может допустить, чтобы территория Венгрии в ходе уже проигранной войны превратилась в арену арьергардных боев в интересах чужой державы, и поэтому сообщил представителю рейха в Будапеште о намерении Венгрии заключить перемирие с врагами и прекратить военные действия. В этом заявлении оставалось неясным, прекратят ли венгерские войска борьбу немедленно или же только после заключения перемирия. Но события приняли не такой оборот, о каком мечтал Хорти и стоявшие за ним круги. Дело в том, что на венгерской территории, особенно в Будапеште и вокруг него, находились крупные немецкие силы, а на решающих участках фронта использовались немецкие дивизии. Военная власть в стране еще со времени мартовского кризиса была сосредоточена в немецких руках. Кроме того, в стране в течение многих лет существовала идеологически близкая национал-социализму и одновременно резко антибольшевистски настроенная организация «Скрещенные стрелы» во главе с Салаши. Однако до сих пор ей не удавалось обеспечить себе решающее влияние в стране. Теперь она с немецкой помощью пришла, наконец, к власти. 16 октября Хорти был арестован в будапештском дворце и вывезен в Германию, а регентом вместо него назначен Салаши.

И вот немецкий народ оказался одиноким, если не считать марионеточных правительств в Италии и Венгрии, перед лицом наступавших на всех фронтах врагов. После успешной высадки западных держав во Франции положение стало бесперспективным. В Италии немецкая группа армий вела тяжелые оборонительные бои на Апеннинах; правда, пока еще было неясно, прорвется ли противник в долину реки По. На западе союзные армии достигли границы рейха и частично перешли ее. Армии курляндской группировки были отрезаны, Восточная Пруссия окружена с трех сторон. На Средней Висле продвижение русских временно приостановилось,

однако оборонявшимся там армиям лишь ценою невероятного напряжения удавалось препятствовать наступлению русских с захваченных плацдармов. На юге Восточного фронта грозил прорыв на Будапешт и Вену. Попытка удержаться на Балканах на рубеже Салоники, Скопле, Ниш, Белград провалилась. Грецию и большую часть Югославии пришлось спешно эвакуировать, чтобы спасти находившиеся там немецкие силы, прежде чем они могли быть отрезаны противником, и с их помощью организовать новую оборону между Белградом и побережьем Адриатического моря. Беспощадно и почти беспрепятственно бомбардировщики противника день и ночь громили немецкие города и промышленные предприятия. Нехватка горючего и конструктивные недостатки, объяснявшиеся постоянным вмешательством Гитлера, лишили немецкую авиацию ее мощи.

Подводные лодки уничтожали лишь жалкую частицу тех огромных морских армий, с помощью которых западные державы перебрасывали свои войска и снаряжение через океан.

Не видеть всех этих фактов Гитлер не мог, но, несмотря на это, он призывал немецкий народ к продолжению борьбы. В воззвании от 18 октября, в котором действительное положение невероятно искажалось или замалчивалось, он объявил о создании фольксштурма. «В то время как враг думает, что пришла пора нанести последний удар, – говорилось в этом воззвании, – мы полны решимости снова напрячь все имеющиеся у нашего народа силы. Мы должны – и действительно сможем, как и в 1939 и 1940 гг., – полагаясь исключительно на нашу силу, не только сломить волю стремящихся уничтожить нас врагов, но и отбросить их назад и удержать рейх до тех пор, пока не будет обеспечен мир, гарантирующий будущее Германии, ее союзников, и, следовательно, всей Европы».

Сравнение с 1939 и 1940 гг. вызывало недоумение. Заявление о том, что можно задержать миллионные армии и десятки тысяч танков усилиями «всех способных носить оружие мужчин в возрасте от 16 до 60 лет», которые не могли быть даже вооружены должным образом, а в силу мобилизации, проводившейся в рамках партии, – и надлежащим образом обучены и использованы, было явно безответственно. И тем не менее смесь подлинной преданности отечеству и безграничной веры в этого человека, которую не могли поколебать никакие поражения, поддерживала массы и направляла их по нужному для него пути. Геббельс умел внушить народу мистическую веру в то, что все принесенные до сих пор жертвы не были напрасны и будут по справедливости вознаграждены. Устоять, а не сдать в решающий час, как в 1918 г., – таков был лозунг. Отчаянное положение великого короля в последние годы Семилетней войны приводилось как доказательство того, что народ может добиться победы даже в самой трудной обстановке, если его ведет твердая рука и если он сам не сдастся. Никакая другая историческая параллель не могла быть более абсурдной. Мираж чудодейственного оружия, изготовления которого стоило только дожидаться, помогал преодолевать сомнения в благополучном исходе грозных событий. Попавший в беду народ цеплялся за каждую соломинку. Войска же знали отныне только один долг – защищать границы рейха, над которыми нависла опасность. И, наконец, требование «безоговорочной капитуляции», рассчитанное не только на Гитлера и его режим, привело даже многих благоразумных людей к логически вряд ли обоснованной надежде, что упорное сопротивление, возможно, еще все-таки откроет какой-нибудь пока неизвестный путь к более благоприятному завершению борьбы.

На венгерские войска призыв Хорти не оказал такого рокового воздействия, как за несколько месяцев до этого измена короля Румынии – на румын. Лишь в 1-й венгерской армии генералы во главе с командующим армией генералом Миклош Бела порвали с немцами и установили связь с русскими. Позже Миклош Бела образовал временное венгерское правительство с привлечением в него венгерских политических деятелей левого направления.

Русские ожидали большего. Они рассчитывали, что находившиеся в Трансильвании силы им удастся уничтожить так же, как это удалось в свое время в Бессарабии. Они с новой силой возобновили свои атаки против 6-й и 8-й армий. Одновременно 4-й Украинский фронт начал преследование отступавших с Восточных Карпат немецко-венгерских войск.

Нанесенный 17 октября удар Малиновского был нацелен на Дебрецен. Оттуда русские армии должны были продвигаться на Ньиредьхазу и Токай с целью овладеть переправами 8-й армии через Тиссу и отрезать пути отхода продолжавшим борьбу на стороне немцев частям 1-й

венгерской армии. Измотанные танковые дивизии 6-й армии, лишь медленно отступая, могли сдерживать натиск русских. 20 октября пришлось оставить Дебрецен. В тесном взаимодействии два кавалерийских и один танковый корпус русских через день прорвали немецкую оборону и вышли к Ньиредьхазе, а головными танковыми частями – даже к Токаю, в то время как 8-я армия и венгры все еще осуществляли свой трудный отход по узким горным долинам Трансильвании. После прорыва русских на Токай судьба 8-й армии была, казалось, предрешена.

Однако последним огромным напряжением сил немецким танкам удалось пробиться с запада через боевые порядки прорвавшихся русских войск и рано утром 23 октября соединиться южнее Ньиредьхазы с наступавшими с востока передовыми частями 8-й армии. При этом были также отрезаны прорвавшиеся подвижные войска русских. В ходе четырехдневных исключительно ожесточенных боев заслон, созданный южнее отрезанных русских сил, удалось удержать, несмотря на все атаки с севера и юга. Лишь остатки подвижных соединений русских, бросив всю технику, сумели пробиться на юг.

К концу октября 8-я армия занимала новую оборону по реке Тиссе у Токая. Восточнее Кошице она примкнула к 1-й танковой армии, которая при общем отходе также оттянула свой правый фланг, занимая дальше к северу хорошо подготовленную оборону по Карпатам вплоть до Ясло. Восстание словацких войск, соединившихся в ее тылу с чешскими повстанцами и пытавшихся покончить с немецким господством, было подавлено силами фронтовых частей. Как и в Варшаве, чехословацкие повстанцы в надежде на поддержку приближавшихся русских войск поднялись слишком рано. Они были оттеснены в верховья Грона у Зволена и там обезврежены.

Тем временем 2-й Украинский фронт подтянул новые крупные силы в район между Нижней Тиссой и Дунаем. Южнее Байи его соединения были сменены 3-м Украинским фронтом. Малиновский полагал, что наступило время для нанесения удара на Будапешт. Перед ним была лишь 3-я венгерская армия, которой в качестве единственной немецкой помощи был придан для консультаций немецкий корпусной штаб без войск. 29 октября Малиновский прорвал венгерский фронт в направлении Кечкемета. В ходе стремительного преследования русские танки вышли в район юго-восточнее Будапешта, где наткнулись на противотанковые рвы. Тем не менее в городе возникла паника. Дипломатическому корпусу предложили покинуть город в течение 24 часов. Однако в действительности угроза городу была еще не настолько велика, как могло показаться в тот момент.

Когда венгерский фронт у Кечкемета рухнул, стоявшему на Тиссе штабу 6-й армии было немедленно поручено организовать оборону в междуречье Дуная и Тиссы, куда уже подтягивались новые силы. Испытанные в боях за Дебрецен танковые дивизии, находившиеся в тот момент на пополнении, были брошены из района севернее Сольнока во фланг наступавшей на Будапешт русской группировке, благодаря чему юго-восточнее венгерской столицы вскоре наступила заметная разрядка и оказалось возможным удержать крупное предместное укрепление на восточном берегу Дуная. С тем большей силой разгорелись бои в районе Цеглед, Сольнок, в ходе которых немецким войскам пришлось отойти на правый берег Тиссы и, оказывая ожесточенное сопротивление, начать постепенно отступление к северу. Однако связь с Будапештом на западе и с обороной по Тиссе на востоке была сохранена и прорыв Малиновского на север предотвращен. Венгры после прорыва их обороны у Кечкемета отошли на длинный дунайский остров Чепель, благодаря чему в известной мере обеспечилось прикрытие столицы с юга. Превосходство войск Малиновского между Дунаем и Тиссой было настолько подавляющим, что немецкие войска постепенно были оттеснены на рубеж Гёдёллэ, Эгер, Токай, хотя связь с Будапештом сохранилась.

Итак, Малиновский бросил все свои войска против немецкой группы армий «Юг» и, тем не менее, решающего успеха не добился. Нужны были дополнительные силы, чтобы вплотную подойти к решению большой задачи – захвата всей Венгрии и создания плацдарма для наступления на Вену и Южную Германию. С этой целью 3-й Украинский фронт, выполнивший тем временем свои задачи в Болгарии и Югославии, в конце ноября нанес удар через Дунай с рубежа Пакш, Апатин. Он имел задачу продвигаться по обе стороны озера Балатон, с тем чтобы одновременно перерезать коммуникации находившихся еще в Югославии соединений группы армии «Юго-Восток». Толбухин разгромил удерживавшиеся на восточном берегу Дуная

немецко-венгерские предмостные позиции столь основательно, что оборонявшие их войска, понеся высокие потери и бросив большое количество оружия и снаряжения, откатились за Дунай, не сумев удержаться и на западном его берегу. Толбухин, следуя за ними по пятам, форсировал реку у Мохача и Байи. Навязанный немецким войскам отход на Печ сложился особенно неудачно, так как находившиеся вместе с ними венгры либо разбежались, либо капитулировали. Печ был оставлен. Лишь у Надьканижи наступление русских приостановилось перед новым немецким оборонительным рубежом, примыкавшим на юге к реке Драва, а на севере к озеру Балатон. Однако Толбухин одновременно повернул на северо-запад, создав угрозу Будапешту и глубокому флангу группы армий «Юг», которой вновь пришлось снять силы со своего фронта с целью предотвратить широко задуманный русский маневр. Одна немецкая танковая дивизия продвинулась до района Сексарда, но оказалась слишком слабой, чтобы в одиночку отразить русский удар. Туда же для предотвращения русского прорыва между озером Балатон и Дунаем был выслан штаб 6-й армии с еще одной дивизией. Командование армии обнаружило между озерами Балатон и Ведение не занятую войсками, весьма слабо оборудованную оборонительную позицию, во многих местах затопленную и примыкавшую на северо-востоке к Дунаю южнее Будапешта. Попытки приостановить русское продвижение южнее этого рубежа на кратчайшей линии между Балатоном и Дунаем оказались тщетными. Тогда четырьмя дивизиями кое-как был прикрыт межозерный рубеж, который, после того как немецкие войска сумели остановить опасное продвижение русских войск северо-восточное озеро Веленце, удалось удержать. Переброска нескольких танковых соединений из района восточнее Будапешта и успехи Толбухина побудили Малиновского в середине декабря возобновить атаки в северном направлении с целью взломать, наконец, оборону между Тиссой и Дунаем, что он и смог сделать на ослабленном восточном фланге 6-й армии относительно легко. Русские танки достигли Балашшадьярмата, откуда они повернули на запад – в долину реки Ипель. Одновременно часть ударной группировки повернула еще круче на юг в направлении Дуная, окружив Будапешт с востока и севера и выйдя к Дунаю у Ваца. 8-я армия была отброшена через Мишкольц до бывшей чешско-венгерской границы, зато попытка русских потеснить южный фланг 1-й танковой армии у Кошице оказалась неудачной.

Успехи Малиновского и Толбухина, естественно, ставили на повестку дня прорыв обороны 6-й армии, с тем чтобы отрезать все пути, идущие от Будапешта также и на запад. Особую опасность для 6-й армии представлял удар войск Малиновского, находившихся уже в долине Ипеля и грозивших разгромить немецкую оборону и в долине Дуная западнее Ваца. Это вынудило командование группы армий перебросить через Дунай сосредоточенные южнее реки резервы, которые первоначально предназначались для давно уже подготавливавшегося контрудара с целью отбросить назад южное крыло войск Малиновского по обе стороны гор Бёржён и восстановить связь с оборонявшимся у Балашшадьярмата восточным флангом 8-й армии.

Едва только эти силы оказались на левом берегу Дуная, как Толбухин 19 декабря предпринял наступление против 6-й армии между озерами Балатон и Веленце. Здесь двум закаленным в боях танковым дивизиям удалось отразить наносившийся крупными силами удар русских, но оборона северо-восточнее озера Веленце была прорвана. Русские войска тотчас же веерообразно устремились на север, северо-запад и запад. На севере русские через Бичке вышли к Дунаю у Эстергома и перерезали последнюю коммуникацию, ведущую к Будапешту, который 24 декабря был окружен. В северо-западном направлении им удалось глубоко продвинуться и достичь гор Баконь; их удалось остановить лишь в районе восточнее Таты. Одновременно ударом в западном направлении была опрокинута оборона между озерами Балатон и Веленце{50}.

Севернее Дуная попытка отбросить русских по обе стороны гор Бёржён, несмотря на понесенные при этом тяжелые потери, оказалась неудачной. Фронт стабилизировался лишь на реке Грон.

Еще вечером 24 декабря Гитлер через голову начальника генерального штаба сухопутных сил приказал перебросить один корпус СС из Восточной Пруссии для усиления обороны в Венгрии, хотя ослабление восточно-прусского фронта должно было внушать особые опасения. Усиленная этим корпусом 6-я армия 1 января предприняла южнее Дуная контрудар, чтобы

восстановить связь с Будапештом; однако, несмотря на первоначальные успехи, добиться этой цели она не смогла. Немецко-венгерский гарнизон и созданное из членов организации «Скрещенные стрелы» венгерское ополчение продолжали отчаянно обороняться в постепенно превращавшемся в развалины городе. Когда расположенный на восточном берегу Дуная Пешт пришлось оставить, были взорваны мосты через Дунай, и ожесточенные уличные бои продолжались в западной части города – Буде, где находилась крепость.

Освобождение города и удержание западной части Венгрии стали для Гитлера идеей фикс. Ей он подчинил все прочие соображения и обосновывал ее то внешнеполитическими причинами, то необходимостью защиты последних нефтяных месторождений в Венгрии и Австрии, без которых, по его мнению, немислимо было продолжение войны после утраты румынской нефти и в условиях все усиливавшегося разрушения авиацией противника немецких заводов синтетического горючего. Но что было пользы в горючем, если остальные фронты рушились и были потеряны Верхняя Силезия и Рурская область с их угольными бассейнами? Гитлер и после потери этих жизненно важных для германской экономики районов по-прежнему продолжал упорно цепляться за мысль удержать месторождения нефти в Венгрии и бассейне Дуная. Поэтому можно предполагать, что он по соображениям престижа не хотел покинуть на произвол судьбы последнего остававшегося у него, но в сущности уже фиктивного союзника и чувствовал себя внутренне более тесно связанным с этим районом и находившейся за ним Венной, чем с прочими немецкими областями. Когда окруженный гарнизон Будапешта 13 января с отчаянием запросил по радио помощи, был отдан приказ о новом контрударе с целью освобождения города. Контрудар, в котором приняли участие вновь подтянутые в этот район дивизии, начался 18 января и после трехдневных боев завершился возвращением Секешфехервара, хотя западнее Будапешта опять оказался безуспешным. Но и теперь еще несколько дивизий СС, снятых после наступления в Арденнах с Западного фронта, предназначались для Придунайского района, хотя оборона на Висле и в Восточной Пруссии разваливалась, а в Венгрию эти дивизии могли прибыть лишь в начале марта. Вновь отбросить русских за Дунай – таково было неизменное стремление Гитлера. Вплоть до середины февраля защитники Будапешта, раздробленные на отдельные группы, цеплялись за последние узлы сопротивления в разрушенном городе.

Между тем группа армий «Юг» смогла почти целиком удержаться на рубеже, на который она была отброшена в конце декабря. Примыкавшая к ней на севере 1-я танковая армия занимала оборону между Бескидами и рекой Гроном в ее верхнем течении, 8-я армия, удерживавшая рубеж от стыка с северным соседом до устья Грона, смогла отразить все попытки русских добиться прорыва и даже ликвидировала в конце февраля один из русских плацдармов на этой реке, а 6-я армия препятствовала продвижению русских за горы Баконь. Оборонявшиеся в районе между озером Балатон и рекой Дравой немецкие соединения с ноября были объединены во 2-ю танковую армию и подчинены непосредственно группе армий. Примыкавшая к ним с юга группа армий «Е», которая находилась в ведении ОКВ, прикрывала районы Югославии вплоть до Адриатического моря.

В районе Дуная, как и на Одере, русские, прежде чем перейти в последнее наступление, также должны были сначала восполнить понесенные потери и подтянуть свежие силы. Кроме того, для них немаловажно было использовать новых союзников. С венгерским правительством, которое было образовано на занятой ими территории и на сторону которого перешел также начальник генерального штаба венгерской армии, они заключили 20 января перемирие, потребовав от венгров создания новой армии из восьми дивизий. Болгары также должны были выставить армию, которой предстояло сменить русские дивизии между реками Дравой и Савой.

Но прежде чем русские успели завершить приготовления к новому наступлению, по приказу Гитлера 9 марта в условиях уже дававшей себя знать весенней распутицы последовало немецкое контрнаступление с направлением главного удара по обе стороны озера Балатон. Южнее озера оно вскоре захлебнулось, в районе же Секешфехервара развивалось успешно, и наступавшие здесь войска почти вышли у Херцегфальвы к Дунаю. В этот момент произошло событие, поразившее Гитлера точно гром среди ясного неба. Части использовавшихся в этом наступлении дивизий СС, в том числе отряды его личной охраны, на которых он полагался как

на каменную гору, не выдержали: у них истощились силы и вера. В припадке беспредельного бешенства Гитлер приказал снять с них нарукавные знаки с его именем.

Пока в течение первых четырех месяцев 1945 г. происходили боевые действия на Дунае, у восточных и западных границ Германии стремительно развивавшиеся события также коренным образом изменили обстановку.

Глава XI. Воздушная война против Германии

Под влиянием Гитлера развитие германских ВВС с самого начала войны было направлено по пути, принципиально отличном от путей развития сухопутной армии и ВМС. В сухопутной армии число крупных формирований постоянно и в значительных размерах возрастало, и, кроме того, в обоих видах вооруженных сил производство основных средств борьбы – танков и подводных лодок – с самого начала превосходило ожидаемые потери. Велась систематическая работа по их дальнейшему усовершенствованию и созданию новых видов оружия. В то же время в ВВС лишь к началу французской кампании приступили к планомерному увеличению количества авиасоединений и их оснащению, причем, надо сказать, это не был целеустремленно направлявшийся сверху процесс. Многие в этой области к началу войны было достигнуто, пожалуй, по инициативе самих ВВС. Уже велись работы над реактивным двигателем для самолета Me-163, немало сделали в области развития управляемых бомб и воздушных торпед. Однако все это были лишь планы на более длительный срок, которые на первых порах не могли дать большого практического эффекта и были вскоре расстроены самим Гитлером. В целом германские ВВС оставались на уровне 1939 г.

Этот поразительный факт определялся причинами, которые следовало искать отчасти в концепции гитлеровского военного руководства, частично же в переоценке собственных сил, разделявшейся также и Герингом. Германские ВВС к 1939 г. опередили своих противников, если не считать английских истребителей, в развитии боевой техники, и это преимущество Гитлер и Геринг считали обеспеченным на многие годы и уж наверняка, пока будет продолжаться война. В Польше, Норвегии и Франции действия авиации были более чем удовлетворительными, оказав существенное, а во время действий в Норвегии – решающее влияние на быстрое и успешное завершение кампаний. Геринг, пользовавшийся в то время неограниченным доверием Гитлера, считал, что нет оснований для поисков новых путей в области технического прогресса авиации. Стремление к серьезному экспериментированию проявлялось тем меньше, что уже в течение первого года войны стала ощущаться нехватка алюминия и цветных металлов, а интересы обеспечения всего военного производства в целом настоятельно требовали экономного расходования дефицитного сырья. Дорогостоящие и связанные с большими затратами времени исследования, которые «в ходе войны не смогут окупиться», не должны были проводиться, а имевшиеся производственные мощности военной промышленности надлежало в полной мере использовать для производства уже зарекомендовавших себя образцов вооружения. В июле 1940 г. последовал приказ Гитлера о прекращении всех экспериментальных работ, результаты которых не смогут быть применены в военных целях в пределах ближайших восьми месяцев. Приказ этот, лишь по истечении ряда лет утративший силу, сыграл роль ростка, из которого в решающие годы выросло древо отставания немецкой авиации в области технического прогресса.

Оборона Германии при тогдашнем уровне техники и немецком превосходстве также казалась способной отразить любую угрозу. Высокое развитие зенитной артиллерии с ее орудиями новейших образцов, ПУАЗО и прожекторными установками представлялось, по взглядам того времени, вполне достаточным, чтобы весь этот комплекс средств в сочетании с некоторым числом частей истребительной авиации смог устранить любую опасность, учитывая ограниченный радиус действия вражеских бомбардировщиков. В кругах высшего военного руководства господствовала уверенность, что систематические и непрерывные бомбовые удары противника будут сопровождаться большими потерями с его стороны, которые он не сможет нести в течение длительного времени и в силу этого вынужден будет прекратить свои налеты. Больше того, сама немецкая авиация считалась достаточно сильной, чтобы уничтожить

авиацию противника на ее собственных аэродромах. Возможность вступления в борьбу Соединенных Штатов с их намного превосходящим военным потенциалом до того, как исход войны будет предreshен, считалась маловероятной. Прежде чем это могло произойти, германские руководители рассчитывали завершить войну в Европе и, в частности, против Англии. Если Гитлер в кажущемся противоречии с такой доктриной с самого начала говорил о длительной войне до победного конца, то этими высказываниями в первые годы войны преследовались чисто пропагандистские цели, дабы сразу же лишить нынешних и будущих врагов всякой надежды на успех в войне на истощение. Германское военное руководство вплоть до конца 1941 г. рассчитывало если и не на блицкриг, то, во всяком случае, на такую войну, при которой противники уничтожались бы поочередно, один за другим, что исключало бы возможность образования могущественной антигерманской коалиции. Насколько сильно игнорировалась потенциальная угроза со стороны американской промышленности, можно видеть на примере брошенной первоначально, вероятно, Гитлером и затем подхваченной Герингом пренебрежительной реплики, что американцы умеют делать лишь «форды» и «шевроле», но не самолеты. В силу всех этих причин и не было значительного расширения германских ВВС, которое при существовавших возможностях германской военной промышленности должно было бы осуществляться за счет двух других видов вооруженных сил.

Неудача в битве над Англией, объяснявшаяся главным образом неожиданно эффективными действиями истребительной авиации англичан, а также применением ими радиолокаторов для целей ВНОС, пошатнула считавшееся до тех пор абсолютным превосходство германских ВВС. Гитлер, тем не менее, не видел никаких оснований для изменения их организации. Применительно к противовоздушной обороне рейха опыт боев над Англией мог привести скорее к ложным выводам и укрепить Гитлера в его мнении относительно невозможности добиться поражения любого противника, а следовательно, и Германии ударами с воздуха.

Остававшееся до начала русской кампании время немецкая авиация использовала для восполнения понесенных в результате боев над Англией крупных потерь и для продолжения в ограниченных масштабах воздушной войны против Англии. Истребительные части были оснащены усовершенствованным типом Me-109, а особенно пострадавшие авиачасти тяжелых истребителей переброшены для отдыха и пополнения либо на спокойные театры (например, в Норвегию), либо в пределы рейха. В эту паузу неожиданно ворвался Балканский поход, заставивший раньше времени использовать авиасоединения, которые предназначались для осуществления «плана Барбаросса». Это принесло из-за плохого состояния аэродромов, несовершенного аэродромного обслуживания и трудных условий зимы неожиданно высокие потери.

Гитлер не видел в этих потерях ничего особенного. Ведь он еще до этого заверял, что на Востоке авиация в массе своей будет необходима лишь в первых решающих сражениях, после чего ей предстоит возобновить в более широких масштабах борьбу против Англии. Германское военное руководство было всецело поглощено планами «после „Барбароссы“». После считавшегося совершенно неизбежным русского поражения предусматривалось выделение для нужд ВВС значительно большей доли сырья, производственных мощностей и большого числа рабочей силы из состава общевойсковых объединений, которые к тому времени планировалось расформировать. Предполагалось, что, когда будет повергнут последний крупный противник на суше, военная промышленность автоматически перенесет центр своих усилий на авиацию и подводный флот.

Вопреки всем ожиданиям высших руководителей немецкая авиация в массе своей оказалась скованной в России. Кроме того, после первого же поражения Роммеля в Северной Африке в декабре 1941 г. она вынуждена была оказать помощь крупными силами и на этом театре, так как силы итальянской авиации оказались слишком недостаточными. Военно-воздушные силы оставались важнейшим наступательным оружием в руках германского командования и как таковое с исключительной интенсивностью использовались для поддержки наземных операций, в результате чего оборона рейха полностью отошла на второй план и воздушная война против Англии утратила свое значение. Такой оборот событий представлял тем большую опасность, что Черчилль открыто признал решающее значение воздушной войны

против Германии, склонив к своей точке зрения и Соединенные Штаты. Обе державы развернули самую широкую и тщательную подготовку, с тем чтобы в кратчайший срок добиться полного господства в воздухе на всех театрах военных действий и над контролируемой Германией территорией, ибо они считали это предпосылкой для ослабления германской экономики и победы на полях сражений. Помешать этим приготовлениям путем воздушных налетов на Соединенные Штаты немецкая авиация вообще не могла, а против Англии по недостатку сил могла действовать лишь в ограниченной степени, что практически не играло никакой роли. Пока германские армия и авиация безуспешно сражались на Востоке и в Северной Африке за достижение решающей победы на поле боя, а германский флот – в конечном итоге столь же безуспешно – пытался путем уничтожения транспортов противника сделать невозможным использование американского вооружения в Европе, военно-воздушные силы западных держав добились огромного количественного, а в отношении четырехмоторных бомбардировщиков и качественного превосходства. К износу и потерям материальной части немецкой авиации при тактическом использовании ее на сухопутных театрах военных действий прибавлялось злополучное развитие многотипности, при котором усилия вместо поисков новых путей направлялись на улучшение уже созданного, причем связывавшиеся с такими улучшениями надежды зачастую не оправдывались. В результате поспешно изготовленные крупными сериями машины нередко приходилось снимать с серийного производства, так как они обнаруживали свою непригодность или же за время, прошедшее с момента завершения их конструирования до изготовления, уже успевали устареть в силу быстрого технического прогресса. Германские ВВС все больше удалялись от первоначального своего состояния, когда они не только могли численно противостоять противнику, но и превосходили его в качественном отношении.

С 1940 г. Черчилль последовательно стремился к тому, чтобы сломить боеспособность Германии и Италии путем разрушения промышленности и терроризирования населения этих стран. Против этого было лишь два средства: Германия должна была либо победить, прежде чем западные державы успеют осуществить свою рассчитанную на длительный срок программу, либо же переключить свою авиацию, которая никогда не была достаточно сильной для одновременного ведения наступательных и оборонительных воздушных операций, на противовоздушную оборону страны. Так как Гитлеру нужна была полная победа и поэтому он не мог обойтись без наступательных действий авиации для поддержки сухопутных войск, то обстановка в воздухе неизбежно должна была принять катастрофический характер, если бы победы не удалось достигнуть в определенный срок, самое позднее, к концу 1942 г.

До тех пор в воздушной войне над Германией, поскольку ограниченными силами предотвратить ее все равно было невозможно, не видели ничего страшного. К тому же и велась она пока что в пределах терпимого. До лета 1942 г. английские ВВС вели воздушную войну в одиночку без сколько-нибудь заметных успехов, так как контролируемая Германией и Италией территория в Европе и Северной Африке была слишком велика, а германская военная промышленность, даже если отдельные предприятия на время и выходили из строя, располагала достаточными возможностями, чтобы не снижать и даже повышать выпуск продукции. Однако уже тогда почти в полной мере проявилось стремление англичан не только разрушать или нейтрализовать важные в военном и военно-экономическом отношении объекты – что им, кстати, не слишком часто удавалось, – а, как показали налеты на Любек и Росток весной 1942 г., терроризировать гражданское население и уничтожать его жилища. Еще резче, чем при налетах на Любек и Росток, эта тенденция проявилась при крупном налете на Кёльн в ночь с 30 на 31 мая, направленном почти исключительно против старинной, не имевшей никакого значения в военном и экономическом отношении внутренней части города, которая в результате была разрушена до основания. Преимущественно целям устрашения служил и налет на Эссен, последовавший два дня спустя. Интенсивность этих налетов непрерывно возрастала вплоть до 1945 г., но своей цели поколебать моральный дух немецкого населения англичане не достигли. Как ни тяжелы были для подвергавшегося воздушным налетам населения людские и материальные потери, в общем масштабы этой воздушной войны оставались сносными. До 1943 г. это объяснялось тем, что объекты, поражение которых командование английской авиацией считало своей первоочередной задачей, лишь частично располагались на германской

территории.

Решающее значение для англичан имело отражение угрозы со стороны немецких подводных лодок. В рамках этой борьбы предпринимались систематические налеты на районы Атлантического побережья Франции. Помимо этого, английское командование придавало большое значение выводу из строя массированными устрашающими бомбардировками предприятий работавшей на Германию французской военной промышленности в районах Парижа и Ле-Крезо, а также устрашению итальянцев. Это частичное облегчение для собственно Германии не могло, однако, скрыть того факта, что потери английской авиации во время этих налетов были повсюду не слишком высокими. Немецкая противовоздушная оборона, очевидно, не могла с ней справиться, да и не было никаких оснований предполагать, что усилившиеся налеты могли встретить более мощную оборону. Единственной надеждой избежать уничтожения в воздушной войне оставалась, в рамках войны в целом и в условиях ограниченного военного потенциала, лишь своевременная решающая победа на поле боя. Германское командование, продолжавшее преследовать эту цель, не находило никакого другого выхода, кроме как успокаивать немецкое население случайными, сильно раздувавшимися пропагандой ответными ударами по Англии и утешать его тем, что основная масса немецких бомбардировщиков еще более необходима для поддержки наземных операций на Востоке. Немцам говорили, что там приходится иметь дело с огромными пространствами, которые Германия должна использовать для улучшения своего продовольственного положения и что победа на поле боя важнее защиты немецких городов.

Воздушные налеты на Германию усилились, когда с августа 1942 г. в них все более и более активно начала принимать участие американская авиация. Количество налетов в последующие месяцы сильно возросло и лишь к концу года вновь несколько уменьшилось, что, по-видимому, объяснялось использованием значительных сил авиации в Северной Африке. Немецкая авиация вынуждена была в 1942 г. довольствоваться гораздо менее интенсивными налетами на Англию, чем в предыдущем году.

В январе 1943 г. конференция в Касабланке вновь подтвердила принципы ведения воздушной войны против Германии: «Военная, экономическая и индустриальная мощь Германии должна быть настолько поколеблена, а моральный дух немецкого народа в такой мере подорван, чтобы Германия окончательно утратила способность к военному сопротивлению». Преследуя эту цель, западные державы усилили в 1943 г. свои налеты до колоссальных размеров. Удары их авиации, когда они не являлись исключительно средством устрашения, наносились по базам подводных лодок на Атлантическом побережье, по Вильгельмсхафену, Килью и по промышленным объектам, имевшим прямое или косвенное отношение к строительству подводных лодок. Решающего влияния они не оказали, и Германия до самого конца войны была в состоянии строить подводные лодки в значительных количествах. Падение эффективности подводной войны с немецкой стороны объяснялось совершенно другими причинами, среди которых, правда, авиация противника также занимала важное место. Удары по германской промышленности и по плотинам на реках Мене и Эдер также не дали ожидаемого результата. В период с 24 по 30 июля были проведены интенсивнейшие воздушные налеты на Гамбург с целью устрашения гражданского населения. Фуллер характеризует их как «страшную бойню», которая «была бы позором даже для Аттилы».

Терроризирующие налеты и предполагавшееся усиление их интенсивности заставили прибегнуть к проведению широких мероприятий по эвакуации населения из всех угрожаемых промышленных районов Западной Германии вплоть до Берлина в восточные области рейха, пока не подвергавшиеся такой угрозе. Для той части населения, которая непосредственно не была занята в военном производстве, эвакуационные меры приняли почти размеры «переселения народов». Этими мероприятиями германское руководство открыто признало, что оно не располагает возможностями надежной защиты населения. Немецкая авиация, по-видимому, направляла свои усилия на то, чтобы хоть частично ликвидировать превосходство, которого добились западные державы почти во всех областях военно-авиационной техники: в количестве, мощности и радиусе действия машин, а также в их техническом оснащении, особенно в применении радиолокационной техники. Попытки

усовершенствовать имевшиеся типы, особенно обеспечить им в соответствии с тактикой противника более высокий потолок и улучшить маневренность в вертикальной плоскости привели к удовлетворительным техническим результатам, однако в связи со все возрастающим количественным превосходством авиации западных держав это уже не могло сыграть сколько-нибудь заметной роли.

Количество зенитной артиллерии, а также высокобойность зенитных орудий, которые, помимо всего прочего, довольно широко использовались в наземном бою, также не соответствовали изменившимся условиям ведения борьбы с воздушным противником. Значительное увеличение калибра зенитных пушек, которое только и могло принести решающий успех, при напряженном положении с сырьем во всех областях военного производства практически было невозможно. Ночные действия немецкой истребительной авиации существенно осложнялись тем обстоятельством, что противник использовал свои бомбардировщики массированно и налеты были очень короткими. С августа 1943 г. после захвата Сицилии и высадки в Южной Италии авиация западных держав получила возможность совершать налеты на Южную Германию и нефтяные районы Румынии, в результате чего немецкой противовоздушной обороне приходилось теперь прикрывать гораздо более обширную территорию.

Требования со стороны ВВС обеспечить их эффективными средствами борьбы становились все настойчивее, вынудив в конце концов высших руководителей заняться этим вопросом. Считалось, что технические предпосылки для выхода из создавшегося невыносимого положения были налицо, ибо, несмотря на последовавшее в 1940 г. запрещение исследовательских работ, ведущим фирмам, особенно фирме Мессершмитт, удалось создать несколько образцов неплохих самолетов с реактивными двигателями. Наиболее совершенным был признан реактивный самолет Me-262 фирмы Мессершмитт. Реактивные двигатели обеспечивали самолету такую скорость, о которой при любом совершенствовании прежних поршневых двигателей нечего было и думать. К тому же противник, очевидно, такими исследованиями еще не занимался. И если бы удалось использовать в достаточных масштабах истребители, обладавшие намного большей скоростью, чем истребители противника, то это не только означало бы огромное преимущество при ведении воздушных боев, но и давало бы также возможность догонять и поражать бомбардировщики противника во время их возвращения на свои базы.

Что касается нового самолета, конструирование которого продвинулось к лету 1943 г. уже довольно далеко, то Гитлера больше всего беспокоил вопрос о том, окажется ли он непременно пригодным для использования на фронте, как уверяли его создатели. Промахи при серийном производстве в условиях критически сложившейся обстановки в воздухе и нехватки материалов могли бы оказаться роковыми. Сомнение было рассеяно самими авторитетными представителями истребительной авиации, которые были убеждены в огромной ценности нового оружия. Да и сам Гитлер признавал исключительные перспективы, открывавшиеся благодаря применению реактивной авиации. Однако он был слишком одержим идеей сохранить или восстановить непременно наступательный характер ведения войны Германией, чтобы удовольствоваться использованием нового самолета в качестве истребителя, каковым и создавали его конструкторы. Истребитель, выполняющий оборонительные задачи, должен был превратиться в «блиц-бомбардировщик», при помощи которого Гитлер намеревался наступательными действиями сломить воздушный террор англичан и затем сорвать приготовления противника к вторжению. Слишком оптимистические мнения относительно времени, которое могло понадобиться для соответствующих конструктивных изменений, а также упорное отклонение Гитлером всех попыток запустить Me-262 в серийное производство в качестве истребителя – в конце концов он даже запретил называть Me-262 истребителем – толкнули создателей самолета на тактически ошибочный и связанный с потерей значительного времени путь превращения Me-262 в «блиц-бомбардировщик».

Немецкая истребительная авиация вынуждена была продолжать борьбу имевшимися старыми машинами при численном соотношении по состоянию на апрель 1944 г. от 1:6 до 1:8. Ей приходилось иметь дело с противником, располагавшим исключительно хорошо обученным летным персоналом и прекрасной материальной частью. Только исключительное техническое

превосходство, какое мог бы обеспечить реактивный истребитель, было бы в состоянии изменить катастрофическое соотношение сил в воздухе. А положение складывалось таким образом, что немецкие потери принимали ужасающие размеры. В апреле при отражении каждого из десяти налетов противника немецкая истребительная авиация теряла в среднем 50 самолетов и 40 летчиков, и тот факт, что потери противника были примерно столь же высоки, вряд ли мог служить достаточным утешением. Абсолютное численное соотношение с каждым вражеским налетом становилось все более неблагоприятным, а опытных летчиков-истребителей было не так просто заменить новичками из запасных эскадр.

Тем не менее Гитлер продолжал упорствовать в своем требовании выпустить Me-262 в качестве «блиц-бомбардировщика». Необходимость внесения конструктивных изменений привела в конце концов к тому, что к началу вторжения во Францию имелось всего 30 таких самолетов, в которые частично даже уже после передачи их в летные части приходилось вносить изменения. Когда последовало вторжение, новая машина не могла быть использована ни как истребитель, ни как бомбардировщик. Оснащенные этими самолетами части к тому времени не успели еще как следует освоить новую машину, особенно при взлете и посадке. Да и вообще до самой катастрофы весной 1945 г. так и не были преодолены «детские болезни» турбореактивного двигателя и он выдерживал в среднем всего лишь 20 часов работы.

В тайне от Гитлера в ВВС, несмотря на все запреты, продолжались испытания реактивных истребителей. И лишь в ходе подготовки наступления в Арденнах – оно, правда, должно было начаться в период плохой погоды, но в ходе его рано или поздно неизбежно понадобилось бы сильное прикрытие истребительной авиацией, – Гитлер согласился передавать вступающие в строй Me-262 истребительным соединениям в таком же количестве, в каком выпускался созданный тем временем реактивный самолет Арадо-234, который мог использоваться в качестве бомбардировщика. Это составляло ежемесячно примерно 20 машин.

В конечном итоге это небольшое количество реактивных истребителей оказалось совершенно недостаточным, чтобы ликвидировать подавляющее превосходство авиации противника во время наступления в Арденнах, а тем более над территорией всей Германии. К тому же противник, осознав присущие реактивным самолетам преимущества, стал подвергать систематическим налетам необходимые для их использования длинные, легко обнаруживаемые взлетно-посадочные полосы и еще больше усилил свои удары по германским заводам синтетического горючего.

Это продолжалось без каких-либо особых перемен до самого конца войны. Относительно высокая эффективность реактивных истребителей, пожалуй, доказала их превосходство, однако практически эти успехи являлись лишь каплей в море, ибо к марту 1945 г. максимальное число Me-262 составило лишь 240 машин, из которых из-за недостатка в запасных турбореактивных двигателях могли использоваться в лучшем случае лишь около половины.

С 1943 г. уже никакими способами невозможно было ликвидировать безраздельное господство авиации противника в воздушном пространстве над районами боевых действий и над Германией. По мере того как союзники после вторжения все сильнее зажимали рейх в тиски, они могли во все возрастающих размерах концентрировать усилия своей авиации на его территории. Помимо устрашения населения, по-прежнему являвшегося составной частью воздушной стратегии Запада, они преследовали при этом две важные и гораздо более действенные цели, а именно, парализовать германскую дорожную сеть и уничтожить 12 известных им заводов по производству синтетического горючего, без которого Германия не смогла бы продолжать войну. С конца апреля по июль 1944 г. они бомбили каждый крупный завод по меньшей мере один раз. Из-за систематической повторяемости налетов ремонтно-восстановительные работы, осуществлявшиеся, как правило, довольно быстрыми темпами, приносили лишь временное облегчение. Один только завод Лейнаверке был атакован 22 раза в общей сложности 6552 бомбардировщиками, сбросившими 18 328 т бомб. Нехватка горючего становилась катастрофической. Грандиозная программа расширения ВВС, в результате осуществления которой производство самолетов в 1944 г. независимо от создания реактивных самолетов было доведено более чем до 40 тыс. машин, то есть до самого высокого уровня за весь период войны, утратила всякое значение, так как горючего не хватало даже для обучения необходимого контингента летного состава.

Другим важнейшим отраслям военного производства воздушные налеты противника также причинили очень большой ущерб. Производство синтетического каучука упало с максимального уровня, равнявшегося 12 тыс. *t* ежегодно, до 1/6 этого количества. Еще одним уязвимым местом стала доставка угля к объектам потребления. Все еще высокая производительность угольных шахт теряла свое значение, так как вследствие дезорганизации железнодорожного транспорта исключалась возможность вывоза добытого угля. С января по декабрь 1944 г. ежемесячная подача вагонов для Рурской области снизилась с 21 400 до 12 тыс., а в январе 1945 г. до 9 тыс. вагонов. Так как аналогичное положение существовало и в Саарской области, пока в марте 1945 г. она не была, наконец, вообще потеряна, а Верхне-Силезский угольный бассейн в феврале перешел в руки русских, германская экономика незадолго до окончания войны находилась уже на грани смерти.

При таком положении вещей не вызывало никакого сомнения, что дезорганизации немецкого транспорта и снабжения горючим в сочетании с успешным развитием наземных операций вполне было бы достаточно для того, чтобы сломить сопротивление немцев. А устрашающие налеты авиации против мирного населения и с целью уничтожения германских городов не содействовали ни достижению, ни ускорению победы западных держав. Военного значения, даже в самом широком смысле слова, эти налеты не имели. Возможно, война закончилась бы еще быстрее, если бы использовавшиеся для бомбардировки городов силы авиации были брошены против военных объектов. Неслыханным по своим масштабам было разрушение с воздуха Дрездена, начавшееся 13 февраля и длившееся несколько дней. Фуллер пишет о нем следующее:

«В первую ночь 800 английских бомбардировщиков сбросили 650 тыс. зажигательных бомб попеременно с четырех- и двухтонными фугасными бомбами. На следующий день американцы предприняли налет на город армадой, насчитывавшей 1350 бомбардировщиков и 900 истребителей сопровождения, и повторили его еще раз 15 февраля 1100 бомбардировщиками. В это время город был наводнен тысячами беженцев, пытавшихся спастись от армий маршала Конева. Началась ужасная кровавая бойня: 25 тыс. человек было убито, 30 тыс. ранено, центральная часть города на площади 15 км² была совершенно разрушена, 27 тыс. жилых домов, 7 тыс. административных зданий превратились в развалины.

Предлогом для оправдания этого акта вандализма служило то, что союзникам якобы важно было помешать немцам использовать Дрезден, являвшийся важнейшим узлом дорог, для спешной переброски войск с целью остановить русское наступление. Однако, для того чтобы парализовать работу этого узла дорог, достаточно было бы непрерывно бомбить выходы из города, другими словами, блокировать город с воздуха, а не засыпать его бомбами.

Пока уничтожался Дрезден, осуществлялись многочисленные другие воздушные налеты... И так продолжалось до самого конца войны. Каков же был конечный результат этой поистине варварской жажды разрушения? В то время как войска союзников шли к победе, их авиация разрушала фундамент мира, который должен был последовать за этой победой. Ибо города, а не развалины являются фундаментом цивилизации».

Глава XII. Борьба за Рейх

1. Бои на Западной границе

Результаты закончившегося в конце сентября Арнемского сражения не удовлетворили ни Монтгомери, ни Эйзенхауэра. Монтгомери, безусловно, ожидал, что ему удастся подготовить крупный плацдарм на Рейне и оттуда в самое ближайшее время во взаимодействии с наступавшей с запада через Ахен на Кёльн 1-й американской армией нанести удар по обе стороны Рейна, с тем чтобы обеспечить развертывание крупных сил для намеченного скорейшего захвата Рурской области. Он все еще не мог расстаться с намерением закончить войну в 1944 г.

Эйзенхауэр такой надежды, вероятно, никогда не питал и поэтому не мог решиться на поддержку всеми силами предложенной Монтгомери операции за счет приостановления боевых

действий на всем остальном фронте.

Итак, союзникам к началу октября, когда их наступательный порыв истощился, нигде не удалось выйти к Рейну в ходе преследования остатков разгромленных немецких армий, как это приказал Эйзенхауэр в начале сентября, не говоря уже о создании плацдармов на восточном берегу реки. Вряд ли это объяснялось только соотношением сил. Немецкие войска на Западе к началу октября насчитывали 41 пехотную и 10 подвижных дивизий, причем некомплект их личного состава доходил до 50%. Союзники в это же время имели почти 60 дивизий и огромное превосходство в технике. К тому же они располагали авиацией, насчитывавшей 4700 истребителей, 6 тыс. бомбардировщиков и 4 тыс. разведывательных, транспортных и других машин. Этого перевеса на земле и в воздухе хватило бы для того, чтобы не давать немецкому фронту возможности остановиться, если бы трудности подвоза не являлись препятствием для крайне необходимого, по мнению Эйзенхауэра, полного использования всех соединений. Назрела насущная необходимость в захвате порта Антверпена для приема транспортных судов союзников. Теперь Эйзенхауэр сожалел, что в свое время он принял решение переключить все усилия на Арнемскую операцию за счет отказа от достижения этой первоочередной цели. А до тех пор, пока не будет захвачен Антверпен, необходимо было лишь беспокоить немецкие армии и поменьше давать им возможностей организованно закрепляться на новых рубежах.

Гитлер усматривал в ощущавшемся с начала октября ослаблении нажима противника новую, чрезвычайно им переоцененную возможность добиться перелома в войне на Западе и уже вновь носился с широкими наступательными планами, которым он подчинял все ведение боевых действий на Западе в ближайшие три месяца. С трудом создававшийся, все еще хрупкий фронт должен был до тех пор обходиться своими слишком слабыми силами, даже если бы это было связано, особенно на юге, с территориальными потерями.

В силу сказанного война на Западе к началу немецкого наступления в Арденнах проходила со стороны союзников под знаком налаживания подвоза к войскам и проведения частных атак с ограниченными целями, но со все возрастающей интенсивностью, дабы изматывать немецкую оборону и создавать предпосылки для общего наступления; с немецкой же стороны – под знаком ведения обороны, которая лишь в крайних случаях усиливалась жалкими резервами, требовала от соединений, в сущности находившихся еще в стадии становления, последнего напряжения сил и нередко приводила к тяжелым поражениям.

Монтгомери трудно было смириться с тем фактом, что немцы, упорно удерживая устье Шельды и оборону южнее Мааса между Антверпеном и Неймегеном, уводили его от главной цели.

Он недовольно переставлял назад флажки на карте и на неопровержимых фактах убеждался в том, что без использования порта Антверпена невозможно было решить проблему подвоза в таких масштабах, в каких это было необходимо союзникам. Шербур и Марсель – единственные крупные порты, существенно дополнявшие искусственный порт у побережья Нормандии, – не могли обеспечить доставку огромных масс необходимых запасов, тем более что у Атлантического побережья начались осенние штормы, значительно осложнившие разгрузочные работы в искусственном порту.

Оборонявшаяся в Голландии 15-я немецкая армия хорошо использовала время, прошедшее с момента окончания отхода, для усиления как плацдарма южнее Западной Шельды, так и своих позиций между Антверпеном и Хертогенбосом. Кроме того, для обороны Западной Шельды она располагала мощными укреплениями, возникшими здесь в ходе создания Атлантического вала. На одном лишь острове Валхерен имелось 25 батарей. Мощная артиллерия была установлена также у Брескенса и Кпокке.

Группа армий Монтгомери была недостаточно сильной, чтобы очистить от противника подступы к Антверпену по обе стороны Западной Шельды и одновременно удерживать весь прежний фронт. Обе армии нужны были Монтгомери для проведения порученных наступательных операций, поэтому он попросил американцев сменить его войска на участке между Рурмондом и Ненмегеном, а также усилить его группу армий двумя американскими дивизиями.

1–я канадская армия получила задачу выбить немцев из района Западной Шельды. С этой целью она наносила удар своим правым флангом северовосточнее Антверпена на узком

перешейке, соединявшем Зейд-Бевеланд

с континентом. Одновременно войска ее левого фланга должны были ликвидировать немецкий плацдарм у Брескенса и Кнопке и затем захватить остров Валхерен. Но прежде чем канадцы могли приступить к этим действиям, им нужно было высвободить силы, блокировавшие Булонь и Кале. Булонь была взята 23, а Кале – 30 сентября.

Наступление канадцев началось 1 октября. Им понадобилось три недели, чтобы пробиться северо-восточнее Антверпена до перешейка у восточной части Зейд-Бевеланда, и столько же времени, чтобы преодолеть исключительно упорную, усиленную самим характером местности с ее многочисленными каналами оборону 64-й дивизии на плацдарме южнее Брескенса. Последние защитники держались здесь у батарей Кадзанда и Кнопке до 3 ноября. По донесениям Монтгомери, это были самые ожесточенные бои, которые англичанам пришлось вести с начала вторжения.

Изгнание немцев с южного берега Шельды еще не означало, что устье Шельды полностью очищено. Необходимо было также овладеть островом Валхерен, который был исключительно хорошо прикрыт подводными заграждениями, проволочными сетями и минными полями. Чтобы быстро овладеть островом, англичане в октябре начали пробивать с помощью авиации бреши в имевшихся там дамбах, что постепенно привело к затоплению значительных районов острова. Тем не менее понадобилась еще и хорошо подготовленная высадка в ряде пунктов острова при поддержке авиации и нескольких боевых кораблей. Сломив сопротивление храбрых защитников Валхерена, англичане овладели островом и взяли в плен 8 тыс. человек. Об ожесточенности боев за устье Шельды свидетельствует тот факт, что канадская армия в ходе их потеряла 27 633 человека, то есть больше, чем потеряли союзники при захвате всей Сицилии.

Прошло еще две недели, прежде чем Западная Шельда была очищена от многочисленных мин. 18 ноября, через два с половиной месяца после того, как английские войска в начале сентября в завершение своего победоносного марша с Соммы вышли к Антверпену со стороны суши, в город прибыл первый конвой союзников.

Сильное сопротивление, оказанное 15-й армией, принесло свои плоды. Монтгомери пришлось отложить осуществление своих планов на несколько месяцев, и, кроме того, весь немецкий фронт на Западе получил передышку, которая сыграла бы решающую роль, если бы не отсутствовали все прочие предпосылки для успешного продолжения войны Германией.

Попытка снизить или вообще парализовать пропускную способность Антверпена с помощью Фау-1 и Фау-2 имела лишь ограниченный успех. Фау-1 в массе своей сбивались самолетами и зенитной артиллерией или же из-за сильного рассеивания не попадали в цель; Фау-2, правда, причиняли значительный ущерб окрестностям города и вызывали немалые потери, мешая также и работе порта. Немецкие подводные лодки и торпедные катера стремились не допустить прохода судов в порт. Однако решающего влияния на использование порта все эти мероприятия не оказали.

Одновременно с атаками канадцев в районе устья Шельды и в непосредственном взаимодействии с ними 2-я английская армия начала фронтальное наступление с целью ликвидировать немецкий плацдарм южнее Мааса между Тюрнхаутом и Хертогенбосом. В ходе боев, в которых три, а затем четыре слабые немецкие дивизии противостояли противнику, превосходившему их по количеству соединений вдвое, а по фактической численности вчетверо и имевшему к тому же поддержку крупных сил авиации, части 15-й армии к 8 ноября были оттеснены за реку Ваал. Довольно ощутимое облегчение эта армия получила на некоторое время в последние дни октября, когда соседняя 1-я парашютно-десантная армия прорвала фланговое прикрытие американцев западнее Мааса в районе юго-восточнее Хелмонда. Чтобы подпереть свой прорванный в ряде пунктов фронт, противник вынужден был снять с фронта 2-й английской армии две дивизии и бросить их на угрожаемое направление.

К началу ноября в большой дуге Мааса у немцев оставалась лишь 1-я парашютно-десантная армия, оборонявшаяся на рубеже Рурмонд, Неймеген. Оттеснение этой армии на восточный берег являлось предпосылкой успеха последующего наступления, которое Монтгомери намеревался осуществить восточнее Мааса совместное соседней 12-й американской группой армий генерала Брэдли. Однако американцы по-прежнему не были на

своим северным крылом настолько сильны, как надеялся Монтгомери. Правда, они подтянули новую 9-ю армию, которая должна была действовать между 1-й армией, находившейся в районе Ахена, и англичанами. Тем не менее американцы потребовали возвращения им всех своих дивизий, временно переданных английской группе армий и вдобавок настояли на том, чтобы англичане растянули свой фронт до района южнее Гейленкирхена. Вследствие этого Монтгомери пришлось ограничиться скромной целью: после перегруппировки своих сил очистить от противника район западнее Мааса и южным крылом включиться в намеченное на середину ноября наступление американцев. Монтгомери расположил свою канадскую армию на стабилизировавшемся теперь фронте между Неймегеном и устьем Мааса, а двумя корпусами 2-й армии 14 ноября начал наступление против оборонявшихся западнее Мааса немецких войск, стремясь выйти к Маасу на участке Рурмонд, Венло. Парашютно-десантная армия вынуждена была под натиском превосходящих сил противника отступить. Однако наступление британской группы армий вследствие неблагоприятной погоды, зачастую исключавшей применение авиации, а также из-за обширных минных полей, было замедлено настолько, что западный берег Мааса полностью перешел в руки англичан лишь к концу месяца.

В районе Ахена борьба не затихала с самого начала октября, 1-я американская армия стремилась как можно быстрее овладеть этим городом, входившим в систему обороны Западного вала. С немецкой стороны по меньшей мере с такой же настойчивостью, по соображениям психологического, равно как и военного порядка, делалось все, чтобы не допустить – пусть даже ценою страшных разрушений – захвата противником древней резиденции германских императоров. Выйдя в середине сентября к южным окраинам Штольберга, американцы нанесли удар также в охват Ахена с севера и прорвали там на широком фронте оборонительные укрепления Западного вала. Постепенно город был охвачен с двух сторон и почти окружен, так что лишь коридор шириною 6 км соединял его с внешним миром. 13 октября и он был перерезан. До 23 октября в городе, превращенном авиацией и артиллерией в руины, продолжалась ожесточенная борьба, возведенная немецкой пропагандой в образец для всех последующих аналогичных случаев. В дальнейшем бои восточнее Ахена также сохранили хотя и местный, но тем не менее исключительно напряженный и кровопролитный характер. К середине ноября они приняли крупные масштабы, после того как обе американские армии совместно с южным флангом английской армии перешли в общее наступление с целью выйти к реке Рур и подготовить таким образом форсирование Рейна.

На этом участке фронта с 22 октября между 1-й парашютно-десантной и 7-й армиями по причинам, первоначально связанным с подготовкой наступления в Арденнах, была расположена изъятая из состава группы армии «Г» 5-я танковая армия; ее штаб обеспечил единое руководство боевыми действиями, что означало большую удачу для немецкой обороны. Наступлению американцев предшествовала особенно интенсивная авиационная подготовка, которой преследовалась цель разгромить немецкие позиции у Эшвейлера и западнее Дюрена. Несмотря на то что обе американские армии ввели в бой сначала четырнадцать, а затем семнадцать дивизий и в разгар сражения сконцентрировали на направлении главного удара десять дивизии на фронте шириной всего около 40 км, добиться намеченного прорыва им не удалось. Ведя ожесточенные оборонительные бои, достигшие наивысшего напряжения в лесу Хюртгенвальд, немецкие войска шаг за шагом отходили назад и к началу декабря между Юлихом и Дюреном были оттеснены за реку Рур. На северном крыле наступавшие англичане овладели Гейленкирхеном.

Особенно неудачным американцы считали то, что на южном участке им не удалось пробиться к Урфтской плотине, через которую можно было регулировать уровень воды в реке Рур. Неоднократные попытки разбомбить плотину и спустить таким образом воду вследствие исключительной массивности этого сооружения ни к чему не привели. Американцы опасались продвигаться за реку Рур, которая, если плотина будет открыта, могла стать очень серьезной преградой в их тылу, и решили продолжать наступление в восточном направлении лишь после захвата плотины. Однако вначале этого сделать не удалось.

С немецкой стороны сражение означало ощутимый, выходящий по своему значению за местные рамки успех 5-й танковой армии и ее храбрых дивизий. Американцы понесли тяжелые потери и вынуждены были бросить крупные резервы на участок, располагавшийся неподалеку

от района намечавшегося Арденнского наступления. С другой стороны, этот успех немецких войск достался слишком дорогой ценой, так как в оборонительных боях пришлось использовать несколько предназначавшихся для наступления дивизий, которые понесли при этом серьезные потери. Кроме того, много боевой техники вышло из строя, и ее восполнение осуществлялось частично за счет оснащения войск, выделенных для проведения наступления.

Незадолго до завершения этих боев 5-я танковая армия передала этот участок фронта 15-й армии.

Гораздо большее значение, чем удару с целью продвижения за реку Рур, американское командование придавало наступлению, предпринятому 3-й американской армией в начале ноября в районе севернее и южнее Меца. Оно тесно увязывалось с наступлением, которое почти одновременно начала 6-я американская группа армий силами 7-й американской и 1-й французской армий в Вогезах и в районе Бургундских Ворот. В результате весь немецкий фронт от Бельфора до района Тионвиля оказался в довольно критическом положении. Американцы натолкнулись на 19-ю и 1-ю армии группы армий «Г», командование которой за несколько недель до этого принял генерал Бальк. 19-я армия южнее Бельфора, остававшегося пока в немецких руках, упиралась своим левым флангом в швейцарскую границу и занимала по западным склонам Вогезов рубеж, проходивший почти строго в северном направлении до Баккара. Там к нему примыкали, выступая на северо-запад до Мозеля и даже за реку, позиции 1-й армии, пересекавшие Мозель севернее Понт-а-Муссона и захватывавшие район фортов у Меца. Севернее Меца линия обороны 1-й армии вновь отступала за Мозель и между Тионвилем и Триром смыкалась с обороной 7-й армии.

Обе немецкие армии имели почти месячную передышку, во время которой их потрепанные и некоторые вновь прибывшие дивизии укрепляли свои оборонительные позиции. В численном отношении они были все еще очень слабы, не успев к тому же обрести и устойчивой внутренней структуры. В оснащении имелся целый ряд существенных недостатков. Танковые дивизии, закрывшие в октябре брешь на стыке обеих армий, все, кроме одной, были переданы группе армий «Б», где они пополнялись для Арденнского наступления, а частично даже использовались в сражении на подступах к реке Рур. В силу этого группа армий «Г» занимала хотя и сплошную, но очень слабую, лишенную всякой тактической глубины и достаточных резервов оборону, которая подверглась сильным ударам вначале 3-й американской армии, а несколькими днями позже и обеих армий правого крыла 6-й американской группы армий. К тому же ей приходилось обходиться исключительно собственными силами.

8 ноября 3-я армия Паттона предприняла попытку осуществить прорыв на участке Дьёз, Фокмон и форсировать Мозель севернее и южнее Тионвиля, чтобы обойти Мец с обеих сторон. В первые же дни наступления были вбиты глубокие клинья на южном участке и захвачены несколько плацдармов в районе Тионвиля. Немецкие контратаки против клиньев противника, проводившиеся недостаточными силами, успеха не имели. Мец был окружен, и фронт постепенно откатился к проходившему вдоль реки Саар Западному валу от Мерцига до района восточнее Саарбрюккена. У Саарлуи американцам удалось захватить плацдарм на восточном берегу реки Саар. На довольно слабых укреплениях Западного вала 1-я армия остановила наступление американцев. Паттон считал, что сможет преодолеть этот барьер лишь после исключительно сильной артиллерийской подготовки, для проведения которой у него пока не было боеприпасов. Поэтому в начале декабря наступление было приостановлено. Его предполагали возобновить 19 декабря, накопив к тому времени достаточный запас боеприпасов и подтянув необходимые дополнительные силы.

14 ноября, то есть через 6 дней после перехода Паттона в наступление у Меца, развернула наступление 6-я группа армий. Сковывая оборонявшиеся на западных склонах Вогезов части немецкой 19-й армии, 1-я французская армия основными силами стала продвигаться в направлении Бельфора и Бургундских Ворот. Одновременно 7-я американская армия с несколькими приданными ей французскими соединениями нанесла мощный удар в районе Баккара и севернее с целью овладеть Савернским проходом и вторгнуться в Нижний Эльзас.

1-я французская армия прорвала немецкую оборону южнее Бельфора и, продвигаясь вдоль швейцарской границы, быстро вышла к Рейну севернее Базеля. Бельфор, в котором 19-я немецкая армия оставила очень небольшой гарнизон, пал 22 ноября, после того как было

сломлено последнее сопротивление остатков гарнизона в цитадели. Попытки немецких войск срезать достигший Рейна французский клин посредством контрудара из района Альткирка успехом не увенчались, хотя и задержали дальнейшее продвижение французских войск. Подтянув новые силы и обойдя все еще удерживавшийся немцами город Бельфор, французы повернули на север и направились на Мюлуз, где им [664 -Схема 51] пришлось еще раз отразить немецкие контратаки, после чего 22 ноября город перешел в их руки. Западнее они отгеснили отходящие немецкие войска до района южнее Танна.

7-я американская армия, перейдя в наступление также 14 ноября, осуществила прорыв в направлении Сарбура, которого достигла 21 ноября. На ее южном фланге одной французской танковой дивизии удалось на следующий день овладеть Савернским проходом и уже днем позже прорваться к Страсбургу. Завязались бои за форты этой крепости, продолжавшиеся до 27 ноября. Попытка французов пробиться в начале декабря к мостам через Рейн и захватить в районе Келя плацдарм провалилась. Мосты через Рейн немцы взорвали. Между клиньями, направленными на Мюлуз и Страсбург, центр 19-й армии в ожесточенных оборонительных боях удерживал проходы через Вогезы. Войска смежных флангов обеих армий противника вынуждены были с тяжелыми боями прокладывать себе путь через горы, оказавшись в состоянии преодолеть их лишь по долине реки Брюш, где оборона после падения Страсбурга была опрокинута ударом с тыла. Дальше к югу союзники и вовсе застряли в горах. Поэтому 19-я армия продолжала обороняться западнее Рейна на рубеже Селеста, Кольмар, Танн, западнее Мюлуза. Этому плацдарму предстояло еще сыграть роль серьезной помехи для последующих действий союзников. Надежда командующего 6-й американской группой армии на то, что 1-я французская армия своими силами справится с 19-й немецкой армией, утратившей, по его представлениям, всякую боеспособность, не сбылась.

После того как были взяты Савернский проход и Страсбург, 7-я американская армия оставила лишь один армейский корпус в районе северо-западнее Селесты для усиления французов, а основные свои силы сосредоточила на северном фланге с намерением осуществить прорыв через Агно к Рейну и, повернув затем в северном направлении, предпринять во взаимодействии с 3-й американской армией штурм Западного вала. 12 декабря части армии вышли к Агно, а несколькими днями позже ей удалось вклиниться северо-восточнее Виссамбура на фронте 40 км в оборону Западного вала. Но в этот момент коренной поворот в обстановке не только приостановил ее продвижение, но даже вынудил к отходу.

Предпринимавшимся с середины ноября наступлением трех групп армии западные державы не преследовали цели добиться завершения всей кампании; этими действиями они стремились лишь обескровить немецкую оборону и создать благоприятные предпосылки для решающего наступления. Но даже и при таких ограниченных целях ожидания союзных командующих не оправдались. Не подлежало никакому сомнению, что полностью разгромленная в августе немецкая оборона была вновь восстановлена. Не осталось неизвестным для военного руководства союзников и то, что немцы сняли с фронта немалое число соединений, особенно танковые дивизии, которые, вероятно, удерживались, насколько позволяла обстановка, для какой-то пока еще не ясной союзникам цели. Их войска также были ослаблены в ходе целого ряда упорных боев. Осень 1944 г. выдалась необычайно пасмурной и дождливой. Авиация с ее абсолютным превосходством часто вообще не могла использоваться или же использовалась не в таких масштабах, к каким привыкла пехота союзников. Применение танков в тяжелых условиях осенней распутицы также нередко исключалось. Это было время, когда и в лагере союзников пехоте вопреки обыкновению часто приходилось нести на своих плечах основную тяжесть борьбы. Повсюду, где только ей противостояли хоть в какой-то мере достаточные силы, она встречала ожесточенное сопротивление. На отдельных участках бои принимали позиционный характер. Американская пехота непрерывно несла значительные потери, к тому же многие выбывали из строя по болезни. Утечка живой силы постепенно приняла такие размеры, что командованию для увеличения боевой численности своих дивизий пришлось прибегнуть к мерам, остававшимся ему до тех пор неизвестными и являвшимся печальной привилегией лишь немецкого фронта на Востоке. Были прочесаны тыловые службы. Кроме того, пришлось произвести по возможности в массовых размерах замену мужского

персонала в штабах, кроме войсковых, женщинами, а также изъять излишний обслуживающий персонал из частей ВВС. Чтобы обеспечить спокойные участки фронта и тем самым облегчить положение ведущих, тяжелые бои дивизий, из Соединенных Штатов были переброшены многочисленные пехотные полки из состава вновь сформированных дивизий. Английской группе армий не приходилось рассчитывать на получение новых соединений из Англии, так как английский военный потенциал после более чем пятилетнего напряжения повысить больше не удавалось.

Разумеется, кризис, в котором очутились армии союзников, был не столь уж серьезным, однако их силы применительно к поставленной перед ними задаче оказались напряженными до предела. По крайней мере временно создалось положение, открывавшее для немецкой стороны – при условии, если бы она еще располагала резервами и планомерно их использовала, – возможность быстрым и внезапным сосредоточением сил на решающем направлении нанести союзникам тщательно продуманный и подготовленный удар. Успех этого удара, возможно, смог бы существенно изменить в более благоприятную для немцев сторону соотношение сил, участвовавших в наземных боях.

2. Наступление в Арденнах

Первые планы Гитлера относительно использования таких возможностей относились к августу, когда он потребовал ведения как можно более длительной борьбы далеко впереди Западного вала с целью выигрыша времени не только для подтягивания новых сил и подготовки Западного вала к обороне, но одновременно и для создания предпосылок успешных контрударов западнее границ рейха. Видимо, он тогда совершенно не представлял себе размеров катастрофы немецких армий на Западе или же игнорировал фактическое состояние фронта, равно как и невозможность подготовки в ближайшее время достаточного количества соединений для осуществления наступательных целей. Появившееся в сентябре стремление удержать крупные районы для сосредоточения войск перед Вогезами в направлении плато Лангр и в Южной Голландии также предопределялось планировавшимися наступательными действиями из обоих упомянутых районов. В отношении Голландии к тому же прибавлялась еще правильная оценка значения Антверпена и, следовательно, устья Шельды для снабжения противника.

Когда во второй половине сентября стало очевидным, что наступательный порыв преследующих войск иссякает, Гитлер стал усиленно заниматься планом контрнаступления, которое, однако, было предпринято лишь гораздо позже и уже не с выдвинутых далеко западнее германской границы форпостов. Наряду с тем соображением, что, располагая примерно 70 дивизиями, противник не мог быть одинаково сильным на всем почти 800-километровом фронте, Гитлер строил свой план на обусловленном временем года ухудшении погоды, которое исключило бы или по крайней мере значительно ограничило абсолютное превосходство противника в воздухе. Поэтому он считал целесообразным провести наступление раньше, чем наступит зима с ее ясной погодой. Удастся ли в результате пополнения имевшихся соединений и осуществлявшегося в рейхе формирования новых войсковых единиц – при постоянной потребности в них на Западе и Востоке – собрать достаточные силы для создания армий, на которые можно было бы возложить задачу проведения наступления, – это зависело не только от остававшегося собственного военного потенциала, но в еще большей степени от действий противника. Чем сильнее было давление противника, тем больше приходилось использовать собственных сил, по крайней мере там, где значительные территориальные потери могли поставить под угрозу намечавшееся контрнаступление. Это в первую очередь относилось к району между Маасом и Мозелем. Насколько серьезные трудности предстояло преодолеть при создании в течение непродолжительного срока новых боеспособных танковых дивизий, определялось уже одним тем фактом, что все одиннадцать танковых дивизий, использовавшиеся немецким командованием на Западном фронте, все еще состояли лишь из слабых групп примерно по 10 танков в каждой, имея, следовательно, в общей сложности не более сотни машин.

В конце сентября в качестве исходного района для подготавливавшегося наступления

впервые стал фигурировать участок фронта между Монжуа и Эхтернахом. Здесь на основе уже выявившихся направлений ударов противника можно было предположить уязвимое место в обороне последнего. Кроме всего прочего, это был почти тот самый район, откуда немецкие войска в 1940 г. начали наступление и в результате оперативной внезапности добились крупнейшего своего успеха в этой войне. Мысли Гитлера возвращались к этому году великих побед всякий раз, когда он хотел внутренне освободиться от мрачного настоящего. Все трезвые соображения, такие, например, как плохие метеорологические условия, которые хотя и могли исключить деятельность вражеской авиации, однако одновременно должны были крайне затруднить передвижение собственных войск; или такие, как снизившиеся боевые качества вооруженных сил, которые во многих отношениях могли быть лишь тенью хорошо оснащенных вооруженных сил периода 1940 г., – это и многое другое отступило на задний план перед призрачной надеждой на то, что все-таки удастся добиться еще одного успеха. Полагали, что этот успех сможет привести к коренному изменению обстановки на Западе, вызовет, возможно, серьезные политические разногласия между Рузвельтом и Черчиллем, а в дальнейшем позволит существенно усилить оборону на Востоке, после чего не замедлили бы сказаться и серьезнейшие психологические последствия в собственной стране, равно как и во всем мире. И на сей раз Гитлер потерял всякое чувство реального.

Не посвятив в свой замысел командующих войсками на Западном фронте и не привлекая их для консультаций, Гитлер настойчиво разрабатывал с ОКВ основные элементы плана наступления. Лишь в конце октября он сообщил о нем Рундштедту и Моделю. Согласно этому плану, две танковые армии в составе 28 – 30 дивизий, в том числе 12 танковых и гренадерских моторизованных дивизий, должны были из района между Монжуа и Эхтернахом внезапно перейти в наступление и, используя в качестве прикрытия на южном фланге удар 7-й армии, выйти к Массу на участке между Льежем и Намюром, форсировать его и, наконец, в обход Брюсселя овладеть Антверпеном с целью отрезать отход всем располагавшимся севернее участка прорыва английским и американским соединениям и уничтожить их. Начало этой широко задуманной операции было намечено на 25 ноября. Были получены заверения, что на первое время горючего вполне хватит, в дальнейшем же предполагалось захватить большие запасы его в оперативном тылу противника. ВВС, по заявлению Геринга, были в состоянии выделить 3 тыс. боевых самолетов, в том числе большое количество новейших реактивных истребителей. Цифра эта, однако, была существенно урезана Гитлером, который надеялся обойтись 800 самолетами. Он наперед исключал всякие сомнения и предполагал неуклонно придерживаться поставленной широкой цели, намеченного состава группировки и порядка проведения операции.

Цель наступления явилась полной неожиданностью как для Рундштедта, так и для Моделя, на которого, кстати, была возложена ответственность за подготовку и проведение всей операции, и вызвала большое удивление с их стороны. Оба фельдмаршала были в принципе не против контрнаступления, однако хотели применительно к реальному соотношению сил и фактическим возможностям войск ограничить операцию более узкими рамками. По их мнению, выделенных соединений было совершенно недостаточно для проведения операции на глубину свыше 200 км. Кроме того, они сомневались, что все дивизии сумеют в срок занять исходные позиции, а в ходе наступления смогут обеспечивать западное крыло ударной группировки до тех пор, пока не будет закончено уничтожение отрезанных сил противника. В то время как высшее военное руководство исходило из того, что Маас будет достигнут к вечеру второго дня наступления, командование на Западе полагало, что в самом благоприятном случае для этого понадобится четыре дня. А к тому времени противник мог перебросить к реке достаточные для обороны силы. Поскольку упрямство Гитлера в подобных случаях было хорошо известно, то не имело смысла отговаривать его от проведения операции, в бесперспективности которой был убежден даже Йодль. Оставался лишь один выход – предложить ему операцию с первоначально гораздо более скромными целями, которую, однако, в случае ее удачи можно было бы развить в соответствии с замыслами Гитлера. Контрпредложением предусматривалось вначале лишь выйти к Маасу с последующим поворотом на север, чтобы, сочетая этот мощный южный клин с северным, из района Ситтарда, зажать в клещи все находившиеся восточнее Мааса силы американцев. Так как американцы в течение первой половины ноября подтянули в район Ахена

новые силы и в середине ноября перешли в наступление с целью выхода к реке Рур, то предлагаемый план давал возможность разгромить более трети всех использовавшихся на Западе американских дивизий. Но и это гораздо более скромное по своим целям предложение могло, по мнению командования на Западе, иметь перспективы на успех лишь в том случае, если после окончания периода плохой погоды, которой предполагалось воспользоваться для облегчения задачи прорыва, немецкая авиация сможет оказаться достаточно сильной, чтобы в последующие решающие дни обеспечить необходимое превосходство над авиацией противника в районе намечавшихся боевых действий. Столь же важно было, чтобы соседние армии оказались в состоянии эффективно сковать противостоявшие им силы противника, ибо если бы последнему удалось беспрепятственно снять с этих участков крупные силы и бросить их против флангов наступающих войск, то вбиваемый клин мог бы в силу необходимости обеспечения все более растягивающихся флангов оказаться настолько ослабленным, что устремленная вперед ударная мощь немецкого наступления могла бы иссякнуть уже через несколько дней.

В течение всего ноября и первых дней декабря предпринимались самые различные попытки склонить Гитлера к такому решению, которое отстаивали Рундштедт, Модель и командующий выделенной для наступления 5-й танковой армией Мантейфель. Однако Гитлер категорически отвергал любые изменения в намеченной им операции.

Независимо от этих предложений армии немедленно приступили к осуществлению исключительно широкой подготовки к наступлению. Уже предварительный расчет времени показал, что выдержать намеченный срок начала операции практически не представлялось возможным. Ближайшей датой было признано 10 декабря. Ведь предстояло, подтянув все имевшиеся резервы и сняв силы с фронта, где и так оборона была организована с колоссальным трудом, сколотить мощную ударную группировку, которая соответствовала бы такому широкому замыслу наступления. Формирование новых соединений и пополнение снятых с других участков фронта танковых и гренадерских моторизованных дивизий еще не решали всей проблемы. Для организации снабжения необходимо было создать широко разветвленную сеть органов и учреждений тыла. Предстояло обеспечить подвижность артиллерии, минометных частей и дивизионных обозов; подготовить мостовое имущество для преодоления многочисленных водных преград; разработать приказы, направленные на то, чтобы обеспечить беспрепятственное сосредоточение соединений и артиллерии усиления, которые в целях скрытности должны были быть подтянуты лишь в самый последний момент. Выбор наиболее целесообразного метода наступления (надо было обеспечить прорыв и в то же время не вызвать артиллерийской подготовкой преждевременной тревоги у противника) сопровождался дискуссиями, затянувшимися на недели. Вся операция готовилась с исключительной тщательностью. Дабы предназначавшиеся для наступления вновь сформированные и пополненные соединения, которым давно уже не приходилось решать подобных задач, вступили в бой до некоторой степени подготовленными, было необходимо настоятельно хотя бы поверхностно обучить их – под видом совершенствования навыков проведения контратак в рамках обороны. Занятиями по карте преследовалась цель выработать тактические принципы ведения операции.

Все приготовления организационного и тактического характера должны были проводиться при строжайшем соблюдении скрытности. Ибо только при условии, если бы действительно удалось ошеломить противника и добиться, чтобы он остался слабым на участке намечавшегося наступления, можно было рассчитывать на быстрый прорыв. Круг посвященных был сужен настолько, что в ходе подготовки не было ориентировано должным образом даже руководство тыловых служб, и важнейшие предметы материального обеспечения, особенно боеприпасы и горючее, в соответствии с принципами ведения оборонительных действий оставались сконцентрированными далеко в тылу. Германское верховное командование рассчитывало, что с началом наступления удастся своевременно выделить достаточно транспортных средств для обеспечения подвоза. На деле, однако, войска очень скоро оказались в большом затруднении, так как упомянутое обещание не могло быть сдержано, да и, кроме того, подготовленные запасы горючего были, как вскоре выяснилось, несмотря на предостережения опытных командиров, рассчитаны слишком строго, без всякого излишка.

С середины ноября приготовления осложнились наступлением противника в бассейне

реки Рур: возникло дополнительное препятствие в подготовке ряда соединений, которые предназначались для наступления, но в силу сложившейся обстановки теперь завязли в оборонительных боях.

27 ноября Гитлер, отклонив все предложения относительно сужения задач операции, приказал начать наступление 7 декабря. Затем сроки начала пришлось переносить еще три раза, частично по техническим причинам, а отчасти из-за метеорологических условий, пока, наконец, 12 декабря не была установлена окончательная дата – 16 декабря. 11 – 12 декабря состоялось совещание всех высших командиров, созванное Гитлером в его ставке, которую он на время наступления перенес в Цигенберг в Гессене. В произнесенной двухчасовой речи он пытался раскрыть перед ними политическую и военную подоплеку своего решения, заверив, что он сделал все необходимое для обеспечения успеха наступления, от которого он ожидает решающего перелома в войне. Открывать дискуссию Гитлер не разрешил. Справедливые сомнения командиров, которые жаловались на слишком короткий отрезок времени, предоставленный для подготовки их соединений, а также на невыполненные обещания относительно повышения подвижности войск и настаивали на оказании им помощи в этом направлении, также были оставлены, по существу, без внимания. Единственным благоприятным впечатлением, вынесенным из этого совещания присутствовавшими на нем генералами, явилось представленное Гитлером в исключительно радужных тонах положение в лагере противника. О том, каково было положение в их собственных войсках, они знали лучше, чем Гитлер. Внешне он произвел на них впечатление подавленного человека, видимо, страдавшего тяжким недугом.

Итак, окончательное решение было принято. Генералы затаили в глубине души слишком обоснованные сомнения относительно исхода этой роковой операции и, проникнувшись чувством возложенной на них ответственности, на протяжении многих дней вместе со своими штабами тщательнейшим образом продумывали и готовили все необходимое для максимального успеха своих соединений. Каждый из них все-таки еще продолжал надеяться, что, может быть, удастся если и не развернуть безграничную по масштабам операцию, к которой стремился Гитлер, то хотя бы добиться еще раз успеха в борьбе против американских армий.

На намеченном для немецкого наступления участке фронта действовали четыре американские дивизии 8-го армейского корпуса. Две из них были переброшены на этот считавшийся спокойным участок после потерь, понесенных в ходе наступления на реке Рур.

Против этих дивизий и перешла в наступление {51} 6-я танковая армия СС (командующий – оберст-группенфюрер Дитрих) в составе четырех полностью укомплектованных танковых дивизий СС и четырех пехотных дивизий. Она наносила удар на фронте Монжуа, северная оконечность гор Шне-Эйфель. Эта труднопроходимая горная цепь, на которой обосновались американцы, образовав выступ в линии фронта, не была включена в полосу наступления. Наступлению немецкой армии решающий успех не сопутствовал. Ее северному флангу удалось продвинуться южнее Монжуа весьма незначительно.

Центр и южный фланг, после того как 12-я гренадерская моторизованная дивизия в ходе двухдневных боев прорвала оборону противника северо-западнее Лосгейма и проложила путь 1-му танковому корпусу СС, вышли после упорных боев на рубеж Монжуа, Мальмеди, Труа-Пон. Здесь, еще далеко от первой намеченной цели – Льежа наступление 6-й танковой армии уже 18 декабря захлебнулось. Несмотря на все возобновлявшиеся попытки, продвинуться дальше не удалось. Армия находилась слишком близко от сильного фронта американцев у реки Рур, откуда быстро была оказана поддержка застигнутым врасплох американским дивизиям. Поэтому 6-я танковая армия оперативного успеха не добилась. К тому же этот удар и не был, вероятно, разработан и подготовлен армией с таким знанием дела, осмотрительностью и основательностью, как удар ее южного соседа – 5-й танковой армии.

Наступление этой армии развивалось вначале гораздо успешнее, и она сумела создать для противника гораздо более серьезную угрозу. Армия состояла из трех танковых дивизий, отлично оснащенной и прекрасно укомплектованной личным составом бригады «Фюрербеглейт», которой, однако, не хватало подготовленности в тактическом отношении, и четырех частично не вполне готовых к наступлению пехотных дивизий. В соответствии с

исключительно тщательно продуманным и во всех подробностях разработанным планом (предусматривавшим, между прочим, и внезапное просачивание на оборонявшихся слабыми силами противника участках еще до того, как после сильной артиллерийской подготовки должно было последовать наступление на всем фронте) армия перешла в наступление, имея в первом эшелоне четыре пехотные и две танковые дивизии.

В течение двух первых дней наступления была форсирована река Ур, а местами даже прорвана оборона противника. Помимо этого, крупными силами был атакован узел дорог Сен-Вит, имевший решающее значение для последующего маневра смежных флангов обеих наступавших армий. К вечеру 17 декабря река Ур была форсирована, западнее ее в ряде пунктов оборона американцев прорвана, хотя Сен-Вит все еще упорно удерживался противником. Результаты наступления армии, несмотря на успехи на реке Ур, были, тем не менее, не вполне удовлетворительными. Задержанная плохими, к тому же размытыми дождями дорогами, на которых то и дело создавались пробки, разрушенными мостами и необходимостью в силу этого осуществлять дополнительные переброски вдоль линии фронта, надолбами Западного вала и сильными заграждениями на противоположном берегу реки Ур, остававшимися здесь еще со времени отхода немецких войск, армия на первом этапе наступления потеряла намного больше времени, чем предполагалось. Если отвлечься от утопичных надежд Гитлера и ОКВ, желавших видеть немецкие танковые клинья к вечеру второго дня наступления уже на реке Маас, то даже при очень благоприятном развитии обстановки вряд ли можно было рассчитывать на то, что передовые отряды ударной группировки в ближайшие два дня достигнут Мааса, найдя там необороняемые и невзорванные мосты через реку. Нельзя признать нормальным и факт, что примыкавшая к 5-й танковой армии с юга 7-я армия под командованием генерала Бранденбергера не была ни усилена до первоначально предусмотренных размеров, ни оснащена должным образом для ведения наступления. В ее составе не было ни одного подвижного соединения. Предприняв, тем не менее, согласно приказу наступление между Вианденом и Эхтернахом, она лишь на северном фланге добилась значительных успехов, но и они из-за нехватки переправочных средств и мостового имущества не были использованы в полной мере. Одну из существеннейших предпосылок успеха операции – обеспечение левого фланга 5-й танковой армии и прикрытие ее силами, выдвинутыми как можно дальше в южном и западном направлениях, – слабая 7-я армия смогла выполнить лишь частично.

В течение двух следующих дней 5-я танковая армия, несмотря на заметный подъем в войсках, также не достигла желаемого быстрого темпа продвижения. Для овладения районом Сен-Вита пришлось бросить в бой бригаду «Фюрербеглейт», что означало изъятие одного подвижного соединения из группировки, выделенной для нанесения удара в направлении Мааса. Лишь 21 декабря, через несколько дней тяжелых боев, удалось взять окруженный с трех сторон Сен-Вит. Этими боями были скованы две пехотные дивизии и одно подвижное соединение. Другим разочарованием явилось то, что не удалось овладеть Бастонью – таким же важным узлом дорог на южном участке фронта наступления, – прежде чем американцы смогли бросить сюда крупные силы. При всей самоотверженности командиров и войск темпы наступления не удалось увеличить настолько, чтобы обеспечить решающий фактор – упредить подтягивавшиеся в спешном порядке резервы противника. Кое-где имели место неизбежные в любой операции ошибки войсковых командиров, но эти ошибки не представляли ничего особенного и должны были, следовательно, учитываться при планировании наступления.

Командование противника ответило на действия немцев быстрыми и энергичными мерами. Когда в общем все-таки внезапно началось немецкое наступление, противник в тот же день бросил две пехотные дивизии против 6-й танковой армии СС и по одной танковой дивизии против флангов 5-й армии. Одна из этих двух дивизий уже у Сен-Вита вступила в бой, другая сдерживала продвижение 7-й армии, одновременно прикрыв частью сил Бастонь. 18 декабря Эйзенхауэр, поняв, что на этот раз речь шла не просто об ударе с ограниченной целью, бросил в бой свои последние свободные резервы – две воздушно-десантные дивизии, находившиеся в районе Реймса. Прибывшая 19 декабря в Бастонь 101-я дивизия едва успела вовремя. К этому времени части 10-й американской бронетанковой дивизии, которые стремились на подступах к городу отразить удар немецкой учебной танковой дивизии, были почти полностью

уничтожены.

Между тем 116-й танковой дивизии удалось пробиться в центре до Уффализа. Севернее Бастони 2-я танковая дивизия также продвигалась в хорошем темпе, встречая лишь незначительное сопротивление противника. Все остальные дивизии 5-й танковой армии уже были скованы действиями на флангах. Сен-Вит к этому времени еще не был взят, у Бастони события приобретали, по всем данным, аналогичный, если не более осложненный характер, хотя бы уже потому, что этот населенный пункт приковал к себе две дивизии, в том числе одну танковую. Правда, продолжала еще оставаться реальной надежда выйти обеими наступавшими в центре танковыми дивизиями к Маасу. Еще одна танковая дивизия, изъятая из состава 6-й танковой армии СС, должна была усилить этот клин в северной его части. Пока в последующие дни со всей энергией, хотя и безуспешно предпринимались попытки овладеть Бастонью, обе танковые дивизии продолжали продвигаться к реке Урт. Учебная танковая дивизия была подтянута к южному флангу, 2-я танковая дивизия вышла 22 декабря к Маршу, 116-я танковая дивизия застряла в излучине реки Урт севернее Марша и, во избежание фронтального наступления, связанного с потерей времени и не сулившего ничего определенного, была переброшена через Ларош на северный фланг 2-й танковой дивизии.

На пути продвижения танковых дивизий в исключительно трудных условиях местности, которую приходилось преодолевать не в прекрасную солнечную и сухую погоду, как это было в мае 1940 г., встали столь серьезные препятствия, что теперь на форсирование Мааса нечего было и рассчитывать. К тому же постоянно сказывалась нехватка горючего. Тем не менее при условии взятия Бастони, устойчивости южного крыла и своевременного ввода в прорыв новых сил все еще оставалась реальной возможность использовать успех танковых дивизий и по достижении Мааса поворотом на север увлечь в дальнейшее наступление застрявшее северное крыло и 6-ю танковую армию СС. Погода пока еще исключала применение противником крупных сил авиации, хотя в отдельные моменты, когда небо прояснялось, уже стали появляться первые истребители-бомбардировщики союзников.

Эйзенхауэр после своих первых, отданных немедленно после начала наступления распоряжений принял радикальные меры, направленные на отражение немецкого удара. 19 декабря, когда положение у Бастони еще оставалось неясным, а 5-я танковая армия, о небольшой глубине оперативного построения которой командование противника не могло знать, казалось, неудержимо продвигалась через Уффализ и Бастонь к Маасу, обстановка приняла для американцев довольно угрожающий характер. Из новых свободных резервов Эйзенхауэр располагал лишь только что прибывшей во Францию танковой дивизией и воздушно-десантной дивизией, находившейся в Англии. Оба эти соединения он распорядился бросить по возможности скорее к Маасу с целью приостановить здесь прорыв противника. Было отдано также распоряжение прекратить атаки местного характера на всех неатакованных участках фронта. Выступы в линии фронта, удерживать которые представлялось невыгодным, надлежало эвакуировать, 6-я американская группа армий сменила своей 7-й армией 3-ю армию, с тем чтобы дать возможность Паттону создать сильную группировку против южного фланга 5-й немецкой танковой армии. Эйзенхауэр был полон решимости взять на себя ответственность за все последствия такого ослабления 7-й армии, к которым относился, в частности, отвод правого фланга армии из района Виссамбура. Армии было приказано отходить вплоть до рубежа Страсбург, восточные склоны Северных Вогезов, не останавливаясь даже перед сдачей Страсбурга, если бы такая необходимость диктовалась соотношением сил. Французы были серьезно раздражены таким решением, указывая на непредвиденные политические осложнения, которые оно могло вызвать в их стране. Тогда Эйзенхауэр, учитывая, что в случае возникновения волнений во Франции проходившие по ее территории коммуникации американских армий действительно могут оказаться под угрозой, приказал удерживать Страсбург при любых обстоятельствах.

Командование всеми американскими соединениями, действовавшими севернее линии Прюм, Живе, было передано Монтгомери, который, получив задачу остановить немецкое наступление в этом районе, приказал американцам выделить из неатакованных 1-й и 9-й армий один армейский корпус в составе четырех дивизий и сосредоточить его южнее Мааса между Намюром и Льежем. Из своей 2-й армии он изъясил один армейский корпус в составе трех

пехотных и одной бронетанковой дивизий, перебросив его в район между Брюсселем и Маастрихтом. Были выделены силы для обороны мостов через Маас на участке между Живе и Льежем, одна танковая бригада брошена в район северо-западнее Марша, на ведущих в Брюссель дорогах в непосредственной близости от столицы были устроены заграждения.

Эти меры против обоих флангов немецкой ударной группировки с 23 декабря стали заметно сказываться на действиях немецких 7-й полевой и 5-й танковой армий. Кроме того, этим же днем закончился и период плохой погоды, в условиях которой только и осуществимо было немецкое наступление. Вражеские истребители-бомбардировщики теперь все чаще, хотя пока еще небольшими группами, прорывались через разрывы в облаках. Начиная со следующего дня они в полной мере включились в наземные бои, вследствие чего пришлось прекратить все передвижения в дневное время. Одновременно соединения стратегической авиации противника обрушили свои мощные удары на коммуникации немецких войск вплоть до Рейна, а также на аэродромы немецкой авиации.

К вечеру 23 декабря надежды на дальнейшие успехи 5-й танковой армии даже восточнее Мааса рассеялись, поскольку не подтягивались в спешном порядке новые силы, не становилась благоприятной обстановка в воздухе и не улучшалось совершенно неудовлетворительное положение с горючим, вынудившее еще в самом начале операции оставить крупные силы артиллерии на исходных позициях, 2-я танковая дивизия, осуществлявшая в течение дня свой смелый бросок из Марша на Динан, была внезапно атакована на правом фланге. Ее разведбатальон и часть следовавших за ним главных сил были отрезаны американскими частями и английской бронетанковой бригадой, окружены и в последующие дни уничтожены. Лишь части окруженных сил удалось пробиться к своей дивизии, ударная сила которой оказалась недостаточной для освобождения вырвавшихся вперед подразделений. Становилось все сомнительнее, продержится ли фланговое прикрытие южнее Бастони до падения города, против которого в ближайшие дни должна была быть брошена еще одна слабая немецкая дивизия. Уже теперь видно было, что задача взять Бастонь, удерживать южный фланг и продолжать наступление на Маас была выше сил и возможности армии, хотя в ее распоряжение и подтягивалась еще одна танковая дивизия. Высшее военное руководство слишком поздно решилось использовать все имевшиеся соединения, особенно крупные части 6-й танковой армии СС, на участке, где наметился значительный первоначальный успех. Командующий 5-й танковой армией генерал фон Мантейфель безуспешно пытался получить четкие указания относительно дальнейших действий. Лишь 25 декабря последовала типичная для Гитлера директива, в которой он, игнорируя создавшееся положение, предписывал армии бросить все силы на овладение горным массивом в районе Марша и пообещал дополнительно выделить еще две дивизии. Когда могли прибыть эти дивизии, предсказать в условиях улучшившейся погоды было невозможно.

В течение двух предыдущих дней давление противника на вырвавшиеся далеко вперед танковые дивизии становилось все сильнее, в результате чего они лишь с большим трудом могли держаться между Маршем и Рошфором и 27 декабря окончательно перешли к обороне. Еще более критической стала обстановка у Бастони. Снабжавшийся воздушным путем гарнизон отражал все немецкие атаки. Танкам Паттона, прорвавшим 26 декабря южнее Бастони позиции войск 7-й армии, осуществлявших фланговое прикрытие, удалось, кроме того, разорвать кольцо окружения города с юга и установить первую связь с гарнизоном.

Решение Гитлера ввести все имевшиеся силы на направлении главного удара 5-й танковой армии запоздало. Основные силы двух дивизий СС и двух пехотных дивизий, прибывших в последующие дни, были использованы для восстановления кольца окружения вокруг Бастони на юге и для последующего овладения этим городом. Ни то, ни другое, однако, не удалось. Часть вновь прибывших сил пришлось использовать для усиления продвинувшихся на запад танковых дивизий, которые, примыкая к растянутому до реки Урт левому флангу 6-й танковой армии СС, продолжали удерживать район Рошфора, хотя уже вынуждены были под усиливающимся давлением противника с юга и юго-запада растянуть и во избежание охвата с тыла загнуть назад в направлении Бастони свой южный фланг. Превосходство противника становилось с каждым днем все ощутимее, его авиация почти полностью парализовала железнодорожное сообщение в немецком тылу, вследствие чего положение со снабжением

становилось все напряженнее. Когда вражеская авиация возобновила свои действия, в немецком тылу возник невообразимый хаос, устранить который было почти невозможно. Многочисленные поезда с военными грузами, предназначенными для снабжения фронта, в течение дня укрывались в туннелях. Тыловым органам лишь с величайшими трудностями удавалось отыскивать и в ночное время разгружать предназначенные для них поезда с боеприпасами и горючим. Действительно планомерного подвоза со времени начала наступления почти не было, а позже о нем вообще не могло быть и речи.

Немецкая авиация с 24 декабря предпринимала все возможное для облегчения участи наземных войск, хотя ее деятельность, несмотря на самоотверженность летного состава, носила довольно ограниченный характер. Самый крупный налет, в котором приняли участие более 900 самолетов, был совершен 1 января на аэродромы противника в Бельгии и Голландии. Большое число американских и английских самолетов было уничтожено на земле, истребители противника понесли высокие потери в воздушных боях. Но и с немецкой стороны потери составили одну треть участвовавших в налете машин.

Наземные войска повсеместно продолжали вести упорные оборонительные бои на достигнутых рубежах, ликвидируя или отсекая контратаками то и дело вбивавшиеся клинья противника. Все ответственные за проведение наступления лица – Рундштедт, Модель и Мантейфель – безуспешно торопили Гитлера срочно приостановить ставшую бесперспективной операцию и отвести войска на исходные позиции, прежде чем начнется со дня на день ожидавшееся крупное контрнаступление противника. Только так и можно было бы еще спасти большую часть техники и организованно отвести войска без новых тяжелых потерь. Ведь дальнейшим пребыванием в захваченном районе ничего не достигалось, кроме незначительного выигрыша времени, который не имел никакого значения по сравнению с грозившими потерями и тем более в свете общей обстановки. Гитлер никак не хотел пойти навстречу настояниям военных руководителей. Больше того, он приказал во что бы то ни стало удерживать достигнутые войсками рубежи и взять Бастонь. Лишь предпринятое 3 января наступление противника вынудило немецкие войска начать отход.

Это наступление заставило себя ждать удивительно долго. Прошло уже десять дней с тех пор, как Паттон 23 декабря развернул наступательные действия на южном участке фронта, а на северном участке Монтгомери бросил американский корпус против глубокого фланга 5-й танковой армии и западного фланга 6-й танковой армии СС. Паттон теснил непрерывно, однако его силы были недостаточными, чтобы добиться быстрого прорыва южного фланга 5-й немецкой танковой армии и примыкавшего прикрытия упорно сражавшейся 7-й немецкой армии. Американский корпус на севере был использован для обороны между Ставло и Рошфором. Монтгомери считал необходимым произвести значительную перегруппировку своих соединений: он сменил войска западного фланга американцев своим корпусом, сосредоточившимся тем временем в районе между Маастрихтом и Брюсселем, сузил фронт американцев и перебросил на их восточный фланг еще один американский корпус. Начавшимся 3 января одновременно против обоих флангов немецкого клина наступлением преследовалась цель выйти с юга и севера в район Уффализа и отрезать тем самым все немецкие силы, остававшиеся еще к тому времени западнее этого пункта. К счастью для немецких войск, начался сильный снегопад, вынудивший вести бои в основном вдоль дорог. Благодаря этому под прикрытием арьергардов удалось организованно осуществить исключительно трудный отход раньше, чем клинья противника сомкнулись 16 января у Уффализа. При отступлении пришлось бросить большое количество поврежденной первоклассной техники, так как для вывоза ее не хватало ни транспортных средств, ни тем более горючего. Во время отхода было потеряно гораздо больше танков и самоходных установок, чем в ходе всего наступления. Тяжелым психологическим ударом явилось для армейских соединений также и то, что в последующие дни отхода все дивизии СС были сняты с этого фронта. Даже если это понадобилось для пополнения этих дивизий с целью их дальнейшего использования на других участках, на армейские соединения, тем не менее, произвел тяжелое впечатление сам факт, что на них одних было взвалено бремя самого тяжелого и кровопролитного этапа захлебнувшегося наступления. Это была психологическая ошибка, которая, хотя и не затронула неизменно хороших и товарищеских отношений между армией и войсками СС на поле боя, сильно

подорвала доверие к высшему командованию.

Все три армии медленно отходили на свои исходные позиции. Заключительный этап этого маневра был несколько облегчен для них тем обстоятельством, что Монтгомери после выхода к Уффализу в соответствии с приказом снял с фронта английский корпус и вернул его 21-й группе армий, намереваясь возобновить прерванную немецким ударом подготовку к наступлению с плацдарма у Неймегена.

Вернувшись в конце января на исходные позиции, немецкие армии, несмотря на все свои запросы, не нашли там ничего, что могло бы повысить их упавшую боеспособность: ни достаточного количества боеприпасов, ни артиллерии, ни противотанковых средств. Во время отхода настроение в войсках, с такими надеждами шедших в бой и до последнего дравшихся за достижение успеха, значительно упало. То же самое было и на родине, где царил теперь горькое разочарование, ибо надежды на решающий перелом на Западе, о неизбежности которого говорили еще в рождественские дни, не сбылись. Тем не менее для родины операция принесла определенное облегчение: противник некоторое время вынужден был использовать основные силы своей авиации на поле боя и в непосредственной близости к нему, благодаря чему глубокому тылу была, наконец, обеспечена относительная передышка.

Военные итоги операции были только отрицательными. Ею удалось лишь оттянуть на несколько недель осуществление планов западных союзников, что, однако, могло бы считаться выигрышем только в том случае, если бы из этого вытекали какие-то военные или политические выгоды. Политических шансов вследствие устойчивой позиции западных держав по отношению к Германии независимо от того, боролась ли она во главе с Гитлером или без него, теперь не было вообще. Отсрочка наступления союзников досталась слишком дорогой ценой, чтобы иметь какое-нибудь значение. Сколь-нибудь заметного ослабления противника достигнуто не было: его потери в живой силе составили 77 тыс. человек, а собственные – 90 тысяч. Только что пополненные или вновь сформированные дивизии потеряли большое количество техники, и армия лишилась своих последних, с трудом выделенных резервов, отсутствие которых остро ощущалось теперь ею как на Западе, так и на Востоке.

В конце декабря исход Арденнского наступления не мог вызывать больше никаких сомнений. Однако предпринималась попытка продолжить наступление, подтянув – хотя уже было слишком поздно – силы в район 5-й танковой армии, ибо Гитлер и Йодль все еще не могли смириться с мыслью, что им не удалось вернуть инициативу на Западном фронте. Стремясь вырвать ее у противника путем нанесения удара на другом участке фронта, они ухватились за внесенное еще до начала Арденнской операции предложение главнокомандующего немецкими войсками на Западе относительно проведения отвлекающего наступления. Согласно новому плану, путем наступления с ограниченной целью предстояло, опираясь на район Битша, вернуть северную часть Эльзаса и сковать силы противостоявшей 7-й американской армии, которая к тому времени выделила из своего состава значительное количество частей для поддержки своих войск в Арденнах. Начавшееся 1 января наступление принесло вначале хорошие результаты. Севернее Агно немецким войскам удалось прорвать линию Мажино и продвинуться на юг в направлении Севернского прохода, после чего Гитлер вообразил, что инициатива здесь уже перехвачена и что территориально ограниченный удар удастся превратить в сражение за весь Эльзас. Этот план Гитлера поддержал Гиммлер, который в декабре принял на себя командование войсками на Верхнем Рейне и теперь хотел воспользоваться подходящим случаем, чтобы показать свои полководческие способности. Несмотря на самый энергичный протест Рундштедта, часть наступавших западнее Рейна соединений была снята с фронта, переподчинена Гиммлеру и с крупного кольмарского плацдарма брошена в северном направлении. В Страсбурге возникла серьезная паника. Когда Эйзенхауэр вновь пришел к выводу, что лучше временно оставить Страсбург, чем уклониться из-за немецкого удара от продолжения своих операций, дело дошло до серьезных объяснений между американским главнокомандующим и де Голлем. Но в результате санкционированного Гитлером вмешательства Гиммлера немецкие силы оказались разделенными на две части и в условиях слишком широкого фронта наступления не смогли выйти за рамки первоначальных успехов. После усиления обороны противника наступление вообще пришлось прекратить.

Итогом его явилось лишь перемещение фронта на участке между Битшем и Рейном в

западном направлении и, следовательно, создание в этом районе предполья перед Западным валом. Этим достигнутым еще в первые дни января успехом и пришлось удовлетвориться немецкому командованию, когда стало ясно, что наступление в Арденнах провалилось и больше никаких результатов оперативного масштаба от продолжения наступления ожидать не приходится.

Пока высшее военное командование старалось добиться на Западе по существу недостижимых целей, на Восточном фронте, которым оно в это время почти не интересовалось, русские развернули новое крупное наступление от Балтийского моря до Карпат.

3. Прорыв русских на Висле

Возникший в результате вторжения во Францию «второй фронт» и фронт в Италии довели оборонительные усилия немцев до крайнего напряжения. Отношения между дублирующими друг друга подчиненными Гитлеру высшими органами управления вооруженными силами – ОКВ и ОКХ – обострились до чрезвычайности. Генерал-полковник Гудериан, являвшийся с лета 1944 г. в качестве начальника генерального штаба сухопутных сил советником Гитлера по ведению операций на Востоке, прилагал самые отчаянные усилия, чтобы создать сносные условия для отражения ожидаемого и неизбежного нового натиска русских. Но он всякий раз наталкивался на поощряемое Гитлером и поэтому столь же упорное стремление Йодля урвать побольше соединений для своих целей. Дело в том, что Йодль хотел остановить наступление союзников на Западе любой ценой, даже за счет ослабления в данный момент спокойных участков Восточного фронта. К этому добавилась еще и попытка Гитлера добиться перелома в обстановке путем наступления в Арденнах, прежде чем русские нанесут новые мощные удары с Востока. Для проведения наступления на Западе было сосредоточено и израсходовано все, что имелось в распоряжении немецкого командования, кроме минимально необходимого для удержания фронта на Востоке и для обороны в Венгрии, которая все еще велась весьма активно.

Гудериан был не в силах повлиять решающим образом на руководство войной в целом. Его компетенция распространялась лишь на Восточный фронт. С тех пор как между Карпатами и Балтийским морем обстановка стала менее напряженной, ему оставалось только заботиться о пополнении соединений Восточного фронта свежими силами да с беспокойством следить за тем, как бы бездействие русских не побудило Гитлера еще больше ослабить фронт и урезать резервы. Однако особого успеха Гудериан здесь не добился. Так, в рождественские дни 1944 г. Гитлер, не консультируясь с Гудерианом, перебросил один корпус СС в составе двух дивизий из Восточной Пруссии в Венгрию, чтобы освободить окруженный Будапешт. Не большего достиг Гудериан и до этого, когда он стремился создать в глубине Восточного фронта обширные укрепленные районы и обеспечить их гарнизонами в целях ликвидации прорывов русских войск. Ввиду принципиального нерасположения Гитлера ко всякому устройству позиций в тылу Гудериан с трудом добился лишь того, чтобы оборудовать и связать укреплениями полевого типа старые крепости в Восточной Пруссии и восточных провинциях рейха. В этом мероприятии горячее участие приняло и население. С лета 1944 г. также по инициативе Гудериана началось формирование необходимых для укреплений гарнизонов. Однако когда разбитые немецкие армии начали отступать из Франции, эти гарнизоны были большей частью переброшены для обеспечения Западного вала.

Если, следовательно, не было даже самых минимальных сил, чтобы остановить глубокие прорывы русских войск, то чрезвычайно мало было и число тех соединений, которые, находясь в непосредственной близости к фронту, могли бы не допустить выхода русских на оперативный простор. Наряду со слабыми армейскими резервами удалось снять с фронта и пополнить только двенадцать танковых и гренадерских моторизованных дивизий. Составляя подвижные резервы, они располагались в боевой готовности на наиболее угрожаемых направлениях – основными силами между Верхней Вислой и Пилицей и частично за рекой Нарев и в Восточной Пруссии – с целью закрывать бреши на 700-километровом фронте между Карпатами и Балтийским морем. Гудериан, в противоположность Гитлеру, отнюдь не скрывал того, что, по его мнению, Восточный фронт с его неглубоким расположением и слабыми резервами развалится как

карточный домик после первого же успешного прорыва русских.

Относительно менее угрожаемым представлялся лишь узкий участок между Карпатами и Верхней Вислой. Южную половину этого участка, проходившую в горном районе на словацкой границе, обороняла 1-я танковая армия под командованием генерал-полковника Хейнрици. Она являлась связующим звеном между группой армий «Юг» и группой армий «А». К 1-й танковой армии примыкала вновь сформированная 17-я армия под командованием генерала Шульца, располагавшаяся вдоль реки Вислока на участке от Ясло до Вислы.

Наибольшее беспокойство вызывал участок фронта по реке Висла до Варшавы. Правда, здесь 4-я танковая армия вначале под командованием генерала Балька, а позднее – генерала Грезера в ходе упорных боев летом 1944 г. помешала русским расширить большой плацдарм по обе стороны Баранува и даже несколько сузила этот плацдарм. Но все же он имел еще достаточные размеры, чтобы на нем можно было сосредоточить крупные силы. В районе Пулав русские также находились на левом берегу реки. Не менее опасным для 9-й армии генерала фон Лютвица был обширный русский плацдарм под Магнушевом у устья реки Пилица. Командующий группой армий «А» генерал-полковник Гарпе неоднократно (в последний раз уже незадолго до начала русского наступления) предлагал оставить рубеж по западному берегу Вислы, возможность удержания которого ввиду сильных русских плацдармов стала иллюзорной, и организованно отойти, сократив общую протяженность линии фронта, на рубеж перед плацдармами русских. В то же время это была бы единственная возможность создать еще кое-какие резервы.

Аналогичной была обстановка и на фронте группы армий «Центр» под командованием генерал-полковника Рейнгардта. Здесь 2-я армия генерал-полковника Вейса занимала оборону по реке Нарев, на западном берегу которой русские в результате их осеннего наступления захватили большой плацдарм южнее Пултуска. Северный сосед 2-й армии – 4-я армия под командованием генерала Хоссбаха продолжала удерживать фронт на участке Новогруд, Эбенроде, куда она вышла в результате своего контрудара в начале ноября. Фронт, обороняемый 2-й и 4-й армиями, также можно было сократить, по крайней мере за счет спрямления ряда требовавших значительного расхода сил выступов, а возможно, как предлагал командующий группой армий «Центр», и вообще отвести войска на гораздо более короткие по своей общей протяженности оборонительные рубежи Восточной Пруссии, 3-я танковая армия генерал-полковника Рауса, оттянувшая свой левый фланг за реку Мемель, прикрывала Восточную Пруссию с северо-востока и севера.

Гитлер отклонил требования Гудериана эвакуировать Курляндию, так же как и просьбы командующих обеими группами армии относительно сокращения линии фронта. Он продолжал слепо верить, что занимаемый фронт можно и должно удерживать, и своим поведением, которое передавалось и гаулейтерам, решающим образом способствовал тому, что последние были настроены чересчур оптимистически. Не считаясь ни с какими предостережениями, они всегда отказывались от своевременного отвода войск из угрожаемых районов и соглашались на него лишь тогда, когда уже было слишком поздно.

Доклады начальника генерального штаба и его опытных работников, занимающихся вопросами разведки, относительно начавшегося явного сосредоточения превосходящих русских сил Гитлер считал «величайшим блефом со времен Чингисхана», попросту не желая видеть размеров грозившей опасности. При такой оценке обстановки невозможно было что-либо противопоставить сосредоточению русских, кроме бесплодных дискуссий. Русские позволили себе затратить некоторое время, чтобы основательно пополнить свои ослабленные летне-осенним наступлением соединения, подвести к фронту новые силы и оборудовать слишком растянувшиеся и разрушенные немцами коммуникации, а также сосредоточить максимум живой силы и техники для намеченного удара.

Германский генеральный штаб сухопутных сил оценивал превосходство русских в пехоте соотношением 11:1, в танках – 7:1, в артиллерии – 20:1. Превосходство русских в авиации также было достаточно велико, чтобы обеспечить себе господство в воздухе. В целом соотношение сил было таково, что успех немецкой обороны почти исключался, даже если предположить крайнее упорство войск и искусное управление ими. Неясен был еще лишь масштаб грозившей катастрофы. Не в последнюю очередь он зависел от того, останутся ли

командные инстанции в войсках в окопах, наложенных Гитлером на все тактическое руководство, или смогут использовать минимальные шансы, которые, вероятно, еще можно было найти в маневренной борьбе. Так как незадолго до начала русского наступления были отклонены уже упомянутые доклады командующих обеими группами армий, на благополучное разрешение этой проблемы было мало надежды.

В качестве конечной цели своего наступления русские наметили Берлин, которого они во что бы то ни стало хотели достичь раньше западных держав. Для обеспечения этого удара им необходимо было окружить немецкие войска в Восточной Пруссии и выйти к Балтийскому морю в Померании. На юге следовало овладеть Силезией и вырвать у немцев последнюю промышленную область – Верхнюю Силезию, совершенно необходимую им для производства вооружения, так как Рур был парализован непрерывными воздушными налетами. Южнее Карпат русские перемалывали немецкие войска, наступавшие на Будапешт, пока полностью их не обескровили. После этого у них все еще оставалось достаточно времени, чтобы, проведя операцию на широком фронте, отбросить немецкие силы в Чехословакию и Австрию и овладеть Веной. Теперь их основная задача состояла в том, чтобы прорвать и сокрушить немецкий фронт между Карпатами и Балтийским морем.

Для окружения Восточной Пруссии русские использовали войска двух фронтов. На восточной границе сосредоточивались войска 3-го Белорусского фронта под командованием Черняховского в составе пятидесяти четырех стрелковых дивизий, двух танковых корпусов и девяти отдельных танковых соединений. Армии этого фронта должны были наступать на Кенигсберг, нанося главный удар севернее реки Писса, а затем севернее реки Прегель. В то же время 2-й Белорусский фронт Рокоссовского должен был примерно такими же силами начать наступление с плацдарма между Пултуском и Варшавой, ворваться в Восточную Пруссию с юга и отрезать ее от остальной части Германии ударами на Эльбинг и Торунь.

Фронтальный удар в направлении среднего течения реки Одер наносил 1-й Белорусский фронт Жукова в составе тридцати одной стрелковой дивизии, пяти танковых корпусов и трех отдельных танковых соединений на магнушевском плацдарме и сравнительно более слабой группировки на менее обширном пулавском плацдарме.

Наиболее мощный 1-й Украинский фронт Конева в составе шестидесяти стрелковых дивизий, восьми танковых корпусов, одного кавалерийского корпуса и восьми отдельных танковых соединений имел задачу, начав наступление с баранувского плацдарма, главными силами выйти к реке Одер в районе Бреслау, а частью сил нанести удар через Краков по промышленному району Верхней Силезии. На южном крыле русских войск находился 4-й Украинский фронт Петрова, которому предстояло включиться в общее наступление южнее Верхней Вислы.

Обо всех этих приготовлениях немецкое командование имело не вызывающие сомнения данные на основании таких обычных и верных признаков, как увеличение количества артиллерии и повышение интенсивности ее пристрелки, пополнение сил на плацдармах свежими частями, подход танковых соединений в прифронтовые районы. Наконец, об этом же свидетельствовали данные, полученные радиоразведкой и допросом пленных.

Как и летом 1944 г. во время прорыва обороны группы армий «Центр», русские удары снова последовали один за другим через короткие промежутки времени. 12 января русские после мощной пятичасовой артиллерийской подготовки нанесли удар с большого сандомирско-баранувского плацдарма против 4-й танковой армии. Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану. Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск. Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, предприняв в то же время северным крылом охватывающий маневр на Кельце.

На следующий день Жуков нанес удар с магнушевского и пулавского плацдармов по

южному флангу 9-й немецкой армии и одновременно провел вспомогательный удар севернее Варшавы с целью подготовить окружение крепости с севера, 9-я армия, несмотря на упорное сопротивление, не смогла воспрепятствовать прорыву Жукова на запад и удару крупными силами глубоко во фланг и в тыл ее оставшихся на Висле войск.

Когда к 15 января выяснились масштабы прорыва русских на фронте 4-й танковой армии, Гитлер приказал перебросить по железной дороге из Восточной Пруссии в район Лодзи танковый корпус в составе двух дивизий с задачей ударом в южном направлении ликвидировать прорыв на фронте группы армий «А». Немецкое командование, вероятно, еще надеялось на то, что 9-я армия остановит направленный против нее удар по крайней мере на рубеже реки Бзура и что удастся, примкнув к ней фланг упомянутого корпуса, создать новую оборону.

События опрокинули этот расчет, не отвечавший обстановке ни с точки зрения имевшегося в распоряжении времени, ни с точки зрения используемых сил. Корпус, отсутствие которого теперь сказывалось в Восточной Пруссии, провел драгоценные дни в пути, уже при выгрузке в районе Лодзи натолкнулся на русские войска и, вовлеченный в общее отступление, так и не был использован.

К вечеру 15 января на участке от реки Нида до реки Пилица уже не было сплошного, органически связанного немецкого фронта. Грозная опасность нависла над частями 9-й армии, все еще оборонявшимися на Висле у Варшавы и южнее. Резервов больше не было. Если немецкое командование вообще надеялось в ближайшее время остановить русские войска, оно должно было самым срочным образом бросить новые силы на оказавшийся под угрозой Восточный фронт.

Гитлер, несмотря на обрушившееся с Востока 12 января наступление, все еще не мог расстаться со своей ставкой на Западе, где он по-прежнему искал пути дальнейшего наступления на Западном фронте. Лишь катастрофа немецких войск на Востоке, не замечать которую было уже невозможно, заставила его вернуться в Берлин и уделить, наконец, внимание игнорируемому им Восточному фронту. Как и раньше, чтобы иметь возможность перебросить значительные силы на Восточный фронт за сравнительно короткий срок, надо было эвакуировать Курляндию, на чем и настаивал Гудериан. Но Гитлер разрешил снять только одну танковую дивизию. Кроме того, после короткого отдыха и пополнения могли принять участие в боях высвободившиеся после Арденнского наступления танковые соединения СС. Гитлер, однако, не дал отговорить себя от намерения использовать эти дивизии для борьбы за Дунай южнее Будапешта и обороны нефтеносных районов Венгрии. Таким образом, в распоряжении оставались теперь лишь две пехотные дивизии, которые предстояло перебросить для обороны Верхней Силезии в район Кракова.

Недостаток сил, как это часто бывает, пытались возместить служебными перемещениями. Место генерал-полковника Гарпе, на которого Гитлер свалил вину за катастрофу на Висле, занял генерал-полковник Шёрнер.

На юге русские с 15 января начали наступление и на фронте 17-й армии южнее Вислы. Армия, не допустив прорыва, отошла на новый рубеж. Зато наступавшие против соседней 4-й танковой армии танковые соединения русских оставили далеко позади реку Нида и 17 января приблизились к Кракову и верхнему течению реки Варта. При этом в районе Кольце и Радома в тылу наступавших войск остались значительные немецкие танковые силы. После того как русские перекатились через них или обошли их, они снова привели себя в порядок, и им по радио был отдан приказ пробиваться назад в направлении на Глогау.

Жуков, наносивший удар в западном направлении, также почти не встретил сопротивления и достиг Лодзи. Войска его правого крыла занимали охватывающее положение по отношению к северному флангу немецкой 9-й армии, который получил разрешение на отход с Вислы с опозданием на два дня, ввиду чего этот фланг при своем отходе на рубеж реки Бзура был оттеснен на север к Висле и за Вислу. Варшаву было приказано в качестве «крепости» удерживать до последнего солдата, хотя комендант имел в распоряжении лишь несколько крепостных батальонов низкой боеспособности. Правда, на основании ошибочно данного генеральным штабом сухопутных сил разрешения он уже начал было отступление в ночь с 17 на 18 января, но вскоре последовал противоположный приказ, вызванный возмущением

Гитлера против самовольных действий генерального штаба. Комендант Варшавы был уже не в состоянии выполнить этот последний приказ. В результате многие в той или иной степени причастные к этому случаю были отстранены от должности, обвинены в трусости и брошены в концентрационные лагеря.

Армии Конева и Жукова неудержимо продвигались на фронте Плоцк, Лодзь, Ченстохов, Краков. Между городами Лодзь и Ченстохов отходили на Запад пока еще в полном порядке два обходных противником немецких соединения. То из них, которое двигалось южнее, состояло из наскоро сколоченных под Кельце подвижных частей под командованием генерала Неринга; они стремились выйти к Глогау и подбирали на своем пути многочисленные группы из состава разбитых частей 4-й танковой армии. Второе соединение, продвигавшееся в соответствии с приказом севернее первого и также в направлении Глогау, состояло из подразделений и частей переброшенного из Восточной Пруссии в Лодзь танкового корпуса, которые еще успели там выгрузиться и теперь пробивались под командованием генерала фон Заукена к своим войскам.

Почти одновременно с прорывом на Висле перешли в наступление и войска обоих русских фронтов, действовавших в Восточной Пруссии, 3-й Белорусский фронт Черняховского 13 января нанес удар по 3-й немецкой танковой армии, прорвал ее фронт в центре, по обе стороны Шлоссберга, и отбросил ее к реке Инстер севернее Инстербурга. 15 января 2-й Белорусский фронт Рокоссовского начал осуществление своего сокрушительного удара по 2-й немецкой армии с плацдарма южнее Пултуска. Это произошло в тот самый день, когда из состава группы армий «Центр» были выведены обе танковые дивизии, которые прибыли в Лодзь слишком поздно и отсутствие которых в Восточной Пруссии должно было роковым образом сказаться в последующие дни. На второй день наступления противнику удалось кое-где вклиниться в оборону 2-й армии; эти вклинения свидетельствовали о том, что противник стремится прорваться главными силами через Пшасныш и Цеханув на северо-запад и частью сил через Насельск на Торунь. 2-я армия пыталась оторваться от противника, но его прорывы в направлении Ортельсбурга и Зольдау, которые уже нельзя было остановить, расчленили ее и отрезали от 4-й армии. Непосредственно севернее Вислы устремившиеся на запад войска 2-го Белорусского фронта соединились в районе Плоцка с северным крылом войск Жукова.

Теперь русские армии продвигались южнее Вислы к германской границе, а севернее Вислы наступали на широком фронте в северо-западном направлении, стремясь выйти к устью этой реки. Слабые остатки 2-й армии не могли существенно замедлить продвижение противника на Остероде, Грауденц (Грудзёндз) и Торунь. Русские частью сил повернули на север и отбросили отколовшийся левый фланг 2-й армии к Алленштейну. Казалось, что Восточная Пруссия будет неизбежно отрезана от остальной части Германии.

Между тем войска 3-го Белорусского фронта Черняховского вынудили 3-ю танковую армию отступить всем левым флангом за реку Дейме между рекой Прегель и заливом Куришес-Гаф. Армия была настолько разбита, что возникало сомнение, сможет ли она удержаться хотя бы на этом узком фронте.

Трагичность обстановки в Восточной Пруссии состояла в том, что поражение немецких войск могло бы и не принять таких катастрофических размеров, если бы Гитлер своим вмешательством в управление войсками и своим требованием во что бы то ни стало удерживать непрорванные участки фронта не отнял снова у группы армий «Центр» последних тактических возможностей. Еще в начале января командующий группой армий «Центр» генерал-полковник Рейнгардт недвусмысленно дал понять, что в случае наступления русских имеющихся резервов не хватит, чтобы удержать широко растянутый фронт группы армий. Он тоже настаивал на эвакуации войск из Курляндии. Когда же 15 января началось наступление русских против обеих фланговых армий, от его и без того недостаточных резервов оторвали еще и корпус Заукена, чтобы перебросить его в Лодзь. Оставалась еще одна, последняя возможность высвободить хотя бы несколько дивизий. С начала русского наступления 4-я армия, фронт которой не был прорван, оборонялась в центре группы армий на выступавшем дугой рубеже между Новогрудом и Эбенроде. За ней лежал 70-километровый пояс Мазурских озер, подходы к которому в центре прикрывались крепостью Лётцен. Не могло быть более простого решения, чем немедленный отвод армии на эту линию и переброска всех высвобождающихся частей на

участки соседей, оказавшихся в тяжелом положении. Если же, наоборот, армия продолжала бы оборонять невыгодный выступ, это не только сковало бы ее силы, но и неизбежно привело бы и их окружению и уничтожению, как в свое время на Днестре. Когда 19 января на севере был прорван фронт 3-й танковой армии, а на юге русские вступили в Зольдау, Рейнгардт срочно запросил у Гитлера разрешения немедленно отвести 4-ю армию к Мазурским озерам, чтобы высвободившимися силами хоть как-то усилить 2-ю армию и иметь возможность задержать неизбежный в противном случае прорыв русских на Эльбинг. Рейнгардт не получил разрешения ни 19 января, ни на следующий день, хотя и повторял свои просьбы несколько раз во все более умоляющем тоне. Ему пришлось удовлетвориться обещанием помощи извне, которая могла подоспеть в лучшем случае лишь тогда, когда уже нечего было бы спасать, указанием ввести в бой фольксштурмовцев, чтобы создать себе таким образом резервы, и, наконец, ссылкой Гитлера на его «сложившееся на основе пятилетнего опыта убеждение, что отвод фронтов не приводит к созданию новых резервов, а влечет за собой лишь новые катастрофы и прорывы». Наконец, в полдень 21 января, как всегда слишком поздно, пришло разрешение отвести войска 4-й армии на рубеж Мазурских озер и за примыкающий к ним с севера Мазурский канал.

Так как армия ожидала приказа на отход уже в течение нескольких дней с часу на час и тщательно подготовила его выполнение, она могла начать отход немедленно. Но пока он осуществлялся, командующий армией генерал Хоссбах, не доложив подробностей в штаб группы армий, и прежде всего потому, что хотел избежать несомненного отказа Гитлера, пришел при зрелом размышлении к выводу, что оборона озерного рубежа должна была привести к окружению армии. Тогда он принял весьма ответственное решение: оставить озерный рубеж и пробиваться всей армией на запад, чтобы соединиться с 2-й армией. Он пришел к убеждению, справедливость которого была доказана последующим развитием событий, что большая часть Восточной Пруссии все равно потеряна и что любое другое решение поведет лишь к бессмысленной гибели 4-й и 3-й танковых армий. Они неизбежно должны были оказаться зажатыми в районе Кенигсберга, и маленького порта Пиллау для их снабжения в трудных условиях зимы было бы, конечно, недостаточно. Удастся ли подвести 3-ю танковую армию вдоль залива Куришес-Каф к 4-й армии или после эвакуации беженцев придется и ее перебрасывать морским путем через Пиллау, – это было еще не ясно. В полдень 22 января был отдан приказ об отходе. Решающим фактором для достижения успеха была по возможности быстрая переброска крупных сил армии на запад для осуществления становившегося совершенно необходимым прорыва. Решили провести этот прорыв четырьмя-пятью дивизиями из района Вормдитт. Кроме того, необходимо было прикрыть растянутые, фланги, которым угрожали русские соединения, на юге уже овладевшие Алленштейном, а на севере прорвавшиеся южнее реки Прегель. Приняв эти меры, командование надеялось прорваться вместе с беженцами на запад и проложить путь к Висле им и себе.

На следующее утро командующий армией доложил в штаб группы армий лишь о своем намерении перебросить крупные силы на запад, чтобы установить непосредственную связь с 2-й армией. У Рейнгардта оказываются были аналогичные планы, однако он хотел обязательно удержать крупный плацдарм по обе стороны Кенигсберга, который на юге достигал бы Хейльсберга, а на севере охватывал бы Земландский полуостров. В принципе Рейнгардт был согласен с наступлением в западном направлении и доложил в этом духе Гитлеру. Ни тому, ни другому в этот момент не было известно о действительных планах Хоссбаха и об отходе его войск с озерного рубежа.

Вначале действия 4-й армии увенчались успехом. Продвигаясь в ледяную стужу сквозь колонны беженцев, которые, соблюдая образцовую дисциплину, освобождали войскам дорогу, дивизии следовали форсированным маршем к указанным им рубежам. Когда русские через несколько дней разгадали маневр 4-й армии, они начали оказывать на нее сильнейшее давление. С 26 января отвод превратился в отступление под сильнейшим натиском со стороны противника.

Русские прорвали оборону арьергардов на Мазурском канале и, быстро пройдя через оставленный немецкими войсками Лётцен, нанесли удар по Растенбургу. Давление, которому

подвергался растянутый фланг армии в районе Алленштейна, можно было сдержать лишь ценой предельного напряжения всех сил. Кроме того, командующий группой армий, не желая эвакуировать район Кенигсберга, был вынужден передать две дивизии 4-й армии в распоряжение 3-й танковой армии, которая находилась севернее реки Прегель под угрозой окончательного разгрома. В то же время такое вмешательство штаба группы армий показало, что ее командующий отнюдь не разделял взглядов командующего 4-й армией относительно дальнейшего ведения боевых действий.

Между тем Гитлеру 24 января было доложено, что 4-я армия оставила озерный рубеж, а с нею и крепость Лётцен и быстро отступает на запад. Это донесение подобно молнии озарило обстановку, представленную ему до этого в ложном свете, и вызвало у Гитлера приступ дикой ярости. Рейнгардт, мужественно вставший на защиту своего подчиненного Хоссбаха и покрывший его проступок, был 26 января отстранен от должности. Там, где сознававшие взятую на себя ответственность люди искали последний выход из безнадежного положения, где они в конце концов шли собственными путями, чтобы спасти вверенные им войска от бессмысленного истребления, Гитлер видел только измену. Генерал-полковник Рендулич, который всего несколько дней назад сменил Шёрнера на Курляндском фронте, вступил в командование группой армий «Центр», названной теперь «Север». Хоссбах, последние намерения которого все еще оставались тайной, продолжал настойчиво осуществлять свой план. Несмотря на усиливающееся со всех сторон давление, ему удалось удержать фланги отступающей армии и в течение 26 – 29 января сдерживать русских, преследовавших его войска с северо-востока, на реке Алле севернее Алленштейна. Обеспечив это необходимое прикрытие с тыла, три дивизии начали 29 января прорыв на запад. Тем временем противник вышел к Эльбингу и Мариенбургу и окружил их. Проведенное с беспримерной энергией наступление немецких войск увенчалось полным успехом. В районе Эльбинга им удалось установить непосредственную связь с частями 2-й армии, в центре был взят Прейсиш-Холланд, на юге – Либштадт. Было подбито 200 танков противника и захвачено столько же орудий. Снова оказалось, что русское командование не в состоянии отразить такие внезапные удары. На следующий день наступление должно было продолжаться, причем предполагалось ввести три подвижных соединения, еще сохранивших довольно высокую боеспособность. Войска напряженно ожидали этого дня. Но Хоссбах был отозван со своего поста. На этот шаг Гитлера толкнула по существу предательская телеграмма гаулейтера Коха, в которой последний обвинял 4-ю армию в том, что она, совершая дезертирство, трусливо пытается пробиться к рейху, в то время как он, Кох, со своим фольксштурмом собирается продолжать оборону Восточной Пруссии. В ночь на 30 января на командный пункт армии прибыл преемник Хоссбаха генерал Мюллер. Он относился к числу генералов, выдвинутых самим Гитлером и известных беспрекословным выполнением всех приказов, какими бы ни были их последствия для войск, 4-я армия получила приказ немедленно прекратить наступление на запад, занять оборону на достигнутых рубежах и направить свои подвижные соединения в распоряжение 3-й танковой армии.

Так армии группы оказались в положении обреченных. Им пришлось вести ожесточенные кровопролитные бои, в ходе которых они пытались найти себе последнюю точку опоры на побережье Восточной Пруссии, чтобы обеспечить себе подвоз, а также прикрыть отход беженцев по косе Фрише-Нерунг и эвакуацию морским путем. Кроме того, эти армии вступили в отчаянную борьбу за Кенигсберг. Последовательное проведение начатого 4-й армией наступления, вероятно, спасло бы группу армий от ее трагического конца.

Мирному населению Восточной Пруссии, которое из южных и центральных районов бросилось на запад, стремясь под защитой армии спастись за Вислой, вмешательство Гитлера также сослужило плохую службу. Теперь население было отеснено вместе с армией на север и вынуждено искать спасения в полном ужасе бегстве через залив Фришес-Гаф и косу Фрише-Нерунг.

В то время как развертывались бои за Восточную Пруссию, армии Конева и Жукова неудержимо продвигались к реке Одер от Оппельна до Кюстрина. Когда 20 января Шёрнер принял командование группой армий «А», переименованной 25 января в группу армий «Центр», танковые части Конева вышли к старой германской границе восточнее Бреслау. В

первый момент для организации обороны на Одере имелись лишь запасные части, полицейские подразделения и отряды фольксштурма, наряду с разрозненными и отступавшими в беспорядке подразделениями и частями из состава 4-й танковой армии. 1-я танковая армия и 17-я армия сумели организованно отойти южнее Вислы в Карпатах. Для прикрытия Верхней Силезии 17-я армия была в ходе отступления оттянута на северо-запад и усилена за счет отступавшей южнее 1-й танковой армии. Ослабление последней было тем чувствительнее, что остатки 1-й армии венгров, еще находившиеся в ее рядах, в ходе отступления полностью рассеялись.

В Силезии началась упорная борьба за Одер и прилегающий к нему промышленный район. Войска 1-го Украинского фронта Конева предприняли многочисленные попытки форсировать Одер в различных пунктах между Глогау и Оппельном и одновременно ворваться с севера через Гросс-Штрелиц и Тарновиц (Гарновске-Гуры) в промышленный район. Одновременно войска 4-го Украинского фронта наступали с востока на район Верхней Силезии и Моравских ворот. Здесь ослабленной 1-й танковой армии едва удалось предотвратить прорыв, который означал бы вторжение в Моравию и расшатал бы с трудом сохранявшуюся целостность немецкого южного крыла. 17-я армия вступила в ожесточенные бои за Верхнесилезский промышленный район. А в это время под землей еще продолжалась работа, и поезда с углем ежедневно отправлялись на запад. Армия лишь шаг за шагом сдавала последнюю действующую немецкую кузницу вооружения и только в середине февраля была отведена за Одер, когда ей, почти со всех сторон окруженной, стало угрожать полное уничтожение. С потерей Верхней Силезии у рейха также и в области вооружения была отнята последняя возможность продолжать борьбу в течение сколько-нибудь продолжительного времени.

В боях за Одер 1-й Украинский фронт Конева 23 января вышел к реке между Оппельном и Олау, распространил к 28 января боевые действия на север вплоть до подступов к Бреслау и захватил плацдарм в районе Штейнау. Только северное крыло было задержано действиями немецких корпусов генералов Неринга и фон Заукена и пока несколько отставало, задержавшись в районе Калиша. Оба немецких корпуса согласно приказу с боями отошли на Одер. Неринг достиг Одера первым и смог еще создать предмостное укрепление в районе Глогау на восточном берегу. Заукен следовал вплотную за ним. Гитлер и Шёрнер надеялись силами обоих этих корпусов, весьма ослабленных тяжелыми боями и перенесенными трудностями, сдержать удар русских войск через Одер хотя бы ниже Бреслау. Корпуса получили приказ ликвидировать русский плацдарм у Штейнау. Неринг получил задачу атаковать плацдарм с фронта на западном берегу, а Заукен, – оставаясь на восточном берегу, повернуть на юг и атаковать русских в районе Штейнау с тыла. Тщетно оба генерала пытались отказаться от выполнения этих задач, поскольку они выходили далеко за пределы возможностей их потрепанных соединений.

Отступавшему под сильным давлением противника Заукену не удалось решить невыполнимую задачу, а именно, прорваться через боевые порядки противника по восточному берегу Одера к Глогау. Между Глогау и Штейнау он был отброшен и прижат к Одеру. Неринг также не дошел до Штейнау, но успел навести понтонный мост через реку Одер и помог Заукену в самый тяжелый момент перебраться со своими храбрыми соединениями на западный берег.

В начале февраля под натиском русских, наступавших с захваченных ими к тому времени плацдармов, рухнула оборона на Одере между Бригом и Глогау. Бреслау и Глогау были окружены, группа армий, вводя в бой постепенно прибывавшие новые силы и удерживая Оппельн, медленно отходила на юго-запад и запад. В начале марта фронт стабилизировался на рубеже Ратибор, Оппельн, Штригау, Гёрлиц и далее на север по реке Нейсе до Одера. Так как контрударом, проведенным из района Гёрлица в восточном направлении, все же не удалось удержать район севернее Гёрлица и Лаубана, группа армий лишилась своей последней железнодорожной коммуникации, соединявшей Центральную Германию с Силезией и, прижатая к Судетам, должна была довольствоваться мелкими железнодорожными ветками, подходившими сюда из Чехии.

Началась длительная ожесточенная борьба за окруженный Бреслау. Население, не успевшее эвакуироваться, не щадя своей жизни поддерживало войска. Гарнизон и жители

города боролись в твердой уверенности, что их дело – выстоять в этом имеющем решающее значение пункте обороны Германии, пока предстоящее немецкое наступление не изменит коренным образом обстановку и не освободит их. Геббельс, не преминувший использовать сражение за Бреслау, подобно сражению за Ахен, в качестве символа национальной стойкости, не жалел никаких, слов, которые могли еще поднять дух защитников. В лице фанатичного гаулейтера Ганке он нашел себе усердного помощника. Был воскрешен в памяти 1813 г. и «Воззвание к моему народу», рожденное в Бреслау{52}. Студентов университета призывали доказать, что они достойны своих славных предков. По городу, как и по всей Германии, ходили распространяемые пропагандой слухи о противоречиях в лагере западных держав и скором распаде их союза с русскими; много говорили и о новом «чудодейственном» оружии, предсказывали грандиозное наступление в Силезии и Померании, которое должно было якобы нанести сокрушительный удар по вторгшимся на территорию страны русским армиям. Да и тот факт, что немецкий фронт на целые недели стабилизировался между Штреленом и Штригау и орудийная канонада доносилась до окруженного города все с одного и того же расстояния, все время поддерживал надежды защитников и укреплял в них волю к борьбе. В город по воздуху перебрасывались даже подкрепления. Не приходится удивляться, что здесь, как и по всей Германии, войска и население, как утопающий за соломинку, цеплялись за веру в обещанный им перелом в обстановке. Никто не мог и предполагать, что все это были чисто пропагандистские трюки, лишённые какой бы то ни было реальной почвы и представляющие собою лишь отчаянные попытки оттянуть неминуемую катастрофу. Только в день общей капитуляции 7 мая последние храбрые защитники Бреслау сложили оружие, оставшись, в противоположность сбежавшему гаулейтеру, до конца верными силезской столице.

Войска Жукова, взломав немецкий фронт на Висле, неудержимо продолжали продвигаться к среднему течению реки Одер. Лежавшая на пути крепость Познань не явилась для них препятствием. Они без труда сумели окружить ее и обойти с севера и с юга. 22 января первые русские танки уже появились на восточных подступах к крепости, гарнизон которой был совершенно недостаточен для успешной обороны и сковывания значительных сил противника. Несколькими днями позже русские армии, наступая широким фронтом, обтекли Познань, намереваясь выйти к Кюстрину и Франкфурту. 25 января кольцо вокруг Познани сомкнулось. В городе, населенном главным образом поляками, оставалось считанное количество немцев, польское население пряталось по домам и подвалам. Ядро гарнизона, в который входили ландверные тирольские стрелки, остатки разбитых частей и летчики, составляли 2 тыс. курсантов местного военного училища. Они бросились в бой с той же непреклонной верой в победу Германии, с тем же свойственным юности задором и воодушевлением, как и за несколько месяцев до этого их товарищи в Меце. Когда после упорного и самоотверженного сопротивления к 16 февраля в руках немцев остался лишь узкий участок на восточном берегу Варты, командующий гарнизоном под личную ответственность разрешил двум тысячам еще сохранивших силы защитников города предпринять попытку вырваться из окружения. Многим из них действительно удалось пробиться в северо-восточном направлении. Остатки гарнизона капитулировали десятью днями позже.

Русское наступление посеяло хаос между Вислой в районе Торунь и Одером восточнее Франкфурта. Для наведения порядка срочно требовалась наряду со свежими силами твердая рука хорошего организатора. Остатки 9-й армии, командование которой вместо отозванного генерала фон Лютвица принял на себя генерал Буссе, имели задачу, получив подкрепления, остановить продвижение войск Жукова по возможности еще восточнее Одера. На границе Восточной Померании управление Штеттинского корпусного округа организовало импровизированную оборону, использовав для этой цели запасные части, сводные подразделения гарнизонов, курсантов училищ, отряды полиции и фольксштурма. Генерал-полковник Вейс с остатками 2-й армии пытался установить и поддерживать непосредственную связь с этим импровизированным фронтом. Чтобы обеспечить единое управление всеми этими силами, Гудериан 22 января предложил Гитлеру использовать штаб ставшей на Балканах бесполезной группы армий «Юго-Восток» под командованием фельдмаршала фон Вейхса. Гитлер резко отклонил кандидатуру Вейхса. В обстановке, справиться с которой мог бы, вероятно, только опытный командующий со сработавшимся

штабом, Гитлер решил прибегнуть к помощи Гимmlера, представившего за последние недели боев на Рейне весьма сомнительные доказательства своих, кстати, отнюдь и не предполагавшихся в нем военных способностей. Гимmlеру предстояло вместе со штабом, который он должен был сам лично сформировать, принять на себя командование новой группой армий «Висла». Испытывая величайшее недоверие к высшему командному составу и генеральному штабу – недоверие, новую пищу которому дали события под Варшавой, – Гитлер остановился на кандидатуре Гимmlера, полагая, что последний в качестве командующего армией резерва и шефа войск СС и полиции вернее и скорее других сколотит какие-то еще имевшиеся в стране силы и сможет отстоять почти не укрепленный район. В штаб Гимmlера были переведены несколько офицеров генерального штаба сухопутных сил, чтобы обеспечить ему хотя бы техническую сторону работы. Начальника своего штаба, не имевшего для такой должности ни достаточных знаний, ни опыта, Гимmlер подыскал из числа собственных подчиненных.

Когда он 24 января со своим импровизированным штабом, совершенно непригодным к выполнению возложенной на новую группу армий огромной задачи, прибыл в Орденобург-Крессин в Восточной Померании, армии Жукова продвигались по обе стороны Познани. Кроме того, когда северное крыло войск Жукова вскоре после прорыва на Висле соединилось в районе Плоцка с левым крылом 2-го Белорусского фронта, Жуков стал поворачивать все более крупные силы на северо-запад, чтобы, наступая на Восточную Померию, прикрыть северный фланг войск, осуществлявших удар в направлении Кюстрина и Франкфурта. Его цель теперь вырисовывалась довольно четко: выйти на Одер по возможности вплоть до Штеттина и одновременно продвинуться через Восточную Померию к Балтийскому морю. На пути к Одери предстояло преодолеть еще одно небольшое препятствие. С того времени, когда рейх обеспечивал себя от возможного удара Польши через Одер на Берлин, остался укрепленный район, который, опираясь на реку Обра, закрывал вход в Одерско-Вартскую дугу. Мощь этого укрепленного района с тех пор значительно снизилась. С 1939 г. ничего не делалось для поддержания в порядке оборонительных сооружений. Наоборот, с них, как и с Западного вала, снималось вооружение для переброски на Атлантический вал. Вместе с остатками 9-й армии этот рубеж обороняли две слабые дивизии, фактически силою не больше полка и без артиллерии.

Попытка Гимmlера своевременно бросить первые находившиеся под рукой соединения СС для поддержки фронта на Одерско-Вартской дуге была предпринята слишком поздно. Там, где этим соединениям удавалось достигнуть указанных рубежей, они вместе с частями 9-й армии оказывались прижатыми к Одери или оттесненными за Одер, которого русские в конце января уже достигли, а южнее Кюстрина и форсировали. Лежащая на восточном берегу крепость Кюстрин осталась в руках немцев, но была связана с войсками за Одери лишь узким коридором, так как русские и севернее Варты уже вышли к Одери. Однако в районе Франкфурта 9-я армия смогла удержать предместное укрепление на восточном берегу.

Когда танковые части русских, стремительно продвигаясь вперед, пересекли в некоторых пунктах скованный льдом Одер и вызвали панику, распространившуюся до самого Берлина, Жуков, по оперативным соображениям, приостановил наступление своих войск. Он перенес главные усилия на свой отставший правый фланг, чтобы подтянуть и его к Одери. Здесь немецкое командование стремилось, опираясь на рубеж реки Нетце (Нотец), сохранить связь с западным крылом 2-й армии в районе Бромберга (Быдгоща) и создать новый рубеж для обороны Восточной Померии. Силы немцев, однако, были недостаточны, чтобы осуществить это намерение. 27 января русские окружили Бромберг и вышли к реке Нетце на всем ее протяжении от Нашеля (Накло) до Крейца, частично даже переправившись на северный берег. Предпринятая по приказу Гимmlера в районе Шнейдемюля попытка задержать русских успеха не имела, и лишь на линии Шлоппе, Дейч-Кроне, Хойнице оказалось возможным временно остановить продвижение русских войск. Далее на запад русские к концу месяца форсировали реку Нетце (Нотец) также и на участке Крейц и Ландсберг и после удара в направлении на Арнсвальде уже поставили под угрозу Штеттин. Чтобы обеспечить единое управление войсками в Восточной Померии и взаимодействие с 2-й армией, Гимmlер вскоре после своего назначения командующим группой армий сосредоточил все разрозненные силы в 11-й танковой

армии под командованием обергруппенфюрера Штейнера, командира-эсэсовца, имевшего некоторый военный опыт и определенную подготовку. На него была возложена невыполнимая задача – сдержать натиск русских на широком пространстве от Нейштеттина до Одера.

Одними такими мероприятиями, конечно, нельзя было спасти еще не захваченную противником часть Восточной Германии. Если вообще стоило продолжать войну, то разве лишь для того, чтобы остановить красный поток на востоке и по возможности отбросить его назад. Была надежда, что все же удастся найти какую-то общую политическую линию с западными державами, пока на востоке еще не прорваны последние заслоны. За это и боролся фронт, и эта последняя надежда вместе с неслыханными страданиями беженцев, которые ежедневно приходилось наблюдать воинам немецкого Восточного фронта, давала им силы день за днем продолжать отчаянное сопротивление, хотя бы для того, чтобы дать уйти на известное расстояние колоннам беженцев, отправка которых всегда запаздывала.

О спасении восточной части Германии неотступно думал также и начальник генерального штаба, чувствовавший себя лично связанным с этим районом. С железной настойчивостью он вновь и вновь добивался от Гитлера оставления ставших бесполезными внешних форпостов и усиления всеми силами Восточного фронта. Чем руководствовался Гитлер, когда он в конце января все еще держал немецких солдат на Апеннинах и на Нордкапе, не отводил войск из Курляндии и приказывал удерживать в качестве внешнего форпоста Голландию, в то время как падение Берлина было вопросом лишь нескольких недель, в лучшем случае месяцев? Находился ли он еще во власти бесплодной идеи нигде не отдавать добровольно ни пяди земли, если не с целью выиграть войну, то для того, чтобы продлить агонию из упрямства перед судьбой и теми, кто его побеждал? Или, быть может, он надеялся длительным сопротивлением выиграть время для создания «чудодейственного» оружия? Но тогда было тем более необходимо ограничить задачи всех немецких сил обороной рейха. Или он уже дошел до того, что решил в своей не знающей границ страсти к разрушению уничтожить как можно больше людей на всех фронтах и среди всех народов, разрушить как можно больше городов и заводов, посеять всеобщий хаос и вместе с собой увлечь в пропасть всю Европу, раз ему не суждено было ею овладеть? И уж не хотел ли он погубить немецкий народ за то, что этот народ, по его мнению, не оказался достаточно сильным и достойным величия своего фюрера?

Гудериан боролся напрасно. Высвободившиеся на Западе танковые дивизии были брошены в основном в Венгрию, чтобы удерживать или отвоевывать там районы нефтяной промышленности; обреченные курляндские армии эвакуированы не были (у них было взято лишь несколько дивизий, которых затем частично перебросили в Восточную Пруссию); из Норвегии войска выводились слишком медленно. О высвобождении сил путем спрямления фронтов или отвода на новые рубежи на Западе и в Италии нечего было и думать.

В результате пришлось отказаться от обсуждавшегося вначале плана срезать вбитый русскими на Одере клин двойным ударом из районов Губен, Глогау, с одной стороны, и Арнсвальде – с другой, так как для этого не было достаточных сил. Немногочисленных соединений, которые еще оставались в распоряжении командования после усиления фронта на всем его протяжении, могло хватить лишь для флангового удара с узко ограниченной целью из района Арнсвальде на Ландсберг. Этот удар в лучшем случае обеспечивал лишь возможность выхода в тыл русским войскам, находившимся на Одере севернее Кюстрина. После преодоления огромных трудностей с оснащением предназначенных для наступления войск и благодаря постоянному нажиму Гудериана, видевшего, как с каждым потерянным днем падают шансы на успех, к 15 февраля основная масса намеченных соединений была подготовлена к наступлению. Между тем руководство боевыми действиями на этом участке фронта принял на себя генерал-полковник Раус со штабом 3-й танковой армии, перебросенной из Восточной Пруссии. Немецким войскам удалось отбить сильные атаки русских на рубеже Пиритц, Арнсвальде и удержать необходимый для сосредоточения своих войск район юго-восточнее Штеттина. Чтобы не упустить успеха удара и иметь возможность оказывать максимальное влияние на ход операции, Гудериан добился от Гитлера прикомандирования в штаб Гимmlера своего ближайшего помощника генерала Венка, который мог бы обеспечить наиболее целесообразное управление войсками непосредственно на месте.

16 февраля ударная группа – четыре ослабленные дивизии СС и две также лишь кое-как

пополненные танковые дивизии – нанесла контрудар и за два первых дня добила довольно значительного успеха. Но затем сопротивление русских усилилось, и в результате их возросшего противодействия западный фланг 3-й немецкой танковой армии вынужден был отойти на рубеж Грейфенхаген, Арнсвальде.

Вскоре после этого была разгромлена и слабая немецкая оборона в Восточной Померании. Напрасно генерал-полковник Вейс просил разрешить ему отойти к западу, чтобы вместе с 3-й танковой армией перебросить свои войска за Одер. Начав 26 февраля наступление из района Нейштеттин с целью прорыва в северном направлении, Жуков быстро разорвал слабый немецкий фронт, 3-я танковая армия была отброшена за Одер между Шведтом и Штеттином и прижата к заливу. Непосредственно восточнее Штеттина ей удавалось еще удерживать позиции на восточном берегу Одера в районе Альтдамм. 10 марта бои в этом районе затихли. Русские достигли своей цели и вышли к Одера на участке от Франкфурта до устья. Они создали сильный плацдарм в районе Кюстрина и теперь со всей основательностью готовились к удару на Берлин и прорыву на запад на соединение с армиями союзных держав.

Одновременно с ударом в направлении Штеттина русские после прорыва фронта в Восточной Померании вышли также и к Балтийскому морю. Последняя попытка нанести западным флангом 2-й армии удар во фланг продвигавшимся на север русским войскам и сохранить связь с 3-й танковой армией потерпела крах после незначительных первоначальных успехов. В ночь на 1 марта в район расположения 2-й армии прошел последний эшелон, затем сообщение прекратилось. 4 марта русские танки появились под Кольбергом, и через два дня город Неттельбека и Гнейзенау{53} был окружен. Он был переполнен беженцами, главным образом из Восточной Померании. Как и во время боев за Бреслау, Геббельс здесь также развернул свою пропаганду, на этот раз приводя в качестве примера 1807 год. Комендант крепости не был склонен разрешать дурачить себя сомнительными историческими параллелями. Но все же он считал своим долгом удерживать Кольберг трехтысячным гарнизоном до тех пор, пока при энергичном содействии морского флота массы беженцев не будут эвакуированы по морю. Когда эта задача благодаря самоотверженным действиям защитников крепости была решена и в руках немцев осталась лишь узкая полоска в районе порта, командующий и оставшиеся в живых две тысячи человек покинули разрушенный и пустой город.

Другим следствием русского прорыва было окружение 2-й армии. Когда она в конце января была отброшена из района северо-западнее Торуня к Висле и в результате прорыва русских на Эльбинг отрезана от 4-й армии, она направила свои основные усилия на сохранение связи с рейхом через Восточную Померию. К тому времени она еще удерживала Эльбинг и Мариенбург на реке Ногат и рубеж по Висле до Грауденца. Торунь была окружена. Оставалось надеяться, что удастся удержать оборону по рекам Ногат и Висла и тем самым прикрыть с фланга проходящий южнее новый фронт, создаваемый западнее Вислы. Наспех сколоченные соединения 2-го корпусного округа, оттесненные войсками Жукова на север остатки 9-й армии, одна прибывшая из Курляндии дивизия, пополненная восточнопомеранскими резервистами и имевшая большой некомплект боевой техники, и одна дивизия СС, сформированная из лиц немецкой национальности, проживавших в странах Юго-Восточной Европы, – таковы были силы нового фронта, постепенно протянувшегося до района Ястрова и вместе с наспех сколоченной 11-й танковой армией помешавшего русским захватить Померию вообще без всякого сопротивления. До середины февраля сдерживать давление русских можно было скорее здесь, чем на Висле, где 2-й Белорусский фронт прорывал один участок за другим. Одна слабая дивизия типа «фольксгренадир», составлявшая ядро торуньского гарнизона, 7 февраля получила разрешение Гимmlера на прорыв из окружения в северном направлении. Бромберг (Быдгощ) был окружен, Эльбинг сдан 12 февраля, Швец – на следующий день. Грауденц был окружен 13 февраля, но благодаря напоминанию о героической борьбе генерала Курбьера{54} в 1807 г. и непрерывно распускаемым слухам о скором освобождении держался до 5 марта. 21 февраля был сдан Диршау (Тчев). Теперь восточный фланг армии находился за рекой Ногат, упиравшись флангом в залив Фришес-Гаф, центр, отброшенный с рубежа по реке Висла, отступал вместе с западным флангом на север. В это время прорыв на Кольберг отрезал 2-ю армию от рейха. Обойденная с запада, сильно теснимая в центре, разгромленная на ряде участков и

перемешавшаяся с бесконечными колоннами беженцев, тщетно искавших под ее защитой возможности уйти на запад, эта армия была в страшном беспорядке отброшена к Данцигской (Гданьской) бухте. На высотах по обе стороны Картхауза (Картузы), расположенного в Кашубской Швейцарии с ее озерами, удалось еще раз укрепиться и не допустить русских в Данциг и Гдыню, в то время как побережье от Рюгенвальде до Риксхёфта быстро оказалось в их руках. В Данциг и Гдыню тоже стеклись потоки беженцев из Восточной Померании, Западной и Восточной Пруссии, причем здесь их было раз в десять больше, чем в Кольберге. Оба города были переполнены ранеными, которых перебрасывали сюда со всех фронтов и даже из Курляндии. Их и хотела спасти 2-я армия, вступившая в борьбу за «последний редут», который упирался на юге в реку Ногат, включал в себя устье Вислы, высоты западнее Данцига и Гдыни и прикрывал в районе Нейштадта на севере подступы к косе Хель.

12 марта командующим соединениями группы армий в районе Данцига и Кенигсберга вместо переведенного обратно в Курляндию генерал-полковника Рендулича был назначен генерал-полковник Вейс. Руководство обороной Данцига было возложено на генерала фон Заукена, который теперь должен был вступить в последнюю схватку с противником вблизи своей родины – Восточной Пруссии. Непрекращающимися ударами русские сузили район на подступах к Данцигу и Гдыне. 22 марта они прервали связь между обоими городами, прорвавшись на Сопот. До 28 марта еще удавалось при поддержке тяжелого крейсера «Принц Евгений» удерживать русских на таком расстоянии от Гдыни, что флот сумел эвакуировать десятки тысяч раненых и беженцев. Остатки защитников Гдыни и многие беженцы, не успевшие попасть на суда, пробились в расположенный севернее Гдыни Оксхёфт, который в соответствии с приказом Гитлера от 28 марта был объявлен «крепостью», следовательно, должен был удерживаться любой ценой. Командующие сухопутными и морскими силами в этом районе возмутились таким бессмысленным приказом, возводившим в самоцель уничтожение людей. Местное командование эвакуировало Оксхёфт и обеспечило 30 тыс. человек временную безопасность.

Данциг был сдан русским 30 марта, после того как в предшествующие дни мощный артиллерийский обстрел и непрерывные бомбардировки превратили его в сплошное море огня. Заукен вывел защитников и оставшихся в городе беженцев на узкую полосу в дельте Вислы, защищенную с фронта затопленным участком местности и соединявшуюся на востоке с косой Фрише-Нерунг. Этот клочок земли стал очередным пристанищем для беженцев и остатков 4-й армии. Еще целый месяц последние остатки 2-й армии держались между Вислой и рекой Ногат и обеспечивали эвакуацию очередных групп беженцев и переправленных из Данцига раненых на косу Хель. Когда в первые дни мая война закончилась, Заукен со своими людьми разделил судьбу немецких солдат в Восточной Пруссии, с начала января удерживавших в тяжелых боях последнюю часть старой прусской провинции.

Вечером 30 января Рендулич запретил 4-й армии продолжать прорыв на запад. Он хотел осуществить уже много дней вынашивавшийся его предшественником Рейнгардтом, но отвергнутый Гитлером план. Этот план состоял в удержании «Хейльсбергского треугольника» – позиции довоенного времени, прикрывавшей Кенигсберг с юга и юго-востока, и продления этой позиции на север, благодаря чему перед Кенигсбергом возникал плацдарм, опиравшийся на заливы Фришес-Гаф и Куришес-Гаф. 4-я армия должна была поддерживать связь с Эльбингом и занимать южную часть большого плацдарма до реки Прегель. Однако этому не суждено было осуществиться. Южнее реки Прегель русские, смяв арьергарды 4-й армии на Мазурском канале, перешли в наступление через Фридланд на запад, которое немецкие войска вряд ли могли остановить. Смежные крылья 2-го и 3-го Белорусских фронтов соединились в районе Хейльсберга, после того как наступавший южнее через Лётцен и Растенбург 2-й Белорусский фронт рассек на части отступавшую 4-ю армию. По обе стороны Вормдитта армия подверглась ударам с юга, а ее западный фланг был охвачен в результате продвижения русских через Преишиш-Холланд на Эльбинг. Вскоре удар русских через Крейцбург отрезал армию от Кенигсберга на севере, другой удар оттеснил ее от восточного фланга 2-й армии в районе Эльбинга. В итоге она оказалась зажатой юго-восточнее залива Фришес-Гаф на узком пространстве в форме полукруга, сначала довольно обширного, но затем все время сужавшегося, с центром в Хейлигенбейле. Оба ее фланга упирались в залив. Ведя

кровапролитные, осложненные трудностями подвоза упорные бои, храбрые дивизии отступали лишь шаг за шагом. Их тающие остатки к концу марта были зажаты на клочке земли вокруг маленького полуострова Бальга и, наконец, на самом полуострове. Спаслось около 5 тыс. человек, в том числе половина раненых, и почти столько же добровольцев – иностранцев из обозных подразделений. Они сумели перебраться через подтаявший к этому времени лед залива на косу Фрише-Нерунг.

3-я танковая армия к концу января уже не могла удержаться севернее реки Прегель перед Кенигсбергом. Дойдя до восточных подступов к крепости и значительно переоценивая ее оборонительную силу, русские остановились перед крепостью и перенесли направление главного удара на Земландский полуостров, чтобы полностью им овладеть, перерезать идущие из Кенигсберга на запад сухопутные коммуникации и захватить Пиллау, через который осуществлялось морским путем снабжение группы армий, получившей теперь название «Север». Усиленная одной дивизией, вырвавшейся из осажденного Мемеля (Клайпеды) – она прошла по косе Курише-Нерунг и пробилась через боевые порядки русских в районе Кранца, – 3-я танковая армия стремилась удержать возможно большее пространство в западной части Земландского полуострова, опираясь на нижнее течение реки Прегель и побережье Балтийского моря. Однако в середине февраля армия была зажата на узкой прибрежной полосе шириной от 10 до 20 км и лишь с трудом смогла отразить в районе Фишхаузен все атаки, предпринимавшиеся русскими с целью проникнуть на косу и захватить Пиллау. К 31 января Кенигсберг был окружен со всех сторон.

Однако русские не принимали никаких мер для быстрого овладения крепостью. Поэтому штаб 4-й армии, который после отвода штаба 3-й танковой армии в начале февраля принял на себя управление всеми действовавшими в Восточной Пруссии соединениями, получил приказ проложить путь к крепости во взаимодействии с находившимися на Земландском полуострове соединениями и гарнизоном самого Кенигсберга и одновременно отодвинуть линию фронта на северо-восток настолько, чтобы обеспечить на длительное время снабжение Кенигсберга. Комендант крепости собрал все имевшиеся в его распоряжении части и соединения, способные к наступлению, в том числе испытанную 5-ю танковую дивизию, оставил на позициях вокруг крепости, кроме фольксштурмовцев, лишь минимальное количество армейских частей и 19 февраля начал прорыв. После двухдневных боев, во время которых прорывавшиеся из крепости части боролись с безумной храбростью очутившихся в отчаянном положении людей и с надеждой обрести, наконец, свое освобождение, они встретились на шоссе Кенигсберг-Пиллау с войсками, наступавшими с запада. Несмотря на последующие ожесточенные бои, попытка отбросить противника до линии Кенигсберг, Кранц из-за превосходства русских успеха не имела. Все же связь с крепостью удалось сохранить до первых дней апреля. Для Кенигсберга наступило некоторое облегчение, вдохнувшее в защитников новые надежды. Стихли бои и на земландском участке фронта.

Лишь после того, как остатки немецкой армии были оттеснены на полуостров Бальга, русские начали решительный штурм Кенигсберга. После продолжавшегося несколько суток обстрела города и ввода в бой многократно превосходящих сил, поддержанных мощнейшим артиллерийским огнем и ударами многочисленных авиационных соединений, русские прорвали позиции вокруг Кенигсберга, снова окружили со всех сторон крепость и приблизились к центру. 7 и 8 апреля завязались кровавопролитные бои на улицах уже горевшего во многих местах города. Просьбу коменданта крепости разрешить гарнизону прорываться из города на запад Гитлер отклонил. Предпринятая в западной части города на собственный страх и риск попытка локального прорыва кольца окружения, на которой настаивали прежде всего местные руководители национал-социалистской партии, стремившиеся спасти свою жизнь, провалилась. Вскоре расчлененный на отдельные изолированные группы гарнизон лишился централизованного управления. В то время как на некоторых участках защитники были охвачены безысходным отчаянием или апатией, другие группы бились с фанатической яростью и наказывали смертью любое ослабление воли к сопротивлению. Так продолжалось в течение двух ужасных суток. В ночь с 9 на 10 апреля комендант крепости генерал Ляш решил положить конец этому аду и начать переговоры с русскими. 12 апреля была принята капитуляция, которую комендант крепости подписал в штабе Василевского, преемника

погибшего Черняховского. Здесь же русские предложили Ляшу обратиться к командующему 4-й армией генералу Мюллеру с призывом к капитуляции. Гитлер заочно приговорил Ляша к смертной казни, а его семью подверг репрессиям. Генералу Мюллеру пришлось разделить ответственность за быстрее падение Кенигсберга и лишиться своего поста. Гаулейтер Кох, тайно покинувший Кенигсберг еще в середине января и посещавший его время от времени на самолете-разведчике «Физелер-Шторх» с единственной целью обеспечить себе алиби, имел наглость отправить Гитлеру телеграмму, где он приписывал причину внезапной капитуляции города лишь его, Коха, временному отсутствию и давал обещание выстоять на Земландском полуострове и на косе Нерунг. Когда пребывание здесь стало слишком ненадежным, Кох в конце апреля сбежал в Данию на ледоколе, подготовленном для этой цели еще несколько месяцев тому назад. С прошедшей осени он все время упрямо отказывался от эвакуации оказавшихся в опасном положении районов Восточной Пруссии, хотя военное командование настоятельно это рекомендовало. Таким образом, на Коха падает огромная доля вины за ужасную судьбу населения.

После смещения Мюллера командование всеми немецкими войсками в Восточной Пруссии и дельте Вислы было передано генералу фон Заукену. В конце концов дело теперь повсюду сводилось уже лишь к тому, чтобы спасти жизнь раненым и беженцам и насколько возможно эвакуировать их морем. Но русские дали защитникам Земландского полуострова весьма немного времени. После того как высвободились соединения под Кенигсбергом, они были брошены на разгром последней немецкой позиции на Земландском полуострове, где оборонялись несколько потрепанных немецких дивизий. Под мощным натиском русских войск 15 апреля рухнула оборона, преграждавшая путь на Пиллау. Лишь подступы к косе, на которой лежит Пиллау, удалось удержать до тех пор, пока по крайней мере основная масса скопившихся на Земландском полуострове беженцев не была переброшена на косу Фрише-Нерунг. 25 апреля немецкий арьергард оставил Пиллау.

На косе Фрише-Нерунг наряду с переправленными туда уцелевшими защитниками Земландского полуострова и остатками 4-й армии скопились бесчисленные толпы беженцев. Спасаясь от настигавшей их повсюду волны русских войск, они бежали сюда частично из Данцига, частично из Восточной Пруссии. Русские самолеты непрерывно наносили удары по этой косе. Русские форсировали залив Фришес-Гаф и перерезали узкую косу с целью отрезать ушедшие из Пиллау немецкие части. Однако немцы в порыве безумной ярости сумели прорваться.

9 мая остатки разбитых немецких армии капитулировали. Полная потрясающего трагизма борьба за Восточную Пруссию завершилась.

4. Выход войск Союзников к Рейну

В своей книге «Вторая мировая война» английский военный историк Фуллер пишет: «Если бы война велась разумно, то поражение Рундштедта в Арденнах немедленно привело бы к окончанию военных действий. Однако вследствие требования „безоговорочной капитуляции“ война была какой угодно, только не разумной. Следуя этому идиотскому лозунгу, западные союзные державы не могли ставить никаких других, даже самых суровых условий. И вот случилось, что Гитлеру, подобно Самсону, оставалось обрушить все здание Центральной Европы на себя, на свой народ и на своих врагов. Окончательно проиграв войну, он стремился теперь к политическому хаосу. Благодаря требованию „безоговорочной капитуляции“ он добился своей цели. (Карта 9, стр. 657)

Действительно, война перестала быть стратегической проблемой. Борьба перешла в чисто политическую сферу и велась уже не между вооруженными силами, а между двумя политическими системами: системой западных держав, с одной стороны, и Россией – с другой. Решался вопрос, какая система будет господствовать в Восточной и Центральной Европе.

Так как русские в конце января стояли уже под Будапештом и на Одере, Восточная Европа была политически потеряна для демократии. А так как ничто уже не могло помешать русским занять Вену, имелась только одна возможность: спасти то, что еще оставалось от Центральной Европы. Эта возможность заключалась в захвате Берлина американцами и

англичанами раньше своего восточного союзника. Однако Эйзенхауэр в такой критический момент действовал чересчур осторожно. Для него речь шла еще о решении стратегической проблемы – победе над Германией, в то время как в действительности решалась проблема политическая – овладения Берлином. С точки зрения западных союзных держав выиграть войну стратегически и проиграть ее политически означало бы, что война велась напрасно. Эйзенхауэр или те, чье поручение он выполнял, не потрудились этого понять.

После провала немецкого наступления в Арденнах Эйзенхауэр тщательно разработал план дальнейшего ведения войны. На первом этапе предстояло уничтожить немецкие войска западнее Рейна, на втором – захватить плацдарм на восточном берегу Рейна, на третьем, сначала взяв в клещи Рур, парализовать его, затем протянуть руку русским в северной Германии и одновременно овладеть Южной Германией. В январе Эйзенхауэр имел 70 дивизий, из которых некоторые значительно пострадали во время сражения в Арденнах. Для решительного наступления с форсированием Рейна Эйзенхауэр считал себя слишком слабым, пока немцы оборонялись на сильно укрепленных позициях между Мозелем и Рейном, с которых они, по его мнению, и впредь могли наносить удары во фланг союзным войскам. Эйзенхауэр считал, что, лишь разгромив все немецкие соединения западнее Рейна, можно обеспечить форсирование этой водной преграды. К этому времени численность войск союзников должна была возрасти до 85 дивизий.

Немецкие войска на Западе после переброски части сил на Восток насчитывали номинально 65 пехотных и 8 танковых дивизий, однако фактически их численность не превышала одной трети численности войск противника. Подвоз боеприпасов и техники непрерывно сокращался. Влияние колоссального превосходства противника в воздухе на наземные бои вообще не поддавалось никакому цифровому выражению. Гитлер, желавший теперь лишь продолжения войны любой ценой, по существу лишь содействовал осуществлению плана Эйзенхауэра уничтожить главные силы немецких войск еще на западном берегу Рейна. Немецкие армии должны были продолжать борьбу за каждую пядь земли, то есть, иными словами, оставаться на тех многочисленных выступах, которые возникли в результате предшествующих боев. Это означало, что немецкие войска будут удерживать крупный плацдарм в районе Кольмара и не смогут отойти в Южной Голландии с Нижнего Рейна на гораздо более короткую линию: южный берег залива Зейдер-Зе, Арнем. Когда войска западных союзных держав восточнее Ахена вышли к реке Рур, охват выступа фронта между Триром и Рурмондом поневоле напрашивался сам собой. Участок Западного вала между Рейном и Мозелем также должен был попасть под серьезнейшую угрозу, если бы противнику удалось прорваться между Рейном и Пфальцским лесом.

После того как в связи с окончанием Арденнского наступления с Западного фронта были отведены основные силы 6-й танковой армии СС, здесь оставалось еще семь немецких армий. Группа армий «Г» состояла из 19-й армии, оборонявшей Верхний Рейн и район Кольмара, и 1-й армии, прикрывавшей пространство между Рейном и Мозелем. Между Мозелем и Маасом на рубеже Трир, Рурмонд занимали оборону 7-я полевая, 5-я танковая и 15-я полевая армии, входившие в группу армий «Б». Линия фронта в этом районе проходила так же, как и перед началом Арденнского наступления. В составе вновь образованной группы армий «Х», командование которой принял генерал-полковник Бласковиц, находились 1-я парашютно-десантная армия на Маасе и 25-я армия на Нижнем Рейне.

20 января французы перешли в наступление в Эльзасе, чтобы, наконец, выяснить здесь обстановку и ликвидировать кольмарский плацдарм. Перед ними стояла задача ударом с юга овладеть Кольмаром и одновременно атаковать плацдарм с севера. Однако из-за упорного сопротивления 19-й армии это им не удалось. Лишь когда их усилили американским корпусом в составе четырех дивизий и он начал наступление на Кольмар с северо-запада, стал намечаться успех операции, 3-го февраля Кольмар был взят, а плацдарм расчленен на отдельные части. После упорных боев немецкие войска в этом районе были ликвидированы. К 9 февраля союзники вышли к Рейну на всем участке от Базеля до Страсбурга.

К моменту завершения этой операции группа армий Монтгомери закончила перегруппировку с целью наступления по сходящимся направлениям против оборонявшихся между Маасом и Рейном немецких войск.

План Монтгомери состоял в том, чтобы подчиненной ему 9-й американской армией нанести удар севернее Дюрена через реку Рур, ограничиться обороной на фронте 2-й армии между Рурмондом и Геннепом, а 1-й канадской армией, усиленной армейским корпусом, осуществить прорыв в юго-восточном направлении, предприняв наступление на узком участке между Маасом и Рейном южнее Неймегена. Обе фланговые армии должны были встретиться в районе между Крефельдом и Гельдерном, разгромить зажатые между Маасом и Рейном силы 15-й и 1-й парашютно-десантной армий и овладеть левым берегом Рейна от устья реки Эрфт до Эммериха. Наводка мостов для последующего форсирования Рейна была предусмотрена в районах Рейнберга, Ксантена и Рееса. Эйзенхауэр обещал Монтгомери в целях обеспечения южного фланга 21-й группы армий, что 1-я американская армия одновременно перейдет в наступление и форсирует реку Рур в районе Дюрена. Все наступательные действия должны были начаться 8 февраля, поскольку быстрее произвести перегруппировку после сражения в Арденнах не представлялось возможным. Особенно много времени и усилий требовалось для сосредоточения сильной канадской армии на узком участке между Маасом и Рейном, так как сюда подходили из Южной Голландии всего две шоссейные дороги. К тому же для обеспечения внезапности сосредоточение должно было производиться с большой осторожностью и основательной маскировкой. Это англичанам вполне удалось.

Вообще говоря, следовало ожидать перехода союзников в новое наступление. Их декабрьское наступление с целью выйти к Руру и форсировать его, приостановленное в связи со сражением в Арденнах, уже тогда показало, что союзники связывают свои намерения именно с данным районом. Правда, немецкое командование считало более вероятным, что англичане скорее нанесут удар через Маас, примерно севернее или южнее Венло, чем начнут наступление в узком и отдаленном районе Неймегена. Поэтому слабые немецкие резервы располагались больше к югу. Несмотря на это, за истекшие месяцы на северном фланге 1-й парашютно-десантной армии, как и на всем остальном фронте, было много сделано для того, чтобы усилить позиции. Западная опушка леса Рейхсвальд и примыкающие к ней участки фронта до Рейна и Мааса тщательно оборудовались. За линией фронта, пересекая лес Рейхсвальд, проходил крайний северный участок Западного вала, долговременные оборонительные сооружения которого были связаны системой укреплений полевого типа. Еще одна позиция оборудовалась между Реесом и Гельдерном. Но поскольку наступления союзников на этом участке не ожидалось, плотность войск на первой позиции была невелика.

Весьма существенную помощь оказала немцам погода. В январе обильно шел снег, а в начале февраля наступила оттепель. Масс и Рейн сначала широко разлились, и когда вода спала, низко лежащая местность еще долго оставалась топкой. Поэтому продвижение танков и тяжелого транспорта весьма осложнилось, а местами вообще было невозможно. Движение в тылу канадских войск как до, так и во время наступления было существенно затруднено. На многих участках между лесом Рейхсвальд и Рейном могли передвигаться лишь танки-амфибии.

Начатое согласно приказу 8 февраля наступление протекало не так быстро и гладко, как ожидал Монтгомери. Причина заключалась частично в неожиданно трудных условиях местности, а кроме того, и в том, что 9-я американская армия, правда, не по своей вине, смогла начать наступление лишь значительно позже намеченного времени. В течение двух недель канадской армии пришлось одной нести всю тяжесть борьбы.

7 февраля авиация нанесла сильные удары по переправам через Рейн, особенно по мосту в районе Везеля и по паромным переправам, которые использовались для подвоза, а также по расположенным непосредственно за линией фронта участкам. На следующее утро после пятичасовой артиллерийской подготовки англичане начали наступление. Десять глубоко эшелонированных дивизий, из которых четыре находились в первом эшелоне, наступали против оборонявшейся здесь одной-единственной немецкой дивизии. Эта дивизия понесла тяжелые потери уже в ходе артиллерийской подготовки и не могла воспрепятствовать вклинению противника в ее оборону на ряде участков, хотя оказывала ожесточенное сопротивление, особенно на западной опушке леса Рейхсвальд. Многочисленные минные поля, усиливавшаяся распутица на дорогах, залитых водой на протяжении многих километров, наряду с упорным сопротивлением немецких войск не дали англичанам и канадцам возможности беспрепятственно продвигаться. Благодаря этому прибытие через несколько дней

первых парашютных частей оказалось все же своевременным, чтобы навязать противнику чрезвычайно трудные бои за лес Рейхсвальд. Эти бои закончились лишь 13 февраля, когда канадцы овладели Клеве и вышли в тыл немецкой обороны в Рейхсвальде. Южнее этого лесного массива немецкие соединения отразили все попытки прорыва противника вдоль шоссе Геннеп-Гох, настоятельно необходимого канадской армии для развития наступления.

Напрасно Монтгомери ждал со дня на день отвлекающего удара на юге. Во время подготовки 9-й американской армии к наступлению немцы открыли Урфтскую плотину. Уровень воды в реке Рур перед фронтом 1-й и 9-й американских армий поднялся настолько, что им пришлось отложить наступление и ждать, пока вода не спадет. Поэтому немецкое командование смогло ввести все свои резервы на севере, так что 14 февраля канадской армии противостояли девять немецких дивизий, среди них две танковые и три парашютно-десантные.

Медленно, с большой настойчивостью продолжая наступление, пройдя Рейхсвальд и взяв Гох, канадская армия повернула на юго-восток и начала переправляться через Маас южнее Геннепа. Решающие успехи были достигнуты лишь тогда, когда 23 февраля обе американские армии смогли начать наступление с форсированием Рура, вода в котором к тому времени уже спала. Перед фронтом американцев оборонялись лишь несколько слабых дивизий 15-й немецкой армии. Все немецкие резервы были брошены на север. Поэтому наступление американцев сразу же начало успешно развиваться. К вечеру они во многих местах форсировали Рур и к 26 февраля создали довольно значительный плацдарм. Некоторое время их еще сдерживали три немецкие дивизии, снятые уже в довольно потрепанном состоянии с фронта 1-й парашютно-десантной армии, а затем наступила развязка. Ни на юге, ни на севере разрозненных сил немецких соединений не хватало, чтобы выдержать двойной натиск противника. 26 февраля 1-я парашютно-десантная армия была вновь атакована канадцами, которые, направив главный удар юго-восточнее Клеве, постепенно вбили в немецкую оборону танковый клин и 8 марта после крайне ожесточенных боев вышли в район южнее Ксантена. 9-я американская армия с большого плацдарма в районе Юлиха начала наступление на северо-запад и север, продвинулась своим правым флангом к Нейссу и затем повернула главными силами на север. На Маасе американцы также продвинулись с юга через Рурмонд на Венло, англичане – с севера через Геннеп на Ведь, так что в начале марта обе армии на всем фронте наступления продвигались, нанося концентрические удары, и грозили отрезать путь к отступлению через реку расположенным на западном берегу Рейна немецким войскам. 3 марта передовые отряды канадцев и американцев соединились в районе Гельдерна.

Гитлер не разрешил своим войскам отойти с левого берега Рейна на том основании, что тогда транспорты с углем из Рура не смогут больше по реке Липпе выходить в канал Дортмунд-Эмс. Он приказал 1-й парашютно-десантной армии захватить плацдарм на участке Крефельд, Везель и во что бы то ни стало удержать его. Против отхода на восточный берег Рейна были приняты драконовские меры. Ни один солдат, ни одна машина или повозка, ни одно орудие не имели права без разрешения штаба армии переправляться через реку в тыл. Благодаря ходатайству генерал-полковника Бласковица удалось, наконец, смягчить этот бессмысленный приказ и получить разрешение переправлять через реку требующую ремонта боевую технику, непригодный к использованию транспорт, раненых и больных.

Но никакие, даже самые строгие приказы не могли воспрепятствовать все большему сужению кольца окружения вокруг парашютно-десантной армии, к которой теперь добавились отброшенные обратно на север остатки 15-й армии. К 5 марта американцы овладели западным берегом Рейна от Нейсса до Орсоа и стали теснить немецкие войска в направлении на Везель. На севере десантники-парашютисты с отчаянным упорством до 8 марта удерживали Ксантен и прикрывали последнюю оставшуюся у немцев переправу через Рейн в районе Везеля. На следующий день остатки девяти дивизий были зажаты на небольшом предместном укреплении у моста через Рейн. В ночь на 10 марта они перешли на восточный берег и взорвали за собой мост. «Ни разу в ходе всей войны, – говорил Монтгомери, вспоминая эти бои, ставшие известными как „рейхсвальдские“, – части противника не оказывали столь ожесточенного сопротивления, как парашютисты-десантники в битве за Рейнскую область».

Для немецкой армии эта самоотверженность, как бы она высоко ни расценивалась с точки зрения достоинств немецкого солдата, не принесла ровно никакой пользы. Решение Гитлера

вести эти бои до последней возможности как раз отвечало намерениям Эйзенхауэра разгромить западнее Рейна возможно более крупные силы немцев. К такому же результату привели и действия, начатые тем временем 12-й американской группой армий. Если на севере бои велись лишь за возможность продлить еще на несколько дней транспортировку рурского угля по Рейну, то на юге объектом, за который немецким армиям пришлось вести борьбу до полного своего уничтожения, были Саар-ские рудники.

Началом охвата немецких укреплений южнее Мозеля, оборонявшихся 1-й армией на рубеже реки Саар и в северной части Эльзаса, явились действия 12-й американской группы армий. Они начались еще во время наступления группы армий Монтгомери и закончились одновременно с ним, то есть 10 марта. В дальнейшем 12-я американская группа армий под командованием Брэдли сохраняла в своем составе 1-ю и 3-ю армии. В то время как 1-я армия, фронт которой раньше простирался до Мозеля, была теперь сосредоточена на участке по обе стороны Урфтской плотины, 3-я армия Паттона располагалась после Арденнского наступления вдоль люксембургской границы на рубеже рек Мозель и Ур, имея перед собой 7-ю полевую и 5-ю танковую армии немцев. Эйзенхауэр приказал войскам группы сковывать немецкие армии непрерывными атаками, оттесняя их на восток. Лишь в ходе операции Монтгомери примерно 10 февраля должно было начаться наступление по всему Рейнскому фронту, постепенно захватывая участок за участком с севера на юг.

1-я американская армия по-прежнему была прикована к Урфтской плотине. Ее авиация тщетно пыталась разрушить мощные бетонные дамбы, которым не страшны были никакие бомбардировки, и лишить немцев возможности регулировать уровень воды в реке Рур по их собственному усмотрению. Наземные атаки обеспечивали лишь медленное продвижение. Только 10 февраля последние сооружения плотины были заняты американцами. Однако в самый последний момент немцы успели внезапно открыть шлюзы. В результате река Рур вышла из берегов, что задержало не только наступление 9-й армии, но и 1-й армии, которая должна была начать действовать одновременно с ней. Между тем 3-я американская армия оттеснила немецкие армии с реки Ур за реку Киль. Эти бои еще не закончились, когда 9-я и 1-я армии 23 февраля перешли в наступление, которое обеспечило взаимодействие 9-й армии с войсками Монтгомери, осуществлявшими удар из района Неймегена. 1-я армия в составе трех армейских корпусов уплотнила боевые порядки своих соединений на северном фланге, расположив здесь значительные силы на узком участке в целях подготовки прорыва с выходом на рубеж Эйскирхен, Кёльн. Американский план не ограничивался овладением Кёльна и выходом к Рейну в этом районе. 1-я армия получила, кроме того, задачу после осуществления прорыва нанести удар крупными силами в юго-восточном направлении и во взаимодействии с 3-й армией опрокинуть весь немецкий фронт вплоть до реки Мозель.

Немцам лишь временно удалось задержать массированное наступление 1-й американской армии на реке Эрфт. Брошенные в бой немецкие танковые соединения были разгромлены американской авиацией. Тем самым провалилась последняя попытка локализовать прорыв американцев, и северный фланг американцев стал быстро продвигаться на Кёльн. Предполагавшаяся длительная борьба за город, для ведения которой американцы предусмотрительно подготовили крупные силы, так и не завязалась, ибо для обороны города были выделены лишь незначительные силы немецких сухопутных войск. Все остатки разбитых армий, на этом и других участках отступившие до Рейна, пришлось немедленно отвести за реку, чтобы хоть в какой-то мере обеспечить ее оборону. От немногочисленных отрядов фольксштурма, использовавшихся при обороне города, многого ожидать не приходилось. Уж очень сильным было стремление значительной части жителей, которые перенесли столько страданий во время непрерывных бомбардировок, не допустить дальнейшего разрушения и без того до неузнаваемости изуродованного города. Это был уже не первый случай, когда выкидывался белый флаг.

В то время как северный фланг 1-й американской армии к 7 марта преодолел последнее сопротивление в Кёльне, центр и южный фланг армии, повернув на юго-восток, быстро продвигались на Бонн и Бад-Годесберг. На крайнем правом фланге армии наступала на Ремаген 9-я американская бронетанковая дивизия. Когда ее передовые части преодолели последнюю гряду высот, закрывавшую Рейн, они увидели перед собой неповрежденный мост. Быстро

приняв решение, танкисты двинулись к мосту, вынудили уйти в укрытие немецких саперов, успевших с помощью недостаточно сильного заряда лишь повредить один из быков, перерезали подготовленный для подрыва кабель и вышли по мосту на другой берег. Вообще говоря, можно удивляться, что такой внезапный маневр удался войскам Эйзенхауэра лишь на этом участке, а все остальные многочисленные мосты немцам удалось в самый последний момент взорвать. Немецкие саперные группы и командовавшие ими офицеры должны были решать явно нелегкую задачу. В интересах переброски возможно большего количества живой силы и техники мосты через Рейн необходимо было взрывать лишь в последнюю минуту. Но и подрывные заряды приходилось помещать как можно позже, чтобы они не детонировали преждевременно из-за непрерывных разрывов бомб противника. В районе Ремагена немецкие саперы-ландштурмовцы именно во время этих действий подверглись внезапному нападению танков противника и вынуждены были уйти в укрытие. Несмотря на всевозможные предупредительные меры, это была одна из тех неувязок, с которыми всегда приходится считаться на войне, а в подобной хаотической обстановке – больше чем когда бы то ни было. К несчастью, такая неувязка произошла с одним из рейнских мостов.

Это событие произвело в лагере обоих противников эффект разорвавшейся бомбы. Американский командующий армией, которому было еще не ясно, входил ли несомненно предстоящий на этом участке бой в расчеты высшего командования, запросил Эйзенхауэра, как действовать дальше. В ответ он немедленно получил приказ ввести несколько дивизий в направлении на Ремаген и любыми средствами удерживать и расширять захваченный между тем небольшой плацдарм.

Катастрофическое положение немцев усугубилось еще тем, что нигде под рукой не было достаточных сил, чтобы, предприняв контратаку, отбросить американцев за реку. Прошло много драгоценных часов, прежде чем к плацдарму подошло первое сильное немецкое соединение – 11-я танковая дивизия, только что переправившаяся через Рейн у Кёльна. За это время американцы успели уже настолько укрепиться, что все попытки ликвидировать плацдарм провалились. Не большим успехом увенчались и предпринятые в последующие решающие дни попытки разрушить мост дальнобойной артиллерией и налетами авиации. Когда в результате всего этого 17 марта поврежденный бык рухнул, увлекая за собой полотно моста, американцы уже навели через Рейн временный мост.

Ярость Гитлера по поводу потери моста не знала границ. Все, на кого только можно было возложить хоть какую-нибудь ответственность за опоздание с подрывом или за непринятие немедленных решительных контрмер против захвата противником плацдарма, предстали перед специально для этой цели назначенным военно-полевым судом под председательством некоего генерала Хюбнера, обладавшего неограниченными полномочиями. Этот суд предназначался исключительно для утоления жажды мести Гитлера, причем исключалось всякое упорядоченное, соответствующее законоположению разбирательство, и многие офицеры были приговорены к расстрелу за якобы проявленные перед лицом противника бездействие и трусость.

Когда в начале марта 1-я американская армия, успешно развивая наступление, форсировала реку Эрфт, настал тот момент, когда и 3-я армия должна была нанести удар на Рейне. К этому времени 3-я армия оттеснила противника за реку Килль. 3 марта она овладела Триром и создала плацдармы на противоположном берегу реки Килль, а затем, создав две ударные танковые группы, приступила к прорыву. Стремительно продвигаясь, она 9 марта достигла Андернаха, где соединилась с войсками левого фланга 1-й американской армии, и вышла на следующий день в районе севернее Кобленца. Из соединений 5-й танковой армии переправиться через Рейн смогли лишь жалкие остатки. Уцелевшие части 7-й немецкой армии отошли за реку Мозель между Кобленцом и Триром и попытались создать здесь новый оборонительный рубеж для прикрытия с тыла 1-й немецкой армии.

Американцы и англичане вышли теперь к Рейну на участке от Эммериха до района севернее Кобленца и захватили первый плацдарм в районе Ремагена. На левом берегу теперь оставалась южнее Мозеля лишь 1-я армия, северный фланг которой на участке Трир, Кобленц был разорван и не мог достаточно надежно прикрываться 7-й армией.

Этой обстановки и добивался Эйзенхауэр, чтобы начать наступление обеими своими

американскими группами армий против последнего немецкого бастиона западнее Рейна. Для возможно большего усиления 7-й американской армии, которая должна была нанести удар с юга, французской армии было приказано после ликвидации кольмарского плацдарма немцев занять позиции вдоль Рейна на участке Базель, Бишвиллер восточнее Агно. Кроме того, 7-я армия была еще усилена несколькими дивизиями, вновь прибывшими из Соединенных Штатов. Таким образом, для наступления армия имела в своем распоряжении 15 дивизий. С середины февраля ее войска сковывали войска немцев постоянными атаками в Саарской области, справедливо полагая, что немцы будут защищать ее всеми силами. Это чрезмерное скопление немецких частей в юго-восточном углу большого выступа линии фронта как нельзя лучше благоприятствовало планам американцев. Упорные бои на подступах к Западному валу в районе Форбака, а позднее в районе Саарбрюккена не дали 7-й американской армии возможность далеко продвинуться вперед, однако цель, которую американцы ставили перед собой – сковать здесь крупные силы немецких войск, – была полностью достигнута. Когда затем 3-я американская армия в марте прорвалась на Кобленц и повернула к Мозелю, 1-й немецкой армии пришлось снять с фронта значительные силы, чтобы обеспечить 7-й армии создание новой обороны по Мозелю. Восточнее Саарской области она еще удерживала перед Западным валом рубеж Битш, Агно, достигнутый ею после успешного контрудара в начале января. За этими выдвинутыми позициями армия оборудовала несколько промежуточных рубежей, на самом же Западном вале были расположены немногочисленные армейские подразделения и отряды фольксштурма. Командованию было ясно, что дальнейшая оборона Саарской области должна поставить армию в отчаянное положение, если только американцам удастся форсировать в тылу немцев реку Мозель и ворваться в Западный вал с юга. Поэтому необходимо было срочно эвакуировать весь почти двухсоткилометровый выступ, для обороны которого, конечно, не хватило бы тринадцати слабых дивизий, фактически по своей численности не составлявших и половины этого количества. Рундштедт и Модель неустанно докладывали Гитлеру о необходимости своевременно принять это неизбежное решение и спасти пока еще не разбитые соединения. Ввиду того что за последнее время Рундштедт все сильнее показывал свое несогласие с решениями Гитлера и даже позволял себе открыто их критиковать, 10 марта он был заменен фельдмаршалом Кессельрингом. Командующий попавшей в опасное положение армией, со своей стороны, 12 марта еще раз категорически потребовал либо выделить в его распоряжение еще несколько дивизий и существенно усилить оборону 7-й армии по реке Мозель, либо разрешить его войскам своевременно и постепенно отойти к Рейну. Как и следовало ожидать, армии было приказано оставаться на прежних позициях. Гитлер, вероятно, считал, что главные силы 3-й американской армии скованы боями на ремагенском плацдарме, и поэтому сильно недооценивал грозившую 7-й, а вместе с тем и 1-й-армии опасность на Мозеле. Вообще же он с возмущением отвергал всякое сомнение в возможности удержать оставшимися немецкими силами Западный вал – «это чудо германской техники». На самом же деле силы немцев были столь малочисленны, что в лучшем случае лишь около половины долговременных укреплений могли быть кое-как заняты войсками. В случае наступления противника гарнизоны этих укреплений должны были дать себя окружить. Если бы этот приказ был выполнен буквально, это означало бы расчленение армии на отдельные группы и оставление их в укреплениях Западного вала на неопределенное время. Неблагоразумие приказов, игнорировавших действительное положение вещей, дошло до предела.

Когда американцы 15 марта перешли в наступление, участь обеих немецких армий, прикованных к своим позициям, была предрешена. Паттон подготовил для этого наступления три ударные группы. Еще в начале марта южнее Трира был образован большой плацдарм, в борьбе против которого 1-я немецкая армия использовала свои последние резервы и понесла большие потери. С этого плацдарма самая западная ударная группа должна была начать продвижение на юг и юго-запад с тем, чтобы отрезать группировку, оборонявшую Саар между Мерцигом и Саарбрюккеном. Двум другим ударным группам, одна из которых заняла исходное положение для наступления в районе Целль, Кохем, а другая – непосредственно севернее Кобленца, предстояло форсировать Мозель, прорвать фронт, занятый слабыми силами 7-й немецкой армии, а затем вместе с 7-й американской армией, наступавшей с юга между Репном

и Саарбрюккеном, осуществить уничтожение всех расположенных между Мозелем и Рейном немецких сил.

Когда американцы начали наступление на юге, 1-я немецкая армия намеренно, без особого сопротивления оставила позиции предполья перед Западным валом в районах Битша и Агно, но зато смогла удержать лежащую за этим рубежом восточную часть Западного вала, так что здесь сохранялась возможность опереться на Рейн. Однако удар Паттона с форсированием Мозеля оказался настолько сокрушительным, что остановить его так нигде и не удалось. Прорвавшаяся в районе Трира ударная группировка частью сил продвинулась по восточному берегу реки Саар, вышла в тыл расположенным здесь укреплениям и одновременно крупными силами продвинулась через Хунсрюк до верхнего течения реки Наэ. Так как в то же время 7-я американская армия глубоко вклинилась в Западный вал между Саарбрюккеном и Цвейбрюккеном, весь выступ фронта между Цвейбрюккеном и Триром был срезан. Чередуя фронтальные прорывы с параллельным преследованием немецких войск, частично уже окруженных, а частично успевших в последний момент уйти на восток под прикрытием арьергардов, наступавшие с запада американцы вышли к Санкт-Венделю и, продвинувшись 18 марта с северо-запада вплоть до реки Наэ, уже на следующий день достигли головными танковыми частями Кайзерслаутерна. В районе между Кайзерслаутерном и Санкт-Венделем в целом ряде мест немецкие войска были обойдены и уничтожены, так как их отвод на восток был предпринят слишком поздно. Остатки разбитых частей, которым удалось избежать котлов, были атакованы с севера прорвавшимися здесь еще глубже американцами, наносившими удар через Бад-Крэйцнах на Вормс. Одна из американских колонн быстро продвинулась на Бинген через взятый 17 марта Кобленц и отрезала отступление тем немецким частям, которые пытались прорваться к Рейну из мешка, образовавшегося между реками Мозель, Рейн и Наэ.

Когда под прикрытием самоотверженно сражавшихся арьергардов и еще удерживавшейся на юге в районе Виссамбура обороны по Западному валу поток разбитых частей, автоколонн и эвакуированного из Саарской области населения устремился к Рейку по немногим свободным еще дорогам, танки Паттона, ударив с севера по отступавшим остаткам войск, помешали их отходу и частично окружили. В то же время американская авиация, пользуясь совершенно безоблачной погодой, увеличивала общую панику и неразбериху непрерывными атаками. Дороги были забиты тысячами горящих машин. После того как таили Паттона достигли Людвигсхафена и 7-я американская армия продвинулась с юга, перерезав шоссе Пирмазен-Ландау, остался лишь узкий коридор, через который остатки разбитых немецких дивизий отступали к еще оставшимся в руках немцев предместным укреплениям в районах Гермерсгейма и западнее Карлсруэ. К 25 марта им удалось уйти от окончательного разгрома на восточный берег Рейна. Паттон создал западнее Дармштадта еще один плацдарм, после чего американские армии вышли вплотную к Рейну и начали подготовку к предпоследнему акту великой драмы – форсированию Рейна

5. Конец на Западе

Когда обе американские группы армий 25 марта закончили свои операции южнее Мозеля и вышли к Рейну, Эйзенхауэр отдал приказ немедленно форсировать Рейн. Конечно, этот водный рубеж был мощным препятствием, и форсирование его еще несколько месяцев тому назад потребовало бы значительного напряжения сил. Но Гитлер все это время действовал так, что максимально облегчил войскам западных держав преодоление этой водной преграды. Он не мог решиться своевременно приостановить Арденнское наступление и затем, ведя маневренную оборону, отступить за Рейн, не давая разгромить немецкие армии между Маасом и Рейном, южнее Мозеля и на кольмарском плацдарме. В результате они оказались окончательно обескровленными. Кроме того, борьба за ремагенский плацдарм оттянула на себя все силы группы армий «Б», отошедшие за Рейн между Кобленцом и Кёльном в почти небоеспособном состоянии. Достаточно было лишь сосредоточить армии западных держав в нескольких местах, чтобы прорвать слабую и неглубокую немецкую оборону. (Карта 9, стр. 657)

Эйзенхауэр решил начать уничтожение немецких войск на Западе с захвата двух мощных

плацдармов, с которых он собирался окружить Рурскую область и перенести затем военные действия в Центральную и Южную Германию, продвигаясь здесь вплоть до встречи с русскими.

Едва развернулись эти операции, как Черчилль сделал еще одну, последнюю попытку подчинить военные операции политическим целям. Однако он направил свои соображения по этому поводу не в Белый дом в Вашингтоне, а американскому главнокомандующему в Европе, который являлся лишь исполнителем воли своего правительства. Черчилль отстаивал совершенно справедливую точку зрения, что теперь, когда война шла к концу и в военном успехе сомневаться больше не приходилось, ведущие государственные деятели должны были получить решающее слово при обсуждении военных вопросов. Поэтому он был особенно сильно разочарован тем обстоятельством, что Монтгомери не получил приказа любыми средствами овладеть Берлином раньше русских. Но Черчилль обратился не по адресу. Эйзенхауэр пресек попытки вмешательства в руководство операциями, высказав убеждение, что Берлин особой военной ценности не представляет. Далее, он не без основания заявил, что с русскими давно согласована политическая демаркационная линия на случай оккупации и что эта линия будет проходить в 150 км западнее Берлина независимо от военных успехов той или другой стороны. Теперь было поздно исправлять таким путем политические упущения, нашедшие свое последнее выражение в решениях Ялтинской конференции. Белый дом поддержал позицию Эйзенхауэра, и он продолжал проводить свои планы в жизнь.

Он довел численность 21-й группы армий Монтгомери до двадцати девяти английских и американских дивизий, усилив ее пятью дивизиями, переброшенными из Италии по морю через Марсель. На эту группу армий было возложено выполнение наиболее сложной части новой операции. Ей предстояло форсировать Рейн, не имея плацдармов, в его широком нижнем течении. Здесь оборонялась всего одна немецкая армия, получившая некоторую передышку после закончившихся 10 марта боев и успевшая оборудовать свои позиции на правом берегу Рейна.

Английская группа армий уже в течение нескольких месяцев готовилась к намеченному на широком фронте форсированию Рейна по обе стороны Везеля. К подготовительным мерам относились: наведение мостов через Маас между Рурмондом и Неймегеном, накопление мостового имущества и подручных материалов, а также заготовка всех видов переправочных средств, с помощью которых можно было бы перебросить через Рейн даже тяжелые танки. На Маасе соединения 2-й английской армии, не участвовавшие в боях западнее Рейна, проводили усиленную тренировку по преодолению широкой водной преграды-

В середине февраля начались интенсивные действия союзной авиации с целью предварительной подготовки наступления. Она стремилась парализовать все железнодорожное сообщение в Северной Германии западнее линии Кобленц, Бремен. В то время как тяжелые, бомбардировщики громил и железнодорожные сооружения и узлы, сбрасывая на них бомбы весом до 11 т, истребители-бомбардировщики штурмовали немецкие рабочие колонны, которые неустанно восстанавливали разрушенные участки, чтобы хоть в какой-то мере обеспечить нормальное сообщение. Постепенно воздушные налеты переносились ближе к фронту с целью нарушить коммуникации в ближайшем тылу немецкой обороны, и, наконец, 20 марта, за три дня до начала наступления, авиация приступила к разрушению позиций немецких войск. Наряду с такой поистине герметической изоляцией немецких войск от их тылов авиация союзников не жалела усилий для уничтожения немецких реактивных истребителей. Она стремилась в самом зародыше задушить немецкую реактивную авиацию, которая уже причиняла англичанам немало хлопот. Как только воздушная разведка обнаруживала длинные взлетно-посадочные полосы, необходимые для реактивных истребителей, они немедленно разрушались массированными ударами с воздуха.

Для наступления Монтгомери выдвинул на исходные позиции южнее устья реки Липпе 9-ю американскую армию, а севернее этой реки – 2-ю английскую армию, усиленную канадскими частями. Первую попытку форсировать Рейн американцы должны были предпринять севернее Рейнберга, а англичане – в районах Везеля и Рееса. Уровень воды в Рейне упал, берега подсохли, так что и тяжелым машинам, особенно танкам, уже не приходилось опасаться тех серьезных трудностей, с которыми они сталкивались в ходе февральского

наступления.

1-я парашютно-десантная армия немцев, кроме отрядов фольксштурма и некоторых наспех сколоченных частей, имела в полосе наступления союзных войск три пехотные и четыре парашютно-десантные дивизии. Две слабые танковые дивизии располагались в качестве резерва в районе северо-западнее Эммериха. Глубоко эшелонированную систему обороны за короткое время создать было невозможно. Населенные пункты прикрывались противотанковыми рвами и другими противотанковыми заграждениями и в большинстве своем были приспособлены к круговой обороне. Для обороны водной преграды и для борьбы с воздушными десантами в тылу, с возможностью высадки которых со времени боев под Арнемом приходилось считаться, широко использовались многочисленные батареи зенитных орудий.

23 марта в 21 час первые английские батальоны переправились через реку в районе Рееса, а часом позже – в районе Везеля. На восточном берегу они натолкнулись сначала лишь на слабое сопротивление разрушенной артиллерийским огнем и воздушными ударами немецкой обороны. Американцы, начавшие наступление на следующее утро в 3 часа, также свободно форсировали реку в районе Рейнберга. Лишь когда были обнаружены места переправы противника, немцы, введя резервы, стали оказывать довольно сильное сопротивление.

Чтобы облегчить захват первых плацдармов, Монтгомери предусмотрел Десантную операцию с высадкой воздушно-десантного корпуса в составе одной английской и одной американской воздушно-десантных дивизий. При высадке тщательно учитывался опыт Арнемской операции. На этот раз воздушно-десантные соединения должны были действовать в тесном тактическом взаимодействии с наступающими с фронта войсками, то есть высадиться непосредственно за немецкими позициями с таким расчетом, чтобы артиллерия могла поддержать их с фронта своим огнем. Обе дивизии утром 24 марта погрузились на самолеты во Франции и Англии, и в 10 час. их первые подразделения уже появились в тылу немцев в районе севернее и северо-восточнее Везеля. Мощный зенитный огонь нанес им некоторые потери при подходе самолетов к районам высадки; кроме того, там, где поблизости были немецкие войска, десантники при приземлении встретили довольно сильный отпор. В целом вся операция, завершенная благодаря большому количеству транспортных самолетов в течение трех часов и обеспечивавшаяся более чем 2 тыс. истребителей, была проведена согласно плану и значительно облегчила продвижение союзников в районе Везеля. После форсирования реки англичанам ввиду отсутствия у немцев достаточных резервов для ликвидации первых плацдармов оставалось лишь подавлять отдельные очаги немецкого сопротивления и технически обеспечивать переправу через реку главных сил войск путем быстрой наводки мостов. Благодаря своей предусмотрительности и хорошей подготовки они справились с этой задачей в кратчайший срок. Сопротивление немецких частей, остававшееся еще весьма сильным на северном крыле в районе Рееса, было сломлено в ходе продвижения на восток и северо-восток. 28 марта обе армии захватили большой плацдарм, простиравшийся от Ботропа через Дорстен и Бохольт почти до Эммериха. С этого плацдарма должны были сразу же начаться действия по овладению Рурской областью, а также удар с целью выхода на Эльбу.

Если для форсирования Рейна 21-й английской группой армий было еще необходимо планомерное сосредоточение и развертывание сил и преодоление слабой, но все же организованной обороны, то наступательные действия обеих американских групп армий развивались в значительно более легких условиях. Дело здесь было не только в том, что американцы уже имели западнее Дармштадта в районе Оппенгейма небольшой, а в районе Ремагена крупный плацдармы. Боеспособность немецких войск на центральном участке фронта, где наступали американцы, была значительно ниже, чем на севере, где действовали англичане. Кроме того, немецкие армии не успели оборудовать новые позиции. так как бои не прекращались с начала марта. Используя имеющиеся плацдармы, Эйзенхауэр силами 3-й и 7-й армий приступил в центре к форсированию Рейна между Мангеймом и Майнцем. Южнее этого участка 1-я французская армия имела задачу форсировать Рейн южнее Шпейера, в то время как 1-я американская армия должна была нанести удар с ремагенского плацдарма в северо-восточном и юго-восточном направлениях. В качестве ближайшей задачи Эйзенхауэр наметил создание большого сплошного плацдарма на восточном берегу Рейна от устья Неккара

у Гейдельберга до реки Зиг; плацдарм должен был простираться на восток до Ханау, Гисена и Зигена.

Паттон, который в ходе операции на окружение южнее Мозеля форсировал 22 марта Рейн в районе Оппенгейма, не стал останавливать продвижение своей 3-й армии. 24 марта он овладел Дармштадтом, а на следующий день его танки достигли Ашаффенбурга, где захватили неповрежденные мосты через реку Манн. На следующий день 7-я американская армия форсировала Рейн в районе Вормса, сломала сопротивление немцев, соединилась на севере в районе Дармштадта с 3-й армией и расширила плацдарм до Мангейма.

Между тем и 1-я американская армия перешла в наступление с большого ремагенского плацдарма, предварительно отразив немецкие контратаки с севера. Здесь сопротивление немцев было наиболее упорным. Для прикрытия Рурской области немецкая 5-я танковая армия самым быстрым образом оборудовала оборонительный рубеж на реке Зиг до города Зиген, пытаясь остановить на нем наступление американцев. Зато удар 1-й американской армии на юго-восток встретил лишь слабое противодействие. Армия вышла в районе Лим-бурга к реке Лай и стала продвигаться через Гисен на Марбург. После форсирования Рейна в узком месте в районе Боппарда немецкая оборона здесь была прорвана. Форсировавшие Рейн части 3-й американской армии нанесли удар через Таунус на Висбаден и очистили во взаимодействии с войсками, наступавшими через Франкфурт, район между Таунусом и Оденвальдом.

Пока развивались эти события, в Рурской области завершалось окружение немецких 15-й полевой и 5-й танковой армий, осуществленное 1-й и 9-й американскими армиями. Последняя специально для этой цели была выведена из состава английской группы армий и вновь передана в распоряжение командующего 12-й американской группой армий.

Захват Рурской области и удар с выходом на Эльбу

Оглядываясь теперь назад, трудно понять смысл продолжения борьбы немцами, особенно когда на западе с потерей Рейна пала последняя преграда; впрочем, эта преграда имела скорее лишь символическое значение, если учитывать соотношение сил воюющих сторон. Борьба продолжалась, потому что не нашлось никого, кто мог бы или хотел бы положить ей конец, пока существовал человек, сделавший ее неизбежной. Немецкие войска сражались в зависимости от их состава либо с растущим сознанием безнадежности, либо яростно ожесточившись против судьбы, либо – в значительной части, если не в подавляющем большинстве – сознавая свой долг перед родиной и даже сохраняя веру в гений Гитлера. Всех их, кроме незначительного меньшинства, связывала дисциплина, которую не могло бы ослабить и вдвое более тяжелое поражение. Явления, подобные происходившим в конце первой мировой войны, были невозможны, так как для них в авторитарном государстве не было пищи в виде политического разложения. Наоборот, убеждение, сложившееся у немецкого народа в результате многолетних усилий интенсивной пропаганды, что выстоять значит в конце концов победить, поддерживало волю к борьбе и там, где возникали и росли сомнения. Если это относилось к немецким войскам на Западе, то на Восточном фронте добавлялся еще один момент, заставлявший продолжать борьбу: стремление защитить немецкую землю и ее население от бесчеловечности восточного противника. Впрочем, на востоке, где обстановка все больше ухудшалась, некоторые скорее стремились не попасть в плен к русским, чем действительно сопротивляться до конца.

Если немецкие войска продолжали упорную борьбу с различным боевым духом, но повсюду с твердой дисциплиной, то в среде высшего командного состава, видевшего неизбежность катастрофы, распространилось такое отношение к войне, в котором сознание бесполезности борьбы стояло в неразрешимом противоречии с их обязанностями по отношению к начальникам и подчиненным. Кто не находил для себя внутреннего решения в простой формуле безусловного повиновения солдата, которое он должен был требовать от подчиненных и потому проявлять также и сам, должен был искать выхода, чтобы по крайней мере не доводить бессмысленность борьбы до абсурда. Установление контакта с противником было невозможно хотя бы уже по той причине, что изъятие любого звена из слабой и без того оборонительной цепи, какой являлся фронт, могло повлечь за собой не поддающиеся оценке последствия для целостности всей обороны на востоке, а ответственности за эти последствия не мог взять на себя решительно никто, даже командующий войсками на изолированном участке

фронта. Поэтому немалое число офицеров по мере приближения к концу вынуждено было стать на путь условного повиновения. Они обходили бессмысленные приказы, избегали ненужных потерь и видели свою главную задачу в том, чтобы сохранять целостность вверенных им войсковых единиц и ограничивать всякого рода разрушения размерами, неизбежными с чисто военной точки зрения.

С этой точки зрения сражение за Рурскую область являлось в экономическом, а потому и в военном отношении бессмысленным. Рурская область, не говоря уже о ее колоссальном разрушении, была почти отрезана от тыла продолжавшимися в течение многих месяцев налетами авиации и совершенно не могла больше служить энергетической базой германской экономики. Фельдмаршал Модель, которому, как командующему группой армий «Б», пришлось силами 15-й полевой и 5-й танковой армий оборонять Рур, ходатайствовал о своевременном отводе войск. Получив отказ, Модель подчинился – он желал выполнить свой солдатский долг до конца. Но и он отклонил продиктованный одной только страстью к уничтожению приказ Гитлера разрушить промышленную область настолько, чтобы противник – а тем самым и немецкий народ – не мог воспользоваться ее предприятиями в течение неопределенного периода.

Армии группы «Б» на севере еще удерживали реку Рур (где 15-я армия в районе Бохольта примыкала к 1-й парашютно-десантной армии), на западе – Рейн и на юге – реку Зиг у ремагенского плацдарма, когда Эйзенхауэр отдал 9-й и 1-й армиям приказ на окружение Рейнской области с севера и с юга. Он понимал, что даже значительное число немецких дивизий могло продержаться в окруженной области лишь ограниченное время, и поэтому использовал для операции против группы армий «Б» относительно небольшие силы.

Даже если для ведения борьбы в течение длительного времени и хватило бы наличного вооружения и имевшегося запаса боеприпасов, тяжелое моральное состояние войск в густонаселенном районе и трудности со снабжением населения все равно вскоре привели бы к прекращению сопротивления.

На севере 9-я армия частью сил осуществила охват северного участка немецкой обороны на реке Рур. Один из корпусов, согласуя свои действия с наступавшими в направлении Эльбы войсками англичан, прорвал фронт немецких войск севернее реки Рур, продвинулся на восток и 1 апреля соединился в районе Липштадта с 1-й американской армией, вышедшей в этот район в результате наступления в северо-восточном направлении с ремагенского плацдарма. Рурская область была окружена. Модель предпринял последнюю попытку прорвать кольцо окружения, нанеся удары на севере через Хамм, на юге – через Зиген. Однако стойкая оборона американцев не позволила немецким войскам добиться успеха.

Постепенно сопротивление окруженных соединений вследствие непрекращающегося натиска наземных войск и непрерывных воздушных налетов, все более осложнявших управление войсками и их материальное обеспечение, начало ослабевать. На некоторых участках все больше подразделений прекращало боевые действия, на других еще продолжались ожесточенные бои. 14 апреля вся окруженная группировка в результате ударов американцев в направлении Хагена с севера и юга была рассечена на две части, двумя днями позже меньшая, восточная группа перестала существовать, причем американцы за одни сутки, предшествовавшие ее ликвидации, захватили 80 тыс. пленных. 18 апреля и западная группа была ликвидирована. 325 тыс. человек, составлявших двадцать одну дивизию, оказались в плену. Модель покончил с собой.

Окружение и захват Рурской области были лишь частью большого наступления, начатого Эйзенхауэром тотчас же после образования обоих крупных плацдармов в районах Везеля и Франкфурта. 4 апреля три корпуса 1-й английской армии Монтгомери перешли в наступление восточнее и севернее Везеля. Перед их фронтом по-прежнему оборонялась 1-я немецкая парашютно-десантная армия. Имея на северном фланге парашютно-десантные дивизии, а на южном – две испытанные дивизии (9-ю танковую и 15-ю гренадерскую, моторизованную), эта немецкая армия оказывала англичанам упорное сопротивление, которое, однако, слабело по мере расширения района боевых действий в связи с продвижением англичан. Гитлер, находивший на своих оперативных картах новые армии для ведения боевых действий, нашел и теоретические контрмеры против нового англо-американского наступления восточнее Рейна.

Фельдмаршал Буш был назначен главнокомандующим немецкими войсками на Северо-Западе, и ему были подчинены 25-я армия в Голландии, 1-я парашютно-десантная армия, отступившая главными силами в район между реками Эмс и Везер, и армия Штудента (впоследствии генерала Блументритта), сформированная из переданных ей частей 1-й парашютно-десантной армии и остатков соединений, составленных из военнослужащих всех трех видов вооруженных сил и вряд ли боеспособных. Последняя из перечисленных армий получила задачу организовать оборону на реке Везер и на впадающей в нее реке Аллер. Этими тремя армиями Гитлер предполагал создать угрозу флангам прорвавшихся по обе стороны Рурской области американских армий и во взаимодействии со вновь сформированными соединениями, расположенными в районе Гарца, добиться перелома в боевых действиях в Северной Германии и в Голландии. Наступление 2-й английской и 1-й канадской армий на севере Германии быстро положило конец этим иллюзиям, 2-я армия была несколько задержана на реках Эмс, Везер и Аллер довольно серьезным сопротивлением немецких войск, а также многочисленными водными рубежами, мосты через которые были взорваны. Южное крыло наступавших войск вышло на реку Адлер в районе Целле уже 7 апреля. Затем вновь завязались ожесточенные бои в районе Ильцена, затянувшиеся на несколько дней. После их завершения англичане 19 апреля вышли на Эльбу в районе Данненберга. Центральный корпус армии должен был сначала преодолеть сопротивление мужественно сражавшихся курсантов одного авиационного училища в районе Рейна, затем этот корпус продвинулся через Зольтау в пустошь Люнебургер Гейде и 23 апреля вышел к Харбургу. Ожесточенные бои пришлось вести левофланговому английскому корпусу против парашютистов-десантников сначала за Линген, а затем за Бремен, который пал лишь 26 апреля, после того как англичане форсировали реку Везер южнее города и атаковали город также с тыла. На Эльбе англичане остановились, ограничившись лишь очищением района между устьем Эльбы и устьем Везера от отступивших туда остатков немецких частей.

Между тем 1-я канадская армия выполнила свою задачу, состоявшую в том, чтобы частью сил во взаимодействии со 2-й армией овладеть районом между реками Везер и Эмс до побережья, а также Северной Голландией восточнее залива Зёндер-Зе и, кроме того, окружить 25-ю немецкую армию в Западной Голландии. Немецкие парашютно-десантные части еще раз сначала севернее Эммериха, а затем в районе Ольденбурга замедлили продвижение канадцев, прежде чем те смогли выйти к Северному морю. Северную Голландию канадцы заняли без сопротивления. Другой канадский корпус повернул из района Эммериха на запад, овладел Арнемом, форсировал реку Эйссел и, вынудив отрезанную теперь 25-ю армию вести бой перевернутым фронтом, оттеснил ее за линию Греббе, оборонявшуюся голландцами в 1940 г. Здесь канадцы остановились, 25-я армия больше не угрожала тылу английской группы армий, а Голландия в результате многочисленных затоплений и боев южнее реки Маас прошедшей осенью подверглась таким тяжелым опустошениям, что представлялось желательным уберечь ее от новых испытаний.

Еще быстрее англичан, преодолевавших на своем пути местами упорное сопротивление, шли вперед американские 1-я и 9-я армии, окружившие Рурскую область и продолжавшие двигаться на восток. В связи с тем, что все остатки оборонявшихся в центральной части фронта немецких войск сначала были использованы для борьбы против ремагенского плацдарма, а затем остались вместе с обеими армиями группы армий «Б» в Рурской области, в районе между реками Лан и Липпе образовалось в сущности необороняемое пространство, в которое, кроме 9-й и 1-й армий американцев, ворвалась еще и 3-я армия. Эта последняя, стремясь обойти Тюрингенский лес с севера, продвигалась по государственной автомагистрали в направлении Эйзенаха, в то время как 1-я армия наступала на Кассель, а 9-я армия – в направлении Хамельна на реке Везер. В первых числах апреля все три армии форсировали реку Фульда и далее к северу реку Везер. Продвигаясь южнее Гарца, они вышли 13 апреля к реке Заале между Йеной и Галле и к Эльбе на участке от Барби до Виттенберге и окружили немецкую группировку, именовавшую себя 11-й армией и упорно оборонявшую Гарц. Когда 1-я армия в своем дальнейшем продвижении через реку Заале к нижнему течению реки Мульде, а 9-я армия – участке между Барби и Виттенберге попытались захватить плацдармы на восточном берегу Эльбы, они обе неожиданно натолкнулись на сильную немецкую оборону.

Это и был последний козырь Гитлера: по его приказу на фронт была брошена еще не

закончившая полностью своего формирования 12-я армия под командованием генерала Венка, которая, согласно радиопропаганде, должна была внести перелом в борьбу против западных держав. Формирование этой армии было предпринято в начале апреля из последних имевшихся в Центральной Германии людских и материальных резервов с целью сосредоточить ее в Гарце, бросить на запад на освобождение Рурской области и добиться этим ударом раскола фронта противника. Затем в ходе дальнейших операций должно было последовать восстановление сплошного Западного фронта. Сейчас просто непостижимо, как в голове Гитлера могли рождаться такие фантазии, превращавшиеся его ближайшими помощниками в отдаваемые с серьезным видом приказы. Не говоря уже об утопической цели действий этой армии, составлявшей при общем соотношении сил лишь каплю в море, требовались недели для обеспечения хотя бы минимальной боеспособности формируемых соединений. Обстановка за это время, вне всяких сомнений, должна была существенно измениться.

Из постоянного состава пехотных и танковых училищ, частей службы трудовой повинности и командиров всех степеней, которых еще можно было найти во 2-м и 3-м корпусных округах, был создан костяк семи дивизий, в том числе одной танковой и одной гренадерской моторизованной; некоторые опытные командиры даже были переведены с фронта. Из Баварии планировалось перебросить танковую дивизию СС, сформированную на базе офицерской эсэсовской школы. Ряды дивизий должна была заполнить способная воодушевиться молодежь, в том числе большое количество курсантов офицерских училищ и молодежи из частей имперской трудовой повинности. Вместо номеров дивизии получали громкие имена, связанные с самыми тяжелыми для Германии временами, например: Ульрих фон Гуттен, Клаузевиц, Шарнгорст, Кернер, Ян и Шлагетер{55}.

Стремительно развивавшиеся события разрушили планы, которые Гитлер связывал с этой армией. Тем не менее боевые действия новой армии составляют славную страницу борьбы немецкого народа, образец верности своему долгу, исполнявшемуся молодыми солдатами с чистым сердцем и верой в смысл и необходимость их жертв. Эти бои имеют право претендовать на немеркнущую славу, как символ лучших качеств немецкого солдата. Кроме того, в последние дни своего существования 12-я армия своими самоотверженными действиями спасла от русского плена много десятков тысяч немецких солдат и беженцев.

Когда первые соединения этой армии к 15 апреля сосредоточились на широко растянутых рубежах развертывания, командование получило приказ освободить из окружения в Гарце 11-ю армию ударами с севера и востока. Еще не полностью сформированные дивизии «Клаузевиц» и «Шлагетер» 16 апреля выступили из района Ильцена на юг с задачей достичь северных склонов Гарца. Они натолкнулись на второй эшелон продвигавшейся к Эльбе 9-й американской армии и были уничтожены в ожесточенных боях, длившихся до 21 апреля в районе севернее Брауншвейга. Наступление, которое должно было одновременно начаться из района Дессау в направлении Гарца с целью поддержать прорыв 11-й армии через Бернбург, не состоялось, так как предусмотренные для этой цели силы 12-й армии пришлось ввести в бой на реках Эльбе и Заале. Ожидая продолжения наступательных действий американцев в восточном направлении, армия вынуждена была ограничиваться тем, что постепенно прибывавшими в ее распоряжение частями препятствовала дальнейшему продвижению противника через Эльбу и Мульде на порученном ей фронте между Виттенберге и Лейпцигом. В ночь с 15 на 16 апреля она ликвидировала американский плацдарм южнее Магдебурга и значительно сузила второй плацдарм в районе Барби. Южнее ей удалось значительно замедлить продвижение 1-й американской армии к реке Мульде. Растянув свои соединения до района севернее Лейпцига, она примкнула своим левым флангом к остаткам отброшенной в этот район 7-й армии. Командованию 12-й армии еще не было известно, что американцы и русские пришли к соглашению о демаркационной линии по Эльбе, еще не произошла катастрофа на Одере, а потому армия все свое внимание обращала на запад и готовилась к отражению новых попыток прорыва со стороны американцев. Вынося тяжелейшие удары вражеской авиации, она с трудом сдерживала войска противника, особенно стремившиеся прорваться на Дессау. Последовавшее 23 апреля внезапное прекращение налетов американской авиации явилось для нее настоящей неожиданностью и большим облегчением, хотя и невозможно было тогда найти объяснения столь странному поведению противника. На самом же деле американцы прекратили действия в

воздухе намеренно, так как, несмотря на связь с русскими, с ними по ошибке уже завязывались воздушные бои.

12-й армии не приходилось особенно радоваться этому облегчению обстановки в местном масштабе. Командование уже в течение нескольких дней с растущим беспокойством наблюдало за развитием событий у себя в тылу на Одере и уже успело принять некоторые меры предосторожности в этом направлении, когда вечером 22 апреля на командный пункт армии прибыл фельдмаршал Кейтель, чтобы подготовить ее к новой задаче. Поскольку освобождение Рурской области не состоялось, армии предстояло теперь освободить Берлин и спасти Гитлера.

25 апреля, то есть через несколько дней после получения Венком новой задачи, немецкий фронт на западе и востоке был расколот пополам, и войска 1-й американской армии соединились в районе Торгау с войсками маршала Конева.

Овладение Южной Германией

С большого плацдарма, захваченного американскими армиями после форсирования Рейна и простиравшегося от Мангейма до реки Зиг, кроме 3-й армии Паттона, начала наступление и 7-я американская армия. Ее задача заключалась в том, чтобы, совершив глубокий обход и взаимодействуя с находившейся на Рейне 1-й французской армией, взломать Рейнский фронт южнее Мангейма вплоть до Базеля и овладеть Южной Германией.

Перед обеими союзными армиями по обе стороны реки Майн оборонялись лишь остатки 7-й немецкой армии, а на Рейне – сильно потрепанные 1-я и 19-я армии. Они подобрали на восточном берегу Рейна рассеявшиеся в результате прошедших боев подразделения и влили их в свои совершенно обескровленные дивизии вместе с последними маршевыми батальонами, отрядами фольксштурма, расформированными училищами и аэродромными подразделениями ВВС. Выдержать наступление крупных сил противника эти соединения, конечно, не могли. Снабжение и боеприпасы они должны были получать с остававшихся еще в Южной Германии складов. Как и повсюду, импульс к продолжению борьбы являлся здесь следствием военной дисциплины, чувства сохранения боевой чести и слабой надежды на то, что путем стойкого сопротивления все-таки удастся создать хоть какую-то базу для политического урегулирования конфликта. И здесь требование Гитлера не уступать добровольно ни одной позиции лишь осложнило борьбу, не принесло никакой пользы, и повело к потерям, которых можно было бы избежать. Непрерывные кризисы, прорывы и окружения были неизбежным следствием такого метода ведения боевых действий.

Эйзенхауэр поставил перед 7-й армией задачу, как можно скорее выйти на рубеж Людвигсбург, Крайльсгейм, Нюрнберг, Байрейт. Выполняя этот приказ, 7-я армия нанесла удар по едва прикрытому северному флангу 1-й немецкой армии. Ее правый сосед – оборонявшаяся в долине Майна 7-я немецкая армия – смог оказать лишь эпизодическое сопротивление, в результате чего американцы продвигались здесь и в районе Оденвальда довольно быстро.

1-я немецкая армия была вынуждена оттянуть на восток свой северный фланг и постоянно его растягивать. Она пыталась замедлить продвижение американцев, удерживая естественные рубежи между реками Майн и Неккар, однако была к 10 апреля отеснена примерно на рубеж, намеченный Эйзенхауэром в качестве ближайшей задачи своих армий. Все же 1-й немецкой армии удалось сохранить в своих рядах порядок и даже отрезать фланговыми ударами одну прорвавшуюся на Крайльсгейм американскую танковую дивизию от ее тылов и заставить ее с боем отойти назад к своим войскам. Оборонявшаяся южнее 19-я немецкая армия, после того как 1-я армия 10 апреля оставила Карлсруэ, включилась своим северным флангом в отход своего северного соседа и образовала между Хейльбронном и Баден-Баденом слабый заслон фронтом на север. В последующие дни давление американцев усилилось, и в особенности на восточный фланг 1-й армии, 3-я армия Паттона во время своего наступления через Эйзенах и Эрфурт на Хемниц встретила лишь слабое сопротивление и повернула крупными силами через Тюрингенский лес на юго-восток. Теперь эти силы рвались через Байрейт к юго-западным склонам Богемского леса и одновременно создавали угрозу флангу и тылу 1-й немецкой армии. Этой армии, испытывавшей сильный натиск противника также и с фронта, оставалось только постепенно отходить с боями к Дунаю. Завязались ожесточенные пятидневные бои за Нюрнберг, который, согласно приказу Гитлера, должен был обороняться до последней возможности. Подразделения ВВС и один эсэсовский полк усилили местный

армейский гарнизон и фольксштурмовцев и удерживали город до 20 апреля.

Используя все возможное, перебрасывая силы на наиболее угрожаемый восточный фланг и пополняя свои тающие войска новыми подразделениями из резерва и расформированных училищ, 1-я немецкая армия с тяжелыми потерями организованно отошла за Дунай на участке Регенсбург, Донаувёрт и заняла оборону по правому берегу реки вплоть до Пассау.

19-й армии, ослабленной за счет выделения частей для поддержки 1-й армии, не удалось отойти в полном порядке. Прорыв американцев через Хейльбронн на Ульм смял ее восточный фланг. После того как французы 21 апреля ударом с запада взяли Штутгарт, пробились через Шварцвальд и, обходя его с юга, вышли между Рейном и Дунаем к Боденскому озеру, 19-й армии лишь частично удалось укрыться за Дунаем, значительные же ее силы были окружены в районах Штутгарта и Мюнзнгена, а также на южных скатах Шварцвальда. Остатки войск этой армии ушли в Альпы.

Аналогично развивались и последние бои 1-й немецкой армии, когда американцы после 26 апреля форсировали Дунай в районах Донаувёрта, Ингольштадта и Регенсбурга, а из района Ульма французские и американские соединения нанесли охватывающий удар по западному флангу армии. Фронт армии был разорван, войска окружены. Отдельные группы, которым удалось уйти, были либо окружены в результате параллельного преследования, либо укрылись в горных долинах Альп, где последние отряды держались до всеобщей капитуляции.

Между тем крупные американские силы прорвались через Партенкирхен на Иннсбрук, окружили здесь последние остатки 1-й армии и частично двинулись к перевалу Бренпер, где 4 мая соединились со своими соединениями, подошедшими из Италии.

Пока завершался захват Южной Германии, 3-я американская армия нанесла удар по обе стороны Дуная и через Богемский лес с выходом к нижнему течению реки Энс и на рубеж Линц, Ческе-Будеёвице, Пльзень, Карловы-Вары, где и остановилась. Она поставила в безвыходное положение ведущие боя фронтом на восток немецкие соединения, ввиду чего последние в начале мая стали отходить на американский фронт в надежде избежать русского плена.

6. Конец на Востоке

Прорыв на Одере

С тех пор как в начале марта войска Жукова вышли на нижнее течение Одера до Штеттина, на фронте группы армий «Висла» стало спокойнее. Русские были заняты захватом Восточной Померании, а кроме того, их значительные силы были связаны в Восточной Пруссии. Лишь когда эти операции закончились или перешли в свою заключительную фазу, большая часть использовавшихся там соединений высвободилась, и русские почувствовали себя достаточно сильными, чтобы приступить к своей последней операции, цель которой состояла в овладении Берлином и соединении с армиями западных держав. Только за крепость Кюстрин они еще продолжали вести ожесточенные бои. Они уже сильно ограничили подходы к ней, создав два плацдарма по обе стороны моста через Одер, так что немцам удавалось поддерживать связь с крепостью лишь за счет использования в этом районе сравнительно крупных сил. В районе Франкфурта войскам 9-й немецкой армии удалось удержаться на восточном берегу Одера. (Карта 9, стр. 657)

Гиммлер, командовавший группой армий «Висла», действовал очень нерешительно и неумело. У Гиммлера не было никакого боевого опыта, а потому он не мог советом и личным содействием оказать никакой помощи армиям, ведущим бои на Одере. На этом фронте, где русские стояли ближе всего к Берлину и где нужно было упорно сопротивляться, хотя бы даже с самыми незначительными шансами на успех, во главе группы армии следовало поставить опытного военачальника. Гудериан уговорил Гиммлера, ссылаясь на и без того многочисленные обязанности последнего, отказаться от давно ставшего для него самого обременительным поста и добился замены Гиммлера генерал-полковником Хейнрици, обладавшим особенно большим опытом ведения оборонительных сражений. То, что новый командующий 22 марта увидел на порученном ему фронте, пожалуй, лишь отдаленно напоминало закаленные в боях дивизии, которые под его командованием в 1942 и 1943 гг., да и

вплоть до весны 1944 г. успешно отражали так много русских атак. Как и повсюду на разбитых фронтах, отдельные еще крепкие войсковые части были слиты с подразделениями выздоравливающих, молодых новобранцев, маршевыми подразделениями, фольксштурмом, иностранцами-эсэсовцами, пополнениями, присланными из военно-морских и военно-воздушных сил, а также из службы имперской трудовой повинности. Все это было перемешано в лишенных необходимого органического единства соединениях и вооружено столь же пестро, сколь и скудно. Необходимо было срочно организовать их на здоровой основе и обучить ведению оборонительного боя. Только генеральной инспекции танковых войск удалось еще кое-как пополнить в тылу некоторое число подвижных дивизий. Столкновения с гаулейтерами, которые под влиянием Гитлера прониклись ненавистью к сухопутной армии и желали сделать фольксштурм носителем фанатического сопротивления, к чему он был неспособен хотя бы из-за недостаточной выучки и управления; конфликты относительно рамок компетенции с инстанциями флота, авиации и войск СС и подчиненной Гиммлеру армии резерва, из которых были набраны очень многие части действовавших на фронте соединений, зависевшие в силу этого от упомянутых инстанций во многих отношениях, – таковы были симптомы хаоса в вопросах подчинения и ответственности, сознательно посеянного Гитлером с целью никому не давать слишком много власти и натравливать одних на других. Только несокрушимая воля фронтовых частей и их командиров, готовых любой ценой остановить предстоящее русское наступление, позволила, несмотря на все трудности, создать все-таки боеспособную, хотя и слишком неплотную оборону, учитывая огромное количество использовавшейся противником живой силы и техники. То, что эта оборона не выдержит натиска, если не будет необходимых резервов, новому командующему было совершенно ясно, и об этом он неоднократно и настойчиво докладывал Гитлеру.

Но, помимо чисто военных забот – на Восточном фронте еще в большей мере, чем на Западном, – в голове каждого, не желавшего прятаться за слепым повиновением и смотревшего хотя бы на несколько недель вперед, возникал самый главный, жгучий вопрос о смысле борьбы, в ходе которой гибла немецкая молодежь и даже дети, превращались в развалины немецкие города, а миллионы беженцев кочевали из одного убежища в другое и вместе с новыми потоками согнанного с насиженных мест населения спешили дальше, чтобы в конце концов погибнуть от русских танков и штурмовиков. Неужели этот начавшийся в январе ад должен продолжаться и дальше? Напрасно Гудериан просил Риббентропа попытаться найти политический выход, который только и мог придать смысл бесполезному сопротивлению войск, осторожно намекал Гиммлеру на его заграничные связи. Он всюду наталкивался на беспомощную растерянность, если не на полное непонимание, и лишь навлек на себя недовольство Гитлера, которому донесли об этих разговорах.

Дело в том, что и в политическом отношении Гитлер все еще не признавал себя побежденным. Он рассчитывал продержаться хотя бы до тех пор, пока дело не дойдет до неизбежных, по его мнению, раздоров между союзниками. Тот факт, что англичане в Греции даже не попытались помешать отводу немецких оккупационных войск и подавили силой оружия выросшее из Движения сопротивления коммунистическое восстание, Гитлер считал первым заметным признаком политических противоречий в лагере противника, из которых он думал извлечь для себя выгоду. Смерть Рузвельта 12 апреля была воспринята в Берлине как подарок судьбы. Но планы Гитлера шли еще дальше. Охваченный бредовой мыслью, что Германия во главе с ним располагает еще свободой политического маневрирования, он хотел после раскола союзников присоединиться к той из сторон, которая предложит ему лучшие условия. Наряду с этим у Гитлера снова зарождались сомнения, удастся ли ему оказать решающее влияние на ход событий. Эти сомнения отразились в приказе от 19 марта, на основании которого следовало уничтожить при отходе все, что в какой-то мере прямо или косвенно, немедленно или в будущем может быть использовано противником. Выполнение этого приказа лишило бы немецкий народ последних основ для дальнейшего существования. Благодаря решительным действиям рейхсминистра Шпеера и при его деятельном личном участии повсюду были поставлены сознававшие свою ответственность люди, которые обуздывали слепое подчинение гитлеровских ставленников и сумели в значительной степени воспрепятствовать разрушениям.

В то время как в высших кругах безвыходность положения отражалась в этом духовном хаосе, оборонявшаяся на Одере 9-я армия в конце марта предприняла еще одну попытку ликвидировать крупный русский плацдарм в районе Кюстрина, чтобы освободить почти окруженный гарнизон этой крепости и вырвать у русских их опасный трамплин на западном берегу Одера. Наступление, предпринятое 22 марта и повторенное через несколько дней, разбилось о стойкую оборону русских. Когда Гитлер стал совершенно бесосновательно и цинично упрекать командование и войска в неудаче, дело дошло до окончательного разрыва с Гудерианом, с возмущением отвергшим эти оскорбления в адрес немецкого солдата, перед которым Гитлер за годы своего правления совершил тяжкие преступления. Как и его предшественник, Гудериан за последние 9 месяцев тяжелых боев на Востоке тщетно стремился поставить руководство операциями на разумную основу и подчинить оборонительным действиям против Красной Армии все прочие стратегические и политические соображения.

Теперь и его бесполезное сопротивление было сломлено. 28 марта на его место встал генерал Кребс, приняв пост, утративший теперь даже видимость своего прежнего исторического значения.

Через несколько дней после неудавшегося наступления в районе Кюстрина эта крепость была оставлена гарнизоном.

Теперь все зависело от того, сколько времени понадобится русским для окончания всесторонней подготовки к наступлению, которую они проводили с удивительной тщательностью и с привлечением огромных сил. В начале апреля немецкая воздушная разведка донесла о движении крупных колонн восточнее Одера. Под прикрытием мощного артиллерийского огня русские приступили на своем плацдарме по обе стороны Кюстрина к наводке мостов через Одер, проезжую часть которых они проложили несколько ниже поверхности воды. Недостаток боеприпасов не давал немецким войскам возможности принять эффективные контрмеры. Для наступления русские развернули на Одере и Нейсе войска трех фронтов. Севернее Шведта перед фронтом 3-й танковой армии генерала фон Мантейфеля появился переброшенный из Восточной Пруссии 2-й Белорусский фронт Рокоссовского в составе четырех-пяти общевойсковых и одной танковой армий, между Шведтом и Фюрстенбергом располагались войска 1-го Белорусского фронта под командованием Жукова в составе восьмидесяти общевойсковых и трех танковых армий. Главные силы фронта были сосредоточены в районе Кюстрина. Кроме того, в ударе на Берлин должны были принять участие войска 1-го Украинского фронта Конева, занимавшие позиции вдоль нижнего течения реки Нейсе между Губеном и Гёрлицем.

Беспокойный ум Гитлера еще раз попробовал решить, где следует ожидать главного удара русских войск. Как и в то трагическое лето 1944 г., Гитлер думал, что разгадал намерения русского командования, только вместо Галиции, где он тогда ожидал главного удара русских, теперь речь шла о протекторате {56}. Поэтому половина подвижных соединений, находившихся в резерве группы армий «Висла», была 6 апреля передана в распоряжение группы армий «Центр». Конечно, где бы их ни использовали, они все равно не смогли бы изменить судьбу армий Восточного фронта, а тем более повлиять на исход войны. Но они были в состоянии хотя бы несколько уменьшить размеры катастрофы на Одере и тем самым спасти многих немецких солдат от русского плена. Возражение генерала Хейнрици против дальнейшего ослабления его фронта не привело решительно ни к чему. Гитлер – уже в который раз! – недооценивал силы противника. Он считал, что русские выдохлись и ведут бой лишь «трофейными солдатами», то есть освобожденными военнопленными и новобранцами из вернувшихся под их власть районов, иначе говоря, «всяким сбродом», который, впрочем, как он язвительно заметил, они умеют заражать фанатизмом. Когда Хейнрици, несмотря на этот совершенно не деловой ответ, продолжал настаивать на подкреплениях, ему было предложено 137 тыс. человек из личного состава авиации, флота и войск СС, что, по мнению Гитлера, составляло по силе двенадцать дивизий и избавляло Хейнрици от всяких забот. Хейнрици рекомендовали занять ими вторую полосу обороны, чтобы с их помощью останавливать прорывы русских в глубине. На самом же деле нашлось всего 30 тыс. плохо вооруженных юнцов, исполненных, правда, высокого боевого духа, но еще не обстрелянных, не имевших никакой боевой выучки и лишенных опытного командования.

15 апреля русские на многих участках провели разведку боем. Это означало, что они готовы к последнему штурму, который начался на следующий день. В то время как 2-й Белорусский фронт южнее Штеттина сначала не смог продвинуться вперед, два других фронта вбили в немецкую оборону большие клинья. После самой мощной артиллерийской подготовки, которую когда-либо проводили русские, при сильнейшей поддержке с воздуха войска Жукова нанесли удар в районе Кюстрин через Одер. Хорошо организованная немецкая оборона не допустила прорыва в первый, день наступления, на отдельных участках немецкие войска даже переходили в контратаки, однако в целом северный фланг 9-й армии был беспомощен против русских. Огромное несоответствие в силах не могло быть устранено и последним воззванием Гитлера к своим «восточным бойцам». В этом воззвании он до смешного преувеличивал свои силы, призывал мужчин к защите своих жен и детей, за которых они и без того отдавали жизнь вот уже несколько месяцев, предупреждал против предателей – солдат и офицеров, – нашептываниям и приказам которых не следовало доверять, ставил отражение последнего натиска с Востока только в зависимость от выполнения фронтом своего долга, предсказывал провал наступления противника на Западе и заверял, что Берлин был и останется немецким, а Вена снова будет в руках немцев. В конце воззвания Гитлер патетически выражал надежду на то, что большевистский натиск будет потоплен в море крови и что это приведет к перелому в войне.

Но и без этого патетического воззвания, дошедшего до воинов-фронтовиков, вероятно, лишь на немногих-участках, они напрягали последние силы, чтобы остановить наступление русских западнее Одера. Тем не менее к вечеру третьего дня наступления исход борьбы был решен и русские добились прорыва на северном фланге 9-й армии в районе Врицена. Чтобы обеспечить оказавшиеся под угрозой фланги армии, командование группы армии передало ей все свои резервы, благодаря чему она на рубеже реки Одер южнее Кюстрина до Фюрстенберга смогла отразить скользящие удары русских войск. Однако между тем на ее южном фланге возникла другая смертельная опасность. 16 апреля, одновременно с ударом Жукова, войска Конева сразу же прорвали оборону 2-й танковой армии по нижнему течению реки Нейсе между Мускау и Губеном. И здесь немецкие резервы были слишком слабы, чтобы восстановить разорванный фронт. Танки Конева неудержимо рвались дальше на запад. Расчет Гитлера на то, что этот удар русских будет направлен прежде всего на Дрезден и далее на Прагу, не оправдался. Лишь сравнительно небольшие силы 1-го Украинского фронта повернули на юг, где они и остановились перед фланговым прикрытием 4-й танковой армии на рубеже Ниски, Гримма, в то время как главные силы продолжали наступление на запад и северо-запад. Это направление удара указывало на намерение глубоко обойти Берлин и выйти в то же время в тыл 9-й армии.

После того как воспрепятствовать двойному охвату этой армии стало невозможно, командованию группы армий «Висла», если бы она могла действовать по собственному усмотрению и в соответствии с обстановкой, оставалось лишь одно решение: немедленно отвести 9-ю армию с Одерского фронта и стремиться восстановить прерванную связь с 3-й танковой армией. В противном случае обе армии через несколько дней оказались бы в безвыходном положении. Борьба за Берлин после прорыва русских на обоих флангах 9-й армии была абсурдом, а идея организовать новую оборону восточнее столицы и восстановить непосредственную связь с группой армий «Центр» – невыполнимой. Эти трезвые и единственно соответствовавшие обстановке соображения были диаметрально противоположны тем решениям, которые принял Гитлер после прорыва русских. Он не хотел верить, что пробил последний час. 9-я армия должна была остаться на Одере, чтобы во взаимодействии с 4-й танковой армией, которой Гитлер приказал наступать с юга, закрыть пробитую войсками Конева брешь. Ни одна из обеих армий, стремившихся путем использования последних резервов удержать свои разваливавшиеся фланги, не была в состоянии выполнить такой приказ. Положение 4-й танковой армии было несколько лучше: на ее фронте русские ограничивались обороной. Зато 9-ю армию наступающие войска Жукова и Конева продолжали теснить на обоих флангах. 20 апреля Хейнрици безуспешно попытался облегчить участь армии, отдав приказ об отходе: она была прикована к Одере личным «приказом фюрера» и не смела его нарушить. Как и следовало ожидать, через несколько дней русские клещи сомкнулись в тылу армии.

Такая же опасность угрожала и 3-й танковой армии, которая располагалась на Нижнем Одере и вначале не подвергалась атакам. Однако вскоре оборона на ее южном фланге была прорвана, а русские, форсировав Одер, продвинулись на 90 км. Командование группы армий «Висла» сосредоточило под командованием обергруппенфюрера Штейнера все имевшиеся резервы, фольксштурм и отброшенные на запад остатки 9-й армии – словом, все, что только можно было собрать, и бросило в бой эту импровизированную группировку в районе Эберсвальде и западнее, вдоль канала Хафель – Одер вплоть до Ораниенбурга с целью прикрыть открытый фланг 3-й танковой армии. Пока организовывалось это фланговое прикрытие, Рокоссовский 21 апреля перешел в наступление против войск 3-й танковой армии на Одере, не добившись, правда, в первые дни наступления никаких решающих прорывов.

Когда Гитлер 20 апреля узнал о возникновении группы Штейнера, у него тотчас же появился новый план. Наспех собранные пестрые части Штейнера были превращены в «армию». В нее должны были также войти две дивизии, оборонявшиеся восточнее Эберсвальда и, кроме того, импровизированные соединения, которые надлежало сколотить за счет авиации. Речь шла примерно о 12 – 15 тыс. человек, которые, однако, в лучшем случае могли быть вооружены лишь гранатами и ручными пулеметами, да и число их, вероятно, было гораздо меньше. И с этими в большинстве своем совершенно непригодными для наступления, неорганизованными, едва вооруженными людьми, из которых налицо вначале была лишь небольшая часть, Штейнер должен был наступать на юг. По мнению Гитлера, этим наступлением, которое будет вестись под командованием Штейнера с величайшей энергией и фанатизмом, а также наступлением 4-й танковой и 9-й полевой армии, приказ о котором был отдан уже несколько дней назад, будет ликвидирован осуществленный Коневым прорыв и создана новая сплошная линия фронта от Балтийского моря до верхнего течения Шпрее, что спасет Берлин.

В этих лишенных всякой реальной основы выдумках Гитлер и провел свой последний день рождения. В этот день Геббельс еще раз говорил о глубокой, непоколебимой вере немецкого народа в своего «фюрера», о том, что всеобщая выдержка принесет победу.

Когда Штейнер, для наступления которого не было создано необходимых предпосылок, несмотря на неослабевающий нажим на Берлин так и на выступил до 22 апреля, когда кольцо вокруг 9-й армии замкнулось и русские, уже обойдя Берлин с севера и с юга, приблизились к его восточным пригородам, все иллюзии Гитлера рухнули. Осыпая армию, эсэсовцев и вообще весь народ страшными оскорблениями, обвиняя их в предательстве и непонимании его, Гитлера, величия и целей, он решил остаться в Берлине и ждать здесь смерти. Напрасно старались приукрасить действительность, чтобы поднять дух отчаявшегося, совершенно сломленного ударами судьбы человека и отговорить его от принятого решения остаться в Берлине.

Гиммлер и Геринг уже покинули Берлин и, вбив себе в голову странную мысль о том, что они являются подходящими фигурами для ведения переговоров с западными державами, пошли своими особыми путями. Кейтель и Йодль, находясь вне пределов столицы, которой грозило окружение, решили сохранять видимость руководства войсками на всех фронтах. Совершенно игнорируя фактическое положение дел, они считали основной своей задачей освобождение Берлина и Гитлера извне. Наконец-то 9-я армия получила приказ отойти, чтобы южнее Берлина соединиться с 12-й армией генерала Венка, еще оборонявшейся на Эльбе и Мульде. Кейтель и Йодль полагали, что если обе армии попытаются с юга и юго-востока ударить на Берлин и Штейнер сможет, наконец, развернуть наступление, то, пожалуй, удастся разорвать железное кольцо, в которое русские взяли уже около двух третей столицы.

Чтобы провести в жизнь этот план, который, как и все, что предпринимало ОКВ в последние месяцы, не учитывал действительной обстановки, Кейтель сначала отправился в 13-ю армию и подготовил ее в ночь с 22 на 23 апреля к новой задаче. В течение 24 апреля из расположенного севернее Потсдама Крампинца, где временно находилась ставка, пришли окончательные оформленные приказы. В соответствии с ними 12-я армия должна была наступать на восток в направлении Ютербога, соединиться там с пробивавшейся на запад 9-й армией, чтобы затем вместе с ней перейти в наступление с целью освободить Берлин. Венк, который мог судить об обстановке вокруг Берлина только по оптимистическому описанию Кейтеля,

вначале действительно собирался пробиться до Берлина, однако вскоре невозможность такого наступления стала очевидной. Все же наступление на восток было необходимо, и не только для оказания помощи окруженной 9-й армии, но и в целях обеспечения самой 12-й армии необходимой свободой действий восточнее Эльбы, потому что в противном случае она в течение нескольких дней могла быть раздавлена между двумя фронтами.

В надежде на то, что американцы останутся на достигнутом ими рубеже, Венк оставил на своем прежнем, повернутом на запад фронте только слабое охранение, прикрыл одной дивизией свои южный фланг восточнее Виттенберга, где уже стало ощущаться давление русских с востока, и сосредоточил силы для наступления в восточном направлении. Уже сам новый район сосредоточения пришлось прикрывать от русских, наступавших широким фронтом на запад между рекой Хафель восточнее Бранденбурга и рекой Шварце-Эльстер. До 28 апреля Венк настолько обеспечил фланги своей армии на юге между Виттенбергом и Нимегом, а на севере юго-восточнее Бранденбурга, что мог на следующее утро начать наступление тремя дивизиями из района Бельцига в северо-восточном направлении. Упорное сопротивление русских было быстро сломлено, их вторые эшелоны, не ожидавшие этого удара, смяты. В Белице были освобождены 3 тыс. немецких раненых, эвакуация которых началась немедленно, а левый фланг еще в тот же день вышел к Ферху у южной оконечности озера Швилов, куда в поисках спасения отошел гарнизон окруженного Потсдама. Но это успешное наступление исчерпало ударную силу армии. Ей пришлось выделить значительные силы для прикрытия растянутых в глубину флангов, так как русские между тем вышли на юге к Виттенбергу, на севере – к Бранденбургу и грозили срезать острый клин наступления. Армия, однако, не могла еще принять мер к предотвращению этой грозившей ей опасности. Сначала необходимо было спасти остатки 9-й армии, которой по радио предложили прорываться в направлении Белица. 12-я армия, прикрыв оба фланга, чтобы не стать жертвой глубокого охвата русских, заняла оборону не использованными в наступлении силами, располагавшимися до сих пор по Эльбе, на рубеже по нижнему течению реки Хафель между Бранденбургом и Хафельбергом и удерживала фронт в районе Белица до тех пор, пока 1 мая совершенно измотанные десятидневными боями остатки 9-й армии не осуществили последний прорыв; через боевые порядки противника сумели прорваться 25 – 30 тыс. человек, которые, однако, в результате такого колоссального напряжения оказались совершенно сломленными морально и физически.

Теперь необходимо было действовать самым спешным образом, если только 12-я армия не хотела подвергнуться той же участи, от какой она только что избавила остатки 9-й армии. Венк принял решение, прикрываясь заслоном в нижнем течении реки Хафель, отходить к Эльбе севернее Магдебурга.

Он надеялся с согласия американцев переправить армию через Эльбу в районе Тангермюнде, чтобы не попасть в руки русских.

Основной целью действий генерал-полковника Хейнрици также было спасение оборонявшихся между Одером и Эльбой севернее Берлина соединения группы армий «Висла» и, насколько возможно, масс беженцев. В эти действия, осложнив и замедлив их, вмешалось ОКБ. Кейтель 23 апреля бросил 12-ю армию во взаимодействие с 9-й армией в решающее, как ему казалось, наступление на Берлин и на короткое время вернулся в имперскую канцелярию, где благодаря его сообщениям об обстановке все снова прониклись былым оптимизмом. Теперь Кейтель считал своей заданной обеспечить наступление на Берлин с севера силами группы армии «Висла». В последний момент ставка германского верховного командования была переведена 24 апреля из Крампница в район Фюрстенберга, незадолго до того как вырвавшиеся вперед танковые части Жукова и Конева встретились южнее Науэна на Хафельских озерах и замкнули кольцо вокруг Берлина на западе.

В своих попытках организовать наступление на Берлин с севера Кейтель и Йодль натолкнулись на ожесточенное сопротивление Хейнрици, на фронте группы армий которого обстановка с 22 апреля опять значительно обострилась. Некоторое время 3-й танковой армии удавалось еще выдерживать натиск войск 2-го Белорусского фронта западнее реки Одер, после чего она во избежание прорыва вынуждена была 25 апреля отойти на рубеж реки Рандов, а затем, когда снова нависла угроза прорыва русских на Пренцлау, – еще дальше на запад. Между тем группа армий силами Штейнера и одним армейским корпусом, выделенным на Эльбе 12-й

армией, поспешно заняла оборону на широком фронте до реки Хафель севернее Ратенова против наступавших с юга русских. С этих слабых позиции было решено провести наступление на Берлин. Чтобы прикрыть наступающие части с тыла, 3-я танковая армия должна была оставаться на месте. Для самого наступления в распоряжении имелись только одна переброшенная с запада гренадерская моторизованная дивизия и одна потрепанная танковая дивизия, которые были срочно необходимы Хейнрици для поддержки 3-й танковой армии. Вряд ли можно было сомневаться относительно того, что повлечет за собой исполнение приказа верховного командования: удар на Берлин при имевшихся в распоряжении слабых силах не имел ни малейших шансов на успех, фронт 3-й танковой армии был бы прорван. В конце концов это привело бы через несколько дней к неопишуемому хаосу, в котором смешались бы воинские части с прорванного фронта и катящиеся на запад массы беженцев. Хейнрици не желал участвовать в создании предпосылок для такой катастрофы.

27 апреля оборона 3-й танковой армии, как этого и боялись, была прорвана в направлении Пренцлау, и этот рассекающий удар мог быть остановлен разве только немедленным вводом обеих дивизий, которые между тем в результате непосредственного вмешательства ОКВ заняли исходное положение для наступления на Берлин. Тогда Хейнрици решился бросить обе дивизии на север. Кейтель и Йодль были еще настолько проникнуты гитлеровским духом и настолько усвоил и себе его упреки в предательстве и трусости, из-за которых, по его мнению, только и не начиналось наступление с целью деблокады Берлина, что тоже видели кругом вместо фактической обстановки лишь злонамеренность, если не предательство. Они не хотели понять, что 3-я танковая армия могла сохранить свою целостность только путем отхода и введения в бой новых сил. Они были возмущены тем, что Свинемюнде, «последняя военно-морская база, связанная с рекой Одер», была эвакуирована, чтобы не оставлять немецких солдат в руках русских войск. Они, как зачарованные, только и глядели на Берлин и фюрера, которого уже никакая сила в мире не могла спасти от уготованной им самому себе судьбы. Они видели лишь обструкцию и слабость в поведении командующего, отказавшегося, в противоположность командующим некоторыми другими фронтами, для устрашения войск увешать деревья на путях отступления дезертирами.

За неповиновение приказу генерал-полковник Хейнрици 28 апреля вечером был снят со своего поста, а его преемником стал генерал-полковник Штудент, от которого ожидали «большой твердости и послушания». До его прибытия командование группой армий было поручено генералу фон Типпельскирху, который незадолго до того принял под свое командование объединенные в 21-ю армию войска, оборонявшие фронт между нижним течением реки Хафель и районом южнее Нейруппина во главе с переброшенным из Восточной Пруссии армейским штабом. В результате действий Хейнрици наступление на Берлин отпало само собой. Оставалась лишь одна цель: сохранить спаянность обеих армий, ослабить давление русских войск путем отступательного маневра и дать возможность огромным толпам беженцев укрыться под защитой фронта в более безопасном месте.

Эту задачу удалось в основном решить, во-первых, потому, что давление русских с юга, где главные силы Жукова были связаны боями за Берлин, пока что можно было сдерживать; во-вторых, потому, что благодаря разумному руководству Хейнрици фронт 3-й танковой армии не был окончательно прорван, а ОКВ, свернувшее свою ставку в Фюрстенберге и переехавшее в Шлезвиг-Гольштейн, не вмешивалось больше в действия командующих.

Взятие Берлина и конец Гитлера

Так как Гитлер не покинул Берлин, а Геббельс пожелал ради фанатического выполнения своей миссии объявить немецкую столицу «символом решительной борьбы всей нации», в несчастном городе разваливавшийся режим начал последнее бессмысленное сражение, в котором, несомненно, многие из участников бились со страстной преданностью, питаемой лживыми обещаниями на подход освободительных армий, в то время как другие вынуждены были идти в бой лишь из смертельного страха перед палачами гитлеровской партии.

Стянутые в город остатки 9-й армии, охранные подразделения, фольксштурм, партийные активисты, члены организации «гитлерюгенд» были распределены по участкам и пережили самое страшное сражение из всех, пробушевавших в эту войну над городами с миллионным населением. Русские не спешили и поддерживали свое наступление чудовищным шквалом

огня. Удар армии Венка 29 апреля в направлении Потсдама Геббельс использовал, чтобы в очередной оперативной сводке сообщить о героической борьбе города, служившего символом борьбы немецкого народа за свою судьбу против большевизма. Немецкие войска на Эльбе, говорил он, повернулись спиной к американским войскам, чтобы помочь берлинцам в их грандиозной битве за столицу. Но исторгнутый из этих уст зов к западному миру так и не был услышан. Слишком неискупной была вина одной из сторон, слишком много стремления к уничтожению и крестоносного фанатизма накопилось у другой стороны, чтобы можно было перебросить хоть какой-нибудь мостик между Германией и западным миром на этой стадии борьбы и при тогдашних германских правителях. 30 апреля, когда в западных частях города бой шел еще на окраинах, русские пробились с востока в центр до здания министерства авиации и Унтер-ден-Линден. Рассеялись последние надежды на освобождение силами Венка, Штейнера и Буссе. Гитлер мог бы использовать возможность предстать перед своими противниками и принять на себя ответственность за все, что было сделано от его имени или по его приказу за истекшие годы – иногда по причине беспрекословного повиновения и слепого фанатизма – сверх того, что требовала война. Гитлер мог еще своей личностью освободить немецкий народ, бившийся за свои кровные права, от всего того, что опорочивало эту борьбу в глазах всего мира. Он, заявивший много лет назад, что эта борьба – его борьба, которую он ведет для немецкого народа и за которую он один в ответе, избрал противоположный путь. Уверенный до последнего вздоха в своей правоте, полный упреков против всех, кто будто бы стоял на его пути к победе и подрывал основы этой победы, он бежал своих земных судей, «дабы не попасть в руки врагов, которые желают устроить организованное евреями представление для развлечения своих растравленных масс».

30 апреля после полудня Гитлер покончил с собой.

Последние бои на два фронта

После того как в последние дни апреля освобождение Берлина было признано невыполнимым даже самыми упорными сторонниками этой операции и всякие попытки в этом направлении прекращены, в Северной Германии оставалось еще три очага сопротивления: группа армий «Висла» в Мекленбурге и Северном Бранденбурге, соединения на Нижней Эльбе, находившиеся в распоряжении командующего немецкими войсками на Северо-Западе, и 12-я армия южнее Потсдама.

Группа армий «Висла» к утру 2 мая, сохранив свой фронт непрорванным, вышла в результате отхода примерно на рубеж Виттенберге, Пархим, Бютцов, Бад-Доберан, когда группа армий Монтгомери, захватившая еще в предшествующие дни плацдармы на почти не оборонявшейся немецкими войсками Эльбе, перешла в наступление в направлении Балтийского побережья и провинции Шлезвиг-Гольштейн. Для прикрытия своего продвижения она выдвинула на восток один корпус американцев, который в течение 2 мая достиг рубежа Людвигслуст, Шверин, Висмар. Вследствие этого удара по незащищенному тылу группы армий «Висла» последняя оказалась всего лишь на расстоянии 20 – 30 км от фронта русских войск, грозивших ей пленом или уничтожением; от этого группу армий могло спасти лишь благоразумие западного противника. В тот же день командующие обеими армиями – 21-й и 3-й танковой, не дожидаясь начала переговоров о повсеместном прекращении огня, установили личный контакт с американцами и добились того, что их повернутые фронтом против русских войска получили право, сложив оружие в ходе дальнейшего отступления, перейти через линию фронта американцев. Обе армии были спасены от безоговорочной капитуляции на поле боя, которая неизбежно привела бы их в русский плен. Их главные силы в самый последний момент исчезли за американским фронтом.

У командиров соединений в районе Гамбурга не было подобных забот. Поддержанные последними вылетами немецкой авиации, они оказали еще кратковременное ожесточенное сопротивление форсировавшим Эльбу в районе Лауэнбурга англичанам, но затем, видимо, под впечатлением известия о смерти Гитлера, прекратили почти всякое сопротивление. Гамбург благодаря своевременно начатым переговорам после разрешения некоторых внутренних вопросов был без боя занят англичанами и избавлен от дальнейших разрушений. 2 мая бои в этом районе и западнее, вплоть до реки Везер, прекратились. Англичане остановились на рубеже, проходившем севернее Любека и Гамбурга. Особых действий с немецкой стороны,

предшествующих общей капитуляции, здесь не требовалось, так как фронта против русских не было.

Совершенно иным было положение 12-й армии южнее Потсдама. Прикрыв 1 мая отходящие разбитые войска 9-й армии, она попала примерно в такое же положение, как и группа армий «Висла». Осложняющим моментом было то, что американцы стояли за такой водной преградой, как Эльба, форсирование которой следовало не только организовать технически, но и согласовать с американцами. В сложившейся обстановке наиболее благоприятным пунктом для переправы был район Тангермюнде. Кое-как обороняемый рубеж на реке Хафель обеспечивал некоторую защиту с тыла, который, как казалось, подвергался опасности лишь под Хафельбергом, где русские оказывали сильное давление. Сюда армия перебросила на автомашинах одну дивизию, сняв ее с южного фланга. В течение 2 мая 12-я армия, прикрываясь арьергардами, все время самоотверженно сдерживающими преследующих их по пятам русских, начала отступление и проводила его в расчете на быстрый отрыв от противника почти непрерывными дневными и ночными переходами. Пока походные колонны выходили на Эльбу, штаб армии вошел в переговоры с американцами в районе Стендаля. Он просил разрешения о переправе через Эльбу всей армии, включая также вольнонаемный состав и взятых ею под защиту беженцев. Армии пришлось горько разочароваться, так как в разрешении на переправу беженцев было отказано. Дни 5 и 6 мая были использованы на то, чтобы под защитой большого предместного укрепления в районе Ферхланд, Тангермюнде, восточнее Стендаля, переправить через Эльбу многочисленных раненых и больных, в том числе и небоеспособные остатки 9-й армии, а также свой вольнонаемный состав. Нелегально удалось переправить также значительную массу беженцев. 7 мая переправы были освобождены для переброски последних ведущих бой частей, и в тот же вечер армия полностью оказалась на западном берегу Эльбы. Снова удалось спасти примерно 100 тыс. человек от русского плена и обеспечить надежное укрытие хотя бы части беженцев.

Наступление русских в Чехословакии и захват Вены

До конца марта на фронте групп армий «Юг» и «Центр» ничего существенного не произошло. На крайнем юге 2-я танковая армия удерживала свои позиции между рекой Драва и озером Балатон. Примыкавшая к ней 6-я армия обороняла фронт до Дуная, 8-я армия располагалась вдоль реки Гран севернее излучины Дуная. В Западных Бескидах фронт 8-й армии примыкал к фронту 1-й танковой армии из состава группы армий «Центр», все еще прикрывавшей здесь до района Моравска-Острава Моравские Ворота, 17-я армия в результате прорыва русских в конце марта в районе Оппельна была отброшена к хребту Альтфатер. Подходы к Богемии были прикрыты обороной на восточных скатах Судетских гор, а 4-я танковая армия закрепились вдоль реки Нейсе до ее впадения в Одер.

Русские и на юге не спешили с последним ударом на соединение с западными державами. Это наступление они намеревались провести несколькими сильными ударными группами. Между рекой Драва и озером Балатон располагались войска 3-го Украинского фронта под командованием Толбухина. Вместе с 2-м Украинским фронтом Малиновского, действовавшим по обе стороны Дуная, Толбухину предстояло осуществить удар на Вену. Из Западных Бескид 4-й Украинский фронт Петрова должен был прорваться на Брно. Конев за счет ослабления своих войск в Судетах сосредоточил крупные силы в районе нижнего течения реки Нейсе. Его главный удар был направлен по району южнее Берлина.

В то время как Конев начал наступление лишь в середине апреля, остальные русские фронты приступили к активным действиям уже в конце марта, чтобы непременно овладеть Веной раньше западных держав. Три армии немецкой группы армий «Юг» после потерь, понесенных ими в ходе своего мартовского контрнаступления, уже не могли выдержать натиска русских. Они отходили от рубежа к рубежу, сдерживая наступление русских, которые к концу месяца вышли к австрийской границе. Южное крыло фронта Толбухина прижало немецкие войска к восточным отрогам Альп, после чего русские сосредоточили крупные силы южнее озера Нейзидлер, намереваясь через Винер-Нейштадт ударить по Вене. В это время Малиновский 4 апреля овладел Братиславой и продолжал движение на Вену по северному берегу Дуная. Вена, как и другие города, тоже стала ареной тяжелых уличных боев, но поведение населения, а также отдельных немецких частей, участвовавших в боях за город, было

скорее направлено на быстрое окончание боев, чем на сопротивление. Последние очаги сопротивления расчлененных на ряд мелких групп защитников были ликвидированы 13 апреля. Русские теперь начали движение по обе стороны Дуная на запад, пока не встретились с американцами в нижнем течении реки Энс и на линии Линц, Ческе-Будеёвице.

Труднее пришлось 4-му Украинскому фронту, который, преодолевая упорное сопротивление 1-й танковой и 17-й армий, к началу мая достиг лишь линии Брно, Оломоуц. Но эта стойкость, как вскоре выяснилось, не принесла обоим немецким армиям никакой пользы. Их судьба зависела не от исхода этих боев против русских, а от факторов высшего порядка, на которые они повлиять не могли.

Между тем Конев 16 апреля перешел к уже описанному прорыву на фронте 4-й немецкой танковой армии. Фронт армии был разорван между Мускау и Губеном. Три слабые танковые дивизии не в состоянии были остановить русский прорыв. Обращенное фронтом на север фланговое прикрытие на рубеже Гёрлиц, Гримма вначале еще держалось. Но возникший в голове Гитлера план потребовать от этого прикрытия, державшегося лишь благодаря оборонительной тактике русских, наступления во фланг южному крылу фронта Конева был столь же утопичен, сколь неблагоразумно было безответственное согласие Шёрнера, пробудившее к тому же необоснованные надежды. В ночь с 26 на 27 апреля Гитлер в последний раз связался со штабом группы армий. Это были дни, когда наступление армии Венка и ее намеченное соединение с 9-й армией вновь оживили уже рухнувшие было надежды Гитлера. Именно в это время Штейнер получил приказ на наступление из района Ораниенбурга, а 4-я танковая армия должна была помочь «победоносно завершить битву за Берлин». Осуществление этой идеи выходило далеко за пределы возможного.

Так как американцы остановились в районах Хемница и Лейпцига, а русские еще не оказывали неудержимого натиска, 4-я танковая армия в первые дни мая смогла отходить, двигаясь по обе стороны Эльбы, и в течение некоторого времени удерживать горные проходы. Затем группа армий «Центр» попала в отчаянное положение. В то время как в Мекленбурге и на Эльбе бои либо закончились, либо подходили к концу и зажатые между двумя фронтами соединения группы армий «Висла» и 12-й армии благодаря благоразумию западного противника в большинстве своем смогли избежать русского плена, группа армий «Центр» все еще располагалась на территории Чехии на рубеже Брно, Оломоуц и далее до Рудных гор. Много дней потребовалось на то, чтобы она смогла, сохраняя порядок, отойти за демаркационную линию Ческе-Будеёвице, Пльзень, Карловы-Вары. Продолжать борьбу изолированно, когда на всех фронтах она уже угасала, после касающейся всех фронтов капитуляции было немыслимо, даже если бы Шёрнер и желал этого. Но точно так же нельзя было допустить, чтобы столь храбро сражавшиеся до сих пор армии в результате безоговорочной капитуляции попали в руки русских. Когда начальник штаба Шёрнера генерал фон Натцмер прибыл 3 мая на самолете во Фленсбург, чтобы получить указания о дальнейших действиях группы армий, Дёниц выразил надежду, что в ходе предполагавшихся переговоров с Эйзенхауэром удастся обеспечить возможность отхода как для группы армий «Центр», так и для ее южных соседей – групп армий «Юг» и «Юго-Восток». В начатых в последующие дни немецкой стороной переговорах о заключении перемирия (а не о капитуляции, насколько это было возможно) вопрос об участии юго-восточных групп армий был фактически решающим пунктом. Группой армий «Курляндия» и войсками на косе Фрише Нерунг приходилось пожертвовать, за исключением небольшой части находившихся там соединений, которые могли быть спасены в течение еще остававшегося короткого срока по морю и по воздуху. Армии в Северной Германии были ограждены от русского плена соглашениями на местах; отброшенные в Южную Германию армии из состава войск командования на Западе были окружены соединениями западных держав; в Италии было достигнуто местное соглашение о перемирии. Что же касается примерно двух миллионов человек из состава трех групп армий в Чехии, Моравии, Австрии и Югославии, то о них вопрос, напротив, оставался нерешенным. Все старания путем затяжки переговоров дать армиям, оборонявшимся на русском фронте, время для отступления кончились крахом из-за беспощадного ультиматума Эйзенхауэра, потребовавшего 6 мая в Реймсе безоговорочной капитуляции на всех фронтах. Она должна была вступить в силу в полночь с 8 на 9 мая. Не только бои, но и всякие передвижения войск с

этого момента запрещались. Возможно, Эйзенхауэр и не мог действовать иначе. До этого времени западные союзники стояли на той точке зрения, что не окруженные армии, а лишь отдельные солдаты и офицеры, оказавшиеся в ходе боевых действий прижатыми к англо-американским линиям, могли сдаваться в плен в индивидуальном порядке. Продолжать такую практику после заключения касающейся всех фронтов капитуляции американцы не согласились. Не помогли и настойчивые уверения Йодля в том, что ни один немец, не желающий быть навеки проклятым своим народом, не может подписать документ, передающий в руки русских сотни тысяч немцев. Командование группы армий «Центр» нашло отчаянный выход из своего тяжелого положения. Оно попыталось организовать массовое бегство трех армий к демаркационной линии, чтобы спасти возможно больше людей от русских и восставших между тем чехов. Действительно, крупные силы армий успели подойти вплотную к американским войскам. Но здесь они пережили последнее горькое разочарование. В то время как на Эльбе и в Мекленбурге основной части немецких солдат было разрешено сдать войскам западных держав и значительные силы групп армий «Юг» и «Юго-Восток» также успели своевременно спастись за демаркационной линией, в Чехии американцы не позволили немецким войскам сдать им в плен. Поскольку стекавшиеся отовсюду колонны немцев росли с огромной быстротой и продолжали подходить, невзирая ни на какие требования американцев, последние выслали самолеты, приземлившись на путях отхода немецких войск, заставили немецкие колонны остановиться и стали сгонять немцев во временные лагеря, которые затем были переданы в руки русских. Тот факт, что сотни тысяч немецких солдат были выданы русским, следует объяснить как корректностью американцев по отношению к своему восточному союзнику, так, вероятно, и ненавистью, раздутой против каждого немца пропагандой «крестового похода». Эта ненависть достигла высшей точки, когда американцы освободили заключенных в концентрационных лагерях. Немецкие солдаты стали невинными жертвами бесчеловечности прекратившего свое существование режима.

7. Конец в Курляндии и в Италии

Не менее трагическая участь постигла обреченные войска групп армий «Курляндия», которым пришлось терпеливо дожидаться своего горького конца. Испытанные в боях дивизии 16-й и 18-й армий, соблюдая образцовый порядок и сохраняя непреклонную волю к борьбе, отражали все атаки русских, добившись в конце февраля и в конце марта, в пятом и шестом Курляндских сражениях, при неустанной поддержке эскадрильи истребителей блестящих успехов в обороне. Примерно треть находившихся здесь в конце января тридцати дивизий была эвакуирована. Правда, на последнем этапе, из-за нехватки транспортных судов, вывозился только личный состав, вся техника оставлялась. Ходатайства о необходимости эвакуации армии еще в тот период, когда ее можно было осуществить морским путем, наталкивались на тупое упрямство Гитлера. 3 мая во Фленсбурге было решено спасти возможно большую часть сил до заключения всеобщего перемирия. Учитывая остававшийся срок, речь могла идти, разумеется, лишь о частичной эвакуации. Кроме раненых и отцов семейств, был эвакуирован также не введенный в бой резерв группы армий. Что касается главных сил, то последнему командующему генералу Гильперту пришлось 10 мая передать их русским на основании всеобщей капитуляции. (Схема 42, стр. 503 и карта 3, стр. 150)

Намного благоприятнее сложилась обстановка к концу войны на итальянском театре военных действий. Группа армий «Юго-Запад», командование которой 19 марта вместо отозванного на Западный фронт фельдмаршала Кессельринга принял на себя генерал-полковник фон Фитингоф, по-прежнему стояла на том рубеже, на котором она оказалась в результате наступления армий западных держав поздней осенью 1944 г. Ее правый фланг упирался южнее Специи в побережье Лигурийского моря. Затем оборонительный рубеж пересекал Северные Апеннины, запирая их долины, выходящие на север, южнее Модены и Болоньи, и поворачивал к озеру Комаккьо. Слабая армия «Лигурия» удерживала перевалы через Альпы на франко-итальянской границе. Группа армий «Юго-Запад» должна была передать несколько лучших дивизий на другие фронты. Но гораздо хуже численной слабости были перспективы снабжения. Уменьшившаяся мощность немецкой военной промышленности и

особенно непрерывные воздушные удары противника по Бреннерскому шоссе снизили приток необходимых предметов довольствия, вооружения, боеприпасов и горюче-смазочных материалов до мизерных размеров. В конце концов в целях экономии горючего танки и самоходные установки при перебросках приходилось транспортировать с помощью тракторов или даже волов. Дивизии и без того являвшиеся частично «стационарными», были еще больше ограничены в своей подвижности. Наступление противника, если бы оно привело к прорыву, означало бы расчленение и уничтожение группы армий уже только из-за недостаточной подвижности многих боевых единиц. Несмотря на это, все просьбы своевременно отвести войска за такую мощную водную преграду, как река По, и тем самым избежать подобной опасности были Гитлером отвергнуты. Но группа армий должна была не только удерживать прежние позиции. Ей было приказано, как и войскам в Германии, подготовить к разрушению все основные итальянские промышленные предприятия, дорожные и гидротехнические сооружения, газовые заводы и электростанции, все гавани и молы и взорвать их в случае отступления под натиском противника. Командующий группой армий усмотрел в таких мерах не что иное, как проявление слепой жадности разрушения и уже по этой причине отверг их. Кроме того, такие действия наряду с впечатлением об отходе немецких войск, несомненно, раздули бы тлевшие пока еще в глубине искры восстания в яркое пламя и навлекли бы на немецкие войска гнев итальянского народа. Командование группы армий сумело соответствующими мерами, тщательно скрывавшимися от Берлина, не допустить подобных разрушений.

Еще задолго до последнего наступления командование группы армий, используя уже давно налаживавшийся немецким послом Раном, а также начальником отрядов СС и полиции Вольфом контакт с противником, начало прощупывать возможность договориться с западными державами через нейтральную Швейцарию. Оно исходило при этом из того соображения, что предотвращение последнего сражения, исход которого не мог вызывать сомнений, соответствует не только интересам Германии, но и интересам страны, ставшей против своей воли ареной боев и получавшей, таким образом, возможность избежать дальнейших ненужных опустошений. Успеху начавшихся переговоров мешало то, что группа армий не могла пойти на последние решающие уступки, пока разгром Германии не стал еще очевидным, так как подавляющее большинство действовавших войск было еще настроено в пользу Гитлера. В то же время другая договаривающаяся сторона настаивала на быстрейшем соглашении, которое она хотела, вероятно, использовать для пропаганды на других немецких фронтах.

Чтобы оказать нажим в этом направлении, союзники 9 апреля развернули подготовленное ими решающее наступление. Оно началось ударами на обоих флангах, которые привели на Адриатическом побережье, где действовала английская армия, к крупным боям, но вначале увенчались лишь успехами местного значения. Когда 13 апреля стало ясно, что назревает решающий удар и на фронте американской армии, командование группы армий в последний раз обратилось к Гитлеру, чтобы получить разрешение на отход за реку По, и опять тщетно. Таким образом, событиям предоставлялось идти своим чередом. Главный удар начавшегося на следующий день наступления, как и предыдущей осенью, был направлен на Болонью. После ожесточенных боев превосходящим американским силам удалось 20 апреля осуществить здесь прорыв, открывший их танкам путь к реке По. Малочисленные немецкие резервы были израсходованы, фронту в районе Специи также грозила катастрофа. Тогда командование группы армий решило под свою ответственность начать в ночь с 21 на 22 апреля отвод своих армий за реку По. Но для организованного отхода было уже слишком поздно. Чрезвычайно тяжелым оказался переход через разлившуюся реку, многочисленные мосты через которую уже в течение нескольких месяцев бомбила вражеская авиация. Переправа могла осуществляться лишь на подготовленных паромов и понтонах под прикрытием арьергардов, но в то же время и под непрерывным воздействием авиации противника. Переправить удалось в основном лишь живую силу с легким вооружением. Большая часть тяжелого пехотного оружия, артиллерии и транспорта, даже из того количества, которое удалось вывезти к реке, была потеряна.

Несмотря на это, 10-й армии удалось севернее реки По организовать вполне удовлетворительную оборону. Зато на западном участке фронта вследствие прорывов противника значительные силы во время отступления были окружены и отрезаны, так что им пришлось сложить оружие. Оценив создавшуюся обстановку, верховное командование теперь

тоже отдало приказ на отступление до южных отрогов Альп. Этот маневр был облегчен тем, что река По оказалась препятствием и для преследовавшего противника и замедлила его продвижение. Кроме того, английская армия значительными силами нанесла удар через Падую на Триест и далее до Полы. Видимо, англичанам было важнее воспрепятствовать переходу этого района в руки Тито, чем уничтожить левое крыло немецкой группы армий. Американская армия направила значительную часть своих сил вдоль побережья на Геную, а оставшимися войсками после прорыва на Болонью стала продвигаться южнее реки По на Пьяченцу и оттуда на Милан.

В эти дни Муссолини пришел конец. 23 апреля он неожиданно отправился из своей резиденции на озеро Гарда в Милан, чтобы лично начать переговоры с вождями итальянского Движения сопротивления. Не желая принять их требований, он бежал в Комо, якобы для того, чтобы направиться в одну из отдаленных горных долин, на самом же деле, вероятно, чтобы спастись в Швейцарии. Во всяком случае, в деревне Донго он был опознан антифашистами и 28 апреля без долгих разговоров расстрелян. Всенародное восстание, вспыхнувшее в результате наступления западных держав, было направлено главным образом против всех крупных и мелких главарей фашистской партии и лишь

в небольшой степени против отступавших немецких войск, так как высшие немецкие инстанции заключили предупредительные соглашения с итальянским «Комитетом национального освобождения», дополнявшиеся нередко договоренностью на местах.

Драматический эпизод произошел в кругах немецкого командования в результате вмешательства Кессельринга, который после соединения американцев с русскими в Центральной Германии был назначен главнокомандующим всеми немецкими войсками на Юге. Кессельринг 27 апреля отклонил предложение Фитингофа о распространении происходивших на итальянском фронте переговоров с западными державами и на Южную Германию. Он ссылаясь на сообщения из Берлина относительно многообещающих контрударов с целью освобождения столицы рейха, которые якобы должны привести к великому перелому и опираются на прочную основу. Фитингоф не мог и не хотел разделять этих надежд. 29 апреля его уполномоченные подписали в ставке союзников в Италии договор о перемирии, который должен был вступить в силу 2 мая. В результате Фитингоф и его начальник штаба были сняты со своих постов и заменены другими генералами. Но остановить ход событий уже было нельзя. После смерти Гитлера Кессельринг рано утром 2 мая после некоторых колебаний также дал постфактум свое согласие на капитуляцию и вернул Фитингофа и его начальника штаба на их должности, ибо в глазах противника только они были полномочными представителями немецкой стороны.

В соответствии с той линией поведения, которой командующий войсками противника фельдмаршал Александер придерживался и ранее, капитуляция армий проходила в достойной форме с широким привлечением бывших немецких военачальников. Большим удовлетворением для немецких солдат и офицеров явилось и то, что итальянцы стихийно проявляли по отношению к немцам свои дружеские чувства и даже сердечность. Видимо, итальянское население сумело оценить тактичную сдержанность немецких солдат в то время, когда внутри страны бушевала политическая борьба. Оно почувствовало, что войска причинили стране не больше разрушений, чем того требовали собственно боевые действия, и даже скорее обвиняло в этих разрушениях другую сторону. И, наконец, итальянцы платили немецкому солдату уважением, которое он заслужил своим храбрым и рыцарским поведением в бою. Таким образом, в Италии обе стороны остались довольны окончанием войны, носившим здесь поистине примирительный характер.

Глава XIII. Завершение войны в Восточной Азии

1. Возвращение Филиппин в руки Союзников

В сентябре 1944 г. американцы с востока и с юга так близко подошли к Филиппинам, что

смогли приступить к захвату этих островов. Сначала сопротивление японцев представлялось им таким сильным, что американцы думали прибегнуть к осторожной тактике, действуя лишь в пределах досягаемости крупных, базирующихся на сухопутные аэродромы частей истребительной авиации. Это должно было повести к тому, что первым объектом наступления станет самый южный из Филиппинских островов – Минданао, а затем постепенно будут захватываться и остальные острова вплоть до главного острова Лусон. Подобная тактика, принимая во внимание крупные японские наземные силы, была связана с большой затратой времени и значительными потерями. Но когда удары американской авиации по Филиппинам встретили неожиданно слабое сопротивление, генерал Макартур и адмирал Нимиц, командующий военно-морскими силами США на Тихом океане, сразу решились высадить войска на остров Лейте, лежащий севернее острова Минданао. Соединение американских авианосцев, состоявшее из 8 тяжелых, 8 легких и 9 вспомогательных авианосцев, представлялось достаточно сильным, чтобы выполнить возложенную на него задачу поддержки наступления с воздуха, пока не будет обеспечена возможность использовать аэродромы на самом острове. Новый план имел то решающее преимущество, что из 250 тыс. человек, оборонявших Филиппины, почти половина, находившаяся на Минданао, оказалась изолированной, и поэтому ее можно было нейтрализовать без боя путем срыва ее снабжения. Для десанта американцы располагали двумя армейскими корпусами (четыре дивизии). Их прикрытие и артиллерийская поддержка обеспечивались до высадки и во время высадки морскими силами сопровождения в составе 6 линейных кораблей старых типов, 5 тяжелых и 6 легких крейсеров, 86 эскадренных миноносцев и 18 вспомогательных авианосцев. (Карта 5, стр. 286)

Наступление было назначено на 20 октября 1944 г.

Можно было с уверенностью ожидать вмешательства всего японского флота. Если уж он пытался крупными силами, хотя и не используя весь наличный корабельный состав, воспрепятствовать захвату Марианских островов, то теперь у него просто не оставалось другого выбора. Потеря Филиппин для японского флота была равносильна его исключению из борьбы за существование Японии. Ведь потеря островов означала также и прекращение подвоза нефти из Нидерландской Индии, а пока Филиппины удерживались. Нидерландская Индия, несмотря на большие потери в танкерах из-за действий американских подводных лодок, находилась все же в пределах досягаемости японцев. С потерей Филиппин флот должен был либо уйти в Японию и, не имея горючего, оставаться там в гаванях, либо перебазироваться на Сингапур и тем самым отказаться от участия в обороне метрополии. Американцы считали, что японский флот ввиду тяжелых потерь прошедших месяцев значительно ослаблен, и надеялись на свое подавляющее превосходство в авианосцах.

Чтобы снизить до минимума воздействие японской авиации во время высадки десанта, с 10 по 20 октября все японские авиабазы в радиусе действия американской авиации подвергались особенно интенсивным бомбардировкам.

К этим базам относились наряду с аэродромами на самих Филиппинах также Формоза и Окинава. Подавлению аэродромов на Формозе американцы придавали особенно большое значение, так как здесь находились основные силы японской морской авиации, игравшей важную роль при всяких действиях флота. Японцы, прекрасно понимавшие значение предстоящих боев, использовали во время ответных воздушных ударов все имевшиеся у них самолеты с Формозы и Кюсю – самого южного из японских островов. Они нанесли некоторые потери американскому соединению авианосцев и сопровождавшим его военным кораблям, но и сами потеряли 600 самолетов, значительно уменьшив этими предупредительными действиями свои возможности отразить ожидаемый десант. Десант был высажен в соответствии с планом 20 октября и не встретил сильного сопротивления. При растянутости Филиппинских островов японская наземная оборона должна была готовиться к отражению высадок противника в столь многочисленных пунктах, что силы ее поневоле оказались разрозненными. После высадки десанта активные действия японского флота стали совершенно необходимы, что и привело к самому крупному морскому сражению второй мировой войны.

Главные силы японского флота в это время базировались на Сингапур. Лишь незначительное число военных кораблей находилось в японских водах, в том числе 2 линейных

корабля, 12 крейсеров, 15 эскадренных миноносцев, последний еще остававшийся у японцев тяжелый авианосец и два легких авианосца с плохо обученным экипажем. Базировавшиеся на Сингапур силы были разделены на два соединения. Первое значительно более сильное соединение адмирала Курита включало оба крупнейших в мире линкора «Ямато» и «Мусаси» с общим водоизмещением{57} в 73 тыс. т, 450-мм орудиями и скоростью хода в 28 узлов, еще три линкора других типов, 10 тяжелых и 2 легких крейсера, а также 15 эскадренных миноносцев. 18 октября это соединение взяло курс на бухту Бруней на северо-западном берегу острова Борнео. В это же время туда было приказано направиться и второму более слабому соединению в составе 2 линкоров, 1 крейсера и 4 эсминцев под командованием адмирала Нисимура. Ни одно из соединений не имело в своем составе авианосцев. Поддержка с воздуха должна была осуществляться с имеющихся в районе Филиппин баз, возможности которых были значительно снижены основательной авиационной подготовкой американцев перед высадкой десанта.

22 октября оба соединения получили приказ на выход из бухты Бруней. Японский адмирал Тойода, которому подчинялись все предназначенные для сражения морские силы, решил охватить обоими соединениями бухту Лейте и одновременно подвести с севера находившееся в Японии соединение под командованием адмирала Одзава, чтобы отвлечь внимание американских сил. Более сильное из соединений под командованием Курита должно было с запада пройти между центральными островами Филиппинского архипелага через пролив Сан-Бернардино и затем повернуть вдоль восточного берега острова Самар на юг; в то же время соединение адмирала Нисимура должно было с той же целью атаковать противника с юга между островами Минданао и Лейте.

Американцы своим 7-м флотом под командованием адмирала Кинкэйда прикрывали высадку на восточном побережье острова Лейте, держа в боевой готовности сосредоточенное в 3-м флоте быстроходное соединение авианосцев под командованием адмирала Холси восточнее острова Самар. Первые данные о приближении сильного японского соединения под командованием Куриты американцы получили от подводных лодок, которые в ночь с 22 на 23 ноября шли при помощи радиолокатора на север к западному берегу острова Палаван. На следующее утро японское соединение в результате нападения американских подлодок понесло первые потери: два тяжелых крейсера было потоплено, один сильно поврежден. В то время как Курита продолжал свой поход, американцы, правильно предполагая, что он стремится к проливу Сан-Бернардино, сосредоточили на этом направлении значительные силы своего 3-го флота. Ранним утром 24 октября воздушная разведка обнаружила в мере Сибуйан японское соединение, которое держало курс на восток. Американцы немедленно нанесли мощные удары с воздуха по этому соединению. Хотя у Куриты не было самолетов, а ожидаемая поддержка с близлежащих аэродромов так и не подоспела, его соединение, имевшее мощные зенитные средства, используя благоприятную плохую видимость, отделалось сравнительно дешево. Курита потерял один из двух гигантских линкоров – «Мусаси». Многие из других судов получили, правда, повреждения, но не слишком большие. Общие потери и были гораздо более легкими, чем показалось нападавшим американцам, представившим своему командованию и соответствующие донесения. Эффект нападения казался американцам особенно значительным еще и потому, что Курита во время атак взял курс на запад. Действительную силу японского соединения не смогли правильно оценить ни авиация ни – еще раньше – подводные лодки. Общее же впечатление было таково, что японское соединение следовало считать выведенным из строя.

Двойное заблуждение, возникшее у американского морского командования в результате этих донесений, имело своим неизбежным следствием принятие не соответствовавших обстановке решений и придавало последующим сражениям чрезвычайно напряженный характер. Американское соединение, имевшее задачей непосредственное прикрытие района высадки, вышло навстречу обнаруженному тем временем японскому соединению адмирала Нисимура. Последнее в ночь с 24 на 25 октября было атаковано в проливе Суригао многочисленными эскадренными миноносцами и торпедными катерами и понесло такие тяжелые потери, что вынуждено было вернуться на свою базу.

Когда 24 октября после полудня от воздушной разведки были получены первые донесения

о приближении перебрасываемого из японских вод соединения под командованием Одзава, 3-й американский флот Холси, имевший в своем составе быстроходные авианосцы, вышел навстречу этому новому противнику.

В результате Курита, легший между тем на противоположный курс и прошедший в ночь с 24 на 25 октября пролив Сан-Бернардино, при своем продвижении к бухте Лейте встретил лишь сравнительно слабые американские морские силы. Это была группа вспомогательных авианосцев и несколько эскадренных миноносцев, служивших в первую очередь целям защиты транспортных судов. Еще две группы авианосцев находились на расстоянии 30 и 120 миль южнее. Оба противника были одинаково удивлены происшедшей примерно в 7 часов встречей, американцы – потому, что считали себя хорошо прикрытыми с севера, а японский адмирал – потому, что ожидал натолкнуться на сильный американский флот. Японцы немедленно попытались использовать свое подавляющее превосходство в артиллерии. Американские авианосцы, понеся значительные потери, отошли на юго-восток и подняли в воздух свои самолеты, а эсминцы, не обращая внимания на мощный огонь японцев, начали торпедные атаки. Обе находившиеся южнее американские группы авианосцев выслали на помощь свои самолеты. Объединенными усилиями эсминцев и самолетов американцы нанесли японским кораблям, стремившимся разрозненными действиями уничтожить американские авианосцы, неожиданно тяжелые потери. После двухчасового боя, в ходе которого японцы сбили много американских самолетов, Курита отошел на север. Обстановка становилась для него критической. Он ничего не знал ни о местонахождении Одзава, ни о расположении главных сил американского флота. В то время как американцы с большим беспокойством ожидали следующего нападения, которое могло, чего доброго, закончиться прорывом японцев к месту высадки десанта, Курита нерешительно крейсировал несколько часов восточнее острова Самар, ожидая столкновения с американским флотом и, наконец, решил отступить в пролив Сан-Бернардино.

Тем временем 3-й флот Холси встретил эскадру Одзава. 55 самолетов-торпедоносцев, 65 бомбардировщиков и 65 истребителей атаковали японцев, подавили слабое истребительное прикрытие и за короткое время потопили два авианосца, тяжело повредив третий. Одзава, считая, по-видимому, свою задачу по отвлечению главных сил, стоившую ему столь тяжелых потерь, выполненной, повернул на север. Во время этого боя Холси доложили, что из бухты Лейте просят о помощи. Однако расстояние было так велико, что в ближайшее время он был бессилён что-либо сделать. Кроме того, он, видимо на основании прежних донесений, недооценивал силу совершившего нападение соединения и решил поэтому преследовать находящегося перед ним противника с целью нанести ему новые потери. Лишь потому, что просьбы о помощи не прекращались, он отослал часть своих сил на юг, однако они прибыли лишь тогда, когда опасность давно уже миновала. Одзава же потерял еще и последний авианосец. С 2 линкорами, 2 легкими крейсерами и 8 эскадренными миноносцами он вернулся обратно в Японию.

Возвращающееся в базу соединение Курита 26 октября в первой половине дня было еще дважды атаковано американскими самолетами в море Сибуян. Еще через день соединение, уже значительно ослабленное, бросило якорь в бухте Бруней.

Таким образом, морское сражение в бухте Лейте закончилось решительной победой американцев. Они потеряли 3 авианосца и 3 эсминца, японцы же – 3 линкора, 3 авианосца, 10 крейсеров и 9 эсминцев. Но гораздо значительнее материальных потерь была для японцев утрата последней возможности добиться перевеса в войне в результате филиппинского сражения. Японский флот окончательно лишился своей оперативной подвижности и больше не выходил в море в своем полном составе. Вместо него в большом количестве стали регулярно использоваться «камикадзе», летчики-смертники, разбивавшие самолет с бомбовым грузом о цель, жертвуя при этом своей жизнью. До самого конца войны американцам приходилось принимать меры против их внезапных налетов и нести значительные потери, хотя в целом сколько-нибудь заметного влияния на ход военных действий «камикадзе» не оказали.

Тот же фанатизм, который воодушевлял японских летчиков, распространялся по мере ухудшения обстановки на фронте и в сухопутных соединениях. Это чувствовалось уже при овладении островом Лейте. Здесь и по другим причинам продвижение шло медленно. Дожди

сковали действия американцев и подвергли физические силы войск тяжелым испытаниям. Кроме того, американцы, несмотря на превосходство в воздухе и на море, не могли воспрепятствовать тому, что японцы, теряя, правда, транспортные суда и эскадренные миноносцы, неоднократно высаживали подкрепления на северном побережье острова. Наступавшие американские части лишь очень медленно и с большим трудом продвигались на северо-запад. Только после того, как они неожиданно высадили на западном берегу в тылу японцев еще 7 тыс. человек, операция начала успешно развиваться. К концу декабря маленький остров был ими занят. Но аэродромов, которые можно было на нем построить, не хватало для размещения такого количества истребительных частей, которое могло бы обеспечить овладение Лусоном, главным островом Филиппин. Поэтому еще во время последних боев за Лейте американцы приняли меры к овладению островом Миндоро. Во время этой операции «камикадзе» нанесли десантным судам значительные потери.

Ожесточенные воздушные бои происходили в течение всего ноября и декабря. Американцы атаковали с воздуха преимущественно аэродромы на острове Лусон, откуда стартовали «камикадзе». Во время своих весьма интенсивных ответных ударов японцы потеряли 700 самолетов, не добившись, однако, успехов, соответствующих этой затрате сил. Подавляющее численное превосходство американской авиации и высокое мастерство летчиков предопределили сравнительно небольшие размеры потерь американцев в воздухе. Американцы ожидали на острове Лусон сильного противодействия, поэтому они подготовили для десанта четыре свежие дивизии. Решающим моментом был успех высадки первого эшелона. Макартур намеревался предпринять ее в целях достижения тактической внезапности на таком участке, где она оказалась бы для японцев неожиданной, а именно, в расположенной на западе бухте Лингаен. В целях дезинформации американцы заметно поддерживали действия партизан в южной части острова, сняли в ряде мест минные поля и местами сбросили чучела парашютистов. Добиваясь тактической внезапности, американцы не надеялись на возможность достижения внезапности стратегической, поскольку японцы должны были ожидать наступления при всех обстоятельствах. Поэтому авиационная подготовка проводилась с обычной для них основательностью. Удары с воздуха были направлены главным соразом против Формозы.

Высадка десанта была осуществлена 9 января 1945 г. вскоре после восхода солнца. Японцы оказали лишь незначительное сопротивление. Чтобы воспрепятствовать переброске японских подкреплений, авиация американцев массированными налетами отрезала подступы к месту высадки, разрушив ведущие в этот район железные и шоссейные дороги. Выдвинув сильные заслоны против расположенных в северной части острова значительных японских сил, американские дивизии с тяжелыми боями медленно продвигались к Маниле. И в данном случае осуществление операции было ускорено вторым десантом в составе 40 тыс. человек, высаженным 29 января в бухте Субик. Этот десант одновременно выполнил задачу изоляции полуострова Батаан, которая была необходима, чтобы не дать японцам возможности туда отойти, как это сделал три года назад Макартур. После высадки еще одной воздушно-десантной дивизии юго-западнее Манилы в начале февраля развернулось наступление на столицу с трех сторон. Японцы бились за город с крайним ожесточением. Бои длились четыре недели и привели к полному разрушению столицы. Ещё во время этих боев американцы высадили при входе в Манильскую бухту новые силы, в результате чего островная крепость Коррехидор была полностью отрезана. После двухдневных боев с четырехтысячным гарнизоном крепости американцы 18 февраля овладели ею. К концу апреля американцы захватили и все остальные острова архипелага. Теперь оставалось лишь сломить сопротивление японцев на самих Японских островах. Американцы считали, что выполнение этой последней задачи потребует еще очень крупных сил и, учитывая фанатизм японского народа, отнимет немало времени.

2. Возвращение Бирмы в руки Союзников

После того как японцы осенью 1942 г. перерезали Бирманскую дорогу и вышли в северо-западной части Бирмы к индийской границе, на этом театре военных действий примерно около двух лет продолжалось почти полное затишье. Все внимание японцев было поглощено

широкими операциями на Тихом океане, и им не хватало транспортных судов для переброски и обеспечения крупных сил с целью продолжения активных действий против Юго-Западного Китая и даже против Индии. Последней пришлось передать все свои силы, сформированные с 1941 г., кроме минимума, совершенно необходимого для обороны собственных границ, в распоряжение англичан для выполнения задач более актуальных, чем наступление на Бирму. Так, индийские силы были направлены в Северную Африку и сражались там в составе 8-й английской армии, затем их бросили в Иран, где ожидали летом 1942 г. прорыва немцев через Кавказ, потом они участвовали в овладении Мадагаскаром, который англичане заняли, чтобы воспрепятствовать возможной высадке японцев.

Если опасность использования Бирмы Японией как плацдарма для новых крупных операций была по-прежнему невелика, то блокада Бирманской дороги весьма отрицательно отражалась на снабжении Китая военными материалами. Это снабжение могло осуществляться только трудным воздушным путем, проходившим с северо-востока Индии через вершины Гималаев. Такой путь далеко не удовлетворял потребностей Китая, так что постепенно становилось сомнительным, сможет ли Китай выдержать войну с Японией. Но продолжение китайского сопротивления должно было явиться для западных держав решающим фактором, так как это сопротивление оттягивало значительные военные и экономические силы Японии. Поэтому возобновление операций крупного масштаба в начале 1944 года было обусловлено не столько стремлением вернуть Бирму как таковую, сколько положением Китая. Западные державы считали необходимым помочь Китаю, Япония же – воспрепятствовать оказанию этой помощи.

Действенную поддержку китайцам можно было оказать только усилением подвоза либо воздушным путем, либо, еще лучше, прокладкой новой сухопутной коммуникации. Первое было возможно, если бы удалось найти менее трудную и более короткую трассу, условием чего являлось овладение аэродромом для промежуточной посадки в Северной Бирме. Сухопутная же коммуникация, которую собирались проложить, должна была примыкать к железнодорожной линии, ведущей из Калькутты на Ледо. От Ледо строилась новая дорога, которую предполагалось в районе Лашио примкнуть к Бирманской дороге. Оба плана требовали овладения районом Мьиткыны, через который должна была проходить новая дорога и вблизи которой располагались бы первые пригодные для использования аэродромы. Проводя в жизнь свои планы, западные державы заранее начали готовить строительство новой дороги и во взаимодействии с китайцами провели ряд операций, подготовка к которым, весьма основательная, была закончена в начале 1944 г. Китайские силы должны были наступать по верхнему течению реки Салуэн на юг и оттеснить стоявших на западной китайской границе японцев. Группировка американского генерала Стилуэлла, состоявшая из китайских дивизий и некоторой части американцев, сосредоточилась у истоков реки Иравади с целью нанести удар на Мьиткыну. Чтобы облегчить проведение этих операций, в районе Каты должна была высадиться индийская воздушно-десантная дивизия с целью нарушения коммуникаций японцев. Было обеспечено непрерывное снабжение с воздуха. Наконец, один индийский корпус имел задачу с целью сковывания японских сил перейти у Бенгальского залива индийско-бирманскую границу и продвинуться как можно дальше на юг.

Японцы поняли назначение как железнодорожной линии Калькутта-Ледо, к которой уже примыкал воздушный мост через Гималаи, так и новой строящейся дороги. Они сосредоточили в Северной Бирме крупные силы, которыми хотели воспрепятствовать продолжению строительства новой дороги. Кроме того, они решились на наступление в северо-западном направлении, чтобы перерезать железнодорожную линию северо-западнее Манипура. [760 – Схема 54]

Бои, завязавшиеся в ходе осуществления противниками своих намерений в первой половине 1944 г., завершились полной победой западных держав. Этой победой они были обязаны в первую очередь своему большому превосходству в воздухе.

Наступление на побережье Бенгальского залива, в ходе которого материальное обеспечение приходилось осуществлять по воздуху, уже в январе привело к овладению портом Маунгдо. Порт удалось удержать, несмотря на сильные японские контратаки. Боевые действия в этом районе продолжали сковывать японские силы на побережье Бенгальского залива.

Однако далее на север у японцев было достаточно сил, чтобы нанести удар по железнодорожной линии Калькутта – Ледо, успех которого доставил англичанам много забот. Ввиду условий местности подвоз английским войскам шел к отдельным пограничным постам параллельно линии фронта и в непосредственной близости от нее. Поэтому любой прорыв японцев ставил под угрозу все снабжение английских войск. Японцам удалось перерезать эту коммуникацию во многих местах, окружить некоторые опорные пункты индусов или блокировать их и достичь Кохимы, расположенной недалеко от железной дороги. Наступательная сила японцев была сломлена здесь только в июне.

Тем временем положение в их тылу сложилось столь неблагоприятно, что они должны были решиться на отступление. На коммуникациях японцев действовала индийская воздушно-десантная дивизия, которая высадилась в начале марта в районе Каты и отсюда препятствовала подвозу в направлении как Кохимы, так и Мьиткьины. Эти действия облегчили также продвижение китайско-американской группировки генерала Стилуэлла, которая 17 мая достигла Мьиткьины и смогла здесь оборудовать свой первый аэродром. Сам населенный пункт и два других аэродрома упорно оборонялись японцами и перешли в руки американцев лишь в начале августа. На реке Салуэн и на западнокитайской границе японцы также были вынуждены отступить.

Теперь японцам пришлось перейти к обороне и на этом театре военных действий. Кроме того, в результате захвата аэродромов было значительно облегчено материальное обеспечение Китая. Между тем силы союзников возросли примерно до двадцати дивизий, так что можно было приступить к решению новых задач, 14-я индийская армия, отразившая удар японцев по железнодорожной линии Калькутта-Ледо, перешла к преследованию отступавшего противника и в начале декабря вышла к реке Чиндвин в районе Калевы. В конце месяца 14-я армия северо-западнее Каты установила связь с китайско-американской группировкой, наступавшей из района Мьиткьины теперь уже под командованием генерала Салтэна. В середине декабря китайцы, наступавшие из верховьев реки Салуэн, достигли Бамо на реке Иравади и продвинулись еще дальше на восток до Бирманской дороги. Между тем в ходе наступления продолжалось строительство дороги от Ледо в юго-восточном направлении, благодаря чему была восстановлена сухопутная связь с Китаем.

Чтобы обеспечить проведение этих операций, потребовалась громадная техническая и организационная подготовка. Одна только 14-я армия ежедневно получала по воздуху в среднем 1000 *т* различных грузов. К марту 1945 г. эта цифра выросла до 3 тыс. *т*. Пополнение живой силой и эвакуация раненых и многочисленных больных малярией производились также воздушным путем. Наряду с этим нужно было поддерживать созданный между Бирмой и Китаем воздушный мост.

В январе 1945 г. 14-я армия, форсировав реку Чиндвин, начала операцию по овладению районом Мандалая, оборонявшегося главными силами 15-й и 33-й японских армий под командованием генерала Кимура. Путем глубокого охвата в южном направлении, в ходе которого река Иравади была форсирована по обе стороны Мьингьяна, и фронтальным наступлением с северо-запада на Мандалай удалось, ведя тяжелые бои, постепенно зажать японские войска в районе Мандалая и отрезать им пути отхода в южном направлении, так что в начале апреля они вынуждены были, бросив все вооружение и снаряжение, увести остатки своих сил на восток в горы.

Успешное завершение этой операции одновременно открыло путь на Рангун. Однако 14-я армия уже настолько оторвалась от своих индийских баз, что ее снабжение воздушным путем при продолжении операции в южном направлении становилось невыполнимой задачей, если при этом не удалось бы осуществить это снабжение из расположенного ближе Аракана. Поэтому англичане своевременно приступили к овладению упомянутой провинцией.

В начале января они захватили порт Акьяб. семью последовательными ударами десантных войск на побережье, каждый из которых осуществлялся на большую глубину, чем предыдущий, англичане быстро продвинулись на юг и отрезали японские гарнизоны прибрежных городов от их баз снабжения. К концу февраля индийский корпус проник до Таунгуа и овладел также отделенным от побережья узким проливом островом Рамри. Теперь аэродромов для снабжения 14-й армии было вполне достаточно.

Сразу же после завершения боев в районе Мандалая 14-я армия двумя колоннами начала наступление в южном направлении по долине реки Иравади и вдоль железнодорожной линии Мандалай-Рангун и в начале мая после форсированного марша, частично обеспечивавшегося воздушными десантами, вышла в район Рангуна. Японцы отступили из города, не ожидая нападения с севера. Переброшенная морем из Акьяба индийская дивизия быстро заняла по существу не оборонявшийся город. Теперь вся Бирма снова была в руках англичан; лишь кое-где остались отдельные очаги сопротивления врага. Быстрое проведение этой кампании в почти лишенной дорог, пересеченной горами, болотами и большими реками стране и в условиях чрезвычайно тяжелого климата было немалым достижением. Эта кампания показала, в какой степени англичане с помощью американцев научились пользоваться современной техникой, особенно авиацией.

3. Подготовка нападения на Японские острова

Когда американцы овладели Филиппинами, экономическая мощь Японии еще не была подорвана. Поэтому военному нападению на Японские острова должна была предшествовать экономическая блокада и подавление военной промышленности. Чтобы осуществить блокаду, необходимо было перерезать сообщение по морю с теми районами Азиатского материка, из которых Япония ввозила необходимое для нее сырье, прежде всего с Китаем, откуда она получала уголь и продовольствие. После потери Филиппин Япония лишилась в основном лишь одного важного вида сырья – нефти. Как и все подвозимое из Нидерландской Индии сырье, нефть могла транспортироваться теперь только вдоль берегов Индо-Китая и Китая. А за этими водами американские подводные лодки и авиация следили так зорко, что большая часть японских торговых судов и танкеров не добиралась до места назначения. По-иному обстояло дело в вопросе морского сообщения с Кореей, Маньчжурией и Северным Китаем. Правда, и здесь сообщение можно было нарушать с помощью подводных лодок, но для этого пока не доставало значительно более эффективного регулярного наблюдения с воздуха, которое могло бы осуществляться лишь с находившегося еще в руках японцев острова Окинава. Поэтому очередным шагом было овладение этим островом, который одновременно должен был явиться трамплином для последующего прыжка на собственно Японские острова. (Карта 5, стр. 286)

Подавление японской промышленности невозможно было осуществить без использования мощных соединений «летающих сверхкрепостей». Их базы находились на Марианских островах, на расстоянии почти 2500 км. Поэтому самолетам за счет бомбовой нагрузки приходилось брать очень много горючего. Сопровождение истребителями исключалось. «Крепостям» приходилось сбрасывать бомбы с большой высоты, а поврежденным машинам не удавалось преодолеть большого расстояния до своих баз. Усиление воздушных бомбардировок требовало более близкого расположения аэродромов, с которых до Японских островов могли бы долетать и истребители и на которых «сверхкрепости» могли бы совершать хотя бы промежуточную посадку при возвращении на свою базу. В этом случае они могли бы заправляться здесь горючим, а поврежденные машины можно было бы ремонтировать. Этим условиям отвечал небольшой остров Иводзима, расположенный примерно посередине между Марианскими островами и Японией. От захвата Формозы, также лежащей недалеко от Японии, американцы воздержались, поскольку при крупных размерах и сложности условий местности этого острова неизбежно пришлось бы натолкнуться на очень сильное сопротивление с японской стороны.

После взвешивания всех этих соображений очередными объектами американского наступления были намечены острова Окинава и Иводзима.

Нападение на Иводзиму началось трехдневным артиллерийским обстрелом с кораблей и воздушными налетами, а сама высадка была осуществлена 19 февраля двумя дивизиями морской пехоты. Третью дивизию американцы держали в боевой готовности на транспортных судах. На острове 23 тыс. японцев занимали глубоко эшелонированные, хорошо оборудованные для ведения оборонительного боя позиции. Десант имел успех, как всегда, благодаря мощной поддержке флота и авиации. На другой день была высажена и резервная дивизия, а к вечеру

был захвачен аэродром. Однако в дальнейшем бои на острове приняли затяжной характер и сопровождались чрезвычайно тяжелыми потерями. Когда маленький яйцевидный остров шириной всего 4 и длиной 8 км, наконец, в середине марта перешел полностью в руки американцев, было подсчитано, что победители потеряли в общей сложности к этому времени 4600 человек убитыми и 15 300 ранеными. Из 23 тыс. защитников острова в живых оставалось вряд ли более сотни. Японская авиация мало чем могла помочь отдаленному острову. Не хватало сильного соединения авианосцев, обеспечиваемого крупными морскими силами. Только несколькими «камикадзе» удалось потопить один американский авианосец и повредить второй.

Упорство и готовность к самопожертвованию, с какими японцы обороняли Иводзиму, были непревзойденными. Однако на продолговатом острове Окинава длиной 120 км американцам приходилось ожидать встречи с еще более сильным гарнизоном. Его численность они определяли примерно в 60 тыс. человек. На самом же деле, учитывая мобилизованных для ведения боя местных жителей, американцы встретили вдвое большее число защитников острова. Японская авиация, которая в борьбе за этот остров не нуждалась в авианосцах, по мере своих сил принимала участие в бою.

Американцы использовали для захвата острова 10-ю армию в составе шести дивизий общей численностью 180 тыс. человек. Предварительные воздушные налеты в целях подавления японской авиации были направлены против острова Формоза, а также отдаленной от него узким проливом группы островов Сакисима и острова Кюсю, самого южного из островов собственно Японии. 1 апреля была осуществлена высадка десанта на юго-западном берегу острова Окинава. Техника проведения такого рода операций была американцами уже настолько хорошо изучена, а сосредоточение всех видов боевых средств так велико, что операция прошла без существенных потерь. К вечеру на острове было уже 50 тыс. человек. Был захвачен первый аэродром, и противник оказался расчлененным на две группы. Одна из них, значительно более крупная, находилась в южной части острова, средняя ширина которого составляет всего 15 км. Если отрезанные на севере силы вскоре удалось нейтрализовать, то борьба за южную часть острова велась с такой ожесточенностью, какую даже трудно представить себе человеку с Запада. Японцы заняли позицию, опиравшуюся флангами на оба побережья. Артиллерийская поддержка была чрезвычайно сильной. Американцы неделями фактически совершенно не продвигались вперед. Японские военно-морские и военно-воздушные силы поддерживали войска всеми имевшимися в их распоряжении средствами. При этом речь идет не только о все возрастающем числе смертников – «камикадзе». Соединение военно-морских сил, состоявшее из последнего гигантского линкора «Ямато», одного крейсера и 6 эскадренных миноносцев, пыталось пробиться к американским транспортам снабжения, по-видимому, с задачей уничтожить их даже ценой собственной гибели. Не достигнув цели, это соединение пало жертвой массированных воздушных налетов американцев. Чтобы обеспечить выход в море линкора «Ямато», японскому флоту пришлось использовать почти все свои нефтяные запасы, и оставшиеся еще в Японии корабли не могли теперь принять участия в боевых действиях.

Бои за остров Окинава затянулись до 21 июня. Лишь в середине мая одной американской дивизии морской пехоты удалось вбить решающий клин в японскую оборону в южной части острова. Но и после этого пришлось еще вести длительные бои, чтобы окончательно сломить сопротивление японцев. Незадолго до окончания боев на острове японский командующий и его начальник штаба сделали себе харакири. Об ожесточенности этих боев со всей очевидностью свидетельствуют большие потери (39 тыс. убитыми, ранеными и пропавшими без вести) у американцев, причем только в результате потопления транспортов с войсками в основном от налетов «камикадзе» они составили более 10 тыс. человек. Японцы потеряли 109 629 человек, только 7871 попал в плен.

В апреле и мае налеты японской авиации усилились. Было послано на смерть 900 «камикадзе», из которых 200 поразили намеченные цели. Часть смертников использовала самолет-снаряд, напомилавший по своему устройству Фау-1, транспортируемый и выбрасываемый обычным самолетом и снаряженный 1 т взрывчатого вещества. Налеты японцев были направлены главным образом против американских авианосцев, из которых

значительная часть получила тяжелые повреждения. Всего в районе островов Рюкю и Кюсю японцы потеряли в воздушных боях 3400 самолетов и на земле 800. Потери американцев составили 1000 самолетов.

Захват американцами островов Иводзима и Окинава явился для японцев сокрушительным ударом. Практически это повело к завершению боев в Восточной Азии. Поскольку примерно к тому же времени было сломлено сопротивление в Германии, исчезли последние шансы еще хотя бы немного затянуть войну. Уже вскоре после высадки американцев на Окинаве японский премьер-министр генерал Койсо 7 апреля вышел в отставку. Он принял свой пост в июле 1944 г., объявив о тотальной мобилизации всех сил народа, когда Япония еще вела последние бои за свои внешние форпосты. Эти бои были проиграны. Когда вступил в должность преемник Койсо адмирал Судзуки, решающее влияние на внешнюю политику Японии получили деятели военно-морского флота. Они всегда лишь с сомнениями и нерешительностью следовали резко-прямолинейному курсу представителей армии. И тем не менее все попытки добиться сносного мира путем соглашения, за подписание которого Япония была готова дорого заплатить, провалились ввиду установки противников на безоговорочную капитуляцию, которой они требовали и в Восточной Азии. Япония сделала еще попытку достичь своей цели при посредничестве Советского Союза. Заключенный между этими государствами в апреле 1941 г. пакт о ненападении значительно облегчил обеим странам ведение войны в последние годы. Советский Союз чувствовал себя более или менее обеспеченным от нападения с тыла и в значительной мере ослабил его, особенно в решающую зиму 1941/42 г., когда он как раз вовремя смог бросить крупные силы из Сибири в решающую битву за Москву. Для Японии пакт с СССР имел, вероятно, еще большее преимущество: нейтралитет русских ограждал ее от угрозы появления американских авиабаз в Восточной Сибири и в районе Владивостока. Для русских казалось совершенно невозможным разрешить чужой авиации свить себе гнездо на советской территории. Но теперь договор сделал свое дело и стал для русских нежелательным политическим препятствием для осуществления их планов в Восточной Азии.

Для западных держав попытка японцев достичь мира с помощью Советского Союза могла означать, что Япония более не ждет для себя успехов от продолжения войны. Это давало западным державам возможность своевременно, исключив из этого дела русских, создать в районе Восточной Азии обстановку, соответствующую их интересам. Но, как и в отношении Германии, здесь также формула безоговорочной капитуляции оказалась препятствием. Кроме того, еще в начале февраля 1945 г. на Ялтинской конференции между обеими западными державами и Советским Союзом была достигнута договоренность относительно продолжения войны в Восточной Азии. Правда, к этому времени овладение Филиппинами было уже в основном завершено, однако нападение на острова Окинава и Иводзима только планировалось. Предстояли еще окончательные бои за Японские острова. Япония готовилась к чрезвычайно упорной и длительной последней схватке, и США придавали этому очень большое значение. Опыты с атомной бомбой были еще не закончены, об ее эффективности пока никто не имел конкретного представления. Мощная поддержка Советского Союза в деле разгрома японцев казалась Соединенным Штатам крайне необходимой для сокращения сроков войны. Поэтому западные державы 11 февраля заключили тайное соглашение с Советским Союзом, по которому Советский Союз обязывался в течение 2 – 3 месяцев после капитуляции Германии и прекращения военных действий в Европе вступить на стороне западных держав в войну против Японии. В качестве вознаграждения западные державы обещали русским «восстановление прежних прав России, нарушенных предательским нападением японцев в 1904 году». Речь шла в основном о возвращении южной части Сахалина, использовании порта Дайрен (Дальний) как торговой гавани и Порт-Артура как военно-морской базы, о праве на железную дорогу в Маньчжурии и передаче Советскому Союзу Курильских островов. Русские были крайне заинтересованы в том, чтобы участвовать в заключении мира на Дальнем Востоке в качестве равноправной стороны, принимавшей участие в войне. Поэтому они затягивали ответ на поданную японцами в мае просьбу о посредничестве и сосредоточивали в областях, граничащих с Маньчжурией, крупные силы, часть которых приходилось перебрасывать из Германии. В аналогичном положении находились и американцы, которые еще ожидали прибытия освобождавшихся из Германии сил, чтобы после этого приступить к нападению на

Японские острова.

Возникшую паузу американцы использовали для продолжения воздушной войны, имевшей целью перерезать японские морские пути подвоза, парализовать сеть коммуникаций и военную промышленность и терроризировать японское население. Здесь они совершили такую же ошибку, что и в Германии, считая устрашение мирного населения столь же важным средством ведения войны, как подавление экономики страны. Непрерывные воздушные налеты на крупные японские города ввиду легкости построек нанесли тяжелейшие потери и разрушения. По японским данным, было убито 260 тыс. человек, ранено 412 тыс., лишилось крова более 9 млн. человек. Но гораздо сильнее на моральном состоянии населения отражались продовольственные трудности и военная обстановка. Систематическое уничтожение торгового флота, без которого Япония была лишена средств к существованию, блокада подвоза железной руды, угля и нефти для военной промышленности – все это неизбежно должно было сломить сопротивление японцев.

Этих решающих факторов политическое руководство США, видимо, недооценивало или, быть может, у него не хватало терпения, чтобы выждать результатов их действия. В 1945 г. в Потсдаме американцы снова договорились с СССР о его вмешательстве в войну против Японии, что русские пообещали сделать к началу августа. Кроме того, Трумэн решился на применение атомной бомбы, образец которой был испытан 16 июля в пустыне в штате Нью-Мексико. Правда, для успокоения совести Трумэн еще желал дать японцам последнюю возможность закончить войну принятием капитуляции. Однако японцы отклонили соответствующий ультиматум США, Великобритании и Китая от 26 июля, так как в нем ничего не говорилось о последующей судьбе императора и даже полностью не исключалась возможность признания его военным преступником. Уже по этой причине ультиматум для Японии был неприемлемым.

Теперь Трумэн считал, что он имеет моральное право применить атомную бомбу. Он обосновывал свое решение тем, что в результате применения атомной бомбы будет ускорено окончание войны и это спасет жизнь сотням тысяч американцев и японцев. В качестве целей были избраны Хиросима и Нагасаки, как промышленные центры и густонаселенные города. 6 августа в 8 час. 15 мин. на Хиросиму обрушилась первая бомба. Она была сброшена на парашюте; вскоре после ее отделения от самолета в нескольких сотнях метрах над землей появился огромный огненный шар, излучавший колоссальное количество тепла. Действие взрыва оказалось потрясающим. В радиусе более 4 км возникли сотни пожаров. Нагревание воздуха было чувствительным на расстоянии до 7 км, ожоги первой степени люди получали даже на расстоянии 4,5 км, радиоактивное излучение оказалось смертельным в радиусе 1000 м. от эпицентра взрыва. Из населения города численностью в 300 тыс. человек 78 150 было убито, немногим менее 100 тыс. ранено, почти 14 тыс. пропало без вести. Через двое суток еще более мощная бомба была сброшена на Нагасаки, и лишь потому, что город расположен в холмистой местности, действие бомбы оказалось слабее.

В тот же день в войну вступил Советский Союз. Он использовал отклонение японцами ультиматума о капитуляции от 26 июля как предлог для своего вмешательства, обосновывая его тем, что Япония своим отрицательным поведением сделала посредничество Советского Союза невозможным. Поэтому, верный своему союзническому долгу, СССР согласился на предложение союзников выступить на их стороне против Японии и тем самым содействовать скорейшему окончанию войны. Наступление русских против японских войск в Маньчжурии началось 9 августа с северо-запада, северо-востока и из района Владивостока и продолжалось также и после прекращения военных действий до тех пор, пока не были заняты вся Маньчжурия и Корея севернее 38-й параллели.

10 августа под впечатлением взрывов атомных бомб японское правительство решилось принять требования противника. Оно лишь добивалось того, чтобы прерогатива императора как носителя верховной власти не потерпела ущерба. Союзники пошли на это с оговоркой, что окончательная форма правления в Японии в соответствии с Потсдамскими решениями будет определена свободным волеизъявлением японского народа. После этого японцы 14 августа признали капитуляцию, которая была торжественно подписана 2 сентября на американском военном корабле.

Военные действия второй мировой войны закончились.

Заключение

Прошло шесть лет после окончания военных действий, но Вторая мировая война не закончилась ни формально, ни фактически. Из «горячей» войны она стала «холодной» с временными рецидивами пер вой. Уже тот факт, что оказалось необходимым найти новый термин для того состояния, которого до сих пор не знала история народов, доказывает, насколько мало победителям удалось принести миру мир, за который они сражались и который обещали. Главная вина в этом падает, конечно, на Советский Союз. Но значит ли это, что государственные деятели западных держав по этой причине ни в чем не виноваты? Разве трудно было предугадать, что так и будет? Разве ответственные государственные деятели Запада не были по крайней мере легковверны, когда пытались сверх военного союза добиться политической реорганизации мира рука об руку с державой, недвусмысленно показавшей еще в 1939 году, что она понимает под демократией и освобождением народов? Только трудно объяснимая близорукость могла привести к той обстановке, от которой сейчас страдает и еще неопределенно долго будет страдать весь мир.

Источники зла коренятся в давно минувших годах. Даже не прилагая особых усилий, можно проследить эти источники вплоть до Первой мировой войны. Война 1914-1918 гг. началась еще в классической форме государственно-политических противоречий старых европейских великих держав. В своей основе эта война с немецко-австрийской стороны носила оборонительный, консервативный характер и создавала впечатление агрессивной лишь благодаря политической неуклюжести. Движущими силами противоречий были: с английской стороны – традиционная политика поддержания равновесия сил в Европе, равновесия, казавшегося нарушенным в связи с усилением Германии; с французской стороны – веками проводившаяся борьба за первое место в Европе вместе с открыто признававшимся стремлением к реваншу за 1870/71 г., Россия же стремилась путем уничтожения Германии подорвать Дунайскую монархию, что должно было обеспечить русским господство в Юго-Восточной Европе. В конце 1916г. после первоначальных побед Германии создано равновесие сил, которое, как казалось, не давало ни одной из сторон перспектив на решающую победу на поле сражения. Это было правильно замечено германским правительством и нашло свое логическое выражение в декабре 1916г. в предложении германского кайзера о заключении перемирия. Война все еще была лишь европейским конфликтом, во всех государствах у власти стояли еще силы, которые могли пресечь разрушительные и разлагающие тенденции. Каждое из этих государств в отдельности, как и все европейское общество в целом, без всякого сомнения, выиграли бы, если бы немедленно прекратили войну, не только ведущую к усиливающемуся обнищанию и обескровливанию всех участвовавших в войне держав, но и освобождавшую такие силы, революционная взрывная мощь которых не поддавалась учету.

Решение западных держав продолжать войну с помощью американцев до полного поражения Германии и разгрома Дунайской монархии лишило Европу ее ведущего положения в мире. Принять это решение западным державам было тем легче, что немецкое мирное предложение лишилось своего эффекта из-за неясного отношения к бельгийскому вопросу. Но еще опаснее, чем призыв к окончательному решению спора силой оружия, было то, что ведущие государственные деятели Запада перенесли этот конфликт, носивший ранее лишь государственно-политический характер, в область идеологии. Тем самым они вступили на наклонную плоскость, по которой катятся и до сегодняшнего дня. Демагогическое натравливание народов друг на друга было движущей силой и нередко предлогом политики уничтожения и подавления противника. Государственно-политические и экономические цели находили удобное обоснование в «ответственности за развязывание войны», которая возлагалась на противника, внутривластное разложение стало обоюдострым средством борьбы. Применившие это оружие государства считали себя еще достаточно сильными и внутренне целостными, чтобы использовать его в лагере противника без вреда для себя. Немецкое верховное командование периода Первой мировой войны пошло по этому пути и

пропустило Ленина из Швейцарии через Германию в Россию. Западные державы не стеснялись почти никаких средств, чтобы добиться внутреннего разложения Германии и Дунайской монархии. Вместо того чтобы всеми силами и совместно искать эволюционный путь, по которому прежде всего Англия шла к своему благополучию в метрополии и во всей своей мировой империи уже сотни лет, западные державы только для того, чтобы выиграть войну и взвалить свои непомерно возросшие расходы на плечи разбитого противника, занесли факел революции в страны своих врагов и возвели на них несправедливое обвинение в нарушении морали. Отсюда они и черпали свое моральное право диктовать условия мира, истинные цели которого были едва прикрыты фиговым листком справедливого возмездия.

Версаль бросил в почву дурное семя. Из этого семени выросли все аргументы будущего немецкого диктатора, которые понадобились ему, чтобы своей демагогией увлечь за собой разочарованный немецкий народ.

Глубоко трагичен тот факт, что западные державы лишь под политическим нажимом, который умел оказывать Гитлер, признали за Германией ее право на национальное достоинство, в котором они ей в конце Первой мировой войны и в двадцатые годы отказывали совершенно или в значительной мере. Теперь было уже поздно. Демагогия вступила на свой победоносный путь, и не только в Германии. Она захватила все народы, получая мощную поддержку государственных деятелей. Конечно, после немецкой победы во Франции демагогия рас цвела в немецком народе самым пышным цветом. Немецкий народ был отравлен угаром непобедимости и умело внушенном ему правителями чувством расового превосходства, он попал в капкан безграничной веры в гений своего «фюрера». Из этого капкана основная масса народа так и не освободилась до своего горького конца. В то же время победа во Франции, по крайней мере подсознательно, создавала впечатление избавления от капризов истории, жертвой которых Германия являлась из-за своего центрального положения в Европе в течение веков, постоянно становясь мячом в руках европейской политики и полем сражения для великих держав. Освобождение от этих оков нашло свое выражение в столь умело выбранной для отравления сознания масс, хотя и столь же заносчивой формуле «тысячелетней империи».

На последующие события наложило свой отпечаток аморальное руководство немецким народом Гитлера, страдавшего манией величия, а также тот факт, что на Западе у кормила власти стояли два государственных деятеля, считавшие, что с демагогией Гитлера и «взрывной силой» японского народа можно справиться – наряду с длительным применением силы – тоже только путем демагогии. Рузвельт едва ли успел понять, а Черчилль понял лишь слишком поздно, когда он уже не играл решающей роли, что Советский Союз – это такой партнер, который должен был стать для западных держав столь же необходимым в военном отношении, сколь и опасным для их политических целей. Эта опасность обострилась, когда попытка немцев покорить Советский Союз окончательно провалилась, японцы были вынуждены обороняться, а Италия откололась от своих прежних союзников – то есть осенью 1943 г. К этому моменту, однако, свойственная идее крестового похода идеология, постоянно питаемая расистскими бреднями Гитлера, а также умелая политика Советского Союза, не остановившегося даже перед роспуском Коммунистического Интернационала, и, наконец, отчужденность Нового Света от Европы толкнули президента США на такой путь, с которого он уже не мог или не желал сойти. В 1918 г. Вильсону не удалось подготовить мир к демократии, чтобы таким путем достичь вечного мира. Тогда американцев постигло разочарование. Теперь американский президент хотел добиться этой цели в союзе со Сталиным. Трагическая вина Рузвельта в том, что он не отказался своевременно от этого противоестественного союза. Вместо этого он пошел по порочному пути «безоговорочной капитуляции», что было с его точки зрения единственным средством бескомпромиссного достижения одинаковых, как он считал, целей всех государств, участвовавших в войне против Германии и Японии. Так он стал могильщиком нового устойчивого мирового порядка. Наконец, демагогия привела людей, уверенных в своей непогрешимости и не понимавших, что фанатизм мешает им ясно видеть происходящее, к тому, чтобы устроить судилище, на котором они не только сделали себя судьями в своем собственном деле, но, не ограничиваясь преследованием истинных преступников, подвергли божьему суду и целые народы. В своей заносчивости они потерпели фиаско, как и те силы, которые они по праву подвергли разгрому. Они не пожелали понять, что плохи не народы сами по себе, что

народы могут быть направлены по ложному пути по своей или чужой вине, поклоняясь при этом фальшивым богам. Свергнуть этих фальшивых богов и освободить совращенные ими народы – такова та истинная задача, которую должны были бы поставить перед собой государственные деятели Запада.

Когда 150 лет тому назад мощная коалиция освободила Европу от диктатора, ввергавшего ее в течение 20 лет из одной войны в другую, нашлись разумные государственные деятели, не возложившие на французский народ ответственности за ложный путь, по которому он пошел. Они знали меру, потому что были единокорны в самом главном, и смогли принести миру столетний мир – мир, одаривший человечество невиданным расцветом культуры и цивилизации. Конечно, и этот мир был не свободен от недостатков, свойственных всему содеянному руками человеческими. Но демагогия, захлестывающая сейчас своим потоком государственных деятелей и народы, еще не получила тогда своего всеобъемлющего влияния на политику. Лишь когда человечеству удастся освободиться от этого страшного бича двадцатого века, оно вновь обретет покой.

Примечания

{1} Автор не может не знать, какую роль сыграли здесь русские армии: в 1917 г. на русско-германском фронте действовало свыше 200 русских дивизий, сковавших около 110 австро-германских дивизий. Даже после Октябрьской революции большое количество австро-германских войск было сковано на Востоке, в то время как в мае 1918 г. во Франции было всего девять американских дивизий, из которых только две находились на фронте и участвовали в сражении на реке Эна. – *Прим. ред.*

{2} Автор все схемы и карты, идущие в конце книги, именуется картами, а включенные в текст – схемами. Для удобства пользования книгой такое наименование, в ряде случаев неправильное, сохранено при переводе. – *Прим. ред.*

{3} Теперь г. Нидзица (Польша). – *Прим. ред.*

{4} Польские армии по своей численности были равны скорее немецким корпусам.

{5} Как известно, расследованием так называемого Катынского дела было неопровержимо установлено, что массовые расстрелы польских военнопленных производились немецко-фашистскими захватчиками (см. «Нюрнбергский процесс», сборник материалов, т. I. М., 1952. стр. 402 – 492). – *Прим. ред.*

{6} В 1917 г. англичане поставили у немецких баз около 15 тыс. мин, предназначенных специально для борьбы с подводными лодками. В мае 1918 г. было поставлено минное заграждение между Шетландскими островами и берегами Норвегии (около 70 тыс. различных мин). Всего в 1917 – 1918 гг. Германия потеряла 153 подводные лодки, из них 68 были уничтожены минами и глубинными бомбами. – *Прим. ред.*

{7} Гитлер, посетивший 24 мая штаб-квартиру Рундштедта в Шарлевиле, заявил, что его целью является заключение временного мира с Англией. Приказ Гитлера о задержке танков Гудериана на рубеже канала Аа вытекал из стремления фашистской клики дать английским правящим кругам козыри для соглашения с фашистской Германией, так как последняя в то время уже начала готовить нападение на СССР. – *Прим. ред.*

{8} Хорошо известно, что принесла гитлеровская оккупация французскому народу – об этом еще на Нюрнбергском процессе говорил главный обвинитель от Франции де Ментон. Показательно, что сами французы с возмущением пишут об этом месте книги Типпельскирха. Так, автор рецензии, помещенной в журнале «Revue d'histoire de la deuxième guerre mondiale» за апрель 1956 г., резко осуждает попытку Типпельскирха отделить немецкого солдата от нацизма и замечает, что Типпельскирх, видимо, просто недостаточно знаком с действительным положением вещей. – *Прим. ред.*

{9} И. Бальбо (1896-1940 гг.) – итальянский маршал, занимал ряд высоких военных и государственных постов. С 1929 по 1933 г. был министром авиации. – *Прим. ред.*

{10} Это произошло не 20 июля, как ошибочно указывает Типпельскирх, а 21 июля 1940 г. – *Прим. ред.*

{11} Сенуситы – члены мусульманского религиозно-политического ордена в Северной

Африке, созданного в середине XIX века, вели борьбу с проникновением европейцев в Африку - *Прим. ред.*

{12} Cash-and-carry system (*англ.*) - буквально; система «плати наличными (за товар) и сам вези». – *Прим. ред.*

{13} Каждая югославская армия состояла лишь из нескольких дивизий, то есть представляла собой скорее армейский корпус.

{14} Черчилль в своих мемуарах «Вторая мировая война» пишет, что «помимо нескольких авиаэскадрилий, посылки британской миссии и, возможно, нескольких символических воинских частей, мы ничего не могли предложить грекам». Факты же говорят о другом. В Грецию из Египта были переброшены 6-я и 7-я австралийские и 2-я новозеландская дивизии, 1-я бронеполк, артиллерийские и другие части, всего около 50 тыс. человек, 150 танков и 190 самолетов, составлявших большую и лучшую часть всех британских сил в Египте. – *Прим. ред.*

{15} Южные Спорады (Додеканес) – группа островов в Эгейском море, близ юго-западного побережья Турции. Вскоре после греко-турецкой войны 1919 – 1922 гг. Италия аннексировала Южные Спорады, денонсировав соглашение с Грецией от 10 августа 1920 г., во которому Италия отказывалась от всех прав на эти острова, кроме Родоса. По Парижскому мирному договору с Италией, заключенному в 1947 г... Южные Спорады отошли к Греции. – *Прим. ред.*

{16} Это утверждение Типпельскирха не соответствует действительности. 16 мая 1941 г. Черчилль писал премьер-министру Южно-Африканского Союза Сметсу: «Гитлер сосредоточивает свои силы против России. Идет непрерывная переброска войск, танковых сил и авиации на север с Балкан и на восток из Франции и Германии. Я лично полагаю, что наилучшим шансом для него является нападение на Украину и Кавказ; это обеспечило бы ему хлеб и нефть». – *Прим. ред.*

{17} Штатная численность каждого воздушного флота ВВС Германии составляла около 1 тыс. боевых машин. – *Прим. ред.*

{18} Начальник генерального штаба финской армии генерал-лейтенант Гейнрихс приехал в Германию первый раз в декабре 1940 г. Во время этого визита он совещался с начальником генерального штаба сухопутных сил и сделал доклад для офицеров – работников генерального штаба сухопутных сил о русско-финской войне. Во время следующего визита Гейнрихс, которого сопровождал начальник оперативного отдела генерального штаба финской армии полковник Топола, договорился с главным командованием сухопутных сил о координации действий группы армий «Север» и южной группировки финских войск в соответствии с «планом Барбаросса». Этот второй визит бывший начальник штаба немецких войск в Норвегии генерал пехоты Бушенгаген датирует 25 мая 1941 г. (см. «Нюрнбергский процесс», сборник материалов, т. 1, М., 1952, стр.378). – *Прим. ред.*

{19} Имеется в виду Трианонский мирный договор с Венгрией стран-победительниц в первой мировой войне, подписанный венгерской делегацией в Париже 4 июня 1920 г. Договор устанавливал предельную численность венгерской армии в 35 тыс. человек. Венгрии разрешалось иметь лишь наемную армию без авиации и танков и тяжелой артиллерии. Ввоз в страну оружия, снаряжения и всякого рода военных материалов запрещался. Весь бывший австро-венгерский военный флот подлежал передаче странам-победительницам или уничтожению. Для контроля за выполнением военных положений Трианонского мирного договора создавались межсоюзные комиссии. – *Прим. ред.*

{20} Приведенные автором численность Советской Армии, и организация бронетанковых войск не соответствуют действительности. К началу войны в Советской Армии были механизированные корпуса как средство для развития успеха общевойсковых соединений и для самостоятельных действий, а также танковые и моторизованные дивизии. – *Прим. ред.*

{21} В подлиннике так: «В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия». – *Прим. ред.*

{22} В подлиннике следует: «...в нашей Отечественной войне с германским фашизмом» – *Прим. ред.*

{23} Такое заявление о якобы «вынужденном» вступлении Финляндии в войну против

СССР ни соответствует действительности. Факты – некоторые из них приводит сам Типпельскирх – свидетельствуют о сговоре финских правителей с Гитлером и о тщательной подготовке нападения на СССР. С этой целью германское верховное командование (ОКВ) поддерживало постоянный контакт с финским генеральным штабом через своих специальных представителей, неоднократно происходили встречи руководителей германских и финских вооруженных сил. Бывший генерал пехоты германской армии Бушенгаген, который перед войной занимал пост начальника штаба немецких войск в Норвегии и по поручению ОКВ непосредственно вел переговоры с финским командованием, выступая в качестве свидетеля на Нюрнбергском процессе, заявил: «Общее соглашение, которое было достигнуто между германским верховным командованием и финским генеральным штабом, предусматривало с самого начала участие финской армии и использование германских войск на этих территориях Финляндии для того, чтобы осуществить захватническую войну в отношении СССР. В этом не могло быть никакого сомнения...» («Нюрнбергский процесс», сборник материалов, т. 1, М., 1952, стр. 378). – *Прим. ред.*

{24} В результате контрнаступления войск Южного фронта под Ростовом потери немецко-фашистских войск составили более 20 тыс. убитыми и ранеными, 275 танков, 359 орудий, 400 пулеметов, 111 минометов. Советские войска захватили также и другие многочисленные трофеи. Это контрнаступление помешало врагу вторгнуться в 1941 г. на Северный Кавказ и облегчило в дальнейшем контрнаступление под Москвой. – *Прим. ред.*

{25} Бирманская дорога (точнее Китанско-Бирманская автодорога) – автомобильная дорога Лашио – Куньмин, строительство которой было завершено в 1939 г. – *Прим. ред.*

{26} Автор допускает неточность. Выплавка стали в США в 1940 г. составляла 60 765 тыс. т, а в Японии 6856 тыс. т. См. «Производство важнейших товаров в капиталистических странах за 1937, 1940, 1950 – 1954 гг. (статистический справочник)», Внешторгиздат, М., 1955, стр. 39. – *Прим. ред.*

{27} 8 декабря на Гавайских островах в западной части Тихого океана соответствует 7 декабря в Токио, так как между этими пунктами проходит международная граница перемены дат.

{28} Эти корабли были потоплены не одноместными, как ошибочно пишет Типпельскирх, а двухместными подводными средствами, представлявшими управляемые людьми торпеды. Такие торпеды, снабженные аккумуляторными батареями, имели длину около 6 м, радиус действия 10 миль и развивали скорость примерно 2 узла. Отделявшийся от торпеды боевой заряд со взрывателем замедленного действия прикреплялся к корпусу корабля одетыми в легкие водолазные костюмы членами экипажа, которые после этого вплавь добирались до берега. Оставшаяся часть торпеды погружалась на дно и через некоторое время уничтожалась самоликвидатором. (См. United States Naval Institute Proceedings, 1956, No. 2, p. 125 – 135). – *Прим. ред.*

{29} Таковую же «немыслимую по западным понятиям систему репрессирования родственников» применили и сами немцы в 1945 году. – *Прим. Ноахер.*

{30} Очевидно, речь идет о действиях кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова, который после Московской битвы в течение пяти месяцев (январь – май 1942 г.) совершал смелый рейд по тылам врага. – *Прим. ред.*

{31} Это поражение англичан в Киренаике, в результате которого они потеряли около 80 тыс. человек, известно как «катастрофа под Найтсбриджем» по названию главного опорного пункта английской обороны южнее Акромы. – *Прим. ред.*

{32} Известна под названием тактики «волчьей стаи». – *Прим. ред.*

{33} Имеется в виду разгром Наполеоном I прусско-саксонской армии в результате сражения под Иеной и Ауэрштедтом 14 октября 1806 г. – *Прим. ред.*

{34} Автор называет полками бригады. – *Прим. ред.*

{35} Утверждение автора о «почти полной» согласованности действий союзников в коалиционной войне не соответствует действительности. В мемуарах У. Черчилля «Вторая мировая война», в книге американских авторов М. Мэтлоффа и Э. Снелла «Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941 – 1942 гг.» и в целом ряде других зарубежных источников указывается на серьезные разногласия между союзниками, например в оценке

важности театров военных действий и направления главных усилий вооруженных сил, по вопросу о верховном командовании, о месте и времени открытия второго фронта и т. д. – *Прим. ред.*

{36} Заявление автора, что высадка союзниками десанта в Северной Африке зимой 1942 г. явилась открытием второго фронта, сделано в угоду англо-американским империалистами в первую очередь У. Черчиллю, всячески срывававшему открытие второго фронта в Европе, который в то время действительно мог бы облегчить борьбу советских войск с германским фашизмом.

В Северной Африке против англо-американских войск действовали ничтожные силы противника – всего пять немецких и три итальянские дивизии, в то время как Советские Вооруженные Силы должны были вести борьбу один на один с мощной коалицией фашистских государств во главе с гитлеровской Германией, имевших на советско-германском фронте около 270 дивизий. 21 сентября 1943 года У. Черчилль, выступая в палате общин по вопросу второго фронта, на открытии которого упорно настаивали рабочие и прогрессивные деятели Англии, цинично заявил: «Я называю фронт, который мы открыли сначала в Африке, затем в Сицилии, а теперь в Италии, третьим фронтом. Второй фронт, который уже существует потенциально и который быстро разворачивается, еще не открыт. Никто не может сказать, и я, конечно, не собираюсь этого делать, в какой именно момент он будет открыт». – *Прим. ред.*

{37} Ставка Гитлера в Восточной Пруссии – *Прим. ред.*

Ставка Гитлера в Восточной Пруссии (близ Растенбурга) называлась *Volfschanze* – волчья логова. *Schanze* также и «окоп» (отсюда «шанцевый инструмент»), но разве волки роют окопы? – *Прим. Ноахер.*

{38} Войска Западного и Брянского фронтов перешли в наступление на орловском направлении 12 июля, а не 11 июля, как ошибочно указывает автор. – *Прим. ред.*

{39} В дальнейшем автор иногда называет это объединение группой армий «Юго-Запад». – *Прим. ред.*

{40} Организация Тодта – полувоенная организация, созданная гитлеровцами в оккупированных областях для использования принудительного труда местного населения. – *Прим. ред.*

{41} Дата указана неверно. Советский Союз присоединился к принципам Атлантической хартии 24 сентября 1941 г., указав, что их «практическое применение... неизбежно должно будет сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны». После вступления США в войну 26 государств, разделявших принципы Атлантической хартии и получивших в дальнейшем название «Объединенные нации», подписали 1 января 1942 г. в Вашингтоне так называемую Декларацию двадцати шести государств. О необходимости учреждения международной организации для поддержания международного мира и безопасности было также заявлено в Московской декларации четырех государств по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 г. и в ряде других документов. – *Прим. ред.*

{42} Официально этот орган назывался объединенным комитетом начальников штабов союзников. – *Прим. ред.*

{43} Пытаясь оправдать преступления гитлеровцев в Италии, Типпельскирх одновременно стремится умалить значение партизанской борьбы в этой стране, где она приняла исключительно широкий размах. По инициативе итальянской компартии в октябре 1943 г. на севере Италии были созданы Гарибальдийские бригады, ставшие ядром образованного летом 1944 г. Корпуса добровольцев свободы. К этому времени партизанская армия насчитывала уже 100 тыс. человек и контролировала обширные районы в тылу врага. Эти силы сопротивления сыграли большую роль в окончательном изгнании из Италии немецко-фашистских войск в апреле 1945 г. – *Прим. ред.*

{44} То есть не имевшие собственных средств передвижения. – *Прим. ред.*

{45} По другим источникам, 15-я армия имела 18 дивизий, а 7-я-14, из них 12 занимали оборону на побережье и 2 находились в армейском резерве. – *Прим. ред.*

{46} Дувр – населенный пункт в департаменте Кальвадос, к северу от Кана. – *Прим. ред.*

{47} Имеется в виду сухопутная армия рейхсвера, численность которой по Версальскому

мирному договору была определена в 100 тыс. человек, включая 4 тыс. офицеров. – *Прим. ред.*

{48} 9 июня 1944 г. за день до наступления на Карельском перешейке советская артиллерия, авиация, а также корабли Балтийского флота обрушили мощный удар на вражескую оборону. Противник понес большие потери и в дальнейшем не смог оказать организованного сопротивления в главной полосе обороны, которая к исходу второго дня была прорвана на 40-километровом фронте. – *Прим. ред.*

{50} Оборонительный рубеж по линии озер Балатон и Веленце носил название «Маргарита». – *Прим. ред.*

{51} Контрнаступление немецких войск в Арденнах началось 16 декабря 1944 г. – *Прим. ред.*

{52} «Воззвание к моему народу» – воззвание прусского короля Фридриха-Вильгельма II от 17 марта 1813 г., в котором он призывал немцев выступить против наполеоновских войск. – *Прим. ред.*

{53} В 1807 г. Кольберг был осажден наполеоновскими войсками и долгое время успешно оборонялся. Защитой города руководили Неттельбек и Гнейзенау. – *Прим. ред.*

{54} ЛОм де Курбьер – прусский генерал родом из Голландии, защитник Грауденца а 1807 г. – *Прим. ред.*

{55} Ульрих фон Гуттен – немецкий гуманист и политический деятель, один из руководителей рыцарского восстания 1522-1523 гг.; Клаузевиц, Шарнгорст, Кернер, Ян – активные участники борьбы против Наполеона; Шлагетер – один из руководителей борьбы в Руре против французов в начале тридцатых годов. – *Прим. ред.*

{56} Имеется в виду «протекторат Чехия и Моравия». – *Прим. ред.*

{57} Линкор «Ямато» имел водоизмещение 46 тыс. т. – *Прим. ред.*

Список карт и схем

Карта 1. Польская кампания.

Карта 2. Западно-Европейский театр военных действий. Положение на 10-16 мая 1940

г.

Карта 3. Средиземноморский театр военных действий .

Карта 4. Кампания в России 1941 г. (228)

Карта 5. Тихоокеанский театр военных действий (286)

Карта 6. Выход русских войск к Карпатам (477)

Карта 7. Вторжение во Францию в 1944 г. (521)

Карта 8. Занятие Венгрии русскими войсками. (633)

Карта 9. Военные действия на территории Германии (657)

Карта 10. Прорыв русских на Висле (682)

Схема 1. Атлантический океан (67)

Схема 2. Русско-финская война 1939-1940 гг. (70)

Схема 3. Кампания в Норвегии 1940 г. (83)

Схема 4. Западная кампания 1940 г. Положение на 20 мая 1940 г. (112)

Схема 5. Западная кампания 1940 г. Положение на 27 мая 1940 г. (117)

Схема 6. Западная кампания 1940 г. (битва за Францию). (121)

Схема 7. Пролив Ла-Манш. (139)

Схема 8. Итало-греческая война. (163)

Схема 9. Поражение итальянцев в Северной Африке в декабре 1940 г. (175)

Схема 10. Боевые действия в итальянской Восточной Африке. (181)

Схема 11. Первое наступление Роммеля (апрель 1940 г.) . (184)

Схема 12. Балканская кампания 1941 г. (Югославия). (201)

Схема 13. Балканская кампания 1941 г. (Захват Греции). (203)

Схема 14. Захват острова Крит. (211)

Схема 15. Котел в районе Умани (1941 г.). (249)

Схема 16. Финский фронт. (258)

Схема 17. Котел под Киевом. (265)

- Схема 18. Брянск, Вязьма, Москва. (272)
 Схема 19. Контрнаступление русских зимой 1941/42 г. (276)
 Схема 20. Захват Филиппинских островов японцами. (291)
 Схема 21. Юго-Западная Азия. (292)
 Схема 22. Сингапур. (293)
 Схема 23. Захват Бирмы японцами. (296)
 Схема 24. Наступление английских войск в Северной Африке в ноябре 1941 г. (303)
 Схема 25. Керчь и Севастополь. (314)
 Схема 26. Боевые действия под Харьковом в 1942 г. (315)
 Схема 27. Выход немецких войск к Кавказу и Волге. (318)
 Схема 28. Прорыв немецких войск к Тобруку в июне 1942 г. (330)
 Схема 29. Действия немецких войск под Эль-Аламейном. (339)
 Схема 30. Прорывы русских на Дону в ноябре и декабре 1942 г. (350)
 Схема 31. Сталинград. (357)
 Схема 32. Боевые действия на юге России (январь – март 1943 г.). (360)
 Схема 33. Военные действия в Тунисе. (386)
 Схема 34. Направление основных ударов англичан и американцев. (398)
 Схема 35. Высадка в Италии в сентябре 1943 г. (416)
 Схема 36. Курск и Орел (июль 1943 г.). (422)
 Схема 37. Выход русских войск к Днепру (июль – сентябрь 1943 г.). (427)
 Схема 38. Борьба за Днепр (октябрь – декабрь 1943 г.). (437)
 Схема 39. Оборона немецких войск юго-восточнее Рима. (457)
 Схема 40. Кассино и Неттуния. (469)
 Схема 41. Удар русских войск с выходом в Прибалтику (январь – март 1944 г.) (491)
 Схема 42. Захват Рима и борьба за Апеннины. (503)
 Схема 43. Высадка в Южной Франции (575)
 Схема 44. Преследование союзниками немецких войск на Западе до германской границы. (577)
 Схема 45. Арнем. (584)
 Схема 46. Наступательные операции русских между Балтийским морем и Карпатами летом 1944 г. (593)
 Схема 47. Удар русских войск на Бухарест. (623)
 Схема 48. Завершающий этап боевых действий в Курляндии. (629)
 Схема 49. Вторжение в Восточную Пруссию (630)
 Схема 50. Борьба за устье Шельды. (658)
 Схема 51. Борьба за Эльзас-Лотарингию. (664)
 Схема 52. Наступление немецких войск в Арденнах. (673)
 Схема 53. Борьба за Филиппины зимой 1944/45 г. (752)
 Схема 54. Отвоевание Бирмы англичанами (760)

Список литературы

- Aihmann E, Deutsche Schicksalsjahre, Wiesbaden, 1950
 Andouin–Dubreuil L, La Guerre en Tunisie (Nov 1942 bis Mai 1943), Paris, 1945
 Badoglio P, L'Italie dans la Guerre Mondiale, Paris, 1946
 Baumbach W, Zu spat? Aufstieg und Untergang der deutsche Luftwaffe, Munchen, 1950
 Blumentritt G, Operation «Sealion», *An Cosantoir The Insh Defense Journal*, January 1949; The Battle of N.-W. Germany, *An Cosantoir The Insh Defense Journal*, Marz 1949
 Bor P, Gespräche mit Halder, Wiesbaden 1950
 Cavallero, Comando Supremo, Diario 1940-1943 del Capo di S.M.G.Rocca S., Casciano, 1948
 Churchill W S, Der Zweite Weltkrieg (B.1, Der Sturm zieht auf, Hamburg, 1949; B.2, Englands gro?te Stunde, Hamburg, 1950; B.3, The Grand Alliance, London, 1950)
 Ciano, Tagebucher 1939-1943, Bern, 1947
 Creswell J, Sea Warfare 1939-1945, London, 1950

- Eisenhower D D, Invasion, General Eisenhowers eigener Kriegsbericht, Hamburg, 1949,
Kreuzzug in Europa, Amsterdam, 1948
Erfurth W, Der Finnische Krieg, Wiesbaden, 1950
Esebeck H G, Afrikanische Schicksalsjahre, Geschichte des deutschen Afrikakorps unter
Rommel, Wiesbaden, 1949
Fuller J.F.C., The Second World War, London, 1948
Geyr von Schweppenburg, A Modern Anabasis, *An Cosantoir The Irish Defense Journal*,
Dezember 1949/Januar 1950
Gorlitz W, Der Deutsche Generalstab, Geschichte und Gestalt, Frankfurt, 1950
Guderian H, Erinnerungen eines Soldaten, Heidelberg, 1951
Guillaume A, Pourquoi l'Armee Rouge a vaincu, Paris, 1948, La Guerre Germano-Sovietique,
Paris, 1949
Halder F, Hitler als Feldherr, Munchen, 1949
Heusmger A, Befehl im Widerstreit, Tübingen, 1950
James W. M., The British Navies in the Second World War, London, 1946.
Kleist P., Zwischen Hitler und Stalin 1939-1945, Bonn, 1950.
Kordt E., Wahn und Wirklichkeit, Stuttgart, 1947.
Liddell Hart B. H., Why don't we learn from History? London, 1944; Jetzt dürfen sie reden.
Hitlers Generale berichten, Stuttgart-Hamburg, 1950.
Loßberg B., Im Wehrmachtsführungsstab, Hamburg, 1949.
Mendelssohn P., Die Numberger Dokumente, Studien zur deutschen Kriegspolitik 1937-1945,
Hamburg, 1946.
Militärwissenschaftliche Rundschau, Herausgegeben vom Oberkommando der Wehrmacht,
Kriegsjahrgänge 1940-1943.
Montgomery, Von Alamein zum Sangro, Von der Normandie zur Ostsee, Hamburg, 1949.
Moos H., Das Große Weltgeschehen, B. I-IV, Bern, 1940-1946.
Ploetz, Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Bielefeld, 1951.
Prozeß, der... gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Gerichtshof Nürnberg,
Deutsche Ausgabe, B. I-XLII, Nürnberg, 1949.
Rieckhoff H. J., Trumpf oder Bluff?, 12 Jahre deutsche Luftwaffe, Genf, 1945.
Rintelen E., Mussolini als Bundesgenosse, Tübingen, 1951.
Roatta M., Otte Milioni di Baionette, L'Esercito Italiano in Guerra dal 1940 all 944, Verona,
1946.
Rommel E., Krieg ohne Haß, Heidenheim, 1950.
Rothfels H., Die deutsche Opposition gegen Hitler, Krefeld, 1949.
Ruge R., Rommel and the Normandy Invasion, *An Cosantoir, The Irish Defense Journal*, Mai
1950.
Schmidt P., Statist auf diplomatischer Bühne 1923-1945, Bonn, 1949.
Schultz J., Die letzten 30 Tage, Stuttgart, 1951.
Schumacher E., Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Zürich, 1946.
Selle H., Germans cross the Don – 1942, *An Cosantoir. The Irish Defense Journal*, Mai 1950.
Senger U., Etterlin F., Reflections on the Cassino Battles, *An Cosantoir. The Irish Defense
Journal*, Februar 1949; The Sicilian Campaign 1943, *An Cosantoir. The Irish Defense Journal*,
Juni/Juli 1950.
Shulman M., Die Niederlage im Westen, Gutersloh, 1949.
Speidel H., Invasion 1944, Tübingen und Stuttgart, 1949.
Student K., Amheim – from the other side. *An Cosantoir. The Irish Defense Journal*, August
1949.
Stegemann W, Der neue Weltkrieg, B. I-V, 1939-1944, Zürich, 1942-1945.
Thorwald J., Es begann an der Weichsel, Stuttgart, 1950; Das Ende an der Elbe, Stuttgart, 1950.
Toepke G, Stalingrad, wie es wirklich war, Stade, 1949.
Vinde V, Eine Großmacht fällt (En Stormakts Fall), перевод со шведского, Zürich, 1942.
Weygang, Memoires, Rappelle au Service, Pans, 1950.
Westphal S., Heer in Fessein, Bonn, 1950.

Young D., Rommel, Wiesbaden, 1950.